"Искра (СИ)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Искра. Цикл: Триумф любви

Посвящение:

Всем, кто остался нам верен. Для тех, кто знает, как больно любить. Любить….и прощать….

Примечания автора:

Очень подходи к этому произведению песня Витаса "Я больше всех тебе не верю…"

Мне легче наверно добраться до звёзд,

Пройти сквозь туман, и бурю, и дождь,

Чем преодолеть всего несколько вёрст

До дома, где ты меня ждёшь и не ждёшь..

Мне легче поверить в другую любовь,

И с нею прожить сотни дней и ночей,

Чем видеть тебя, погибать вновь и вновь,

И вновь понимать, что тебя нет родней!

Припев:

Я больше всех тебе не верю,

И больше всех тебя люблю,

Но не могу с тобой не расставаться..

Я больше всех тебе не верю,

И больше всех тебя люблю,

Но не могу к тебе не возвращаться..

Глаза закрываю, и вижу опять

Как ты умаляешь меня о любви

И просишь тебя никогда не бросать

Но в жизни ты скажешь: «Уходишь — иди..»

Свободная птица не станет ручной,

Не будет послушной ни с кем, ни за что,

mir-knigi.org

Но если полюбит, то всею душой..

Любить так как ты не умеет никто!

Пролог

Морская Цитадель была ключом к водному пути Северного королевства. Так уж пошутила природа, но береговая линия страны состояла сплошь из отвесных скал. Маленькие заливчики у подножия гранитных монолитов невозможно было использовать в качестве настоящих стоянок для больших кораблей. Единственный морской порт молодого королевства располагался в глубине материка. Туда можно было попасть только по реке, что разрезала пополам огромный континент, всего-то пять веков назад завоеванный хлынувшими из-за северных гор воинственными кочевыми варварами.

Оценив богатство раскинувшейся перед ними земли и трудолюбие ее мирных жителей, захватчики не стали понапрасну жечь все вокруг, а осели на захваченном, формируя десяток молодых и крайне воинственных владений. В мире, где продолжительность жизни составляла в среднем двести-триста лет, а многие доживали и до пятисот, после того едва успело смениться пара поколений. Но за столь недолгое время часть первоначальных владений или погибли, или распались, или же слились в новых границах. Таким было и самое крупное на материке королевство Хилдон, занимавшее самую завидную его часть, богатую как равниной, так и лесами, горами и морским побережьем. Многие облизывались на столь лакомый кусок, да только боялись подступиться. Короли-воины, правившие этими землями, собирали их огнем, мечом и договорными браками. Впрочем, их соседи ничем от них не отличались. Время было такое — не зевай, а то сожрут.

Так что бурлящий котел смут и страстей до сих пор не успокоился, будоража молодое королевство в окружении не менее агрессивных соседей то и дело вспыхивающими мятежами и кровавыми набегами. И если в центральных провинциях безраздельно правил король, то периферия принадлежала Великим Лордам, что лишь формально подчинялись монарху, входя в его Совет. Власть Лордов в собственных владениях была ничуть не меньше королевской, а уж богатствами многие из них даже превосходили собственного повелителя.

Одним из таких ленных, полунезависимых владений была Морская Цитадель, что запирала устье единственной судоходной реки материка. Весь поток грузов из-за океана в сторону далекой столицы шел мимо Цитадели. Ее катапульты надежно перекрывали неширокий в этом месте пролив. Лорды морской крепости были владыками торгового пути. Именно в их руках вот уже более пяти веков хранились ключи от золотых сундуков королевства. И все короли, когда-либо восседавшие на высоком престоле в Радужной палате, видели в мечтах это место своим. Но Морская Цитадель была неприступна. Ее стены, мощные бастионы и башни вырастали из самой толщи синевато-черных гранитных скал, у подножия которых гремел вечный прибой, терпеливо обтачивая острые клыки прибрежных рифов.

Крепость, выстроенная с умом, словно парила над окрестностями. Днем на высоком шпиле главной башни трепетало знамя цвета морской волны с золотым дельфином; ночью зеленый огонь приветливо светил кораблям с вершины маяка. Именно в крепости торговые корабли брали лоцманов, ибо без опытных проводников нечего было соваться в коварный пролив. Труд лоцмана оплачивался очень высоко, но еще больший процент получал Лорд крепости.

Но все же главным кормильцем для жителей Цитадели был Великий Океан.

…Вечный, бессмертный, дарующий как жизнь, так и смерть, он был добр к своим детям.

— Мы рождаемся с солью в крови, — не раз говорил граф Вориндо своему младшему сыну. — В наших жилах часть Океана. Его немолчный рокот всегда в нашем сердце.

И это было правдой. Жители Цитадели считали позором для себя быть похороненными в земле. Они уходили в морскую глубину, чтобы, растворившись в ней, стать волнами и хранить покой родины.

Океан давал пищу, одежду, защиту и богатство. Наземные владения крепости выглядели диким нагромождением скал, где практически не было пахотной земли, и только дикие козы могли жить здесь привольно. Правда скалы эти были богаты серебром и жадеитом, что позволяло лордам крепости богатеть еще больше. Но основной промысел всегда велся в море. Именно оно давало рыбу, моллюсков, перламутр, морского зверя с его мягким мехом и тонкой, но такой прочной кожей. Из нитей наскальных улиток ткали драгоценный радужный шелк, тяжелый и струящийся как вода. На отмелях и в подводных пещерах добывали жемчуг и кораллы. Из водорослей делали веревки, корзины, циновки, парусину. Из особого сорта, выращиваемого на специальных плантациях, производили муку для рассыпчатых, сытных хлебцев. Из водорослей делали многое, в том числе и лекарства, сладости, даже горячительные напитки. И все это доставалось нелегким трудом. Океан не любил ленивых. Но тот, кто работал не покладая рук, всегда жил в достатке. На материке крепость закупала лишь немногие предметы роскоши, в основном производя на продажу свое.

Здесь жили смелые, открытые люди, привыкшие лицом к лицу встречать любой шторм, гордые и немногословные. Цитадель славилась своими моряками, ювелирами и морскими охотниками. И все они были воинами с самого рождения. Ибо блеск золота испокон веков привлекал многочисленных недругов. И потому-то на стенах и бастионах крепости ни днем, ни ночью не смыкала глаз стража, а катапульты всегда были готовы к бою. Все было так, словно враг уже подступил к Цитадели. И сколько себя Рэни помнил — это всегда было законом, еще со времен первых Лордов.

Первое, чему учили всех детей в крепости — это плавать и владеть оружием. И сын лорда не был исключением. С самого детства его главной игрушкой был арбалет: вначале маленький, слабосильный. Затем, когда мальчик чуть подрос, легкий, но смертоносный. Отец сам учил его стрелять и владеть длинным морским ножом. Лорд любил его. Хотя в глазах света Рэниари не имел никаких прав на его внимание, поскольку был незаконнорожденным ребенком. Но Цитадель всегда жила по своим законам. В жилах Рэни текла кровь властителей края. И в глазах людей он был сыном Гвиура и никем иным.

Однако были и те, кто с этим не соглашался.

Асин, законный супруг Гвиура, и его сын, старший брат Рэни, относились к мальчику со снисходительной брезгливостью. Асин происходил из рода Лордов Крепости Круглого Холма. Его судьба, как и судьба его мужа, была решена еще при их рождении.

Владения Крепости Круглого Холма простирались на запад от владений морских Лордов. Уже никто и не помнил, как и почему пролилась первая кровь, и кто был виновен в этом. Но на протяжении четырех веков между владениями не прекращалась война. Она длилась и длилась, то затухая, то вспыхивая вновь, пока во главе своих кланов не встали два умных и проницательных человека. И они решили прекратить старую вражду, поженив своих детей. Так Асин стал супругом Гвиура. В мире, где маги могли создавать родовые коконы, мужская беременность не была чем-то удивительным.

Давно прошли времена, когда браки ради потомства заключались меж лицами только

противоположного пола. После открытия родовых коконов, представляющих из себя сложнейшие магические потоки вокруг развивающегося ребенка, было без разницы, куда помещать такой кокон, в мужчину или женщину. Магическая колыбель принимала в себя семя одного из партнеров и использовала тело другого для создания и дальнейшего развития плода. Причем, ребенок в таком коконе был защищен абсолютно от всего, а сама беременность протекала легко и спокойно. В последнее время даже женщины все чаще стали использовать родовые коконы, предохраняясь от выкидышей. Другое дело, что и рожали женщины легче, в отличие от мужчин, чьи тела не были предназначены природой для подобных дел. В последнем случае требовались усилия дорогостоящих магов-целителей, чтобы провести будущего отца через роды, сохранив жизнь и ему и ребенку, так что стоило это удовольствие недешево, но если не было иной возможности получить потомство, то к нему прибегали довольно часто. Например, в случае, если в семьях, связанных политическим браком, не оставалось женщин, или если двое действительно любили друг друга и страстно мечтали о наследниках. А так как у Асина не было сестер, то пришлось ему выносить и родить ребенка для морского лорда.

Давно уже не было на свете старых лордов. Круглым Холмом правил старший брат Асина — лорд Ковур. Но два владения уже почти тридцать лет жили в мире, связанные между собой узами дружбы и родства. Хотя союз Асина и Гвиура был чисто политическим. Между супругами не было тепла, только одна привычка. Гвиур, получив наследника, больше не входил к мужу, хотя тот не раз намекал на то, что одного сына мало. В конце концов, Асин успокоился. Родив долгожданного наследника, он выполнил свой долг перед обеими семьями. И потому не оскорбился, когда Гвиур завел себе женщину на стороне.

… Рэниари никогда не видел своей матери, лишь со слов чужих людей составив ее портрет. Диза была самой отважной ныряльщицей во всем владении. Она доставала жемчуг и кораллы из самого сердца Океана, наслаждаясь безмолвным парением над бездной. В отличие от яркого красавца Асина Диза не была красива. Ловцы жемчуга не бывают прекрасными в глазах тех, кто родился на суше. Это маленькие, сухощавые, хрупкие на вид люди. С широкой грудной клеткой, и загорелые до черноты.

Чем эта невзрачная смуглянка, больше похожая на подростка, могла пленить такого мужчину, как лорд Гвиур, никто не мог объяснить. Может, огромными, смеющимися глазами цвета самого Океана, пронизанного солнцем? Или своей веселой отвагой? А может, любящим сердцем? Как бы то ни было, а в положенный срок и без всякой магии на свет появился Рэни. И соленые брызги прибоя окропили сморщенное тельце новорожденного, открывая ему дорогу в новую жизнь.

Океан дал, но Океан и взял жизнь.

Худенькая, тоненькая Диза не пережила родов. Гвиур едва не обезумел, потеряв любимую. Он сам отдал ее тело волне. Сам принес новорожденного сына в крепость. И сам в дальнейшем занимался его воспитанием.

И что было более всего удивительно — господин Асин, надменный и прекрасный, чья яркая, неземная красота сводила с ума столичную аристократию, с неожиданной покорностью принял чужого ребенка. И заботился о малыше, как мог. В отличие от супруга, что учил сына сражаться, Асин учил пасынка правильно одеваться, танцевать, играть на флейте и вести хозяйство. Он давал мальчику то, что необходимо было знать сыну Лорда, предназначенному в младшие мужья. Гвиур не возражал, прекрасно понимая, что ЭТОМУ сыну никогда не стать его наследником.

mir-knigi.org

Лишь повзрослев, Рэниари понял, чем была вызвана подобная терпимость отчима. Асин надеялся, что замужество сводного брата принесет его сыну Руину полезный союз с каким-либо крупным лордом. Именно поэтому он смотрел на пасынка как на дорогую и полезную вещь. К тому же внешность Рэниари позволяла надеяться на весьма выгодный брак. Мальчик унаследовал внешнюю хрупкость матери и ее огромные аквамариновые глаза с золотыми искорками смеха.

…Во всей Цитадели, кроме отца, у Рэниари был только один по-настоящему близкий друг: сводный брат Гвиура — Баррэт.

Баррэт тоже был незаконнорожденным. И, тем не менее, Гвиур души не чаял в своем младшем брате. Юный дядюшка был старше Рэниари на двадцать лет, но любил возиться со своим непоседливым племянником, в отличие от его сводного брата Руина. Последний был старше Рэни на пять лет, но самомнения и брезгливости у него было как у древнего старца. Он откровенно презирал дядю и сводного брата за их «нечистое» происхождение. И только присутствие отца, которого он побаивался, удерживало законного наследника в рамках приличий. Так что и Баррэт, и Рэни всегда играли одни, раз и навсегда исключив Руина из своего круга. Но вскоре быстро возмужавший Баррэт стал все больше и больше времени проводить со своим братом, что готовил его на место начальника стражи. И маленькому Рэни пришлось играть одному.

Детей в Цитадели хватало, но слишком яркий ореол почтения окружал мальчика, чтобы остальные осмеливались к нему приближаться. И дело было не только в происхождении Рэни от лордов крепости. Этим миром некогда владели эльфы: могущественные волшебники и прекрасные как солнечный свет существа. Что уж у них случилось, непонятно, но несколько веков назад все чистокровные эльфы внезапно покинули родной мир, оставив после себя множество полукровок. Дети смешанной крови жили много дольше, чем обычные люди, и обладали разнообразными достоинствами, в том числе и скрытыми талантами к магии. И почти все они отличались утонченной красотой своих прародителей.

Видимо в жилах юной ныряльщицы была капля крови солнечных предков, а Гвиур изначально принадлежал к роду эльфийский лордов, что смешивали свою кровь с кровью людей и полукровок. И в Рэниари гармонично соединились эти две половинки, явив миру невысокого, гибкого подростка с тонкими чертами лица и совершенно очаровательной улыбкой. Из-под спутанной шапки солнечных кудрей на мир весело и чуть лукаво взирали огромные, чуть удлиненные к вискам аквамариновые глаза, прозрачные и завораживающие, с золотыми искрами смеха из-под неожиданно длинных светлых ресниц. Юная красота мальчика откровенно радовала Асина. Ибо обязанностью младшего супруга было подобрать и представить на суд старшего кандидатов в мужья пасынку. Ну, а привыкшего к относительной свободе подростка заваливали учебными заданиями, призванными слепить из него эталон для рынка великосветских невест и женихов. Так что времени для игр у Рэни оставалось все меньше и меньше.

Но непоседливый мальчишка не переживал, открыв для себя подземный мир крепости. Случайно откопав в старых архивах план потайных ходов, Рэни с головой погрузился в новую игру. Цитадель оказалась пронизана целой сетью ходов. Многие ее потаенные кладовые, оружейные и казармы возникли на месте естественных пещер. Ее стены скрывали настоящую паутину проходов, а о нижних, тщательно замаскированных уровнях никто и не подозревал.

Рэниари совершенно случайно обнаружил в огромной, порядком захламленной библиотеке ключ к нижнему лабиринту. И как раз тогда, когда уже успел вдоволь полазить по ходам.

Узнать, что внутри потайных ходов есть еще один лабиринт, было откровенным подарком для непоседливого мальчишки. Младший сын лорда тут же с восторгом бросился его исследовать. Беря с собой стеклянный шар, оплетенный стальной проволокой и заполненный глубоководным светящимся илом (это чтобы по магическому светильнику не вычислили!), мальчик без страха погружался в потаенные залы и коридоры, куда никогда не ступала нога человека. Оказалась, что родная крепость в свое время была выстроена на месте древнего форпоста эльфов, разрушенного в незапамятные времена. И система изначальных ходов была замкнута на придуманные уже человеком.

Рэни не скрывал свою находку от отца. А все понимающий лорд не запрещал ему спускаться вниз. Лишь предупредил об осторожности. Ключ к лабиринту был тайной семьи. Правда и для самого Гвиура оказалось сюрпризом наличие древнего лабиринта — его дед погиб, не успев раскрыть тайну малолетнему сыну. Сам Гвиур пользовался только верхним лабиринтом. А точнее — ходами в горы, на берег и в небольшой залив у подножия утесов. Но Рэни свободно бродил по подземельям, где у него были свои любимые места. Эти потайные уголки освещались мягким чуть зеленоватым светом шаров-светильников, которые мальчик натаскал сверху.

Еще одной тайной, о которой мальчик не сказал даже отцу, стала система коридоров прямо в толще стен крепости. Рэниари не любил ими пользоваться. Слишком уж часто, еще в самом начале исследований, мальчик оказывался свидетелем не предназначенных для него сцен.

И еще…

Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, ему все чаще и чаще стали сниться странные сны. В них он видел себя словно со стороны — утонченное, нечеловечески прекрасное существо с волной сверкающих первозданной белизной волос. Лицо Рэни-Из-Сна было незнакомым, но откуда-то мальчик знал, что это именно он.

Дикой… ледяной тоской веяло от этих снов.

Словно что-то было утеряно и не найдено…

Какая-то часть души…

Слава великой богине, что сны эти были редкими. Ибо после них Рэниари просыпался с отчаянно колотящимся сердцем и желанием куда-то бежать, кого-то разыскивать.

Книга 1. Боль любви

Глава 1

…Сегодня Эрекссийский пролив был на редкость спокоен. Впрочем, весенние шторма уже отгремели, но и до полного спокойствия было еще далеко. Яркая синь океана переходила вблизи берега в зеленоватый берилл, разбиваясь клочьями пены об отвесные скалы.

Узкая лестница, некогда с помощью магии сотворенная прямо в береговом монолите, спускалась к неширокой полосе мелкой гальки, покрытой неопрятными грудами гниющих под солнцем водорослей, принесенных недавним штормом. Стойкий запах соли и йода долетал даже до парапетов, вдоль которых расхаживала стража. Вдалеке косо чертили волны маленькие отсюда силуэты рыбачьих баркасов: шел лов зашедшего в пролив из-за шторма косяка красноперки.

mir-knigi.org

Рэниари от предвкушения едва не замурлыкал. Красноперка была потрясающе вкусной рыбкой, и сегодня на ужин он ее от души попробует.

Заправив за ухо выбившуюся из-под головной ленты золотую прядь, юноша, недовольно хмурясь, стал быстро спускаться по пологой лестнице к заливу. Волосы были постоянной причиной споров между ним и отчимом. Рэни терпеть не мог, чтобы его шевелюра, завивающаяся крупными кольцами, лезла ему в глаза, нос и рот. А муж отца Асин настаивал, чтобы пасынок носил приличествующую аристократу (причем младшему аристократу!) шевелюру. И никак не меньше чем до середины бедер, что абсолютно не устраивало непоседливого парня. В конце концов, оба сошлись на длине чуть ниже плеч. Нет, конечно, Рэниари понимал, что его будущий муж вполне может потребовать от него отрастить подобающую гриву. Но для этого еще будет время. Долго ли магу вырастить нужную длину? Чего ж ему-то сейчас мучиться?

Вспомнив отчима, Рэни непроизвольно фыркнул себе под нос. Вечно Асин его воспитывает! Лучше бы занялся собственным сыном. А то Руин совсем от рук отбился — ходит с кислой рожей или пропадает у своего дядюшки в Круглом холме. А Рэниари должен получать все внимание отчима: то не делай, это неприлично!..

Вот и сейчас, если бы Асин узнал, что пасынок вышел наружу в простой домашней одежде, состоящей из черных брюк, белоснежной рубашки и мягких серебристых полусапожек, и… ах, какой ужас!.. даже без камзола!.. от нотаций уж точно не избавиться.

Достигнув, наконец, залива, Рэниари воровато огляделся, но, никого не увидев, быстро скинул с себя ненужную одежду. Конечно, вода была еще не слишком пригодна для купания, но хотя бы поплескаться на мелководье впервые после долгой зимы и то хлеб. Правда, надолго выдержки парня не хватило.

Выбравшись на нагретые солнцем плоские камни, подальше от пахучих водорослей, Рэни лениво растянулся на них, подставляя золотистое тело жарким солнечным лучам. Прикрыв глаза узкой ладонью, он посмотрел из-под нее на высившийся высоко над заливом грозный замок отца. С такого положения Цитадель, казалось, вот-вот опрокинется в волны. Но юноша лучше кого-либо знал, насколько глубоко родная крепость вросла корнями в скалы.

— …ээээни! — Долетело до юноши эхо чьего-то крика.

Подскочив от неожиданности, Рэниари стал суматошно натягивать на подсохшее тело штаны, путаясь в штанинах: не приведи Отец-Небо, если на берегу появится кто-то из прислужников отчима — Асин опять всю плешь проесть своими нотациями. Но, к счастью, из-под арки лестницы вышел отец.

Лорд Гвиур только весело сощурился, углядев сына, торопливо натягивающего рубашку на гладкие, совсем еще мальчишеские плечи.

— Да ладно, успокойся! — Понимающе хмыкнул он. — И не дуйся на Асина. Он правильно тебя воспитывает. Скоро придет время, когда ты станешь чьим-нибудь супругом. Впрочем, я и сейчас тебя искал именно по этому поводу. В крепость приехал с визитом князь Фейринель. Догадываешься зачем?

Рэниари нахмурился.

Князь Эккуар Фейринель владел территорией на другой стороне обширного залива. Его княжество не входило в состав королевства, являясь полностью независимым владением.

Весьма обширным и амбициозным. Еще и потому, что князья Фейринеля всегда завидовали положению Цитадели, перекрывшей торговый путь вглубь материка. Фейринель располагался слишком далеко от судоходной реки, впадающей в залив, чтобы богатеть на торговых пошлинах.

— Неужели ты хочешь сказать, что блистательный князь Эккуар здесь из-за меня? — Недоверчиво уточнил Рэни у отца. Лорд невесело хмыкнул и без затей уселся на плоский валун, носком сапога подпинывая береговые камешки в набегавшие волны.

— И не хотел бы, да надо, — произнес он недовольно, не глядя на сына. — Речь идет о брачном союзе…

— Ну и что? — Не понял юноша. — Меня же с самого детства приучали к мысли, что это однажды произойдет. Обычный политический брак. Не понятно только, с чего вдруг такой вельможа как князь решил снизойти до бастарда. Эккуар глава пусть небольшого, но полностью независимого государства. Такие на бастардах не женятся, в лучшем случае делают их любовниками.

— Не знаю, — ответил отец. — Но мне ясно дали понять, что желают именно брака. Для тебя это был бы идеальный вариант. Я, конечно, даю за тобой немалое приданое, но ты прав — такие властители ищут возможность увеличить владения через постель. А ты не наследник. И к тому же… мне не нравится сама мысль, что ты станешь чьим-то мужем в столь раннем возрасте.

— Отец, мне уже семнадцать лет! — Возмутился Рэниари, гордо выпрямившись. Лорд с грустной теплотой усмехнулся.

— Ребенок ты у меня еще, — пояснил он недовольному сыну. — Ребенок, что так стремится повзрослеть… Рэни, малыш, ты полукровка. И не просто полукровка. Кровь эльфов в тебе сильна как ни в ком ином. У тебя только тело юноши, а сознание ребенка. Как и все полуэльфы ты взрослеешь слишком медленно. Недаром для всех потомков эльфов установлено совершеннолетие в тридцать лет. Не торопись расставаться с детством, сынок.

— А князь?.. — растерялся Рэни. Отец встал и ласково взъерошил ладонью, привыкшей к клинку и веслу, солнечные кудри юноши.

— А что князь? — Переспросил он. — Можно ведь просто заключить помолвку… подождать хотя бы до двадцати-двадцати пяти лет. Заодно проверишь и себя — хочешь ли ТЫ этого брака.

— Но это действительно очень лестное предложение, — растерялся Рэниари. — Вряд ли мне предложат более выгодный союз…

— Сын, — очень серьезно посмотрел на него Гвиур. — Для тебя брак — всего лишь слово. Тебя с самого детства растили с мыслью, что когда-то это случится. Но брак — это еще и тот, с кем ты проведешь всю свою жизнь. И разорвать эту связь сможет только смерть одного из супругов. Так что выбирай и прислушивайся к себе. И если ты решишь, что князь тебе не подходит, я… приму любое твое решение. И любой твой выбор. А сейчас возвращайся в крепость, приведи себя в порядок и присоединяйся к нам за ужином.

— Хорошо, отец, — Рэни направился к лестнице вслед за лордом Гвиуром, раздумывая, как не попасться на глаза привередливому отчиму, наверняка заметившему бы, что он опять купался.

mir-knigi.org

На счастье Рэниари ему удалось проскользнуть к себе, никого не встретив. Правда, для этого пришлось пару раз воспользоваться потайными ходами, но зато он не попался на глаза крайне оживленному Асину, нещадно гоняющему слуг по поводу приезда высокого гостя.

Родные с самого детства комнаты встретили Рэни привычным уютом. В гостиной слуги чистили камин, но в спальне было тихо. Вызвав личную прислугу, юноша потребовал ванную и чистую одежду. А потом, заявив, что справится со всем сам, приказал оставить его в одиночестве. Слуги, привычные к самостоятельности мальчика, покинули его. Чего Рэниари и добивался.

Убедившись, что в его покоях не осталось посторонних, юноша быстро проскользнул в гостиную, откуда начинался потайной ход в верхний лабиринт. Сына лорда вело неудержимое любопытство — отчаянно хотелось взглянуть на того, кто (возможно!) станет его супругом. Конечно, Рэни не грела мысль ложиться под кого-то без любви, но такова была жизнь. Никто не даст ему создать свою семью, привести спутника или спутницу в собственный дом, где он будет полновластным хозяином. Только войти в чужой. Рэниари понимал, что даже обожающий его отец не позволит ему стать, пусть и невольным, но соперником старшего сына и разрушить давние договоренности с властителями Круглого холма. Значит, если Рэниари не выйдет замуж, то тем самым подаст своему сводному брату Руину повод возненавидеть его еще больше. А то и убить, чтобы не делить владение. В этом случае брак для младшего из братьев был единственным способом остаться в живых. По законам королевства — дети супругов не могли претендовать на наследство со стороны родичей младшего отца, только стать наследниками старшего из супругов. И отдав сына в чужую семью, лорд Гвиур тем самым выводил его из-под удара Руина, что вольно или невольно, но видел в нелюбимом брате соперника за отцовское наследство.

Пробравшись в нужную часть крепости, Рэниари стал по очереди заглядывать в специальные отверстия, ища покои, отведенные для гостя. Быть обнаруженным он не боялся — потаенный лабиринт был магически защищен от обнаружения. Здесь можно было хоть песни распевать — снаружи никто бы ничего не услышал. В чем Рэниари некогда лично убедился, наблюдая за крепостным магом в его собственной лаборатории.

Нужные покои обнаружились практически сразу. Огромная, помпезная спальня была пуста, но в гостиной у камина негромко беседовали двое: судя по одеянию и манере поведения — сам князь и его маг.

— …ты уверен? — Переспросил властитель Фейринель, явно продолжая разговор. Маг степенно кивнул.

— Мало кто из ныне живущих столь углубленно изучал ЭТОТ вопрос, — пояснил он хозяину. Князь неторопливо отставил бокал в сторону и прошелся вдоль камина, рассеяно вертя какую-то драгоценную безделушку, взятую с каминной полки. Красивый мужчина. Очень красивый. Высокий, мускулистый. Сразу видно, что опытный воин. Темно-русые волосы стянуты в церемонную косу сложного плетения. Светло-карие глаза с прищуром. Кожа смуглая, но не от природы, а от привычки проводить много времени на воздухе. Лицо… по такому сходят с ума не только женщины, но и мужчины. Недаром владыку Фейринеля прозвали Сердцеедом. Он разбивал сердца так же легко, как и брал крепости. Вот только Рэниари почему-то стало жутко при взгляде на это совершенство.

— Не слишком-то осмотрительно говорить об этом ЗДЕСЬ, — неодобрительно отозвался князь. Его маг только хмыкнул.

— Не тревожьтесь, мой господин, — легкий поклон был исполнен надменного превосходства весьма уверенного в себе волшебника. — За нами, конечно, наблюдают, но мою защиту им не пробить. Здешний маг весьма умел, но до меня ему далеко. И теперь он видит только, как мы с вами беседуем, обсуждая, какие подарки преподнести предполагаемому жениху.

Рэни тут же чуть скривил губы в ехидной улыбке. Эти двое не знали, что подобная предосторожность совершенно бесполезна в крепости. Древняя магия эльфов сводила на нет усилия современных чародеев. Только и всего, что слова стали звучать чуть невнятно, да фигуры в комнате за стеной слегка подернулись радужной дымкой. Жаль, что отец так и не освоил ключ к лабиринту, а пускать чужаков в потайные коридоры не стал бы никто.

— Очень не хотелось бы ошибиться, — продолжал тем временем князь. — Судя по портрету мальчик, конечно, миленький… да и отец явно не поскупится на приданом. Но богатств у меня и своих хватает. А одной только симпатичной мордашки мало, чтобы надеть корону младшего князя…

— Я уверен, — со всевозможной твердостью отозвался маг. И Рэниари беззвучно проклял себя за медлительность. Надо было раньше прийти. Что же в нем такого, что сам князь Фейринель захотел увидеть его своим мужем, наплевав даже на происхождение будущего супруга?

— Тогда надо сделать все, чтобы этот брак состоялся, — твердо проговорил князь Эккуар. А Рэниари в досаде отпрянул от смотровой щели. Ну, что за невезуха?! Что же имели в виду эти двое? Ну, нет! Пока он не разберется, чем же так привлекателен для владыки Фейринеля, ни о какой свадьбе и речи идти не может!..

…Владыка Морской Цитадели лорд Гвиур граф Вориндо коротал время до ужина, разбирая совместно с Баррэтом военные трофеи в Оружейном зале. Из-за достаточно внезапного приезда князя никто не побеспокоился удалить с видного места оружие, некогда захваченное в набегах на Фейринель… еще в те давние времена, когда активно шла дележка земельных владений на берегах пролива. Оскорблять чувства высокого гостя граф не собирался, и потому давние трофеи следовало убрать с глаз долой.

Слуги и оруженосцы споро таскали свернутые знамена и гербовые щиты в кладовые зала, когда в узких сводчатых дверях появился второй хозяин крепости — лорд Асин, младший супруг графа и отец его наследника.

— Гвиур, с тобой можно поговорить? — Поинтересовался он и посторонился, пропуская мимо себя сразу трех слуг с натугой волокущих тяжеленные доспехи, некогда принадлежавшие одному из военачальников Фейринеля и соответственно украшенные его личными гербами. Гвиур отвернулся от бурно выражавшего недовольство разорением зала брата и посмотрел на супруга. Тот как всегда был безупречен. Насыщенная изумрудная зелень бархатного костюма идеально сочеталась с огненно-рыжей прической, из которой с нарочитой небрежностью выбивался один длинный локон, струящийся вдоль идеальной шеи до середины спины. Яркие зеленые глаза на безупречном белоснежном овале лица смотрели как всегда холодно и надменно. Фигура не хрупкая, но гибкая, с широкими плечами, тонкой талией и узкими бедрами… Для кого-то недостижимая мечта, а для графа тот, кого ему некогда навязали в спутники жизни.

— Я слушаю, — спокойно ответил Гвиур, но младший муж недовольно качнул головой.

— Не здесь, — отозвался он, с неодобрением глядя на все еще бурчащего Баррэта.

Проводив мужа в ближайшую гостиную, граф плотно прикрыл двери и развернулся к так и не присевшему Асину.

— Что произошло? — Настороженно уточнил он. Гвиур уважал супруга за бесконечное терпение и за готовность возиться с чужим для него ребенком. В конце концов, их связывал общий сын, хотя сам брак как был, так и остался чисто династическим. Потомок лордов Круглого Холма был и красив, и умен. Но любви между ними так и не сложилось, только привычка и долг перед своими семьями. И понимание. Гвиур и за это был благодарен. Во всяком случае, Асин позволял ему жить так, как заблагорассудится, и не устраивал сцен ревности.

— Я хочу поговорить о Рэниари, — Асин чуть смягчил интонацию, стараясь успокоить явно раздраженного супруга. — Что думаешь о предложении князя? Днем ты так и не дал мне понять, как относишься к этому браку. Ты говорил с сыном?

— Говорил, — нехотя отозвался граф, отходя к узкому окну, забранному разноцветными ромбиками. — Ты хорошо его воспитал… Малыш даже не стал спорить, с ходу приняв саму идею брака!..

— Ты же понимаешь… — начал было Асин, и граф с удивлением к нему развернулся, услышав непривычно виноватые нотки. — У мальчика нет иного выхода… Только так свет закроет глаза на его происхождение. Я сделал все, чтобы он принял свою судьбу!..

— И за это тебе спасибо! — Перебил мужа Гвиур. — Но он слишком мал для брака! Надо будет подождать хотя бы до двадцати пяти. В идеале было бы лучше до совершеннолетия, но вряд ли князь выдержит столь долго. Судя по всему, муж ему нужен уже сейчас. Видимо, пришло время думать о наследнике. Но почему именно Рэниари? Вот что меня тревожит.

— Гвиур, князь идеальный вариант для Рэни, — негромко начал Асин, подходя к своему старшему вплотную, но не прикасаясь к нему. — Этот брак выгоден не только Рэниари, но и Руину. Такими семейными связями не разбрасываются. И… ты же должен понимать — если мы потеряем столь знатного супруга для Рэни, то мальчику как незаконнорожденному останется только стать чьи-нибудь фаворитом или простым любовником…

— Не смей так говорить о моем сыне! — Рявкнул граф в лицо отшатнувшегося от него мужа. — Мой сын не станет ничьей шлюхой! И если он решит, что князь ему не подходит, значит, так тому и быть!

— Прости меня за эту оговорку! — Асин осторожно положил ладони на грудь старшего супруга, чуть поглаживая… успокаивая… — Конечно, Рэниари станет только законным супругом! И я сделаю для этого все! И князь не единственный вариант. В конце концов, твой сын еще даже ни разу не выезжал в столицу. Может быть, там его будут ждать и более выгодные предложения. Просто обещай, что ты не будешь сразу отказывать Фейринею.

— Я не идиот, — буркнул Гвиур, остывая столь стремительно, как и вспыхнул. — Посмотрим, что еще скажет сам Рэниари на предложение лорда Эккуара…

Семейный ужин был накрыт ради высокого гостя не в малой столовой, а в огромной парадной, чьи двери на памяти Рэниари открывались считанные разы.

Юноша не очень-то жаловал этот зал. Слишком уж огромным и вычурным он был, слишком много колонн, резьбы по камню и златотканых гобеленов. Наверняка, когда здесь собирались

толпы народа, он выглядел уютнее. Но теперь за чересчур длинным столом из мореного дуба сидело лишь пятеро. Руин все еще не вернулся от дяди. А князь не пожелал пригласить никого из своих свитских. Слава богине, что Асин приказал накрыть только один конец этого монстра на толстенных дубовых ножках, а не рассадил всех согласно этикету. Тогда точно бы пришлось тренировать глотку, состязаясь в оре вместо нормального разговора. Впрочем, и нормального-то разговора не получалось. Князь Эккуар, усаженный напротив Рэниари, весь ужин непрерывно ласкал парня нежным взглядом, чуть ли не ежеминутно расточая ему улыбки и комплименты. Нет, Рэни изучал, конечно, искусство обольщения (Еще бы Асин пропустил подобный раздел!). Но это была только теория. Юношу, выросшего среди суровых жителей графства, коробило подобное к нему отношение со стороны потенциального жениха. Неужели ожидается, что он в ответ будет жеманно хлопать ресницами и мило краснеть, как подобает благовоспитанному младшему?!

Нет, Рэниари краснел, конечно, но больше от злости, чем от смущения. Кажется, его приняли за недалекого мальчика, чье место только в постели.

Уткнувшись взглядом в тарелку, парень едва ли не запихивал в себя свою любимую рыбу, не замечая тонкого вкуса нежнейшей красноперки. А князь напротив уже чуть ли не воздушные поцелуи ему посылал, гад! Неужели Рэниари выглядит в его глазах таким дураком, что не способен заметить столько грубую подделку?!

В конце концов, отрешившись от окружающей действительности, Рэниари сумел создать видимость безмятежного ужина, хотя князю его поведение явно не понравилось. Краем глаза юноша заметил, как сильные пальца владыки Фейринеля сжались на витой ножке бокала. Нарочито громко звякнули перстни, задев за цветное стекло. И Рэниари невольно вздрогнул, отрывая взгляд от тарелки. Кажется, именно этого князь и ждал. Прихотливо выгнутый наружу край бокала приблизился к полным губам Эккуара. И вельможа, неотрывно глядя на сидящего напротив Рэниари, чуть облизнул яркие губы, прежде, чем сделать крошечный глоток золотистого вина.

«Богиня-Мать! — Ошарашено подумал юноша. — Да он меня, действительно… СОБЛАЗНЯЕТ! Неужели такое кому-то нравится?..»

Будучи от природы прямодушным и открытым Рэни не мог даже и представить, что на свете существуют подобные уловки. Да и Асин никогда себя так не вел. Так что мальчишка даже не смог сообразить, как реагировать в такой ситуации. Но, кажется, его растерянный вид только подогрел аппетиты князя. Представление одного актера для одного зрителя продолжалось весь ужин, и порядком отравило Рэниари наслаждение от поданной на стол любимых блюд. Отец, кажется, ничего не замечал, занятый беседой с Баррэтом. Впрочем, с их мест невозможно было увидеть то, что творил князь. А отчим взирал на все вполне благосклонно.

Словом, конец ужина неискушенный подобным вниманием Рэниари встретил с откровенным восторгом. Но, к сожалению, рано обрадовался. Пытки продолжились, когда все общество из столовой перекочевало в ближайшую гостиную. Вот там-то князь и взял дельфина за хвост.

— Великолепный стол! — С удовольствием отвесил он комплимент Асину, что как младший супруг отвечал за все хозяйственные нужды Цитадели. — Но мне хотелось бы услышать ответ на свое предложение, лорд Гвиур! Или вы не поставили в известность сына о цели моего визита?

— Почему же? — Ответил Гвиур, недовольный торопливостью гостя. — Рэниари в курсе. Но он еще очень молод. Возможно, лучше будет заключить пока что помолвку… хотя бы до двадцати

пяти лет…

— Это очень долго! — Весьма категорично прервал хозяина гость. — Ваш сын мне нравится. И я просто не смогу вытерпеть до назначенного срока!

— И украду такое сокровище!.. — интимно промурлыкал он, склоняясь над изголовьем кресла невольно поежившегося от такой близости юноши. Запах мужчины, пряный, разгоряченный, коснулся ноздрей Рэни, пробудив какие-то глубинные и совершенно непонятные ему чувства. Но одно он мог сказать точно — никакого желания в нем близость с князем не вызывала. Только опаску.

— Из Морской Цитадели пока еще никому не удавалось унести ее сокровища, — предостерегающе улыбнулся Гвиур, чуть ли не оскаливаясь. А Рэни едва не рассмеялся: не стоило князю так давить на отца! Даже королевству морская крепость не по зубам, хотя короли Хилдона спят и видят, как бы захватить эти владения.

— Не стоит спорить, — подал голос Асин, вальяжно раскинувшийся в кресле у самого камина. Огненные блики жарко скользили по роскошным рыже-алым волосам, что свободной волной падали на широкие плечи отчима. Прекрасное лицо жемчужно сияло над вишневым бархатом камзола, с выплеснувшей на грудь пеной тончайших кружев воротника. Зеленые глаза по-кошачьему щурились. Но глубокий бархатный голос звучал на редкость примиряюще.

— Мой супруг прав, — продолжал отчим, взмахом холеной руки приказывая слугам разнести напитки. — Мальчик еще совсем юн. Рэниари даже ни разу не выезжал в свет. Может, вы повторите свое предложение после праздника начала лета, который мы собирались провести в столице?

Гвиур ничего не сказал, только глянул неодобрительно на мужа. А Рэни затаил дыхание. Он уже целую неделю упрашивал отчима взять его в этот раз в столицу. Отца просить было бесполезно — он не желал выпускать младшего сына из крепости.

Видно было, что вельможному гостю не понравилась отсрочка, но давить дальше он поостерегся.

— Хорошо, — произнес, наконец, князь Эккуар Фейринель, все так же не отходя от кресла юноши. Слава богам, хоть не пытался притронуться. Конечно, младшим супругам не полагалось проявлять норов, но прикосновения этого человека Рэни были не то что неприятны, но… он чувствовал себя не в своей тарелке.

…Проклятие!

ЭТОТ сон опять повторился…

Как повторялся раз за разом на протяжении последних двух лет! Хорошо хоть, что не каждую ночь! Сияющие глаза чистейшего топазового оттенка на самом прекрасном лице, которое только можно себе представить… И бледно розовые губы, что-то шепчущие… что-то очень важное!..

Принц Эдмир рывком сел в постели, отшвырнув в сторону душное одеяло, и привычно потер саднящее левое запястье. Ему было уже лень опускать взгляд, все равно ничего не увидит. Хотя первое время, когда кожу начинало жечь (всегда после этих снов!), он поставил на уши всех магов и целителей двора. Все-таки руки ему нужны, чтобы держать оружие. Но маги

ничего не обнаружили, да и внешне ничего страшного не происходило. Так, небольшое неудобство, проходящее практически сразу после пробуждения. Да и сами сны были не каждую ночь. Так что принц смирился бы, если не одно но…

Все боги и демоны!

Ему был нужен ТОТ, из сна!

Без него его высочество Эдмир Келлиадир, наследный принц Хилдона был не полным!

Словно кто-то вырезал ему половину сердца… забрал половину души…

Встав со смятой постели, Эдмир потянулся всем телом, изгоняя дурман сна. Зеркало напротив отразило высокого, атлетически сложенного мужчину в самом расцвете сил и возможностей, мечту всех дам и кавалеров двора. Великолепно развитое тело завораживало, белоснежная кожа жемчужно светилась там, где обычно была скрыта одеждой, и красовалась густым бронзовым загаром на открытых участках. Черная грива взлохмаченных после сна волос падала на широкие плечи, бугрящиеся мускулами. Коричневые соски затвердели и болезненно ныли. Крупный, но вполне себе соразмерный член гордо торчал из темных завитков паха, как и всегда после ЭТИХ снов. Хорошо хоть сегодня не проснулся в мокрой постели, от души кончив. Красавец, в общем… жаль, оценить некому — слуги только ожидают за дверями пробуждения наследника.

Бросив на себя в зеркале последний взгляд, Эдмир хмыкнул. Ладно, придет время, и он найдет того, из сна, и обязательно уложит в свою постель. Место такого чуда только подле него, а еще лучше — под ним. И без разницы, в каком качестве — мужа или любовника. Главное, что он будет его любить и беречь.

И, наконец-то, избавится от сосущего чувства пустоты в собственной душе…

…Вкушение пищи его высочеством протекало неспешно и в полном одиночестве. Эдмир встал слишком поздно для завтрака и слишком рано для обеда. Так что вся родня, традиционно собирающаяся в семейной столовой, уже разбежалась по своим покоям. Ладно, простят ему этот грех. Тем более, что принц только вчера вернулся из похода против очередного мятежника. Проклятие, его будущие владения слишком молоды, и бароны Приграничья никак не могут смириться с властью Келлиадиров. Каждый из них спит и видит себя на троне в Радужной палате!

Эдмир с ожесточением вонзил тяжелую, литую из серебра вилку в кусок сочного мяса, вспомнив, как покойный ныне барон-мятежник попытался сторговаться с ним, предложив в наложники собственного сына!

Белокурая мразь!

И он сам тоже хорош! Повелся на милую мордашку и тугую задницу! И едва не проморгал клинок в сердце от вроде бы расслабленного мальчишки. Но что было делать — на миг показалось, что это тот самый… из сна!

Со вздохом отодвинув от себя почти полную тарелку, Эдмир задумался. Мало кто мог понять, что принц, последние два года с бешеной скоростью меняющий партнеров и равнодушно

разбивающий одно сердце за другим… что принц всего лишь искал. Перебирал своих многочисленных любовников словно длинное ожерелье, выискивая среди раскрашенных глиняных шариков драгоценный жемчуг. И… не находил!

— Не стоит так хмуриться, — в столовую вошел его величество Сорондо III. — Ты все сделал правильно.

— Ты о чем? — Непонимающе откликнулся Эдмир, вставая и поклоном приветствуя отца.

— Я о твоем виде, — пояснил король, усаживаясь напротив и жестом выставляя слуг вон. — До сих пор переживаешь, что пришлось уничтожить всех Литиров? Зря. Я только жалею, что в свое время пощадил старого барона. Тот клялся, что будет верен, а сам только и думал, как предать. А теперь и его сын с внуком… Яблоко от яблони недалеко падает. Ты мог погибнуть!

— Не погиб же! — Буркнул Эдмир, не зная, куда глаза от стыда деть. Знал ведь, что не услышит и слова упрека от отца, слишком уж исступленно, самозабвенно любил король сына. Единственную связь с погибшей некогда супругой. Королева Вэролия, прекрасная, загадочная, была всем для своего мужа. Сорондо не мог забыть жену. И не смог простить ее смерти, когда маги доказали факт отравления королевы. Эдмир из-за раннего возраста не помнил, но ему рассказывали, как лютовал отец, и как летели головы и правых и виноватых.

— Баронская семейка еще легко отделалась, — произнес отец, сам наливая себе вина. — За покушение на жизнь наследника престола полагается мучительное четвертование. А ты их всего лишь казнил. Не узнаю тебя. С чего вдруг такая мягкость?

— Ну, в запарке отдал вначале приказ, а потом только опомнился. Да было уже поздно, — смущенно отозвался Эдмир, невольно краснея. Какая там запарка! Это была его единственная благодарность за ночь с баронским сынком, хотя военачальники и намекали, что бунтовщиков не плохо было бы отдать на потеху солдатам.

— Не делай ошибок, сын, — тяжело проговорил король, вертя в руках бокал. — Такое милосердие может в будущем дорого тебе обойтись. Мы живем в слишком жестокое время. Каждый рвет покрывало на себя. Если дать слабину, крови прольется куда больше. Ты знаешь.

Эдмир знал. В свое время его дед едва не потерял корону, пощадив семью одного мятежника. Король тогда казнил только зачинщика мятежа, не тронув его детей. И ему пришлось едва ли не залить страну кровью, когда мстители за убитого отца чуток подросли.

— Прости, — повинился принц. — Больше такое не повторится.

— Конечно, не повторится, — отозвался отец, все-таки отодвигая от себя так и не выпитый бокал. — Хватит скакать по чужим постелям. У тебя своя есть.

— О чем это ты? — Тут же насторожился сын. Король довольно улыбнулся.

— О твоей будущей свадьбе с лордом Дорианом, сыном герцога Ваоттиро!

Если бы Эдмир в этот момент не сидел, он бы точно рухнул.

— Папа!.. — чуть ли не в голос взвыл он. — С чего вдруг такая спешка?

Король Сорондо с понимающей улыбкой смотрел на сына.

— Ты же всегда знал, что когда-нибудь тебе придется заключить династический брак, — ответил он. — Я и так ждал слишком долго, позволяя тебе нагуляться. Но время пришло. Тебе уже шестьдесят. Конечно, для того, в чьих жилах течет кровь эльфов, это только самый расцвет молодости, но ты мой единственный наследник. Сознаю, что я сам виноват — не смог забыть твою мать, не озаботился другими детьми… Пора исправлять этот недочет. Молодой Ваоттиро прекрасный выбор. Он хорошо обучен. Разве ты не задумывался, почему это единственного наследника герцога воспитывают для роли младшего мужа? Да и сам мальчик вроде как тебе нравился? — Отец лукаво прищурился. — Или скажешь, что не затащил его в постель?

Эдмир готов был головой об стол побиться. Его бывший любовник надоел ему в свое время хуже горькой редьки. Нет, мальчик был внешне более чем хорош. Густые волосы цвета спелой пшеницы ниспадали до самой талии. Бирюзовые глаза на изысканно красивом лице смотрели так завлекающее невинно, что мальчишку хотелось отодрать тут же, наплевав на приличия. Фигура хрупкая и гибкая настолько, что наследника герцога подчас принимали за девушку. Далеко не дурак, но притом тщеславен, истеричен, капризен до невозможности. И всегда пытается добиться своего всеми правдами и неправдами. Да к тому же очень злопамятный. Два года назад, когда Эдмиру только-только стали сниться сны, принц почему-то решил, что Дориан похож на его призрачного незнакомца, и, легко обольстив парня, затащил того в постель. Мальчик оказался весьма умел, и они с принцем здорово покувыркались. Но затем, поняв, что из себя представляет наследник герцога, Эдмир быстро избавился от любовника. И вот теперь выясняется, что это его будущий муж! Да к тому же и ревнивый. На беду принца Дориан в него влюбился и постоянно донимал его высочество просьбами о близости.

— Эд, нам нужно герцогство, — серьезно сказал король. — Ты и сам это знаешь. Запад слишком коварен. Его владыки давно точат на нас зубы. Если мы не обезопасим свои границы, то же королевство Мисиран тут же воспользуется нашими ошибками. К тому же, наличие мужа не означает отсутствие у тебя фаворита с целой кучей любовников. Самое главное, чтобы у тебя как можно быстрее появились наследники.

— И почему ты сам в свое время не женился на старшем герцоге? — Расстроено выдал Эдмир, со злостью отталкивая от себя тарелку. — Теперь мне придется жить с этим истериком! Никакое герцогство в приданом не компенсирует его характер!

Король только огорченно покачал головой.

— Если бы я женился на Аминеле после смерти Вэролии, то герцогство отошло бы наследникам от этого брака и не стало частью королевства, так как у меня был уже ты, — сказал он. — Именно ты был первым наследником… А так владение отойдет твоему сыну и моему внуку.

— Да все я понимаю!.. — с досадой выдал Эдмир. — Но до чего же не хочется!..

Наплевав на этикет, принц поставил на стол локти и уткнулся подбородком в сложенные ладони, рассматривая отца. Королю Сорондо никто бы не дал его двухсот пятидесяти лет, что для не потомков эльфов соответствовало примерно шестидесяти-семидесяти годам по летоисчислению обычных людей. Без всяких ухищрений гладкая кожа лица, лишь в уголках серых глаз чуть заметные морщинки; белоснежные от природы волосы, в которой не видно седины, подтянутая фигура… Эдмир больше похож на мать, черноволосую красавицу-южанку. Только глаза не фиалковые, как у мамы, а отцовские, светлые. Да, следов старости не видно, но сколько отец еще протянет? Особенно учитывая, что его жизнь была далека от спокойствия. О бурной молодости и зрелых годах его величества Сорондо можно легенды складывать. Одно только то, КАК отец сумел сохранить разваливающееся на отдельные владения королевство,

стоило целой саги. А ведь не только сохранил, а еще и преумножил! Так что есть с кого брать пример.

Но, милосердная Мать-Земля! Как же не хочется связываться с истеричкой Дорианом! Даже за жирный куш в виде герцогства.

Но придется.

— Хорошо, — выдавил, наконец, из себя Эдмир. — Сообщи, что я дал согласие на брак. После праздника начала лета можно объявить о помолвке. А свадьбу сыграем в начале осени. И… прости, но мне надо прийти в себя от такой новости.

Резко отодвинув стул, принц поднялся и, рвано поклонившись, вышел вон. Пожалуй, стоит кое-куда съездить в компании только самых близких друзей, чтобы развеяться и выплеснуть бессильную злость…

…Сборы в столицу были долгими и обстоятельными. Ради такого случая был полностью обновлен гардероб Рэниари. Юноша сильно устал от внимания портных и ювелиров, но все перекрывало радостное ожидание новых приключений. Обрадованный, что в этот раз его берут с собой, мальчишка был готов на все, что угодно. Даже на нудную зубрежку длиннейших и запутаннейших генеалогических древ всех дворянских родов королевства. К тому же отец подарил Рэни гнедого красавца-двухлетку. Асин только губы поджимал, когда пасынок ускользал на конюшни к своему любимцу. Но парню было все равно. Ветерок — так без особых затей звался отцовский подарок — снисходительно принимал восторги своего юного хозяина, но был не против подношений в виде соленых сухариков и яблок с господского стола.

Воспользовавшись тем, что в столицу было решено путешествовать с помощью каскадных порталов, что создавал маг Цитадели Чассир Серый, Рэни всю дорогу до места ехал рядом с отцом и Баррэтом, восседая на своем подарке, а не в паланкине вместе с отчимом, как полагалось добропорядочным младшим. Руин всю дорогу до столицы демонстративно фыркал, косясь на сводного брата. Но Рэниари ничто не могло испортить настроение. Мир казался ему солнечным и прекрасным. Баррэт добродушно посмеивался, глядя на сияющего племянника, отец улыбался, пуская от глаз лучики веселых морщинок. И только Асин продолжал неодобрительно поджимать губы, полагая, что юноше на выданье не место среди солдат.

В столице у семьи имелся большой дом. До Большого Летнего бала еще было не менее недели, и пока Гвиур вместе со старшим сыном и братом пропадали в Совете Лордов, Рэни пользовался малейшей возможностью ускользнуть из-под назойливой опеки Асина. Тот, в конце концов, смирился с тем, что пасынок не будет украшать собой его гостиную, куда каждый божий день слетались со столичными сплетнями жены и младшие мужья местных аристократов. И стал отправлять с Рэни двух пожилых слуг. Юноша не возражал — добродушные сопровождающие ему не мешали. А бродить втроем по шумным улицам было куда как занимательнее, чем сидеть с чопорным видом в душных залах, выслушивая пустую болтовню придворных сплетников.

Больше всего на свете непоседливому подростку нравились торговые кварталы. И Рэниари как можно быстрее покидал аристократический центр, где даже деревья росли по ранжиру, чтобы окунуться в водоворот веселой пестроты. Здесь было куда интереснее. Толпы людей с шумом и гамом дни и ночи что-то продавали и покупали. Выступали, перекрикивая друг дружку бродящие певцы и шуты. На каждом углу бренчала если не лютня, так самодельная арфа. Народ гоготал над сценками кукольников, над толпой на натянутых веревках ловко расхаживали акробаты. Крики торговцев, воришки, шмыгающие среди прохожих и всегда

готовые срезать кошелек у простофили, умопомрачительные запахи из открытых окон многочисленных харчевен!..

Это была жизнь, похожая на море, и Рэни с удовольствием в нее окунался.

Особенно ему нравилась крошечная площадь, примыкавшая к центральной улице, что вела в Верхний город, к королевскому дворцу. Территория, окруженная тесно стоящими домами-башенками, вымощенная грубой разноцветной брусчаткой, и с одиноким приземистым от старости дубом, под которым так хорошо отдыхалось после прогулки. Здесь, у маленького фонтанчика, лениво постреливающего холодными струйками воды из еще эльфийского акведука, любили собираться уличные музыканты.

Рэниари обожал те моменты, когда веселые артисты, устав развлекать прохожих, устраивали между собой состязания: кто на виалоне, кто на флейте, кто на арфе. К тому же они частенько предлагали окружающим поучаствовать в битве за награду в виде большого запотевшего кувшина старого вина. Но мало кто из слушателей отваживался на это. Зато сколько смеха бывало, когда кто-то из толпы соблазнялся наградой. Музыканты и камня на камне не оставляли от его самомнения, виртуозно передразнивая неуклюжую попытку выпить на дармовщинку.

Рэниари с самого детства учили музыке, как будущего младшего супруга. И Богиня-Мать и Отец-Небо не обделили его ни голосом ни слухом. Но раньше юноша играл только для себя. И уж тем более не замахивался встать вровень с мастерами. Да и не хотел, просто наслаждаясь атмосферой Музыкальной площади.

Юноша приходил сюда изо дня в день. И вскоре музыканты стали выделять из толпы богато одетого незнакомца в сопровождении слуг. Хозяева Музыкальной площади были далеко не глупы, чтобы высмеивать представителя знати. Скорее всего Рэниари остался бы для них одним из многих, если бы не искренняя радость подростка, совсем не похожая на заносчивую снисходительность богатых горожан.

И однажды один из артистов обратился к нему, предложив что-нибудь сыграть.

— Мы не будем смеяться, — заверил он Рэниари и метнул грозный взгляд на затаившую дыхание толпу.

Рэниари не ожидал, что станет центром внимания и даже растерялся. Но все-таки решительно протянул руку к знакомой ему длинной флейте. Гордость не позволила ему отказаться. Та самая гордость, что заставляла держать спину прямо, слыша язвительно-сочувственные высказывания о его матери.

Поднеся к губам флейту, юноша закрыл глаза и коснулся губами теплой от солнца древесины.

… Прозрачные капли мелодии разбились о пыльные камни мостовой. Вечный, изменчивый, слепящий солнечными бликами Океан…

Опрокинутое высокое и пронзительно синее небо…

Волны с ленивым шелестом наползают на крупную гальку, шипя и добродушно переругиваясь между собой.

Запах соли и водорослей в полуденном мареве…

mir-knigi.org

Пусто и дремотно на пустом берегу, лишь солнце жарко обнимает за смуглые плечи…

Стремительно нарастающий цокот копыт вырвал Рэниари из его транса.

Вздрогнув, юноша опустил флейту и с недоумением посмотрел в сторону улицы: площадь была чуть выше столичного проспекта, и можно было легко увидеть, кто же это позволил себе так мчаться посреди белого дня, наплевав на порядок? Переполненные народом улицы города не располагали к скачкам. Даже аристократы волей неволей вынуждены были передвигаться по ним с величавой неспешностью. Эти же всадники, такое впечатление, даже не задумывались о наличии толп. Впрочем, народ привычно жался к домам, торопясь убраться с пути тех, кто с видом хозяев жизни гарцевал сейчас на великолепных аргамаках под изукрашенными седлами. Разноцветные попоны, с вышитыми на них известными гербами, сверкали золотом и серебром. Реяли по ветру пышные плюмажи из драгоценных перьев самых редких птиц. Звенели подковы, высекая снопы искр из брусчатки мостовой…

Со свистом и гиканьем, мимо замершего в какой-то прострации Рэниари промчались всадники. И юношу буквально швырнуло под копыта лошадей. Если бы не повисшие на его плечах слуги, Рэни в каком-то беспамятстве выбежал бы им наперерез. Левое запястье словно раскаленная проволока обвила!..

— Господин!.. Господин!.. — запричитали его спасители. — Что с вами?!..

— Кто это?!.. — чуть ли не прохрипел Рэни, не в силах толком разглядеть ни одного герба, настолько его внимание поглотил всадник во главе кавалькады. Светлокожий, черноволосый, с жестокими глазами цвета драгоценной стали. Образчик мужской красоты — тело воина, идеальные черты лица, густые брови вразлет, прямой нос, твердо очерченный подбородок. Даже надменные складки у губ не портили впечатления.

— Кто это? — Тихо повторил Рэни, провожая взглядом блестящую кавалькаду. Костяшки пальцев, до боли сжатые на позабытой флейте, побелели.

— Его высочество принц Эдмир, — раздался над ухом голос Баррэта. И молодой дядюшка осторожно вынул из послушно разжавшихся пальцев Рэниари чудом не сломанную флейту. — И лучше тебе им не интересоваться. Он птица не нашего с тобой полета. Да и слухи о нем ходят… нехорошие.

— Барр! — Спохватился юноша, осознав внезапное появление на площади старшего родича. — Ты как здесь?!..

— Да просто!.. — усмехнулся Баррэт. — Меня Асин за тобой послал — прибыли какие-то шишки. И он желает, чтобы ты был им представлен. Ты ведь понимаешь ЗАЧЕМ?

— Понимаю, — уныло скривился Рэниари. И со вздохом, вернув флейту хозяевам площади, поплелся за Баррэтом.

— Не переживай, — похлопал его по плечу дядюшка. — У тебя еще не самая худшая участь. Возможно, ты сумеешь встретить свою любовь. Во всяком случае, твои дети станут законными наследниками твоего супруга.

— Ага… — протянул Рэниари. — А сам-то согласишься поменяться со мной местами?

Баррэт едва не подавился, представив себя в роли младшего мужа.

— Понял. Заткнулся, — пробормотал он. И всю дорогу до особняка графа Вориндо оба молчали. Настроение было не ах. Баррэт думал о чем-то о своем. А Рэниари пожалуй что впервые задумался, насколько шатко его положение в собственном доме, где он по сути никому кроме отца и дяди не нужен. Но второй сам на птичьих правах, а первый не вечен…

Не улучшило настроение и встреча со сводным братом, который в компании знатных дворян собирался на конную прогулку. Слава богам, толпа столичной молодежи с шумом и бряцанием проследовала мимо, не заметив затаившихся за углом Баррэта и Рэни. Слугам прятаться не было резону — порой казалось, что золотоволосый и черноглазый красавец Руин в своей надменности не способен заметить даже короля, не то что какую-то прислугу.

Проводив взглядом компанию брата, Рэниари вздохнул. Пожалуй, стоит присмотреться к женихам, что наводнили их дом с легкой руки Асина. О любви речи не идет, но хотя бы нужно выбрать того, с кем, возможно, удастся прожить жизнь спокойно…

Глава 2

…Крошечная деревушка встречала гостей кудахтаньем куриц и мычанием коров, возвращающихся на вечернюю дойку. Состоящая всего из парочки улиц, деревушка была давним пристанищем аристократической молодежи столицы. Институт брака традиционно чтился во всем королевстве, и супружеские измены наказывались довольно сурово. Но до свадьбы молодежь могла беситься как ей угодно. Это даже приветствовалось. Считалось, что до брака будущим как старшим так и младшим мужьям нужно хорошенько нагуляться. Не приветствовался разврат только среди девушек. И не столько из-за угрозы потери девственности (да кому она нужна, любой маг за минуту все восстановит, заодно и на отцовство проверит будущего ребенка!..). Нет. Просто Богиня-Мать не одобряла такое поведение тех, кто самой природой был предназначен для продолжения рода.

…Небольшая гостиница за глухим забором приветствовала высокопоставленных гостей теплом и тихой музыкой слепого лютниста. Лишь немногие знали, что скрывали старые стены дома.

Гостей встретил сам хозяин, унижено кланяясь. Еще бы! Эта компания платила воистину по-королевски.

Проводив прибывших в отдельную комнату, трактирщик застыл в полупоклоне, пока мужчины располагались вокруг заставленного выпивкой и закусками стола.

— Желаете еще что-нибудь? — Вопросил он, заискивающе посматривая на опасных гостей. Один из них, судя по всему самый главный, оторвался от созерцания вида за окном. Стальные глаза блеснули едва сдерживаемым гневом. Две височные пряди были небрежно сколоты на макушке драгоценной заколкой, держа в плену густую гриву цвета ночи, что послушно падала на широкие плечи под свободной дорожной курткой из кожи виверны.

— Оставь нас. — Приказ того, кто не привык слышать отказы. Хозяина как ветром сдуло.

— Эд, не злись, — миролюбиво протянул красивый молодой полуэльф и солнечно улыбнулся брюнету. Светло-русые волосы свободной волной падали на спину юноши, а глаза цвета первой зелени с любовью посматривали на своего идола. — Тебе уже давно пора остепениться, наделать супругу или супруге кучу детишек и стать примерным семьянином, а, со временем, и хорошим королем.

— Заткнись, Дез! — Рыкнул Эдмир, с хищной грацией разворачиваясь к собеседнику и

взглядом припечатывая того к спинке кресла. — Не тебе мне это говорить. У самого мордашка в пуху!

— Нуууу, мой папочка по крайней мере не заставляет меня жениться, — спокойно протянул блондин, не испугавшись гнева принца. — Он считает, что любому мужчине надо прежде нагуляться, а уже потом заводить семью и плодиться подобно кроликам.

— Дез, у тебя отец просто золото! — Нарочито томно протянул еще один собеседник, расположившийся напротив блондина. Длинные, сильные даже на вид пальцы любовно поглаживали кинжал, выложенный на столе перед мужчиной.

Валиэль барон Коразз.

Пепельные волосы заплетены в косу и уложены в сложную прическу, глаза цвета темного сапфира смотрели с неподдельным вожделением на полуэльфа напротив. Он давно встречался с отцом Деза, хотя упорно пытался подкатить к нему самому. Но тот заглядывался на их принца. Впрочем, на его высочества Эдмира заглядывались многие, и он даже заинтересованного взгляда ни разу не бросил на друга детства.

— Он такой страстный! Такой красивый! И такой озорник! — Валиэль блеснул синими глазищами и сложил губы бантиком, явно передразнивая придворных жеманников. Барону Корразу невероятно нравилось доводить до смущения Деза. И ведь сын маркиза Деззиона давно уже не был девственником, да и невозможно было оставаться таковым в их компании. Но все равно сохранил какую-то чистоту, что была невероятно привлекательна в глазах более опытного барона. — Твой папочка каждый раз выдумывает ТАААКИЕ игры! А уж когда проходится плеткой по моим ягодицам… Аххх!.. Я так кричу под ним! Даже иногда голос срываю!

— Все! Хватит, заткнись! — Вскинулся Деззион-младший, отчаянно пунцовея. Воображение у маркиза было отличное. И при одном только намеке на подобную картину, его член затвердел и теперь болезненно натягивал брюки. Барон тут же довольно осклабился, заметив ерзанье друга.

— Какой же ты чувствительный, Дези!.. — промурлыкал он и захохотал, услышав в ответ разъяренный рык маркиза.

Эдмир только понимающе ухмыльнулся и дружески похлопал друга по плечу. — Крепись, Дез, наш Вал такой. Он просто так от твоего папочки не отстанет.

— А если я сам буду вместо него! — Не задумываясь, ляпнул Деззион и тут же стушевался, едва не прячась под столом при виде кровожадный оскала на лице Валиэля. Взгляд барона буквально сочился похотью.

— Что ж, малыш, твоя попка тоже подойдет, — тут же протянул Валиэль, подхватывая дрогнувшие пальца Деза и поднося их к своим губам. — Я оставлю твоего папочку в покое, когда ТЫ его заменишь.

— Да пошел ты! — Заорал взбешенный Дез, вырывая свою руку у барона и отодвигаясь от него подальше. — Да я лучше в жрецы Отца-Неба уйду, чем свяжусь с таким прожженным ходоком по чужим задницам, как ты!

— Детка, ради тебя я тоже готов стать жрецом, — пропел Валиэль, пересаживаясь поближе к своей добыче и притягивая юношу за талию. Горячее дыхание барона обожгло щеку

полуэльфа, а губы обхватили мочку его уха, втягивая в рот и сладко посасывая. Деззион дернулся было в сторону, уходя от поцелуя, но барон настойчиво навязывал ему свое общество. Впрочем, судя по тому, что маркиз не стал применять свое боевое умение, он был не против побыть в роли добычи.

— Ну же, мышонок, не бойся меня, — мурлыкнул Корраз, обвивая талию юноши руками и дергая того на свою грудь. — Я тебя не съем.

— Попробовал бы!.. — хмыкнул Дез, а губы более опытного и взрослого барона тут же накрыли его слишком говорливый рот. Руки мужчины зашарили по спине любовника, сминая плотную ткань камзола с тонкой рубашкой под ним. Маркиз откинулся чуть назад, подставляя шею под поцелуи соблазнителя, и томно прикрыл глаза. Руки Деза обхватили Валиэля за крепкую шею, притягивая барона как можно ближе.

— Господа, может, вы переберётесь куда-нибудь в более укромное местечко, чтобы не смущать наши взоры столь развратным поведением? — Лениво предложил четвертый участник гулянки, небрежно раскинувшийся на угловом диване. Красивые карие глаза с легкой брезгливостью смотрели на упоенно целующуюся парочку. Огненно-рыжие волосы спадали на широкие плечи мужчины, тонкие губы были плотно сжаты. Герцог Лоран откровенно не одобрял поведения наследника престола, и тем более подобных друзей принца. Но вынужден был терпеть, так как обещал королю присматривать за его единственным сыном. И надо сказать, что великосветские шалопаи его побаивались — все-таки лучший клинок королевства. Даже сам принц, в самом начале знакомства кривившийся при виде нежеланной няньки, невольно смирял свой норов, нередко прислушиваясь к словам Лорана. Впрочем, и сам герцог был не дурак развлечься. Вот только предпочитал делать это за закрытыми дверями, а не в комнате, куда в любой момент могли ввалиться слуги с подносами еды, или другие такие же как они гуляки из столицы.

— Оставь их, Лоран! — Эдмир похлопал герцога по плечу и кивнул в сторону столика, на котором стояла всевозможная выпивка. — И на твоей улице будет праздник. Давай, лучше выпьем и повеселимся.

В комнату бесшумно скользнули служки и поставили перед знатными гостями блюда с жареным мясом, свежеиспеченными лепешками и кувшины с охлажденным соком. Дез и Валиэль уже, не обращая ни на кого внимания, самозабвенно целовались, повалившись на широкую скамью, и стягивали друг с друга одежду.

— Быстро они помирились, — отстраненно подметил Лоран, смакуя тягучее красное вино и посматривая на сладкую парочку поверх серебряного края чаши. — Я уже даже и не мечтал, что они когда-нибудь найдут общий язык.

— Да и втрескались они друг в друга давно, просто слишком гордые, — отмахнулся Эдмир, стараясь не смотреть в сторону любовников, приступающих к основному блюду. — Всего-то и нужно было использовать нужное заклинание.

— Эд, ты нечто! — Рассмеялся Лоран, салютуя принцу своим бокалом. — И как это ты заклинание использовал? Из тебя же маг, как из дракона танцовщица! Нежели придворный маг помог? И, кстати, что за сладкое ты мне обещал?

— Заинтересовался? — Протянул принц, прикрывая глаза и прислушиваясь к тихому шороху дождя за слепым от ночи окном. Где-то рядом, прямо под боком, хрипло стонал Дез, на котором энергично двигался Валиэль, широкой ладонью удерживая запястья любовника над

его головой.

Лоран лениво повернул голову на осторожный скрип двери. На пороге комнаты нерешительно мялся обильно потеющий хозяин.

— Все готово, господин, — прошептал он, убедившись, что его увидели. И Эдмир с Лораном последовали за владельцем гостиницы, оставив парочку развлекаться собственными силами.

Во всем доме было тихо. Вот только это не значило, что его обитатели мирно спали за закрытыми дверями. Скорее всего, там происходили оргии почище той, что оставили за своей спиной принц и герцог: нити магических заклинаний тишины ощущались во всем здании.

Хозяин вел своих гостей к лестнице на верхний этаж и чуть слышно ныл, жалуясь, на какие траты пришлось ему пойти, добывая нужный товар. Эдмир лишь отмахнулся от него, кинув ловко подхваченный кошель с золотом, и скрылся за дверьми специальной комнаты.

Посреди небольшой спальни замерли две тонкие фигурки. Одна принадлежала симпатичному юноше, скорее мальчику лет пятнадцати-шестнадцати, с густыми черными волосами до плеч и влажными темно-карими глазами. Второй оказалась девушка примерно того же возраста. Пленники были обнажены и затравленно смотрели на вошедших, даже не делая попыток бежать: видимо уже наученные горьким опытом.

Девушка, белокурая, крепенькая словно боровичок селянка, пыталась прикрыть руками довольно развитую грудь, но Лоран, мгновенно оказавшийся рядом, с силой развел их в стороны, открывая тело пленницы своему взору. Голубые глаза девушки тут же наполнились слезами, пухлые губы задрожали в безмолвном плаче. А герцог толкнул ее в сторону стола в углу комнаты, укладывая спиной на столешницу. Здесь этот предмет мебели использовался не для еды, так как свисающие с угловых колец веревки были явно предназначены для другого. Зафиксировав руки девушки путами, герцог быстро разделся и с силой развел в стороны судорожно сжатые колени своей пленницы.

— А девочка-то нетронута, — довольно улыбнулся герцог, осторожно целуя дрожащие от страха губы пленницы. — Ну что ты, милая! От этого еще никто не умирал!.. — пальцы Лорана поглаживали ее между ног, время от времени проникая внутрь и двигаясь в четко заданном ритме. Девушка, не смея кричать, дергалась в своих путах и пыталась увернуться от поцелуев, но мужчина ловко перехватил ее подбородок пальцами и крепко зафиксировал, налегая всем телом на хрупкую фигурку под собой и посасывая враз припухшие губы.

На миг оторвавшись от поскуливающей селянки, Лоран аккуратно провел языком по верхней губе своей подневольной партнерши, очертил линию нижней и толкнулся в плотно сжатые белоснежные зубы. Прозрачные слезы скатились из уголков глаз наложницы, оставляя влажную дорожку на еще по-детски пухлых щеках. Герцог хмыкнул и губами перехватил соленые капельки. Его опытные руки заставляли девушку извиваться уже не от боли, а от предвкушения чего-то более приятного. Страстность юного тела постепенно брала свое, заставляя молодицу без сопротивления все больше подставляться под неживившие ее руки искусителя.

А довольный герцог жадно целовал высокую грудь девчонки, нежа языком набухшие алые ягоды сосков. Его пальцы неспешно двигались в теле девушки, лаская ее то нежно, то на самой грани грубости, доводя свою жертву до пика страсти. И тут же останавливались, не позволяя получить разрядку. Селянка уже вовсю стонала под его руками, судорожно выгибалась и двигала бедрами навстречу руке, пытаясь еще больше насадиться на них. Дрожь юного тела,

влага на пальцах доставляли Лорану настоящее удовольствие. Он возбуждался от одного только вида того, как его хотят. А девчонка, пускай и не сразу, но захотела близости!

Вдоволь наигравшись с ее телом, Лоран развел в стороны теперь совсем покорные ноги и встал между ними. Девушка податливо откинулась назад, лицо ее раскраснелось, глаза были затуманены страстью.

Раздвинув влажные внутренние складки, герцог крохотными толчками проник внутрь, сравнительно безболезненно лишая свою партнершу девственности. И все равно селянка вздрогнула и вскинулась на столе, пытаясь уйти от проникающего в нее орудия. В ее глазах сквозь дурман наслаждения стала проявляться паника.

— …тише, тише!.. — шептал герцог, склоняясь к ее лицу и целуя раскрытые в ужасе полные губы красотки. Одна рука вернулась на грудь, сжимая ее, а вторая легла на лобок, поглаживая влажную от любовных соков плоть. Девушка постепенно расслабилась и вновь тихо застонала, почувствовав в себе первый, осторожный толчок. Лоран прекрасно знал, как доставить любовнице наслаждение…

А рядом просто и без затей принц трахал своего мальчишку. Парень, в конце концов, стал сопротивляться, хотя не должен был. Таких как он, хозяин покупал за приличные деньги у их же родителей, что только рады были заработать на красоте и молодости собственных детей. Да и не убудет у безродного пацана, если его поимеет знатный воин. Не родовой же кокон, в самом деле, в него суют! Так что вполне мог расслабиться и потерпеть, глядишь, и удовольствие бы получил. Принц не любил калечить своих партнеров, в отличие от многих аристократов двора. К тому же, мальчишка смотрел на своего господина именно так, как и любил Эдмир: испуганно и покорно. Влажные темные глаза казались просто нереально большими от испуга. Но видимо, в конце концов, страх перед близостью пересилил запрет на сопротивление. И пленник попытался вцепиться принцу в лицо. Зря! Это только раззадорило Эда. И он, влепив парню хлесткую пощечину раскрытой ладонью, скрутил его, привязав к витому столбику кровати. Парень, тихо поскуливая и глотая невольные слезы, сжался и прикрыл глаза от страха, а принц тем временем стянул с себя одежду, небрежно побросав ее прямо на ковер.

Оглядев сверху донизу свой трофей, Эдмир довольно осклабился: ночь обещала быть долгой и страстной. Умело привязанный парень обнимал столбик кровати, прижимаясь щекой к темному дереву. Худое, еще не полностью сформировавшееся тело сотрясала крупная дрожь. Мальчишка, поскуливая от страха, трогательно поджимал незагорелые ягодицы, часто переступая длинными ногами. Цепочка выступающих на спине позвонков прямо таки вынудила принца перецеловать их все. Вернее, попытаться…

Почувствовав прикосновения грубых от мозолей рук воина, парень отчаянно принялся лягаться, едва не угодив принцу в самое дорогое, что уже вполне готово было погрузиться в эту узкую задницу. Тут же озверев, Эдмир отвесил по крепким ягодицам мальчишки звонкий шлепок. Да такой, что отпечаталась вся пятерня. И пока строптивый щенок подвывал от боли, рывком, не заботясь об удобстве партнера, дернул его бедра на себя, сразу, без какой-либо подготовки входя на всю длину.

От воя выгнувшегося парня казалось рухнет потолок. Но принц, не обращая внимания на судорожно сжавшийся проход, продолжал со злым упрямством толкаться в пленника, причиняя этим боль как ему, так и себе. Несчастный мальчишка орал и брыкался, но Эдмир, с силой разведя покрасневшие от прилива крови ягодицы, рывками продвигался вглубь него. Пока, наконец, появившаяся кровь не облегчила проникновение. После чего принц, перехватив

пленника руками за живот, притиснул его к себе, пережидая, пока тот прекратит дергаться.

Прикрыв от удовольствия глаза, Эдмир прислушался к себе, млея от того, как пульсирующе сжимаются вокруг его члена тугие стенки девственного прохода. И на какой-то миг даже забыл, где он и с кем. Так хорошо ему было только во сне, с тем сияющим незнакомцем. Но уже в следующий миг это наваждение исчезло, оставив после себя лишь тоскливое разочарование.

Зло оскалившись, Эдмир опустил вниз одну руку, захватывая в горсть вялый член паренька и его мошонку. Прикосновение к ладони нежной бархатистой кожицы несколько отрезвило. И вместо того, чтобы просто сжать, принц принялся нежно ласкать мальчишку, пытаясь расслабить его. Зубы его высочества тем временем метили спину и напряженные плечи парня.

Слизывая кровь из крошечных ранок, и ощущая металлический привкус на языке, Эдмир словно бы проваливался в какое-то небытие. Словно бы подобное уже когда-то было… словно он делал подобное с тем, кто был ему бесконечно дорог. Но никогда никто из любовников не мог заставить безжалостного воина влюбиться!..

Непонимание происходящего, невозможность вспомнить то, чего не было, в очередной раз довели принца до исступления. И он, до будущих синяков впившись пальцами в худые бедра наложника, ударил внутрь него. До звонкого шлепка, до вновь начавшегося скулежа несчастного парня. Но Эдмиру было все равно. Главным оказалось погасить память о том, чего не было. Но что сводило с ума своей несбывшейся реальностью…

Чуть позже, приняв ванну и переодевшись, принц с Лораном сидели в гостиной за ночным ужином. Парочка напротив, насытившись близостью, о чем-то тихонько ворковало, лежа в объятиях друг друга. Герцог с удовольствием уплетал поданные блюда, неодобрительно посматривая на принца, что застыл в какой-то прострации над полной тарелкой.

Наконец, не выдержав этого безмолвного укора, Эдмир зло дернул головой.

— Чем вы недовольны, герцог? — Обратился он к няньке, приставленной отцом. Мгновенно насторожившиеся Валиэль и Дез тут же притихли, с опаской посматривая на друга: в отличие от Лорана они не понаслышке знали о бешеном нраве наследника престола. — Не убудет от той шлюхи! Подумаешь, немного порвал. На такой случай у здешнего хозяина есть маг. К утру все заживет!

— Неужели вам так нравится, когда под вами стонут от боли, а не от страсти? — С нарочитой вежливостью вопросил герцог, разглядывая в вино в чаше. — Не замечал за вами ТАКИХ пристрастий. При дворе о вас как о любовнике идут совсем иные слухи…

— Я внимателен к своим партнерам, — угрюмо отозвался Эдмир, наконец, принимаясь за порядком остывший паштет. — Но этот сопляк вывел меня из себя. Ничего, на будущее будет умней! Нет бы просто лечь и расслабиться!..

Лоран не стал спорить, только покачал головой. «Чего же вы ищите, мой принц?.. — подумал он. — Чего… или кого?..»

— Не стоит на меня так смотреть, — сквозь зубы произнес Эдмир. И герцог вскинул на наследника удивленный взгляд. — Так, словно хоронишь, — криво усмехнувшись, пояснил его высочество. — До праздника Начала лета я вполне себе свободен. Да и потом… муж — не рабский ошейник. Можно и в сторону подвинуть.

— Вот только до праздника всего ничего, — лениво потягиваясь, промолвил Валиэль. — Не переживайте, принц! Все наладится.

— Очень надеюсь на это!.. — прошипел Эдмир.

…Завтрак в семейной столовой дворца традиционно накрывался в час Петуха. Довольно рано для любящих поспать аристократов. Но его величество в данном вопросе был весьма консервативен. Исключение делалось только для единственного и любимого сына короля, который, частенько прокутив с друзьями целую ночь, предпочитал выползать из спальни лишь к обеду.

Но сегодня Эдмир почтил своим присутствием семейное сборище.

— И где же ты был всю ночь, сынок? — Поинтересовался король Сорондо, стоило непутевому сыну появиться в Аметистовой столовой. За сравнительно небольшим овальным столом, накрытым вышитой разноцветными шелками скатертью, уже восседали все тетушки принца и его двоюродный брат Айрэ Келлиадир — сын покойной, самой старшей сестры короля. Кузен носил фамилию правящего дома, но принцем не являлся, так как его отец (тоже погибший), был всего лишь удачливым искателем приключения, сумевший заполучить любовь принцессы Мэлмэ. Царственный дядя, который обожал всех своих сестер, дал мальчику титул графа и воспитывал с самого рождения, как будущего младшего. Впрочем, юноша и не проявлял никакого рвения к военной стезе, как его кузен-принц, предпочитая возиться с цветами и книгами.

Плюхнувшись в предназначенное для него кресло, его высочество хмуро оглядел великолепие стола. К его удивлению, сегодня в столовой не было ни одного из советников отца, только члены семьи.

— Праздновал с друзьями трагическое окончание холостяцкой жизни, — хмуро ответил, наконец, Эдмир, оправляя на запястьях манжеты белоснежной рубашки и размышляя, что же ему съесть, чтобы прошла унылая тошнота, отравившая начало утра.

— Теперь тебе придется забыть о ТАКОМ поведении, — поучительно проговорил король, постукивая серебряной ложкой по краю глубокой фарфоровой чашки с бульоном. — Твоему младшему супругу это явно не понравится. И постарайся не слишком выставлять напоказ свои любовные похождения на стороне.

— Отец, у нас ведь чисто политический брак с этим… блондином, — скривился Эдмир, принимая из рук слуги бокал с освежающим травяным отваром. Второй слуга поставил перед его высочеством тарелку со сладкими пирожками: о любви принца к сладостям при дворе рассказывали анекдоты, правда, с оглядкой. — Неужели думаете, что я его полюблю? Я намерен искать любовь на стороне. Или хотя бы привязанность.

— Ну да, ну да, племянничек, — пробормотала себе под нос одна из трех достопочтенных тетушек Эдмира принцесса Лаурэ. Дама была весьма примечательная во всех отношениях, включая достаточно стервозный характер. Бросив весьма ироничный взгляд на племянника из-под длинных ресниц, ее высочество величественно качнула пышными пепельными локонами, забранными в высокую прическу с переплетением жемчужных нитей. Серые глаза искрились от смеха. Лаурэ обожала племянника, но никогда не упускала возможности его поддразнить.

Красивая, статная принцесса, как и ее сестры, до сих пор была не замужем, что порождало при дворе массу слухов, вплоть до того, что три сестры поклялись Богине-Земле хранить безбрачие.

И только племянник знал, что у каждой давно есть на примете избранник сердца. И что Лаурэ глубоко в душе лелеяла надежду на ответное чувство. Ей были понятны и близки душевные порывы племянника, но она не одобряла его разгульного образа жизни и такого количества любовников. Принцесса была сторонница стабильности. И потому обрадовалась, узнав, что Эдмиру предстоит остепениться.

— Просто прими к сведению, что Дориан не кто-то со стороны, а сын герцога и отец будущих королей, — со скрытым неодобрением отозвалась принцесса, разглядывая хмурого, как филин, племянника. — Хотя бы создай видимость приличий. И не выставляй ваши отношения на обсуждение всего двора.

— Двор и так будет нас обсуждать. А Дориан… стерпит, если так уж желает подставлять мне задницу, — ровно ответил принц, залезая ложкой в вазочку с медом. Отец едва не поперхнулся травяным отваром, а все тетушки дружно покраснели. — Ему нужно только детей мне родить, а уж своему дружку я всегда найду и применение, и ножны.

— С каких пор ты забыл о своем воспитании, Эдмир Келлиадир?! Ты не со своими солдатами!.. — замахала руками на принца Эстель, средняя из сестер его отца.

— Тетушка, не будьте ханжой. Вы же сами мне под стать!.. — лучезарно улыбнулся Эдмир. Эту тетку он просто обожал за легкий, веселый нрав и всегдашнюю готовность к любым проказам. Эстель больше всего любила балы и всевозможные развлечения. Придворные были от нее в восторге, как и от ее красоты. Тугие локоны каштанового цвета, сдерживаемые только кружевной лентой, падали на точеные плечи принцессы. Пышная грудь, затянутая в абрикосовый шелк, часто вздымалась от еле сдерживаемого смеха, а серые глаза задорно поблескивали из-под длиннющих ресниц.

— Прекрати блудить, шалопай! — весело отозвалась Эстель в ответ, пока ее брат тихонько фыркал в бокал, потешаясь над реакцией собственных сестер, напоминающих в этот момент выводок возмущенных куриц. — И хотя бы подумай о спокойной семейной жизни!

— Ага, — саркастически перебил ее племянник, — в перерыве между походами и ревностью муженька!

— А ты не давай ему поводов для ревности, — неодобрительно поджав губы, произнесла еще одна тетушка, Исса, четвертая и самая младшая сестра Сорондо. Белокурая и сероглазая скромница предпочитала обычно молчать, но демарш племянника вывел ее из себя.

— Тетя! — Отчаянно взвыл совершенно несчастный Эдмир. — Да какой повод?! Тут и без повода ревности будет через край! Он же мне житья не даст!..

Король, не выдержав, расхохотался. Иногда, вот как сейчас, их завтраки переходили в откровенный фарс.

— Все, прекращайте спорить! — Приказал он, просмеявшись. Сестры тут же послушно умолкли: Сорондо они все уважали и порой побаивались. Старший брат по возрасту годился им в отцы, заменив некогда погибших в попытке переворота родителей. В те времена все три принцессы были несмышлеными крошками, да и сейчас еще не перевалили за сотню лет, что для крови эльфов не было возрастом. — Отстаньте от Эда, ему и так нелегко. Пусть перебесится напоследок.

— Как же, напоследок! — чуть слышно выдала Исса, не осмеливаясь, однако, перечить брату. — Удивляюсь, как это еще при дворе не роятся его бастарды…

— А я магически предохраняюсь, дражайшая тетушка, — не оставил выпад без ответа Эдмир, но отец громко хлопнул по столу ладонью.

— Я сказал ХВАТИТ! — Повысил он голос. — Ладно Эд!.. Он еще слишком молод. Но вы-то, — метнул король на сестер грозный взгляд, — старше его! И намного.

— Прости, брат, — решительно произнесла Лаурэ, отодвигая от себя тарелку со своей любимой клубникой. — Но ты его слишком балуешь. Не удивительно, что он ни на кого не оглядывается в своих поступках! Впрочем, в этом есть и наша вина: мы все потакали его капризам. Боюсь, как бы ни было беды. Эдмир привык играть людскими жизнями, не думая о последствиях. Он, не задумываясь, рушит людские судьбы. И пусть это всего лишь простолюдины, но рачительный хозяин не будет разбрасываться собственным добром. Прости, Эд, но наболело! — обратилась она к племяннику. У принца, услышавшего подобное от всегда столь заботливой тетушки, вытянулось лицо. Айрэ, не вмешиваясь в разговор, бросил на кузена сочувственный взгляд. — До меня дошли кое-какие слухи о ваших играх для избранных. Я очень тебя люблю и не хочу, чтобы возмущенный народ поднял тебя на вилы…

— Это быдло?!.. — возмутился принц. — Меня, воина?!..

— Я СКАЗАЛ ХВАТИТ! — Во весь голос рявкнул его величество, да так, что задребезжала на столе посуда, а слуги замерли вдоль стен соляными столбиками.

— Я верю в благоразумие сына, — твердо произнес король после очень долгого мига тишины. — Поговорим лучше о другом. Сегодня вечером бал. И я желаю всем вам повеселиться от души. Эд, — повернулся он к сыну и взирая на него с любовью и отцовской гордостью, — скоро прибудут гости. Мы с тобой встретим их лично. Ты ведь понял, о ком я?..

Принц хмуро кивнул.

— Думаю, стоит объявить о твоей помолвке на празднике, — продолжил король, но его неожиданно перебил тихий голос Айрэ.

— Дядя, а не слишком ли это быстро? — спросил юноша, катая по столу красное яблоко. Сорондо ласково качнул головой.

— Нет, малыш, — пояснил он племяннику. — Такие вещи делаются сразу. Ни к чему затягивать. Что-то случилось, Лоран?

Вошедший в столовую после объявления мажордома герцог, с достоинством поклонился королевскому семейству.

— Ваше величество, герцоги Ваоттиро прибыли. Я встретил их лично, — Лоран кинул короткий взгляд на принца. Тот лишь уныло на него посмотрел.

Переглядывающихся между собой старших совершенно не интересовал черноволосый и черноглазый мальчишка, сидевший за столом. Никто из них ничего не заметил…

Айрэ буквально пожирал взглядом статного герцога. Но стоило только Иссе посмотреть на племянника, как маленький граф опустил глаза и стал старательно возить вилкой в тарелке. Вот на такой ноте и закончился королевский завтрак в Аметистовой столовой дворца.

А спустя всего лишь полчаса, его высочество наследный принц Эдмир истуканом застыл подле

отца в Золотом зале, что использовался для встреч самых почетных гостей. Непроницаемое лицо принца скрывало далеко не игрушечную бурю чувств, корежившую в данный миг его душу.

Эдмир НЕ ЖЕЛАЛ видеть своего бывшего любовника в роли будущего жениха и супруга. И пусть Дориан станет всего лишь его консортом, но… А, плевать! Ради блага королевства можно потерпеть мерзкий характер сына герцога Ваоттиро.

Но как же не хочется!..

Чтобы отвлечься, Эдмир принялся в уме перебирать младших отпрысков знатнейших родов, из которых ему стоит выбрать своего фаворита. И не девушку — зачем ему нежелательная беременность. Юношу, приятного во всех отношениях. Красивого, страстного и покорного. И обязательно умного, что будет приятным разнообразием после милейшего Дориана.

В предвкушении выбора Эдмир чуть слышно хмыкнул. Пожалуй, стоит остановиться на одном из младших сыновей лорда Вуреса. Семейство влиятельное, богатое и многочисленное. Глава клана будет только рад, если один из его сынишек встанет подле будущего короля. Титул фаворита был вполне официальной должностью, в отличие от звания любовника. Фавориты были на вершине власти, в пику многим принцам-консортам. И подчас, когда близость заканчивалась, оставались верными друзьями и соратниками королей Хилдона. К тому же этот титул позволял им основать собственный клан, взяв супруга или супругу, а не становиться просто чьим-то наложником или младшим мужем. Эдмир подарит сыну лорда Вуреса один из замков под столицей, некогда принадлежащий мятежному барону, а сам посвятит себя поиску того красавчика из сна. На днях придворный маг по большому секрету сообщил его высочеству, что незнакомец, судя по всему, предназначен ему самой судьбой. И уже где-то ходит под лунами этого мира, тоже ищет свою половинку. Эдмир был уверен, что взаимные поиски будут недолгими — такую красоту трудно не заметить, так же как и проигнорировать его титул принца.

Стоявший за спиной его высочества Лоран осторожно посматривал на своего друга, безуспешно пытаясь угадать течение его мыслей. То, что Эда не прельщал этот брак, не слышал при дворе только ленивый. Слишком громким был его разрыв с красавчиком Дорианом. Впрочем, последний, неоднократно бывая при дворе, всякий раз пытался повеситься принцу на шею, не в состоянии понять, что его красоты вызывают у наследника только зубовный скрежет. А уж требования герцогского сынка о близости и вовсе были несуразны. В их последнюю встречу Эдмир едва не избил навязчивого парня, но сумел сдержаться и просто сбежал на войну. А милашка Дориан в отместку отравил тогдашнего любовника Эда. Правда, ничего доказано не было, но все вокруг знали, чьи уши торчат из этой грязной истории. И ничего не могли поделать: связываться с могущественными герцогами запада было себе дороже. Король правильно сделал, что предложил им брак со своим сыном. Земли Ваоттиро станут прекрасным буфером между Хилдоном и не менее воинственным королевством Мисиран.

Вошедший мажордом, церемонно стукнул своим резным посохом, объявляя о прибытии гостей. И миг спустя высокие резные двери распахнулись, явив взору хозяев двух вошедших в зал аристократов.

Ну, что Лоран мог сказать…

Великолепны. Что отец, что сын. Этого у них не отнять. Тонкие черты изысканно красивых лиц,

унаследованных от предков-эльфов. Густые светло-пшеничные волосы: у отца до плеч, у сына, как и подобает будущему младшему супругу, до самой талии. Глаза чистейшего бирюзового оттенка. Фигуры закачаешься. Правда, старший из герцогов более массивен, с великолепным разворотом плеч — сразу видно, воин. Младший более хрупок, изнежен. Но для младших супругов это, скорее, достоинство.

Аминел, герцог Ваоттиро, и его сын Дориан собственной персоной. А у последнего-то глазки как блестят! Даже не дал себе труда скрыть собственное торжество. И язычок так и порхает по пухлым губкам! Нет, Лоран и раньше знал, что милашка Дори не отличается глубоким умом, но так демонстрировать свою победу… Парень хотя бы задумался, как будет жить с откровенно его презирающим мужем?

Приветственную речь короля Лоран пропустил мимо ушей, занятый разворачивающимся спектаклем.

Принц вынужден был предложить руку своему уже нареченному жениху. А Дориану было море по колено. Пользуясь тем, что встреча проходила приватно, и кроме них и Лорана в зале не было никого (лакеи не считаются, они и не такое видали!), Дориан лучезарно улыбнулся и «незаметно» для присутствующих погладил жениха много ниже пояса.

— Ты что творишь? — Злобно зашипел Эдмир, натягивая на лицо фальшивую улыбку. Попытки принца отстраниться не привели ни к чему хорошему: Дориан едва не повис на его плече. — Если не прекратишь, я тебя на пол сброшу. И объясняйся тогда сам с отцами!

Милашка Дори обижено надул розовые губы, явно подкрашенные какой-то ароматной помадой.

— Я просто соскучился по тебе, любимый, — томно протянул он, жеманно хлопая длиннющими ресницами, которым позавидовала бы любая девушка, и грациозно убирая за чуть заостренное ушко выбившуюся из прически золотистую прядку.

— Ты ведешь себя как последняя *****! — Продолжал шипеть Эдмир. А его жених жеманно захихикал: — Но ведь тебя возбуждает мое поведение! — Принц беззвучно выругался: всю ночь прокутив с друзьями, он встал очень поздно. К тому же под самое утро ему опять привиделся тот незнакомец из сна, и его высочество, по-быстрому удовлетворив себя рукой, поспешил на раннюю встречу, не успев толком успокоиться. Как и у всех потомков эльфов у принца никогда не было проблем с потенцией, скорее уж он мог кого угодно заездить, стремительно восстанавливаясь после разрядки. И теперь это сыграло с ним злую шутку: новоявленный женишок с какого-то перепоя решил, что именно он ТАК действует на принца.

— Я счастлив, Эдди, — неожиданно серьезно выдал Дориан, преданно заглядывая в любимые серые глаза. — Теперь мы всегда будем вместе!

Разъяренный нелюбимым прозвищем Эдмир раскрыл было рот для гневной отповеди, но нежные, не знающие оружия ладони Дориана осторожно легли на широкую грудь принца, чуть поглаживая. — Я все также хочу твой член во мне.

— Дорррогой, — голос принца источал мед, но глаза словно покрылись коркой льда. — Не слишком много ли ты себе позволяешь?

— Нет, Эдди, — прошептал Дориан, не замечая угрозы в голосе наследника, и скользя руками по груди принца вниз. Со стороны могло показаться, что молодые беззаботно воркуют, но Лоран, до которого долетало каждое слово, давно кусал губы, сдерживая ухмылку, и гадал, насколько еще хватит терпения наследника престола. — Мы, считай, уже законные супруги.

Да и я давно не девственник. Ведь именно ты был моим первым и единственным мужчиной. Я до сих пор не могу тебя забыть…

— Ага, ври больше, — Эдмир скинул с себя загребущие ручонки герцога и бесцеремонно отодвинул того от себя. — Не ты ли в последний год менял партнеров, как перчатки?

— В чужом глазу соринку видим, а в своем и бревна не заметим?! — Саркастически кривя губы, произнес Дориан, бирюзовый взгляд потемнел от злобы и ревности. — Сам-то хорош! Сколько в твоей постели побывало любовников и любовниц? Сколько?! — Чуть ли не заистерил блондин, вцепившись тонкими пальцами в плотную ткань парадного камзола принца. — Ты ведь и после свадьбы собираешься мне изменять?!

— Какой же ты догадливый, Доооооори? — Съязвил Эдмир, отцепляя от себя герцога и отходя от него на значительное расстояние. — Я буду иметь столько любовников, сколько пожелаю. А еще у меня будет официальный фаворит, которого ты ОБЯЗАН будешь признать! Твоими обязанностями будет только рождение и воспитание моих наследников. Или ты мечтаешь о месте соправителя?

— Не отказался бы! — Отбрил Дориан, надменно складывая на груди руки. — Но, как понимаю, мне этого не светит. Зато на твою постель я претендую от начала и до конца. Развлекаться будешь на стороне и в глубокой тайне. И своему фавориту, — это слово Дориан едва не выплюнул, — сразу укажи его место! Я не позволю красть у меня твое внимание, любимый! Ты мой и только мой! И если кто-то из твоих подстилок об этом забудет, то смертельно пожалеет!

Стальные пальцы Эдмира легли на беззащитное горло жениха, пока еще не сжимаясь.

— Угрожать решил, дружочек! — Промурлыкал принц прямо в расширившиеся от страха голубые глаза. — Сссмелый котеночек! Я ведь не посмотрю, что сын герцога, живо коготешки пообрываю!..

— Ах, Эдди!.. — в восторженном ужасе прошептал Дориан, едва не обмирая под рукой своего кумира. — Как же я счастлив!.. Ну, же! Ударь меня!

Эдмир чуть не плюнул, отдергивая руку и брезгливо вытирая ее об камзол. А Лоран едва не заржал в полный голос, рассмотрев закатившиеся в экстазе глаза Дориана. Действительно, принца стоит только пожалеть — получить в супруги это НЕЧТО.

— Наговорились? — Ласково спросил король Сорондо, рука об руку с герцогом Аминелом подходя к молодым. И Лоран задумался, насколько правдивы были слухи, что эти двое в далекой юности были любовниками: уж очень органично смотрелись два красавца, ничуть не проигравшие возрасту. — Тогда, сын, стоит отпустить наших гостей в приготовленные для них апартаменты. Встретимся на празднике, — попрощался он с будущими родственниками. Те понятливо поклонились и в сопровождении слуг покинули зал.

— Мрак!.. — с совершеннейшей досадой выдал Эдмир, глядя на улыбающегося отца. — Только не говори, что ты не видел представление, которое устроил этот… эта трясогузка!

Король, более не сдерживаемый этикетом, рассмеялся.

— Не буду!.. — сквозь смех выдал он. — Забавный мальчик. Красивый, безумно влюбленный в тебя. Но… недалекий! Именно поэтому Аминел в свое время и распрощался с мыслью воспитать из сына полноценного наследника. К счастью для нас и королевства.

— Почему же он не женился вновь, когда его супруга погибла? Получил бы нормальных наследников.

— По той же причине, что и я после смерти твоей матери, — грустно улыбнулся король. — Ладно, иди, готовься к празднику.

Коротко поклонившись, разозленный Эдмир поспешил покинуть зал в сопровождении сочувствующего ему Лорана.

Глава 3

…В отличие от помпезных дворцовых балов карнавал в честь начала лета был неофициальным и любимым праздником не только аристократии, но и простого люда. В первую ночь лета гулял весь город с окрестностями. Веселились все! Даже жрецы столичных храмов, в обычное время весьма неодобрительно смотревшие на шумные праздники, с удовольствием участвовали в веселых переодеваниях. Считалось, что сами боги в эту ночь покровительствуют гулякам и исполняют их потаенные желания. А то и сами бродят среди людей, выпивая за компанию…

…Праздник во дворце начался внезапно, без какой-либо преамбулы. Просто внезапно закружил, мигом смешав всех: и прислугу, и гостей, и придворных. Не праздновали только гвардейцы, призванные в эту сумасшедшую ночь охранять дворец от посягательств извне, что не могли не огорчать бравых вояк. Недаром среди гвардии считалось самым страшным проклятием услышать пожелание «Чтоб тебе в наряд идти в ночь Карнавала!..»

Спустившись по парадной лестнице в Большой зал, его высочество принц Эдмир рассеяно прислонился спиной к колонне, наблюдая за круговертью танцующих. Вычурная маска надежно скрывала лицо наследника, доставляя ни с чем несравнимое чувство полной вседозволенности. И в прошлые годы Эдмир не упустил бы шанса повеселиться неузнанным. Но в этот раз проклятый Дориан испортил ему все настроение от любимого праздника!

Стоявший рядом с принцем Лоран с недоумением тронул его за локоть: кричать среди окружающего бедлама было делом бесполезным. Эдмир жестом предложил другу следовать за ним и решительно зашагал в сторону дальних столиков, уставленных спиртным и блюдами с закуской. Традиционно считалось, что на Карнавал приходят не есть, так что столы не накрывались. Но слуги бдительно следили, чтобы закуска и выпивка не переводились ночь напролет.

Здесь было потише и не так душно: из приоткрытых дверей с террасы долетал прохладный ветерок.

Ловко выхватив из-под носа принца бокал с золотистым вином, Лоран внимательно пронаблюдал, как его высочество, недовольно заворчав, залпом осушил кубок самого крепкого напитка, что нашел, и вновь схватился за графин.

— Что произошло? — Мягко поинтересовался герцог, впервые в жизни наблюдая, как его обычно весьма сдержанный принц напивается прямо на глазах двора. Нет, где-нибудь в укромном местечке, в компании близких друзей Эд мог себе позволить лишнее, но только не прилюдно! — Ты никогда раньше так себя не вел!

— Мне никогда раньше и не светила совместная жизнь с этим придурком? — Огрызнулся Эдмир, кидая острый взгляд в сторону сияющего жениха, что громко смеялся, демонстрируя окружающим белоснежные зубы и красоту своей шеи. Герцогского сыночка окружала целая плеяда юных потомков самых знатных семейств королевства, как девушек, так и юношей. И

каждый из них (явно по наущению родителей!) мечтал заполучить дружбу будущего консорта. Блондин же едва не купался в восхищении окружающих, кокетничая напропалую. Но пристальный, непривычно серьезный взгляд его был прикован к высокой фигуре наследника, продолжавшего упорно напиваться. В конце концов, когда Эд протянул руку за очередным бокалом со спиртным, Лоран не выдержал и решительно потянул друга прочь от столика с напитками.

— Решил опозорить и себя и своего отца?.. — Прошипел герцог, вытащив его высочество на свежий воздух. Слава богам, что на террасе в этот момент никого не было, и можно говорить спокойно.

Относительно спокойно…

— Решил переиграть помолвку? Давай! Только делай это сейчас, пока не было официального объявления. Но в таком случае ты поступишь не как будущий король, а как капризный мальчишка! Ты же сам это понимаешь, Эд! Какая тебе разница, на ком жениться, твою свободу ничего ограничивать не будет…

— Я предаю ЕГО!.. — заплетающим языком выдал вдруг принц, тяжело повисая на перилах балюстрады. — У меня такое чувство, что я ЕГО предаю…

— Кого? — Не понял герцог, размышляя — использовать отрезвляющий амулет или еще рано. После магического вмешательства принцу будет очень плохо, но если позволить ему и дальше напиваться…

— Все в порядке, — невнятно произнес Эдмир, плеща себе в лицо холодную воду из крошечного фонтанчика в углу террасы. — Или ты думаешь, что я пью из-за Дориана? Да плевать мне на него! Кстати, эта трещотка уже всему двору разболтала о помолвке, так что никакого объявления делать не надо!.. Нет, Лори!.. У тебя никогда не было такого чувства, что ты что-то делаешь не так… не правильно? Предаешь себя этими действиями?

Герцог невольно задумался.

— Пожалуй, нет, — наконец, вымолвил он. Принц только криво усмехнулся.

— Счастливый ты человек, — криво усмехнулся Эдмир, вытирая мокрое лицо краем короткого плаща. — Я тоже сравнительно недавно так думал. Пока не начал видеть странные сны…

— Сны? — Насторожился Лоран. Только безумца на троне не хватало!

Но Эдмир лишь грустно улыбнулся.

— Я не сошел с ума, не бойся, — правильно понял он замешательство герцога. — Как мне объяснили маги — где-то в мире бродит моя вторая половинка. Я ищу ее, Лори! И не могу найти.

Герцог почувствовал, как по его спине под одеждой протопала целая стая мурашек. Вот это да! О подобном он только читал в старых книгах!

— Тогда, может, не стоит торопиться со свадьбой?.. — нерешительно начал он, но принц отрицательно мотнул головой.

— Я будущий король. И я женюсь на Дориане ради страны, — сообщил он, оправляя на себе

смятый камзол. Бархат глубокого фиолетового оттенка в наступающих сумерках казался совсем черным. Лишь богатые галуны цвета старой бронзы позволяли разглядеть в густой тени фонтана контур фигуры принца. Да неестественно белое лицо с крепко сжатыми губами плыло перед глазами ошарашенного неожиданным признанием герцога. Но и оно скрылось под маской цвета бронзы.

— Я женюсь на том, кого не люблю, — тихо закончил принц, разворачиваясь в сторону зала, — и буду искать того, кто мне предназначен. А когда найду, буду беречь его больше всех сокровищ мира. Но он никогда не сможет стать моим мужем. Только любовником. Как это грустно, Лори…

Герцог не знал, что ответить на подобное признание. Да и что тут скажешь? Только вознесешь молитву, что самому не пришлось мучиться выбором.

— Постарайся не настроить против себя Дориана, — неловко посоветовал он другу. — Все-таки лучше, когда супруги соратники, а не противники.

— Из крошки Дори не выйдет соратника, — скривил губы в презрительной улыбке Эдмир, останавливаясь на пороге зала, где било бурное веселье. Карнавал сорвал все ограничения с чувств и мыслей. Скрытые масками, гости пустились во все тяжкие, позабыв о правилах этикета. — Ему или все, или ничего.

Мимо замерших друзей мчались в бешеном танце фигуры в самых разнообразных костюмах, всевозможных форм и расцветок.

Налетевшая стайка молодежи разъединила принца и герцога, растащив их в разные стороны. На шее Лорана повисла какая-то морская богиня, чудно контрастируя своим зелено-розовым и весьма символическим платьем с герцогским черно-зелено-синим костюмом злого Шута. А Эдмира вытащили в круг танцующих сразу несколько фигур непонятного пола. С трудом прорвавшись сквозь них, принц вывалился в закрытую галерею дворца, где тоже хватало карнавальных масок, но к нему хотя бы никто не приставал. Решительно завернув за угол, его высочество, едва ли не пинком распахнул дверь ближайшей гостиной, ввалился туда и задвинул засов.

— Очень предусмотрительно, — проворковал из темного угла знакомый голос. Вспыхнувший магический светильник позволил раздосадованному принцу разглядеть небрежно раскинувшегося на кушетке Дориана в своем приметном бледно лиловом, расшитым серебром костюме, отделанным темно-серым кружевом и черными перьями. Снятая серебряная маска была небрежно брошена на соседнее кресло. Долетающая издалека музыка только подчеркивала гулкую тишину комнаты.

— Видишь, Эдди, мы предназначены друг для друга, — пропел Дориан, соблазнительно облизывая полные губы, и блестя из-под спутанной золотистой челки бирюзовым взглядом. — Ты умудрился найти меня даже здесь…

— Да я просто ввалился в первую попавшуюся комнату! — Отбрил его Эдмир. — На моем месте мог быть любой.

— Но ты не любой, — Дориан тягуче, словно кошка, потянулся всем телом. И неожиданно лег на спину, согнув ноги в коленях. На среднем пальце правой руки знакомо сверкнул перстень-амулет. — Видишь, я очистился для тебя. Возьми же меня!..

— Ну, ты и шлюха!.. — с непонятно какой интонацией протянул Эдмир, с невольным интересом

наблюдая, как руки Дориана скользят вверх по его телу, собирая в складки светло-лиловый шелк и обнажая молодого Ваоттиро по пояс. Исподние штаны герцога из тонкой ткани не скрывали его явного возбуждения, оттопыривась шалашиком в районе паха.

— И тебе это нужно, — мурлыкнул Дориан, становясь на колени и призывно поводя округлым задом. — Давай, же!

- *****! — Коротко выругался его высочество, широко шагая вперед. Руки сами легли на прохладный шелк белья Дориана, рывком заголяя женишка. А красивая задница, ничего не скажешь! Накаченная и гладкая.

Пальцы принца смяли в горстях плоть, разводя в стороны тугие половинки. Дориан прогнулся в спине и призывно застонал, подаваясь навстречу партнеру. А Эдмин испытал чувство брезгливого возбуждения: вроде бы и противно, а… хочется!

Нежности не было, одно только торопливое соитие.

По-быстрому растянув партнера, Эдмир жестко вошел в узкий и, тем не менее, послушно принявший его проход герцога. Тот часто дышал, нетерпеливо поддавая задом навстречу быстрым толчкам принца. А Эдмир, вцепившись до синяков в белоснежные бедра жениха, яростно натягивал того на свой член, заботясь только о собственном удовольствии. И надо сказать честно, удовольствия было более чем достаточно — все-таки Дориан был хорош в постели!

Разрядка наступила достаточно быстро. Эдмир замер, впечатавшись бедрами в покрасневший зад жениха, и содрогнулся, выплескиваясь в него. Накатившая после разрядки слабость заставила принца слегка покачнуться и опереться рукой о спинку кушетки рядом с головой парня. Но это прошло так же быстро, как и появилось.

Выйдя из обмякшего герцога (и когда только кончить успел?), Эдмир небрежно его оттолкнул и отошел в сторону, оправляя одежду.

— Тебе ЭТО было нужно? — Брезгливо спросил он, застегивая пояс. — Почему бы нам просто не стать соратниками? Ты дашь мне наследников, а я тебе — титул консорта. И все довольны.

— Нееет!.. — лениво протянул Дориан, переворачиваясь на спину и закидывая за голову руки. Молодой Ваоттиро даже не озаботился прикрыться. И теперь демонстрировал принцу льняные кудряшки паха с полуопавшим, измазанным спермой розовым членом. — Я хочу тебя всего, Эдди! Мне не нужно только место подле тебя. Мне нужен ты сам. Я тебя люблю. И сделаю все, чтобы ты тоже меня полюбил.

— Прикройся! — Раздраженно заявил Эдмир жениху, подходя к двери. — Или ты решил мне дать повод разорвать помолвку столь вульгарным поведением?

— Э, нет, милый! — Живо подскочил Дориан, натягивая полуспущенные штаны. — Я ведь не с кем-то блудил, а с тобой! Так что повода не будет! Жаль, что я не озаботился сегодня коконом, а то можно было бы прямо сейчас заделать наследника. Ну, да ничего! Тем приятнее будет повторить!

— После свадьбы! — Довольно грубо бросил Эдмир, вылетая из гостиной. И Дориан расплылся в предвкушающей улыбке.

— Как скажешь, милый, — прошептал он, мечтательно улыбаясь. — Как скажешь…

За время отсутствия принца в зале мало что изменилось. Все так же гремела музыка, раздавался смех, в прихотливом танце мчались навстречу друг другу шеренги танцующих.

Вновь прислонившись спиной к резной колонне, Эдмир с непонятной самому себе тоской принялся лениво наблюдать за чужим праздником жизни. Взгляд зацепился за прячущейся в тени маленькой фигуркой в изумрудно-золотых шелках. Ну, надо же! Кузен Айрэ собственной персоной. И как всегда не умеющий веселиться. И в кого он только такой пошел?

Обреченно вздохнув, Эдмир прошел в альков у стены.

— Чего грустишь? — Безнадежно вопросил он двоюродного брата. Айрэ вскинул на принца темные вишни глаз.

— А ты? — Задал встречный вопрос. — Помнится, раньше ты отплясывал впереди всех. Или на тебя так повлияла будущая женитьба?

— Тебе ведь тоже это предстоит, — с пониманием отозвался Эдмир. Кузен только головой покачал.

— Но ты, в отличие от меня, будешь старшим, — тоскливо произнес мальчик, смотря в брызжущий весельем зал. — И ты свою судьбу уже знаешь. А я… Я всю голову изломал, пытаясь просчитать, кому меня отдадут, как довесок к очередному политическому договору.

— Успокойся, — неловко сказал Эдмир. Но брат только насупился: — Принцы и их родственники не могут жениться по любви.

— Ох, и разговоры у вас тут! — Воскликнула золотая маска, появляясь из-за колонн. А у Эдмира зарябило в глазах от пестроты наряда — песочного цвета бархат, золото, жемчуг, янтарь!

— Оставь их в покое! — Рыкнула точно такая же маска, появляясь с другой стороны. Следом за ней как на привязи тащился с несчастным видом маркиз Деззион с треснувшей напополам маской в руке.

— Все ясно, — обреченно вздохнул его высочество. — Братья Коразз собственной персоной! Многих в зале обдурили?

— Не без этого, — с достоинством отозвался Эльмаран, открывая лицо. Старший из близнецов отличался более рассудительным характером, но только ни в дни карнавала, когда пускался во все тяжкие почище брата-разгильдяя. — На то и праздник! А уж у близнецов во время него поле непаханое для шуток. Впрочем, я хотел бы знать, отчего у дражайшего маркиза треснула маска?

Дез только скривился.

— Все претензии к своему озабоченному братцу. Ему так не терпелось, что он просто напросто сорвал ее с меня, а потом сам же на нее и наступил.

Эдмир невольно захрюкал от смеха, представив картинку. И Деззион тут же надулся, на радость самодовольному Валиэлю. А принц почувствовал, как его плохое настроение стремительно истаивает. В их развеселой компании не хватало только Лорана, как-то незаметно из надзирателя, приставленного отцом, превратившегося в доброго друга и наставника шалопаистой молодежи.

mir-knigi.org

Внезапно принца посетило странное чувство… Словно что-то случилось… Или только должно случиться?..

Звуки праздника как-то неожиданно отдалились, исчезли и грянули с новой силой. Мир вокруг вспыхнул неистовым светом, до слепоты перед глазами, и вновь вернулся в исходные границы. Все размылось совершенно сумасшедшим пятном, в центре которого оказался незнакомый мальчишка, почему-то без карнавальной маски. Ничем не примечательное лицо, симпатичное, но не более, за исключением самых потрясающих на свете глаз — аквамариновых с золотыми искрами смеха. Улыбчивые, четко очерченные губы, чуть вздернутый нос, задорные ямочки на щеках, высокие скулы. И нежно-золотистый оттенок кожи…

— Принц!.. Стойте! Куда его понесло?!!.. — полузнакомые голоса доносились до Эдмира как сквозь толстый слой ваты. Его высочество словно арканом потянуло к этому мальчишке.

С трудом остановившись, он отчаянно затряс головой, пытаясь прояснить мозги.

— Кто это?.. — прохрипел он, проталкивая колючий воздух сквозь пересохшее горло. Эльмаран проследил за взглядом своего сюзерена.

— Ааа… — понимающе отозвался он. — Занятная штучка. Свежий мальчик из провинции. Это Рэниари, незаконный сын графа Вориндо, лорда Морской Цитадели. Я уже встречался с его старшим сводным братом Руинном. Неприятный, скажу я вам тип…

— Плевать! — Перебил барона Эдмир. — Мне нужен этот мальчишка!..

— Потом, — решительно оборвал его порыв невесть откуда вынырнувший герцог Лоран. — Ваш отец велел вас привести к нему. Он желает сделать объявление.

— И даже знаю какое, — со вздохом вымолвил принц, нехотя отводя взгляд от все-таки одевшего маску сына графа. — Валиэль, Эльмаран, — приказал он близнецам, — проследите за ним для меня.

Бароны понимающе кивнули, пока принц с герцогом пробирались к подиуму, на котором возвышался королевский трон. Там уже стоял сияющий как новенький золотой Дориан со своим папочкой.

— А, действительно, миленький мальчик!.. — пропел Валиэль, хищным взором следя за танцующим в центре зала Рэниари. — И явный девственник. Забавно будет с ним покувыркаться, когда он надоест принцу.

— Тебе меня мало? — Тут же надулся Дез. А Айрэ с осуждением на них покосился и пошел прочь, на ходу натягивая на лицо плотную маску.

— Не сердись, любовь моя, — тут же примиряющее обнял любовника барон. — Просто представь, как это будет здорово втроем!

— Ты так уверен, что принц тебе его отдаст? — иронично вопросил брата Эльмаран.

— Такие, как этот девственник, не очень то привлекают принца, — отозвался Валиэль, мелко-мелко целуя млеющего Деза в ждущие губы. — Новизна быстро пройдет, и он бросит парня. А мы его подберем и воспользуемся. Правда, милый?

— Мммм… — согласно промычал маркиз Деззион, занятый совсем другим.

— Чем это вы собрались воспользоваться, шалопаи? — Раздался звонкий голос его высочества принцессы крови Иссы Келлиадир, младшей сестры короля. Дворяне тут же отвесили глубокие поклоны высокопоставленной даме.

— Ах, оставьте! — Отмахнулась та. — Как будто мы друг друга не знаем. Маркиз, если вы не хотите, чтобы ваш собственный отец вас прервал, советую поспешно удалиться… хотя бы в парк.

— Понял! — Мигом подхватился Валиэль, живо утаскивая любовника подальше от угрозы встречи с его отцом.

— Исса!.. — выдохнул Эльмаран, когда парочка убралась из видимости. Но принцесса предостерегающе подняла руку.

— Не надо, Эль, — мягко произнесла она. — Нам не быть вместе. Если брат решит отдать меня кому-нибудь в жены, будет очень больно рвать нашу с тобой связь.

— Плевать! — Пылко перебил ее Эльмеран. — Я знаю, что простой барон не пара принцессе, но я просто люблю тебя! Не требуя ничего взамен. Позволь хоть иногда быть с тобой рядом!

— Эль, — начала было девушка, но тут же смолкла, не зная, что сказать при виде отчаянных глаз цвета темного сапфира.

— А, плевать на все!.. — прошептала вдруг ее высочество, приникая к обрадованному любовнику. — Я тоже хочу свою долю счастья! Хочу вспоминать тебя!..

— Иииса! — Простонал совершенно счастливый Эльмеран, держа в объятиях женщину своей мечты. Парочка больше не обращала внимания на происходящее в зале. А между тем музыка стихла, повинуясь взмаху королевской руки. И его величество Сорондо выступил вперед, ведя за собой Эдмира и Дориана.

— Я рад сообщить нашим подданным о будущем союзе своего сына и наследника с юным герцогом Дорианом Ваоттиро. Приветствуйте будущего супруга принца!

Огромный зал взорвался овациями. Ни для кого из многочисленных гостей сказанное не было секретом. Но одно дело подозревать, а другое — самому услышать о грядущей свадьбе. Следующие полчаса будущих новобрачных активно поздравляла вся аристократия королевства. И только потом Эдмиру вновь удалось пробиться за колонны, оставив гордого Дориана одного в окружении толпы подхалимов. На принце был плащ Шута, сдернутый с Лорана. Только благодаря этому его высочеству удалось остаться незамеченным.

— Где?!.. — только и спросил он у жарко целовавшейся до его прихода парочки. Но смущенный Эльмеран лишь захлопал глазами, пряча за спиной не менее смущенную тетушку принца.

Зло рыкнув, Эд развернулся на каблуках, сразу же утыкаясь взглядом в знакомую фигуру в вишнево-фиолетовом бархате. И, не обращая более ни на кого внимания, принц, пользуясь тем, что все в зале усиленно стремятся к подиуму с Дорианом, рванул к своей добыче.

Рэниари был счастлив…

И это еще слабо сказано!

У него голова шла кругом от новых впечатлений. Блеск и изысканность двора, новые знакомства, новые знания!..

Даже то, что Асин слишком навязчиво его опекал, не снизило восторженного настроя юноши. Мир оказался таким ярким и огромным!

И опасным…

Это Рэни успел понять сразу, как только очутился в королевском дворце для представления его величеству среди таких же, как он, молодых аристократов. Если бы не присутствие Асина, одним своим надменным видом отгонявшего любителей клубнички, растерявшегося Рэниари уже давно зажали бы в укромном уголке. Внешний вид мальчика сразу указывал на его статус младшего, а значит, он не сумел бы за себя постоять. Самодовольные придворные не могли знать о подготовке сына лорда Цитадели, и дело вполне закончилось бы крупным скандалом или чьей-нибудь смертью, так как подаренные отцом клинки у юноши всегда были с собой.

Но окруженный свитой графа, под опекой Асина, Рэни только наблюдал, как охотились на таких как он. И испытывал недоумение. Нравы двора оставляли желать… гм, лучшего. Нет, в Цитадели не было ханжей. Если двое нравились друг другу, то кому какое дело, что там у них происходит за закрытыми дверями. Но придворные возвели в ранг забавы травлю за юным телом, с восторгом гоняясь за новичками.

К счастью, пребывание в столице подходило к концу, оставался только бал по случаю начала года, и все… можно было отправляться домой.

Праздник был великолепен!

И костюм, заказанный для него Асином, из вишневого шелка и бархата, богато украшенный золотом, жемчугом и светло-фиолетовыми перьями, был выше похвал. Во всяком случае, Рэниари видел в зале и более вычурные костюмы. И даже то, что отец с Асином должны были уйти к королю, оставив его под присмотром Руина, не испортило Рэниари настроения. Сводный братец, разъяренный таким положением дел, вместо того, чтобы развлекаться со сверстниками, вынужденный опекать ненавистного бастарда, тут же начал зудеть над ухом о своем недовольстве.

— Да замолчи ты! — Не выдержал, наконец, юноша, поворачиваясь к старшему родичу. — Иди, лучше повеселись.

— Чтобы потом мне ами (уважительное обращение к младшему супругу, тому, кто дал жизнь) выговорил за тебя, если ты найдешь приключение на свою задницу!.. — недовольно буркнул брат. Статный красавец Руин, такой же золотоволосый как и сам Рэни, зло сверкал черными глазами, унаследованными от их общего отца. Рядом с ним маленький и гибкий Рэни казался недоразвитым подростком, хотя фамильное сходство братьев было явным.

— Хотяяяя!.. — внезапно смерил юношу прищуренными глазами Руин. — Пожалуй, это мысль…

— Ты о чем? — Сразу занервничал Рэниари, не зная, чего ждать от старшего. Рука Руина метнулась вперед и сорвала с юноши его маску.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно заявил наследник графа, рассматривая возмущенное лицо бастарда. — Может, хоть так на твою мордашку найдется желающий. И я, наконец, от тебя избавлюсь! А то взял моду перебирать: этого не хочу, тот не нравится! Скажи спасибо, что

с тобой возятся, я бы…

— Отдай! — Юноша, вырвав из рук брата маску, быстро нырнул в толпу, подальше от разозленного его самовольством Руина. Карнавал тут же жадно затянул новую добычу в свою круговерть.

Протанцевав с каким-то магом в пестром балахоне, Рэниари, наконец, со смехом вырвался из его объятий и очутился на относительно спокойном пяточке. Злосчастная маска все еще была в его руке, и юноша поспешил ее натянуть, предварительно провозившись с оборванными завязками. Потому-то объявление о помолвке наследника и прошло мимо ушей Рэни. Ему вдруг расхотелось веселиться. Возникло чувство, словно он что-то упустил. Что-то очень важное…

Пожалуй, стоит вернуться к семье. Отец с Асином, наверняка, уже его ищут. А Руину явно влетело за то, что не уследил за младшим братом.

Злорадно усмехнувшись, Рэниари развернулся, намереваясь возвращаться к своим.

И впечатался в чью-то рельефную грудь…

…Мир померк, когда из хищных прорезей бронзовой маски на него глянули сумасшедшие от счастья серые глаза…

…Что было дальше, Рэниари даже спустя годы вспоминал смутно.

Кажется, он то шел сам как завороженный, то его несли, нежно прижимая к широкой груди, а под руками перекатывались мышцы на плечах такого знакомого незнакомца.

Страха не было. Совсем…

Все было так правильно! Так нужно!

Кажется, они куда-то ехали на одном коне, мчались в ночь, навстречу судьбе. И на душе было так светло и больно от щемящего восторга…

Какой-то дом, какие-то люди с факелами… Рэни ничего не помнил. Его несли на руках, умудряясь при этом целовать. Да так, что не хватало воздуха для дыхания…

…Очнулся Рэниари на кровати в незнакомой и сильно затемненной спальне. Сердце сумасшедшее колотилось под самым горлом. А над ним нависал молодой мужчина, с ожиданием в широко распахнутых серых глазах. Черный пряди выбившихся из прически волос щекочуще падали юноше на пылающее лицо.

— Это ты?!.. — с каким-то детским восторгом спросил он Рэни. — Правда, ТЫ?!..

В ответ Рэниари просто обнял его, притянув к себе как можно ближе. Мир вокруг юноши двоился, почему-то на краю зрения мелькало что-то совершенно не похожее на действительность… какие-то зеркала, в которых отражался совсем не он…

— Я Рэниари… Рэни… — прошептал он в целующие его горячие губы. — Ты принц…

— Я Эд… только Эд… — простонал Эдмир, с ума сходя от близости этого неопытного мальчика,

mir-knigi.org

от свежего запаха его тела, что так восторженно льнуло к нему. — Для тебя только Эд!..

Руки сами знали, что делать, раздевая юношу. Рвали пуговицы с мясом, торопливо сдирали камзол с послушно изгибающегося тела. Рэни не сопротивлялся, цепляясь руками за широкие плечи принца, погружаясь в новый для себя мир чувственных поцелуев. Его губы неумело, но старательно прижимались к губам Эдмира, язык сплетался с его языком в борьбе за первенство, гладил десна и небо партнера.

На миг оторвавшись от припухших губ Рэни, принц торопливо содрал с себя остатки одежды, и рухнул на широкую постель, перетаскивая на себя любовника. Оба были возбуждены до болезненного напряжения в чреслах, оба терлись друг об друга, гладя руками все, до чего могли дотянуться.

Вот тонкие пальцы юноши невольно задели упруго качнувшийся член принца, запутались в темных колечках паха. И его зрачки отрезвляюще расширились. Испугавшись, что парень сейчас отшатнется, Эдмир вновь вовлек Рэни в головокружительный поцелуй, перекатываясь на постели и подминая его под себя. Сжимать в своих объятиях гибкое тело было …упоительно! Так сладко! Так привычно!..

И обезумевшего от страсти принца уже не волновала худоба его партнера, хотя обычно он предпочитал любовников поплотней. Но этот мальчишка подходил ему, словно созданный для его тела!

А Рэни… Рэниари не думал ни о чем.

Для него все было правильным.

Впервые в жизни он понял и принял в себя изречение «…любовь с первого взгляда». Обрел свою вторую половину. Смысл всей жизни… И плевать ему было на титул того, кому он отдал свое сердце. Плевать на слухи, что ходили о нем.

Полностью обнаженный, Рэниари раскинулся на скользком шелке темных простыней. Юноша никогда не любил шелк в постели, но здесь и сейчас все было к месту. И нежная ткань так ластилась к разгоряченной коже…

На миг прервав ласки, принц заглянул в сияющие глаза Рэни, утонув в них безвозвратно. Руку уже привычно обожгло, но Эдмир не обратил на это внимания, занятый наблюдением за собственными большими ладонями, скользившими по золотистой коже мальчишеской груди, то и дело задевая напряженные маленькие соски.

Не выдержав, он прижался ртом к коричневой горошине, всасывая ее в себя. Наградой ему был чуть слышный стон Рэниари. Руки юноши легли на затылок принца, прижимая его к себе плотнее, ероша распущенные волосы. Оторвавшись от припухших сосков, Эдмир чуть прикусил мочку Рэни, зализал пострадавшее место, заодно вылизав и всю изящную раковину ушка.

Юноша под ним дрожал, подаваясь навстречу опытным рукам. Рэниари сгорал и не мог сгореть. Разбуженное огненными ласками тело неистово требовало своего, отдаваясь с такой страстью, что принц уже ничего вокруг не замечал. Его огрубевшие от оружия руки уже далеко не нежно ласкали вздымающиеся от частого дыхания бока мальчишки, пересчитывая ребра, и то и дело оказываясь внизу на маленьких, крепких ягодицах, как раз по размеру ладоней Эдмира. Но Рэниари встречал его ласки не менее жадно, принимал так, как никто и никогда не принимал до него принца. Для сына графа во всем мире существовал только его избранник. Тот, кому мальчик столь щедро отдавал тело, душу и сердце!..

mir-knigi.org

Если бы в эту ночь в большой спальне маленького дома оказался сторонний наблюдатель, он ушел бы оттуда, завистливо вздыхая и мечтая испытать подобную страсть. Или не ушел бы, очарованный магией любви, вершившейся на широкой постели под низким балдахином.

Два обнаженных тела, сияющее чистым золотом и белоснежное, сплетались на темно-вишневом шелке простыней. Ни Рэни, ни Эдмир, занятые друг другом, не замечали, как их левые запястья обвивала полупрозрачная лента, навечно соединяя их во всех мирах и во всех воплощениях. Оставалась лишь самая малость — признать свою связь!..

Губы принца жадно сминали рот Рэниари, зубы метили дрожавшую от горловых стонов доверчиво подставленную шею. Рэни выгибался дугой под тяжелым телом Эдмира. Полусползший с него мужчина яростно…до алых меток!.. целовал его плечи, живот и бедра, часто проникая языком во впадинку пупка. Облизывал напряженные яички, аккуратный мальчишеский член, упорно не трогая чувствительную головку, откуда то и дело срывались прозрачные, соленые словно слезы капли. Пальца Эдмира предусмотрительно пережимали набухший член юноши у основания, не давая любовнику кончить раньше времени. Бедра Рэни ходили ходуном от невозможности достичь разрядки, руки упрямо подтягивали голову партнера к жаждущему ласк месту. Но Эдмир каждый раз умудрялся увернуться, ведя игру по своим правилам.

Наконец, когда Рэниари совсем обеспамятовал, принц с трудом дотянулся до брошенных неподалеку собственных штанов, выдергивая из петель какой-то декоративный шнурок, и перевязал им член и яички юноши, не позволяя кончить.

— Сейчас… Сейчас!.. — шептал он пересохшим ртом, судорожно нашаривая под подушкой амулет, приготовленный специально для таких случаев. Тянуться за флаконом масла не было ни сил ни времени. Тут впору собственный член перевязывать, того и гляди опозоришься, бурно кончив!

Почувствовав крохотную передышку, Рэни завозился, с трудом разлепляя тяжелые ресницы. Вид зацелованного до невменяемости мальчишки, с румянцем по всему телу, с тяжело вздымающейся от загнанного дыхания грудью, заставил Эдмира с рычанием разметать многочисленные подушки, найдя, наконец, проклятый амулет. Короткая вспышка камня показала, что партнер готов для дальнейших игр. И, закинув себе на плечи покорные ноги юноши, его высочество с трепетом, словно в первый раз, погрузил в тело Рэни один палец.

Мальчик, измученный возбуждением, даже не заметил этого. И Эдмир, торопясь, стал его растягивать, изнывая от нетерпения.

Только ощутив третий палец, Рэниари слегка заворочался, машинально пытаясь соскочить, но принц осторожно прижал его к постели. Эдмиру пришлось закусить губу едва ли не до крови, настолько хорошо оказалось внутри любовника — тесно, шелковисто, горячо!..

Выдернув, наконец, пальцы, принц смял в ладонях ягодицы парня, раздвигая их и приподнимая его бедра. Крупная головка члена осторожно скользнула внутрь, туго раздвигая неподатливые стенки.

— Тсс… расслабься!.. хороший мой… — Эдмир и сам потом не помнил, что шептал напряженному от боли партнеру. Рэни выгнулся словно лук, но лежал терпеливо, принимая в себя немаленькое орудие принца. Верхнюю губу юноши обметало частыми бисеринками пота, что притянули к себе зачарованный взгляд Эда. Но принцу было в этот миг не до того. Крошечными толчками, на грани терпения он продвигался внутрь, сходя с ума от

пульсирующей тугости Рэни.

И войдя, наконец, до упора, блаженно замер, полуприкрыв глаза. Рэни, обхвативший его ногами за талию, тоже молчал, пытаясь свыкнуться с присутствием в себе чужеродной части. Боль вторжения постепенно уходила, оставляя после себя легкое жжение и чувство наполненности. Принц замер над ним напряженной, словно отлитой из светлого металла статуей. Лицо его высочества искажала мучительная судорога, но он не двигался, давая партнеру время привыкнуть.

Не выдержав подобного напряжения, Рэниари дернул бедрами, позволяя… разрешая…

И тут же пожалел, увидев бездну в распахнутых ему навстречу темных глазах Эда.

Рвано дернувшись назад, принц внезапно вновь замер и вдруг мелко задрожал. А потрясенный юноша ощутил, как его изнутри обожгла горячая сперма партнера. Распахнув глаза, Рэни едва успел принять в свои объятия чуть ли не рухнувшего на него принца: его нетерпение было столь велико, что Эдмир просто напросто не удержал в себе семя, выплеснувшись раньше времени. Немаленький конфуз для столь опытного любовника, как он, но притом и облегчение для Рэниари, так как исчезло болезненное давление внутри.

Но Эдмир после дурмана разрядки ничего, кроме усталого удовлетворения, не испытал. Было хорошо и тепло… Он пометил собой свою добычу. Теперь можно было насладиться мальчишкой сполна. Уж для полуэльфа-то быстро восстановиться никогда не было проблемой!

Обхватив любовника руками и ногами, принц вжался лицом в ямку между плечом юноши и его шеей, чувствуя, как неистово колотится сердце в груди Рэниари. Ничуть не спавший от боли первого проникновения член юноши упирался в расслабленный живот принца влажной головкой. Напряженные соски самыми кончиками царапали ставшую очень чувствительной кожу его высочества.

Не выдержав, Рэни завозился под тяжелым воином, стремясь достать ноющий орган. Но Эдмир осторожно перехватил руки юноши, прижав их к постели своими руками. Полувышедший из Рэни член Эда стремительно наливался кровью, готовый к новым свершениям.

Вновь расположившись между закинутых на его плечи ног Рэниари, принц дернул за шнурок, выпуская мальчишку на свободу, и тут же перехватил его руку, не давая к себе притронуться. И Рэни разочаровано застонал: сотни крохотных иголочек дразняще покалывали у него в паху. И в этот миг юноша больше всего на свете желал получить только разрядку. И потому, занятый собственными переживаниями, пропустил начало движений принца, придя в себя от весьма странного ощущения.

Большой, горячий член Эдмира размеренно скользил внутри Рэни…

И крохотные иголочки как-то вдруг сконцентрировались в одном месте, раз за разом вспыхивая колючим огоньком, от которого сладкая судорога пробирала все тело, от головы до пят!..

Пальцы Рэниара впились в тонкое покрывало, комкая и натягивая его на себя. А Эдмир, крепко придерживая его за бедра, двигался все резче и резче, полузакрыв от экстаза глаза. Капли пота срывались с кончиков волос принца, когда он резко дергал головой, свивали блестящие дорожки на загорелой груди, обрисовывая могучие пластины мышц. Рэниари залюбовался бы такой картиной, если бы в этот миг не метался под вдалбливающимся в него мужчиной.

…Их разрядка на этот раз была общей.

Первым не выдержал Рэниари, с криком кончив себе на живот, а следом за ним, не выдержав пульсации его тела, бурно выплеснулся Эд. И, выйдя из партнера, обессилено повалился рядом, судорожно дыша. Перед глазами плавали яркие разноцветные круги. И потому никто из любовников не обратил внимания на внезапную вспышку света. Призрачная лента уплотнилась, переплетая, впитывая в себя разноцветные нити судьбы, и распалась на два браслета, закружившиеся на запястьях обоих. Но и Рэни, и Эдмир вновь ничего не заметили. Им бы в тот миг отдышаться после перенесенного удовольствия!..

И лента судьбы, не получив подтверждения союза, погасла, затаившись до лучших времен.

А принц по-хозяйски подгреб себе под бок расслабленное тело юноши, намереваясь чуток отдохнуть и продолжить с новыми силами…

…Двое всадников, держа в поводу заводных коней, выметнулись за ворота столицы. Потребовалось лишь немного золота, чтобы открыть узкую калитку в массивных створках, сомкнутых по случаю позднего времени.

Всхрапывающие от предчувствия скачки кони мотали головами. А всадники на миг задержались на перекрестке, откуда две дороги расходились на юг и север. Неподалеку, в поле, виднелись силуэты возов и маленькие холмики завернутых в шкуры опоздавших к закрытию ворот путников. Кое-где тлели крохотные костерки, слабый ветерок доносил густые запахи чесночной похлебки и навоза.

— Ты с ума сошел!.. — С тихим отчаянием выговаривал Баррэт графу. — Почему ты запретил мне брать солдат?! Ты понимаешь, сколько у тебя врагов?! И каждый спит и видит твою голову среди своих трофеев! Даже король только обрадуется твоей смерти! Гвиур, еще не поздно!..

— Хватит! — Жестко оборвал сводного брата лорд Цитадели. — Я не хочу, чтобы позор моего сына увидел кто-то чужой! Мы и так потеряли время, выясняя, кто и куда увел мальчика.

— Рэни сам с ним пошел! — Возразил Баррэт. — О каком позоре ты говоришь?! Все было по взаимному согласию.

— Мой сын мог пойти с принцем только добровольно, — устало сообщил брату Гвиур. — Это так. Но для мальчика будет шоком, когда тот, в кого он влюбился, откажется от своих обязательств.

— Почему ты так думаешь? — Недоверчиво переспросил Барр, разбирая поводья и готовясь послать своего коня в галоп: света сразу двух лун было достаточно, чтобы лошади не переломали ноги на тракте. — Может, у них все будет хорошо.

— Может, — согласился старший брат, разворачивая коня на южную дорогу. — Но ты сам-то в это веришь? Это же принц, для которого неопытный мальчик всего лишь игрушка! Я буду рад, если ошибусь. Но сначала хочу убедиться, что Рэни не пострадал. И лишние глаза здесь ни к чему. Так что, действуй, как договорились! Пппошлааа! — Хлестнув длинным поводом лошадь, граф Вориндо помчался на юг. В поводу у него был Ветерок, конь сына.

Глава 4

Нам ничего не изменить

Из чаши боль не перелить

Тебя просила я не раз

Оставить меня здесь и сейчас

Ночной вуалью не спеша

Накроет грусть меня сейчас

Холодной-холодной осенью листва

Уносит прочь остатки фраз

Я отпущу тебя сейчас

Мне бы в небо за тобою

Больше этих слез не скрою

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю напрасно, но

Мне бы в небо за мечтою

В сердце холодно от боли

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Мне этой ночью не уснуть

Воспоминания словно ртуть

Пусть эта сказка не про нас

Любовь бывает только раз

Мечты мои как первый снег

Оставят на щеках следы

И снова разбудит утренний рассвет

Но рядом нет тебя опять

Я не хочу тебя терять

mir-knigi.org

Мне бы в небо за тобою

Больше этих слез не скрою

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю напрасно, но

Мне бы в небо за мечтою

В сердце холодно от боли

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Мне бы в небо за тобою

Больше этих слез не скрою

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю напрасно, но

Мне бы в небо за мечтою

В сердце холодно от боли

Слишком поздно стало ясно

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

Я тебя люблю

(Витас и Ксенона. "Мне бы в небо")

Подперев рукой голову и вытянувшись на смятой постели во весь свой немаленький рост, Эдмир рассматривал спящего подле него мальчишку. Тот лежал на животе, обняв руками подушку. Золотистое тело со следами ночной страсти нежно светилось на вишневом шелке простыней. Золотые спутанные локоны разметались по узкой спине с цепочкой выступающих позвонков. Страстный, гибкий, узкий… При воспоминаниях о ночи вновь сладко заныло в чреслах. Но Эдмир только смотрел, не прикасаясь.

mir-knigi.org

Сползшее одеяло лишь немного скрывало полушария ягодиц Рэниари и расщелину между ними. Ягодицы, что было так упоительно сминать в любовной игре…

Едва не застонав от пронзившего его возбуждения, принц рывком сел, чудом не разбудив спящего рядом мальчика.

Проклятье! И во что он вляпался?

Только сейчас, когда ночное сумасшедшие немного схлынуло, Эдмир задумался о том, что и как испытал.

Принц был испуган. Нет, даже не так! Перепуган едва ли не до мокрых подштанников. Как-то ему даже в голову не приходило, что эта близость будет настолько обжигающей. Никогда прежде ни с одним любовником ему не было так хорошо, как с этим мальчишкой! Близость с ним, жар его тела… Наследник престола впервые ощутил себя целым. И тогда пришел страх. Эдмир не привык быть зависимым от своих любовников. Не привык открывать им душу и сердце, опасаясь предательства. Любовь делает людей слабыми… такими уязвимыми!

Что может ждать их впереди? Этому мальчику никогда не стать законным мужем будущего короля. Не то у него происхождение. А делать фаворитом того, к кому тянется душа, значит подставлять и его и себя под удар завистников. Вон, отец не смог защитить матушку, а та была королевой, не простой любовницей. Но что самое страшное — через Рэниари вполне могут достать и до сердца самого Эдмира. Как же тогда быть? Как выйти из положения? Как защитить себя от этой слабости и не потерять столь роскошную игрушку?

А еще где-то по земле ходит тот, кто предназначен ему самой судьбой — ослепительный беловолосый красавец с топазовыми глазами. Будет ли Эдмиру нужен Рэниари, когда принц найдет своего суженного? Хотя… пока это еще свершится, а мальчик УЖЕ неплохая замена на ложе страсти.

Как же быть?..

Как…

Единственный способ — перевести их отношения в рамки ни к чему не обязывающей постели. Пожалуй, это будет неплохим ходом. Истеричный Дориан станет его супругом и отцом его наследников, как того и требуют интересы королевства. А принц заведет себе официального фаворита, на которого и будет направлено внимание света. Этот же мальчишка затеряется среди многих любовников и будет продолжать дарить принцу жаркие ночи. Вероятно, его родные с радостью заключат необходимый контракт на него. Еще бы, такая честь для графского бастарда! И для самого Эдмира хорошо: мальчик всегда будет под рукой, раз уж и душа и тело так тянутся к парню.

Остается только одно — донести этот расклад до самого Рэниари, чтобы тот не рассчитывал на что-то большее. Не нужно мальчишке знать, насколько он властвует над душой и сердцем принца!

Тем временем мальчик сонно заворочался и, сладко потянувшись всем телом, распахнул свои невозможные глаза. Надо же, такое впечатление, что всего за одну ночь он стал еще краше. Эдмира едва ли не швырнуло к парню неведомое притяжение. Темные боги! Только этого не хватало! Но как не ответить на просиявшую навстречу улыбку счастливого мальчишки.

С трудом взяв себя в руки, принц хмуро наблюдал, как Рэниани осторожно садится,

прислушиваясь к себе. Как чуть трепещут золотые ресницы мальчика, как припухли губы, а румянец окрасил высокие скулы, когда Рэни заметил следы от поцелуев на своем теле. Больше всего хотелось схватить парня в охапку, повалить и!..

Но будущий король не может себе позволить быть зависимым от кого-то, если желает править твердой рукой. Быть зависимым, значит — быть слабым. А потому придется резать по живому, с кровью выдирать из себя это влечение, чтобы остались потребности только тела!..

Быть зависимым, значит — быть слабым…

…зависимым… слабым…

— Спасибо! — Рэни потянулся к тому, кто стал смыслом его жизни, надеясь на поцелуй. А нарвался на равнодушный взгляд. Юноше не хватило опыта, чтобы угадать игру более опытного мужчины.

— Всегда пожалуйста! — Широкая ладонь принца, привычная к мечу, легла на нежную щеку любовника, покровительственно похлопав. В глазах Рэниари появилось первое, пока еще смутное недоумение: как-то не вязалось это с тем, что было ночью. — А ты хорош, малыш! Думаю, нам с тобой стоит почаще встречаться. Уверен, твоя семья отдаст мне тебя в любовники. Конечно, фаворитом тебе не стать, как и мужем… но для постели сгодишься.

Рэниари как кипятком в лицо плеснули. Отчаянно покраснев, он отшатнулся.

— Эдмир, не надо так… — с какой-то совсем детской растерянностью произнес он. — Я ведь ни на что не претендую… я просто думал…

— А не надо, — легко перебил его принц. Уничтожать неподходящую привязанность оказалось неожиданно больно! Но так было надо, пока новое чувство кровавыми корнями не проросло в душу. Пусть мальчишка уверится, что всего лишь игрушка, тогда будет крепче держаться за место любовника, ценить каждую каплю внимания. Все эти бастарды одним маслом мазаны — лишь бы удержаться на вершине, любой ценой! Вот, пусть и старается. — Думать не надо. За тебя отныне буду думать я. А твоя обязанность — по первому зову оголять свою сладкую попку.

Лицо Рэниари пошло багровыми пятнами, но аквамариновые глаза все еще не верили.

— Ты!.. — выдохнул он. Сияние обнаженного тела мальчишки буквально обжигало, и принц старался не смотреть, опасаясь, что не сможет сдержаться. — Не надо! Я все понимаю. Ты мог бы просто сказать это как-то иначе… Мне ведь было с тобой хорошо…

В груди Эдмира кольнуло. Так мог бы сказать и он. Но ему доставляло какое-то извращенное наслаждение рвать связующие их нити. Вот только те рваться не желали, истекая кровью.

— Вот и прекрасно! — С деланным равнодушием принц встал с постели и стал торопливо натягивать на себя одежду, больше всего на свете желая убраться подальше от этих обвиняющих глаз и столь манящего тела. И почему для него всего лишь привлекательный парень столь ослепительно красив?!

— Пойми одно, — развернулся он ко все еще сидевшему в какой-то прострации мальчишке. — Ты никто и звать тебя никак. Или ты думаешь, что бастарду лорда будет позволено встать рядом со мной? Малыш, ты всего лишь один из многих. Признаю, ты был весьма хорош и заработал статус моего любовника, но не фаворита. И уж тем более не супруга. Вот будь ты наследником своего отца, и я с радостью ввел бы тебя в храм, ибо получил бы не только твое

тело, но и твои земли. Но ты бастард… приживала в семье графа, так что смирись и не ерепенься. Поверь, я хорошо с тобой буду обращаться, главное всегда будь готов меня принять. И награда тебя найдет. Я укажу в нашем контракте твое содержание (а оно будет щедрым, поверь!..) и твои права…

— А не пойти бы вам, ваше высочество, далеко и надолго!.. — ломким от ненависти голосом вдруг выговорил Рэниари. И вскинул на опешившего принца потемневшие глаза. — Я остался с вами не ради наград и «чести» стать любовником! Я просто хотел быть с вами! Так было нужно… так было правильно! Я словно заново родился… Да я весь мир был готов обнять за то, что он подарил мне тебя! И я знал, что никогда не смогу встать рядом… но мне достаточно и твоей тени! Лишь бы знать, что меня ЛЮБЯТ! Но ты!!!..

Принца внезапно закружил невидимый тайфун. Чего только в нем не оказалось намешано! И злость, и восторг, и любовь, и ярость, и еще много чего непонятного… Кажется, он перестарался. Ничего, все успокоится и устроится. Пускай мальчишка чуток поостынет и поймет, насколько выгодное предложение ему делается. Пожалуй, надо напрямую поговорить с его отцом. Вот только стоит преподать урок на будущее, чтобы зарубил себе на хорошеньком носике никогда в будущем не повышать на него голос.

— Решил показать зубки!.. — прошипел Эдмир, склоняясь над сжавшимся на постели парнем. — Не стоит! Ты мне не соперник. Лучше привыкай к мысли, что ты теперь всего лишь моя игрушка. И отучайся перечить!

Как же мало надо, чтобы парой фраз разрушить то, что так хорошо начиналось!

Развернувшись на каблуках, его высочество вылетел из спальни, от души хлопнув дверью. Богиня-Мать, никогда и никто не выводил его из себя так быстро и качественно, как этот пацан! Да что он себе возомнил! Неужели и впрямь решил, что принц позволит себе в него влюбиться?!..

Когда стремительные шаги за дверью стихли, Рэниари поднялся со смятого шелка постели. Рвано, неловко, самому себе напоминая сломанную деревянную марионетку. В голове не было ни одной связной мысли, да и сама голова казалась пустой и гулкой, каждое движение в огромной спальне отдавалось в ней болезненным эхом.

В груди пекло… словно туда кто-то бросил горсть не потухших углей. Почему кто-то?..

Принц.

Его высочество Эдмир Келлиадир Хилдонский.

Взгляд юноши наткнулся на небрежно сваленную на ковер его одежду: ночью он под воздействием нашедшего на него любовного помрачения не озаботился ее прибрать. И теперь камзол предстал в самом неприглядном виде — один из рукавов полуоторван, на спине разошелся шов. И как такое могло произойти с шелком двойного плетения?..

Непонимающе глядя у себя в руках на нижнюю рубашку с полным недокомплектом пуговиц, Рэниари вздрогнул от скрипа двери и поднял невменяемый взгляд на вошедшего слугу.

— Эй, господин!.. — развязно обратился к Рэни высокий лакей, весьма двусмысленно оглядывая обнаженную фигуру ночного гостя. И мальчик, приученный никогда не стесняться слуг, почувствовал себя под этим сальным взглядом очень неловко, да так, что захотелось

прикрыться руками. — Вы бы не задерживались туточки. А то его высочество не давал насчет вас никаких распоряжений. А потому и делать вам здесь нечего.

— Я… я сейчас… — растерянно проговорил Рэниари, не зная, что ему делать. Слова лакея доносились до него с большим трудом, в ушах все сильнее и сильнее шумела кровь.

…Вот так, Рэниари. Ты всего лишь шлюха! И тот, кому ты преподнес свою любовь как самый великий дар, уничтожил тебя парой небрежных фраз.

Растоптал…

Не обращая внимания на лениво прислонившегося к стене лакея, юноша натянул на себя штаны, полусапожки, перетянул узкую талию кушаком, заправив за пояс запахнутую по-простому рубашку. Надевать разодранный камзол Рэни не стал, торопясь убраться из этого дома, помнившего его позор, из-под взгляда все понимающих и ухмыляющихся слуг.

Богиня-Мать, за чтоооо?!..

А ведь на какой-то миг ему почудилось, что он не просто нашел любимого! Нашел свою половинку!

Тело, непривычное к ночным упражнениям, болело и тянуло в самых неподходящих местах. Между ягодиц саднило и зудело. Ему не мешало бы вымыться, но оставаться в этом проклятом доме больше необходимого Рэни не собирался. В конце концов, сейчас лето, ополоснется в любом ручье.

Прихрамывая, Рэниари вышел из комнаты и огляделся. Дальнейший путь не отложился у него в голове — этой ночью принц нес его в спальню на руках, и они оба самозабвенно целовались.

При воспоминании о жарких, столь требовательных поцелуях Эдмира, кровь стремительно прилила к голове, смывая растерянную апатию юноши и переплавляя ее в ненависть. Какой же он дурак! Поверил в любовь с первого взгляда! И кому поверил?!.. Тому, о ком идет самая черная молва! Не иначе как он сошел с ума, доверившись неистовому притяжению к брюнетистой сволочи!

— Прикажите оседлать коня! — Резко развернулся Рэниари к лакею. — Я уезжаю!

— Какого еще коня? — Лениво отозвался хам в ливрее. — Вашей лошади на конюшне нет. А разбазаривать хозяйское добро я не могу. Шли бы вы, господин… по добру по здорову. А то много вас таких здесь перебывало. На всех лошадей не напасешься. Да еще и вилки серебряные пропадают…

Жар ярости опалил смуглые щеки Рэни. Опалил и прогнал туман растерянности.

— Ты!.. — от гнева полукровки лакей непроизвольно попятился, но быстро пришел в себя.

— Но-но!.. — запальчиво начал он, — не уйдете сами — вызову стражу! Если его высочество не дал никаких распоряжений по вам — значится, что и знать он вас больше не желает! Мы люди маленькие, нам раз и навсегда объяснили, как с кем поступать! А лошадь не дам! Не велено!

Не слушая больше, Рэниари в сердцах выбежал в первую попавшуюся дверь, оказавшуюся дверью в сад.

Продравшись сквозь клумбы с какими-то приторно-пахучими цветами, юноша перемахнул декоративную стену, огораживающую укромное поместье, и механически зашагал по тропе, что вела на север, к столице. Как он в таком расхристанном виде будет возвращаться домой, Рэниари не думал. Душу захлестывала чистейшая ненависть к мерзавцу, что так с ним поступил. И взбешенного мальчишку не заботили пустые карманы, отсутствие оружия и незнакомый лес вокруг. Рэни трясло от лавины разнообразных эмоций. Глаза нестерпимо жгло, словно в них от души сыпанули карисского перца.

Не заметив древесного корня под ногами, юноша споткнулся и кубарем полетел на землю, спиной вперед съехав по глинистому обрыву прямо в мелкий ручей. Со злости тут же вскочив на ноги, парень, обдирая руки о колючие ветки шиповника, взобрался обратно на тропу и бросился бегом вперед, задыхаясь от боли в груди и больше всего желая в этот миг просто расплакаться. Но слез не было.

Сильные руки отца подхватили Рэниари, не дав ему упасть в очередной раз.

— Ну, что ты?! Что… — шептал лорд Гвиур, кутая все еще задыхающегося сына в теплый плащ. — Прекрати… все хорошо…

Он нес зажмурившегося и дрожавшего от сухих рыданий мальчишку куда-то вглубь чащи. Следом за ними послушно переставляли ноги две лошади.

…Очнулся Рэниари только на берегу тихого лесного озера.

Солнце упорно клонилось к верхушкам деревьев.

Позади была безмолвная истерика, и все-таки прорвавшиеся слезы…

— Как ты здесь оказался? — Хриплым от рыданий голосом спросил он отца, прижимаясь щекой к шершавой ткани его камзола. Во рту все стянуло от сухости, губы покрывала потрескавшаяся от соли корка.

Лорд погладил по волосам своего неразумного сына.

— Я не нашел тебя, когда пришла пора возвращаться домой, — негромко пояснил он. — Мы с Баррэтом выяснили, что ты умчался с принцем. Но потребовалось время, чтобы вытрясти из прислуги о двух тайных домиках его высочества — один на севере, другой на юге. Поднимать шум я не стал — не хотел переполоха. Так что решили сами тебя искать, без солдат. Барр поехал к другому логову, а я отправился сюда.

— Прости… — покаянно прошептал Рэниари, вновь вздрагивая как от озноба. Отец только крепче обнял его.

— За что, малыш? — Мягко спросил он. — Это было твое решение. Разве я упрекаю тебя в чем-то? Знаешь… только не обижайся на меня… но я даже рад, что нечто подобное случилось. И случилось именно сейчас, пока ты свободен от каких-либо обязательств.

Рэниари отстранился от отца и неверяще заглянул в его темные глаза. Но Гвиур смотрел серьезно и с сочувствием.

— Это научит тебя не доверять безоглядно всем, кто тебе нравится. Раскрывай свое сердце только, если твой дар готовы принять с благодарностью. И не плачь больше. Ведь, ничего же

страшного не произошло. Ну, провел ты ночь с парнем… Ты же не девушка, чтобы трястись над своей девственностью…

— Я чувствую себя преданным, — прошептал Рэниари, смотря куда угодно, только не в глаза отцу. — Измазанным в грязи… Не понимаю, что на меня нашло… Я ведь знаю все слухи о НЕМ. Но как завороженный пошел, когда ОН позвал. Как дрессированная собачка! А он!.. МРАЗЬ! У него даже добрых слов для меня не нашлось… Знаешь, что он предложил? Стать его любовником! На большее я не гожусь! Да, я бастард! Но как же больно, папа! Сам… я сам виноват в том, что произошло!

— Хватит! — Осторожно придерживая сына за ходившие ходуном плечи, Гвиур слегка встряхнул его. — Хорошо, что ты все понял. Теперь ты больше никогда не попадешься в подобную ловушку. Все-таки ты еще у меня совсем ребенок… так молод и наивен для столицы! Я планировал начать вывозить тебя через пару лет, но Асин меня уговорил… сказал, что чем раньше мы тебя заявим на рынке женихов, тем более выгодную партию ты найдешь.

— Я сам просил его поговорить с тобой, — буркнул Рэни, яростно растирая лицо. — Мне надоело в крепости! Там одно и то же… Папа, а как я буду появляться во дворце? Ведь…

— Да так и будешь! — Хищно усмехнулся Гвиур, вставая и помогая сыну подняться. — Запомни, мальчик мой! Никогда не давай шакалам почувствовать свою слабину. Опрокинут и загрызут всей толпой. Так что прояви мужество, и как ни в чем ни бывало появись при дворе. Ну, а если к тебе начнут приставать с непристойными предложениями, просто окати их презрением или высмей. Ты мой сын, и ни одна придворная шавка не посмеет тявкать в твою сторону! И дай понять оскорбившему тебя принцу, что он для тебя ничто! Подобные ему не должны видеть твоей боли!

— Я сделаю это! — С решимостью произнес Рэниари, распрямляясь. — И я больше никогда не дам играть собой!

— Вот так-то! Такие раны следует сразу прижигать, чтобы не гноились, — наставительно отозвался отец, доставая из чересседельной сумки Ветерка аккуратный сверток. — Хорошо, что я предвидел нечто подобное и захватил для тебя смену одежды. Искупайся и переоденься. Здесь неподалеку есть харчевня, там и заночуем.

— Но зачем? — Непонимающе воззрился на отца юноша. — Разве мы не должны ехать домой? Асин же нас потеряет!..

— Не потеряет!.. — хмыкнул Гвиур, демонстрируя переговорный амулет. — Я предупредил его и вызвал солдат с охотничьим снаряжением. Тебе стоит спустить пар, прежде чем появляться в столице. И плевать, на какой стороне простыни ты родился. От своей крови я никогда не откажусь! Марш мыться!

…Спрятав в поясном кошеле переговорник, Баррэт облегченно вздохнул. Слава богам, малыш найден! Главное, что он жив и здоров, а остальное приложится. Только время сможет вылечить разбитое сердце Рэни…

Подумав о принце, так поступившем с племянником, Баррэт закусил губу от ярости.

Мразь!

Привык, что все склоняются перед его титулом, вот и кочевряжится. Но он еще не знает, КАК

умеют мстить люди Цитадели! Пусть только попробует вновь протянуть ручонки к мальчику!..

Ладно, надо возвращаться.

Пересев на заводную лошадь, Барр неторопливо тронулся в путь.

Всю ночь он мотался по окрестностям, разыскивая Рэни. До потайного убежища принца Барр доехал довольно быстро. Но оно оказалось пустым. Только перепуганные слуги поведали воину, что хозяева недавно уехали. Потребовалось время, чтобы выяснить, что в домике был не принц, а кто-то из его прихвостней. Когда Баррэт это понял, наступило утро, а там и вызов пришел от брата.

Вздохнув и не напрягая коней, воин неторопливо потрюхал по разбитой в пыль и на удивление пустынной дороге. Пожалуй, стоит добраться до постоялого двора и там передохнуть. Но благими намерениями, как говорится, вымощен тракт к Темному богу…

За глухим поворотом, прячущимся среди частого ельника, яростно звенели клинками. И Баррэт недовольно поморщился.

Спешившись, он накинул на ближайший сук поводья лошадей и просочился сквозь замшелые деревья, не потревожив сухого валежника под ними.

Картина, открывшаяся его взору, была достойна кисти любого художника.

Прямо посреди дороги стояла богатая карета с запряженными в нее теперь уже мертвыми лошадьми. Кучер и еще кто-то в ливрее неопрятными кучками валялись поодаль, торчащими из тел оперенными древками сигнализируя о своей дальнейшей невозможности жить. А подле кареты двое, судя по одежде аристократы, встав спина к спине, отбивались от колоритной шестерки, обряженной в живописные лохмотья.

Засада была организованна весьма умело. Веселые разбойнички свалили вековую ель перед каретой, перебили из луков коней со слугами. И принялись за хозяев. Странно только, что аристократы отважились путешествовать со столь малой охраной. Но это их дело, главное, что разозленному ночными мытарствами Баррэту представился великолепный случай подраться.

Заулыбавшись во весь рот, воин достал из-под полы малый абордажный арбалет. Тугая пружина (один их секретов мастеров Цитадели) била пусть и не на большое расстояние, но силу удара имела убойную. Да и взводилась одним движением кисти. Для скоротечной дорожной схватки самое то.

…Первый щелчок спущенной тетивы не услышал никто, кроме самого стрелка. Но разбойник, кравшийся к спине высокого черноволосого парня, лихо опрокинулся назад, не успев довершить замаха, что неизбежно раскроил бы жертве голову. Болт, прошивший его горло насквозь, унесся дальше в лес, качнув по пути отвисшие лапы ели. Второй болт с треском впечатался в лопатку бандита, нападающего на хрупкого блондина с зеленущими словно у кошки глазами. Баррэт бил как на стрельбищах, стараясь не задеть спасаемых.

С воем завертевшись на земле, разбойник нарушил строй своих сотоварищей, и клинок брюнета, сверкнув в неярких лучах солнца, снес голову третьему.

— Лихо, — профессионально оценил качество удара Баррэт, выдираясь из ельника. Чернявый аристократ радостно оскалился ему навстречу. У парня оказались очень примечательные глаза

— бледно-бледно голубые, едва ли не белесые. Но его они не портили, скорее — добавляли шарма по-мужски красивому лицу.

— Спасибо за помощь! — Крикнул он, салютуя мечом и обратным движением умудряясь отбить бандитский клинок. Еще один разбойник, пропустив выпад, завалился на землю хватаясь за пробитую грудь.

Лесные братья призадумались. Расклад становился не в их пользу. Одно дело — напасть превосходящими силами на плохо охраняемую карету, а другое — оказаться двоим против трех умелых воинов. Хотя… о блондине не скажешь, что умелый воин. Судя по повадкам — явно младший, клинок правильно держит и то ладно.

— Господа… ээээ… может, разойдемся? — Уныло вопросил один из разбойничков, осторожно пятясь к лесу. Арбалет сухо щелкнул, выплевывая очередной болт.

— Обязательно, — мило улыбнулся Баррэт, когда в подлесок с треском рухнул сбитый выстрелом последний бандит. — И даже провожу… на тот свет!

— Зачем?!.. — тут же возмутился блондин, сверкая изумрудными очами, а у Баррэта по хребтине просквозил колючий холодок. Воин даже арбалет опустил от изумления!

Он… ХОТЕЛ этих парней!

Причем, обоих сразу!

Мрак!

Помотав головой, Барр отрешился от картинки, где он вместе с этими двумя в весьма непристойном виде да на постели!..

Запястья обожгло, но скосив взгляд, воин ничего не увидел на загорелой коже рук.

— Все правильно, Сэри, — не согласился с другом брюнет. — Сбеги хоть один, и на нас объявили бы охоту все местные бандиты.

— Они и так объявили, — саркастически отозвался Баррэт, пряча арбалет под плащом. — Можно поинтересоваться, отчего люди вашего круга путешествуют без должной охраны?

Юноши смущенно переглянулись.

— Нууу… — протянули они разом, но потом брюнет, видимо старший в парочке, взял на себя обязанность разъяснить ситуацию. — Мы просто поспешили. Отдыхали здесь поблизости, у друзей родителей, и решили вернуться домой, не дожидаясь охраны.

Но Баррэт почти не слушал. Затуманенный взгляд воина не отрывался от левой руки молодого дворянина, точнее от его запястья, которое тот непрерывно потирал. К слову добавить, и блондин (какой красивый цвет волос — серебристо-серый!..) проделывал столь же странные телодвижения, не отрывая пристального взгляда от спасителя.

— Мы… — хрупкий блондин неожиданно покраснел и потупился, машинально накручивая на палец длинный, выбившийся из растрепавшейся прически локон. Поведение типичное для младших супругов. Вон, даже меч уронил, вместо того, чтобы убрать оружие в ножны. Но до чего же мило это смотрелось! Баррэт едва не облизнулся, сдерживая позыв подойти и обнять

mir-knigi.org

парня. — Я… я Сэриэль, сын барона Ротаоля. А как ваше имя, наш доблестный спаситель?

Юноша, как и его друг, смотрел с таким обожанием, что воину стало чуток неловко.

— Баррэт Вориндо-рив (рив — приставка к имени рода для признанного семьей бастарда), — воин приготовился с привычной уже тоской увидеть презрение на лицах столь привлекательных для него мальчишек, но не увидел ничего кроме чистейшего обожания!

— Морская Цитадель! — Восторженно выдохнул брюнет, едва на шею не кидаясь отшатнувшемуся от неожиданности Барру. — Не удивительно, что вы так стреляли! Я Лотэ Сауналь — сын барона Сауналя.

— Эээ… господа, — с трудом найдя в своей голове дельные мысли, начал Баррэт. — Предлагаю отправиться дальше. А в ближайшей харчевне послать людей за каретой и погибшими.

— А разве мы их не похороним? — Печально спросил Сэриэль, глядя на то, что осталось от его защитников. Но более решительный Лотэ задвинул меч в ножны и зашагал прочь по дороге. — Нет времени! Если провозимся до темноты, попадемся еще раз.

— Господа, не торопитесь, — улыбнулся им Баррет, отправляясь за лошадьми. — Не знаю, как вы, а я привык путешествовать с комфортом.

Спустя час они втроем подъезжали к большому постоялому двору в нескольких милях от места встречи. Не столь крупные в отличие от Баррета юноши прекрасно разместились на спине одной лошади, предоставив воину другую.

История их была проста и незамысловата.

Единственные сыновья в своих семьях. Знатные родители.

У Лотэ были две старших и давно замужних сестры, что проживали далеко на востоке со своими мужьями. Юноша остался один рядом с обожающими его матерью и отцом. У Сэриэля когда-то была сестра-близнец, но умерла еще в раннем детстве. Его младший отец больше не мог иметь детей, некогда попав под магический удар осаждавших замок врагов. Но старший отец, любивший супруга, не пожелал с ним расстаться, хотя вся семья требовала взять второго младшего мужа или жену.

Будучи соседями, юноши дружили с самого детства. Не удивительно, что родители желали их брака. Тем более, так можно было объединить владения. К тому же, дядя Лотэ по матери умер бездетным и оставил обширные земли своей сестре, за неимением других наследников. Три баронства давали право претендовать в Совете Лордов на титул графа. И потому-то детей буквально толкали в объятия друг к другу, с самого детства готовя Сэриэля для роли младшего супруга Лотэ.

— Но мы только друзья, — говорил брюнет, когда устроив уставших лошадей и отправив людей за погибшими, все трое сидели в углу харчевни, поглощая поздний ужин. — Нет, нам приятно спать друг с другом, но…

— Для нас это как спать с родным братом, — вмешался раскрасневшийся от вина Сэри. — Родителям это, естественно, не нравилось! Вот они и задумали отправить нас к своим друзьям. Создать, так сказать, интимную обстановку. А там нас не оставляли в покое.

mir-knigi.org

— Постоянно создавали… интимную обстановку, — скривился Лотэ, сверливший Баррэта пристальным взглядом бледно-голубых глаз. — И потому-то мы, не выдержав, просто взяли карету и уехали, не дожидаясь охраны. Даже не думали, что так все выйдет. Здесь ведь недалеко — всего-то надо было лес проехать!

— Ладно, — пересиливая себя, произнес Баррэт. Ему отчаянно хотелось прикоснуться к парням напротив. Но воин слишком хорошо знал, ПОЧЕМУ этого делать нельзя. Если только покувыркаться в свое удовольствие, чтобы затем, разбежавшись, забыть обо всем…

Но в том-то и дело, что забывать не хотелось!

Хотелось, чтобы эти двое оставались рядом всегда.

Баррэт понимал, что родители юных аристократов, вынашивающие грандиозные планы на графский титул, не обрадуются, заполучив в зятья всего лишь бастарда, хотя и знатного рода.

Остаться при них любовником? Стать всего лишь игрушкой?

Нет, Баррэт не хотел подобной судьбы для себя. Воину надо было или все или ничего.

А значит, стоит проводить найденышей к семьям, и уехать, навсегда позабыв дорогу в их края, чтобы не ломать судьбы мальчишек.

И не рвать душу себе…

Вот уж, действительно, любовь с первого взгляда! И сразу к двоим.

Невезуха.

— О чем ты задумался? — Тихонько спросил юный барон Ротаоль, осторожно дотрагиваясь до руки Баррэта. И того прошил незримый разряд молнии. Кожа враз пошла крупными мурашками.

Суетливо отодвинувшись от юноши, Барр попытался успокоить бешено колотящееся сердце. Слава богам, что край стола не позволял увидеть широко расставленные ноги бастарда с нехилым бугром в паху.

— Не нужно сражаться с собой, — вдруг серьезно произнес Лотэ, преувеличено внимательно рассматривая свое левое запястье. — Ты ведь хочешь нас… Все в порядке. Мы тоже… хотим. Не знаю, что происходит… может, это магия, но я чувствую, что мы все связаны… предназначены друг другу.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда? — Тяжело дыша, спросил Барр, благоразумно не касаясь никого из них, а то не выдержит.

— Теперь верю. — Отозвался юноша, а его жених решительно кивнул.

— Ты нужен нам, Барр, — умоляюще произнес Сэриэль. — У меня такое чувство, словно мы все долго искали друг друга и… наконец, нашли!

— Парни!.. — хрипло выдал Баррэт. — Не играйте с огнем! Ни вы, ни я не знаем друг друга! И… я вам не пара. Все! Разговор окончен! — Воин встал из-за стола. Злость на дурацкую ситуацию немного снизила возбуждение, и он смог не в раскоряку прошагать к лестнице на второй этаж, где были спальные комнаты. — Завтра доставлю вас к родителям, так что не

разлеживайтесь с утра!

— Вот упрямец!.. — раздосадовано пробормотал брюнет, и его жених согласно кивнул. — Ведь ясно же, что ЭТО не пройдет! Но ОН… словно неприступная крепость!

— Он тебя тоже зацепил? — Обратился Лотэ к Сэриэлю. Тот тяжело вздохнул. — Понятно. А, знаешь, это выход!

— Ты о чем? — Удивился Сэри. Барон Сауналь ехидно разулыбался.

— Ты ведь не уступишь его мне? — Лукаво переспросил он жениха, и тот возмущенно вскинулся: — Еще чего!

— Значит, создаем общую семью, — по-деловому выдал Лотэ, подзывая к их столу хозяина харчевни. — По древнему уложению, которое еще никто не озаботился отменить, старшему супругу позволительно иметь двух младших жен или мужей. Конечно, все предпочитают единобрачие, но закон-то никто не отменял…

У Сэриэля вытянулось лицо от потрясения: — А разве ты под него ляжешь? Станешь младшим? Ты же предпочитаешь быть сверху!

— Под НЕГО лягу, — серьезно сообщил Сауналь. — Ну, как? Забираем его себе?

— Конечно, забираем! — У Сэриэля от возмущения даже рот перекосило.

— Тогда, — отдав приказ хозяину, Лотэ решительно поднялся и помнил за собой будущего со-мужа.

Очень возбужденного со-мужа.

Впрочем, как и он сам…

В крохотной комнатке, что хозяин выделил каждому из них в качестве спальни, метался ничего не понимающий Баррэт.

Да что с ним происходит?!

Втюрился в совершенно неподходящих людей!

Они птицы не его полета…

Стоп!

Внезапно остановившись, Барр суетливо пересмотрел все свои амулеты. Но какого-либо магического воздействия над ним проведено не было. Значит… он, действительно, влюбился?!.. Вот так, с ходу?

С размаху плюхнувшись на довольно широкую, сколоченную с крестьянской основательностью кровать, Баррэт мучительно задумался. Его тянуло к мальчишкам. Очень тянуло.

Так ничего и не решив, воин разделся и залез в высокую бадью, что в комнату еще раньше втащили слуги. Слава Богине, за его переживаниями вода не успела остыть. И надо будет сообщить брату об изменениях в маршруте.

mir-knigi.org

Вытершись насухо, Баррэт с неудовольствием осмотрел пропыленную одежду. Ничего не поделаешь, в суматохе предыдущей ночи он успел только захватить сменный костюм для Рэни, а в него при всем желании влезть было невозможно. Не те у них размеры с племянником.

Вошедший слуга осторожно поставил на край стола кубок с подогретым вином, стараясь не смотреть на обнаженное тело мужчины. Но шкодливый взгляд нет-нет, да скользил по крепким ягодицам и мощным бедрам тренированного воина.

— Пошел вон!.. — рыкнул раздосадованный Баррэт. Еще одного озабоченного ему не хватало!

Схватив парующий кубок, Бар в два глотка его осушил, машинально отметив приятный вкус специй.

Это была последняя связная мысль Вориндо-рива.

…Сэриэль и Лотэ стояли перед кроватью, на которой возлежал привязанный за руки и ноги к спинкам и сопящий во все дырки Баррэт.

Оба юноши были возбуждены не по-детски. Еще бы! Такое богатство перед ними!

Великолепно тренированное тело, жилистое, но с прекрасно развитой мускулатурой. Загорелое до бурой красноты на руках, груди и животе. И трогательно светлое в паху и на бедрах.

Длинные ноги, пепельные волосы…

И поднимающийся на глазах из кучерявой поросли паха крупный, ровный, такой красивый член.

— Хорошее средство! — Нервно хихикнул Сэриэль. — Интересно, где ты его взял?

— Не поверишь, но мне его всучил твой младший отец, — несколько напряженно ответил Лотэ. И Сэри вылупился на него в изумлении.

— Что?!.. Ами?!

— Ну, да, — буркнул Сауналь. — Велел на тебе использовать… Оно долго не будет действовать…

Юноши, затаив дыхание, приблизились к кровати. Хозяин сработал как надо, они даже успели подготовиться в соседней комнате. Теперь же предстояло самое важное.

— Никуда ты от нас не денешься, милый, — пробормотал Лотэ, осторожно проводя по густым волосам слегка заворочавшегося воина. У друзей было такое чувство, словно они оба… враз!.. шагали с обрыва. Так же замирал дух, и под ложечкой сворачивалась ледяная пружина.

— Пора… — прошептал Сэриэль, открывая крохотную шкатулочку, что держал в руке. Рядом Лотэ делал то же самое.

Внутри на ложе из материализованных заклятий лежали спящие родовые коконы. Родители позаботились снабдить детей колыбелями для будущих наследников.

Крохотные, тусклые, свинцово-серые шарики.

mir-knigi.org

Пока еще не активированные…

— Пп-поможешь мне? — От волнения Сэри начал заикаться. Жених только кивнул, сам дрожа как осиновый лист. Лотэ изначально воспитывали будущим старшим, и для него решиться на беременность было очень трудно. Но желание оставить себе… и навсегда!.. этого мужчину возобладало над страхом. Настолько сильное желание, что юноша готов был безвозвратно изменить свой статус в браке.

— Давай! — Наклонившись, он прижал прохладный шарик к расслабленной ладони Баррэта, активируя кокон: просто так невозможно было засунуть его в себя. Толчок для снятия стазиса давало тепло руки будущего старшего отца.

По другую сторону кровати Сэриэль зеркально отобразил его действия…

Зажатые в ладонях коконы быстро нагревались, начиная мерцать янтарным светом. Когда пульсирующие вспышки выровнялись, юноши повернулись друг к другу.

— Скажем?.. — онемевшими губами уточнил Сэри. Но его жених отрицательно покачал головой.

— Потом… а то откажется…

Нагнувшись, юный Ротаоль подставил будущему со-мужу оттопыренную розовую попку. И Лотэ аккуратно протолкнул в него теперь уже довольно крупный золотистый шарик. А потом проделал то же самое с собой.

— Назад хода нет? — Немного испуганный Сэри чувствовал, как ему внутрь скользнул ласково-пушистый комок. Рядом, положив узкую ладонь на свой поджарый живот, Лотэ прислушивался к себе.

— Еще не поздно, — произнес он вдруг, демонстрируя неестественно расширившиеся глаза. — Мы… мы можем подождать полчаса, и коконы угаснут… А других у нас нет…

— Никогда! — Решительно отозвался Ротаоль, нагибаясь над спящим Баррэтом.

— Просыпайся, любимый!..

…Баррэт нехотя разлепил тяжелые, словно рыцарское забрало, ресницы, выплывая из очень приятного сна.

В нем он словно со стороны видел на роскошном ложе самую потрясающую троицу в своей жизни!

Два белокурых гибких близнеца с забавными кошачьими хвостиками переплелись телами с могучим темнокожим мужчиной.

Что-то странное было в его облике…

И, в конце концов, Баррэт догадался.

Уши!

У темнокожего были уши как у легендарных эльфов. Вот только кто и когда слышал об эльфах

такой расцветки?..

Но сам сон был приятным и заводным. Ммм! Что эта троица творила?! А позы?!..

Возбудившийся от столь горячего зрелища, воин потянулся было к собственному члену.

И обнаружил себя привязанным к постели!

Резко распахнув глаза, Барр обалдело уставился на двух полностью обнаженных и тоже возбужденных парней. Зрелище оказалось не для слабонервных: еще бы — со столь прекрасными телами, и перед ним!..

В первый миг воин принял их за тех близняшек из сна: настолько органично облики юных аристократов наслоились на призрачных мальчишек с забавными хвостиками.

— Парни… не надо… — пересохшим ртом просипел в конце концов все понявший Вориндорив. — Не издевайтесь надо мной…

— Это кто над кем еще издевается! — Возмущенно заявил Лотэ, стоя боком к лежавшему на кровати воину. Руки юноши упирались в грубо сработанный стол, спина прогнута в пояснице, а соблазнительная задница оттопырена. Пристроившийся позади него Сэриэль торопливо шуровал пальцами в его попе, растягивая жениха. — Какие могут быть издевательства, если мы… ай!.. хотим тебя, а ты нас?

— Готов? — Перетерпев необходимую подготовку, Сауналь распрямился. И танцующей походкой прошлепал босыми ногами к лежащему на постели мужчине. — Не хотел по-хорошему, так что все будет по-нашему!

Бедняга Баррэт напрягался изо всех сил, пытаясь порвать или хотя бы растянуть путы. Но все было тщетно.

Присевший рядом со страдальцем блондин ласково погладил поджавшийся от напряжения живот Барра, старательно обходя его гордо стоявший член. И воин едва не взвыл от нетерпения. Ему как-то враз стало плевать на все недавние рассуждения! Он ХОТЕЛ этих парней. Здесь и сейчас!

И все же остатки благоразумия заставили его запротестовать:

— Парни, шли бы вы в свои комнаты развлекаться сами с собой! Я отказываюсь быть вашей игрушкой!..

— Нет, милый, по-твоему не будет! И ты не игрушка! — Хриплым и ОЧЕНЬ страстным шепотом выдал Лотэ, лихо оседлав живот воина. Длинный ствол брюнета качнулся перед выпученными глазами Баррэта. А его собственный член заскользил аккурат меж жарких половинок Сауналя. Паршивец еще и попой (гад!..) поелозил, чтоб уж совсем проняло.

— Не… слишком удобная поза, чтобы меня трахать!.. — просипел растянутый на кровати Барр. Но Лотэ только мило улыбнулся.

— А кто говорит об этом? — Уточнил он. — Это ты нас трахнешь. Вот так…

Юноша чуть продвинулся по животу Баррэта вперед, давая простор Сэри, чьи ладони тут же довольно умело принялись ласкать орган воина, размазывая по нему заранее подогретое

масло. И бастард невольно начал поддавать бедрами вверх, устроив сидевшему на нем Лотэ принудительную скачку.

Вид мускулистого торса Сауналя, с неожиданно розовыми горошинами крупных сосков, с подрагивающим, торчащим из темных кудряшек таким же розовым членом; накаченные бедра парня, охватывающие его бока… его гладкие колени, упирающиеся для упора в постель — все это окончательно свело Баррэта с ума. Тут и святой жрец-отшельник бы не устоял, не то что молодой и полный сил воин!

— Или действуй быстрее, или развяжи меня! — Прорычал он, дергаясь в своих путах и одновременно пытаясь поддать под зад своему соблазнителю.

— Чтоб ты мне шею свернул? — Скептически хмыкнул Лотэ, наклоняясь вперед. Губы парня нежно ухватили нижнюю губу мужчины в мимолетном поцелуе. И Сауналь тут же отстранился, приподнимаясь на коленях.

— Укушу!.. — на полном серьезе пообещал Вориндо-рив.

— Не успеешь! — Отозвался Лотэ, руками раздвинув себе ягодицы и начиная осторожно опускаться на член Баррэта. Влажная головка мужчины уперлась в разработанный проход и даже немного вошла. Но дальше дело застопорилось. Все-таки брюнет раньше никогда и никому ЭТО место не подставлял, так что замахиваться на подобную позицию в его положении было, скажем, несколько… необдуманным решением. Да и, судя по искривленному лицу Лотэ, поза оказалась весьма болезненной. Но парень, прикусив побелевшую губу, продолжал короткими рывками упрямо опускаться, проталкивая в себя вожделенный агрегат будущего супруга!

Но тут уже взвыл сам привязанный, испытавший не самые приятные ощущения!

— Сссломаешь, гад мелкий!..

Глаза жадно наблюдавшего за сим действием Сэриэля удивленно округлились.

— ЕГО можно сломать?!..

— Еще как! — Выдохнул Баррэт, переводя дух от облегчения — самовольный любовник замер с не протолкнутым до конца членом в заднице.

Перед глазами невольно всплыла некогда увиденная картинка…

Один из младших офицеров подчиненного ему гарнизона Цитадели как-то не вышел на дежурство. И когда разъяренный неповиновением Баррэт ворвался в его комнату, то все возмущение мгновенно исчезло, стоило только ему увидеть стонущего на кровати голого подчиненного, вокруг которого в панике носился его младший супруг, сверкая загорелой задницей. А солдат обеими руками держался за пах, демонстрируя багрово-синий, распухший и загнутый крючком орган…

Вызванный маг мигом все исправил (когда прогоготался, конечно!). А солдат, деловито натянув штаны, первым делом мстительно рванул за удирающим от него в панике мужем, которого, загнав в какую-то кладовку, и оттрахал в классической колено-локтевой позиции. Да так, что младший пару дней едва ползал, пока не догадался воспользоваться помощью того же мага. Повеселили они тогда крепость знатно! А причиной всему переполоху послужило желание обоих опробовать новую заковыристую позу…

Представив себя с загнутым и раздутым членом, Баррэт едва не заскулил, боясь лишний раз дернуться, чтобы член не пошел на излом. И ведь… гад такой!.. даже не подумал опадать от ужаса, только и всего, что волосы на загривке дыбом встали!

— Парни, развяжите!.. — просительно выдал он, даже дыша через раз. Но Лотэ упрямо помотал головой, рассыпая по напряженным плечам вороные пряди, и еще больше раздвинул руками свои ягодицы.

— Сэээриии… подержи его!.. — простонал он. И блондин торопливо обхватил ладонями член Баррэта, помогая жениху опуститься.

— Тебе же больно! Прекрати! — Не выдержал воин, чувствуя, как туго раздвигаются мышцы юноши. И как только себя еще не порвал!

— За…молчи!.. — выдохнул Суналь, с радостным вздохом опускаясь до конца. Облегчение, что они оба при этом испытали, не передать было словами.

Напряженный Лотэ надолго замер, упираясь подрагивающими ладонями в широкие плечи Баррэта. А Барр замер от крышесносного осознания, что он внутри того, кого отчаянно желает.

Тугой жар тела брюнета сводил с ума. А розовый, чуть опавший член юноши, вновь качнулся вверх, едва только парень сделал первое, пробное движение. С самого кончика сорвалась и затерялась в жестких волосках паха прозрачная капля.

— Замри!.. — прошептал-просипел Баррэт. И Лотэ послушно замер, немного откинувшись назад. Подошедший к нему со спины Сэриэль принялся разминать его сведенные судорогой плечи.

— Так вот… что значит быть снизу!.. — неожиданно выдал Лотэ, благодарно целуя бережные руки будущего со-мужа.

— Это приятно… — шепнул ему в ответ Сэри, — когда приноровишься… А в первый раз всегда больно.

— Больно, если все сделать неправильно, придурки! — Не выдержал Барр, до зубовного скрежета желающий в этот момент от души засадить одной красивой сволочи. И боясь его порвать… — Если бы не ваша дурость!.. Хоть сейчас не мешайте!

Попытавшись подкинуть вверх бедра, воин понял, что вряд ли сумеет достичь разрядки в таком положении — слишком крепко его связали.

— Ремни на ногах чуть ослабьте! — Приказал он, раздираемый на мелкие кусочки одновременно и злостью, и желанием. И ведь никаких сил нет злиться на этих двоих. Только на себя. — Можешь не отвязывать, только ослабь…

На его удивление, просьбу выполнили. И Баррэт с огромным облегчением принялся работать бедрами. Ничего, его тренированное тело и не такое выдержит!.. А там… дайте только руки освободить, и кое-кому не поздоровится!

А потом мозги отключились напрочь! Осталось только невероятное желание достигнуть пика. И его уже не волновало ничто. Ни собственное положение, ни постанывающий то ли от боли, то ли от накатывающего удовольствия Лотэ, ни Сариэль, старательно вылизывающий его грудь

mir-knigi.org

и одновременно ласкающий член своего друга…

Ничего!

Кроме огненного вала, прокатившегося вдруг по взмыленному от усилий телу, и вырвавший звериный рык из пересохшего горла. Вала, что пересчитал все его позвонки, свел судорогой ноги и затих где-то в пятках.

И Баррэт замер, полудохлой медузой опав на кровать, полузакрытыми от истомы глазами наблюдая, как выгнувшийся на нем Лотэ парой движений доводит себя до разрядки. Член Баррэта, только что излившийся, вновь слабо шевельнулся в теле юноши, ощутив на себе массирующее воздействие горячих стенок прохода, но так до конца и не проснулся. Впрочем, мужчина слишком хорошо знал, что это ненадолго — как и всем потомкам эльфов ему не требовалось много времени, чтобы вспыхнуть вновь.

— Твоя очередь, Сэри! — Властно произнес Сауналь, с трудом сползая с кровати и поворачиваясь к заворожено смотревшему на них жениху. — Пусть Барр полюбуется…

Дотянувшись до флакона с ароматным маслом, предусмотрительно оставленного рядом с кроватью, Лотэ выплеснул немного тягучей жидкости себе на ладонь, пряча за распущенными волосами радостную улыбку: в животе медленно раскручивался теплый шар — активация кокона завершилась. И это принесло странное удовлетворение и бесконечную нежность к только что зачатому ребенку и его строптивому отцу.

Раздвинул гладкие половинки у предусмотрительно подставившего свою попу Сэриэля, Лотэ ласково погладил со-мужа по пояснице и скользкими от масла пальцами осторожно проник в сморщенное колечко ануса. Сразу двумя, так его друг в отличие от него не был в этом месте девственником. Ротаоль тихонько застонал и мелко задвигал бедрами, пытаясь насадиться поглубже на пальцы Лотэ. Одна рука блондина тем временем пережала член у основания, чтобы не кончить раньше времени, а другая скользила по его груди, теребя покрасневшие и сжавшиеся в комочки соски.

— Тихо, не дергайся!.. — сквозь зубы прошипел Лотэ, добавляя еще один палец и нащупывая твердый орешек внутри Ротаоля: двигаться брюнету было еще довольно неприятно. Даже на боевых тренировках ему так не доставалось. Впрочем, на тренировках у него задница В ЭТОМ месте не болела.

Ладонь Лотэ легла на бедра партнера, придерживая их. И Ротаоль еще больше прогнулся в спине, замурчав подобно кошке.

С кровати тут же донесся стон, больше напоминающий невнятное рычание.

Несколько увлекшись растягиванием бывшего жениха, Лотэ как-то упустил миг, когда вновь возбудившийся до невменяемости Баррэт сумел-таки вырвать руки из ременной петли и тут же, дотянувшись, заграбастал на себя ойкнувшего от неожиданности Сэри.

— Ну, парни!.. — прорычал бастард, яростно сверкая глазами. — Вы меня довели! Теперь пеняйте на себя!

С треском отлетела не выдержавшая напора прикроватная спинка, и воин тут же оборвал ремни, фиксирующие его ноги, не забывая придерживать испуганно дернувшегося было в сторону Ротаоля.

— Куда?!.. — рыкнул он, разворачивая перепуганного парня к себе спиной и тут же вцепившись своей ладонью в его белоснежную ягодицу. — Но четвереньки! Хватит мне и одного экспериментатора!

Напуганный подобным напором, который они сами же разожгли, Сэриэль только и успел уткнуться лицом в домотканые простыни из неотбеленного льна, как почуял проталкивающуюся в него горячую головку чужого члена. Размерчик был много крупнее привычного ему. Все-таки Лотэ несколько проигрывал в объемах будущему отцу их детей, но ничего непоправимого не случилось. И перетерпев неизбежную боль вторжения, блондин блаженно замер, ощутив первый и такой властный толчок, угодивший аккурат в нужное место.

А возбужденный устроенными перед ним играми Барр как заведенный принялся работать бедрами, со звонкими шлепками впечатываясь пахом в мигом покрасневшие ягодицы извивающегося под ним юноши.

Нажав ладонью на поясницу блондина, Баррэт заставил того еще больше прогнуться, достигая наиболее удобной позы для глубокого проникновения. А попытавшийся было трепыхнуться парень, получил звучный шлепок по нежной попе и громогласный рык прямо в ухо. Напор и желание обоих были так сильны, что и кончили они сравнительно быстро, бурно выплеснувшись — Барр в блондина, а тот на постель.

…Уставший от сразу двух соитий, воин только и смог, что, предельно аккуратно выйдя из любовника, повалиться без сил на кровать, прижав к себе все еще содрогающегося от сладкой судороги парня. Другой бок согрел примостившийся к нему Лотэ.

Затем, чуть отдышавшись, воин благодарно расцеловал своих упертых любовников и, приподнявшись на локтях, скосил на их довольные лица взгляд.

— Знаете, парни, — произнес он задумчиво, чувствуя, как в груди разливается непривычное тепло. — Может, вы меня и забудете после этой ночи, но я вас не забуду никогда. Я… кажется, я вас люблю! Обоих!

— Вот и хорошо, — устало промурлыкал Ротаоль, блаженно переворачиваясь на спину. — Мы тебя тоже очень любим… И… было здорово!

— Не надо шутить, — осуждающе проговорил Баррэт, пожирая взглядом красивые юношеские тела: такое богатство и все ему!

— А кто говорит о шутках? — Спросил несносный брюнет, медленно скользя рукой по влажной от пота груди мужчины, и намерено задевая его соски пальцами. — Повторим?..

…Бросив поводья согнувшемуся в поклоне слуге, Гвиур зычно распорядился приготовить комнаты и ужин.

— Да, да!.. — тут же угодливо заулыбался прислужник, не отказав себе в удовольствии ощупать взглядом ладную фигуру Рэниари, затянутую в плотный охотничий костюм. Взбешенный юноша, не забывший еще утреннего лакея, взялся было за плеть. Но наглец уже оказался сбит на землю крепкой затрещиной незаметно подошедшего хозяина харчевни.

— Не извольте беспокоиться, господа, — степенно отозвался он, крайне неодобрительно взирая на ворочающегося в пыли служку. — Все сейчас будет в лучшем виде. И нижайше прошу

простить моего племяша. Дурак еще. Не научился должному обхождению. Зато лошадки у него ухоженные.

Снисходительно кивнув, лорд Гвиур прошел в дом вместе с сыном. А хозяин довольно сильно пнул родственника в оттопыренный зад.

— Дядя! За чтооо?! — Взвыл ничего не понимающий парень.

— А чтобы зенки не пялил, куда не следует, — пояснил заботливый дядюшка. — Лучше бы спасибо мне сказал, балбесина!

— За что? — Вылупился племянник. — Не убудет от господского полюбовника…

— Да за что мне такое наказание, Богиня-Мать! — Сквозь зубы выругался дядя. — Какой полубовник?!.. Глазоньки то протри! Эти двое похожи как отец и сын! А то и как братья. Кто этих полукровок разберет!

— Ааа!.. — понял, наконец, племянник и почесал в затылке. А хозяин харчевни скривился еще больше. — Дали же боги наследничка. Вот сестрица-покойница порадуется!.. И как тебе я свое дело оставлю? А даже и были бы полюбовники, так не твое это собачье дело! За такой погляд господа головы сразу рубят!

Парень сбледнул и, шустро подскочив, быстро повел в конюшню доверенных ему лошадей.

Глава 5

Отряд, вызванный графом, прибыл к лесной харчевне на рассвете.

Небо на востоке только-только прочертила первая бледно-розовая полоска, когда охотники, негромко переговариваясь, спешились у крыльца приземистого бревенчатого дома. Послышался скрип колодезного ворота, чей-то приглушенный смех, напахнуло свежевыпеченным хлебом, загремел котлами на близкой кухне хозяин, проволок на хребтине набитый мешок его племянник…

Рэниари стоял у полуслепого оконца в маленькой комнатешке, что гордо прозывалась спальней, и смотрел вниз, на тех, среди кого вырос. За стеной слышались тяжелые шаги проснувшегося отца, его голос, когда он переговаривался с главой прибывших.

На удивление Рэни выспался просто отлично, хотя еще накануне вечером был уверен, что не сможет сомкнуть глаз. Но стоило только голове коснуться подушки, как измученный пережитым юноша провалился в странное сновидение.

…Ему снился огромный, зеркальный зал.

Солнечные лучи пронзали пространство яркими световыми копьями, многократно повторяясь в высоких зеркалах.

Так празднично… так грустно…

И так безмолвно.

А еще непонятно и очень реально.

А еще там был красивый юноша.

Танцевал, чему-то беззвучно смеясь и плача.

Жемчужно-белые волосы, утонченные черты лица, глаза прикрыты длинными темными ресницами, странные, нездешние, развевающиеся одежды, обрисовывающие линии идеального тела…

Когда Рэниари проснулся, он все еще был во власти этого солнечного танца.

Словно сам его танцевал.

Когда-то давно…

Поднявшись, юноша быстро ополоснулся остывшей за ночь водой из кувшина для умывания. Оделся и застыл рядом с окном.

Он больше себя не узнавал. Душу и сердце словно выморозили. Но зато боль исчезла, остался только ее фантом. Отец прав — ничего не поправимого не произошло. Просто Рэни встретил неподходящего для него человека, которого и возвел на пьедестал, приписав то, чем тот никогда не обладал. А значит, надо жить дальше и учиться гордо держать голову, ни от кого не пряча глаз. Ему нечего стыдиться. Пусть стыдно станет тому, кто играет чувствами других…

— Рэни, ты встал? — Постучался в дверь отец.

— Да, входи, — отозвался юноша.

Скрипнув несмазанными петлями, в комнатку шагнул Гвиур со свертком из плотной ткани в руках и на миг застыл, глядя широко распахнутыми глазами на сына, с недоумением обернувшегося к нему. Но затем граф тихонько фыркнул и, недоверчиво покрутив головой, прошел к столу, выкладывая на него свой сверток.

— Хотел тебе на день рождения подарить, — пояснил он, разворачивая ткань, — но решил, что раз беру тебя на охоту, то и подарок будет к месту.

И Рэниари охнул от невольного восхищения.

На столе лежал маленький стальной арбалет, богато украшенный золотой гравировкой по хищным дугам. Выточенное из куска полупрозрачной кости нарвала ложе отличалось крепостью и необычайной легкостью. Как раз по руке недавнего мальчишки!

— Папа… — только и смог вымолвить Рэниари, беря в руки подарок. Восторг обладания столь великолепным оружием вымел из головы все мысли, кроме одной — немедленно опробовать в деле это чудо.

— Опробуешь, опробуешь! — Звонко рассмеялся отец. — Давай, завтракай, и поехали! Стакан парного молока и кусок еще горячей лепешки уже ждут внизу. Негоже перед охотой плотно набивать желудок.

…Оседланный и отдохнувший за ночь Ветерок встретил хозяина подле приземистой конюшни. Великолепного гнедого держал под уздцы вчерашний парень, племянник хозяина, кажется… а рядом фыркал вороной отца. На этот раз конюх упорно смотрел в землю, но Рэниари ловил на

mir-knigi.org

себе его жадный взгляд украдкой. Ладно, не хамит, и то лепешка. За погляд денег не берут…

— Хей, малыш! — Раздался над головой зычный голос Аррида Голубой жемчужины — могучего, кряжистого морской охотника, черноволосого и смуглого до черноты. Одного из тех, кто был преданным другом лорда Цитадели, и кто, вопреки обычаю, обучал будущего младшего супруга держать в руках оружие. И арбалет в том числе.

— А столица то пошла тебе на пользу, — Рэниари с трудом подавил в себе позыв опустить голову и спрятаться куда подальше. Но сумел себя пересилить и встретить дружелюбные усмешки охотников несколько напряженной улыбкой. — Похорошел то как! Аж светишься!

— Скажешь тоже, Арр! — Уже более раскованно фыркнул юноша. — Каким был, таким и остался.

— Да не скажи, — проворчал морской охотник, с нарочитым кряхтением взбираясь в седло своего коня. — Парни, глядите, чтобы у нас не украли это сокровище!

Отряд встретил данное предупреждение веселым улюлюканием и предложениями, кто и что сделает с похитителями. А Рэниари почувствовал, как слегка приразжались когти снедающей его тоски: среди этих кряжистых и несколько грубоватых людей он был дома, там, где всегда мог рассчитывать на помощь и поддержку.

— Кончай горла драть! — Во весь голос рявкнул вышедший на крыльцо граф, закидывая за спину короткий охотничий плащ. — Выдвигаемся! Рэни, от меня ни на шаг.

Счастливый ожиданием охоты, на которую его впервые взяли, юноша, не переча отцу, пристроил Ветерка сбоку от отцовского жеребца. И отряд со свистом и грохотом выметнулся за ворота харчевни, помчавшись прямиком в сторону Гиблых холмов.

…Остановились они только у кромки многовекового леса. Дальше лежала обширная холмистая равнина, где никто не селился, несмотря даже на близость к столице. А все оттого, что здешние холмы были пронизаны многочисленными кавернами, расщелинами и подземными ходами, создавшие настоящий лабиринт, в котором любили обитать серебристые виверны. Твари донельзя умные и злопамятные.

Тонкая, но очень прочная кожа виверн изумительного серебристого окраса высоко ценилась людьми во все времена. И на виверн охотились всегда и везде, тем более, что эти полуящерицы-полузвери были людоедами. Война на выживание между ними и людьми велась с переменным успехом, но сколько бы их не истребляли, виверн не становилось меньше. Спуститься же под землю, где находились кладки, не рисковал никто. Даже маги оказались бессильны против этой напасти. В иные годы твари, бывшие чуть крупнее волка, сбивались в огромные стаи, вырезая подчистую целые деревни, а охотников превращая в добычу. Опасная зверюга. Очень опасная. Но Рэниари, замерший в седле подле отца, не испытывал страха. Только восторг и ожидание схватки. Азарт горел в его крови, пузырился по венам. А предвкушение неведомого заставляло сердце колотиться все быстрее. И забывались все невзгоды, отступали, делались мелкими обиды и предательства. Все меркло перед началом безумной гонки не на жизнь, а на смерть.

— Пора… — прошептал напряженный граф и отпустил повод. Умный конь двинулся вперед осторожно — гнать вслепую по каменистой равнине стал бы только сумасшедший, хотя уже вполне развиднелось.

Охотники широкой цепью обтекали первый из довольно пологих, но каменистых холмов. Воздух

звенел от пронзительной тишины, а кожу на скулах сводило от зябкого ожидания. Даже птицы не подавали голосов, только чуть постукивали потревоженные копытами лошадей камешки, скатываясь с того, что с сильной натяжкой можно было бы назвать подобием тропы. Слева, на равнине, гуляли широкие ковыльные волны. Ветер пах пылью и горьковатыми травами. Пока в его запах не вкрался чуть заметный мускусный аромат невидимой пока еще добычи.

Цепь загонщиков замерла. Обученные кони, широко раздувая точеные ноздри и тихонько всхрапывая, нюхали ветер, чуя врага.

Сбоку, над каменистым обрывом что-то прошуршало. И внезапно напряженную тишину утра разрезал слабый посвист. А на крайнего из охотников сверху обрушилось гибкое и нереально быстрое тело. Но всаднику, можно сказать, повезло. Его конь оказался не менее быстр и прянул вперед. Длинные, не втягивающиеся, как и у гепардов, когти только на миг чиркнули по сапогу из толстой дубленой кожи. Но и этого оказалось достаточным, чтобы голенище разошлось, словно гнилая ткань. Кажется, коню тоже досталось. На темной шкуре не было видно крови, но жеребец зло завизжал и лягнул шипастыми копытами в сторону тут же отпрянувшей твари. Виверна легко и даже как-то лениво увернулась, впрочем, как и от просвистевших в дюйме от нее арбалетных болтов. Как могли промахнуться лучшие стрелки Цитадели, Рэниари не понимал, но тем не менее видел, как болты выбили каменную крошку вперемешку с искрами в склоне холма, а зверь серебристым ручейком проструил вверх, под защиту валунов. И ото всюду на охотников обрушился разозленный свист.

— Расплодилось их, однако, — неодобрительно отозвался Аррид, выцеливая особо наглую тварь, что скакала по самому краю обрыва, балансируя рудиментарными крыльями и не обращая внимания на летевшие со всех сторон болты. — Король лучше бы ими занялся, чем головы рубить своим баронам!..

— Держать строй! — Раздался зычный голос отца, а Рэни с замирающим от опасного восторга сердцем увидел, как множество тварей замелькало среди камней. Вот кто-то из всадников на краю цепи с быстро захлебнувшимся криком покатился по земле, сбитый с седла сразу тремя вивернами. И остался лежать среди таких же неподвижный серебристых тел, а его боевой жеребец яростно топтал все еще огрызающуюся тварь.

Вот меткие болты настигли в прыжке сразу несколько тварей…

Свист, грохот камней, быстрые щелчки арбалетов, яростно-азартная ругань охотников… И неистребимый, бьющий по обострившемуся обонянию все усиливающийся запах крови вперемешку с мускусом…

Еще один из охотников покатился по земле, пятная ее ярко-алым из разорванного плеча. Но сумел подняться и, прихрамывая, отбежал в сторону, под защиту основного отряда…

На растерявшегося от избытка впечатлений Рэниари бросилась одна из виверн. И ее на лету кулаком, по-простому, сшиб граф.

— Не зевай! — Яростно рыкнул лорд на сына, сверкая сумасшедшими от возбуждения глазами на покрасневшем от напряжения лице.

Окрик заставил Рэни встряхнуться и решительно взяться за подаренный арбалет. Пора было опробовать новую игрушку.

Первый выстрел ушел в молоко. Как и второй. И дело оказалось не в качестве оружия, а в неопытности самого охотника. Но потом юноша понял, что стрелять надо в тех тварей, что

бросались не на него, а на соседних охотников. И дело пошло на лад. Уже целых четыре твари покатились по земле, яростно вгрызаясь в собственные бока и подкрылья, куда угодили болты Рэниари. Ветерок стоял под юношей как вкопанный, позволяя без помех целиться, только периодически щелкал ощеренными зубами, отгоняя особо наглых тварей. Юноша, занятый тем, чтобы не подпустить к себе стремительных врагов, даже не замечал, что его опекает сразу четверо опытных охотников во главе с графом. Рэниари только и успевал вскидывать постепенно тяжелеющий в руках арбалет, да нашаривать в поясной сумке очередной болт. Азарт охоты поглотил его целиком.

Разозлено свистя, виверны серебристым водоворотом крутились вокруг сомкнувших строй охотников, не приближаясь, однако, слишком близко. Что и позволяло людям бить с ужасающей точностью — у скучившихся тварей не было места для маневра.

Затем, в какой-то миг, серебристые тела отхлынули назад, оставляя поле боя за людьми. И над холмами понеслась, свиваясь из множества свистов, тоскливая мелодия-зов, продирая до костей слышавших ее.

— Своих созывают!.. — со знанием дела проворчал граф, опуская арбалет. Это тоже была очень неприятная для людей особенность виверн — умение объединяться перед лицом всеобщей опасности. — Собрать добычу, пересчитать потери! Уходим! Скоро все их стаи будут здесь.

— Сирг погиб! — Объявил Аррид лорду, забрасывая на круп Ветерка три безжизненные твари. Еще одну Рэни перекинул через холку коня, перед собой. — Остальные отделались царапинами.

— Мир его праху, — негромко произнес Гвиур, садясь в седло вороного. — Захватите тело: сожжем его, а прах развеем над Океаном.

— Повезло, можно сказать, — проворчал Голубая Жемчужина. — Обычно потери больше!

А на Рэни накатило какое-то оцепенение. Только сейчас юноша понял, КАК рисковал отец, беря на такую охоту совершенно необученного юнца! И в то же время его душу грела благодарность. Лорд Цитадели сумел вернуть сыну чувство достоинства, столь жестоко растоптанного принцем.

…Охотники уходили от холмов на рысях, настороженно озирая ковыльную равнину, тянущуюся до самого леса. Вслед ними несся разочарованный свист тварей, чьи тела мелькали по склонам холмов: будь сейчас сумерки, и виверны бы решились на вылазку. Но яркое утреннее солнце не оставляло им шанса на любимую тень. И люди ушли без потерь.

В столицу Рэни и его сопровождающие въехали плотной группой и не спеша. Восторг от выигранной схватки еще не схлынул. И юноша поглядывал по сторонам с законной гордостью победителя. Отец ехал с ним рядом стремя в стремя, время от времени кидая на сына одобрительные взгляды.

И надо же было такому случиться, чтобы у самой Дворцовой площади, аккурат неподалеку от графского особняка вернувшиеся охотники столкнулись с самим принцем…

Умчавшийся из потайного домика Эдмир, сам не помнил, как сумел добраться до столицы. В голове стоял туман от ярости и еще чего-то ядовито-жгучего, разъедавшего душу пострашнее смеси, коей вытравливали узор на клинках.

Да что этот мальчишка о себе возомнил?!

Такие, как он, ноги ему должны целовать за честь стать любовником самого принца!

Его высочество метался по своим покоям, переворачивая тяжеленную мебель. Устояло только обширное ложе, да и то принц в своей злости умудрился свалить пышный балдахин, в щепки изрубив резные столбики и спинку кровати.

На миг остановившись, Эдмир с некоторым удивлением уставился на тяжеленную секиру, видимо выдернутую им из стойки с клинками, и брезгливо отбросил драгоценное оружие в мешанину из дерева и ткани. Никогда раньше принц не достигал подобного предела бешенства. И в этом тоже был виноват несносный мальчишка, доведший Эдмира своей строптивостью до невменяемого состояния.

Надо поговорить с отцом, внезапно подумал Эдмир, с силой проведя по лицу раскрытой ладонью. Пусть призовет к себе графа Вориндо и сделает ему предложение от имени принца. Лорд вряд ли воспримет в пики столь лестное назначение для своего бастарда. И тогда мальчишка не посмеет противиться!

Эгоистичному принцу, которому с самого детства твердили о собственной значимости, которому никто и никогда не отказывал, а все пожелания выполнялись мгновенно, и в голову не могло прийти, что кого-то может оскорбить его предложение!

Так… идти к королю в такой… таком неадекватном!.. состоянии нельзя! Отец расстроится. Он всегда так переживает за него, как сам Эдмир не переживает. Значит, надо успокоиться. Но как?

Его высочество знал только три способа привести себя в порядок. Это или напиться (чего не хотелось в данный момент), или подраться (опасно, в его состоянии он запросто убьет противника!). Или же просто и без затей разложить на столе покорного мальчика. Желательно похожего на Рэниари.

Пожалуй, последнее подойдет ему больше всего. И позволит быстрее забыть тугой жар золотоволосого мальчишки. И его обвиняющие глаза…

Вновь зарычав, принц, возбудившись до невменяемости, вылетел из разгромленных покоев, чтобы тут же в пустом преддверном зале (перепуганные слуги разбежались по темным углам!) столкнуться с Дорианом.

— Любовь моя, ты куда? — Озадаченно поинтересовался так вовремя подвернувшийся герцог, разглядывая замершего посреди помещения жениха. Младший Ваоттиро сразу отметил невменяемый вид Эдмира и лихорадочный блеск его глаз. Насколько было известно Дориану, к принцу в таком состоянии лучше было не приближаться. Но герцог слишком любил этого упрямца, чтобы мыслить здраво.

Медленно подойдя к жениху, Дори положил ладони ему на грудь и осторожно погладил через тонкую ткань батистовой рубашки напряженные пластины мышц. Мигом пришедший в себя принц дернулся и резко перехватил запястья юноши, сжимая их до боли.

— Что ты здесь забыл?! — Сквозь зубы прошипел он, вглядываясь в бирюзовые озера глаз Ваоттиро, полные обожания и покорности. Насколько ему было известно — старшего герцога вместе с его сынишкой поселили в другом крыле дворца. — Наша свадьба только через месяц. А в свои покои я тебя не приглашал!

— Я смотрел, как отделываются мои будущие комнаты, — тихонько ответил Дориан, прижимаясь к сильному телу своего избранника. — НАШИ семейные покои.

Эдмир смутно припомнил, что отец что-то такое говорил… что часть комнат на половине принца переделывается для его будущего мужа.

— Хочешь посмотреть? — Дориан просительно заглянул в грозовые глаза жениха. — Пойдем! Я кое-что тебе покажу.

— Ты играешь с огнем! — Зло рыкнул Эдмир, отдирая от себя цепкие пальчики герцога. — Я не в том настроении, чтобы выслушивать твой бред! Уйди, говорю, а то покалечу!..

— Нууу, милый!.. — капризно надул пухлые губки Дориан, обвиваясь вокруг разъяренного принца, словно ядовитый плющ вокруг дерева. — Если тебе ТАК это надо… то можешь не церемониться со мной! Пойдем, скорее!

Блондин отлип от жениха и подхватил его под руку, утаскивая в дальний конец зала. Эдмир шел за ним, едва сдерживая раздражение и дикое желание по-простому сшибить надоедливого парня на плиты пола и тут же жестко трахнуть. Но принц сумел сдержаться. Как бы он ни относился к Дориану, но тот его будущий муж. И отец будущих наследников. Самое последнее дело срывать на нем свое дурное настроение. Но если этот паршивец не угомонится, то получит по полной — терпение принца тоже не безгранично!

Едва не повизгивая от щенячьего восторга, Дори затащил его высочество в свои новые покои, до недавнего времени стоявшие пустыми. Эдмир помнил большие, гулкие комнаты, больше похожие на залы, совершенно необставленные и стерильно чистые. Эта часть дворца изначально предназначалась для его будущего мужа.

Теперь же здесь все изменилось. Обилие пурпура, позолоты и разноцветного хрусталя на удивление не резало глаз вычурной роскошью, а смотрелось вполне гармонично, хотя и несколько помпезно. Но даже это добавило целый кувшин масла в огонь гнева Эдмира: свадьба еще не скоро, а этот тип уже вовсю обживается рядом с ним!

— Вот! — С гордостью произнес Дориан, останавливаясь в круглой зале. Ее центр отделяли от стен резные, переплетающие между собой колонны, а между ними свисали драпировки из вишневого тяжелого шелка. Часть драпировок напротив входа была раздвинута, открывая витражные окна в простенках между колонн. А в самом центре получившегося круга, на отдельном подиуме возвышалось (иного слова и не подберешь!) воистину гигантское ложе, сотворенного из золотистого дуба. Золотая парча пышного балдахина оказалась заткана геральдическими алыми грифонами, держащими в лапах черно-серебряные лилии: объединенный герб королей Хилдона и герцогского дома Ваоттиро. Прихотливо свисавшие между колонн драпировки как бы делили спальню на две неравные части: этакий уютный коридорчик вокруг обширного пространства с ложем. Причем в любой момент шторы можно было раздвинуть, освобождая проход то к туалетному столику, то в гардеробную, а то и к камину с уютными креслами перед ним, или к высокой резной горке, пока еще пустой. Видно было, что эту комнату создавали для уюта и с любовью.

— Видишь!.. Видишь, какая кровать! — Дориан восторженно закружился по спальне. — Все для тебя, любимый!

Эдмир только скривился и сделал попытку уйти, но возбужденный новыми игрушками жених вцепился в его рукав.

— Ну, Эдди! Ты же еще не видел моего костюма! — И торопливо откинул драпировку, выставляя на обозрение деревянный манекен, обряженный в нечто из белоснежного шелка, кружев, золота и жемчуга.

— Оставь меня в покое!.. — едва ли не по слогам произнес принц, тяжело глядя на неестественно оживленного жениха. Но тот словно задался целью окончательно вывести его высочество из себя.

— А то что? — Сощурив бирюзовые глаза, с вызовом спросил Дори. — К своему вчерашнему мальчику побежишь? Чем он лучше меня? Или нерастраханная попка туже? Ну, так я тебе такую же обеспечу, стоит только мага позвать!..

Рука принца метнулась вперед, смяв горло жениха через все слои кружев и бархата.

— Шпионил за мной?! — Прошипел его высочество. — Знай свое место!

И швырнул герцога на пологие ступени перед ложем.

Но Дориан упрямо вскинул белокурую голову, отбрасывая с лица растрепавшиеся локоны.

— А что если и так? — С вызовом бросил он. — Ты мой, Эдди! Только мой! Знаешь, почему эта кровать такая помпезная? Все очень просто! Это трон! МОЙ трон! Ты будешь править страной, муж мой, а я… я буду править на этом ложе! Да так, что тебе не захочется ни к каким мальчикам!

— Вооот как ты заговорил!.. — недобро протянул Эд, медленно приближаясь к зарвавшемуся женишку. — Не много ли на себя берешь?!..

— В самый раз!.. — Выдохнул блондин и неожиданно скинул с плеч свободный камзол, оставшись в тонкой шелковой рубашке. — Потому что я дам тебе то, чего никто другой не даст! Ты ведь хочешь меня ударить… избить!.. Тогда не останавливайся!

Это немного отрезвило Эдмира, избивать того, кто этого ждет — какое же тут удовольствие!

А блондин тем временем развязал широкий пояс-кушак, скинул легкие шелковые туфли и позволил брюкам соскользнуть по стройным ногам, оставшись только в кружевных чулках с подвязками и чисто символическом полупрозрачном белье, сквозь которое просвечивал налитой, розовый член герцога. Развернувшись спиной к несколько оторопевшему принцу, Дориан обнял прикроватный столбик и оттопырил гладкий зад в невесомой пене кружев.

— Ну же!.. — с придыханием выдал он, облизывая припухшие от ожидания губы. — Накажи меня!..

— Ты что, решил без нормальных подштанников обходиться? — Сразу даже не понял принц.

— Чем тебе не угодило мое белье? — Лукаво стрельнул глазками женишок. — Так носят в гаремах юга. Или ты со своего последнего любовника грубые подштанники сдирал?

Вид Дори был до невозможности развратным и в то же время возбуждающим. Вот только герцогский сыночек выбрал не то время для своих игр. К тому же не стоило ему упоминать Рэниари. В глазах принца окончательно потемнело от бешенства и неконтролируемого возбуждения. Эта б***** собиралась им манипулировать через свое тело?! Править с этого ложа?! Да он всего лишь будущий младший супруг, ОБЯЗАННЫЙ во всем подчиняться

mir-knigi.org

старшему мужу. Его место — в детской да подле трона в виде красивой куклы.

Без разговоров сорвав с себя ремень, Эдмир ограничился тем, что освободил из штанов давно ноющий член и, намотав на кулак светлые волосы Дориана, швырнул его животом на кровать.

И от души приложил ремнем пронзительно взвизгнувшего герцога. Ажурные кружева на заднице были плохой защитой против ударов, и по белым ягодицам тут же пролегла широкая багрово-красная полоса, на которой кокетливо выделялись белоснежные цветочки набедренной повязки. Недолго думая, Эдмир содрал так раздражающее его кружево и вновь, размахнувшись, влупил взвывшему женишку. Тот дрыгался, вопил и выворачивался, хватаясь руками то за голову, которую оттягивал назад кулак принца с намотанными на него волосами, то за горящую огнем попу, которую охаживал ремнем его высочество. Но получив пару раз по ладоням, предпочел растечься по постели. И только вздрагивал, подвывая на одной ноте.

Отбросив, в конце концов, отработавший свое ремень, Эдмир с рычанием хлопнул раскрытой ладонью по покрасневшим и горячим ягодицам, и резко смял их руками, раздвигая. Головка его члена воткнулась прямо в сморщенное колечко Дориана. Принцу больше всего на свете хотелось сейчас порвать ненавистного жениха, да так, что Эд даже не озаботился простейшей подготовкой.

Но на его удивление, немалых размеров член вошел довольно легко.

— Всссссеее… для… тебя!.. милый! — С придыханием выдал Дориан, вцепившись пальцами в покрывало и подаваясь назад, чтобы усилить проникновение. — Я… всегда… готов тебя принять!..

- ********! — Выругался Эдмир, яростно толкаясь в горячий зад. Руки принца вцепились в бока герцога, натягивая того рывками на член. — Ты, ********!

— Дааа! — Взвыл Дори. — Буду, кем хочешь! Только не останавливайся! Глубже!..

Какое-то время спальню наполняли влажные шлепки плоти о плоть да хриплые стоны. Пока, наконец, Эдмир не вышел из герцога и не перевернул его к себе лицом, тут же кончив ему на тяжело вздымающуюся грудь с ярко-розовыми комочками сосков.

— Тебе так нравится, когда тебя чуть ли не насилуют? — Спросил Эдмир, после того, как немного отдышался, глядя на тоже кончившего жениха. Тот вальяжно раскинулся на ступеньках подиума, щуря довольные глаза.

— Если это делаешь ты!.. — ласково промурлыкал Дориан, снизу вверх глядя на поправляющего одежду принца. — Никому другому это не позволено. И хотелось бы, чтобы ты тоже не гулял налево. Или выбирал себе объекты по приличнее: вчерашний мальчик был мил, но не более. И где только ты нашел этого провинциального простачка?

Пальцы Эдмира тут же до синяков впились в белоснежное плечо жениха, вздергивая того на ноги.

— Повторяю в последний раз! — Прошипел его высочество в исказившееся от боли лицо Ваоттиро-младшего. — Мои похождения тебя не касаются! Я сплю с тем, с кем хочу! А ты всего лишь чрево для моих детей!

— Не только чрево!.. — сумел просипеть Дориан, вцепившись в калечащую его руку всеми пальцами в надежде хоть немного ослабить хватку тренированного воина. — А еще очень

mir-knigi.org

немалый кусок земли, которую вы с королем вряд ли захотите потерять! Так что веди себя более ласково!..

Скривившись от отвращения, Эдмир швырнул жениха на постель и вышел, от души приложив тяжелой дверью об косяк.

— Какой же ты у меня горячий и страстный, Эдди!.. — в изнеможении прошептал Дориан, с трудом распрямляясь. Выпоротые ягодицы горели огнем, кончивший от души член свисал между ног вялой тряпочкой, но Ваоттиро был доволен.

Вот и испытали постель!

Хихикнул, Дориан попытался подняться, но его ощутимо повело. Да так, что он вынужден был ухватиться за прикроватный столбик, пережидая короткое головокружение. — Всего-то и надо было направить твою ярость на меня. А там и до любви недалеко. И я это сделаю! Я добьюсь твоей любви! А еще я буду убивать всех твоих любовников… одного за другим!.. Пока ты не поймешь, милый, что только я сумею сделать тебя счастливым!

…Незапланированная встреча с женишком позволила принцу выплеснуть на Дориана черную ярость. И сумевший успокоиться Эдмир, наконец, переговорил с отцом. Король Сорондо был рад порадовать сына подобной мелочью и тут же послал в особняк графа приглашение на беседу. Того в доме не оказалось — как сообщил его младший супруг — отбыл на охоту. И принц с просветленной душой, едва ли не напевая от жадного предвкушения, сел за поздний обед. Затем до вечера занимался с поставщиками Северной армии. Потом с удовольствием отужинал с семьей и завалился спать без каких-либо сновидений. И только утром следующего дня, за завтраком, вспомнил об оставленном в лесном домике Рэниари.

Кусок любимого пирожного сразу застрял в горле рвотной горечью. И его высочество, вновь переполнившись раздражением, поднялся из-за стола. Но в этот раз к раздражению примешивалась и немалая доля испуга: Эдмир сам обучал своих лакеев. И знал, как вышколенная прислуга поступает с не угодившими ему любовниками. А разозлившего его Рэни могли причислить только к этой категории!

Бросив все, Эдмир с немногими друзьями торопливо выехал в сторону лесного убежища. Наверняка сейчас выгнанный из особняка парень блуждает по лесу. Вряд ли у изнеженного младшего хватит сил самостоятельно добраться до столицы. Так что достаточно будет пустить по его следу обученных собак, и мальчика быстро приведут к нему. О том, что неопытный подросток банально заблудился, сломал шею в каком-либо овраге или попал в руки бандитов, Эдмир старался не думать, холодея от одной только мысли, что может потерять парня. Лишь бы не смерть! А от остального он его спасет. Да и будет лишний повод продемонстрировать свое благородство, получив благодарность перепуганного мальчишки, что провел ночь в страшном лесу…

Представив, как вызволенный из лап неведомой опасности Рэниари прижмется к нему, подставив сладкие губы для страстного поцелуя, Эдмир едва не застонал от мгновенного вожделения, что вызвало понимающее хихиканье сопровождавших его в поездке маркиза Карлаэля Деззиона и любвеобильного барона Валиэля со своим братом Эльмараном. Друзья не беспокоили принца, хотя у них явно языки чесались выспросить о том, как он провел ночь с очередным любовником. Никто из них не видел, к счастью, когда Эдмир уносил с карнавала Рэниари, а то бы пристали с расспросами еще раньше. Но вчера принцу удалось уйти незамеченным, и его придворные только предполагали, что он с кем-то был, но с кем — не

знали. Так что Эдмир мог сколь угодно мечтать о встрече со своим будущим любовником, оставив друзей изнывать в нетерпении. Вот только как объяснить произошедшее отцу мальчишки? Наверняка его уже потеряли и ищут. Недаром из особняка Вориндо прибыл ответ, что граф на охоте — видимо, чтобы не поднимать панику раньше времени. Хм… тем слаще будет первым найти милого Рэни.

Вот только мечтам этим не суждено было сбыться.

Следующую им наперерез группу принц со товарищи встретил сразу за Дворцовой площадью.

Запыленная и окровавленная цепочка всадников в охотничьем снаряжении следовала по восторженно притихшей улице, горделиво покачиваясь в седлах. Их кони были обвешены добычей. Приглушенное оханье и аханье доносилось со всех сторон.

Виверны!

Эдмир испытал чисто мужскую зависть. На этих тварей впору было охотиться панцирной пехотой, а тут всего-то десяток охотников в легких кожаных доспехах, и такая добыча!

И только потом в глаза бросился сине-зеленый герб с золотым дельфином в круге на плащах всадников.

Опешивший от неожиданности Эдмир остановил послушного коня, разглядывая проплывающую мимо него уверенную в себе кавалькаду. Обалделый взгляд его высочества прикипел к гордому Рэниари, демонстрирующему всей улице свою опасную добычу. Юноша смеялся, что-то рассказывая своему очень довольному отцу. Искрящийся неподдельным удовольствием взгляд аквамариновых глаз равнодушно скользнул по принцу. И бастард графа отвесил формальный поклон, тут же вернувшись к занимавшему его разговору с лордом Цитадели.

Эдмир растерянно замер, впервые в жизни не зная, как ему реагировать на случившееся. Он как идиот ехал вызволять нежного и беспомощного мальчика из лап возможных разбойников, а нарвался… нарвался…

НАРВАЛСЯ НА КРАЙНЕ БОЛЕЗНЕННЫЙ ЩЕЛЧОК ПО УЯЗВЛЕННОМУ САМОЛЮБИЮ!!!

Ну, Рэниари!.. Ну, паршивец! Ты у меня дождешься!

Неужели он все это спланировал с самого начала? Да нет! Не может быть! Скорее граф, потеряв сына, рванул его искать…

Но куда делся наивный, восторженный мальчик, что влюбленными глазами смотрел на прекрасного принца еще вчера?!

Тот, кто сейчас проезжал по улице, ничем не напоминал того наивного воробушка. Словно мягкий, не до конца прокованный клинок довели, наконец, до истинного совершенства, убрав окалину и заточив стальную сердцевину.

— Какой красавец!.. — в один голос выдали разом Деззион и братья Коразз. И только тут до принца дошло, что восторженный шепоток, гулявший по улице, в большей мере относился не столько к самой добыче охотников, сколько к внезапно расцветшей красоте Рэниари.

mir-knigi.org

Юноша ослеплял. Впрочем, Эдмир и так в плену вожделения всегда видел его прекрасным. Но теперь впервые взглянул на парня сторонними глазами. И заскрежетал зубами от бессильной ревности. Схватить бы его в охапку, унести-укрыть в самых дальних и хорошо охраняемых покоях. Одеть на лицо специальную маску, что по слухам заставляют носить младших мужей на далеком юге… Чтобы никто, не то что прикасаться, а даже и смотреть не смел! Подобрать самых уродливых слуг… И не выпускать из постели целыми сутками. Если надо, даже сделать ему ребенка, чтобы и не думать когда-либо оставить его, Эдмира! Чтобы жил и дышал только для него одного!

Конь, повинуясь невысказанному желанию хозяина, прянул было вперед, но тут же застыл, осаженный тяжелой рукой. Даже если Эдмир сейчас ринется к мальчишке, сил их четверых не хватит совладать с тренированными воинами Цитадели. Оставалось только провожать глазами вожделенную добычу и изнывать в ожидании вечерней беседы отца со старшим Вориндо.

— Ну, надо же!.. — зачарованно выдал Валиэль, облизывая от нетерпения полные губы. — А ты, милый, не хотел еще втроем… — обратился он к такому же очарованному любовнику. Деззион только головой покачал.

— От ТАКОГО я не откажусь никогда! — Сообщил он барону. Валиэль и Эльмаран в унисон вздохнули.

— От такого не откажется никто! — Согласились они оба. И только тут до заторможенного сознания принца дошло, КОГО обсуждают эти трое.

Рык принца перепугал коней и зевак на всей улице!

Протянув витой плетью своего коня по лоснящемуся крупу, Эдмир пустил его вскачь, вынудив последовать за собой и аристократов.

Проскочив в только недавно покинутый Конюшенный двор замка, принц птицей слетел с седла и обернулся к удивленным его поведением друзьям.

— Чтобы никто!.. Никогда!.. — прорычал он в побледневшие лица дворян. — Даже думать не смели протянуть до НЕГО свои руки! Тут же оборву по самые яйца!

— Эд!.. — начал было растерянный Эльмаран на правах друга детства. Но Эдмир не стал слушать, быстро поднялся по ступенькам и, миновав несколько галерей, пинком открыл дверь в свою спальню, откуда тут же порскнули испуганные слуги, пытавшиеся прибрать разгромленные покои. В груди крутился горячий и неимоверно колючий огненный шарик, пытаясь вырваться наружу. Словно крошечная молния гуляла по венам, пытаясь найти выход… И Эдмир влил в себя сразу несколько кубков крепкого вина, после чего завалился на перестеленное ложе.

Чтобы отрубиться и увидеть…

…Зимний сад.

И ажурную беседку, в которой сидел укутанный в седые меха незнакомец из снов.

Прекрасный и такой же холодный, как окружающие его снега и замерзшие струи фонтанов.

И напрасно Эдмир рвался к нему сквозь ночь… Напрасно кричал, срывая голос… Напрасно в

кровь разбил кулаки о незримую стену…

Юноша в беседке его больше не слышал и не видел, незаметно истаивая в морозной дымке под незнакомым небом с одной единственной, неестественно большой луной…

Принц проснулся рывком.

И понял, что лицо залито слезами, а сердце разрывается от неясной тоски и чувства безвозвратной потери.

«Неужели я виноват перед тобой тем, что выбрал Рэниари?» — в отчаянии подумал Эдмир.

Но я не могу без него… И не могу без тебя…

Вы оба мне нужны. Разве моего внимания не хватит на вас обоих?

— Ваше высочество!.. — прозвучал робкий голос слуги из-за дверей. — Его величество велели вам передать, что ожидаемые персоны прибыли во дворец.

— Горячую ванну и чистый костюм! — Взревел тут же подхватившийся с постели Эдмир, хватаясь за очищающий амулет: во рту словно кошки ночевали!

…Вся семья Вориндо собралась в малой столовой их городского особняка. Не хватало только Баррэта, застрявшего где-то за столицей.

Асин, как всегда с идеальной осанкой, сидел по правую руку старшего супруга и с легким неодобрением посматривал на Рэниари. А сводный братец с нескрываемым злорадством громогласно рассказывал, как его почтил своим вниманием жених наследника престола в то время, когда некоторые… — быстрый взгляд из-под светлых ресниц в сторону бастарда. Некоторые нарушали традиции, отправившись охотиться, что недопустимо для будущих младших, и упустили шанс завести столь полезное знакомство.

Рэниари с трудом скрыл улыбку, невольно вспомнив полный зависти взгляд старшего брата на его добычу. Аррид пообещал юноше самолично выпотрошить виверн и обработать шкуры, из который выйдут изумительно прочные и красивые сапоги и даже охотничий костюм. А отец обещал отдать своих тварей на плащ. Так что зависть Руина была вполне понятна: этим вещам сносу не будет. И в них тепло в холод и прохладно в жару, да и тело не потеет, в отличие от обычной кожи.

Даже намек на предстоящую свадьбу бывшего кумира Рэни встретил с полным равнодушием.

— Да, — нерешительно начал Асин, отсылая из столовой слуг. И Рэниари напрягся — разговор явно предстоял серьезный. — Только что принесли повторное приглашение от короля для тебя, муж мой. Приглашение на беседу…

— И даже догадываюсь, какую! — Буркнул Гвиур, неторопливо прожевав кусок. Встретившись взглядом с потемневшими глазами сына, граф неожиданно лихо ему подмигнул, вызвав на губах Рэниари невольную улыбку. Перехвативший этот обмен взглядами Руин как всегда насупился. Законный наследник лорда Цитадели не любил, когда ненавистный бастард крал у него внимание отца.

— Не поделишься догадками? — Продолжал осторожно выспрашивать супруга Асин. Гвиур

mir-knigi.org

прямо сел в кресле, отложив в сторону тяжелую серебряную вилку.

— Все очень просто, — пояснил он мужу и старшему сыну. — Его величество желает предложить контракт любовника Рэниари. Любовника принца.

— Так это же великолепно! — Сразу расцвел Асин, и даже Руин заулыбался, в кои-то веки благосклонно взглянув на ненавистного брата. Но граф спустил их с небес на землю.

— Я склоняюсь к тому, чтобы отказать принцу, — обыденно сообщил он, вновь принимаясь за жаркое. — Мне не нравится, что МОЙ сын будет всего лишь любовником, хотя и принца. Князь Фейринель предлагал ему законное супружество. Но, впрочем, выбирать будет сам Рэни. Что скажешь? — Повернулся он к младшему сыну. Тот твердо встретил взгляд отца.

— В любом случае это будет не принц! — Сказал, как отрезал. Граф одобрительно кивнул.

— Полностью согласен. На мой взгляд — статус законного мужа перевешивает сомнительный «титул» любовника. И даже титул фаворита, хотя тебе его вряд ли предложат. Вот если бы ты любил принца…

— Отец! — Торопливо вмешался раскрасневшийся от перспектив Руин. — Для Цитадели намного выгоднее связь с королевским домом, чем с князем. Все-таки мы живем в Хилдоне! Неужели тебе так не понравился принц? — Недовольно повернулся братец к онемевшему от ярости Рэниари. — Ты ведь ушел с карнавала с ним! Насколько мне известно, раньше любовники на его высочества не жаловались. Или это ты оказался слишком привередлив?..

— Руин!.. — возмущенно вскинулся на сына Асин, но все перекрыл гулкий хлопок старшего отца ладонью по столу. Да такой, что подскочила тяжелая, литая из серебра солонка, а тарелки и кубки едва в пляс не пустились.

— ЗАКРОЙ РОТ, ЩЕНОК! — Гвиур вроде бы и голоса не повышал, а все невольно пригнулись. — Братом решил торговать?! Самое последнее дело продавать родную кровь! Как бы ты к нему не относился, это не повод подкладывать его под того, кто ему не мил!

Руин, несогласно поджав губы, уставился в стол. Отца он побаивался, к тому же знал, что в этом случае ами будет на стороне старшего супруга.

— Милорд… — робко просунул голову в дверь мажордом. — Прибыл князь Фейринель!

— Проводи в парадную гостиную, — приказал Гвиур, вставая из-за стола. — Идем приветствовать высокого гостя. Негоже держать его на пороге.

Князь уже ждал их в центре большой круглой залы, игравшей в доме роль парадной гостиной. Он с удовольствием любовался тончайшими золотыми арабесками на стенах бледно-голубого мрамора. Узкие окна от пола до потолка, забранные разноцветными витражами, празднично расцвечивали прохладную красоту зала. Только у самого входа высились два резных камина, пустых по случаю летней жары. Там столпилось несколько людей в мантиях и накидках магов, оставив своего хозяина в центре.

— Граф, — благожелательно поклонился князь хозяину дома. Светло-карие глаза Эккуара тут же нашли Рэниари и уже не отпускали на протяжении всего разговора. — Я в Меайре проездом и первым делом прибыл засвидетельствовать свое почтение, как мне надеется, моему будущему мужу.

Рэниари с трудом сдержал дрожь. Навязчивое внимание владыки Фейринеля его откровенно пугало. К тому же он до сих пор так и не узнал, почему блистательный Эккуар, о котором бредили знатнейшие отпрыски всех королевств континента, выбрал всего лишь бастарда соседнего графа. Ведь в случае гибели Руина, Цитадель Фейринелю по законам всех королевств континента не досталась бы. Младшие супруги теряли любое право на наследство родителей после замужества, кроме своего изначального приданого. Вот будь Рэни наследником, тогда бы интерес князя был понятен. А так…

Теплые губы Эккуара осторожно коснулись уголка сжатых губ юноши. Все, как и полагается по этикету.

— Я не тороплю вас, любовь моя! — Голос князя обволакивал напряженного от непонимания Рэниари. — Но я помню, что вы обещали принять решение после возвращение в Цитадель. А пока позвольте преподнести вам скромный дар.

По взмаху руки князя приблизившийся слуга с поклоном протянул юноше богато инкрустированную шкатулку и откинул крышку.

На фиолетовом шелке лежало несколько черенков с укутанными специальной тканью корнями. А сверху рдела самая потрясающая роза из тех, что Рэниари видел — ало-золотая, крупная, источающая тонкий, но такой яркий аромат.

— Роза Восхода!.. — Выдохнул потрясенный юноша, машинально принимая драгоценный дар. — Но как?!..

— Мне стало известно, что вы любите именно эти цветы, — пояснил довольный произведенным эффектом князь. — И я приказал ее доставить для вас. Как меня уверили, черенки можно будет посадить в любое время года. И она приживется.

— Спасибо!.. — отозвался Рэниари. Подари ему князь это чудо ДО поездки в столицу, и юноша не знал бы, куда себя деть от радости. Но теперь…

Теперь он словно повзрослел, и старые игрушки больше не радовали, как раньше.

— Отобедаете с нами, князь? — Благосклонно спросил Асин. Фейринель с видимым сожалением отказался.

— Я должен еще заглянуть в свое посольство перед поездкой во дворец. Так что вынужден откланяться.

— Если ты и этого просрешь!.. — прошипел прямо в ухо вздрогнувшему от неожиданности Рэниари незаметно подкравшийся сводный братец, пока старшие провожали до дверей высокого гостя. — Я не знаю, что с тобой сделаю!..

— Ох, ты и дурааак! — С сожалением протянул юноша, с презрительной жалостью глядя на Руина. — Тебе даже в голову не приходит, как чревато портить отношения со мной. И без разницы, чьим мужем или любовников я стану: не даром говорят, что ночная кукушка дневную перекукует. Неужели надеешься таким образом получить поддержку моего будущего мужа? Через плохие отношения со мной?

— Поумничай мне?! — Сквозь зубы отозвался Руин. — Марш, в свою комнату, одеваться. Я скажу ами, чтобы прислал тебе слуг.

mir-knigi.org

— Я сам прослежу за твоим братом, — сообщил незаметно подошедший к ним Асин, нежно погладив родного сына по щеке. — Иди, тоже переоденься, милый. Ты едешь с нами.

Спустя час Рэниари, принявший ванну с душистыми эссенциями, стоял полуодетый в своей спальне перед высоким зеркалом. Вокруг суетились слуги под придирчивым вниманием Асина. Только что из комнаты вышел маг отца Чассир Серый, отрастивший юноше локоны до колен. Рэни, до недавнего времени яростно споривший с Асином о длине своих волос, на этот раз равнодушно принял решение отчима.

И вот теперь в холодном стекле отражался невысокий, тонкий в кости полуэльф. Совершенно не знакомый Рэниари, помнившим себя смуглым улыбчивым подростком с сине-зелеными, одновременно упрямыми и веселыми глазами.

Тот, кто смотрел на него из зазеркалья, был прекрасен как сама мечта. Смуглая кожа стала нежно-золотой, к ней хотелось прикасаться руками, ощущать под ладонями ее теплую гладкость. Черты лица вроде бы не изменились, но стали скульптурно выверенными. Глаза сияли, завораживали, пленяли… И оставались равнодушными ко всему. Непривычная длинна волос сильно оттянула голову назад, от чего осанка приобрела идеальную стройность и надменное величие. Под собственной тяжестью локоны распрямились и только на концах свивались в привычные Рэниари крупные кольца. Да и те убрали в высокую прическу, использовав совершенно простые шпильки: тот незнакомец в зеркале не нуждался в вычурных украшениях, сам по себе являясь драгоценностью, достойной королей.

Асин придирчиво осмотрел непривычно молчаливого пасынка и приказал слуге унести шкатулку с красками для лица. Излишнее украшательство только бы испортило общую картину. И именно поэтому для Рэниари был выбран довольно строгий костюм из темно-синего шелка. Только белоснежные кружева невесомой пеной ласкали шею и тонкие запястье юноши.

А Рэниари смотрел в зеркало и с вновь проснувшейся болью думал, что кого-то горе старит, а его вот сделало прекрасным. Хотелось бы ему так расцвести для одного единственного.

Да видно не судьба…

Покинувший особняк графа князь Эккуар Фейринель некоторое время ехал молча, хмурясь все больше и больше.

— Сарол, ты заметил? — Обратился он, наконец, к своему главному магу. Тот почтительно склонил голову.

— Да, господин, — отозвался он. — Мальчика активировали. Иначе бы его красота не проснулась.

— Кто-то успел раньше меня… — недовольно буркнул князь себе под нос. — Но, может, так даже и лучше. Мальчишка, кажется, не в восторге от своего первого опыта. И это явно произошло во время карнавала. Ведь до него наблюдатели ни о чем таком не доносили… Слава богине, тот, кто его взял на ложе, не догадался ни о чем! Мальчик же, получив жестокий урок, потянется к первому, кто его приласкает. Нет, ну до чего же хорош! — Все-таки не сдержал восхищения князь, внимательно поглядывая на своего мага. — Неужели нет желания захапать его себе?

— Есть, — честно признался Сарол Эзд Ралод, главный маг князя. Темно-каштановые волосы,

забранные в низкий хвост, мели широкую спину магистра в такт движения коня. Хищные серо-голубые глаза упорно смотрели на грязную мостовую. Нос, словно клюв ястреба, нависал над довольно тонкими губами мужчины. — Но вы прекрасно понимаете, что я никогда не пойду против вас, господин.

А вот это было не просто правдой, а весьма жестокой констатацией фактов. Ни один маг, принятый на службу к власть имущему, не мог предать интересы своего хозяина, так как данная при подписании контракта клятва не давала магу преследовать свои интересы, только работать на благо работодателя. Форменное рабство. Но маги охотно шли на заключение контракта, ибо в результате получали больше, чем теряли. В частности — сила волшебника на контракте увеличивалась в разы. Оплачивались его услуги весьма высоко, он мог работать с любыми артефактами и книгами по своему желанию. Да и был такой контракт не пожизненным.

— Знаю! — Надменно отозвался князь, распрямляясь в седле. — А потому ты должен сделать все, чтобы уберечь мальчишку от внимания других магов.

— Я делаю все, что могу, — устало отозвался Эзд Ралод. — И мои маги, — быстрый взгляд через плечо на едущих чуть в отдалении младших волшебников, — тоже делают все возможное. Но сила господина Рэниари очень велика. К счастью, такие, как он, появлялись слишком давно. И мало кто может связать все данные воедино… Да и при дворе ваш будущий супруг мелькал редко.

— И все равно, лучше не тянуть, — проворчал князь, спешиваясь во дворе фейринельского посольства. — Я ЕГО уже хочу…

Глава 6

Баррэт тяжело заворочался на прелой соломе и с трудом приоткрыл заплывшие глаза.

Отец-Небо, а здорово ему досталось!

Потрогав языком ноющую десну, Вориндо-рив скривился и сплюнул на земляной пол выбитый зуб. Вот досада, теперь без мага не обойтись! Утешало только одно — тем, кто его скрутил, тоже нехило досталось. Все-таки воинская выучка великое дело!

С кряхтением разогнувшись, Баррэт сел и внимательно осмотрелся.

Каземат впечатлял.

Глухой каменный мешок с приземистым низким куполом свода: стоять можно лишь в полусогнутом состоянии. Древние даже на вид толстенные колонны, вросшие в монолитный камень пола. Насколько Баррэт помнил, волокли его под землю довольно долго: видимо камера была вырублена в скальном основании замка. Ни одного окна, только несколько воздуховодов, в которые и палец-то не протолкнешь. Из удобств — символическая дыра в полу, откуда доносился отдаленный гул воды подземной речки. В дырку даже кошка не пролезет…

Попытавшись сесть, Барр с удивлением услышал глухой звон металла и только тогда почувствовал на себе тяжесть цепей.

Вот придурки!

Мало того, что запихали под землю, так еще и заковали, словно без цепей он сумел бы

mir-knigi.org

сбежать.

Перестраховщики!

С трудом прислонившись спиной к влажной стене, воин попытался устроиться как можно более удобно (в его состоянии…). Но получилось не очень. Тело ломило, руки-ноги затекли, голова гудела почище колокола. Слава богам, хоть фонарь ему оставили, можно темницу разглядеть.

А ведь начиналось все так сказочно!..

Он проснулся еще на рассвете…

В окно, лишенное занавесей, заглядывала идущая на убыль розовая Неритель, прекрасная и теплая. Этой луне еще эльфы посвящали целые поэмы, восторженно воспевая самую нежную из трех небесных сестер. Золотая Товитель только-только показалась на западе, провожая среднюю луну и встречая будущий восход. Голубая Анатель уже давно ушла с горизонта, указывая, что ночь перевалила на утро.

Закинув за голову руки, Баррэт сладко потянулся. Настроение было чуточку восторженное и крайне довольное. А кто бы на его месте не был доволен собой, когда к бокам привалились спящие и полностью удовлетворенные тобой молодые крепкие парни, с которыми ты был всю ночь? И которых заездил так, что они даже не проснулись на твое движение.

Барр обнял любовников, подгребая обоих поближе, и задумался.

То, что они творили ночью, было…

Было неописуемо!

Словно все трое давным-давно досконально изучили друг друга.

Но утро наставало с неумолимой неизбежностью, и пора было принимать решение…

Как бы Вориндо-рив не желал остаться рядом с юношами, он слишком хорошо понимал, что их дальнейшие отношения не сложатся — уж очень разный у них социальный статус. И потому просто смотрел, как постепенно просыпаются его мальчики, как трепещут их ресницы, как розовеет в первых лучах солнца кожа, зацелованная им ночью до одури…

Желание, подкрепленное неизбежным утренним стояком, было похоже на нестерпимый зуд. Оно заставило Баррэта нежно коснуться раскрытыми ладонями членов обоих своих любовников, даря так нужную им ласку. То, что собственный орган тоже требовал внимания, Барра занимало не слишком — первоочередным было удовольствие тут же проснувшихся юношей. Брать, как он брал их ночью, Вориндо-рив не рискнул. Парням и так от него досталось.

— Мммм!.. — потянулся Лотэ, положив руку поверх дрочившей ему ладони Баррэта, направляя его, и сонно улыбнулся. — Спасибо!

С другой стороны Сэриэль вовсю подкидывал бедрами, восторженно ахая. А Барру было так приятно, что и словами не описать. Даже досада от неизбежного расставания не омрачала начавшееся утро. Угораздило же ему поддаться этим двум смазливым паршивцам! Все же

mir-knigi.org

затащили его в постель, банально взяв при этом в плен. Но как же хороши оба! Страстные, открытые… Их тела так горячи, и так подходят под его тело!

Бархатистая тонкая кожица под руками, податливость и жадная готовность принять от него что угодно… Да только одно это может свести с ума! И как же ему расстаться с теми, кого так хочется назвать супругами?!..

Горячее семя оросило ладони Барра едва ль не одновременно. И прижавшиеся жаркими телами мальчишки дружно взялись за старшего любовника, лаская его в четыре руки и заставляя едва ли не в голос кричать.

Потом все трое, расслабленные от удовольствия, лежали в постели. Вориндо-рив благодарно нежил подставляемые под его широкие ладони гибкие спины, гладил их словно больших и ласковых кошаков. А парни тихонько мурлыкали.

Вот тогда-то и пришло осознание начала конца.

Пора было прощаться. И прощаться навсегда. Ибо, если он не сумеет уехать от них сейчас, то уже не уедет никогда.

На миг закрыв несчастные глаза, Баррэт резко сел в постели. Парни тут же вскинулись, с недоумением наблюдая за ним, а успевший задремать Лотэ едва не свалился с постели.

Перелезший через Сэри воин прошлепал в крохотный закуток, где стоял дубовый чан с холодной водой, заменявший в этом «номере» ванну, и, активировав согревающий амулет, со вздохом в него залез, начиная смывать с себя следы ночной страсти. Затем, отеревшись насухо, вновь прошлепал к кровати.

— Освежился, милый? — Хрипловатым ото сна голосом спросил Лотэ и подвинулся, освобождая на постели место. — Ложись, давай. Еще рано.

Но Баррэт, ни на кого не глядя, принялся торопливо одеваться.

— Пора, господа, — негромко произнес он, с трудом, непослушными пальцами застегивая пуговицы камзола. — Хорошего помаленьку…

— Барр, ты что… уходишь?.. — непонимающе переспросил Сэриэль, приподнимаясь на локте. — А как же мы?

— Ты нас бросаешь?! — Возмутился и Лотэ. А Вориндо-рив с тяжелым вздохом развернулся к ним лицом.

— Господа, — с трудом начал он. — Я обещал проводить вас до дома, и я это сделаю. Но затем наши дороги разойдутся. Безродный бастард не пара блестящим аристократам, тем более будущим графам. У вас своя дорога, у меня своя. Покувыркались, и будет… Не рвите мне душу, парни!.. Мне и так нелегко!..

— Ты!.. — подскочил было возмущенный Лотэ. И скривился, свалившись прямо в руки перепуганного жениха, застонав от резкой боли пониже поясницы. Баррэт тут же перехватил парня, просяще заглядывая в побелевшее лицо брюнета.

— Мояааа заааадницаааа!.. — выдал, наконец, Сауналь, страдальчески искривив тонкие брови. — Бооольнооооо!..

— Я тебе говорил, не переусердствуй с непривычки! — Тут же заволновался Ротаоль. А Баррэт подхватил на руки стонущего парня, бережно укачивая его на своих коленях.

— Как же ты в седле то держаться будешь? — Расстроено спросил он, гладя несчастного любовника по лохматой после сна голове. Сэри тихонько всхлипывал от сопереживания под боком у воина. — Придется, видимо, искать мага…

— Да где ты его в этой дыре найдешь! — Раздосадовано выдал Лотэ, прижимаясь к широкой груди Вориндо-рива.

— Ну, что ж! — Со вздохом сожаления Баррэт аккуратно переложил страдальца на постель и потер подбородок с отросшей за ночь щетиной. — Придется мне самому съездить к вашим родителям. А вы останетесь здесь, пока не прибудет ваша охрана. Не хватало еще вновь угодить в лапы разбойникам. Жаль, конечно, расставаться так быстро, но что поделать… мне тоже надо спешить. Так что прощайте!

— Куда это ты собрался? — Паршивец Лотэ, подмигнув зардевшемуся жениху, во весь рост вытянулся на смятой их играми постели, как будто у него ничего и не болело. — Решил собственных детей без старшего отца оставить?

— Каких…детей? — Просипел Баррэт, без сил опускаясь на так вовремя подвернувшийся стул. Воином завладело чувство нереальности. Когда это он успел этим двоим сделать детей?!..

— Мы использовали родовые коконы, которыми нас снабдили родители, — отчаянно смущаясь, пояснил Сэри. — Активировали их, пока ты спал. Так что теперь в каждом из нас по уже действующему кокону. Если найдешь мага, то сможешь проверить.

Ничего не ответивший на это Барр поднялся на одеревеневшие ногах и медленно вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Не сбежит… после такой-то новости? — С некоторым сомнением уточнил Ротаоль. Но Лотэ только ухмыльнулся, услышав дикий рев внизу, в котором звучало требование вперемешку с матами достать хоть из-под земли мага или жреца.

— Ничего, — ответил он будущему со-мужу. — Все будет хорошо.

— Ло!.. — едва не заплакал блондин. — Он… он не бросит нас?.. Не откажется?.. Он так отреагировал!..

— А как бы ты сам на такое отреагировал? — Резонно возразил Сауналь. — Нет, не бросит. Не знаю, почему, но я верю Барру! Он не предаст нас…

— Не предам! — Подтвердил хмурый как грозовое небо бастард, втаскивая в комнату какого-то типа в потрепанной жреческой мантии. От типа разило как из винной бочки, но передвигался он вполне осмысленно, хотя и кривовато. — Но такие новости лучше выслушивать не на трезвую голову.

— Да не тащи ты меня!.. — возмутился жрец, выдергивая из рук Баррэта ворот мантии. — Сказал же, сам пойду! Оппачки! — Восторженно взвыл полутрезвый типус, вцепившись взглядом в две голые фигуры на кровати. — Ты хоть сразу двоих-то наследничков потянешь?

Раздавшийся после этого грохот заставил парней подскочить и, невзирая на внешний вид, броситься к севшему со всего маха на пол Барру. Вориндо-рив очумело мотал головой,

mir-knigi.org

раскинув ноги в так и не почищенных сапогах на пол комнаты.

— Эээ, мужик… — озадаченно произнес жрец, суя под нос Баррэту какую-то фляжку. — На-ко, глотни!

Хватающий ртом воздух Барр слепо нашарил спасительный сосуд и с бульканьем к нему присосался.

— Куда?!.. — взвыл жрец, пытаясь забрать флягу обратно. — Это ж тройная выгонка!

— А мне плевать!.. — махом опростав посудину, Вориндо-рив поднял на сидевших рядом с ним на корточках голых парней несколько осоловевший взгляд. — Так это правда?

— А ты нам не поверил?! — Тут же возмутился Сауналь, а хрупкий блондин начал было раздуваться, готовясь закатить скандал. Но широкая ладонь воина осторожно легла на его рот. — Простите, парни, но я не сразу осознал… Трудно, видите ли, в ТАКОЕ поверить.

— Мы же говорили тебе, что серьезны, — тихо промолвил Лотэ, упираясь взглядом в темные доски пола. — Мы любим тебя, Баррэт Вориндо-рив!

— И хотим быть с тобой! — Торжественно закончил Сэри ритуальную фразу.

— Ладно! — Губы воина самовольно раздвигала совершенно идиотская, но от того не менее счастливая улыбка. Он как-то враз принял в себя новость о своем будущем отцовстве. И пусть все решили за него, Баррэт не мог оставить своих детей незаконнорожденными, как некогда поступили с ним. И хотя у него были любящие отец с братом, но клеймо бастарда немало отравляло жизнь молодого воина.

— Гхм!.. — раздалось над ухом многозначительное кашлянье. И жрец деликатно постучал костяшками пальцев по голове все еще сидевшего на полу Баррэта. — Может, я уже пойду?

— Куда?! — Тут же вскочил на ноги Вориндо-рив. — А ну, стой! Проводи обряд!

— Что, сразу с двумя? — Удивился тот. — Нет, конечно, по закону можно… Но как-то не принято иметь двух мужей… Но если хочется… Может, в храм спуститесь?

— А здесь храм есть? — Удивился Сэриэль.

— Маленький, — пояснил блондину Барр. — Больше на часовню похож.

— Каким бы ни был! — Оскорбился жрец. — Нужен большой храм Отца-Небо, так и езжайте в столицу!..

— Да ладно тебе! — Усмехнулся Барр: настроение стремительно менялось в сторону полного и безоговорочного счастья. — Давай, лучше, полечи их. А потом соедини нас узами брака. И пойдем вниз праздновать.

— Какое праздновать! — Возмутился Сэриэль. — Нас дома потеряли! Там будем праздновать!

— Но хоть опохмелиться нальете? — Уныло вопросил жрец. Баррэт посмотрел на помятое, несчастное лицо служителя Отца-Неба и решительно кивнул.

— Нальем! И не только на опохмелку.

mir-knigi.org

— Тогда жду в храме, — кивнул тот, выходя. Но напоследок обернулся и сделал неясный пасс одной рукой. Судя по облегченному вздоху блондина с брюнетом и, впрямь, полечил…

Парни тут же развили бешеную деятельность. Вызванный хозяин получил кучу указаний. И пока все трое отмокали во вновь наполненной бочке с горячей водой (причем, воина туда затащили, несмотря на его отговорки, что он недавно мылся!..), одежду Баррэта вычистила, принесли сундуки из пригнанной поутру кареты, и разложили на постели два праздничо-алых, затканных золотом костюма.

— Родители на свадьбу приготовили, — пояснил Лотэ, самостоятельно облачаясь в богатый камзол. Рядом Баррэт торопливо смывал с лица пену после бритья.

— Ох, и буду же я рядом с вами выглядеть… — с сомнением пробормотал Вориндо-рив, разглядывая собственный, несколько потертый охотничий костюм. Но его со-мужья только весело отмахнулись.

— Парни, — неожиданно серьезно произнес воин, когда все трое уже стояли в маленьком храме, и опохмелившийся жрец возжигал ритуальные светильники, готовясь засвидетельствовать брак. — А что скажут ваши родители?

— Да ничего, — легкомысленно отмахнулся Лотэ, коим владело радостное нетерпение. — Они нас обожают, и возражать не будут.

— Тогда… — Баррэт, наконец, решился. — Не знаю, почему это случилось. И не хочу знать! Но я рад, что отныне мы вместе. Я… я люблю вас, парни!

Лотэ и Сэриаль с двух сторон доверчиво, словно котята, прижались к нему, едва ли не шмыгая носами.

— Мы тоже тебя любим! — Хором выдали они. И неказистый, бедненький храмик затопило внезапно вспыхнувшее радужное сияние!

Покрытый патиной бронзовый факел выпал из рук перепуганного жреца и тяжело грохнулся об пол. А сам жрец с выпученными глазами опустился на колени перед ругающейся и трущей слезящиеся глаза троицей новобрачных.

- ********!!! — Эмоционально выдал Баррэт, пытаясь проморгаться от заливающих лицо невольных слез. Ему вторили со-мужья не менее изощренным матом.

— Что это было? — Вопросил Лотэ, на котором повил Сэриаль.

— ЧУДО! — Выдохнул жрец, взирая на них с пола, словно на второе пришествие самого Отца-Небо. — Ваши руки!..

Барр с недоумением перевел взгляд на свои жилистые запястья, выглядывающие из рукавов камзола. Из-под манжет виднелась замысловатая вязь словно бы вытатуированных золотом браслетов. Сразу на обеих руках.

Посмотрев на женихов, Вориндо-рив увидел такие же браслеты, но только в одиночном исполнении на запястьях Ротаоля и Сауналя.

— ЗНАК ИСТИННОГО СУПРУЖЕСТВА! — Потрясение жреца все еще не прошло. Еще бы — не каждый день увидишь овеществление легенды!

mir-knigi.org

— Что… — начал было Сэри, но жрец торопливо поднялся и низко, с величайшим почтением поклонился им.

— Об этом знают только жрецы, — торжественно возвестил он. — И знания эти достались нам от эльфов. Вы были связанны брачными узами еще в прошлой жизни. И переродившись в этом мире, неизбежно нашли и потянулись друг к другу. Ваши души и ваши судьбы едины. Вы обречены искать и находить друг друга в любых своих воплощениях! Я не могу совершить над вами таинство обряда, ибо вы уже женаты. Но я любому засвидетельствую ваш союз!

— И то хлеб, — пробормотал Барр, недоверчиво рассматривая вязь татуировки. — А почему она раньше не проявилась? Мы ведь всю ночь были вместе…

— Вы должны были одновременно подтвердить свою связь, — тожественно пояснил жрец.

— А если бы не подтвердили? — Уточнил Лотэ. Жрец помялся, но все-таки произнес:

— Не признанная и не подтвержденная связь истощает и убивает того, кто ее отвергает… Но зато теперь вы практически неуязвимы для магии, будете быстрее исцеляться, а со временем научитесь чувствовать друг друга. Может, и еще чего, но большего я не знаю.

— А прошлое?.. — с жадным восторгом вопросил Сэриэль, едва не подпрыгивая от нетерпения. — Мы теперь вспомним свои прежние жизни?

— А зачем тебе знать прошлое? — Ухмыльнулся Вориндо-рив. И покрутил запястьями — не мешает ли. — Живи настоящим!

— Мудрые слова, — согласился жрец, подбирая не понадобившийся факел и осматривая его на предмет повреждения. — Во многих воспоминаниях многие беды. Ваш супруг прав — живите настоящим. А я могу только пожелать вам удачи на новом витке судьбы.

— Вот спасибо! — Расхохотался Баррэт, хлопая своих теперь уже законных мужей по спинам. Воин впервые в жизни ощутил себя целым… завершенным. Теперь все встало на свои места.

— А везите-ка вы меня знакомиться с новой родней! — Эйфория от случившегося стремительно нарастала, опьяняя почище вина.

Надо же! А еще он станет отцом!..

…Затем они, купив третью лошадь, без помех добрались до баронства Сауналь. И вот там-то все и началось…

Замок представлял довольно дикое нагромождение вырастающих друг из дружки массивных башен. И это притом, что у подножия крепости, на равнине, еще виднелись развалины изящного эльфийского городка, с его устремленной вверх, утонченно красивой архитектурой, пока еще не до конца разобранной местным населением на свинарники. Другое дело, что городок этот с точки зрения обороны ни на что не годился, в отличии от хорошо продуманной крепости на вершине скалы из серовато-синего камня, давшего название целой провинции. И как драгоценное кольца, подножие холма опоясывали заросли златоцвета, выведенного в незапамятные времена полумагического кустарника. Эстеты эльфы использовали этот шиповник-переросток как растение для оград вокруг домов. Но пришедшие им на смену предприимчивые люди обнаружили, что помимо прекрасных, крупных цветов, словно отлитых

mir-knigi.org

из чистого золота, эта ползучая растительная тварь обладает десятидюймовыми шипами, прячущимися в густой листве. И которые не каждый меч может срубить. К тому же, златоцвет плохо поддавался как простому, так и магическому огню, что делало его просто идеальной дополнительной защитой против многочисленных недоброжелателей молодого человеческого племени.

— Ло! — Запаниковал Сэри, когда они втроем подъехали к кольцу златоцветов и стали видны разноцветные флаги на башенных флагштоках. — Здесь мои! Наверное, им уже сообщили, что мы уехали без охраны!

— Что будет?! — В панике прошептал молодой барон Сауналь, поднимая взгляд на родной замок.

— Да просто обрадуются, что вы вернулись живыми и здоровыми, — ответил Баррэт. Но под ложечкой засосало в ожидании грядущих неприятностей. — Едем!

Ворота оказались открыты, и, миновав въездной тоннель с поднятыми решетками, все трое на удивление свободно въехали во внутренний двор перед донжоном, к которому прилепилось вроде бы и высокое и обширное здание, выглядевшее рядом с главной башней откровенно карликовым.

А по всему двору торопливо метались воины, кони, собаки. Гомон стоял такой, что никто ничего не слышал, но тем не менее продолжал что-то делать.

— Чего это они?! — Прокричал Сэриэль на ухо не менее его удивленному со-мужу.

И наступила тишина…

Враз. Без какого-либо перехода.

Головы всех присутствующих в замковом дворе повернулись к прибывшим.

— Лооотэээээ!.. — словно большая зеленая птица слетела с высокого крыльца главного здания. И на поводе всхрапнувшей лошади Сауналя повисла невысокая светловолосая и кареглазая женщина, не обращая внимания на пачкавший шелк ее одежд лошадиный пот. — Лотэ! Мальчик мой! Ты жив!..

— Мама! — Парень мигом соскочил на землю и бережно обнял маленькую женщину. А от крыльца уже спешил черноволосый и черноглазый, так похожий на Лотэ мужчина: судя по всему — отец.

— Сэри! — Баррэт только успел увидеть, как взбрыкнул ногами выдернутый из седла блондин. И его тут же затискали двое мужчин в богатых одеяниях.

— Вэн, все уже в порядке!.. — увещевал вцепившегося в Сэри зеленоглазого блондина второй мужчина, судя по всему старший супруг — тоже блондин, только платиновый. У Барра даже дыхание перехватило, когда он увидел глаза своего старшего тестя — невероятного фиалкового оттенка. Сэриэлю достался его цвет волос, а вот глаза он унаследовал от зеленоглазого ами.

Рядом родители активно тискали вяло отбивающегося Лотэ. А спешившийся Баррэт стоял рядом как неприкаянный, чужой на чужом празднике.

— Хирото! Смотри! — Вдруг ликующе воскликнула женщина. — Брачные браслеты! Они все-

таки поженились!

И повисла на шее теперь уже у довольного мужа.

— Поздравляю, мальчики! — Тепло произнес Хирото, барон Сауналь-старший. И отлепил от себя смеющуюся жену. — Вениа, успокойся. Думаю, нам всем стоит пройти в дом.

— Папа, — обернулся к Баррэту Лотэ. — Позволь тебе представить нашего с Сэри старшего супруга.

Выдравший тем временем себя из крепких родительских объятий Сэриэль, улыбаясь во весь рот, встал рядом с Вориндо-ривом.

— И мы оба использовали те коконы, что вы нам дали, — гордо закончил Лотэ в полной тишине, наступившей после его слов.

— Что?.. — непонимающим шепотом начал было лорд Хирото. — Ты же должен был стать старшим супругом… Почему…

— Я, как и Сэри, стал младшим. И уже ношу в себе вашего с мамой будущего внука, — пояснил упавшим голосом сын. Кажется, до него стало доходить, что ТАКУЮ новость родители явно не ожидали. — Это Баррэт Вориндо-рив. Младший брат лорда Цитадели графа Вориндо. Он спас нас от разбойников. Мы поженились… И мы любим друг друга.

— Это так… — эхом подтвердил слова со-мужа младший Ротаоль. На лица их родителей было страшно смотреть.

— Пройдемте в дом, — тихо приказал хозяин замка и повел шеей в тесном вороте камзола, медленно багровея лицом. Затем повернулся и, чуть ли не печатая шаг, зашагал в сторону донжона.

Лишь войдя внутрь и расположившись без лишних свидетелей в первой же зале, барон сразу приступил к делу.

— Я Хирото Сауналь, а это моя жена Вениа, — кивнул он на присевшую рядом с ним сосредоточенную женщину. — Мы родители Лотэ.

— Это, — уважительный поклон в сторону настороженных блондинов. — Барон Ластон Ротаоль и его супруг лорд Вэндик. Они, как вы понимаете, родители Сэриэля. И мы все желаем знать, что за бред с вашей якобы свадьбой.

— Это не бред! — В один голос возмутились Лотэ и Сэри, с двух сторон прижимаясь к устроившемуся на широкой скамье Барру. Но Вориндо-рив ничего не успел ответить: с треском распахнулись высокие двери, и в зал торопливо вошли двое в накидках магов.

— Вы вовремя! — Тут же подскочил в кресле зеленоглазый Вэндик. — Проверьте их! Что они несут о браке и своей беременности!..

Барр крепко прижал к себе вновь было дернувшихся мальчишек, не обращая внимания на разъяренное шипение лорда Ластона.

— Пусть убедятся, — шепнул он любимым. В груди словно колючий снежок слепился — настолько воину стало неуютно под пристальными взглядами шести пар глаз.

— Брак магический и свершившийся, — наконец, расцепил зубы один из магов. — И оба молодых господина носят в себе наследников. Коконы активированы. И уничтожить их невозможно.

— Старший супруг для ваших детей этот человек. — Сказал другой маг, сверля взглядом почему-то пупок Баррэта, от чего у того появилось желание прикрыться ладонями — вдруг что-нибудь наколдует. — Они создали триумвират. И стали со-мужьями одного супруга.

— Тааак, — произнес после продолжительного переглядывания со всеми членами семьи барон Сауналь. — В таком случае, у меня только один вопрос… Что вы хотите за то, чтобы навсегда исчезнуть из жизни моего сына и его мужа?

— Отец?! — Возмущенно дернулся Лотэ под рукой Баррэта, но нарвался на предостерегающий взгляд прищуренных глаз Хирото. Леди Вения тоже смотрела на сына с полным неодобрением.

— Помолчи! — Неожиданно спокойно произнес барон Ротаоль. — Ты должен был стать старшим мужем нашего сына. И тем самым соединить наши семьи. А взамен вы оба угодили в лапы охотника за приданым… всего лишь бастарда лорда! Так что не мешайте нам сейчас искать выход из сложившейся ситуации.

— Не стоит произносить такое! — Глухим от ярости голосом начал Баррэт. — Да, я бастард! Но буду не беднее любого из вас! И на ваших детях я женился по любви, а не ради их приданого.

— Так я тебе и поверил, — пренебрежительно скривился Хирото. — Вы встретились сутки назад. Так о какой любви можно говорить? Они всего лишь неразумные мальчишки, которых обвел вокруг пальца проходимец. Я могу поверить байкам о твоем состоянии: все-таки Цитадель несметно богата. Но для аристократов истинное богатство всегда было в обладании землей. А ты за все свои деньги не сможешь купить и захудалого баронства! Всего лишь поместье! Никто не продаст тебе кусок, способный претендовать на ТИТУЛ!

— Да плевать мне на ваш титул! — В полный голос заорал Баррэт, поднимаясь на ноги и понимая, что нормального разговора с новой родней не получится. Лорды и их супруги были негативно к нему настроены. Жаль, что Вориндо-рив всегда был только воином, и искусство убеждения никогда ему толком не давалось. Для Баррэта проще было огреть собеседника по голове, чем пытаться убедить его словами. Вот и теперь все шло к тому, чтобы закончиться банальной сварой. Так что единственный разумный выход на взгляд воина был в том, чтобы просто повернуться сейчас и уйти, оставив новую родню переосмысливать случившееся.

— Папа!.. — голос попытавшегося вскочить на ноги Лотэ звенел от неподдельного отчаянья. Барр с трудом удержал младшего, успокаивающе обняв за внезапно поникшие плечи. — Мы же любим его! Ну, как вы нас не поймете! Мы ехали домой, надеясь поделиться с вами нашей радостью. А оказалось!.. Мама, хоть ты отцу скажи!

— Вы же так любите друг друга! — Закричал вдруг и Сэриэль, на миг отлипая от старшего мужа и обвиняющее глядя на своих отцов. — Папа, ты же не смог отказаться от ами, когда узнал, что он больше не может иметь детей! И когда все вокруг убеждали тебя взять нового супруга или супругу! Почему вы не можете нас понять?!!..

— Потому что я очень долго ухаживал за твоим ами, сынок, — мрачно ответил барон Ротаоль, обняв за плечи тихо плакавшего лорда Вэндинка. — Потому что я пережил с ним немало… потому что я был с ним на стенах замка, когда на нас напали… и потому что я сам выхаживал твоего второго отца, когда тот магический удар лишил нас двоих возможности иметь еще детей, кроме тебя. Целая жизнь, малыш, против твоей одной ночи!

— Господа! Господа! — Вмешался один из магов. — Брак нельзя аннулировать! Вы же видите метки!.. Они трое — супруги… Боги не простят святотатства!

— А мы и не собираемся аннулировать брак, — вдруг произнесла леди Вениа, яростно терзая взглядом ненавистного старшего зятя. — Для всех окружающих наши дети женаты. А то, что у них есть так называемый третий… можно проигнорировать.

— Вы не сможете этого сделать, леди! — Бесцеремонно перебил тещу Баррэт. — Они носят детей от меня! А своих наследников я никому не отдам.

— А своего внука я тоже никому не отдам! — Резко ответил младший лорд Ротаоль, вытирая платком покрасневшие от слез глаза. Барон Сауналь-старший подтвердил его слова решительным кивком. — Мы далеко не нищие, сумеем обеспечить детей. Но следующего ребенка, как и планировалось, именно Лотэ сделает Сэри. И вот этот наследник и станет будущим графом Синих Камней!

— Так вот что вы задумали?! — Прорычал Баррэт, с трудом удерживая рвущихся в драку парней. — И каким это образом вы посмеете лишить меня МОИХ детей и заставить МОИХ мужей рожать вам графа?!..

— Да очень просто, — хладнокровно ответил лорд Хирото, давая знак своему магу. Вориндо-рив почувствовал, как невидимый ветер взъерошил волосы на его затылке… и все. — Нет человека — нет проблемы! Не бойся, никто тебя убивать не собирается. Сам сдохнешь!

Но маг только огорченно покачал головой.

— Ничего не получается. Он обвешан защитными амулетами!

Вориндо-рив оскорбительно рассмеялся.

— А вы как думали? — Язвительно поинтересовался он у онемевших от неудачи родственничков. Простая злость давно уже превратилась в чистейшую ненависть. Еще немного, и Барр начнет убивать. А причинять вред пусть и не признавшим его, но все-таки родичам, тем, кто дорог его мальчишкам, не дело. А значит, надо просто уйти.

— Так как вы не признаете нашего мужа, — словно подслушав его мысли, Сэриэль решительно поднялся на ноги, обвиняющее глядя на заволновавшихся отцов. — Мы уходим от вас!

— Да! — Рядом с со-мужем встал столь же решительный Лотэ. Его мать тут же страдальчески заломила руки, бросаясь к сыну, но ее удержал не менее Баррэта взбешенный лорд Хирото. — Успокойтесь! Никто никуда не уйдет! Мальчики останутся здесь.

— Как бы не так! — Выдал Барр, увлекая своих мужей на выход. — Я и без вас решу, где и как мы будем жить! А вы оставайтесь при своих амбициях!

Разозленные, раздавленные предательством родителей парни поспешали за ним. Но за дверями их уже ждали.

— Вот так, — удовлетворенно пояснил лорд Хирото взволнованной жене и лорду Вэндинку. — Если не смогли маги, то смогут воины! Не умением, так числом!

Старший барон Ротаоль вцепился руками в каменный парапет крыльца, наблюдая, как внизу солдаты отдирают от чужака яростно сопротивляющихся мальчишек.

— Хиро! — Лорд Ластон вздрогнул, когда Сэриэлю двое солдат заломили за спину руки, утаскивая вопящего и брыкающегося юношу прочь со двора. — Ты все-таки поаккуратней! Все-таки мальчики беременны!

— Немного строгости им не повредит, — пробормотал в ответ барон Сауналь, сам едва не дергаясь, когда кулак дюжего десятника ударил в плечо Лотэ. — Только не в живот!..

— Милорд, беременность магическая! — Поспешил успокоить хозяина кто-то из магов. — Кокон убережет не рожденное дитя!..

— Это не повод бить мальчиков! — Возмутился лорд Вэндинк и слетел с крыльца вослед подхватившей пышные юбки леди Сауналь. — Надо просто поговорить с ними… когда они успокоятся и поймут, что за глупость сотворили!

Лорд и леди поспешили за солдатами, уносящими в донжон двух отчаянно извивающихся парней. А старшие лорды остались наблюдать за яростным водоворотом в центре двора.

— А он хорош!.. — с невольным одобрением произнес лорд Ластон, увидев, как от чужака в очередной раз отлетели напавшие на него солдаты. К удивлению баронов, взбешенный Вориндо-рив рвался не в сторону все еще открытых ворот, а в донжон, куда унесли юношей. — Жаль его убивать.

— Нельзя! — Вновь вмешались сразу оба взволнованных мага. — Брак магический! И мы не знаем, как он был заключен. Смерть старшего мужа может ударить по молодым господам! Сначала надо разобраться!

— Хорошо! — Был вынужден согласиться лорд Хирото, переглянувшись с бароном Ротаолем. — В цепи его! И в самое глубокое подземелье! Будет жить, пока вы не разберетесь.

…Сражавшийся не на жизнь, а на смерть Баррэт проклинал себя только за одно. Обрадованный обретенной связью с любимыми, он забыл сообщить брату о том, куда поехал. Конечно, Гвиур далеко не дурак и сообразит, куда мог отправиться младший братишка. Но в том-то и дело, что хозяевам замка достаточно всего лишь сделать каменные морды, сообщив, что был… да уехал! И искать его будет бесполезно. Конечно, брат не успокоится, но сколько времени пройдет, прежде, чем он хоть в чем-либо разберется?! И что будет тогда с Баррэтом и с влюбленными в него парнями? С их детьми? Что сделают с неугодными внуками местные бароны?

И потому сейчас, наплевав на собственную жизнь, Баррэт Вориндо-рив диким медведем тяжело ворочался в гуще повисших на его широких плечах солдат, раздавая удары тяжелым мечом в ножнах — единственная поблажка не принявшей его родне, на которую воин пошел — негоже убивать тех, кто искренне желает счастья его мальчикам. Но вот не калечить их Барр себе не обещал. А потому его медленный шаг по двору сопровождался матом, хрустом костей и болезненным воем тех, кто угодил под тяжелые удары одного из лучших воинов Цитадели.

Вот только врагов было слишком много. И в какой-то миг Баррэта просто задавили числом.

«Простите… — еще успел подумать воин, когда древко чужого копья повстречалось с его затылком. — …я не смог…»

Послеобеденное время в Мейаре всегда было посвящено отдыху. Но двор никогда не

предавался праздности, в отличие от простых столичных жителей. Водоворот страстей и интриг ни на мгновение не прекращал своего бесконечного движения. Вот и теперь, невзирая на заметно припекающее солнце, в высокой парадной галерее перед кабинетом его величества Сорондо III было настоящее столпотворение из тех, кто прибыл во дворец по делу и без дела.

…Затянутая в темно-синий шелк фигурка Рэниари привлекала к себе взгляды всего двора. Он вместе со сводным братом и отчимом только что вышел из кабинета короля. За дверью остался старший граф Вориндо. А принца отыскал секретарь отца, сообщивший, что упрямый мальчишка ответил решительным нет на столь щедрое предложение.

И вот теперь золотоволосый мальчишка прогуливался по длинной галерее, ни на шаг не отходя от родственников, и не обращая внимание на неприкрытую, восторженную зависть всего двора. А Эдмир едва зубами не скрипел от ярости, не зная, как оградить Рэниари от жадных взглядов придворных. И как только он раньше не замечал, насколько красив сын графа?! Где были его глаза, упустившие и сияющую теплым золотом нежную кожу, и тяжелые солнечные волосы, забранные в сложную прическу, и красиво очерченные губы, изогнутые луком. А глаза!..

Огромные, с чуть вытянутыми к вискам уголками аквамариновые глаза с золотыми искрами! Такие изменчивые и яркие! А высокие скулы, что так упоительно было целовать той ночью!..

Темные боги! Неужели семейка графа посмеет отказать ему, принцу, в контракте на своего сына?! Неужели решили, что он смирится с отказом?!! Идиоты!

А, может, предложить Рэни сразу контракт фаворита? Перед таким никто не устоит.

Пожалуй, стоит поговорить с самим мальчишкой, пока граф не вышел от короля.

Решительно прошагав по галерее, Эдмир одним только разъяренным взглядом разогнал сгрудившихся подле графского бастарда многочисленных поклонников и поклонниц. Церемонно приветствовав подле вожделенной добычи младшего графа Вориндо с наследником, Эдмир подхватил под локоть возмущенно вскинувшегося мальчишку.

— С вашего позволения, я желал бы перебросится парой слов с вашим сыном! — Категорично заявил принц, полууводя-полуутаскивая своего пленника в ближайшую нишу у окна. Асин только благосклонно кивнул, а торжествующе ухмыляющегося Руина тут же окружили многочисленные придворные, желающие завязать знакомство с братом будущего любовника принца.

— Я не желаю с вами говорить, принц! — Громко заявил юноша, пытаясь вырваться из хватки Эдмира. Окружающие парочку придворные застыли в потрясении. А мужчина только зло оскалился.

— Зато я желаю! — Рыкнул он. И Рэниари вынужден был идти, чтобы не привлекать к себе еще большего внимания, выдирая руку из цепких пальцев его высочества.

— Ты что себе позволяешь? — Гневно зарычал Эдмир, вталкивая юношу в глубокую нишу и загораживая проход. — Это что еще за игры с отказом?! Мы с тобой, кажется, уже все обсудили!

— Вот именно! — Отрезал Рэниари, глядя зло и непримиримо. — Я против вашего присутствия в моей жизни, ваше высочество!

— Твое мнение мне безразлично, — рыкнул Эдмир, сверля потемневшим взглядом

мальчишку. — Ты еще даже не совершеннолетний! Так что обязан выполнять то, что скажут старшие. И оставь свои капризы! Сейчас король делает твоему отцу предложение от моего имени. Надеюсь, что граф намного умнее тебя и умеет просчитывать свою выгоду. Уверен, что отказа от него не услышу. Так что привыкай к мысли, что отныне ты принадлежишь мне!

— У вас богатое воображение, принц! — С ледяной усмешкой, так не идущей теплой красоте его лица, ответил Рэниари, брезгливо отстраняясь от принца, что попытался прижать его к себе. — Я не желаю видеть вас своим покровителем. И точка. Признаю, — глумливо выдал юноша, кое-что вспомнив, — что вы были великолепны в постели. И я вам благодарен за доставленное удовольствие. И за урок! Но связать свою жизнь с таким типом как вы… Увольте! Поищите для себя другую подстилку. А я не желаю мараться связью с вами!

— Да ты!.. — начал было ошарашенный принц, от растерянности не зная, что говорить. Как-то раньше его высочеству никто и никогда не отказывал. — Да я!..

Не найдя слов, чтобы выразить свое возмущение нахальному мальчишке, Эдмир попытался было схватить его, чтобы без затей утащить в свои покои. Ничего, что на глазах у всего двора! Зато это сразу укажет на статус парня, а его родные не посмеют возмущаться на чужой территории. Но в пах ему недвусмысленно кольнуло что-то пронзительно холодное. И очень острое…

Медленно опустив взгляд, Эдмир побледнел от ярости. Наручный трехгранный клинок, выскользнув из-под кружевной манжеты, весьма угрожающе упирался ему между ног. А яркие глаза парня зло щурились, показывая, насколько их обладатель серьезен. Тонкие пальцы без дрожи уверенно сжимали опасную вещь.

— Что же вы застыли, мой принц? — Промурлыкал Рэниари, нежно улыбаясь опешившему более массивному сопернику. — Ну, же… Продолжайте! Что вы там собирались сделать? Какой будет позор, когда ваши яйца повиснут на лоскутках кожи! Конечно, маги вмиг все поправят, но ваша репутация!.. Ах, она будет потеряна безвозвратно! Еще бы! Принц-Погремушка!

— А сам не боишься, что за нападение на наследника престола пострадаешь не только ты, но и твоя семья?.. — зло прошипел Эдмир, стараясь не двигаться и чувствуя, как из крошечной пока еще ранки выступают капельки крови, быстро впитывающиеся в темную ткань штанов. Рэниари чуть улыбнулся. Нежно-нежно. И страшно.

— Нет, не боюсь, — пояснил он негромко. — Пол двора видело, как вы ко мне приставали, и как я вам отказал. Согласно Дворянскому уложению, я, как признанный своим отцом аристократ, имею право на защиту своей чести от посягательств даже членов королевской семьи. И вправе требовать суда Лордов, который явно будет не на вашей стороне, принц. Особенно после недавней гибели мятежного клана Литиров, у которого было так много сторонников в Совете!

Эдмир судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы, борясь одновременно и с бешенством и с восхищением.

— Рэниари, — попытался он воззвать к разуму разозленного парня. — Давай просто поговорим спокойно.

— Нам не о чем говорить! — Прошипел юноша в ответ. — Сейчас мой отец выйдет, и я навсегда покину ваш гнилой двор!

— Твой отец не посмеет отказать королю! — Вновь начал было заводиться принц, но усилившийся нажим кинжала заставил его непроизвольно ойкнуть и замереть, поджав яйца.

— Мой отец выполнит МОЮ просьбу, — пояснил Рэниари, холодно глядя в такие любимые, как ему казалось раньше, глаза. И кто мог подумать, что все сплетни о принце окажутся правдой! Сердце юноши уже не разрывалось от боли, заледенев в полнейшем равнодушии. Побыстрее бы уехать отсюда.

— Ваше высочество, позвольте засвидетельствовать вам свое почтение, — промурлыкал за спиной принца смутно знакомый Рэниари голос. Кинжал спрятался так же стремительно, как и появился. И с облегчением вздохнувший принц смог, наконец, повернуться к новому собеседнику без угрозы лишения столь драгоценных яиц.

Позади Эдмира обнаружился незаметно подошедший к нише князь Фейринель. Свита независимого от королевства вельможи тесной группкой стояла поодаль, в любой момент готовая прийти на помощь своему господину. Светло-карие глаза на красивом смуглом лице тут же нашли Рэниари. Темный зрачки чуть расширились при виде его отчаянно-яростного вида.

— Счастлив приветствовать князя на земле Хилдона, — церемонно начал Эдмир, с неудовольствием вынужденный отпустить свою добычу. Ничего не поделаешь, это не собственный подданный, который не посмел бы вмешаться в беседу его высочества. Фейринель весьма немаленькое княжество на границах королевства. И ссориться с ним не с руки.

— Я здесь проездом, — пояснил князь на безмолвное недоумение принца: визиты такого уровня так просто не происходили. Тем более, без предварительной договоренности. — О, не беспокойтесь! Я получил согласие вашего отца для посещения храма Отца-Небо. Дело в том, что я собираюсь жениться, и мне потребовались предсказания жрецов.

Принц краем глаза видел, как Рэниари добрался до своей семьи, но не мог отойти от своего собеседника, чтобы закончить разговор с мальчишкой.

— И кто же ваш избранник? — Рассеяно вопросил Эдмир, размышляя, как бы ему заполучить Рэниари. Князь улыбнулся самыми кончиками полных губ, отчего улыбка получилась откровенно хищной.

— Позвольте мне пока об этом умолчать, — мягко ответил он. — К сожалению, ваш отец занят, и я пока решил выразить свою благодарность вам…

Нетерпеливо выслушивая пространный монолог князя, Эдмир заметил, как из отцовского кабинета вышел граф Вориндо и присоединился к своей семье. По лицу лорда Цитадели невозможно было догадаться, чем закончился разговор. Семейство чинно спустилось по лестнице и скрылось за поворотом.

Тем временем князь, завершив свое приветствие, с улыбочкой откланялся и направился в королевский кабинет, а принц, отделавшись, наконец, от докучливого собеседника, рванул вдоль галереи, надеясь увидеть своего будущего любовника.

Он едва успел.

Свита графа Вориндо уже собиралась покинуть территорию дворца, направляясь в свой городской дом. Рэниари гарцевал на высоком гнедом жеребце, хмуро выслушивая что-то высказывающего ему брата. Почувствовав пристальное внимание к себе, юноша посмотрел на галерею дворца, встретившись взглядом с расплывшимся в предвкушающей улыбке принцем. И тут же отпустил повод, позволяя коню тронуться с места.

— Так вот каков твой выбор!.. — протянул над ухом голос Дориана.

От неожиданности Эдмир вздрогнул и беззвучно проклял строптивого парня, так заморочившего ему голову своими выкрутасами, что принц, опытный воин, проморгал того, кто даже не скрываясь подобрался к нему со спины!

— Красивый мальчик!.. — ревниво прошипел Дориан, неотрывно глядя на жениха. — Но твоим фаворитом ему не быть никогда! Если только ты не хочешь его смерти. Выбери кого попроще. ЭТОГО я рядом с тобой не потерплю!

Кулак Эдмира вонзился в живот сына герцога, вышибая из него дух — благо вокруг никого не было.

— Поучать меня вздумал! — Разозлено прошипел его высочество с улыбочкой на лице, пока обмякший жених тряпочкой висел на его руке. — Я сам решаю, кого для себя выбирать!

Схватив парня за плечи, принц распрямил его и, хорошенько встряхнув, жестко поцеловал в широко распахнутый рот, судорожно заглатывающий воздух. — Знай свое место!

— Ка…как скажешь!.. — пролепетал, наконец, отдышавшийся Дориан. В бирюзовых глазах стояли непролитые слезы. — Но прошу тебя… умоляю!.. выбери другого! Этот разобьет твое сердце!

— Нечего разбивать!.. — прошептал Эдмир, стремительно удаляясь прочь от расстроенного жениха. И, правда, зачем разбивать то, что уже разбито?

Ворвавшись в кабинет отца (князь уже ушел), Эдмир нетерпеливым жестом выслал прочь его секретарей, что возились с какими-то свитками, и в ожидании уставился на короля.

Сорондо понимающе вздохнул.

— Ну, что могу сказать, — ответил он на безмолвный вопрос сына. — Граф отверг твое предложение на том основании, что этого не желает его сын. Чем же ты так обидел мальчика, что он не хочет иметь с тобой никаких дел? На моей памяти ни один из твоих любовников на тебя не жаловался.

— Я… — принц судорожно сглотнул. — Я испугался… Мне нужен этот парень как воздух, как сама жизнь!

— Так чего же бояться? — Не понял отец. — Ты, наконец-то, влюбился. И мальчик стал бы твоим любовником…

— Я испугался своей зависимости от него… — мучительным шепотом пояснил Эдмир, не глядя на отца. — Я не хотел, чтобы Рэни… Рэниари понял, как он на меня действует. Захотел низвести его до простого любовника… И перестарался.

— Нда… — покачал головой явно не расстроенный случившимся король. — Будь он единственным сыном Вориндо, можно было бы выбирать между ним и Дорианом. Уверен, что выбор был бы не в пользу последнего. Но затевать свару с могущественной Цитаделью из-за простого бастарда…

— Отец! — Умоляюще вскинул на короля заблестевшие глаза Эдмир. — Поговори с графом еще

раз! Клянусь, я все исправлю! Нам ведь было так хорошо вдвоем!..

Сорондо смущенно хмыкнул.

— Боюсь, ничего не получится, мой мальчик, — ответил он на просьбу сына. — Граф был очень категоричен. Вот если ты сумеешь сам склонить мальчика…

- ********* и ********** в **********!!!!! — Весьма эмоционально высказался Эдмир, мечась по немаленькому кабинету. Внезапная судорога скрутила тело принца, исторгнув из его груди полузадушенный вой. Эдмир замер, растерянно вращая глазами, пока перепуганный его поведением король бегал вокруг, не зная, что делать. По венам принца словно гуляла обжигающая молния, причиняя ему неимоверные страдания. Не в силах больше терпеть эту пытку, Эдмир взмахнул руками. И в следующий миг от раздавшегося грохота заложило уши. Пронзительная вспышка ослепила как короля, так и его сына. А ударная волна раскидала их по кабинету. К счастью никто не пострадал.

Когда, проморгавшись от плавающих перед глазами цветных кругов, Эдмир, тряся головой, приподнялся на локте, в кабинете было не протолкнуться от набежавшей стражи, магов и придворных. Неподалеку от принца уже поднимали отмахивающегося от доброжелателей отца. Вокруг самого Эдмира тоже суетились, о чем-то спрашивая, но принц не слышал ни слова.

Высокий светловолосый магик, понимающе кивнув, сделал несколько пасов, и в уши принца тут же ворвалась лавина звуков.

— …внутренний контур, — услышал он окончание фразы, произнесенной лордом Итароном. Сухощавый, смуглый, темноволосый и темноглазый волшебник неопределенного возраста был главой всех магов Хилдона и одним из лучших волшебников континента.

— Все вон! — Приказал король Сорондо, опускаясь в уже поставленное на ножки перевернутое взрывом кресло. — Все, кроме Итарона.

Только сейчас Эдмир в оторопи заметил, что часть наружной стены отсутствует, а на ее месте все еще дымящаяся белесыми дымками огромная дыра на улицу, откуда доносились истеричные крики придворных и бряцание оружия стражи.

Чуть поморщившись, Итарон поставил на место провала туманную стенку, тем не менее отсекшую остатки кабинета от внешнего мира.

— Что произошло, Ит? — Обратился к волшебнику король, растирая виски. Пальцы его величества тут же окрасились алым от текущей из ушей крови. — Кто посмел напасть?

— Это и я бы хотел знать, — мягко отозвался Итарон, нарезая круги по разгромленной комнате. — Нападения не было. Магическая атака осуществлялась непосредственно изнутри. И это не амулет. Это сделал кто-то из вас.

— Невозможно! — Отрезал Эдмир, отшвыривая обломки стола в стремлении добраться до углового шкафа кабинета, где, как принц помнил, у отца было вино. К счастью, этот угол не пострадал, и налив в серебряный кубок вина, принц отдал его королю. Сам же по-простому присосался к горлышку бутылки.

— Вы сами знаете, что ни я, ни отец не владеем магией в полном объеме, — влив в себя треть бутылки, Эдмир почувствовал себя лучше и тут же обвиняющее развернулся в сторону терпеливо ждущего лорда. — Самое большее, что нам подвластно — это простые бытовые

mir-knigi.org

заклинания. Здесь же явно поработал боевой маг!

— А не скажет ли мне его высочество, кто был тот крайне любопытный мальчик, с которым он так эмоционально беседовал в галерее? — Пространно уточнил маг, взглядом прокурора впиваясь в своего принца. Король Сорондо замер в кресле, не донеся до рта вновь наполненный бокал с вином. — И не проводил ли он с ним ночь?

Тишину, опустившуюся после этих слов, можно было резать ножом, а выпученными глазами Эдмира любоваться как диковинкой, если бы не серьезность ситуации.

— Неужели ты думаешь… — ошеломленно начал король. Маг кивнул.

— ИСКРА?!.. — выпавшая из руки Эдмира бутылка с глухим стуком покатилась по дубовым плитам пола, оставляя за собой дугообразную лужицу густого вина. А его отец внезапно подорвался с кресла.

— Эд, поднимай гвардию! — Заорал он в полный голос. — Окружить особняк Вориндо! Мальчишку взять живым и невредимым! Ит, обеспечь перехват, если они попытаются уйти порталом! В Цитадели нам их не достать, значит, нужно хватать здесь!..

…У покачивающегося в седле Рэниари и так настроение было отвратное, так еще и сводный братец зудел под ухом, пользуясь тем, что отец с отчимом увлечены беседой с князем. О чем шел разговор, понять было невозможно. Фигуры всадников были подернуты туманной дымкой магии, предотвращающей прослушивание. Маг Цитадели Чассир Серый вместе сразу с несколькими коллегами из Фейринеля обеспечивал эту защиту. Одно юноша мог сказать точно — разговор не из приятных, судя по хмурящему брови отцу.

— Да замолчишь ты?!.. — не выдержав, в сердцах выдал он сводному братцу. И Руину словно вожжа под хвост попала.

Надменно вскинув на отцовского бастарда черные глаза, наследник графства, пользуясь тем, что их никто не слушал, ядовито процедил: — Вооон как ты заговорил! Зубки прорезались? Счел себя равным МНЕ? Забыл свое происхождение? Ты живешь только из милости, пока жив отец. И кому ты будешь нужен, если его не станет?

— Отец еще не стар! — Тут же ощерился Рэниари. Сказать, что он недолюбливал сводного брата, было мало. Руин своими подколками и пакостями отравил ему все детство. Боялся брат только отца, да еще Асин иногда одергивал излишне злобствующего сына. И потому наследник графа предпочитал действовать подло и незаметно для окружающих. Следов он не оставлял, не желая нарваться на трепку старших, но младшего брата донимал весьма изобретательно, считая, что тот украл у него внимание Гвиура. И только сравнительно недавно, повзрослев, Руин оставил свои проделки, попросту не замечая ненавистного бастарда. Отношение чуть улучшилось, когда к Рэни одновременно проявили интерес и князь и принц. Но стало еще хуже, когда принцу отказали.

— Смотри, щенок, — со злым прищуром выдал старший братец, вонзив острые каблуки в бока своей лошади. — Довыбираешься! Отдам тебя за первого встречного!

И вырвался вперед, оставив поежившегося Рэниари в одиночестве.

А ведь он, если с отцом что-нибудь случится, вполне может сделать с ним все, что пожелает — подумал юноша. Даже казнить. Слава богам, что пока в графстве правит отец, и не Руину

решать такие вопросы. Но долго ли это продлится?

Въехав во двор графского особняка, Гвиур остановил было начавших спешиваться людей.

— Мы немедленно отправляемся в Цитадель, — тоном, что на корню сразу оборвал все возражения, сообщил он.

— Но… — единственный, кто начал спорить, как всегда оказался Руин. Но отец властным взмахом руки оборвал строптивого наследника.

— Уходим через прямой портал! — Сообщил он, наблюдая, как Чессир совместно с магами княжества устремился к центру двора, формируя начальный контур для телепортации.

Ошеломленный вздох окружающих дал понять Рэниари, что не он один находится в недоумении. Прямой портал, в отличие от каскадных, вел непосредственно в нужное место. Что, учитывая расстояние до выбранной точки, пожирало уйму энергии, и доводило магов до слишком опасного истощения. Именно поэтому все предпочитали использовать каскады, прыгая на короткие расстояния и отдыхая между прыжками. Но каскадные порталы можно было легко перехватить, в отличие от прямого. И потому их использовали только в мирное время, не боясь попасться в руки врага. Что же случилось сейчас, если отец столь торопливо покидает столицу? Неужели…

Глаза юноши расширились, и он виновато потупился. Из-за него? Потому что он отказал принцу?

В груди еще ворочались отголоски перенесенной недавно боли. Но самой ее не было. Только холод, бесконечный и выматывающий. Но юноша уже начинал привыкать жить с комком льда вместо сердца. Жаль только, что исчезла праздничная яркость из окружающего мира, но всяко лучше, чем рвать душу сожалением о несбывшемся.

…Люди из графского особняка уходили спокойно и деловито. Вначале князь и семья графа. Затем охрана. Часть слуг осталась, чтобы собрать и упаковать вещи. За ними решено было послать чуть позже.

Последними в сияющую арку портала прошли маги, и обширный двор особняка опустел. Мгновением позже прорвавшиеся за ограду королевские гвардейцы встретили только кучку испуганной до икоты прислуги…

Глава 7

…Сны…Сны…Сны…

Сны ли это?

А, может, воспоминания о прошлой жизни, когда он был счастлив?

Все чаще и чаще, засыпая, он видел того, кто ему предназначен (если верить проклятым магам!..). Проживал чужую, бесконечную жизнь с ее взлетами и падениями, горем и радостью.

И любовью… о какой можно только мечтать.

Калейдоскоп чужих лиц, чужих одежд, чужих стран, чужих (или все-таки своих?) чувств… Или

искаженных, как то часто бывает во сне.

И каждый раз просыпался резко, внезапно, с привычной уже болью в груди. Тупой, ноющей, надоевшей хуже скрипевшего на зубах пепла от сгоревших надежд. Но упорно не проходившей. Ночи превратились в кошмары. Тяжело было ложиться в постель, зная, что вскоре проснешься от дикой тоски, захлебываясь слезами от невозможности догнать, вернуть, обнять…

В одну из ночей Эдмир так и заснул в неудобном кресле подле стреляющего веселыми искрами камина. Ворох карт, что просматривал наследник, послужил ему невольной подушкой. И глубоко вздохнув, принц умастил щеку на рисунках приграничных земель, тихо застонав от привычной боли в груди. Его высочеству вновь привиделся сон.

На сей раз ему снился Рэниари.

Юноша был привязан к кровати, а обнаженный темнокожий эльф, играя внушительной мускулатурой, по-хозяйски оглаживал выгибающееся под ним тонкое тело.

Даже во сне на Эдмира накатило настолько неконтролируемое бешенство, что он готов был зубами рвать наглого соперника, только бы оттащить того от чужого добра! Но, как и бывает во сне, ни руки, ни ноги его высочество не слушали. И оставалось лишь наблюдать, скрежеща зубами от злости.

На кровати же творилось форменное непотребство! Эльф планомерно доводил своего пленника до возбуждения. Взгляд Эдмира прикипел к запрокинутому лицу юноши, к его нижней губе, закушенной до крови… припухшей от поцелуев. Было ясно, что привязанный за руки Рэни сопротивляется изо всех сил, но собственное тело его же и предает.

Большие ладони эльфа с на удивление изящными пальцами очерчивали вздымающиеся от частого дыхания бока блондина, темные губы метили гладкую грудь, оставляя после себя красные отметины, то и дело обхватывали напряженные коричневые горошины сосков, вырывая у Рэниари невольные стоны сквозь сжатые зубы. Юноша упрямо бился под своим насильником (любовником?..), пытался лягаться… сбросить темную фигуру, но эльф не обращал внимания на его попытки освободиться, всем телом прижав добычу к постели, и медленно спускался с поцелуями от груди к животу, крепко удерживая ладонями золотистые бедра Рэни.

Вот его руки властно скользнули под поджатые ягодицы юноши, разом сминая их и раздвигая. Язык жадно вылизывал впадинку пупка. Мышцы широкой спины под темной, гладкой кожей обозначились четче, преодолевая сопротивление пленника. Но как бы тот отчаянно не сражался, его аккуратный член уже гордо вздымался вверх, наплевав на мнение собственного хозяина.

Эдмир смотрел на все это, как завороженный, не в силах отвести взгляд от чужой постели, и так же не в силах что-либо изменить. Душевная боль в аквамариновых глазах, стылое отчаяние, навязанные ласки… От них было так безысходно и так… Яростно! Кто этот эльф, что посмел прикоснуться к ЕГО Рэниари?!

Найти, уничтожить, разорвать!..

А насильник уже целовал лобок юноши, покрытый мелкими золотыми кудряшками, придерживая Рэни за ходящие ходуном бедра. И вдруг похотливо обхватил влажными губами член блондина.

Вот этого Эдмир уже не смог вынести!

Изо всех сил рванувшись, принц, словно продираясь сквозь густое желе, упрямо стал продавливать себя к ненавистному сопернику! Но…

Яркая вспышка!

И Эдмир узнал собственную полутемную спальню в лесном домике, куда он привез с карнавала Рэни. Как будто со стороны, принц увидел самого себя на огромной постели… увидел, как его собственное, светлое тело ритмично двигается на золотистом теле счастливого мальчишки. Как Рэни страстно… сам!.. его обнимает, оплетая талию мужчины длинными ногами, вдавливая маленькие круглые пятки в напряженные ягодицы принца. Как пальцы юноши упоенно путаются в густых прядях Эдмира, лаская, нежа, требуя… С какой радостью и страстью принимает их близость Рэниари, отдавая любимому всего себя, без остатка! Как жадны его нежные губы в неумелых, но столь искренних поцелуях…

Очередной сон…

Эдмир проснулся и сел, утирая с лица капли пота. Спину ломило от непривычной позы, карты смялись, а реальность тут же навалилась на плечи неподъемной гранитной плитой. Реальность, где он вновь был одинок и уязвим.

Теперь уязвим… тем, что полюбил. Полюбил, испугался любви и потерял. Впервые два человека слились для него в одного, приобретая сияющий облик проснувшейся Искры.

…И так изо дня в день.

А потом сны как отрезало.

Они исчезли, оставив после себя ноющую пустоту. И мужчина не знал, что для него хуже: не видеть их — и тосковать по Рэниари? Или видеть и сходить с ума от осознания собственной глупости…

Потому-то его высочество принц Эдмир которые сутки упорно пытался напиться.

Но ничего не получалось. Тошнило от одного вида полной чаши. И угрюмый принц одиноко сидел в своих покоях, мрачно разглядывая на стенах яркие гобелены со сценами охоты.

Тошнило не от вина, а от осознания того, каким дураком он оказался!

Упустить Искру! Сокровище, способное одарить его немыслимым могуществом! Как теперь прикажете выцарапывать парня из неприступной Цитадели? Чем подкупать его несговорчивого отца, что от имени сына отверг даже столь заманчивый контракт фаворита! А ведь это бы обеспечило мальчишку на всю жизнь, позволив его детям основать собственный знатный род, с титулом не ниже графского.

Но самое главное — упустить того, по кому плакала душа.

Принц не хотел и не мог отпустить от себя этого мальчика, слишком крепко он привязался к нему.

А уж дарить кому-то другому Искру…

При одной только мысли, что Рэниари будет ласкать чужак, накатывала мутная волна

mir-knigi.org

бешенства. Парня надо было сделать своим любой ценой. Но не воевать же с Цитаделью? Совет Лордов не примет подобного хода, а сообщать, кем является бастард графа Вориндо… значит открыть за ним настоящую охоту, в которой не откажутся поучаствовать как ближние, так и самые дальние короли! Да континент кровью зальют, только бы коснуться столь редкого сокровища!

Ибо Искра — это могущество!

Вот это принц осознал сразу и навсегда. Даже переспав с Рэни всего раз, Эдмир чувствовал огненную волну, гулявшую по его венам. Придворный маг, на которого можно было положиться из-за его клятвы, втайне от всех обучал его высочество справляться с вновь обретенной мощью, предупреждая, что со временем, не подкрепленная близостью с Искрой, она сойдет на нет. Но Эдмир, в полной мере осознав новую силу, ни за что уже не желал ее терять. Это было… как, родившись незрячим, внезапно обрести всю полноту зрения и захлебнуться в многоцветной яркости огромного мира! И принц не знал, как сможет отказаться от такого наркотика, вновь вернувшись в темноту прежнего прозябания.

Мир изменился раз и навсегда. И принц изменился вместе с ним. Любимые некогда развлечения потеряли свою прелесть. Пару раз, правда, он сделал попытку забыть Рэниари, переспав с красивыми белокурыми мальчиками, но… С души воротило от слащавых морд, готовых мгновенно прыгнуть к нему в постель. И чтобы хоть чем-то занять себя, Эдмир целыми днями, захватывая большую часть ночи, просиживал с советниками отца, впервые начав углубленно вникать в дела королевства. Дориан откровенно млел, видя такую постоянность жениха. Но лезть ему в штаны не рисковал, всякий раз натыкаясь на равнодушный взгляд ледяных глаз.

А двор гудел, сходил с ума, интриговал, готовясь к грандиозной королевской свадьбе. Уже были разосланы приглашения всем соседним королям и собственным аристократам. А Дориан на правах почти мужа переехал жить в покои по соседству, хотя и не настаивал (пока!) на близости. А его высочество осаждали толпы родителей красивых мальчиков и девочек с просьбами выбрать будущих любовников. Хорошо хоть на место фаворита никто не метил — уже было известно об интересе его высочества к младшему сыну лорда Цитадели. Дориан больше ничего не говорил жениху по этому поводу, предпочтя заняться набором собственного малого двора. Отец светился от радости, везде появляясь под ручку со старшим герцогом Ваоттиро. Тетушки кудахтали, пытаясь завалить будущих новобрачных советами и подарками. На глазах создавались и рушились новые союзы, планы, конфронтации… А Эдмира все чаще и чаще посещало чувство непоправимой ошибки, которую он вот-вот совершит. Слава богам, хоть друзья не лезли в душу, оставаясь в стороне от всей этой суеты. А, скорее всего, занимаясь собственными проблемами. И Эдмир, много лет пестуя собственный независимый эгоизм, гордое одиночество будущего владыки, внезапно оказался в полной изоляции, не зная, что предпринять, как поступить.

Что же делать?

Что?..

Неужели придется собирать армию против собственного, всегда лояльного к королевской власти лорда?..

…Для Вориндо-рива время потеряло свой смысл. Что там было на верху — день или ночь — больше не имело значение. Отмерять часы по приему пищи было бесполезным занятием:

молчаливый тюремщик (всегда один и тот же) приносил миску пустой каши и кувшин воды (слава богам, чистой!) в разное время суток — судя по подвываниям желудка. Еды хватало как раз, чтобы не околеть с голода. По самым приблизительным подсчетам Баррэта, он находился в камере примерно четыре дня. Слишком мало, чтобы обессилеть окончательно и слишком много, чтобы залечить нанесенные в драке раны. Правый бок воина вспух багровой подушкой, от чего было больно дышать — судя по всему, там была сломана пара ребер.

Но Барр упорно, превозмогая накатывающую слабость и боль, заставлял себя двигаться, наматывая бесконечные круги меж приземистых колонн, насколько цепь позволяла. Больше всего бесила невозможность нормально разогнуться. Людям с таким как у него немалым ростом было не место в этом каземате с низкими сводами. За своих же мальчишек воин волновался меньше всего — знал, что их не будут сильно наказывать. Понял уже, все, что случилось — произошло из-за великой любви старших к своим отпрыскам. А вот он так и остался для новой родни чужаком, которого не убили только по одной причине — не знали, как аукнется их связь на младших мужьях.

Но больше всего Баррэта бесила невозможность защитить собственных не рожденных детей. Воин не знал своей матери. По словам покойного отца, он встретил ее в столице. Судя по недомолвкам — женщина принадлежала к довольно знатному роду и была замужем за нелюбимым стариком. Что уж там произошло и как, теперь уже невозможно было угадать. Сам отец был на диво немногословен. Только, как рассказывал брату Гвиур, как-то он появился в Цитадели с новорожденным ребенком на руках, заявив всем, что это его сын. И старательно обходил в разговорах имя неизвестной, произведшей на свет ребенка. Только однажды, в раннем детстве Барр видел покойного лорда Цитадели в совершенно невменяемом состоянии. Проще говоря — банально напившимся. Тогда-то он и узнал, что до отца дошла весть о смерти его возлюбленной. Но даже в великом подпитии ныне покойный граф не назвал сыну имени матери. Так для Барра и осталась неведомой та, кто его родила. Потому-то воин и поклялся себе, что никогда, ни при каких обстоятельствах не бросит своих детей. Не сделает их незаконнорожденными. Которых не примут ни простолюдины, ни аристократы.

А еще были двое несносных, но таких любимых мальчишек, что стали с мужчиной единым целым.

Беспомощность и невозможность действовать убивала…

Попытки заговорить со стражем ни к чему хорошему не привели. Этот тип, прежде чем войти в камеру, со скрипом крутил за дверью тяжелый ворот, за цепи подтягивая пленника к стене. И только потом входил, предусмотрительно держась на безопасном от длинных ног воина расстоянии.

Все предусмотрели, гады!..

…Очередной скрип ворота за толстенной дверью темницы, сбитой из плах окаменевшего дерева и окованного черной бронзой, Баррэт воспринял вполне привычно. Хотя и странно было услышать скрипучий звук так быстро. Вроде как недавно приходил его тюремщик с миской еды? Или это бесконечное время в тишине подземелья шутит с ним очередные шутки?..

Но в низкую дверь, пригнувшись, шагнул не массивный и знакомый до тошноты тюремщик, а проскользнули сразу две фигурки — одна повыше, другая пониже.

Его мальчики…

Сэриэль и Лотэ.

Не поверивший в первый момент глазам, Баррэт потешно заморгал. Тем более, что увидел за спинами мужей полузнакомого мага: одного из тех, кто присутствовал при его знакомстве с новой родней.

— БАРР!.. — в один голос возопили парни и повисли на рухнувшем под их сдвоенной тяжестью воине. — Что с тобой?! Ты болен?!..

— Да все в порядке! — Отозвался Баррэт, суматошно целуя то встревоженного Лотэ, то заплаканного Сэри. — Вы то как?!.. Как вас ко мне отпустили?!..

— Мы сбежали! — Выдал всхлипывающий Сэриэль, вжимаясь в несколько исхудавшее тело старшего супруга и не обращая внимание на его «запашистые» лохмотья. — Нас заперли!..

— Ага! — Мрачно отозвался брюнет. — Ты бы знал, что было!.. Если бы только мы могли предположить… Никогда бы добровольно не вернулись домой! Они требовали, чтобы мы тебя забыли. Предлагали дождаться рождения детей и отдать их на усыновление в чужие семьи. А нам объявить о своем браке и зачать общего ребенка! А когда мы отказались…

И сильный, всегда такой решительный Лотэ, воспитанный как будущий старший, совсем по детски шмыгнул носом, явно боясь разреветься.

— Они заявили, что мы никогда больше тебя не увидим… — шепотом вымолвил он, тоже как и Сэри вжимаясь в Вориндо-рива. — Сказали, что если мы так тебя любим, то от нашего поведения будет зависеть и твое дальнейшее существование… Будешь ты жить или умрешь в этом каземате!

— Как же вы сумели сюда пробраться? — Тихо спросил Барр, зарываясь носом в пахнущие свежим ветром волосы своих мальчишек, закутываясь в их родной запах как в спасительные доспехи. — Мальчики мои… любимые… Вам ведь попадет!

— Я им помог, — сухо отозвался доселе молчавший маг, стоя у полуоткрытой двери. — Давним распоряжением лорда Хирото приказы его сына для меня так же важны, как и его собственные. Барон, видимо, забыл отменить свое распоряжение. А я счел правильным помочь молодому господину. Особенно, когда он рассказал о вашей свадебной церемонии. Истинный брак! Такой ожившей легендой не шутят. Иначе она ударит по тем, кто ее отвергает. Вам нельзя быть раздельно. Принудительно разрывать ваш союз — все равно, что самим точить топор для собственной шеи!

— Значит, обошел клятву лорду? — Задумчиво спросил воин, мягко отстраняя своих любимых и пытаясь подняться на заметно ослабевшие ноги. — Темные боги! Да что со мной? Я ведь не должен был так обессилеть?! Даже на такой кормежке!..

— Это все подземелье, — со знанием дела отозвался маг, подходя ближе. — Оно создано именно таким…

— Каким? — Со страхом переспросил Сэриэль, пытаясь поднять на ноги тяжелого воина.

— Высасывающим силы, — ответил маг, отмыкая цепи. — Я еще удивляюсь, как ваш супруг, господа, продержался ТАК долго!

— Такого и выбирали! — Выдал нервный смешок Лотэ, пытаясь удержать в вертикальном положении упорно сползавшего старшего мужа. Раздался громкий лязг, и кандалы на запястьях и лодыжках Баррэта прилипли друг к другу. И ругающийся по-черному воин

болезненно приложился спиной об каменный пол, не в силах удержать равновесие. Парни едва не рухнули на него сверху, но в последний миг сумели удержаться на ногах, виновато глядя на скрюченного старшего мужа у своих ног.

— Да что это такое?!.. — взвыл Барр в сердцах, пытаясь разогнуться. Мышцы рук и ног в прорехах некогда добротной одежды вздулись буграми. Но кандалы не отлипали.

— Успокойтесь! — Строго приказал маг, снимая со стены фонарь, что служил воину единственным источником света. — Кандалы магические. Я смогу их снять только за пределами замка. Так что вам, господа, — обратился он к со-мужьям, — придется нести своего супруга.

— Да с удовольствием! — С жаром отозвался Сэриэль, присматриваясь, как ловчее ухватиться за массивного Баррэта. Лотэ, тем временем, уже перехватил его за подмышки. И ругающегося на чем свет воина поволоки как мешок с картошкой на выход из каземата, а затем наверх по бесконечной винтовой, вырубленной в скале лестнице, пересчитав его телом все ступеньки. Барр только и успевал ругаться сквозь зубы (в полный голос не рискнул, хотя и хотелось!). Мало ему еще не прошедших синяков от первой драки!

Через определенные промежутки подземелья беглецам и их полудобровольному помощнику встречались погруженные в сон стражники. Явно работа мага.

— Куда теперь? — С трудом отдуваясь, Лотэ прислонил Барра спиной к стене и полулег-полуприсел рядом. Куда более слабый Сэриэль, наплевав на чистоту пола, попросту рухнул под стенкой, хрипло дыша. У самого Вориндо-рива плавали разноцветные круги перед глазами — так как младшие несколько раз, не удержав, приложили его затылком о камни ступенек.

— Ко мне в лабораторию, — отозвался не менее их уставший маг: нелегко было отвести глаза такому количеству народа в замке. — Да, кстати… стоит вас подлечить, — и Баррэт застонал от острого облегчения, когда все его болячки вдруг исчезли. — А потом я вас отправлю на волю. А вот куда вы пойдете дальше — не знаю… Вас, господа, все это время за пределы крепостных стен не выпускали. И подготовить детальный побег вы не могли… ни лошадей, ни припаса. Так что догонят вас в два счета.

— Как бы ни так! — Предвкушающее оскалился Барр. — Плевать на лошадей! Нужна лодка!

— Понял! — Просветлел маг, поднимаясь с корточек. — И самое главное — на текучей воде, в движении — вас ни один маг не словит. А когда достигните Цитадели, мои хозяева остерегутся вас там тронуть!

— Вот именно! — Уже во все зубы заулыбался Баррэт. И в следующий миг короткого головокружения оказался в просторной комнате с многочисленными рабочими столами, заваленными книгами и неведомыми магическими приборами.

— Моя лаборатория, господа, — гостеприимно улыбнулся маг. А Лотэ низко ему поклонился: — Спасибо, Фаринг! Позволь написать пару строк отцу. Тогда он не будет предъявлять тебе претензий!

— Был бы благодарен, — серьезно ответил маг, придвигая лист бумаги, перо и чернильницу сыну своего хозяина. — Не хотелось бы разрывать контракт. Кстати, я отправлю вас на берег реки, поближе к речной деревушке. Там полно рыбачьих лодок. Уверен, вы сумеете раздобыть нужное. Как только окажетесь за пределами замка, кандалы перестанут действовать, превратившись в обычные металлические браслеты. Вот только меня рядом не будет, чтобы их

снять. Так что придется потерпеть до Цитадели: надеюсь, там найдется маг, способный с ними справиться. Не советую обращаться к обычному кузнецу — только время потеряете. И поспешите. Я смогу скрывать ваш побег только до вечера.

— Более чем достаточно, — отозвался с пола, куда его сгрузили, Баррэт. — И спасибо за все!

Последние слова он произнес, уже ощущая спиной мокрый речной песок, пахнущий тиной и почему-то солью. Как маг и говорил, кандалы тут же прекратили сковывать его движения, превратившись всего лишь в грубые браслеты.

Пошатнувшись, мужчина медленно поднялся на ноги, впервые за долгое время с наслаждением разогнувшись, и с огромным облегчением обнял прильнувших к нему любимых.

— Мальчики мои… — прошептал он с невыразимой нежностью, целуя соленые от слез губы своих бедовых мальчишек. — Люблю вас! И никогда… слышите!.. никогда не заставлю пожалеть о вашем выборе! Я сделаю все, чтобы вы никогда и ни в чем не нуждались… Вы моя семья… Вы и наши дети… Ну, еще Гвиур и Рэни. Я познакомлю вас с ними, когда мы прибудем домой.

— Мы ни о чем не жалеем, — пробормотал Лотэ, прижавшись к мужчине. — Хотя и обидно, что родители нас не поняли…

— Дайте им время, — серьезно отозвался Барр, отстраняясь от своих мужей. — А теперь пора заняться тем, что необходимо.

— Это чем же? — Лукаво уточнил Сэриэль, скользя шаловливой ладонью к паху воина, едва прикрытому дырявыми штанами.

— Не тем, на что ты намекаешь, паршивец! — Расхохотался Барр, впервые в полной мере ощутив себя свободным. — На это еще у нас будет время, кода мы сбежим подальше от родни, — все невольно оглянулись на синеватую громаду замка на вершине скалы, залитую полуденными лучами солнца. — И особенно, когда я смою с себя грязь подземелий! Я имею в виду — раздобыть нам лодку. Попросту говоря — украсть!

— Нууу!.. — Надул очаровательные губки блондин, не обращая внимания на ухмыляющегося Лотэ. — Чему ты учишь своих юных супругов! Украсть! Фи! А деньги на что?

И жестом фокусника извлек из-за пазухи увесистый, приятно позвякивающий мешочек.

— Это все ами, — рассказывал Сэри чуть позже, когда они все трое благополучно покачивались в купленной длинной и хорошо просмоленной лодке, а Баррэт ловко ставил парус. Голый торс мужчины бугрился мускулами, на которые заворожено пялились его супруги, совершенно бесполезные в деле плавания по величественной реке, что рассекала огромный континент на две части и несла воды на далекий юг, к Цитадели. Воин уже успел по-быстрому ополоснуться в реке, пока жители деревни снаряжали лодку. Простой наряд рыбака не смотрелся на могучем Вориндо-риве чем-то чужеродным, с первого взгляда выдавая воинскую стать мужчины. Все остальные необходимые в путешествии вещи решено было приобретать по мере надобности в прибрежных селениях.

— Ами выпустил нас с Ло из закрытых комнат, куда нас отправили сразу после драки, — рассказывал Сэри, наблюдая, как мимо пролетают под парусами многочисленные торговые барки и узкие боевые галеры королевства, полностью контролирующие Великий речной путь. Лазурная была водной дорогой материка, по которой стремительно и без помех доставлялись

товары с побережья. — Отец сказал, что раз мы любим, то должны бороться за свою любовь. Только благодаря ему нам и удалось сбежать.

— Вот видишь, — отозвался Баррэт, едва заметным поворотом руля выравнивая лодку на стремнине. — Он тебя понял. Значит, и другие поймут.

— Очень хочется верить, — тяжело вздохнул Лотэ, чувствуя себя совершенно беспомощным: слишком круто поменялась их с Сэри судьба.

— Значит, верь, — убежденно произнес Барр, как никто другой понимая неуверенность парней. — И помните — вы НЕ ОДИНОКИ. Мы семья! Я всегда буду рядом с вами.

— Мы верим тебе, муж наш, — отозвались юноши, переглянувшись.

…Через пять дня они увидели вдалеке темные бастионы Цитадели…

…Граф Вориндо смеялся взахлеб.

Хохотал едва не до икоты, выслушивая рассказ о приключениях младшего брата. В конце концов, разозленного таким отношением Баррэта посетила жутко притягательная мысль хорошенько стукнуть старшего братца по лбу, чтобы прекратить подобное издевательство. Его едва в темнице не сгноили, а старший родич ржет как конь в стойле!..

— Не обижайся! — В последний раз всхлипнув, лорд Цитадели утер невольные слезы. — Но ты столько раз увиливал от любого намека на возможную женитьбу, что я уж было отчаялся хоть с кем-то тебя окрутить. А тут сразу двое! Молодцы, парни!

— Мы старались! — Тут же отозвался паршивец Лотэ, нарочито скромно опуская глаза в пол. Юноши чинно сидели на широкой скамье в кабинете графа, присутствуя на встрече с новым родственником.

— Наши люди! — Восхищенно отозвался Гвиур. — И не беспокойтесь за родителей. Я уже послал им весть, что вы достигли моих владений. Дайте им время принять ваш выбор. А что касается темницы… Да, мне не нравится то, как поступили с Барром. И при других обстоятельствах я бы надавил на тех, кто посмел поднять руку на моего брата, но только не в этом случае. Все-таки не стоит обострять отношения с родней. Особенно в надежде на лучшее. Здесь надо действовать тоньше. А пока… Добро пожаловать в семью!

Парни облегченно заулыбались. Деверь очаровал их мгновенно. К его супругу они отнеслись несколько настороженно, хотя лорд Асин во всем поддерживал старшего мужа. А вот Руин им не понравился сразу и безоговорочно. Еще бы, при первом же знакомстве наследник графства скривился как от кислючего лайма и высказался в том смысле, что не стоило менять шило на мыло. И отказываться от великолепного положения в обществе ради сомнительного удовольствия стать всего лишь младшими мужьями какого-то бастарда. Слава богам, старший сын графа вскоре уехал к своему дяде в соседнее с крепостью владение и не портил окружающим настроение лицезрением перекошенной от брезгливого недовольства физиономией.

— А где малыш Рэни? — Спохватился Баррэт. После прибытия в крепость воину сначала было не до племянника, но теперь он сообразил, что уже давно не видел парня.

— К обеду будет, — безмятежно отозвался Гвиур, откидываясь на высокую спинку стула. — Кстати, приготовься — ты его не узнаешь. Он очень изменился.

— Рэниари то? — Не поверил младший брат. — Да как он может измениться за столь короткое время? Все такой же шалопай!

— Сам посмотришь, — неопределенно ответил граф. — Идите-ка вы отдыхать до обеда. Я распорядился приготовить для вас другие покои, братец. Прежние уже малы — все-таки ты теперь человек семейный! — Широкая ухмылка вновь наползала на лучащееся довольством лицо лорда. И Баррэт, не желая искушать брата на новые подколки, подхватив мужей под руки, отправился инспектировать свои новые комнаты, состоявшие из большой гостиной, трех спален и еще нескольких пустых комнат, которые, видимо, предлагалось обставить по своему вкусу.

Так что время до обеда все трое провели с пользой, планируя, что сотворят из общих покоев, целуясь и постепенно передвигаясь в сторону ближайшей спальни, где и занялись кое-чем очень приятным. Настолько, что едва не пропустили обед, на который явились весьма раскрасневшиеся, хотя и аккуратно одетые, вызвав понимающие улыбки у графа и его супруга.

Большой стол, накрытый бронзового цвета шелковой скатертью, был заставлен блюдами из светлого серебра с аппетитными кушаньями на них. Многочисленные слуги сновали с кувшинами, тарелками и глубокими мисками с соусами, повинуясь едва заметным жестам лорда Асина, сидевшего справа от хозяина замка. Рядом с ним пустовали два места, принадлежавшие, как поняли новые члены семьи, уехавшему Руину и таинственному Рэниари.

Баррэт привычно устроился по левую руку от брата, напротив Асина. Рядом с Вориндо-ривом стояли два стула для его молодых супругов.

— Я опоздал? — Раздался от дверей негромкий юношеский голос. Глубокий и красивый, завораживающий своей музыкальностью. И опешивший от неожиданности Баррэт опрокинул на стол к счастью пустой серебряный кубок, во все глаза уставившись на младшего племянника. Рядом невольно ахнули его мужья, с неприлично раскрытыми ртами разглядывая вошедшего юношу, о котором можно было сказать только одно — совершенство!

Яркое, солнечное…

И бесконечно далекое.

— Нет, — тепло улыбнулся граф младшему сыну. — Ты вовремя. Кстати, познакомься с супругами своего дяди.

— Я уже в курсе, — доброжелательно улыбнулся юный красавец, и Лотэ с Сэриалем утонули в аквамариновой глубине его глаз. — Я Рэниари… Для вас просто Рэни. Кто вы — я уже знаю: вся крепость гудит, обсуждая новость, любезный дядюшка! — Весело рассмеялся юноша, усаживаясь на свое место. — Поздравляю! И тебя, оказывается, можно захомутать! Рад за вас троих.

— Рэни!.. Малыш! — Отмер, наконец, Баррэт, дрожащей рукой вцепившись в наполненный слугой кубок. — Что с тобой произошло? Расцвел то как! И как такое могло произойти всего за десять дней моего отсутствия?!..

— И как его только еще не разложили первые встречные!.. — чуть слышно прошептал на ухо Сэри сидевший рядом с ним Лотэ. Его со-муж ревниво на него покосился.

— А ты его хочешь? — Несколько обиженно спросил он. Лотэ отрицательно помотал головой.

— Я нет! — Ответил он. — Но другие…

— В Цитадели никто не помыслит нанести Рэни обиду, — краем рта прошептал услышавший их диалог Баррэт, все еще вне себя от изумления. — Но за ее границами!.. Вы правы. Парня нельзя выпускать без охраны и маски на лице!.. И что с ним случилось?

Ни Гвиур, ни Асин, ни сам Рэниари не подали знака, что хоть что-то услышали из этого диалога, продолжая ровно общаться за столом. А после обеда граф категорично указал брату, что тот пока что новобрачный. Вот и пусть занимается молодыми мужьями, а у них еще будет время побеседовать обо всем на свете. К Рэниари Вориндо-рив и подавно не смог подступиться. Ранее столь непосредственный и смешливый юноша лишь неопределенно улыбнулся, отделавшись ничего не значащей вежливой фразой, и предпочел повести новую родню знакомиться с крепостью, болтая обо всем на свете, только не о том, что разрывало от любопытства душу его дядюшке. В конце концов, плюнув и временно смирившись, Барр предпочел удрать в привычные ему казармы проставляться по поводу женитьбы, где и гулял до глубокой ночи с офицерами Цитадели, пока пришедшие за ним как и полагается примерным мужьям Лотэ с Сэриэлем не уволокли своего старшего домой под громовой хохот и добродушные шуточки остающихся гвардейцев.

…Так прошла еще одна неделя.

Лотэ и Сэриэль как-то незаметно стали своими в огромной крепости. У Рэниари было такое чувство, что он знает этих двоих давным-давно. И отчего-то юноша ощущал себя много старше новых родичей.

У юноши медленно, но верно создавалось впечатление, что мир словно замер перед прыжком в никуда, а будущее затягивает непонятная дымка. Одно было хорошо — старший братец все еще гостил в Круглом Холме, не донимая его злым шипением.

Рэни жил в полной изоляции за высокими стенами крепости, чувствуя себя так привычно, так безопасно, так спокойно.

Вот только сам мир не желал оставаться в неподвижности…

Юноша стоял у низкого парапета, ограждавшего небольшой сад крепости. За его спиной шумели корабельные сосны, и запах хвои мешался с соленым бризом, налетающим с вечернего океана. Сад был главным сокровищем Цитадели. На скалах вокруг росли лишь редкие, искривленные жестокими ветрами прутики. И люди побережья поколениями холили то немногое, что удалось вырастить на специально выстроенном равелине, куда чуть ли не горстями носили землю из далеких лесов. В детстве отец рассказывал Рэни, что во времена его деда даже был обычай брать с проходящих судов плату черноземом. Благодаря этому на голых скалах зашумел пусть небольшой, но сад.

Сложная система труб и туннелей доставляла на немыслимую высоту, выше которой были только сторожевые башни, воду. С равелина была видна вся крепость, океан и все окрестности на много морских лиг вокруг. Это было любимое место жителей Цитадели. Люди больше золота, жемчуга, серебра и морского шелка любили и гордились своим садом. Он был весьма скромен в глазах жителей суши, избалованных огромными лесными массивами. По периметру росли корабельные сосны, устилая землю толстым пледом сухих иголок, затем кольцами — бук, ясень, береза и рябина. А в самом центре — рощица вишневых деревьев. Крошечный пятачок в самом сердце равелина был отдан на откуп Рэниари, разбившему там роскошный цветник. Розы всех цветов и оттенков распускались здесь круглый год среди крошечных искусственных

родничков и фонтанов вокруг молодого дуба, посаженного еще дедом юноши.

Пройдя прихотливо извивающейся, вымощенной разноцветными камешками дорожкой, Рэниари сел на садовую скамейку, равнодушно уронив на колени прежде любимую флейту. Некогда обожаемые юношей розы отчего-то больше не радовали взор. После возвращения из столицы прошло так мало времени, а казалось, что целая жизнь. Князь, проводив их до ворот Цитадели, отбыл в собственные владения, напоследок одарив юношу приличествующими будущему младшему супругу драгоценностями. Донимавшего его своими бесконечными пакостями Руина не было. Асин занимался хозяйством, в кои-то веки оставив пасынка без контроля. Отец подсчитывал с управляющими прибыль от морских плантаций, а Барр ворковал с мужьями, отвлекая тех от размолвки с брошенными ради любви семьями. И Рэни неожиданно для себя заскучал. Казалось, после случившегося в столице, он не сможет ни спать, ни есть. Однако молодость брала верх над переживаниями мальчишки. Только ставшее уже привычным серое равнодушие затопило душу, оберегая юношу от воспоминаний.

…Послышались приглушенные опавшей хвоей шаги. И лениво обернувшись, Рэниари разглядел в быстро подступающих сумерках отца. Лорд Гвиур шагал неторопливо, явно наслаждаясь возможностью погулять.

— Ты перестал играть, — заметил он, увидев флейту на коленях сына. Тот равнодушно пожал плечами: — Не хочется.

Лорд осуждающе покачал головой.

— Малыш, не стоит так реагировать на предательство того, что только казался тебе смыслом жизни, — произнес он, присаживаясь на скамью рядом с сыном.

— Я знаю, папа, — тихо ответил Рэни, разглядывая перламутровую инкрустацию своей полузабытой флейты. — Я знаю… Но все равно, это так больно…

— Конечно, — сказал серьезно отец. — Постигать урок на собственном опыте всегда больно. И прощаться с детством больно. Но притом полезно. Успокойся и постарайся прислушаться к моим словам.

Рэниари посмотрел на отца неожиданно взрослыми глазами. Серьезными и печальными. И лорд Гвиур тихо вздохнул.

— Не думал я, что придет время для этого разговора, — произнес он. — Но ты повзрослел. Хотя тебе только семнадцать. Пришла пора принимать решения, малыш. Я не хочу тебя неволить, но… — лорд прерывисто вздохнул, однако нашел в себе силы продолжить. — Пойми, я не вечен. А Руин, к моему великому сожалению, не будет относиться к тебе как к брату. Мне следует устроить твое будущее заранее.

Рэниари с удивившим его самого равнодушием посмотрел на отца. Мыслей не было, одно лишь ожидание приговора.

— Ты знаешь, что князь Фейринель просит твоей руки, — после мучительного молчания продолжил отец, а Рэниари просто смотрел на него, слушая. — И я думаю принять его предложение.

— А мое происхождение? — Отстраненно переспросил Рэниари. Отец хмыкнул.

— Мало кто из владетелей посмеет проигнорировать то состояние, что я дарю тебе, —

надменно произнес граф Вориндо. — Но… есть еще кое-что, что перекрывает все, что я могу за тобой дать. Ты Искра, малыш.

Вот тут Рэни вздрогнул, выходя из своего отупения, и подскочил на скамье, роняя на землю флейту.

Искра!

Вот это была новость из весьма неприятных.

Еще бы! Оказаться легендой этого мира! И притом весьма невезучей легендой…

Еще эльфы оставили первые упоминания об Искрах, носителей крови самых первых, легендарных даже для самой долгоживущей расы и некогда правивших этим миром императоров. Упоминание о них сохранилось в настолько древних свитках, что написанное архаичным языком воспринималась как жутенькая сказка! Но, тем не менее, примерно раз в пару тысяч лет в мир приходили те, кто, не являясь магами, самим своим существованием способны были магию творить. Своего рода катализаторы магии, которых боги поставили надзирать над ней. Но что самое главное — избранники Искр, которых они любили, за счет близости становились величайшими магами мира, с которыми никто не мог сравниться. Искры могли сделать могущественным магом даже самого захудалого бездаря, не говоря уж об одаренных. И…

Искры были прекрасны как сама жизнь…

Они становились прекрасны, когда просыпалась их сила. И когда они встречали своего избранника. Так прекрасны, что видевшие их сходили с ума от жажды обладать ими. Вот только самим Искрам красота не доставляла радости.

Все и всегда дрались за право владеть Искрами, так как близость с ними дарила немыслимое могущество и столь же немыслимое блаженство. Кто же в здравом уме от такого откажется?!

За Искр сжигали не только города, но и целые страны. О любви речи не шло — зачем любить амулет-накопитель? Проще всего его трахать и получать силу с удовольствием. И на Искры охотились как на зверей, чтобы запереть в золотую клетку и завладеть могуществом через постель. Их опаивали возбуждающими эликсирами, их насиловали, их приковывали в высоких башнях, чтобы никто не украл сокровище… И потому Искры быстро истощались и умирали. Лишь некоторые, кому повезло влюбиться, жили долго, делая своих любимых воистину великими и тем самым подогревая алчность других.

И еще одно…

Дети Искр ВСЕГДА были могущественными магами.

А владыки мира с древних времен желали иметь сильное потомство, чтобы править в поколениях.

Теперь становилась понятной его внезапно расцветшая красота!

— Нет… — потеряно прошептал Рэниари. Волосы на затылке юноши зашевелились от ужаса. По спине потекла холодная струйка пота, губы онемели. Перспектива стать всего лишь призом в жестокой игре за власть… волшебным амулетом… куклой без права выбора… эта перспектива напугала юношу до невменяемости. Он не хотел себе ТАКОЙ судьбы.

mir-knigi.org

— К сожаление, да, — тихо ответил печальный Гвиур, глядя на сына. — Ты даже не замечаешь, насколько стал красив после близости с принцем. И за тобой уже началась охота. Мне сообщили, что в наш столичный особняк ворвались гвардейцы короля, — юноша вздрогнул, представив, что случилось бы, попадись он в руки Эдмира. — Вот-вот. Ты УЖЕ активированная Искра. И тебе нужна защита. И не просто защита. А потому я желаю, чтобы ты вошел в дом будущего супруга полноправным хозяином, а не рабом, из которого высасывают силу. Именно поэтому я согласился на предложение князя Эккуара. Он желает сделать тебя законным супругом, отцом своих наследников, а не простым любовником, как принц. Фейринель сможет тебя защитить …от всего. Так что я рад его предложению.

— Дело не только в принце… дело еще и в Руине?.. — понимающе спросил Рэниари, нарочито внимательно разглядывая свои руки. Граф виновато кивнул.

— Это моя вина, что я не смог достойно воспитать своего наследника. Но… Руин тебя ненавидит. И кто знает, как себя поведет твой сводный брат, если со мной что-нибудь случится. Не выставит ли тебя на торги, желая получить как можно больше, — юноша невольно содрогнулся при одном только намеке на подобное развитие событий. — В лучшем случае, не зная твоей истинной ценности, Руин просто вышвырнет тебя из Цитадели. И еще… Баррэт… Ему тоже несладко придется…

— Да, — отрешенно кивнул Рэниари, теребя полуоторванный от такого внимания кружевной манжет. — Руин не потерпит нас…

— Вот именно, — с неизбывной горечью произнес Гвиур. — Конечно, я обеспечил и тебя и твоего дядю. Но будет лучше, если вы оба уедете из крепости.

— Прости, отец, — бесстрастно произнес юноша, — но порой мне кажется, что Руин недостоин занять твое место.

— Я и сам бы хотел, чтобы оно досталось или тебе или Баррэту, — согласился лорд. — Вы оба намного лучше подготовлены к этой роли. Но Руин мой старший сын. И по закону именно он наследует Морскую Цитадель.

— Понятно, — сказал Рэниари после долгого молчания. — Передай князю, что я согласен на его предложение. Надеюсь, Баррэту тоже найдется место в Фейринеле.

— Конечно, найдется, — кивнул отец. — Князю нужен преданный начальник охраны. А кто лучше близкого родственника мужа с этим справится? К тому же в княжестве Барра не достанут родители его малолетних мужей — представляешь, они потребовали от меня выдать им своих сыновей!.. Да и ты будешь не один.

Рэни невольно хмыкнул, вспомнив приключения дядюшки.

— В любом случае, решать только тебе, — закончил отец. — Я договорился с князем о полугодовой отсрочке, но затем тебе нужно будет принять решение. Больше Цитадель не выдержит противостояния с королевством. На меня уже оказывают давление, с целью вынудить продать тебя.

— Продать? — Удивился Рэниари. Но отец только криво улыбнулся.

— Как ни назови, а идет торг, — пояснил он сыну. — И все эти весьма заманчивые предложения лишь цена за товар, которым тебя считают.

mir-knigi.org

— Тогда зачем тянуть? — Тихо промолвил юноша, не глядя на отца. — Мне все равно. За князя, так за князя. Всяко лучше, чем за принца…

— Малыш, подумай хорошенько, — взволнованно перебил его отец. — Именно принц тебя активировал как Искру! Может, еще все наладится…

— Нет, — решительно перебил лорда Рэни. — Не наладится. Я выйду за князя, и точка!

— Решать тебе, — нехотя согласился отец. И Рэниари кивнул: — Да, мне. Но князь сумеет защитить свою Искру. А я получу дом, статус законного мужа и детей, что заменят мне все на свете. А не позорное звание любовника и ошейник на шею, чтобы не сбежал!..

— Да будет так, — произнес граф Вориндо, поднимаясь со скамьи. — Иди-ка ты к себе. Холодает. Да и ветер пронизывает до костей.

— Я еще немного посижу, — тихо сказал Рэниари. Граф снял с себя плащ и набросил тяжелую ткань на поникшие плечи сына.

— Хорошо, — вымолвил он, направляясь к выходу из аллеи. — Только не задерживайся.

Рэни машинально кивнул, погруженный в собственные думы.

…Медленно, невесомо его руки подняли упавшую флейту и поднесли ее к пересохшим губам. И тончайшая как изморозь мелодия вплелась в шелест ветра среди камней равелина. На пределе слышимости она скользила, кружила, текла меж деревьев маленького сада, обвивая их от корней до самых вершин, напитываясь запахом горькой соли, смолы и хвои. Она была полна надежды и печали, вышивая свою нехитрую повесть на смятом, подвижном покрывале предгрозового Океана.

— Господин!.. — голос служанки грубо разорвал очарование мелодии. И Рэниари вздрогнул, выныривая из глубины грез. Пальцы юноши чуть сильнее положенного сжали тонкую флейту. И та с громким хрустом переломилась.

Едва не плача, недавний мальчик смотрел на обломки, понимая, что никогда больше не будет творить мелодию ветра.

Детство закончилось.

Это знание пришло к нему внезапно, необъяснимо и пугающе. И чтобы спастись от него, Рэниари переключил внимание на спешившую к нему старую служанку. Полненькая Суль, смешно переваливаясь на коротеньких ножках, торопилась к своему подопечному.

— Ванна готова, молодой господин! — Еще издали верещала она.

Оставив теперь уже бесполезные обломки на скамье, юноша поднялся и вышел на открытую всем ветрам площадку, покинув защиту деревьев.

Зябко передернув плечами, Рэни поплотнее закутался в плащ отца и решительно зашагал в крепость.

Решение принято и не будет переиграно. Он станет мужем князя. А тот, по кому болела душа… тот, кто превратил его сердце в ледяной обломок …он останется позади… всего лишь забытой тенью, ненужным и крайне болезненным воспоминанием.

mir-knigi.org

…Одни за другими гасли огни в многочисленных покоях Цитадели. Лишь часовые как заведенные монотонно вышагивали на стенах и бастионах крепости, неся свою неусыпную вахту. Да набирал силу ветер с океана, затянув небо тяжелыми тучами и скрыв голубое сияние первой луны…

…Они пришли в полночь, откуда их никто не ждал. И превратили ночь в день, залив высокие стены огнем и кровью…

Глава 8

Рэниари разбудил крик.

Показалось, что кто-то рявкнул прямо над ухом.

Спросонья юноша не сразу сообразил, откуда доносится шум, и почему за окнами трепещущие оранжевые всполохи.

Отбросив одеяло, Рэни в одних спальных штанах и легкой рубашке-распашонке подбежал к ближайшему окну. То, что он увидел во дворе Цитадели, повергло юношу в шок.

Крепость была захвачена врагом!

Немыслимо!

Невозможно!

Но, тем не менее, глаза не лгали — во дворе, на галереях и на стенах шел бой. Жители Цитадели, некоторые в одном белье, отбивались от многочисленных чужаков в полных доспехах без каких-либо гербов. Крики умирающих, звон железа, запах крови!..

Почему так мало защитников?! Где солдаты гарнизона?! Тех, что сражался с врагами, было недостаточно для сопротивления. И гибли они быстро, хотя и дорого продавали свои жизни.

На глазах у онемевшего от чудовищной картины парня с треском, взметнув в темное небо столб искр, сложилась во внутрь крыша большого склада у Западной стены, где хранился запас водорослей на продажу. Маслянистые брикеты вспыхивали мгновенно, сгорая в синеватом пламени, что плавило сами камни. Вряд ли хоть кто-то из друзей или врагов выжил, оказавшихся рядом с этой топкой. Огонь отшвырнул и своих и чужих. И какое-то время противники дружно удирали подальше от огненной смерти. Но как только очутились в безопасности… резня возобновилась с новой силой!

Рэниари, в ступоре вцепившись руками в холодный мрамор подоконника, отказывался верить увиденному.

Кто… как… почему?!

Цитадель всегда была неприступна! В крепости так много воинов…

Громкий треск, долетевший от входных дверей в его покои, заставил Рэниари очнуться и отскочить от окна, в панике заозиравшись.

Потайной ход, куда можно было скрыться, оказался отрезан. Чужие голоса доносились из гостиной, откуда можно было нырнуть в спасительный лабиринт. Юноша бросился к дверям в ванную комнату и успел захлопнуть хлипкую дверь в тот самый миг, как в спальню ворвались

солдаты.

— Вот он! — Услышал Рэни, прежде чем задвинул засов на резных створках. Вряд ли эта преграда надолго удержит напавших, раз уж они выломали более массивные двери в покои.

Оскальзываясь босыми ногами на полированном мраморе, Рэниари пробежал мимо купального бассейна, где еще курилась ароматная вода, и проскочил неприметную дверцу, которой обычно пользовались слуги.

Очутившись в коридоре для прислуги, Рэни метнулся было к комнатам отца, но из-за поворота навстречу скользнули по стенам отсветы чужих огней. А за спиной вовсю трещала дверь купальни под напором врагов. И юноша в панике заметался по коридору, не зная, что делать. К его ужасу он оказался отрезанным от системы потаенных ходов крепости.

Оставался только один путь…

Решительно распахнув окно, Рэниари не без внутреннего трепета встал на узкий резной карниз, опоясывающий башню донжона снаружи. Ворвавшиеся в коридор солдаты успели только заметить мелькнувший в окне белый шелк ночного одеяния беглеца. Шквал отборных ругательств, раздавшихся вслед, заставил бы покраснеть даже пьяного наемника. Но Рэниари было не до чего.

Вцепившись в шершавую кладку стены, он медленно, прижавшись всем телом к выстуженному ветром камню, продвигался вбок, старательно не смотря вниз в голодную пасть темной пустоты под ногами. К счастью, сильные порывы ветра помогали юноше, прижимая его к стене. Вот только тяжелая коса, отращенная магом по приказу отчима, сильно мешалась, оттягивая голову назад. А перехватить ее не было никакой возможности.

Рэниари надо было сделать всего дюжину шажков по карнизу, чтобы спрыгнуть на крышу главного здания, а затем через чердак спуститься в галерею, где был ход в подземный лабиринт. Но благополучно удалась только первая часть плана.

Спрыгнув на крутую крышу, юноша, спотыкаясь о толстую черепицу, побежал к ближайшему чердачному окошку. Но из него с руганью уже лезли солдаты. И Рэни пришлось прыгать на крышу соседней галереи, рискуя сорваться на далекие плиты внутреннего двора. После подобного съехать по витой колонне на крепостную стену было плевым делом.

Прячась в тени зубцов, он помчался ко входу в Сторожевую башню. Слава Богине-Матери, ночное небо было затянуто плотными тучами, и ни одной луны не было видно. А то бы его разглядели. Увидев под стеной запертые снаружи двери казарм, юноша понял, отчего на стенах было так мало защитников.

Им ударили в спину!

В самой Цитадели нашелся предатель, что устроил весь этот ужас. Видимо о крепостном маге он тоже позаботился, а то бы старик не пропустил нападения.

В центр двора, залитого светом многочисленных факелов, магических огней и языками пламени от пожара, вышел высокий человек в доспехах. Оранжевые отсветы плясали на его потемневшей от пота, но все еще огненно-алой шевелюре, не прикрытой шлемом.

Лорд Ковур собственной персоной!

Не может быть!

Рэниари в бессильной ярости сжал кулаки, жалея, что не может добраться до горла вероломного родича. Видимо лорд Круглого Холма давно вынашивал честолюбивые планы. Но где тогда Руин? Не мог же он впустить врага в крепость собственного отца!.. Неужели он в плену?! Как бы Рэниари не относился к сводному брату, но такой участи он ему не желал! И что стало с отцом, Баррэтом, Асином?

Надо спрятаться…

Хорошо, что его никто пока не видит.

Но Рэниари рано обрадовался. Белое одеяние и вспыхивающие живым золотом волосы выдали его чужакам!

Не успев добежать до цели, юноша вынужден был метнуться в крошечную башенку на стене, спасаясь от кинувшегося ему наперерез массивного солдата. Следом за которым спешила целая толпа, поднимаясь по крутой лестнице.

— Мой будет! — Радостно ревел враг, рубя секирой захлопнувшуюся перед носом дверь. Рэни только в самый последний миг умудрился задвинуть тяжелый засов в пазы. Временно он оказался в безопасности — эта дверь, сработанная из тяжелых плах железного дерева и укрепленная стальными полосами, была намного крепче дверей спальных покоев. Но и она недолго протянет под ударами боевых топоров. Юноша был в ловушке.

— Поймайте мальчишку!.. — Словно издалека донесся приказ Ковура. — Живым взять!

Рэниари судорожно огляделся. Он не замечал ни боли в сбитых до крови ногах, ни холодного ветра, врывавшегося сквозь бойницы. Едва прикрытое тонким шелком тело колотила крупная дрожь, но не от холода, а от ужаса. Еще бы! Юноша прекрасно слышал, как собирались с ним поступить солдаты, разгоряченные боем и погоней. И в какой очередности трахать красивого пленника…

Попятившись, он ойкнул, ударившись онемевшей от холода и порезов ногой о что-то мягкое. Невольно глянув вниз, Рэни закусил губу, узнав в искромсанном теле знакомого стражника, что всегда был рад видеть сына своего лорда. Рядом с телом тускло блеснул клинок. И юноша, решительно схватился за скользкую от крови рукоять. Если уж перед ним стоит выбор — или смерть или быть затраханным до невменяемого состояния, то стоит выбрать первое. Но сначала…

Хорошо отточенная сталь перерезала тяжелую косу. Пышные пряди тут же распушились, неровной золотой волной упав на плечи. И Рэни зашарил в рундуках, прекрасно зная, что в них хранится. Крепкий канат нашелся сразу. С трудом протащив тяжелую бухту до бойницы, Рэни, привязав конец к крюку, сбросив остальное вниз. И, не давая себе задуматься, тут же скользнул наружу, начиная спуск. Он не надеялся очутиться на берегу — слишком далеко, никакой веревки не хватит. Да и бесполезно — враги вот-вот ворвутся в башенку. И тогда веревку или обрубят или втащат обратно. И тогда останется только разжать руки, чтобы не достаться насильникам.

Рэниари успел достичь подножия стены — дальше начиналась дикая скала — когда наверху, среди зубцов, замелькали огни. Юноша отчаянно вглядывался в темноту скального карниза: берег в этом месте имел отрицательный наклон. На его счастье тучи разошлись, и сразу три луны залили окрестности ярким светом. Начинался Час Встречи — время, когда на краткий

миг все три небесные сестры сходились на небосклоне.

Самый светлый час ночи…

И самый опасный, но для отчаявшегося мальчишки он оказался счастливым. Рэни углядел под самым козырьком узкую каменную расщелину, косо уходящую вниз. Но сил разжать веревку не было. Пальцы свела судорога, так было страшно выпустить спасительный канат!

И опять за Рэни все решил случай. Веревка дернулась пару раз и медленно поползла вверх. Сверху донесся довольный гогот солдат — никто из них не сомневался, что добыча уже у них в руках. И Рэниари, раскачавшись изо всех сил, заставил себя выпустить из рук спасительный канат, в самый последний миг чудом вцепившись скрюченными пальцами в каменную трещину. Тренированное тело, подстегнутое ужасом смерти, сделало все само. И юноша, с размаху ударившись об скалу, повис, не сумев удержать крика боли. Острая каменная кромка до крови рассекла кожу на ладонях и груди. Тонкий шелк рубашки оказался плохой защитой, мгновенно промокнув от крови. Но пальцы намертво вцепились в расщелину. Инерция удара едва не вышибла из Рэни дух. Какие-то мгновения юноша не мог даже дышать и судорожно хватал ртом соленый от прибоя воздух.

Мимо со змеиным шорохом просвистела веревка, быстро скрывшись за карнизом. А сверху ударил эхом мутный фонтан мата. Вниз полетели факелы, освещая подножия стены. Но каменный козырек надежно защищал юношу от взглядов сверху. Спор на стене продолжался долго, видимо солдаты Круглого Холма решали, что случилось с пленником. Но Рэниари их уже не слушал. Беззвучно плача, юноша нашарил, наконец, босыми ступнями уступ и смог снять с разрывающихся от боли рук часть тяжести.

Мир замер. И в этой тишине маленькая по сравнению с темной древней скалой фигурка висела между небом и морем, всем телом приникнув к холодному камню.

Круглыми от ужаса глазами юноша смотрел вверх, в тень карниза, так как боялся перевести взгляд под ноги. Но затем осторожно, по одному разжимая пальцы, Рэниари стал спускаться вниз по расщелине, в слепую нащупывая пальцами ног скальные выступы. Сюда, к подножию крепости шум битвы не долетал. Зато камень под телом мальчишки глухо рокотал от близости океана. Спина вымокла от высоких брызг, счастье, что щель в камне оказалась сухой, и пальцы не скользили.

В какой-то момент, не удержавшись, Рэни с криком заскользил вниз, тщетно пытаясь зацепиться хоть за что-то. Пару раз ему удавалось притормозить падение, но мокрый камень коварно выскальзывал из-под рук. И, в конце концов, Рэниари покатился кубарем по крутому склону. К счастью, до земли оказалось недалеко. И, к счастью, он удачно упал между двух острых камней, на мокрую кучу подгнивших водорослей.

Скуля от пережитого ужаса, Рэниари смотрел вверх, на далекие зубцы Цитадели, не в силах поверить, что сумел… что выжил…

Но лежать дальше на холодной, вонючей груде было опасно. Отлив скоро должен был закончиться. И тогда ничто не спасло бы парня от надвигающихся волн.

Постанывая от горящих огнем от попавшей в раны соли, Рэни встал, с трудом удерживая вертикальное положение.

Надо было идти…

Холодный ветер с океана полоскал мокрый, тонкий шелк окровавленной рубашки, облеплял ледяной сыростью ноги, но юноша упорно продвигался вдоль береговой линии, состязаясь в скорости с приливом. Все известные Рэни потайные ходы были слишком далеко отсюда. На этой стороне Цитадели был только один выход, находившийся в крошечной пещерке. Но если не успеть, то она будет затоплена. И придется дожидаться отлива, сидя на пронизывающем ветру, по горло в воде, ибо ни сил, ни возможности добраться до другого безопасного места не будет.

Юношу колотила крупная дрожь от холода и пережитого ужаса. Зубы, не слушаясь собственного хозяина, выстукивали бешеную чечетку. И в довершении ко всему среди камней уже шипели волны близкого прилива.

Скрюченные, окровавленные, замерзшие пальцы толком не разгибались. Помогая себе зубами, Рэни по одному расправлял их, пока напряжение не покинуло мышцы. И все равно приходилось цепляться за скалу всем телом, обдирая кожу на боках и груди. Но Рэниари уже не обращал внимания на подобные мелочи, упорно ковыляя прочь, чувствуя, как постепенно его с головой накрывает отупение.

Разверстый зев пещеры появился перед ним как-то внезапно. Длинные тени от света Небесных Сестер чертили крупный песок перед входом… и темное тело, что нерешительно облизывали пока еще мелкие волны.

Рэни застыл и медленно опустился на сразу увязнувшие в плотном песке колени. Перед ним лежало изуродованное, но вполне узнаваемое в свете лун тело отца.

Видимо лорд Гвиур готовился ко сну, когда на крепость напали…

Слез не было.

Юноша смотрел на самого близкого ему человека, даже не делая попытки к нему прикоснуться.

Тело графа было изломано о камни так, что невольно брала оторопь при виде костей, торчавших из разорванных ран. Каким-то чудом уцелело лицо и хранило выражение беспредельной ярости. В правой, сломанной в нескольких местах руке, все еще был намертво зажат обломок меча.

Качнувшись вперед, Рэниари медленно коснулся лбом груди отца, отдавая ему последнее уважение, и встав на дрожащие ноги, ухватился на его широкие плечи, из последних сил потащив его в сторону пещеры, где должна была быть лодка. Пенные бурунчики прибоя закручивались вокруг онемевших ног юноши, одновременно помогая и мешая ему.

Преувеличенно аккуратно положив отца на песок (как будто мертвому было уже не все равно, как лежать!..), юноша, пошатываясь, прошел в небольшую пещеру, больше похожую на неглубокий грот. Там на высокой каменной полке покоилась легкая лодочка, некогда подаренная ему лордом Гвиуром. Стащив ее вниз, Рэниари проволок лодку до тела и с трудом, черпанув воды, перевалил погибшего во внутрь. Душу подобно соли разъедала горечь потери и ненависть к тем, кто убил.

Пробив дно острым осколком камня, Рэниари оттолкнул от себя погребальную ладью властителя Цитадели и, стоя уже по пояс в воде, наблюдал, как она медленно скрывается за рифами. Теперь Океан убаюкает своего сына в своих глубинах. А его душу успокоит наследник, отомстив за его смерть.

mir-knigi.org

— Да будешь ты возвращаться волной, чтобы оберегать покой своих потомков… — не послушными от горя и холода губами прошептал юноша. Дальше здесь оставаться было опасно.

Повернувшись, Рэниари, с трудом преодолевая приливные волны, побрел в сторону пещеры. С трудом, несколько раз срываясь в воду, он взобрался на каменную полку и нашарил над головой потайной рычаг. Со скрипом перетираемого в пыль песка один из больших камней провернулся вокруг своей оси, открывая узкий проход вглубь скалы.

Медленно, словно снулая рыба, Рэниари принялся карабкаться к лазу. К тому времени, когда он с трудом ввалился в узкий коридор, волны прибоя плескались уже вровень с каменной полкой, полностью скрыв вход в пещеру.

Закрыв за собой потайную дверь, Рэни сполз по стене на пол, зарываясь ступнями в сухой песок. Юноша чувствовал, что засыпает. Призрачный, глубинно-зеленоватый свет маленького светильничка, некогда принесенного сюда самим юношей, только добавлял жути общей картине.

— Нельзя!.. нельзя… — невнятно забормотал он, заставляя себя разлепить тяжелые веки. Его хриплый голос неожиданно гулким шелестом разнесся по подземелью. С трудом поднявшись, Рэниари дерганно, цепляясь ногами за постепенно поднимающийся пол, побрел вперед.

Вскоре почти утратившие чувствительность пальцы ног неожиданно больно ударились о каменные ступеньки, круто уходящие вверх. Дальше Рэниари не нуждался в указателях. План магического лабиринта, активированный некогда найденным ключом, мерцал перед глазами тонкой голубоватой вязью. Как и все, что строили эльфы, подземелье Цитадели по сути было полуразумным существом, изменчивым и равнодушным, подчинявшимся только тому, кто владел к нему отмычкой. Для всех остальных запомнить план лабиринта было невозможно, так как он постоянно менялся.

Вскоре Рэниари выбрался на верхние уровни, некогда частично перестроенные людьми. Отсюда было легко попасть в его комнаты.

Внимательно осмотрев в потайные щели покои и убедившись, что они пусты, юноша осторожно проник в спальню. Быстрой тенью пробежав по комнатам и убедившись, что никого нет, Рэни как можно осторожно постарался придвинуть к входной двери с выбитым засовом сундук и бросился в ванную: ему было необходимо согреться!

Вода в бассейне почти остыла, но все еще была теплой. Особенно по сравнению с морской. Сорвав с себя окровавленные лохмотья, Рэниари скользнул в бассейн и едва не заорал в полный голос — чуть теплая вода показалась кипятком для израненного и замерзшего тела. Тут же заныли и запульсировали болью все ссадины, ушибы и раны. По щекам юноши невольно потекли слезы. Обняв себя за плечи, Рэниари скорчился в бассейне, заставляя себя терпеть и чувствуя, как быстрее начинает струиться кровь по венам.

Наконец, выбравшись из воды, юноша отыскал среди многочисленных банных принадлежностей целебный бальзам и, разорвав на полосы одну из льняных простыней, наскоро перевязал себя. Глоток тонизирующего зелья, сработанного Чассиром Серым для сына его нанимателя, наполнил уставшее тело новыми силами. И Рэни, пробежав в гардеробную, безжалостно выбросил на пол роскошные наряды, пошитые для столицы, разыскивая простой охотничий костюм.

Только застегнув последнюю пряжку, он, наконец, почувствовал себя согретым. Тяжесть боевых ножей на поясе внушала уверенность, а маленький, подаренный отцом арбалет за

плечами, был не просто дорогой игрушкой в руках избалованного мальчишки.

Схватив стопку чистых простыней, Рэниари завернул их вместе с кувшинчиком бальзама в первый попавшийся плащ. Затем, сорвав со стены светильник и подхватив ношу, он вновь шагнул в потайной ход, отрезая себя от опасности захваченной крепости. И только тогда, на миг прислонившись лбом к шершавой стене, позволил себе безмолвно оплакать убитого отца. Только на миг…

Оставив громоздкий узел сразу за дверью, Рэни решительно зашагал по коридору, запретив себе думать до поры до времени об ушедшем — сейчас эмоции могли только помешать. Он знал, куда идти.

…В большой, хорошо освещенной комнате на повышенных тонах разговаривали двое.

— Брат! Не выводи меня из терпения!.. — в полный голос орал лорд Ковур: видимо разговор шел уже давно. — Я всего лишь сделал то, что обязан был сделать наш отец! Наконец-то, род графов Вориндо прекратил свое гнилое существование! Древней вражде конец! А наша семья возвысилась несказанно!

— Я больше не принадлежу к ТВОЕЙ семье! — Холодно отрезал Асин. Судя по всему, для отчима нападение тоже было неожиданностью, он кутался в длинный бархатный халат поверх свободного ночного одеяния. Длинные рыжие пряди, растрепанные после сна, небрежной волной падали на плечи мужчины, вспыхивая ярким золотом при свете магических светильников.

— Лорд Гвиур мой старший супруг перед богами и людьми…

— Супруг?! — Взъярился Ковур, хватая младшего брата за грудки. — Да где твоя гордость, Аси?! ОН унижал тебя, как только мог! Заводил шашни на стороне! Да спал ли он с тобой после рождения Руина?! Зато не забыл подкинуть тебе своего бастарда! Ты — его законный муж — ничего для него не значил! Кровь от крови древнего рода, ты оказался приживалой в этой семье! Но я избавил тебя от этих проблем… А его сучонок слетел со стены. Жаль, не удалось его схватить. Руин рассказывал, что бастард приглянулся принцу. Можно было бы обменять мелкое отродье на лояльность короны. Ради своего х*** его высочество готов забыть что угодно!

Асин внезапно побледнел.

— Когда мой муж узнает о смерти Рэниари…

Но грубый хохот прервал его.

— Очнись, братец! — Рявкнул Ковур прямо в лицо младшему графу. — Уже некому узнавать. Когда мы появились в его спальне, благородный граф тоже выбросился из окна, — усмешка лорда Ковура была очень неприятной. И Асин с размаху влепил ему пощечину.

— Тварь! — Вся холодность покинула мужчину. Больше этот разъяренный, отчаявшийся человек ничем не напоминал утонченного супруга лорда Гвиура. — ТЫ УБИЛ ЕГО! Но ты ошибся, братец! Сильно ошибся! Наш сын отомстит за отца! Или ты и его убил? Того, кто считал тебя любящим дядюшкой?! Да и сам я, хоть и не обучался боевым искусствам, тоже могу вцепиться тебе в горло!

Слова Асина ни на миг не разошлись с делом. Не ожидавший такой подлянки Ковур схватил младшего брата за запястья, удерживая на расстоянии вытянутой руки разъяренного демона мести. А за стеной Рэниари ошеломленно покачал головой.

Ну и ну! Оказывается, эта ледяная сосулька, его столь надменный отчим безумно любил своего мужа!

И за это юноша готов бы простить Асину все.

А тем временем лорд Круглого Холма боролся со своим братом. Тот брыкался, рычал, выворачивался из захвата. Вот только не мог сравниться изнеженный младший супруг с тренированным воином. И, отброшенный старшим братом, Асин упал на пол. Лорд Ковур только небрежно смахнул со щеки несколько капель крови из неглубокой царапины.

— И драться то толком не умеешь, — негромко произнес он, поднимая брата и толкая его в кресло. Асин только бессильно зашипел, держась рукой за голову: видимо ударился при падении.

— Очнись, Аси, о какой мести ты мне тут толкуешь? И о каком сыне? Как ты думаешь, мы сумели взять столь неприступную крепость как Цитадель? Дурак ты, младший! Нам помог Руин.

— НЕТ!!!.. — ошеломленно выдохнул Асин, а за стеной Рэниари заколотило от бешенства. — Нет… или ты пытал мальчика? Мой сын! Что с ним?

На отчима было жалко смотреть — он поник в кресле… сломался.

— Да никого я не пытал, — досадливо отозвался Ковур. — Руин был мне симпатичен: все-таки он и твой сын. Я сам его воспитывал, желая, чтобы Цитаделью правила наша кровь. И я ничего бы мальчику не сделал. Просто из года в год я подводил его к мысли, что он будет лучшим графом, чем его отец. Тем более, что Руину вряд ли светила власть. Гвиур был еще достаточно молод, чтобы править хоть целый век. Скорее власть досталась бы только детям Руина, а то и его внукам. А ему хотелось править самому, здесь и сейчас. К тому же парень именно у меня находил сочувствие своим бедам… мне жаловался, как его не понимает и не ценит Гвиур, отдавая предпочтение своему бастарду.

— Гвиур никогда бы не обошел Руи, — чуть слышно произнес сгорбившийся в кресле Асин. — Никогда бы…

— Но мальчик был уверен в обратном, — отозвался старший брат. — Каюсь, я сам подогревал эту его уверенность. Но отца он убивать не желал. Планировал посадить под замок и править самостоятельно.

— Как глупо!.. — простонал Асин, в отчаянии закрывая руками белое как мел лицо. — Руи!.. Его бы никто не принял в крепости при таком раскладе…

— Но мальчишка был уверен, что справится, — усмехнулся Ковур. — И у него были бы все шансы. Вот только хотя он и не планировал убивать отца, то я не собирался оставлять Гвиура в живых! Жаль, что твой сын оказался беспросветным глупцом, не умеющим просчитывать варианты. В кого бы это? Вроде Гвиур не страдал идиотизмом. Впрочем, мне и был нужен именно такой новый граф Вориндо.

— Где этот выродок?! — Асин, спасаясь от удушья, рванул пышный ворот ночной рубашки. —

Где он?!.. предать собственного отца!..

— Он мертв, — после короткого молчания ответил Ковур, невольно отводя взгляд от искаженного ненавистью лица брата. — Но это не моя заслуга. Руин должен был нейтрализовать мага. Но старик оказался не прост. И прежде чем издохнуть, сумел развоплотить мальчишку. Там даже хоронить нечего, кроме горсти пепла… Ты можешь попрощаться с прахом сына…

— У меня нет сына… — на грани слышимости ответил Асин, скорбно застывая в кресле. — У меня никогда не было сына… Я не мог бы родить того, кто предал собственную семью…Теперь остался только Баррэт… Или ты и его убил?

— Да жив этот выблядок, — зло сплюнул Ковур. — ПОКА жив. Или ты думаешь, что я оставлю хоть кого-то из этого рода? Я запер его в одном из казематов. А его муженьки сидят под замком в своих комнатах. Их родители только рады будут получить обратно своих чад. А еще больше будут благодарны мне, когда я сделаю их детишек вдовцами, избавив от нежеланного зятя. Не бери в голову такую мелочь.

Лорд Круглого Холма опустился на колени перед братом, безвольно сидевшим в кресле, и осторожно обнял того за поникшие плечи.

— Ну, же… малыш! Ты теперь свободен и богат! Весь мир лежит у твоих ног. Я ведь хорошо помню, как ты не хотел этого брака. Тебя выдали насильно. И не пытайся мне доказать, что ты действительно полюбил того, кому был безразличен. Помнишь Дажерти? Красавца Дажерти, с которым ты встречался?.. И даже чуть не сбежал с ним, если бы не наш отец. Он все еще помнит тебя. Я виделся с ним недавно. Все так же красив, и унаследовал целый маркизат. Он все еще тебя ждет… Ты будешь счастлив и сможешь родить любимому мужу прекрасных детей…

Асин медленно поднял голову, и лорд Ковур отшатнулся, разглядев лицо младшего брата.

— Ты так ничего и не понял… — посиневшие от удушья губы шевельнулись на белом лице. Глаза заполняла тьма, зеленая радужка почти скрылась, оттесненная сильно расширившимися зрачками.

Маска ярости и боли…

— Я ЛЮБИЛ ГВИУРА! — Буквально выплюнул он. — Я любил!.. Всегда… с тех самых пор, как увидел своего жениха на свадьбе! И плевать мне, с кем я там встречался до этого! Я и лицо то уже забыл твоего Дажерти! Гвиур был для меня всем! Это он меня не любил. А я ради него был готов на что угодно. Даже воспитывать его сына от соперницы! И тебе придется меня убить! Иначе я сам … своими руками… УБЬЮ ТЕБЯ!!!!!!!!!!!!

Проговаривая все это, Асин, поднявшись с кресла, медленно наступал на старшего брата, сжимая в руках выхваченный из его же ножен кинжал. Ковур медленно пятился к дверям, не отводя завороженного взгляда от широкой матовой полосы стали. Наконец, он уперся спиной в арку входа и, резко повернувшись, вылетел за дверь, захлопнув створку перед самым носом невменяемого брата. Лязгнул наружный засов, и рычащий голос лорда приказал никому не входить и никого не выпускать из комнаты.

Асин же, бездумно покачавшись с пятки на носок, вдруг нежно-нежно приложил трофейный клинок к шее …и резко дернул руку вниз, сразу же заваливаясь назад под напором выхлестнувшей из перерезанной артерии крови.

Ахнув, Рэниари суматошно провернул рычаг и вылетел наружу. Отчим был еще жив, когда юноша подхватил его, тщетно пытаясь пережать смертельную рану. Рэни так никогда и не узнал, что в этот миг видел уходивший за грань супруг отца, до синяков сжимавший перебинтованную руку пасынка.

Во всяком случае, на обескровленном лице Асина успела еще вспыхнуть и тут же погаснуть счастливая улыбка…

Осторожно опустив тело на ковер, Рэниари машинально заозирался, пытаясь понять, чем можно вытереть измазанные в крови руки. В конце концов, функцию полотенца выполнила штора. И юноша вновь безмолвно отступил в полумрак потайного коридора. Пора было подумать о выживших.

…Стены собственного замка давили на сознание. Хорошо хоть кандалы не одели. Видимо не нашли в суматохе. И на том спасибо. Вот уж судьба — кочевать из одной темницы в другую!

Баррэт как можно удобнее устроил в кровь избитое тело на охапке соломы, подтянув голые ноги к груди и обняв их руками, в безнадежной попытке сохранить хоть крупицу тепла. На Вориндо-риве не было и клочка ткани: когда в спальню к молодым супругам ворвались враги, Сэриэль только-только сытым котом выполз из-под старшего супруга. А Барр собирался вплотную заняться изнывающим от нетерпения Лотэ. К чести всех троих надо признать, что досадное отсутствие одежды не помешало им схватиться за оружие, как только рухнули двери покоев. Хоть воин и ночевал в своих покоях, а не в казарме, но клинки по привычке держал рядом с постелью. Хотя, конечно, мало есть в мире более комичных вещей, чем скачущие голышом парни, мотыляющие собственными причиндалами из стороны в сторону. К тому же у паршивца Лотэ, так и не получившего удовлетворение, как стоял его член, так и продолжал стоять, несмотря на все кульбиты своего хозяина. Солдаты противника по достоинству оценили предложенное зрелище. Но ухмылки с их лиц и начавшийся было хохот мигом стерли два клинка в руках разъяренных Лотэ и Баррэта. Не ожидавшие подобной прыти враги в первый же миг боя потеряли троих, слишком расслабленных при виде потешных голышей. Умница Сэриэль, чтобы не мешаться под ногами, мигом кувыркнулся с кровати в сторону, предоставив мужьям поле деятельности. У Вориндо-рива была призрачная надежда выдавить противника обратно в коридор и забаррикадироваться в покоях, но она пошла прахом, когда в спальню ворвался еще десяток солдат в полных доспехах, и какой-то мерзавец выволок из-за шкафа Сэри и приставил к его горлу меч, потребовав сдаваться. И Лотэ, и сам Баррэт, не сговариваясь, тут же опустили клинки, хотя их младший брыкался и орал, чтобы они не смели обращать на него внимания. Но было уже поздно — старших супругов ловко скрутили, швырнув на смятую постель. И солдаты, похохатывая и отпуская сальные шутки, окружили свою беспомощную добычу. Барр почувствовал, как чья-то грубая рука по-хозяйски сжала его ягодицу, ребром ладони потерев щель, а другая рука уже в латной перчатке больно прижала его поясницу к постели, не давая дергаться. Рядом вскрикнул Сэри, и забился в своих путах Лотэ, пытаясь уйти от чужих прикосновений. А шуточки солдат становились все похабнее, а лапание все развязнее…

В какой-то миг, чудом извернувшись, Вориндо-рив сумел впиться в чье-то предплечье всеми зубами, не обращая внимания на вопль боли, раздавшийся над головой и посыпавшиеся на него удары. Баррэту было уже все равно, и он только сильнее стискивал зубы на жилистом запястье врага, с рычанием прогрызаясь до самой кости и не обращая внимание на заполнивший рот мерзкий привкус крови пополам с гарью. Били его, кажется, всей толпой. В конце концов, сильный удар по голове вырубил воина.

Очнулся он довольно быстро, валяясь в позе зародыша на истоптанном грязными ногами ковре. Чей-то голос над ним зло орал, чтобы никто не смел распускать рук, и что мальчишки неприкосновенны. Дескать, их надо будет вернуть за выкуп родителям. Облегчение, что испытал при этом воин, не передать было словами! Его мальчикам ничего не грозило! А собственная участь Баррэта особо не волновала. Его мальчишки живы и в относительной безопасности. Так что, когда воина подхватили под руки, выволакивая из разгромленной спальни, Барр был почти счастлив.

Все-таки, кажется, с головой у него было не все в порядке, иначе как было объяснить, что он не помнил свой путь в темницу. Хотя темница ли это? Судя по всему, его выволокли во двор и бросили в один из пустующих складов, заперев снаружи крепкую дверь.

Было темно, только узкие щели под самым потолком оранжево светили от огня наружных факелов. Доносились смутные крики и чьи-то невнятные вопли.

Тяжело вздохнув, мужчина попытался выпрямить ноги, но глухо застонал от невыносимой боли, пронзившей позвоночник. Похоже, били его не просто от души, но и умело. Интересно, почему он еще жив? Ясно ведь, что на крепость напали не просто так. Вероятно, брат и Рэни уже мертвы. Да и его участь незавидна. Для нападавших оставлять в живых того, в чьих жилах течет кровь властителей Цитадели, чревато огромными неприятностями. Разобраться бы еще, кто на такое решился…

Темные демоны! Как же голова то болит!.. Совсем не соображает… И перед глазами все плывет.

Скрежет отпираемого замка прозвучал в тишине пустого склада неожиданно резко, заставив тут же скривившегося от боли Баррэта дернуться всем телом. И тут же выпучить глаза от изумления.

Внутрь зашли солдаты с гербом Круглого Холма на кирасах и встали полукругом перед пленником. Вот этого Барр не ожидал, замерев потрясенной статуей самому себе. Все что угодно, но только не союзники и, считай, родичи из соседнего владения! Или они сумели прийти на помощь Цитадели в самый последний миг?

Но призрачные надежды тут же развеялись, когда вслед за охраной, пригнувшись из-за низкой притолоки, через порог шагнул сам лорд Ковур в сопровождении личного мага. Вориндо-рив, забыв о наготе и избитом теле, попытался вскочить на ноги, но тут же скривился от боли.

— На колени! — Рявкнул кто-то из солдат, угрожающе качнувшись к пленнику. — Приветствуй как подобает своего хозяина, холоп!

— Пасть закрой!.. — просипел Баррэт, упрямо пытаясь удержать сознание на месте. — У меня нет и не будет хозяина… Тем более такого!..

Над головой раздался смешок лорда Ковура и его невнятное распоряжение. Барр ничего не понял, слишком уж шумело у него в голове, а перед глазами водили хороводы целые толпы ковуров и магов совместно с легионами солдат. Рот стремительно наполнился желчью, и Вориндо-рив с огромным удовольствием сплюнул ее на чьи-то сапоги. Вот только ожидаемых побоев почему-то не последовало. В ответ его вновь подхватили под руки и куда-то поволокли. «Ну, и стоило таскать меня взад вперед?..» — с некоторой отстраненностью лениво думал воин, пока его тело болталось в чужих руках. Судя по тому, как болезненно отдавались в голове все препятствия, с ним не церемонились, пересчитав его коленями все ступени и пороги. А потом швырнули ничком на некогда белоснежный, теперь заляпанный кровью ковер. Плохо дело,

судя по тому, что боль почти перестала ощущаться — поврежден позвоночник.

Краем глаза Барр сумел разглядеть обстановку. Он лежал на полу спальни брата.

Шаги подошедшего к нему гулко отдавались во всем теле, даже ковер не спасал. А потом мужчину бесцеремонно перевернули на спину. И над ним склонился ни кто иной, как сам лорд Круглого Холма собственной персоной. Рыжеволосый, зеленоглазый и очень довольный.

— Какая прелестная картина, — полные губы лорда мягко улыбались, кошачьи глаза щурились, разглядывая пленника. — Последний из Вориндо и у моих ног!

— Жаль… что поменяться нельзя… — чуть слышно прохрипел Баррэт, с ненавистью взирая снизу вверх на бывшего союзника и родича. — Чтоб ты сдох!..

Но лорд только искренне рассмеялся и приказал своему магу: — Приведи его в порядок!

Тот, молча поклонившись, брезгливо прикоснулся к пленнику кончиками пальцев, вливая в него силу, необходимую для исцеления. Боль от вставших на место костей была невыносима. Баррэт с воем покатился по ковру, тут же прижатый к нему кинувшимися на помощь магу солдатами.

— Это научит тебя не хамить, — снисходительно пояснил Ковур, отходя к окну и оттуда наблюдая за работой мага. — У меня на тебя большие планы, бастард! И всякий раз, как ты будешь выеживаться, исцеление будет именно таким. Ну, а будешь покладистым — и боли не будет.

— Убери синяки с лица, — вновь приказал лорд магу. Тот недовольно поджал губы, но не осмелился перечить нанимателю.

Баррэт тем временем загонял в себя воздух сквозь стиснутые до хруста зубы, отходя от невольной пытки. Особенную боль доставили вновь выросшие взамен выбитых зубы. Было такое впечатление, словно челюсти враз просверлили огненные сверла, достав до самого мозга. Но слова Ковура расслышал ясно. Это что ж получается? Его планируют калечить и всякий раз исцелять, продлевая пытки?!..

Ну, уж нет!

И не успел маг склониться над дезорганизованным, как он считал, пленником, как стальные пальцы воина сомкнулись на его кадыке, сминая до кровавой каши. Прежде, чем сообразившие солдаты кинулись на помощь волшебнику, тот, хрипя и дергаясь, рухнул на пленника. Хохоток Баррэта в этот миг отдавал явственным безумием. И когда мага оттащили в сторону, он оказался безвозвратно мертв.

— Ах, ты!.. — медленно проговорил лорд Ковур, багровея лицом, когда пленника, заломив ему за спину руки, вздернули перед ним на ноги. — Тыыы!..

Вид лорда был страшен, но Баррэт лишь вытер о плечо кровь с вновь разбитой губы и с презрением плюнул под ноги Ковура. Не удержавшись, лорд с размаха ударил пленника по лицу. Голова Баррэта дернулась. По распоротой перстнями щеке вновь поползла вниз кровавая бахрома. Но взгляд Вориндо-рива пылал от ненависти. Черные глаза хищно смотрели на врага. И плевать ему было в этот момент, что он гол как сокол. Главным было добраться до глотки врага. И лорд это почувствовал.

— Вот уж не ожидал подобной прыти от презренного бастарда! — Ледяным тоном проговорил Ковур, глумливо окидывая обнаженное тело пленника с головы до пят. Взгляд лорда чуть дольше задержался в паху Вориндо-рива. — Ты кем себя возомнил?! Ты всего лишь нечистокровный ублюдок! Ты даже не знаешь, кем была твоя матушка-шлюха! — Последние слова лорд прошипел в лицо бывшему родственнику и вцепился растопыренными пальцами в его пах, одновременно сжимая и выкручивая. — Твое место у ног хозяина с откляченной задницей!! На большее ты не годишься!

Кивком головы Ковур приказал солдатам подтащить Баррэта к массивному столу в глубине комнаты. Вориндо-рив тут же предпринял попытку вырваться, впечатав локоть в бок правого охранника, не защищенный кирасой. Но это было его единственное достижение. Руки тут же безжалостно завели назад, скручивая то ли ремнем, то ли веревкой, и потащили к столу, за которым они с братом частенько коротали вечера, потягивая пряные южные вина. А затем край столешницы больно впился воину в живот, а подбородок ударился о темное дерево, да так, что клацнули только что восстановленные зубы. И тут же чужие руки попытались развести в стороны его ноги. Но не тут то было! Баррэт лягался, брыкался и пинался, всеми силами затрудняя своим мучителям их задачу. И солдатам лорда пришлось здорово попотеть, прежде чем суметь привязать ноги пленника к столу. Судя по сдавленному мату и грубо стянутым веревкам, достал он их изрядно. Но все-таки Барр проиграл, беспомощно застыв со скрученными за спиной руками и привязанными к ножкам стола распяленными ногами. Поясницу больно придавливал к столешнице чей-то кулак, а голая задница невольно поджималась в ожидании неизбежных неприятностей. Вориндо-рив дураком не был и отдавал себе отчет в том, что его ждет в такой позе. Несмотря на то, что он не был наследником, и отец и брат никогда не воспитывали из него младшего. Барр всегда рос воином. И в постели он оказывался только сверху. Хотя и подумывал в последнее время отдаться своим мальчишкам.

— Какой вид! — Глумливо произнес Ковур, подходя к пленнику со спины и похлопывая по напряженным ягодицам воина. Кто-то из солдат не удержал злорадного смешка. — Знаешь, всегда хотел поиметь Гвиура, но за неимением настоящего графа сойдет и бастард графской крови. — За спиной напрягшегося Вориндо-рива послышались щелчки доспешных застежек и шелест одежды. — Не советую брыкаться, — доверительно сообщил Ковур, с силой разводя напряженные ягодицы мужчины. — Не забыл, что у меня твои мужья? — Баррэт тут же замер, исходя бессильной ненавистью. — Я планировал вернуть их родителям за выкуп, но если будешь кочевряжиться, могу и передумать.

В анус Барра уткнулось что-то холодное и скользкое, и он невольно дернулся, уходя от болезненного проникновения.

— Ха, парни! — Радостно выдал Ковур, — А тут, похоже, никто и не был ни разу! Надо бы разработать!

Солдаты загоготали. Смех, больше похожий на уханье, того, кто фиксировал поясницу Баррэта, отозвался в теле воина неприятной волной. Барр только зубами заскрипел, когда понял, что в него проталкивают рукоятку кинжала, смазанную маслом из перевернутой тут же лампы. Никак не забота об удобствах пленника, а всего лишь, чтобы самим было легче толкаться в неподатливое тело. Так как следом за кинжалом в него тут же вошел горячий член Ковура, разрывая и обжигая нутро болью. Но Баррэт терпел. Скрипел зубами, рычал, но терпел. Что же он будет за воин, если начнет выть от боли в заднице! Это всего лишь тело, которое сейчас с довольным стоном насилует Ковур, то вбиваясь на всю длину, то выходя едва ли не полностью. Но от этого было не легче. И черная ненависть затопило душу Баррэта, пока его беспомощное тело елозило по гладкой столешнице в такт все более быстрых толчков лорда Круглого холма. Руки Ковура впивались то в бедра пленника, то в его пах, болезненно дергая вялый член или

сжимая мошонку. А то вдруг начинали лупить раскрытой ладонью по ягодицам Баррэта, отбивая какой-то совсем непонятный ритм. По ногам пленника текли горячие струйки крови, внутри тоже было горячо и липко, но воин терпел, ругаясь про себя самыми черными словами, какие только знал.

В какой-то миг Ковур вдавился в него изо всех сил и с протяжным рыком кончил. И вышел. А по ногам Баррэта тут же обильно потекло что-то помимо крови.

— Он ваш, парни! — Весело объявил лорд, приводя одежду в порядок. Солдаты встретили это предложение одобрительным ворчанием. — Закончите и позовите следующую тройку. Только сильно не калечить, а то мага больше нет исцелять его.

— Понял теперь, какая у тебя будет судьба? — Наклонился над ухом Баррэта лорд. — Ты будешь общественной шлюхой. Я прикажу посадить тебя на цепь и трахать до тех пор, пока ты не превратишься в овощ. По твоей милости мне придется искать нового мага. Но когда я его найду — мало тебе не покажется. Развлекаться с тобой начнут на полную катушку. Развлекаться, исцелять и трахать. А потом я лично перережу глотку тому, в ком еще течет кровь Вориндо.

— Я тебя достану!.. — прохрипел Баррэт, чувствуя, как в него проталкивается очередной член. — Сдохну, а достану!

— Всего лишь слова, милый, — нежно улыбнулся ему Ковур и отошел от стола. Баррэт только и услышал, как хлопнула входная дверь — лорд ушел.

Путь по лабиринту превратился для Рэниари в испытание. Заглядывая в потайные глазки, юноша видел самый разнузданный грабеж, какой только можно было себе представить. Видимо Ковур решил дать своим солдатам вволю пограбить, чтобы потом они были ему благодарны за добычу. И ошалевшие от окружающей их роскоши ландскнехты Круглого Холма с гоготом срывали со стен драгоценные гобелены из паутинного шелка, волокли поставцы со столовым серебром, ловили за волосы полуодетых служанок и кухарок. К их великому сожалению захватчики не могли проникнуть в винные погреба Цитадели, где засела часть защитников крепости. Другая (большая) часть гарнизона была закрыта Руином-предателем в казармах и сейчас в ярости пыталась выбраться наружу.

Все это Рэни узнал из разговоров торжествующих врагов. Еще бы! Они были уверены, что могущественная и богатая Цитадель уже у них в кармане. Только вот карман этот слишком мал, чтобы удержать такую добычу…

Спустившись на средний уровень, Рэни быстро отыскал нужную дверь и прислушался. Было тихо. Потайной глазок показывал разгромленную лабораторию мага за стеной. И, решившись, юноша тихонько проскользнул в святая святых Чассира Серого.

Сам маг обнаружился в дальнем углу лаборатории под перевернутым столом. В первый миг Рэниари принял его за безнадежно мертвого. Но Серый неожиданно приоткрыл незряче блеснувшие глаза.

— Кто…

Юноша просился на колени перед раненым, торопливо оттаскивая в сторону какие-то обломки.

— Рэ…ни… — прошептал маг. Было немного жутко наблюдать, как чуть шевелятся распухшие

губы Чессира на полностью неподвижном лице. С трудом вздохнув, маг замолчал, вновь прикрыв глаза, и Рэниари испугался, подумав, что старик ушел из жизни. Но тут же его коснулась слабая словно перышко мысль: «Знал… что кто-то выжил…»

— Что мне делать?! — В отчаянье прошептал юноша, суматошно озираясь: вон в том сундуке должны быть исцеляющие зелья. Но мысленная улыбка старого волшебника его удержала. «Я уже мертв… Руин смазал нож специальным ядом… Я цепляюсь за жизнь… клятва мага… ты жив… кровь от крови того, кому я клялся… Ты Искра…»

— Я знаю!.. — Юноша чувствовал, как в душе у него поднимается злость, вытесняя остатки беспомощности. — Отец… он успел сказать!

«Хорошо… — в угасающем голосе мага послышалось удовлетворение. — Найди себе мага… иначе… нет защиты… где зелья… знаешь… прости…»

И все. Больше никакого ментального отклика.

Рэниари медленно поднялся с колен и накинул на погибшего край ковра. Все-таки он надеялся, идя сюда, что маг каким-то чудом выживет. Но Руин в первую очередь побеспокоился убрать главное оружие Цитадели. Все-таки все придется делать самостоятельно. Что, учитывая наличие ковуровского мага, будет нелегко.

Подойдя к знакомому сундуку, Рэниари выгреб в сумку все лечебные бальзамы и направился на верхние уровни крепости. Гарнизон заперт внизу, и его солдатам пока ничего не угрожает, но вот Барр с мужьями был в своих покоях, когда все началось, и они явно попали под раздачу. Стоило выяснить их судьбу, прежде чем начать действовать.

Глава 9

…Картина была одновременно и отвратительной и притягательной. Но Рэниари, если бы мог, отвернулся и зажал уши, только чтобы не слышать частого хриплого дыхания, довольных стонов дергающегося на Баррэте чужака; не видеть напряженных, принудительно распятых ног дяди с кровавыми струйками на мускулистых бедрах, волосатых ляжек насильника, и его ритмично поджимающихся ягодиц, когда солдат наклонялся вперед, вцепившись растопыренными пальцами в бока пленника. А рядом стоял второй, с уже спущенными штанами, дроча самому себе. Еще один, навалившись всем телом на Баррэта, придавливал того к столу, не позволяя дергаться. И что самое главное — внимание всех троих было направлено только на их жертву, ни на что другое. Очень удачно…

Дверь лабиринта открылась совершенно бесшумно, повернувшись вокруг себя, и два метательных ножа невесомо слетели с ладоней юноши. Он метил в того, что держал Баррэта и в того, что дожидался своей очереди. И он попал. Не имел права не попасть — слишком многое стояло на кону.

Первый, занятый самим собой, не сразу сообразил и не сумел остановиться, готовый вот-вот кончить. А когда очухался — в затылочную ямку ему с чавканьем вошел очередной метательный нож, оборвав наслаждение вместе с жизнью.

Стук рухнувшего тела приглушил ковер, да и кого за дверью могло насторожить подобное: вся охрана знала, чем занимаются их товарищи в спальне бывшего графа. И Рэниари сумел беспрепятственно перерезать веревки, удерживающие дядю, и спихнуть с него бесштанный труп. Солдата со своей спины сдернул уже сам Баррэт и разогнулся, упираясь дрожащими кулаками в злосчастный стол. Ноги у мужчины ныли, плечи ломило, задницу пекло, а в

затекших от веревок руках зло гуляла по жилам кровь, принося вместе с болью облегчение.

Не глядя на племянника, воин попытался было шагнуть прочь от стола, но едва не навернулся носом в пол. К счастью, Рэниари успел его подхватить и доволок до потайного хода.

— Одежда… — сумел просипеть Вориндо-рив: ему претила сама мысль, что его еще кто-то увидит без штанов. — И оружие…

Юноша понятливо кивнул и вновь прошмыгнул в спальню. Сводные братья были похожи внешне, и потому, выхватив из шкафа первую попавшуюся охапку одежды, схватив там же сапоги и сорвав со стены меч из отцовской коллекции, Рэниари вернулся обратно в лабиринт, очутившись, наконец, в безопасности.

Вориндо-рив сидел на корточках у стены, опустив на скрещенные на коленях руки взлохмаченную голову. Не глядя, мужчина потянулся за одеждой. Но Рэниари заставил взять его сначала бальзам.

— Приведи себя в порядок, — жестко произнес он. Как никто другой юноша понимал в этот миг дядю, но не мог позволить себе просто сесть рядом и предаваться жалости к самому себе. Слишком мало было времени. Да и лучше всего от подобного всегда помогала месть. — Нам еще других выручать. И что с твоими супругами?

Вот это подстегнула Вориндо-рива лучше всего. Выхватив из одежной кучи первую попавшуюся рубашку, Баррэт яростно вытерся ей и схватился за бальзам.

— Отвернись! — Потребовал он у племянника. Рэни послушно отвернулся, слыша, как тихо матерится сквозь зубы старший родич, втирая целебную мазь в поврежденное место. — Они должны быть заперты в наших комнатах. Вряд ли их перевели в другое место.

— Тогда надо спешить, — отозвался Рэниари. — Как только обнаружится твой побег, они станут заложниками!

…Лотэ и Сэриэля втолкнули в одну из спален их собственных покоев. К счастью это оказалась комната, изначально предназначенная для бывшего барона Сауналя, так что юноши смогли одеться. На миниатюрном, хрупком Сэриэле костюмы его более высокого и мускулистого со-мужа болтались словно на вешалке. Но то были мелочи жизни: рукава, штанины и пояса можно было подвернуть и подтянуть. А вот Лотэ явно бы не влез в одежду Сэри. Вот только в плане возможного побега комната старшего со-мужа была наименее пригодна, так как кроме двух узких окон, обрывавшихся отвесной стеной до самого двора, и запертой двери здесь не было других выходов.

Пленникам не оставили даже лампы, отобрав все, что могло напоминать оружие. Так что в комнате, освещенной лишь светом двух лун, было довольно темно. Час Встречи уже прошел, и голубая Анатэль только что убежала за горизонт. В окна тускло светила розовая Неритель с золотой Товителью, то и дело исчезая за стремительно бегущими по небу тучами, и тогда в спальне становилось совсем мрачно.

Сэри испуганно жался к крепкому телу со-мужа, который осторожно поглаживал его по подрагивающей спине и что-то шептал, стремясь успокоить. Всхлипнув и помотав головой, Сэриэль попытался взять себя в руки. Но уж слишком насыщенным выдалось начало ночи. Юноша все еще не отошел от пережитого, вздрагивая всякий раз, как вспоминал чужие руки на своих бедрах, и отчаянные глаза схваченного врагами Баррэта.

mir-knigi.org

— Лотэ, что будет с Барром? — Чуть слышно прошептал он, осторожно прикасаясь кончиками пальцев к щеке возлюбленного со-мужа, где темнела ссадина, полученная в драке. В комнате даже воды не было промыть раны. Ванная осталась за стеной, но туда их вряд ли пустят в ближайшее время.

— Он выкрутится, он сильный, — уверенно ответил Лотэ, убеждая самого себя. Неужели нападение дело рук их родителей? Не похоже… Тут что-то другое. Как жаль, что они так мало узнали о Цитадели. Сильные пальцы юноши нежно разобрали спутанные шелковистые пряди блондина, другая рука Лотэ поглаживала сквозь рубашку плоский пока еще живот Сэриэля. Бывшего барона Сауналя до невозможности умилял нежный, гладенький животик со-мужа, так не похожий на мускулистые, в кубиках пресса животы его самого и старшего супруга. — Барр что-нибудь придумает.

— Буду в это верить, — выдохнул Сэри, утыкаясь лицом в грудь Лотэ. Рубашка на груди брюнета медленно, но верно промокала от беззвучных слез Сэриэля.

…А в это время Баррэт и Рэниари, тихо переругиваясь, рассматривали в потайной глазок лестницу, ведущую на верхний этаж донжона, где и располагались покои Вориндо-рива. Дальше скрытые в стенах ходы не вели, а коридоры в башне оказались забиты солдатами Ковура.

— Ну, предки!.. — тихо матерился Баррэт. — Не могли дальше ход построить!

— Согласно старым планам, им этого не требовалось, — пояснил Рэниари, что-то соображая. — На верхнем этаже в древности был арсенал. Это потом башню перестроили под жилье… Так, есть выход на чердак. Надо только определиться, где их держат…

Стук в раму заставил Лотэ и Сэриэля подскочить на месте и, сшибаясь лбами, броситься к окну. За витражным стеклом виднелся смутный силуэт человека: явно не вражеского солдата, раз выбрал столь экстремальный способ познакомиться.

Осторожно приоткрыв створку окна, Лотэ с трудом сдержал радостный возглас, узнав свешивающегося сверху мужа. За спиной радостно ойкнул Сэри.

— Вы как, парни? — Спросил Баррэт. — Свяжите две простыни и дайте мне. А там я вас вытяну, только держитесь крепче!

Так и произошло. Юноши и сами не поняли, как оказались выдернуты на крутую крышу донжона. Здесь было тихо, темно и очень ветрено.

— Надо пройти еще немного, — раздался рядом знакомый голос. И парни опять подскочили, кинувшись обнимать племянника мужа.

— Да тише вы, придурки! — Задушено взвыл Рэниари, в панике хватаясь за Баррэта. — Упадем же! Давайте вон туда!..

И потянул за собой спасенных. Выбравшись на противоположный край, юноша легко перелетел бездонный в темноте провал и очутился на крыше более низкого соседнего здания.

— Сюда! — Негромко позвал он. — И вы в безопасности!

mir-knigi.org

Первым прыгнул Баррэт.

— Давайте, я словлю, — поманил он мужей. И Сэри, зажмурившись, перепрыгнул к нему, тут же заскользив по черепице ногами в слишком больших для него сапогах со-мужа. Но старший супруг легко поймал его и толкнул в сторону черного провала чердачного окна.

— Лотэ, давай! — Окликнул Барр второго мужа, но тот почему-то медлил. — Лотэ, что с тобой?!..

— Н…не знаю… — тихо отозвался тот. — Я… мне страшно…

— Что? — Непритворно удивился Сэри, по пояс высовываясь из окна. — Ты же никогда не боялся высоты! Помнишь, как ты стащил сушившиеся подштанники стражников и вывесил их на флагштоке отцовского замка? Ты же полез на такую высоту! Помнишь, как ты смеялся и кричал мне оттуда, что там красиво?! Ло, ты же никогда не боялся высоты!

Но брюнет только отчаянно помотал головой, изо всех сил зажмурившись. Он сам себя не понимал.

Темный провал между крышами притягивал его как магнит, заставляя терять волю и медленно сдвигаться все ближе к пропасти. Холодные струйки пота потекли между лопаток юноши, испарина обметала словно бы онемевшее лицо, но провал за краем крыши мягко тянул, шептал, завораживал… Лотэ уже ничего не мог сделать, он как зачарованный медленно шел вперед… как будто подобное уже когда-то было…

— Лотэ! — Внезапно сладкое очарование смерти разбил чей-то звонкий голос. И юноша, невольно вздрогнув, оторвал взгляд от заворожившего его провала.

На краю крыши напротив виднелся тонкий темный силуэт Рэниари, что оттолкнул за спину растерянного Баррэта и выскочившего из окна Сэриэля. На миг проглянувшие в разрывах туч луны зажгли его волосы живым золотом. И этот блеск словно отрезвил парня. — Лотэ! Если боишься прыгать, то оставайся там. Скоро тебя найдут и отведут в комнату. Но тогда и Баррэт, и Сэриэль вернутся к тебе. Хочешь этого? Вам с Сэри ничего не будет. Всего лишь отправят к родителям. А Баррэта казнят на ваших же глазах! Больше ему не позволят сбежать. Или затрахают до смерти!.. Ты этого хочешь? Тогда отойди назад, они оба вернутся к тебе!..

— Нет… Нет! — С трудом разжал челюсти Лотэ. — Я сейчас… Ловите меня!

И, пока не прошла решимость, прыгнул!

Он не долетел всего ничего… слишком поспешен и неловок оказался прыжок. Кончики пальцев лишь слегка чиркнули по черепице. И перед широко раскрытыми глазами Лотэ на миг застыл и тут же ухнул вверх край крыши. Парень даже не испугался, когда в ушах засвистел ветер, а сердце ушло куда-то под горло. Он только и успел раскрыть рот в беззвучном крике, когда жесткие пальцы больно смяли его левое запястье, прекращая падение. И тут же его потянули вверх, выволакивая на крышу. Напряженное лицо Баррэта белело даже в темноте. Старший супруг ничком лежал на черепице, а в пояс ему с двух сторон вцепились Сэриэль и Рэниари.

— Ты… помогать мне будешь… худенький?!.. — с натугой просипел Вориндо-рив, не отцепляясь от мужа. Только тогда пришедший в себя Лотэ активно зашевелился, выползая на крышу. И все четверо так клубком и ввалились в чердачное окошко, не разжимая объятий.

— Что… что произошло… — подал, наконец, голос Сэриэль, всем телом вжимаясь в своих мужей. Лотэ трясло так, что он и говорить то не мог.

— Все… все хорошо… вы здесь! Со мной! — Радостно шептал Барр, стискивая в объятиях ошеломленных супругов. Лишь чуть погодя парни оттаяли и набросились с поцелуями на старшего супруга, что-то невнятно ему объясняя. Немного отошедший от пережитого Рэниари лежал ничком на грязном полу чердака и глупо улыбался. Хоть этих удалось спасти!

— Я здесь… я рядом… и всегда буду рядом!.. — шептал меж поцелуями Барр, поглаживая животы прильнувших к нему Лотэ и Сэриэля. — Все… Все!..

Наконец, Вориндо-рив отстранил от себя мужей. — Надо идти! Скоро утро, а крепость все еще в руках врагов.

— Золотые слова! — Рэниари рывком сел прямо и посмотрел на успокоившихся супругов. В темноте было плохо видно, но в словах чувствовалась озабоченность. — Часть гарнизона закрылась в винных погребах, но большая часть заперта в казармах. И туда и туда есть потайные ходы. Барр, теперь дело за тобой.

Вориндо-рив задумался.

— Пожалуй, стоит освободить моих парней. — Сказал он. — Но помощь снаружи тоже не помешает. Сможешь вывести гонца за пределы крепости?

— Без проблем, — кивнул Рэниари. — Хочешь поднять морские флотилии? — С понимающей улыбкой уточнил он.

В темноте чердака не был виден оскал Баррэта.

— Хочу напомнить Ковуру, чем отличается свободная Цитадель от его владений, населенных крепостными крестьянами. У нас тут каждый воин, так что ударим разом и с двух сторон!

…За окном слегка посерело, на небе висела только одинокая Товитель, уходившая за горизонт с восходом солнца. Вывший всю ночь ветер стих. Внизу, во внутреннем дворе крепости солдаты все еще праздновали победу. С балкона покоев хорошо было видно, как развлекаются ландскнехты. Группки полуобнаженных вояк со спущенными штанами тут и там были разбросаны по освещенному факелами пространству: здесь, в крепости, оказалось много красивых мужчин и женщин, так что выбирать было из чего. Но сам лорд Круглого Холма был к подобной забаве равнодушен. За его спиной на постели лежало тело его брата, его маленького солнечного Аси. Единственного, кого жестокий и циничный воин любил всю свою жизнь, с самого детства.

Ковур знал, что его любовь противоестественна, что никто никогда, и прежде всего сам Асин, не примет их связи. Он всегда скрывался и скрывал свою страсть под покровом братской любви. Даже не женился сам, не в силах видеть рядом с собой другого. Вот и сына ему пришлось себе делать по контракту: почти ушедший в прошлое обычай временных браков, когда двое сходились на время и разбегались навсегда, получив желаемое. Он никогда не забывал своего прекрасного, веселого и милого младшего брата, который всегда считал старшего родича самым близким человеком на свете.

Знал бы Асин правду…

Ковур безразлично смотрел вниз, больше всего на свете боясь вновь увидеть мертвое тело возлюбленного.

Как же он ненавидел отца, что принял решение выдать младшего сына за соседа! Как ненавидел Гвиура, только за то, что тот забирает у него Аси. За страх брата перед свадьбой, за его слезы, что нужно выходить за нелюбимого! За вечные измены Гвиура, за его бастарда, за то, что Асин несчастен в новой семье!..

Если бы он только знал! Если бы делился с ним думами… Но после свадьбы веселого прежде юношу как подменили. Он стал сдержанным и скрытным. И это Ковур тоже ставил в вину Вориндо.

Тридцать лет…

Тридцать лет он ждал, когда вырастет и станет совершеннолетним Руин. Ждал, чтобы отдать Цитадель сыну брата и освободить Аси от ненавистного замужества. Больше всего лорду хотелось оставить братишку подле себя, жить с ним вместе… любить, заботиться… Но подобное было невозможным. Оставалось только устроить судьбу любимого, дать ему то, по чему он некогда сох. И вновь остаться одному, зная, что любимый наконец-то счастлив.

Он сделал для этого все.

И, получается, сам убил того, кто был Аси дороже жизни.

Как он мог быть так слеп?! Не увидел, не заметил, не понял…

Или не захотел понять?

Тешил себя удобными иллюзиями. И в результате брат мертв.

Когда же все пошло не так, как задумывалось? Сбежал проклятый Баррэт, насмерть разбился бастард Гвиура, исчезли заложники из башни…

В его руках могущественная Цитадель, сокровище из сокровищ, а ему все безразлично. Он победитель, но победа горчит на губах… Тот, ради кого все затевалось, больше никогда не улыбнется ему. А его проклятие жжет сердце.

— Милорд… — тихий голос одного из полевых командиров заставил Ковура очнуться от дум. — Мы проверили казармы… какое-то время назад там стало тихо. И мы осмелились открыть двери…

— И?.. — разжал губы лорд Круглого Холма, все так же глядя в никуда. Советник обреченно вздохнул за спиной, не понаслышке зная бешеный нрав хозяина.

— Там никого, — с дрожью в голосе ответил он, наконец. — Полная казарма гвардейцев и… никого! Как корова языком слизнула! И в винных погребах затихли.

— Я никогда и не сомневался в наличии потайных ходов, — холодно отозвался лорд, не оборачиваясь к советнику. — Видимо братец Гвиура освободил своих. Судя по тому, что пленники не могли этого сделать раньше, о наличии ходов они не подозревали. Значит, надо ждать удара в спину. Поднимай наших! Пусть заканчивают с праздником и натягивают штаны на положенное место! Я сейчас буду.

mir-knigi.org

Чуть слышно скрипнула дверь, знаменуя уход советника. А Ковур изо всех сил вцепился в перила балкона, набираясь сил, чтобы повернуться лицом к тому, кто лежал в глубине комнаты под легким шелковым пологом. Надо было жить дальше. Хотя бы ради того рыжеволосого, зеленоглазого парня, что называет его отцом. Он ведь специально выбирал мать наследника максимально похожей на младшего брата. Специально заключал столь архаичный брак с нищей дворянкой с севера, чтобы только родила и исчезла с глаз долой с заплаченными ей деньгами. Только бы никто и никогда не связал ее облик с обликом Асина, чтобы никто не заподозрил…

В полной тишине, окружавшей башню на такой высоте, загремели цепи подъемного моста. И тяжелая решетка входных ворот величественно поползла вверх.

Ковур неверяще уставился вниз. Они там что, совсем мозги пропили?!..

Но из темного зева тоннеля хлынули странные оборванцы, вооруженные абордажными саблями. И владели они своими тесаками на диво ловко, вмиг волной растекшись по всему двору и стенам. Командиры Круглого Холма отреагировали тоже достаточно быстро, выстроив панцирников в карэ. Но в спину пехоте ударили вырвавшиеся из самой крепости бывшие пленники замка, обозленные проигрышем и вооруженные до зубов. Залп из множества тяжелых арбалетов накрыл пехоту Ковура и рассеял тех, кто не успел организовать отпор.

Рыжий лорд хищно оскалился. Неплохой маневр, Баррэт-бастард! Никак свою растраханную задницу решил реабилитировать?!..

Ну, ничего, сейчас померяемся, чей *** длиннее!

Сорвав с плеч мешающий ему плащ, Ковур стремительно вышел из спальни, только на миг остановившись у ложа погибшего, чтобы бросить прощальный взгляд на любимое лицо…

…Баррэт, Рэниари и Лотэ с Сэриэлем стояли на вершине надвратной башни, наблюдая за схваткой внизу. Солдаты Круглого Холма медленно, но верно сдавали позиции. Полупираты-полуторговцы, моряки Цитадели привычны были резать глотки, отстаивая свое. А уж о разъяренных гвардейцах, вынужденных полночи отсиживаться под замком и говорить нечего. Людей душила ярость за свое поражение без боя. Так что у противника не было даже шанса на победу.

С диким, торжествующим ревом поток защитников смел последние островки сопротивления и растекся по крепости. И хотя солдаты Ковура дрались отчаянно — после того, что они натворили в захваченной твердыне, у них не было и шанса на пощаду.

По древним плитам Цитадели, помнивших еще эльфов, расплывались лужи крови, заставляя скользить и чужих и своих. Наконец, остатки врагов в панике бежали внутрь здания, надеясь там забаррикадироваться. Завывая словно демоны мести, за ними вперемешку устремились гвардейцы и моряки. И даже слуги тоже взялись за все подручные средства, стремясь добраться до глотки тех, кто их насиловал.

— Хорошая работа, — повернулся Баррэт к поднявшемуся на верхотуру Арриду Голубой Жемчужине. Старый морской охотник и один из самых авторитетных капитанов крепости только осклабился.

— Вы вовремя выпустили меня за стены, господа, — чуть поклонился он молодым людям, скалясь в хищной ухмылке. — Парни как раз собирались в море. Так что никого ждать не

пришлось. Все экипажи пошли на дело!

— Хорошо, — несколько отстраненно сообщил Рэниари тихим голосом. — Значит, все корабли готовы выйти в море… Заканчивай здесь быстрее, Барр! Надо спешить к Круглому Холму. Думаю, если мы перебросим войска морем, то сумеем сделать ооочень неприятный сюрприз ее обитателям!

— Ты?! — Вытаращился на племянника Вориндо-рив. Но юноша даже головы не повернул.

— Ковур привел всех, кого смог собрать, — пояснил он, вглядываясь в схватку внизу. — «Дядюшка» практически не оставил за спиной гарнизона. Его крепость оголена и беззащитна. И нам следует как можно быстрее разобраться с этим змеиным гнездом, пока они не укрепились. А «кузен» Сиорол нас с тобой не просто ненавидит, но и презирает, считая, что бастардам не место на земле. Или ты решил, что он простит нам смерть отца? Нет, надо решать эту проблему раз и навсегда. К тому сейчас не просто удачный момент, а единственно возможный. У нас нет больше мага, но и противник благодаря тебе тоже лишен магической поддержки.

Аррид только одобрительно крякнул, глядя в спину сына Гвиура, а Баррэт не нашелся, что ответить.

— Займетесь слугами и ранеными? — Спросил Рэниари супругов дяди. Те кивнули. — Только в драку не лезьте.

— Но лишний меч… — начал было Лотэ и тут же наткнулся на скептический взгляд юноши.

— Я не подвергаю сомнению твою подготовку, — мягко пояснил Рэниари насупившемуся брюнету. — В конце концов, тебя с детства учили сражаться. Но только не сейчас. Ты не забыл, что носишь ребенка? Так что лучше помоги привести замок в порядок.

— Хорошо, — нехотя кивнул Лотэ и в сопровождении со-мужа ушел с площадки. Пара гвардейцев, повинуясь чуть заметному кивку Баррэта, последовала за его супругами.

— Аррид, уточни, где скрывается Ковур, — так же негромко приказал Рэниари. И старый моряк, с уважением низко поклонившись, спустился вниз. Последние из Вориндо остались вдвоем.

И тут же Рэниари пошатнулся, ухватившись за высокий парапет. В глазах на миг потемнело, но юноша усилием воли сумел удержаться на ногах.

— Что с тобой?! — Тут же занервничал Баррэт, осторожно обхватывая широкими ладонями по-мальчишески еще неразвитые плечи племянника. — Тебе плохо!.. Рэни, не держи в себе!..

— Все в порядке! — С трудом, сквозь зубы прошипел Рэниари, присаживаясь на узкую каменную полку, предназначенную для стрелков. Перед глазами постепенно прояснялось. — Ничего страшного. Просто устал. Такая длинная и кровавая ночь…

- **********! — Мрачно выругался Барр. — Ты же еще совсем ребенок… И Гвиур…

— Не надо! — Приказал дядюшке Рэниари, решительно распрямляясь и с силой проводя по лицу ладонями. — Я буду переживать о смерти отца потом… не сейчас. Сейчас нельзя. Не то время.

— Что значит «не то время»?! — Возмутился порывистый Вориндо-рив. — Не думал, что ты настолько бесчувственный! Ты!..

— ПРЕКРАТИ! — Рявкнул в ответ юноша. И часто задышал, успокаивая сходящее с ума сердце. — Или ты думаешь, папе было бы легче, если бы я сейчас рыдал, забыв обо всем?! Спешу тебя «обрадовать», дядюшка! Еще ничего не кончилось! И нам с тобой предстоит сохранить Цитадель от тех, кто, пользуясь моментом, тут же протянет к ней загребущие ручки. Мы с тобой оба бастарды! И король с радостью оспорит наше право на титул, чтобы захапать графство себе! И еще… надо сделать так много! И только потом я смогу себе позволить оплакать отца!..

Глаза жгло, но слез не было. Наверное, он их все выплакал, когда страх когтистыми лапами разрывал грудь, там… на скале, когда он не знал, выживет или умрет.

— Прости меня, малыш! — Покаянно прошептал Барр, обнимая племянника. Тело бывшего мальчишки колотила крупная дрожь. — Прости! Только не надо носить все в себе… сожжешь душу… Мне тоже больно. Не бери все на себя…

— Не могу, Барр! — Отчаяние звучало в голосе Рэниари, пока он пытался успокоиться, уткнувшись лицом в твердое плечо родича. — Я должен что-то делать, если не хочу сойти с ума от безысходности… если хочу сохранить графство. Сохранить себя!

Отвернувшись, он несколько раз глубоко вздохнул, пока не вернул себе маску внешнего спокойствии.

— И еще одно надо решить, — проговорил Рэниари. — Кто из нас унаследует Цитадель. Притом, что в наших руках окажется вскоре и Крепость Круглого Холма. Будь мы в центральных, лояльных к короне провинциях, объединение столь крупных владений принесло бы нам герцогскую корону. Но здесь, на границе, ни король, ни подконтрольный ему совет никогда не дадут нам право на объединение. Значит, один из нас должен стать графом Вориндо, а другой новым лордом Круглого Холма. Думаю, на такое лорды Совета согласятся.

— Я неплохой воин, — грустно проговорил Баррэт, — но политик из меня никакой. А Цитаделью должен править политик, чтобы избегать подводных камней. Думаю, ты лучше всего подойдешь на это место… К тому же Совет с радостью клюнет на то, что тебя воспитывали как будущего младшего. На этом можно сыграть.

— Все не так просто… — нехотя проговорил Рэниари, не глядя на дядю. — Я Искра…

— Кто еще об этом знает? — Уточнил Баррэт после продолжительного молчания. Юноша неопределенно качнул головой.

— Князь Фейринель, — ответил он. — Именно он сообщил отцу… Принц… он меня активировал… И король, судя по тому, что наш столичный особняк штурмовали.

— Тем более именно тебе надо быть новым графом, — убежденно произнес Баррэт, переварив, наконец, что малыш Рэни легендарная Искра. — Тогда у тебя будет шанс говорить со всеми на равных!

— Ладно, потом все обсудим, — вид у Рэниари был сосредоточенный. В люк башни просунулась голова одного из гвардейцев.

— Милорды, — радостно сообщил он, блестя белозубой улыбкой на закопченном лице. —

Голубая Жемчужина сообщает, что нашел Ковура!

— И где эта тварь?.. — Лицо Баррэта искривила судорога ненависти, да такая, что мужчина не сразу смог разжать челюсти. Вориндо-рив в бешенстве сжал пальцы на рукояти меча, добытого в спальне погибшего брата. Рэниари внешне отрешенно замер подле дяди, тоже ожидая ответа.

— Он рядом с западной башней, — ответил солдат и в последний миг успел отскочить в сторону, когда зарычавший Баррэт бросился в указанную сторону. Очухавшийся от своего ступора Рэниари повис на плече дяди.

— Прекрати! — Заорал он в самое ухо мужчины. — Успокойся!..

— Я!.. — рычал Вориндо-рив, вырываясь. Его натиск смел бы хрупкого юношу в единый миг, но, слава богам, гвардеец сообразил помочь сыну покойного графа. — Дайте мне эту мразь! Поединок!..

Оглушительная пощечина, что отвесил дядюшке Рэниари, заставила мотнуться голову мужчины словно у куренка. И наступила тишина, прерываемая лишь далеким гулом схватки.

— Рэни… ты чего?.. — непонимающе смотрел на племянника Баррэт, держась за стремительно краснеющую щеку. — Ты же сам видел… Ты же…

— Я все видел и все знаю, — тяжело выталкивая из себя слова, проговорил Рэниари. — Но ты должен иметь ясную голову, если хочешь поединка. О Ковуре можно сказать все, что угодно, но… он ХОРОШИЙ воин! И если ты желаешь отомстить, то должен успокоиться. Ибо мстить будешь не только за СЕБЯ, а за всю нашу семью!

Какой-то миг они оба мерились взглядами. Но, в конце концов, Баррэт согласно склонил голову, признавая правоту младшего родича.

— Вот теперь идем, — кивнул юноша, убедившись, что Барр вновь вменяемый.

Они спустились во двор, пустой и безмолвный. Тела погибших в серых сумерках рассвета тут и там лежали неопрятными кучками. Но оба Вориндо, окруженные присоединившимися к ним гвардейцами, не глядя по сторонам, пересекли обширное пространство и вошли в главное здание. Время для скорби наступит позже.

Галереи, комнаты и залы крепости превратились в поле боя. Жители Цитадели лучше знали свой дом, но обширная крепость сыграла злую шутку со своими защитниками: Уцелевшие солдаты Круглого Холма то и дело выскакивали из самых неожиданных мест. Гвардейцам охраны приходилось принимать на себя удары отчаявшихся сторонников Ковура. Слава Матери Земле и Отцу Небу, что Баррэт не отвлекался на такую мелочевку, сосредоточившись на предстоящем поединке. В крови Вориндо-рива бушевало адское пламя ненависти, но сам мужчина не желал простой казни владельца Круглого Холма. Брат Гвиура желал поединка… хотел кровью врага смыть свой позор!

А Рэниари затопила усталость. Юноша уже не хотел ничего, кроме покоя. И может благодаря именно этой выматывающей усталости разум Рэни оставался кристально ясен. Юноша шел по крепости, не замечая ничего кроме врагов. Сумка с арбалетными болтами на боку становилась все легче и легче. Руки уже привычно вскидывали арбалет, выискивая цель меж спин гвардейцев, а ноги машинально делали очередной шаг вперед. Только холодное спокойствие… только цель в прорези прицельной рамки… только звонкий щелчок спускаемого крючка…

только вскрик жертвы… новый шаг…

Лорда Круглого Холма первым заметил Баррэт. И едва вновь не обезумел. Но легкое прикосновение узкой ладошки юноши отрезвил Вориндо-рива почище ушата холодной воды.

Рыжеволосый лорд в окружении всего лишь десятка солдат медленно пятился ко входу в башню под градом разнообразной утвари, что летела на него с верхней галереи, где окопались слуги замка. На глазах у Баррэта с Рэниари короткое, массивное бревно (и где только взяли?!..) всмятку раздавило шлем одного из захватчиков и сбило с ног другого. Сам лорд ревел от ярости и оскорбленной гордости, но никак не мог добраться до ненавистной черни. Его охрана таяла словно снег под солнцем. И до башни он добрался один.

Барр только губы скривил при виде бегства врага и стал нарочито неторопливо подниматься по винтовой лестнице. За ним тенью скользил Рэниари, опустив арбалет. Они оба ждали, что бывший родич устроит засаду на крутой лестнице, но этого не произошло. И Вориндо-рив вышел на широкую площадку, окруженную невысоким парапетом. Некогда, до перестройки замка, здесь стояли катапульты. Но когда Цитадель расширили, надобность в них отпала, и теперь здесь было тихо и пусто. Только ветер посвистывал, гоняя по серым плитам невесть как залетевший на такую высоту дубовый лист.

Лорд Круглого Холма, оставшись в полном одиночестве, стоял у дальнего края площадки, на удивление безмятежно взирая на своих врагов.

— Ну, надо же, — выссказался он, заметив среди гвардейцев золотую шевелюру Рэниари. — До чего живучий сучонок!

— Ковур, ты остался один, — в голосе Ворино-рива прорезались нотки сарказма, черные глаза гневно сузились. — Не хочешь сразиться один на один? Или предпочитаешь действовать только против беспомощных?

Баррэт ждал, что лорд начнет над ним глумиться. Но к его удивлению Ковур не стал вспоминать его бесчестье. Только медленно вытянул из ножен длинный клинок.

— Какой же ты еще мальчишка, — неожиданно ласково произнес он, задумчиво растягивая слова. — Хоть бы задумался — я ведь старше тебя мало что не на пол века. И все эти года я не просиживал штаны в кабаках. Не боишься умереть раньше времени?

— Я рискну!.. — улыбка Вориндо-рива была откровенно хищной. Ковур только головой покачал.

— Ну, как я могу отказаться от столь лестного предложения, — словно на королевском приеме произнес рыжеволосый лорд, положив меч на горизонт. — Лучше умереть с честью, чем позорно болтаться в петле.

— Твое слово — твое согласие, — Баррэт отвесил лорду Круглого Холма формальный поклон, салютуя обнаженным клинком. — Жаль, что ты сразу не согласился на поединок. Множество жизней бы сберегли!

— Нет, тебе не быть хорошим владельцем крепости! — Не сдержал усмешки лорд. — Надо же, сколько наивного благородства!

— Не стоит впустую тратить слова, — разжал губы Рэниари, отрешенно наблюдая за разговором. В душе у юноши был ад. И если бы не его добровольная узда, неизвестно, что бы он сотворил при виде убийцы отца.

Ковур внимательно всмотрелся во внешне безмятежное, завораживающе прекрасное лицо бастарда Гвиура.

— Вооот оно что!.. — протянул он. И вдруг поклонился. — Не ожидал! Приветствую нового графа!

— Не стоит пытаться нас поссорить, намекая на раздел наследства, — так же безмятежно отозвался Рэниари, не двигаясь.

— Нууу, попытаться стоило, — произнес Ковур и прыгнул, сразу нанося коварный удар из-под руки. Но Баррэт умудрился парировать. — Теперь ты можешь отомстить мне и за смерть брата и за свое бесчестье.

— Какое же это бесчестье? Всего лишь пытка, которой меня подвергли, — Баррэт стал тихо обходит площадку по кругу, не упуская из вида соперника. — Я это переживу. Интересно, а сам ты смог бы жить после подобного?

— Вполне, — просто отозвался Ковур. В его голосе больше не осталось эмоций. — Но теперь мне незачем и не для кого жить… Все, что я хотел… чего желал… этого больше нет. Правда, осталась возможность наслаждаться схваткой!

Его клинок змеей выметнулся вперед, обойдя меч противника. Не ожидавший нападения из столь неудобной позиции Вориндо довольно неуклюже ушел от выпада. Ковур же, легко изменив траекторию удара, едва не располосовал плечо Баррэта. Тому пришлось, упав, в перекате уходить от вражеского клинка. Не удержавшись, Ковур провалился в собственный удар, лезвие его меча со звоном отскочило от каменных плит, высекая праздничные искры. Но вскочивший на ноги Баррэт не успел воспользоваться своим преимуществом, некстати запнувшись о труп погибшего еще ночью часового.

Быстрый как белка Рэниари вскинул свой арбалет.

— НЕТ! — Яростно выдохнул Барр, бросаясь наперерез, и юноша нехотя опустил арбалет. Для него все происходившее было всего лишь судилищем, где приговор давно уже вынесен. Так какой смысл рисковать, играя в опасные игры?

Увернувшись от свистнувшего оружия, Баррэт занес меч над головой, с силой опуская его на противника. Но Ковур в последний миг заблокировал его выпад, умудрившись пнуть бастарда по ноге. Невольно охнув, Баррэт опустился на колено, закрываясь от удара сверху. Безусловно, лорд Круглого Холма был великолепным бойцом, с огромным опытом множества поединков, но на стороне его противника оказалась скорость и гибкость, что позволяло свести на нет все преимущества Ковура.

Их бой был и зрелищным и опасным. Но коротким. Когда сходятся мастера клинка такого уровня, все решают мгновения.

И удачливость…

Очередной выпад Ковура закончился, не начавшись. Все, что понял Рэниари, так это то, что Баррэт, на миг раскрывшись, подловил противника, пожертвовав поверхностным ранением. Клинок лорда распорол кожу на предплечье Вориндо-рива, разрезав куртку из бычьей кожи так, словно она была тонкой тряпочкой. Но это оказалось единственное преимущество Ковура. Ответный выпад Баррэта был ужасающ!

mir-knigi.org

Клинок меча из коллекции Гвиура располосовал грудь рыжеволосого лорда и отбросил того к самому парапету.

Ковур впечатался спиной в каменные зубцы и медленно сполз на плиты. Из уголков губ тут же поползли алые дорожки. Баррэт, чуть прихрамывая, сделал пару шагов в направлении захватчика и поднял руку с мечом, надвигаясь на свою жертву. Ковур с трудом оперся на руку и попытался встать, но не сумел. Единственное, на что его хватило, это перекатиться вбок, уходя от меча Вориндо-рива.

— Какой был план!.. — отчетливо просипел лорд Круглого Холма, привалившись целым плечом к парапету. — Какая задумка!.. И ведь у меня почти получилось!

— Подонок! — С холодным гневом произнес Баррэт, неумолимо надвигаясь на раненного противника. — Ты пустил на ветер все, чего добились наши отцы! Тридцать лет мира!.. И все сорвалось из-за одного говнюка! Сколько крови, сколько жертв!..

Но сумевший встать на ноги лорд только криво улыбнулся, гордо вскидывая голову. Что будет дальше, его уже не волновало. Он еще сумел парировать следующий удар, но сил больше не было. В груди сипело и клокотало, дышать становилось все труднее. Слабость накатывала волнами. Удивительно, что не было боли, только все усиливающийся холод вымораживал тело.

Зазвенев на плитах, выпал из руки вдруг потяжелевший меч. И Ковур, прижав к груди раненую конечность, невольно согнулся.

«…когда это он меня успел задеть?..» — лениво проплыла в сознании смутная мысль. Не было ни сил, ни желания жить. Ради чего?..

Но гордость заставила его выпрямиться. Шатаясь и размазывая по лицу кровь, Ковур нашел своего противника мутным взглядом. Тому тоже досталось. Младший брат Гвиура, весьма потрепанный, стоял напротив. Насколько Ковур помнил, он довольно сильно порвал парня, прежде, чем отдать солдатам. Цитадельский маг был убит Руином, так что Вориндо-риву явно неприятно двигаться. И все равно он сумел его достать!..

Что ж, жизнь кончена! Но прежде, чем полностью рассчитаться по долгам, стоит захватить с собой кое-кого.

Никто из присутствующих на площадке башни не ожидал броска вперед от смертельно раненого врага. Меч Ковура, отвлекая внимания, полетел в Рэниари. А сам лорд повис на растерявшемся Баррэте. Пальца лорда как клещи впились в плечи Вориндо-рива. И Ковур потянул на себя схваченного противника, вместе с ним заваливаясь назад, через низкий парапет башни. Барр судорожно пытался отодрать от себя обезумевшего противника, совсем позабыв про меч, что сжимал в руке. Волосы на затылке мужчины зашевелились от ужаса, когда он невольно бросил взгляд через плечо Ковура, узрев далекое подножие башни, куда им предстояло слететь!..

Все это произошло столь неожиданно, что свидетели схватки не сразу сообразили, что поединок превратился в банальное убийство. И бросились к замершим на краю слишком поздно. Лишь каким-то запредельным усилием Баррэт сумел вывернуться из рук лорда, разбив ему лицо рукоятью меча. В спину, руки и пояс Баррэта тут же вцепилось множество рук, отдергивая его от края. А тело Ковура, нелепо взметнув руками, перелетело через парапет и рухнуло вниз.

«…Аси… иду к тебе…»

Рэниари с трудом заставил себя отвести взгляд от парапета, за которым исчез тот, кто почти уничтожил его семью. Больше всего на свете юноше хотелось сейчас заплакать от безысходности. Но, пересилив себя, он повернулся к сопровождавшим их гвардейцам и капитаном. Надо было ковать железо, пока горячо. Время катастрофически утекало водой сквозь пальцы. Как только в столице узнают, что здесь произошло, ослабленная предательством Цитадель мигом окажется в новой осаде.

Разразившись целым залпом приказов, Рэниари решительно оттащил от края площадки ошеломленно замершего там Баррэта, что с огромным удовольствием взирал на тело врага далеко внизу, и заставил взять на себя организацию гвардейцев для нападения на Круглый Холм. Аррид уже умчался к кораблям готовить их для войск. Появившиеся Лотэ с Сэриэлем доложили, что Цитадель очищена от врагов, раненые устроены, а слуги начинают уборку.

Посоветовавшись с дядей, Рэниари решил повторить тактику ныне покойного Ковура и оставить в крепости минимум защитников: судя по всему, в Крепость Круглого Холма был отправлен только один гонец с сообщением о победе. И о дальнейших событиях там вряд ли предупреждены.

Раздав все указания и загрузив всех работой, юноша вернулся в свои разгромленные покои. Было странно видеть с детства привычную обстановку. Все вокруг воспринималось словно сквозь призму сна. И равнодушно пробравшись сквозь разгромленные комнаты, Рэниари добрел до маленького комода в углу гостиной, где нашел пару глотков тонизирующего бальзама. В свое время Чассир Серый предупреждал его не злоупотреблять этим зельем, но сейчас у юноши просто не было выбора. Нужно было быстрее восстановить силы и пережить после тяжелой ночи не менее тяжелый день. Это тебе не после тренировок с ножами восстанавливаться… или не готовиться танцевать на балу до упаду!

Выйдя из комнат, Рэниари вновь спустился во двор, наблюдая за деловой суетой. Уже достаточно рассвело, чтобы можно было обходиться без факелов. Жуя кусок хлеба с сыром, что сунула ему одна из служанок, Рэни корректировал суету вокруг себя. Как-то незаметно оказалось, что все в крепости стали обращаться за распоряжениями именно к нему, а не к Баррэту. Даже малознакомые капитаны больших океанских кораблей шли за советом к семнадцатилетнему подростку. И в другое время Рэниари бы запаниковал, но только не сейчас. Уставший от пережитого, подхлестнутый магическим стимулятором мозг работал без перебоя, принимая все вокруг как должное. И люди без колебаний бросались выполнять четкие распоряжения сына графа, забыв о его возрасте и воспитании младшего.

— Пора, — сообщил, наконец, Аррид Голубая Жемчужина, выбранный дуайеном всех морских капитанов.

— Все готово! — Отрапортовал Баррэт, вставший во главе гвардейцев Цитадели. Лотэ с Сэриэлем оставались в крепости вместе с крошечным гарнизоном, обеспечивать порядок.

И новый граф Вориндо поднялся на палубу океанского барка, чтобы закончить старую вражду между двумя семьями…

… Эккуар князь Фейринель обожал начало лета. Именно сейчас распускались ирисы. Изысканно красивые цветы, с чуть горьковатым, таким освежающим ароматом. Сад княжеского дворца в столице утопал в разноцветных ирисах, на которые можно было любоваться часами. Эккуар лишь надеялся, что его будущий супруг Рэниари разделит с ним эту страсть к прекрасным цветам. Как-то Фейринель не особо любил розы, но готов был ради

Искры потерпеть их приторный аромат.

Властитель княжества наслаждался утренними видами, стоя у окна своего кабинета. Со дня на день Эккуар ожидал согласия Рэниари на предложение стать его мужем. В том, что гордый мальчишка выберет именно его, а не принца, князь не сомневался. Он даже был доволен тем, что произошло с будущим женихом в столице. Жестокий урок, но теперь мальчик с радостью бросится в объятия к тому, кто поймет, посочувствует и подарит ему свое внимание.

— Государь, — тихий голос Сарола Эзд Ралода прервал сладостные мечтания князя, в которых обнаженный, прекрасный как сам грех Рэни дарил ему свое тело среди распустившихся ирисов. — Пришли сообщения от наблюдателей.

И маг с поклоном протянул на подносе свиток.

— Почему так поздно? — Недовольство так и хлестало из князя после прочтения свитка.

— Это еще не все, — сообщил маг. — Из Меайры выстраивают портал. Видимо часть королевской гвардии вскоре окажется у стен Цитадели. Остальные войска будут отправлены каскадными порталами. Я взял на себя смелость тоже готовить портал до владений Вориндо.

— Правильно сделал! — Сказал князь, вызывая слуг. — Коня и доспехи!.. Отец Небо, как все не вовремя! Если Рэниари унаследует титул отца, все может осложниться!..

…Принц ворвался в кабинет Сорондо III словно буря.

— Это правда?!.. — с самого порога начал Эдмир, даже не поприветствовав никого. — Цитадель захвачена?!

— Уже нет, — спокойно отозвался король, с понимающей улыбкой встречая болезненное нетерпение сына. Сидевший тут же в кресле лорд Итарон остался внешне безучастным, только глаза чуть прикрыл, рассматривая из-под густых ресниц взволнованное лицо наследника. — Мои информаторы сообщили, что крепость захватили предательством. Все произошло очень быстро. Но прежде, чем мы смогли перебросить туда войска, цитадельцы освободились сами. Граф Вориндо погиб. Как и его супруг вместе со старшим сыном.

— Рэниари?.. — непослушными губами выговорил Эдмир, холодея всем телом. Король успокаивающе улыбнулся.

— Он жив. И встал во главе графства вместе со сводным братом своего отца. И это открывает для нас великолепные перспективы.

— К темным богам все твои интриги! — Радостно вскричал принц, подскакивая в кресле. — Главное, что он жив! И он будет моим!..

— Успокойся, — веско произнес король. — Если ты хочешь получить желаемое, то мои, как ты говоришь, интриги помогут в этом. Поднимай гвардию и отправляйся телепортами в Цитадель. И помни — ты идешь как союзник нового графа. Придержи пока при себе свои матримониальные планы.

Эдмир недовольно скривился. Но отец хлопнул ладонью по столу.

— Я сказал — не торопись! — Повысил он голос. — Сначала надо разобраться, что там и как.

Если графом стал брат Гвиура, то ты можешь предложить своему мальчишке титул фаворита. Тогда твоим женихом по-прежнему остается молодой Ваоттиро. И нам достается его герцогство. Хотя… придется потрудиться, чтобы сделать официальными наследниками твоих будущих детей от Рэниари… ох, проблемы, проблемы!.. Если же именно сын Гвиура примет на себя титул… тут придется рвать прежнюю помолвку и идти на конфликт с Аминелом из-за отказа его сыну. Слишком уж жирный куш Цитадель в придачу к Искре. Но упустить его нельзя. По моим сведениям — активно готовилась свадьба твоего любовника с князем Фейринелем.

— Да не бывать этому никогда! — Ярость выплеснулась из принца огненной волной. — Да я!..

— Я сказал СЯДЬ! — Оборвал сына король. — Потому и подгоняю тебя, чтобы ты очутился под стенами Цитадели раньше или хотя бы одновременно с Фейринелем. Нельзя допустить, чтобы графство ушло в загребущие ручки князя, да еще и с Искрой в придачу. После такого он сможет претендовать на королевскую корону! Да еще и отрежет нас от торговых путей со стороны океана. Ты напомнишь новому графу, что его титул должен быть утвержден Советом лордов. Сильно не дави, главное, чтобы наследник согласился следовать закону. Надо выманить его в столицу, а там… есть у меня пара задумок. Видимо, все-таки придется рвать с Ваоттиро. Все, отправляйся! Итарон пойдет с тобой!

Блеснув белозубой улыбкой, счастливый Эдмир умчался из кабинета. А король устало откинулся на спинку кресла.

— Сколько трудностей… — пробормотал он, закрыв глаза. — Более чем уверен, что мы теряем герцогство. Помолвку с Дорианом надо прекращать. Мало того, что он категорически не нравится Эду, так еще мне пришлось бы принудительно лишать его возможности родить наследников, чтобы они не конкурировали с сыновьями Искры. А герцог не тот человек, чтобы стерпеть подобное. Возможно наши внуки сумеют пожениться… Но как мне сообщить об этом Аминелу? Сын для него все… как и для меня мой.

— Может сказать правду? — Тихо предложил маг, но король только отрицательно качнул головой. — Никто не должен раньше времени узнать, что мальчик Искра, иначе мы его упустим. За такой приз многие захотят пободаться. Нет, стоит придумать что-то другое… Ладно, потом определимся, сначала надо заманить мальчишку в столицу.

Глава 10

Как ни старался Эдмир забыть свое златовласое наваждение, ему это не удавалось. Всю неделю после неожиданного отъезда графского семейства из столицы (по сути бегства), его высочество не находил себе места. Он стал замкнут, нелюдим. Откровенный триумф Дориана доводил его до зубовного скрежета. Принц с трудом терпел жениха, это заметил даже двор. До аристократов наконец дошло, что не так все радужно со свадьбой наследника, как им желали показать. И недоумевающий Дориан, раздававший будущие авансы вертевшимся подле него подхалимам, обнаружил, как незаметно, но тем не менее стремительно тает его окружение. Придворные предпочитали переждать время в стороне, чем вызвать неудовольствие Бешеного принца. К тому же поползли осторожные слухи, что еще ничего не решено, и что объявленная помолвка вполне еще может быть разорвана. Достигнув ушей Дориана, они вызвали самую настоящую истерику последнего, которую он устроил Эдмиру. Но если раньше слезливые разглагольствования жениха вызывали в принце ярость и желание отыметь привязчивого герцога, то в этот раз Эд всего лишь брезгливо поморщился и уехал в загородный дворец.

Попытки старшего Ваоттиро переговорить с будущим зятем тоже ни к чему не привели. Его

высочество, выслушав доводы примчавшегося к нему отца Дориана, равнодушно ответил, что он этой свадьбы не желал и не желает, а всего лишь подчинился отцу и политической необходимости. И будущим родственникам придется смириться с таким положением дел. Так что герцогу Аминелу пришлось успокаивать рыдающего сына, до которого наконец дошло, что так упорно добивавшееся замужество будет далеко не радужным.

Переговоры с королем закончились примерно так же. Сорондо виновато разводил руками и заявлял, что любовь по приказу невозможна. И что Эдмир не отказывается от брака, только желает свести все контакты к минимуму. В конце же разговора король осторожно намекнул Дориану о возможности прекратить помолвку, пока не поздно, и за хорошую компенсацию в виде торговых льгот. Но младший герцог, у которого мгновенно высохли от слез глаза, решительно заявил, что не отдаст Эдмира никому и никогда. На том разговор и увял.

Сам Эдмир только время от времени появлялся при дворе, но никогда не смотрел в сторону так называемого жениха и не отвечал на вновь начавшиеся заигрывания придворных. Переговорив с отцом или проведя очередную ревизию гвардии, он вновь исчезал в своем загородном дворце. Даже тетушки, с которыми он раньше обожал поболтать обо всем на свете, ничего не могли поделать. И так же категорично принц отверг присутствие подле себя Вэона, которого ему пытался навязать обеспокоенный поведением сына король. Впрочем, герцог и не настаивал. Лоран как никто другой понимал его высочество, и даже притормозил порыв друзей принца навязаться к нему в гости с целью совместно развеяться.

…Известие о захвате Цитадели встряхнуло принца, да так, что он вихрем промчался по королевскому дворцу, поднимая гвардию. Были отправлены приказы к армейским частям, обязанные присоединиться к его высочеству с помощью каскадных порталов. В то время как гвардия шла прямым — сообщение о возможной свадьбе Рэниари с князем Фейринеля довело Эдмира едва не до бешенства. И он желал, появившись под стенами Цитадели, обеспечить себе перевес в силе, чтобы на корню пресечь любые трепыхания как со стороны независимых соседей, так и со стороны строптивого мальчишки. Брать Рэниари силой принц не хотел, надеясь договориться полюбовно. Но в случае сопротивления был готов и на такое.

…Серебряный частый гребень легко скользил в волосах, нежно разбирая пепельные пряди. Ее высочество Лаурэ обожала причесываться сама. Но не любила делать прически. Поэтому по заведенному давным-давно ритуалу служанки принимались за волосы своей госпожи, когда та откладывала гребень, вдоволь им натешившись.

Но этим утром принцесса не торопилась отдаться в руки прислуги. Пронырливые камеристки уже вывалили на нее свежие сплетни двора, начиная с той, где наследник престола ни свет ни заря примчался к королю, а затем исчез, забрав с собой гвардию. В другое время эта новость не прошла бы мимо внимания ее высочества, обожавшей племянника, но сейчас мысли Лаурэ были заняты кое-чем иным. А именно крошечной сплетней, незаметно проскользнувшей в ворохе более значительных новостей. Но для юной женщины именно она стала главной.

Ветреный красавец Валиэль Коразз нашел новую любовь, легко расставшись с прежним любовником маркизом Деззионом. Старик, кудахтая, носился по всей столице, разыскивая неверного возлюбленного, а того как корова языком слизнула. Который день не появляется при дворе. Смешливые служанки преподнесли это сообщение как забавный курьез, похихикав над влюбленным в юношу немолодым вельможей, а сердце ее высочества в очередной раз сбилось с ритма.

Никто не знал, что высокородная, умная и великолепная Лаурэ Келлиадир безответно

влюблена в легкомысленного красавца барона, друга ее племянника, моложе принцессы весьма на много.

Лаурэ прекрасно понимала, что их связь невозможна. Еще бы — дочь и сестра королей, и мелкий барон!.. Но всякий раз обмирала в страхе, когда Коразз менял очередного любовника. Принцесса боялась, что однажды ее Валиэль встретит кого-то, кто навсегда заберет его у нее. Ее высочество не волновали мимолетные увлечения барона, но его постоянную привязанность Лаурэ не желала терпеть, пока оставалась хотя бы призрачная надежда, что когда-нибудь этот юноша станет ее пусть не мужем, но любовником.

Откинув за спину расчесанную до сверкающего великолепия пепельную гриву с двумя белоснежными височными прядками, принцесса отложила наконец-то гребень, разрешая служанкам закончить прическу, а сама погрузилась в мучительные раздумья — как в очередной раз узнать, кто увлек Валиэля. И не грозит ли новое увлечение любимого мужчины катастрофой всем ее тайным планам.

Эти мысли отравили ее высочеству все утро, да так, что она даже пропустила завтрак с семьей, приказав накрыть себе легкие закуски в уютной беседке у одного из проточных прудов в королевском парке. Низко нависающие ветви старых ив скрывали принцессу от гуляющих на другом берегу придворных. У столичных аристократов было не в чести вставать рано, но внезапное прибытие принца и его же столь же внезапное отбытие с гвардией многих подняло на ноги.

Попивая горячий отвар из сладко-пряных южных трав, Лаурэ незаметно для других разглядывала нездоровую суету придворных. Утреннее платье ее высочества из серебристо-салатового легкого шелка прекрасно маскировало присутствие женщины, давая ей возможность оценить новые перестановки при дворе. Вот мелькнул Дориан, как всегда одетый с помпезной пышностью, что, впрочем, этому мальчику шло. Лаурэ была за свадьбу племянника с сыном герцога Ваоттиро. Эду и нужен именно такой младший супруг — красивый, заводной, глупенький. Что не будет лезть под руку будущему королю, занимаясь нарядами, собой и балами. Принцессе казалось, что Эдмир делает большую ошибку, отталкивая Дориана от себя. Пусть даже жених и не нравится, трудно ли сделать вид, что очарован? Тогда влюбленный мальчишка с рук будет есть и закроет глаза на походы будущего мужа налево.

Хотя…

Принцесса невольно нахмурилась: в последние дни Дориан стал демонстрировать нездоровую активность. Пытался даже навязать жениху свое мнение. Не потому ли Эдмир предпочел уехать в загородный дворец? Да еще эти слухи о предложенном титуле фаворита сыну графа Гвиура.

Лаурэ не была свидетелем встречи племянника с кандидатом в первые любовники, но то, что мальчишка посмел отвергнуть столь лестное предложение, ей не понравилось. Титулом фаворита не разбрасываются, тем более бастарды! Значит, парень желает большего, ведя свою рискованную игру. Видимо этим мальчиком движет жадность, раз мало показалось. Взбаламутил весь двор, заставил Эдмира унижаться…

Ни разу не встретившись с младшим сыном властителя Цитадели, принцесса уже была к нему негативно настроена.

Оооо! Наконец-то!

Ее высочество неприкрыто оживилась, увидев на том берегу объект своих тревог.

Красивый молодой человек, с нарочито небрежно связанными в низкий хвост пепельными волосами, вынырнул из боковой аллеи и со спины подкрался к одной из дам двора, сжав ее в объятиях — недопустимая по сути вольность по отношению к незамужней аристократке, но весельчаку барону многое прощалось.

Девушка вскрикнула от неожиданности, шустро развернулась в объятиях и лицом к лицу столкнулась с главным бабником столицы. Лаурэ не могла сдержать усмешки, когда фрейлина, даже не покраснев, нарочито возмущенно попыталась отвесить рассмеявшемуся Валиэлю легкую пощечину. Но тот, картинно упав на колени перед ничуть не смущенной красоткой, засыпал ее комплементами и тут же быстро удрал, как только завидел стайку восторженных девиц, направлявшихся в его сторону.

Не выдержав, принцесса негромко рассмеялась, ставя на столик опустевшую чашку. Этот шалопай все такой же легкомысленный, как и раньше! Слава богине Матери, его сердце все еще свободно от настоящей привязанности. Наверняка, опять провел пару ночей в чьих-то объятиях, а затем в очередной раз сбежал, когда любовник или любовница надоели.

Что она будет делать, если барон все же влюбится, Лаурэ не знала. Ей лишь оставалось вздыхать по своему возлюбленному, тайно наблюдая за ним издалека и надеясь, что очередное увлечение Валиэля не станет для него чем-нибудь более серьезным. Этого принцесса не стерпит. Либо он будет ее, либо не достанется никому. И она сделает все, чтобы разбить любую его привязанность на стороне. Вот только придется сильно постараться, чтобы сам Валиэль не догадался, чьих рук это дело, а то никогда не простит. Ну, да, ума ей не занимать…

…Размышляя о бароне Кораззе, ее высочество совсем упустила из вида понурившегося жениха племянника.

Дориан стоял у самой кромки воды, не обращая внимания на развлекающихся придворных. Ранее всегда бывший в окружении тех, кто искал его внимания, теперь жених принца почти всегда был один. Что его бесило неимоверно. Юноша не привык, чтобы его не замечали. И как назло молодой Ваоттиро, узнав о приезде во дворец принца, не смог с ним поговорить и хоть как-то изменить новое положение вещей: Эдмир уехал слишком быстро, даже к нему не заглянул, чего требовали все приличия.

Нет, определенно нужен прямой разговор, как только неверный супруг вернется. В конце концов, скоро их свадьба! Он больше не потерпит игнорирование двора. Будущий муж должен всем продемонстрировать, что они семья!..

…Небольшие садовые ножницы, специально сделанные по руке, звонко щелкали, обрезая лишние бутоны. Ранние летние розы окружали высокого черноволосого и черноглазого юношу лет восемнадцати-двадцати по меркам чистокровных людей. Что для потомка эльфов соответствовало почти совершеннолетию.

И впрямь, через пару месяцев ему будет ровно тридцать лет.

Полное совершеннолетие.

Племянник короля граф Айрэ Келлиадир гибко распрямился и присел на пятки среди кустов роз, откинув со лба выбившиеся из прически прямые, тяжелые пряди. Слава Отцу Небу — в

этой части парка его вотчина, и никто из навязчивых придворных сюда без надобности не войдет. И не укажет на нарушение этикета. Впрочем, никто при дворе не воспринимал юного графа как хоть немного значимую фигуру, так что ждать замечаний не приходится.

Айрэ тихо вздохнул. Ему грех жаловаться на судьбу, учитывая, что он вообще мог не появиться на свет. Вот уж, правда — не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы не война, его родители никогда бы не встретились. Немыслим был союз принцессы крови с безродным бродягой наемником. Но молодой Фаторан, пришедший в королевство за солдатской удачей, неожиданно оказался в центре затяжного конфликта с извечным соперником Хилдона — западным королевством Мисиран. Как говорили очевидцы, тогда полыхала в огне половина страны. Соседи с севера и востока тоже не отказались поучаствовать в дележке. И королевская армия под командованием Сорондо III Келлиадира не могла сдержать натиска со всех сторон сразу. И в этом аду молодой, никому не известный наемник сумел сплотить отступающие от западной границы части, в пух и в прах разбив не ожидавших такой подлянки врагов, по пути освободив из плена захваченную мисиранцами принцессу Мэлмэ Келлиадир.

Молодой солдат, оказавшийся гениальным военачальником, и сестра короля влюбились друг в друга так, как бывает только в сказках. И король Сорондо не был против их брака, рассчитывая крепче привязать к своему клану столь талантливого солдата. А так как у Фаторана не было титула, король личным указом позволил ему войти в свою семью и разрешил носить имя Келлиадиров.

Блестящее будущее, блестящие перспективы…

Но в последнем бою новоиспеченный граф, супруг принцессы, пал смертью храбрых, лично возглавив атаку тяжелой конницы, что склонила победу в сторону Хилдона. Разбитые, деморализованные мисиранцы вынуждены были отступить на свою территорию. Вот только для недавно родившегося Айрэ ничем хорошим эта война не кончилась. Потеряв отца и мать, что не перенесла гибели любимого, мальчик остался всего лишь придатком к своим знатным родственникам. Нет, его в семье любили, даже баловали. Но как политическая фигура он ничего из себя не представлял. Даже собственных владений у Айрэ не было. Все, чем он мог бы владеть, было подарено дядей и находилось до совершеннолетия наследника под управлением короля.

Какое-то время Сорондо надеялся, что племянник унаследует воинский талант отца, но Айрэ пошел характером в мать — тихую и нежную. И маленького графа принялись воспитывать для роли будущего младшего супруга, все внимание сосредоточив на его буйном и воинственном кузене, принце Эдмире. Айрэ не возражал, ему нравилась незаметная, размеренная жизнь. И он был благодарен дяде, что в будущем ему не придется решать глобальные задачи, а можно будет заниматься только домом, детьми и мужем.

Но жизнь внесла свои коррективы. И недавний разговор с Сорондо не принес юноше ничего, кроме дикой тоски, которую он привычно скрыл под маской почтительности.

Айрэ, не смотря на свою невоинственность, обладал достаточной наблюдательностью и умом. И в отличие от многих придворных умел анализировать. Отдавая дань уважения двоюродному брату, признавая его таланты военачальника и будущего правителя, юноша не мог не видеть, что избалованный вседозволенностью Эдмир растет настоящим эгоистом, порой даже жестоким к окружающим его людям. А Сорондо, ослепленный любовью к единственному сыну, частенько идет у него на поводу, ставя желания наследника превыше всего прочего.

Вот и сейчас, предвидя скорый разрыв с Дорианом, король призвал племянника, чтобы с

помощью него получить лояльность западных земель на границе с Мисираном, раз уж герцогство Ваоттиро уплывало из рук.

— Скоро ты станешь совершеннолетним, — сообщил король в приватной беседе юноше. — На твой день рождения я дарую тебе титул маркиза и передам под твою руку поместье в Центральных провинциях. А так же спешу сообщить, что начинаю переговоры о твоем замужестве с герцогом Лиссаэроу. Нам нужен союз с пограничными землями. И лучше всякого договора будет брак одного из лордов приграничья с членом королевской семьи. Так что готовься вскоре познакомиться с будущим мужем. Конечно, свадьба не свершится раньше зимы-весны, но помолку заключим как можно быстрее…

Айрэ вновь поднес ножницы к крохотному бутону и щелкнул, отрезая его. Чтобы цветок был крупным и душистым, все лишнее должно быть удалено…

Обидно.

Он с самого детства знал, что его удел политический брак. Но все равно обидно. Эдмиру можно разбрасываться женихами, отвергать выгодные союзы, а ему…

И что самое неприятное — сердце Айрэ уже занято.

Юноша тяжело вздохнул и уронил на колени руки, измазанные травяным соком.

Лоран.

Герцог Вэон. Острослов, первый клинок королевства. Тот, с кем можно говорить обо всем на свете!

Волосы цвета расплавленной меди, карие глаза, могучее тело, от которого с ума сойти можно.

Да за что мне это все, Отец Небо!

Влюбиться без памяти в того, с кем брак невозможен!

Теперь, когда назревает разрыв с женихом Эдмира, он, Айрэ, единственный гарант лояльности западных земель королевства. Тетушек туда не выдашь — почти все владетели давно в возрасте и женаты. А те, что остались холостыми, предпочитают в постели юношей. Да и сам Лоран… Одно только, что титул герцога. А земельные владения крошечные, на доходы с них и прожить то невозможно, не то что поддерживать блеск семейного титула. Вот и вынужден герцог выполнять различные поручения короля, вместо того, чтобы заседать в Совете Лордов. Дяде от такой свадьбы никакой пользы, потому то и не одобрит он эту свадьбу.

И терпел Айрэ, скрывая свою любовь к статному красавцу, потому как не было у них двоих будущего. Уж лучше пусть Вэон относится к нему чисто по-дружески, опекая как младшего братишку, чем замкнется рядом с ним, страдая от невозможности любить.

Сколько там ему еще отмерено быть рядом с любимым? Два месяца?.. Четыре?.. Или пол года?..

Айрэ упрямо мотнул головой.

Нет, он ни за что не признается любимому. Это только его груз…

Тем временем предмет переживаний ее высочества весело проводил время в объятиях

mir-knigi.org

любимого, ловко пробравшись в особняк Деззионов, после того как засветился при дворе. Пускай недоброжелатели (сиречь — обманутые мужья!..) поищут его среди запутанных аллей королевского парка!

— …О…да…да…вот…так!.. — стонал привязанный за руки к кровати юный Карлаэль, подаваясь бедрами навстречу горячим губам любовника. Валиэль вскинул голову, отрываясь от своего занятия, и мутными от страсти глазами посмотрел на красивое, изгибающееся перед ним тело маркиза.

Как прекрасно!

Напряженные руки с буграми бицепсов, усиленные тренировками пластины мышц на груди, темные ареолы сосков, впалый, тоже напряженный живот, узкая талия и мощные бедра прирожденного воина! Ни капли жира… мечта, а не любовник! Это вам не рыхлое, нежное тело женщины, которое и сжать то страшно. Так упоительно ощущать под руками твердые, хорошо накаченные мышцы сильного мужского тела… ласкать его пах с неожиданно мягкими светлыми волосками!

Маркиз, глаза которого были прикрыты черной повязкой, не видел, по какой причине его возлюбленный прекратил ласки, и метался по постели, пытаясь достичь разрядки. Не выдержав напряжения, Карлаэль до крови закусил нижнюю губу, натягивая шелковые путы, пытаясь вырваться, но барон вязал на совесть. И юноша мог лишь обессилено вздрагивать, когда жадные ладони любовника ласкали его пах, разминая тугие шары ягодиц. Одновременно сильные и такие нежные пальцы Коразза сомкнулись на достоинстве возлюбленного, кольцом скользя вверх-вниз по напряженному стволу. Карлаэль охнул в полный голос, выгибаясь дугой и требуя большего. Валиэль, тоже не на шутку заведенный их играми, проехал всем телом по маркизу, давая тому прочувствовать свое возбуждение, пощекотал кончиками пальцев выступающие ребра любимого, и с силой втянул в рот левый сосок Деззиона: ему так нравилось дразнить возлюбленного!

Маркиз вновь вскрикнул, даже не стараясь сдерживаться. Да кто их услышит? Слуги? Ну, так они хорошо выдрессированы и без разрешения в комнаты господ не суются. К тому же Карлаэль в свое время не поленился потратиться магу, и тот наложил на его спальню магический полог, не пропускающий посторонние звуки вместе с очищающим заклинанием. Так что никто не смог бы унюхать в его покоях запах страсти, что не раз спасало проказливого маркиза от выговора моралиста отца.

Кстати, хорошо, что отец рано утром уехал в имение и вряд ли вернется раньше, чем через пару дней. Потому-то барон так спокойно и пробрался в особняк Деззионов и теперь вознаграждал своего возлюбленного за долгое ожидание.

Отпустив измученный сладкой пыткой сосок маркиза, Валиэль принялся зацеловывать грудь и живот любимого, намеренно не обращая внимания на то, как яростно трется об него тело блондина, как напряжен его член… Но вредный барон, в наказание за то, что два дня не мог попасть в эту спальню, только дразнил языком ямочку пупка Карлаэля, придерживая того за ходившие ходуном бедра.

Метавшийся под ним маркиз даже не замечал, что лаская его тело, Валиэль уже давно массирует судорожно пульсирующее колечко входа. Сильные пальцы барона нежно гладили любимого внутри, время от времени чуть касаясь самыми кончиками твердых долек простаты, отчего невменяемый Карлаэль начинал совсем уж бешено метаться по постели, жадно хватая горячий воздух пересохшим ртом. Тогда Валиэль тут же прекращал ласку, вжимаясь лицом в

пах любовника, целуя и покусывая внутреннюю поверхность его бедер, и лишь понимающе ухмылялся, слыша над собой невнятный мат. Но стоило блондину вновь чуть-чуть успокоиться, как пытка продолжалась вновь.

— Вали… ну, возьми… не мучь… — бедняга Карлаэль был уже на все готов, лишь бы получить облегчение. И Валиэль внял мольбам.

Погрузив в рот член партнера, барон вобрал его как можно глубже, расслабляя горло и скользя по гладкой кожице покрасневшими губами, обводя языком каждую набухшую венку. Затем, помогая себе руками и быстро двигая головой вверх-вниз, Валиэль заставил любимый наконец-то с протяжным криком излиться. Вырывающийся из своих пут Карлаэль дернулся, вскидывая бедра как можно выше, и… обмяк, получив то, что желал.

Безропотно проглотив дар любимого, и стерев с уголка губ жемчужные капельки, Валиэль встал на колени меж широко разведенных, все еще подрагивающих ног маркиза, благоговейно лаская ладонью плоский живот блондина и проходясь кончиками пальцев по полуопавшему члену. Его страстный Кар вновь тяжело задышал, ощутив накатывающее возбуждение: все-таки тот эликсир, что предложил маг, действительно оказался хорош. Раньше на такой марафон они не замахивались, а теперь из постели хоть сутками не вылезай!

Щедро добавив масла на пальцы, барон убедился, что партнер уже достаточно растянут, и, закинув на плечи ноги маркиза, одним плавным, слитным движением в него вошел. Карлаэль чуть напрягся, пережидая неизбежно неприятные мгновения, и тут же облегченно расслабился, когда Вал замер, давая ему время привыкнуть.

Потянувшись к шелковым лентам, барон дернул за кончики, и хитро завязанные узлы тут же послушно распустились, выпуская на свободу пленника. Затекшие в неудобном положении руки блондина упали на постель. Карлиэль даже не сделал попытки их размять, полностью поглощенный чувством наполненности. Но Вал, склонившись над любимым, нежно, совсем невесомо поцеловал того в губы, скручивая в тугой узел свою волю, чтобы не начать яростно двигаться в жарком теле: его мальчику надо отдохнуть даже не смотря на зелье. И перецеловал, попутно разминая, красные отметины от шелковых пут, заодно сняв повязку с глаз блондина.

— Это тебе… за два дня… ожидания!.. — с трудом просипел барон, чувствуя, что еще миг, и он сойдет с ума от тугого жара Карлаэля. Тот понимающе улыбнулся и скользнул ладонями снизу вверх по мокрой от пота груди нависшего над ним любовника.

— Двигайся!.. — шепнул с хрипотцой, и Валиэль, не выдержав, навалился на него, бешено работая бедрами.

— Хочу тебя!.. Всегда… хочу! — Рычал барон, смачно впечатывая себя в любимого. — Мой!..

Но закативший глаза от восторга Кар ничего не отвечал, всего себя отдавая тому, кто и так владел его телом и душой.

…После, обессиленные частыми оргазмами, они оба лежали, перепутавшись руками и ногами, блаженно отходя от пережитого.

— Может, не стоит в следующий раз использовать так много зелья? — Робко вопросил Карлаэль, приподнимаясь на локте и целуя любимого в уголок губ. Но Вал столь детской ласки не принял, тут же извернувшись и захватив в плен верхнюю губу маркиза, смачно ее засосав.

— А мне понравилось, — сообщил он, когда вдоволь нацеловавшись и немного отдышавшись, они вновь в обнимку устроились на смятой кровати. — Ты такой ненасытный становишься!..

— Я тебя хочу… — горячий шепот Карлаэля пустил мурашки по телу барона. — Даже сейчас …после всего, что случилось, хочу! А ведь зелье уже не действует. Ах, Вал! Я с ума по тебе схожу!

— Я тоже! — Валиэль страстно поцеловал блондина. Но тот неожиданно печально на него посмотрел.

— Ты ведь всем это говоришь, — произнес он. — Даже моему отцу говорил.

Ладонь барона закрыла рот Карлаэля.

— То было прошлое, — серьезно ответил он. — Я не знал, как к тебе подобраться. Ты ведь ни на какие заигрывания не велся. Ну, еще бы! С таким то отцом. Как ты еще девственником не остался в свои-то годы! Запомни — то, что было раньше — это прошлое. Мое будущее — это ты! Лишь бы сам меня не бросил.

— Никогда! — Выдохнул Карлаэль в губы любимого. Рука барона вновь поползла по гладкому бедру блондина, как вдруг странный, приглушенный звук раздался в спальне.

Как будто тягучий удар гонга.

И маркиз тут же подорвался, пытаясь выползти из-под ничего не понимающего возбужденного любовника.

— Ты чего? — Удивился тот. — Что случилось?..

Но перепуганный маркиз уже вскочил на ноги.

— Не может быть!.. — задушенным котенком мявкнул он. — Как такое возможно?!.. Отец! Он же уехал! Но амулет может сработать только на него!

— О, ******! — Тоже слетел с постели Валиэль. — Ну, ********!

— Он внизу в холле! — Рявкнул маркиз, быстро расправляя смятую постель. — Наверняка, зайдет ко мне… всегда заходит! Прячься!

Барону не надо было пояснять, что сделает с ним суровый вельможа, которого бывший любовник кинул без предупреждения, да еще и соблазнил его сына и наследника.

Не долго думая, Вал решительно полез под кровать.

— Куда?!.. — прошипел Карлаэль, закончив с покрывалом и узрев подтянутый зад барона, торчавший внизу. — Сдурел?!

Ущипнув за белую ягодицу без малейшего следа поросли, маркиз заставил любовника покинуть ненадежное убежище и вместе с ним кинулся собирать детали гардероба Валиэля, разбросанные им по комнате.

В дверь властно постучали.

Два шалопая обморочно замерли, прижимая к груди собранное.

mir-knigi.org

— Кто…там? — Кашлянув, сипло вопросил Карлаэль.

— Сын, это я, — голос старшего Деззиона был несколько напряжен, и любовники в панике переглянулись.

— В шкаф… — одними губами вымолвил блондин, всовывая в руки перепуганного Вала его вещи. — Быстро!..

Тот понятливо метнулся в сторону высокой громадины из резного дерева в дальнем углу спальни и притворил за собой тяжелую створку. А Карлаэль пошел открывать дверь отцу, накинув на себя один только бархатный халат: времени натягивать штаны не было. Слава богам, что длинные рукава скрыли отметины от веревок на запястьях.

— Что это значит, Кар? — Сурово вопросил старый вельможа, входя в комнату наследника. Вдовствующий маркиз Тарлит Деззион был копией своего сына. Или, точнее, Карлаэль был копией своего отца. Более юной и прекрасной. — На дворе давно день, а ты все еще в постели! Как будущий глава рода, ты обязан блюсти его честь и подавать другим пример. Возлияния и беспорядочные любовные связи до добра не доведут! А ведь ты давно должен быть на тренировке с копьем. А вместо этого валяешься в постели. Да еще слуги сообщили мне, что ты не завтракал!

— Прости, папа, — покаянно опустил голову Карлаэль. — Я уже встал.

— Вижу, — недовольно отозвался маркиз, усаживаясь в кресло у окна. — Я все понимаю, малыш. Ты молод. И у тебя есть определенные потребности тела. Полезно иногда покутить с друзьями ночь напролет, но ты не должен забывать поддерживать свое тело на определенном уровне. Иначе не сможешь отстоять наши владения от врагов, когда придет твое время править родовыми землями. Не уподобляйся изнеженным придворным хлыщам, забывшим как меч то держать. К тому же большинство из них из Центральных, давно мирных провинций. И не знают, что творится на окраинах королевства.

— Да, отец, — послушно согласился Карлаэль. Старший маркиз окинул его внимательным взглядом.

— Да… ты вырос, — произнес он неожиданно тепло и задумчиво. — Пожалуй, стоит устроить твою судьбу. Присмотрись, кто из здешних дворян и дворянок тебе нравится. Нужно тебе выбирать свою вторую половинку.

Бедняга Карлаэль едва на пол не сел от такой новости, а из шкафа донесся подозрительный скрип.

— Что это? — Тут же насторожился маркиз.

Скрип повторился.

Каким образом Карлаэлю удалось удержать на лице спокойную мину, одни только боги знали!

— Да эта старая башня давно так скрипит, — равнодушно пожав плечами, сообщил он отцу, обмирая до внутренней дрожи. — Интересно, сколько веков этому образчику мебели?

— Не знаю, не знаю… — пробормотал маркиз, вставая с кресла и направляясь в угол спальни, к шкафу. А несчастный маркиз закрыл глаза, ожидая бури. Но ничего не произошло.

Заскрипела дверца…

И тишина…

Карлаэль отважился приоткрыть один глаз: его отец стоял, рассматривая многочисленные костюмы сына, аккуратно развешанные и разложенные внутри обширного деревянного пространства. Ничего не обнаружив, маркиз вновь повернулся к сыну. А Кар опять обмер, заметив за спиной маркиза промелькнувшую вверху голую ногу барона. Судя по всему, Вал какими-то молитвами сумел, упираясь в стенки руками и ногами, вскарабкаться на самый верх, прикрытый резной, декоративной панелью. И сейчас скользил, отчаянно растопырив конечности в разные стороны.

— Папа, — осторожно произнес блондин, когда его любовник судорожно сумел-таки спрятать выступающие части тела за свешивающиеся сверху ткани. — Ты бы не налегал на дверку. Иногда мне кажется, что эта рухлядь вот-вот развалится.

Обернувшись, маркиз вновь смерил подозрительным взглядом нутро шкафа и аккуратно прикрыл его дверцей, не увидев никаких подозрительных конечностей. А Карлиэль почувствовал, что ему срочно надо в туалет: облегчение было настолько сильным, что дрожали колени.

— Я прикажу вызвать деревянных дел мастеров и обновить мебель в твоей спальне, — проворчал маркиз, возвращаясь в кресло у окна.

— А почему ты дома? — Осмелился задать вопрос Карлаэль, также присаживаясь с хорошо скрытым облегчением. — Я думал, ты уехал.

Маркиз помрачнел.

— Вот по этому поводу я и желал с тобой переговорить, — произнес он нехотя.

— Не понял? — Сделал удивленное лицо блондин, округляя свои яркие кошачьи глаза. В сочетании со светло-русыми, спутанными волосами получилось весьма очаровательно. Впрочем, сам Кар даже не задумался о произведенном эффекте, но старый вельможа невольно вновь вздохнул, отметив про себя, что его мальчик действительно вырос. Карлаэль статью пошел в младшего супруга маркиза, которого безумно обожал Тарлит, притом унаследовав внешность старшего отца. Старый вельможа заслуженно гордился наследником, но никогда не давал ему узнать о своей гордости, считая, что лишняя похвала только избалует красивого мальчишку. Жаль, что его ами так и не дожил до совершеннолетия их сына, умерев во время второй беременности: тот редкий (даже редчайший!..) случай, когда проверенный и надежный магический кокон сработал против своего носителя, забрав жизнь и отца и ребенка. Много лет Тарлит не мог утешиться, и вот, как ему казалось, сумел встретить того, кого полюбил всей душой…

— Я, собственно, никуда не уезжал… — неловко подбирая слова, начал старый маркиз. — Вернее собирался, но только после того, как повидаю твоего приятеля… барона Коразза.

— Которого из них? — Сделал вид, что не понимает, Карлаэль. Отец неожиданно тяжело вздохнул, уставившись в частый свинцовый переплет оконной рамы: блондин, заметив несколько плывущий взгляд отца, не был уверен, что тот хоть что-то видит за стеклом.

— Я искал Валиэля Коразза, — наконец ответил старший Дезzион. — Ты наверняка не знаешь… мы это тщательно от тебя скрывали… но Валиэль стал моим любовником…

Карлаэль едва не подавился воздухом и залился бурым румянцем по шею.

— Вот-вот, — кивком головы отметил его реакцию отец. — Потому-то я от тебя и скрывал. Думал ограничиться простой интрижкой, но… Я привязался к мальчику. А когда он стал меня избегать, понял, что просто люблю его. И хочу предложить ему брак…

— ПАПА! — Взревел красный как вареный рак Карлаэль: что бы там ни подумал отец, но блондину просто стало стыдно за их с Валом обман. Но признаться в нем… — Он же много младше тебя! Подумай, что скажут при дворе!

— А плевать! — Неожиданно резко отозвался отец, гордо распрямляясь в кресле. — Я достаточно богат и влиятелен, чтобы хоть кто-то осмелился меня критиковать. Или ты опасаешься за себя? Не бойся, мальчик мой. Именно ты наследник титула и всех владений Деззионов. Но моих богатств хватит, чтобы обеспечить и ребенка Валиэля, которого, как я надеюсь, он мне родит. Тебе тоже не помешает иметь младшего брата или сестру. Думаю, сам Вал не откажется от брака со мной. Он принадлежит к старинному, но весьма небогатому роду. Если не сказать нищему… Союз с Деззионом станет для него честью. Твой друг, конечно, изрядный шалопай, но он же и достаточно разумный человек и не будет отвергать ТАКИЕ перспективы. К сожалению, он уже совершеннолетний, и сам принимает решения, а то можно было бы надавить на его прадеда, что является главой их клана. Старик совсем выжил из ума, но его слова было бы довольно, чтобы отправить потомка со мной в храм. Теперь же мне требуется согласие самого Валиэля. Но его я нигде не могу найти. Ты не в курсе, где он может быть?

— Откуда? — Сделал непонимающие глаза Кар. — Я двое суток из дома не выхожу. Раньше наша компания собиралась у принца, но теперь Эдмир сидит в своем загородном дворце и никого видеть не желает.

— Я прошу тебя… — отец с каким-то отчаянием посмотрел на сына. — Прошу… поговори с ним… уговори… Я клянусь, ты ничего не потеряешь в результате этой женитьбы!.. Но найди мне Валиэля! Насколько я знаю — вы с ним дружите. И я надеюсь, что ты примешь его не только как друга, но и как отчима.

— Я… попробую… — пробормотал Кар, чувствуя себя ОЧЕНЬ неловко. С одной стороны — Вала он никому не собирался отдавать, даже родному отцу. А с другой… было стыдно за разбитые надежды того, кто так искренне любил.

— Спасибо… — пробормотал старый маркиз, поднимаясь с кресла. — Надеюсь на тебя. А сейчас я уезжаю в поместье — затягивать отъезд больше невозможно, меня ждут управляющие. Буду надеяться на тебя. Найдешь его и сразу пошли мне весть. И… присмотрись внимательнее к внучке барона Эссэрила. Она единственная наследница огромного состояния. Ее дед не против союза с нашим домом: он четко дал это мне понять. Пожалуй, я как-нибудь приглашу девушку вместе с дедом на обед, пока кто-нибудь не перехватил столь лакомый кусочек.

— Папа, а может ты сам на ней женишься? — Робко предложил Кар, но маркиз только понимающе усмехнулся.

— Я люблю другого, — ответил он, берясь за дверную ручку. — Девушка миленькая, и у тебя самого есть все шансы влюбиться.

И вышел из спальни.

mir-knigi.org

Какой-то миг онемевший от неожиданности Карлаэль стоял на месте, не в силах сдвинуться. А затем метнулся к двери и осторожно выглянул в коридор. Убедившись, что там никого нет, блондин с облегчением запер дверь и буквально прыгнул к шкафу, рывком распахивая дверцы и вываливая на пол свои костюмы.

Сверху, из-под резной доски, упираясь руками и ногами в боковые стенки, медленно, со скрипом съехал Валиэль. Глаза перепуганного открывшимися перспективами барона были выпучены, во рту намертво зажат узел с одеждой, стыдливо прикрывая промежность горе-любовника.

— Вылезай, — устало выдохнул Кар, прислоняясь плечом к злосчастному шкафу. Но Валиэль, как соскользил по стенкам вниз, так и продолжал сидеть едва ли не на шпагате, невнятно мыча сквозь невольный кляп из собственной одежды.

— Что?.. — не понял Кар и наклонился, выдергивая ткань изо рта любовника.

— Заклинило, говорю!.. — просипел барон, умоляюще моргая. Маркиз присмотрелся — и впрямь, руки и ноги Вала были напряжены до судорог. Да так, что Деззион с трудом смог их согнуть, вытаскивай барона из шкафа.

— Да как ты вообще сумел залезть на верхотуру!.. — шипел он, разминая тело постанывающему от боли Валиэлю. Тот облегченно уткнулся носом в ковер, чувствуя, как колет руки-ноги от живительного притока крови.

— Вот, не поверишь, — хмыкнул он вдруг. — Жить уж очень захотелось!

Переглянувшись, любовники в голос захохотали.

— Но все же что-то надо делать, — отсмеявшись, сказал Карлаэль. — Сам ведь убедился, мой отец настроен решительно… Давай решать, как жить дальше. Как-то надо ему сообщить, что ты не горишь желанием стать его мужем. Или все-таки решил заделаться моим отчимом?

— С ума сошел?! — В ужасе выдохнул Валиаль, привставая. — Я тебя люблю! Нет, я признаю, что сглупил, когда закрутил роман с твоим отцом!.. Но мне просто показалось это забавным… да и к тебе хотел подобраться. Но выходить за него замуж?! Уволь!

— Но что же делать? — Расстроился Кар. Виновато помолчав, барон тяжело вздохнул и сообщил: — Я письмо ему напишу. Сегодня же… Нет, завтра!

— А почему завтра? — Подозрительно сощурился маркиз. Но Валиэль притянул его к себе и жарко поцеловал, потеревшись возбужденным членом о живот блондина через бархатистую ткань халата.

— Потому что я опять тебя хочу!.. — шепнул он, прерывая поцелуй и завалил довольного любовника на себя.

…Мелкие волны часто плескались в потемневшие от вечной влаги валуны. Рябь на воде обманывала, обещая близкое дно. Но Рэниари знал, что в этом месте спокойно сможет затонуть океанский корабль. Вместе с мачтами. Узкий мол, выдающийся далеко в море, построили еще эльфы. И как только камни закрепили, на такой-то глубине? Тут даже магия не всегда поможет.

mir-knigi.org

Юноша сдержал тяжелый вздох.

Место встречи, место прощания.

Здесь, далеко от земли, властители Цитадели испокон веков заключали союз со своими суженными.

И здесь же провожали в последний путь.

За спиной Рэниари были только близкие.

Только члены едва не погибшей семьи, одетые в геральдические цвета графства — в цвет морской волны с золотом. Даже высокородные претенденты на руку возможного наследника, князь Фейринель и его высочество Эдмир, были вынуждены остаться на берегу, как и многочисленные жители графства, пришедшие отдать последнюю дань уважения погибшим властителям.

Здесь, между небом и морем, было место только своим.

Сэриэль тихо плакал, Лотэ крепился изо всех сил. Даже у Баррэта глаза оказались на мокром месте.

И только Рэниари стоял отрешенный, словно во сне. Его слезы были отплаканы вчера ночью. Чуть больше суток… такой крошечный отрезок времени!.. разделили его жизнь на ДО и ПОСЛЕ. Теперь кажется, что пролетела целая жизнь. Каким же ребенком он был, когда страдал из-за подлости Эдмира! Каким себялюбивым идиотом! Подумаешь, всего-то любовник оказался не таким, каким он его себе навоображал. Было бы из-за чего убиваться. Прав был отец: всего-то получил хороший жизненный опыт! Что его «беды» в сравнении с Огненной ночью, как успели прозвать захват Цитадели в народе.

С предательством брата…

Со смертью отца.

С тем, что навалилось на его плечи СЕЙЧАС.

Асин…

Вот перед кем Руин был по-настоящему виноват. Он никогда не любил отчима. Только терпел, считая рыжеволосого мужчину чужаком в крепости. А оказалось, что тот всю свою жизнь был предан их семье. И отцу…

Юноша на миг прикрыл глаза, чтобы избавиться от мельтешения солнечных бликов на воде. Темные боги, опять кружится голова… Все-таки не успел он толком отдохнуть. Но нельзя себе позволить отдых, когда на берегу обретаются сразу два волка.

Надо же! А ведь сразу отреагировали. Хорошо хоть он этого ожидал. И успел худо-бедно подготовиться.

Только одна битва выиграна, но война продолжается. Кто будет в ней победителем? И сможет ли удержать победу?

Рэниари невольно вспомнил, как спешно погрузившиеся на корабли войска Цитадели, сплошным потоком хлынули на земли крепости Круглого Холма. Замок покойного Ковура,

mir-knigi.org

расположенный слишком близко к прибрежной линии, оказался не готов к осаде. Там праздновали свою победу над «уничтоженным» соседом. Все, даже часовые на стенах расслабились, перепившись на радостях. Впрочем, и часовых то было — кот наплакал. А от кого обороняться, если соперник повержен?

И потому озверевшая толпа мстителей оказалась для «кузена» Сиорола полной неожиданностью. Защитников не хватило бы прикрыть даже одну стену. И наемники Ковура, которых покойный лорд предпочитал нанимать в свою охрану вместо того, чтобы рисковать, тренируя собственных крепостных крестьян, решили не рисковать.

Они просто сдали крепость в обмен на обещание выпустить их с территории теперь уже чужого владения. А кое-кто не постеснялся попроситься в дружину удачливого победителя. И только озверевшие лица возмущенных подобным цинизмом цитадельцев немного вправили им мозги. Слава богам, никого не прибили. Так, только юшку пустили из носов, да выпнули за пределы крепости. Кому нужны предатели…

Как рассказали потом слуги в замке, сын покойного лорда Сиорол был против. Весьма против. Но все его призывы и обещания пропали втуне. А когда собственная же охрана попыталась его схватить, чтобы выдать новым владельцам, прежний наследник бежал, обвалив за собой потайной ход.

Где сейчас бывший родич, Рэниари не знал. Да и не желал знать. Не смотря на то, что сотворил Ковур в Цитадели, юноша не хотел лишней крови. Сиорол был отныне не соперник. Вряд ли он сумеет отстоять владения после случившегося. Совет лордов не утвердит неудачника, скорее хапнет бесхозное владение для кого-то из своих. Тем более ТАКОЕ владение: традиционно владельцы Круглого Холма были просто лордами. Но в табели о рангах стояли наравне с графами. И даже носили соответствующую корону, не имея к ней титула. Такой вот парадокс. Так что многие станут облизываться на «безхозные» земли.

Хотя, конечно, от мести Сиорол не откажется. Зная надменный и вспыльчивый нрав «кузена» Рэниари в этом не сомневался. Не зря они с Руином были не разлей вода. Обоих воспитал Ковур. И привил свое отношение к бастардам.

Ну, и темные боги с «кузеном». Начнет мстить — вот и будет повод его прикончить. Главное, что захват вражеской крепости прошел быстро и бескровно. За лояльность жителей Круглого Холма Рэниари был спокоен. В Цитадели не было крепостных: океан не терпит принуждения. И крестьяне Ковура надеялись, что новый владелец тоже освободит их от барщины. Вот только заниматься долговременными планами времени не было. Тем более, что по договоренности крепость отходила Баррэту, пусть он и думает. Вместе с мужьями. Впрочем, была у Рэниари пара задумок… Но надо было спешить.

Так что, оставив в замке Голубую Жемчужину со смешанным гарнизоном из цитадельских гвардейцев и моряков, Баррэт с Рэниари тут же повернули домой. И надо сказать вовремя.

Не успели корабли с войсками войти в гавань, как рядом с Цитаделью открылось множество порталов, откуда стали выходить войска как княжества, так и королевства. Баррэт тогда только грязно выругался, ожидая нового нападения. Но Рэниари остался на удивление безмятежным. Его лимит удивления уже был исчерпан, а усталость наваливалась на плечи свинцовым плащом. Да и подозревал он нечто подобное: вряд ли могущественные соседи выпустили бы из-под наблюдения Искру. Потому и торопился завершить дела вне защиты родной крепости. Не посмеют чужаки тащить его к себе на глазах воинов Цитадели, под прикрытием ее стен. Никто не желает первым развязать войну. Нет, и Фейринель, и Эдмир попытаются действовать

тоньше. Во всяком случае, до тех пор, пока есть надежда облапошить наивного мальчика, каким его считают.

Наивного, слабого и капризного, как и большинство воспитанных младшими супругами.

Пусть считают и дальше…

И потому юноша, к изумлению Баррэта, в довольно жесткой форме потребовал от опешивших князя с принцем, до того едва не сцепившихся в драке, немедленно вывести войска с территории владения, лояльного королевскому дому Хилдона. После чего заявил, что хотя и благодарен за быструю помощь союзников (не забыв при этом застенчиво похлопать длинными ресницами), но разговаривать с высокими гостями он будет только после тризны по погибшим, ибо так велят законы.

Не сразу нашедшие, что ответить, гости вынуждены были согласиться и отвести войска на нейтральную территорию. И тем самым дали Рэниари дополнительное время укрепить позиции. Правда, сами владыки с небольшими свитами остались. Юноша вынужден был принять их присутствие рядом с собой, но распорядился расселить их в переговорной башне, специально вынесенной за территорию крепости: вроде бы и почет, и не в самой Цитадели.

Принц все время коротких переговоров упорно пытался поймать взгляд Рэниари, порываясь что-то сказать. Но маг, прибывший с ним, всякий раз мягко мешал. Эдмир злился, темнел лицом, но на удивление терпел.

Князь, наоборот, рассыпался в соболезнованиях, одновременно попытавшись окружить юношу нежностью и заботой, что взбесило принца до невозможности. И только очередное вмешательство мага предотвратило назревающий конфликт. Однако уставший до невозможности Рэниари (магические эликсиры уже не помогали) мягко отклонил все попытки сближения, боясь сорваться и послать этих двоих куда подальше. Не в его состоянии было продолжать словесную дуэль, прежде необходимо отдохнуть.

Но пришлось еще переделать кучу дел, разобраться с самыми необходимыми вопросами, устроить людей, дать приказы капитанам, чьи суда выбились из торгового графика. И еще много и многое другое…

К счастью, Баррэт и управители знали свое дело, и могли взять на себя большую часть проблем. Но все равно Рэниари досталось немало. К вечеру на его посеревшем от усталости лице шевелились только губы, отдавая необходимые распоряжения, а голова распухла от цифр и смет.

Однако он еще сумел своими ногами зайти в спешно восстановленные, привычные с детства покои. И только когда закрылась за спиной дверь, рухнул на колени и, зажав себе рот руками, забился-завыл, оплакивая отца и свою судьбу.

Судьбу драгоценного приза, лишенного выбора и права на ошибку.

…Рэниари нехотя поднял руку и отцепил швартов.

Узкая, темная, цвета запекшейся крови погребальная ладья медленно отошла от мола и, стремительно набирая скорость, помчалась прочь: здесь проходило одно из океанских течений, круто забирающее к югу, где располагалась Пасть морского бога — коварный водоворот. Крупным кораблям он был не страшен, а вот лодки пожирал только так. Бывалые рыбаки обходили его далеко стороной. Вот и погребальная ладья с телом Асина отправилась на

встречу с тем, кто был отчиму дороже жизни, но ушел раньше… в путь без возврата. В лодке младший супруг отца был один. Решением совета графства предателю Руину было отказано в морском погребении. Его прах, тщательно собранный в лаборатории убитого им мага, ссыпали в кувшин, залили смолой и вручили рейнджеру, что в данный момент отправлялся за пределы Цитадели, чтобы бросить свою ношу в первое попавшееся болото. Не дело осквернять чистые воды таким «подарком».

— Прощайте… — прошептал юноша, сухими глазами всматриваясь в крошечную уже точку ладьи. И повернулся в сторону Цитадели. Баррэт, торопливо утирая все еще катившиеся слезы, пристроился за его спиной. Лотэ вел зареванного Сэри. Но Рэниари не мог себе позволить эмоции. Больше не мог.

Война началась.

Глава 11

…Порталы открылись практически одновременно по всей прибрежной полосе рядом с Цитаделью. Во всем обширном владении это, пожалуй, оказалось единственным местом, где могли разместиться такие массы людей. Если не считать равнину за скальным массивом. Но она располагалась в неделе пути от крепости.

Закутавшись от тонкой водной пыли в кожаный плащ, Фейренель мрачно раздумывал над перспективами. В пику своему окружению, властитель княжества не стал надевать доспехи — предполагалось, что Эккуар пришел на помощь своему избраннику. Но сам Рэниари не проявил восторга при встрече. Впрочем, не удивительно… после всего, что навалилось на мальчика.

Однако, какой деятельный юноша!..

Маги начали выстраивать портал, ориентируясь на яркий свет ауры активированной Искры. Судя по тому, что Рэниари светил на всю округу, цитадельский маг погиб и не мог больше прикрывать своего подопечного, что неизменно делал по совету князя еще со столицы. Так что обнаружить потенциального жениха не составило труда. Вот только аура Рэниари все время перемещалась. И только оказавшись в Цитадели, князь понял, что мальчик не сидел на месте. И даже успел захватить вражескую твердыню, затем утянувшись обратно в свои владения словно улитка в раковину. Хотя… глупости это! Явно Вориндо-рив постарался. Вот и хорошо. Значит, еще не все потеряно. И стоит напирать на то, что братец покойного Гвиура будет лучшим графом, чем несовершеннолетний юноша, воспитанный для постели.

Князь незаметно покосился на стоявшего неподалеку принца со свитой. Хотя маги и предупреждали об открытии порталов из Меайры, но для Эккуара оказалась неприятной неожиданностью численность войск, что привел с собой его соперник.

Именно что соперник.

Следует быть честным хотя бы с собой. Эдмир не уступит без боя драгоценный приз. И если Рэниари унаследует титул отца, то не видать Фейренелю Искры как своих ушей. Никто не позволит графу Вориндо стать мужем чужеземного властелина и присоединить Цитадель к потенциально вражескому владению. Да если такое произойдет — мальчика тут же объявят мятежником! И воспользуются поводом для войны с княжеством.

Нет, надо действовать тоньше. Принять все меры, чтобы Рэниари не получил титул! Напирать на то, что он еще очень молод… не достиг совершеннолетия, не опытен… да, просто не

справится с таким владением!

Тогда никто не станет препятствовать их браку, не зная истинной ценности парня.

Князь вновь покосился на напряженного принца, закованного с головы до ног в иссиня черную броню.

Король и Эдмир знают… И их Верховный маг тоже…

А, значит, сделают все, чтобы утвердить наследника, получив заодно с Искрой и вожделенную Цитадель. Делать графом Баррэта им не выгодно. Дядя не позволит забрать племянника против его воли, да еще и держать в плену. Если это произойдет — Цитадель взбунтуется. А головы здесь горячие и воевать умеют. Это не крестьяне с мотыгами. Одно слово — моряки да горняки. Сиречь — пираты и разбойники. За свою кровь любому горло перережут.

Что же делать?

Фейринеля до невменяемости бесила сама возможность проигрыша надменному и недалекому юнцу Эдмиру. Отдать такому Искру вместе с могуществом… да никогда!

Как же не вовремя произошел захват Цитадели и гибель Гвиура. Оставайся отец Рэни в живых, и мальчик не сегодня-завтра дал бы уже свое согласие на свадьбу. А у владык Хилдона не было повода опротестовать этот брак: ключ ко всей торговле юга по-прежнему бы оставался в их руках.

Тоскливый звук одинокого сигнального горна, сделанного из огромной витой раковины, разбил напряженную тишину, царившую на берегу. Князь никогда бы не подумал, что такое количество народа способно стоять настолько тихо. Даже дети не плакали. Звук горна послужил сигналом к всеобщему шевелению, продрав до печенок своим низким, каким-то замогильным звуком.

— Погребение свершилось, — тихо пояснил сюзерену Эзд Ралод. Княжеский маг стоял сразу за плечом Эккуара, косясь на своего коллегу — Верховного мага Хилдона — расположившегося рядом с принцем. Сарол несколько опасался (если не сказать побаивался) лорда Итарона, о котором шла молва, как о очень сильном и умном волшебнике. Предположения, почему столь выдающаяся личность заключила контракт с королевской семьей, до сих пор будоражили магический мир. У Итарона было довольно и богатств, и знаний, и сил, чтобы идти в кабалу к Соронду и его сыну. Тем более, что маг явно не искал власти, служа Келлиадирам не за страх а за совесть.

— Сейчас и узнаем, кто из Вориндо будет претендовать на титул… — пробормотал князь, невольно напрягаясь: у него еще оставалась надежда, что графом станет не Рэни.

Рядом столь же напряженно вглядывался вдаль принц.

Но ожидания Эккуара не оправдались — по узкому молу первым решительно шагал золотоволосый, невысокий юноша, выглядевший хрупко на фоне остальных родственников. Высокий, широкоплечий Баррэт послушно шел за спиной предполагаемого наследника. Его мужья тоже возвышались над новым графом, хотя и не столь явно, как его дядя.

Какой-то странный шорох отвлек Фейринеля от раздраженного обдумывания ситуации. Недовольно обернувшись, князь ошеломленно замер, узрев потрясающую в своей грозной красоте картину.

Жители графства… вся береговая линия, занятая пришедшими на церемонию прощания моряками, рыбаками, горняками, женщинами, детьми!.. Все, как один, дружно опускались на колени, принимая над собой власть нового повелителя Цитадели!

Да чем же их всех взял этот мальчишка? Или это действие знаменитого магнетизма Искры?

Но, тем не менее, более ясно невозможно было дать понять, что Рэниари признан своими подданными. Проклятие! Теперь придется подкупать Совет лордов, чтобы не утвердили парня графом.

Единственный плюс этой демонстрации — королевской семейке тоже придется нелегко. Они не посмеют в наглую захапать Рэни, если не хотят получить мятеж на окраинах.

Не слушая, что там говорит людям новый граф, князь решительно направился к своему сопернику. Пришла пора более тесного общения, до этого они только зыркали друг на дружку, отделавшись формальными приветствиями.

— Не в лучшее время происходит наша с вами встреча, ваше высочество, — князь слегка поклонился Эдмиру, стараясь не обращать внимания на испепеляющий взгляд темных глаз наследника королевства. — Но я рад видеть, что корона настолько скрупулезно выполняет свои обязанности по защите вассалов.

— Конечно, — оскалился в вежливой улыбке Эдмир. — Долг властителей защищать доверившихся им. Но для меня было приятной неожиданностью увидеть и ваше присутствие… вместе с войсками… правда их маловато, чтобы оказать достойный отпор врагам.

— Ну что вы, принц, — на красиво вырезанных, полных губах Фейринеля лежала улыбка идеальной вежливости. — Граф Гвиур всегда был моим добрым соседом. И я не мог не поспешить ему на помощь, едва узнал о нападении. А численность войск… я же не захватывать под себя Цитадель прибыл, а всего лишь помочь. К тому же, надеялся, что и вы успеете вовремя. Как видите — не ошибся. А у нас двоих достаточно сил, чтобы одолеть любого врага.

— Это так, — согласился принц, в своих темных доспехах напоминая литую башню. — Но теперь армия Хилдона здесь и может снять с ваших плеч обузу рисковать собой в чужих разборках.

Фу, как грубо! Будущий король мог бы выражать свои желания и не столь топорно. Впрочем, при любом раскладе смысл понятен: катись отсюда, теперь мы здесь главные.

— Не могу, — еще более обворожительно молвил Эккуар, с удовольствием наблюдая, как темнеет от ярости лицо Бешеного принца. Стоявший за его плечом лорд Итарон встревожено придвинулся ближе к наследнику, делая знак герцогу Вэону, что поспешил присоединиться к своему сюзерену. — Видите ли, ваше высочество… лорд Рэниари мой жених по обручению. Его отец дал свое предварительное согласие.

Каким образом Эдмир сумел сдержаться и не кинуться на него, князь так и не понял. Видимо вкусив от близости с Искрой (как и описывали старые книги), принц не желал терять такой источник силы. Фейринель это понимал как никто другой, хотя и чисто теоретически. Если все же Рэниари станет его мужем, то князь тоже сделает все, чтобы никому его не отдавать. Как же все осложнилось! И надо было этому принцу положить глаз на красивого мальчика!..

— Вы можете предоставить все необходимые документы? — Неожиданно вмешался лорд Итарон, давая время Эдмиру прийти в себя от столь наглого заявления. Фейринель кивнул

своему магу. В руках Сарола появилась небольшая шкатулка для бумаг, откуда он извлек свиток, увешанный печатями. — Письмо подлинное, вы это легко сможете определить.

Принц выхватил документ из рук мага и впился в текст, через его плечо читали лорд Итарон с Лораном.

— Здесь всего лишь согласие с вашим предложением замужества, — подал голос Итарон, поднимая на князя взгляд безмятежных, темных словно омуты глаз. — Покойный граф пишет, что полностью одобрит ваш брак с его младшим сыном только при согласии самого лорда Рэниари. А вот подписанного брачного контракта о уже свершившейся помолвке я не вижу.

— А даже если бы и был, — еще больше оскалился Эдмир, — то с момента принятия лордом Рэниари титула графа, он был бы расторгнут. Ибо по законам королевства властитель столь крупного владения, во-первых, обязан будет утвердить титул на Совете лордов во главе с королем. А, во-вторых, не имеет права выходить замуж за чужеземного властителя, ибо это подразумевает и передачу его владений в руки старшего супруга. Или вы, князь, собираетесь стать младшим мужем нового графа? Тогда корона будет не против присоединения Фейринеля к графству.

— Ну, что вы, — вежливо отказался Эккуар от такого предложения, хотя внутри него все кипело от гнева. Нет, ну какой наглец! Чтобы он, повелитель весьма немаленького владения, стал чьим-то младшим, да еще и преподнес собственные земли на золотом блюде загребущему соседу?! А потом всего лишь несчастный случай, и его вдовый красавец-супруг вместе с огромным наследством становится игрушкой королевской семейки?! Обломаетесь!

— К тому же, почему вы решили, что именно лорд Рэниари сможет удержать в своих руках графскую корону? — Продолжал мило улыбаться князь, действуя этой улыбкой на нервы принцу. — Все-таки Цитадель это не мирные Центральные провинции, и даже не владения Круглого Холма, а могучая крепость на краю земли. Ключ к материку… золотой сундук торговли. Зачем обременять столь непосильной ношей нежного, хрупкого юношу, не достигшего совершеннолетия. Того, кто был воспитан младшим. Его удел — быть в тени старшего супруга, что будет нежить, баловать и оберегать столь прекрасное создание. А Цитадель лучше доверить истинному воину, тому, кто сможет защитить владения от любого нашествия и приумножить богатства как свои, так и короля.

Как вам это завуалированное предложение? Я отказываюсь от прав на крепость, а вы соглашаетесь на мой брак с мальчиком.

— К сожалению именно лорда Рэниари признали графом ВСЕ жители Цитадели, — улыбка принца стала откровенно торжествующей. — Мы не можем проигнорировать их порыв. Так что судьбу нового графа будет решать Совет лордов. Как и одобрять его будущий брак.

Читай между строк: не отдам ни Цитадель, ни Искру!

*******! Вот и все, что пришло на ум князю в тот момент. На миг подумалось, что если выхватить каким-то чудом из окружившей его толпы Рэниари, то можно будет успеть телепортироваться с ним в княжество. А там, завладев Искрой, он станет непобедим.

Но нет! К сожалению, ни принц, ни его маг не позволят этого сделать. Да и сам портал потребует время для открытия. Пока маги будут возиться, королевские войска просто сомнут фейринельцев числом, а жители Цитадели им помогут в столь благом деле. Нет, сейчас придется отступить. И надеяться на личную неприязнь Рэни к оскорбившему его принцу. А потом поспешить в столицу и настроить против нового графа кое-кого из Совета. Только если

лорды не утвердят Рэниари графом, можно будет получить мальчишку.

— В любом случае решать будет лорд Рэниари, — склонил голову Фейринель. — Или вы, ваше высочество, уверены, что юноша мне откажет… или даже согласится стать ВАШИМ супругом? Ах, неужели вы решили разорвать свою помолвку с милым Дорианом, сыном герцога Ваоттиро? И это притом, что за юношей отдается целое герцогство! Гм… а я было решил от души погулять на вашей свадьбе. Даже подарок приготовил.

Об лицо принца можно было свечи зажигать, настолько оно стало красным от ярости. Совсем мальчишка не умеет держать себя в руках. Слишком много ему Сорондо позволял, балуя единственного наследника.

— Вы правы, князь, это будет решать сам Рэниари, — к великому удивлению Фейринеля принц неожиданно успокоился и поклонился, пожирая глазами кого-то за спиной соперника. Резко обернувшись, Эккуар увидел молча стоявшего Рэниари. Проклятие, и как долго мальчик находился рядом и как много слышал? Они оба, разгоряченные спором, ничего вокруг не замечали.

Глаза Эдмира тем временем из серых превратились почти в серебряные. Взгляд прикипел к лицу Рэниари, откровенно лаская каждую черточку, скользя по высоким скулам, туго обтянутым золотистой кожей, идеальному носу, с красиво вырезанными ноздрями; гладя тонкие, густые золотистые брови вразлет, целуя полные губы с крошечной трещинкой (видимо прикусил зубами!..), нежа глаза… самые потрясающие глаза во всем мире! Глаза, в которых можно было утонуть!..

Не выдержав, принц невольно качнулся вперед, чтобы обнять… зацеловать…

И только совместное усилия Итарона с Лораном удержали его от опрометчивого поступка. Фейринель, занятый таким же разглядыванием нового графа, не заметил движения принца. И Эдмир успел опомниться. Но, боги, как же изменился за какие-то две недели его Рэни! Опять изменился… повзрослел. Стал еще красивее.

Безумно красивый и такой желанный.

И князь думает, что он откажется от этого сокровища ради всех богатств Цитадели? Идиот. Этот мальчишка принадлежит принцу. Он его собственность! А отдавать свою добычу Эдмир не привык.

— Ах, милорд, — с сочувствием тем временем говорил князь, приближаясь к юноше. Эдмир даже глаза прикрыл от ярости, чувствуя, как усиливается на его руках хватка мага и Вэона: ему так хотелось свернуть шею князю, чтоб не тянул руки к чужому. — Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь…

— Спасибо, князь, — тихо и как-то беспомощно отозвался Рэниари, скромно опуская взгляд. Юноша был одет в церемониальные одеяния цвета морской волны с золотом, что ему безумно шло, хотя плотная ткань закрывала все его тело за исключением лица и кистей рук. Но и это было довольно для сходящего с ума от ревности и вожделения принца. — Вы скоро женитесь, ваше высочество? Примите мои поздравления.

— Вы… сможете присутствовать на свадьбе… — с трудом заставил себя разжать зубы Эдмир, краем глаза ловя торжествующий взгляд князя. — Ибо ваше присутствие обязательно в столице. Вы же понимаете, что титул должен быть утвержден королем и Советом?

— Я чту закон. — Нежный голос Искры вызывал сладкие мурашки по коже отголосками призрачного могущества и страсти. — Я буду. А теперь, простите, господа, но по традиции Цитадели на тризне должны присутствовать только свои. Вас проводят в приготовленные покои.

— Вы должны быть готовы выехать завтра вечером, — с трудом сглотнув вязкую слюну, неловко проговорил Эдмир. Но Рэниари слабо качнул головой.

— Я слишком устал… так много событий… Я прошу дать мне неделю, чтобы принять дела и хоть немного отдохнуть.

— Пять дней, — твердо произнес принц. Задерживаться здесь было нежелательно. Но… видно ведь, что мальчик вымотан. Вон, какие круги под глазами… впрочем, они его не портят, лишь придают дополнительного очарования утонченной красоте юноши.

— Лучше будет, если вы отдохнете, милорд, — по-отечески посоветовал лорд Итарон юному графу. — Судя по всему, вы держитесь на одних эликсирах. Ваш маг погиб?

Рэниари чуть заметно кивнул. Он выглядел каким-то оглушенным и беспомощным. Так и хотелось схватить его в охапку и защищать от всего мира…

— Тогда примите мой совет, — продолжил маг, — не пейте их больше, а то свалитесь совсем без сил. Эти зелья не добавляют сил, а всего лишь используют скрытые резервы организма, истощая его. Хорошее средство, если необходимо просто подстегнуть себя, но плохое при длительном использовании.

— Я приму ваш совет к сведению, но теперь мне надо быть со своими людьми, — мягко улыбнулся Рэниари, очаровывая всех взглядом аквамариновых глаз. И, поклонившись, пошел в сторону Цитадели, в раскрытые ворота которой вливался бесконечный поток молчаливых людей. Следом зашагал так и не раскрывший рта Баррэт со своими супругами.

— Благодарю вас, князь, за помощь и поддержку, — тут же развернулся к Фейринелю окрыленный принц. — Вы можете быть уверенны, что теперь, когда я здесь, трагедия не повторится. Буду рад видеть вас в столице.

И Эккуар вынужден был откланяться, не дожидаясь, когда же ему еще в более грубой форме укажут на дверь. Вот только сдаваться повелитель Фейринеля не собирался. Тем более сейчас, когда Рэниари узнал о будущей свадьбе принца. Мальчик явно был не рад такой новости, да и на самого принца реагировал равнодушно. А, значит, у князя есть еще надежда.

…Кулаки Рэниари со всего маха врезали по толстой столешнице из целого массива хорошо проморенного дуба.

- **********! — На одном дыхании выдал юноша, опираясь на саднящие костяшки и наклонив голову. Лицо скрылось за тяжелой волной растрепавшихся золотых волос. — Нет, вы слышали?!.. Эти два ******* уже все распланировали за моей спиной!

Рэниари вскинул на собеседников совершенно бешеные глаза, и Баррэт едва не отшатнулся — настолько обжигающим показался ему взгляд племянника.

— Никогда не видел тебя в таком состоянии… — даже с какой-то растерянностью произнес он. Лотэ с Сэриэлем тоже притихли. Как-то не вязался у них образ всегда сдержанного Рэниари с

mir-knigi.org

тем, кто стоял сейчас в кабинете покойного графа. — И где только ругаться так научился?..

— Простите, — сдавленно произнес юноша, несколько раз тяжело вздохнув, и вновь опустил голову. — Но как же противно знать, что тебя считают всего лишь красивой… безмозглой!.. куклой, которой так легко управлять!

— Но ведь ты сам старательно создавал такой образ, — из угла комнаты подал голос Сэри. Блондин вместе с Лотэ устроился на уютной низкой кушетке, в то время как Баррэт прошел к своему привычному месту напротив стола покойного брата.

Уже покойного…

До Вориндо-рива наконец-то дошло, что Гвиур мертв. Его старший, всегда все знающий брат ушел навсегда. До этого Барр воспринимал известие о его смерти как-то отстраненно… нет, он все знал и понимал, но… как бы это сказать?.. не мог прочувствовать до конца. И бешеный ритм последних суток этому не способствовал.

И только сейчас, в столь привычном и совсем не пострадавшем от нападения кабинете, Баррэт осознал, что теперь и навсегда у него за спиной нет защиты в виде старшего брата. Что теперь он сам старший для своих мальчишек и племянника, на плечи которого свалилось так много груза.

— Рэни!.. — тихонько окликнул он все еще напряженно склоненного над столом юношу. Тот вскинул на него уже более спокойные глаза. — Сядь.

— Что? — Не понял Рэниари. Но Вориндо-рив упрямо покачал головой.

— Сядь в кресло отца, — пояснил он. — Теперь ты граф. Это твое место.

Явственно заколебавшись, Рэниари с заметным усилием заставил себя опуститься в кресло Гвиура.

— Как странно, — задумчиво произнес он миг спустя. — Я никогда не думал, что окажусь на папином месте… Меня ведь готовили для другого…

— Нас всех для другого готовили, — подал голос Лотэ и криво улыбнулся. — Но Сэри прав: лихо ты принцу с князем мозги запудрил. Не знал бы тебя, тоже бы поверил, что передо мной стоит нежный и беспомощный младший.

— Зато теперь у нас есть время, — устало провел по глазам рукой Рэниари. — Проклятье, у меня эликсира осталось только на пару глотков…

— И не вздумай! — Всполошился Барр, подскакивая в кресле от переизбытка эмоций. — Слышал, что маг сказал?

— У нас очень мало времени, а сделать надо так много! — Отрезал Рэниари и повернулся в сторону двери: — Входите, господа!

В кабинет цепочкой потянулись управители и наиболее влиятельные капитаны. Не было только Аррида Голубой Жемчужины, что остался присматривать за Круглым Холмом.

— У нас очень мало времени, — вновь повторил Рэниари, распрямившись в отныне своем кресле. — А потому поминальная тризна пройдет без нас. На мой взгляд, лучшей памятью отцу

будут наши усилия сохранить Цитадель. Надеюсь, ни у кого нет сомнений в том, что владение попытаются захапать? И, кстати, все согласны, что именно я стал наследником отца?

Судя по лицам присутствующих дураков отрицать реальное положение дел здесь не было.

— Милорд, — прогудел один из капитанов в густую бороду. — Кажется, мы все ясно дали понять свой выбор. Уж простите, лорд Баррэт, но в кресло своего брата вы сесть не можете. Сожрут вас лорды Совета. Тем более, что вы женаты… вас не окрутишь, чтобы присосаться к кормушке. Не знаю, в курсе вы или нет, но даже старший сын милорда Гвиура не получил бы титула. Наш прежний граф считал его непригодным к правлению. Как видите, оказался прав. Покойный милорд планировал дождаться внуков… да судьба не сложилась. Теперь же только милорд Рэниари наша единственная возможность на прежнюю независимость. Кстати, хорошая игра, милорд. И принц, и князь вам поверили. Последний уже покинул нашу территорию. Но принц остался. Пока они все будут уверены, что вами можно манипулировать, у нас есть шанс. И неплохой.

— Господа, надо решить, союз с кем нам более выгоден. — Предложил Рэниари. — С Хилдоном или Фейринелем. Потому как все идет к тому, что мне придется заключить династический брак. Или с князем, или же с кем-то, кого мне навяжут из аристократов королевства.

О том, что это вполне вероятно может быть сам принц, ради жирного куска вполне способный бросить прежнего жениха, юноша промолчал.

Возникшую бурную перепалку о выгоде союза с княжеством прервал Баррэт, указавший советникам на плюсы и минусы подобного брака, в том числе и политические. В результате долгого спора, было решено остаться в составе королевства.

Молчаливо слушавший все предложения юноша даже не скривился, услышав конечный вердикт. Он и сам успел придти к тому же выводу. Они часть королевства, и все их связи, семейные узы, торговые договора — с Хилдоном. Разорвать их нереально. Так же, как нереально выстоять против целого королевства, когда гвардия Соронду во главе с тем же принцем начнет возвращать в лоно государства его отколовшуюся часть. Значит, брак с Фейринелем невозможен. Единственный выход — брак с аристократом Хилдона. Или аристократкой. Вот только король не позволит Искре уйти в чужие руки. Значит, Рэниари светит брак с кем-то из королевской семьи. С принцессой вряд ли. И не в силу их более зрелого возраста, в политических браках и не такое возможно, а потому, что дети Искр ценились не менее своих знаменитых родителей. И такого ребенка король пожелает оставить в основной семье. Тогда остаются только три кандидата в супруги. Король, принц и кузен принца. Последнего тоже можно отмести — боковая линия родства, как и сестры его величества. Сам король слишком стар и у него уже есть наследник. Плодить же конкурентов обожаемому сыну он не будет. Значит, остается сам Эдмир.

Судя по тем взглядам, что бросал на него бывший любовник, принц был готов хоть сейчас разорвать помолвку с официальным женихом и предложить Рэниари полноценный брак. Нет, ну какая ирония? Сначала унизительное в своем цинизме предложение стать любовником, одним из многих. Затем плата повысилась до титула фаворита. А сейчас все идет к тому, что ему предложат уже полноценный брак. Как там ему тогда сказал Эдмир?.. Если бы ты был основным наследником, то мог бы заинтересовать меня в качестве мужа… а так, только любовник… жалкая подстилка на одну ночь. Теперь же Рэни унаследовал графство, и принц тут же начал демонстрировать свое восхищение столь жирной рыбой!

Мразь!

Ради прибыли пойдет на все. Даже разрушит чьи-то надежды, переступит через чувства, сломает судьбу. Теперь уже Рэниари ему гож! Как же! Не только Искра, но и граф!

И все же придется пойти на столь ненавистное супружество ради Цитадели. Или все же уступить титул Барру, а самому стать лордом Круглого Холма? Или вообще отказаться от наследства, благо у дядюшки сразу двое супругов беременны — есть, кому наследовать. А еще лучше — откупиться захваченным владением от короны и стать младшим князем Фейринеля? Все, что угодно, только бы быть подальше от ненавистного принца.

Нет. К сожалению, это будет лучше только для него, не для Барра и не для графства. Не дадут дядюшке возможность надеть графскую корону. Или отравят, или просто не утвердят, или еще какую пакость сделают… Да и самого Рэни в таком случае вполне возможно ждет ошейник в одной из королевских башен. Просто похитят и прикуют. А если отдать Круглый Холм… тоже не факт, что владение отойдет короне, а не будет подарено новому «ковуру». И зачем Цитадели новый геморрой, когда только-только от старого избавились.

По всему выходит, что его союз с принцем неизбежен. Именно то, чего он так не желает. Но есть слово «надо». И есть возможность поторговаться. И принц, и князь по-прежнему считают его ребенком, не принимая всерьез. И грызутся за него втихую, словно за драгоценную, но совершенно бездушную вещь. Делят шкуру неубитого медведя…

— Хорошо, — тихо произнес Рэниари, выслушав все доводы за и против. — Я принимаю ваш выбор. Мы останемся в составе Хилдона. И скорее всего, что мне предложат брак с кем-то из королевского дома.

— Но принц уже просватан… — удивился кто-то из советников. Рэниари внутренне поморщился: его уверенность в своих предположениях только росла с каждой минутой.

— Вы сами понимаете, что король спит и видит подгрести нас под себя. Если это не будет его родня, то брак мне предложит вельможа, лояльный короне. В таком случае, мой второй сын станет полностью независимым и полноценным наследником графства. Все с этим согласны? — И выслушав нестройный гул голосов, распорядился: — До моего отъезда приведите в порядок дела и предоставьте мне к утру свои отчеты. А сейчас все свободны.

Управители поднялись разом, отвешивая новому графу уважительные поклоны, и вышли.

— Ну, надо же, — вымолвил Баррэт, когда за посетителями закрылись тяжелые двери. — Да они у тебя с рук готовы есть! И это те, кто любого купца разденет догола!

— Просто они моментально просчитали все выгоды, — пояснил племянник, устало обхватывая затылок руками. Вориндо-рив недовольно покачал головой.

— Тебе отдохнуть надо, — сказал он.

— Сейчас, — невнятно произнес Рэни. — Честное слово, лягу. Только решу еще пару вопросов. Во-первых, ты должен ехать со мной, как претендующий на Круглый холм.

— Да я разве спорю, — вздохнул Баррэт. — Вот только, на мой взгляд, ты сделал ошибку… и я с тобой тоже.

— Какую ошибку? — Недовольно поднял голову юноша. Барр рассмотрел совсем посеревшее от усталости лицо племянника: ему выспаться надо, а парень все сидит здесь. Но зная упрямый характер Рэни, лучше уж дать тому завершить дела, чем отнимать время спорами.

— Нельзя было отпускать сына Ковура, — вместо старшего мужа пояснил Лотэ, обнимая прижавшегося к нему Сэри.

— Вот-вот, — пробурчал и Баррэт. — Сиорол еще та сволочь. Вряд ли он смирится с поражением и смертью отца.

— Ты же сам там был! — Возмутился Рэни. — Как будто тогда было время прочесывать округу и искать беглеца!

— Потому и не настаивал на погоне, — отозвался Баррэт. — Но ты своего «кузена» со счетов не сбрасывай… да и я не буду.

— Хорошо. — Согласился Рэниари. — Но ты от разговора-то не уходи. Так… значит, в столицу со мной ты тоже едешь. И берешь Лотэ. Надо начинать мириться с вашими родителями, парни. Тем более, что ваши семьи имеют вес в Центральных провинциях. Если мы не обеспечим себе их поддержку, то проиграем. Сдается мне, Фейринель задумал какую-то пакость. Да и принцу я не верю. Так что Лотэ едет с тобой, дядя.

— А почему только меня? — Удивился брюнет. — А Сэри?

— Его бы тоже надо, — вздохнул Рэни. — Но кто-то же должен заняться хозяйством в захваченной крепости.

— Ну, тогда ладно…

— Шли бы вы, господа, отдыхать, — ласково предложил Рэниари, кося взглядом в сторону стопки исписанных листков.

— Да мы с удовольствием, — не менее ласково отозвался Барр, — если дашь слово, что тоже отправишься на боковую.

— Даю!.. — обреченно вздохнул Рэни. — Только с Сэри немного поговорим.

— О чем это? — Удивился блондин, пока Барр, взяв за шиворот заинтересованного Лотэ, выводил того из кабинета.

— О том, о чем знают только младшие, — отозвался Рэни.

Дождавшись, когда закроется дверь, юноша пронзительно посмотрел на своего занервничавшего родича.

— Сэриэль, — обратился Рэниари к супругу дяди. — Не желаешь ли заняться своими прямыми обязанностями?

Блондин очаровательно покраснел и потупился.

— Да, я вроде уже как… — прошептал он, жарко полыхая ушами. Рэниари только хмыкнул.

— Я не только про ЭТО, — разъяснил юноша парню намного старше себя. — Баррэт и Лотэ оба воспитывались воинами. Они умеют все, кроме как вести хозяйство. Или ты думаешь, они сумеют правильно составить торговый договор, проверить счета?.. Держи карман шире!

Глаза Сэриэля напоминали две большие монеты.

mir-knigi.org

— А ты как думал? — Жестко усмехнулся Рэниари. — Если желаете жить в своем владении, то побеспокойтесь, чтобы оно не разорилось. Мне, знаешь ли, и Цитадели хватит за глаза. Так что перебирайся в Круглый Холм и принимайся за дело. Барр и Лотэ уезжают со мной. Ну, а ты пока обживайся в крепости. Аррид один не справится. Он моряк, воин, но не хозяйственник. Я пока оставлю его тебе для охраны, но все дела в поместье бери в свои руки.

Сэриэль невольно задумался, прикидывая фронт работ.

— Мы ведь будем там совсем чужими… — произнес он грустно, невольно поеживаясь. Но Рэни только фыркнул.

— Глупости! Да, ты и сам подумай, что надо сделать в первую очередь, чтобы завоевать вечную благодарность жителей Круглого Холма…

— Эээ… я еще плохо знаю ваши реалии… — нерешительно произнес Сэри, судорожно соображая. — Снизить налоги?.. Уменьшить оброк?

— А если подумать? — Хищным тоном предложил Рэниари. — В Цитадели нет крепостных крестьян. И жители Круглого Холма всегда завидовали нашим людям. Сами-то они были вещами собственных лордов.

— А ведь и, правда!.. — пробормотал Сэриэль, тут же улавливая несоответствие. — Если мы освободим их от рабства… да они за такое ноги нам целовать будут! Любого на вилы поднимут, кто задумает против нас зло!

— Вот-вот, — согласился Рэни. — А вы разом обретете преданность целого владения. И даже если прежний наследник заявится с претензиями, то у него ничего не выйдет.

— Надо будет подумать об арендной плате… — бормотал тем временем Сэри, весь в мыслях о задуманном. — Ох, сколько сделать предстоит!

— Зато вы сразу же укрепитесь, — сообщил ему Рэни. — Да так, что никто не подкопается. Справишься один? У меня то в Цитадели слаженная команда управителей, а тебе все придется решать одному: не оставишь же прихлебателей Ковура себе в головную боль?

Блондин замотал головой.

— Ни за что! — Решительно произнес он. — Сам справлюсь. Так что спокойно езжайте в столицу. Только… Рэни…

У Сэриэля вновь намокли ресницы.

— Помири нас с родителями… — шепотом попросил он племянника мужа. — Пожалуйста!

— Я постараюсь, — серьезно отозвался юноша.

…Ночь как-то очень уж быстро опустилась на Цитадель.

В обширных нижних залах, отведенных под тризну, остались одни слуги, споро убиравшие со столов. Верхняя же часть замка, где проживали господа, казалась совсем нежилой. Только проходили по стенам настороженные часовые, поглядывая в сторону Гостевой башни, где расположилась свита самого принца, и жил он сам. Там практически во всех бойницах горел свет, но тоже было тихо.

Его высочество Эдмир стоял у высокого, узкого окна в отведенных для королевского наследника покоях и упрямо вглядывался в темную громаду Цитадели. Что он пытался рассмотреть в быстро сгущающихся сумерках, принц и сам не знал. Но продолжал стоять. Почему-то ему жизненно необходимо было угадать, где, в какой части замка были те окна, за которыми спал его Рэни.

Сам же Рэниари ни о чем не думал и не гадал. Он, уставший до невозможности, просто спал без снов в своей постели.

И только в одном месте главного здания еще горел слабый свет.

На верхнем этаже донжона, где расположились покои Вориндо-рива и его мужей…

Вошедший спальню Сэриэль без всякого удивления встретил взгляды двух пар родных глаз. Баррэт и Лотэ в обнимку сидели на широкой постели, ожидая своего младшего.

— Мы говорили о крепости Круглого Холма, — со вздохом пояснил блондин, не дожидаясь расспросов. Слуг сегодня в донжоне не было: слишком много работы оказалось в нижних залах. А пускать в Цитадель подмогу со стороны Рэниари запретил. Так что пришлось раздеваться самому. Слава Отцу-Небу, хоть ванна была наполнена, и можно было выкупаться.

— А потом я немного посидел с казначеем.

— Зачем? — Не понял Лотэ. А со-муж виновато хмыкнул.

— Рэни напомнил мне о моем воспитании, — пояснил он. — Меня ведь учили вести хозяйство, заниматься торговлей… А я в последнее время совсем расслабился. Но теперь у нас есть свой дом. И нужно поддерживать его на должном уровне.

— Понятно, — глухо отозвался Баррэт, следя, как его самый младший расчесывает платиновую шевелюру, сидя на низком табурете перед зеркалом в чем мать родила. Хрупкие плечи, тонкая талия, узкие бедра… Длинные, совершенно безволосые ноги подобраны под сидение: хотя потомки эльфов и не отличались повышенной лохматостью, но у них на теле тоже хватало волос. Вон, у Лоте и фигура накаченная, да и на руках и на ногах достаточно поросли. Но изысканный, нежный Сэри, с детства воспитанный как младший, прошел магическую обработку, убравшую с его тела все волосы, кроме головы и паха. Обычно подобное остальные мужчины проделывали, если не желали отпускать бороду.

Маленького блондина хотелось ласкать и нежить, беречь, словно стеклянную статуэтку, что оба его супруга с готовностью делали.

— Лотэ воспитан воином, — невыразительно продолжал Сэриэль, машинально скользя серебряным гребнем по гладким прядям, — он будет тебе хорошим помощником, муж мой. Всегда прикроет спину, защитит… А я буду беречь наш дом и заботиться о процветании нашего клана. Знаешь… а ведь ты теперь законный владелец собственного владения, и приставка «рив» тебе не годится. Но и носить имя Вориндо ты не сможешь. Это имя главной семьи. Нам нужно свое имя.

— Вориндо, Ротаоль и Сауналь… — задумался Лотэ. — А ведь и верно! Мы патриархи нового клана. Нужно имя!..

Но Баррэт, встревоженный слишком уж безэмоциональным голосом младшего, осторожно

поднялся с постели и, подойдя со спины Сэри, через его плечо заглянул в зеркало перед юношей.

Лицо блондина уподобилось алебастровой маске, темно-зеленые глаза лихорадочно блестели, а рука, с зажатым в ней гребнем, продолжала механически расчесывать уже слегка потрескивающие волосы.

— Ты правильно сделал, что не стал претендовать на место графа, Барр, — в холодном стекле призрачное отражение всегда веселого, звонкого Сэри чуть шевелило бледными губами, слепо смотря в никуда. — Не нужна нам такая морока… И Круглого Холма хватит. Слишком много падальщиков вокруг Цитадели, а я хочу покоя для нас и наших детей…

Не выдержав, Баррэт рывком подхватил на руки своего младшего и бегом бросился к постели. Сэриэль лежал в его объятиях словно кукла-марионетка с выдернутыми веревочками. А потом вдруг сильно задрожал.

— Что!.. Что с ним?!.. — не на шутку перепугался Лотэ, вцепляясь руками в плечи со-мужа, когда Барр упал со своей ношей в высокие перины. Брюнет тряс невменяемого Сэриэля, чувствуя, что у него самого начинают плясать зубы, отбивая чечетку.

— Шок!.. — кратко выдал старший супруг. — Отходняк… после перенесенного. Бывает! Не сразу, но случается…

Вытянувшись, Барр лег на своего маленького блондина, впечатал его в постель всем своим большим, горячим телом. Укутывая в свой запах и тепло, шепча какие-то глупости. Пристроившийся сбоку Лотэ, встревожено блестя серо-голубыми глазами, массировал кожу головы со-мужа. Баррэт тем временем жарко целовал, вылизывал покорно раскрытый рот начавшего всхлипывать Сэриэля.

— Ну, что ты, маленький!.. — шептал он торопливо, лаская губами высокие скулы блондина, прикусывая мочки его ушей и выцеловывая длинную шею, пока запрокинувший голову Сэри захлебывался в беззвучных рыданиях, сжимая руки в кулаки. — Что ты!.. Ну, все… мы живы… мы рядом… мы любим тебя.

Переместившись с поцелуями на тяжело вздымающуюся грудь блондина с прохладными горошинками сосков, и предоставив Лотэ возможность ласкать заплаканное лицо младшего, Вориндо-рив согрел дыханием тут же напрягшиеся коричневые комочки. И был вознагражден первым чуть слышным стоном. Сэриэль под ним, явно приходя в себя, расслабился, взапой начиная целоваться с Лотэ, да так, словно пил само дыхание со-мужа, убеждаясь, что они и вправду живы и вместе.

Баррэт тем временем методично вылизывал поджавшийся живот блондина, с ума сходя от одной только мысли, что там, внутри, его ребенок. Язык воина нежил впадинку пупка, пока руки гладили выступающие тазовые косточки Сэриэля, намеренно не спускаясь ниже.

Застонав еще громче, Сэри отчаянным усилием освободил руки и вцепился в волосы Лотэ, полностью перехватывая инициативу на себя, заодно плотно обхватывая бедрами плечи ласкающего его внизу старшего супруга. Не ожидавший этого, Лотэ удивленно охнул, подаваясь навстречу возлюбленному, и пальцами сжал его уже напряженный сосок, слегка ущипнув и тут же резко отпустив. Сэри ахнул ему в рот и пропустил атаку наглого языка брюнета, едва не задохнувшись. А Лотэ, оторвавшись от припухших губ со-мужа, переместился на изгиб его шеи, прикусывая кожу там, где бешено пульсировала жилка, и языком прокладывая влажную дорожку до вмиг порозовевшего ушка… от души потеребив мочку и

сразу же вылизав гладкий завиток раковины. А внизу младшего доводил до экстаза Баррэт, вылизывая самый низ его живота и вольно играясь с яичками.

И Сэри плавился под ненасытными ласками своих мужей, забыв обо всем на свете. Из лохматой блондинистой головы разом повылетали все думы, кроме одной — чтобы ЭТО не кончалось как можно дольше!

Аккуратный член младшего встал крепеньким столбиком, гордо возвышаясь над светлыми кудряшкам паха. Упругая головка, полностью раскрывшись, влажно мазнула Баррэта по щеке. И довольный полученным эффектом Вориндо-рив на миг отстранился, окидывая разметавшегося по постели Сэриэля жарким взором. Вот так-то лучше! А то малыш совсем извелся, переживая за всех разом.

Лотэ тоже оторвался от зацелованной до алых отметок шеи со-мужа и глянул шальными глазами на Барра.

— Возьми меня… — одними губами шепнул Воринда-рив, придерживая руками извивающегося Сэриэля. Глаза брюнета стали размерами с блюдца, но старший супруг только головой кивнул, становясь в характерную позу меж широко расставленных ног младшего мужа. Баррэту необходимо было почувствовать в себе любимого, ощутить принадлежность к своей семье, очиститься от следов насилия после Ковура и его солдат.

— Ты же еще не восстановился!.. — в панике охнул Лотэ, невольно отшатываясь.

— Возьми! — Просительно произнес Барр. — Я знаю, что грязный…

Вздрогнувший Лотэ вдруг побледнел и рванул к нему, разом крепко обняв.

— Никогда так не говори!.. — зашептал горячечно. — Никогда! Люблю тебя! Не хотел сделать больно!..

— Ты не можешь сделать мне больно, — упрямо произнес Барр, отстраняя от себя мужа. Несколько пришедший в себя Сэри смотрел на них снизу вверх пьяными глазами. Затем, немного подтянувшись, устроился в полусидячем положении на горе подушек и вновь потянул на себя старшего мужа.

— Вот так… — нежно шепнул, обнимая крепко-крепко. — Ласкай… готовь меня… пока Лотэ подготовит тебя. Хочу вас обоих!..

И Барр решился.

Тело еще помнило боль насилия и невольно напрягалось, но мужчина отвлекся, жадно принимаясь целовать своего младшего, пока второй супруг решительно разминал сильными ладонями его напряженные плечи, постепенно спускаясь к ягодицам. Сэри выгибался под мужем всем телом… так страстно, так горячо!.. так отзывчиво… запуская пальцы в спутанную шевелюру Вориндо-рива, цвета мокрого пепла. Горловые стоны блондина любого бы свели с ума, отдаваясь тонкой вибрацией в белой шее, что было так сладко терзать поцелуями!

Не на шутку увлекшись процессом, Баррэт даже как-то пропустил миг, когда руки Лотэ осторожно раздвинули его половинки, а горячий язык брюнета принялся вылизывать сжатое колечко входа, изредка проникая в него и даря ни с чем несравнимое удовольствие. Но Барр был занят, доведя едва не до истерики младшего супруга, лаская губами его член и во всю играясь с поджатыми гладенькими яичками. Ладони Вориндо-рива, покрытые огрубевшими от

mir-knigi.org

оружия мозолями, разминали поясницу юноши, периодически скатываясь к маленьким крепким ягодицам, как раз по размеру рук воина. Бедняга Сэриэль едва не на мостик вставал, подаваясь бедрами навстречу ласкающему рту. Он стонал, кричал, умолял… Но супруг как будто и не слышал его, изводя жадными ласками.

А тем временем Лотэ сосредоточенно, забыв о собственных нуждах, разминал пальцами вход Барра, больше всего боясь увидеть кровь на своих пальцах. Он помнил, каким был супруг после изнасилования. Конечно, целебные бальзамы помогли, но рядом не было мага, чтобы исцелить воина окончательно.

Но… крови не было, а сам Баррэт доверчиво подставлял зад под руки мужа, не показывая, что ему больно. И, тем не менее, бедный Лотэ едва не взмок, пока готовил супруга к проникновению. Им обоим сильно мешало, что совсем уже невменяемый Сэриэль чуть ли не в судорогах бился под ласкающим его старшим.

— Барр… да войди ты в него!.. — прохрипел Лотэ, чувствуя, что еще немного, и он опозорится: собственный член как-то уж очень быстро увядал, не выдержав напряжения своего хозяина.

Баррэт тут же скользнул ладонями под упругие полушария Сэри, складывая того едва не пополам. Быстро смазал и навалился, входя медленно и осторожно. Но несносный блондин, доведенный до предела, даже не чувствовал боли, с радостным облегчением принимая немаленький член мужа.

Сам Лотэ вновь ощутил возбуждение от одной только картины напряженных до каменного состояния спинных мышц Баррэта… его смуглой кожи с крупными каплями пота, пахнущего остро и свежо… его белых, распяленных ягодиц с блестящей дорожкой масла!..

Член брюнета подпрыгнул к его животу в полной боевой готовности. И, с силой смяв в ладонях крепкие ягодицы мужа, брюнет приставил упругую головку к растянутому входу и слегка надавил, проникая внутрь. Спина Баррэта под ним напряглась сильней (хотя куда уж больше!..). И Вориндо-рив замер, пережидая вторжение и давая Сэриэлю тоже время привыкнуть.

Так они на миг и замерли на постели единой скульптурной композицией, впечатавшись друг в дружку до упора, дыша часто, тяжело…

Лотэ чувствовал, как жгучий пот заливает его глаза, капает с подбородка на спину Баррэта. Ладони юноши, скользкие от масла, не могли ухватиться покрепче за бока мужа, член едва ли ни вибрировал в горячей тесноте, требуя немедленного движения. Но Лотэ крепился, боясь сорваться и навредить любимому.

…Единственный ночник, зашипев, мигнул и погас. И теперь спальню голубовато освещала только любопытная Анатэль. А Барр, прислушиваясь к себе, не чувствовал боли.

Не было ничего, кроме легкого жжения.

И странной… не совсем привычной наполненности…

Но и отторжения не было, скорее любопытство.

Сейчас все иначе…

И Вориндо-рив нерешительно, на пробу качнул бедрами, немного выходя из Сэриэля и

насаживаясь на словно бы окаменевшего Лотэ. Удивительно, но пережив насилие, Барр не боялся близости с дорогим ему человеком. Действительно, чего ему страшиться в постели с любимыми?

И мужчина уже смелее заработал бедрами, насаживая и насаживаясь. Тем более, что чувство жжения в заднице сразу же исчезло, стоило только сильнее расслабиться. А уж когда Лотэ задел внутри него нужное место, стало и совсем хорошо!

Для Лотэ же такая тройная близость оказалась настоящим испытанием. Ему хотелось двигаться, вбиваться… но малейшее движение навстречу тут же вызвало сбой единого ритма, и болезненное шипение старшего мужа. Так что пришлось остановиться и терпеть изо всех сил, не имея пока сноровки двигаться в унисон с партнером. Главное, что Барру под ним явно было хорошо. А уж паршивцу Сэриэлю лучше всех!

Наконец, размеренные прежде движения Баррэта прервались частыми, несколько хаотичными толчками. И воин, утробно застонав, рывком, изо всех сил натянул на себя закатившего глаза Сэри, с облегчением изливаясь в него. При этом Вориндо-рив даже не заметил, что член Лотэ выскочил из него чуть ли не целиком. Вот этого брюнет уже не смог стерпеть.

Да что за издевательство, в конце-то концов! Он тоже хочет!

И распластав все еще содрогающегося старшего на только пискнувшем младшем со-муже, Лотэ яростно задвигался, вонзаясь в Баррэта, что все еще был в Сэриэле. Вот только развязка наступила слишком быстро, не дав насладиться своим положением. И брюнет, повалившись на мужей, быстро кончил, едва не взвыв от разочарования.

— Слезьте с меня… придурки!.. — где-то внизу с трудом прохрипел Сэри, тщетно пытаясь проскрести себе ход наружу. Но растекшийся по нему расслабленный Баррэт с трудом шевелил руками-ногами. А уж о Лотэ и говорить нечего. Все, что смог сделать брюнет, это с трудом завалиться набок, сползая со спины старшего мужа. Вот уж не думал он, что быть сверху так утомительно! А ведь раньше, с Сэри, проходило все просто отлично. Или это потому, что он впервые был с Баррэтом?..

Перевернувшийся, наконец, на спину Вориндо-рив освободил встрепанного, покрасневшего и очень возмущенного Сэриэля. Блондин раскрыл было рот, чтобы высказать все, что думает о своих безалаберных мужьях. Но посмотрел на блаженные улыбки супругов и сдулся.

— Мне понравилось… — выдал Барр, уставившись на изнанку темного балдахина у себя над головой.

— Вот только я слишком быстро кончил, — недовольно буркнул Лотэ, тоже начиная шевелиться. И тут же оказался придавлен мощным телом старшего супруга.

— Так за чем же дело стало? — Провокационно промурлыкал Баррэт, раскладывая довольного мужа на постели. — Сэри, присоединяйся!..

— С удовольствием! — С нездоровым энтузиазмом отозвался младший супруг, подбираясь к пяткам боящегося щекотки со-мужа. — Будет знать, как меня придавливать!..

…В конце концов, угомонившись где-то к середине ночи, они притихли, крепко обнявшись. Вориндо-рив, с двух сторон от которого прильнули полностью удовлетворенные супруги, покачивался на сладких волнах дремы, все глубже и глубже проваливаясь в сон. Тело полнилось приятной истомой, мысли текли легко и лениво, постепенно пропадая…

— Спасибо, — вдруг негромко, но четко в тишине спальни произнес Сэриэль, прижимаясь к правому боку мужчины. — Теперь я в порядке.

— Да всегда пожаааалуйста… — чуть ли не вывернул себе в зевке челюсть Лотэ, выглядывая из-под левой руки Барра. — Обращайся, если что…

— Барр… — тихонько позвал Сэриэль, осторожно гладя ладонью литые мышцы на груди старшего супруга. — А Рэни… как он справится? У него ведь никого нет…

— Разве ты не понял, что он специально изматывал себя работой? — Подал голос Баррэт после продолжительного молчания. — Он делал это намеренно, чтобы не вспоминать… не думать.

— Вы позаботитесь о нем? В столице? — Не успокаивался Сэри. Баррэт повернул к младшему тяжелую от усталости голову.

— Спи, — спокойно и веско ответил он. — Конечно, позаботимся.

— Мне жаль его… — уже совсем сонно ответил Сэри, послушно закрывая глаза. — Он иногда кажется таким далеким… то древним, то юным… красивый… одинокий…

— Спи, — подал голос и Лотэ, блестя в темноте глазами.

— Ворональ, — вдруг четко произнес Баррэт, прижимая к себе супругов.

— Что? — Непонимающе вскинулись младшие, даже забыв о сне. Но старший муж лишь широко улыбнулся, устраиваясь поудобнее.

— Вы же хотели придумать новое имя для нашего маленького клана, — пояснил он. — Без унижающей приставки «рив». Соединить три имени… Получилось — Ворональ. Властители Круглого Холма, высокородные лорды из клана Ворональ!

Глава 12

Королевский розарий славился далеко за пределами Хилдона. Даже надменный Мисиран, испокон веков традиционно соперничающий с восточным соседом, не мог похвастаться столь великолепным парковым комплексом, над которым трудились лучшие садовники со всех частей света. Говорят, основу цветника разбили еще эльфы, когда на месте королевского дворца стоял один из их замков. Но люди за прошедшие века расширили и преумножили доставшиеся им богатства. И две принцессы правящего дома, что ближе к вечеру прогуливались среди распустившихся ранних цветов, в полной мере наслаждались окружающим великолепием.

Леди Эстель Келлиадир, третья сестра короля, и леди Исса, самая младшая из сестер его величества, довольствовалась обществом друг друга, дав понять придворным, что их присутствие нежелательно. Исключение составлял один Эльмаран, барон Корраз. На правах старого друга, с которым ее высочество Исса некогда играла в далеком детстве, старший из братьев-близнецов развлекал дам дворцовыми сплетнями.

Главной новостью, конечно же, было ожидаемое возвращение наследника престола. Столичная аристократия уже была в курсе того, что случилось в далекой Цитадели. Многие припомнили, как принц проявлял нешуточный интерес к тогда еще бастарду правящего графа. Кто-то даже пустил расхожую шутку, что это, мол, не поход против мятежников, а поиск нового жениха, взамен осточертевшего многим вздорного и недалекого Дориана.

mir-knigi.org

Опасная шутка.

И очень точная. Цитадель по значимости и влиянию ничем не уступала герцогству Ваоттиро. А по многим параметрам даже превосходила. И красивый мальчик, на которого успели обратить внимание придворные… всего лишь красивая игрушка в глазах сильных мира сего… вдруг стал единственным наследником могущественной твердыни. Многие вельможи облизнулись в предвкушении. И… ах!.. какие планы засверкали в их горячих головах! Но все они увяли, стоило только их хозяевам вспомнить, что главным соперником самовольных женихов выступает сам Бешеный принц, вот уже несколько дней сидящий под стенами крепости, терпеливо ожидая свою добычу.

Вот только куда девать милашку Дориана? Он не любовник из подворотни, чтобы так просто забыть о нем…

Мельница слухов крутилась, не переставая, выдвигая все более сумасбродные предложения.

Достигнув ушей младшего герцога Ваоттиро, эти сплетни вызвали настоящую бурю. Примчавшийся к королю вместе с отцом Дориан потребовал дать разъяснения. Но как всегда благодушный Сорондо прикинулся ничего не понимающим. И пояснил, что Эдмир всего лишь должен был подавить мятеж на краю королевства. А так как его помощь не потребовалась, обязан сопровождать вероятных наследников в столицу.

Посмеиваясь, Эльмаран в лицах пересказывал бурный диалог Дориана, которого не смог заткнуть даже отец. Барон откровенно недолюбливал вздорного юнца, однажды нарвавшись на презрительное замечание того: герцог не терпел рядом тех, кто хоть в чем-то его превосходил. А статный красавец Эльмаран был хоть и не так хорош, как его более известный своими похождениями братец, но тоже привлекал к себе немало взоров.

— Нет, барон, — проговорила, наконец, Эстель, отсмеявшись, — ну, нельзя же быть настолько острым на язык! Бедный Дориан всего лишь скучает по Эду.

— Ты сама-то в это веришь? — Насмешливо покосилась на сестру Исса. — Дори всего лишь скучает по тому положению, что занял после помолвки.

— Не скажите… — неожиданно протянул барон, издалека раскланиваясь со знакомыми. — Согласен, по своему он любит принца. Но еще больше любит себя. Я не в восторге от предстоящего брака, но должен признать, что в роли консорта он будет неплох. Эдмиру ведь необязательно давать ему в руки власть. Достаточно обеспечить комфорт и минимальное внимание. Зато наши западные владения будут защищены.

— Сорондо так долго добивался этого союза, — недовольно фыркнула Эстель. — А Эдмир никак не повзрослеет, гоняясь за очередной милашкой, и тем самым злит будущего мужа! Стоит мараться ради какого-то графства, если на кону целое герцогство!

— Не скажите, дамы, — позволил себе не согласиться с принцессой Эльмаран. — Цитадель — это драгоценность! Другое дело, что связавшись с ней, мы, волей неволей, настроим против себя западников. Не слишком то хорошая перспектива… Да и новый граф слишком темная лошадка. Одно я могу сказать точно: мальчик не в восторге от нашего принца.

— Тем более, зачем приближать к себе заведомо неприятную личность! — Продолжала бурчать Эстель. Барон на этот раз промолчал — не стоило говорить о политике со средней из принцесс. Эстель была великолепна в вихре бала или в центре очередной проказы, но в делах ее высочество придерживалась взглядов брата-короля. И, не задумываясь, поддерживала все его

начинания. Если Сорондо выбрал сыну жениха, значит, так надо. И нечего мечтать о чем-то другом.

Другое дело Исса. Внешне она походила на сестру во всем, корме цвета волос: Эстель гордилась своей каштановой гривой, а ее сестра имела белоснежные локоны, как и у брата. А так они обе были статные, гибкие, сероглазые. Вот только младшая из принцесс отличалась вдумчивым характером и умела анализировать. И Дориан ей не нравился с первого дня знакомства. Впрочем, свое отношение к будущему родственнику Исса благоразумно не демонстрировала, здраво рассудив, что для консорта главное здоровье, а детей можно воспитать и без него.

Внезапно высокоумную беседу прервало весьма странное шебуршание в цветущих шпалерах, мимо которых чинно проходила троица.

Эльмаран невольно насторожился. Конечно, средь белого дня, в королевском саду вряд ли можно подумать об убийцах… но лучше поберечься. В слишком уж лихие времена они живут. Ладонь молодого человека уверенно легла на рукоятку меча.

Но на садовую дорожку выкатился тот, кого барон не ожидал увидеть здесь и сейчас.

Валиэль…

Его собственный непутевый младший братец, что пропадал где-то вот уже трое суток. Зная любвеобильный нрав Валя, Эльмаран не беспокоился. Брат и раньше исчезал надолго, заимев очередного любовника. Но именно последнее отсутствие встревожило старшего из близнецов больше всего, ибо Валиэля упорно разыскивал маркиз Деззион. Кажется, на этот раз братец крупно влип, и предупредить его Эльмаран не мог, не зная, где скрывается легкомысленный красавчик. Бежать в поместье под крылышко деда парень не мог, ибо старик обоих внуков от младшего сына справил в столицу с целью найти себе достойную пару. И как назло, кажется, у Деззиона были самые серьезные намерения. Великолепный союз. Хотя и несколько неравный — богатый старик, имеющий взрослого сына-наследника, и юный красавец. Их дед был в явном восторге. Но братишка почему-то упорно избегал «жениха», хотя сравнительно недавно вовсю крутил перед ним задницей.

— Доброго дня, Ваши Высочества, — неисправимый Валиэль (горбатого могила исправит!..), сидя на корточках, снизу вверх самыми честными глазами смотрел на принцесс. — Я столь очарован вами, что отныне буду находиться только у ваших ног!

На этого паршивца не было даже сил ругаться, несмотря на нарушения этикета!

— Барон, вы не собираетесь претендовать на место нашего шута? — Проворковала Эстель, невольно покусывая нижнюю губку: она, как и многие другие, неровно дышала к очаровательному шалопаю.

— Только ради вас, моя прекрасная дама, — убийственно серьезно отозвался Валиэль, не делая, однако попыток, распрямиться.

Назревающий обмен любезностями был прерван самыми грубым образом — в конце аллеи появилась высокая, затянутая в шелка фигура старшего из маркизов Деззионов. Валиэль тут же страдальчески закатил глаза и попытался заползти обратно в шпалеры.

— Ну-ну, барон!.. — насмешливо улыбнулась Эстель. — Кажется, вы влипли!

Только ленивый не слышал при дворе о погоне старика за ветреным любовником.

— Не дайте сгинуть во цвете лет! — Шепотом взмолился бедняга, и Эльмаран невольно улыбнулся: опять ведь выкрутится! И не скажешь, глядя на этого шута, что перед ними один из лучших солдат королевства.

— Только если вы развлечете нас причиной столь пикантного момента, — предложила коварная Исса. Валиэль тут же согласно кивнул головой, боясь, что девушки передумают. Но тех подстегивало любопытство. И Эстель, расправив широкую юбку, тут же присела на так, кстати, оказавшуюся поблизости скамейку: Валиэль полностью скрылся за богатыми складками ткани.

— Ваши высочества, барон… — приветствовал троицу подошедший маркиз, церемонно раскланиваясь с дамами и Эльмараном. — Приношу вам свои извинения… я прервал вашу прогулку, но… Не видели вы здесь вашего брата, лорд? — Уже напрямую обратился Деззион к барону, как только получил формальное разрешение принцесс. Эльмаран не удивился, что старик не принял его за Валя. При всей похожести близнецов, их никогда не путали: у Валиэля были потрясающие глаза цвета насыщенных сапфиров. Что создавало просто убойную картину в сочетании с темно-серыми волосами и белоснежной кожей. А у Эльмарана глаза были карими.

— К сожалению, маркиз, — легко ответила Исса, присаживаясь рядом с сестрой. — Как видите, здесь негде спрятаться.

— Но вы что-то рассматривали на дорожке, — несколько замялся Деззион. Исса легко пожала покатыми плечами.

— Мы весь день пытаемся отыскать моего котенка, — безмятежно пояснила она. — Эльмаран согласился помочь. И терпеливо скрашивает наши поиски.

— Неужели лорд Валиэль стал настолько мелким, что мы должны рассматривать его на дорожке? — Засмеялась и Эстель, демонстрируя жемчужные зубки. — Маркиз, да вы шутник!

Глаза Деззиона стали совсем несчастными. И пробормотав извинения, старый вельможа убито побрел прочь.

— Вылезай… котенок!.. — сквозь зубы прошипел Эльмаран: если бы не присутствие дам, он от души надавал младшему братцу по заднице. Судя по всему, именно этим местом Вал и думал, затевая свои интрижки.

— Барон, я жду платы, — фыркнула Эстель. — Что же вас подвигло к столь удивительному перемещению.

Вылезший из-за скамейки Валиэль, вольготно расположился прямо на дорожке, у ног их высочеств.

— Я просто рискнул, наконец, появиться при дворе, — с обезоруживающей честностью пояснил он. — Был уверен, что запал моего «жениха» уже иссяк. Но нарвался прямо на него. А так как я не горю желанием стать его супругом, пришлось спешно удирать.

— Сколько можно, Вал! — Возопил Эльмаран. — Давно было нужно с ним переговорить!

— Да я пытался, — уныло пояснил младший брат. — Но лорд Тарлит упорно пытается надеть

мне на руки брачные браслеты. Чего я не желаю всеми силами.

— Отчего же? — Хмыкнула Эстель. — Он весьма представительный жених. Да половина двора вам уже дико завидует, мечтая оказаться на вашем месте!

— С удовольствием им его уступлю, — мило улыбнулся Валиэль, лукаво блестя сапфировыми очами. — Все дело в том, что я, наконец-то, встретил своего избранника. И другой мне не нужен.

— А хотя бы написать маркизу письмо?!.. — все еще кипел от возмущения Эльмаран. Но брат неожиданно грустно на него посмотрел.

— Да я написал, — тихо ответил он. — Но почему-то Деззион решил, что меня шантажировали. И теперь проходу не дает.

— Надо помочь страдальцу! — Засмеялась ее высочество Эстель. — Ладно, лорд Валиэль, только ради ваших прекрасных глаз! Я, пожалуй, пущу сплетню, что вы отныне заняты и встали на путь добродетели. Не поделитесь именем вашего избранника? — Но осторожный барон только мило улыбнулся. — Эльмаран, проводите вашего брата домой, чтобы его никто не украл. Воистину, потеря для всего двора будет невосполнимая!

Дождавшись, когда братья скрылись за поворотом аллеи, посерьезневшая разом Эстель повернулась к младшей сестре.

— Исси, — произнесла она. — Ты играешь с огнем. Может, другие и принимают ваши отношения с Эльмараном за продолжение детской дружбы, но я-то вижу, как вы оба с ума сходите друг по другу. Не зарывайся, сестра. Ты можешь себе позволить все, что угодно… легкий флирт, жаркую ночь, любовника. Но не любовь. Слишком больно будет рвать ее, когда придет время выходить за нелюбимого.

— Я знаю, Эст, — печально ответила ей Исса. — Я знаю…

…Каскадные порталы, работающие на переброске таких масс людей, сильно вымотали магов. И это притом, что армейцы шли отдельно, перебрасываясь в столицу своими каналами. Но Эдмир благоразумно оставил подле себя большой отряд избранных гвардейцев. Кроме них порталами пользовались два сводных отряда — нового графа Цитадели и нового лорда Круглого холма в сопровождении одного из супругов. Строенный отряд, напоминающий маленькую армию, да еще под королевским штандартом вряд ли кто посмел тронуть. Но, имея в своих руках драгоценную Искру, принц решил не рисковать. И на каждой стоянке маги накладывали полную охранную сеть, блокируя все подступы, что не могло не истощать их резерв вкупе с установкой порталов.

Пять дней, выторгованных Рэниари для себя, текли слишком быстро для юноши и медленно для принца. Последний уже не раз успел пожалеть об опрометчивом обещании. Да и король-отец при каждой магической связи не уставал напоминать сыну, как тот сдурил, дав мальчишке время оправиться. Но слово вылетело, а сам мальчишка укрылся за стенами Цитадели. Оставалось только скрипеть зубами и ждать, когда истечет срок, изнывая от нетерпения.

Сам же Рэниари использовал выторгованное время с наибольшей пользой. Он практически не спал все эти дни, позволив себе полноценный сон только в ночь после тризны. Внешне тихая, внутри Цитадель бурлила как кипящий котел, но за стены не выходило ничего. В Гостевой

башне все были уверены, что юный наследник погружен в траур. Преданные слуги, обслуживающие гостей, сделали все, чтобы донести это до принца и его окружения — слово там, сожаление, что молодой лорд так горюет, здесь…

А тем временем юноша, на чьи плечи упала ответственность за целое графство, лихорадочно занимался делами. Конечно, часть из них можно было передать преданным управителям отца, но много приходилось решать самому. Часть доверенных людей переворачивала архивы и библиотеку замка, разыскивая древние хартии, законы и поправки к ним, споря и переругиваясь едва не до драки — Совет был не за горами и, чтобы не попасть впросак, молодому графу нужно быть готовым к нему.

Основной головной болью было вновь приобретенное владение погибшего «дядюшки» Ковура. Оставленный в захваченной крепости Аррид сообщил, что выгнал всех прежних слуг, набрав неопытных деревенских дурней, ничего не умеющих и обалдело раскрывающих рты при виде роскоши замка. Но лучше так, чем нарваться на предательство прикормленных прежними владельцами холопов.

Рэниари и Сэриэль просиживали сутками в кабинете, перевалив на Барра с Лотэ всю подготовку к отъезду. Молодые люди ломали головы над будущим Круглого Холма, споря до хрипоты и отбрасывая в сторону отработанные версии. Результатом мозгового штурма стало спешное и скрытое приглашение в Цитадель всех глав крестьянских общин Круглого Холма. Настороженные старейшины, настроенные не слишком то хорошо к новым владельцам (а и то сказать — лорды дерутся, меж ними не встревай!), попадали на колени, узнав, что им предложено стать вольными арендаторами лордства. Предстояло решить еще множество мелочей, но остававшийся в Круглом Холме Сэриэль при поддержке Аррида должен был справиться. Муж Баррэта оказался достаточно хватким хозяйственником, чего, впрочем, Рэниари и ожидал от обученного младшего. Дальше и сам разберется.

Утром, в день отъезда, Рэни, Барр и Лотэ проводили опять заплаканного Сэриэля в его новый дом. Младший из нового клана Ворональ крепко сжимал в кулаке переговорный амулет, найденный в лаборатории погибшего мага. Еще несколько таких амулетов Рэни раздал дяде, Лотэ и своим управляющим.

А еще через пару часов все трое в сопровождении выбранной свиты тоже покинули Цитадель, присоединившись к ждущему их принцу. Рэниари, опустив взгляд и демонстрируя окружающим темные круги вокруг глаз, ехал под графским штандартом на Ветерке в середине отряда. По бокам от гнедого гарцевали на боевых жеребцах Баррэт и Лотэ, деликатно не подпустившие к родичу раздосадованного принца. Эдмир хотел было возмутиться, но глянув на изможденный вид Искры, передумал, приняв версию об усталости и горе. Пусть юноша отдохнет, все равно из-под охраны никуда не денется.

Рэниари же едва сдержал себя, разглядев плотоядные взгляды наследника престола. Принц смотрел на него как на уже принадлежавшую ему вещь. Омерзительное чувство!

Первый из каскадных порталов закончился на берегу мелкого, хорошо прогретого озера. Принц и его маги решили идти в стороне от давно проложенных порталов, не желая афишировать свое присутствие.

Легкий походный шатер Рэниари был разбит в центре лагеря — на этом настоял сам принц, которого, в конце концов, встревожили измученный вид юноши и его плывущий взгляд. Еще бы! Рэни совсем не отдыхал в прошлую ночь, до утра утрясая последние вопросы. Так что

сейчас спать хотелось просто зверски. Настолько, что он даже не обратил внимания, что его снимает с седла не Барр или Лотэ, а в нахальную прошедший мимо родственников высочество. Сам же принц был разочарован, когда его даже не заметили, видимо приняв за простого слугу.

Оказавшись в шатре, Рэни довольно быстро очухался и даже захотел освежиться, прежде чем завалиться спать. Озеро было под боком, заросли на его берегах оказались в меру густые, и юноша вместе с Лотэ отправился мыться.

Вот только ближайший заливчик уже оказался занят самим принцем. К счастью Эдмир не заметил парней, тихо отступивших в кусты, и продолжал, насвистывая смывать себя пену от мыльного корня. А чего опасаться — вокруг своя же охрана.

Осторожно обходя заливчик по берегу, Рэни с Лотэ невольно косились в сторону стоявшего по пояс в воде мужчины. Лотэ только тоскливо вздыхал: со спины Эдмир очень напоминал ему старшего мужа. Парню очень хотелось уединиться с Баррэтом, но в огромном лагере тонкие стенки палатки плохая защита от подслушивания. Просить же чужих магов наложить на них полог молчания было глупо. Так что приходилось терпеть.

А Рэни вновь резанула по сердцу вроде бы уже прочно забытая боль. Все-таки тяжело оставлять за плечами первую растоптанную любовь: рана до сих пор кровила, хотя, казалось бы, все забыто и похоронено в памяти.

Но, глядя на мокрые пряди черных волос, облепивших голову и широкие плечи его первого любовника… на мокрые, пенящиеся от мыла дорожки на спине, между лопаток… на талию, что по сравнению с шириной плеч казалась совсем узкой… на неожиданно трогательные ямочки у основания мускулистых ягодиц… Рэниари невольно думал, как бы сложилась его судьба, если бы принц не оттолкнул его, а принял искреннюю любовь наивного мальчишки. Если бы ответил взаимностью…

«Он — не тот, за кого ты его принимал, — твердило сердце совместно с измученной душой. — Он не сможет подарить тебе счастье. Ты для него всего лишь полезная в хозяйстве вещь. Ты угаснешь, а затем и погибнешь рядом с этим самовлюбленным эгоистом. Искра не может жить без любви. Только благодаря любви она горит и дарит другим свой свет…».

В тот раз они с Лотэ искупались за ближайшими камнями. А вернувшись в лагерь, наткнулись на откровенно довольный… даже масляный взгляд… его высочества, возле которого стоял офицер его охраны. Рэни поморщился: все ясно, уже доложили об их прогулке.

Вторая ночевка была более удобна в плане комфорта. Они остановились на постоялом дворе. Вернее, там расположились лорды, а охрана и взятые в поездку слуги как и прежде встали лагерем вокруг. И Рэниари вновь удалось улизнуть от желавшего пообщаться принца — юноша пока что был морально не готов вести с ним словесные баталии. Раздосадованный Эдмир, которому за весь день досталась пара-тройка обязательных по этикету фраз от объекта внимания, развернулся на каблуках и отправился в свою комнату, свалив все обязанности командира на герцога Вэона. Лоран только понимающе вздохнул и пошел проверять караулы. А к сидевшим в общем зале Баррэту и Лотэ неожиданно подсел главный королевский маг.

— Вы позволите? — Чисто формально уточнил он у сосредоточенно жующей четы. Баррэт приглашающе кивнул головой.

— Присоединяйтесь, — отозвался он, прожевав кусок тушеного мяса. Готовили здесь на удивление неплохо: Барр уже приказал отправить в комнату племянника ужин. Пусть парень

перекусит, а то с этой беготней совсем с лица спал. — Составьте нам общество.

— Ну, это я всегда, — тень улыбки обозначилась на узких губах мага, и он отхлебнул из кубка с домашней настойкой. — Могу я поинтересоваться — почему вы, старший в семье, уступили титул графа Вориндо семнадцатилетнему мальчику? Я не сомневаюсь в талантах лорда Рэниари, но он слишком юн, чтобы нести эту ношу.

— А ноша лорда Круглого Холма была бы не столь тяжела? — Скрывая недовольство, задал встречный вопрос Баррэт, даже отложив в сторону нож, которым резал мясо. Лотэ притих у него под боком.

— Нууу… — призадумался маг (или сделал таковой вид). — Пожалуй, что одинакова. Но Цитадель более весома в политическом плане. У вас ведь двое супругов, — вежливый поклон в сторону молчаливого Лотэ, — Вполне вероятно, что родятся сразу два наследника. По крайней мере, одного я уже вижу… кстати, примите мои поздравления, у вас мальчик, молодой человек, — обратился Итарон к покрасневшему и обрадованному Лотэ. — К сожалению, я не успел всмотреться в вашего со-мужа, но и он, без сомнения, тоже носит ребенка. Почему бы вам не поделить владения между своими будущими наследниками, избавив племянника от такой обузы? — Прельстительно продолжал маг, обстреливая Баррэта из-под ресниц внимательными взглядами. — Лорд Рэниари так прекрасен!.. И его воспитывали младшим. Найдите ему хорошего мужа или высокого покровителя. Заодно и полезными связями обзаведетесь.

— Простите, лорд, — крайне вежливо отозвался Баррэт, чувствуя, как руки непроизвольно сжимаются в кулаки: уже пошла торговля! — Но решение передать титул Рэниари принято на Совете всех жителей Цитадели. Понимаю, в ваших краях не принято прислушиваться к смердам, но на окраинах дело обстоит несколько иначе…

— Понимаю, — задумчиво покачал головой маг и поднялся, прощаясь. — И все же обдумайте мои слова. Если вас утвердит Совет, то мнение черни можно не принимать в расчет.

— Не пускайся больше в такие разговоры! — Тихо прошипел Лотэ, удерживая на лице внешне безмятежную улыбку. — Не с нашими силами играть с этим типом в такие игры!

— Что я, дурной, что ли? — Буркнул в ответ супруг, со внезапным отвращением отодвигая минуту назад столь вкусное жаркое. — Ты ведь понял, что нам хотят предложить?

— Сразу два владения в обмен на Рэни, — ответил Лотэ: вот кто не страдал отсутствием аппетита. Ребенок внутри него требовал все больше сил. И молодой человек жадно поглощал свою порцию, попутно косясь на полную миску супруга. Тем более, что ни тошноты, ни дискомфорта, столь привычных женщинам в ожидании, у здорового, сильного парня не было — маленький бонус магического кокона. — Только сомневаюсь я, что младенец удержит Цитадель. Во всяком случае, ни я, ни Сэри не хотим экспериментировать с собственными детьми. А нас рядом в один прекрасный момент может не стать.

— Да все я понимаю, — с досадой отозвался Барр. — Но все равно противно, словно в дерьме искупался…

Третий каскад вновь закончился на природе. Точнее, посреди леса на огромной поляне, по которой протекал звонкий ручей. Эдмир, недовольный наличием по периметру частых деревьев, устроил взбучку магам, опасаясь засады. Но что-либо менять было уже поздно — усталые маги не вытянули бы новый проход, а отправляться на ночь глядя, искать подходящее

место, было глупо. Так что пришлось устраиваться здесь.

В этот раз Рэниари не смог бы избежать принца, твердо вознамерившегося с ним пообщаться. Впрочем, юноша уже успел собраться с духом для такого общения.

После ужина, на котором присутствовали все высшие офицеры отряда и маги, Эдмир галантно проводил графа к его палатке, всему лагерю демонстрируя свой интерес к юноше, и присел рядом с ним на сваленный подле костра лапник.

Рэниари не хотелось спать. А хотелось ему с головой зарыться в выдержки из законов, что составили для него советники, и еще раз их проработать. Но приходилось сидеть с принцем. Тот же явно вознамерился его уболтать, засыпав как комплиментами, так и соболезнованиями.

— Вы так грустны, граф. — Мягко заметил Эдмир, не дождавшись от юноши привычной для себя реакции на тонкое обольщение. Рэниари сидел напротив, ненавязчиво отказавшись сесть подле его высочества, и отстраненно-вежливо реагировал на каждую фразу принца. — Просто примите тот факт, что жизнь продолжается. И мне не хотелось бы, чтобы вы от нее отстали…

Эдмир с трудом заставил себя отвести от силуэта напротив взгляд. Рэни так прекрасен… так близок… и так недоступен!

Принца бесили восхищенные взгляды окружающих на юного графа. Их попытки быть как можно ближе к нему, притронуться к юноше… Да его собственная, закаленная в боях охрана занималась тем, что следила, чтобы вокруг мальчишки был периметр, который не смел пересекать ни один человек, кроме приближенных. Итарон объяснил тихо яившемуся высочеству, что такова естественная реакция на сильную Искру. И пока Рэниари не получит сексуальную привязку к одному человеку, его собственная сила, искрясь и переливаясь через край, будет привлекать все больше и больше народа, словно яркий огонь сонмы бабочек.

И вот теперь, замирая на месте и сдвигая под глухим плащом как можно плотнее колени, Эдмир вынужден был вести ничего не значившую беседу, хотя с ума сходил от желания повалить добычу на землю и просто, без затей, трахнуть. Эх, запутаться бы пальцами в этих золотистых прядях, вдохнуть аромат юной кожи, соединиться телом и душой!

С трудом поборов очередной приступ желания, Эдмир продолжил беседу.

— Надеюсь, вы немного отдохнули, и теперь будете радовать меня своим обществом…

— Боюсь, что я не слишком хороший собеседник, — отозвался Рэниари, глядя на танцующие в кострище оранжевые языки огня. Уютно потрескивали ветки, истекая янтарной смолой, пахло дымом и дикими травами.

— Я еще не оправился от того, что произошло, — негромко сказал юноша, скрывая за длинными ресницами свои выразительные глаза: не успели оплакать его семью, как шакалы уже сбежались делить добычу. И наш благородный принц впереди всех, даже про жениха забыл. — Но буду рад составить для вас компанию. Вот только, боюсь, дорога меня утомила несколько больше, чем я планировал. Раньше мы путешествовали по более обжитым местам. Вы позволите мне уйти в палатку?

Сказать, что Эдмир был недоволен, значит не сказать ничего. Принц упорно наводил мосты, пытаясь вернуть прежнее отношение юноши. И рассчитывал начать с малого — с разговора. Но как прикажете действовать, если собеседник всякий раз виртуозно уклоняется от общения?

Решительно поднявшись, Эдмир, перейдя на другую сторону костра, сел подле Рэниари, не касаясь, однако, напряженного юноши даже краем одежды. Откинувшись назад и облокотившись на согнутые в локтях руки, его высочество повернул голову и уставился откровенным взглядом на своего строптивого избранника, отмечая невольно побелевшие от гнева скулы. Это не понравилось принцу, как-то он привык, что его присутствие вызывает у людей совсем другие эмоции. Но и останавливаться он не спешил, решив сегодня поговорить с парнем начистоту.

— Рэниари, я желаю, чтобы ты прекратил обращаться ко мне на «ВЫ», — Эд перекатился на бок, подперев голову рукой: из такого положения было особенно удобно любоваться на подсвеченное костром прекрасное лицо Искры. — Нас слишком многое связывает.

— О чем вы говорите, ваше высочество? — С легким удивлением поинтересовался Рэни, кидая нечитаемый взгляд на принца. — Или вы имеете в виду ту мелкую интрижку после карнавала? О, это не стоит внимания. Уж не считаете ли вы ЭТО поводом, чтобы нас в чем-то связать?

— Рэни, ты!.. — Его высочество почувствовал себя маленьким ребенком, которого вдруг обидели те, от кого нельзя было ждать обиды. — Ну, нет, мой златовласый эльф! Нас ОЧЕНЬ многое связывает. Ты — единственный, кто похитил мое сердце…

— Не стоит лгать, ваше высочество, — аквамариновые глаза смотрели в упор сверху вниз, и Эдмир не заметил в них не капли обожания, что изливалось на него в ночь их близости. Его теплый, нежный мальчик словно умер тогда. Сейчас рядом с ним сидел совершенно новый, незнакомый ему человек… по-прежнему желанный до зубовного скрежета. — Мне известно, что вы говорите эти слова всем своим партнерам. Но я никогда не думал, что скажите нечто подобное БЫВШЕМУ любовнику. Ах, да!.. Забыл! Я ведь стал наследником Цитадели…

Не выдержав начавшейся перепалки, Эдмир, уже ни о чем не думая, схватил Рэниари за руку и опрокинул его на свою грудь. Юноша от неожиданности замер, а потом яростно дернулся, выворачиваясь из сильных рук принца.

— Вы забываетесь! — С бешенством прошипел он в лицо опешившему мужчине. — Я не лагерная шлюха, чтобы заваливать меня на глазах у солдат!

С этими словами острый кулак графа ввинтился в подбрюшье его высочества. Эдмир только крякнул — накаченные мышцы пресса выдержали удар — но добычу все-таки отпустил. Хотя и с большой неохотой: аромат кожи Искры сводил с ума. Еще немного и ему будет наплевать, сколько там солдат пялится на них из темноты. Но вот злость в глазах Рэни отрезвила не хуже льда.

С трудом разжав руки, Эд выпустил вожделенную добычу на волю и сел, глядя исподлобья на вставшего у входа в свою палатку графа.

— Рэни… только одна просьба, — неожиданно произнес мужчина в спину готового скрыться юноши. Тот нехотя остановился, оглянувшись через плечо. — Думай обо мне.

И, встав, торопливо бросился в темноту. Где-то там, справа, были неплохие заросли орешника на берегу ручья. А его высочеству так нужна холодная вода, отсутствие свидетелей и рука. А еще лучше сразу обе руки, так явно одним разом не обойдется…

Проводив взглядом торопливо удаляющегося принца, Рэниари недовольно вздохнул и кивнул застывшему в кустах напряженному Баррэту, давая отмашку успокоиться.

Думать о нем…

Ну-ну!

Последнее время юноша только этим и занимается. Всю голову изломал. Как бы и ни хотелось, а не думать не может. Но, судя по всему, его прогнозы все-таки сбываются. Стоит ждать брачного предложения.

Закрыв за собой полог, Рэниари вновь чуть слышно вздохнул.

Как же не хочется связывать свою жизнь с этим типом. Держаться бы подальше от всей этой политики. И гори она синим пламенем!

Но придется…

…Неподалеку от лагеря сидевший на широкой ветке человек выругался сквозь зубы и аккуратно разрядил маленький, но убойный арбалет. Ни один из тех, на кого он охотился, не вышел за границу периметра. А обстреливать лагерь, накрытый магическим куполом, бесполезно.

Мягко спрыгнув на землю, Сиорол сын Ковура, бывший лорд и бывший наследник крепости Круглого Холма, саркастически скривил красивые губы. А кузен-то Руин не врал, когда рассказывал об интересе наследника к маленькому бастарду. Законнорожденный сын Ковура никогда не считал Рэниари своим родичем, презирая за грязное происхождение.

Презирал и не замечал. А жаль. Знать бы, что все так повернется, удавил бы гаденыша собственными руками! Но кто мог угадать, что столь идеальный план отца провалится из-за двух нечистокровок!

А ведь как все было задумано! Руин должен был стать графом Вориндо. Он — со временем унаследовать владения Ковура. Скорее всего, вдовый Асин вышел замуж за какого-нибудь аристократа, что принесло бы обоим владениям нужные связи. И все сгорело в одночасье. И мало того, эти бастарды еще и лишили его дома!

В то злосчастное утро Сиорол едва сумел скрыться. Никто во владениях Круглого Холма не ожидал такой прыти от вроде бы поверженного противника. Молодой человек не винил наемников за сдачу крепости. Скрипел зубами, презирал, но не винил. Все бы полегли, слишком малый гарнизон оставался на стенах. Он сам едва успел скрыться: спасибо, старый слуга предупредил о решении гарнизонных вояк выдать его на расправу. Так что, быстро покидав в сумку самое необходимое, включая несколько телепортационных кристаллов, Сиорол бежал, переместившись прямо из потайного хода далеко за границы замка. Обрушившийся за ним ход, надежно перекрыл погоне след: ни один маг не сумеет установить координаты, пока завал не раскопают, а это время!

Несколько дней, проведенных в бегах в собственном владении, ясно показали новую раскладку на землях лордства. Поднять на захватчиков жителей изначально было откровенным бредом — не сиволапому мужичью сражаться с пиратами. Но вот то, что это мужичье с радостью приветствовало проклятых Вориндо, для Сиорола оказалось неприятным сюрпризом. Не думал он, что его отца так быстро забудет чернь. А уж когда прошел слух, что всех крестьян сделают свободными арендаторами, и вовсе земля начала гореть под ногами бывшего наследника.

Подобраться к замку, куда прибыл новый лорд, было нереально. Да его любой крестьянин,

узнав, сдаст врагам. Так что пришлось использовать еще один амулет, навсегда уходя из бывшего дома. Апеллировать за справедливостью к королю и Совету лордов было безнадежным делом. Судя по тому, что на помощь к Вориндо прибыл сам принц, ничего бы не выгорело. Но и оставлять за спиной торжествующих врагов. Сиорол не собирался. Кровью умоются, ублюдки!

Зная, что новому графу потребуется предстать пред королем, молодой человек решил перехватить кровников в Меайре. Но совершенно случайная встреча на лесной поляне едва не спутала все планы бывшего лорда.

Забыв обо всем кроме мести, Сиорол мягким шагом опытного охотника крался к лагерю, предвкушая, как воткнет болт в кого-нибудь из Вориндо. Лучше всего было бы прикончить всех троих, но вряд ли случится так много счастья разом. Подстрелить хотя бы одного. Поделом будет, что разбили лагерь так близко от леса.

…Его счастье, что эту коварную сигнальную нить он заметил первым.

Сиорол не был магом, но владел теневым зрением. В частности, неплохо различал силовые линии. Для него они были как тонкие, прозрачные, едва видимые ниточки. Большая удача, что в полной темноте его ночное зрение сумело различить одну из них.

Он замер с поднятой ногой, а потом медленно ее опустил, аккуратно поставив рядом с нитью. И пригляделся.

Впереди все пространство перекрывала сторожевая сеть. А ближе к границам лагеря единичные нити сливались в сплошной полог. Не пройти.

Беззвучно выругавшись на параноика, что приказал собственным магам так истощиться, Сиорол попятился назад. И только отойдя на безопасное расстояние, белкой взлетел на дерево, откуда так хорошо просматривалась поляна. Да что толку — глаз видит, рука неймет.

Сложив дуги арбалета и спрятав его в сумку, бывший лорд задумался. Все-таки придется идти в столицу. Там и возможностей больше и легче подловить Вориндо. А еще можно нанять исполнителей, благо денег достаточно: отец благоразумно держал большую часть капитала в деле, завязав отношения с несколькими проверенными торговцами. Векселя Сиорол успел прихватить при своем бегстве. С такими средствами можно жить как король, да вот душа просит мести. Значит, побалуем ее.

Подобрав с земли плащ, молодой человек накинул его на широкие плечи, скрыв под капюшоном выкрашенные в ореховый цвет волосы. Ни к чему светить приметной рыжиной. Использовать магическую краску Сиорол не стал — любой маг просечет, что волосы скрыты мороком. Оно ему надо? А так знай только корни подновлять, никто и не догадается.

Сверкнув напоследок зелеными как дикой кошки глазами, сын Ковура скорым шагом углубился в лес. Нужно отойти подальше, чтобы маги в лагере не уловили след портала.

До скорой встречи, Вориндо!

…Крупный постоялый двор на Королевском тракте «Три рыцаря» был последней остановкой перед столицей для тех, кто мог себе позволить путешествовать порталами. Здесь было все, чтобы удовлетворить взыскательные вкусы аристократов и богатых торговцев. И, соответственно, цены тоже были вне конкуренции. Но для наследника престола и нового графа Вориндо они не стали преградой.

Спешившись в обширном дворе, Рэниари в окружении своей свиты прошел в отдельные апартаменты, что выделил для них хозяин гостевого двора. Сам трактирщик лично провожал принца, как вышестоящего. По установленной традиции «Трех рыцарей» гости, подобные вновь приехавшим, располагались в покоях, полностью изолированных и имеющих отдельный вход со стороны общего двора. Чему юноша был только рад. Нет, конечно, Рэниари был морально готов принять брак с ненавистным ему человеком, но давать тому понять свое согласие… да много чести! Раз королевская семья так заинтересовано в новом наследнике Цитадели, пусть сами и проявляют инициативу.

Комнаты юноше понравились — чистые и светлые. Его охрана и прислуга расположились по соседству. Баррэт с супругом заняли спальню напротив. Так что Рэни оказался защищен от навязчивого внимания принца. А завтра они, наконец, будут в столице, и можно будет скрыться за высокими стенами родового особняка, защищенного магией погибшего Чассира.

Кстати, вот и первое, что нужно сделать — найти и связать клятвой нового мага Цитадели. А то Рэни несколько напрягала зависимость от магов принца. А потом стоит подумать, как склонить Совет на сторону несовершеннолетнего мальчишки, бывшего бастарда и младшего…

С этими мыслями Рэниари принял ванну, поужинал в одиночестве (Барр с мужем устроили перекус у себя в комнате) и, отослав слуг, лег в постель, закинув руки за голову.

Кровать под ним слегка покачивалась, словно лодка на низкой волне. Еще бы, после стольких дней, проведенных в седле.

И незаметно для себя юноша стал засыпать.

…А на другом конце гостиницы Эдмир, отослав от себя Лорана, резко обернулся к молчаливому лорду Итарону.

— Я желаю этой ночью быть с НИМ! — Прошипел принц в бешенстве. — Хватит ему бегать от своей судьбы! Все эти дни мальчишка только дразнит меня, ускользая из рук в последний миг! Больше так продолжаться не может.

— Ваше высочество, — поднял голову о чем-то задумавшийся маг. — А не слишком ли вы торопитесь? Мальчик только что пережил такую трагедию… потерял семью… Дайте ему прийти в себя. К тому же вы ему явно неприятны, судя по тому, как он от вас шарахается… Здесь необходимо время и терпение.

— Какое время?! — Полузадушено взвыл Эдмир, широкими шагами меряя выделенную ему спальню. — Мне просто надо ему напомнить, как нам было хорошо вместе, и он меня тут же примет! Но как это сделать, если он не дает к себе притронуться?! Да, я сглупил, когда оттолкнул Рэни, но все еще можно исправить.

— Мне кажется, что обида этого мальчика много глубже, — осторожно подбирая слова, начал было маг, — первая любовь, столь грубо растоптанная…

Но продолжать ему не дал тут же озверевший Эдмир. Принц не терпел, когда ему напоминали об ошибках.

— Какая любовь?! — Взревел он. — Что за чушь?! Вы же сами мне пели песню, что где-то под лунами ходит тот, кто предназначен мне самой судьбой! И у него другой облик! Рэниари нравится мне… очень нравится! Но любовь ли это?! Всего лишь бешеное влечение, зов плоти…

а кроме них и куча сокровищ в виде немалого владения и силы Искры.

— Как вы циничны, мой принц, — тихо произнес маг, опуская взгляд. — С таким подходом, вам никогда не достигнуть взаимности. Прошу, отпустите мальчика. Да, он Искра, но ведь есть и другие решения этой проблемы. Можно ведь просто заключить обоюдовыгодный контракт, не насилуя этого ребенка. В, конце концов, не изжита еще практика договорных браков… Зачем вам связывать его по рукам и ногам…

— НЕТ! — Тихо, но страшно выдохнул вдруг Эдмир, нависая над даже не вздрогнувшим Итароном. Принц тяжело дышал и вглядывался потемневшими серыми глазами в непроницаемые темные глаза мага. Эд даже самому себе не мог признаться, что Рэниари нужен ему в полное и безраздельное владение. Одна только мысль, что юноши коснется кто-то еще, приводила Бешеного принца в неистовство. — Никаких контрактов! Мальчишка должен принадлежать мне с потрохами! И сегодня ночью я собираюсь подтвердить свое право на него. А для этого мне нужен проход.

— Но…

— Я приказываю! — Рявкнул принц, впервые в жизни задействуя магические путы, что связывали его и присягнувшего короне мага.

Итарон невольно вздрогнул и нехотя склонил голову.

— Хорошо, — наконец, согласился он, — только не будьте столь нетерпеливы… Лорд Рэниари… так юн и беспомощен.

— Вот еще! — Весело фыркнул Эдмир, уже весь в предвкушении великолепной ночи. — Я иду обольщать, а не насиловать. Уверен, что стоит Рэни вновь пережить нашу с ним первую ночь, и все переменится! А насчет беспомощности… Что-то я сомневаюсь в его полной беспомощности. Да и Цитадель… Люди не приняли бы слабого духом и телом. Уж если они выбрали несовершеннолетнего мальчишку, а не испытанного воина, как Баррэт Ворональ… Значит, мой мальчик не так прост, как кажется. Согласен, Рэни юн и неопытен. Но характер у него уже есть! — Принц невольно поежился, вспомнив холодное лезвие стилета в опасной близи от своих гениталий. — Из парня может вырасти весьма зубастый волчонок. Так что стоит его приучать к хозяйской руке как можно раньше. Не бойтесь, лорд, я не намерен ему вредить. А всего лишь доставить неземное удовольствие.

— Да будет так, — скептически пробормотал маг. — Знаете, мой принц, я плохой прорицатель. Впрочем, как другие маги: искусство говорить со звездами ушло вместе с эльфами. В этом мире слишком мало их крови, чтобы боги отвечали нам. Но я пробовал просмотреть ваши с Рэниари судьбы. К сожалению, там сплошной туман… какие-то отголоски боли, тоски, счастья… Скажу лишь одно — вы связаны друг с другом намного сильнее, чем кажется на первый взгляд. И потому я открою проход, благо в графской свите нет мага, и никто не сможет помешать. Только…

— Что? — Нетерпеливо обернулся к подданному принц.

— Примите ванну, — ехидно посоветовал Итарон. — Или вы так уверены, что ваш избранник упадет от восторга, унюхав убойный аромат конского пота и оружейного масла от доспехов?

Безмятежно спящий в своей постели Рэниари даже не почувствовал, как на комнату лег плотный магический полог, не пропускающий наружу ни звука. И в открывшийся проход

проскользнула высокая фигура его высочества в одном только плаще поверх полностью обнаженного тела. Босые ноги принца тут же утонули в высоком ворсе дорогого ковра.

Неслышно ступая, Эдмир медленно приблизился к постели и наклонился, жадно рассматривая спящего юношу. Рэниари был закутан в одеяло по самые уши, взору мужчины открывалось только расслабленное, еще по-детски нежное лицо юноши. Одинокий ночник за пологом давал слишком мало света, но портьеры на высоких окнах были раздвинуты, и лунного света хватало, чтобы разглядеть тонкие черты лица, редкие золотые искры в коротких прядях волос, растекшихся по подушке, и тень длинных ресниц на светлой щеке…

Не удержавшись, Эдмир мечтательно вздохнул и, чувствуя, что еще немного, и он позорно кончит прямо тут и сейчас, потянулся поцеловать мальчишку.

…Чтобы в следующий миг неловко отшатнуться от взблеснувшего перед глазами тяжелого боевого ножа, явно не для слабых рук нетренированного младшего. Вот только держал свой клинок Рэниари весьма умело.

— Пришли пожелать мне доброй ночи, ваше высочество? — Хриплый со сна голос юноши сочился сарказмом, но глаза смотрели отнюдь не сонно. — Или ошиблись комнатой? Так, насколько мне известно, ваши покои в другой стороне!

— И куда делся мой милый, убитый горем нежный мальчик? — Тоже съязвил принц, тщательно скрывая свой страх от столь внезапного пробуждения: если бы не выучка воина, пришлось бы Итарона просить восстанавливать глаз. Расслабились вы, ваше высочество, привыкли за последние дни видеть тихого, молчаливого Рэни. — Какое преображение! Притворялся, малыш?

И потянулся обнять — теперь, когда нож на виду, не стоит опасаться порезаться об него — не этому мальчику со всеми его умениями состязаться с тем, кого учили владеть оружием с самого детства.

Но Рэниари внезапно кувыркнулся вбок и, перекатившись по кровати, встал за ней с ножом в руках. На юноше были только тонкие спальные штаны. И отбросивший свой плащ принц невольно залюбовался статью своего избранника. Эх, каким же он станет, когда окончательно повзрослеет! Уже сейчас стать видна…

Ноющий член Эда, более ничем не скрытый, гордо покачивался внизу живота, истекая смазкой. Но Рэни даже не заинтересовался столь роскошной картиной, за которую почти все при дворе отдали бы по половине собственной жизни.

— До какой же степени надо быть черствым, чтобы принять искренне горе за притворство! — Резко высказался юноша, не отрывая взгляда от лица принца и намеренно не глядя вниз. — Вы не забыли, что я только что потерял отца и отчима? И едва не потерял дядю… да и собственную жизнь в придачу. Прошу вас уйти к себе и более не промахиваться дверью.

— Ну, прости, — легко повинился Эдмир. В голове у него шумело все сильнее. И сдерживаться приходилось все больше — уж очень манящее зрелище представлял из себя полуголый мальчишка. — Нет, милый, я пришел туда, куда и желал.

Не отрывая взгляда от напряженного Рэни, принц медленным скользящим шагом обходил кровать по периметру.

— Я скучал по тебе!.. — низким от желания голосом выдохнул он, пытаясь загнать добычу в

угол. Но настороженный Рэниари одним прыжком вновь оказался в безопасном месте. И, вздохнув от разочарования, Эдмир остановился, сложив на могучей груди руки, бугрящиеся мускулами. Что в сочетании с гордо стоящим членом смотрелось несколько комично. Но принцу плевать было на свой вид: здесь и сейчас он желал только одного.

— Ваше высочество, а не пойти бы вам… познакомится со здешней служанкой?.. — предложил Рэни с некоторым напряжением в голосе. Хотя юноша и решил все про себя, но вновь оказаться во власти сходящего от похоти с ума типа он не желал.

— Неааа, — Эдмир оперся коленом о перины, его тело напряглось, готовясь совершить бросок. В крови гулял азарт охотника, воистину опьяняющая смесь из вожделения, радости, восхищения… и еще только темные боги знают чего! Это заводило не хуже ласк, даже нож не был помехой.

Но Рэниари не желал сдаваться ему на милость, оставаясь таким же напряженным. Потому, присев на край постели, принц демонстративно оставил пустые руки на виду и посмотрел на Рэни, смерив его взглядом с ног до головы.

— Давай попробуем просто поговорить… — тут же скептический взгляд Рэни скользнул к его паху, и его высочество несколько принужденно рассмеялся. — Ну, ладно! Я никогда и не отрицал, что хочу тебя. Ты же только шипишь на меня как злой котенок.

— Неверное сравнение, — мягко отозвался Рэниари, все так же сохраняя идеальную боевую стойку. — Я не шиплю на вас, принц. Я… вас просто не желаю замечать.

— И давно? — Насмешливо прищурился принц, провокационно поглаживая себя по бедру и намеренно обходя вниманием толстый, налитой орган. Вести какую-либо разумную беседу в таком состоянии было верхом глупости, но принц старался — ему хотелось взаимности. Но мальчишка напротив продолжал демонстрировать равнодушие.

— С тех самых пор, как тот, в кого я влюбился, умер, — холодно отрезал Рэни. И в глазах у принца потемнело: неужели был кто-то еще, кто посмел прикоснуться к его мальчику?! — А точнее, он никогда и не существовал. Я просто выдумал его… того идеального, кто, как мне некогда казалось, в меня влюбился. Тот же, кому я отдал себя, оказался недостоин меня. Для него наивный мальчик оказался всего лишь очередной шлюшкой.

— Это была ошибка, — мило улыбнулся Эдмир юноше. — Я вскоре пожалел о своих словах. Так что предлагаю начать все с начала.

Рэниари скривился так, словно уксуса глотнул.

— Ах, да!.. Вы же тогда высказали сожаление, что я не наследник Цитадели. И соизволили предложить мне место своего любовника. Или теперь, когда я претендую на графство, вы решили передумать?

— Ты не просто наследник, ты еще и Искра! — Резко прервал юношу нетерпеливый Эдмир. Но, судя по лицу Рэни, для того это новостью не стало. — Значит знаешь!

— Знаю, — не стал скрывать Рэниари. — И что — запрете в клетку, чтобы трахать? Или… Неужели предложите брак? А как же ваш жених?

— Ну, почему сразу брак? — Протянул Эдмир, лаская взглядом золотистое даже в полутьме тело юноши. — Королевству выгоден союз с Ваоттиро. Так что придется мне жениться на

нелюбимом… ради страны. Но и тебя я не отпущу. Как ты смотришь на то, чтобы корона взяла над тобой опекунство до твоего совершеннолетия! Ты будешь рядом со мной. Я действительно к тебе неравнодушен… А Дориан… За эти годы всякое может произойти. И ты, наконец, станешь моим супругом. Я хочу наследника именно от тебя. Подумай, я предлагаю это серьезно.

И это действительно было так. По зрелому размышлению король Сорондо предпочел не терять герцогство Ваоттиро, все-таки женив сына на ненавистном тому Дориане. Но за тринадцать лет, что должны будут пройти до полного совершеннолетия Рэни, вполне можно выбрать время и незаметно убрать нежеланного мужа, освободив место для другого, более перспективного. Именно этот вариант и предложил король сыну во время одной из последних связей.

— Вы так просто говорите об этом?!.. — опешив от подобного цинизма, Рэниари изумленно пытался рассмотреть лицо сидевшего на постели человека. Неужели он думает, что подобное может его заинтересовать?!

Чушь какая!

— С ума сошли?! Предлагать мне смотреть, как будут убивать вашего будущего мужа… да еще и находясь в вашей постели?! А вы подумали о чувствах того, кого хотите убить?!

— Это политика, милый, — холодно пояснил Эдмир, незаметно для собеседника напрягая мышцы ног. — Какой же ты еще наивный ребенок, если думаешь, что король имеет право на благородство! И не считай моего женишка невинным агнцем. Дори та еще тварь. Ты не знаешь, скольких он отравил или приказал убить, чтобы освободить себе место подле меня. Нам обоим выгоден этот брак. Ваоттиро получают торговые льготы, статус крон-герцогства и еще многое другое. А мы — крепкую границу с Мисираном и новые территории в Приграничье. В этом союзе нет любви, во всяком случае, с моей стороны. И жить с тем, кто мне неприятен, я не собираюсь. Даже еще не зная тебя, я не планировал свой брак более пяти-шести лет.

— Избавьте меня от подробностей, — передернул плечами как от озноба Рэниари, невольно опуская нож. Только сейчас юноша осознал разделяющую их пропасть. Одно дело знать, что мораль тех, что на верху, отличается от морали простых людей. А другое — самому столкнуться с подобным цинизмом. А чего еще он хотел? Келлиадиры собирали свое королевство по кровавым клочкам. И не всегда с помощью брачных союзов. Но на данный момент Хилдон был сильнейшим государством континента. И король правил в нем железной рукой, окорачивая слишком самостоятельных лордов. Коллиадиры всегда были полновластными хозяевами своих земель. И как рачительные хозяева они пойдут на все, чтобы уберечь владения от развала. Даже на подлость… даже на предательство. И, уж тем более, никому не отдадут Искру.

На миг потеряв концентрацию, Рэниари упустил из внимания вроде бы расслабленного принца. И тот внезапно, в длинном прыжке, метнулся через широкую постель, пытаясь схватить непокорного парня. Рэни только чудом удалось уйти с линии атаки, потеряв при этом нож. Выбитый из руки клинок глухо звякнул, отлетев, где-то в углу. А юноша, благополучно избежав цепких рук Эда, отскочил к двери, изо всех сил дергая ручку. Но та не поддавалась.

— Не выйдет!.. — торжествующе сообщил принц, медленно поднимаясь с пола. В темноте спальни, облитый лишь холодным лунным светом, Эдмир напоминал огромного, поджарого барса. Ступая столь же мягко и неотвратимо, как эта большая кошка, мужчина стелился-крался к своей запаниковавшей добыче, растягивая удовольствие от охоты. — Не откроешь… Мой маг наложил на комнату Полог Тишины и Непроницаемости. Никто ничего не услышит и

не войдет… как и не выйдет!

Прекратив бесполезно дергать ручку, Рэниари решительно повернулся к противнику. Не ему без ножей тягаться с тренированным воином. Но и сдаваться просто так на милость коронованного мерзавца он не собирался. Особенно в свете последних откровений — ни король, ни принц не собирались делать ему брачного предложения, все-таки решив захапать разом и Искру и бесхозное владение!

— Пошел ты!.. — зашипел взбешенный провалом своих планов Рэни, скользнув в сторону от двери. Но метнувшийся вперед принц тут же впечатал его в стену, фиксируя дергающуюся добычу всем своим горячим, сильным телом. И тут же впился в возмущенно открывшийся рот Рэниари. Вернее, попытался впиться — юноша яростно крутил головой, уворачиваясь от влажного настырного поцелуя. А когда мужчина все-таки всунул ему в рот язык, от души вцепился в чужую плоть острыми зубами. Тут же сильный толчок заставил Рэни удариться затылком об деревянную стенную панель, вышибив из глаз сноп разноцветных искр. Принц не желал причинять ему боль, но болезненный укус окончательно взбесил нетерпеливого мужчину, не привыкшего к отказам. И так он проявил чудеса выдержки, пытаясь уговорить мальчишку. Любой другой на месте Рэниари давно бы получил на орехи за все свои выкрутасы. Но с Рэни его высочество так поступить не мог. Что-то удерживало Эдмира от жестокости… что-то запретное… глубинное. Скорее, он сам себе нанес бы удар, чем осознанно ударил парня. Так что ноющий затылок юноши был всего лишь следствием рефлекторного действия в ответ на внезапную боль. Но самому Рэниари от этого было не легче.

На миг потеряв ориентацию в пространстве, юноша невольно обвис в руках своего пленителя. И тот тут же воспользовался предоставленной возможностью, без затей подхватив свою ошеломленную добычу на руки и укладывая на такую удобную постель. Принцу еще хватило времени, чтобы, сдернув с полога так кстати свисающие шнуры с пышными кистями, прикрутить руки Рэниари к витому столбику балдахина. Сверкнул зеленым перстень-артефакт, очищая и смазывая партнера…

Пришедший в себя юноша попытался вырваться, не обращая внимания на болезненно стянутые запястья. Все произошло так быстро, что Рэниари, не успев сообразить, оказался распялен на кровати тяжелым телом Эдмира. Вот тут-то парень забыл про все свои планы, больше всего на свете желая оказаться подальше от своего насильника. Паника затопила его, и Рэниари изо всех сил задергался, пытаясь вывернуться от придавившего его к постели принца. Ничего не получалось. Но он продолжал яростно извиваться, пинаться, даже кусаться, но при этом молчал — в тот миг он не смог бы произнести и слова, невольный страх встал комом в горле — оказаться в чужой власти, с тем, кого ненавидишь…. Эдмир тоже замер. Стальные пальцы принца сжались на бедрах юноши, помечая их будущими синяками. Затем губы, горячие и нетерпеливые, вновь требовательно смяли его рот, невзирая на опасность нового укуса.

Рэни отчаянно замотал головой, пытаясь увернуться от этих губ, слишком жарких, слишком жёстких, слишком напористых. Принц отстранился, впрочем, ничуть не ослабляя хватки, и посмотрел на него с торжеством во взоре. А затем принялся, тяжело дыша от возбуждения, беспорядочно целовать шею и скулы непокорной добычи, накрыв ладонью невозбужденный пах мальчишки.

Вдруг рука Эда заскользила в грубой ласке по животу Рэниари.

— Представь… просто представь, Рэни… — горячий шепот обжег ухо юноши, заставив поежиться, — как ты будешь носить нашего ребенка, — у Рэни от ужаса волосы встали дыбом.

Не собирается ли принц?!..

Он вновь отчаянно и безнадежно дернулся в сторону, но Эдмир вдруг подхватил его ноги под коленями, с силой их разводя, и наклонился над Рэни, заглядывая ему в лицо.

Два взгляда встретились.

В темноте все кошки серы, но эти двое не нуждались в освещении, безошибочно уставившись друг другу зрачки в зрачки.

Словно бесшумная вспышка полыхнула между ними, соединив навек.

…Это и в самом деле походило на маленькую смерть.

На сладкую, бесконечную, обжигающую агонию…

И они оба умирали, слившись друг с другом, с невольным восторгом отдаваясь и отдавая, забыв обо всем.

И тот, кто выгибался, упираясь затылком в смятую постель… и тот, кто прижимался к нему всем своим напряженным, изголодавшимся телом…

Они оба тонули, не в силах подняться к поверхности, дышали друг для друга, врастали друг в друга, вжимались телами, стремясь слиться как можно полней.

И общая для обоих вспышка была им наградой!..

Рэниари выплывал из своего беспамятства, не в силах понять, что это было.

Вернее, КАК это случилось?

Он ведь не хотел близости… не был даже возбужден!

Тогда как, в какой момент собственное тело предало его, откликнувшись на насилие?

И как откликнувшись!

Юноша даже не подозревал, что подобное наслаждение возможно. В первый раз тоже все было прекрасно, но… не так…

Он все еще лежал на кровати, привязанный за руки. Плечи ныли, неестественно вывернутые назад. А над ним замер тяжело дышавший принц, блестя в полумраке спальни белками глаз. Они оба неверяще уставились друг на друга. Но если в глазах одного медленно разгоралось радостное, торжествующее пламя победителя, то другой смотрел с дикой тоской, не в силах понять, как… как он умудрился проиграть?!..

Почему тело его предало?..

Ноги Рэниари, обессиленные… словно ватные… соскользнув с мокрых от пота плеч Эда, перевешивались теперь через его локти. А в заднице до сих пор ощущался горячий, тугой, ничуть не опавший член мужчины.

mir-knigi.org

Кстати, и задница и поясница, и скрученные руки зверски болели. Еще бы! Накатило на них внезапно и без всякой подготовки. И, тем не менее, Рэниари получил удовольствие: вон, на животе потеки собственной спермы.

Чуть пошевелившись, Рэни невольно охнул от пронзившей его боли. Его движение заставило отмереть и принца.

Осторожно опустив ноги юноши на постель, Эдмир тягуче вздохнул и расслабленно лег на него. Сам Рэниари оказался в довольно неудобном положении — руки привязаны, спина выгнута (как у него под поясницей оказался валик из одеяла или еще чего-то, он не помнил…), в задницу воткнут не до конца вышедший и все еще распирающий юношу член принца…

Удивление от произошедшего вытеснило все остальные чувства. Рэни, до сих пор не в силах отдышаться, пытался осознать, что с ним только что было, и не обращал внимания на любовника. А тот разошелся не на шутку — целовал его кожу, разогретую, скользкую от пота. Он проводил широкими ладонями по бокам Рэни, гладил пальцами выступившие рёбра, тазовые косточки, ключицы, теребил соски. Вот рука Эдмира вновь легла на пах партнера. И Рэни ощутил, как вздрогнул его, вроде бы уже опавший член, вновь наливаясь дурной кровью.

— Вот… так… — с трудом просипел Эдмир, полузакрыв глаза от наслаждения: никто… никогда… ни с кем ему не было так хорошо! Словно слились не только тела, но и души. Энергия, полученная от Искры, гуляла по телу, делая ночь практически прозрачной для взгляда. Тело лежащего в его объятиях мальчишки казалось сотканным из тончайших золотых нитей.

Такое эфемерное, желанное, реальное.

— Как бы ты ни отрицал, а твое тело не даст солгать — ты все еще хочешь меня!

— Это всего лишь тело, — неожиданно спокойным тоном отозвался малолетний упрямец, не обращая внимания на горячие поцелуи чужих губ. — Оно отреагирует так на любого другого.

— Только попробуй… — на одном выдохе произнес Эд, вновь задрав вверх ноги партнера. — Только рискни… убью любого у тебя же на глазах… причем самым жестоким способом. А тебя буду драть так, что месяц в раскорячку ходить будешь! Не знаю, что только что было, но хочу испытывать это вновь и вновь!

Ладони принца словно прикипели к бедрам Рэни. И Эдмир с наслаждением вновь до конца погрузился в него, едва не постанывая от восторга обладания. А сам юноша невольно охнул, ощутив в себе властный толчок, заставивший его выгнуться от внезапного наслаждения. Враз исчезли боль и жжение в растянутой попе!

— Как бы ты ни старался… — оскалился Эд, работая бедрами. — Ты мой!.. И ты это знаешь… Никогда не отпущу!

На этот раз их близость была долгой и тягучей как патока. Рэни, в конце концов, уже не мог сдерживаться, криком встречая каждый удар внутри себя. Невольные слезы катились из глаз, когда тело прошивала сладко-колючая молния, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться. Анус пульсировал и горел. И парень уже сам яростно насаживался на чужой член, только бы получить долгожданную разрядку. Но Эдмир не давал ему излиться, с каждым разом притормаживая и вновь начиная изводить равномерными движениями. Но, наконец, и он не выдержал и, яростно заработав бедрами, вновь излился в Рэниари, доведя того до очередного извержения. И рухнул на вконец обессиленного юношу, успев благодарно поцеловать в

приоткрытые, хватающие воздух пересохшие губы.

…Как долго они так лежали, сказать было трудно.

Во всяком случае, когда Эд, наконец, пошевелился и, кряхтя, сполз с полупридавленного его телом партнера, в окна заглядывала уже не голубая Анатель, а ее сестра Товитель, заливая комнату золотистым светом, отдаленно напоминающим солнечный. Значит, дело идет к утру.

Потянувшись к столбику балдахина, Эдмир отвязал такого же молчаливого Рэниари и принялся растирать ему затекшие руки, чувствуя себя почему-то виноватым. Почему — не понимал. Он ведь сделал все, чтобы Рэни было хорошо. Даже не наказал за сопротивление. Тогда отчего такое чувство, словно в душе кошки нагадили?

— Видишь, — сказал, наконец, принц, не выдержав тяжелого молчания. — Мы созданы друг для друга. А потому не сопротивляйся. Тебе со мной будет хорошо. Я дам тебе все, для чего тебя воспитывали — свой дом, защиту, детей, положение в обществе…

— Я готов был просто любить вас, ваше высочество, три недели назад. Без всякой платы… — глухо ответил Рэниари, вставая на подгибающиеся от усталости ноги и морщась от боли во всем теле. — Не ставя никаких условий и не требуя ничего. Но теперь… мне плевать на вас с вашими планами. И еще раз повторяю — вашей игрушкой я не буду. Не стоит разыгрывать теперь влюбленного, я вам просто не поверю. Если нас когда-нибудь что-то и свяжет, то только голый расчет, но никак не любовь. А теперь, когда вы получили желаемое… не пойти ли вам, ваше высочество… далеко и надолго. Скоро утро, и я желал бы выспаться перед дорогой. К тому же вашими стараниями у меня болит зад, а завтра еще ехать.

— Ты что же, мне опять отказываешь? — Недобро сощурился Эд, едва не задохнувшись от возмущения. И это после того, что только что было?! — Лучше бы тебе согласиться! Иначе я всем объявлю, что ты УЖЕ мой фаворит. И в подробностях расскажу, что и как с тобой делал. Что тогда будет с твоей репутацией?

— Я не введусь на шантаж, — полные губы юноши изогнула брезгливая улыбка, в глазах полыхнуло презрение к собеседнику с его столь мелочной местью. — Но если вы позволите себе опорочить мое имя, то мне придется на Совете лордов потребовать защиты от ваших посягательств на честь и свободу дворянина. И как тогда ваши планы стать моими опекунами? А теперь… пошел вон из моей комнаты!

В руках Рэниари блеснул подобранный с пола нож.

— Мне терять больше нечего!

С проклятием подскочив на постели, Эдмир активировал амулет и шагнул в открывшийся портал.

А Рэни, почувствовав внезапную слабость, сделал шаг в сторону близкого комода с нависшим над ним зеркалом. Уперевшись руками в узкую столешницу, Рэниари с ненавистью взглянул на свое отражение в зеркале.

Дурак!

Малолетний идиот!

mir-knigi.org

Да кем ты себя возомнил! Великим правителем? Решил, что все тебе по плечу? Вот и получил! Решил посостязаться с тем, для кого грязные игры давно привычное дело.

Юноша, закусив губу, смотрел, на встрепанное отображение с яростно сверкающими глазами. И ведь как гордился своей проницательностью… решил, что предложат брак. Даже своих советников убедил в этом. А, оказалось, что есть и другие варианты.

Больно падать носом в грязь.

Больно и унизительно.

Но иногда полезно. Хорошо сбивает излишнюю самоуверенность.

Несколько раз тяжело вздохнув, Рэниари отлепился от злосчастного зеркала, и сел в кресло, невзирая на наготу: не мешало бы помыться после столь… тесного… общения с наглецом-принцем. Но ванная подождет.

Так, значит, ваше высочество, вы решили и на елку влезть и ж*** не ободрать?

Сохранить и прежнего жениха и полезного любовника приобрести, по пути захапав Цитадель! Ну-ну…

Непривычно хищная улыбка искривила красивые губы юного графа, все еще припухшие после жадных поцелуев Эдмира.

Король с сыночком уже спят и видят его под своей опекой. Значит надо сделать так, чтобы Совет лордов признал его право на титул отца. А по древнему закону, при передаче титула наследнику последний считался полностью совершеннолетним со всеми вытекающими последствиями. И плевать тогда, что до полного совершеннолетия самому Рэни еще далеко.

Да, это трудно, почти невозможно… но реально. Придется убедить или подкупить лордов. Но если прокатит, то королю будет его не достать. Не по зубам ему будет самовластный хозяин полунезависимого графства.

Рэни откинул на спинку кресла взлохмаченную голову. В комнате пахло потом и спермой, зад юноши все еще горел и пульсировал, познакомившись с немаленьким достоинством принца, сытое и расслабленное тело растекалось по сидению, насильно получив удовольствие, но голова работала как никогда ясно.

Видимо, действительно, придется обращаться за помощью к родителям Лотэ и Сэри. Насколько Рэни помнил политическую раскладку, намертво вбитую в него Асином, кланы Сауналь и Ротаоль занимали по влиятельности самое первое место в Центральных провинциях. А если еще суметь намекнуть самим Ваоттиро, чем грозит им королевское опекунство над наследником Вориндо…

Глава 13

Солнце накрыло Меайру раскаленным маревом. Полдень еще не настал, а улицы и площади уже превратились в пекло. Даже многочисленные фонтаны и акведуки не спасали жителей от жары. И все равно город бурлил. Как и прежде сновали разносчики, протяжно кричали торговцы, спешили по своим делам обыватели, шныряли под ногами хитрющие кошки, дразня взбудораженных собак. Вот только дворян да аристократов оказалось больше обычного. Меайру захлестнул поток нарядных кавалеров, прекрасных (и не очень!..) дам, вельмож всех

рангов — король устраивал за стенами города большой турнир в преддверии Совета. Рыцари из всех провинций Хилдона спешили принять участия в баталиях и получить приз из рук самого лорда Дориана, будущего супруга наследника престола.

За городской стеной вдоль пологого берега Лазурной пролегло огромное ристалище, оборудованное магами. Вокруг для гостей установили деревянные помосты под навесами. Вдоль дороги радовали взгляд разноцветные шатры рыцарей во главе с великолепным шелковым «дворцом» принца, решившего принять личное участие в схватке.

На дороге к полю было не протолкнуться от любителей зрелищ: все спешили на праздник! Представители благородных сословий степенно шествовали на заранее зарезервированные места, ну, а чернь, весело переругиваясь и раздавая друг другу тычками, проталкивалась поближе к ограждению.

…Небольшой отряд неторопливо двигался от городских ворот в сторону ристалища. Две дюжины солдат следовала за ехавшими на великолепных конях вельможами. Один из которых был настоящим великаном — черноглазый шатен, затянутым в легкий шелк, что смотрелся на нем, как кокетливый бантик на матером волке. Рядом покачивался в седле черноволосый молодой красавец, заинтересовано блестя серо-голубыми глазами на яркую толпу. Венчальный браслет на мускулистом запястье указывал на его статус младшего супруга.

Но внимание людей привлекал невысокий, на первый взгляд совсем еще подросток в центре. Хотя одежда юноши (как и у его спутников) не отличалась излишней вычурностью, а голову покрывала широкополая шляпа, защищая от солнца, стать и золотое сияние волос невольно притягивали к нему взгляды. Впрочем, как и узкие флажки на боевых пиках охраны.

Цвет морской волны с золотым кантом.

Во всем королевстве право на такое сочетание имело только одно владение. И ни для кого не было секретом — какое…

— Мне скоро плохо будет от этих взглядов!.. — прошипел Рэниари родичам, удерживая на лице выражение отстраненной безмятежности. Лотэ напряженно хихикнул. Так как они с Барром только-только подали в Геральдическую палату право на основание нового рода, то пока не имели собственного знамени и вынуждены были путешествовать под флагом Цитадели. Так что им тоже доставалось… заодно с Рэни.

Брюнет заметил в отдалении некоторых прежних знакомцев по столичным каверзам, когда он носил имя Сауналей. Вот ведь гады, никто не подошел! Как же, на руке бывшего наследника баронства браслет младшего, так о чем с ним говорить — о том, как вынашивать детей? А ведь столько было в свое время выпито!

Рэни и Воронали жили в столице почти неделю. И все это время молодых людей, на удивление, не тревожили. Принц, самолично проводив юношу до особняка Вориндо, ничем не показал, что их что-то связывает кроме долга. И, учтиво распрощавшись, удалился. Вот только практически сразу все подступы к особняку заполонили подозрительные личности, с трудом скрывавшие гвардейскую выправку под одеждой праздношатающихся гуляк. А вскоре пришло распоряжение самого короля с настоятельными рекомендациями не покидать дома и ни с кем не встречаться. Их сразу же отрезали от высшего общества, лишив источника полезной информации.

mir-knigi.org

Но Рэниари не слишком огорчился развитием событий: во время пятидневного сидения в Цитадели они рассматривали и такой вариант. Преданные новому графу люди, прибывшие под видом слуг в столицу, взяли на себя обязанности связных. Городские слуги, остававшиеся в доме, вначале приняли соперников в штыки, но затем смирились. А чего не смириться — новички безропотно взвалили на себя самую тяжелую работу, оставив старожилам внутренние покои и щедрое внимание новых хозяев. Соглядатаи же не замечали вечно снующую под ногами прислугу. Кто там что будет высматривать в корзине прачки с грязным бельем, или подозревать молоденького кухаря с тележкой битой птицы для обеда, прикаченной с базара. Разве что ущипнет за аппетитную попку. К тому же новый граф затеял переделку дома — тут бы за торговцами и рабочими уследить.

А тем временем Рэни, Баррэт и Лотэ сумели незаметно для охраны связаться с кое-какими нужными людьми. Немало ценных даров перекочевало в чужие карманы. Благо сундуки Цитадели ломились и могли удивить не одним банальным золотом. Вот только тех, кого посулами, сокровищами или прозрачными намеками, удалось перетянуть на свою сторону, было мало… слишком мало! Вот когда Рэни не раз с благодарностью вспомнил покойного Асина, вдолбившего ему в голову раскладку по высшему дворянству: кто с кем враждует-дружит, кто под кого копает… Именно эти знания позволили юноше лавировать в хитросплетении столичных интриг, находясь от них в стороне.

Самым сложным оставался вопрос с наймом нового мага, вернее с двумя — для Цитадели и Круглого Холма. Кандидатов было много, но на каждого из них тоже надо было подавать заявку в Магическую гильдию. И пока шло рассмотрение просьбы, особняк Вориндо оставался без магического прикрытия, за исключением того, что наложил еще покойный Чассир.

В конце недели юный граф и его родственники получили с личным гонцом его величества приглашение-приказ явиться на устраиваемый королем турнир. Пришлось собираться: даже траур не мог послужить причиной отказа верховному правителю страны. Впрочем, Рэниари и не собирался глазеть на придурков, ради гипотетической любви прекрасных дам и кавалеров собирающихся бить друг другу морды.

Баррэт долго смеялся, когда племянник в сердцах высказал ему свое видение праздника. Нет, Рэниари с удовольствием бы поехал, будь там возможность напрямую пообщаться с кое-какими советниками и главами гильдий. Вот только ни на миг не сомневался, что все они окажутся под пристальным вниманием, и все их переговоры будут отслеживаться.

И впрямь, их отряд — даже не особо и скрываясь — сопровождали люди короля, заранее отсекая посторонних. Чувствовалась могучая рука принца, ясно давшего понять новому лорду о своей заинтересованности. Так что цитадельцы находились в полной изоляции, что, впрочем, не защищало их от жадных взглядов толпы, который день перемывавшей им кости.

Доехав до королевского шатра, молодые люди соблюли все формальности, оказав уважение штандарту повелителя — во время турнира допускались подобные послабления в этикете. Дальше они могли быть предоставлены самим себе. Но… И вот это «но» доводило Рэниари едва не до бешенства.

У юноши все больше и больше болела голова. Юный граф слишком измотал себя заботами и тревогами. Его тело уже не справлялось с тем, что взвалило на себя. И высиживать на виду чуть ли не всей страны, скрывая свою боль, было выше сил Рэниари. При одной только мысли, сколько взглядов, приправленных завистью, ненавистью и вожделением, будет направленно на него, в то время, как на ристалище цвет дворянства примется лупцевать друг друга во главе с принцем… при одной только мысли, что ему с улыбкой на губах придется сидеть в ложе среди

глупых придворных куриц и петухов, Рэниари становилось еще хуже.

Но делать было нечего. Пока он не получил из королевских рук титула, Рэни оставался несовершеннолетним и был под опекой короны.

Приходилось подчиняться…

…Сиорол удачно воспользовался предтурнирной суматохой. Перекрашенные волосы, затемненная ореховым настоем кожа лица и рук вместе с одеянием небогатого дворянина с далеких западных границ, помогли ему остаться неузнанным. Даже встреченная мельком пара знакомых, машинально мазнув взглядами по его лицу, равнодушно проследовала мимо.

В столицу сын Ковура прибыл почти одновременно с Вориндо и принцем. Сио был уверен, что наследник сразу же потащит любовника к себе. Или, на худой конец, окопается с ним в графском особняке — нравы его высочества были известны далеко за пределами Меайры. Соответственно, бастард с мужем отправятся с принадлежащий им отныне бывший особняк Ковура. А свой родной дом Сиорол знал прекрасно. И знал, как туда проникнуть, тем более, что магические плетения признавали его, в отличие от чужаков, за своего (Вориндо еще только предстояло перенаправить защиту на себя). Но враги решили не разделяться.

Прошипев несколько добрых слов засевших в неприступном особняке кровникам, Сиорол решил заняться другими делами. И за несколько дней утряс все свои финансовые вопросы, обналичив закладные, доверенности и ценные бумаги, доставшиеся от отца. Вырученная сумма удивила даже его, привыкшего к роскоши, хотя он, конечно, продешевил, торопливо распродавая крохи своего наследства. Но делать было нечего — в любой миг капитал могли обнаружить по оставшимся в крепости хозяйственным бумагам. А так… простите, господа!.. вы опоздали! Деньги перепрятаны. А наличность ему пригодится, в отличие от торговых предприятий.

Оставшиеся дни Сиорол кошкой кружил поблизости от владений Вориндо, не рискуя близко к ним подходить: слишком уж много вокруг особняка оказалось топтунов. Принц явно караулил свою птичку. Вот только птичка эта сидела в четырех стенах, как мышь под веником, и никуда не вылетала. Так что турнир оказался для мстителя даром небес.

Покрутившись среди оживленной толпы, Сио определил для себя путь, по которому следовала кавалькада Вориндо, и скрылся в ближайшем переулке. Столицу юноша знал как свои пять пальцев, проведя в ее стенах большую часть детства и юности. А еще лучше знал городские крыши, по которым немало побегал, играя в прятки с местными детьми, невзирая на свой титул наследника лордства. Так что теперь, мягко ступая по скользким черепицам и скрываясь за частыми каминными трубами, он следовал за медленно едущим по главной улице отрядом. Дома вдоль Королевского проезда стояли впритык друг к другу, но впереди уже появились между ними разрывы, так что следовало поторопиться.

Обогнав процессию, Сиорол длинными прыжками, не думая о высоте, помчался вперед. Его вел дикий азарт охотника. Выбрав себе наиболее удобную позицию, он прислонился спиной к каминной трубе, для устойчивости упираясь ногой в крошечный декоративный балкончик, незнамо для чего прилепившийся к самому коньку крыши. И медленно поднял арбалет, выискивая цель.

…Его предупредило потрескивание на самой грани слуха. Внизу, в толпе, он не обратил бы на это внимания. Но здесь, на верхотуре, где только разморенные солнцем голуби время от

времени цокали по черепице, туго трепыхая крыльями, да орали дурным мявом коты-конкуренты, осторожные шаги ног, обутых в мягкие сапоги, были чужеродными.

Тренькнула стальная тетива, стальной болт без прицела устремился в сторону опасности, промазав от неожиданности. И Сио, без сожаления бросив разряженный арбалет в нападавшего, кувыркнулся, уходя от загребущих ручек еще одного перехватчика.

— Именем короля!.. — дальше он не слушал, ласточкой взлетев на очередную крышу, слишком вычурную, чтобы облегчить погоне жизнь.

*****! Как жаль, что это не городское отребье. С теми хотя бы можно договориться, а королевские дознаватели сразу хватали без разбора правых и виноватых.

Над плечом лихо свистнуло, обдав ухо холодом. И тут же с мочки часто закапало: если бы не сложный рельеф крыши, стрелок бы не промахнулся. А так только кровь слегка пустил. Но, к сожалению, он оказался не один такой шустрый — еще парочка болтов заставили несостоявшегося убийцу пригнуться — враги были и впереди.

Скорчившись под защитой очередной печной трубы, Сиорол досадливо тряхнул головой. Ну, что за невезуха! Придется тратить последний телепортационный амулет. Но выхода нет.

И сжав в кулаке накопитель, сын Ковура шагнул в раскрывшееся серое марево портала, скрываясь от противника.

Арбалетный болт, выпущенный вдогонку больше от отчаяния, догнала беглеца, когда воронка перехода уже смыкалась, ударив на излете в спину…

Эдмир в ярости отбросил тяжелый нагрудник, что подал ему для осмотра оруженосец.

— Кто посмел?!!.. — зашипел он в лицо застывшего каменным истуканом капитана охраны. — Я приказал охранять лорда Рэниари! А он едва не погиб!..

— Осмелюсь доложить, — решился прервать сюзерена бравый вояка. Он не боялся ни светлых, ни темных богов… впрочем, иные в охране принца и не служили, пройдя с его высочеством огонь, и воду, и многочисленные битвы. И потому Эд многое позволял своим преданным ветераном. В том числе и перебивать его, если те считали нужным допускать подобное нарушение этикета. — Осмелюсь доложить… неизвестно, в кого целил убийца. Там было довольно народу, чтобы выбрать себе иную мишень. Например, барон Гарукси, у которого кровная вражда с кланом Лиим. Или Глава торговой гильдии, что здорово прижал мисиранских купцов новыми пошлинами… У нас нет уверенности, что целили именно в лорда Вориндо. Наблюдатель заметил убийцу, когда тот только-только собирался выбрать цель. Именно потому мы и не смогли его поймать — у него было время среагировать на наше внимание. Ушел, гад, малым порталом! Разброс магии слишком хаотичен — маги не смогли его перехватить, только определить приблизительное направление. Но мой стрелок успел его приласкать болтом в спину.

— Хоть это хорошо!.. — буркнул Эдмир, несколько отходя. Сердце все еще частило, стоило только представить, что он мог навек потерять Рэниари. Несносного, упрямого… ставшего таким родным…

— Что нам делать дальше? — Осторожно уточнил капитан у задумавшегося принца. — Милорд проявил уважение королевскому штандарту… но… судя по отсутствию энтузиазма,

рассматривает турнир как докуку. Может, стоит ему разрешить вернуться в город? В такой толпе сложно его охранять. А привлечь магов… только дать пищу сплетням.

Эдмир задумался.

Да, решение заставить Рэни прибыть на турнир, чтобы перед ним покрасоваться, кажется, было ошибочным. А ведь так хотелось развлечь… покрасоваться перед ним своей далью, ради него выиграть приз! И преподнести его Искре назло Дориану! Заодно и показать всем, что интерес к золотоволосому красавцу не угас… что перед ним будущий фаворит.

Ничего не поделаешь — безопасность Рэниари важнее.

Тяжело вздохнув, Эд посмотрел на капитана.

— Доведи до сведения графа, что король доволен его послушанием и позволяет сегодня быть свободным. Заодно понаблюдай, что милорд будет делать… и с кем встречаться.

Коротко поклонившись, капитан вышел из шатра, опустив за собой наружный полог, напитанный магами всеми мыслимыми заклинаниями защиты, в том числе и от подслушивания.

— Ты все-таки продолжаешь упорно его добиваться, — раздалось со стороны внутреннего полога. И из другой «комнаты» вышел Дориан во всем своем великолепии. Молодой герцог был облачен в торжественное одеяние, полагающееся официальному жениху наследника престола, вплоть до тяжелого венца консорта на голове. — Ну, почему… почему, Эд, ты это делаешь?!

В кои-то веки блондин назвал его Эдом вместо набившего оскомину манерного Эдди!

Чуть слышно рыкнув, его высочество развернулся к непрошеному свидетелю.

— Что ты здесь делаешь? — Холодновато уточнил он у герцога. — Я не приглашал тебя в шатер.

— Это мое право — находиться поле тебя! — От злости щеки Дориана раскраснелись. — Эд, умоляю! Оставь его! Да над тобой уже вся столица смеется! Надо же — увивается вокруг мальчишки накануне собственной свадьбы!

Но Эдмир не слушал докучливого блондина, раздосадованный тем, что на трибунах не будет Рэни. А ведь он даже место ему приказал приготовить в отдельной ложе, и столик с прохладительными напитками и легкими закусками…

— Эд! — Ладони Дориана нежно обхватили лицо принца, разворачивая его к герцогу. — Что… О, боги! Ты так его хочешь?

Тонкие пальцы Ваоттиро погладили напряженный бугор в паху его высочества, прикрытый свободными штанами. Эд нетерпеливо оттолкнул руку жениха и, отойдя к креслу, сел. Но блондин не унимался.

Опустившись на колени перед креслом, Дориан с силой провел ладонями по напряженным бедрам Эдмира, от коленей к паху и обратно, заодно приспуская ткань вместе с нижним бельем. И поцеловал освободившийся член принца в упругую вершинку. Эд не оттолкнул белокурую голову — зачем, если ему все равно требуется разрядка. К тому же, закрыв глаза, легко представить, что у него между колен склонившийся над обнаженным пахом Рэни.

mir-knigi.org

Откинувшись затылком на изголовье кресла, принц расслабился: внизу живота копился тягучий жар, мышцы паха предвкушающее подрагивали. И его высочество невольно стал слегка подаваться бедрами навстречу поступательно-возвратным движениям умелого заалевшего ротика жениха. Юркий язычок Дориана кружил вокруг набухшей головки, самым кончиком забирался в щель, ласкал нежнейшую туго натянутую кожу ствола. На миг оторвавшись от своего занятия, Дориан с влажным чмоканием выпустил изо рта налившуюся кровью «игрушку» и поднял на Эда сияющее от неподдельного экстаза лицо. Ярко-синие глаза герцога были затуманены. И, шало улыбнувшись покрасневшими губами, юноша вновь припал к члену его высочества, длинным движением лизнув его снизу вверх. Эдмир невольно застонал, ощутив первую волну легкой пульсации, а Дориан тут же вновь принялся за дело, на этот раз активно помогая себе руками. И не отстранился, когда вязкая струя ударила ему глубоко в горло…

Расслабленный Эдмир сполз …растекся… по креслу, тяжело дыша. Все-таки эта маленькая б**** делала прекрасный минет, надо отдать ему должное! И принц невольно мечтательно улыбнулся, на миг представив себе, как будет обучать древнему искусству своего золотоволосого избранника.

— Ты думаешь о НЕМ… — тихо сказал Дориан, все так же сидя на полу между широко расставленных колен принца. — Даже сейчас думаешь…

Эд оторвал затылок от спинки кресла и сверху вниз посмотрел на жениха. У Дориана были совершенно несчастные глаза.

— Отпусти меня, Дори, — неожиданно даже для себя произнес принц. — Давай все прекратим, пока не стало поздно. Я не люблю тебя. И никогда не сумею полюбить.

— Я знаю, — гибко поднялся на ноги Дориан и наклонился, нежно целуя мужчину в уголок недовольно кривящегося рта. На губах Эдмира остался слабый привкус его собственного семени. — Но ты привыкнешь. Достаточно и того, что Я тебя люблю. А я сумею любить за нас обоих. И не отпущу тебя. Ты смиришься… хотя бы ради собственных наследников.

— Не делай ошибки, — опасно сощурив глаза, предупредил его принц. — Если ты рассчитываешь!..

— Я знаю, о ком ты мечтаешь! — Прервал его высочество герцог. — Хорошо, сделай ЕГО своим любовником… фаворитом!.. но возвращаться ты будешь ко мне! Как к своему мужу и отцу своих детей! Я не разорву помолвку.

Лицо Эдмира словно окаменело. Лишь на миг он позволил себе слабость, надеясь решить все миром, и тут же об этом пожалел.

Неторопливо приведя одежду в порядок, принц поднялся и, смерив нечитаемым взором Дориана, пошел прочь, окликая своих оруженосцев. К сожалению, тот, ради кого стоило сражаться на этом турнире, отсутствовал на трибунах. В другое время это привело бы наследника в уныние. Но именно сейчас в нем плескалась обжигающая ярость, в любой момент грозя выплеснуться на окружающих.

Что ж! Значит, его противникам сегодня не повезет.

Проводив печальным взором удаляющуюся прочь могучую фигуру его высочества, Дориан дождался, когда тяжелый, тканый золотом полог отрежет его от праздничной суеты снаружи.

И тут же красивое лицо герцога исказилось от ненависти. Боги, кто бы знал, как тяжело играть обиженную нежность, в то время, когда больше всего на свете хочется орать от ненависти к счастливому сопернику!

Но нельзя…

Только не при Эдди. Он и так на него смотрит не слишком-то ласково. И главное, уже не уберешь конкурента!

Маленькая, ублюдочная мразь!

Он ведь даже не терпит принца. В то время, как тот сгорает от любви к субтильному, смазливому мальчишке!

Дориан одно время очень надеялся, что чувства принца к сопляку перегорят. Наследник всегда отличался непостоянством. Герцог это знал давно и заранее смирился с будущими многочисленными изменами обещанного ему в супруги… с его когортой любовников и любовниц. Слава Богине-Матери, что наследник пользуется услугами первоклассных магов, и можно не опасаться толпы бастардов на стороне. Но от этого не легче.

Глубоко задумавшись, Дориан медленно прошелся по ковру. Ему нужна была ванна — делая минет, он и сам от души кончил. Хорошо хоть камзол до колен, прикроет характерное пятно.

Нет, надо что-то делать с этим проклятым Рэни! Бывший бастард в одночасье отхватил жирнющий куш, став графом Вориндо и фигурой на политической сцене. Лорда Цитадели так просто не подвинешь. Он вполне может составить конкуренцию герцогу Ваоттиро.

Негромкий разговор привлек внимание Дориана. В соседнем покое, видимо уверенные, что господа покинули шатер, переговаривались за уборкой слуги.

— …да ты что!.. — весело хмыкал низкий голос, перебиваемый постукиванием посуды.

— Клянусь Богом-Отцом! — С жаром уверил собеседника второй голос, позвонче. — Сам слышал! Да весь город знает, что наш принц запал на нового лорда Цитадели. Спит и видит, как бы его себе забрать.

— Ну-ну, — засмеялся первый. — Ты мне чего нового расскажи! Весь город… — передразнил он, — …знает, что граф Вориндо НЕ ЖЕЛАЕТ наследника, как бы тот не крутил перед ним хвостом. Да пацан спит и видит, как бы подтвердить титул отца и убраться к себе на окраину, откуда его никакой принц не выцарапает! И останется наше высочество на бобах.

— Ха!.. — торжествующе отозвался второй. — Как бы ни так! Знаешь, что говорят? Что король задумал объявить лорда Рэниари своим воспитанником до совершеннолетия, и взять Цитадель под свою руку. Да я сам видел черновик указа! Шурин по пьяни показал мне, когда мы оба на спор пробрались в канцелярию его начальника. Так что на Совете будет сделано все, чтобы золотой лорд не получил титула отца. Наш Соронд умный мужик: раз сын сгорает от любви к красавчику, надо ему подарить объект его желаний. А там до совершеннолетия времени достаточно — стерпится, слюбится, да и надоевшего мужа можно подвинуть… на тот свет. Благо приданное наготове, и какое! Прислуга в замке рассказывала, что уже отделывают покои для нового фаворита. И как бы мальчишка не сопротивлялся, его там запрут сразу после Совета.

Ошеломленный услышанным, Дориан без сил опустился в кресло, где недавно сидел принц.

А ведь правда!

Какой-то слуга озвучил все его тайные мысли. Неужели все так и будет?

Но тогда, получается, надо сделать все, чтобы помешать исполниться этим планам. Малолетний красавчик под боком неверного возлюбленного ему не нужен. Пусть, получив титул, убирается в свою Цитадель и не путается под ногами. Сейчас-то он обижен на Эдди, но потом вдруг смягчится, заласканный принцем? Дориан не понаслышке знал, каким страстным и огненным в постели может быть Эдмир. Их знакомство именно так и начиналось.

Нет… нельзя… Если Вориндо получит Цитадель, то он превратится в завидного жениха. И тогда Эдди может предпочесть его мне…

Что же делать?

Дориан рассеяно потер пальцами ноющие виски. Что выбрать — поддержать притязания короля или любовника принца? И так и так неприятные последствия будут…

Наконец, не выдержав раздумий, Дориан торопливо вышел из шатра, направляясь в свою ложу, куда приказал пригласить отца. Но к его огромному сожалению, герцог Аминел не мог переговорить с сыном, беседуя с гостем королевства князем Фейринелем.

…Жених принца уже не видел, как вслед ему из шатра выглянули ехидные физиономии «слуг».

— Смотри-ка… сработало!.. — нерешительно хихикнул один из них, осторожно отступая вглубь полотняного дома. — Побежал как миленький!

— А ты бы не побежал? При такой-то новости. — Буркнул другой, проходя в дальнюю «комнату», где прикрытые ковром, лежали тела двух упившихся в хлам настоящих слуг. — Пусть побегает, ему полезно.

Самозванцы вытащили выпивох наружу и, перевалив на тачку, в наглую, не обращая внимания на многочисленную стражу, покатили ее к реке. Где и свалили груз на прибрежный песок: пусть протрезвеют — нечего на дармовую выпивку бросаться.

Наблюдающие эту картину охранники понимающе похохатывали — дело житейское… праздник, маленькие радости маленьких людей… Кто не попадал?

На добровольных помощников никто из солдат не обращал внимания. И те, вернув тачку на место, преспокойно покинули ристалище, направившись в город. А что такого? Может слуг послали за чем-то нужным.

Еще через пару часов, переодевшись в одежду конюхов, оба уже чистили стойла, дожидаясь возвращение Вориндо, чтобы доложиться…

Оставляя за плечами ристалище, Рэниари был откровенно рад, что получил разрешение вернуться домой. Ему казалось, что даже кони бежали быстрее, спеша вернуться в родную конюшню. Сам юноша не задумывался, почему его вдруг отпустили. Многие поступки Эдмира давно не поддавались логическому объяснению. В том числе и это приглашение на турнир. Сначала вызвать, затем отправить назад. У принца с головой явно не все в порядке. Ну, и темные боги с ним!

Хотя… если все-таки подумать… На турнире обязан присутствовать младший Ваоттиро. Все, что Рэни знал об этом типе, ему категорически не нравилось. Да, красив. Да, взбалмошен, истеричен. Да, не слишком умен. Но притом герцог злопамятен, упорен, целеустремлен. Одно только то, как он яростно и настойчиво добивается своего, должно насторожить. Но придворные, как всегда, замечают только верхушку подводной горы. Не понимая, что перед ними ядовитая змея, умеющая выжидать.

Если смотреть с такой точки зрения, то тогда понятно желание принца, как можно дольше не афишировать своего избранника. Но тогда зачем было выдергивать его из особняка? Неужели?!..

Рэниари даже покачнулся в седле от неожиданной догадки.

Принц собирался объявить его своим фаворитом и продемонстрировать всем новый статус юноши?!

Бред!

Даже Эдмир не посмел бы на такое пойти до Совета!

Или посмел?..

Надо будет дождаться тех слуг, что отправились поглазеть на турнир. А пока слишком мало данных, чтобы рассуждать здраво. К тому же еще неизвестно, как удалась задумка Баррэта — подкинуть лорду Дориану информацию по новому графу.

— Прекрати себя изводить, — гневно повернулся к племяннику лорд Ворональ. Лотэ рядом с мужем одобрительно хмыкнул. — Лучше береги силы. Все, что смогли, мы уже сделали.

— Знаю я все… — уныло проговорил Рэниари. — И полностью с тобой согласен. Но не могу быть спокойным, особенно когда вспоминаю все, что Эдмир сделал!

— А и не надо, — неожиданно покладисто согласился с юношей Баррэт. — И я не говорил про спокойствие. Я говорил, чтобы ты бросил себя изводить. А это несколько разные вещи. Сейчас прибудем домой, и я лично уложу тебя спать. Даже если придется прибегнуть к снотворному. Ты должен хорошо отдохнуть перед Советом…

- *******! — Внезапно выругался Лотэ, во все глаза глядя на двигающийся им навстречу отряд под двойным знаменем. — Там мои и Сэриэля!..

— Что? — Присмотрелся Рэниари. Лицо Баррэта потемнело, и он дал отмашку охране приготовиться. — Понятно.

Вот и новая родня пожаловала.

Нападения Рэниари не опасался. Во-первых, не рискнут: рядом с городом, на глазах у множества свидетелей. А, во-вторых, гостей примерно столько же, так что еще неизвестно, кто выиграет, если все-таки схлестнутся.

— Лотэ! — Внезапно раздался взволнованный голос. И зеленоглазый всадник на чалом скакуне вырвался вперед. Белоснежные волосы, не скрепленные ничем, плеснули за его плечами. И ами Сэриэля остановился подле брюнета, не обращая внимания на бросившегося за ним старшего супруга. — Что с Сэри? Почему он не с вами?! Мальчик, ответь!

— Все в порядке, лорд Вэндинк, — неловко отозвался Лотэ, кося глазом в сторону подъезжающих к ним с решительным видом родителей. — Он остался дома. Надо же было кому-то заниматься поместьем.

— Ты меня не обманываешь, малыш? — Младший из баронов Ротаолей с отчаянной надеждой смотрел на не состоявшегося зятя.

— Да все с ним в порядке! — Громыхнул раздосадованный Баррэт, чувствуя себя неловко. С одной стороны — это семьи его мальчишек, по которым они скучали. А с другой — мужчина не мог простить родственничкам злополучной темницы.

— Тебя не спросили! — Сквозь зубы процедил такой же, как и Лотэ, черноволосый и сероглазый воин, не обращая внимания на светловолосую женщину, положившую ему на запястье свою маленькую ручку.

— Хирото, угомонись! — Чуть ли не приказала она мужу, яростно сверкая карими глазами, и тот, ворча, послушался. — Я хочу поговорить с сыном.

— Вообще-то, он мой муж! — Опять вмешался разгневанный Баррэт, но леди демонстративно предпочла его не заметить. И Рэниари понял, что если он сейчас не вмешается, то наступит полный бардак, и все переругаются. А потом опять разбегутся по разным углам.

— Представьтесь, господа, — негромко проговорил он, но, как ни странно, его услышали.

— С какой это стати… — снова завелся несдержанный лорд Хирото, — я должен представляться первым! Этот тип украл моего сына и его жениха!

— По той простой причине, что вы находитесь в присутствии стоящего выше вас, — несколько скучающе объяснил Рэниари. Больше всего юноша не любил хамов, но, как назло, в последнее время жизнь то и дело его с ними сталкивала. — И по той, что это именно вы загородили нам дорогу, когда мы спокойно следовали мимо.

Вскинувшийся было от возмущения лорд Сауналь, тихо сдулся, только глянув в неестественно спокойные глаза Рэниари. Юноша был на взводе: перенесенное за последнее время сильно подточило его терпение, и он сам… неосознанно!.. искал повод для эмоционального взрыва. Барон слишком долго жил на этом свете, и слишком долго правил. Он понял то, что еще не успел осознать сам Рэниари — еще немного, и их всех просто раскатают, если не оружием, то словами точно.

— Лорды, — неожиданно спокойным тоном произнес отец Лотэ, замечая, как нехотя тают яростные искры в аквамариновых глазах напротив. — Я приношу извинение за нашу несдержанность. Нас оправдывает только то, что мы беспокоимся за судьбу наших детей.

Какой-то миг ничего не происходило. Но затем хрупкий золотоволосый юноша медленно кивнул. Настроение разговаривать с надменными баронами исчезло напрочь. Как бы Рэни ни желал помочь Сэри и Лотэ примириться с семьями, но, видя такую нетерпимость к Барру, юноша принял решение просто уехать. Разговор с самого начала не пошел, так чего мучиться. Жаль, конечно, упущенной возможности, но и помыкать собой нельзя было позволить. Может, в следующий раз повезет.

— Ваши извинения приняты, — Рэниари дал знак своим следовать мимо.

Лорд Хирото почувствовал, как его челюсть отвисает к седлу — не такого ответа он ожидал.

Рядом беспокойно зашевелилась супруга, увидев, как их Лотэ решительно разобрал поводья, более не глядя на родителей. Ластон с Вэндинком беспомощно переглянулись — этот красивый юнец парой фраз всем им дал понять, что не считает их за родственников.

Леди Сауналь чуть слышно всхлипнула, словно задохнувшись. И внезапно бросила свою белоснежную кобылку прямо к сыну, вцепившись в него изо всех сил.

— Не пущу! Прекрати немедленно меня игнорировать!

— Мама! — Возмутился Лотэ, не смея стряхнуть женщину со своей руки.

— Прекратите балаган! — Посмотрел на всех недовольный Рэниари. — Леди… и вы, лорды, будьте добры следовать за нами в город. Думаю, нам есть о чем поговорить. Что обсудить и что предложить друг другу.

— Вот как? — Послышался вдруг возмущенный голос старшего Ротаоля. — Видимо, это теперь так называется? Поговорить? Обсудить? Снизошел до нас? Еще бы — завтра Совет! И тебе не помешает поддержка наших кланов!

— Поддержка в чем? — Недоумевающее приподнял тонкую бровь Рэни, одним взглядом заставив захлопнуть рты Барра и Лотэ, вскинувшихся было повозмущаться. — В моем признании графом Вориндо? Или в признании нового клана Ворональ, что претендуют на соседнее с Цитаделью владение? — В голосе юноши прорезался металл. — Ну, так первое у меня никто не отнимет по праву рождения. А второе УЖЕ принадлежит моему дяде Баррэту и его супругам… как и их будущим наследникам.

Слегка откинувшись в седле, Рэниари с неожиданной надменностью посмотрел на притихших баронов.

— Я был бы рад нашей встрече, если бы вы, действительно, стали моими родичами. — Негромко произнес он. — Но вы ясно дали понять свое отношение к нашей семье, когда бросили Барра в темницу, невзирая на проведенный брачный обряд с вашими сыновьями и уже активированные коконы. Вы отказали ему в родстве. И тем самым унизили всех Вориндо. В ответ мы отказываем вам в родстве с нами. Ваши дети больше вам не принадлежат. Они вошли в мою семью. Стали моими родичами. И все, чего они добились, произошло без вашей помощи. Вориндо никогда не унижались, выпрашивая милости тех, кто их отверг. И Ворональ, как кровь от крови Вориндо, тоже этого делать не будут. Вы отрезали от себя своих сыновей, когда не приняли Баррэта. И сегодня своим поведением подтвердили прежнее решение. Мы вам более не навязываемся. Прощайте, господа… леди.

— Прекратите… Пожалуйста, прекратите! — Как-то беспомощно вскрикнул лорд Вондинк, перегораживая своим конем дорогу Рэниари, и переводя отчаянный взор с одного лорда на другого. — Вениа!.. Хоть ты подумай! Мы ведь лишимся наших мальчиков… не увидим внуков. Ну, Ластон… пожалуйста! Ты же знаешь про Истинный брак!

— И в самом деле, милорд, — с явным трудом, перебарывая себя, вымолвил сребровolосый лорд, успокаивающе поглаживая супруга по плечу. — Как-то не так мы начали… Примите и мои извинения, лорд Рэниари. Мы, вообще-то, приехали в столицу в надежде встретиться с вашим уважаемым отцом… сожалею о его смерти. Но раз вы теперь глава клана… Если ваше предложение еще в силе, мы готовы поехать с вами…

Рэниари только головой мотнул. Слов у него уже не было, только усталость. Прав был Баррэт, настаивая на отдыхе. Пожалуй, покажись сейчас на перекрестке кровать, Рэни завалился бы

на нее без всякого снотворного, и не обращая внимания на обалдение окружающих. Но нужно было довести разговор до конца.

Отчего-то у него было чувство, что с этой проблемой все будет решено раз и навсегда.

Дома, пригласив гостей в одну из многочисленных гостиных особняка, Рэниари отослал слуг и посмотрел на …пожалуй, что родственников. Те выглядели смущенными. Видимо, своей внезапной отповедью он поломал им весь план разговора. К тому же, узнав о приключениях молодой троицы (за вычетом отсутствующего Сэриэля), бароны невольно призадумались. На что и рассчитывал Рэниари, с молчаливого одобрения которого Лотэ и Барр кое-что рассказали родителям. Конечно, основное бароны знали и так — слухи быстро разлетались по столице — но узнать подноготную из уст непосредственных участников было намного познавательнее.

— Что ж… — после неловкого молчания произнес лорд Хирото, вертя в руках пустой бокал из-под вина. — Надо признать, что мы тогда сглупили… впрочем, как и теперь. А ведь ехали мириться. Но, прости (быстрый взгляд в сторону невозмутимого Баррэта)… нелегко, когда летят к темным богам десятилетиями выверенные планы. Это уже потом, найдя соединившего вас жреца, мы узнали всю подноготную о вашем брачном обряде. Надо же… Истинный брак! Послушать старого пройдоху, так вы уже давным-давно супруги, соединившись еще в предыдущей жизни. Вы хоть в курсе, что жрецы всех храмов чуть с ума не посходили, узнав о вашем браке?

Барр и Лотэ только головами мотнули.

— Лорд… Баррэт?.. — внезапно спросил лорд Вендинк, — Могу ли я переговорить с сыном?

Барр молча снял с шеи амулет, выполненный в форме ракушки, и протянул тестю. Тот сразу же отошел к окну вместе с присоединившимся к нему мужем и выпал из разговора.

— Ты ведь носишь кокон? — Обратился старший Сауналь к сыну. Лотэ с гордостью кивнул.

— У вас будет внук! — Объявил он радостно. — Сам только недавно узнал.

Леди Вениа всплеснула руками и расплакалась. А потом пересела к сыну и обняла его. Сауналь с законной гордостью на них поглядывал. Тут к ним присоединились абсолютно счастливые супруги Ротаоль, и совместными усилиями Баррэт был прощен, обласкан и запуган, что если не будет следить за мужьями, то ему не жить.

А молчаливый Рэниари с улыбкой смотрел на это примирение и думал, как мало некоторым надо. Всего лишь быть принятым в семью. И вот уже забыты прежние обиды.

— Эх, жаль, что не удалось соединить владения! — Между делом воскликнул лорд Хирото, с гордостью глядя на сына.

— Отчего же? — С интересом уточнил Рэниари, будучи в курсе планов новоиспеченных родичей объединить три баронства в одно графство. — Думаю, уважаемый лорд Ротаоль не станет протестовать, если отдаст свое владение лорду Сауналю в обмен на Крепость Круглого холма… в будущем. Тогда сын Лотэ унаследует новое графство. А ребенку Сэриэля достанется Круглый Холм. Как, Лотэ? — Обратился юноша к брюнету. — Ты знаешь Центральные провинции. И знаешь ваши с Барром новые владения. Это будет равноценный обмен?

— Пожалуй, что да, — кивнул Лотэ, после долгого раздумья. — Я согласен… если и лорд

Ротаоль согласится.

Теперь уже задумался Ластон. И думал долго, пока его не толкнул супруг.

— Нууу… это выход… Надо подумать.

— А чего думать, — хмыкнул Хирото. — Милорд дело предлагает. Стоит подать прошение в Геральдическую палату. Пока суд да дело, много воды утечет. Зато каждый из наших внуков унаследует собственное владение. Неплохая перспектива, а, друг мой?

— Неплохая, — согласился со своего кресла Баррэт, наблюдая воодушевление лордов и леди. — Если только меня снова в темницу не запрут.

— Да вроде не за что! — Стрельнула в него глазами теща. — Ты только мужей своих не обижай.

А Рэниари поднялся, чувствуя, что засыпает прямо на ходу.

— Прошу меня извинить, леди, господа, — юноша слегка поклонился. — Но я вынужден уйти. С вами останутся Баррэт и Лотэ.

И вышел из комнаты. Спать, спать, спать…

Оказавшись в своей спальне, Рэни быстро сорвал с себя одежду и повалился в постель, только и успев откинуть с нее нарядное покрывало. Он уснул сразу, едва голова коснулась подушки. Вошедший слуга, закрепленный за покоями нового графа, лишь головой покачал, разглядев безмятежное лицо юноши.

Собрав разбросанную одежду, мужчина вышел, бесшумно притворив за собой дверь. Передавать своим новым хозяевам ему было почти нечего. За исключением того, что Ротаоли и Сауналь явно примирились с зятем. Ну, так это все вокруг уже знают.

…Ложа, которую занимал герцог Аминел Ваоттиро, была великолепна. Полностью изолированная, рядом с главной, где находился король, с позволения которого будущий родственник и развлекал высокого гостя. Стены и магия обеспечивали полную конфиденциальность разговору. К тому же, из ложи открывался прекрасный вид на ристалище, на котором в данный момент с треском ломал копья сам наследник престола.

«Какой идиот!.. — умело скрывая презрение в складках полных губ, думал лорд Эккуар. — Или в детстве в солдатики не наигрался? Никак не поймет, что будущему правителю нужно уметь не по головам лупить таких же как он идиотов, а уметь править ими. И заставлять других сражаться за себя! На что только тратит силу, полученную от Искры! На повышение собственной выносливости… на ловкость! Вместо того, чтобы заняться серьезным делом.»

Внизу, под ложей, Эдмир в очередной раз сбросил с седла на землю очередного соперника. И помчался по кругу, горделиво принимая от толпы шумное поклонение. Лишь на миг его высочество придержал коня, заставив его взвиться свечкой, демонстрируя внимание своему избраннику. Вот только им оказался не лорд Дориан, сидевший в королевской ложе.

К восторгу толпы знак внимания монаршей особы был направлен на пустующую ложу справа от королевской, убранную с вызывающей роскошью. Все на ристалище знали, для кого она была приготовлена.

Князь чуть заметно поморщился и вновь перевел взгляд на собеседника.

— Вот так-то, герцог, — негромко произнес он, отпивая из бокала с летним вином: ледяной виноград из высокогорных долин как всегда был безупречен. — Лорд Рэниари стал моим нареченным согласно воле отца и по своему желанию. Смерть графа Гвиура, к сожалению, порушила наши планы. Теперь, если мальчик наследует отцу, я потеряю своего супруга. Не хотелось бы отменять свадьбу. Я люблю Рэниари и не хочу его никому отдавать. А это неизбежно, если он станет графом. Вы ведь как никто другой сможете понять меня. У вашего сына тоже скоро свадьба…

Герцог Аминел согласно наклонил голову. Два интригана понимали друг друга с полуслова.

— Вы правы, — легко согласился герцог. — Тяжело потерять жениха перед свадьбой. Уверен, что вы приложите все усилия, чтобы вернуть лорда Рэниари.

— Несомненно, герцог, — ответил Фейринель, осторожно опуская на стол драгоценный бокал из маруквийского хрусталя. — Несомненно! Я планирую забрать с собой моего милого Рэни, навсегда избавив его от соблазнов вашей столицы… и от слишком пристального внимания некоторых особ…

— Богиня-Мать, князь! Вы можете быть уверены, что в этом деле я полностью на вашей стороне. Мне тоже кажется, что юному Вориндо будет лучше вдали от столицы.

— Но в таком случае, он не должен получить титул отца, — мурлыкнул князь. — Не думаете ли вы, что я буду претендовать на Цитадель? Это, конечно, жирный кусок, но не для моего рта. Пусть достается дядюшке с мужьями. Мне довольно одного мальчика. Уверен, что и будущий младший князь Фейринель будет вам безмерно благодарен. И его благодарность… как и моя… не ограничится только словами.

— О, я постараюсь учесть вашу обоюдную страсть при своем решении на Совете.

И два вельможи продолжали наслаждаться вином и зрелищами…

Ее высочество Исса сидела в своем личном саду, примыкавшем к ее покоям. Не сказать, что это был сад… скорее крохотный садик, разбитый на закрытой террасе. Это был подарок в далеком уже детстве от брата-короля для маленькой сестры, что постоянно плакала после внезапной гибели их родителей.

Та маленькая девочка давно выросла, но продолжала дорожить кукольным садом, где было все — и рощи из карликовых деревьев, и тоненькие ленточки ручьев с перекинутыми через них резными мостиками из разноцветного агата, и зеленые лужайки с уменьшенными магией цветами, и даже горы, созданные из дикого куска гранита, со стоящим на вершине замком из лунного камня. С горы в половину человеческого роста, прыгая с уступа на уступ, падал в круглое озерцо звонкий водопадик.

Исса ностальгически вздохнула и отложила в сторону альбом, где безуспешно пыталась изобразить кувшинки, цветущие на берегах озерца. Художница из нее была, как из медведя королевская любовница.

Когда-то она весело бегала по садику, играя вместе с таким же маленьким Эльмараном. Те времена давно прошли. И теперь она с крайней осторожностью передвигалась по выложенными мелкими камешками дорожкам, при этом высоко подняв пышные юбки: не дай

боги, еще зацепишь что-нибудь. А уж, чтобы допустить на бывшую территорию детства высоченного Эля, и речи не шло. Зато можно было вдоволь любоваться красотой этого места, сидя в обычной беседке за чашкой бодрящего травяного сбора, и ожидая старого друга, что обещал заглянуть на огонек.

Замечтавшись, Исса тихонько хихикнула. Устроенный братом турнир стал прекрасным отвлекающим фактором для свидания. Дворец словно вымер. Придворные устремились из города, спеша поучаствовать в новом развлечении. Даже слуги сбежали. Сама Исса, отговорившись недомоганием, осталась у себя, милостиво отпустив на праздник служанок и фрейлин. Теперь им с Эльмараном никто не помешает.

— Исса, любимая!.. — Такие сильные, родные руки обняли принцессу, а горячее дыхание Эля опалило щеку.

Тут же забытый альбом, соскользнув с колен девушки, упал на разноцветные плитки террасы. А Эльмаран подхватил любимую на руки, в пару шагов преодолевая расстояние до распахнутых дверей в спальню. Их обоих вело нетерпение, да такое, что до постели не было сил добраться.

Опустив свою ношу на мягкую кушетку рядом с выходом в сад, Эль жадно припал в поцелуе к нежному рту девушки. Исса тихонько застонала, обмякая в его объятиях. Рука мужчины заскользила по ее тонкому стану, затянутому в морской шелк платья, сжала сквозь кружевную пену высокую грудь с уже напряженным соском. Другая рука властно легла на бедро девушки и поползла вверх, собирая в складки ткань юбки. Целующаяся взапой Исса мимолетно почувствовала, как обнаженной кожи выше края тонкого чулка коснулся прохладный ветерок с террасы.

— Эль, я всех отослала… — выдохнула девушка в перерывах между поцелуями. Барон довольно рыкнул, опуская лицо к ее уже обнаженной груди. Его горячие губы с неожиданной нежностью обхватили правый сосок принцессы, заставив ее невольно замереть от сладкого томления внизу живота. Грудь девушки ныла, требуя к себе внимания, и любовник не заставил себя ждать, попутно добравшись таки рукой до ее лона. Пальцы мужчины нежно гладили увлажнившиеся складочки плоти, путаясь в шелковистых кудряшках, а губы оставляли следы на порозовевшей груди принцессы.

Внезапный стук в дверь заставил любовников замереть и отпрянуть друг от друга.

— Ваше высочество, — раздался звонкий голосок одной из служанок. — Могу ли я войти?

Исса торопливо оправила на себе лиф платья и одернула юбку. Слава богине Матери, морской шелк не мнется, а то бы позора не обобраться. Эль бесшумной тенью скользнул за высокую спинку кровати, скрывшись за балдахином.

Бросив на себя мимолетный взгляд в зеркало, Исса открыла запертую дверь.

— Я же приказала себя не беспокоить, — недовольно высказала она служанке. — Я плохо себя чувствую.

— Может, позвать лекаря? — Предложила сердобольная девушка, рассматривая раскрасневшуюся госпожу: прислуга любила младшую сестру короля за незлобливый нрав и справедливость.

— Нет, не надо, — отказалась Исса. И посмотрев на огорченную мордашку горничной, пояснила. — Всего лишь женские дни. Иди. Мне ничего не нужно.

Вновь заперев дверь, Исса повернулась к выглядывающему из-за балдахина Эльмарану.

— Женские дни?.. — беззвучно переспросил барон, делая большие глаза. Исса невольно рассмеялась, раскрывая любимому объятия.

— Иди и проверь, — рассмеялась она. Мужчина с готовностью скользнул ей навстречу. Но насладиться одиночеством им не дали.

Не успел барон помочь девушке снять платье, как в дверь вновь постучали.

Раздосадовано про себя чертыхнувшись, Исса накинула халат поверх кружевного белья, и отправилась открывать. За дверями оказалась давешняя служанка с подносом, на котором стояли кувшин с прохладным питьем и какие-то закуски. Рядом переминался один из дворцовых лекарей.

— Ваше высочество!.. — охнула служанка, увидев принцессу в халате. — Зачем же самой! Я бы помогла вам раздеться.

И, прежде, чем Исса смогла раскрыть рот, проникла в комнату.

Решительно поставив поднос на столик, служанка дернула шнур звонка, вызывая других горничных.

— Мирта! — Не выдержав вторжения, рявкнула Исса на доставучую прислугу. Но продолжить разнос не успела — спальню наводнили слуги и служанки из ее штата. Оказывается, они не ушли на турнир, а, переживая за больную хозяйку, остались в замке.

Ее высочество от досады заскрипела зубами: оказывается, быть всеобщей любимицей тоже чревато.

— Так! — Повысила она голос. — Всем спасибо, что волнуетесь за меня. Но я в порядке. Мне нужна тишина и возможность просто отдохнуть. Так что свободны! Мирта, расправь постель и убери платье. И БОЛЬШЕ МЕНЯ НЕ БЕСПОКОИТЬ!

Прислугу вымело из спальни. Навязчивая Мирта, быстро расправив постель, тоже выскочила за дверь, которую ее высочество лично заперла. И тут же от облегчения сползла по ней на пол — чудо, что вся эта толпа не обнаружила Эля, а то бы беды не обобраться. Брат не позволит барону быть рядом с сестрой. И сделает это самым простым способом, заставив неугодного исчезнуть навсегда.

Выползший из-за балдахина Эльмаран имел несколько бледный и помятый вид.

— Я думал, она меня обнаружит, — пожаловался он несчастным голосом. — Представляешь, едва успел сползти под кровать!

Исса невольно захихикала, закрывая рот ладонью, чтобы за дверью не услышали: судя по тому, что в гостиной раздавались голоса, прислуга решила дежурить на тот случай, если госпоже что-нибудь понадобится.

— Я же сказала, что все в порядке! — Вновь распахнув дверь, сообщила ее высочество слугам. — Идите праздновать.

Наконец-то, в ее покоях не осталось никого! Какое счастье!

mir-knigi.org

Повернувшись к возлюбленному, Исса увидела, что на том остались только шелковые подштанники, не скрывавшие его возбуждения. Не отрываясь от ее лица, Эльмаран, поигрывая могучими мышцами груди, предвкушающе улыбнулся и взялся за пояс, собираясь снять последнюю деталь одежды.

И в этот миг в дверь забарабанили с неистовой силой.

— Ваше высочество! Ваше высочество!

Икнув от неожиданности, Эль испуганно выпучил глаза и схватил в охапку свою одежду, не зная, куда бежать. Его напряженный ствол, оттопыривавший только что полупрозрачный шелк, заметно увял.

— Под кровать! Быстро!.. — прошипела Исса, сама не своя от паники: неужели их кто-то застукал?!

— Что случилось? — Распахнула она дверь. Сказать, что принцесса была недовольна, значит просто смолчать.

В комнату опять ввалилась толпа народу. Лица у всех были перепуганные до невозможности.

— Да что произошло?! — Уже сама заволновалась принцесса. Но служанки, не отвечая, всей кучей ломанулись к открытым дверям на террасу, тут же их захлопывая. И, надо сказать, вовремя!

Не успела девушка осознать, что ее беспардонно смели в сторону, как в закрытую наружную дверь что-то с силой ударилось. Укрепленные магией разноцветные стеклышки витража зазвенели, но выдержали. За окном обиженно взревели и явно рухнули вниз.

Махнув рукой высунувшемуся из-под кровати встревоженному Эльмарану (слава богам, что внимание присутствующих было направлено в другую сторону!), Исса решительно растолкала собственных служанок.

— Понятно, — с тяжелым вздохом сообщила она, под протестующий визг девушек решительно открывая дверь на террасу. — Опять Ввир сбежал!

Упомянутая особь слабо трепыхала перепончатыми крыльями, пытаясь подняться на дрожащие лапки. Морда у дракошки была донельзя обиженная, на носу встопорщились мелкие чешуйки, пострадавшие при столкновении со стеклом, но крови не было.

— Совсем ты стал старый, — ласково произнесла Исса, беря на руки некогда изумрудного, а теперь почти выцветшего дракончика. — Уже не видишь, куда летишь. А ведь когда-то брат обожал с тобой охотиться.

Узнав знакомый запах, подслеповатая ящерица размером с ловчего сокола, ласково потерлась головой о руки девушки, роняя сухие чешуйки со сморщенной шеи.

— Давайте его мне, ваше высочество! — Прогудел, проталкиваясь сквозь девичий цветник Главный ловчий. — Ума не приложу, как сбежать-то умудрился, паршивец!

Визг возмущенных служанок поднялся до небес. Да как смеет мужчина входить без разрешения в покои дамы, да еще и не одетой!

mir-knigi.org

Но Исса, улыбнувшись, подала своему бывшему учителю довольного Вира и, отряхнув халат от чешуек, решительно развернулась к прислуге.

— Вот объясните мне, из-за чего весь этот переполох? — Сердито посмотрела она на притихших девушек. — Это же просто Ввир! Ну, влетел бы он в мою комнату, что в этом страшного? Я с ним еще в детстве играла.

— Госпожа, вы не знаете эту летучую козявку, — выступила вперед Мирта, виновато теребя передник. — Это он вас слушается, а на нас не обращает никакого внимания. Гоняй ег, не гоняй, все перевернет, порвет, погрызет и смоется! Еще и нагадит, если передником его хлопнешь, глисту зеленую!

— Ладно! — Исса уже с трудом сдерживала смех. — Все уже позади. Оставьте меня, наконец-то. Дайте отдохнуть!

В очередной раз закрыв за прислугой дверь, принцесса прислонилась к ней, беззвучно хохоча. Из-под кровати вылез тоже хохочущий Эльмаран, с обнаженным клинком в руках.

— Я было решил, что на тебя нападают, — объяснил он, отсмеявшись и вкладывая меч в ножны. — Решил спасать.

— Хорош бы ты был с клинком в руках и в одних подштанниках! — Опять хихикнула принцесса, заползая с ногами на постель. Эльмеран, стянув с себя оные, вытянулся рядом с ней, поглаживая млеющую девушку по ноге и подбираясь к самому сокровенному.

— Я амулет чистоты активизировал, — шепнул он заговорщески. — Твоя прислуга ничего не обнаружит. Не бойся…

Исса только нетерпеливо притянула его к себе, раздвигая ноги. И барон с радостным вздохом опустился на гибкое тело возлюбленной, начиная жарко ее целовать. В бедро принцессы уперлась вновь восставшая плоть мужчины.

Решительный стук в дверь заставил любовников дружно подскочить и тихо выругаться.

— Исси, это я, — раздался траурный голос Лаурэ. — Не могла бы ты со мной поговорить?

— Сейчас! — отозвалась Исса, в душе проклиная неудавшийся день. Наконец-то она решила осчастливить любимого мужчину, разделив с ним постель, как весь мир ополчился на них двоих! Боги, где справедливость?!

— Ничего, — шепотом отозвался Эль, сгребая к себе свою одежду. — Главное, ты решилась! Не передумаешь?

— Нет! — Решительно отозвалась девушка и рискнула погладить член СВОЕГО мужчины. Упругая плоть была приятной на ощупь и слегка пульсировала. Барон побелел.

— Лучше не продолжай, — сдавленным голосом сообщил он принцессе. — А то я за себя не отвечаю! Лучше поговори с сестрой. А то она в последнее время какая-то странная, на всех срывается.

И, активировав телепорт, исчез в беззвучной вспышке.

А Исса уныло побрела открывать двери, размышляя, что и она не понимает Лаурэ. И явно не

mir-knigi.org

поймет, так как сестра не в первый раз приходила выговориться, при этом умудряясь не сообщать причину своего раздрая.

День был испорчен.

…Когда взбешенный выходкой принца Дориан покинул королевскую ложу, Соронд только досадливо поморщился. Несдержанность будущего зятя уже начинала напрягать его величество. Будущий консорт обязан быть более сдержан в проявлении эмоций. Поведение Эдмира, на глазах у всех продемонстрировавшего свои предпочтения, было простительным и даже оправданным. Испокон веков наследники престола именно так выбирали своих фаворитов, указывая на них официальным супругам. Обязанностью же будущего консорта было прилюдно одобрить выбор жениха и смириться с ролью просто мужа/жены и воспитывать детей от первого супруга, наслаждаясь всеми благами жизни. А не лезть во власть и не требовать от мужа внимания только к своей персоне. Тем более, что брак с Ваоттиро с самого начала был чисто политическим, без взаимности со стороны его высочества. И Дориан прекрасно это знал и должен был готов принять фаворита. Но вместо этого несдержанный мальчишка ни с того ни с чего вылетел из ложа со слезами на глазах.

Нет, Соронда знал о неуравновешенном нраве герцога, но вести себя так на глазах у всей аристократии и черни!.. Дориан окончательно упал в его мнении. Пожалуй, решение о союзе с Ваоттиро, действительно, оказалось ошибкой. Иметь детей от столь одиозной личности не лучший выбор. А вдруг они унаследуют нрав своего отца-истерика?

— Присмотрите за Дорианом, — обратился Соронд к сидевшему рядом с ним Верховному магу и герцогу Вэону. Лорд Итарон вместе с Лораном, поклонившись, покинули ложу. Король остался в одиночестве.

Все-таки он прав. Стоит пережить эту свадьбу с Дорианом, а потом избавиться от него, не допустив ненужной беременности. Итарон обещал, что коконы не сработают. А на Совете сделать все, чтобы мальчик покойного Вориндо не получил титула и стал фаворитом Эда. А затем и его мужем. Хорошая комбинация… правда, довольно сложная, учитывая нежелание некоторых участников следовать предписанными путями.

Пальцы короля пошарили за отворотом камзола и достали крупный медальон. С легким звоном откинулась золотая крышка, инкрустированная черными алмазами и темными аметистами. Внутри оказался выполненный тонкой кистью портрет красивой молодой женщины с нежной улыбкой на полных губах. Буйные кудри цвета вороного крыла падали на белоснежные плечи, не скрытые лиловым шелком платья, большие фиолетовые глаза смотрели весело и чуть лукаво.

Королева Вэролия. Его жена…

— Я все-таки нашел его… — прошептал старый король, благоговейно касаясь кончиками пальцев лица давно почившей женщины. — Того, кого ты так отчаянно защищала. Я нашел твоего сына, Вэро. Вот только больше некому мстить…

Глава 14

…Задыхаясь как от долгого бега, Сиорол привалился плечом к нагретому солнцем камню ограды и, наконец-то, огляделся.

Далеко же его занесло.

Но кто мог предположить, что помимо самих цитадельцев, сопляка графа будут еще охранять и королевский гвардейцы! Видимо, мелкий бастард хорошо давал принцу, если корона взяла его под крылышко. Чудом уйти удалось!

Если бы не малый портал… Но больше у него амулетов не осталось. Покупать же у магов, значит, навлечь на себя подозрение. У нищих дворян нет таких денег, чтобы купить дорогую игрушку.

Надо идти…

Отлепившись от стены, Сиорол едва не рухнул носом в землю от накатившей боли и слабости — все-таки в него попали.

Заведя руку за спину, мужчина нащупал краешек вошедшего косо арбалетного болта. Проклятье! И место-то отвратительное — самому не достать… и, судя по характерному онемению, да соленому привкусу во рту — задето легкое…

Как он только с такой раной сбежать сумел?

Видимо, жить очень хотелось.

Но теперь боевой угар сходил на нет, и бывший лорд почувствовал всю прелесть своего состояния. Перед глазами поплыло, в горле забулькало, дышать сразу стало трудно…

Что же делать? На улице светло, на шатающуюся из стороны в сторону фигуру быстро обратят внимание — не пьяный, чай…

Пьяный…

Морщась от боли, Сиорол с трудом отцепил с пояса флягу, где бултыхалась еще добрая треть кислющего вина, всученного ему трактирщиком. И вылил все до капли на себя. Вот теперь самое то!

Никто не обратит внимания на раннего пьяницу, которого штормит от стены к стене. А то, что в спине у него болт, так рана плащом прикрыта! Главное, выбраться из города, а там можно и лекаря поискать. К счастью, амулет выбросил его вблизи от Западных ворот, так что путь будет недолгим.

Однако, сделав пару шагов, Сиорол, замычав от боли, кулем повалился на выщербленную мостовую, потеряв сознание…

В следующий раз сознание вернулось к нему вместе с отголосками прежней боли.

Судя по мерцающей где-то сбоку свече, был поздний вечер или глубокая ночь. Мужчина лежал на животе на не слишком-то мягкой постели, к тому же узкой и неудобной. Ладно, хоть белье чистое и пахнет травами.

По ощущениям — спина обработана и болт вытащен…

В поле зрения Сиорола появился темный силуэт, и на горящий лоб легла приятно-прохладная ладонь. От нее, как и от подушки, пахло травами, только сильнее.

— Наконец-то, — негромкий голос над головой: явно его обладатель молод. — Долго же ты провалялся!

mir-knigi.org

— Где… я?.. — с трудом ворочая пересохшим языком во рту, прохрипел Сиорол. — Ты кто?

— Ты у меня в доме, — охотно отозвался незнакомец и присел перед кроватью на корточки. — Соизволил рухнуть прямо на моем пороге, я как раз собирался войти. Сначала решил, что запнулся об обычного пьянчужку — очень уж от тебя вином разило. Но потом увидел продырявленный плащ. Вот и решил помочь. Правда шрам останется… Не слишком-то хорошо я тебя залатал.

— Ты маг?.. — Сиорол пытался разглядеть своего спасителя, но в комнате был темно, а ночное зрение почему-то отказало.

— Немного, — несколько смущенно отозвался молодой человек. — Только не очень сильный. Вот и учусь на целителя. Не бойся, денег я не возьму. Мне достаточно и того, что смог на тебе попрактиковаться. Сейчас!..

Одновременно с возгласом самозваный лекарь зажег несколько магических светильников. И проморгавшийся Сиорол сумел, наконец, разглядеть своего спасителя.

На первый взгляд ничего особенного — худой, нескладный, еще не избавившийся от подростковой угловатости, смуглый и черноволосый. Волосы грубо обрезаны чуть выше середины шеи, слегка вьются. Лицо… про такие говорят «ножом резанное»… слишком острое, резкое. Губы, правда, приятные — пухлые и сочные даже на вид.

И в этот миг юноша повернулся, держа в руках какую-то чашу, явно с целебным отваром.

У него были самые потрясающие глаза, какие только Сиорол видел!

Огромные… мужчине даже показалось, что занимают они пол лица… яркие, неповторимые глаза цвета индиго!

Эти глаза светились, выдавая ум и готовность улыбнуться.

Эти глаза превратили своего обладателя из нескладного галчонка в удивительное существо.

И Сиорол утонул в их синеве, очнувшись, когда лекарь сдернул повязку с его многострадальной спины.

— Ну, вот, — удовлетворенно сообщил юноша. — Все зажило. Шрам, уж прости, свести не смогу. Потому как пока не умею. Так что приготовься, будет ныть и тянуть. По хорошему бы обратиться к опытному магу… но, судя по твоему виду, в карманах у тебя ветер… — Сиорол сдержал невольную ухмылку, знал бы Галчонок, насколько богат его пациент!.. — Ладно, дам тебе разогревающие мази.

Позвенев какими-то склянками, парень выдал своему молчаливому пациенту небольшой флакон из мутного дешевого стекла, наполненного тягучей субстанцией. — Держи! Мазать будешь пару раз в день. Попросишь кого-нибудь. Руки только тряпками пусть обернет — жечь будет невыносимо.

— А мне терпеть, значит? — Невольно усмехнулся Сиорол. Парень неожиданно остро на него глянул.

— Потерпишь! — Сказал, как отрезал. — Как людей под нож пускать, так все вы смелые. А как собственную боль терпеть, так и не тронь вас! Думаешь, я не понял, кто ты?

mir-knigi.org

— И кто же? — Нахмурился бывший лорд. Как-то не привык он выслушивать подобные высказывания. Даже находясь в бегах, Сиорол не встречался с грубостью, держась от людей подальше. И внезапная отповедь лекаря неприятно резанула слух.

— Наемный убийца! — Заявил Галчонок, бесстрашно стоя перед здоровенным громилой. — Охотился на кого-то, вот и нарвался на болт.

— А ты не допускаешь мысли, что охотиться могли и на меня? — Катнув желваками, тихо поинтересовался Сиорол, постепенно закипая. Вот еще не хватало ему мелкого моралиста. — Может, я чудом ушел от наемных убийц?

— С такой-то рожей! — Удивился лекарь, открывая дверь на улицу. — Да я скорее поверю, что городской палач стал Верховным жрецом Бога-Отца! Ладно, ты теперь здоров, так что скатертью дорога!

— Не хами мне, мальчик, — очень ласково произнес Сиорол, всем телом нависая над слегка побледневшим парнем. — За лечение спасибо, конечно. Я не забуду этого. Но вот хамить большим и опасным дядям не рекомендую. Опасно для здоровья.

И вышел на улицу, едва не получив по заду захлопнувшейся дверью. Почему-то это вызвало у мужчины не злость, а веселое фырканье. Встрепанный Галчонок был очень милым, когда отчитывал «наемного убийцу». А ведь Сио даже имени его не узнал. Ладно, это не к спеху.

Хм, а на улице-то темнеет. Не хило его приложило! Хватанул болт еще утром, а сейчас уже вечер.

Оглянувшись, бывший лорд хорошенько запомнил небольшой домик в череде таких же — невысоких и опрятно-бедных. И зашагал к воротам. Надо было разжиться полезными амулетами и подумать над будущим.

Двое молчали…

За окнами кабинета был поздний вечер. Но в самой комнате ярко сверкали магические светильники, не оставляя места тени.

Двое сидели, разделенные обширным письменным столом, непривычно чистым: все бумаги убрали старательные секретари.

Король и его Верховный маг.

— Я все эти дни обдумываю твои слова, — наконец, разомкнул уста Соронdo. — Спрошу еще раз — ты уверен?

— А я в очередной раз отвечу, что да, — лорд Итарон устало потер виски тонкими пальцами. — Говорю же, сам не поверил, когда увидел! Но… кровь не может лгать, мой король.

— Столько лет… — слова тяжело срывались в тишину кабинета, но король упорно продолжал их из себя выталкивать. — Столько лет искать, надеяться, разочаровываться… Если бы я только знал… предполагал!.. к чему приведет моя одержимость! Вэролия… она хорошо защитила ребенка. Кто мог подумать, что ее неизвестным любовником окажется лорд Цитадели… И кому мне сейчас мстить? Мой соперник мертв, как и его законный сын. А Баррэта я не могу тронуть. Как бы я ни ненавидел его отца, в этом парне частица моей любимой. Ради него она умерла.

mir-knigi.org

Знаю, что опасно оставлять свидетеля …такое пятно на чести покойной королевы!.. и на моей… но убить его не могу. И другим не дам — он сын Вэро.

— Принц… — тихо начал маг. Но Сорондо вскинул на него яростные глаза.

— Я сам расскажу сыну правду, — резко заявил он. — Ему править этой страной! Если он не будет знать, кто-нибудь воспользуется его неведением. Я поговорю с Эдмиром… после Совета…

Лорд Итарон понимающе склонил голову.

— Боюсь только, — чуть слышно произнес маг напряженному королю, — что принц повторит ту же ошибку, что и вы.

— Не дай-то боги! — Сорондо вздрогнул, как от озноба. — Не дай-то боги…

Большой, даже огромный, зал Совета примыкал к главному зданию королевского дворца. Хотя это был совершенно отдельный комплекс зданий, в самом сердце которых расположилась знаменитая Радужная Палата королей Хилдона. Название ей дали красивейшие лабрадоритовые колонны, между которых свисали тканые из радужного шелка гобелены с запечатленными сценами войны и охоты.

Зал напоминал сильно вытянутый амфитеатр с рядами сидений, уходивших под ажурный купол, выполненный из алебастра и позолоты. Внизу, напротив сидений, на небольшом возвышении стоял трон повелителей Хилдона из белого лунного камня. Сидение, предназначенное для двоих, со дня смерти королевы пустовало. Король Сорондо восседал на нем в гордом одиночестве, как бы ни мечтали об обратном дамы и кавалеры всех дворов мира. Кресло принца стояло здесь же, но на одну ступеньку ниже.

Ранними утром следующего после турнира дня, герольды звонкими голосами объявили по городу, что Совет начинается. И тяжелые, из литой бронзы, двери зала распахнулись, впуская внутрь представителей провинций, что активно стали стекаться в Радужную Палату, украшенную гербами знатнейших родов королевства.

Лорд Хирото, как глава аристократов Центральных провинций, надменно проследовал к скамьям, украшенным пурпурным шелком и золотой змей Сауналей. В его многочисленной свите, сразу за правым плечом родича шел лорд Ластон барон Ротаоль.

Проходя мимо застывших в глубокой нише у входа в зал Вориндо и Вороналей, оба барона радушно поклонились.

Цитадельцы, в отличие от других властителей, пришли только втроем, оставив свиту за воротами дворца. Если они выиграют — их никто не посмеет тронуть. Ну, а если проиграют… то пара десятков солдат ничем им не поможет, только погибнет зря.

Проводив взглядом отца, Лотэ чуть заметно вздохнул, но остался стоять за плечом старшего супруга.

— Чем у вас вчера все закончилось? А то я спать ушел. — Тихо поинтересовался Рэниари, покосившись на дядюшку. Тот в свою очередь скосил глаза на Лотэ.

— А ничем, — так же тихо ответил Баррэт, провожая взглядом галдящую делегацию восточных провинций: среди восточников как всегда не было единства, каждый тянул одеяло на себя,

считая себя самым главным, чем не раз пользовались короли, разбивая эту вольницу на поле боя во время очередного мятежа. — Мы дружно делали вид, что все забыли и все простили друг другу.

Рэниари скептически хмыкнул.

— А что еще нам остается делать? — С понятной досадой вопросил Баррэт. — Я люблю Ло и Сэри. Родители их тоже любят… как и я — до безумия! Они для них все… свет в окошке! Парни вынуждены разрываться между нами, хотя и выбрали меня. И ради своих парней я готов смириться и примириться с их родителями. Ты знаешь, эти гордецы даже извиниться передо мной не соизволили!.. Представляешь?! — Баррэт заскрежетал было зубами и тут же спохватился, кинув опасливый взгляд на чуть отошедшего в сторону мужа. — Перевели все в шутку: мол, с кем ни бывает! Эти аристократы готовы меня терпеть и делать вид, что приняли бывшего бастарда в семью. Еще бы — этот бастард стал владельцем огромного куска земли! И они делают вид, что ничего не было!.. Забыли и простили. Вот только Я ничего не забыл и ничего не простил! Тот каземат всегда будет пропастью лежать между нами. Но я перетерплю. Демоны с ними, с этими Ротаолями и Сауналями! Пусть только парни будут счастливы. Пусть с радостью приезжают в гости к родным, тем более что одному из моих сыновей предстоит унаследовать тамошние владения… Так что пускай тести и теща приезжают в гости в Круглый Холм… я все перетерплю! Лишь бы мальчишки не грустили по родным. Но я уверен, что их родители не переступят моего порога — мы с ними хорошо поняли вчера друг друга, пока Лотэ рассказывал о наших приключениях. Мои новоявленные родственнички поняли, что я их согласен терпеть только ради мужей, и буду рад видеть как можно реже!

— Скорее всего ты прав, — задумчиво ответил Рэни, кося глазом в сторону Лотэ, рассматривавшего торжественное шествие представителей Торговой гильдии, что несли на многочисленные дары, приготовленные по случаю близкой свадьбы наследника. — Если бы меня бросили в темницу, собираясь убить, я бы тоже не простил. Но ради Лотэ и Сэриэля стоит сделать хорошую мину, и уверять всех о примирении.

— Мои парни не идиоты! — Буркнул Баррэт, машинально поглаживая оголовье своего меча. — Но они тоже понимают, что худой мир лучше доброй ссоры. К тому же одно я знаю точно: как бы их родители не относились ко мне — моих детей они любить будут. Вот в этом я уверен.

Мимо троицы проследовал высокий, моложавый человек с грубоватым лицом, совершенно не похожий на аристократа. С широких плеч стекал белоснежный плащ с вышитой на нем изумрудной виверной, а следом шла толпа столь же высоких, кряжистых северян — представители северного маркизата Арн-Гит-Доро, во главе со своим лордом Суомом. За ними прошел со свитой лорд Вил эр Корр — граф Наррита, с северо-востока страны. Герб графства — голова белого волка на синем — был закреплен прямо на одежде графа и свиты. Дворяне эр Эрдо, усадив старого маркиза на его место, чинно расселись за его спиной под алым штандартом с черной птицей. Мелькнули черно-серебряные лилии Ваоттиро. Герцог с сыном появились из дверей, ведущих во внутренние покои дворца. Торопливо прошагали представители менее значительных родов. Последними в зал вошли надменные лорды запада, разодетые невероятно пестро и богато, по моде соседнего Мисирана.

«Асин, Асин…» — с тоской подумал юный Вориндо. «Если бы не ты… не твои занудные чтения толстенного Геральдического свода, над которым я засыпал… Не твои долгие лекции о гербах и традициях разных провинций королевства… не знаю, что бы я сейчас делал. Не знаю даже, смог бы я начать свою игру, не зная ничего об окружающем меня мире! Спасибо, Асин… Надеюсь, что ты простишь в ином мире мою маму. Вы ведь оба любили отца…»

— Пора, — чуть слышно сказал Рэниари: пару дней назад один из королевских секретарей передал юноше подробную инструкцию — что делать и как себя вести.

И все трое неторопливо, внешне спокойно, проследовали к местам, изначально принадлежавших роду Вориндо. И невозмутимо встали рядом: как претендующие на титул.

Луч солнца, пробившийся сквозь узкое окно, заиграл живым золотом в непокрытых волосах Рэниари. И фигура юноши словно вспыхнула в легком полумраке высокого зала, обрушив мгновенную тишину. Родственники, затянутые в темный бархат с вытканными на нем гербами (на изумрудном поле золотой дуб, как символ незыблемости и богатства), безмолвными стражами застыли за его плечами юного графа.

Изумление шелестом голосов разлетелось по залу, переходя в оживленный гул. На Рэниари всей тяжестью обрушились любопытство, жадность, восхищение, жажда обладания, дикая удушливая похоть…

И как кинжал в спину — обжигающая, ничем не замутненная ненависть!

Кое-кто даже вскочил на ноги, мешая соседям и пытаясь получше рассмотреть тонкий росчерк золотоволосой фигуры на темно-синих плитах пола. Не выдержав такого напора, Рэниари невольно обернулся, окидывая взором галдящие ряды. Чтобы тут же столкнуться взглядом с острым прищуром бирюзовых глаз красивого блондина…

Дориан Ваоттиро, сын и наследник герцога Аминела. Нареченный жених принца Эдмира.

Молодой герцог сидел подле отца, хотя должен был восседать рядом с принцем. Но старший Ваоттиро приказал Дориану сесть с ним, и юноша послушался, только сейчас оценив предусмотрительность родителя. Хорош бы он был под взглядами всего зала, сравнивающих его возможным фаворитом Эдмира!

Разглядев вблизи ненавистного соперника, Дориан с яростью и тоской понял, что проигрывает мальчишке по всем параметрам. На фоне невысокого цитадельца красота герцога выглядела довольно тускло. Он и сам это понимал, что не могло не злить амбициозного юнца едва не до колик. Рэниари же смотрел спокойно. Ему не было дела до переживаний и ревности будущего принца-консорта. Пусть забирает Эдмира себе. Самому юноше было нужно другое. И он сделает все, чтобы получить желаемое и покинуть столицу как можно быстрее.

Вошедший герольд прервал этот поединок взглядов.

— Его Величество Сорондо с сыном и наследником принцем Эдмиром!

Тяжелый, украшенный золотыми накладками массивный жезл стукнул по полу, и все собрание поднялось, приветствуя повелителей.

Король вошел стремительно, ни на кого не глядя. Принц же первым делом нашел взглядом Рэниари и широко ему улыбнулся, не скрывая своей радости. На лице Рэни не дрогнула ни одна жилка, в отличие от скуксившейся рожицы Дориана, которого покоробило столь демонстративное внимание жениха к другому.

Опустившись на трон, Сорондо небрежно кивнул, обозначив поклон.

— Приветствую Высокий Совет, — произнес он негромко, но благодаря великолепной акустике зала, его слова долетели до всех. — И приветствую наших гостей, — Рэни, Баррэт и Лотэ

одновременно поклонились его величеству. — Я представляю Совету сына, к сожалению, уже покойного лорда Гвиура графа Вориндо — лорда Рэниари Вориндо. Сей юноша претендует на наследство погибшего отца. Законность его требований не вызывает сомнений. Но… лорд Рэниари слишком юн и не достиг совершеннолетия. Сможет ли он править таким владением, как Цитадель? Сможет ли нести достойно титул графа и правителя обширных владений? Или стоит подождать его совершеннолетия, отдав юношу под опеку короля и Совета? Это и предстоит решит всем нам. Кроме того, рядом с юным Вориндо — его дядя с одним из своих супругов. Они обратились к Совету с просьбой одобрить создание нового рода с владениями в крепости Круглого Холма…

Рэниари, внешне безмятежно, краем уха слушал, как король излагает их дело, умно подавая собранию юность и неопытность наследника. И никуда не мог спрятаться от пристального, предвкушающего взгляда принца, что оказался аккурат напротив него. Эдмир, ничуть не скрывая своего интереса, рассматривал Искру. Даже отвернуться нет возможности.

— …Получается, что Вориндо претендуют сразу на два крупных владения? — В его мысли внезапно ворвался какой-то голос с задних скамей. — А не вызовет ли это в будущем объединения лордств, и их отторжения от Хилтона?

— Сообщаю достойному собранию, что лорд Баррэт с супругами образовывает новый клан и отделяется от Вориндо! — Громко сообщил лорд Хирото, вставая со скамьи. — Новая семья… Воронали… не претендуют на Цитадель!

— А что вдруг? — Ехидно вопросили со скамей западных провинций. — Такой кусок упустили!

— Лорд Баррэт в родстве через супругов с Сауналями и Ротаолями, — пояснил король по ходу дела. В зале нарастал шум — все уже давно поняли, куда клонит повелитель. И возмущались больше по инерции, уныло наблюдая, как из рук уплывают два столь перспективных владения. Круглый Холм уже занят, и Центральные провинции во главе с Хирото Сауналем поддерживают новую семью Вороналей, а на малолетнего наследника положил глаз сам принц, никому не желая отдавать добычу. Где ваша справедливость, боги?!

— Мы просим его величество право на объединение наших с лордом Хирото владений, — встал рядом с Сауналем лорд Ластон Ротаоль, — и права на образование нового графства. С тем, чтобы в дальнейшем его унаследовал мой внук — ребенок лорда Сэриэля и лорда Баррэта. Внук лорда Хирото получит в будущем владения Круглого Холма. И чтобы быть справедливыми — так же просим присвоить право на графский титул и второму владению. Благо, Круглый Холм по статусу давно рассматривается как отдельное графство. Справедливо ли это?

— Справедливо, — наклонил голову Сорондо, для которого не была секретом вчерашняя встреча в доме Вориндо. Следовало ожидать такой просьбы — родная кровь не предаст. А Центральные провинции поддержат своих вожаков.

— Так как владения подобные Цитадели и Круглого холма не подлежат слиянию, а других наследников нет, то лорд Рэниари должен унаследовать титул своего отца, со всеми вытекающими правами и обязанностями. Тем более, он уже доказал свою состоятельность и мужество, освободив замок от врагов. Разве слабый, неопытный ребенок способен на такое?

— Насколько мне известно, там руководил всем лорд Баррэт?.. — нерешительно уточнил маркиз Суом Арн-Гит-Доро: великолепный рубака, он был не слишком умелым правителем. Слава богам, что лорду повезло с преданными советниками. — Почему бы ему не стать графом Вориндо, отдав своим детям остальные владения?

У принца дрогнули губы в саркастической усмешке — да кто позволит сосредоточить под контролем одного клана целых ТРИ владения?! И двух-то много. А сам Баррэт только зубами заскрипел от невозможности ответить: по закону неутвержденные наследники не имели права на ответ, пока их не спрашивают на прямую.

— Суом, лучше уж молчи! — Насмешливо высказался Вил эр Корр, граф Наррита — извечного соперника Арн-Гит-Доро во всем. — Тебе же присылали свиток со сведениями по Цитадели! На мой взгляд — парень вполне себя там показал… да и подданные его признали. Мой голос за будущего графа!

Рэниари незаметно перевел дух. Вот и первая ласточка от подаренных дорогих даров. Граф Наррита охотно пошел навстречу сыну покойного Гвиура. Правда, лелея прозрачную надежду на брак наследника с одним из своих сыновей. Даже интерес принца, проявляемый к Рэниари, не заставил Белого Волка отказаться от матримониальных планов. Юноша невольно присмотрелся к статным широкоплечим красавцам, сидевшим за спиной отца. И тут же перехватил злобный оскал принца, которому явно не понравился его интерес к чужакам.

— Одно дело погеройствовать, а другое править! — Тут же окрысился разобиженный лорд Суом, только из духа противоречия принимая иное решение. — Пусть наследник повзрослеет, прежде чем надевать на голову корону графа! Уверен, что ему стоит поучиться под контролем короля.

А вот и первый камешек на весы короля и принца. Принимая во внимание, что голос его величества всегда учитывается за два, то целых три минуса против двух плюсов. К тому же равное распределение голосов так же трактуется в пользу короля. А значит, надо получить преимущество хотя бы в один голос. Слава богам, вопрос с Баррэтом и парнями практически утрясен — им дали добро на образование нового клана и право на два графства…

— Вы говорите «повзрослеет», лорд Суом? Ну, с этим никаких проблем не будет! — Прогудел, вставая, широкоплечий человек, затянутый в камзол вишневого шелка — представитель Торговой Гильдии. — Распоряжения лорда Рэниари пока что были разумны и взвешены. И, к тому же, он унаследовал опытных управителей своего отца. Гильдия за лорда Рэниари!

Три — три. Еще бы, Гильдии, имевшей обширные интересы на юге, не выгодна смена власти в Цитадели. Если графство до совершеннолетия окажется под рукой короля, они многое потеряют. В этом случае обошлось без подкупа. Купцы сами принесли богатые дары, с пожеланиями удачи.

— Свободный торговый город Дораз поддерживает Торговую Гильдию! — Вскочил на ноги представитель горожан. Ну, эти всегда с торговцами. И скорее всего в ближайшее время стоит ожидать какого-нибудь предложения слегка снизить торговую пошлину для кораблей Дораза за оказанную помощь… как минимум на год. Только шиш им, а не такую поблажку! Получат льготы на один месяц, а то слишком жирно будет.

Рэниари понимающе опусти ресницы в ответ на демонстративный поклон торгашей.

Четыре — три.

Друг за другом вставали представители Совета, высказываясь. Кто-то был за, кто-то против. В результате голоса разделились (с учетом двойного голоса короля) тридцать — двадцать девять, в пользу Вориндо. Сердце Рэниари колотилось как сумасшедшее. Всего чуть-чуть отделяло юношу от победы или поражения. Последними не проголосовавшими оказались Ваоттиро и промолчавший весь Совет старый маркиз Эр Эрдо.

Первым поднялся герцог. Лорд Аминел, несмотря на уговоры сына, считал, что непрошеного соперника за внимание его высочества необходимо удалить от двора, лишив права на титул. Конечно, мальчишка попадет под опеку короны. Но в таком случае его еще можно будет отправить в Фейринель, где князь не выпустить добычу из рук. Если уж он настолько заинтересован в этой куколке. Если же мальчишка унаследует титул, ничто не спасет Дориана от разрыва помолвки.

— Я против того, чтобы торопиться, — холодно сообщил лорд Ваоттиро Совету. — Наследнику необходимо многое знать, чтобы достойно править. Пусть пока поучится.

Король благосклонно кивнул. Счет поровну. Вечно дремлющего старика эр Эрдо можно было не принимать в расчет. Старый маркиз, помнивший времена еще деда Сорондо, доживал последние дни, ни во что не вмешиваясь. Вряд ли он пойдет против общего решения.

Сидя рядом с отцом, Эдмир с трудом сдерживал торжествующую усмешку, лаская взглядом заметно побелевшее лицо Рэниари. Рядом с юношей чуть слышно матерился Баррэт, не обращая внимания на вцепившегося ему в руку мужа. Лотэ тоже был — краше в гроб кладут. Лорд Хирото с тревогой наблюдал за сыном.

— Ну что ж, — внезапно раздался в непривычной тишине зала скрипучий голос старого эр Эрдо. — Я достаточно выслушал об этом мальчике… Что могу сказать… Достойный, молодой человек. Весьма достойный. Вот только молод…

Сердце Рэниари трепетало где-то под горлом. И каждый удар болезненно отдавался во всем теле.

— Но, как говорится, молодость не помеха, — неожиданно улыбнулся старик. — Я верю, что малыш справится. Пусть будет графом.

Лицо короля невольно вытянулось. Но уже в следующий миг Сорондо скрыл свое потрясение. Кто бы мог подумать, что этот старый пенек, вот уже целую сотню лет украшающий собой Советы, вдруг выскажется и поломает столь тщательно выверенную схему?! И его голос перевесит голос короля!

Шум, поднявшийся в зале, не передать было словами. А на помертвевшее было лицо Рэниари постепенно возвращались краски. Не удержавшись, новый граф Цитадели торжествующе глянул на Эдмира.

«Я выиграл! — Пели сияющие глаза. — Я свободен!»

«Как бы ни так! — Зло оскалился в ответ принц. — Не обольщайся…»

— Отец!.. Почему?!.. — не удержавшись, Эдмир повернулся к королю. — Почему так случилось?! Мы так и будем смотреть, как ОН торжествует?! Мы дадим ЕМУ уйти?!..

— Не здесь… — одними губами произнес в ответ Сорондо. — Потом… после Совета…

То, что было дальше, его высочество более не интересовало. Какая разница, о чем болтают эти хлыщи, если вот оно… рядом!.. светящееся неподдельным счастьем лицо Рэниари! Юноша столь искренне радуется своей независимости… Его глаза так сияют, а улыбка столь торжествующая!

«Не отпущу… — думал Эдмир, не в силах оторвать взгляд от любимого лица. — Пойду на все

что угодно, но не отпущу…»

Принц молча бесился от невозможности немедленно получить желаемое. И внезапно поймал себя на мысли, что давно уже не думает о таинственном беловолосом красавце, что снился ему раньше с завидным постоянством. Эд даже не вспоминал о нем, поглощенный только Рэниари. А сам незнакомец ничем о себе не напоминал, незаметно растворившись в памяти, даже черты лица стерлись-слились с новым персонажем снов его высочества — золотоволосым юношей с глазами цвета моря.

Дальнейшее действо Эдмира не интересовало. Он сидел как на иголках, мысленно торопя советников закончить свою трескотню, чтобы переговорить с отцом о дальнейших действиях.

Совет продолжался до полудня, разбирая другие спорные дела, тяжбы и торговые соглашения. Сам Рэниари устал настолько, что ему было уже безразлично, что и о чем речь. Все его внимание занимало собственное состояние — только бы не свалиться от нервного истощения, только бы не показать другим, как он устал.

Дело было сделано: ОН ВЫИГРАЛ. Но почему-то победа отдавала горечью поражения. Если бы он не был Искрой… Тогда король со своим озабоченным сыночком не сумел бы протянуть к нему свои руки. Но Искра… сокровище, от которого трудно отказаться! Обнадеживает только одно — бросить полновластного графа в темницу не осмелится даже король. А, значит, нужно как можно быстрее покинуть столицу, чтобы у Келлиадиров не было повода обвинить его в надуманных преступлениях и спрятать за решеткой.

Окруженный после Совета многочисленными аристократами, что спешили свести тесное знакомство с новым владельцем Цитадели, Рэниари вынужден был еще целый час выслушивать славословия в свой адрес вперемешку с уверениями в дружбе и уважении. И потому молодой граф сумел откланяться очень нескоро, поддерживая беседу с нужными людьми.

Вырвавшись, наконец, из своего окружения, юный Вориндо нашел родственников активно беседующих с лордом Ластоном и лордом Хирото. Судя по всему — Лотэ настойчиво приглашали провести время с его с Сэриэлем родителями. Барр, делая хорошую мину при плохой игре, настаивал на усиленной охране для любимого мужа, в то время как тесть доказывал, что вполне в состоянии защитить сына. В конце концов, Баррэт смирился, махнув рукой на откровенно веселящегося мужа.

— Поступай, как знаешь! — Буркнул старший Ворональ. Но младший супруг только рассмеялся.

— Барр, дай мне побыть с родителями, — улыбнулся он. Больше всего парень хотел поцеловать мужа, но слишком много вокруг было чужих глаз.

— И в самом деле, — вставил свои медяки лорд Хирото, поворачиваясь к подошедшему графу Вориндо. — Охрана больше понадобится вам, лорд Рэниари. Вы здорово задели гордость его величества, выскользнув из его рук. Конечно, он не пойдет на явные нарушения. Но лучше не рисковать.

— Но… — нахмурился Барр, недовольный вмешательством тестя. Но Сауналь прервал его взмахом руки.

— Обещаю, что уже вечером Лотэ будет в вашем особняке, милорды! — Усмехнулся он. — Я дам ему охрану.

— Папа! — Возмутился покрасневший сын. — Я вполне могу и сам доехать.

— Только не в твоем положении! — Отрезал отец, а стоявший рядом Ротаоль одобрительно кивнул. — Не тогда, когда вы с Сэри носите будущих наследников графств!

— Хорошо, — согласился Рэниари, опережая набравшего было воздух для гневной отповеди дядюшку. — Мы надеемся на вас, лорд. Лотэ, счастливо отдохнуть!

— Вот и все, — с огромным облегчением вздохнул Рэни, наблюдая за удаляющейся делегацией Центральных провинций, в центре которой шел Лотэ, оживленно общаясь с родственниками. — Теперь только найти магов и можно уезжать домой.

Баррэт ничего не ответил, давая отмашку охране приблизиться.

…Эдмир молча и очень сосредоточенно громил кабинет отца. Им владела исступленная ярость проигравшего хищника. Как так?!.. то, что уже считал своим… кто никак не мог ускользнуть из рук… вывернулся, текучей водой просочился сквозь пальцы?!

Принц не понимал себя. Никогда и ни на кого он так не реагировал. Но Рэни… его золотой мальчик!.. он один мог настолько вывести его высочество из себя, что тот, забыв о приличиях, отводил душу, круша мебель.

Остатков разума Эдмиру еще хватило дождаться, когда за ними с королем закроются двери, отрезая Пологом молчания от толпы придворных. Только потом принц выпустил наружу сжигающее его бешенство. Сорондо, не вмешиваясь в процесс разгрома, молча сидел в кресле у окна, задумчиво глядя за стекло. И лишь когда сын остановился посреди комнаты, тяжело дыша и поведя налитыми кровью глазами, король перевел взгляд на него.

— Выпустил пар? — Тускло спросил он наследника. Эдмир непонимающе уставился на отца.

— Понятно, — печально усмехнулся Сорондо. — Ты даже не заметил, что я все это время находился здесь. Как же ты на меня похож! Я так же в свое время реагировал…

— Ты о чем? — Хрипло вопросил Эд, его все еще немного потряхивало. Но король, не ответив, поднялся на ноги и дернул шнур звонка.

— Убрать! — Приказал он вбежавшим слугам и повернулся к сыну. — Идем!

Приведя наследника в собственные покои, Сорондо усадил его у холодного камина и всунул в руку полный бокал вина. — Пей!

Зубы Эдмира выбили мелкую дробь на серебре чаши, и он, захлебываясь, махом выглотал крепкое вино.

Полегчало.

Все это время король смотрел на большой портрет покойной жены над камином.

— С Ваоттиро будем рвать, — произнес он, когда сын со стуком поставил пустую чашу на стол. — Действуй по второму плану. Но вначале…

Сорондо мучительно вздохнул и закрыл глаза, собираясь с духом.

mir-knigi.org

— Я хочу, чтобы ты меня выслушал, — тихо начал он. — А только потом принимал решение.

— Отец… — начал было Эд с недоумением, но король нетерпеливо дернул подбородком, прерывая его.

— Скажи… — спросил он вдруг. — Ты ведь помнишь маму?

— Конечно, — удивился Эдмир. — Хорошо помню.

— А какой ты ее помнишь? — Продолжал допытываться Сорондо. Сын растерянно пожал широченными плечами.

— Красивой, доброй… — ответил принц. — Часто печальной… но это только я видел. С остальными она всегда держалась ровно. Никто не мог сказать, какие чувства ею владели. Я всегда восхищался ее сдержанностью… еще и потому, что сам был несдержан.

— Как ты думаешь, а как она относилась ко мне? — С трудом выговорил король. Эдмир внимательно посмотрел на враз постаревшего отца.

— Не знаю… — признался он после долгого молчания. — Но то, что ты ее безумно любил, знает каждый. Скорее, она испытывала к тебе теплоту, привязанность… привычку. Но той страсти, что демонстрировал ты, с ее стороны не было. Я это хорошо помню. Все-таки, когда ее отравили, мне было уже тридцать лет.

— Вэро меня ненавидела, — неожиданно прервал сына Сорондо. Эдмир запнулся.

— Прости… что?.. — осторожно переспросил он. Но отец смотрел куда угодно, только не на него.

— Твоя мать меня ненавидела, — четко повторил он. — Но она была слишком горда и хорошо воспитана, чтобы ДЕМОНСТРИРОВАТЬ свои истинные чувства остальным. Вынужденная жить с тем, с кем ее связали браком, она молчала и терпела ради тебя. Я взял твою мать силой…

Эдмир откинулся на спинку кресла, чувствуя, что у него враз закружилась голова.

Ну, и новости!

— Я встретил Вэролию, когда возвращался после победоносной войны на северных границах. И, проезжая через одну из провинций, я встретил Вэро. Она была дочерью маловлиятельного аристократа. Я потерял голову сразу, как только заглянул в глаза твоей матери. Ее родня была в восторге. Еще бы, такие перспективы — я ведь, в отличие от тебя, сразу предложил девушке брак. Но Вэро мне отказала. Она не играла и не кокетничала. Она просто меня НЕ ХОТЕЛА!

— Почему? — Вырвалось у ошарашенного отцовской исповедью Эдмира. Принц испытывал шок… растерянность…

— Она любила другого, — тихо и грустно пояснил Сорондо. — Так любила, что ради него готова была отказаться от брака с королем. И я… я стал добиваться ее всеми силами, преследовать настойчиво, загоняя как добычу на охоте …подстроил убийство того, кого она любила. Не было никаких улик, но Вэро знала, что это моих рук дело. Я был… дурак!.. уверен, что если устраню соперника, то мне станет легче ее завоевать. А потом я сделал так, чтобы ее семья разорилась, надеясь, что она ради них согласится на мое предложение. И она, в конце концов, согласилась. У нее не было иного выбора, чтобы спасти от долговой тюрьмы своих братьев и сестер. Но Вэро

никогда не простила принуждения ни мне, ни родным. Потому-то ты и не знал родни со стороны матери. Она не желала никого из них видеть, хотя твои многочисленные дядюшки и тетушки пытались одно время активно примазаться к столичному пирогу. Но ради Вэро я вынудил их всех покинуть страну. Они уехали за море весьма обеспеченными людьми. И, как мне известно, до сих пор там процветают, не стремясь вернуться в Хилдон, куда им въезд запрещен. А твоя мама осталась со мной. Моей женой… моей любимой… Я был счастлив, на руках был готов ее носить! Готов был весь мир бросить к ее ногам! Но любви так и не добился. Что только я не делал!.. Даже бесился, устраивая ей сцены ревности. Добился только одного — Вэро замкнулась в себе, наотрез отказавшись пускать меня в свое сердце. Она жила, улыбалась, исполняла свои обязанности королевы, жены и матери. И ненавидела меня всей душой. Только когда родился ты, Вэролия немного изменилась, занявшись ребенком. Мне ничего не досталось от той нежности, что она изливала на тебя. Но я был и этому рад. Я так надеялся, что со временем она смягчится… смирится, хотя бы ради любимого сына. Но все стало только хуже.

Сорондо прервался, чтобы выпить немного вина и явно собираясь с духом. Принц молчал, страшась даже вздохом прервать рассказ. Его нежная, добрая мама, оказывается, ненавидела столь обожавшего ее отца! Мир рушился на глазах Эдмира. Что-то тяжелое и темное копилось в душе, грозясь с болью вырваться на волю.

Отец, что же ты еще наделал?!..

— Все началось незадолго до твоего совершеннолетия… — надломленным голосом продолжил король. — Ты повзрослел и стал незаметно отдаляться от Вэро. Того маленького мальчика, которого она обожала, больше не было. Детские игры тебя более не привлекали, женская опека тяготила. И ты незаметно стал отдаляться от нее, стремясь быстрее окунуться во взрослую жизнь. Вэро тебя не винила, понимая, что ее мальчик вырос. Но она все равно тосковала, чувствуя себя чужой рядом со мной и наблюдая, как ты делаешь свои первые шаги в самостоятельную жизнь. А я очень хотел еще детей от любимой женщины. Хотел дать ей новую цель, всеми силами удержать подле меня… очень хотел девочку, чтобы она в будущем осталась подле матери. Но у нас ничего не получалось. И тут вдруг мой маг пришел с известием, что Вэро ждет ребенка. Я был так рад!.. Но моя радость разбилась вдребезги, когда выяснилось, что этот ребенок не мой.

— Что?!.. — Челюсть Эдмира некрасиво отвисла. — Отец! Как она могла носить ребенка от другого, если ты с нее глаз не спускал?! Я же помню!.. Неужели?!.. Это неправда, что мама умерла от яда соперниц?! Только не говори, что это ТЫ убил ее!!!!!..

На принца было страшно смотреть — лицо исказила судорога, жилы на лбу вздулись. И только внезапно ослабшие ноги помешали Эдмиру броситься на отца. Однако король даже не вздрогнул.

— Выслушай меня, — попросил он. — Я не знаю, как она сумела. До сих пор не знаю… Но Вэролия влюбилась… Когда я в ярости пришел к ней, она без страха встретила то чудовище, в которое превратила меня ревность. Я орал, тряс ее за плечи, требуя сказать, кто отец ребенка, сыпал угрозами… И, в запале, проговорился, что убийство ее первого жениха моих рук дело, пообещав устроить показательную казнь новому любовнику. Но так ни разу и не ударил ее. Не смог. Я ее любил. И пусть моя любовь была ненормальной, больной… пусть. Главное, что моя женщина была (хотя и против воли) рядом!

— ТЫ!.. — Прошипел Эдмир, глядя на отца едва ли не с ненавистью. Принц слишком хорошо помнил те дни, осознавая и свою вину: в эйфории от собственного совершеннолетия, он совсем

не обращал внимания на притихшую мать, радостный, что наконец-то его признали взрослым. А потом молчаливая, красивая женщина незаметно исчезла из столичного дворца, уехав куда-то за город. Он же в угаре «взрослой жизни» частенько забывал переговорить с ней по амулету, хотя она всегда ждала их разговора. Часто не успевал приехать в гости, так как дела и развлечения полностью поглотили его.

А потом узнал о ее смерти…

— Твоя мать ничего мне не сказала, — продолжал Сорондо решительно. — И я прекратил попытки вытрясти из нее имя соперника, опасаясь ей навредить. Вместо этого я принял решение поступить иначе. Было объявлено, что ее величество отправляется для поправки здоровья в горный замок. Это было сделано по двум причинам. Первая — я не желал, чтобы кто-то чужой присмотрелся к ауре плода и понял, что ребенок не имеет ко мне никакого отношения. А вторая причина… Я желал мести, сообщив Вэро, что как только ребенок родится, у нее будет выбор — жизнь или сына или любовника: скрывает своего любовника — умирает ребенок. Если желает, чтобы сын выжил — выдает мне его отца. О, нет, я не планировал убивать бастарда! Наоборот, я бы им дорожил, как средством давления на Вэро. Ребенка решено было отдать в хорошую семью и всем обеспечить, объявив по стране, что новорожденный умер. Но твоя мать решила иначе, приняв мои угрозы за чистую монету…

Сорондо закрыл глаза, сжимая в кулаке чашу литого серебра, так, что побелели костяшки пальцев.

— Вэро приняла яд сразу после родов, пока все занимались новорожденным, — глухо вымолвил он. Эдмир со свистом втянул сквозь зубы воздух, но промолчал. — Маги не сумели ее спасти… Я рвал и метал. Едва не сошел с ума, слишком поздно осознав, что сам… САМ!.. подвел любимую к последней черте. Каюсь, утонув в горе и безумии, я пожелал смерти бастарда… когда вспомнил о нем. Но ребенка не нашли. Как потом выяснилось, его сумела вынести молочная сестра твоей матери, что была у нее личной камеристкой. Ее не поймали. Все было продумано заранее, и все концы оказались обрезанными…

— И ты объявил, что маму отравили соперницы? — Глухо уточнил Эдмир. У него в душе все словно выгорело. Не ожидал он подобных откровений… не ожидал! И даже отца ненавидеть не мог — тот сам себя наказал, потеряв любимую. А, может, стоит с себя начать? Его ведь не было рядом, когда та, что его родила, нуждалась в помощи и поддержке.

Отец криво улыбнулся, пряча в глазах застарелую боль.

— Да, я так объявил, — ответил он. — Это был лучший вариант, чтобы скрыть последствия. И заодно почистить ряды оппозиции, казнив потенциальных мятежником. У меня оставался только ты. И я желал, чтобы тебе, как будущему властителю, досталось сильное королевство. Я услал тебя на границу, подальше от той кровавой разборки, что устроил… а сам лютовал, ненавидя весь мир и, самое главное, себя.

— Даже до границы докатились слухи о том, что ты творил, — отстраненно сообщил Эдмир, не глядя на отца. — Не знаю, как бы я сам поступил на твоем месте. Но… как ты мог, отец?! Как мог?! Ты же ее любил! — Принца уже не трясло. Тело наливалось неприятным холодом.

— И сейчас люблю, — пряча глаза, Сорондо потянулся налить себе вина. Бутылочное горлышко выбило тонкую дробь по краю чаши. — Можешь меня ненавидеть, но ты был должен знать правду. Знать, потому что ты тоже сейчас вступаешь на скользкую дорожку, на которой некогда оступился я.

— Ты о Рэни? — Безэмоционально уточнил наследник. Кулаки Эдмира сжимались и разжимались, но усилием воли он заставил себя сидеть неподвижно. Сейчас уже поздно что-либо исправляясь. К тому же тот, кто сидит в кресле напротив, его отец.

— Да, о нем.

Принц яростно-нетерпеливо мотнул головой. — Нет! В отличие от вас с мамой, мы с Рэниари любим друг друга. Мне только нужно вновь разбудить его чувства ко мне!

— После того, как ты сам успешно вызвал его ненависть, — перебил сына король. — Сможет ли он простить тебя и полюбить вновь?

— Конечно! — Возмутился наследник, раздраженно вскакивая на ноги. — Я все для этого сделаю! А ты!.. Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь принять то, что ты мне рассказал! Мама… она была для меня дороже всего. Подле нее всегда было так тепло… она любила меня! Знаешь, как я тогда тосковал?! Я не знал, чем заглушить свою боль! Не помогало ничего! Ни вино, ни любовники, ни война! Мне ХОЛОДНО было, отец! Так холодно, что выть хотелось от тоски и отчаяния. Только ты меня тогда спасал… твое присутствие, твои слезы!.. Не бойся, я не буду тебе мстить. И знаешь, почему? Да потому, что у меня тоже рыльце в пушку — я не обращал на нее внимания, гордый своей самостоятельностью!

Не выдержав, Эдмир отшвырнул от себя столик с бокалами и вином. И навис над неестественно спокойным отцом.

— Я не повторю твоей судьбы!.. — прошипел он в лицо родителя. — Потому что не позволю Рэни страдать!

— Громкие слова, — губы короля тронула горькая улыбка. — Вот только выполнить их будет нелегко… в чем ты быстро убедишься. Не будь мальчик Искрой, я бы попробовал тебя отговорить, но Искра!.. Есть ситуации, когда на первый план выступает политическая необходимость. И тогда личные чувства побоку. Эта — как раз из таких. А потому ты сделаешь то, что намеревался, а я прикрою твою спину здесь. Итарон идет с тобой. Но не жди, что семейная жизнь окажется легкой. Как жаль, что упрямый мальчишка так яростно отстаивал свою свободу! Намного проще было бы, будь он простым бастардом. И еще…

Король решительно встал с кресла и крепко обнял замершего от неожиданности сына.

— Сделай все, чтобы вновь пробудить его любовь, — шепнул Соронда на ухо сыну. — Искры не живут долго, если не соединяются со своими избранниками не только телом, но и душой… быстро выгорают. Не хочу, чтобы ты до конца жизни не жил, а существовал, не в силах забыть того, кто тебе дорог.

Эдмир медленно отстранился и заглянул в серые, как и у него, глаза отца.

— Я не позволю ему умереть! — Зло произнес: на душе было гадко. И уже невозможно было что-либо изменить за сроком давности. — Знаешь, о чем я сейчас сожалею? Что не знаю, где скрываются мой ублюдочный братец и его отец. Это из-за них погибла мама. Это их она спасала ценой своей жизни! Я не снимаю с тебя вины… но они… Вот кого бы я живьем драл на ленты! И меня бы не остановило, что ту тварь родила моя мать! Жаль, что это невозможно!

— Ну, почему же? — Криво улыбнулся король. — Ты очень хорошо знаешь своего брата. Итарон обнаружил его совершенно случайно. Это сводный брат погибшего графа Вориндо, дядя твоего мальчика, глава только что образованного клана Вороналей, с этого дня граф Круглого холма.

Земля ушла из-под ног Эдмира. И, сделав назад пару шагов, принц рухнул в так кстати подвернувшееся кресло. Весь запал вместе с яростью сдулись внутри его высочества. Эд только и мог, что безмолвно разевать рот, выпучив глаза на короля.

Сорондо грустно усмехнулся, с пониманием глядя на сына.

— Вот так-то, сынок, — тихо произнес он. — Твоя мама влюбилась в графа Окрина, отца лорда Гвиура и деда Рэниари. И ему она передала новорожденного сына. Баррэт был воспитан воином, хотя бастардов принято готовить младшими. Ты сможешь его убить? Ведь самого Окрина уже много лет как нет в живых. Впрочем, как и его старшего сына.

Встав на подгибающиеся ноги, Эдмир медленно подошел к дверям.

— Нет… — ответил он отцу, уже взявшись за дверную ручку. — Не смогу… Я только заберу у него Рэниари.

Ночь незаметно наползала на город. Длинный день заканчивался.

В особняке Вориндо было непривычно тихо и безлюдно. Не бегали строительные рабочие, не таскали мебель краснодеревщики, не суетились слуги, убирая мусор. На этот день новый граф приказал прекратить все работы, желая побыть в тишине. Лотэ задержался у родных, собираясь вернуться позже. И Рэниари вместе с Баррэтом, поужинав в одиночестве, разошлись по своим комнатам, желая отдохнуть. Завтра им оставалось принять клятву верности у будущих семейных магов, и можно было отправляться домой.

Рэни ни минуты лишней не желал задерживаться в столице…

Слуга привычно приготовил молодому господину постель и помог раздеться, скользя молчаливой тенью по обширной спальне. Затем приготовил ванную и, пока юный граф мылся, принес поднос с кувшином освежающего питья — вкусы хозяина ему были давно известны.

Облачившись для сна в тонкие шелковые брюки, Рэниари жестом отпустил прислугу и присел в кресло, машинально отпивая из чаши. Что-то не складывалось… что-то очень важное, что он упустил в своих раскладах. Неужели его отпустят? Отпустят Искру? Может, стоит плюнуть на все и немедленно бежать из столицы? Но тогда король с наследником могут оспорить решение Совета, заподозрив нового графа в мятеже. Не будет законопослушный подданный ни с того ни с чего исчезать из своего особняка после столь триумфального вступления в наследство. Даже собственные союзники не поймут Рэниари. Да и маги… Их владениям нужны маги, но получить их они с Баром смогут только завтра.

Мысли были беспокойными и притом почему-то вялыми. Голова тяжело клонилась на грудь, глаза закрывались. И, наконец, рука юноши свесилась через подлокотник кресла. Пальцы разжались, и недопитая чаша бесшумно покатилась по ковру, пачкая светлый ворс остатками питья.

Расслабленно откинувшись на спинку мягкого кресла, Рэниари спал, тихо улыбаясь во сне…

Несколько теней стояли на дальней стороне улицы, не делая попыток пробраться за ограду особняка Вориндо.

— Эд, ты уверен?.. — чуть слышно прошептал герцог Вэон, обращаясь к нетерпеливо замершему принцу. — Еще не поздно все переиграть. Поговори с ним еще раз.

— И в самом деле, ваше высочество, — поддержал герцога лорд Итарон, почти сливаясь со стеной в своем темном плаще. — Может…

— Бесполезно, — сквозь зубы отозвался Эдмир. — Теперь, когда Рэниари стал графом, к нему многие протянут руки! А поговорить… Мальчишка слишком горд, чтобы признать свою от меня зависимость! Ему надо напомнить, кому он клялся в любви.

— Он разлюбил вас, — тихо возразил маг. Но принца уже ничего не могло остановить: слишком близко к желанной цели он находился.

— Не любил… разлюбил!.. — отмахнулся он от непрошенных советчиков. — Не любит сейчас, полюбит потом.

— Ваше высочество! — К тройке предводителей подбежал один из соглядатаев. — К особняку приближаются всадники. Это лорд Лотэ с сопровождающими.

— Великолепно! — Хищная улыбка осветила лицо принца, блеснула белоснежная полоска зубов. — Лорд Итарон, вы сможете взять их без шума? Охранники меня не интересуют, главное, перехватите Лотэ.

Маг кивнул и направился прочь.

— Вот и заложник, — продолжал улыбаться Эд. Герцог неодобрительно на него покосился. — Теперь мальчишка поневоле станет сговорчивей!

— Ты же говорил, что не собираешься брать его силой, — недовольство звучало в голосе Лорана. И в темноте он скорее угадал, чем увидел, как качнулась голова наследника.

— Конечно, — уверенно отозвался принц. — Я не собираюсь насиловать того, кто мне дорог. Всего лишь заставить меня выслушать. Рэни движет обида, но теперь все изменилось. Он простит меня.

Лоран с трудом сдержал разочарованный вздох. Что принц, что его отец-король ничуть не сомневались в своем праве поступать так, как пожелают, искренне считая, что их точку зрения все вокруг просто обязаны принять. И не замечали, как подчас ранит такое отношение. Успокаивало лишь одно — Эдмир действительно влюблен в этого мальчика… неумело, себялюбиво, но влюблен. И слава богине, а то герцогу решительно не нравилось усиление рода Ваоттиро.

— Младший Ворональ схвачен, — тихо сообщил маг, вновь возникая за плечом наследника престола. — Его охрана проспит пару часов, но потом поднимет шум.

— Нам хватит, — рассеянно отозвался Эдмир, к которому подвели какого-то мужчину, судя по одежде слугу. — НУ?!..

— Я сделал, как вы велели, — дрожащим голосом сообщил предатель. — Вы обещали заплатить.

— Забирай и убирайся из города, — кошелек, тяжело звякнув, упал к ногам слуги. — Итарон?..

— Зелье подействовало. — После недолгого молчания сообщил маг. — Я открою портал, защита на доме достаточно проницаема после смерти того, кто ее накладывал.

mir-knigi.org

Но Эдмир, уже не слушая, нырнул в зеркальное марево портала.

…Чтобы очутиться в большой и хорошо освещенной спальне. Его золотое чудо мирно спало в кресле, свернувшись калачиком и положив голову на свесившуюся с подлокотника руку.

Сделав пару осторожных шагов, принц замер перед Рэниари, очарованный открывшейся картиной.

Идеальные черты лица, и длинные ресницы, бросающие густую тень на золотистую кожу, туго обтянувшую высокие скулы… Приоткрытые нежные губы, с блестящей полоской влажных зубов между ними… Длинная шея с совершенно незаметным кадыком… Прекрасно вылепленный торс, не слишком мускулистый, но с хорошей прорисовкой мышц… И тонкие штаны, провокационно сползшие до середины маленьких ягодиц…

Короткие, всего лишь до середины шеи, волосы расплавленным золотом переливались в свете магических ламп. Они были намного длиннее, когда Эдмир впервые встретился с сыном лорда Гвиура. И превратились в роскошный водопад до колен, когда принц встретился с юношей во второй раз. Как будущему младшему супругу Рэниари полагалось иметь длинные локоны, и его вторая прическа очень понравилось наследнику. Он помнил, как упоительно было зарываться пальцами в этот шелк. Как самые кончики пальцев покалывали магические разряды. Что же случилось, если малыш расстался со своим богатством? Надо будет приказать магам вновь отрастить волосы хотя бы до середины бедер.

Опустившись на колени, принц благоговейно взял в ладонь изящную кисть избранника и припал поцелуем к тонкой коже запястья. Губы тут же начало приятно покалывать, а по телу словно теплая волна прошлась, омывая каждую жилку… наполняя силой. Силой Искры…

— Вот так, драгоценный мой, — прошептал принц, поднимая на красивое, умиротворенное лицо юноши взгляд, пьяный от могущества вливавшейся в него магии. — Не стоило и сопротивляться, отвергая собственную любовь ко мне.

Вот только простит ли ему Рэни свое похищение? Поймет, что так будет лучше для них обоих? Или опять по-детски надуется, отвергая все попытки к примирению?

Какой он все-таки ребенок! Зря «братец» провернул эту аферу с утверждением племянника на место главы семьи. И на что только надеялся? Цитадель отныне уплыла из его рук. А ведь ему предлагали ее. Теперь же поздно. После признания на Совете Рэни считается совершеннолетним. Или Баррэт просто повелся на просьбу мальчишки оградить его от Эдмира?

Какая разница!

Тихонько рассмеявшись, принц сорвал с кровати легкое покрывало и закутал в него полуобнаженного юношу. Слава Богу-Отцу, хоть руки перестали дрожать, едва ткань скрыла золотистое тело в тонких штанах, что почти ничего не скрывали. У него еще будет время, чтобы досконально узнать это великолепие!

Распрямившись, Эдмир легко подхватил свою добычу на руки и, обмирая от восторга, шагнул в окно портала. Итарон тут же перекинул наследника на окраину столицы, где высились мрачные башни Сторожевого замка, некогда самой первой крепости королевского дома. А сейчас — тюрьмы для высокородных преступников. Там, в самой высокой башне были приготовлены удобные… даже роскошные… покои для будущего супруга принца. В которых он будет находиться до тех пор, пока Эдмир не уверится, что сопротивление Искры сломлено. И

Рэни с покорностью принял свою судьбу. Эд не допустит повторения судьбы отца. Его супруг будет жить долго. И будет любить только его.

Теплая тяжесть обмякшего в глубоком сне юноши вызывала у принца несвойственное ему умиление, пока Эдмир торопливо шел гулким переходом крепости вслед за молчаливым магом. Голова Рэниари покоилась на плече его высочества, губы мимолетно касались шеи мужчины, а теплое дыхание вызывало мурашки по всему телу, заставляя напрягаться член. Еще немного, и Эд будет вынужден передвигаться враскорячку.

Позади Лоран нес тоже спящего Лотэ. Кивнув головой герцогу на ближайшую дверь, куда надлежало поместить Вориндо, Эдмир вошел в просторную комнату, обставленную с изысканной роскошью. Единственным отличием от дворцовых покоев было отсутствие окон, да низкие, сводчатые потолки, поддерживаемые слишком массивными колоннами. А в остальном комната была великолепна. Центральное место в ней занимала огромная кровать под тяжелым балдахином из рытого бархата.

Осторожно положив свою спящую ношу на перину, Эдмир выпутал Рэни из покрывала и нагнулся, жадно целуя приоткрытые губы юноши. И пусть не было ответа, но принцу было довольно просто ласкать, нежить… лакомиться сладкими губами своей добычи.

С трудом, задыхаясь от желания, Эд оторвался от спящего парня. И вовремя: еще немного и он разложил бы его, наплевав на бессознательное состояние Рэни.

Нависнув на руках над безмятежно вытянувшемся на постели Рэниари, принц, тяжело дыша, темными от расширившихся зрачков глазами смотрел на него. В паху его высочество был полный дискомфорт. Но Эдмир держался.

Криво улыбнувшись, он, наконец, распрямился и застегнул на шее пленника магический ошейник, похожий на полупрозрачную туманную полосу. Такие же магические ограничители заняли свои места на запястьях и лодыжках юноши. Теперь, когда проснется, Рэни не сможет навредить себе. И не сможет броситься на Эдмира, ограниченный магией. Ошейник и браслеты полностью обездвиживают жертву, подчиняясь только тому, кто их надел.

Теперь Рэни будет вынужден выслушать принца. И принять его предложение.

Глава 15

Принц Эдмир смотрел на безмятежно спящего пленника. Во сне Рэни выглядел таким беззащитным!.. и не догадаешься, какая это по жизни колючка. Тело вытянувшегося на постели юноши было идеально: пропорционально сложенное, гибкое, притягательное. Чистую кожу покрывал ровный золотистый загар, что добавляло мальчишке прелести.

Тело, прикрытое лишь спальными штанами…

Не выдержав искушения, Эдмир накрыл дрогнувшей ладонью пах Рэни. Полупрозрачный шелк не был преградой для прикосновений, и принц со стоном выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, ощутив под пальцами теплую, нежную выпуклость… доверчиво расслабленную. Сжав бока юноши руками, мужчина опустил лицо между его бедер, жадно вдыхая свежий запах Искры, смешанный с ароматом лесных трав — видимо его «жених» недавно принимал душистую ванну. Руки сами, без участия разума, потянули вниз невесомую ткань, обнажая золотистый ромб паховых волос. Губы прижались к тазовой косточке… целуя, осторожно прикусывая и тут же зализывая пострадавшее место.

Рэниари что-то забормотал во сне и попытался повернуться на бок, но магические путы не пустили, вернув пленника в прежнее положение. Но этого принцу хватило, чтобы опомниться.

Торопливо распрямившись, Эдмир сел на край постели и поправил юношу, устраивая поудобней. Магические браслеты и ошейник, выглядевшие безобидными туманными полосками, не позволяли жертве двигаться так, как ей хотелось, потому-то его высочеству пришлось самому перекладывать Рэни на бок. На него путы не реагировали.

Подумав, Эдмир решительно стянул с юноши штаны и по-хозяйски погладил его по гладкому бедру — надо будет приказать магам убрать паховые волосы у будущего супруга, оставив только тонкую дорожку золотистого пушка от пупка к основанию члена. Почему-то это казалось правильным. А еще приказать отрастить Рэни волосы… ну, хотя бы до пояса. А еще лучше до колен. У его мальчика должна быть самая красивая грива во всем королевстве! Он будет великолепен со сложной прической младшего. Стоит заказать у ювелиров побольше разных гребней, шпилек и заколок.

Чувствуя, что еще немного, и он просто-напросто сорвется и изнасилует спящего парня, принц с трудом отодвинулся от своего пленника и посмотрел на него. Он уже давно не задавал себе вопросов, отчего его так тянет к этому упрямому мальчишке. Почему только он нужен всесильному наследнику самого могущественного королевства континента. Какая теперь разница! Нужен, и все. Откуда-то принц твердо знал, что ни с кем во всем мире ему не будет так хорошо, как с Рэниари. И так больно…

Оставалось только проклинать себя за собственную глупость и… чего уж прятать голову в песок!.. за собственную трусость, подвигнувших его оттолкнуть юношу, озлобить и превратить в недоверчивого зверька.

Тяжело вздохнув, Эдмир осторожно взял в ладонь расслабленную кисть Рэни и в который раз поразился ее изяществу. Никто бы не спутал эту руку с женской: слишком сильное запястье при всей своей кажущейся хрупкости, слишком крупная рука по сравнению с девичьей. И все же… Нежная кожа, длинные, словно талантливым резчиком вырезанные пальцы с аккуратными ногтями. Красота и изысканность в одном флаконе. Принц специально все внимание направил на руку Рэниари, боясь сорваться, переведя взгляд на обнаженное тело за спиной. Но даже это едва не довело его до исступления.

Торопливо прижав к губам пальцы спящего, Эдмир выбежал из спальни, тяжелой дверью отрезая себя от искушения, раскинувшегося на кровати под сине-серебряным пологом. Задвинув тяжелый засов, принц лично провернул ключ в замке, не доверяя охране. И повернулся к гвардейцам.

— Пусть ко мне пригласят магов, — бросил отрывисто и направился в приготовленную для него комнату по соседству с камерой/спальней Рэниари.

…Ночь давно накрыла город плотным одеялом. Улицы вблизи королевского дворца были тихи и пустынны: кто бы из самоубийц осмелился побеспокоить высокородных, проживающих в немногочисленных особняках за высокими оградами…

Баррэт стоял у окна гостиной и бездумно смотрел в ночь.

Лотэ не вернулся. Хотя обещал не задерживаться у родителей. И его артефакт-переговорник тоже молчал. Последнему, впрочем, Барр не удивился. Прежде чем пропасть, супруг со смехом

сообщил, что опрокинул на себя бокал с вином и отправляется в купальню. Мол, не беспокойся, дорогой супруг, снимаю с себя все. Наверняка, забыл нацепить побрякушку, когда переодевался.

Но почему его нет так долго?!..

Не выдержав, старший Ворональ вызвал прислугу и тихим голосом, стараясь не поднимать переполох в доме и не будить Рэниари, приказал готовить коней.

…Поместье Сауналей встретило его веселой суетой. Пылали факелы и магические лампы. Подвыпившие довольные гости барона шумно разъезжались по домам.

Коня Вороналя остановили при въезде.

— Кто вы и по какому вопросу? — Капитан охраны был предельно вежлив, навскидку оценив стоимость коней и внешний вид новых гостей.

— Я граф Ворональ, — отрывисто представился Баррэт: еще днем из Геральдической палаты прибыл посыльный с необходимыми бумагами, так что теперь воин имел все права на этот титул. — Проводите меня к лорду Хирото.

— Аааа… граф, — Барру показалось, или в интонации офицера мелькнули пренебрежительные нотки? — Не лучшее время для визитов. К тому же ваш супруг, милорд Лотэ, уже покинул поместье…

— Слушай меня, тварь… — очень тихо и очень страшно произнес Баррэт, наклоняясь с седла к замершему стражнику. Цитадельцы за спиной Вороналя взялись за клинки, недобро улыбаясь. — Я не нуждаюсь в твоих высказываниях. И если я ПРИКАЗАЛ проводить меня к Сауналю, то будь добр это сделать. Или я пройду сам.

Ярость затмевала воину взгляд — какой-то лакей смеет указывать, как ему поступать! Подобное отношение яснее ясного показало Баррэту, КАК к нему относятся в семьях Сауналей и Ротаолей. Кажется, ошибкой было спустить все им с рук в прошлый раз. Но, как говорится, никогда не поздно исправить положение! Тем более, что сейчас у него ооочень подходящее настроение. Особенно при известии, что Лотэ уже покинул дом своего отца.

Невольно побледневший капитан (то ли от унижения, то ли от страха — не разберешь…) крикнул прислугу, и Баррэт, швырнув поводья коня чуть ли не в лицо наглеца, стремительно зашагал к особняку.

— Что это значит, лорд? — Появившаяся в холле леди Вениа с надменным неодобрением снизу вверх посмотрела на угрюмого зятя. — Почему вы не с моим сыном?..

Ничего не ответивший Барр без церемоний отодвинул с дороги пискнувшую от неожиданности тещу и прошел в гостиную, откуда доносились голоса лорда Хирото и Ротаолей. Слух его не подвел — мужчины с бокалами вина сидели в центре зала, над чем-то весело смеясь. Появление нежданного гостя заставило их замолчать и с недоумением вылупиться на зятя.

— Господа, — тихо начал Баррэт, проходя к столу, заставленному многочисленными закусками. — Кто-нибудь из вас объяснит, где мой муж?

Лорд Хирото резко поставил золотой бокал на стол, от злости расплескав его содержимое.

— Да кто ты такой, — начал было он с раздражением, — чтобы задавать такие вопросы? Меньше по шлюхам надо ходить, тогда бы не искал мужа…

Тяжелые кулаки Вороналя с грохотом опустились на дрогнувшую столешницу, заставив подскочить серебряные блюда с фруктами и закусками. Ворвавшуюся вслед за непрошеным гостем охрану вытолкали взашей злые цитадельцы и вышли из гостиной, закрыв за собой двери. Внутрь позволили проскользнуть лишь встревоженной леди Вении.

— Кажется, мою терпимость к вашим выкрутасам плохо поняли, — очень ласково протянул Баррэт, в упор рассматривая побледневших родственничков. Лорд Хирото и лорд Ластон схватились за ножи — другого оружия при них не было, и только ами Сэриэля, лорд Вэндинк продолжал сидеть спокойно, с интересом наблюдая за зятем. — Оставьте свои зубочистки, господа! Они мне на один укус.

С грохотом пододвинув к себе тяжелое кресло, Барр развалился в нем, не отпуская взглядом напряженных собеседников.

— Объясняю в последний раз! — Жестко произнес он. — Мне плевать, как вы относитесь ко мне. Главное, чтобы не вмешивались в мою семейную жизнь. И если я закрыл глаза и не стал вспоминать то, как вы поступили со мной в наше первое знакомство, еще не значит, что я все забыл и простил! Я всего лишь мирюсь с вами ради мужей. Но если вы все не понимаете намеков, то придется мне общаться с вами более неприятным способом! И, поверьте, мне на это хватит и сил и возможностей. А теперь я желаю знать, когда и куда ушел мой младший? Говорите.

— Да что ты себе позво!.. — начала было не менее его разъяренная леди Сауналь. Но ее оборвал более умный муж. Лорд Хирото, много лет стоявший во главе баронской вольницы Центральных провинций, с невольным уважением посмотрел на неприятно улыбающегося зятя.

— Лотэ уехал час назад. — Произнес он встревожено. — Я, как и обещал, дал ему охрану, хотя ваш особняк совсем рядом. Разве он еще не вернулся? А его амулет?

— Нет, не вернулся, — Барр похолодел. — И его амулет молчит. Я не могу с ним связаться. Вызовите своих магов.

Следующие полчаса особняк Сауналей буквально стоял на ушах! В результате поисков и разбирательств выяснили, что ни Лотэ, ни его охраны нигде нет!

Еще через полчаса, обшарив окрестности, обнаружили погруженных в магический сон охранников, возле которых валялся переговорный амулет пропавшего юноши. Самих спящих в сознание не смогли привести — явно поработал маг, более сильный, чем маги баронов.

Баррэт, бросившийся в собственный дом, чтобы все сообщить Рэниари, с ужасом обнаружил, что племянник исчез из закрытой комнаты. Вот тут-то паника достигла апогея. Ни для кого не было секретом, кто именно мог украсть юного графа!

— Защита вашего поместья была ослаблена смертью наложившего ее мага, — пояснил Фаринг, маг семьи Сауналей. — Но даже в таком состоянии не каждый владеющий силой ее бы прошел. Я, например, не смог бы. Работал очень сильный волшебник. Таких наперечет. Но по почерку, я думаю… даже уверен!.. что это лорд Итарон — глава Гильдии и личный маг короля. Его работу не спутаешь, я ее хорошо знаю. Все-таки лорд был моим учителем.

- *****! — Выругался Баррэт, мрачно шагая из угла в угол. Они все находились в особняке Вориндо. Многочисленные слуги, поднятые с постелей, перерывали дом и сад в поисках улик.

— Кто-то оставил в спальне графа маячок, — продолжал Фаринг, демонстрируя всем невинную на первый взгляд крошечную статуэтку. — Судя по всему, это был слуга лорда Рэниари, так как его присутствия в доме не обнаружено. В принесенном милорду кувшине оказалось сонное зелье. А чужой маг, убедившись, что жертва уснула, прошел по маяку и забрал добычу.

— Мы не нашли Укана, слугу моего племянника, — мрачно сообщил Баррэт, на миг прерывая свое хождение от стены до стены. — Теперь ясно, что это работа короля с принцем. А Лотэ им нужен как средство давления на Рэни. Б****!

Леди Вениа тихо плакала в уголке, звучно сморкаясь в платок. Теща прошла уже все стадии истерики: от испуга, до громогласных обвинений в том, что пока их семья не знала Баррэта, то и жила спокойно. На сей час остались только слезы. Ее муж совместно с не менее его перепуганными лордами Ротаолями молча сидел, не зная, что предпринять. Не пойдешь же к королю с обвинениями о похищении. Сначала доказать нужно, что это дело рук Келлиадиров.

— Остается только ждать! — Глухо произнес лорд Хирото. — Они должны сделать свой ход и прислать нам сообщение. Судя по тому, что охранники не пострадали… да и по тому, как похитили мальчика из спальни… зла им не желают. Будем ждать.

И они ждали.

Проснувшиеся ближе к обеду охранники ничего не смогли сообщить — нападавших они не видели. Вырубили их магией. От самих же похитителей вестей не было. Вместо них в особняк вернулся телепортом сам Лотэ…

Рэниари было тепло и комфортно. Так комфортно, что хотелось мурлыкать.

Юноша лежал на чем-то очень мягком и удобном. Странно… Собственная кровать никогда не казалась ему настолько мягкой. Асин всегда считал, что подобные перины портят осанку, и все постели в доме были покрыты довольно плотными матрасами. Неужели прислуга решила сменить его кровать?..

Вот только что-то прижимает руки к постели, мешая двигаться…

Лениво приоткрыв глаза, Рэни какое-то время рассматривал окружающую обстановку, а потом резко подскочил. Вернее попытался подскочить. На шее словно удавка затянулась, лишая дыхания.

На тихий хрип пленника в камеру ворвался Эдмир и ошарашено замер, не зная, что предпринять: на его глазах юноша стремительно синел, пытаясь освободиться от пережавшего его горло магического ошейника.

Опомнившийся принц перехватил судорожно бьющегося и ничего не соображающего от удушья парня, пытаясь облегчить его состояние. Но пальцы его высочества бессильно скользили по туманной полоске, соскальзывая и в кровь раздирая ногтями тонкую кожу шеи. Ужас усиливался еще и от того, что Рэни не мог помочь сам себе: и запястья, и щиколотки оказались прижаты к кровати магическими браслетами, вынуждая пленника в панике выворачивать себе суставы, пытаясь освободиться.

mir-knigi.org

— МАГА!!!!!!! — Взревел Эд, сжимая плечи уже бессознательного Рэниари: ошейник пережал шею юноши так сильно, что еще немного и кадык будет раздавлен вместе со всем остальным!

— На кровать!.. — закричал маг, влетевший в камеру. — Положите его на кровать!

Но невменяемый, перепуганный видом тела, бьющегося в судорогах удушья, принц уже ничего не соображал, продолжая крепко прижимать к себе умирающую Искру!

- ********! ****** и ******* в ********!!!!! — Возникший в вспышке телепорта Итарон вырвал из рук господина уже слабо дергающегося Рэни, укладывая того на постель. Лицо юноши было синюшним, искаженным страданием… — Какой ******* не снял с ошейника привязку на движение?!!..

Несколько стремительных пассов, и туманная полоска на шее пленника испарилась, оставив после себя широкий синий след. Юноша тут же попытался втянуть в себя воздух и невольно застонал от боли в передавленном горле.

— Сейчас… сейчас!.. — бормотал Верховный маг, накладывая руки на пострадавшее место, пока его подчиненный контролировал грудную клетку пленника, дозируя дыхательные движения, или исцелял перерезанную кожу на запястьях и щиколотках. — Вот так… полегоньку… помаленьку…

Под умелым руководством Итарона лицо юноши розовело, на шее исчезали последние следы от удавки. И Рэниари закашлялся, широко распахнув слезящиеся глаза и сплевывая на постель кровь из разорванных сосудов.

— Все в порядке! — С облегчением сказал Итарон, распрямляясь. И тут же оказался перехвачен разъяренным Эдмиром.

— Я ЖЕЛАЮ ЗНАТЬ!.. — Все змеи мира позавидовали бы в этот момент наследнику. Младший маг невольно пригнулся, шарахаясь прочь от его высочества, но самому Итарону некуда было деться, если только не желал оставить в руках Эдмира свою голову: уж очень ласково держал принц мага за шею. — Почему ЭТО произошло?!

— Мой принц, — бестрепетно произнес лорд, глядя в глаза цвета стали. — Произошла грубейшая ошибка. Ваш избранник только чудом выжил. Когда вы приказали оборудовать эту комнату для лорда Рэниари, то не указали статуса того, кто в ней будет находиться…

— И что это меняет? — Все еще не мог успокоиться Эдмир: его потряхивало от одного только воспоминания, что он увидел. Он едва не потерял своего Рэни!

— Это меняет все, — устало ответил старый маг. — Вам выдали магические путы, рассчитанные на полное подчинение жертвы. Такие используют для заключенных, которым надо показать их статус. За попытку сопротивления, за движение без приказа хозяина ошейник сразу начинает душить. И чем больше жертва дергается, тем сильнее сжимается ошейник. Иногда эту вещь используют для казни.

— ЧТО?!.. — на принца было страшно смотреть. Выпустив из рук шею мага, Эд опустился на край постели и схватил в охапку слабо шевелящегося Рэниари, все еще до конца не пришедшего в себя. Юноша даже не успел испугаться — слишком быстро все случилось. Да и сейчас еще не до конца соображал, наслаждаясь возможностью просто дышать.

— Именно поэтому рядом с пленниками всегда находятся посвященные… если не желают

смерти жертвы, — пояснил Итарон, с сочувствием поглядывая на вялого пленника. — И именно так тренируют рабов на юге. Я не знал, что вы не объяснили коменданту …ммм… такие моменты… и с ошейника не была снята команда на удушение. Но теперь милорд в полном порядке.

— Спасибо… за разъяснение… — тихо просипел пришедший в себя Рэниари, с ненавистью глядя на принца. — Лучше бы меня задушило, чем стать игрушкой одного мерзавца.

— Вон! — Очень холодно приказал его высочество, не отрывая взгляда от потемневших аквамариновых глаз юноши. Магов вымело из камеры. А принц тут же жадно впился в рот Рэниари поцелуем, сильно прикусывая пухлые губы, вылизывая десна и пытаясь языком проникнуть за упрямо сжатые зубы. Он ждал укуса, возмущения, но не такого равнодушного ответа и брезгливости на красивом лице.

— Ну, что ты?.. Что?.. — зашептал наследник, оторвавшись от заалевших губ Рэни, сжимая в руках все еще подрагивающие плечи и упираясь лбом в его лоб. Руки Искры бессильно свисали вдоль его напряженного тела, фиксируемые браслетами, ноги были плотно прижаты к постели ножными кандалами. — Прости… Я не знал! Да я с ума едва не сошел, когда увидел тебя задыхающегося!

— Еще бы! — Разжал, наконец, губы Рэниари. — Такой приз… и вдруг сдохнет!

— Не говори так! — Отстранился от него принц, просительно заглядывая в аквамариновые глаза. — Я ведь говорил тебе, что люблю… что не отпущу тебя никогда!

— Кто же отпустит Искру, — цинично усмехнулся Рэни. — Ваше высочество, я уже сообщал вам свое мнение по этому вопросу. Самым моим большим желанием было и остается желание уехать от вас подальше и никогда больше вас не видеть. И прошу более не петь мне о своей неземной любви.

— Разве ты не желаешь стать моим супругом? — Недовольно спросил Эдмир: нет, не такой реакции от парня он ждал. Хотя прежде и были у них не слишком удачные встречи, но как-то Эд не рассчитывал на подобную холодность. — Я ведь тебе уже предлагал. Только в этот раз мое предложение включает немедленную свадьбу.

— Ооо, так вы уже отравили своего супруга? — Притворно изумился Рэниари, не делая попыток отодвинуться от принца — все равно не выйдет. — И как это я умудрился пропустить вашу свадьбу с Ваоттиро?! Неужели проспал целых пять лет? Именно такой срок, кажется, вы определили для своей семейной жизни. А сколько Я тогда буду жить? Ах, да… Я ведь Искра! Значит, буду жить, пока вы меня не иссушите…

— Прекрати! — Озверел Эдмир, резко встряхивая своего безвольного пленника, да так, что у того клацнули зубы. Но принц тут же опомнился и нежно прижал юношу к груди. — Перестань! Не было никакого брака с Ваоттиро. И не будет. И проспал ты всего нечего — сейчас раннее утро. Совет был вчера… А мой отец через пару часов объявит моему прежнему жениху о разрыве помолвки.

— Ну, ты и!.. — от потрясения Рэниари не сразу нашелся, что сказать. Юношу переполняло омерзение пополам с ненавистью. — Ну, ты и мрааааазь! Не получилось захапать герцогство, так решил ограничиться Цитаделью с Искрой!.. А не пойти бы тебе!

— Куда, милый? — Ласково заглянул в глаза пленнику Эдмир, демонстрируя акулий оскал.

— То, что вы сделали с королем, ни один, даже самый лояльный к вам Совет не простит! — Холодно отрезал Рэниари. — Напасть на независимого графа!

— Выбирай, драгоценный мой, — промурлыкал разъяренный ответом Рэни принц. — Или ты остаешься здесь в качестве мятежника… Совету мы с отцом найдем, что сказать! Или становишься моим мужем!

— Да кто вам поверит, что Вориндо стали мятежниками! — Рассмеялся в лицо принцу Рэниари: его несла безумная волна отчаянной ярости, когда и море по колено. Все равно уже нечего терять! Из этой роскошной камеры его не выпустят.

О, нет!

Как он мог забыть!

Цитадель. И люди, что поклялись ему в верности.

Если они узнают, что его схватили, то поднимут мятеж. И тогда мало не покажется никому, и прежде всего его близким!

А значит, надо смирить свою гордость ради них.

— Решил мне перечить? — Принц внезапно повалил ошарашенного Рэни на смятую постель, придавив своим телом. — Стоит напомнить кое-кому, как он на меня реагирует!

И в тот же миг юноша потерялся в вихре поцелуев и ласк. Он и сам не понял, как такое случилось, но его тело ответило на жаркие ласки. А потом ноги его оказались задранными к голове, и в него бесцеремонно проникли пальцы принца. Но даже мимолетная боль растяжки и последующего проникновения не заглушила бешеное возбуждение, что накатило на беспомощного пленника. И частые толчки принца он воспринял как дальнейшую сладкую пытку, которой трудно сопротивляться.

В конце концов, с криком излившись себе на живот, Рэни обессилено распростерся на кровати, уже равнодушно встречая каждый удар чужого члена внутри себя и с трудом сдерживая слезы от поражения и очередного унижения. Ну, почему? Почему он так реагирует на того, кто вызывает в нем лишь омерзение?!

Бурно кончив и обмякнув, Эдмир какое-то время лежал на безвольном теле своего пленника, пытаясь отдышаться. А затем приподнялся на руках, торжествующе вглядываясь в запрокинутое бледное лицо Рэниари.

— Вот так… — произнес он удовлетворенно с придыханием, долго целуя припухшие губы Искры. — Ты же сам понимаешь, что нас многое связывает. Соглашайся!

— Пошел ты… — равнодушно отозвался Рэниари, все так же разглядывая балдахин у себя над головой.

— Значит так? — Усмехнулся принц, поднимаясь с постели и оправляя на себе одежду. Затем удовлетворенно окинул взглядом раскинувшееся на смятой постели обнаженное золотистое тело с широко раздвинутыми ногами. Хорошо хоть амулеты очистки работали, и никаких запахов в спальне не наблюдалось. Но даже одного зрелища сломленного, трахнутого им пленника оказалось достаточно, чтобы вновь возбудиться. — По-хорошему ты не желаешь…

— Я не пойду в рабство к тебе, — перевел на него равнодушный взгляд Рэни: между ягодиц слегка саднило и было мокро, на животе неприятно остывала собственная сперма. Ноги он и не пытался свести вместе, все равно оковы не позволят. — И Цитадель тебе не отдам. Мои люди предпочтут перерезать себе глотки, но не стать королевскими крепостными. Можешь трахать меня сколько влезет, но моего согласия на брак ты не получишь. Даже если засунешь в мою задницу кокон — многое ли ты поимеешь от моего бастарда?

— Да, ты прав… — усмехнулся Эдмир, укладывая пленника поудобнее и накидывая на него простыню. Напоследок принц не отказал себе в довольствии вновь потискать свою добычу. И со смешком отстранился, когда дыхание Рэни стало прерывистым: его высочеству очень нравилась отзывчивость любовника, пускай даже и подневольная. — Мне не нужен от тебя бастард. И я не могу вести тебя в храм уже с коконом. Ты должен быть магически чист, заключая брак со мной. Вот потом я с удовольствием сделаю тебе ребенка. И твое сопротивление тебе не поможет. Но я надеюсь все решить полюбовно. И у меня свои методы убеждения.

Подойдя к двери, наследник, лукаво покосившись на замершего пленника, сильно стукнул в деревянные плахи и что-то тихо приказал в приоткрывшуюся щель.

Рэниари напряженно ждал, не обращая внимания на дискомфорт своего тела. Наконец, дверь распахнулась, и два дюжих стражников втащили связанного Лотэ. Во рту младшего Вороналя был кляп, руки безжалостно заломлены назад, волосы, не сдерживаемые шнуром, висели неряшливыми прядями.

Рэни невольно охнул и машинально дернулся встать, но браслеты не пустили. А довольный принц осторожно присел рядом, запуская пальцы в шелковистую массу отросших волос пленника.

— У тебя нет выбора, — тихонько прошептал он, чуть ли не касаясь губами лица замершего Рэни. И не удержался, очертил языком контур нижней губы юноши. — Ничуть не сомневаюсь, что будь ты один, то предпочел бы смерть. Но тебя держат многочисленные обязательства перед теми, кто поклялся тебе в верности, и перед твоей семьей. Так что ты сейчас дашь мне свое слово, что станешь моим супругом и отцом моих наследников. И что никогда не помыслишь мне навредить или покончить счеты с жизнью… И я отпущу твоего родственника.

— Хорошо же! — Прорычал Рэниари: как там его учили? Попытайся даже поражение обратить в победу!

— Я дам такое слово! — Медленно произнес он, глядя в сияющие торжеством глаза своего врага. — Я буду твоим мужем и стану исполнять то, что должен исполнять младший! Но при одном условии!

— Ты не в том положении, чтобы диктовать условия, — нахмурился Эдмир, слегка отстраняясь. Выпускать из объятий столь желанное тело не хотелось: магическая сила продолжала вливаться в наследника широким потоком, хотя между ними сейчас был простой контакт. Любая Искра способна подарить неземное наслаждение. Она подобна наркотику, к которому привыкаешь с первого раза. После близости с носителем магии получаешь не только силу, смешанную с блаженством, — получаешь еще привязку на тело того, кто является Искрой. И больше ты не в состоянии смотреть на других женщин и мужчин, как бы великолепны они не были!

Это источник, из которого хочется пить все больше и больше!

И потому ладони наследника жадно сминали плечи Рэниари, лаская его тело поверх простыни: обнажать своего мальчика перед другими? Ищите дураков! Надо будет приказать Итарону магически обработать всех, кто будет прислуживать и охранять его прекрасного супруга. Сделать так, чтобы они не испытывали желания. Так будет лучше, и так будет правильно — никто не посмеет покуситься на того, кто принадлежит Келлиадиру!

— Ну же, драгоценный мой! — Промурлыкал наследник, скользя губами по краю аккуратного ушка, выглядывающего из золотистой гривы волос. — Говори свое условие.

— Все очень просто! — Жестко усмехнулся Рэниари, успешно борясь с возбуждением, что вызывал в его теле этот козел. — Цитадель вам с королем не достанется!

Принц невольно отодвинулся от своей добычи, усиленно обдумывая то, что услышал.

— И как ты это представляешь? — Недовольно уточнил он, вновь принимаясь поглаживать бедро юноши под льняной тканью. — Твое приданое…

— Мы составим контракт, — пояснил Рэни, делая вид, что не замечает подбирающуюся к самому дорогому руку принца. — По которому мои владения остаются моими. Управляю ими только я. Один! Вы с королем не имеете права распоряжаться Цитаделью. Я же в свою очередь обязуюсь передать графство своему второму сыну, что унаследует имя Вориндо. Так мой род не прервется.

Это было то, что они все обсуждали еще дома. Был, правда, вариант договорного брака, по которому Рэни должен был выносить и родить ребенка от принца. Такой наследник не претендовал бы на престол, полностью принадлежа Цитадели. Но это предложение было отвергнуто почти сразу законниками крепости: не прожил бы такой ребенок долго, имея в жилах кровь Келлиадиров, и не имея за спиной их мощь.

Эдмир долго рассматривал упрямое лицо юноши, что не отводил от него взгляда.

— А если я откажусь? — Спросил он, наконец. И бросил многообещающий взгляд в сторону Лотэ, что яростно сверкал серо-голубыми глазами поверх кляпа. — Что тогда? Поставишь под удар своих?

— В случае моего согласия с вашими условиями пострадает намного больше преданных мне людей, — резко ответил Рэниари, холодея внутри: неужели их план сорвался?! Прости меня, Лотэ!

— Хорошо, — в конце концов, после долгого обдумывания согласился Эдмир. Все равно его второму сыну потребуются собственные владения. И будет лучше, если это окажется Цитадель. Но только не графство, а герцогство. Стоит прирезать к владению хороший кусок земли, чтобы обеспечить соответствующую корону. — Я согласен. А теперь тебе стоит привести себя в порядок, чтобы предстать передо мной в храме. Будет Малый обряд. Большой проведем позже в столичном храме в присутствии всего двора и приглашенных гостей. Твой родич останется на церемонию, как представитель твоей семьи. Затем его отпустят.

И наклонившись к Рэниари, его высочество страстно прошептал в самое ухо вздрогнувшего юноши:

— А после мы вдумчиво кое-чем займемся!.. И не надейся на быстрый перепих. Я слишком долго тебя добивался, чтобы удовлетвориться одним лишь разом!

После чего, еще раз жарко поцеловав жениха (скоро мужа!) и отключив браслеты, Эдмир, наконец-то, поднялся на ноги и вышел из камеры, звучно отдавая на ходу приказы прислать милорду слуг, готовить крепостной храм и приодеть Лотэ.

А Рэниари тихо улегся на постели, свернувшись в клубочек и обняв себя руками. Почему-то он чувствовал легкое истощение, словно после долгой физической тренировки. Очень хотелось есть, и кружилась голова.

Вот и начало семейной жизни. Поздравь сам себя, Рэни. Тебе предстоит жить с тем, для кого ты ценная вещь, интересная страстная игрушка. И чье мнение не особо принимается во внимание.

Поздравь тебя, Рэни!..

Эдмир тем временем шагал в свою комнату сытый от дармовой силы. Он шел, покачиваясь, словно пьяный от переизбытка магии. С кончиков пальцев время от времени срывались колючие искры, прожигая в каменных плитах пола маленькие, вскипающие магмой лунки.

Принц добился своей цели. Теперь стоит поторопить жрецов и сообщить отцу о свершившемся браке.

Следующий ход за его величеством.

Еще через пару часов в небольшом храме, куда набилось чуть ли не все население замка, проходило Малое венчание наследника престола Эдмира с его возлюбленным — графом Вориндо. Рэниари в окружении нескольких вельмож из доверенного круга короля медленно шел к алтарю, где его ждал сияющий словно новенький золотой принц вместе с лордом Итароном, герцогом Вэоном и принаряженным, напряженным словно струна Лотэ, за спиной которого маячил дюжий гвардеец на случай непредвиденного эксцесса. Церемонию венчания проводил сам Верховный жрец храма Отца-Бога. Было сделано все, чтобы никто не смог оспорить законность брака.

Рэни, одетый в изысканные шелка нежных, зелено-голубых тонов, с золотой косой сложного плетения, с нитями крупного жемчуга в тяжелых прядях, выглядел прекрасным призраком. Нереальным и невесомым. Он медленно шел к алтарю, удерживая на губах безупречную улыбку и скрыв глаза за длинными густыми ресницами.

…Шаг… другой…

Что с ним? Почему сквозь строгую красоту храма начинает просвечивать чужое? Какие-то колонны…

…целый лес тонких витых колонн, что поддерживает практически невидимый из-за высоты купол! У подножия колонн и у далеких стен плотно стоит толпа в странных одеяниях…

Идти как на эшафот по огромному, длинному залу, до рези в глазах залитому пронзительным светом из многочисленных магических светильников…

У Рэни неприятно закружилась голова, и только гордость заставила его скрыть внезапное недомогание.

mir-knigi.org

…Он медленно шел по огромному, пустому пространству центра зала, по направлению к далекому помосту, на котором высилось несколько сияющих тронов. Весь этот фарс напоминал триумфальную демонстрацию завоеванной добычи. И Рэниари не чувствовал ничего, кроме обжигающей ненависти.

Огненной, опаляющей… Тяжелым комом ворочавшейся под сердцем…

И эта ненависть позволяла ему с невозмутимым видом идти по залу под перекрестными взглядами многочисленных гостей.

Жгучее любопытство, похоть, презрение, злость невидимыми потоками скользили вокруг него… оценивали… сравнивали… раздевали… торжествовали!.. Еще бы, увидеть наконец-то личную шлюху самого повелителя!..

Да что с ним такое?! Откуда эти видения? Он никогда не был в том зале, никогда не шел под перекрестным огнем подобных взглядов. Наоборот, гости, находящиеся в храме, настроены к нему доброжелательно. Рэни чувствовал восхищение, восторг, жаркую нотку желания. Но не ненависть с презрением.

Верховный жрец завел речитатив, начиная обряд. А Эдмир вдруг подхватил на руки своего будущего мужа, под одобрительный рев почти всех присутствующих в храме: подобная вольность горячо приветствовалась во время брачной церемонии. Рэни даже не дрогнул, когда внезапно потерял опору под ногами и очутился в воздухе, сжатый крепкими руками принца.

— Каждый из вас согласен ли на этот союз? — Вопросил жрец брачующихся, начиная ритуальный опрос. — Признаете ли вы эту связь?

— Признаю! — Торжествующе проревел Эдмир, вскидывая вверх свою добычу.

— Признаю!.. — нехотя шевельнулись губы юноши. А в уши ударил яростно-звонкий, смутно знакомый голос: — Я, Рауль II, король вампиров, НЕ ПРИЗНАЮ этот брак!..

Что за бред?! И кто такие вампиры?..

Тем временем левое запястье начало жечь. Но Рэниари держался, только глаза скосил, посмотреть, не загорелся ли от пламени алтарного огня рукав. Но все было в порядке. Вдруг дернулся Эдмир, едва не уронив свою ношу, но в последний миг, судорожно прижав юношу к широкой груди, сумел удержать. Жилистое запястье принца, что выглядывало из рукава пышного камзола, покраснело… пошло пятнами, словно от ожога.

— Объявляю вас супругами! — Завершил, наконец, церемонию жрец. И тут же призрачная боль резанула запястье Рэниари. Как он сумел удержаться от крика, юноша не знал и сам: видимо челюсти свело судорогой. В глазах потемнело, и тут же боль прошла, так же резко, как и началась. От облегчения Искра прислонился головой к груди своего теперь уже мужа, не замечая, как тот сам дрожит, словно под пыткой.

— Поставьте своего супруга на ноги, ваше высочество! — Послышался насмешливый голос Верховного жреца. Слава богам, никто ничего не заметил! — А то я не могу на вас браслеты надеть. В спальне будете обниматься. Подождите чуток, уже немного осталось!

По храму прокатилась волна добродушного смеха. И Эдмир осторожно спустил с рук своего теперь уже младшего, не выпуская, однако, его из объятий. Тут же на левом запястье принца звонко защелкнулся широкий брачный браслет, свитый из золотых нитей. Точно такой же

оказался на руке Рэниари. Теперь бывшему графу Вориндо пожизненно придется носить знак своего супружества, в отличие от Эдмира, которому, как старшему в браке, дозволено было появляться без подобного украшения.

А храм взорвался радостными воплями. Новобрачных спешили поздравить и осыпать зернами пшеницы и цветами, желая счастья в личной жизни.

— Господа! — Нетерпеливо взмахнул рукой Эдмир, придерживая за плечо молчаливого супруга. — Столы накрыты! Пейте и веселитесь за нас! А нам с мужем нужно заняться кое-чем более приятным!

Не обращая внимания на раздавшиеся со всех сторон весьма откровенные советы, подхватил на руки не сопротивляющегося Рэниари и решительно зашагал в сторону внутренних покоев, многозначительно кивнув Итарону и Лорану. А немаленькая толпа гостей радостно ломанулась на выход, за исключением многочисленных часовых, обреченных патрулировать стены и коридоры крепости.

К насупленному Лотэ подошел один из магов и предложил воспользоваться телепортом до особняка Вориндо. Сам Верховный маг вместе с герцогом Вэоном тем временем, не задерживаясь на праздник, уже исчезли во вспышке перехода.

…Захлопнув за спиной тяжелую дверь каземата, превращенного в роскошную спальню, Эдмир спустил, наконец, с рук все так же молчавшего мужа. Рэниари, не глядя на него, сразу же принялся раздеваться, небрежно бросая детали богатого костюма прямо на пол.

Принц, подойдя к супругу, крепко обнял и, отстранив его руки, начал, путаясь в застежках и завязках, торопливо разоблачать юношу. Тот же стоял безучастный, не реагируя на душную похоть принца, заполнившую комнату.

— Вот мы и стали супругами, — Эдмир обжег своим дыханием шею юноши, отчего тот отпрыгнул в сторону, с презрением рассматривая некогда любимое лицо.

— Нуууу, милый!.. — угрожающе протянул наследник, нехорошо прищурив серые глаза. — Поздно разыгрывать из себя целку. Мне напомнить или сам вспомнишь, как ты сам, добровольно, пошел со мной в первый раз. И даже в любви мне клялся на ложе страсти! Прости, что сразу не разобрался в своих чувствах к тебе, но теперь уже Я никуда тебя не отпущу. Да и связь нашу никто не сможет разорвать. Ты мой муж до погребального костра, — неторопливо проговаривая это, довольный принц стащил со своих широких плеч рубашку и вновь активировал магические браслеты на тонких запястьях и лодыжках юноши. Не ожидавший такой подлянки Рэниари невольно ахнул и стал заваливаться назад, когда его руки и ноги словно склеились, но Эдмир успел подхватить его, не дав удариться об пол.

— Сегодня ты станешь папочкой, — Эдмир с удовольствием покачивал на руках напряженное тело супруга, не обращая на бешеный взгляд того. Перекинув мужа через плечо, принц понес его к кровати, ладонью поочередно сжимая крепкие ягодицы возмущенно зашипевшего Рэни. — Тебе не избежать своей судьбы, птенчик!

— Прекрати со мной сюсюкать! — Рэниари колотило от ярости. — Если уж я должен быть твоим мужем, то хотя бы избавь меня от подобного обращения!

— А как иначе к тебе обращаться? — Довольно мирно вопросил Эдмир, укладывая строптивца на постель и принимаясь медленно раздевать: магические браслеты ему не мешали, так как

были завязаны на его волю. — Ты всего лишь семнадцатилетний, избалованный ребенок, что никак не осознает своего счастья.

Рэниари только зубами скрипнул — кто бы говорил! Впрочем, что с этого самовлюбленного придурка взять! Принц вбил себе в голову, что с ним надо обращаться только как с ребенком. Еще бы! Семнадцать лет — это даже не малое совершеннолетие! Вот только этот слепой идиот не знает, как быстро можно повзрослеть, пережив предательство любимого, а затем внезапно потерять семью!

— Делай, что хочешь, — равнодушно произнес Искра. Оставалось надеяться, что ребенок, которого они зачнут сегодня, станет для него отдушиной в сером мареве жизни с нелюбимым. — И лучше шевелись быстрее… глаза бы мои тебя не видели!

— А придется смотреть. И не только смотреть! — Эдмир рывком сдернул белье с тела супруга. — Получай удовольствие, милый!

Растянувшись на кровати рядом с мужем, Эдмир словно большой кот потерся об него своим большим и горячим телом, с особым удовольствием проехавшись напряженным стволом по гладкому бедру Рэни. Его мальчик лежал спокойный и расслабленный. Маги хорошо потрудились над его телом, убрав паховые волосы и оставив только пушковую дорожку от впадинки пупка до основания члена.

Совершенно ненапряженного члена.

Непорядок! Надо это исправить.

Загорелая рука наследника властно легла на дрогнувший от прикосновения впалый живот юноши и медленно поползла, круговыми движениями лаская его тело, оглаживая выступающие тазовые косточки, мимолетно задевая пах. Пальцы пощекотали тут же втянувшиеся ребра. И вдруг принц, взметнувшись, неожиданно для удивленного Рэниари крепко прижал его к постели. Черноволосая голова с распущенными волосами склонилась над бедрами широко распахнувшего глаза Искры, и мягкие губы бережно втянули в горячий рот мягкий член юноши.

Рэни попытался было приподняться на локтях, но браслеты не пустили, и он вновь упал в перины, чувствуя, как ласковый язык осторожно вылизывает его член и мошонку, добиваясь ответа. И что самое обидное — этот ответ не заставил себя ждать! Рэни ощутил теплую сладко-тягучую волну, прошедшую по его телу, и заставившую непроизвольно сократиться мышцы живота. Его член, безучастный прежде, затвердел и немного приподнялся, проявляя интерес к ласке. Эдмир внизу издал довольный смешок, отозвавшийся очередной судорогой в паху, и принялся еще усерднее вылизывать промежность мужа.

Рэни откинул голову на подушки и непроизвольно глубоко задышал, все чаще и чаще облизывая стремительно сохнущие губы. Юноша не видел смысла бороться со своим возбуждением. Раз уж он все-таки оказался супругом принца, то стоит получать удовольствие пока можно. Все равно ему не светит счастливая жизнь с любимым человеком. Так хоть тело расслабится.

Рука Эдмира выпустила бедро мужа, пальцы оплели и сжали набухшую мошонку, и одновременно принц заглотнул его еще глубже. Не выдержав, Рэни вновь приподнял голову и посмотрел на гриву рассыпавшихся чёрных волос, двигавшуюся меж его широко разведённых ног… и вдруг понял, что едва сдерживается, чтобы не кончить. Но Эд, ощутив непроизвольное сокращение его мышц, вдруг отстранился и с улыбкой, достав откуда-то широкую ленту,

перевязал член и мошонку супруга.

— Не так быстро!.. — прошептал он, всем телом вытягиваясь на Рэниари и давая тому ощутить свое не проходящее возбуждение. — Не так быстро…

Губы Эдмира нежно прихватили нижнюю губу Рэниари, посасывая словно конфету и передавая юноше его собственный чуть горьковатый вкус.

— Ты мой! — Произнес вдруг Эд, подаваясь вперёд. Он крепко обхватил Рэни за затылок, сминая в кулаке шелк его волос, и впился ртом в его рот, заставляя разжаться зубы и проталкивая вглубь горячий настойчивый язык. Не ожидавший подобного (все-таки опыта поцелуев у него было мало), Рэни замычал, когда воздух в его легких закончился, и забился под тяжелым принцем. Вот ведь *****, даже кулаком не стукнешь — руки скованы магией!

— Дыши носом! — Рявкнул Эд, на миг оторвавшись от желанного рта. И тут же вновь к нему присосался, яростно толкаясь языком в горячую глубину. Пах принца тем временем терся об промежность юноши все сильнее и сильнее, пачкая обильной смазкой их обоих. Рэниари попытался отстраниться от того, что с ним вытворял супруг, стараясь дышать через нос. Но получалось плохо. Его постоянно сбивали с нужного настроя, и постепенно паника из-за вновь возникшего удушья затопила Искру. Масла в огонь подливало недавнее происшествие с удавкой-ошейником. И Рэниари потерял остатки выдержки, отчаянно забившись под своим старшим, пытаясь отстраниться и получить глоток воздуха. Но увлекшийся Эдмир не отпускал, жадно присосавшись к его рту. Только когда юноша судорожно задергался под ним, выворачиваясь из-под поцелуя, а из вновь потемневших аквамариновых глаз хлестнула откровенная паника, только тогда до принца дошло, что что-то не так.

С трудом заставив себя выпустить мужа, Эд приподнялся на локте, мутными от страсти глазами уставившись на Рэни, судорожно хватающего ртом воздух.

— Прости… — невнятно пробормотал он, начиная целовать-вылизывать-прикусывать длинную шею юноши, переходя то на его ушки, то на высокие скулы. А отдышавшийся тем временем Рэниари едва волком не взвыл, осознав нехилое напряжение в паху. И даже не потрешься членом об придавившее его «бревно»! И скованной рукой не поможешь.

Ну, что за издевательство!

А этот гад уже перешел с шеи на грудь, терзая ставшие такими чувствительными соски! Его сегодня, что, не кормили?! Так, причмокивая, облизывать напряженные горошинки… Аааахх!..

Сердца у обоих колотились как сумасшедшие. В спальне, за плотно закрытыми дверями остро пахло мужским возбуждением и свежим здоровым потом. Даже амулеты не сразу справлялись с очисткой.

Член юноши уже не просто ныл, он пульсировал, болел, подергивался, истекая смазкой. Потерявшийся в жарких ласках Рэни стонал в полный голос, запрокинув голову и разметав по подушкам растрепавшуюся косу. Огонь гулял в крови, заставляя терзать зубами губы и биться на влажных, сбитых их играми простынях. Подобно змее Рэни скользил под принцем, подаваясь вверх бедрами и поскуливая от нетерпения.

— Эд…мир!.. — Проклятье! Нет сил сопротивляться собственному возбуждению — приходится просить ненавистного мужа! Но он больше не выдержит, сойдет с ума… и так с трудом удерживает под контролем какие-то крохи разума.

Это… надо …прекращать!..

И никто из них не заметил, как под браслетами на миг вспыхнуло и тут же погасло призрачное сияние, оставив после себя слабый отголосок перенесенной в храме боли. Да кто тут на боль то обращать внимание будет, когда все тело горит в огне!

— …хороший мой… маленький… золотой… солнышко мое… — невменяемо шептал принц между поцелуями. Его руки скользили по всему телу мужа, касались его самых потаенных уголков, вновь и вновь вырывая стоны и крики, что так сладко было слушать. Однако у его высочества хватило ума остановиться, чтобы сделать главное.

С трудом скатившись с порозовевшего, разогретого тела супруга, принц заставил себя встать с постели и на подгибающихся ногах пройти к столику, на котором стояла шкатулка из мореного дуба.

— Надо было ее на постель оставить… — пробормотал его высочество, не с первого раза умудрившись откинуть крышку. Внутри лежали неактивированные коконы. Широкая ладонь мужчины зачерпнула сразу два, и с шалой улыбкой на губах Эд прошлепал босыми ногами к постели, на которой пытался отдышаться Рэниари, слабо мотая головой из стороны в сторону.

— Сейчас… Сейчас!.. — торопливо шептал принц, рассматривая мутноватые шарики на ладони: они были совершенно одинаковые, всего лишь колыбель для его семени. Какая разница, какой выбирать. Но почему-то Эдмиру казалось это важным

Так и не решив, он сжал ладонь, активируя магическое плетение, и потянул руку со слабо светящимися артефактами к Рэни.

— С УМА СОШЕЛ!!!!!! — Во весь голос заорал пришедший в себя Рэни, умудрившись так поддать бедрами, что сгустки света вылетели из руки Эдда, раскатившись по постели. — Тебе гражданская война в будущем нужна?! Кто же наследниками делает близнецов?! Совсем спятил! Если ты сделаешь это, то я сам перегрызу твое горло!

Опершись рукой о кровать, принц некоторое время соображал, отчего вдруг так возмущается его младший. Все его мысли были о том, как быстрее очутиться между этих соблазнительных ног. Но затем сладкий дурман на миг рассеялся, и Эд, тряхнув головой, вновь потянулся к шкатулке, доставая новый кокон взамен потухших.

Активировав его и предвкушающе улыбнувшись, мужчина встал на колени меж широко разведенных ног младшего мужа, сразу же властно возложив свободную ладонь на его пах, подразнивая полурастянутую дырочку, проникая в нее фалангами двух пальцев. Внутри Рэни было так горячо и скользко, что принц едва не застонал от возбуждения. Он не помнил, как вылил масло на промежность Искры… следующее, что он смог осознать, так это то, как, нависая на выгнувшимся парнем, он проталкивает внутрь него сиявший мягким светом магический кокон… проталкивает так далеко, как может, одновременно лаская маленький бугорок внутри Рэниари, вызывая у мужа все новые и новые глухие стоны. Это было так сладко и так жарко, что принц едва не кончил снова.

Потянувшись, он развязал ленту на стволе юноши и с огромным облегчением скользнул на место, забрасывая ноги мужа себе на плечи. Твердый, горячий член принца входил в Рэни медленно и постепенно… скользил, неторопливо раздвигая неподатливые мышцы. Все еще неподатливые, несмотря на растяжку…

Глаза Эдмира были полуприкрыты от наслаждения, бедра напряжены до судорог, по спине,

между лопаток тек обильный пот, волосы прилипали к мокрому лбу. Но мужчина, фиксируя любовника за бедра, медленно двигался в тугом и горячем теле, испытывая ни с чем не сравнимый восторг!

Рэниари же терпеливо сносил то, что с ним делал супруг. Член юноши на какой-то миг слегка опал от первой боли проникновения, но Эдмир был на редкость осторожен, двигаясь медленно и глубоко. И юноша расслабился, принимая в себя немалое естество старшего мужа. Руки его, скованные браслетам, были вытянуты над головой и пришпилены к постели. Оставалось только надеяться, что его невменяемый супруг догадается приласкать его там…

А Эдмир, хрипло дыша, редко, но сильно толкался внутрь Искры. Ладони принца до синяков сжимали бедра юноши, время от времени соскальзывая вниз и начиная мять напряженные ягодицы, иногда вцеплялись в чувствительные соски Рэни, заставляя его вскрикивать.

Вот принц оскалился и стал двигаться чаще, резче, до звучных шлепков впечатываясь в покрасневшие ягодицы супруга. Капли пота срывались с его подбородка, с кончиков волос, падая на Рэниари. Но тому было все равно — тугой, горячий ствол внутри него, наконец-то, задел нужную точку, и все желание юноши сконцентрировалось только на себя… на диком желании получить долгожданную разрядку… и на противоречии — с одной стороны «скорее все закончить», а с другой «испытывать эту сладкую муку вечно»!

В этот раз принца хватило надолго. Он работал бедрами, не осознавая ничего вокруг себя. Рэни был ему под стать. Их обоих захлестнула внезапная волна возбуждения, испытывая на прочность. И опять первым не выдержал Рэниари: принц догадался, наконец, крепко сжать его ствол в кулаке и с силой провести по нему снизу вверх. Хватило всего пары заходов, чтобы юноша с гортанным криком излился, выстрелив густой белесой струйкой себе на грудь. Принц попытался продолжать двигаться, не обращая внимания на судорожно сжавшиеся тугие мышцы, но тоже не выдержал и, навалившись на свою добычу, обильно кончил, заполнив тело супруга своим семенем.

…Какое-то время после бурной концовки они оба расслабленно лежали, пытаясь просто отдышаться. Принц придавил своим телом мужа, все еще находясь наполовину внутри него. На телах обоих медленно высыхал любовный пот.

Наконец, пошевелившись, Эд наполовину сполз, наполовину скатился с тела юноши, вытянувшись рядом и машинально поглаживая Искру по впалому животу, втирая в кожу его сперму. Рэни же продолжал лежать неподвижно. Только дышал часто и глубоко. Магические браслеты не давали ему никакой свободы движения.

Юноша чувствовал, что медленно засыпает. Слишком большим оказалось напряжение последнего месяца: Рэниари хотел спать и больше не хотел ничего другого. Нет, хотел — очень хотел есть. От голода слегка подташнивало. Но подниматься с постели, мыться, приводить себя в порядок, а потом садиться за стол, чтобы пообедать, не хотелось совершенно. Слава богам, кажется, его «муж» тоже не в настроении продолжать.

Но у принца были другие планы на этот день.

Зашевелившись, он обхватил руками тело Искры, притискивая к себе недовольного юношу.

— У нас еще много времени, — прошептал Эдмир мужу и повернул его к себе спиной, сразу ставя на четвереньки. Слегка шлепнув по порозовевшим ягодицам Искры, принц нетерпеливо смял их в ладонях, раздвигая. И тут же вновь навалился на Рэни, жмурясь от предвкушения и

входя сразу на всю длину.

Рэниари лишь тяжело вздохнул, вновь принимая в себя старшего супруга и подаваясь вперед от его толчков. Почему-то вдруг накатила дурнота, заставляя часто сглатывать густую слюну, а руки подгибались от неприятной слабости.

Не выдержав напряжения, юноша лег грудью на постель, предоставив мужу свою пятую точку и терпеливо пережидая, когда тот с ним закончит. Несмотря на полученное удовольствие, Рэни почему-то было обидно и тоскливо.

А еще хотелось просто лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать…

Глава 16

…Вот так все и происходило, — закончил Лотэ свой рассказ, сидя в кресле вместе с обнимающим его Баррэтом. Родители юноши вместе с четой Ротаолей расположились за столом напротив. — Я ничего не мог сделать. Только стал заложником, вынудившим Рэни согласиться с принцем.

— Не вини себя, любимый! — Прошептал Барр, зарываясь носом в пушистую макушку мужа. Воином владела беспредельная ярость. И только понимание, что сорвавшись, он навредит не только себе, но и своим любимым, сдерживала его эмоции в узле. Но и спускать без возражения произошедшее он не собирался.

— Проклятье! — Рыкнул не менее зятя разгневанный лорд Хирото. — Его высочество прикрылся со всех сторон! Мы все вынуждены будем сделать вид, что ничего особенного не произошло. Что все так и надо! Ведь наследник не просто похитил независимого графа, он на нем ЖЕНИЛСЯ! Нас просто не поймут, если мы начнем возмущаться.

— Не знаю, как вы, а я свое возмущение выскажу, — мурлыкнул Баррэт, потягиваясь словно большая кошка и вставая с дивана. — Если принц считает, что Воронали смолчат…

— Замолкни, мальчишка! — Рявкнул раздосадованный Хирото. Но хватило одного взгляда Баррэта, чтобы Сауналь осекся.

— Что из сказанного мной ранее вы не поняли, леди, господа? — Ласково-ласково произнес воин, оглядывая притихших родственничков. Лотэ за его спиной одобрительно хмыкнул. — Я разве вмешиваю вас в наши разборки? Разве прошу Центральные провинции присоединиться к Цитадели и Круглому Холму? Или вы решили, что я начну мятеж? Всего лишь собью спесь с одного коронованного ублюдка, и слегка облегчу семейную жизнь своему племяннику, поучив уму разуму его, так называемого, супруга. А еще оторву кое-кому яйца за то, как он поступил с моим беременным мужем. Так, маленькая семейная разборка!

— Милый! — В полный голос расхохотался Лотэ, благо в гостиной под пологом молчания собрались только свои, даже магов не было. — Какие яйца?! Не лишай удовольствия Рэниари самому это сделать!

Не ожидавшая подобного от своего всегда столь воспитанного сына леди Вениа тихо икнула от неожиданности, а ее муж налился кровью при этих словах.

— Да что ты понимаешь!.. — зарычал он. — Не тебе тягаться с властью короля! Не надо переть в лоб и впутывать графа Вориндо в наши разборки! И тем более настраивать его против старшего супруга и будущего короля. Я с уважением отношусь к лорду Рэниари. Он умный и

многообещающий юноша. Но что сможет сделать семнадцатилетний неопытный мальчик с матерым интриганом, каким стал его муж за свои шестьдесят с лишним лет! Если вам, лорд Баррэт, удалось провернуть интригу с Советом…

Но тут уж захохотали оба Вороналя. Несносный Лотэ даже повалился на диван, держась за живот. Сам Барр ржал в голос, уцепившись за дверной косяк для устойчивости.

— Не…неопытный мальчик?!.. — с трудом выдавил из себя Баррэт, немного отдышавшись. — Каким же он станет, когда наберется опыта! Господа, спешу вам сообщить, что вся интрига с Советом от начала и до конца была задумана и провернута лично Рэниари!

И глядя в обалдевшие лица родственников, добил их:

— И брак с принцем посчитан был этим паршивцем с самого начала!

— Что?.. — только и смог выдавить Хирото, ошарашено переглянувшись с таким же недоумевающим Ластоном. Леди Вениа сидела, неприлично открыв рот. И только лорд Вэндинк вдруг понимающе улыбнулся.

— Хорошая интрига, — отозвался он одобрительно. — Для мальчика, не достигшего совершеннолетия и воспитанного младшим, это был единственный способ спасти владения своей семьи.

— Благодарю, милорд, — поклонился Барр ами Сэриэля: — за столь высокую оценку моего родича. Но Рэниари сражался не только за владения Вориндо. Он вынужден был сражаться за жизнь всех нас и за собственную свободу. Сейчас я скажу вам причину того, почему мы так торопились, и почему Рэни принес себя в жертву тому, кого презирает.

— О чем ты говоришь? — Тут же насторожился старый интриган Сауналь. — Причем тут жизнь и свобода? Даже если бы Рэниари не признали графом сейчас, он все равно получил бы титул и владение после своего совершеннолетия. И именно ты стал его опекуном помимо чисто формального внимания короля. Единственное, что бы грозило юноше — это навязчивое внимание принца и, скорее всего, титул его фаворита.

— О, нет, отец! — Подал голос Лотэ. — Рэни грозил ошейник и камера в подземелье, если бы он не вынудил принца на брак, — пусть их с Сэри родители считают, что все происходило именно так. Ни к чему родственникам знать всю подоплеку этой выгребной ямы. — Я же рассказывал, КАК все происходило, когда меня похитили.

— Рэни Искра, — тихо и просто произнес Баррэт, прежде, чем тесть вновь открыл рот.

Эта новость ударила подобно молнии. В гостиной повисла тишина.

— Теперь многое становится ясным, — вымолвил, наконец, лорд Ластон. — Действительно… вся интрига была направлена на опережение. Спасти свою семью и получить покровительство королевского рода… Примите мои искренние поздравления!

— Я же тебе говорил, что Сэри не ошибся в выборе мужа, — подал голос его младший супруг. Старший из Ротаолей только головой покачал.

— Согласен, — медленно произнес лорд Хирото, глядя на усевшегося в кресло Баррэта. — Столь малыми силами… и такого добиться! Принцу можно только посочувствовать. Он явно не догадывается об уме своего избранника, принимая того за глупенького красавчика.

— Пусть и дальше так считает, — криво ухмыльнулся Лотэ отцу. — Надеюсь, вы нас Келлиадирам не выдадите.

— Правильно надеетесь, — вернул ему усмешку отец. — Мы против родни не играем.

— Тогда я еду в крепость, чтобы повидаться с новобрачными и кое-кому дать в морду не как рыцарь, а как новый родич, — улыбка Баррэта напоминала оскал людоеда. — А вас, господа, я бы попросил напрячь ваших магов. Надо сделать прямой портал до моего владения и перенести сюда Сэри. Его присутствие на будущей церемонии обязательно.

— Ло, — обратился воин к супругу, — свяжись с ним и объясни обстановку. Пусть оставит за себя Аррида и поспешит в столицу.

— Сделаю, — кивнул Лотэ. — А ты, милый, помни, что если ты не вернешься до вечера домой, я лично, вместе с со-мужем, подниму мятеж против короны. И Цитадель нас поддержит.

— Как и Центральные провинции, — вдруг по-хорошему улыбнулся лорд Хирото. Кажется, они с Ротаолями сглупили, когда столь яростно отвергали союз с домом Вориндо.

…Его величество Сорондо III терпеливо ждал герцогов Ваоттиро. Только что королевский кабинет покинули Верховный маг Итарон и герцог Вэон, сообщившие о свершенном браке принца с его избранником. Старый король был рад за Эда, наконец-то, влюбившегося по-настоящему. И боялся за него, боялся за чувства наследника к тому, кто принял этот брак не по своей воле. Но надеялся, что сын все-таки будет счастлив. Только ради этого нужно было объявить всенародный праздник.

Зато самому королю праздновать было рано. Начиналось крайне неприятное дело…

В небольшую залу вошли Ваоттиро. Оба высокие, статные, красивые. Очень похожие друг на друга. Только Аминел более жилистый, хищный даже в движениях — сразу видно, что воин. В густых волосах цвета спелой пшеницы не видно седины, а лицо жесткое и загорелое, в отличие от более мягкого и светлого у сына. А глаза что у младшего, что у старшего ярко- голубые, бирюзовые.

— Вы желали нас видеть, ваше величество? — Поклонился герцог Аминел, внимательно рассматривая невозмутимого короля. Его сын чарующе улыбнулся будущему тестю.

Сорондо доброжелательно кивнул в ответ.

— Присаживайтесь, — указал он на мягкие кресла напротив себя. Старший Ваоттиро вдруг насторожился.

— Это то, о чем я подумал? — Уточнил он, придерживая за плечо с недоумением оглянувшегося на него Дориана.

— Мне сложно понять, о чем ты думаешь, — попытался увильнуть от прямого ответа король. Но Аминел смотрел жестко и требовательно. И его величество нехотя признался: — Скорее всего…

Лорд Аминел на мгновение потемнел лицом и сильно сжал плечо сына.

— Дориан, отправляйся в мои покои и жди там, — приказал он удивленному блондину.

— Но… — начал было капризный мальчишка. Однако отец властно подтолкнул его к дверям: — Иди! Я скоро буду… и все тебе объясню.

Не посмев ослушаться, Дориан вышел, закрыв за собой дверь. А Аминел устало опустился в кресло, сгорбившись, словно от невыносимой тяжести.

— Не тяни кота за хвост, Соро, — тихо предложил он.

— Ты ведь и сам все понял, — отозвался король, пряча взгляд от старого друга. — Всегда был умным.

— Ответь только на один вопрос, — начал герцог, гневно сверкнув бирюзовыми очами. — Почему?! Почему, Соро?! Почему надо было рвать уже почти готовый брак с Дорианом ради того мальчишки? Любовь?! Не узнаю тебя, Сорондо! Ты же всегда был прагматиком. Женив сына на Дориане, ты бы поимел мое герцогство, а тот щенок стал бы фаворитом Эда! Я ведь не дурак, я видел, что между нашими сыновьями не складываются отношения. Ну, был бы очередной политический брак! Так почему, Соро?!!..

— Уже поздно что-либо менять, Аминел, — отозвался король. — Сегодня ночью Эдмир выкрал своего избранника из особняка Вориндо и обвенчался с ним Малым браком в присутствии важных лиц королевства. Сейчас лорд Рэниари уже носит моего внука.

Из герцога словно воздух выпустили. Он обмяк в кресле.

— Я приношу вам, ваше величество, свои поздравления по случаю бракосочетания вашего сына и наследника.

— И это все, что ты мне скажешь? — Тихо спросил король. Герцог попытался улыбнуться, но онемевшее лицо плохо ему повиновалось, не спасала даже придворная закалка.

— Что ты хочешь от меня услышать? — Задал он встречный вопрос надломленным голосом. — Хорошо… будем говорить начистоту. Ты хоть в курсе, что я всю свою сознательную жизнь любил тебя? В курсе… Но предпочитал не замечать. Не выгодно тебе это было. И в то же время всегда знал, что ради тебя я пойду на все, все приму из твоих рук… даже смерть! Я недаром назвал тебя прагматиком. Ты всегда думал прежде всего об интересах короны. И только потом о личных чувствах. Я мог стать твоим фаворитом, но не супругом — не те у меня были владения, чтобы надеть корону консорта. Я был согласен и на это, но у тебя хватало любовников и без меня, а вот друзей не было. И ты сделал все, чтобы я остался только твоим другом.

— Но мне этого было мало! — Внезапно сорвался на крик герцог, заставив короля невольно вздрогнуть. Впрочем, Аминел сумел успокоиться.

— Я жилы рвал из себя, чтобы увеличить свои земли, — глухо продолжил он, — чтобы стать тебе ровней! Я шел на любое предательство, чтобы прикрыть тебе спину. А ты с ума сходил, повстречав Вэролию. Я даже это тебе простил, видя, как ты счастлив рядом с этой женщиной. Хотя она тебя и не любила… А ведь даже с Вэролией твой прагматизм тебе не отказал! Ты бы мог сделать ее своей любовницей… мелкую дворянку из малоизвестного рода! Но ты надел на ее голову корону. И тем самым отверг других кандидаток от многочисленных придворных партий, что жаждали усиления за счет королевской постели. Ты не позволил собой манипулировать, выбрав жену, независимую ни от кого. Вэро развязала тебе руки, позволив столкнуть лбами твоих противников. Я тогда восхищался тобой и бешено ненавидел королеву, что отняла у меня возможное счастье. И оставался рядом с тобой, все еще на что-то надеясь…

даже женился на своей истеричке-жене ради ее приданого. И тем самым, наконец-то, создал свое герцогство. А потом отравил эту стерву, когда она родила мне Дори. И вдруг понял, что проиграл. Мои земли были обширны и богаты, но у меня был сын, который должен был их унаследовать. Он, а не ты и не наш возможный ребенок, если бы я все-таки вышел за тебя. Да и ты бы никогда не избавился от своей Вэро. Убить малыша?! Да ни за что! Я привязался к своему непутевому мальчишке. Он унаследовал характер матери, но я все равно его люблю. Он мой ребенок, моя плоть и кровь. И тогда я принял решение воспитывать Дориана для твоего наследника. Теперь ты понимаешь меня, Соро?! Понимаешь, наконец, мою боль и разочарование, жгучую обиду, что ты мне нанес?! Если да, то подскажи, как мне быть дальше? Что сказать сыну? Или, может, поднять против тебя мятеж? Какая же ты сволочь, Соро! Беспринципная, холодная и эгоистичная сволочь! Прекрасно знающая, что я ничего не смогу сделать… я все еще тебя люблю!

— Прости… — прошептал король. Он прекрасно знал о чувствах герцога и… что уж греха таить!.. не раз использовал влюбленного в него человека ради своих целей. — Давай сделаем так… пусть Дориан сам разорвет помолвку, узнав, что Эд любит другого. Тогда мальчик будет выглядеть в глазах света благородно.

— У меня есть выбор? — Брезгливо отозвался герцог, тяжело дыша. Он ничуть не жалел о своей вспышке: столько лет копить в себе чувства!.. — Дай нам время, чтобы все сделать пристойно.

— Пары дней хватит? — Уточнил король. — Дальше тянуть нельзя. Большой обряд следует провести в течение двух недель после Малого. И… канцлер передаст тебе пакет документов. Там компенсация за причиненные неудобства.

— Причиненные неудобства, — горько усмехнулся Аминел, поднимаясь с кресла. — Теперь это так называется? Растоптанное сердце моего мальчика…

Ваоттиро медленно пошел к дверям. Но на пол дороге остановился.

— Соро… — произнес он вдруг, не оборачиваясь. — Я все еще тебя люблю. Наверное, это какое-то проклятие — если любишь, то готов простить любой проступок любимого. Видимо, я уже не сумею тебя возненавидеть. И ради своей любви я откажусь от мысли отомстить тебе или твоему роду. Сегодня вечером мой сын объявит о своем отказе от брака с принцем. А завтра мы покинем твой двор навсегда. Я больше не хочу тебя видеть… слишком это больно.

— Амини… — назвал его личным именем Соронд о. Спина герцога дрогнула, и Ваоттиро нехотя обернулся. — Амини… я скажу тебе правду. Если бы Эдмир только любил Рэниари, я бы ни за что не пошел на разрыв с Дорианом. Ты прав — титул фаворита никто не отменял. Но… за Рэниари владения Цитадели. Та еще вольница. Признает над собой только свою кровь. Мне нужен этот южный форпост! И я не мог позволить, чтобы мальчишку покойного графа прибрал к рукам Фейринель. А к тому все шло!

— Ну и прибрал бы, — равнодушно отозвался герцог, невольно вспоминая свое соглашение с лукавым князем. — По закону Цитадель отошла бы или короне, или другому из семьи Вориндо. Я все сделал на Совете, чтобы именно так это и случилось. Я знал, как тебе нужна эта крепость, потому и голосовал против графеныша. Жаль, что не получилось. Было бы лучше, если бы ты стал его опекуном. Эдмир вволю бы наигрался с мальчишкой и забыл про него. А спустя пару лет парня можно было бы выдать за одержимого им Фейринеля. Тебе же на законных основаниях досталась бы Цитадель.

— Во-первых, ты живешь на западе и не представляешь себе вольных нравов Цитадели, — возразил Сорондо. — Я же тебе говорил, что ее жители признают только своих. Отдать крепость Вороналям? У них уже есть Круглый холм и объединенные владения Ротаолей и Сауналей. Я не могу позволить ТАКОЕ усиление одного рода. А забрав крепость себе, я получил бы непрекращающийся геморрой в виде постоянных мятежей. Закончилось бы все это тем, что цитадельцы ушли бы за Рэниари к его мужу — князю Фейринеля.

— Ну, так выдал бы сопляка за верного короне аристократа, — не сдавался Ваоттиро. Но Сорондо отрицательно покачал головой.

— А вот тут ты очень сильно ошибаешься, — ответил он после долгого молчания. — Видишь ли… Рэниари Искра.

Глаза герцога превратились в два идеальных круга. И он потрясенно уставился на короля. Но тот лишь печально улыбнулся.

— Это не легенда, — ответил его величество на безмолвный вопрос несостоявшегося родича. — Эд полон магической силы, полученной от мужа. Рэни оружие, которое только полный идиот отдаст в чужие руки. Теперь ты знаешь все. И зная то, что я тебе рассказал, ответь — как бы ты поступил на моем месте?

Ваоттиро закрыл глаза и вымучил из себя улыбку.

— Ты был прав во всем, Соро… — ответил он, наконец. — Я поступил бы так же. Впрочем, ты всегда шел к цели напролом. Эдмир полностью унаследовал от тебя эту черту. И …я должен сказать тебе спасибо за сына. Оказывается, ты его спас! На твоем месте я бы поимел новые земли, а потом уничтожил ненужного зятя, освободив место для более перспективного. Спасибо, Соро. Я этого не забуду. И прощай!

— Господин… — бесшумно ступая по ковру с высоким ворсом, к князю приблизился его маг Сарол Эзд Ралод. — Господин, вы были правы. Лорд Рэниари похищен сегодня ночью принцем. Два часа назад произошло их бракосочетание в храме Сторожевой крепости. После чего к королю на аудиенцию пожаловали оба Ваоттиро. Господин…

Маг преданно заглянул в лицо застывшего в кресле князя. Эзд Ралод не боялся ни темных, ни светлых богов, ни второго пришествия эльфов. Но неподвижный взгляд повелителя Фейринеля испугал его до мелкой дрожи в коленях.

— Передай всем мой приказ собираться. К обеду моей ноги не будет в этом королевстве, — проскрежетал лорд Эккуар, немного отмирая от своего столбняка, вызванного неконтролируемым бешенством. ******* принц! ******* король! Погубят ведь мальчишку! Искра, не признавшая своей связи, долго не живет. Келлиадиры как всегда выступили в роли собаки на сене — и ни себе, и ни другим! Пара-тройка лет, и Рэни сдохнет, до дна выкаченный своим муженьком. Мальчик ненавидит принца за то, как тот с ним поступил. Ток магической силы в теле Искры нарушен: Рэниари должен быть замкнуть на своего избранника, чтобы восстанавливаться вновь и вновь после каждой откачки магии. Если же этого не происходит, то мальчик начинает отдавать собственные силы, вплоть до ауры. Так и погибали прежние Искры, которых брали силой. Потому-то Фейринель, проштудировавший немало древних эльфийских манускриптов, и не пытался заставить Рэни, взяв его силой. Наоборот, князь пустил в ход все свое обаяние. Эккуар был уверен, что сумел бы обольстить неопытного мальчишку! Теперь же тончайший инструмент был сломан. Мужа принца ничего не спасет от гибели… мучительной и растянутой на несколько лет смерти. А ведь княжеству так необходима сила Искры.

Что же делать?

Полные губы князя искривились в нехорошей улыбке.

Келлиадиры зря думают, что он откажется от такого приза как Рэни. Всего лишь отступит на время. Чтобы потом добиться своей цели…

Дориан потеряно сидел в своем будуаре в королевском дворце.

Отец прав. Надо уезжать до того, как по столице разлетятся слухи о свадьбе Эдмира. Уходить с гордо поднятой головой, сделав вид, что это от начала и до конца только его выбор. Что это именно он отказал принцу. Его сероглазому наваждению…

Блондин больше не плакал. К чему лить слезы, если бывшего (уже бывшего!..) жениха не вернуть. Как не вернуть и того положения, к которому быстро привык молодой герцог.

Принц-консорт.

Будущий отец наследника престола.

Власть, поклонение и заискивание многих… и постель самого потрясающего мужчины, о каком можно только мечтать!

Дориан бросил мимолетный взгляд на корону консорта, что лежала на подушке вишневого атласа рядом на столике.

Как ни странно, после той истерики, что он устроил отцу, Дориан не чувствовал ни облегчения, ни ненависти к Эду. Только печаль. Принц никогда его не обманывал, не говорил о своей неземной любви. Для Эдди он был всего лишь навязчивым любовником, но не любимым. Это он яростно добивался принца, идя на любую подлость, а не принц обольщал его.

Да, ненависти не было. К Эдмиру. Но не к проклятому цитадельцу!

Вот уж кого герцог с радостью разорвал голыми руками, да еще и в кровавый фарш растер бы ошметки! Как жаль, что граф-бастард оказался Искрой! Теперь понятно внимание принца к мелкому ублюдку. Эдмир был бы полным дураком, если бы отказался от такой добычи. Но лучше бы он заковал ненавистного щенка в цепи и трахал в свое удовольствие! Зачем же брать его в мужья?!

— Не помешаю? — Раздался тихий голос со стороны окна. И, рывком обернувшись, Дориан едва не закричал, вызывая стражу. Остановило его спокойствие незнакомца: судя по всему, он уже давно наблюдал за мучительно размышлявшим хозяином покоев. — Не стоит звать охрану. Если бы я желал, то давно бы вас убил.

Соскользнув с подоконника, пришелец мягким шагом приблизился к замершему блондину. И Дориан невольно отметил его красоту и грацию прирожденного воина. На герцога уставились пронзительно-зеленые глаза совсем еще молодого человека, одетого неброско и небогато, но весьма добротно. Лицо его оказалось сильно загорелым и обветренным.

Почему-то очень знакомое лицо…

— Мы были представлены? — Спросил герцог, мучительно пытаясь вспомнить, где и когда он видел этого типа. Гость скривил губы в подобии вежливой улыбки.

— Мы были представлены, — снисходительно согласился он. — Но вряд ли вы тогда меня запомнили. Все ваше внимание занимал один сероглазый брюнет с титулом принца.

— Назовитесь, — тут же насторожился Дориан. Вся его интуиция буквально вопила об опасности. Правда, направленной не на него.

— Некогда я носил титул наследника Круглого Холма, — небрежно пояснил гость, присаживаясь на мягкую банкетку напротив Дориана.

В мозгу блондина что-то щелкнуло, и он тут же вспомнил, кто перед ним.

— Лорд Сиорол… — протянул бывший жених Эдмира. — Но у вас, кажется, тогда был другой цвет волос…

Сын лорда Ковура поклонился.

— У вас, оказывается, прекрасная память, — польстил он. — Это краска… Мне не нужно объяснять, что случилось, и почему я потерял право на титул?

— Не нужно, — предвкушающе прищурился Дориан. — Но что вас привело ко мне? Я… видите ли… уже не смогу помочь. Решение Совета не в силах изменить даже король. Да и…

— Да и вы не сегодня-завтра потеряете свой статус жениха наследника, — закончил Сиорол, глядя в стремительно бледнеющее от ярости лицо герцога. — Не удивляйтесь, я слежу за тем, что происходит в столице. И у меня свои методы добычи информации. О свадьбе наследника я узнал, наблюдая за особняком Вориндо. Вы ведь понимаете, что у меня есть на это причина? Отследить продавшегося лакея, которого принц наградил за помощь в похищении своего мужа, было легко. Так же, как и узнать у этого уже трупа все детали того, как его высочество провернул это дельце.

— А от меня-то вы чего хотите? — Настороженно уточнил Дориан. Бывший лорд лениво улыбнулся.

— Мне кажется, что у нас с вами есть некоторые точки соприкосновения. Например, в отношении одного слишком смазливого ублюдка, занявшего ваше место.

На лице Дориан начала расплываться понимающая улыбка, увидев которую, удавился бы от зависти любой убийца.

— Добро пожаловать в мое окружение, лорд, — мягко проговорил герцог. — Добро пожаловать.

…Как ни странно, но графа Вороналя сразу же пропустили на территорию Сторожевой крепости, стоило ему только назвать охране свое имя.

Предупредительный слуга провел Баррэта через внутренний двор в донжон, и с поклоном распахнул дверь в маленькую комнату (всего-то шага три в длину), где и предложил подождать.

Почти все пространство комнаты занимал грубо сбитый из досок стол и пара массивных табуретов. Барр не стал садиться, прислонившись плечом к стене, и приготовился ждать. Но, к его удивлению, почти сразу раздались тяжелые шаги, и в комнатешку вошел, пригнув голову перед низкой притолокой, принц.

— А я тебя ждал, — с ленивой усмешкой, полной скрытого превосходства, приветствовал он

mir-knigi.org

нового родича. — Вот только ты что-то задержался. Я твоего мужа отпустил еще пару часов назад.

— Не хотел мешать вам с Рэниари, — в той же манере ответствовал Баррэт и, качнувшись с пятки на носок, неуловимым движением руки отправил не ожидавшего ничего подобного принца в угол. Удар у Вориндо был поставлен что надо! Эдмир (и сам великолепный воин!) пропустил нападение и впечатался спиной в грубую кладку стены.

Не давая ему опомниться, Барр смел со своего пути стол и принялся месить тяжелыми кулаками обалдевшего принца: как-то надменный наследник престола не привык, чтобы с ним ТАК обходились! Но Эдмир слишком быстро пришел в себя и ответил столь же жестко, в свою очередь отправив родственника в недолгий полет к другой стене.

На шум и грохот в комнату ворвалась стража. Но оба противника, держа друг друга за грудки, разом повернули к вбежавшим солдатам разбитые в кровь лица.

— ВОН!!!!! — Одновременный рявк из двух луженых глоток, вымел непрошеных свидетелей обратно в коридор, а Барр еще, дотянувшись ногой до двери, пинком ее захлопнул, поддав под зад самому медлительному из солдат.

Какое-то время в комнате еще раздавались звуки смачных ударов и глухой мат: два элитных бойца, не хватаясь за оружие, вымещали эмоции в простонародной кулацкой драке. Но затем все закончилось так же внезапно, как и началось.

Вытирая кровь из разбитых носов, оба исподлобья смотрели друг на друга. Пока, наконец, Барр не попытался раздвинуть в улыбке превращенные в пухлые лепешки губы.

— Это тебе, ублюдок, за моего мужа и за моего племянника.

— Из нас двоих ублюдок только ты! — Тут же окрысился Эдмир, пинком переворачивая табурет и пытаясь на него сесть: принцу давно так не доставалось. Но надломленная ножка не выдержала издевательства, и громко матерящийся наследник вновь очутился на полу. Пинок Баррэта по копчику его высочества только добавил матерному фонтану красок.

— Ты что-то сказал о моей матери, придурок?.. — ласково вопросил Барр, пытаясь достать кулаком увернувшегося принца. Тот зашипел и из положения лежа тут же прыжком оказался на ногах, умело уйдя с линии атаки противника.

— Это и моя мать тоже! — Рявкнул раздосадованный наследник. Барр тут же остановился.

— А вот с этого места подробнее, — тихо проговорил он, не делая более попыток напасть на проклинающего себя за длинный язык Эдмира. Принц только плюнул.

— Пошли, поговорим спокойно, — буркнул он, выходя из разгромленной комнаты.

— Сначала скажи, что с Рэни? — Уперся рогом Баррэт. Эд оскалился.

— МОЙ муж в полном порядке! — Прорычал он. — Рэниари спал, когда я уходил. И будить его ради тебя я не собираюсь!

Следующей комнатой, куда Баррэта привел принц, оказалась вполне приличная гостиная, большая и уютная.

mir-knigi.org

— Так что там с моей матерью? — Опасно сузив глаза, уточнил Барр, усаживаясь в кресло напротив мрачного как покойник Эдмира. Тот угрюмо зыркнул на него потемневшими глазами и потянулся к вину, звучно набулькав большую чашу едва не до краев.

— Себе сам нальешь, — все еще зло выдал принц и присосался к чаше, тут же скривившись от неприятной боли в разбитых губах. Барр без церемоний забрал себе весь кувшин, так как второй чаши не было, и тоже промочил глотку.

— Ааа… ладно! — Выдал, наконец, принц. — Все равно тебе надо рассказать… раз будешь при дворе вертеться. А то найдутся доброжелатели… Словом… что ты знаешь о своей матери?

— Ничего, — настороженно отозвался Барр, отодвигая от себя наполовину пустой кувшин. — В моей семье эта тема всегда была под запретом. Я ничего о ней не знаю.

— У нас с тобой одна мать, — скривился Эд словно от зубной боли. — Отцы разные.

И мрачно, опуская эмоции, пересказал Вороналю то, что узнал от короля.

— Интереееесно!.. — протянул Барр, машинально трогая болезненный желвак на скуле от удара «братца». — И как после этого я должен относиться к тем, из-за кого умерла моя мать… а мой племянник угодил под венец с беспринципным мерзавцем?

— Да из-за тебя она умерла! — В бешенстве заорал Эд, вскакивая на ноги. — Из-за тебя! И из-за твоего отца, что сделал ей ублюдка!..

Кулак разъяренного Баррэта тут же просвистел мимо головы чудом увернувшегося принца. Но это ему не сильно помогло — Ворональ кошкой прыгнул на Эдмира, и они оба вновь покатились по полу.

— Из-за тебя я потерял мать!.. — шипел его высочество, пытаясь впечатать голову сводного братца в пол, покрытый пестрым ковром. Граф тем временем взял его правый локоть на болевой излом. — Ублюдок!.. Если бы не ты, она бы до сих пор жила!..

В следующий миг принц оказался прижат лицом к полу, а над ним навис белый от бешенства Баррэт, выворачивая руки брыкающегося противника.

— Да это твой отец убил ЕЕ! — В полный голос заорал он в ухо невменяемому родственничку. — Или никогда не слышал, что насильно мил не будешь?! Нельзя заставить любить! Нельзя! О любви можно только просить… молить о ней! — Принц выворачивался, шипя сквозь зубы. Мышцы вздувались на его руках буграми, но Баррэт держал крепко.

— Не сссмей ЕЕ называть своей матерью!.. — рычал Эдмир, умудряясь наполовину вывернуться из-под Баррэта. Но дальше этого у него дело не пошло: Ворональ всем телом налег на принца, вдавив пальцы в болевые точки. Вот только не учел ярости его высочества: принцу уже море было по колено! — Ненавижу!!!..

— Она и МОЯ мать тоже! А если уж твой отец был так влюблен в нее, то никогда бы не заставил страдать! И не поставил перед выбором: или смерть или предательство любимого человека! Так что не говори мне о своей ненависти, бррррратец! Ты ничем не лучше своего упертого папаши! Самовлюбленный, жестокий эгоист! Привык, что все тебе достается по первому требованию!.. Что все должны стелиться под ноги такому красивому тебе! Сколько судеб ты уже разрушил, наплевав на чувства других?!.. И е**** мне на то, что я сейчас совершаю коронное преступление! Ты!.. Да ты такой же, как твой отец! Как ты поступил с

Рэни?! Мальчишка влюбился в тебя, а ты?!..

— Что я?!.. — заорал в ответ принц, все-таки выворачиваясь из захвата противника. Оттолкнувшись от Баррэта, наследник сумел-таки вскочить на ноги. Ворональ, шипя от боли в ушибленной ноге, уже стоял напротив него. — Да я же люблю его! Как вы оба не поймете?!

— Не п***** мне о своей любви! Ты «полюбил» его только, когда узнал, что он стал наследником Цитадели и Искрой! А до этого ты всего лишь хотел поразвлечься с красивым мальчишкой, сделав его своим любовником! Да ты на все был готов пойти… на любую подлость, только бы заполучить столь богатую добычу! Даже ошейник на него надел!

— Да снял я с него ошейник! Снял! Мне только и надо было, чтобы Рэни меня выслушал!..

— ПРЕКРАТИЛИ ОБА!

От неожиданности принц с графом выпустили друг друга и повернулись в сторону вошедшего в комнату Рэниари. Юноша с неодобрением оглядел весьма помятые фигуры, особо задержавшись взглядом на неузнаваемо опухших физиономиях, и выглянул в коридор.

— Позовите мага-целителя, — негромко приказал он страже и, пройдя к чудом не перевернутому креслу, сел в него. — Рад тебя видеть, Барр. Как там Лотэ… не сильно пострадал?

— Да нет, — так же спокойно отозвался Ворональ и внимательно осмотрел племянника. — Паршиво выглядишь.

И действительно, юноша казался неестественно бледным, хрупким, под глазами залегали насыщенные тени.

— Мне просто надо отдохнуть, — ответил он, пытаясь улыбнуться. Принц тут же прошествовал к супругу и по-хозяйски его поцеловал, всего облапав.

— Зачем встал с постели? — Недовольно буркнул Эдмир, с наслаждением прикасаясь к своей Искре: сила тут же тонкой струйкой потекла в избитое тело наследника, даруя облегчение от боли. — Я был уверен, что ты спишь.

— Я знал, что Барр примчится в крепость, — равнодушно отозвался Рэниари, не делая попыток вывернуться из объятий старшего мужа. — Поэтому, когда ты ушел, я сделал вывод, что мой дядя уже здесь. Правда, мне потребовалось время, чтобы привести себя в порядок. А у вас появилась возможность спустить пар, испортив себе лица.

— Как это тебя выпустили из спальни?!.. — зло сощурился Эдмир, судорожно начиная соображать, кому из караула оторвать голову — ведь его любимая колючка могла сбежать. Но Рэни только отмахнулся: — Вам, мой супруг, не стоит винить охрану! После храмовой церемонии для ваших подчиненных я ваш муж. А мужей не держат под замком, если только нет особого приказа. Который вы не отдали. Потому-то солдаты и не видели смысла препятствовать мне покинуть спальню. Я четко вам объяснил? Или дать более расширенное пояснение, — голос юноши был полон почтительности, как и подобало при разговоре младшего со своим старшим. Но Эдмир дураком не был и только зубами заскрипел, уловив пренебрежительную насмешку. Больше всего принцу хотелось сейчас схватить мальчишку в охапку и трясти до тех пор, пока он не зальется слезами, умоляя о прощении. А потом зацеловать до нехватки воздуха в груди!..

mir-knigi.org

— Не играй со мной, мальчик! — Промурлыкал принц, наклоняясь к мужу близко-близко и наплевав на угрожающе качнувшегося в его сторону Вороналя. — Не забывай, что я твой старший супруг. Если ты посмеешь так себя вести в присутствии двора!..

Но Рэни не дрогнул даже ресницей.

— Какая игра, муж мой, — отозвался он, прямо встречая стальной взгляд принца. — Я свои обязанности младшего знаю. И выполню их от и до! Вот только как бы ВЫ не забыли своих. И прошу запомнить, что семья для меня все! Ради нее, если надо, я пойду на смерть. А вы только всего лишь мой муж. Не нравится? Так я вас совсем недавно честно предупреждал, что если мы и окажемся связаны браком, то это будут чисто деловые отношения. И прекратите меня трясти и говорить о своей неземной страсти. Я полностью согласен с моим дядей… Да, я вас слышал — орали вы знатно. Кстати, Барр, поздравляю! Ты всегда хотел узнать о своей матери. Она была достойной женщиной — так защищать любимых…

— Неее ссссмей мне перррееечить! — Бешенство Эдмира можно было на куски резать: вот уж не ожидал он от своего Рэни подобного поведения. Хотя, чему удивляться — хорошо, что кинжала у мальчишки не было. — Слишком умным себя считаешь?!

— Ооо, неужели до вас, наконец, начало доходить, что у меня есть чуть побольше извилин в голове, чем вы думали? А не только симпатичная мордашка и сила Искры! — Насмешливо улыбнулся Рэниари, делая знак Баррэту не вмешиваться. — Еще раз повторяю, супруг мой, что я буду безупречным младшим. Но и вы, будьте добры, оставьте меня в покое, когда мои обязанности УЖЕ исполнены.

Громкий стук в дверь прервал первую семейную перепалку. И Эдмир нехотя выпустил из рук напряженного, словно тугая струна, супруга.

Получив разрешение, в комнату вошел лорд Итарон собственной персоной.

— Господа, в следующий раз, прежде чем начать разборки, я прошу вызывать кого-нибудь из придворных магов и ставить полог молчания, — неторопливо произнес Верховный маг, внимательно осматривая следы побоища в некогда уютной гостиной. — Мои подчиненные сейчас чистят память свидетелям вашей ссоры. Довольно затратное действие в магическом плане.

— Приношу свои извинения, лорд, — с достоинством отозвался Рэниари, даже не делая попыток отодвинуться от пыхтящего от ярости супруга. — Мы уже все выяснили. Уверен, что больше такого не повторится. Я не уроню достоинства консорта. А за действия своего старшего супруга я, к сожалению, не отвечаю.

Начавшийся было рык Эдмира прервался внезапным смехом Баррэта. Ворональ злорадно посмотрел на насупившегося принца.

— Вот так-то! — Выдал граф, пытаясь привести свой камзол в относительный порядок. — В нашем роду никогда слюнтяев не было! И запомни, брааатец! Если ты обидишь одного из Вориндо, то мало не покажется ни тебе, ни кому другому!

— Все-таки надо было приказать бросить тебя в темницу, — проскрежетал Эдмир. Но его муж тут же гордо вскинул голову. — Не смей! Я согласился с браком только, чтобы спасти своих! К тому же я тебе в мужья не навязывался, это полностью твой выбор!

— Позвольте, я приведу графа в порядок, — мягко вмешался маг, прекращая вновь начавшуюся

свару. — Да и вам, милорд Рэниари, тоже не помешает быстрее вернуться в постель. Вы слишком измотаны.

Эдмир тут же закрыл рот и внимательно присмотрелся к своему суженому. И, правда, Рэни оставался на ногах из одного только упрямства.

— Я отнесу тебя в постель, — буркнул он, чувствуя себя одновременно и виноватым и обиженным. Но юноша покачал головой.

— Могу ли я просить своего супруга разрешить мне поговорить с родичем? — Официально обратился он к раздосадованному подобным официозом принцу. Эдмир вновь стал наливаться гневной кровью. Да что же это такое?! Он тут перед этим мальчишкой два часа распинался о своей любви, а тот все свел к этикету!

— Говори нормально и на ты! — Рявкнул он. — А поговоришь завтра. Когда отоспишься. Я не буду препятствовать тебе видеться с родней.

Рэни коротко поклонился, не поднимая глаз. И Эдмир застонал про себя — супруг упорно не шел на примирение, обливая его холодом. В постель его, что ли, затащить? Ладно, так и сделаю, когда отдохнет.

— Господа, давайте займемся вашей внешностью, — предложил старый маг двум поединщикам. — Не дело это, когда столь знатные персоны разгуливают с простонародными фингалами на лицах и в драных камзолах. О! Еще и штаны по швам разошлись. Как пикантно!..

— Скажи спасибо, что мы за оружие не взялись, — буркнул Эдмир, подходя к магу. Однако Ворональ повернулся к племяннику, которого уводили из комнаты сразу два мага-целителя.

— Одну минуту. Рэни… ты?..

Племянник спокойно кивнул.

— Да, Барр. Я жду ребенка.

Что ж, этого и следовало ожидать. Принц отрезал для мужа все пути к отступлению. Теперь Рэниари по закону принадлежит ему.

Тяжело вздохнув, воин отдался в руки целителя. Оставалось надеяться, что племянник все-таки будет счастлив. Невозможно всю жизнь прожить, имея сердце, превращенное в лед. Чревато слишком…

— Граф, вам лучше вернуться к себе, — предложил Итарон, когда оба воина были излечены, а их одежда магически приведена в порядок. — Завтра лорд-консорт вас примет. Кстати, король приказал не затягивать Большую церемонию. Она состоится через две недели, которые милорд Рэниари проведет в Сторожевой крепости. Ему разрешены прогулки и встреча с семьей. Так что времени достаточно, чтобы все мы подготовились. А вас, ваше высочество, ждет ваш отец. Он велел вам прибыть во дворец, как только вы проснетесь. Советую поспешить.

— С тебя мамин портрет, — хмуро произнес Баррэт, когда они с принцем оказались во дворе крепости. Эдмир только зло рыкнул, но не решился демонстрировать всем свое отношение к данной просьбе. Видимо придется признать этого братца. Иначе с Рэни не наладить отношений. Ладно, пусть маги скопируют пару изображений покойной королевы.

mir-knigi.org

…Лотэ потихоньку проник в ванную комнату Баррэта. У брюнета была своя спальня с собственной ванной, но он предпочитал спать в постели старшего мужа. Как и частенько мыться вместе с ним.

Этот долгий день закончился…

Они все вымотались как физически, так и эмоционально. И родители, наконец-то, покинули их дом. Нет, Лотэ был рад их повидать, вот только то, что их с Сэри родственники попытались устроить Барру, взбесило брюнета не по-детски! Ха, а для старшего-то поколения отповедь мужа оказалась полной неожиданностью! И Ло был полностью солидарен с супругом: пусть он и любил отца с матерью, но им стоит понять, что их обожаемый сын давно не ребенок. И имеет право на собственный выбор.

Весьма симпатичный выбор — Баррэт полулежал в утопленной в мраморе пола неглубокой выемке, заполненной ароматной водой. Магический кристалл, отвечающий за температуру ванны, мягко светил сквозь клубы пара, указывая максимум, возможный для подобных игрушек. Опять дорогой супруг варится в своем кипятке! Любовь Баррэта к ОЧЕНЬ горячей ванне Лотэ не понимал и не одобрял.

Осторожно ступая по мокрому мрамору, Ло добрался до кристалла и снизил накал свечения. Вот так-то будет лучше.

Старший супруг всем телом вытянулся на мелководье, положив взлохмаченную голову на сложенные перед собой руки… и дремал. Аж похрапывал от удовольствия!

Вода в ванне тихонько плескала, когда воин тяжело вздыхал во сне или ворочался, устраиваясь поудобнее. Ло осторожно коснулся рукой бликующей поверхности …вроде уже нормальная… и бесшумно ушел под воду, направляясь к мужу.

Было невыносимым наслаждением скользить руками по рельефным мышцам, касаться спины любимого… укрыть собой, обняв за твердые плечи и прижаться губами к вспотевшему виску. А потом проскользнуть ладонью под тут же напрягшийся живот и нежно пленить сокровенное.

Весьма… гм… весомое сокровенное… сразу затвердело еще больше!

— И кто это у нас тут решил пошалить? — Мурлыкнул воин, лениво поворачивая облепленную влажными волосами голову. И Лотэ увидел шальной блеск любимых глаз. В следующий миг Баррэт неуловимым движением перевернулся, опрокидывая на себя улыбающегося младшего. И тут же притянул его голову к себе, удерживая за затылок… утягивая в глубокий поцелуй и зарываясь пальцами в черные локоны младшего.

— Господин, не наказывайте своего раба, — игриво блеснули серо-голубые глаза юноши, а хищные пальцы пощекотали поджарый живот старшего. — Ваш раб так соскучился по вашим ласкам! — Последние дни оказались воистину сумасшедшими, и у супругов почти не оставалось времени на подобные игры. Не считать же нормальной близостью торопливые перепихи чуть ли не на бегу. Они оба добирались до постели, чтобы просто поспать. Что и делали, по-быстрому удовлетворив свои потребности. Слишком много нужно было сделать, слишком близко ходили они от поражения. Зато сейчас нужно все наверстать…

— Ленивый раб! Вот и доставь удовольствие своему господину, — Баррэт по-хозяйски оглаживал гибкую спину супруга, разминая ладонями напряженные мышцы, и круговыми движениями спускался на впадину поясницы, чтобы затем властно сжать в руках полушария ягодиц, потерев ребром ладони впадинку между ними. И вдавить себя в Лотэ пахом, выпивая

губами первый, сдавленный стон.

Брюнет всем телом выгнулся над ним, упираясь мускулистыми руками в плечи своего старшего. Напряженные соски юноши самыми кончиками касались столь же напряженных и чувствительных сосков Баррэта. Упругий ствол брюнета нетерпеливо проехался по бедру воина, отчего тот принялся часто хватать ртом горячий воздух.

— Ты что же делаешь, паршивец?! — Просипел Ворональ-старший, больно прикусывая подвернувшуюся под зубы мочку уха Лотэ. Но тот лишь рассмеялся, продолжая свое черное дело. И Баррэт поспешил зажать в кулаке член любимого вместе со своим, начиная медленную ласку. Брюнет тут же часто задышал, всем телом укладываясь на мужа и приникая губами к его рту. Их языки сплетались в глубоком поцелуе, не сражаясь, лаская друг друга.

Не выдержав, Барр со стоном перевернул своего нетерпеливого мальчика на спину, не обращая внимания на плещущуюся на пол воду, начиная губами и руками ласкать тело любимого, зацеловывать его шею, лицо, мускулистые плечи! Руки Баррэта словно зажили собственной жизнью, самыми кончиками пальцев заново узнавая столь знакомое тело, то щекотно скользя по самому краю ребер, то поглаживая выступающие тазовые косточки, то властно впиваясь всей пятерней в мускулистые бедра брюнета, разводя их в стороны, готовя доступ…

— Погоди!.. — задыхаясь от огненной волны, просипел Лотэ. — Не так быстро!.. И не здесь! Хочу в кровати!..

Рыкнув от нетерпения, Баррэт поднял супруга на руки и среди потоков воды, стекающей с их тел, вышел из ванной.

— Да постой ты… сумасшедший! — Засмеялся его младший. — Хоть вытрись… не желаю плавать в перине!

— Ты мне ответишь за задержку! — Едва не матерился воин, торопливо елозя полотенцем по телу. Но его несносный супруг только дразнился: — Давай! А то вечно обещаешь!..

— Ну, ты у меня сейчас получишь! — Рявкнул Баррэт, наконец-то, заваливая смеющегося супруга на постель. — Берегись!

Ловко извернувшись, Лотэ оседлал бедра мужа. И предвкушающе прогнулся, потеревшись ягодицами о внушительную эрекцию Барра. Тот в ответ сильно сжал руки на бедрах брюнета, пытаясь насадить его на себя, но вредный тип никак не желал насаживаться, продолжая изводить воина своим ерзанием. Но Баррэт сумел-таки перевернуть Ло на спину и задрал с готовностью поднятые ноги парня к его голове.

— Доигрался?!.. — хищно усмехнулся он, нависая над замершим брюнетом.

— Как же я тебя люблю! — Горячо выдохнул тот в шею воина. — Ну, же… не тяни!

Барр широкими ладонями успокаивающе огладил подрагивающие бока Лотэ. И навалился на него, входя медленно и осторожно. Длинные пальцы Ло вцепились в покрывало под ним, комкая ткань, и юноша застонал сквозь зубы, расслабляясь и пропуская в себя немалое орудие мужа.

— Какой же ты большой!.. горячий… — прошептал он, запрокидывая назад голову.

— Сейчас, сейчас, маленький мой!.. — тоже стонал Барр, скользя в жаркой глубине. — Кричи, не сдерживайся!

И Лотэ закричал… стоило только Баррэту проехаться членом по нужному месту. Этот крик… жалобный и призывный… был музыкой для старшего. Брюнет, измученный любовным голодом, ненасытно принимал частые толчки воина, страстно выгибаясь под ним. А Баррэт, полузакрыв глаза от наслаждения, все бил и бил внутрь, звучно впечатывая всего себя в тело возлюбленного.

Мужчине безумно хотелось продлить столь жгучее наслаждение, что разливалось по телу горячими, приятно покалывающими волнами. Скинув одну ногу младшего с плеча, Барр в промежутке между фрикциями еще успевал и поцеловать до укуса-засоса другую ногу с изящной сильной щиколоткой.

…Удар… поцелуй… укус… засос… Удар…

Лотэ только вздрагивал, подаваясь навстречу толчкам, и тихонько поскуливал, вцепившись руками в шелк простыней.

— Ещеееe!.. Сильней!.. — только и мог выговаривать юноша, полубезумными глазами смотря на склонившегося над ним мужа, когда бедра того с очередным влажным шлепком впечатывались в Ло, принося очередную судорогу удовольствия. Правая рука мужчины легла на болезненно ноющий ствол парня, жестко пройдясь в ласке сверху донизу и обратно, выдавливая из покрасневшей щели обильную сперму.

Это было удовольствие на самой грани боли! Запретное… сладкое… тягучее… и жгучее словно огонь! Но такое желанное!

Резко выйдя едва не до конца, Барр на миг замер, полуприкрыв черные, словно сама тьма, глаза, а потом со всей силы ударил глубоко-глубоко, засаживая своему мальчику по самые яйца, отчего тот пронзительно закричал, выгибаясь тугим луком и кончая в кулак старшему мужу обильной, густой струей. Внутренние мышцы брюнета сжались с такой силой, что Барр, лишенный возможности скользить внутри Ло, тоже задрожал, наполняя любимого горячим семенем!

Какое-то время они оба расслабленно лежали, тесно прижавшись друг к другу мокрыми от пота телами, успокаивая сбитое дыхание и бешеный стук сердец.

Но затем Баррэт, пошевелившись, вновь поудобнее устроился между колен млеющего супруга. И Лотэ с немалым удивлением ощутил, как набухает в нем член старшего, раздвигая внутренние мышцы брюнета. Горячие губы воина прошлись в поцелуях по порозовевшему лицу любимого, а сильные руки обхватили его за плечи, сжимая в объятиях.

— Я слишком сильно по тебе изголодался, — жарко прошептал на ухо младшему Баррэт. И осторожно толкнулся во все еще вялом парне. — Просто лежи, я все сделаю сам…

Лотэ неуверенно мотнул головой по влажной от пота подушке, но довольно расслабился, доверяясь мужу. Тот брал его медленно, нежно и осторожно, придерживая руками за плечи… двигался ровно и неспешно. И Ло, закрыв от наслаждения глаза, скрестил ноги на пояснице Баррэта, полностью доверяя воину. Было немного больно принимать в себя член мужа после недавнего оргазма. Тело все еще было довольно чувствительным, восстановившись не до конца. И даже эти аккуратные движения воспринимались им с легким дискомфортом в пятой точке. Но отголоски боли вскоре исчезли, оставив после себя только приятное скольжение и чувство

горячей наполненности… а еще родную тяжесть на теле и знание, что внутри Ло растет и развивается их общий ребенок. Маленький теплый комочек света!..

Такой беспомощный и желанный.

…На этот раз их близость была тихой и очень нежной. Но притом долгой и выматывающей до сладких кругов перед глазами. В этот раз первым кончил Барр и еще какое-то время ласкал рукой разомлевшего Лотэ, заставляя его излиться…

Позже, обняв мужа, Лотэ мечтательно улыбался, пока пальцы Баррэта перебирали его волосы. И нежно целовал грудь своего старшего, слизывая с гладкой кожи соленые капельки пота.

— Знаешь… — тихо произнес он вдруг, прислонившись головой к твердому плечу супруга. — Я не рассказывал… раньше Сэри всегда был рядом. Не хотел, чтобы он знал.

— О, чем, любовь моя? — Так же тихо спросил Барр, боясь спугнуть настрой младшего. Тот повозился у него под мышкой, вздохнул, но все-таки продолжил.

— Помнишь, как мы по крышам Цитадели скакали? Так вот… я никогда раньше не боялся высоты. Но после того прыжка мне стал сниться сон. Очень странный. В нем все размыто, как это часто бывает во сне… предметы и лица искажены… Там мы… я и Сэри. Мы странно одеты и странно выглядим… Мы спасаемся от какой-то опасности… ползем по темной балке. И она раскачивается все больше и больше. И я знаю, что если сделаю еще хоть шаг, то ненадежная опора рухнет, и мы оба полетим в черную пропасть под нами. Это такая жуть, Барр! — Вдруг всхлипнул Лотэ. Воин тут же сел, сгребая в охапку задрожавшего парня и с тревогой заглядывая в побледневшее лицо брюнета. — Меня с самого детства воспитывали воином, но ЭТО!.. Да меня мороз до костей продирает, как только вспомню ту бездну под ногами, и качающуюся опору, по которой бессильно скользят руки!!!

— Не надо… молчи! — Баррэт укутал любимого своим телом, укачиваю в объятиях вздрагивающего Ло. — Молчи, прошу тебя! Не вспоминай!

Но Лотэ упрямо покачал головой.

— Мне это нужно, — ответил он. — Почему-то кажется, что если расскажу, то эти сны пропадут. Вот только не хотел беспокоить Сэриэля.

— Тогда говори, — смирился Барр. — Что было дальше в этом сне?

— Дальше… — криво, через силу улыбнулся Ло. — Дальше приходит понимание, что передо мной выбор: или я один, или мы оба. И я выпускаю балку из рук.

— И!.. — не выдержал Баррэт, в тревоге вглядываясь в побелевшее от глубинного ужаса лицо мужа.

— И просыпаюсь, задыхаясь от страха, с дико колотящимся сердцем, — явно через силу ответил Лотэ. — До сих пор мне удавалось вас не беспокоить, но боюсь…

— Не бойся! — Супруг прикоснулся губами к щеке юноши, тихонько целуя. — Ничего не бойся! Мы же с тобой… мы рядом! Мы все поймем и поможем…

— Я не этого боюсь, — уже успокоено улыбнулся Ло, поудобнее устраиваясь в объятиях

мужа. — Просто… Если тот жрец прав… И наш брак, действительно, заключен еще до нашего рождения… То, получается, там я погиб, чтобы спасти кого-то из вас.

— Я не позволю, чтобы подобное повторилось! — Резко оборвал его Барр, пытливо заглядывая в любимое лицо. — Ты мне веришь?!

— Конечно, верю, — ладонь мужа ласково погладила воина по лицу, большой палец мягко скользнул по губе. — Только знай… Если вновь встанет выбор — ваши жизни или моя — я без колебаний разожму руки на балке!

— Если настанет время выбора, — со спокойной решимостью произнес Баррэт, — я не позволю вам с Сэри идти по той балке. Лучше сам прыгну вниз. Всегда помни об этом.

…А рано утром их разбудил Сэриэль. Блондин вихрем ворвался в спальню, даже не переодевшись с дороги, и с разбегу запрыгнул на постель. Прямо на заворочавшие спросонья и очень возмущенные тела, чтобы потискать и зацеловать своих любимых мужей…

Лорд Тарлит, уже отчаялся отыскать непутевого любовника. Маркиз не обращал внимания на сплетни и насмешки придворных, что за его спиной ехидно подсмеивались над стариком, без памяти влюбленного в молодого парня. Бывшему командиру гвардии и одному из лучших воинов короны было плевать на зависть других (а что это, как не зависть?). Деззион помешался на юном бароне и твердо решил осчастливить того браком с собой. Тем более, что его сын Карлаэль был вроде бы не против столь молодого отчима.

Но сам Валиэль с непонятным старшему маркизу упорством ускользал от заманчивого предложения. Полученное же лордом Тарлитом повторное письмо с категорическим отказом, было им отвергнуто с достойным осла упрямством. Если уж его Валиэль решил от него отказаться, то пусть скажет это сам, глядя маркизу в глаза. А уж Деззион-старший найдет, как переубедить упертого мальчишку.

Не понимающего своего счастья. Ведь Тарлит собирался носить избранника на руках, ни в чем не отказывая. Благо, состояние вельможи позволяло совершать любые глупости ради любимого. Да еще эти проклятые слухи, что циркулировали в среде придворных, о том, что самый прекрасный из братьев Коразз нашел себе постоянного спутника жизни. Это еще больше сводило с ума старого воина, заставляя беситься и страдать от ревности. И искать юного повесу. Но Валиэль оставался неуловимым. Его видели то тут, то там. Когда же лорд бросался, сгорая от желания в указанное место, ветреный красавец испарялся подобно утреннему туману, дразня и разжигая страсть маркиза все больше и больше.

Вот и сейчас доброжелатели сообщили, что Валиэль Коразз скрылся за дверьми Малой Нефритовой библиотеки. Довольно заброшенное местечко, не пользующееся вниманием блестящей придворной молодежи, так как содержало не любовную лирику и описание занятных поз, а устаревшие руководства по магии. Странно, что Валиэль выбрал именно библиотеку для укрытия. Неужели у него там свидание с любовником?!

Раздосадованный маркиз заскрежетал зубами. Впрочем, это даже хорошо! Любовника отвадить, а милому мальчику показать, что опытный в любовных утехах мужчина намного лучше торопливых юнцов. И тогда Валиэль к нему вернется!

Постаравшись как можно тише отворить невысокую стрельчатую дверь, лорд проскользнул в залу, тут же в полумраке наткнувшись на чье-то тело. Ойкнувший голос оказался незнакомым,

как и запах крепких мужских духов, которыми никогда не стал бы пользоваться привереда Валиэль, обладающий утонченным вкусом.

Тихо зарычав от ярости, старый воин взял на болевой прием непрошеного соперника, пережав тому горло, чтобы не заорал раньше времени и не спугнул Коразза. И вышвырнул в коридор, от души наподдав ногой по крепкой заднице, обтянутой сукном цветов гвардейского мундира. Ах ты, паршивец! Решил разнообразить свою постель гвардейцами?! Тебе меня мало?! Ну, берегись!

Гневно раздувая ноздри, маркиз проследил поспешное бегство несостоявшегося соперника и вновь тихо скользнул в полумрак библиотеки, плотно притворив за собой дверь.

Пробравшись мимо захламленных свитками полок и пару раз тихо чертыхнувшись, спотыкаясь, Деззион разглядел, наконец, в полумраке стройную фигуру у зашторенного окна. Валиэль очень удачно склонился над письменным столом, опираясь об него руками. Тонкий солнечный лучик, что прорывался сквозь щель в гардине, слабо обрисовывал характерный силуэт, играя серебряно-золотыми искрами в толстой косе барона.

Ты решил разнообразить свою прическу, милый?

Еще пара шагов, и маркиз сжал в крепких руках стройное натренированное тело.

— Любимый, красивый мой!.. — прошептал мужчина на ушко своему желанному. Юноша было напрягся, но видимо узнав его голос, откинул голову на плечо маркизу и расслабился.

— Люблю… — ответный невнятный шепот, и Валиэль развернулся лицом к лорду Тарлиту, крепко обхватывая его руками за талию и утыкаясь лбом в грудь более высокому мужчине. Горячее, прерывистое дыхании юноши чувствовалось даже сквозь плотную ткань камзола. Тонкие пальцы нервно впивались в спину. — Мое наваждение…

— Твое!.. Только твое! — Лихорадочно шептал маркиз между жалящими поцелуями. — Мальчик мой, почему ты все время ускользаешь от меня? Чем я тебя обидел?..

Не дожидаясь ответа, старый воин впился поцелуем в сочный рот любовника, задавшись целью свести своего Валя с ума. Пусть больше не сравнивает его ни с кем, навсегда потерявшись в том удовольствии, что подарит ему Деззион!

В полутьме можно было различить лишь светлый овал лица избранника, но маркизу было на все плевать, пока в его объятиях плавилось желанное тело. Его избранный, его половинка! Светлые волосы не переливаются привычной волной, а стянуты в тугую косу, но так даже лучше, удобнее… руки без участия головы сдирают с широких плеч бархат камзола… с треском отлетающих пуговиц раздергивают на груди рубашку, в то время как опытные губы сминают нежные створки словно бы никогда и не целованного рта. Такого сладкого… такого покорного… такого страстного!

Блондин протестующее дернулся в руках лорда, напрягся, но тут же с протяжным стоном вновь приник к любовнику. Его рот приоткрылся, впуская настырный язык мужчины. А маркиз совсем голову потерял от смущенной невинности любимого… так непривычно! Но любовь затуманила разум, и Деззион уже не отдавал себе отчета, что вытворял, суматошно лаская дрожавшее от такого напора тело юноши.

Опрокинув Валиэля на стол… придерживая ему затылок одной ладонью (чтобы не вздумал прервать поцелуй!), другой — с силой провел ему по груди, с удовольствием ощущая хорошо

развитые мускулы. И сжал пальцами тут же напрягшийся сосок, немного оттягивая тугой комочек плоти. Наградой лорду стал ошеломленный стон ему в рот, и выгнувшийся стан любимого. А маркизу все было мало! Наигравшись с сосками Валиэля, лорд Тарлит бесцеремонно запустил руку в штаны любовника, сгребая в горсть яички и набухший член юноши.

— Ты удалил волосы?.. — бормотнул Деззион, катая в ладони гладенькие яички и ощущая, как все больше твердеет кое-что под его ласками. И лизнул юношу в уголок припухших губ. — Как мило! Но мне нравились твои кудряшки… Впрочем, и так неплохо!..

И продолжал черное дело, целуя и лаская своего избранника. Тот уже откровенно млел от такого внимания и растекался по столу, всем телом демонстрируя, что не против более активного продолжения.

Внезапно вспыхнувший свет магических ламп ослепил маркиза. Послышались смех и голоса сразу нескольких человек. Из-за стеллажей появилась пестрая группка фрейлин в сопровождении нескольких придворных. Увидев застывшую парочку, вновь прибывшие ошеломленно замерли, выпучив глаза. А лорд Тарлит тем временем пытался судорожно вздохнуть, наконец-то разглядев, кто был в его объятиях!..

Совершенно незнакомый юноша, кареглазый и светловолосый. Симпатичный, но не более. Совсем еще мальчик, вряд ли достигший совершеннолетия. Он был похож на Валиэля только фигурой да светлыми волосами.

Горячий, возбужденный, с зацелованными припухшими губами и растрепанной косой, он непонимающе хлопал длинными ресницами, пытаясь проморгаться от пронзительного света. И даже не делал попыток прикрыть обнаженную грудь с ярко алевшими напряженными комочками сосков.

Словно в тумане Деззион медленно отстранился от расхристанного парня… убрал руку из его штанов, не сразу избавившись от ощущения теплой нежной плоти в ладони, и потянул с плеч собственный камзол — прикрыть ошеломленного мальчишку. Юноша же, придя в себя, вдруг шустро оттолкнул от себя пожилого мужчину и вскочил на ноги, судорожно кутаясь в обрывки рубашки.

— Мама… папа… — проблеял он сорванным голосом, перепугано воззрившись на пару, замершую среди других свидетелей.

Глава 17

Рэниари уже привык просыпаться вот так — прижатым к горячему, твердому телу принца.

Его муж. Его старший.

Юноша не чувствовал к наследнику ничего, кроме досадливого равнодушия. Очередной политический брак, каких много.

А еще нога Эдмира обязательно оказывалась закинутой на бедро Рэни, и в живот упирался каменный стояк мужчины. Старший супруг не признавал одежды в постели, ложась спать голышом. И Рэниари, с которого в начале каждой ночи упорно стаскивали пижамные штаны, в конце концов плюнул и тоже перестал одеваться. Да и чего ему стесняться? Мужа, который за неполную неделю успел дотошно изучить все его тело? Или слуг, вышколенных настолько, что напоминали големов?

mir-knigi.org

Почти всегда утро начиналось с жарких ласк Эдмира, что обожал будить свою Искру, нежно готовя к вторжению. Принц медленно брал полусонного парня, двигаясь глубоко и сладко. Их близость в постели была полной и всеобъемлющей. Рэни не сопротивлялся и не зажимался. И уж тем более не лежал бревном. Его с самого детства готовили к роли младшего супруга. Юноша свыкся с будущим политическим браком без любви и понимания. Так что хотя бы в плане телесной близости ему повезло, и Рэниари не собирался по-детски злиться, лишая себя маленьких радостей.

Вот только после взаимной разрядки он равнодушно отворачивался от мужа, ограничивая общение с ним рамками этикета. Эдмир молча злился, пытаясь хоть как-то расшевелить парня и все еще надеясь на вспышку прежних чувств. В первые дни после обряда принц брал мужа так часто, как только мог. А мог он часто. Рэни даже перестал одеваться, кутаясь в один халат. А какой смысл, если его озабоченный муженек мог в любой момент ворваться в спальню и разложить младшего в любой позе? Рэни не протестовал — таков долг младшего, дарующего новую жизнь. Эдмир был вправе приказать слугам держать непокорного мужа. А вот этого юноша не желал.

В остальном же жизнь бывшего графа не стала тяжелее. Его кормили, за ним ухаживали, его ласкали… как комнатную собачку. Толпы портных и ювелиров вертелись вокруг юного консорта под пристальным вниманием самого наследника — Эдмир ни на миг не выпускал Искру из-под наблюдения. Ему даже разрешили управлять Цитаделью, правда, с помощью мага, преданного лично Эдмиру, отказав в праве связать клятвой собственного волшебника. Рэни было все равно: графство перейдет по наследству к его второму сыну, так что принцу не резон пакостить по мелкому, мстя за невнимание младшего мужа. Правда, Эд расщедрился, послав мага в крепость для нужд проживающих в ней. Благодаря чему бывший граф мог полностью контролировать работу своих управителей, пользуясь магической связью. За владение он был спокоен — люди Цитадели приняли его замужество с пониманием, отказавшись принести присягу королевскому дому. Аргументировано это было тем, что цитадельцами уже выбран правитель — Рэниари или его дети. Принц поскрежетал зубами, но не стал возражать.

Юноше даже разрешили видеться с родственниками и гулять в крепостном саду, расположенном на вершине Северной башни. Многочисленные деревца и кустарники в объемных фаянсовых кадках выстраивали прихотливые лабиринты на небольшой в общем-то площади, позволяя жителям замка забыть о тесных стенах и мрачном великолепии старой твердыни. Вот только высокий парапет помимо прихотливых зубцов красовался тонкой ажурной решеткой в два человеческих роста — и не бросишься вниз, кончая счеты с жизнью (если у пленника крепости вдруг появится такое желание). Да и было бы из-за кого! Рэниари еще повезло с браком. Многие младшие и того не имели. Подумаешь, жизнь с нелюбимым! Плевать! Есть его семья, преданные лично ему вассалы, а вскоре появится его ребенок. Тот, кого Рэни будет любить, и кому отдаст свое сердце, некогда отвергнутое принцем.

Вельможный пленник с нежностью прислушивался к себе, пытаясь ощутить пресловутую связь с магическим коконом, о которой писалось во всех романах, и о которой не переставая твердили его наставники совместно с Асином. Но пока не чувствовал ничего. Единственное, что юноша знал точно — его малыш здоров. Кокон развивался великолепно, не доставляя своему носителю никаких неудобств. Вот только целителям, которых Эдмир приставил присматривать за мужем, что-то не нравилось в самой ауре Рэни. Лорд Итарон, возглавлявший консилиумы магов, склонялся к тому, что непонятки напрямую связаны со статусом Искры, об организме которых почти ничего не было известно.

Наконец, измученный слишком плотной опекой Рэни сквозь зубы вынужден был просить

Эдмира оставить его в покое. Покоя он не получил, но хотя бы осмотры стали пореже.

В конце недели роскошного заключения принц торжественно объявил супругу, что их семейные покои готовы, и они оба могут отправляться во дворец. После чего остался в спальне, с явным удовольствием наблюдая, как слуги купают и одевают молчаливого юношу. Как укладывают золотой водопад волос в затейливую косу, перевивая тяжелые пряди нитями ярких рубинов. И только убедившись, что супруг неотразим, наследник подхватил Рэниари под локоть, утягивая в магический портал, созданный Итароном.

Переход из комнаты без окон, служившей ему спальней все это время, заставил Рэни испытать кратковременное головокружение. Невольно зажмурившись, юноша распахнул глаза уже в одном из огромных залов королевского дворца, оглушенный приветственными криками со всех сторон. Поглазеть на супруга принца собрались как придворные, так и слуги вперемешку со свободными от дежурства гвардейцами. Хотя появление во дворце Рэниари носило неофициальный характер — до его представления двору юноша как бы и не существовал — все знали, что будущий король именно сегодня доставит в родовое гнездо отца своих наследников. Упустить шанс разглядеть того, кто свел с ума Бешеного принца, не мог никто из многочисленных обитателей дворца.

Первым молодоженов встретил сам король.

Рэниари увидел высокого, несколько усохшего от возраста, но все еще красивого мужчину. И невольно отметил, что именно так будет выглядеть Эд в старости.

Если только доживет до нее, мрачно подумал юноша, чувствуя прилив внезапной тошноты, от которой захотелось срочно скривиться. Благо Итарон оказался поблизости и заметил недомогание консорта. Пара пасов руками, и весь дискомфорт исчез. Странно… Судя по тем книгам, что заставлял его зубрить Асин, такого на слишком раннем сроке быть не должно. Если только неисправен сам кокон. Но последнее полный бред. Лучшие маги королевства трудились над этим артефактом. Да и целители уверяют, что беременность развивается превосходно.

Нет, ребенка Рэни не желал потерять. Оставшись практически один на один с огромным и довольно враждебным миром, юноша всеми силами стремился сохранить частичку себя, воплотив ее в сыне или дочери.

— Отец, позволь, я сам покажу мужу наши с ним покои, — Эдмир властно обхватив Рэниари за тонкую талию, потянув несопротивляющегося мужа к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Уже поднявшись на пару ступеней вверх, принц надменно глянул через плечо на дворян свиты. — Прошу всех следовать за нами.

Придворные с радостным гомоном сплошным потоком устремились за царственной четой: увидеть семейные залы наследника считалось привилегией! Вряд ли после Большого обряда хоть кому-то из аристократов удастся получить приглашение во внутреннюю часть семейных покоев, ибо маги закроют их от любого проникновения извне. Попасть в святая святых смогут лишь немногие: близкие родственники и те, кого принцы допустят до своего гнезда, а так же их личные слуги, связанные магической клятвой.

Рэниари, чинно следуя за мужем, скользнул непроницаемым взглядом по довольному лицу мужа. Покои, что демонстрировал старший принц, оказались не просто великолепными. Они были… уютными при всем богатстве отделки. И весьма обширными. Король не поскупился, отдав сыну все Западное крыло дворца. Бывшие комнаты Эдмира, что переделывал под себя

Дориан, отныне были закрыты. А своего мужа Эд привел в апартаменты, некогда принадлежавшие его деду с бабкой. Прежнего в них не осталось ничего кроме стен. Эдмир приказал полностью сменить обстановку. И явно на ней не экономил, впрочем, сумев избежать переизбытка роскоши.

Рэниари не мог не признать, что увиденное ему нравится. Здесь было достаточно места, чтобы выстроить свой собственный, независимый ни от кого мирок. Просторные спальни, несколько гостиных, от маленьких до больших. Светлая, украшенная медальонами из голубого агата, столовая с богато вызолоченной мебелью красного дерева, личные кабинеты принцев с приемными. Библиотека. Оружейная. Детские. И даже зал для торжеств, не столь огромный, как Главный, но украшенный изысканными арабесками из перламутра, золота и серебра.

И, несмотря на то, что супругам полагались разные спальни, принц явно вознамерился проводить ночи на половине Рэниари.

Что ж, этого и следовало ожидать.

Придворные тоже отметили, что оба супруга будут спать вместе, не преминув поахать и повосторгаться неистовой страстью влюбленных друг в друга супругов. Особенно извращались дамы, всячески стараясь, чтобы их изысканное щебетание достигло ушей Эдмира — в надежде на место любовницы, а может даже и самой фаворитки. В их глазах Рэниари уже был отрезанным ломтем, которого не собирались допускать до власти, даже несмотря на Большой обряд, после которого супруги становились равными партнерами. Для аристократов бывший граф оказался всего лишь красивым приложением к власти его старшего мужа. В конце концов, страсть непостоянно наследника истает утренней дымкой, а место фаворита стоит присмотреть уже сейчас. Нет, многие дворяне и дворянки с радостью пофлиртовали бы с красивым консортом, или попытались вскружить ему голову, в надежде через Рэниари повлиять на наследника, вот только сам Эдмир ясно дал понять, что не потерпит никаких поползновений в сторону мужа. А к Бешеному принцу при дворе привыкли относиться серьезно — тот никогда не разбрасывался обещаниями. Потому-то Рэни и удостаивался лишь ослепительных улыбок, опасливо-восторженного внимания… и никаких попыток приблизиться. Что его полностью устраивало. Он не собирался лезть в дворцовый водоворот, предварительно не разобравшись в его течениях. Но и отсидка в роскошных покоях, на что явно надеялся старший муж, тоже не входила в планы юноши. Если уж он связал свою жизнь с будущим королем, то следовало и вести себя как супруг властителя, а не испуганный мальчишка из провинции.

Очутившись напоследок в огромной комнате с частыми, узкими витражами от пола до потолка, Рэни, удерживая на губах восторженную улыбку, незаметно, краем глаза, отслеживал реакцию окружающих. Если честно, юноше было до одури страшно. Так страшно, что холодело в груди, и пересыхали губы! Одно дело планировать и изучать интриги по рассказам других. А другое — самому оказаться в круговороте мутных страстей. Сможет ли он справиться с опытными интриганами, что толпились вокруг него, выражая восторг и преклонение пред наследником? Выжить, остаться собой и отвоевать хотя бы крохи личной свободы? Или все-таки он останется тем, из кого просто выкачивают силу, не считая за личность…

Жаль, что в этой спальне он не один, а посреди шумной толпы. В этой комнате хорошо отдыхать, наслаждаясь комфортом, а не втихую рассматривать придворных, мучительно соображая, с чего начинать первые шаги при дворе.

А комнате было наплевать на внимание жадной толпы. Она празднично встречала нового хозяина яркими бликами от разноцветных оконных стеклышек, расцвечивая мозаичный пол

неповторимым радостно-пестрым рисунком летнего утра. Изящные панели из янтарного дерева и колонны из мохового агата, что поддерживали не слишком высокий, купольный свод с расписными плафонами… Шелковые обои-вставки с тонкой серебристо-золотой росписью… Спальня полнилась светом, травяными бликами и золотисто-солнечными вкраплениями янтарных оттенков.

В центре, на невысоком подиуме раскинулось обширное ложе под пышным балдахином. Частые складки плотного шелка подхватывали золотые крученые шнуры, украшенные богатыми кистями. На небольшой кушетке подле окна белело покрывало из пушистого даже на вид меха. Полупрозрачные занавеси трепетали на ветерке из открытых дверей в личный сад принцев, разбитый на отдельной террасе, полностью изолированной от остального дворца. Эта терраса чем-то напомнила Рэниари оставленный в далекой Цитадели любимый сад: та же искусственная высота, вознесенная над городом с помощью массивных каменных блоков, утонченная красота редких цветов и мелодичное пение крошечных фонтанчиков под сенью невысоких, раскидистых деревьев.

Большой камин из бело-золотого полупрозрачного мрамора уютно расположился на противоположной от выхода в сад стене. Рядом несколько кресел. Низенький столик на кованых ножках с мраморной столешницей гордо выставлял на обозрение вазу разноцветного стекла с оранжерейными лилиями. В воздухе, несмотря на открытые окна, плыл приторно-удушливый аромат (Рэни даже поморщился), от которого сопровождавшие молодую чету придворные едва не впали в экстаз — оказывается, эти цветы являлись огромной редкостью и ценились крайне дорого. Выслушав восторженный писк какой-то дамы, юноша нацепил на лицо благосклонную улыбку и вежливо кивнул тут же расплывшемуся в самодовольной ухмылке Эдмиру.

«Ты еще грудь вперед выпяти, — с раздражением подумал про себя Рэниари, не переставая удерживать на лице дежурную улыбку. — Совсем на петуха будешь похож!»

Ничего не поделаешь — теперь его жизнь навсегда связана с этим человеком. Хочешь, не хочешь, а придется держать марку супруга наследника и отца будущего короля Хилдона. Не след другим знать о его настоящих чувствах.

Эд, закончив демонстрировать придворным спальню, развернулся к мужу.

— Любовь моя, личных слуг тебе позже представит управляющий покоями. Все они верой и правдой будут служить нам с тобой. И все они под заклятием верности, — придворные удивленно ахнули, расценив заявление своего господина как знак его могущества. Не каждый мог похвастаться подобным: слишком дорого стоил ритуал заклятия. Обычно его накладывали на одного-двух самых доверенных людей. А тут целая толпа! Как же принц щедр к своему мужу! Как любит его! Ах!.. Ах!.. Ах!..

И только немногие правильно поняли подоплеку столь щедрого дара — младшему принцу не доверяли, расширив обычную охрану до тотальной слежки.

— А теперь позволь представить тех, кто удостоен чести находиться рядом с тобой! — Эдмир махнул рукой, и из толпы придворных выступило несколько человек.

— Лорд Лоран герцог Вэон! — Высокий молодой мужчина с непроницаемым, слишком серьезным для обычного вертопраха лицом, с достоинством поклонился супругу наследника. — Можешь звать его по имени. Он мой лучший друг и советник, можно сказать — правая рука!

Рэниари вежливо кивнул. Герцог ему нравился, несмотря на то, что частенько присутствовал

при неприятных для юноши свиданиях с Эдмиром. Лорану явно частенько не одобрял поведение сюзерена, и Рэни за это готов был простить ему многое.

— Также в твою свиту войдут младшие графы Ворональ… если сами того захотят, — многозначительно добавил принц. И с Рэниари едва не слетела благожелательная маска очарованного провинциального дурачка.

Сволочь!

Прекрасно ведь знает, что ни Баррэт, ни его мужья не останутся в этом крысятнике, называемым двором! И плевать, что юный дядюшка желает поддержать племянника, разделив с ним его золотую клетку. Рэни и сам не позволит Баррэту жить рядом с «братцем», что его едва терпит. Пусть возвращается в Круглый Холм, целее будет. Как и Сэри с Лотэ.

— Спасибо, ЛЮБИМЫЙ супруг, — Рэниари так мило улыбнулся Эдмиру, что у того несколько увяла восторженная улыбка. — Вы так обо мне заботитесь! Не думал, что НАШИ покои будут столь великолепны. Позволено ли мне сейчас немного отдохнуть в столь красивом месте?

— Хорошо, любимый, — чуть ли не проскрежетал принц, стараясь удержать себя в рамках приличия. Хотелось стиснуть строптивца в руках и целовать, целовать, целовать до боли в опухших губах!

Окружавшие молодоженов придворные с понимающими улыбками отворачивали, считая, что пара желает остаться в одиночестве. Лицо Рэниари стало на редкость безмятежным, глаза сияли чистейшим светом нежной наивности, завершая облик прекрасной, беспомощной фиалки. Вот только принц был уверен, что у этой «фиалки» такие шипы, что никаким розам не снилось!

С трудом заставив себя оторвать взгляд от супруга, Эдмир, поклонившись, вышел из комнаты, утягивая за собой возбужденную осмотром чужого богатства свиту.

— Буду ждать вашего приглашения, драгоценный мой, — оставил за собой последнее слово его высочество, опалив Искру жадным взглядом.

«Будь моя воля, век бы ты его не дождался!» — мрачно подумал Рэни, провожая взглядом уходившую толпу. Двери мягко, без стука, затворились, оставив в спальне самого консорта да пару молчаливых, безупречно-вежливых слуг, что замерли, глядя в пол, у арки входа.

Губы юноши уже сводило судорогой от нарочитых улыбок. Да так, что ему не сразу удалось прекратить идиотски улыбаться, настолько в лицо въелась чужая маска — придворным шакалам не стоит видеть его настоящий облик.

Не обращая внимания на непрошеных свидетелей (да у него теперь вся жизнь будет под колпаком!), юный консорт сделал пару шагов на подгибающихся ногах и без сил повалился на кушетку, утонув в пышном мехе покрывала.

Вот он и оказался в золотой клетке…

…- Мама…папа… — выдохнул юноша, тщетно пытаясь стянуть на обнаженной груди остатки разорванной рубашки, и не замечая камзола, что протягивал ему маркиз. Сам мужчина стоял за спиной несостоявшегося любовника, не зная что ему делать — то ли все-таки накинуть на плечи парня свой камзол, то ли шагнуть вперед и попытаться все объяснить родителям

мальчика, то ли ретироваться из библиотеки. Деззиона медленно, но верно пробирала крупная дрожь, вызванная внезапным гневом. Старого воина не оставляла мысль о грандиозной подставе — не мог же этот мальчишка не слышать его шепота?! Так почему не дал понять, что его спутали с другим?! Почему продолжил эту злую шутку?! Неужели охота целенаправленно велась именно на маркиза, с целью брака?!

Высокий, светловолосый лорд, чья несколько оплывшая фигура, облаченная в богатый наряд, выдавала в нем далеко не воина, что-то невнятно-зло рявкнул обалдевшей молодежи, и те исчезли из библиотеки даже не споря. Оставшаяся столь же пышнотелая, как и супруг, брюнетка с большими голубыми глазами на до сих пор красивом лице безмолвно раскрывала рот, пытаясь что-то сказать, но видно шок был сильнее. Тонкие пальцы, отягощенные перстнями, натягивали ткань богатого платья так, что несчастный атлас мог в любой момент треснуть под таким напором.

— Извольте объясниться, что вы делаете с моим сыном?! — Сразу же, как только свидетели исчезли, взвился мужчина, яростно сверкая темно-карими глазами и сжимая кулаки на наборном золотом поясе с болтающимся слева декоративным кинжальчиком, отягощенным грудой редких самоцветов. — Вы решили скомпрометировать наш род?!!

— Может… вы хотя бы представитесь?.. — в любое другое время надменный аристократ Тарлит Деззион никогда бы не позволил подобного тона даже от короля, но сейчас… Сейчас он был смущен, зол, растерян! И чувствовал потребность защитить жавшегося к нему мальчишку, хотя и подозревал заранее срежессированный спектакль со стороны юного соблазнителя. Но что бы ни случилось, старый вояка не привык уходить от ответственности. Вот и сейчас он грудью встретил бешеный оскал отца мальчишки.

— Я лорд Эвессар, глава клана Мевередж! А это моя супруга — леди Рионелла! А кто вы такой, что посмели остаться наедине с моим сыном?! — О-ей!.. А вот это была проблема и немалая!

Лорд Тарлит интуитивно подобрался. Стоявший напротив него обрюзглый тип в драгоценных шелках и золоте был главой могущественного пограничного клана. Мевереджи держали в своих руках все северные торговые пути. А их глава предпочитал сражаться не на мечах, а на долговых обязательствах, опутав многих своей золотой паутиной. Не удивительно, что Деззион его не узнал: в свите сюзерена Мевереджей — маркиза Суом Арн-Гит-Доро — главу семьи представлял старший сын и наследник лорд Салудир, вполне вменяемый молодой человек, с которым у старого маркиза было заключено несколько торговых договоров. А это, значит, его младший брат…

— Сожалею, что наше знакомство состоялось при таких… обстоятельствах, — маркиз смущенно поклонился, сгорая от стыда: так опростоволоситься! — Я лорд Тарлит, маркиз Деззион. И здесь произошла досадная ошибка, в которой никто из нас не виноват.

— Наша семья не потерпит ТАКИХ ошибок! — Срываясь от ярости на тонкий писк, лорд Эвессар побагровел, не обращая внимания на свою оседавшую на пол супругу: леди благовоспитанно упала в обморок, правда, умудрившись почему-то изящно осесть в так кстати подвернувшееся кресло, а не мимо него. — Или вы думаете, что другие свидетели этой сцены будут молчать?! Да они с радостью прополощут наше имя по всей стране! И мой сын потеряет право на нормальное замужество! Чем вы все исправите? Да я сгною вас!..

А вот это было откровенной блажью! Никто и никогда не стал бы обвинять юношу, решившего развлечься перед брачным союзом. Наоборот, девственники в семьях не особо приветствовались — многим не нравилось возиться с зажатым и боящимся своего первого раза

парнем. И уж тем более лорду-торгашу не следовало угрожать личному вассалу короля с титулом маркиза!

— Вы слишком эмоциональны, лорд, — с заметным холодком отозвался Деззион. Нет, он, конечно, чувствовал свою вину, но не до такой же степени, чтобы позволить вытирать об себя ноги! — Советую хорошенько подумать, прежде чем угрожать МНЕ! Я не снимаю с себя вины за произошедшее…

— Вот и отлично! — Тут же пошел на попятную Меверидж, видимо сообразивший, что перегнул палку. — Вы женитесь на нашем сыне полным браком! Ваши титул и имя будут хорошей компенсацией нашему роду!

Деззион почувствовал, как неприятно онемели его скулы, а сердце на миг замерло болезненным комком где-то под горлом.

Валиэль…

Мой прекрасный Валиэль! Я теряю тебя…

Прости меня, любимый…

— А меня не желаешь выслушать, отец?! — Стоявший досель с низко опущенной головой юноша вдруг вскинулся и решительно отодвинул опешившего маркиза в сторону. — Ты вправе приказать мне стать мужем любого, но не смеешь указывать, с кем и когда мне делить постель! Своих любовников я выбираю сам!

— Ах ты, щенок!!! — Побагровевший, с трясущимися щеками лорд Меверидж замахнулся и, несомненно, отвесил бы сыну тяжелую оплеуху, позабыв про маркиза, если бы не подскочившая с кресла женщина. Леди повисла на руке мужа, умоляюще тараща коровьи глаза, хлопая длинными ресницами и что-то нежно лепеча. Смотрелось это довольно нелепо, но лорд на удивление быстро успокоился. — Так это твоих рук дело?

— А ты как думал? — Зло ухмыльнулся парень в одутловатое от прилива крови лицо родителя. — Или ты думал, что я просто так спущу тебе с рук твой договор с Читт-Нор-Гилом?! Он несомненно молод и красив, но сволочь распоследняя! Я, конечно, тоже не нежный эльфенок, но даже моего сволочизма не достанет, чтобы выжить в его доме! Он уже свел в могилу первого мужа, захапав его приданное. Но ты же купился на аренду изумрудных копей, которые он тебе предложил за меня! Решил многоходовку с Читт-Нор-Гилом провернуть?! Сделать меня равным ему в полном браке?! А потом управлять его владениями через внуков?! Ха-ха три раза!!! Так он тебе и дался! Скорее уж он поимеет мое приданное вместе с моей задницей, а я как-нибудь «случайно» не вернусь с охоты или рыбой травануся в его замке! Да, именно я подстроил это свидание! Видишь ли, у меня есть тот, кого я люблю. Вот только вам он не пришелся бы ко двору! Всего лишь младший сын обедневшего рода! Вот и пришлось мне изворачиваться — подговаривать друзей, чтобы заманили вас с мамой сюда, когда мы УЖЕ будем кувыркаться …да растрепать всему двору, кто мой любовник! Ты бы не смог этого игнорировать, как и твой разлюбезный Читт-Нор-Гил! Особенно Читт-Нор-Гил! Слишком большой собственник… ты ведь еще и поэтому следил за мной — не желал, чтобы «зятек» отказался от того, кем уже попользовались?! Вот только почему-то на свидание пришел другой…

— Простите меня, маркиз! — Решительно развернулся юноша в сторону внимательно наблюдавшего за семейной сварой Деззиона. — Я был слишком напряжен… решалась моя судьба! Я плохо слышал, что вы мне шептали — слишком сильно шумела кровь у меня в ушах.

Но поверьте, я не желал вас ТАК подставлять. И, тем более, принуждать к неприятному для вас браку. Я действительно ждал другого… того, кого люблю…

— Кто… кто он?! Кто тот, с кем ты планировал все провернуть! — Как-то уж слишком мягко поинтересовался отец, зло сощурив глаза и постукивая ногой по паркету. — Говори!

— Ты его не знаешь, — очень спокойно заявил юноша, гордо вскидывая светловолосую голову. — Но он достоин моей любви! Жаль, что моя записка была кем-то перехвачена, иначе он уже был бы здесь, чтобы вместе со мной принять общую судьбу!

— Мне жаль, мальчик, — тихо произнес Деззион, с глубоким сочувствием глядя на раскрасневшегося мальчишку. — Я пришел сюда совершенно случайно в поиске того, кого люблю. И наткнулся на вашего избранника… что бежал, бросив вас на произвол судьбы, как только встретился со мной. Он даже не отреагировал на пинок под зад. Хотя был при оружии.

— Нет… он не мог… ОН бы никогда не убежал! — Тут же вскинулся юноша, резко побледнев. — Он…

Теперь перед взрослыми стоял не уверенный в себе молодой дворянин, а совсем юный мальчик, растерянный и несчастный. Карие глаза молили о помощи — скажи… ну, скажи, что ОН не струсил!.. что ОН придет… обнимет!..

Спасет…

— Он сбежал, как только я на него наткнулся, — устало повторил Тарлит, усаживаясь в кресло. Кажется, мальчика все-таки придется спасать. Старший Мевередж не видит, что ради выгоды убивает собственного сына. Для лорда Эвессара младший отпрыск всего лишь выгодный товар, не больше. Деззион кое-что слышал об этом Читт-Нор-Гиле. И не слишком хорошее. — Случайно или нет, но все-таки я скомпроментировал вас, юноша. И потому будет справедливо предложить для решении проблемы фиктивную помолвку. Это единственный способ спасти ваше имя.

— Фиктивная помолвка?! — Лорд Эвессар едва не задохнулся от негодования. — Имя нашей семьи стоит большего! Или вы, маркиз, не желаете принять нашего сына?! Я дам за него хорошее приданное.

Маркиз со вздохом поднялся с кресла и, подойдя к все еще потерянному ребенку, взял его безвольную ладонь, нежно поцеловав холодные от пережитой трагедии пальцы.

— Я бы с удовольствием назвал тебя мужем, — Тарлит ласково заглянул в карие глаза, сияющие непролитыми слезами, — но у меня тоже есть тот, кого я люблю всей душой… Единственное, что я могу для тебя сделать — этот фиктивная помолвка. Спустя какое-то время ты сам ее расторгнешь, заявив, что стал свидетелем моей измены. Моему имени это не повредит, а тебе поможет. Мне жаль, что ты ошибся с выбором своего избранника, малыш. Поверь мне — если бы ОН любил, то дрался бы со мной за право быть рядом с тобой. А не бежал трусливо, получив коленом под зад.

Лорд Мевередж что-то опять возмущенно загавкал за спиной Деззиона, но старый воин видел только этого мальчика, способного бросить свое имя в грязь, только бы не быть разменной монетой для других.

Юноша с тоской посмотрел на маркиза, упрямо прикусив губу. А затем медленно вынул согревшиеся пальцы из ладони маркиза.

— Спасибо! — Произнес решительно, смаргивая слезы. — Я благодарен вам, лорд! Благодарен, что вольно или невольно, но вы открыли мне глаза на того, кто недостоин моих чувств. Что пытаетесь защитить чужого вам человека. Но позвольте мне отказаться от столь щедрого предложения. Это только моя ошибка. А за ошибки нужно платить. И… я не хочу использовать ваше имя, ибо надеюсь все-таки встретить того, кто примет меня со всеми моими недостатками.

— Какие слова! — Не мог не высказаться его отец. — Хватит лить сопли. Ты станешь фиктивным женихом маркиза, и точка! Ты еще несовершеннолетний, и только я могу принимать решение за тебя!

— А вот это позвольте решать мне, уважаемый отец! — Раздался от дверей библиотеки спокойный, рассудительный голос.

Невольно обернувшись, Деззион увидел высокого, богато одетого молодого человека. Черноволосого и кареглазого. Неудивительно, что Тарлит не сразу признал в его младшем брате породу Мевереджей.

Сын и наследник лорда Эвессара и его представитель в Совете. Лорд Салудир собственной персоной.

— Это была полностью моя задумка, отец, — со вкусом улыбнулся молодой человек. — Мама, прекрати падать в обморок, ты изомнешь платье! Весьма удачно, что почти весь двор сейчас пялится на наследника и его мужа, так что никто ничего не услышит. Прости, малыш, но мне с самого начала не нравился твой гвардеец. Но ты и слышать ничего не желал о своем избраннике. Он же рассчитывал заполучить тебя ради богатого приданного. Этот типус сильно проигрался в кости, да и дворцовая жизнь требовала много золота. А тут появился ты, столь неопытный и влюбленный… Я был не против твоих развлечений с ним, но что-то большее…

— Да как ты посмел! — Взвился лорд Эвессар, брызгая слюной, а его жена схватилась за щеки от изумления. — Ты же знал, кому я планировал отдать в мужья твоего брата!

— Именно поэтому я и решил скомпроментировать малыша, — отрезал его наследник, не обращая внимания на вопли отца. — Тебе застило глаза сияние изумрудов, и ты решил заполучить камешки за счет жизни сына?! Да, это я все организовал! Вас должны были увидеть с гвардейцем. И ты бы, ребенок, сам убедился, насколько труслив и подл твой избранник. Он бы свалил всю вину на тебя, да еще и денег бы потребовал за молчание. Такое уже было, но тогда ему дали укорот, а история не стала достоянием общественности. Так что ты еще легко отделался. Ну, а я убил разом двух зайцев — и тебя от афериста спас, и твой брак с садистом разрушил! Отец, не говори мне о своих правах! Ты сам передал всю власть в клане мне, как своему преемнику. И мои полномочия подтверждены Советом! Ты не сможешь их отобрать без веской причины. Интересно, как ты будешь объяснять ее перед лордами после сегодняшнего скандала? И прекрати третировать моего брата! Он под моей опекой по твоему же приказу!..

— Гмм… леди, господа, — индифферентно произнес маркиз, чувствуя себя лишним на этом празднике чужих претензий. — Позвольте откланяться… и не мешать вам.

— Мы еще не договорили с вами, лорд Тарлит!.. — рявкнул было Эвессар, против которого единым фронтом встали его сыновья.

— Благодарю вас, Деззион, что… пусть и невольно!.. но помогли спасти моего брата! — Решительно вклинился Салудир, повернувшись к отцу спиной. — Моя благодарность

безгранична!

Тарлит, более не задерживаясь, откланялся и, покинув библиотеку, напоследок успел поймать лукавый взгляд леди Рионеллы. Голубоглазая брюнетка послала ему благодарную улыбку, на миг выпав из образа волоокой коровы. Но прежде, чем Деззион в изумлении неприлично разинул рот, в кресле вновь сидела заламывающая руки недалекая леди, глупыми причитаниями отвлекая на себя разъяренного мужа.

Старый лорд плотно прикрыл дверь библиотеки и торопливо зашагал прочь, то и дело качая головой. Все, что Деззион сейчас чувствовал — только бесконечное облегчение, что удалось с наименьшими потерями выйти из дурацкой ситуации. И у него вновь появилась возможность посвятить себя поискам пропавшего возлюбленного.

Где же ты, Валиэль?!

…Малая гостиная в одном из приграничных замков, где остановились герцоги Ваоттиро со свитой по пути в свои владения, была роскошно безлика. Местный лорд не отличался хорошим вкусом, зато был несметно богат и честолюбив. Прибытие столь значительных персон согрело гордыню местного владетеля, и он из шкуры вывернулся, предоставив гостям все самое лучшее.

Герцог Аминел вместе с приближенными отправился на пир, что устроил хозяин замка, но Дориан, отговорившись усталостью, получил законное основание остаться в своих покоях.

Голубоглазый блондин с небрежно заплетенной толстой косой мрачно сидел в кресле у массивного столика из душистого сандала, выложенного янтарем. Сиорол, только что появившийся телепортом прямо из столицы, небрежно опирался бедром о край стола, не спеша начинать разговор.

Прикрыв изумрудный огонь в глазах густыми ресницами, бывший лорд лениво размышлял, насколько герцогский сынок хорош в постели. Судя по всему, что успел узнать о несостоявшемся консорте беглец из Круглого Холма, тот был настоящим профессионалом в постельных играх. Вот и думай, отчего вдруг принц предпочел неопытного мальчишку, разрушив договор с могущественными Ваоттиро. Или все дело в Цитадели?

Непонятно…

Поверить во внезапную любовь наследника короны к красивому бастарду, Сиорол не мог. Такое просто невозможно. А значит, надо докопаться до истинной подоплеки дел, иначе можно легко ошибиться, неправильно просчитав последствия.

— Ну, и долго ты собираешься молчать? — Неожиданно выдал Дориан, не поднимая глаз. Сио лениво улыбнулся.

— А что ты собираешься от меня услышать? — Уточнил он. — У нас с тобой была и есть одна договоренность. И я собираюсь ее скрупулезно исполнить. А от тебя мне нужна только помощь магическими штучками.

— Хотя… — жаркий взгляд рыжего демонстративно прошелся по красивой фигуре блондина. — Я не откажусь и от тебя самого!

Быстро наклонившись вперед, Сиорол притянул к себе за плечи опешившего Дориана и впился

собственническим поцелуем в удивленно приоткрытые розовые губы, кусая и облизывая их. Дориан безуспешно дернулся, пытаясь оторвать от себя чужие руки и опасаясь кричать. Но добился лишь, что его вздернули на ноги, собираясь разложить на столе.

— Хочу тебя!.. — Весьма пошло улыбнулся Сиорол, на миг оторвавшись от заалевших губ блондина, и властно сжал ладонь на его упругой ягодице, прикрытой тонким шелком домашнего одеяния. — А ты не хочешь развлечься?

— Да чтоб тебя!.. — взорвался Ваоттиро, пытаясь ударить непрошеного любовника, но тот ловко перехватил запястье, заводя его Дори за спину. Герцог невольно вскрикнул от резкой боли в руке. — Прекрати! Я не шлюха!

— С чего ты решил, что станешь шлюхой, переспав со мной? — Неприкрыто удивился Сиорол, отстраняясь от партнера. — Я не собираюсь тебе платить. Просто предлагаю развлечься — ты слишком напряжен.

— Таким образом? — Возмутился герцог, вырываясь из чужих объятий и потирая ноющее запястье.

Сио отошел от него к столу и взялся за кувшин с вином, собираясь разлить пьянящую влагу по чашам.

— Нууу… — протянул он, — мне казалось, что ты любишь грубость в постели. Иначе бы не терпел все эти выходки принца.

— От него я бы стерпел и не такое, — тихо вымолвил Дориан, чувствуя, как намокают ресницы. — А грубость я не люблю… Но люблю Эдмира. Потому и терпел все его выкрутасы.

— Любишь… — непонятно отозвался Сио, спрятав лицо за широкой чашей с вином. — Тогда объясни непонимающему мне, почему так любимый тобой принц разорвал помолвку? Помнится, я не раз спрашивал об этом, но ты упорно молчал. Дори, лучше скажи правду! От этого зависит успех того, что мы задумали! Что такого в моем «кузене», из-за чего был похерен договор между Ваоттиро и Келлиадирами? Чего я не знаю?

Дориан покачался с пятки на носок и обратно, задумчиво покусывая припухшие от поцелуев губы.

— Ладно, — наконец, сдался он. — Отец просил держать это в секрете… Но ты прав, это может изменить многое… Видишь ли, друг мой, дорогу мне перебежал не просто красивый бастард, чудом завладевший умопомрачительным приданным… Меня затмил тот, кто является Искрой!

Ошалевший от услышанного Сиорол выронил из рук к счастью пустую чашу.

— Теперь ты понимаешь, почему я настаиваю на скорейшем устранении соперника? — Устало уточнил Дориан, вновь садясь в кресло. — Без Искры Эд вынужден будет обратить свой взор на меня и на мое герцогство. У меня нет конкурентов при дворе… кроме твоего «кузена», — последнее слово герцог выплюнул с неизбывной ненавистью.

Но его подельник только головой покачал.

— Ты глупец! — Едва не заорал он. — Да имея такие сведения, мы можем заполучить самых могущественных союзников и расправиться со всеми своими врагами! Дори, пойми! Искра… Искра это могущество, которое пожелает заполучить любой король! Да тот же Мисиран! Да

его король нам руки будет целовать, если мы натравим его на Хилдон, пообещав Искру. А ты отомстишь отвергнувшему тебя принцу!

— Я ЛЮБЛЮ ЭДМИРА! — В полный голос рявкнул Дориан, вскакивая на ноги. — И я не желаю его убивать! Только убить того, кто посмел отобрать у меня любимого!

— Да не убивай! — Не выдержал и Сио. Перед глазами бывшего родича Вориндо крутились радужные картинки свершившейся мести. — Сделай своим рабом и трахай на здоровье!

— Да ты!.. — задохнулся от возмущения герцог. — А… Ты, что, хочешь предать Хилдон?!

— Предать?! — Зашипел разъяренный Сиорол, вызверившись навстречу побледневшему подельнику. — Чтобы предать, надо, по крайней мере, иметь то, что желаешь предать! А что предавать мне, если меня УЖЕ предал твой разлюбезный Хилдон?! Я никто! Изгой! Беглец! Нищий бродяга, у которого даже имени рода нет!!!

— Давай не будем спорить! — Неожиданно умоляюще взглянул на взбесившегося союзника Дориан. — Пойми… ни я, ни отец не пойдем против королевского дома Хилдона. Я лишь желаю получить свое. Поверь мне… прошу!.. когда я стану мужем Эдмира, я приложу все усилия, чтобы твои владения к тебе вернулись! Какую хочешь дам магическую клятву! Убей Рэниари, убей всех Вориндо! И никто не оспорит твоих прав на отцовские владения! Клянусь тебе в этом! Только не вмешивай в наши разборки Мисиран. Такая война никому не нужна. Она принесет больше бед, чем выгоды. Мы справимся сами.

— Хорошо!.. — с трудом беря под контроль свою ненависть, буркнул Сиорол. Нет, он не откажется от своих планов в угоду этому слезливому красавчику. Но и демонстрировать недовольство всесильному герцогу было чревато. Лучше сделать вид, что согласился, и начать свою игру. Пусть милашка Дори считает, что полностью контролирует союзника. Пусть тешит себя несбыточными надеждами на возвращение в объятия принца!.. Сам Сиорол будет делать все, чтобы убедить недалекого блондина в своей лояльности. Ему не нужен спокойный Хилдон. Ему нужна кровь, война, смерть проклятой его уничтоженным родом страны, что предала его семью и позволила убийцам отца жить и процветать за чужой счет!

— Хорошо, — с заметным усилием успокаиваясь вымолвил сын Ковура, поднимая с ковра чашу. Дориан тут же протянул ему кувшин с вином. — Пусть будет по твоему… Где амулеты?

— Обещаешь? — Совсем по-детски заглянул блондин в непроницаемо зеленые глаза союзника. Сио тихо улыбнулся.

— Ни на йоту не отойду от нашего плана, — поклялся он. — Можешь быть уверенным.

— Вот, — Дориан протянул ему небольшой мешочек. — Здесь все, что ты просил. Делал мой личный маг, поэтому никто не узнает.

Лорд-беглец с удовольствием взвесил в руке весьма тяжелый мешочек. Предвкушающая улыбка растекалась на его губах, способная напугать кого угодно. Вот только его белокурый подельник ответил такой же маньячной улыбочкой.

— Удачи, — пожелал Дориан Ваоттиро, провожая шагнувшего в портал соратника. — Я буду надеяться, что ты справишься!

…Его высочество вошел в кабинет короля уже ближе к вечеру.

Принц, сыто улыбаясь, поклонился отцу и опустил крепкий зад в кресло напротив королевского стола.

— Ну, не сложно догадаться, чем ты занимался с мужем, — понимающе хмыкнул Сорондо, с удовольствием разглядывая своего мальчика. — Только не слишком его утомляй. Сегодня утром он показался мне немного сонным.

— Я хорошо забочусь о своем Рэни, — успокоил короля Эд. — Просто мне его всегда мало. Не могу им насытиться. Знаю, что стоит прерваться… а не могу!

— У меня с твоей матерью было то же самое, — задумчиво произнес король, переводя затуманенный взгляд на портрет покойной жены над камином. Сын недовольно скривился.

— Почему ты не смог завоевать ее любви? И как она могла бросить МЕНЯ ради чужака?!..

— Не смей ЕЕ осуждать! — Резко прервал наследника король. — Как бы я не относился к Вориндо, но память Вэро для меня священна! И мне хотелось бы, чтобы ты наладил отношения с братом… хотя бы ради собственного мужа.

— Придется, — буркнул недовольный принц. — Мы уже… пообщались. Кстати, Итарон предложил вариант, при котором Баррэт будет не сыном королевы, а ребенком ее младшей сестры. Это поможет объяснить наличие родственной ауры у бастарда. И сохранит честь моей матери. Насколько мне известно, моя тетка давно благополучно почила и не сможет ничего опровергнуть. Ворональ согласился с этой версией. И ты, отец, зря за меня беспокоишься, думая, что я не налажу отношений с мужем. У нас с Рэниари несколько иные… отличные от ваших с мамой… обстоятельства. Рэни любит меня. Вот только он все еще дуется на меня за ту ночь. Ну, ничего! Я сумею заставить его забыть все обиды. Теперь он мой супруг, так что злиться ему не на что. Все, что я делал — я делал ради него.

— Даже когда произнес ТЕ слова? — Тихо уточнил король, рассматривая столешницу, заваленную документами и картами королевства. Сын нетерпеливо отмахнулся. — Да, я испугался своих чувств! Но я испугался и за самого Рэни. Я желал скрыть от других, как мне он дорог!

— Ты все никак не поймешь… — Сорондо гневно блеснул глазами, но все-таки решил не тревожить нахохлившегося сына. — Как же ты у меня еще молод! Слишком молод! Боюсь, не совершишь ли ты таких же ошибок, что и я в молодости. Ты так надеешься, что твой мальчик все забудет, простит и вновь вспыхнет любовью к тебе? Дай то вам боги начать все с начала! Но иногда бывает довольно и слова, чтобы разрушить столь хрупкое счастье. Ведь ты, постаравшись, вылил на него такой поток грязи!.. Ты старательно добивался, чтобы мальчишка не привязывался к тебе, не желая иметь перед ним никаких обязательств. Ты своего добился. И теперь утраченного не вернуть. Боюсь, твой муж все твои попытки воспримет всего лишь как желание покрепче его к себе привязать. А с годами ваши противоречия только усилятся. Что ты будешь делать, сын, если твой ненаглядный Рэниари, по которому ты сходишь с ума, вдруг влюбится, но не в тебя?

Откинувшись на спинку кресла, король впился взглядом в сына. На принца было страшно смотреть. Ненависть, ревность, страх… все эмоции разом отразились на его лице.

— Ты повторишь МОЮ ошибку? — Совсем тихо спросил Сорондо. — Я боюсь за тебя, сынок. Боюсь за твою душу. Я любил Вэро. Любил так, что невольно погубил своей любовью! Но твои чувства к Рэниари, подкрепленные вашим противостоянием и магическим притяжением Искры, это что-то невообразимое…

— Теперь поздно замаливать грехи и каяться, — прервал его наследник, ссутулившись в кресле.

— Никогда не поздно! — Возразил король. — Никогда не поздно… Лучше осознать свою ошибку и отпустить любимого, чем мучить того, кто дороже жизни. А потом проклинать себя, что сам… своими руками погубил любимого…

— Пожалуйста, отец… — глухо произнес Эд, пряча глаза от понимающего взгляда короля. — Прошу!.. не надо! Я сам разберусь. И… сделаю все, чтобы у нас было все хорошо. Я не допущу, чтобы Рэниари ушел от меня, как мама!

— Пусть боги помогут тебе, сын, — печально заключил старый король после долгого молчания. — Теперь только боги… ибо я не в силах. Нельзя приказать любить… и приказать простить тоже…

— Все наладится, — упрямо повторил Эд, сжимая ладони на резных подлокотниках кресла.

— Хорошо, — вздохнул король. — Кстати, меня недавно посетил Итарон. Поздравляю! У тебя будет сын, а у королевства наследник! Мы не стали беспокоить вас с Рэниари… вы были заняты. Что, настолько хорошо? — С невольным интересом уточнил Сорондо, отметив мечтательно затуманенные глаза сына.

— Он чудо!.. — восторженно выдохнул Эд: ему хотелось со всем миром поделиться своим счастьем. — И в постели у нас все хорошо. Даже больше — великолепно! Что только подтверждает мое предположение о его затянувшейся обиде. Он хочет меня не меньше, чем я его. Тело в такие мгновения не умеет лгать!

— А… все остальное? — Глаза Сорондо предвкушающее заблестели. Сын понимающе хмыкнул и зажег на ладони крупный шар магического огня.

— Великолепно! — С облегчением выдохнул король. — Просто нет слов! И как вовремя! Еще немного, и я уверюсь, что боги играют на нашей стороне.

— Что, все так плохо? — Переспросил Эд, играясь с размерами шара у себя на ладони. Его отец только досадливо вздохнул.

— Ты же сам читал донесение разведки. Мисиран готовится к войне. Правда, сами они заявляют, что желают разделаться с кочевниками на своих западных границах. Но все это шито белыми нитками. Какие кочевники в Пограничье? Всего лишь малочисленные банды. А я теперь не уверен в верности Ваоттиро. Хотя сам Аминел и поклялся не нарушать договоров, но…

— Так, может, решить проблему иным путем? — Хищно оскалившись, предложил Эдмир.

— Нет, — после долгого размышления отверг этот вариант Сорондо. — В таком случае герцогом станет Дориан. А в его благоразумии я и вовсе не уверен. Если же ликвидировать всю герцогскую семью, то на границах наступит хаос. А это еще хуже. Как жаль, что невозможно выдать твоего кузена Айрэ прямо сейчас за князь-герцога Приграничья! Это обезопасило бы нам западные границы взамен Ваоттиро. Но Лиссаэроу не может раньше времени прервать траур по умершей родами жене. Так что придется ждать весны. Думаю, мы сумеем продержаться.

— Не забывай о Фейринеле, — Эдмир рассеяно потер ладонью подбородок, рассматривая карту

материка на отцовском столе. — Он не простит, что я забрал Рэниари.

— Князь не в том положении, чтобы конфликтовать с нами, — ответил Соронdo. — Но вот если на Хилдон нападут, тогда да… он не упустит возможности вырвать из нашего подбрюшия кусок покрупнее.

…Ночная столица жила своей жизнью. Тайной, опасной и бурной. Непонятная суета, мелькание теней в плохо освещенных переулках и улочках Старого города, чей-то вскрик, чей-то смех, чей-то плач… Стража предпочитала не заходить сюда из богатых кварталов. Слишком опасно. Здесь твердой рукой правили главари городского дна. И горе тому, кто рискнет бросить им вызов. Но Сиорол не боялся ничего, с пренебрежительным высокомерием шагая по самой середине кривой, плохо вымощенной улицы. И местные шакалы, чуя в чужаке дикого волка, трусливо уступали дорогу, предпочитая не связываться с заведомо опасной добычей.

Бывший лорд, бывший дворянин, бывший владелец огромных владений… Сио был доволен и натянут словно стальная струна. Его то и дело пробирала мелкая, болезненная от напряжения дрожь. Все было готово к завтрашнему дню.

Завтра все решится…

Или сработает план Дориана. Или же он приступает к исполнению собственного плана.

Короткий, жалобно-болезненный вскрик в соседнем переулке лишь на миг привлек внимание изгоя. Сиорол и вовсе бы не обратил на него внимания, если бы ему не нужно было именно туда сворачивать.

Мягко ступая, мужчина приблизился к группе не заметивших его людей. Судя по обтрепанным живописным плащам и разнообразию колюще-режущего арсенала, перед ним была ночная братия. Те, кого старались лишний раз не задевать даже самые злобные грабители. Одинокий магический фонарь, слабо светящий от старости, раскачиваясь на ветру, бросал зыбкие тени на эту часть улочки. Сио было беспричинно весело, и он, прислонившись плечом к глухой стене дома, приготовился насладиться самой жизнью поставленной сценой. Нарваться на клинок он не боялся — у бывшего лорда было настроение подраться, чтобы выпустить лишнее напряжение. Так что он только обрадовался, если бы бретеры принялись его задирать.

Пять высоких, атлетических фигур кого-то поймали. Зажатая между ними невысокая жертва, судя по одежде — парень, громко сопя, пыталась вывернуться и сбежать. Но пятерка, похохатывая, только забавлялась, лапая свою добычу. И явно собиралась развлечься, разложив ее прямо тут.

— Пустите!.. — донесся до Сиорола смутно знакомый голос. — Я не уличный мальчик!..

— Так это еще лучше! — Радостно отозвался кто-то из бандитов. — Люблю чистеньких!

Гогот его подельников глухим эхом заметался между темных домов. Никто из обывателей не вышел на отчаянный вскрик мальчишки. А метнувшийся фонарь высветил запрокинутое, бледное лицо с излишне резкими чертами, закушенную до крови пухлую губу… и безнадежный взгляд, на миг просиявший индиговой вспышкой.

Тот лекарь… Галчонок!

Сио тут же отлепился от стены, мигом подобравшись. Все эти дни он не вспоминал о ершистом

мальчишке. Но, что уж греха таить, иногда ночами ему виделись синие глаза юного лекаря.

Парня надо было спасать. Хотя бы в благодарность за ТО спасение.

Но почему лекаря вообще зажали на улице столь опасные типы? Насколько Сиорол знал, среди бандитов столицы существовала негласная договоренность не трогать целителей. Надо послушать. Судя по всему, в ближайшее время парня не собирались резать.

— Не надо! — Ойкнул парнишка, вжимаясь в стену и пытаясь отодрать от себя жадные руки, лезущие ему в штаны. — Ну, пожалуйста!..

— Вот что, малыш, — наклонился над ним один из убийц, властно тиская угловатое тело Галчонка. — Нам тебя заказали.

— ЧТО?!.. — парень в шоке даже перестал вырываться, застыв под руками своих будущих насильников. — Но я же… Кому я нужен?..

— Значит, кому-то нужен, — коротко хохотнул главарь. — Причем заказ был особенным. Твоя смерть должна быть мучительной и долгой.

Даже в полумраке переулка стало видно, как посерел несчастный парень.

— Почему… — только и смог произнести парнишка. Главарь по-хозяйски погладил его по темным волосам.

— Тебе виднее, кого ты смог ТАК разозлить, — отозвался он, берясь обеими руками за пряжку пояса и собираясь его расстегнуть. — Но у нас есть другое предложение… Ты нас сам обслуживаешь и умираешь легко. Расчленить твое уже мертвое тело не так больно, как резать живое. Согласен?

— Живым вы меня не оставите… — глухо пробормотал Галчонок, прижимая к груди свою лекарскую сумку. — Хотя бы скажите, кто меня заказал.

Главарь равнодушно пожал широкими плечами, приспуская штаны: — Ничего не могу сказать, кроме одного — он был молод, и у него такие же синие глаза, как и у тебя.

— Нет! — Беззвучно ахнул Галчонок, белея в полумраке ошеломленным лицом. — Как ОН мог?! Я же ЕМУ не соперник!..

— Твое решение? — Холодно поинтересовался главарь, уже стоя с гордо вздымающимся членом и спущенными до колен штанами.

— А не пойти ли вам самим себя удовлетворять!.. — вдруг с отчаянной решимостью смертника выдал напрягшийся Галчонок, согнувшись как для прыжка. — Если уж мне суждено сдохнуть, то хотя бы умру человеком, а не половой тряпкой!

— Какие громкие слова, — восхитился бандит, с наслаждением проводя рукой по своему крупному члену: в воздухе расходился удушливый аромат давно не мытого тела. — Вот только они тебе не помогут легко умереть. Мы тебя все равно отымеем, а потом исполним волю заказчика. Держите его, парни!

Несчастный лекарь замер, жалко выставив перед собой как защиту потрепанную сумку, и приготовился сражаться не на жизнь, а на смерть. Вот только вместо чужих рук ему в лицо

mir-knigi.org

вдруг плеснула густая струя из перерезанного горла главаря. И не успели бандиты опомниться, как еще двое из них сложились на мостовой неопрятными кусками.

— Я же советовал тебе не хамить серьезным дядям! — Жутко улыбнулся Сиорол, выступая из темноты, пока ошеломленный лекарь смотрел непонимающим взглядом на безвольные тела у своих ног. — Дяди могут рассердиться!

Юный целитель даже не понял, как в переулке из живых остались только они двое. Галчонка трясло от ужаса, неверия, шока. Он так и продолжал прижимать к груди набитую чем-то сумку, крупно дрожа от скользнувшей мимо смерти, задевшей его лишь краем покрывала. Только ногами переступил, чтобы отодвинуться от расплывающейся из-под трупов темной лужи.

Глава 18

— Ну, что ты… что… — очень тихо и очень осторожно Сиорол обнял спасенного за узкие плечи. Почему-то с этим нескладным мальчишкой хотелось быть бережным, нежным…

— Все хорошо… идем отсюда.

Сио нашарил в кармане один из амулетов-порталов, выданных ему Дорианом. Внешний вид дома мальчика он помнил неплохо.

— Ты в безопасности, — продолжал успокаивать парня бывший лорд, пока Галчонок трясущимися от пережитого ужаса руками пытался открыть запертую дверь дома. Отобрав у парня ключ, мужчина сам отомкнул замок, и полуввел-полувтащил лекаря в дом, со скрежетом задвинув тяжелый засов на входной двери: так, чтобы Галчонок услышал и почувствовал себя, наконец, в безопасности.

— Все уже закончилось!.. — прошептал он, слегка касаясь губами вспотевшего виска юноши и с упоением вдыхая знакомый травяной аромат его волос.

— Нет… — отчетливо вымолвил вдруг Галчонок, звучно клацая зубами и продолжая крупно дрожать. — Ничего не кончилось!

И вцепившись руками в камзол своего спасителя, принялся взахлеб вываливать наболевшее. Сиоролу оставалось только молча слушать сумбурный рассказ, крепко сжимая в объятиях дрожавшее тело и поглаживая узкую спину, прикрытую дешевой, грубой тканью простой куртки.

…Как быть, если тебе всего двадцать пять, и еще пять долгих лет осталось до совершеннолетия… Как быть, если ты сын могущественного мага, и не нужен своему отцу, потому что не обладаешь его силой… А ты любишь его …своего отца… и гордишься им. Он вырастил тебя с ранних лет, взяв к себе после смерти матери, одной из своих многочисленных любовниц. Ты рос в его доме вместе с другими сводными братьями и сестрами, и с первого дня знал, что именно из них отец когда-нибудь выберет главного наследника, что унаследует титул и все его богатства. Так было принято в семьях магов, частенько не имеющих времени на полноценную семью… связанных магическими контрактами со своими нанимателями. Потому и собирали они плоды случайных связей, чтобы затем усыновить самого перспективного из детей. Вот и идут промеж магического потомства потаенные интриги за внимание родителя и за право быть первым. А ты с самого детства не отличаешься ни красотой, ни магическим потенциалом. Ты добиваешься кропотливым трудом того, что остальные твои братья делают

mir-knigi.org

играючи… И ты сам, добровольно, отошел от дележки наследства! Надеясь лишь на одно — быть в семье. Пусть в такой, но семье. Но даже это твоим братьям показалось подозрительным, и ты покинул отца, перебравшись в мамин старый домик. И только время от времени навещаешь родительский особняк… И ты видишь, как один за другим умирают твои братья и сестры: кто от отравы, кто от магического истощения, кто от ножа в спине. Остаются только самые сильные, самые коварные, самые талантливые… И как отец одобрительно смотрит на борьбу собственных детей. Но ты все равно продолжаешь ходить в тот дом, потому что там живет тот, кого любила мама, и кто дал тебе жизнь. Но как-то не выдерживаешь, узнав об очередной смерти… смерти самого младшего братишки… единственного, кто относился к тебе по-хорошему. Вся вина этого позднего ребенка была в его великой силе… не проснувшийся… дремлющей, но силе! Именно на нем все чаще и чаще останавливался задумчивый взгляд отца, именно его старый маг выделял все больше и больше. И вот малыш умер. Однажды не проснулся утром… И ты, раздавленный болью утраты, в запале выкрикиваешь наболевшее опешившей от изумления родне… кричишь им в холеные лица, что они пауки… что жрут себе подобных! И вдруг слышишь холодный голос отца, заявляющего, что ты ему не сын… что у него не было и не могло быть настолько магически слабого ребенка!.. Что ты бесполезен даже в роли младшего мужа — кто возьмет в постель такого урода… такого трусливого слюнтяя, что боится сражаться за место под солнцем! И чтобы ты навсегда убирался в свои трущобы и забыл о родстве с уважаемым семейством… И как ты, спустя всего пару дней после изгнания, встречаешь своих убийц и узнаешь, что заказал тебя твой старший брат, которому ты никогда не был конкурентом, но который явно решил выслужиться перед отцом…

Сиорол и сам не заметил, как принялся нежно целовать своего непутевого мальчишку, столь прямого и честного… влипающего во все неприятности. Своего встрепанного Галчонка, пахнущего луговыми травами и солнцем, столь чистого душой…

Губы юноши горчили от слез и отвечали так жадно и неумело, что одно только это сводило с ума! Как и его руки, с внезапной требовательностью вцепившиеся в плечи мужчины.

— Тише, Галчонок!.. ласковый мой!.. — горячечно шептал между поцелуями Сиорол, торопливо срывая с мальчишки его немудреную одежку. Парень не протестовал, сам помогая себя раздевать, сам тесно льнул к горячему телу того, кого считал простым убийцей. Дрожь все еще временами сотрясало его худое тело, но Сио все шептал о том, какой он хороший, смелый, самый лучший! И Галчонок со все большей доверчивостью льнул к горячим рукам мужчины, начиная нетерпеливо постанывать ему в губы, особенно когда пальцы Сио по-хозяйски пробрались в его штаны, ласково поглаживая низ живота.

…Как они оба, обнаженные, очутились на постели, не мог потом вспомнить ни один из них. Только в какой-то момент Сиорол сумел-таки оторваться от раскрасневшегося, тяжело дышавшего мальчишки и беспомощно оглянулся.

Вот ведь непруха! Для парня это явно первый раз, а чем его подготовить — непонятно. И где в чужом доме искать банальную смазку, чтобы не порвать уже ничего не соображающего Галчонка? Не тормошить же невменяемого хозяина, погруженного в новые для себя ощущения?!

К счастью взгляд зацепился на знакомые очистительные амулеты, сваленные аккуратной кучкой на столе поблизости. Простенькие, одноразовые, как раз такие, какие и смог бы сделать слабенький маг. Видимо Галчонок подрабатывал изготовлением подобных вещиц. Вот и хорошо!

Дотянувшись до амулетов и свалив по пути на пол какие-то травяные брикеты, Сиорол активировал один из камешков. И встал на колени между согнутых в коленях ног возбужденного парня.

…Какой же ты красивый, малыш! И кто тебе сказал такую глупость про твое уродство?! Посмотреть бы на этих придурков. Ты не худой — всего лишь худощавый, с неплохо развитыми мышцами, красиво обрисованными под гладкой кожей. Конечно, тебе далеко до настоящих воинов… у них все тело словно канатами перевито… вот, как у меня!.. а ты гибкий, легкий, но не хрупкий! Такой милый в своем отчаянном смущении! Чуточку нескладный и еще по-детски угловатый, но это уже скоро пройдет… уже теперь видно, каким красивым мужчиной ты будешь… мой синеглазый мальчик!

Мои грубые от оружия ладони жадно скользят по твоему телу, заставляя его вздрагивать от предвкушения и толики страха. Ты тяжело дышишь… взахлеб!.. а губы у тебя потемнели от моих ласк! Вот так… провести кончиками пальцев, вычерчивая каждый кубик пресса… ты непроизвольно издаешь смешок… боишься щекотки?.. Поласкать заалевшие комочки сосков, погладить часто вздымающуюся грудь. А потом крепко взяться за твои плечи и с удовольствием наставить тебе и зубами и губами красных меток на шее… Скользнуть ладонями по таким беззащитным бокам под поясницу… лечь на тебя всем телом, потеревшись напряженными сосками о твои. Вновь вырвать полустон-полувсхлип… чуточку сползти вниз, выцеловывая все, что подвернется: подбородок, шею с дрожащим от напряжения кадыком, точеные плечи и выступающие косточки ключиц. Отвлекать тебя своими ласками, пока ладони разминают напряженные ягодицы, то и дело скользя пальцами в щель между ними… то и дело прикасаясь к сжатому колечку входа… И намерено обходя вниманием вставший член, сейчас прижатый между вашими телами… влажный и скользкий от выступившей смазки!

Самому уже невмочь… не хочется ни о чем думать, только войти в разгоряченное ласками тело под собой, что так доверчиво принимает твои нахальные руки. Но нельзя!.. Нельзя спешить… нельзя сделать больно!

И ласкаешь, забывая про себя… доводишь до исступления неопытного мальчишку, что уже на все готов, только бы ты прекратил сладкую муку!

И только бы продолжил ее…

Милый, ты уже бьешься подо мной, словно выброшенная на берег рыбка, насаживаясь сразу на два моих пальца. Тебе так хорошо, что ты не замечаешь дискомфорта в этот миг. Еще бы! Ведь я, наконец-то, касаюсь в ласке твоего члена, кончиками пальцев обводя каждую набухшую венку, надавливая на основание и лаская тугие яички! Тебе уже мало нежности, ты хочешь все сразу… сильней, жарче, быстрей!..

В какой-то миг, не выдержав, Сиорол закинул себе на плечи покорно вскинутые ноги юноши и навалился, входя в него медленно и неотвратимо. Крупный член мужчины осторожно раздвигал тугое колечко ануса, проникая во влажную, такую шелковистую и тугую глубину. Амулет по максимуму облегчил неприятные последствия. Но все равно, потерявшийся было в вихре удовольствия Галчонок, осознав внутри себя куда как больший чем пальцы орган, застонал и замер, старательно дыша и стараясь расслабиться всем телом. Как лекарь, он хорошо знал, что нужно делать в такие моменты. А Сио, войдя до конца, замер, с ума сходя от тугого жара, обхватившего его. Мужчина с трудом сумел удержаться от немедленных толчков. Остановили его сузившиеся до булавочных головок зрачки Галчонка, и его до белых костяшек вцепившиеся в покрывало пальцы.

И Сио терпеливо ждал, до синяков непроизвольно сжимая руки на бедрах партнера. И, наконец, дождался!

Мальчишка вскинул тонкие руки, обнимая мужчину за шею. Тонкие пальцы Галчонка запутались в волосах Сиорола, чуть оттягивая его голову назад. Но тот лишь коротко фыркнул, с трудом расцепляя на бедрах мальчишки пальцы и упираясь кулаками в постель по бокам от любовника. И сделал первый… осторожный!.. толчок, наблюдая за реакцией парня. Тот заметно расслабился, принимая в себя тугой корень мужчины. Член парнишки немного опал от боли проникновения, но Сио знал, что ничего непоправимого не произошло. Просунув ладонь меж их телами, он приласкал Галчонка, продолжая размерено двигаться внутри него, умело играя с углом проникновения.

Глаза мальчишки вдруг закатились, и он задрожал, поочередно цепляясь руками то за широкие плечи Сиорола, то за его волосы, влажные от пота.

— Быстрее!.. — с трудом просипел он, неумело толкаясь навстречу. Мужчина только криво ухмыльнулся, начиная двигаться яростно и рвано, вонзаясь как можно глубже, сам сходя с ума от частых звонко-влажных шлепков их тел. Галчонок, не выдержав напора, закричал в голос: жалобно и сердито, не получая того, что хотел. Но Сиорол не собирался добиваться разрядки так быстро. В его планах было долговременное и сладкое изматывание партнера. И пусть в глазах уже прыгают цветные мушки от перенапряжения, он сделает все, чтобы неопытный мальчишка с радостью вспоминал свой первый раз!

— Нет!.. — беспомощно всхлипнул Галчонок, когда Сио намеренно изменил ритм, вновь замедляясь. Парень попытался было самостоятельно двигаться, но не смог, придавленный тяжелым телом мужчины, что принялся в ответ играться с его напряженными сосками, слегка их пощипывая и выкручивая.

— АААА!!!.. — выгнулся от удовольствия на грани с болью Галчонок, пытаясь неосознанно прижаться к более крупному партнеру. — Сссдееелай жжжеее что-нибуууудь!.. Свооооложччч!..

Но Сиоролу было не до разговоров. Он с трудом удерживал над собой контроль, продолжая изысканно мучить мальчишку. Сам же Галчонок, как ни старался, кончить не мог, сбиваясь с настроя от все время меняющегося ритма толчков. А руки его, тянущиеся к паху, мягко отводил или придерживал сам Сиорол.

…Сколько эта игра продолжалась, никто из невольных любовников не мог сказать. Первым, как ни странно, не выдержал намного более опытный Сиорол. В какой-то миг мужчина просто сорвался, окончательно потеряв над собой контроль, и с глухим рыком принялся вдалбливаться в покрасневший зад закричавшего от облегчения парня. Его освобождение оказалось даже немного болезненным от слишком долгого сдерживания, но Сиорол принял его с радостным облегчением, заполняя горячим семенем бьющееся тело под собой.

И навис над Галчонком, с трудом удерживаясь на дрожащих от напряжения руках. Из него словно разом все жилы выдернули! Но Сио все-таки нашел в себе силы потянуться к паху все еще двигавшегося под ним невменяемого Галчонка. Но не успел прикоснуться к покрасневшему от прилитой крови члену мальчишки, как тот гортанно вскрикнул, и на живот мужчине брызнула обильная струйка, сразу распавшаяся на белесые потеки, источающие пряный аромат…

Потом они оба лежали расслабленные до невозможности. Сил не было подняться и привести себя в порядок.

Наконец, Галчонок все-таки выдернул из-под них покрывало и вытерся им, вытягиваясь на спине поверх сбитых, но чистых простыней. Сио последовал его примеру, обняв затем засыпающего мальчишку: тела обоих быстро остывали, и пот неприятно холодил кожу. К тому же семя, высыхая, работало как плохой клей.

— Надо вымыться… — в конце концов, пробормотал Галчонок, делая вялую попытку подняться с узкой кровати, на которой они лежали, переплетясь всеми конечностями. Но ладонь Сиорола властно придавила парня к комковатому матрасу. Мужчина, приподнявшись на локте, навис над ним.

— Тебя как хоть зовут? — Спросил Сио, разглядывая все еще розовое от страсти лицо любовника.

Невозможно-синие глаза Галчонка неверяще распахнулись… пухлые губы дрогнули… на них медленно заползла немного сумасшедшая улыбка. А затем парень принялся хохотать во весь голос, катаясь по постели и едва ли не повизгивая от восторга.

— Ты чего?.. — не понял его веселья Сиорол. Но Галчонок только головой мотал, не в силах просмеяться.

— Ну, ты даешь!.. — выдал, наконец, он, немного успокоившись. — Сначала затащил в постель, и только теперь имя спрашиваешь!

— А все-таки… — тоже улыбнулся комизму ситуации мужчина, с удовольствием целуя гладкие плечи парня.

— Я Мориэль, — назвался Галчонок. — Меня так из-за глаз назвали… А имени рода у меня больше нет!

— Я Сиорол… Сио… — шепнул мужчина, вновь обнимая свое бедовое счастье. — И у меня тоже нет имени рода…

Свадебный наряд был великолепен.

Нежный, золотисто-белый шелк с аквамариновыми вставками. С целой россыпью бесценных жемчужин. С изумительной вышивкой золотом и серебром.

Камзол, брюки, рубашка, короткий плащ. Изукрашенные полусапожки из тонко выделанной замши. Они гордо стояли на специальной подставочке рядом с деревянной болванкой, на которой висел наряд. Манекен этот только что торжественно вкатили в обширную гардеробную консорта довольные своей работой портные.

Рэниари задумчиво рассматривал это великолепие, пока молчаливые слуги занимались его внешностью и прической. Юноша, обряженный лишь в кружевное белье, стоял среди высоких зеркал, сделанных из цельных пластин серебра. Белья этого… тонкого, затейливого, похабно-короткого и прозрачного до неприличия… оказался целый шкаф! На вопрос, что ЭТО, консорт получил ответ, что таково желание его старшего мужа. После чего осталось лишь пожать плечами и одеть то, что предложили. Вот только реакция Эдмира на это безобразие была, гм… несколько неожиданной. Старший принц, увидев вечером раздевающегося супруга, словно обезумел — выгнал всех из покоев и долго, яростно-нежно имел его, уделив особое внимание кружевной детали нижнего гардероба. Не сказать, что Рэниари не понравилось, но… на его взгляд телесной близости в их союзе был явный перебор! Но Эдмир, будь его воля, и вовсе бы

мужа из постели не выпускал.

Так что сейчас Рэни терпеливо замер посреди комнаты в очередной кружевном «шарфике» (иначе и не назовешь… хорошо хоть в не ленточке или шнурочке!), дожидаясь, когда ему сделают прическу. По приказу Эдмира у него вновь были длинные, до колен, волосы. А учитывая их объем, весила эта грива немало, существенно оттягивая голову назад. И даже не сядешь — парикмахеру отчего-то нужно, чтобы он стоял.

Тяжелые, золотые пряди, отмытые до скрипа в душистых водах, с чуть слышным потрескиванием струились, переплетаясь сложными косичками и локонами. Ловкие пальцы слуг осторожно перевивали их частыми жемчужными нитями. Рэниари мог навскидку указать цену, качество и место добычи каждой жемчужины: знание рынка драгоценностей вбивалось в него как в будущего управителя семейных владений. И, честно говоря, юноша был против подобного расточительства — сейчас у него на голове сооружали настоящую сокровищницу. На свадебный наряд и то пошли камни куда меньшей стоимости. Но приказывать слугам прекратить их работу не стал: за последнее время Рэниари убедился, что находившаяся под магическим заклятием прислуга выполняла свои обязанности очень скрупулезно — заботилась о нем, защищала, но не выполняла ни одного приказа, что шел вразрез с полученными инструкциями наследника, на которого и были «завязаны» все эти люди. Раз его старшее высочество приказало максимально украсить супруга, значит, так тому и быть. Спорить было бесполезно. И как ни хотелось Рэниари до зубовного скрежета решить все раз и навсегда с Эдмиром, но ему пришлось смириться… затаиться до времени. И ждать подходящего случая, чтобы поменять свое окружение. Привезти из Цитадели знакомую с детства прислугу старший муж запретил, так что приходилось довольствоваться предложенным вариантом.

Наконец, измывательство над его волосами прекратилось. И юношу принялись бережно облачать в свадебные одежды. Тишина в гардеробе, прерываемая только шуршанием ткани, легким постукиванием драгоценностей и слабым дыханием суетящихся вокруг него людей, не просто угнетала. Она бесила до невозможности! Не было привычного говорка служанок, шепотков, смешков, покашливания, готовности поделиться всеми сплетнями на свете.

Не было НИ-ЧЕ-ГО, кроме этого призрачного шелеста!

И если Эдмир думает, что он будет терпеть подобный вакуум, то дражайший супруг ОЧЕНЬ сильно ошибается! Да он с ума сойдет от этой тишины! К тому же, через такую прислугу не узнаешь ни одной придворной новости. И как прикажете здесь существовать, ничего не видя и не зная?!

Рэниари зло сощурился, искоса гладя на себя в зеркало. Эту науку, слушать слуг, преподал ему еще отчим. Асин всегда говорил, что те, кто вертится подле господ, подчас знают больше любой разведки мира. В чем юноша убедился лично, находясь в стенах Старой крепости. Там его окружали обычные люди, с которыми можно было наладить контакт. Благодаря чему он был в курсе происходящего вокруг него.

Нет, надо все ЭТО менять. Вот только переть в лоб, требуя для себя свободы — не лучший способ…

— Ваше высочество, вы готовы! — В тишине гардеробной внезапный невыразительный голос слуги прозвучал подобно грому. Рэниари даже вздрогнул от неожиданности и внимательно посмотрел на свое отражение. В глубине магически обработанной поверхности отображалось нечто солнечно-прекрасное и воздушное. Мечта, а не жених!

Вот и хорошо, пусть все в Храме видят только красивую мордашку, и не думают о нем, как о серьезном Игроке.

Напоследок слуга с самым бесстрастным выражением лица провел пуховкой по лицу юноши, убирая под его глазами заметные тени от усталости. Позади другой прислужник поправил локоны. И все слуги разом отступили от своего «хозяина», склонившись перед ним в глубоком поклоне.

— Вы довольны, ваше высочество? — Прозвучал очередной бесстрастный голос. Рэниари захотелось скривиться, но он сдержался. В конце концов, эти люди не виноваты, что согласились на магическую клятву. На таких местах слишком много платили, а у всех них есть те, кому эти деньги пригодятся.

— Вполне! — Ровно отозвался он, выходя из гардеробной.

Миновав спальные покои, Рэниари в сопровождении навязанной ему свиты, прошел в свою личную приемную, где уже ждал король.

Тесть с невольным восхищением поднялся ему навстречу.

— Как же ты красив, мальчик! — Ласково произнес мужчина, по отечески целуя бесстрастного Рэниари в прохладную щеку. — Надеюсь, ты сделаешь моего сына счастливым!

— Несомненно, ваше величество! — Не удержался от шпильки юноша. Еще бы Эду не быть счастливым! Целыми сутками демонстрирует ему свое счастье в постели! А потом уходит тренироваться с магами, учась контролю над выкаченной из личной Искры силой! — Я более чем уверен, что мой супруг не разочарован этим браком. Вот только сомневаюсь, что МЕНЯ он сделает счастливым. Но я даю слово, что не буду ему мешать пытаться.

— Рэни!.. Рэниари, — неловко вымолвил король, не глядя на юношу. — Я знаю… понимаю… Тяжело простить того, кто предал тебя хоть раз! Кто повел себя… не слишком хорошо… и добился тебя силой. Но, мальчик, постарайся понять мужа и простить его… хоть когда-нибудь! Иначе вы оба не сможете жить в таком холоде. Хотя бы не презирай его… попробуй уважать как будущего правителя…

— А кто вам сказал, ваше величество, что я не уважаю своего супруга? — Голос юного консорта не дрогнул, оставаясь все таким же безупречно-вежливым. — И уж тем более не презираю Эдмира. Я вообще не чувствую к нему ничего — ни ненависти, ни любви. У нас с его высочеством есть то, что связывает нас намного крепче быстро проходящей влюбленности. Для брака, что преследует политические цели, это лучший вариант. Любовь проходит, а общие интересы остаются. Я ношу вашего наследника, я уважаю мужчину, который стал отцом моего сына. Он всеми силами добивался меня, чтобы обезопасить свое королевство. Он получил меня, а я получил защиту для себя и своей семьи. Зачем сюда еще впутывать какую-то любовь? Она лишь затуманивает разум, мешая мыслить здраво. В этом я лично убедился, когда… как мне казалось… потерял разум, встретив неподходящего человека. Но, уверяю вас, я уже давно излечился от этой глупости. И теперь смогу составить достойную пару вашему сыну и наследнику.

Король молча выслушал ровный ответ юноша. Без гнева и без упрека. Только головой покачал, внимательно рассматривая бесстрастного, умопомрачительно красивого мальчика, ставшего его зятем.

— Рэни, просто подумай над моими словами. Не хочу, чтобы твое равнодушие однажды

обернулось ненавистью к моему сыну, — Сорондо направился к дверям. — Мы будем ждать тебя в храме, мальчик.

…Сопровождаемый толпой роскошных дам, вельмож и дворцовых гвардейцев, Рэниари, расправив плечи и гордо вскинув голову, появился во внутреннем дворе Западного крыла замка. Величественно шествуя под приветственные крики многочисленных зрителей, юноша только что не хихикал, вспоминая, как бесился Эдмир, когда им обоим сообщили, что по традиции женихи должны направляться в храм разными дорогами! Ох, и орал старший принц на распорядителя торжеств, пока не вмешался сам король, заявив сыну, что его одержимость мужем доходит до абсурда. Но больше всего Эда взбесило, что его драгоценная Искра будет один среди целой толпы озабоченных типов… да еще и без его пригляда!

Толпа действительно была немаленькая. Слава богам, хоть Баррэт с Лораном с помощью гвардейцев не подпускали к консорту экзальтированную публику. Надменная аристократия словно взбесилась, пытаясь хотя бы прикоснуться к супругу наследника. Или это действует пресловутый магнетизм Искры?

Как бы то ни было, но продвижение к богатой (и закрытой по приказу старшего принца!) карете сильно замедлилось. Безмятежно улыбающегося Рэниари засыпали цветами, зернами пшеницы и конфетами. Последнее не вдохновляло: юноша с детства не любил эту приторную гадость. А тут разноцветные марципаны непрерывно сыпались с верхней галереи дворца, где расположилась прислуга (судя по конфетам и засахаренным лепесткам роз — кухонная). Прилипнет такой подарочек к волосам, потом не отдерешь!

Бедняга Баррэт с трудом успевал отмахиваться от липуче-колючих (розы!) подарков. В отличие от своих мужей, что явно наслаждались спектаклем, во всю дегустируя то, что успевали словить.

Герцог Вэон, шедший совместно с Айрэ Келлиадиром по другую сторону от Рэни, только вымученно улыбался. А вот беднягам гвардейцам, расположенным по бокам процессии, их миссия особенно не доставляла удовольствия — весь поток цветов и конфет, приправленный зерном, пришелся на начищенные доспехи и новенькие плащи. «Еще бы кто перья из подушки выпустил!» — С невольным юмором подумал Рэниари, косясь на колоритнейшую после такого «дождя» охрану. — «Ну, и видок был бы!»

За спиной принца-консорта двигалась немногочисленная личная свита, на которую, скрипя сердцем, согласился его старший супруг. Действительно, было бы подозрительно, если б Эдмир запретил мужу иметь собственных придворных, положенных Рэниари, как новому Келлиадиру. Так что, раздосадованный законами, что нельзя было отменить, Эд разрешил своим ближайшим друзьям приблизиться к супругу, предварительно жестко предупредив, чтобы не смели ни о чем и мечтать! А так как старшие наследники родов обязаны были присутствовать в храме в составе свиты наследника, то благоразумный Эльмаран Коразз был разлучен со своим братцем. И рядом с консортом остался безбашенный Валиэль с молодым маркизом Деззионом в обнимку. Те еще бабники, судя по случайно услышанным сплетням. Однако парочка за спиной Рэниари была слишком увлечена друг дружкой, чтобы мечтать залезть в постель наследника престола.

Исключение составлял герцог Вэон, который, будучи старшим в роду, входил в свиту консорта. Но Лорану Эд доверял безмерно, и сам лично просил его присмотреть за супругом.

Остальная толпа придворных валила немного в отдалении, что не могло не радовать…

…Стоя на верхней галерее дворца, куда по случаю праздника разрешили доступ прислуге, Сиорол, стараясь не выделяться, тоже что-то орал и даже бросил пару горстей зерна, зачерпнув его из чанов, притащенных возбужденными всеобщей радостью поварятами. Ему подсовывали еще и корзины со сладостями, но лорд-изгой сумел отвертеться: руки ему нужны не липкими.

Многочисленная прислуга вокруг веселилась на всю катушку. У кое-кого в руках мелькали оплетенные лозой бутыли с вином. Пить что-то более крепкое опасались — за пьянство выгоняли нещадно. Но выпить пару глотков легкого вина за здоровье молодоженов — это ведь не преступление?!

Вот и пили, передавая бутыли вдоль широкой, крытой галереи, что нависала над внутренним двором замка.

Сиорол, пользуясь моментом, сильно перегнулся через каменную балюстраду, осматривая двор и нижние галереи, заполненные мелкой знатью вперемешку с высокопоставленными слугами и офицерами гвардии. Да и кто на него внимание будет обращать в такой-то суматохе — мало ли народа во дворце? Всех и не упомнишь.

Отсюда, с верхотуры, вид на бушующую внизу толпу был великолепен! Обширный боковой дворик, примыкавший к покоям принцев, расцветили пестрые наряды дам и кавалеров, блеск их драгоценностей и праздничные доспехи стражей. И все это бурлило, хаотично перемещаясь по двору и складываясь в прихотливую мозаику, пользуясь тем, что принц-консорт еще не появился.

Принц-консорт!

Мужчина удивленно скривился, пользуясь тем, что никому до него не было дела. Думал ли Сио, что презираемый им бастард, которого и он, и Руин, и лорд Ковур отказывались считать родичем, вознесется столь высоко?!

На какой-то миг закралась мыслишка, что если бы отец не решился захватить Цитадель, сейчас все они стали родней королю.

И все, включая несчастного кузена Руина, были бы живы…

Прислонившись плечом к арке свода, Сиорол приготовился терпеливо ждать. Как ни странно, но он был абсолютно спокоен. Даже дрожь предвкушения, снедавшая его последние сутки, исчезла без следа. Спасибо за то Галчонку.

Галчонок…

Синеглазый Мориэль…

Губы мужчины расползлись в мечтательной улыбке. Ночью этот девственник вымотался так, что даже не заметил ухода Сио. Мужчина честно пытался его разбудить, чтобы попрощаться, но парень лишь недовольно мычал в подушку, упорно пряча голову под одеяло. Бывшему лорду только и оставалось, что с нежной улыбкой поцеловать спящего мальчишку и уйти, закрыв за собой дверь. Сио оставил Галчонку дорогое кольцо — единственную вещь, что сохранилась у него от дома. Кольцо не несло на себе герба Круглого Холма, но было старинным и очень красивым. Мужчина любил эту безделушку, так как ее можно было использовать при стрельбе из лука — вместо кольца лучников. Вряд ли Мори сможет его носить — слишком большое — но хотя бы будет знать, что к нему еще вернутся.

А Сиорол собирался вернуться к этому парнишке.

Вот только решит все свои дела… чтобы возвращаться не просто так, а с чем-то.

Впрочем, он собирался оставить мальчишке еще один подарок. А именно — избавить от навязчивого внимания некоей личности. Из ночной, бессвязной болтовни пережившего эмоциональную встряску Мори, мужчина, неплохо знающий столицу, догадался, из какой тот семьи. И теперь пробирался предрассветными улочками к дому достопочтенного мага.

Нет, замахиваться на самого хозяина особняка, Сиорол не планировал. Не с его возможностями бодаться с могущественным магом. Но вот воткнуть кое-кому сталь в сердце он бы не отказался. Галчонок, находясь в шоке, и сам не заметил, насколько оказался говорлив, стремясь выплеснуть из себя пережитое. И теперь Сио легко проник в сад при доме, волчьим шагом скользя сквозь кусты колючего златоцвета. Он не боялся магических ловушек — Дориан снабдил его хорошими амулетами. Да и родовое умение позволяло видеть нити магии, опутавшие почти весь сад. И плевать, что рискует он не только собой, но и всеми надеждами могущественного Ваоттиро. Самым главным было спокойствие доверчиво уснувшего вчера у него на груди мальчишки, для которого Сио стал первым.

Ловко взобравшись по выложенной декоративными блоками стене к приоткрытым окнам угловой спальни, мужчина замер, а затем осторожно, словно тень, скользнул в сумрак комнаты, тут же замерев за плотной шелковой шторой. На окне оказалась какая-то полупрозрачная магическая дрянь, но Сио сумел ее миновать, не потревожив хищного клубка спящих нитей.

Вот только самого хозяина комнаты уже ничего не волновало. Он даже с вечера в кровать не ложился, оставшись сидеть в кресле у стола в компании со столь же безнадежно неживой гостьей. Судя по общим фамильным чертам, девушка приходилась и Галчонку и его братцу ближайшей родственницей.

Лица у мертвых были на удивление спокойными. Словно они уснули, безмятежно отставив в сторону недопитые бокалы с вином. Мужчина даже не поверил сразу глазам, дважды обойдя вокруг стола. Но сомнений не было — пауки продолжали жрать самих себя.

Брезгливо сморщившись, Сиорол вновь миновал сигнально-атакующую магическую паутину дома и направился во дворец, куда легко проник под видом слуги.

…Вопли во дворе внизу резко усилились — на ступенях парадной лестницы появился принц-консорт в сопровождении свиты. С галереи Сиорол видел все превосходно — и Баррэта с какими-то смазливыми парнями (судя по всему — супругами), и Вэона с племянником короля, и…

РЭНИАРИ?!

От мальчишки словно свет исходил!

Да что с ним случилось то?!.. что произошло такого, чтобы некогда просто симпатичный мальчишка ТАК расцвел?!

Сиорол во все глаза рассматривал консорта и не мог не понять одержимости наследника мужем. Такого хотелось не просто разложить и трахать! Таким хотелось владеть безраздельно, не делясь ни с кем!

Зря Дориан надеется вернуться к своему Эдмиру. Ваоттиро и рядом не стоял с бывшим бастардом. Таких, как этот золотоволосый парень, не забывают! Даже жаль убивать подобную красоту.

Но никто кроме него не свершит месть за погибших отца и Руина… за его собственную разбитую жизнь…

Помотав головой, Сиорол прищурился, оценивая расстояние.

Пора начинать.

С самого утра Баррэта все вокруг неимоверно бесило!

И прилипучий распорядитель, что все уши прожужжал, куда идти и что делать! И эта толпа вокруг, и внимание к нему лично, как к родичу самого консорта и недавно найденному племяннику покойной королевы. Когда этот пронырливый маг Итарон предложил скрыть более близкое родство с леди Вэролией, назвавшись сыном ее сестры, новоиспеченный граф не раздумывал ни минуты — честь его матери дорогого стоила. Да и для него с мужьями так было лучше: никто не тыкал в них пальцами и особо не обсуждал. Подумаешь, незамужняя девица родила вне брака… так ведь отец признал ребенка! А потом этот ребенок стал целым графом, да еще и породнился со знатнейшими родами в королевстве! Всем бы такими бастардами быть!

А еще больше воина бесила невозможность защитить племянника. Мальчишка Рэни принял весь удар судьбы на себя, защитив семью. А он, воин и самый старший в семье — не сумел! Да еще и приобрел сомнительное удовольствие в лице так называемого братца…

Баррэт тяжело вздохнул…

Отношения между ним и принцем не сложились с самого начала. Оба ревниво косились друг на друга, сравнивая и оценивая. Оба винили друг друга в смерти матери. Правда, и оба сдерживались, стремясь лишний раз не раздражать Рэниари. Но свое общение постарались свести к минимуму. Вот только за присланный портрет матери Барр был искренне благодарен «кузену»/брату. Портрет был подобран очень удачно: одно из немногих полотен, на которых совсем еще юная королева была запечатлена вместе со своей младшей сестрой, теперь якобы матерью графа Вороналя.

Ш-шшш-рх!..

Только привычка сдерживаться не позволила Баррэту сорваться, когда на голову ему был высыпан целый кулек конфет. Радостные Ло и Сэри тут же принялись обирать с него запутавшиеся в складках плаща лакомства. И это немного примирило мужчину с шумной толпой вокруг… особенно когда его мальчишки дружно поцеловали мужа под одобрительный свист окружающих. Даже Рэниари заулыбался не столь напряженно.

…Сиорол на миг зажмурился и, решительно вздохнув, раздавил в кулаке Сферу Молчания. Тут же стремительная волна магии накрыла почти всю галерею, заставив окружающих погрузиться в стазис. Действие столь мощного амулета было не слишком долгим, и стало возможным лишь благодаря тому, что Сиорол задействовал его внутри дворца, а не снаружи. Предварительно обезвредив парочку защитных амулетов замка. Именно этим он и занимался последних три дня, дико надеясь, что ослабление охранного комплекса не успеют заметить в предсвадебной суматохе — слишком незначительным был прорыв. Но именно он обеспечил

mir-knigi.org

сейчас убийце и время, и место действия!

Словно на учебном плацу Сиорол вскинул мощный, сработанный по особому заказу арбалет. Оружие было заранее припрятано в магически сделанной нише арки: никто, кроме самого мужчины не смог бы вытащить убойную игрушку из камня.

Насыщенный магией тяжелый болт скользнул в желоб.

Один… второй… третий…

До кареты оставалось всего пара шагов, когда что-то словно толкнуло Баррэта под локоть, заставив поднять голову. На самой верхней галерее, прямо напротив жениха со свитой, расползалась непонятная зона молчания: оттуда никто не высовывался, никто не кричал, и ничего не летело вниз!

Нет…

Один все-таки высунулся…

— Наверху!.. — Внезапный вопль барона Коразза… кажется, Валиэля… перекрыл шум вокруг. И пепельноволосый, синеглазый красавец, каким-то образом опередив всех, сшиб на гранитные плиты замешкавшегося Рэниари, прикрывая юношу собой. Барр рванул было следом, но возникшее на месте упавших пурпурное марево беззвучно отшвырнуло его назад, заставив болезненно проехаться по земле спиной вперед. И только благодаря тому, что оказался лицом к злополучной галерее, мужчина успел заметить, как убийца выпустил еще один болт.

…Время замерло…

И в этой тягучей тишине как в густой патоке двигался черный, чуть заметный росчерк болта… оставляя за собой слабо светящийся след… в сторону замершего столбиком, все еще ничего не понимающего Сэриэля…

…в невысокого, зеленоглазого блондина с не успевшей погаснуть улыбкой на блестящих от сладостей губах…

…одетого в тонкий шелковый костюм, расшитый золотом…

…в Сэри, который никогда не носил кольчуги под камзолом… да и не умел носить… в отличие от Баррэта с Лотэ…

Тело среагировало само.

Выкручивая связки и мышцы в каком-то запредельном рывке, Барр швырнул себя навстречу смерти.

Закрывая собой любимого…

И покатился по каменным плитам, в обнимку с мужем, ощутив, как с силой… вскользь… ударило по плечу, легко вспарывая богатую ткань камзола. И со злым взвизгом отскочило куда-то в сторону, так и не выпустив магического заряда, перехваченного королевскими магами.

mir-knigi.org

И время тут же очнулось, помчавшись вскачь!

Только сейчас на двор упала ошеломленная тишина, чтобы тут же взорваться еще большим гвалтом. Длинно, пронзительно, надрывно завопила какая-то женщина. К ней тут же присоединилась другая… третья…

Опомнившиеся гвардейцы вскинули щиты, отражая еще один болт. Набежавшие отовсюду маги дружно атаковали галерею с неизвестным, но, судя по радужному взблеску, тот защитился неслабым амулетом.

К Вороналю протолкался высокий блондин в мантии волшебника. Прищуренные серо-зеленые глаза словно бы выцвели от бешенства, а изысканному мату мог позавидовать любой обозник.

— Милорд! — Блондин кинулся к графу. — Вы?!..

— В порядке, Кассин! — Баррэт, мельком убедившись, что с перепуганным Сэриэлем все в хорошо, толкнул того в руки Ло и бросился к поднимающемуся на ноги Рэниари. Маг, давший Вориндо личную клятву, поспешил за графом, не прекращая материться.

— Ты как?!.. — выдохнул Барр суматошно ощупывая племянника дрожащими от паники руками. С роскошного одеяния консорта на гранитные плиты двора разноцветными искрами летели осколки рассыпавшихся амулетов. Не выдержавшие магического удара, замаскированные под драгоценности, они, тем не менее, спасли своему носителю жизнь, отразив остаточную волну, прорвавшуюся сквозь тело Коразза. — КАК?!..

— Не пострадал, — отозвался Рэниари, отмахиваясь от перепуганных королевских магов. — Да успокойтесь вы!.. — рявкнул он на них. — Со мной все хорошо! Лучше помогите лорду Валиэлю! Если бы он не закрыл меня!..

У ног Рэни белый как мел Карлаэль Деззион судорожно пытался пережать фонтанирующую тонкими струйками крови обширную рану на правом боку друга. Та выглядела жутко! Одежда вокруг нее и сами края раны медленно обугливались, расползаясь все больше и больше. Даже кольчуга, предусмотрительно надетая под камзол, рассыпалась вонючим пеплом…

Руки маркиза, не обращавшего внимания на магический яд, тоже начинали на чернеть. Но захлебывающийся слезами Кар все равно продолжал зажимать эту жуть, бессильно пытаясь остановить кровь. Пока кто-то из магов его не оттолкнул, перехватывая впавшего в беспамятство Валиэля магическими путами.

— Говорил я этим придуркам, что должен быть рядом с вами! — Продолжал ругаться светловолосый Кассин, держа защитный барьер вокруг своего нанимателя и консорта. — Так нет же! Заявили, что сами справятся! Да за что мне такая напасть! Только-только выгодный контракт заключил!..

— Успокойся, — сквозь зубы приказал магу Баррэт, настороженно косясь на мечущуюся вокруг толпу разряженных гостей. — Тебя никто и ни в чем не упрекает!

— Охранять его высочество — наша обязанность! — Заорал на Кассина какой-то маг в перевязи королевских цветов поверх форменной мантии. — Что вы себе позволяете?!..

— Прошу вас ЗАТКНУТЬСЯ! — Негромко произнес Рэниари, сам побледнев от бешенства. — В отличие от вас этот господин отреагировал сразу!

— Благодарю за помощь! — Повернулся юноша к вассалу дяди. Тот, довольный, кивнул и язвительно покосился на молча злобствующего конкурента.

— Ладно, Касс, — отозвался Баррэт. — Иди к моим супругам и пригляди за ними.

Блондин с поклоном передал управление защитой пыхтящему от негодования королевскому магу и ввинтился в толпу.

— Что на вас нашло? — Холодно поинтересовался Рэниари у мага. — Вместо того, чтобы поблагодарить за помощь, вы накинулись на господина Кассина!

— Простите, ваше высочество!.. — смущенно пробормотал тот. — Я перенервничал!

…Сиорол в сердцах выругался, отбрасывая в сторону бесполезный отныне арбалет. У него была возможность только трех выстрелов. И все три ушли в молоко!

Да что б этих бастардов все темные боги имели!

Вот ведь живучие твареныши!

Магическая пленка защиты прогибалась все сильней, грозя вот-вот лопнуть. И бывший лорд, напоследок оскалившись в лица смотрящих на него снизу людей, задействовал амулет, исчезая как раз в тот миг, когда защита не выдержала, осыпавшись сверкающей пылью…

Опустив голову, Рэниари несколько раз глубоко вздохнул и решительно повернулся к бледному Баррэту и только что подбежавшему к ним капитану гвардейцев.

— Успокойте людей, — холодно приказал семнадцатилетний юноша, взявший на себя функции командира, раз уж никто из присутствующих не сообразил это сделать первым.

— Как?.. — растерянно было вякнул гвардеец, дрожа от пережитого ужаса. Стоило только несчастному представить, что бы с ним сделал принц-наследник, потеряв мужа… и мужчину начинало трясти с новой силой.

Рэниари с досадой на него глянул.

— Если вы не в состоянии обеспечить должный порядок во дворце, то не стоит занимать эту должность, — очень вежливо и очень тихо сообщил он капитану. Тот вздрогнул и решительно бросился в толпу, что-то командуя своим людям.

— Барр, Ло, — повернулся Рэни к уже пришедшим в себя родичам. Брюнет, оставив перепуганного Сэри на семейного мага, протолкался к старшему мужу. — Выловите мне парочку магов.

— Эти подойдут? — Поинтересовался Лотэ, тут же вытаскивая из толпы какого-то магика в сбитой набок парадной мантии. Барр уже держал за шиворот другого.

— Вполне! — Отозвался Рэни. И приказал магистрам: — Обеспечьте мне громкий голос!

— Но, ваше высочество… — очнулся один из магов. — На вас покушались… Мы должны сопроводить вас в безопасное место и сообщить вашему мужу!..

mir-knigi.org

— Сообщите позже! — Рявкнул потерявший терпение Рэниари. — Сначала надо закончить эту дурацкую церемонию с венчанием!

Еще не хватало, чтобы Большой обряд отложили или вообще отменили! Оставаться ему всю жизнь всего лишь младшим супругом без права голоса!

— Но тогда надо уйти в храм телепортом! — Чуть ли не закричал другой маг. — На вас покушались!.. Не факт, что убийца один!

— Люди должны видеть полную церемонию, — ответил внешне спокойный Рэниари, с трудом, однако, удерживая себя в руках. — Больше никаких тайных обрядов. У меня уже был один! И пошлите гонца в храм — предупредить его величество о произошедшем. Еще не хватало устроить панику и там!

— Но…

— БЫСТРО! — Прошипел в перепуганные лица магистров Рэниари и повернулся к хлопотавшим над Валиэлем целителям: — Как он?

— Будет жить, — отозвался один из лекарей, не поднимая головы. — Вовремя успели! Еще бы немного и…

Рядом громко всхлипнул Карлаэль. Маркиза трясло от пережитого ужаса, и он продолжал, несмотря на недовольство лекарей, цепляться за беспамятного любовника, заливаясь слезами и что-то полубезумно шепча.

— Мы готовы, ваше высочество, — поклонились Рэни маги, накладывая на него заклятие Громкого Голоса.

— Молодец!.. — одобрительно высказался Лоран, сидя на гранитных плитах двора и держа в объятиях тесно прижавшегося к нему Айрэ. Отрикошетивший от стального наплечника Баррэта болт под углом ушел в толпу придворных и едва не угодил в королевского племянника. Вэон в последний миг успел схватить в охапку замешкавшегося парня, уже не надеясь ни на что! Но, к счастью, маги вовремя уничтожили магическую смерть. Вот только непривычный к таким приключениям Айрэ вдруг обмяк в руках герцога, напугав того до икоты: Лоран отчего-то решил, что юный граф тоже ранен.

Но убедившись, что его подопечный не пострадал, а всего лишь ищет утешения от пережитого, Вэон с одобрением принялся наблюдать, как на первый взгляд хрупкий мальчик решительно наводит порядок, успокаивая людей и раздавая указания придворным, магам, слугам и гвардейцам вокруг себя. Раненного Валиэля уже унесли во дворец. Следом за ним умчался и маркиз, вызвавшийся присмотреть за другом. Старший Ворональ, поцеловав своих мужей, тоже отправил их в замок в сопровождении личного мага.

Паника во дворе постепенно сходила на нет. Люди успокаивались. Часть магов левитировала напротив злополучной галереи, что-то изучая, другая вместе с гвардейцами окружила неестественно спокойного консорта.

Требовательный взгляд аквамариновых глаз нашел Вэона, расслабившегося с Айрэ в объятиях, безмолвно напоминая об обязанностях коронного герцога. Граф Ворональ уже стоял рядом с племянником: кто-то из магов заканчивал исправлять его поврежденную одежду. И теперь ничего, кроме легкой нервозности, не напоминало о нападении. Вот только больше не было радостного шума вокруг. Перенесенная паника разом перемешала все сословия. И теперь

вельможи, мелкие дворяне и прислуга дружно толпились на многоярусных галереях дворца и во дворе, все еще испуганные и обозленные за перенесенный страх.

Вздохнув, Лоран с неясным сожалением выпустил из кольца своих рук юношу, с трудом прерывая телесный контакт. Айрэ, не поднимая глаз, сделал пару шагов в сторону. Он был довольно высок, но рядом с герцогом все равно проигрывал в росте. К тому же сына покойной принцессы никогда не привлекали воинские упражнения, и его фигура обладала некоей хрупкостью, в отличие от мощного тела воина. В его объятиях было так спокойно… Айрэ даже не смел вздохнуть лишний раз, понимая, что другой возможности оказаться так близко к любимому у него может не появиться. Но, даже отходя от Вэона, юноша помнил бережную силу рук герцога, ощущение теплой нежности под щекой от шелковистого бархата камзола, и неповторимый запах мужчины… свежесть с легкой ноткой каких-то пряностей.

Всего лишь миг, но как же сильно он изменил восприятие этих двоих!

Лоран замер, страшась собственных чувств. Его взгляд прикипел к молчаливому юноше. Герцогу и раньше нравился королевский племянник. Но он понимал, что их брак невозможен, а желать того, кто вскоре войдет в дом чужого властителя младшим… Слишком больно!

Потому и давил Вэон собственные чувства к черноволосому и черноглазому Келлиадиру, не позволяя себе мечтать о несбыточном. Вот только сердце внезапно зашлось в болезненном ритме, умоляя любить…

Так хотелось ласкать его кожу, целовать нежное лицо, погрузить нетерпеливые пальцы в густые волосы цвета самой ночи!.. запрокидывая голову назад… открывая… властно подставляя красивую шею под метки жадных губ!

Хоть раз вкусить запретный плод…

Айрэ тоже, не отрываясь, смотрел на Вэона. Так, словно готов был вновь броситься в его объятия. Сам вид герцога сводил его с ума, не давая мыслить здраво. Хорошо хоть все вокруг заняты другим и не глазеют на замершую парочку, а то бы его величество не порадовался выбору любимого племянника, ведь никакой выгоды королю его брак с Вэоном не принесет.

— Лорд Айрэ, — тихо вымолвил Лоран, с трудом отводя зачарованный взгляд в сторону. — Наши с вами обязанности никто не отменял…

— Я понимаю, — так же тихо и печально отозвался Келлиадир, надевая на себя привычную придворную маску. И почему-то Лорану стало от этого физически больно. — Я в порядке.

— Тогда позвольте предложить вам руку, — через силу поклонился герцог.

«…и сердце…»

— Лорд, — обратился Рэниари к подошедшему к нему Вэону, за руку которого судорожно цеплялся молчаливый Айрэ. — Мы с дядей поедем вдвоем. Вам придется сопровождать графа Келлиадира.

Лоран только кивнул, хотя это распоряжение нарушало приказ Эдмира, по которому они с Айрэ и старшим Вороналем должны были сесть в одну карету с женихом — принц-наследник ни на миг не желал оставлять супруга без присмотра. И тем более не желал видеть подле него без свидетелей Баррэта, подозревая сводного брата в попытке освободить племянника. Со-

мужья Вороналя должны были ехать вместе с Деззионом и Кораззом. Но теперь, когда свита консорта поредела, не было иного выбора, как разделиться по-новому. К тому же не стоило оставлять Айрэ одного.

Хотя можно ведь сесть в одну карету…

— Нам всем нужно успокоиться, — пояснил принц, поняв колебания герцога. И Лоран с поклоном подал ему руку, помогая зайти в роскошный экипаж. Следом за племянником поднялся молчаливый Ворональ. А Лоран повел Айрэ к другой карете.

Остальные придворные уже расселись по экипажам. И кортеж двинулся, выезжая с территории дворца на запруженные народом, ликующие улицы столицы. Сюда весть о покушении еще не дошла…

Глава 19

— Государь…

Князь Эккуар Фейринель вскинулся мгновенно, словно бы и не сидел расслабленно миг назад.

— НУ?!.. — выдохнул нетерпеливо в лицо отшатнувшегося от неожиданности Сарола. Маг едва не упал, запнувшись об край ковра, но сумел устоять.

— Я из тебя клещами все вытягивать должен?! — Оскалился князь, хищно вглядываясь в как всегда бесстрастное лицо магистра. Тот низко поклонился.

— Ничего не удалось, — прошептал он, занавешивая лицо волной темно-каштановых волос. Каким может быть повелитель в гневе, Эзд Ралод знал не понаслышке.

Но сейчас, как ни странно, Фейринель молчал. И Сарол рискнул осторожно на него посмотреть.

Повелитель княжества сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула, и глубоко дышал. Тонкие пальцы аристократически красивых рук впились в резные подлокотники, процарапывая мореное дерево крепкими ногтями.

Главный маг похолодел, не смея распрямиться — подобное поведение означало высшую степень ярости. И обычно в таких случаях головы летели только так. Но бедняга ничего не мог сделать… даже собственную жизнь защитить — клятва не давала!

Однако князь сумел справиться с бешенством.

— Почему, Сар? — Глухо вопросил он, открывая словно бы выцветшие от гнева светло-карие глаза. — Почему? Все было выверено до малейших нюансов! Что вам помешало? Всего-то и делов — перехватить мальчишку, как только он подойдет к карете. Ты сам дал мне все раскладки! Сам уверил, что по другому Рэниари невозможно выдернуть из-под носа Келлиадиров! ЧТО ЖЕ ПОМЕШАЛО ВАМ?!..

— Повелитель, невозможно предугадать все! — Собравшись с духом, ответил маг. Голос его не дрожал, хотя мужчину тошнило от страха. — На лорда Рэниари напали буквально в паре шагов от нашей ловушки. Еще немного, и ваш избранник вступил бы в замаскированный телепорт. Но… неизвестный убийца использовал игрушки со столь убойной магией, что наш контур просто смело!..

— Убийца? — Подскочил Эккуар. — Да что там произошло?!

Сарол осторожно положил на стол крупный кристалл.

— Здесь запись того, что успели увидеть мои люди, — пояснил он. — Не слишком хорошая… если в двух словах, то было совершено нападение на принца-консорта. Стреляли с верхней галереи дворца, где толпились слуги. Убийца хорошо подготовился. Его магический щит не смогли проломить сразу, что дало ему возможность сделать три выстрела и скрыться. Чудо, что обошлось без серьезных жертв! Лорда Рэниари закрыл кто-то из придворных. К счастью, в поднявшейся панике королевские маги не заметили, как самоуничтожился наш портал — тонкая настройка не выдержала вспышки чужой, агрессивной магии… Я отдал приказ свернуть операцию. Даже в той суматохе невозможно было приблизиться к мальчику — гвардейцы его тут же закрыли своими телами и магическими щитами. И сейчас консорт направляется в храм под такой охраной, что только диву даешься!

Эккуар медленно поднялся из кресла.

— Ну, что за невезуха! — Раздосадовано прошептал он, подойдя к окну, что открывалось на великолепный сад фейринельского посольства в Меайре. — Рэни, ты словно заколдованный! Постоянно ускользаешь…

— Господин!.. — осторожно окликнул князя маг. — Вам нельзя оставаться в Хилдоне. Келлиадиры знают, что вы добивались Искры. Они первым проверят именно наше посольство!

— Ты прав, — отозвался Фейринель, не отрывая взгляда от окна, за которым вовсю цвели розы. — Готовьте порталы до княжества.

— И… — властитель внезапно, словно атакующая гюрза, развернулся к вздрогнувшему магу. — Подними на ноги всех наших агентов в королевстве! Я желаю знать, кто сорвал мои планы!

…Карета оказалась довольно большим и одновременно изящным сооружением. Красивым, перегруженным украшениями, но удобным.

Перед выездом в город Рэниари приказал поднять тяжелые занавеси из шелка глубокого синего цвета, расшитого золотом. Маги и охрана пытались было возражать, ссылаясь на приказ наследника прибыть в закрытой карете, но юноша настоял. Новоявленный принц должен быть виден всем. Особенно после недавнего нападения. Долго ли завестись сплетне, что жениха давно подменили?!

Так что занавеси были подняты, открывая сидящих в карете взглядам толпы. Хотя самого Рэни и сжигало желание спрятаться от чужих глаз и дать волю пережитому страху. Отчасти именно поэтому он настоял на раздельных экипажах с Лораном и Айрэ. Нельзя!.. Нельзя было давать волю собственным слабостям, раз уж его угораздило очутиться на самой вершине.

А шторки… Опущенные, они бы не спасли от очередного покушения. Для защиты консорта нужны маги и охрана, а не красивые полотнища шелка. Да и сомневался Рэниари, что покушение повторится.

— Ты узнал его?.. — тихо и напряженно спросил он сидевшего напротив Баррэта. Экипаж, мягко покачиваясь на новомодных рессорах, неторопливо следовал по улицам, запруженным людьми. Горожане и гости столицы толпились вдоль главной дороги, гроздьями висели на балконах, статуях, расцвечивали собой высокие крыши особняков. Однако ликующие крики

mir-knigi.org

внутрь кареты не доносились — тонкая пленка защитного поля надежно отсекала экипаж от любого внешнего воздействия.

Рэниари был благодарен равномерному покачиванию кареты — это помогало скрыть противную дрожь в теле. Все накатило как-то внезапно… Юноша вдруг с пронзительной ясностью осознал… прочувствовал!.. что отныне ждет его рядом с Эдмиром: постоянные заговоры и хождение по самому краю.

— Узнал?.. — удивился Баррэт, с тревогой вглядываясь в уж слишком спокойное, даже безмятежное лицо Рэниари с как будто приклеенной, нежной улыбкой. — Ты про убийцу? Мне солнце мешало: я видел лишь силуэт. Но видел четко…

— Это Сиорол, — перебил дядю Рэни. Ворональ едва не подавился.

— Не может быть?! — В ошеломлении выдохнул он, подаваясь вперед, словно собирался схватить юношу за плечи и хорошенько его потрясти. — Он же!..

— Вот именно! — Все так же спокойно отозвался консорт, пряча под себя трясущиеся ладони. — Ты был прав тогда — не стоило его отпускать. Живого.

— Ты же сам понимаешь, что у нас не было времени на его поиски, — помолчав, угрюмо вымолвил Баррэт, судорожно соображая, что сказать сидевшему напротив него парню: судя по всему, тот едва удерживался от истерики.

Но Рэниари его понял.

— Не надо бояться за меня, — вымолвил он в ответ на слишком уж напряженный взгляд. — Все-таки я менее уязвим, чем вы с Ло и Сэриэлем. Но ты прав в одном… Мне страшно, Барр! Так страшно, словно я вновь повис на скале между небом и морем, а сверху целят из арбалетов. Да мне орать хочется от ужаса!

— А ты еще не хочешь, чтобы мы остались рядом с тобой! — Не выдержал Баррэт, гневно блестя черными глазами. — Хорошо, я согласен! Отправлю парней домой, но сам останусь здесь! Мужья у меня умные, справятся с хозяйством. Да и за Цитаделью присмотрят!

— Ничуть не сомневаюсь, — голос Искры был все таким же ровным, несмотря на жуткий смысл невольного признания. — Но я не зря сказал о своем страхе, дядя. Не усугубляй его еще больше! Ты сделаешь меня уязвимым, оставшись рядом. Я не смогу не беспокоиться о тебе, Лотэ и Сэри! Вы трое — моя НАСТОЯЩАЯ семью! Потерять вас для меня смерти подобно! Только вдали от столицы, в собственных, защищенных владениях, вы будете в безопасности. А я не стану оглядываться в вашу сторону. Наоборот, буду спокоен за свои тылы. Мало ли что… я хочу быть уверенным, что всегда смогу вернуться.

— Рэни!.. Ты… ты что?.. Планируешь порвать с принцем?! — Задохнулся от изумления Ворональ. — Ты?!..

— Не говори глупостей, — досадливо поморщился Рэниари. — Эдмир никогда не отпустит Искру. А я никогда не предам принца! Плохо это или хорошо, но он мой супруг. И я должен строить с ним свои отношения. Пусть в них не будет любви, но будет много другого, что неразрывно свяжет нас. И с каждым годом будет связывать все больше и больше. Я не планирую воевать с Эдмиром. Это бесполезно, да и небезопасно. Зря я, что ли, так защищал Цитадель?! Просто… я хочу быть уверенным, что у меня всегда будет место, где меня любят и ждут…

— И окажут любую помощь… — тихо закончил Баррэт, по-новому рассматривая столь рано повзрослевшего племянника. — Хорошо, малыш, я уеду. И присмотрю за графством для тебя. Но знай! Если что-то случится, и Цитадель и Круглый холм придут тебе на помощь! Не к королю, а именно к тебе!

— Спасибо, Барр, — тепло отозвался Рэниари, успокаиваясь. Клятва дяди многое для него значила. — Я буду верить в вас.

В соседней карете, что следовала за роскошным экипажем консорта, напряженно сидели Айрэ и Вэон. Оба молчали, держась за руки. Лоран плечом чувствовал жар тела юноши. Казалось, Айрэ словно пылает, прижимаясь к нему все теснее и теснее. И герцог не находил в себе силы отодвинуться от столь желанного мальчишки.

Неожиданно Айрэ даже с какой-то грубостью вырвал свои пальца из сжимавшей их ладони герцога.

— Не могу больше выносить этого молчания! — Резко высказался молодой граф, не глядя на собеседника. — Лоран!.. Вы… ты испытываешь мое терпение! Сколько еще это может продолжаться?

И ладонь юноши властно легла на бедро Вэона, обтянутое плотным бархатом бриджей.

Очень напряженное бедро.

А еще…

Глаза Келлиадира невольно распахнулись во всю ширь, когда его рука, скользнувшая вверх по ноге мужчины, наткнулась на внушительный бугор под камзолом Вэона. Айрэ как ошпаренный отдернул руку, и стал заливаться краской.

— А что ты желаешь от меня услышать? — Медленно шевеля губами и не поворачивая головы в сторону уже багрового Айрэ, сквозь зубы процедил Лоран. — То, что я уже давно люблю тебя? Так это правда.

— Тогда почему… — только и смог пролепетать Айрэ, его ладонь вновь словно притянуло бедро Вэона. Тот только зашипел, напрягая мышцы ног еще больше.

— Прекрати! — Красивое лицо герцога исказилось от боли. — Ты!..

Но Айрэ вдруг передвинул руку на оттопыренную ширинку герцога.

— Ты не сможешь в таком виде войти в храм! — Запинаясь от смущения, юноша тем не менее решительно высвободил твердый член мужчины из плена брюк и, постаравшись абстрагироваться от всего, не совсем ловко, но старательно принялся его надрачивать, порой слишком сильно сжимая пальца на напряженном стволе.

Несчастный Вэон только и смог, что вцепиться руками в сидение, да прикусить щеку изнутри, чтобы не орать. Пикантность моменту добавляло еще и то, что оба сидели почти по пояс на виду у столичных зевак. И только все, что ниже пояса, оказалось скрыто бортиками экипажа. Хорошо хоть крыша у кареты была, а то народ с балконов полюбовался бы увиденным!

Впрочем, Вэону в этот миг было уже все равно!..

Старательно не глядя на любовника, Айрэ ласкал его налитой орган… проводил тонкими пальцами по каждой венке… или, сжав ладонь, быстро скользил по стволу вверх-вниз… вверх-вниз!.. легко сдвигая бархатистую кожицу на уже влажной головке… чуть выкручивая кисть, доставляя тем самым еще большее наслаждение! Чувствуя, что еще немного и сам кончит от перевозбуждения.

Слава богам — до храма еще не близко, и можно успеть получить разрядку…

— Ай!..рэ!.. — с трудом выдохнул Лоран, немного откидываясь на спинку сидения и продолжая незряче глядеть в свое окно. — Я!..

— Да!.. — выдохнул юноша, тоже упорно глядя в другую сторону. В его ладони дернулся крупный, горячий член Лорана. Послышался стон сквозь зубы со стороны герцога. И, выхватив из кармана платок, юноша успел принять им выстреливающуюся сперму, не позволяя герцогу измазаться.

Получивший разрядку Лоран обмяк, тяжело переводя дыхание и с трудом держа глаза открытыми. А граф поерзал, боясь прикоснуться к своим штанам и чувствуя, что еще немного, и он опозорится. Но тут сильный пальцы Вэона проникли за пояс Айрэ.

И все повторилось, за одним исключением — платок на этот раз был герцога.

— Спасибо… — тихо прошептал юноша, с трудом удерживая себя вертикально. Тело было сытым и расслабленным. Хотелось лечь, но приходилось сидеть прямо.

— Не за что… — так же шепотом отозвался Лоран, мягко улыбаясь. Видок они двое представляли весьма занятный — оба раскрасневшиеся, нарядно одетые в верхней части, и развратно расхристанные внизу, с вываленным из штанов обмякшим хозяйством.

— Застегнись, — со смешком выдал Вэон, заправляясь. Айрэ, полыхая багровыми ушами из-под темных локонов, торопливо подтянул штаны и одернул камзол.

— Но все-таки …почему?!.. — Повторил он вопрос, впрочем, уже не надеясь на ответ.

Но Лоран ответил.

— Потому что ты через несколько месяцев уедешь… станешь мужем другого. И проживешь с ним всю жизнь, — грустно пояснил герцог. — Плохо, если ты не сможешь ужиться с супругом только потому, что будешь думать обо мне.

— Нет! — Возмущенно вскинулся Айрэ. — Пожалуйста, Лоран! Хотя бы полгода счастья, но с тобой!

— Да как ты не поймешь, нетерпеливый мальчишка! — Зарычал разозленный герцог, впервые поворачиваясь к юноше лицом. В карих глазах Вэона было столько невысказанной муки, что юный Келлиадир растерялся.

Мотнув церемониальной косой цвета расплавленной меди, Лоран надрывно произнес.

— Как ты не поймешь!.. Мне мало этого! Мало тебя! Мне нужно все и сразу! Я не смогу довольствоваться тобой столь короткое время! А как быть потом? Украсть тебя?! Или мотаться в Приграничье, рискуя подставить под удар и тебя, и мирный договор?!.. Нет, если уж быть рядом, так быть всегда… владеть тобой безраздельно! Иметь общих детей! А не прятаться как

воры по темным углам! Ради этого не стоит и начинать.

— Лоран…

— Я не смогу отказаться от тебя, Айрэ, — уже без эмоций тяжело закончил Вэон, вновь отворачиваясь. — Не смогу. И ты не сможешь… я знаю! И потому прошу — просто живи! У тебя еще есть шанс стать счастливым. Я слышал, князь-герцог Лиссаэроу неплохой человек и страстный любовник! Ты еще будешь счастлив.

— Спасибо… — прошептал Айрэ какое-то время спустя. Ладонь юноши вновь нашла руку герцога, переплетясь пальцами с его пальцами.

Племяннику короля было больно. Печаль давила его… печаль струилась из больших темных глаз, но юноша понимал — любимый прав.

Кареты подъезжали к храму…

Его высочество наследного принца Эдмира трясло от бешенства!

От невозможности самолично разорвать того, кто посмел напасть на ЕГО мужа!

Неловкими от эмоций руками принц попытался было поднести к губам чашу с водой (вина в храме не держали), сунутую взволнованным отцом. И едва не уронил тяжелое серебро — схваченные судорогой пальцы плохо сжимались, бессильно скользя по гладким стенкам.

Маг, принесший весть о нападении на консорта, в сопровождении доставивших его гвардейцев застыл у входа в храмовые покои, отведенные наследнику, боясь лишний раз напомнить о себе.

…Еще недавно… всего пару поколений назад… за плохие вести гонцу отрубали голову…

Невезучий магик нервно сглотнул, невольно оглянувшись на гвардейцев, что замерли по обе стороны от двери. Все трое даже как дышать забыли, только бы внимание принца не обратилось на них.

К сожалению, сообщить такую новость маг был обязан, ибо невозможно было послать волшебного вестника в Главный храм Отца-Небо. Пришлось довольствоваться обычным способом. Слава Великим, у него нет семьи… никто не оплачет сироту, некогда записанного в королевские легионы.

Но жить все равно отчаянно хотелось!

Решительно выпрямив спину и превратив лицо в каменную маску, молодой человек умоляюще покосился на лорда Итарона — своего непосредственного начальника. Тот вместе с королем пытался удержать разъяренного наследника от немедленных репрессий. И скорее всего голова незадачливого гонца действительно слетела бы с его плеч, если бы не его величество Сорондо. Король с помощью Итарона сумел обуздать сына.

— Успокойся!

— Что с НИМ?!!! — Насильно усаженный в кресло, Эдмир продолжал рычать на перепуганного гонца. Тот в двух словах поведал о том, что произошло во дворце.

— Кто посмел?!!! — От рыка его высочества тонко зазвенели узкие витражи притвора, а в

mir-knigi.org

каменные стены помещения плеснуло огненной волной, поджигая бесценные гобелены. Итарон с трудом смог погасить магическое пламя, радостно заскакавшее по стенам к ужасу пожилого жреца, вбежавшего в притвор.

Маг лишь беспомощно пожал плечами, виновато глядя на короля.

А перед Эдмиром встала незримая стена. Как будто он выпал из действительности, неприятно зависнув между ГДЕ и КОГДА.

…Такое родное… любимое… и призрачно-недоступное создание…

Такое далекое и такое близкое.

…Платиновый?.. Нет! Золотоволосый блондин стоял на краю башни, рассматривая раскинувшийся под ногами, искаженный словно во сне город… огромный, с причудливыми… ЧУЖИМИ… постройками.

Изысканно богатые одежды, драгоценности тонкой работы… И застывшее в бесконечной терпеливой усталости прекрасное лицо…

Стоял…

…чтобы в следующий миг, взмахнув алым плащом словно крыльями, тяжело рухнуть вниз…

…Далеко-далеко заплакал, умирая, ребенок…

— Сын!.. — голос Соронdo с трудом пробился сквозь туман безумия. Очнувшийся Эдмир стоял над опрокинутым креслом, онемевшими пальцами смяв у себя на груди жесткую от золотого шитья ткань камзола… стоял, хватая пересохшим ртом воздух, не в силах закричать.

— Ваше высочество! — Другие голоса. — Ваш супруг жив!.. Даже не ранен!.. Его защитил лорд Валиэль!..

Любящие руки отца обняли крепко, вновь усадили в кресло. Лоб обхватили чьи-то приятно-прохладные пальцы, даря успокоение.

Итарон?..

— Все хорошо, мальчик мой! — Лихорадочно шептал Соронdo, с тревогой всматриваясь в белое лицо Эда. — Рэниари не пострадал… с ним все хорошо! Он уже едет сюда…

— Сам придушу!.. — прохрипел, наконец, пришедший в себя Эдмир. — После такого ОН обязан был вернуться к себе и сидеть тихо… Или ОН забыл, что носит ребенка?! Надеру задницу так, что даже лежать не сможет!..

— Пей! — Лорд Итарон насильно втолкнул в руки принца кубок, полный крепчайшего простонародного самогона, что откуда-то торопливо приволок жрец, невзирая на запрет. Эдмир машинально принял позолоченный кубок, выхлебав обдирающую горло жидкость как воду.

— Аккуратно предупредите Коразза, Деззиона и родичей Вороналя, что их родные не пострадали. — Тихо приказал король жрецу. — Нам еще паники не хватало!

Храмовый служитель поклонился и вышел.

— Как он… как…ребенок?.. — прохрипел Эдмир, немного оклемавшись.

— Все хорошо, — маг-вестник напряженно поклонился.

— Сын, соберись! — Приказал король, требовательно глядя на принца. — Рэниари скоро будет здесь… он жив и здоров! Так что будь готов встретить своего супруга.

…Рэниари терпеливо поднимался по бесконечным ступеням лестницы.

Главный храм, выстроенный на вершине природной скалы еще эльфами, с каждым шагом все больше и больше затмевал небо, нависая над головой величественной многоярусной колоннадой, за которой взлетали воздушные башни из серебристого камня, прорезанные частыми, узкими полосками разноцветных витражей. Стаи белоснежных, магически сотворенных голубей носились вокруг острых шпилей, не гадя на головы зевакам, в отличие от своих живых прообразов.

Где-то далеко за спиной осталась огромная площадь, заполненная людьми.

Площадь, на которой остановились кареты кортежа…

Все это прошло мимо сознания Рэни. Да и смотреть оказалось особо не на что: его экипаж чинно проследовал по широкому человеческому коридору и остановился аккурат напротив бледно-голубой дорожки, что вела в храм. Жрецы помогли консорту выйти из кареты и велели подниматься по бесконечной лестнице. Свитские за ним не пошли, воспользовавшись прямыми порталами в Алтарный зал.

А вот самому жениху пришлось переставлять ноги со ступеньки на ступеньку, покрытых ковровой дорожкой, явно сделанной с помощью магии. Иначе как объяснить тот факт, что, несмотря на бесконечный подъем, усталости не было.

…Считалось, что тому, кто поднимается в храм между небом и землей, дается время на принятие последнего решения. Мол, подумай — а оно тебе надо?!

Еще не поздно вернуться…

Рэниари усмехнулся, искривив губы в подобии улыбки. Как будто у него есть иной выход! Все давно взвешено и просчитано. Хотя интересно было бы посмотреть, как отреагирует охрана, если он вдруг повернется спиной к храму и начнет спускаться обратно? Вот ведь глупость — младший супруг решил отказаться от равного супружества?!

И потому оставалось медленно подниматься в вышину, наслаждаясь краткими мгновениями одиночества и хлопаньем призрачных крыльев над головой.

Храм, действительно, был красив. Впрочем, как и все, сделанное руками эльфов. Люди пока еще не освоили подобное мастерство. Их постройки отличались излишней массивностью, как столичный храм Матери-Земли, наполовину погруженный в землю. Здесь же прозрачная красота и само изящество.

Вступив, наконец, под сень колоннады, Рэниари на миг замер и решительно зашагал к высокой, словно башня, арке входа…

Миг перехода в Алтарный зал Баррэт не уловил. Вот только он стоял рядом с лестницей, по

которой поднимался Рэни, а вот уже вступил под циклопические своды храма, наполненного свежим как после грозы воздухом. Вокруг дрожали многочисленные радуги от преломляющихся в ярких витражах солнечных лучей. Казалось, весь храм состоит из одних витражей и бесконечного света!

Тонкие, возносившиеся на немыслимую красоту арки-колонны были практически незаметны, служа скорее дополнительными деталями отделки. И было непонятно, КАК все это не рушится!

Барр только головой покрутил, приходя в себя от потрясения. Он никогда прежде не был в храме — как-то причин не находилось. Только любовался издалека солнечным маревом над его шпилями. К тому же бастардов здешние жреца не жаловали, предпочитая законных наследников. И злополучная приставка «рив» к прежнему имени стала значительным препятствием для экскурсии в храмовый комплекс. Надо тебе — воскуряй дары в малых святилищах, а сюда не суйся!

Так что понятен был шок неподготовленного человека, впервые попавшего под величественные своды. Особенно впечатление усугублял заполненный под завязку гигантский храм, что казался пустым из-за своих циклопических размеров — люди на матово-зеркальном полу выглядели горстью песчинок.

— Граф, — с поклоном обратился к воину молодой жрец в темно-синей мантии. Он терпеливо пережидал, пока гость придет в себя: видимо не раз сталкивался с подобной реакцией у новичков. — Позвольте проводить вас.

Следуя за провожатым, Баррэт, осторожно ступая по мозаичному полу, прошел сквозь толпу, расступившуюся перед ним с поклонами. Его путь окончился неподалеку от алтаря, на стороне ближайшей родни молодоженов: ближе к алтарю лишь нарядные принцессы, да только что подошедший Айрэ. Герцог Вэон остановился за спиной Вороналя. Все правильно: обладая высоким титулом, он не принадлежит к правящей семье Келлиадиров.

Пахло тонкими благовониями. О чем-то, посмеиваясь, шушукались принцессы. Напряженно молчал бледный Айрэ. Лоран застыл каменным истуканом. Дальше негромко переговаривались высокопоставленные придворные. Через огромное пространство зала, разрезанного голубой дорожкой, было видно, как напротив неторопливо перемещалась толпа остальных гостей в ожидании церемонии. Короля с сыном и Верховного жреца еще не было, как и самого Рэни, обреченного подниматься по бесконечной лестнице. Лишь рядом с величественным, темным как грозовая туча алтарем застыла безмолвная шеренга закутанных в синие мантии жрецов. Вырывающееся из вершины алтарного камня призрачно-лиловое пламя бросало причудливые блики на их безмятежные лица.

А Баррэта вдруг пробрала нервная дрожь.

Если уж он ТАК отреагировал на внутреннее убранство храма, то каково придется неподготовленному Рэниари, обязанного пройти под перекрестным взглядом тысяч глаз!

Но погрузиться в панику ему не дали, бесцеремонно дернув за рукав камзола.

— Граф! — Обернувшийся Ворональ узрел нечто непривычное. А именно — перекошенную от ужаса физиономию своего всегда столь спокойного тестя лорда Ластона, на руке которого висел полуобморочный супруг. Явно только воспитание не позволяло лорду в панике орать на весь храм. За четой Ротаолей поспешали не менее взволнованный лорд Хирото с супругой. Эти были поспокойнее (хотя и не на много!). Видимо им уже доложили, что Лотэ не пострадал.

— Да все с ними в порядке, — успокоил перепуганную родню Баррэт. — Просто я решил более не рисковать и оставить их во дворце.

— Но там же?!.. — приглушенно ахнула леди Вениа, закрыв рот узкой ладошкой, чтобы не расплакаться.

— Там безопаснее, чем здесь, в этой толпе, — терпеливо объяснил теще Ворональ. — К тому же с ними наш маг и личная охрана. Мои супруги в безопасности и в порядке!

Очнувшийся вдруг лорд Вэндинк резво отцепился от руки старшего супруга и едва не до земли поклонился смутившемуся зятю.

— Примите мое глубочайшее восхищение, лорд! — Срывающимся голосом проговорил он. — Нам рассказали, как вы защищали Сэриэля! Мы с мужем в неоплатном долгу перед вами!

— Леди, лорды, — ненавязчиво вмешался Воэн. — Король…

Баррэт повернулся к проходу — к ним приближался Сорондо в сопровождении сына и Верховного мага.

— Граф Ворональ… рад вас видеть. Бароны Ротаоль, барон и леди Сауналь, — милостиво кивнул повелитель Хилдона стоявшим за спиной Баррэта родственникам. — Не беспокойтесь, с вашими детьми все в порядке.

Те в ответ поклонились и отошли на места, занятые представителями Центральных провинций. Но напоследок намекнули зятю, мол, наш разговор не закончен.

— Как он?!.. — сквозь зубы вытолкнул из себя Эдмир, останавливаясь подле сводного брата. Принц ненавидел унижаться и тем более просить, но сейчас Баррэт был единственным близким к Рэни человеком, что видел все собственными глазами.

— Не ранен, — тоже сквозь зубы ответил Ворональ, умудрившись мило улыбнуться стоявшим неподалеку придворным, что всеми силами пытались расслышать, о чем говорили «кузены». — Ты, *******, каким местом думал, когда устраивал эту ******* церемонию! — На одних эмоциях высказался Ворональ, не повышая впрочем голоса — нечего другим слушать то, что он собирался высказать этому ублюдку! — Ты своей ********* головой думал, КАК ОН пойдет к алтарю?! Или ******** головкой?! Решил выставить напоказ растерявшегося мужа? На посмешище его выставить?!..

— Уймись! — Едва слышно рыкнул Эд. Со стороны казалось, что родственники мирно беседуют, улыбаясь друг другу. Но Айрэ с Лораном насторожились, уловив ярость двух могучих воинов. — Рэниари показывали магическую проекцию храма! Он знает, чего ожидать!

— Ты, **********! К ЭТОМУ подготовиться нельзя!

— Ваше высочество, граф, — вовремя прервал перепалку Итарон, подойдя к двум петухам. — Займите свои места. Церемония начинается!

Наполнившая пространство нежная музыка заставила колонны и арки почти не видимого свода замерцать. Прозрачно-тягучая мелодия нитями золотого тумана протянулась вдоль дорожки, по которой к алтарю уже шел Рэниари. Пока что Баррэт различал лишь далекую, мерцающую золотым светом фигурку на фоне высоченной арки входа. Его племянник неторопливо плыл среди прихотливых завитков магического тумана, что словно кошка

ластился к ногам юноши. Приближался к алтарю под восхищенный гул гостей, впервые полностью оценивших великолепие принца-консорта. Не удивительно, что наследник решил поднять графа Вориндо вровень с собой, не ограничившись титулом младшего мужа!

И только когда юноша приблизился, Барр с трепетом осознал, что светился не туман… светился сам Рэниари!

Волосы, мерцающие живым золотом…

Глаза, вобравшие в себя все оттенки безмятежного Океана…

Кожа, отдающая щедрое сияние солнца, нежно обласкавшего ее!

Свет пробивался даже сквозь одежду…

Да как такое возможно?!

Кажется, не до одного Баррэта дошло, что здесь творится НЕЧТО. Ворональ улавливал потрясенный шепот, сменивший простое восхищение. Мимо них безмятежно, не поднимая глаз, шло ЧУДО. Даже древний зал, привыкший к чопорным церемониям… зал, строгий и равнодушный к копошащимся на его полу смертным, внезапно расцвел немыслимыми радугами, закружившими вокруг Рэниари. А прежде ленивое пламя алтаря внезапно полыхнуло, вытянувшись радостно гудящим лилово-золотым столбом до самого свода, словно приветствуя вновь обретенного родича!

Гости восторженным гулом приветствовали сей фейерверк, считая, что так и нужно… что так и задумано ради королевской свадьбы. Слишком давно была последняя в правящей семье, чтобы помнить подробности. Впрочем, сам король Сорондо женился на своей королеве в обычном храме далеко от столицы, сделав в Главном обязательное объявление об уже свершившемся браке.

И только присутствующие при церемонии маги и жрецы едва скрывали напряжение под бесстрастными масками, чувствуя, но не понимая, что к алтарю идет потомок древних правителей. Тот, кого небесный храм признал и приветствовал как своего хозяина, кровь от крови прежних владык этого мира.

Глухо ворочаясь, просыпалась до того спящая магия храма, созданного, чтобы короновать наследника императора, возведя его на престол. И тем самым превратить Искру в талисман-оберег для целого мира. В того, кто станет защитой и надеждой для всех, живущих под солнцем. Требовалось только одно — чтобы будущий Император признал связь со своим избранником. Потому-то в древности пришедшие принять корону, одновременно и венчались у лилового пламени со своими любимыми.

За тысячелетия, пролетевшие после упадка и гибели Золотой Империи, много забылось. Забылся и сам смысл обряда в Главном храме, но тоскующие по былому великолепию эльфы продолжали венчаться именно здесь, отчаянно веря, что однажды пламя взметнется ввысь, и они вновь обретут Императора, а с ним и надежду на возрождение.

Надежду, что в мир вернется угасающая магия…

Но века шли, а Искры не было. Никто из надменных перворожденных, щедро разбрасывающих семя среди людей, даже не понял, что императорская линия давно уже перешла к потомкам от смешанных браков. Вот и продолжали надменные остроухие лорды и леди приходить в

Алтарный зал венчаться. А после исхода старших родичей, эту привычку переняли и люди.

Но если почти вечные эльфы многое забыли, то что говорить об их коротко живущих преемниках? Теперь даже маги не знали всей правды. И не понимали, отчего алтарь так среагировал на юного консорта. Лишь чувствовали неслыханную мощь, поднимавшуюся из глубин земли… льющуюся с небес…

Незримое могущество медленно растекалось по залу…

Струилось вокруг, обещая исполнение всех желаний.

Оно было почти осязаемым… ярким… близким…

И недоступным.

Храм, словно старая, преданная собака замер в предвкушении…

Император должен сам… добровольно!.. связать себя со своим избранником, признав свой выбор всем сердцем. Дав выход магии, что была готова бурным потоком хлынуть через его тело в мир.

Обновляя и исцеляя…

Источник и проводник… они дополняли и охраняли друг друга. Они поддерживали уровень магии на должном уровне.

Без источника магия медленно угасает… засыпает… умирает…

Потому-то некогда этот мир и покинули эльфы, потеряв последнего Императора и не обретя его наследника. Завися от источника, эльфы, как полностью магические создания, просто напросто стали вымирать, теряя все свои силы. Их потомков с половинчатой кровью пока спасало наследие со стороны короткоживущих людей. Но и по ним ударило снижение уровня магии. Уже только самые могущественные из волшебников могли продлить себе жизнь на несколько веков вместо прежних тысячелетий. И никто из них не был способен на чудеса древности. Еще пара-тройка веков и магия полностью уснет в этом мире, населенном только людьми.

И тогда обрушатся высокие своды Главного храма, лишенного даже крох поддерживающей его энергии.

Никто из присутствующих на свадьбе этого не знал…

Нетерпеливо шагнувший вперед Эдмир буквально выдернул приблизившегося мужа из туманных волн. И со стоном нетерпения прижал к себе. Горячий, иссушенный нетерпением рот мужчины жадно накрыл нежные губы Искры, сминая их в долгом поцелуе. Язык тут же проник в послушно приоткрывшийся рот.

— Глаз от тебя оторвать не могу!.. — задыхаясь, прошептал Эдмир, с трудом отодвигаясь от припухших, покрасневших губ мужа. — Ты так пахнешь!..

И встретил непроницаемый взгляд аквамариновых глаз. В душе шевельнулась первая ниточка злобы — он тут перед ним распинается, а этот мальчишка!..

Но темное чувство быстро исчезло, смытое радостным ожиданием чуда.

mir-knigi.org

— Эд, — тихо произнес король, встревоженный той жадностью, с которой сын набросился на мальчика. — Сначала обряд!

Недовольно фыркнув, Эдмир подвел молчаливого мужа к фонтанирующему пламенем алтарю. И все маги в зале вздрогнули от надвигающейся беззвучной бури.

А еще появилось предвкушение, что должно случиться что-то очень хорошее… прекрасное… для всех в мире!

По виску Итарона медленно поползла капля пота, несмотря на прохладу. Старый волшебник лучше других понимал, что такое Искра. Но и ему не хватало знаний. Практически все эльфийские библиотеки были наперечет, а уж свитки времен Империи и вовсе проходили из разряда легенд. Хорошо, что маги в храме из тех, что принесли клятву верности королю. Они болтать не будут. А «левых» волшебников здесь нет. Все свитские гостей ждут на площади. Жрецы тоже преданны Келлиадирам и ничего никому не расскажут.

Ясно одно — алтарь храма встречает так именно Рэниари. Но почему?!

Или такова сила Искры — пробуждать ВСЮ магию в мире? А храм всего лишь проводник?.. Тогда почему о предыдущих Искрах такого не известно…

Впрочем, тех двух несчастных, что были до Рэниари, никто к алтарю Бога-Неба не тянул. Их просто и без затей затрахали, опоив возбуждающими средствами и стремясь получить как можно больше силы. Рэниари первая Искра за бесконечно долгое время, вошедшая под своды храма.

Слишком мало сведений…

Очень мало!

Теперь понятно, что Искры это нечто большее, чем считалось раньше. Надо искать старые библиотеки. И скорее всего — одна из них явно в Фейринеле, судя по тому, что именно князь первым распознал драгоценный дар богов. Иначе не добивался бы так отчаянно мальчика.

Верховный маг перевел взгляд на группу у алтаря. Величественный жрец, держа руки над головами коленопреклоненной пары, речитативом заканчивал молитву. Роскошные одеяния из белоснежного, тяжелого шелка, расшитого солнечными лучами и молниями, ниспадали к его ногам с все еще широких плеч бывшего воина. Выбеленные сединой, но по-прежнему густые волосы, схваченные алмазным венцом Первого служителя Неба, струились по идеально прямой спине, а с морщинистого лица по-молодому остро смотрели темные глаза. Смотрели прямо на Верховного мага.

Итарон едва сдержал противную мелкую дрожь.

Старый интриган тоже хороший маг. И он не может не чувствовать того, что на них надвигается. И тоже не знает, как на это реагировать.

Прозвучали последние слова молебна. И Эдмир, облаченный в роскошный наряд из темно-синего бархата, помог встать теперь уже своему полноправному мужу.

Черные волосы наследника, убранные в тяжелую церемониальную косу, перевитую золотыми шнурами с нанизанными на них звездчатыми сапфирами, спускались по спине до самой талии

— ради свадьбы Эд отрастил свою гриву, чтобы выглядеть эффектно рядом с супругом. Высокий, мускулистый принц-воин казался башней рядом с невысоким, хрупким мужем, едва достающим ему до плеча. На фоне темно-синих одежд наследника Рэниари казался одиноким золотым лучиком, оторванным от главного светила и тихо угасающим в полутьме.

Кулаки Итарона непроизвольно сжались: маг интуитивно чувствовал, что что-то пошло не так!..

Не правильно!

Но что?!

Закончив обряд венчания, Верховный жрец привычно приказал новобрачным возложить руки на алтарь, скрепив союз огненным очищением. И напряжение в храме возросло до предела, затаившись в ожидании ЧУДА!

Соединенные руки супругов омылись нежными всполохами лилового пламени, и на губах Эдмира расцвела восторженно-сумасшедшая улыбка. Наследник, принявший избранника всей душой, почувствовал, как мириады незримых ниточек привязывают его к Рэни, даря ни с чем не сравнимое наслаждение!

Лицо же самого юноши неожиданно дрогнуло… чуть исказилось. Верхнюю губу обметали бисеринки пота, а зрачки расширились от боли.

Верховный жрец тихонько про себя вздохнул. Это означало только одно — младший из пары не принял свою судьбу, и пламя обожгло его болью. Хорошо хоть на ногах сумел удержаться. Бывало, что и в обмороки падали, не выдержав огненного наказания. Но этот удержался. У мальчика есть характер. Жаль, что с выбором ему не повезло. Очередной политический брак. Хотя старший в полном восторге.

…Так и не пробудившаяся сила с долгим разочарованным вздохом сворачивала развернутые было крылья могущества, уходя в глубину храма.

Наследник отказался от коронации, не приняв избранника.

Надо ждать другого Императора…

Зашипевший от боли Рэниари широко распахнул глаза, невольно вцепившись в руки обнимавшего его Эдмира. Боль обжигала юношу изнутри… призрачно лизало внутренности, испепеляя их!..

Перед глазами потемнело. Шелк одеяний прилип к мокрой от пота коже. Хорошо хоть свободный плащ скрывает это безобразие. И хорошо, что мочевой пузырь пуст, а то так и опозориться можно!

Больно-то как! И ни в какие сравнения не идет с тем, что он испытал при своем первом венчании!

Но затем призрачная боль исчезла столь же внезапно, как и накатила. И юный консорт был даже благодарен Эдмиру, что не позволил ему упасть на глазах у многочисленных зрителей. Накатившее облегчение оказалось столь велико, что юноша на миг даже выпал из

mir-knigi.org

действительности, очнувшись от очередного глубокого поцелуя мужа, заставившего задохнуться обоих.

…Итарон с недоумением переглянулся с Верховным жрецом. Сила, готовая вырваться в мир безумным потоком, словно бы уснула… истаяла внезапно… оставив после себя чувство тоскливого сожаления…

— Многие лета супругам! — Грянул во всю мощь своей глотки Верховный, магически усиливая голос до оглушительного. — И да будут они богаты потомством!

— Многие лета! — Радостно подхватил весь храм, а площадь за выходом отозвалась далеким ревом — туда тоже долетел голос жреца, знаменуя конец церемонии.

Проклятый букет оттянул все руки!

Рэниари готов был убить придурошного жреца, что всунул ему эту «красоту». Знаменитые золотые лилии из королевских оранжерей! Сорт, выведенный магически и стоивший баснословных денег. Но какой идиот собрал в толстенный веник изысканные цветы, что всегда хорошо смотрелись только по отдельности! Да еще скрепил их стебли множеством тонких золотых браслетов, унизанных зелеными и желтыми сапфирами?

В результате прекрасные цветы превратились в богато-пошлый веник. Как раз для такой свадьбы!

Выйдя из храма на высокую террасу, окруженную тройной колоннадой, молодожены очутились под прицелом тысячеглазой толпы, заполонившей огромную храмовую площадь. Только теперь, стоя спиной к святилищу, Рэниари оценил вид, открывавшийся с террасы: когда он поднимался сюда — было как-то не до любований.

И вид этот, признаться, впечатлял!

Они с Эдмиром словно плыли над бушующим разноцветным морем.

Далеко внизу, под ногами… там, куда только предстояло спуститься по длинной, широкой лестнице!.. колыхалось НЕЧТО, состоявшее из бесконечного множества людей, не различимых отсюда. Их крики сливались в единый гул, чем-то напоминающий океанский прибой: то накатывая, то на миг стихая. Чтобы тут же взорваться оглушительным грохотом, распадаясь на отдельные голоса… и вновь слиться в общем шуме приветствий!

У Рэниари даже голова закружилась, когда он осознал масштаб собственной свадьбы. До этого часа юноша все воспринимал как-то теоретически, не в силах представить себе подобный размах. Каким-то запредельным усилием заставив себя собраться, он качнулся, собираясь начать спуск. Тут же сильная рука Эдмира властно обхватило его предплечье, поддерживая и направляя. И оба принца одновременно шагнули навстречу беснующейся от радости толпе.

Спускаясь, Рэниари заучено улыбался, буквально ослепляя столичных жителей сиянием своей улыбки. И никто из тех, кто пришел полюбоваться на красивого консорта, не знал, как же устал этот юноша, что сейчас легко скользил по ступеням храма.

Да еще этот демонов букет оттягивал руки! Действительно, какой идиот его делал?

К раззолоченной карете наследника престола они оба добрались на удивление быстро. Видимо, сказалось желание обоих принцев побыстрее избавиться от оглушающего шума. Впереди,

конечно, еще свадебный пир во дворце. Но это все лучше, чем находиться на всеобщем обозрении — все-таки народу не в пример меньше.

Перед каретой Рэни на миг помедлил. Представив, как он будет влезать внутрь с этой громадой в руках… а потом держать на коленях (да эти клятые лилии его с головой скроют!), юноша поморщился. А потом, размахнувшись, зашвырнул надоевший веник куда подальше. Хотел — в толпу. Но сил не хватило докинуть дальше первой линии гвардейцев. Из зевак никто ничего не понял, но толпа восторженно взвыла, стоптав несчастных стражников в погоне за внезапным сувениром.

— Ты что творишь?!.. — обалдело дернул его за плечо Эдмир, наблюдая, как пронзительно завывающие зрители дерутся за добычу. Причем в драке участвовали как дворяне, так и простолюдины, жадно выдирая друг у друга измочаленные цветы, уже разобранные на листики и лепесточки. Даже золотые кольца разломали на кусочки.

— Создаю новый обычай, — ехидно отозвался Рэниари, с неприкрытым облегчением встряхивая натруженными кистями. — Называется «слови счастье!»

— А что, — со смешком отозвался подошедший к новобрачным король. — Неплохой обычай! Мне нравится!

— Особенно понравится, когда эта толпа затопчет кучу народу! — Возмущенно высказался Эдмир, наблюдая за продолжающейся дракой. На что его муж только фыркнул.

— Никто никого не затопчет! — Отозвался он. — Смотри, они уже успокоились.

И действительно, те, кому достались частицы злополучного букета, торжественно прикрепляли их к одежде на зависть остальным зевакам. Но, как ни странно, проигравшие не пытались взять реванш, отобрав проигранное. Людьми владело праздничное настроение, где не было места обидам.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно высказался Рэниари, наконец-то скрываясь в карете. — У меня хотя бы руки отдохнут!

…Церемония представления двору и последующий пир показались Рэни одной большой пыткой. Учитывая, как активно начался его день, юноша вымотался настолько, что им владело лишь одно желание — лечь и заснуть. Ему с трудом удавалось удерживать на лице дежурную улыбку, высиживая во главе праздничного стола уже седьмой час.

Пиршество, начавшееся вполне чинно, становилось все более бурным по мере опустошения винных запасов дворца. А пожелания от гостей все более откровенными. Рэниари приходилось всякий раз улыбаться и благодарить очередного пьяного солдафона с очередной лагерной шуткой, прямой и тяжеловесной как рыцарский двуручник столетней ковки. И такой же тупой.

Исключение составляли лишь несколько человек за главным столом, благодаря которым Рэниари еще держался. Это Баррэт со своими супругами, кузен мужа Айрэ, и, как ни странно, сам король. Даже тетки Эдмира пошли вразнос, хохоча во все горло. Только почему-то одна из них, Лаурэ, то и дело бросала на юного консорта ненавидящие взгляды. Впрочем, Рэни вполне могло и показаться — средняя из сестер короля имела за душой слишком хорошую придворную школу, чтобы ТАК демонстрировать на людях свое отношение к новому родичу.

Даже яства, все время подносимые многочисленными слугами, не вызывали ничего кроме

тошноты. Зато Эдмир веселился по-полной! Ел и пил за троих, частенько выдергивая Рэниари из-за стола и принимался жадно целовать его на глазах всего зала. Подвыпившие аристократы и всегда столь утонченные дамы одобрительным ревом встречали каждый такой поцелуй. Но с каждым часом юноше все труднее и труднее оказывалось изображать из себя счастливого молодожена. Его давила усталость. Глаза слипались, шум в зале доносился как будто издалека. К тому же за спиной постоянно кто-то крутился — или гвардейцы или магов, или все сразу — присматривая за драгоценной Искрой. Раздражало это жутко!

В конце концов, сидевший неподалеку Итарон встал и, подойдя к его величеству, что-то сказал. Рэниари лишь уловил быстрый взгляд тестя в его сторону. И в следующий миг Сорондо встал, вскидывая вверх кубок с вином.

— Веселитесь! — Взревел он таким голосом, словно командовал на поле битвы. — Пейте за здоровье молодых!.. И за моего будущего внука! Эдмир, вам пора!..

То, что началось в зале после этих слов, не описать словами! Гости, повскакав из-за столов, обрушились с новыми поздравлениями-пожеланиями на новобрачных. А довольный как сытый удав Эдмир выдернул Рэниари с его места, направляясь прочь из зала. От посыпавшихся традиционно-скабрезных напутствий щеки юноша запылали как маков цвет. Но Рэниари был даже доволен, ибо наконец-то уходил из этого бедлама. Хотя путь по дворцу тоже напоминал подвиг — надо было миновать множество покоев и толпы тех, кому не повезло пировать в Главном зале, но кто желал поглазеть на чету принцев.

Юноша уже просто мечтал закрыться в тишине семейного крыла.

В тишине…

Как бы ни так!

Сначала нужно было вытерпеть копошение слуг вокруг себя, когда его готовили ко сну. Затем пережить водные процедуры. Но там можно было просто отдаться чужим рукам, позволяя себя мыть. В результате чего Рэниари просто уснул в воде, не обращая внимания на манипуляции прислуги. И даже не проснулся до конца, когда его вывели из ванной, обтерли-расчесали и проводили в спальню.

Кровать он искал уже наощупь, не размыкая глаз. И неизвестно, чем бы закончились поиски в огромной затемненной спальне, но тут его подхватили сильные руки мужа, крепко прижав к уже обнаженной груди.

— Подожди!.. Не засыпай!.. Хочу тебя!.. — словно в горячке шептал Эдмир, целуя супруга в макушку и укладывая на простыни, пахнущие свежестью морозного утра. Рэниари только недовольно вздохнул, не раскрывая глаз — пусть делает что хочет, главное, чтобы спать не мешал.

Руки старшего принца горячечно метались по телу юноши, касаясь его везде. Рэниари в этот миг было все равно. Он все больше проваливался в мягкую темноту, уже ни на что не обращая внимания.

…Раздосадованный Эдмир, стоя над на коленях с изнывающим членом наперевес, с растерянностью смотрел на безмятежно посапывающего мужа. Собственный орган болезненно пульсировал, требуя продолжения. Открытая, потемневшая от прилившейся крови головка истекала смазкой. Яйца наследника набухли так, что ноги невозможно было свести, а его драгоценный муж, вместо того, чтобы облегчить муки супруга, СПАЛ!

mir-knigi.org

Да что с ним такое?!

Эд осторожно потряс юношу за плечо, пытаясь привлечь его внимание. Рэни повернулся на бок, трогательно подложив сложенные ладошки под щеку, и умиротворенно засопел.

— Ты не хочешь?!.. — совсем растерялся Эдмир. Как же так? Муж никогда не отказывал ему в близости, отвечая так, что крышу сносило от удовольствия. А тут спит!

Неужели устал?

Раскинувшееся на белоснежных простынях тело выглядело настолько соблазнительно, что его высочество не выдержало, сладострастно огладив супруга по золотистому боку, тут же скользнув одной ладонью меж двух маленьких половинок, лаская потаенное местечко. Другая рука принца откинула мягко переливающиеся солнечными бликами от многочисленных ночников волосы Рэниари, заплетенные в свободную косу, открывая нежный изгиб шеи с чуть заметным кадыком. Юноша так удачно лежал спиной к супругу, подставляя свою самую соблазнительную часть, что просто грех было не воспользоваться предоставленной возможностью!

Устроившись за спиной мужа, Эд, едва не мурлыча от предвкушения, тягуче потерся пахом об столь удачно выставленную попу того, втягивая раздувающимися ноздрями все усиливающийся запах страсти. И просунул руку между бедер юноши, проехавшись предплечьем по всей щели, и захватывая в полную горсть такой теплый… беззащитно-нежный!.. и расслабленный член Рэни вместе с его яичками.

Опираясь на локоть, принц-наследник все жарче и жарче прижимался всем телом к спине и ягодицам парня, нетерпеливо потираясь об него, и нежил в ладони его достоинство. Вдруг Рэни всхлипнул во сне и слабо дернулся, пытаясь вывернуться из-под дразнящей его руки. Но Эдмир не пустил, частично навалившись на мужа. Вторая рука принца протиснулась между постелью и юношей, обвив его поперек груди. А пальца другой, оставив на время пах жертвы, осторожно принялись гладить золотистое бедро Искры, то и дело скользя на живот юноши, кружась вокруг впадинки пупка или маленьких сосков.

Рэни тягуче вздохнул во сне и привалился спиной к груди мужа. Его член, заинтересовавшись тем, что творили с его хозяином, чуть приподнялся.

И Эд окончательно осмелел!

Его ладони принялись все сильнее оглаживать бедра мужа, ласкать ягодицы, щекоча нежные складочки сжатого колечка. Пальцы легко скользили внутрь по предусмотрительно смазанным маслом шелковистым стенкам, погружаясь в жаркую глубину то на фалангу, то на две. Губы нежно касались гладкого плеча, тонкой шеи, ушка, высокой линии скулы. Язык обрисовывал идеальные черты лица, время от времени касаясь уголка закрытого глаза, покалываясь о длинные ресницы. Эдмир дурел от осознания вседозволенности, от этой расслабленной податливости, от аромата тела в своих руках! Больше всего ему хотелось пустить в ход зубы, прикусывать, засасывать до алых отметин на идеальной коже, сжать да хруста в боках, врываясь сразу и на всю длину!

Но он продолжал изводить самого себя, уже едва сдерживаясь от тугой боли в паху, но продолжал медленно и нежно, чтобы не разбудить, ласкать мужа. И только когда желание стало совсем уж нестерпимым, Эд приподнял ногу Рэни, сгибая ее в бедре и колене. И, навалившись на юношу еще больше, аккуратно, помогая рукой, протолкнул в мягко разомкнувшийся анус головку своего члена.

От тесной влажности и нежности захотелось тихонько заскулить и замереть, уткнувшись носом в пушистую макушку любимого, но Эд, пересиливая себя, мягко двинул напряженными бедрами, входя еще чуть-чуть. И, перехватив согнутую ногу Рэни под коленом, прижимая ее к животу юноши, стал надавливать, проталкивая себя все дальше в желанное тело. Рэниари что-то буркнул во сне и резко двинул задом, насаживаясь до конца. А бедняга принц едва не кончил от полноты ощущений, внезапно соприкоснувшись пахом с упругими ягодицами мужа.

Обхватив рукой супруга поперек груди, Эдмир глубоко и часто задышал, пытаясь хоть немного успокоиться. Не желая выстрелить вот так сразу, даже не насладившись моментом. Но какое там! Двигаться хотелось отчаянно, до темных мушек перед глазами! Мозги отказывались работать здраво, стремительно утекая из головы в другую часть тела.

И принц, плюнув на все, двинул бедрами, застонав от дикого желания, пополам с облегчением!..

А потом и вовсе стало не до рассуждений. Эдмир старательно и сосредоточенно трудился за спиной так и не проснувшегося супруга, сосредоточено сопя в две дырки. Дышать ртом для глубины вдоха ему даже не пришло в голову. Наоборот, принц изо всех сил сжимал зубы, сдерживая стоны, и раздувал ноздри, пытаясь захлебнуться так не хватавшим ему воздухом!.. Ощущая колючий жар, стремительно покатившийся по позвоночнику к паху… и взорвавшийся мириадами огненных искр, вырвавшись, наконец, из его тела!.. чтобы взамен заполнить другое, непроизвольно дернувшееся под ним!

…Придя немного в себя после бурного оргазма, Эдмир сполз с по-прежнему спящего мужа и, передвинув Рэни на спину, устроился между его бедер, придерживая их руками в согнутом положении. После полученного удовольствия хотелось любить весь мир, и особенно одну колючку, что безмятежно спал, а не отворачивался как обычно от супруга после исполнения семейного долга. И потому, перецеловав нежную кожу внутренней части бедер и влажные паховые складочки… погладив впалый живот, где зрел их ребенок… принц-наследник длинно лизнул упругий член с полуоткрытой головкой и с необъяснимым удовольствием забрал его в рот, посасывая и нежа на языке. Как-то раньше он не был сторонником минета, привыкнув, что делают ему, а не делает он. Но с любимым человеком хотелось быть нежным, отдавать ему всего себя и ласкать всеми мыслимыми способами. И потому Эд, полузакрыв глаза от наслаждения, ласкал член мужа губами и языком, не забывая про теплую тяжесть мошонки у себя в ладони. И чувствуя медленный, но верный ответ.

Вдруг юноша глубоко и прерывисто вздохнул, чуть дернув тазом и напрягая бедра в тщетной попытке свести их вместе (но Эд удержал!). Его член набух, затвердел, а на языке принца появился слабый привкус горьковатой свежести. Эдмир тут же отстранился, с влажным чмоканием освобождая свою игрушку, и с удовольствием пронаблюдал, как обильно излился на самого себя Рэниари, тягуче застонав во сне. Его ресницы трепетали, тело изогнулось в пароксизме страсти, но уставший за день юноша так и не проснулся, жарко разметавшись на смятых простынях.

Удовлетворенный принц, подтянувшись на руках, лег рядом с мужем, сграбастав того в объятия.

«Утром повторим…» — подумал Эд, положив руку на влажное от семени бедро мужа. Тот вдруг извернулся в объятиях и, уткнувшись носом в твердую грудь мужчины, вновь сладко засопел. Обнял его покрепче, принц накинул на них обоих покрывало и тоже стремительно уплыл в сновидения, счастливо улыбаясь во весь рот.

Глава 20

Закинув руки за голову и вытянувшись на постели, Рэниари вот уже незнамо сколько времени пялился в темноту нависающего над головой балдахина. Рядом тихонько и как-то по-домашнему уютно похрапывал Эдмир, тяжелой рукой властно обнимая Искру поперек груди.

Вставать было слишком рано. Рассветные сумерки только-только вползали в спальню прохладной свежестью и нерешительными пока еще распевками ночевавшими в саду птиц.

Вчерашний день напоминал о себе свинцовой усталостью и слегка ноющей попой — видимо дражайшего супруга не остановило его состояние. Ловко вывернувшись из-под горячей руки мужа, Рэни встал, утонув босыми ногами в ворсе ковра, и потянулся за халатом, что висел на специальной подставке рядом с постелью. Комнатные туфли нашлись тут же. И, затянув на пока еще тонкой талии шелковый пояс, юноша бесшумно выскользнул на садовую террасу. Слишком многое с ним случилось, что требовало спокойного обдумывания.

Солнце еще не встало, но его первые лучи уже разгоняли заблудившиеся сумерки. Сияние Неритель виднелось над краем горизонта. А в небе над столицей висел полный диск третьей, утренней, луны. Нежный свет Товители, чем-то похожий на слабый солнечный, смешиваясь с угасающими бликами уходящей сестры, раскрашивал спящий город у подножия Королевского холма в розовато-золотые оттенки.

Красивое и немного печальное зрелище.

Присев на бортик крошечного фонтана, что сыпал с вершины частым жемчугом капель, юноша задумался, тихо касаясь кончиками пальцев дрожащей поверхности воды. Только сейчас, на рассвете, у него появилось время подумать. А то в последнее время события нарастали и обрушивались на него подобно цунами — такие же бешеные и все сметающие на своем пути. Время неслось вскачь как взбесившаяся лошадь — не успеваешь оглянуться, а уже обстоятельства сменились. И чтобы выжить, нужно срочно что-то придумывать, делать, поступаться собственной гордостью…

А ведь, если задуматься, то совсем еще недавно он жил вполне себе предсказуемой и размеренной жизнью. Всего-то чуть больше месяца прошло после того злополучного карнавала, что навсегда изменил судьбу беззаботного мальчишки.

С ума сойти! Столь короткий отрезок времени, а Рэниари кажется, что пролетели годы. Его телу семнадцать, но себя сам он ощущает намного старше, серьезнее… мудрее?..

Даже смерть отца как-то смазалась, ушла в глубину памяти, более не вызывая режущей боли в груди. Одну только светлую печаль.

Эдмир…

Рэниари невольно нахмурился, не замечая, как его пальцы слабо пощипывают живущие в фонтане алые рыбки, выпрашивая корм.

Они все-таки стали супругами… Связали себя навсегда, худо ли бедно, но создав семью. Говорят, где-то на юге, в многочисленных, крошечных разбойничьих княжествах, где существуют гаремы, практикуется церемония под названием развод. Дескать, старший муж, которому надоел его спутник или спутница, может разорвать их брак, выбрав себе нового супруга. Но в Хилдоне и в близлежащих государствах такого понятия нет. Брак неотвратимо связывает двоих на всю жизнь, до смерти одного из супругов.

Кто бы знал, как он устал быть сильным!..

Всего-то пара недель, а уже устал…

Но… страшно из-за собственной гордости и отвращения остаться на положении просто жертвы, в надежде, что все уладится само собой. Ибо супруг не откажется от тела Искры и дармовой силы. Будь они обычной парой, можно было надеяться, что Эдмир со временем найдет себе любовников, освободив юношу от своего внимания. Но Искра… Если Рэни и дальше продолжит отталкивать мужа, то все закончится плохо прежде всего для него самого. Да и сложно прожить всю жизнь чужаками. А значит надо в очередной раз идти на компромисс.

Только теперь Рэниари понял слова отчима. Асин неоднократно говорил ему, что супружеская жизнь это постоянные уступки, когда двое чужаков подстраиваются друг под друга, идя на определенные жертвы ради мира в семье. Если только не любят безумно…

Рэниари невольно задумался — а что чувствует он к Эдмиру? Не любовь, это уж точно. Но и ненависти нет. Понять мотивы принца легко: он защищал свое, приобретая неиссякаемый источник могущества и магически сильного будущего наследника. И теперь принц как можно крепче привязывает к себе столь полезного мужа, твердя о своей былой ошибке и вдруг проснувшейся пламенной любви. Вот только веры его словам больше не было.

Юный консорт вздохнул, отряхивая пальцы от прохладных капель, и встал на ноги.

Как бы то ни было, но в постели у них все хорошо. Даже обида за погибшую в одночасье любовь не мешает Рэни со всем пылом молодости отдаваться жарким ласкам принца. Значит, стоит остановиться на таких отношениях. Пусть муж берет тело (тем более, что самому Рэниари это тоже доставляет удовольствие), но оставит в покое за пределами спальни, позволив жить своей жизнью. Такие отношения позволят обойтись без скандалов. Существовать не мешая, а помогая друг другу.

И, пожалуй, стоит начать именно сейчас, чтобы решить весьма навязчивую утреннюю проблему, во всю выпирающую из паха под тонким шелком халата.

Вернувшись в спальню, Рэни решительно сбросил на пол халат и туфли, и скользнул озябшим телом в постель к супругу. Пока его не было, принц-наследник вольготно вытянулся на спине на смятых простынях, раскинув в стороны руки и ноги. Крупный, наполовину вставший член Эдмира приподнимался из темных завитков паха. Довольно занимательное зрелище, если учесть, что поросль у мужчины была только внизу живота. А сама промежность и крупные, сейчас отвисшие яйца трогательно белели гладенькой кожицей.

Встав на колени рядом со спящим, Рэниари внимательно оглядел раскинувшееся пред ним богатство, за которое любой или любая (кроме него самого!) отдал бы что угодно!

А все-таки хорошо, мерзавец!

Сердце сжалось от эха давней боли, в то время как рассматриваемый муж продолжал безмятежно дрыхнуть, не реагируя на утреннюю прохладу. От его большого, мускулистого тела несло жаром как от печки.

Совершенный, красивый особой, хищной красотой.

Широкая грудь с маленькими темными сосками, перевитые жгутами мышц руки, тонкая талия, плоский живот, даже не в кубиках, а в кубах пресса. Узкие бедра, тоже с хорошо прорисованными мышцами, длинные ноги с крупными, но изящными щиколотками. Бронзовый загар, чередующийся с незагорелыми участками кожи. Могучая шея с трогательной яремной впадинкой. Лицо… Ооо, это отдельная песня! Безусловно красивое, не столь яркой красотой, как у самого Рэни, но мужественное. Прямой нос, высокий чистый лоб, твердая линия чуть тяжеловатого подбородка, крупный рот со строгой линией не чересчур пухлых губ…

Словом, образец мужественности и красоты!

Решительно вздохнув и переламывая себя, Рэни потянулся погладить тело мужа. Ладони юноши скользнули по гладкой коже широкой груди, нежно покружив вокруг напрягшихся коричневых сосков. Взгляд аквамариновых глаз опустился вниз и вновь остановился на могучем достоинстве мужчины. Собственный член юноши давно был в полной готовности. Оставалось растормошить одного соню, чтобы получить взаимное удовольствие. Рэниари даже в голову не приходило войти в это великолепное тело! Во-первых, его с самого детства воспитывали как младшего, только принимающего. А, во-вторых, что-то принц-консорт сомневался, чтобы этот надменный хищник когда-нибудь покорно раздвинет ноги перед своей игрушкой.

Как жаль, что Эдмир слишком честолюбив и властен, чтобы уметь любить. Его учили только брать, ничего не давая взамен. А ведь когда-то одному наивному мальчишке верилось, что счастье так возможно!

Но не стоит сетовать на судьбу. Нужно быть благодарным и за то, что имеешь. Другие младшие и этого лишены.

Рэниари выпрямился на коленях и окинул спящее тело тягучим, голодным взглядом. Пальцы юноши коснулись скулы принца, очертили линию подбородка, невесомо прикоснулись к пульсирующей жилке на шее. И вдруг Рэни, решившись, перекинул одну ногу через супруга, усаживаясь на него верхом. Сзади, в щель между ягодицами уткнулся уже вполне себе готовый член принца-наследника. И юноша нагнулся, прогибаясь в пояснице. На лицо мужа упали несколько шелковистых прядей, выбившихся из свободной ночной косы Рэниари. Нежные губы Искры нерешительно коснулись чуть приоткрытых губ старшего супруга. Рэни словно бы слышал беззвучный хруст собственной, сгибаемой сейчас в бараний рог гордости. Он физически заставлял себя делать то, что делал. Но иначе у их брака не будет будущего. Нельзя быть всю жизнь врагами, надо хотя бы стать партнерами, раз уж любви им боги не дали!

Ласково пройдясь самым кончиком языка по верхней губе мужа, Рэни чуть в голос не захохотал, выпуская нервное напряжение и вспоминая, как однажды Асин попытался научить его целоваться на яблоках. Но потом плюнул и заявил, что будущий супруг сам научит.

Прохрюкавшись от смеха, юноша уже более живо принялся посасывать оттопыренную во сне губу Эдмира. Тот нетерпеливо заворочался, что-то забормотал, расплывшись вдруг в совершенно идиотской улыбке. И распахнул на удивление не сонные глаза, тут же захватывая в жаркие объятия проявившего инициативу супруга.

Им обоим как-то вдруг стало не до разговоров. Член принца настойчиво терся меж двух соблазнительных половинок, то и дело упираясь во влажную от обильной смазки расщелину. Пальцы Эдмира кружили вокруг колечка входа, погружаясь в него, растягивая, массируя. Нежные складочки податливо расходились… не успели еще стать вновь тугими после ночных игр наследника… и заставляя Рэниари все больше изгибаться на муже, постанывая и

демонстрируя свое желание. Напряженный член мальчишки упруго качался перед ошалевшими от внезапного счастья глазами Эда. С открытой головки срывались редкие капли смазки, щекоча пожавшийся живот мужчины.

— Красивый мой… Любимый …Мой маленький король… — словно в бреду прошептал наследник. Тело над ним вдруг налилось пронзительной белизной, а взгляд аквамариновых глаз из-под пушистых золотых ресниц сверкнул льдисто-голубым. И Рэни задрожал словно тонкая струна, отзываясь тягучей негой во всем теле Эдмира!

Не выдержав столь сладкой пытки, принц-наследник направил себя вглубь желанного тела. И, крепко придерживая Рэни за бедра, осторожно, с невольным стоном, вырвавшимся из искусанных от нетерпения губ, насадил мальчишку на себя до упора!

Рэниари вскрикнул, изогнулся тугим луком и замер, прикрыв глаза. Из его груди вырывалось тяжелое дыхание, а ладони крепко сжались вокруг удерживающих его рук мужа. А Эдмир совсем одурел от пульсирующего сдавливания, обхватившего его плоть.

С трудом расцепив пальцы на покрасневших от такого обращения бедрах юноши, принц-наследник заставил себя замереть… дать мужу привыкнуть… чтобы пока заняться другим. Ладони мужчины, выскользнув из-под опеки замерших пальцев Рэни, властно прошлись по золотистым бокам Искры, по его груди, поиграв чувствительными сосками, набухшими словно у женщины (Рэни запрокинул голову назад и тоненько застонал…). Пощекотали втянувшиеся ребра и легко проследовав кончиками пальцев золотистую дорожку пушка от пупка к члену, легли на пах, забирая в горсть достоинство мужа. Затем Эд медленно вышел из тела над собой, оставляя внутри лишь головку, и тут же резко дернул бедрами, вновь засаживая по самые яйца. Мальчик в его руках выгнулся назад, и золотой водопад из распустившейся косы прохладной массой шелковистых волос упал на ноги мужчины.

— …мой император… — беззвучно прошептали губы ничего не соображавшего мальчишки. Так тихо, что Эдмир не расслышал, только по губам определил шепот. И замер, более не двигаясь, пытая самого себя.

Не выдержав бездействия, Рэни дернулся и попытался приподняться. Но Эдмир, вошедший во вкус, не пустил. Весьма пошло облизав опухшие от поцелуев губы, принц-наследник с коротким смешком принялся надрачивать рукой ствол Рэни, не забывая дразнить его поджавшиеся и потяжелевшие яички. И только когда возмущенный издевательством парень стал вырываться всерьез, Эд вновь перехватил его за бедра, задавая тем самым нужный ритм. Приподнявшись на высоких подушках, принц с диким наслаждением впечатывался в зад мужа, подкидывая собственной задницей. Быстрые влажные шлепки были для обоих лучшей музыкой, а запах страсти, что прорывался сквозь работающий амулет очистки — лучшими духами!..

Скачка продолжалась долго…

Эдмир умело управлял действиями мужа, не позволяя до времени кончить ни ему, ни себе. А Рэни наслаждался тугим стволом в себе и горячим трением внутри. Время от времени Эд задевал точку наслаждения и вырывая из горла юноши непроизвольный вопль. Консорт наслаждался самим моментом близости, не думая ни о чем, в отличие от Эдмира, у которого даже сквозь туман страсти нет-нет, но прорывалась самодовольная мыслишка о горячности любовника.

Но все мысли вылетели из головы принца, когда Рэни приподнялся и, протяжно закричав, вновь с силой опустился на мужчину, содрогаясь и выстреливая ему на грудь густой, белесой

струйкой. От сжавшегося, тугого жара внутри Эд тоже захрипел, проталкивая колючий воздух сквозь внезапно пересохшее горло, и вскинул бедра, кончая.

…Какое-то время после оргазма они оба молчали.

Рэни расслабленно лежал на влажной от пота груди мужчины, успокаивая сбившееся дыхание. Одна рука Эда лениво ворошила спутанные волосы мальчишки, другая нежно гладила его по пояснице. Обмякший член наследника постепенно выскальзывал из Рэниари.

Было так хорошо и лениво лежать вместе, отдыхая после близости!..

Юношу переполняли покой и нега. А вот губы Эдмира все больше растягивала торжествующая улыбка, тело же буквально переполнялось дармовой силой Искры, вызывая приятно-пьяную эйфорию.

Приподняв над собой все еще расслабленное тело мужа, принц-наследник запечатлел на сладких губках мальчишки собственнический поцелуй, звонким эхом отдавшийся в тихой спальне.

— Ну, вот! Можешь ведь, когда хочешь!.. — радостно выдохнул он. Наконец-то, обиженный супруг перестал ломаться и признал их связь! — А то строил из себя невесть кого!

Прозрачную негу Рэниари будто холодной волной смыло. Он тут же напрягся в руках мужа, широко распахнув вмиг построжевшие глаза.

Горбатого могила исправит!

И на что он только надеялся, первым делая шаг к примирению?! Только дал повод для самодовольного торжества одному самовлюбленному индюку.

— Спасибо за помощь, — холодно отозвался Рэни, выворачиваясь из объятий. — Не хотелось справляться с утренним стояком своими силами, когда под боком муж прохлаждается.

И он попытался соскочить с кровати, чтобы вызвать слуг для утреннего туалета. Почему-то вновь в душе проснулась жгучая обида.

— Куда?! — С недоумением прозвучал голос мужа, и его сильные руки поймали Рэни в плен объятий. — Я только во вкус вошел!

— Может, хватит? — Тихо попросил юноша, не делая попыток вырваться — бесполезно. — Я слишком устал, чтобы развлекаться подобным образом.

— Ты сам меня разбудил, требуя разрядки, — ладонь Эдмира звучно похлопала Искру по обнаженному заду. — Вот и расплачивайся. Одного раза мне мало!

«Да что б ты лопнул!» — С бессильной злостью думал Рэниари, когда его ставили раком на постели, чтобы нежно отыметь по полной. От недавней благодарности не осталось и следа. Видимо, из его задумки наладить семейную жизнь ничего не выйдет. Для Эдмира он всегда останется лишь приятной во всех отношениях вещью, у которой не может быть своего мнения.

Очередная ошибка…

Разозлившись, Рэни рванулся изо всех сил. Он почти вырвался, но муж с довольным смешком успел его перехватить и ткнул лицом в перины, небрежно заламывая за спиной тонкие руки

mir-knigi.org

юноши. Было не больно, но очень обидно!.. Жесткие от мозолей ладони Эдмира окольцевали запястья, не давая брыкаться, а в попу уже тыкалось влажное и тугое.

— Перестань! — Придушенно взвыл парень, выворачивая шею. — Довольно!..

— Ну, что ты ломаешься? — Возмутился распаленный сопротивлением Эд. И тут же расплылся в понимающей улыбке: — Ааа… ты решил поиграть? Хороший мальчик!

А Рэниари вдруг перестал сопротивляться, вновь приняв в себя нетерпеливый член мужа. На юношу накатила неожиданная тошнота, заставляя часто сглатывать густую слюну, отдающую горечью. Он попытался максимально расслабиться, чтобы переждать дискомфорт, но сильные толчки не давали сосредоточиться.

— Пусти!

— Никогда!.. Если бы ты знал… какой ты!.. Сладкий!.. Желанный!.. Не отпущу!.. — рычал Эдмир, дурея от восторга обладания. Энергия бешеным потоком врывалась в его тело, перестраивая под себя и даря ощущение бесконечного могущества.

— МОЙ!

Извергнувшись огненной лавой в тело под собой, Эд обмяк, навалившись на мужа, жарко целуя сведенные крылья лопаток.

Вот так… все будет хорошо. Его обидчивый малыш простит и перестанет дуться. Уже перестал — сам принялся ласкаться утром…

Но Рэни слабо оттолкнул от себя руки принца, тискающие его яйца в попытке возбудить. И, шатаясь, поднялся на ослабевшие ноги, окатив Эдмира взглядом, полным презрением.

— Да что тебе опять не так?! — Опешил супруг, однако юноша, зло дернув плечом, уже направился в сторону ванной.

— Чего ж тогда ко мне лез, если не хотел?!.. — с откровенной злостью выдал Эд, тоже вставая с постели. И нарвался на уничижительный взгляд аквамариновых глаз.

— Да чтоб я еще раз проявил инициативу! — Отозвался резко побледневший консорт. — Тебе, видимо, совсем чувство меры незнакомо! Только о своем члене и думаешь!

— Да ты!.. — задохнулся от возмущения обиженный в лучших чувствах принц-наследник. Но остановился, когда Рэни вдруг посерел и, зажав ладонью рот, вылетел из спальни, даже забыв надеть халат.

Перепуганный Эдмир рванул за ним и нашел мужа над отхожим местом, где того выворачивало желчью.

— Ну, чего ты?.. Врача позвать?.. — забормотал Эд, от растерянности не зная, что делать, за что хвататься. Но Рэниари уже выпрямился, вытирая рот влажным полотенцем, что подал расторопный слуга, незаметно просочившийся внутрь.

— Со мной все в порядке, — ровно ответил консорт. — Благодарю за внимание.

— И все-таки я прикажу вызвать врача, — недовольно нахмурился Эд, рассматривая словно бы истончившееся лицо мужа с темными кругами под глазами.

— Как хочешь, — равнодушно отозвался юноша, отворачиваясь от супруга.

…Король встретил своего мага в личной гостиной. Несмотря на ранний час Сорондо давно был на ногах читал какой-то свиток, пока трое магов-целителей сосредоточенно проводили осмотр царственного пациента. Мало кто в королевстве знал, что великий правитель вот уже почти семь лет живет лишь за счет магии. Двести пятьдесят лет для полукровки-немага был пределом. Но старый воин, переживший на своем веку немало горя и бед, не желал сдаваться даже смерти. И потому сразу несколько магов, сменяясь посменно, поддерживали жизнь в изношенном теле короля.

Увидев входящего в покои Итарона, Сорондо улыбнулся и отложил свиток в сторону. Закончившие свою работу целители поклонились двум самым могущественным людям королевства и с поклоном вышли.

— Садись, — кивнул король своему магу.

— Не ожидал увидеть вас на ногах, — отозвался Итарон, присаживаясь в предложенное кресло. Король тяжело вздохнул.

— Ты даже наедине столь официален, Ламитель, — попенял он магу. — Все никак не забудешь…

— Никогда, мой повелитель, — склонил голову лорд.

Оба помолчали.

— Скажи мне правду, Лами, — тихо попросил вдруг Сорондо, не глядя на собеседнику. — Настоящую правду… а не те увертки, на которые горазды твои подчиненные. Сколько мне еще осталось?..

— Разве вы плохо себя чувствуете? — Удивленно приподнял красивые брови маг. — Вчерашний пир вы отсидели до конца, на зависть более молодым!

— Да уж! — Усмехнулся король, довольно щуря глаза. — Твои маги хорошо знают свое дело. Но, Ламитель, все-таки не увиливай.

Верховный маг тяжело вздохнул и скорбно поджал губы.

— Год-полтора… — нехотя признался Итарон. Сорондо мечтательно улыбнулся.

— Не самая плохая жизнь прожита, — сказал он. — Много я ошибок совершил… о многом жалею. Но и гордиться есть чем! Ты ведь присмотришь за Эдмиром?

— Мог бы и не просить, — проворчал маг, на миг выпадая из образа преданного вассала. — Конечно, присмотрю.

— Прости, — повинился вдруг король, — никак не скажу ему правду. Наверное, просто письмо напишу.

— А надо ли? — Отозвался Верховный маг. — На мой взгляд будет лучше, если все про все забудут.

— Тебе будет легче… — не согласился Сорондо. Но Итарон несогласно качнул головой.

mir-knigi.org

— Ладно, это еще терпит, — произнес он. — Я, собственно пришел обсудить то, что вчера произошло в храме.

— А что там произошло? — Удивился повелитель. — Прекрасная церемония! Всем понравилась.

— Вы не маг, мой король, — ответил Итарон. — Как и почти все гости. Никто из вас не понял, что Храм проснулся.

— Что ты имеешь в виду? — Тут же насторожился король. Его маг задумчиво сидел в кресле напротив.

— Никто ничего не понял, но вчера Храм Бога-Неба признал принца-консорта как своего хозяина. Магия, давным-давно уснувшая в толще земли, готова была развернуться навстречу Рэниари!

— Мы мало что знаем о столичном храме, — продолжил Итарон после продолжительного молчания, во время которого король пытался осознать сказанное. — Известно только, что в глубокой древности таких храмов было множество. По неясным свидетельствам, оставленным эльфами, они были не только духовно-магическими центрами, но и каким-то образом направляли магические потоки во всем мире. Но однажды что-то случилось, и магия стала стремительно утекать из нашего мира. Это, в конце концов, и заставило эльфов начать исход. Нам достались лишь жалкие крохи былого величия. И главный храм… остальные давным-давно рухнули.

— И?.. — не выдержал король. Итарон пожал плечами.

— И вчера все маги, присутствующие при церемонии, узрели чудо, — ответил он. — Магия проснулась! Пусть на миг, но это повергло всех нас в священный трепет. Вы себе не представляете, повелитель, что я ощутил на долю секунды! ВСЕМОГУЩЕСТВО! Казалось, что мне подвластно ВСЕ! Я стал цельным, наполненным!.. Магия струилась сквозь меня могучим потоком! А потом… все ушло… вновь уснуло. Словно что-то было не завершено.

— Рэниари? — Тихо уточнил король. Старый маг кивнул с мучительной гримасой на лице.

— Это так больно — вновь почувствовать свою ущербность, — с дикой тоской признался он. — Знать, как ДОЛЖНО быть. И как на самом деле… И я знаю, что каждый маг в храме испытал подобное. И все это сотворил одним своим присутствием Рэниари.

— Уверен? — Спросил король. Его маг кивнул.

— Более чем, — ответил он. — Пусть мальчик и сам этого не понял, но это несомненно — магия готова была выплеснуться в мир от одного только его присутствия.

— Почему же не выплеснулась?

— Не знаю, повелитель. Но сделаю все, чтобы узнать. Теперь ясно, что Искры — это не просто локальный магический источник. Искры — это нечто большее! То, что способно подарить ни с чем не сравнимое могущество ВСЕМ!

— Что же нам делать? — Встревожился Сорондо, прикидывая варианты возможных событий.

— Я приказал искать старые свитки по Искрам, — ответил Итарон. — Надо как-то пробраться в Фейринель. Князь Эккуар явно что-то нарыл, иначе бы не демонстрировал такую активность. У

меня, например, большое подозрение, что принца-консорта собирались похитить прямо перед свадьбой. Маги отметили слабый эфирный след, очень похожий на замаскированный портал прямо перед каретой его высочества. Не случись этого непредвиденного нападения, Рэниари, несомненно, увели бы у нас из-под носа. Слишком продуманным было похищение. К нашему счастью, убийца и похитители действовали вразнобой, невольно помешав друг другу. Скрытый контур портала нарушил прицел магического болта, и тот немного отклонился в сторону. Совсем чуть-чуть, но это позволило предотвратить трагедию. А взрыв магической начинки разметал не успевший сработать телепорт. И принц Рэниари, которого отшвырнуло прямо в самый центр ловушки, даже не заметил попытки похищения.

— Ну и ну! — Невесело хохотнул король. — Да я оказывается даже должен тому психу, что едва не оставил меня без внука! Кто это был, хоть узнали?

— Лорд Баррэт утверждает, что его племянник узнал в убийце сына ныне покойного лорда Круглого Холма, — ответил Итарон, нервно сцепляя пальцы. — Сиорол сын Ковура. После того, как круглый Холм по законам кровной мести отошел Вороналям, потеряд имя рода и находится в бегах. Мать, супруга лорда Ковура по договорному браку, давным-давно вышла замуж. В настоящее время живет со своими детьми в поместье мужа далеко на востоке. О старшем сыне никогда не вспоминала, а тот связи с ней не имел. Да и сейчас не имеет, но я все равно оставил леди под наблюдением.

— Найдите этого типа как можно скорее! — Приказал король. — Он явно не успокоится. Не хватало еще, чтобы над мальчиками висел этот меч!

Лорд Итарон склонил голову.

— Да, мой повелитель.

— И найди все по Искрам! — Распорядился король, вставая с кресла. — Я хочу быть уверенным, оставляя детей, что им не будет грозить ничего. Не хочу, чтобы Эд страдал как я, потеряв свою любовь…

Семейный завтрак традиционно проходил в Ажурной столовой.

Прихотливо переплетенные резные капители белоснежных колонн формировали купол свода, выложенного розовым мрамором. Крохотные дракончики из золота и смальты всех оттенков фиолетового, свивали декоративную ленту, украшавшую роспись купола и настенные медальоны меж тонких, многочисленных колонн по краю зала.

Сверкающая белизна, аметист и тонкое мерцание золота…

Не совсем обычное сочетание. Немного холодное и одновременно утонченно-красивое. Именно потому зал иногда называли Аметистовым. И его любила покойная королева Вэролия.

…После столь бурного утра Рэниари предпочел бы позавтракать в своих покоях, но проигнорировать личное приглашение короля не мог. Раздраженный перепалкой Эдмир решительно шагал рядом с несколько напряженным супругом: консорту не добавило радости общение с все-таки вызванным целителем. Маг уверил супругов, что с родовым коконом все в порядке, но притом попенял юноше, что тот безответственно относится к собственному здоровью. Рэниари только зубами заскрипел на подобное замечание, но смолчал. Не хватало еще скандалить при слугах.

mir-knigi.org

Правда, чувствующий себя виноватым принц-наследник готов был в лепешку расшибиться, только бы супруг перестал хмуриться. И Рэниари впервые за все время их знакомства удалось выбить себе поблажку. Эд согласился на пару слуг из Цитадели для мужа. Радость от маленькой победы пересилила даже боль в натруженной попе: все-таки хозяйство у наследника трона было немаленьким!

Семья уже собралась за столом, ожидая новобрачных.

Вышколенные, молчаливые слуги вытянулись в шеренгу сразу за колоннами, готовясь подносить блюда. Обширный стол красовался тяжеловесным серебром и вазами с экзотическими фруктами. Помимо родных Эдмир узрел и ближайших советников отца. Даже Лоран чинно сидел рядом со слишком напряженным Айрэ.

Появившихся молодых людей встретил шквал приветствий и поздравлений, заставивший покраснеть даже опытного принца-наследника.

— Доброе утро, отец! Все хорошеете, милые тетушки? — Низким голосом басовито промурлыкал Эдмир. — Как спалось, кузен? Господа, всем доброго утра!

— Поздравляю с началом семейной жизни, дети, — по доброму улыбнулся король Сорондо сыну и его супругу.

Чуть поклонившись, Эдмир провел мужа к оставленным для них слева от короля двум креслам. И, решительно усадив Рэни, сел сам, с предвкушением облизнувшись. После всех этих постельных игрищ есть хотелось неимоверно. Даже не есть, а жрать! И желательно побольше!

Пока внимание старшего из принцев было занято выбором вкусностей к завтраку, Рэниари чувствовал себя зверем в клетке. На юноше разом скрестились взгляды новой родни: доброжелательные и понимающие, вперемешку с легкой настороженностью.

И как удар тяжелого клинка — обжигающая ненависть!

Удивленный, юноша невольно вскинул глаза на сидевшую напротив принцессу Лаурэ. Роскошная пепельная блондинка даже не потрудилась скрыть, что этот темный поток исходит именно от нее. С безупречно красивого лица на юного консорта льдисто смотрели светло-серые, как и у племянника, глаза.

Словно два стальных ножа…

Интересно, чем же он заслужил ТАКУЮ ненависть новоявленной родственницы? Аквамариновые глаза Искры излучали свет самой безмятежности в ответ на агрессию серых. И Лаурэ первой опустила взгляд, благо появилась причина — подошедший слуга предложил ей очередное блюдо на выбор.

Никто, кроме сидевшей чуть дальше Иссы, не заметил этого поединка. Младшая из принцесс смешливо наморщила прехорошенький носик и ободряюще подмигнула новому племяннику. В то время как средняя из сестер — леди Эстель — полностью погрузилась в наслаждение пищей, демонстрируя Рэниари свое равнодушие. Кажется, начала вырисовываться хоть какая-то ясность.

Закинув в рот пару кусков чего-то вкусного, Эд заулыбался. К принцу-наследнику стремительно возвращалось хорошее настроение. Ему вдруг захотелось похулиганить, вызвав на нежном лице любимого смущенный румянец, чтобы все вокруг обзавидовались, каким

чудом он владеет! И потому, наклонившись к супругу, принц-наследник скользнул губами по щеке Искры вниз, делая вид, что поправляет длинную прядь волос на виске юноши и обдавая его кожу горячим дыханием.

И чуть слышно прошептал с придыханием. — Я тебя хочуууу…

— Мой драгоценный супруг, — Рэниари склонил голову набок и, мило улыбаясь, нарочито затрепетал длинными ресницами. — Вы хотите, чтобы я разделся прямо здесь? Конечно, мы по статусу равны, но если вы так желаете…

И паршивец провел кончиками пальцев по высокому вороту камзола, расшитого тонкой золотой нитью.

Теперь настал черед самого Эдмира покраснеть… от злости и ревности.

— Я пошутил, — натянуто улыбаясь, выговорил он, невольно представив, что начнется в столовой, если все увидят его супруга без одежды. Ладно, отец и тетки, но остальные!

— Ах, впредь шутите умнее, — вернул ему нежную улыбку Рэниари. — Мы хотя и в равном браке, но закон никто не отменял, и я ОБЯЗАН буду выполнить ЛЮБОЕ ваше пожелание, муж мой! Ибо в нашей семье старшим являетесь вы.

Со стороны казалось, что молодожены мило воркуют, одаривая друг друга комплиментами, но Сорондо, пусть и не все, но кое-что услышал.

И услышанное старому королю не понравилось.

— Сынок, отложи на неделю все свои дела, — его величество ласково улыбнулся наследнику. — У меня есть свадебный подарок для твоего мужа.

— Ты так щедр, брат! — Заинтересованно пропела Лаурэ сладким голоском, демонстрируя живейший интерес и блестя яркими глазами. Вполне невинно, если бы в нежном голосе принцессы не звучало столько яда. Не ожидавшей подобного Эдмир едва не подавился какой-то сладостью. Но даже он не предполагал, что последует за этими словами!

— Вряд ли ты сможешь подарить что-то значимое рожденному на морском берегу. Он и так УЖЕ достиг немыслимых высот! Обычно люди его круга могут рассчитывать лишь на место любовника, а тут титул консорта!

Стол замер!

Ошеломленные советники застыли с вилками наперевес, не донеся их до разинутых ртов, вмиг забыв про этикет. Даже слуги замерли, с трудом удержав в руках блюда. Услышать ПОДОБНОЕ от пусть и резкой на язык, но всегда столь изысканно-сдержанной принцессы!

Уму непостижимо!

— Лаурэ! — Рявкнул очухавшийся король, с растерянным гневом глядя на холодно улыбающуюся сестру. Эдмир тоже замер, не зная, что предпринять… не находя слов от неожиданности — как-то не ожидал подобного от своей семьи. — Ты!.. Рэниари муж моего сына и твоего племянника! Отец будущего принца Хилдона! Властитель независимого графства! Что с тобой случилась, сестра? Ты больна?!

mir-knigi.org

— О, брат, — удивленно склонила к плечу головку принцесса. — Я всего лишь не могу предположить, ЧТО еще ты сможешь подарить такому, как лорд Рэниари! У него и так все есть. А когда-нибудь будет даже корона!

— Драгоценная моя тетушка!.. — низкий, ласково-тягучий голос Эдмира наполнил столовую, неся в себе скрытую угрозу, завернутую в многослойный шелк вежливости. Но от этого она не переставала быть угрозой. — Драгоценная моя тетушка! Будет лучше, если вы займете свой прелестный ротик теми вкусностями, что стоят перед вами! И перестанете комментировать происхождение моего супруга, как, впрочем, и любое его действие! Небезопасно… хотя бы потому, что за спиной Рэниари всегда буду стоять Я!

Присутствующим за королевским столом гостям вместе со всеми слугами захотелось оказаться как можно дальше от назревающего скандала. Показалось, сам воздух заискрился от невидимых разрядов.

О, нет!

Не показалось!

Сидевший на другом краю стола Итарон подскочил на стуле, ощутив, как начало искажаться само пространство от неконтролируемого гнева наследника. Маг в панике думал, что ему делать, если Эдмир сорвется! После обретения Искры принц превратился в самого могущественного мага не только в королевстве, но и во всем мире. Правда, не умея толком управлять своей силой, Эдмир был способен лишь разрушать. И это он умел делать воистину виртуозно!

Легкий смешок Рэниари разбил смертельное напряжение, заставив всех с удивленным облегчением посмотреть на консорта.

А тетка-то у Эдмира непроста! Ведь дала себе труд поинтересоваться подноготной нового родича.

Спокойно отодвинув в сторону сильно наклонившееся блюдо, что держал перепуганный до икоты слуга, готовый вот-вот вывернуть содержимое на колени консорту, Рэни безмятежно посмотрел в напряженные лица сотрапезников.

— Ах, ваше высочество, — мило улыбнулся он Лаурэ. — Вы даже не поняли, КАКОЙ комплимент мне сделали! Благодарю вас за столь щедрый дар!

— Что?!.. — растерялась сероглазая принцесса. Не на такую реакцию она рассчитывала, когда готовила свой удар. Больно! Она желала сделать больно этому голубоглазому мальчишке! Так же больно, как было ей, когда она узнала о ранении Валиэля, бросившегося защищать незаконнорожденного щенка! Того, кто заставил ее племянника униженно просить бастарда о любви!

— Я вырос там, где великий Океан встречается с краем земли, — насмешливая улыбка расцветала на нежных губах Рэниари. И в маленькую залу внезапно словно ворвался гулкий простор, заплясав голубыми бликами на стенах и оживив застывших в вечном танце мозаичных драконов. — В моих жилах горькая соль морской волны! И свободнорожденные жители Цитадели добровольно приветствовали меня как своего властителя! Для нас, выросших на краю земли, величайшая честь быть омытыми при рождении соленой волной. Мы рождаемся в океанской волне и уходим в нее после смерти. Мои люди гордятся моим происхождением! И если бы они хоть на миг заподозрили вас в желании оскорбить их сюзерена, милая леди, то для

вас это могло закончиться не слишком хорошо. Жители Цитадели плохо различают столичные шутки, и обычно отвечают на них ударом ножа, если считают, что прозвучало оскорбление. К счастью такового не было. А ваш беззаботный… комплимент… меня позабавил… — юноша искренне веселился, чувствуя, как тело наполняется бесшабашной силой, смывая свинцовую усталость последних дней. Рэни словно вновь плясал на стене морской крепости с ножами в руках, умирая от смеха от неуклюжей попытки задеть его за живое. А ведь он сам себе обещал, что будет вести себя тише воды, ниже травы! Вот только спускать подобные удары чревато… Не стоит этим паукам верить, что он станет беспомощно прятаться за спиной мужа!

— Вообще-то, я именно что желала вас оскорбить, — показала жемчужные зубки старшая из принцесс, не обращая внимания на попытки сестер ее успокоить. Лаурэ уже почти не контролировала себя. Ее скручивало от бешенства: ее Вали едва не погиб из-за наглого мальчишки!

Но Рэниари вновь рассмеялся.

— Простите, не понял! — Расцвел он в ослепительной улыбке. — Оскорбить меня, напомнив о моем происхождении, невозможно! Для моих людей я полноценный властитель Цитадели. А мнение остальных ни меня, ни моих вассалов никогда не интересовало. В Приморье несколько иные взгляды на внебрачных детей. Вот будь я жителем Круглого холма или Фейринеля… о, да! Вы бы меня задели! Так что, ваше высочество, вы слишком мало обо мне знаете, чтобы оскорбить подобной мелочью!

— Лаурэ! — Рявкнул злой как все темные боги разом Сорондо. — Советую тебе отправиться в свои покои и дождаться лекаря! Ты явно не в себе!

Сестра, ни на кого не глядя, величественно поднялась и выплыла из залы, даже не шелохнув тяжелым шелком юбки. Остальные принцессы бросились за ней, пытаясь ее успокоить. А Эдмир, доломав в руках массивную серебряную ложку, что раздраженно крутил в пальцах во время перепалки, бросил обломки на стол и поднял на притихших советников полыхающие огнем глаза.

— Думаю, все понятно? Если я хотя бы услышу!.. узнаю!.. хоть что-то, что опорочит имя моего супруга… не поздоровится всем!

— Продолжайте завтрак, господа, — тихо приказал король, вновь принимаясь за еду. Придворные дружно застучали приборами по тарелкам, демонстрируя богатырский аппетит, только бы не смотреть в сторону царственной троицы. А Рэниари медленно цедил свежевыжатый сок из своего бокала и ради приличия ковырялся в предлагаемых блюдах. Аппетит у него пропал напрочь!

В свою очередь Эдмир, все еще не отошедший от злости на слишком говорливую тетку, налегал на любимые сладости, краем глаза следя за супругом. Принца-наследника в последнее время интересовало все, что касалось Рэни и его предпочтений. Ему уже было ясно, что муж равнодушен к сладкому, любит морские деликатесы, обожает фрукты и почти не пьет вина. И вышколенные слуги всегда приносили юноше то, что ему нравилось. Вот только сегодня его золотой мальчик лишь прикасается к выбранным блюдам…

— А… что все-таки за сюрприз, дядя? — Осторожно вопросил Айрэ, пытаясь оживить напряженную тишину в столовой. — Что за подарок?

— Я решил подарить Рэниари небольшое, но очень живописное поместье в горах, — король с благодарностью улыбнулся племяннику. — И уже сегодня твой брат и его муж отправятся туда

телепортом, чтобы провести вдвоем пару недель. Прости, — теперь взгляд короля был предназначен наследнику. — Но больше времени я тебе дать не смогу. Сам знаешь — дел слишком много.

— Не страшно, — улыбнулся Эдмир, взглядом обласкав золотистую головку супруга. — Даже вернувшись, мы с ним все равно будем вместе.

— Дай-то вам боги!.. — чуть слышно пробормотал себе под нос Итарон. — Дай-то боги!

…Спальня, отведенная раненому герою, располагалась в парадных покоях дворца.

Валиэль возлежал на пышно взбитых сердобольными слугами перинах, опираясь спиной на груду белоснежных подушек. Барон все еще был бледен, хотя уже не как покойник. Но обширные синяки под глазами, истончившееся лицо и слабость во всем теле не позволяли молодому человеку считаться здоровым. Он даже не скандалил, требуя выпустить себя из постели, так как первая и последняя попытка встать на ноги едва не закончилась весьма плачевно.

Так что целители посоветовали раненому бунтарю лежать и не пытаться качать права, пригрозив магическими путами в случае неповиновения. Валиэль и не спорил, на собственной шкуре испытав, что такое бессилие. Хорошо хоть Карлаэль перестал нервничать, убедившись в постепенном выздоровлении возлюбленного.

— Валь!.. Мой Валь, как же я боялся потерять тебя! — Чуть слышно шептал маркиз, сидя на краю обширного ложа, на котором буквально потерялся бедолага барон. Осторожно взяв руку возлюбленного, Деззион припал пересохшими от волнения губами к запястью Коразза, нежа языком обветренную кожу. — Я так тебя люблю! Не вздумай умирать… Я не смогу без тебя — уйду следом…

— Не надо, милый, — со счастливой улыбкой на бледных губах говорил в ответ Валиэль, лаская взглядом усталое лицо любимого.

Как же хорошо — быть живым!

Вот только совсем нет сил… провести бы кончиками пальцев по нахмуренным бровям, запутаться руками в длинных волосах, притягивая Карлаэля для поцелуя. Нежного, но одновременно и требовательного.

Язык Валя непроизвольно скользнул, облизывая враз припухшие губы. Целоваться хотелось просто зверски!

И Кар понял, наклонился, с нежностью прикасаясь к любимому. Его горячий язык прошелся по ровной линии зубов барона… исследовал, словно в первый раз, с готовностью приоткрытый рот, тут же сплетаясь с жадным до ласк языком Валиэля.

— Хочу тебя!.. — прошептал барон, сумев таки запредельным усилием вскинуть слабые после яда руки, и ведя ладонью по животу любимого, спускаясь вниз и обхватывая уже напряженное достоинство маркиза сквозь плотную ткань брюк. — Очень хочуууу…

— Нельзя тебе, — с огромным сожалением оторвался от зардевшегося возлюбленного Карлаэль. Он был распален не менее Валиэля, с трудом умудрившись взять себя в руки. Отодвинувшись от Коразза, маркиз суетливо взбил подушки и поправил на них сползшего было

mir-knigi.org

вниз Валя. — Слаб еще для постельных подвигов! Но через пару дней мы сможем опробовать интересную позу, что я раскопал в библиотеке. Целители обещали, что ты уже будешь полностью здоров.

— А что тогда делать с одной маааленькой проблемкой? — Валиэль лукаво стрельнул глазами на одеяло в районе паха, что недвусмысленно приподнималось. — Поможешь? — С видом мученика поинтересовался Коразз, невинно хлопая длинными ресницами.

— Все для тебя, мое солнце! — Молодой Деззион склонился над бароном, медленно стягивая шелковое одеяло, потихоньку оголяя разулыбавшегося больного. — Без помощи я тебя не оставлю. Не целителя же нам с тобой звать для этого!

— Кар… — со страстью выдохнул барон, когда губы Деззиона плотно обхватили самый кончик его члена, лаская языком уже открытую головку. Тем временем рука маркиза шаловливо поползла вверх по напряженному стволу, поглаживая выбухающие венки, играясь с тонкой кожицей и дразня уздечку. Валиэль едва с ума не сошел от полноты ощущений!

А руки Карлаэля уже вовсю хозяйничали у него в промежности, перекатывали в ладонях тяжелые крупные яички, массировали за мошонкой…

…Сердитый голос, раздавшийся из-за дверей спальни, заставил любовников подскочить на месте и дружно выпучить глаза на пока еще закрытые створки. От неожиданности Карлаэль едва не прикусил зубами член любовника, вынудив барона обеими руками схватиться за самое дорогое — и откуда только силы взялись!

Торопливо набросив на Валиэля одеяло, Кар нервно заозирался, судорожно ища путь к спасению.

— Проклятие! — В ужасе прошептал он. — Отец! Но он ведь должен быть на королевском совете?!..

— Да чего ты так дергаешься? — Удивился Коразз. — Все же знают, что мы с тобой друзья. И ты сам рассказывал, как он просил поговорить со мной, склоняя к супружеству…

— Ты не понимаешь!.. — шепотом взвыл маркиз, зайцем мечась по спальне. — Он вчера чуть с ума не сошел, когда узнал, что тебя ранили! Все на меня орал, что я должен был этого не допустить!..

— Интересно, каким образом? — Скептически уточнил Валиэль, наблюдая за метаниями любовника. А за дверью вовсю нарастал скандал: дежурный целитель, которому Карлаэль дал на лапу на всякий случай, не пропускал вельможу к раненому, давая любовникам время принять решение.

— Да он после дикого ора запретил к тебе даже приближаться! — Остановился посреди спальни Деззион, хватаясь за голову. — Сказал, что прибьет, если увидит рядом с тобой!

— Понятно, — вздохнул Валиэль, — давай, лезь под кровать. Больше здесь нигде не спрячешься. Надеюсь, твой отец не начнет искать моих любовников?

Дверь снаружи уже ломали. И Карлаэль едва успел юркнуть под массивную мебель прежде, чем створки распахнулись, впуская красного от гнева старого вельможу. Валиэль, не на шутку перепуганный разъяренным видом маркиза, натянул одеяло до подбородка, пытаясь

mir-knigi.org

закопаться в подушки. Даже его возбуждение враз опало, стремясь как можно больше ужаться.

— Валиэль! Любимый! — Узрев предмет своей страсти, лорд Тарлит радостно отшвырнул от себя слуг и стремительно пересек пространство от двери до постели.

— Лорд!.. Господин!.. — настойчивые слуги тщетно пытались достучаться до нарушителя спокойствия, но тот лишь нетерпеливо от них отмахивался. Оставшийся в коридоре целитель посчитал свою миссию выполненной и, прислонившись плечом к стене, приготовился наблюдать за спектаклем. То, что в комнате находится еще и наследник старого вельможи, ничуть не волновало молодого мага. Во всяком случае, он не собирался о том ставить в известность Деззиона-старшего.

— Дорогой мой мальчик… — лорд Тарлит на миг отвлекся, чтобы выставить в коридор навязчивых слуг и с грохотом захлопнуть дверь прямо перед их носом.

— Как ты, счастье мое?! Раззява Карлаэль! Допустить такое!..

— Лорд, — Валиэль с трудом проглотил комок в горле, заставляя себя посмотреть в полыхающие любовью глаза маркиза. — Не ожидал увидеть вас…

— Валиэль, — Деззион-старший опустился на колени подле ложа, с решительной нежностью завладев ладонью барона, и тут же припал к ней губами. Однако Коразз постарался аккуратно освободить плененную конечность, ни на миг не забывая, что у него под кроватью прячется возлюбленный. Кар умел вспыхивать от ревности не хуже отца. И страшно подумать, что здесь начнется, если младшему из Деззионов приспичит вдруг вылезти на белый свет со своими претензиями! Да и самого Валиэля, давно определившегося с выбором, не прельщали уже поцелуи чужих губ.

Надо сказать, что опасения барона были вполне обоснованными: бедняга Карлаэль тихо бесился под кроватью, с трудом сдерживаясь, дабы не чихнуть от приличных клубов пыли вокруг. Видимо, прислуга, готовившая комнату второпях, не удосужилась прибраться более качественно.

— Я так испугался за тебя! Ты не представляешь, что со мной было, когда я узнал о случившемся!.. Боги, мальчик!.. Да у меня едва сердце не остановилось! Нет, больше я не позволю тебе ТАК рисковать. Я немедленно забираю тебя к себе! Твой дед давно дал согласие на нашу свадьбу. И как только ты поправишься, мы тут же отправимся в храм Бога-Отца!

Несчастный Валиэль потерял дар речи от таких слов! А злой как стая демонов Карлаэль, забывшись, подскочил, гулко стукнувшись лбом об деревянную изнанку ложа. К счастью, занятый предметом своей страсти, Деззион-старший не обратил внимания на подозрительный шум.

Сам же барон, оглушенный новостью, только и мог беззвучно открывать рот, не находя слов. Да этот старик окончательно спятил! Ведь ему два письма отправили с отказом, а все неймется!

— Я вызову своего мага, — тем временем продолжал ласково говорить маркиз, вновь пытаясь завладеть рукой Валиэля, которую тот упорно прятал от навязчивого ухажера. — И переправлю тебя к себе…

— Маркиз, — Коразз, наконец, очухался и решительно прервал бывшего любовника. — Во-первых, маги запретили меня переправлять куда-либо с помощью телепорта… — это была

правда от начала и до конца. Иначе бы Коразз давно удрал из дворца, где с каждым часом возрастал риск встречи с нежелательными гостями. — А так же переносить с места на место…

На лице маркиза проступало написанное огромными буквами огорчение. Но все-таки Деззион с душераздирающим вздохом согласился, признавая, что здоровье любимого важнее желания забрать его подальше от соблазнов двора.

— А, во-вторых… — барон набрался духа и выпалил, глядя прямо в зеленые (как у Кара!) глаза старшего маркиза. — Лорд Тарлит! Я уже писал вам… и не раз!.. что люблю другого! Люблю больше жизни! И никогда не соглашусь на ваше предложение! Наши прежние отношения были ошибкой. Признаю, что в этом виноват только я один, позволив вам на что-то надеяться…

После этих слов Вал ожидал чего угодно, но только не того, что Деззион вдруг сядет рядом с ним. Барон не успел опомниться, как оказался заключен в крепкие объятия, и его жадно поцеловали.

— А!.. — только и смог выговорить опешивший молодой человек, машинально упираясь ладонями во все еще мускулистую грудь старого воина. — Лорд?!..

— Да, да, милый, я знаю. Конечно, ты писал… Но я все равно лучше всей этой придворной шелупени, не знающей, что такое любовь. — Деззион с нежной улыбкой погладил барона по лицу. — Я не отступлюсь от тебя. И ты, мальчик, еще поймешь, что лучшей партии тебе никогда не найти. Уверен, что твой избранник всего лишь временное увлечение. А я… я твоя судьба! И если подумаешь, то сам в этом убедишься. Я дам тебе все… выполню любую прихоть! Обеспечу и тебя и нашего будущего ребенка, которого ты мне родишь! — При этих словах Валю стало дурно: оказывается, старик уже успел спланировать даже его гипотетическую беременность. И это притом, что барон предпочитал быть сверху!

— Просто позволь мне любить тебя… холить… лелеять… дарить наслаждение! И ты сам вернешься ко мне, когда убедишься в моей любви. Так и быть, до выздоровления оставайся здесь. Но как только целители разрешат, я заберу тебя, чтобы ухаживать и любить крепко-крепко!

Нежно поцеловав напоследок замолчавшего от растерянности барона, Деззион встал и сверху вниз с улыбкой посмотрел на все еще хлопающего ресницами молодого человека.

— Возражения не принимаются, — с ласковой настойчивостью заявил он. — Ты мой, Валиэль! И это я всеми силами буду доказывать окружающим и тебе в том числе. А сейчас я отправляюсь домой, чтобы распорядиться о свадьбе. И пришлю к тебе своих слуг, чтобы получше ухаживали за будущим хозяином.

С этими словами лорд Тарлит вышел, едва не напевая от радости. А бедный Валиэль так и остался сидеть, растеряв от накатившей паники все мысли до одной. Выползший из-под кровати Кар тоскливо присел рядом, машинально отряхиваясь от пыли.

— Я сам виноват — неразумно крутил перед ним задницей… — тихо проговорил барон, не поднимая глаз. — Тогда это казалось таким смешным и ни к чему не обязывающим. К тому же я хотел всеми силами быть рядом с тобой… возбудить в тебе ревность, крутя роман с твоим же отцом… И вот как все обернулось.

— Я что-нибудь придумаю! — Страстно пообещал бедняге Карлаэль. — Но как вытащить тебя из дворца?

— Да очень просто, — раздался от дверей несколько ленивый голос мага-целителя. — Нужно всего лишь перенести барона в другую спальню… Скажем, в комнату на половине слуг. Там его никто искать не будет. Не додумаются… А скоро и действие яда закончится. Кстати, я уже все приготовил, пока вы тут… общались!

— Правда?! — С отчаянной радостью переспросил Карлаэль, заключая в объятия заулыбавшегося Валя. — Чем мы сможем с вами расплатиться?!

— Тем, что сумеете остаться вдвоем, — ехидно ухмыльнулся молодой маг. — Вы не представляете, господа, какие ставки при дворе делаются на то, что лорд Тарлит захомутает одного синеглазого красавца! А вот я поставил, что лорд Валиэль ему не достанется. Так что просто помогите мне выиграть!

…Бесценная, еще эльфийской работы ваза с протяжным звоном обрушилась на лазуритовую плитку пола. Хорошо прокаленная тонкостенная керамика не выдержала подобного обращения и рассыпалась мелкими осколками у ног принцессы. Взгляд серых глаз с нездоровым влажным блеском обежал небольшую и некогда уютную гостиную, теперь весьма качественно разгромленную.

Сестры только что ушли, сочтя, что Лаурэ успокоилась. Но старшая принцесса их почти не слушала, занятая собственными переживаниями. Она машинально кивала головой на все доводы Иссы и Эстель.

Даже Эсти, не одобрявшая нового родственничка, и то выговаривала ей за несдержанность!

Но, слава богам, они наконец-то ушли!

Выставив за дверь своих квохчущих служанок, молодая женщина с помощью амулета накинула полог безмолвия и дала выход своей ярость.

Она плакала…

Горько, безутешно…

Злые слезы обманутой в своих ожиданиях женщины безмолвно катились по бледным щекам. Нос покраснел и распух совсем как у какой-то простолюдинки. Но что еще было делать, когда все обернулись против нее!

Даже брат!

Даже племянник, сходящий с ума по равнодушному к его чувствам щенку! Эд! Ну, почему ты отверг влюбленного в тебя Дориана?! Он бы все для тебя сделал!.. не то, что этот Рэниари, для которого ты всего лишь ступенька к власти!

Из-за которого едва не погиб Валиэль…

Ее милый барон бросился защищать чужака!

Но что хуже всего — болтливые служанки с упоением пересказали хозяйке, с какой отчаянной страстью пытался спасти Коразза сын старика Деззиона! Как он рыдал над умирающим красавцем! И как ушел вместе с ним в замок, ни на миг не отпуская ладонь раненого. Как всю праздничную ночь сидел у постели Валиэля.

mir-knigi.org

Болтливые сороки так умилялись… так умилялись… восторгаясь силой чужой любви!

Но даже тогда у Лаурэ еще была призрачная надежда, что молодых людей связывает всего лишь дружба: ведь они оба из окружения принца. О, как же она надеялась на это! Хотя совсем недавно, холодея сердцем, слушала смех сестер, потешавшихся над тем, как Валиэль прятался по кустам от маркиза. И как он сам признался, что нашел свою любовь.

Как же она тогда рвала и метала, пытаясь вычислить, КТО украл сердце барона!

Но Лаурэ даже в голову не пришло подумать на молодого Деззиона. Слишком давними были отношения двух друзей-шалопаев, чтобы предположить подобное.

Нет, она не поверила служанкам и лично упросила магов показать ей правду. И увидев магическую иллюзию, сама убила последнюю надежду на чудо…

ТАК не ведут себя просто друзья. То, что принцесса увидела, с головой выдавало Валиэля с Кораззом.

Они были любовниками! И, судя по всему, давними.

Валиэль!

Почему?!.. Почему ты предал меня?!

Почему предпочел другого? Почему посмел так рисковать, спасая ненавистного мальчишку?!

За что ты растоптал мою душу и сердце?!

Ее любимый… Ее дорогой человек…

Ее Валиэль предпочел другого! Он предал ЕЕ!! И пусть Лаурэ никогда не говорила ему о себе, но он все равно не смел ЛЮБИТЬ ДРУГОГО! Он всецело принадлежит только ей!

Властная в своей жажде обладания, как и все Келлиадиры, принцесса ни на миг не задумывалась над чувствами других. На первом месте всегда и везде стояли интересы только Лаурэ и ее семьи. И ради этого она готова была уничтожить весь мир, лишь бы получить желаемое!

Валиэль не достанется другому. Пусть лучше остается один, чем будет счастлив не с ней.

— Будь ты проклят! Проклят!!!! — В дикой тоске выкрикнула Лаурэ, сама не зная, кого именно проклинает.

Ладони принцессы со всей силы опустились на гладкую поверхность туалетного столика, сметая на пол какие-то безделушки. Густые волосы из разрушившейся прически закрыли ее лицо, тяжелыми спутанными прядями свисая вниз. Правую руку саднило: в ладонь впились тонкие осколки из разбитого флакона с духами. И маслянистая, пахучая жидкость мешалась с каплями крови на лакированном дереве…

Больно осознавать, что тот, кого ты так любишь, увлечен другим человеком. Больно знать, что он уходит навсегда…

Нет!.. Я отомщу!! Я разрушу все, что тебе дорого… заставлю остаться в одиночестве. От тебя отвернутся все! И тогда ты САМ приползешь ко мне на коленях!!!

mir-knigi.org

Развернувшись на каблуках, принцесса бросилась к столу и нервно подрагивающими пальцами схватила чистый лист. Надо написать… Надо рассказать старику Деззиону, что столь упорно разыскиваемый конкурент — его собственный сын и наследник!

Пусть Деззионы передерутся за неверного любовника. Пусть делят его. Старик не сможет предать родную кровь. Не то воспитание. В конце концов, ради мира в семье оба маркиза вынуждены будут отвергнуть Валиэля. И он достанется ей!

Крупная слеза упала на бумагу, растекаясь неряшливым пятном по чистой поверхности. Кажется, краска с ресниц потекла… И на кого теперь Лаурэ похожа! За это, Валиэль, ты тоже ответишь!

Пушистое перо качнулось в тонких пальцах, пятная чернилами окончательно испорченный лист.

— Демоны! — В сердцах вскрикнула Лаурэ, со злостью комкая бумагу. — Все идет наперекосяк! Да еще этот проклятый бастард пролез в нашу семью. И не просто пролез, а еще и сумел стать равноправным супругом! О таком даже Ваоттиро мечтать не смел. Этот Рэниари… да он же из Эда уже веревки вьет! Могла ли я подумать, что мой собственный племянник ополчится на меня из-за какого-то чужака! А брат его поддержит?! И могла ли я раньше настолько забыться, чтобы прилюдно начать свару с каким-то низкорожденным?! Право, Валиэль, ты совсем лишил меня разума. И за это тоже поплатишься…

Чуть отдышавшись, и с трудом смирив очередную волну гнева, принцесса решительным жестом притянула к себе новый лист бумаги и взялась за перо.

«…Один доброжелатель спешит уведомить многоуважаемого маркиза, что его единственный сын…»

Глава 21

Столичный дворец Деззионов больше напоминал крепость в осаде: высокая каменная ограда с башенками по периметру, обширное пространство сада, что легко просматривался насквозь. И кусты златоцвета с крупными цветами, давшими название этому полумагическому кустарнику. Эльфийское растение с десятидюймовыми шипами среди темно-зеленой листвы прекрасно гармонировало с отделанным белым мрамором особняком и служило дополнительной защитой против нежелательных личностей.

Окна большого кабинета выходили аккурат на заросли этого вечноцветущего кустарника. Несмотря на свою колючесть, златоцвет был красив, впрочем, как и все, к чему приложили руки эльфы. Но сидевший в кресле Деззион-старший даже не смотрел в сторону окна, молча наблюдая за возмущенным сыном, что торопливо оправлял на себе одежду. Дверь кабинета только что закрылась за ушедшим магом.

Карлаэль поднял на старого маркиза возмущенные глаза.

— Отец, ну зачем? — Красный от перенесенного унижения молодой мужчина со злостью топнул ногой, что в исполнении здоровенного и весьма мускулистого красавца выглядело крайне потешно.

— Зачем было ТАК поступать?! Я давно уже не маленький ребенок и понимаю, что для меня лучше, а что нет! — Карлаэль резко скрестил руки на груди, пытаясь удержать свою злость в узде, и испепеляя папочку взглядом. Изумрудные глаза молодого лорда сверкали обидой и

непониманием. — Хотя бы скажи ЗА ЧТОООООО?!

— Я просто подстраховываюсь, — не обратив внимания на крик души, старший маркиз даже не пошевелился в кресле. В голосе лорда Тарлита не было ни одной эмоции. И это лучше всякого крика подействовало на его сына: недоумевающий Кар от неожиданности икнул и заткнулся, с каким-то даже интересом разглядывая всегда столь взрывного отца.

Вскинув на сына неестественно спокойный взгляд, мужчина продолжил:

— Это для твоей же пользы. Скоро ты отправишься в храм Отца-Неба. Сейчас я выбираю тебе супруга или супругу из нескольких предложенных вариантов.

— Так зачем же «пояс целомудрия» одевать?!!! — Опять взвился молодой человек, едва не взвыв от отчаяния, что судьба его уже решена. А как же Вал?!..

В два прыжка преодолев расстояние до стола, он возмущенно навис над безучастным к его вспышке отцом. — Я же не жрица Матери-Земли!!! Я хочу нормально развлекаться!!!!

— Придется терпеть, — с полным пофигизмом к происходящему произнес лорд Тарлит, наливая в серебряную чашу вино. — Вдруг какую заразу подхватишь. Маги, конечно, вылечат, но ведь позора не оберешься…

— Отец!!! Ты хоть представляешь, КАК я буду В ЭТОМ ходить! — Карлаэль смахнул со стола кувшин с вином. Драгоценное маруквийское стекло разноцветными осколками разлетелось на мраморе пола в золотых потеках запашистого вина.

— Хватить истерик!! — Внезапно старший Деззион оказался на ногах и отвесил любимому сыну тяжелую оплеуху. — Магия всего лишь не позволит кому-либо распускать руки. Да, никто, пока пояс на тебе, не сможет прикоснуться к твоему телу. Но сам-то ты волен делать все, что пожелаешь! И с собственной эрекцией легко справишься. Руки тебе на что?!

С этими словами маркиз Тарлит схватил крошечное деревянное било и яростно ударил им по бронзовому гонгу, что стоял на краю стола, вызывая слуг. Приказав им увести и запереть Карлаэля в его покоях, старый вельможа рыком вымел всех за дверь кабинета, даже не дав убрать осколки кувшина в винной луже. И рухнул обратно в кресло, обхватив руками разламывающуюся от боли голову.

Немного посидев в такой позе, Деззион решительно распрямился и достал из шкатулки для бумаг странное письмо, что рано утром какой-то человек передал слугам. Тогда написанное на смятом листе дорогой шелковой бумаги повергло старика в отчаяние.

Нет, лорд Тарлит не поверил голословному обвинению. Слишком долго он жил и слишком много подлости видел, чтобы сразу принимать на веру подобные заявления. Кар и Валиэль дружили с ранней юности. Их отношения всегда были невинными. Но стороннему наблюдателю могло показаться иначе.

Вот только к письму был приложен магический кристалл с записью нападения на консорта. И просмотрев ее, старый воин понял, насколько оказался слеп. Насколько не желал обращать внимание на то и дело мелькавшие у него перед глазами мелочи.

И тогда маркиз едва не обезумел. Первое, что он захотел сделать — это прибить собственного сына. Ведь мерзавец знал о любви отца к Валиэлю! И не постеснялся увести добычу у родителя! Не сам же Валиэль на него стал вешаться. Коразз слишком благоразумен, чтобы

заводить интрижку с сыном собственного любовника. Именно Карлаэль закружил голову синеглазому мальчишке. Именно сын заставил написать Валиэля те два письма. Неужели Кар увидел в новом браке отца угрозу для себя лично? Но ведь Тарлит сам сказал, что наследник не прогадает. Именно потому старый вельможа искал для сына выгодный брак.

К счастью старик успел остыть и не позволил эмоциям взять над собой верх. Вот только сразу после завтрака он вызвал мага и обезопасил себя с Валем от сына. Пожалуй, свадьба Карлаэля и выделение его доли в наследстве — это единственный способ спасти собственную любовь.

Теперь оставалось найти милого Валиэля, что так внезапно исчез из дворца. И уговорить его вернуться к любящему его старшему маркизу.

…Парк был прекрасен.

Рэниари влюбился в него раз и навсегда. Умело созданный на крутых склонах горы комплекс представлял сложное переплетение разновеликих террас, связанных целой системой прихотливо изгибающихся лесенок, не позволяющих устать. Множество ручьев с перекинутыми через них горбатыми мостиками звенели, журчали, искрились, переливались с уступа на уступ невысокими прозрачными водопадами, в конце концов, тонкими нитями падая со скального обрыва далеко вниз. Цветники с уютными беседками и тенистые рощицы окружали пришедших сюда уютом и покоем.

Умиротворение, вот что царило в парке вокруг маленького замка, затерянного в горах.

…Портал из столицы открылся прямо у ворот крепости. И первым впечатлением Рэни, шагнувшего на серые камни площадки, был резкий негатив. Юноша даже передернул плечами, рассматривая нависшую над головой хмурую громаду с узкими бойницами, часто прорезавшими толщину стен.

И это очаровательное поместье, подаренное королем?!

Больше напоминает очередную тюрьму. Хотя… в Старой крепости и то уютнее было.

Каменная громада, словно хищная птица когтями, всеми своими стенами вцепилась в монолитную скалу, что нависала над пропастью. Далеко внизу, за пролетом замкового моста, сквозь редкие облака зеленели луга и леса обширной равнины, а где-то на горизонте сверкали тонкие шпили столицы. Там осталось тепло середины лета. Здесь же посвистывал неприятный ветер, заставляя ежиться от неожиданной и довольно резкой прохлады, хотя сверху ощутимо припекало солнце.

Скользнув ошеломленным взглядом по представшей картине, Рэниари с удивлением уставился на принца, который с непередаваемой нежностью рассматривал родовое гнездо Келлиадиров. Нда, как говорится — на вкус, запах и цвет…

Но войдя под высокие своды замка, юноша понял и принял в свое сердце подаренный дом.

Замок оказался очень уютным, сразу влюбив в себя не слишком большими комнатами, обставленными самым минимумом мебели. Стены зал и пустых коридоров оказались обшиты деревянными панелями со струящимся древесным рисунком, а внутреннее пространство наполняли запахи смолы и меда. Солнечные зайчики безмятежно скакали по золотисто-янтарным панелям и деревянным плашкам пола, снопами вырывались из высоких, остроконечных окон, что были повсюду, или же отдыхали на шелковых гобеленах большими

светлыми пятнами, оживляя вытканные на них рисунки. Никакой позолоты, только старая благородная бронза и столовое серебро с редким вкраплением цветного стекла…

Уютно-скрипучее, несколько громоздкое кресло у высокого камина в спальне, накрытое слегка вытертой волчьей шкурой. Напротив — не столь помпезная как в столичном дворце кровать с витыми столбиками балдахина цвета старого золота. Рядом прикроватный столик с бронзовой лампой, в чаше которой лежал магический шар, способный усиливать свечение по желанию хозяина. Никакой гигантской гардеробной. Вместо нее высокий, украшенный тончайшей резьбой (Рэниари аж завис, с восхищением разглядывая узор!) шкаф, в обширное нутро которого поместился весь гардероб консорта. Зато рядом нашлась большая и светлая ванная комната с дверями, выходящими на балкон, откуда виднелся чудесный сад на другой стороне крепости. В полу, утопленный с краями, неглубокий бассейн, и стопки пушистых полотенец на резной деревянной лавке у мозаичной стены. И запах летних трав!..

И что самое главное — эта комната была предназначена целиком для одного Рэниари! Покои Эдмира были по соседству, соединенные со спальней мужа коротким коридором. Конечно, сомнительно, что принц-наследник будет уходить к себе, но так хотя бы создавалась иллюзия уединения.

Так и случилось…

Эдмир приходил к нему с закатом, заключал в объятия. Долго и нежно занимался с ним любовью. А потом засыпал, крепко прижав к своему большому и горячему телу. Но просыпался Рэниари всегда один — муж еще до рассвета уходил к себе.

Минимум слов, максимум молчания.

Единение жестов, взглядов, касаний. Совместные завтраки и обеды, прогулки по саду, поездка в горы. Купание в горячих источниках вблизи невероятно прозрачного горного озера, наполненного ледяной, но такой вкусной водой. Ужин при свечах у играющего огнем камина…

— Кто это все построил? — Как-то спросил Рэни, на миг очнувшись от очарования гор и маленького замка.

— Эльфы, — Эдмир наслаждался легкой терпкостью старого вина и любовался золотисто-оранжевыми отблесками огня на высоких скулах юного мужа. Слугам специально было приказано усаживать консорта около камина, на фоне старого гобелена, на котором был выткан ночной лес. На темном фоне, на самой грани света и тьмы красота Искры сияла особенно ярко: Рэниари словно светился в полумраке солнечными бликами и золотым богатством волос, обливая сидевшего напротив принца-наследника нежной прохладой аквамариновых глаз.

И мужчина, познавший за свою жизнь немало любовных побед, крупными глотками пил душистое вино, пытаясь унять медовый жар в чреслах. И думал о том, что скоро он вновь войдет в полумрак маленькой спальни, чтобы до утра безраздельно владеть столь желанным телом, и пить с нежных губ вино еще более терпкое и пьяное, чем сейчас рубиново мерцает в бокале.

— Никто не знает, сколько этому замку веков… а, может, и тысячелетий, — принц отставил опустевший бокал и с удовольствием придвинул к себе полную миску клубники с пушистым облаком сливок. — Наверное, пара тысячелетий, как минимум. Мои предки заняли крепость пять веков назад. Тогдашний глава рода, что привел свой народ сюда из-за гор, был очарован красотой этого места. Здесь он основал свою первую резиденцию. Отсюда покорял равнину

внизу. И сюда же привез случайно пойманную эльфийку, сделав ее женой и матерью своих наследников. Это место очень любила и моя мама, королева Вэролия. В детстве я долго жил в замке, играл в саду, лазил по горам… И я рад, что поместье теперь принадлежит тебе. Его в нашем роду всегда дарили королевам и консортам. Хорошо, что тебе здесь нравится.

Вышколенные слуги беззвучными тенями скользили вокруг стола, ненавязчиво меняя приборы, где-то на периферии, за портьерами, маячило светлое лицо домоправителя Иллинара. Эдмир хорошо помнил, как некогда еще совсем юный мальчик дарил ему свою страсть, будучи личным слугой принца. Но потом наивный прежде красавчик подрос и распробовал те преимущества, что дарила близость к наследнику престола и место в его постели. Самонадеянный мальчишка зарвался, решив, что ему все позволено. Впрочем, Эдмир быстро выбил из сопляка дурь. И присмиревший любовник еще пару лет радовал его своим телом. А когда вырос и надоел, принц в благодарность за жаркие ночи сделал его главным над слугами в горном поместье. Головокружительная карьера для бывшего слуги младшего ранга, и весьма денежное место, позволяющее обеспечить старость.

Годы шли, и Эдмир давно забыл о брошенном любовнике. Принц искреннее удивился, когда увидел того во главе замка, тут же вспомнив, что сам назначил бывшего слугу на это место. Прежде тоненький и красивый мальчик вытянулся, возмужал и превратился в не менее красивого молодого мужчину, твердой рукой правившего вверенным поместьем. Пара капель эльфийской крови позволили ему не замечать пролетевшие годы и оставаться по-прежнему привлекательным.

Эдмир тогда радостно улыбнулся, довольный, что его бывший устроен. И тут же выкинул такую мелочь из головы, увлеченный супругом. Вот только сам Иллинар, оказывается, не забыл давнего покровителя. Тем же вечером он лично прибыл в спальню наследника, убедившись предварительно, что Эд располагается не в покоях юного мужа. И дал понять, что всегда готов для продолжения прежних отношений. Однако нарвался на холодный прием. Его высочество доступным и понятным языком, коим разъясняются пьяные стражники, вежливо объяснил отставленному любовнику, что тот давно забыт. И что если он и дальше будет упорствовать в своем стремлении вновь попасть в постель принца, и тем более хоть чем-то огорчит его мужа… то может в лучшем случае попрощаться с сытым местом. А в худшем — и с головой.

Иллинар оказался понятливым малым и все эти дни ничем не вызывал неудовольствие хозяев, безупречно выполняя предписанные домоправителю обязанности.

А Рэни словно плыл по течению, с головой погружаясь в тишину и покой, окружившие его. Юноше казалось, что когда-то давно… словно бы и не в этой жизни… он уже жил в горах, пил воду из прозрачных ручьев, бродил по горным склонам, срывай темные ягоды черники, что пахнут солнцем и пачкают сладким соком губы…

Наверное, сказалось детство, проведенное среди скал Цитадели.

Эдмир…

Юноше даже стало казаться, что между ними возможно примирение. Во всяком случае, в душе вновь просыпалось тепло. Вот только Рэни все чаще стал замечать, как муж все больше и больше хмурится, порываясь каждый раз что-то сказать. Но всякий раз обрывал начавшуюся фразу, только сжимал губы в узкую, зло изломанную линию. Рэниари заметил, что эти необъяснимые вспышки раздражения происходили, когда молодые люди по долгу своего положения принимали окрестных дворян, приезжавших в поместье засвидетельствовать почтение будущим правителям Хилдона.

Рэниари ничего не понимал. Он ведь не мог нанести мужу какую-либо обиду. Даже не флиртовал с гостями, ровно встречая каждого из них. Хотя и мужчины и женщины, сраженные красотой юного консорта, всячески давали ему понять, что не прочь пообщаться поближе. Хорошо хоть эти намеки звучали, когда старшего наследника не было рядом. Рэни приходилось прилагать немало усилий, чтобы ответить вежливым отказом и не настроить влюбленных идиотов против себя или мужа. Так что поводов для ревности, на его взгляд, не было никаких. Но Эдмир с каждым днем злился все больше, однако продолжал молчать. Только брал супруга в постели все яростнее, все жарче, словно клеймил своими поцелуями и долгим проникновением!

Единственными отдушинами для Рэниари оставались дом и сад, принимающие его с добротой и лаской. Эх, сложись все по другому, может он и радовался столь щедрому подарку. Но тяжелое, мрачное молчание Эдмира, не отрывавшего от него ревнивого взгляда, отравляло радость от окружающей красоты и выматывало до тошноты. А еще больше угнетало, что супруг ничего не говорит, а на попытки объясниться сразу начинает жадно, до боли в губах целовать, словно не желая ничего слышать.

Юноша терялся, не зная, что предпринять. Все-таки ему отчаянно не хватало жизненного опыта, чтобы повернуть ситуацию в нужную сторону. Как и все молодые Рэни отличался некоей прямолинейностью, хотя и понял уже, что подчас требуется быть гибким. Но так иногда хотелось рубануть сплеча! Все-таки семнадцатилетний консорт по меркам полуэльфов был совсем еще ребенком. Недаром покойный отец не желал отдавать его до двадцати пяти-тридцати лет в чужие руки.

Но долго так продолжаться не могло…

…Взрыв произошел в конце первой недели пребывания в замке…

Впрочем, вначале ничего не предвещало бури.

Эдмир и Рэниари сразу после обеда приняли делегацию местных лордов-правителей, что привезли принцам свои дары. Ответная вежливость обязывала хозяев замка развлечь гостей приятной беседой и легкими закусками. Визит был малым, а потому не требовал от их высочеств более пышного праздника. И вся тяжесть беседы упала на хрупкие плечи Рэни, как основного владельца замка. С чем юноша блестяще справился, очаровав гостей тонкой беседой. Недаром его с самого детства учили этому искусству.

На долю принца-наследника досталось лишь молчаливое присутствие и редкие ответы на прямые вопросы.

Первая ласточка раздора мелькнула, когда рука старшего мужа до болезненного хруста сжала под столом запястье юноши. От неожиданности Рэниари запнулся и едва не упустил нить разговора, мило покраснев. Впрочем, этот случай присутствующими был тут же списан на юность консорта и его очаровательное смущение. Но самому Рэниари стоило немалого труда удержать на губах улыбку, а не начать выдирать стреляющее болью запястье из хватки Эдмира. Старший принц сидел рядом с ним и тоже удерживал на губах вежливую улыбку, ничем не показывая, что в этот миг его ногти до крови впиваются в тонкую кожу младшего мужа.

А сразу по отъезду гостей принц-наследник, схватив супруга за плечо, приволок его в свою спальню и толкнул на кровать, карающим демоном нависнув над ошарашенной Искрой.

— И как это понимать, миииииилый?! — Прошипел он в лицо удивленному Рэниари. Тот искренне не понимал, в чем его вина. — Флиртуешь у меня на глазах?!..

— Ты с ума сошел!.. — попытался было возмутиться юноша. И сделал движение встать, чтобы покинуть комнату этого психа. Но вновь очутился на спине, а его ноги оказались задранными к голове. Мелькнуло лезвие наручного ножа Эдмира, и юноша ощутил, как под слабый треск распадается на нем шелк одежд, открывая темному взору мужчины гладкую кожу обнаженного тела.

— Наверное, стоит почаще напоминать, кому именно ты принадлежишь!.. — продолжал шипеть Эдмир, ловко стреножив начавшего было вырываться мужа.

Рэни молча выкручивался (не хватало еще сделать свидетелями всего этого безобразия слуг!), но не ему было тягаться с более сильным воином. В единый миг консорт оказался стреножен обрывками собственной одежды, очутившись в коленно-локтевой позиции. Руки (в том числе и стреляющее болью распухшее левое запястье) оказались прикручены к щиколоткам. Согнутые колени, под которыми тоже прошла самодельная веревка, прижимались к животу, бесстыдно выставляя на всеобщее обозрение сильно выпяченную попу.

Не ожидавший такой подлянки Рэни, на миг выпущенный принцем-наследником, неустойчиво завалился вперед, уткнувшись носом в перину. И завозился, пытаясь перевернуться на бок. Но сильные руки Эдмира тут же вздернули его за бока, опять уткнув носом в расшитое серебром покрывало.

— Стой спокойно! — Злой рык супруга над головой, и его ладони, сминающие ягодицы, раздвигая их. На расщелину полилось прохладное масло, наполнив спальню запахом жасмина. И сразу два пальца бесцеремонно ворвались в тело юноши!

Рэни непроизвольно всхлипнул и рванулся вперед, уходя от боли проникновения. Но широкая ладонь мужа ловко придавила его тело между лопаток, пресекая малейшее трепыхание. Сосредоточенно сопя, Эд разрабатывал вход в хрупкое тело, с трудом сдерживая злость вперемешку с ревностью. Обжигающие эмоции накатили на мужчину, когда он вспомнил, как муж, что лишний раз обычно и не посмотрит в его сторону, расточает ослепительные улыбки чужакам! Как мило щебечет и благосклонно выслушивает комплименты других! Давно уже надо напомнить паршивцу, кому он обязан дарить свое тепло! Никакого терпения не хватает смотреть, как мальчишка любезен и улыбчив со всеми, кроме законного супруга, что готов для него на все!

Посчитав, что достаточно разработал мужа, Эд вытащил пальцы, придерживая вырывающегося Рэни за бедра. Принца трясло от злости, и он не сдерживал грубость, желая наказать супруга, до ярких синяков вдавливая пальцы в нежную кожу.

Рэниари опять было дернулся, но Эд, придавив его между лопаток к постели, уже приставил налитую головку к судорожно сжавшемуся входу. Мальчишка пытался его не пустить, отчаянно крутя попой и судорожно сжимая ягодицы. Но намного более сильный мужчина, легко фиксируя тонкое тело одной рукой, другой упорно проталкивался в горячий канал.

Надо отдать должное принцу-наследнику — он старался войти как можно аккуратнее, даже теперь, ослепленный ревностью, делал все, чтобы не навредить несносному мальчишке. А Рэниари, убедившись, что проникновения не избежать, вдруг расслабился, принимая в себе горячее естество мужа. И замер, тяжело дыша, когда Эд вошел до предела… пытаясь понять — больно ему или нет…

— Ну же!.. мой златовласый эльф!.. — хрипло выдохнул юноше в ухо навалившийся на него мужчина, а Рэни вдруг охнул, ощутив в себе первое скользящее движение!

Эдмир мучительно медленно двинул чреслами назад, выходя из выгнувшегося ему навстречу супруга… и тут же звонко впечатался всем пахом в его оттопыренный зад!

— Давай!.. Сам!.. Крути попой! Умоляй меня дать тебе кончить! Хочу слышать твой голос!.. Твои стоны… твой крик!..

А Рэниари беззвучно плакал… без слез… без всхлипов!.. Просто от того, что его посчитали за какую-то шлюху… и обращаются соответственно. И куда исчезла нежность прежнего обладания, когда его хотя и принуждали к соитию, но принуждали нежно!

Тело словно ледяной волной облили, и оно вмиг окоченело. Ноги, пережатые путами, закололо сотнями ледяных иголочек. И юноша покорно уткнулся лицом в постель, как можно сильнее расслабив сведенные судорогой плечи… всем телом подаваясь вперед от мощных толчков обезумевшего от похоти супруга.

Оставалось ждать, когда его возбужденный муж, получит, наконец, удовлетворение и отпустит Рэниари. А слезы… Слезы так легко впитываются в мягкое покрывало с запахом летних трав.

Однако сам Эдмир не желал быстрой разрядки.

Низко рыкнув, он подхватил Искру под живот, ставя на колени для упора. Рэниари оказался прижат к мощному торсу супруга, а его голову запрокинули, и губы принца принялись жадно терзать искусанные губы юноши.

— Ну же! Давай!.. двигайся!.. — взрыкнул наследник, слегка шлепнув супруга по бедру. — Малыш, твое тело само за себя говорит! Ты меня хочешь!.. хочешь мой член!!.. как бы ни сопротивлялся!..

— Да кончи же ты, наконец!.. — простонал Рэни, выворачивая от мужа голову: распухшие губы уже горели от поцелуев.

— Нееееет, малыш!.. Мы только начали!.. — слишком уж ласково выдохнул Эдмир, двигаясь резко и напористо. Мозолистые от оружия ладони старшего принца оглаживали грудь консорта, его впалый живот… пальцами выкручивали напряженные соски… то и дело провокационно касаясь подпрыгивающего члена Рэни — тело юноши вновь предало своего хозяина!

Рэниари тяжело дышал, активно насаживаясь на толстый член наследника — только бы побыстрее получить разрядку и закончить этот фарс! Ему не то что рыдать… ему завыть хотелось от безысходности! Но принц упорно не давал ни ему, ни себе кончить… делая все, чтобы продлить телесный контакт.

Вот жесткие пальцы мужчины обхватили напряженную плоть, сжимаясь горячим кольцом вокруг нее, и задвигались резко… сразу по всей длине. Рэниари лишь тихо всхлипнул, утонув в ощущениях. Он уже и не знал, куда и как двигаться — то ли подаваться назад, на пульсирующий член мужа… то ли вперед — под ласкающую руку принца!

— Хороший мой!.. Самый лучший!.. Вот так!.. Давай!.. горячее!.. Больше не… захочешь… никого!.. Не сможешь… противиться… мне!.. МОЙ!..

mir-knigi.org

— Тыыы… свооооолочь!.. — простонал Рэниари, не в силах противостоять собственному возбуждению. — Да кончи же, наконец!..

Живот сводило от невозможности получить разрядку, кровь приливала и шумела в голове! И, позабыв обо всем, Рэниари со стоном выгибался в крепких руках супруга… сам подставлялся и сам двигался! Только бы дать излиться собственному жару!..

Эдмир тоже больше не думал ни о чем, входя в трепещущее тело на всю длину и сразу.

— Ну же! Двигай!!! Верти попкой!!! — Вот и все, на что хватало наследника, занятого собственным удовольствием. Эдмиру было хорошо… очень хорошо!.. Так хорошо, что принц-наследник готов был забыть обиды ради этого горячего, страстного тела, так яростно принимавшего его!

Для Рэни время тоже исчезло. Он уже не думал ни о чем. Его тело само решало, что ему нужно в данный миг, с радостью впуская в себя тугую плоть… наполняясь ею!

В какой-то момент Эдмир принялся восторженно отвешивать несильные шлепки по ягодицам мужа, подгоняя его движения.

— Да!.. Ты такой горячий!.. тугой!.. Давай же, двигай задом!.. Крути сильней!..

А Рэни в этот миг было на все наплевать! Ему нужна была разрядка, которую он никак не мог получить.

Вдруг рука наследника вновь легла на член юноши, заодно сгребая в ладонь и набухшие яички… лаская… перекатывая их. И юноша тут же застонал, откинувшись затылком на влажное от пота плечо мужа.

Сильнее вздернув Рэни вверх, Эд вцепился в его тонкие бедра пятернями и резко задвигался… каждый раз стараясь ударить под нужным углом. И, судя по всему, ему это удавалось. Консорт под его сильным, яростным телом тонко застонал, мотая взлохмаченной головой по разворошенной постели. И кончил… судя по тому, как обмяк.

Но самому Эдмиру все было мало! И, не обращая внимания на слабо трепещущее в его руках тело, принц продолжал яростно вколачиваться в него, упиваясь тем, как туго сжимают его внутренние мышцы юноши.

Вот только наслаждение это длилось недолго. В какой-то миг горячая волна ошпарила его, прокатившись в головы до паха. И Эд, потерявшись в ощущениях, вцепился зубами в плечо Искры, бурно и глубоко кончая внутри него!

И тоже, обмякнув, рухнул на тонкое тело под собой, не в силах отдышаться…

Лишь когда Рэниари решительно дернулся, пытаясь выползти из-под него, Эдмир оперся на выпрямленные руки и, приподнявшись, перевалился на бок, освобождая мужа от своей тяжести и заодно распутывая самодельные веревки. Однако, тут же сграбастал попытавшегося было улизнуть мальчишку, притягивая к себе поближе.

— Неааа, малыш!.. еще ничего не закончилось… — с трудом вспоминая слова, выдохнул наследник, заключая в объятия молча вырывавшуюся добычу.

— Ночь долгая… и я сделаю все, чтобы ты больше ни на кого не смотрел! Ты мой! И это не

обсуждается!

Рэниари без сил повалился на перину, не делая больше попыток вырваться. Сил едва хватало, чтобы дышать, что уж говорить о споре!..

А мужу все неймется!

Чуть отдохнув, он решительно перевернул юношу на спину. И многообещающе улыбнулся:

— Продолжим, малыш?..

Следующее утро закономерно принесло охлаждение в прежде ровные отношения. Рэниари, не сказав ни слова, молча поднялся с постели старшего супруга, который не выпускал его всю ночь из объятий. И направился, наплевав на наготу, в собственную спальню. Слава богине, короткий коридорчик между покоями предназначался именно для таких случаев. И никто не мог наблюдать, как консорт, шатаясь из стороны в сторону и светя яркими засосами по всему телу, пробирается тайком в собственную ванную. Вымыться хотелось просто нестерпимо. Натруженная попа даже поскрипывала от засохшей в ней спермы.

Самостоятельно наполнив горячей водой маленький бассейн, и тихо порадовавшись про себя, что встроенная в кристаллы-накопители бытовая магия позволяет обойтись без слуг, юноша со вздохом облегчения опустился в расслабляющую воду. Пошарив с закрытыми глазами около бортика, Рэни нащупал и вылил в воду первый попавшийся флакон с травяной отдушкой. Свежий аромат слегка взбодрил и прояснил мозги. Казалось, даже боль и тошнота чуточку уменьшились. Хотелось расслабиться и заснуть, позабыв обо все на свете. Но юноша, пересилив дрему, заставил себя вымыться и вышел из ванной, натянув на себя первый попавшийся костюм. И только потом вызвал слуг, чтобы те занялись его волосами и подали завтрак.

Вошедшего в утреннюю столовую прекрасно выспавшегося Эдмира встретил как всегда безмятежный взгляд аквамариновых глаз. Смачно поцеловав супруга, принц-наследник сел за стол, довольным взглядом окидывая разнообразные блюда. Кажется, его малыш усвоил урок и даже не стал возмущаться, как раньше. Вот только на предложение принца-наследника после завтрака покататься на лодке ответили вежливым отказом, заявив, что новому хозяину давно стоило более углубленно ознакомиться с поместьем. Эдмир хмыкнул, но принял отказ.

Вечером он вновь пришел к мужу и оставался с ним до утра…

Но и на следующий день Рэниари вежливо отклонил его предложение о совместном отдыхе, отговорившись какими-то делами. Эдмир недоумевал. Его мальчик не скандалил, ничего не требовал и отдавался ему на ложе со всем пылом юного тела. Но днем все общение постарался свести к необходимому минимуму, отдаляясь от мужчины все больше и больше.

Но Эдмир терпел, хотя и считал эту демонстрацию за очередную блажь избалованного ребенка. Перебесится и забудет…

Но его терпение лопнуло, когда через два дня к ним с повторным визитом приехала семья одного графа. Среди детей главы семьи был красавец сын. Высокий, статный, мускулистый. С мужественным лицом прирожденного сердцееда. Эту смазливую сволочь Эд запомнил еще с первого визита! Именно ему тогда больше всех улыбался Рэни, трепеща пушистыми ресницами и очаровательно склоняя золотоволосую головку на точеное плечико. А графеныш расточал чужому мужу ответные улыбки и комплименты, когда думал, что Эдмир не видит и не слышит.

mir-knigi.org

Но в этот раз появление гипотетического соперника заставило принца чуть слышно рыкнуть. Мерзавец посмел вручить Рэниари огромный букет лилий! Правда, все приличия были соблюдены, и цветы преподнесла жена главы семьи. Но принц-наследник ни на миг не сомневался, что это от ее сыночка-гада!

И ладно бы только букет! Весьма пошлый, если не сказать — вульгарный! Такую охапку Эд даже на свадьбу мужу не дарил, еле в руках не помещается…

Но Рэниари, радушно поприветствовав гостей, одарил каждого из них лучезарной улыбкой. И тем самым заставил принца-наследника скрежетать зубами от ревнивой злости. Эд с трудом сдержался, чтобы тут же не утащить маленького паршивца в спальню и не начать там урок послушания. Заодно и должное место указать!

В постели… Под мужем… на муже… подле мужа…

Так нет же, наглец еще и позволил ладони графеныша дольше положенного удерживать свою руку! А смазливый гад при этом похотливо пожирать глазами супруга наследника престола! Да еще и улыбался ему…

— Рэниари, дорогой, — Эдмир по-хозяйски обвил рукой тонкую талию юного мужа и притянул его к себе, властно поцеловав на глазах у гостей. Чопорная графиня густо зарделась, ее супруг и по совместительству отец ненавистного красавчика восхищенно охнул, видимо вспомнив молодость. А вот сам графеныш так скривился, что сразу стало ясно — выступление принца-наследника ему как нож в сердце!

Вот только Эду не понравилась реакция собственного супруга. Вместо того, чтобы тут же прекратить заигрывания с чужаком, Рэни словно закаменел. От него ощутимо повеяло холодом. Нет, внешне никто ничего не заметил, но Эдмир уже научился различать нюансы поведения мужа.

Сведя произошедшее к милой шутке, Рэниари продолжал участие в беседе, не обращая внимания на все больше злящегося принца-наследника. Эд сидел рядом с ним, с трудом удерживая на лице как приклеенную радушную улыбку. И отвечал односложно, занятый тем, чтобы к его Искре не подобрался чужак.

Совместный ужин прошел весьма достойно только благодаря усилиям принца-консорта, который успевал мягко гасить прорывавшуюся грубость мужа. В основном все эмоции Эдмира предназначались молодому гостю, что глаз не отрывал от прекрасного супруга будущего короля Хилдона. И только благодаря запредельным усилиям Рэниари графская семья покинула замок, очарованная гостеприимством и любезностью молодоженов, а не оскорбленная ревнивыми подозрениями наследника престола.

Нет, конечно, Рэни понимал, чего от него желает красивый сын графа. И держал того на расстоянии. Впрочем, и сам молодой человек осознавал разницу их положений, одаривая принца-консорта своим восхищением издалека. Вот только старший супруг продолжал смотреть на «соперника» словно разъяренный бык на красную тряпку.

Апофеозом ужина стала выходка принца-наследника, когда тот, разозленный излишним (как ему казалось!) вниманием Рэниари к чужаку, опустил руку под стол и ладонь сжал пах юноши, начиная жестко его ласкать. Хорошо хоть это безобразие скатерть прикрыла!

Рэниари ничего не оставалось, как непринужденно встать и, извинившись перед гостями, выйти из комнаты, якобы для распоряжения слугам. Вот только за дверями столовой, юноша со

всей злости саданул кулаком об стену, едва не до крови отбив себе костяшки пальцев.

— Ревнивый идиот!.. — чуть слышно прошипел он себе под нос и, нацепив дежурную улыбку, вновь вернулся к гостям.

Слава светлым богам, что визит графской семьи скоро закончился, а то бы не выдержал уже сам Рэниари!..

Юноша вздохнул спокойно только, когда семья аристократов наконец уехала, оставив его наедине с насупленным принцем-наследником. Если Эдмир уже сейчас ТАК реагирует на простое внимание окружающих к мужу, то что же будет при дворе?!

Ворвавшийся в свою спальню Эдмир, со всей дури пнул тяжелое кресло, вымещая ярость на ни в чем не повинной мебели.

Мало того, что дражайший супруг кокетничает направо и налево, так еще и демонстративно не стал разговаривать после ужина, захлопнув дверь спальни перед носом старшего мужа!

Ну, уж нет!

Накрутив себя до предела, принц-наследник вылетел из комнаты, намереваясь напрямую объясниться с Рэни. И тут же наткнулся на Иллирана, с обреченным видом направлявшегося к покоям консорта.

Узрев Эдмира, домоправитель попытался спрятать за спину злополучный букет, что не получилось, учитывая размеры душистого веника.

— Почему эту дрянь еще не выбросили?! — С ледяным спокойствием уточнил принц-наследник, нависая над побледневшим слугой. Тот мялся, не зная, что сказать.

— Отвечай!.. — рявкнул наследник и, выхватив цветы из рук домоправителя, хлестнул ими по ближайшей стене. Сломанные стебли тут же разлохматились, осыпаясь дождем лепестков. А из самой середины бывшего букета тяжело выпал кусок пергамента, просунутый в изящный золотой браслет.

Замерший на миг принц-наследник медленно наклонился и поднял вещицу, поблескивающую многочисленными гранями драгоценных камней, выдергивая из нее пергамент. Почему-то злосчастная безделушка показалась ему смутно знакомой. Впрочем, все браслеты чем-то похожи друг на друга.

Развернув послание, Эд про себя прочитал коротенький сонет… весьма недурно написанный… с намеками на прошлые свидания. И, закрыв глаза, часто задышал, пытаясь успокоить бешенство.

— Пошел вон, — холодно приказал он застывшему подле него домоправителю, как простую проволоку сминая золото в кулаке и швыряя куда-то в сторону. Иллиран понятливо исчез. А Эдмир решительно открыл дверь в покои мужа.

Консорт, уже облаченный в легкую ночную одежду, сидел в кресле у камина. Немногочисленные слуги суетились в спальне, доделывая какие-то дела.

С трудом дождавшись, когда последний из них утянется за дверь, принц-наследник

mir-knigi.org

решительно закрыл дверь, отрезая их двоих от любопытных ушей, и повернулся к все так же безучастно сидевшему юноше.

— Рэни, объяснись… — тихо закипая, предложил Эдмир, делая пару шагов в сторону мужа и опускаясь перед ним на колени. Широкие ладони нежно коснулись изящных щиколоток юноши, не скрытых легкими домашними туфлями. Невесомо скользнули вверх, сминая в складки ткань длиннополого платья, положенного младшим супругам, коснулись внутренней поверхности бедер, разводя колени в стороны…

Рэни дернулся прочь от мужа, злясь на самого себя и чувствуя, как в паху вновь разливается знакомый жар. Но довольный такой реакцией Эд лишь понимающе усмехнулся, крепко удерживая супруга на месте. — Почему ты себя так ведешь? Зачем провоцируешь?

Принц-наследник едва не дрожал, с трудом удерживая злость внутри себя и страстно желая своего мальчика. Больше всех разговоров хотелось просто и без затей взять желанное тело, и не отпускать долго-долго. Но следовало выяснить все до конца. Им скоро возвращаться в столицу, окунаться в водовороты придворной жизни. Не дело, если неопытный мальчик будет крутить хвостом направо и налево, ища приключения на стороне. Будь это Дориан, мужчина и слова бы не сказал, лишь бы соблюдались приличия — обычная ситуация для договорного брака. Но Рэни…

Да он же пол двора поубивает, если мальчишка не перестанет провоцировать ухажеров!

Он никому не отдаст свою маленькую Искру.

Принц-наследник мягко опрокинул супруга на постель, всем телом нависнув над покорно-молчаливым мальчишкой. Губы мужчины накрыли рот Рэниари. Язык Эдмира скользнул внутрь, просящее толкнулся, пытаясь пробиться сквозь сжатые зубы. Юноша не отвечал, лежал такой холодный… отстраненный. Сейчас Рэни больше напоминал куклу, чем живого и всегда столь страстного любовника.

С раздражением вздохнув, Эд распрямился и сел на постели, искоса разглядывая в очередной раз закапризничавшего супруга. Право слово, ведет себя как избалованный ребенок!

— Рэни, я и так с тобой слишком терпелив, — все еще держа свое раздражение в узде, повторил Эдмир. — Но желал бы услышать объяснения твоих поступков. Я, конечно, понимаю, что принудил тебя стать моим мужем, но этот брак был выгоден нам обоим. И я все-таки тешу себя надеждой, что твои чувства ко мне когда-нибудь вернутся. Во всяком случае, нам жить вместе многие годы. Зачем ты себя так ведешь? Зачем провоцируешь меня… Разозлить хочешь? Но для чего?

При этих словах Рэни резко поднялся и посмотрел на мужа.

— Я, вообще, не понимаю, о чем ты говоришь? — Звонко произнес он, глядя прямо в злые глаза мужа. — О чем ты? Почему ты решил, что я тебя провоцирую?

— Но ты так себя ведешь с гостями!.. — вновь начал заводиться Эдмир, от ярости уже плохо соображая. — Ты же СОБЛАЗНЯЕШЬ их! Иначе почему все эти дамы и кавалеры так крутятся вокруг тебя! Да ты же им УЛЫБАЕШЬСЯ! Ты ведешь себя как шлюха, позоря звание моего мужа!

Рот юноши вдруг округлился от безмолвного удивления, а в глазах плеснулась боль пополам с обидой.

— Что?!.. — тихо выдал Рэниари, даже не находя слов от полноты чувств. — Я не шлюха! Как ты только посмел сказать такое?! И с чего ты вдруг решил, что я кого-то там соблазняю. Я еще не сошел с ума поступать подобным образом! Я веду беседу, поддерживаю вежливый разговор. Все в рамках приличий! И, поверь, никто из наших гостей даже не думает, что Я их завлекаю! Наоборот, это они МЕНЯ соблазняют! А я ухожу от двусмысленных предложений, как только могу. И при этом стараюсь никого не обидеть. Ты же вырос при дворе!.. ты же должен понимать, что в таких случаях надо быть дипломатом! Да что с тобой такое?! Что, вообще, на тебя нашло, заявить мне подобную мерзость?! И как тогда мы сможем вернуться во дворец? Ты же видишь тень там, где ее никогда не существовало! Что же дальше будет? Мне ведь придется выполнять обязанности консорта… присутствовать на балах и приемах, улыбаться вежливо твоим подданным. Ты и тогда скажешь, что я шлюха?!..

— Ты всего лишь ребенок, который не умеет себя вести!

Заломив мужу руки за спину, Эд перекинул тонкое тело Искры через свои колени и спустил с зарвавшегося мальчишки штаны вместе с бельем. А затем раскрытой ладонью звонко припечатал по маленьким золотистым ягодицам.

От неожиданности Рэни по-детски ойкнул, взбрыкнув ногами, и тем самым только укрепил старшего принца в правильности его действий. Но юноша всего лишь растерялся. Как-то, привыкнув считать себя взрослым, принимать решения и отвечать за них, он позабыл, что в глазах других всего лишь ребенок. Даже знание своего реального возраста не помогало: все это юноша понимал умом, а не сердцем. И вот теперь столкнулся с тем, что его наказывали, как нашкодившего мальчишку!

Спрятав горящее лицо в складках покрывала, Рэни глотал беззвучные слезы, больше всего на свете желая в этот миг провалиться куда угодно, только бы подальше отсюда!

Было не столько больно, сколько обидно! И хотя мужчина, отмеряя порцию наказания, разумно сдерживал свою силу, но это ничего не меняло. Юношу никто и никогда не наказывал. Воспитывали, отчитывали, даже ругали, но НИКОГДА ни Асин, ни тем более обожавший младшего сына отец и пальцем его не тронули!

Он даже не обратил внимания, что Эдмир не столько бьет, сколько слегка шлепает, боясь навредить тому, кто носил в себе его ребенка. Хватало самого факта осознания незаслуженного наказания. Хотя сам принц-наследник так не считал.

В последний раз хлопнув по слегка покрасневшему прелестному задику мужа, Эд погладил ставшую чувствительной кожицу и отпустил мальчишку. Эх, сейчас бы ощутить губами нежность этих соблазнительных полушарий, скользнуть ладонью в заветную горячую щель, касаясь потаенного местечка… поласкать своего мальчика!

Член в паху заинтересованно шевельнулся. Но Рэниари, почуяв свободу, резко дернулся и скатился с колен мужа. И, торопливо натягивая на себя брюки, встал, не глядя на Эдмира. Лицо юного консорта покраснело от унижения, на щеках блестели дорожки слез. Но голос звучал на удивление ровно и холодно.

— Это был первый и последний раз, когда ты посмел меня ударить, — тихо проговорил он в насторожившейся тишине спальни. — Если ты желал вернуть мою любовь ТАКИМ способом, то ты еще больший дурак, чем я думал.

Вот тут Эдмир задохнулся от бешенства.

И он еще щадил этого паршивца!

Подскочив, принц-наследник шагнул было к мужу, желая схватить за плечи и как можно сильнее встряхнуть. Но наткнулся на ледяной холод вдруг посветлевших глаз, что смотрелись так странно на заплаканном юном лице мальчика.

— Посмеешь еще раз поднять на меня руку?.. — разомкнул онемевшие от ярости губы Рэниари, с не меньшим бешенством глядя в серые глаза супруга. В душе бушевала ярость вперемешку со страхом! Если мужчина решит вновь применить силу, он ничего не сможет ему противопоставить. Даже привычных ножей под рукой нет — Эдмир раз и навсегда запретил к ним прикасаться. Но и позволить принцу-наследнику ТАК с ним поступать!.. создать прецедент!.. такое следует пресекать раз и навсегда! С первого раза! А то будет поздно. И лучше пережить бурю сейчас, чем расплачиваться годами за сегодняшнюю трусость, позволяя раз за разом себя избивать.

— И что… что ты сможешь!.. что сделаешь?!.. — тяжело дыша, спросил Эд. Они оба застыли напротив друг друга на расстоянии вытянутой руки… глаза в глаза!.. жар двух разгоряченных тел!.. сбитое дыхание!..

Напряжение в комнате можно было резать кусками! Воздух раскалялся, полог балдахина принялся вдруг обугливаться прямо на глазах, рассыпаясь пеплом, серым и невесомым словно пух. Дерево неопрятно обугливалось… с треском разметав поленья, взметнулось пламя в камине. Волны неуправляемой магии гуляли по спальне, свободно проходя сквозь напряженного до звона золотоволосого мальчишку, стальной струной вытянувшегося напротив могучего воина, разъяренного до невменяемого состояния.

Магия бесновалась, пела, танцевала вокруг, побуждая двух безумцев, забыв обо всем, броситься в объятия друг друга! Но гордость и обиды держали их почище оков.

Раскинувшая невидимые крылья сила частично поглощалась телом Искры, что непроизвольно сдерживало ее нарастание… и только потому все вокруг еще не полыхнуло, сгорая в безумном огне! Но, тем не менее, для магов, что поселились в крошечной деревеньке неподалеку от замка, это противостояние стало подобно вспышке сверхновой. Удивленные магистры, отряженные лордом Итароном присматривать за новобрачными, выбежали из дома, где квартировали, споря, нужно или нет отправляться в замок.

— Что сделаю?.. — презрительно переспросил Рэниари, не отрывая взгляда от когда-то столь любимых глаз. — ТЕБЕ ничего не сделаю. Просто физически не смогу… И уехать от тебя не смогу… ты это слишком хорошо знаешь. Но и терпеть подобное унижение не намерен. Лучше уж сразу решить все вопросы — раз и навсегда покончив счеты с жизнью! Никогда не понимал самоубийц, но лучше уж так, чем всю жизнь оставаться чьей-то бесправной игрушкой.

— Вот как?! — Совсем взбеленился Эд, не делая, однако, попыток схватить мужа. — Уверен, что сможешь?!.. Думаешь, это легко?! А о своем ребенке ты подумал?!

— А ты подумал?! — Загнанным зверьком оскалился в ответ юноша. — Подумал, когда поднимал на меня руку!?

Рэни начало трясти от боли и обиды, но он не остановился.

— Я не хуже тебя знаю, как тяжело пойти на смерть, — тихо, чтобы слуги не услышали, шипел он. — Я прошел через свой страх! И будь уверен, что вновь сумею это сделать. И о ребенке я подумал! Я сделаю все, чтобы он родился! Я скорее тебе нож в горло вгоню, чем наврежу

малышу! Но после!.. Так что советую держать свои руки при себе! Хватит обращаться со мной как с вещью!

— Да как ты не поймешь, что ты не веееещь!!!! — Едва в полный голос не заорал Эд, чуть с ума не сходя от непонимания, от невозможности договориться и от страха потерять! — Я же люблю тебя!

В груди вдруг болезненно заныло от непоправимости совершенной когда-то ошибки.

Рэни, малыш! Я ведь так тебя желаю! Я не знаю, что мне делать, чтобы вернуть счастье нашей первой встречи. Ну, когда же ты повзрослеешь, маленький мой?! Когда поймешь, как мне больно видеть твою холодность, твое нежелание простить! И как больно, когда ты начинаешь мстить, неумело кокетничая с другими! Да я все сделать готов, только бы уничтожить равнодушие наших последних дней. Даже готов причинить боль, вызвать ненависть… ведь ее так легко вновь обернуть в любовь! Только бы не слышать твой безразличный тон и твои угрозы!

— Я устал слушать о любви, которой нет! Ты никогда меня не любил, всего лишь пользовался! — Холодно отрезал принц-консорт. — Уходи! Оставь меня сейчас в покое. Видеть тебя не могу!

— Милый… красивый… единственный мой!.. — только и смог выдохнуть Эдмир, осторожно качнувшись к своему желанному мальчику. Вскинутые едва не в молитвенном жесте раскрытые ладони были обращены к мужу в безмолвной мольбе о прощении. — Я прошу тебя!.. Умоляю! Дай мне последний шанс!.. Прими меня!

Но Рэниари лишь безразлично смотрел в лицо мужа, не делая попытки приблизиться.

— Уходи… — тихо повторил он усталым голосом. — Просто уйди. Я не могу… не имею права ни по закону, ни по желанию отказать тебе в близости. И не собираюсь этого делать. Как пользовался, так и будешь пользоваться моим телом. Но сейчас, прошу, просто оставь меня одного.

Тряхнув головой, юноша повернулся к старшему мужу спиной и направляясь в сторону своей спальни. А Эдмир, опустив руки, остался стоять на месте, с дикой тоской глядя ему вслед.

Уже закрывая за собой дверь, Рэни на миг оглянулся.

— Советую переночевать в одной из гостевых комнат, — невыразительно произнес он. — Эта уже ни на что не годна. Я прикажу привести ее в порядок. Завтра.

И вышел прочь.

Да чтоб!..

С этой мыслью Эдмир сорвался с места и покинул спальню, со всей дури хлопнув тут же осыпавшейся обугленными деревяшками дверью. Проклятье, и что он делает не так, если все его усилия приводят к такому вот результату?!

Ворвавшись в первую попавшуюся гостевую спальню, принц-наследник рухнул в крякнувшее под его весом кресло и задумался. В груди болезненно сжималось и ныло сердце, дробясь на

осколки. Неужели он не нужен своему златовласому принцу?! Да быть того не может! Тело Рэни умнее своего хозяина, отдаваясь Эдмиру с неистовой страстью. А значит, он прав, посчитав мужа всего лишь неразумным ребенком. И обращаться с ним надо как с ребенком, бережно и терпеливо. И, конечно же, никаких больше телесных наказаний. Есть более приятные способы проучить маленького упрямца.

Но видит Бог-Отец, как же ему удержаться во дворце от всепоглощающей ярости, если Рэни вдруг опять начнет очаровывать окружающих?

Вскочив на ноги, Эд заметался по комнате, куда себя деть.

Мальчишка всем дает понять, что их брак нежелателен для него. Что Эд ему не нужен!

Не нужен!!! Ну, так и принц найдет ему замену. Найдет, кто действительно полюбит его не за титул, а за его душу. Израненную… Изрезанную… И такую ранимую… Сколько бы Эд не скрывался под маской безразличия, бесстрашия и хамства, внутри него всегда жил безнадежный романтик. Он так хотел любить, и чтобы его любили в ответ! Мечтал обрести своего единственного…

И вот он его нашел!

Чтобы тут же совершить ошибку. Злую, непростительную…

Испугался собственных чувств.

Как жаль, что время невозможно повернуть вспять! Невозможно стереть из ткани мира ТО злополучное утро, когда он САМ… осознанно!.. вызвал отторжение в своем мальчике!

А теперь поздно. И сколько бы ты не просил прощения у гордого мальчишки, невозможно уничтожить сказанные ранее слова. Особенно в свете того, что прежний мальчик-бастард вдруг стал наследником графства и легендарной Искрой!

Да и как просить прощения, если Рэни даже выслушать его не желает, не то, что понять!

Ну и плевать!!! Не хочу больше молить о любви! Выпрашивать ее словно нищий у храма! Лучше найти того, кто заменит маленького бога с аквамариновыми глазами. Кто подарить тепло измученной ревностью и виной душе принца-наследника…

Гордость…

Гордость потомка королей и воинов не позволяла стоять перед мужем на коленях. Не позволяла кричать о своей вине… умолять о прощении…

И в то же время именно гордость толкала под руку, требуя сатисфакции.

— Рэни!.. Рэни!.. Что же нам делать?!.. — с дикой тоской прошептал наследник, откидывая тяжелую голову на спинку кресла. Эд машинально прокручивал на запястье брачный браслет, ощущая, как под кожу впиваются незримые иголки от осознания сотворенной ошибки. — Мы с тобой словно огонь и вода… Вроде и существуем вместе, но только как враги. Рэни… тобой невозможно не любоваться! Перекатывать в горсти, словно редкую драгоценность… Но стоит сжать пальцы, и ты утечешь сквозь них… мальчик мой… Как же я тебя люблю!.. Что мне сделать, чтобы ты простил?..

mir-knigi.org

Мягкие руки легли вдруг на колени принца. И Эдмир в безумной надежде вскинул голову, надеясь на чудо. Но перед ним вместо ожидаемой фигурки мужа опускался на колени Иллинар.

— Мой прекрасный господин!.. — с придыханием выдохнул домоправитель, снизу вверх посматривая на расстроенного принца.

Эдмир, склонив голову, печально улыбнулся бывшему любовнику. Мужчине было так плохо, что теплое участие Иллинара приносило физическое облегчение.

Кончиками пальцев он благодарно коснулся подбородка домоправителя, приподнимая красивое лицо слуги и заглядывая в большие карие глаза, полыхнувшие вдруг ярким огнем желания. Задумчиво провел ладонями по пепельным локонам, вспоминая, как когда-то ласкал их… и как обоим было сладко. И не горела душа от ревности и непонимания…

— Мой возлюбленный принц!.. — чуть слышно шепнул Иллинар, осторожно положив голову на колени наследника. — Мой потерянный господин… Вам так больно… Позвольте мне хоть немного унять вашу боль… подарить блаженство… напомнить, что я вас никогда не предавал… и не предам!..

Губы Иллинара… теплые, нежные!.. прижались к внутренней поверхности бедра принца, обжигая страстью даже сквозь ткань одежды.

И руки Эдмира сами, независимо от его головы, потянулись приласкать бывшего любовника. Может, действительно, это выход… Просто забыться… выплеснуть с другим весь свой гнев… чтобы оставить для Рэни одну лишь нежность…

А пальцы Иллинара уже вовсю хозяйничали, расстегивая-развязывая-приспуская, и высвобождали напряженную плоть господина.

С предвкушением облизнувшись, домоправитель погладил вставший член принца и склонился, нежно-нежно целуя обнажившуюся головку. А Эд вновь откинулся на спинку кресла, утопая в ощущениях — прохлада нежилой спальни и теплая влажность губ, что посасывают и ласкают его… как кружит горячий язык вокруг головки, то спускаясь, спиралью обвивая ствол, к яичкам, то вновь поднимаясь к вершине… как тонкие пальцы оттягивают уздечку, нежно сжимая напряженный орган. И как затем его член едва ли не полностью погружается в тесный рот…

А парень многому научился за время из разлуки — раньше этот трюк ему не удавался!..

Сладко… как же сладко!

Эдмир со стоном перекатил голову по спинке кресла, бездумно глядя в потолок. Бедра непроизвольно подергивались, пытаясь задать нужный ритм. А Иллинар, стоя на коленях меж широко разведенных ног господина, с упоением громко сосал, причмокивая от удовольствия. Губы слуги плотным кольцом обхватывали толстый член, перевитый пульсирующими венами, умелый язык дразнил раскрытую щель, вызывая дрожь во всем теле… а Эдмир все никак не мог полностью отдаться своим ощущениям. Что-то мешало.

Перед глазами упорно маячило печальное лицо мужа… его мокрые от слез щеки…

Очутившись в безопасной тишине своей спальни, Рэниари вызвал прислугу и приказал с утра

заняться ремонтом комнаты мужа. Потом отдался в заботливые руки слуг, позволяя себя мыть и расчесывать на ночь. Но привычные действия не приносили юноше спокойствия.

Отпустив прислугу, уже переодетый и готовый ко сну консорт присел на край разобранного ложа и задумался.

Нет, он поступил правильно. Давно следовало решить все между ними. Но…

Наверное, он все-таки слишком грубо разговаривал с мужем. Не стоит портить отношения… Им еще долго жить рядом друг с другом.

Вот только что делать, если эта жизнь не задалась с самого начала? И посоветоваться не с кем… Асин, Асин, как же мне теперь нужны твои советы! Ты ведь жил рядом с не любившим тебя человеком. И не просто жил! Отец всегда уважал тебя и прислушивался к твоему мнению.

Тяжело вздохнув, Рэни попытался вспомнить, как же Асин поступал в таких случаях. И не мог припомнить ни одной ссоры. Отчим как-то умел глушить гнев вспыльчивого Гвиура. Глушить терпением, вниманием, умением идти на компромисс и своим всегдашним желанием выслушать и помочь.

Получается, что Рэниари следует первому сделать шаг к примирению?

Но как же не хочется сдавать завоеванные позиции! Но надо… иначе мира в семье не видать.

И начать надо с приглашения Эдмира в свою спальню, раз уж его собственная сгорела.

Решительно встав с постели, юноша накинул поверх ночной рубашки халат и вышел из спальни. Надо найти Эдмира и попытаться с ним помириться.

…Тихие шаги слабым эхом шелестели в сводчатом коридоре гостевого крыла. Лунного света хватало, чтобы обрисовать каждую деталь отделки, так что лампа не требовалась. С нижних этажей все еще, несмотря на позднее время, доносились голоса прислуги, тихий смех и обрывки разговоров. Но господский этаж был пуст.

Интересно, куда ушел Эдмир?

Машинально толкнув первую дверь в коридоре из целой череды таких же, Рэниари замер, услышав приглушенные стоны.

…Он даже не понял сразу, в чем дело… и неверяще приоткрыл дверь пошире, разом разглядев всю картину…

Сердце болезненно сжалось, а потом зачастило так, что не стало хватать воздуха!

Смазливый домоправитель… обнаженный!.. сидя верхом на бесстыдно расставившим колени принце, резко двигался, изгибаясь всем телом…

Вверх-вниз!..

Вверх-вниз!..

Светлые ягодицы, принудительно раздвинутые руками слуги, то впускали, то выпускали из своего плена скользкий от смазки член мужа…

mir-knigi.org

Свет единственной лампы освещал все это безобразие, бросая слабые блики на блестящее от любовного пота обнаженное тело и запрокинутое от темной страсти лицо Эдмира.

Очередной стон на фоне влажных шлепков патокой разлился по комнате, заставив прислонившегося к притолоке Рэни оглохнуть от внезапного шума в ушах.

Эдмир… его муж!.. который лишь недавно в очередной раз клялся ему в любви!.. сейчас целовал обнаженную грудь чужака, скользя ладонями по мускулистой спине своего новоявленного любовника! То и дело поправляя выскальзывающий из расщелины член… вновь направляя его рукой в тело любовника…

В какой-то миг домоправитель вдруг повернул голову в сторону приоткрытой двери, и несчастный юноша увидел торжествующий блеск его глаз.

И его победную улыбку!

В груди все жгло… и словно невидимая рука все сильнее и сильнее давила сердце, выжимая из него последние капли крови. Предметы перед глазами расплывались от непролитых слез.

Последняя надежда разбилась даже не на осколки, а на мелкую, жалящую душу пыль…

Все слова ложь…

И ты когда-то любил ЕГО?

Сходил с ума от желания прикоснуться? От желания отдать всего себя? И кому…

Как же ты ошибался, Рэни! Ты стал добычей, дорогой игрушкой того, кто не знает, что такое любить, кто умеет только обладать. И еще требует от тебя каких-то чувств!

Ты же опустошил свою душу. Вычерпал ее до дна в то далекое утро, когда схлынула эйфория, и на тебя посмотрели холодные серые глаза, а на красивом лице презрительно шевельнулись зацелованные тобой губы, выпуская на волю проклятые слова…

«…А ты хорош, малыш! Думаю, нам с тобой стоит почаще встречаться. Уверен, твоя семья отдаст тебя мне в любовники. Конечно, фаворитом тебе не стать, как и мужем… но для постели сгодишься…»

А потом ты на себе испытал, как боль и отчаяние сгорают в пламени равнодушия. И на место любви приходит всего лишь долг.

Перед семьей… перед преданными тебе людьми… Перед тем, кто должен появиться на свет из твоего тела…

Ты был уверен, что разлюбил. А оказалось… и это самое страшное!.. что ты все еще любишь это чудовище, что лишь использует тебя в своих целях! Все еще теряешь волю рядом с его высоким и сильным телом. И умираешь в очередной раз, что ты ему, по сути, не нужен как личность, как равный супруг. Что все, что от тебя требуется — это твоя сила и растущий в тебе наследник.

Новая боль, смешанная со старой!..

Разве мало было прежней! За что, о боги, вы караете меня любовью к недостойному?! Я ведь

mir-knigi.org

так надеялся разлюбить… забыть… жить со льдом в сердце… Но, оказывается, увидеть воочию измену так больно! Как будто тонким ножом медленно ведут по сердцу… и опять не хватает воздуха…

Обжигающая лава — вот то, что зовется любовью, замешанной на ненависти.

И нет больше веры твоим клятвам, Эдмир. Твои чувства всего лишь слова, что так легко растворяются в пространстве.

Боги, больно-то как!

…С трудом переставляя ноги, Рэни кое-как добрел до своей спальни, к счастью, никого не встретив по дороге.

Эдмир! Как ты посмел внушить призрак надежды, и тут же жестоко вырвать ее с корнем. Легко разрушив то, что с таким трудом начало возрождаться между нами?!

Неуправляемый гнев душил, заставляя задыхаться, как будто вновь на шее магическая удавка. Боль и тоска разрывали сердце.

И сколько бы так продолжалось еще, Рэниари не мог предположить. Но в горле вдруг что-то лопнуло, и рот наполнила горячая жидкость, оседая на языке привкусом соленого железа. Закашлявшись от неожиданности, Рэни с потрясением увидел на ладонях алую кровь. Она стекала по подбородку, капала на грудь, быстро пропитывая тонкий батист рубашки. Теплыми струйками лениво ползла по рукам. В ушах зашумело еще сильнее…

Опомнившись, Рэни рванулся к колокольчику… затрясти изо всех сил!.. позвать на помощь! Умирать было так страшно!..

Но не успел.

Перед глазами все помутилось. И тело юноши медленно опустилось на ковер, пропитывая его кровью…

Глава 22

Боги, что он делает!..

Эдмир столкнул со своих колен вскрикнувшего от неожиданности домоправителя. И тяжело задышал, низко опустив голову.

Мужчине было по-настоящему плохо.

А ведь в начале, движимый обидой на мужа, принц-наследник попытался получить разрядку с бывшим любовником! На миг показалось, что в чужих объятиях он обретет то тепло, что недобрал в супружеской постели. Но ничего не вышло — у него даже член нормально не встал …то и дело выскальзывал из горячей задницы бывшего! Да еще и чувствовал себя Эд как в помойной яме выкупанным. И если раньше еще маячила призрачная надежда утешиться с фаворитом при неудаче в браке, то испытываемое отвращение положило конец подобным мечтаниям.

Ему не нужен никто, кроме Рэни!

mir-knigi.org

Рвано поднявшись, Эд завязал болтающийся пояс, попутно натянув спущенные до колен штаны. Член как был полувозбужденным, так и остался, не отреагировав на предоставленную возможность трахнуть тугую задницу. А ведь раньше принцу достаточно было достать своего дружка, чтобы тут же возбудиться. Теперь же отчаянно хотелось вымыться… смыть с себя чужой запах. И ведь даже ударить Иллирана не получится. Себя прежде всего надо бить. За то, что поддался… променял свою Искру на эту подделку.

— Пошел прочь! — Брезгливо посмотрел сверху вниз на обиженного домоправителя. Тот так и продолжал полулежать на ковре у ног господина, демонстрируя упругое «желание». Еще бы карими глазками похлопал!.. Давно уже не хрупкий мальчик. Хотя и не откажешь во внешней привлекательности. Раньше, до встречи с Рэниари, принц-наследник ни за что бы не пропустил подобный экземпляр. А теперь равнодушно направился в сторону ванной, бросив на ходу:

— Еще раз так сделаешь, вышвырну отсюда. И до конца жизни нищим оставлю! Чтоб исчез, пока я моюсь! И прикажи принести свежую одежду.

В умывальне Эдмир со всей злости приложил кулаком по стене, сдирая об мозаику кожу с костяшек.

Нет, ну какой же он идиот! И надо было уйти, оставив взвинченного эмоциями мальчишку в одиночестве. Рэни еще совсем ребенок! Он вправе обижаться, так как все еще делит мир на черное и белое, плохо различая полутона. А он… намного более опытный мужчина!.. пытался на него давить, вместо того, чтобы проявить терпение. Да еще и решил было развлечься на стороне.

Но что делать с собственной ревностью, дотла сжигающей душу?!

Прижавшись лбом к бортику купальной чаши, Эд мучительно застонал, не обращая внимания на плещущую через край воду. Он ведь не сможет!.. Не сможет просто смотреть, если Рэни опять начнет кому-либо улыбаться! Вновь сорвется, потеряв разум от нахлынувших эмоций. Вот чего он недавно взбеленился? Подумаешь, поклонник передал букет! Сам-то младший повода графенышу не давал. А это послание, всунутое в браслет?.. Пусть в нем и был какой-то смутный намек на прежние встречи… До свадьбы Рэни с ним не встречался, это ясно по поведению обоих. А после… Какие встречи, если муж постоянно у него на глазах?!

Рывком поднявшись, Эдмир в потоках воды вышел из ванны, наплевав на разлившиеся вокруг лужи. Полотенца, к счастью, нашлись поблизости, так что вытереться было чем. Никто из слуг так и не заглянул к моющемуся наследнику. Но когда тот вошел в спальню, то увидел на постели свежую домашнюю тунику и свободные брюки. Понятливого домоправителя, что характерно, поблизости не наблюдалось.

Переодевшись, Эд нерешительно помялся, но, тяжело вздохнув, все-таки вышел в коридор. И поплелся, нога за ногу, к покоям мужа. Нет, все-таки следует отправить Иллирана куда подальше, учитывая, что они с Рэниари будут частенько сюда наведываться. Не стоит мозолить глаза любимому физиономией бывшего любовника.

Что-то слабо стукнуло, задетое ногой мужчины, и покатилось к стене, сверкнув веселым огоньком. Заинтригованный Эд, подспудно оттягивая встречу с разгневанным мужем, нагнулся и подобрал яркую вещицу.

Странно… откуда здесь столь редкий рубин? Да еще и звездчатый.

Нахмурившись, Эдмир вгляделся в прихотливо ограненный камень, вспоминая. И вдруг стал

суетливо оглядываться.

Смятый браслет нашелся у колонны. Видимо слуги, что вынесли прочь измочаленный букет, не заметили золото в темноте. Рядом лежала еще пара камней, выпавших из оправы. Попытавшись распрямить ажурное сплетение золотых цветов, принц машинально поразился, сколько же злости было в нем, когда его пальцы столь легко смяли металл… словно ком мягкой глины.

Повертев перед глазами кое-как выправленную безделушку, Эд глухо выругался. Но, все-таки сунув в карман украшение (разобраться можно и позже!), решительно распахнул дверь в покои мужа, проходя в маленькую гостиную перед спальней. Скорее всего упрямый и гордый мальчик будет с обидой отнекиваться от близости с ним. Ну и пусть! Эд сумеет сдержаться и не завалить Рэни на кровать. Главное, чтобы позволил остаться рядом с собой… обнять и просто уснуть. А вот утром они поговорят спокойно. И не только поговорят.

Вдруг Эдмира пронзила одна мысль, заставив замереть на пороге с занесенной ногой!

Если подумать… то он уже давно не вспоминал о своем беловолосом призраке. Вернее, вспоминал, но красавец из снов упорно сливался обликом с Рэниари.

Неужели Рэни и есть тот, кто предназначен ему самими богами?! Если и так, то старший супруг сделал все, чтобы оттолкнуть свою половинку… лично вызвал ненависть и неприятие общих уз. А если вспомнить, что говорил ему Итарон… то получается… они с Рэни вместе не первую жизнь?!

Сны… они искажают реальность. Тот юноша с волосами, свитыми из светлого серебра… такой белокожий, хрупкий… Он казался отражением лунного света, ночным видением. А Рэниари — это теплое солнце.

Но все больше и больше крепла уверенность, что догадка правдива. Его супруг и юноша из сна — одно и то же существо. А значит, он сам, своими руками отбросил дар судьбы!

Ну, нет! Он не позволит окончательно разрушиться тому, что началось столь прекрасно!

Вспомнив ночь летнего карнавала, Эдмир мечтательно улыбнулся. Недаром его буквально притянуло к неизвестному мальчишке.

Впрочем, об этом он подумает потом… после примирения…

Толкнув ладонью тяжелую створку двери, Эдмир чуть ли не просочился в открывшуюся щель. Хорошо бы муж уже успел уснуть! Тогда можно будет подвалиться ему под бочок, без угрозы получить в глаз крепким кулачком.

Затемненная спальня встретила наследника тишиной и… резким запахом крови.

Словно на поле боя!

Навязчивый, характерный аромат лез в ноздри, липкой пленкой оседал на языке, заставляя холодеть сердце.

В ужасе Эдмир дал команду магическим шарам, и заливший пространство яркий свет открыл жуткую в своей нереальности картину!

mir-knigi.org

Совсем рядом с дверью лежал на боку Рэниари, слабо подергиваясь. Грудь, лицо… все было залито кровью, что слабыми толчками лениво выплескивалась из полуоткрытого рта юноши.

Миг Эдмир стоял в ступоре, растерянно разглядывая белое лицо мужа, с опущенными, чуть дрожащими ресницами… И нечленораздельно заорав, бросился к нему, забыв обо всем на свете!

Он кричал долго, страшно, всего себя выворачивая этим криком!

Вдалеке послышались перепуганные крики и топот слуг, но мужчина ничего не слышал. Все его внимание, весь мир сузились на крупно дрожащих руках, липких от чужой крови. Руках, что прижимали к себе ни на что не реагирующего мужа.

Потяжелевшего… быстро холодеющего…

Эдмир выл на одной ноте, судорожно пытаясь хоть что-то сделать, только бы остановить кровотечение! И не видел ни одной раны, словно кровь сама вдруг решила покинуть уставшее тело. Несчастный наследник, теряя разум от осознания приближающейся потери, совершенно интуитивно принялся вдруг переливать умирающему мальчику всю свою силу, без сожаления вычерпывая столь кропотливо собранный запас магии!

— Ваше высочество!.. Ваше!.. — словно издалека приходили чьи-то крики, скользя по самому краю обезумевшего сознания. Чьи-то руки пытались отобрать у него Рэни.

Его Рэни… Не отдам!

Прочь!

— …принц!.. Да сделайте же что-нибудь!.. Довольно!.. Эдмир!.. Вы уже пусты… вы переливаете в него собственную ауру!..прекратите!.. Еще немного, и вы погибнете!.. не вернетесь…

Не вернется? Ну и что? Если Рэниари… его золотая Искорка!.. умрет, ему тоже не будет больше смысла жить! Уж лучше вдвоем уйти на новый круг перерождений, в надежде, что в новой жизни он не совершит ошибок…

— Да разожмите же ему руки!.. Быстрее!.. я ничего не могу сделать, пока он его держит!.. Ограничьте вливаемую силу… Принц! …у него рвется аура!..

Но Эдмир продолжал из последних сил перекачивать в тело любимого всего себя, вжимаясь лицом в золотые волосы мужа. И плевать было, кто там кружит вокруг. Он просто знал, что пока держит мужа, тот живет. И пусть боль выкручивает руки, главное — это медленно теплеющее тело, прижатое к груди… и то, что кровь, наконец-то, перестала течь!

Неожиданно злая сила, намного превосходящая по могуществу крохи оставшихся возможностей Эдмира, вдруг вырвала из его рук Рэниари. И ощутивший обрыв связи принц яростно забился в невидимых тисках, пытаясь вернуть потерянное.

— Успокойтесь! — Перед глазами мелькнуло чье-то полузнакомое лицо. — Он уже вне опасности!

Эд непонимающе моргнул и уставился на Итарона, силясь понять, как тот здесь очутился.

— Уже все хорошо, — терпеливо повторял лорд, удерживая в магических путах наследника.

Эдмир постепенно осознавал реальность. И чем больше приходил в себя, тем более крупная дрожь его колотила. Он чувствовал себя истощенным до предела, вычерпанным до дна. Но сильнее боли от исчезнувшей магии, сильнее боли от полуразорванной ауры, была боль от возможной потери любимого!

Он силился разжать сведенные судорогой зубы… силился спросить, как Рэни… и не мог!

Только глазами вращал умоляюще. Но Итарон понял.

— Вы успели его спасти, — мягко пояснил старый маг, леветируя тело его высочества на кровать. Краем глаза (руки-ноги еще не подчинялись) Эдмир заметил, что Рэни в спальне нет. И вновь забился, пытаясь подняться, сгорая от ужаса потери.

— Да успокойтесь вы! — Прикрикнул на наследника потерявший терпение маг. — Я же говорю, что все в порядке. Его высочество консорта унесли в другую спальню. Сейчас им занимаются целители. Вы влили в него столько силы, что сумели удержать мужа на краю жизни. Даже кокон не пострадал. Как жаль, что вы совсем неумелый маг. Влить столько силы… выплеснуть весь запас! Даже часть ауры отдать!.. когда достаточно лишь крупицы. Но зато вы продержались, пока не подоспели маги.

— Не вертитесь, ваше высочество! — Опять прикрикнул на своего пациента старый лорд. — Я же сказал, что вы скоро увидите супруга. Дайте только подлатать вам ауру.

— Он точно будет жить?.. — с трудом просипел Эдмир, все так же валяясь на кровати. Принц обхватил себя руками за плечи, надеясь хоть так остановить позорную дрожь. И попытался сесть. На этот раз Верховный маг ему не препятствовал, что-то мудря на расстоянии.

— О… и голосок прорезался! — С удовольствием констатировал лорд Ламител, с облегчением распрямляясь. — Конечно, будет! Когда я вам врал? Да еще в столь серьезном деле. Так… вашу ауру я починил, худо-бедно двигаться вы сможете. Но вот магический резерв пуст. Полностью. И не знаю, когда наполнится. Во всяком случае, не советовал бы вам в ближайшее время брать у мужа. Ему самому следует восстанавливаться. Да еще и кокон часть сил оттягивает.

— Ребенок?.. — хмуро спросил Эд, поднимаясь на трясущиеся от слабости ноги. Пустой резерв? Да плевать! Жил он как-то раньше без магии, и сейчас проживет. Главное, чтобы Рэни выздоровел.

И брать он его не собирается! Не приведи богиня, еще навредит ненароком! Достаточно будет и того, что муж просто окажется в его объятиях. Живой и здоровый. До близости еще дойдет дело. Как только целители разрешат, так сразу.

— Прежде, чем мы пройдем к вашему супругу, — мягко проговорил Итарон, запахивая домашний халат: видимо старика выдернули телепортом прямо из постели. — Я бы хотел уяснить, что здесь произошло? Сначала со мной связались маги, что увидели неконтролируемый выброс энергии. Причем, энергии агрессивной, никем невостребованной. Если вы не в курсе, мой лорд, то сообщаю, что обычно вы полностью поглощаете все, что излучает в мир Искра, завязанная на вас лично. Но в этот раз энергия била ключом, рассеиваясь в пространстве. Я уже собирался приказать нарушить ваше уединение, но выброс прекратился столь же внезапно, как и начался. И маги принялись просто наблюдать. Но вот следующий выброс, смешанный с магией смерти, я уже проигнорировать не мог!

Эдмир молчал, пряча взгляд от старого мага.

— Ваше высочество?.. — лорд Ламител попытался заглянуть в глаза принца, но того вдруг снова начало колотить. — Почему у лорда Рэниари кровотечение? Да еще столь мощное… Разорвались сосуды в горле. Но он не мог отравиться — организм чист. Что произошло?

— Нне зззнаю!.. — простучал зубами Эдмир. — Мы поссорились… а потттом яяаа пришел мириться… и… и …увидел!..

— Поссорились? — Нахмурился Итарон. Его высочество только головой махнул.

— Сам!.. — выдохнул он, откидываясь на сбитые в кучу подушки. — Смотри… сам!..

— Вы даете мне право на считывание памяти?! — Не поверил своим ушам Верховный маг: подобное было немыслимо! Никто и никогда не позволял добровольно лезть себе в голову, держа всевозможные, как природные, так и магические щиты на разуме. Но принц только кивнул, не в силах разговаривать. По подбородку у него стекала кровь от невольно прокушенного языка.

— Пожалуй, это выход, — пробормотал себе под нос Итарон, обхватывая ладонями виски наследника. — Вашего мужа невозможно пробить никакой магией… видимо это черта Искр. Так что остаетесь только вы.

Эдмир благодарно прикрыл глаза, расслабляясь.

На какие-то мгновения в комнате повисла тишина, разбитая вскоре глухим рыком мага. Не ожидавший подобного от всегда столь спокойного и снисходительного к нему Итарона, принц-наследник во все глаза уставился на бледного от бешенства Верховного мага.

— Как же я хочу по-простому спустить с вас штаны и отодрать вашу венценосную задницу! — Катая желваки, прошипел маг, болезненно вцепившись в пряди волос на висках Эдмира. — Самовлюбленный, эгоистичный мальчишка!.. Ты даже не представляешь… не осознаешь, какое сокровище тебе досталась! Какая редкость!.. Привык все получать по первому требованию… что все гнутся перед тобой! И плевать на чувства других! Щенок, ты даже не заметил, что твой муж все ВИДЕЛ. Он стоял у дверей и смотрел, как ты развлекаешься с любовником! Твое сознание срисовало Рэниари краем глаза…

— НЕТ… — в ужасе прошептал Эд, обмирая от пронзительного понимания. Итарон затряс его за волосы, мотая крупным принцем как тряпичной куклой.

— ЧТО НЕТ?!! — Заорал маг, кривясь от боли отката: магия клятвы наказывала его за причинение вреда господину. — Что нет?! То-то мальчик тебя до сих пор не принял! Ваша связь так и не установилась. И вряд ли после такого он сможет забыть и простить. Ну, почему ты все всегда только разрушаешь! Рэниари… он ведь еще совсем ребенок! Не сформировавшийся до конца… с неустойчивой психикой! И вот результат… Он просто устал быть взрослым! Устал нести свою ношу. И, судя по всему, хрупкий баланс нарушен — мальчик надорвался! Иначе не получил бы обширного кровотечения! Его организм не выдержал нагрузки, а потрясение лишь подтолкнуло неизбежный финал!..

— ОН?!.. — невменяемый от вновь накатившего страха потери принц уцепился слабыми пальцами за трясущие его руки мага. — Он же будет жить?..

А из Итарона словно воздух выпустили. Он вдруг замолчал и, осунувшись, сел на постель рядом с полулежащим принцем.

— Он будет жить, — тихо и устало ответил он, невыносимо сгорбившись. — И даже родит здорового ребенка. Кокон уберег… Но восстанавливаться будет долго. И еще одного такого потрясения может не пережить. Он… он словно в одночасье истощился. Теперь вам надолго придется забыть о близости с мужем, если не хотите его потерять окончательно.

— Как?! — Потрясенно выдохнул Эд, приподнимаясь на локте. Маг зло на него глянул.

— А вот так!.. — и стремительно зашагал к двери. — Вы не прикоснетесь к супругу до тех пор, пока целители не разрешат! А уж если припрет, так будьте добры свою задницу подставить — вам, ваше высочество, полезно снизу побывать. И желательно без смазки!

— Не оставляйте меня здесь! — Взвыл совершенно потерянный Эдмир, чувствуя свою вину: оказывается, это из-за него Рэниари едва не погиб. Да еще и видел его с домоправителем…

— Я прикажу слугам приготовить другую спальню, — бросил Итарон через плечо, выходя. — А рядом с Искрой вам пока делать нечего.

И вышел.

Почти сразу в комнату проникли перепуганные слуги во главе с Иллираном. Бледный домоправитель впереди всех бросился к постели, на которой лежал обессилевший принц. Но вид несостоявшегося любовника вдруг вспыхнул в принце бешеной яростью. А с ней появились силы слететь с кровати.

— ВОООООН!!!.. — Взревел он так, что затряслись стекла в витражах. — КУДА?!

В два прыжка преодолев расстояние до рванувшего было к дверям вместе с остальными слугами Иллирана, мужчина схватил домоправителя за шиворот, отшвырнув на середину спальни.

— Позовите парочку стражников, — приказал принц вдогонку улепетывающей прислуге, чувствуя, как силы, вызванные вспышкой ярости, вновь стремительно утекают из него.

— А теперь поговорим, миииилый!.. — издевательски прошипел Эдмир, медленно наступая на Иллирана, отползающего от него в ужасе. Тот, сидя на заднице, скреб ногами в сторону окна, трясясь как припадочный. — Значит, букетик с браслетиком моему мужу передали?! А не припомнишь, откуда браслетик?

— Гггосподин… Богом-Отцом клянусь! — Лепетал белый как мел домоправитель, отползая как можно дальше от разъяренного принца. — Браслет был в цветах! Вместе с запиской!..

— Про записку не знаю, — страшно-страшно улыбнулся слуге Эдмир, наклоняясь над ним. Рука принца нырнула в карман, чтобы появиться со злополучным браслетом. — Все украшения чем-то похожи. Но! Видишь камешки? Им цены нет. Каждый из этих рубинов по-своему уникален. Я тогда не на шутку тобой увлекся и лично выбирал самоцветы у купца. А потом обговаривал с ювелиром подарок для одного капризного и жадного мальчишки, что готов был со мной спать за дорогие безделушки. Будь камень один, я, может, и не вспомнил бы! Все-таки столько лет прошло… Но целая горсть единых по цвету и размеру бесценных, звездчатых рубинов! Ты, милый мой, хотя и крутился при дворе, так навсегда и остался всего лишь разбогатевшим слугой. Даже не понял, какая уникальная ценность попала к тебе в руки! Хотя выбрал правильно — другие мои подарки были не столь ценными. И не подошли бы для консорта…

Эдмира с головой заливало бешенство. Мало того, что эта мразь едва не заставила его

уничтожить соперника в лице сына могущественного вельможи… да против Келлиадиров здесь поднялись бы все, как один!.. Мало того, что гаденыш едва не спровоцировал мятеж… Так он еще посмел оболгать его мужа! Он не просто тупой идиот. А идиот злобный и инициативный.

Ужас… всепоглощающий ужас, замешанный на отчаянии — вот что владело Эдмиром в эти мгновения помимо бешенства. Ужас от осознания едва не свершившейся потери.

Вспомнил холодную неподвижность обмякшего тела на своих руках, запах крови и обреченную решимость уйти ВОСЛЕД…

Эдмир очнулся, только услышав хрипящий свист из пережатого его ладонью горла домоправителя.

С отвращением оттолкнув от себя слугу, Эд брезгливо вытер все еще трясущуюся руку об одежду.

— Я лишь хотел, чтобы вы вернулись ко мне!.. В мои объятия! — Завопил вдруг Иллиран, в перерыве между приступами кашля обливаясь слезами и ползая на коленях у ног принца. В исполнении рослого мужчины это смотрелось несколько нелепо, если не сказать жалко. Но Эдмиру, да и самому домоправителю, было уже все равно. — Я хотел, чтобы вы разозлились на мужа… перестали к нему приходить! И тогда бы вы вновь вспомнили обо мне! А я бы вас утешил! Дал бы вам все тепло… всю свою любовь! А не просто тело, как ваш супруг! Он не достоин вас! А я ведь все еще вас хочу, господин! И я привлекательный… Чем я хуже ЕГО?!..

В разгромленную спальню ворвались два дюжих гвардейца из личной охраны принца-наследника.

— Взять! — Приказал Эдмир, изо всех сил цепляясь за спинку кровати: ноги подгибались от слабости. Тренированные воины без разговоров скрутили воющего от страха домоправителя и преданными взглядами уставились на господина. А Эдмир, все-таки осев на ложе от слабости, тяжело смотрел на подвывавшего от страха бывшего любовника. И вспоминал, что когда-то любил ласкать красивого слугу. Где теперь тот нежный и ласковый мальчик, что восторженными глазами олененка смотрел на соблазнившего его могущественного принца. Когда его место заняла бездушная, жадная и лживая кукла, которой что ни дай, все мало!

Эд хорошо помнил, как Иллиран выпрашивал у него подарки. Как капризничал, если что-то поворачивалось не так, как он желал. Как травил неугодных ему слуг. Как… да еще много таких «как». Но принц, снисходительный к симпатичной игрушке, на все закрывал глаза. Ему было довольно и того, что в постели Иллиран жадно ласкался и ласкал сам. Пока не надоел своей приторной сладостью. Но даже тогда Эдмир не стал выбрасывать парня, наградив званием домоправителя и отправив сюда.

Как видно зря…

— Тащите его ко мне, — тихо приказал его высочество, вновь вставая на подгибающиеся ноги. И проковылял к ближайшему окну, распахивая створку.

— Нет!.. НЕЕЕЕЕЕТ!!!!!.. — в полный голос завопил Иллиран, выворачиваясь из державших его рук. Но гвардейцы без колебаний подволокли воющую и скулящую жертву к распахнутой створке. И Эд всей пятерней взялся за лицо домоправителя, впиваясь пальцами в его щеки.

— Ты едва не спровоцировал резню, подставив под мой удар местного лорда. — Жестко произнес он, приблизив губы к покрасневшему уху домоправителя. — Ты заставил меня обезуметь от ревности. Но самое главное!.. Из-за тебя мой супруг побывал на краю!

Теперь Иллиран уже не выл. Он тихо и надрывно скулил от ужаса, обмякнув в руках стражи, а от его тела остро пахло мочой. И Эдмир брезгливо отошел в сторону.

— Но хотя ты посмел манипулировать мной, твоя смерть окажется достаточно легкой. И знаешь почему?! — Поинтересовался наследник у домоправителя. Но тот явно ничего не слышал, сотрясаясь всем телом от осознания близкой смерти. — Потому что я виноват не меньше!

— Выкиньте его в окно, — приказал Эд гвардейцам.

Вот этот приказ достиг помутневшего сознания домоправителя. Каким-то образом вырвавшись, Иллиран попытался шмыгнуть за дверь, но два могучих воина легко скрутили его по новой и, ни на миг не заколебавшись, швырнули бывшего любовника наружу.

На какой-то миг Иллиран, нелепо растопырив руки и ноги в разные стороны и дико выпучив глаза, завис ровнехонько напротив окна. Его перекошенный от ужаса рот начал было раскрываться. И домоправитель беззвучно канул вниз, пробив телом тонкую облачную дымку, что отливала розовым перламутром в свете взошедшей Нерители. Животный вой уже долетел до принца из далекого далека, быстро оборвавшись на дне ущелья, откуда поднимался смутный гул горного потока.

Уцепившись обеими руками, Эдмир полудержался-полувисел на оконной створке, вдыхая холодную свежесть с гор. Он ведь все сделал правильно. И Иллиран еще отделался легко — за то, что сотворил домоправитель, медленно расчленяли на глазах у толпы, чтобы другим неповадно было. Тогда отчего так горько на душе?

— Ваше высочество!.. — осторожно обратился один из гвардейцев к Эдмиру. — Верховный маг приказал отнести вас в спальню.

— Вот и несите, — устало согласился принц-наследник, с облегчением повисая на крепких воинах. — Только несите туда, где сейчас мой муж.

— Но…

— И не пререкайтесь со мной, — буркнул Эд, с трудом заставляя себя переставлять ставшие вдруг тряпичными ноги. Хорошо хоть солдаты быстро дотащили его до комнаты, где до сих пор суетились целители. Правда, теперь в их суете уже не чувствовалось обреченной торопливости.

— Ваше!.. — зло начал было находившийся в спальне Итарон. Но хватило одного взгляда принца, чтобы Верховный маг, поджав губы, неодобрительно промолчал, пока гвардейцы укладывали своего командира подле уснувшего мужа.

— Как он? — Тихо спросил Эдмир, боясь прикоснуться к ставшему столь хрупким мальчику. Рэни умыли и переодели, но он все еще был бледен: не спасал даже загар. И только золотые волосы по-прежнему богато переливались на лиловом шелке постели.

— Уже хорошо, — нехотя ответил Итарон, одним взмахом ресниц выгоняя младших магов из спальни. — Вы можете его касаться… но без сексуального аспекта…

— А то я не знаю! — Буркнул Эдмир, бережно, словно хрупкую статуэтку из драгоценного маруквийского стекла, придвигая тяжело вздохнувшего во сне мужа. Итарон только скривился, наблюдая за этим… на его взгляд… запоздалым раскаянием.

— Не знаю, не знаю! — Процедил он. — Судя по тому, как вы вели себя с супругом… лишнее напоминание не помешает. Даже не знаю, чего ждать в дальнейшем от вашего брака. Я бы, например, никогда не смог простить подобное. А он… Знаю лишь одно — вам, принц, потребуется бездна терпения, чтобы наладить хотя бы дружеские отношения с мужем. Время, мудрость и терпение. Много терпения! А вот последним, к сожалению, никто из вас не обладает. И если семнадцатилетнему мальчику еще простительно отсутствие данных качеств. То вы, мой господин, давно уже претендуете на титул идиота. Ибо за шесть десятков лет так ничему и не научились. Видимо в этом и моя вина, как вашего воспитателя!

— Лорд!.. — слабо попытался возмутиться Эдмир, не привыкший к подобным нотациям. Но Итарона, что говорится, понесло.

— А уж говорить про любовь с вашей стороны верх безрассудства! Вначале вы старательно внушали мальчику, что он всего лишь временная игрушка. И не может претендовать ни на какие чувства с вашей стороны. А когда внушили, тут же стали яростно добиваться взаимности. Вот только ваша, столь внезапная страсть, к несчастью совпала со свалившимся на Рэниари богатством как магического, так и материального толка. Что он должен был по-вашему решить для себя?

— И все-таки я люблю его… — упрямо проговорил Эдмир, не поднимая глаз и прижимая к себе неожиданно легкое тело Рэни. Принцу-наследнику, пожалуй, впервые в жизни было стыдно. Так стыдно, что даже уши горели. Но он молчал, сцепив зубы и чувствуя свою вину.

Старый маг тяжело вздохнул.

— Наверное, все дело в том, что вы оба не умеете любить. Вы, Эдмир, просто не умеете. Любовь не требовалась вам в прошлом. Достаточно было ее замены на страсть, похоть, покорность, которые столь щедро предоставлял вам титул принца. А Рэниари… его просто не учили любить. Только подчиняться, как всех младших. Но в отличие от вас мальчик хотя бы пытался…

Как-то обреченно вздохнув, Итарон побрел к двери.

— Я оставлю по соседству пару целителей. Теперь принц-консорт будет под постоянным наблюдением. Пока не выздоровеет. Ему надо больше спать, есть и забыть про волнения. Да и вам не помешает помощь мага. Все-таки аура восстановится не сразу… — произнес напоследок. И вышел, даже не попрощавшись.

А Эд нежно отвел с чистого лба своей Искорки тоненькую золотистую прядку, самыми кончиками пальцев погладив заострившиеся скулы. Кожа юноши была прохладной, и принц-наследник с виноватым вздохом укутал Рэни в тепло своего тела. Так и не проснувшийся муж тут же тесно прильнул к нему и тихонько засопел в плечо.

А его высочество пытался разобраться в себе. Всегда столь властному и уверенному наследнику было сложно описать словами то, что творилось у него на душе. Иррациональный ужас, владевший им до последнего момента, именно сейчас переплавлялся во что-то новое, медленно оседая ядовитым пеплом. И всплывающие на поверхность отдельные чувства уже можно было выделить… разобрать на составляющие.

Боль… море боли и страха за едва не потерянного супруга.

Отчаяние и жгучее чувство вины… а еще злость на собственную беспросветную дурость. И горькая, проедающая сердце печаль за то, что могло быть, но не случилось…

И где-то глубоко-глубоко свернувшийся невидимой змеей холодок страха от постоявшей рядом смерти.

Уткнувшись губами в висок Рэни, Эдмир невесомо целовал часто бьющуюся голубоватую жилку под тонкой кожей юноши. Принц-наследник едва видел окружающий мир от застилающих глаза едких слез. Он плакал совершенно бесшумно, опасаясь разбудить спящего. Плакал от немыслимого облегчения и от осознания очередной потери. Он вновь сам разрушил только-только протянувшуюся между ними ниточку понимания. И не представлял теперь, как станет возвращать все на круги своя.

Наверное, маг прав — и Эдмир не умеет любить. Или умеет, но его любовь, властная, нетерпимая, самовлюбленная, причиняет только боль тому, кого принц любит.

И, словно в далеком детстве, давясь слезами от тоски и обиды на самого себя, незаметно засыпающий Эд вдруг почувствовал, как в него робко скользнула песчинка силы от мужа. Совсем крохотная… незаметная… упала в бездонную, гулкую пустоту внутри наследника, согрев на миг его замерзшую душу. Перепуганный недавними предупреждениями, принц тут же попытался было отодвинуться от юноши. Но Рэниари, прерывисто вздохнув, во сне обвился вокруг своей персональной грелки. И даже тихонько замурчал, закинув холодную ногу на бедро Эдмира.

И тот замер, боясь лишний раз дернуться. А потом так и уснул, бережно обняв свое сокровище…

…Лорд Итарон, с поклоном пропущенный секретарем в кабинет его величества, невозмутимо дождался, когда за его спиной закрылись высокие двери, и набросил магический полог на все помещение разом. После чего в несколько крупных шагов пересек кабинет и с грохотом впечатал кулаки в массивную столешницу перед вздрогнувшим королем. Тонкое лицо всегда столь невозмутимого лорда кривилось от бешенства, темные глаза метали молнии далеко не в фигуральном смысле: крошечный росчерк энергии из глубины правого зрачка Верховного мага Хилдона весьма удачно разнес вдребезги графин цветного стекла, стоявший на краю стола. К счастью пустой, а то пострадали бы многочисленные свитки.

— Я все могу понять и принять, БРАТ!.. — В ярости прошипел маг, нависая над удивленным Сорондо. — Но то, что происходит сейчас!.. Это выше моего понимания!

— Успокойся, Ламител! — Приказал король. — Сядь и объяснись. Что случилось такого, что ты настолько вышел из себя?

Несколько мгновений Итарон прожигал венценосного брата взглядом, явно пытаясь взять себя в руки. Грудь мага под свободным плащом магистра ходила ходуном, но, слава богам, хотя бы молнии перестали лететь из глаз. Потом, чуть успокоившись, он упал в кресло и устало прикрыл глаза.

Вздохнув, Сорондо вышел из-за стола и, налив в бокал крепкого вина, попытался впихнуть его в руку мага. Но тот брезгливо отмахнулся.

— Я себя контролирую!

— Тогда что произошло? — Переспросил король, усаживаясь в другое кресло. — И с чего ты посреди ночи сорвался куда-то без всякого на то объяснения? А теперь еще чуть-чуть и разгромишь мой кабинет.

Итарон немного помолчал, а затем глухо начал говорить, не глядя на брата.

— Знаешь, я все понимаю… И я никогда не протестовал против решения отца сделать меня магом и связать клятвой с тобой, как с будущим королем. Да, наш батюшка одним махом решил тогда сразу несколько проблем: убрал с дороги наследника конкурента на власть, обеспечил меня и получил мою преданность короне благодаря клятве мага. Я не спорил, никогда не возмущался, как мои знатные родственнички, что надеялись пропихнуть бастарда на трон! Я был просто счастлив, что не придется соперничать со своим старшим и принявшим меня братом. Я всегда тобой гордился, Соро! Всегда был тебе предан. Всегда и во всем ставил твои интересы выше своих. И мне никогда не мешала моя клятва, не была удавкой на шее как у других магов! Я был горд своим положением, своим местом советника при сильном короле. И пусть никто так и не узнал, что под плащом магистра скрылся незаконнорожденный сын прежнего короля, мне было это безразлично! Я принимал твои беды и радости как свои, мой старший брат… да за одну только благодарность, что некогда ты не оттолкнул меня, принял как родного!.. нянчился с мальчишкой, своим возможным соперником… Я растил наших сестер, не знающих о нашем родстве. Я качал на руках твоего сына!.. У меня никогда не было своей семьи, только твоя. Эдмир… Я так гордился им! Закрывал глаза, насколько балованным и подчас равнодушным он растет, ставя свои желания превыше чужих. Оговаривался, что принцу и будущему королю это позволено. Тем более, что мальчик далеко неглуп и обладает всеми задатками повелителя. Я мечтал со временем служить ему так же, как тебе. Хранить, беречь… Но есть предел всему!

— Лами, успокойся, — встревожено начал король, сжимая холодные пальцы брата в своих ладонях (колдовал?..). — Как я понимаю, все дело в Эде? Или… в его отношениях с мужем? Не думай, что я не вижу, что между ними происходит. Но лезть в чужую постель… Они оба должны самостоятельно разобраться между собой.

— Ты не понимаешь! — Чуть ли не взвыл Итарон, подскакивая в кресле, но сильные ладони короля надавили на плечи мага, заставив остаться на месте. — Рэниари Искра! ИСКРА! Все, что я тебе передал по Искрам, это лишь слова, полувнятные строчки в древних свитках… Надо быть магом, чтобы ВИДЕТЬ!

— Так расскажи, — мягко предложил Сорондо, не на шутку испуганный реакцией всегда столь сдержанного брата. — Расскажи сам, своими словами.

Итарон обессилено откинулся на спинку кресла.

— Я увидел Рэниари на том летнем карнавале, — негромко начал он. — Обратил внимание на удивительно чистую ауру незнакомого, по детски угловатого подростка… Только потом, подняв эльфийские тексты, я узнал, что так в древности определяли потенциальных Искр. Но тогда меня просто потянуло к мальчику. Он был словно магнит… Я пробирался к нему сквозь толпу, накинув изменяющий ауру полог на Рэниари, чтобы другие маги в зале им не заинтересовались. Я хотел быль рядом с мальчиком, греться в его свете… просить о праве любить его… Не из-за силы. Силы у меня и своей хватает. Из-за его теплого света… Но меня опередили. И то, что произошло дальше, я видел от начала и до конца. Когда они встретились с Эдмиром… Это была вспышка! Ауры мальчиков соприкоснулись и слились в одну столь чистую и сильную, что от света резало глаза. Никогда такого не видел. Если бы не накинутый на Рэниари полог, все маги во всей Мейаре увидели бы тот свет. Но даже тогда я еще не понял,

что передо мной Искра. Такое бывает, когда встречаются двое, предназначенных друг для друга. Мне было грустно, что я упустил свой шанс на счастье, и в то же время я был рад за племянника. Они оба тогда пылали от радости встречи, от счастья обладания! И я был уверен, что этот мальчик станет единственным для Эда. Пусть не мужем… ты тогда только что объявил о помолвке сына с молодым Ваоттиро… но любовником… любимым. Но в следующий раз я увидел этих двоих снова с разорванными аурами. И если аура Эда трепетала, тянулась, стремясь вновь соединиться с аурой мальчика, то Рэниари… он словно окружил себя невидимой, непроницаемой ни для чего сферой, полностью отрезавшей своего носителя от внешнего мира. Знаешь, как это выглядело и до сих пор выглядит для любого мага? Аура твоего зятя пылает подобно солнцу, заключенная в непроницаемый кокон силы, а крылья ауры Эдмира бессильно скользят по нему, тщетно пытаясь пробраться внутрь и вновь соединиться! Так красиво и так страшно!..

— Почему страшно? — Тихо переспросил Сорондо. Его брат-маг устало потер лицо ладонями.

— Да потому, что Рэниари сам отвергает их связь, — обреченность прозвучала в голосе лорда Итарона. — Не дает своей силе течь нормально, интуитивно капсулируя ее. Он сам… понимаешь, Соро, сам!.. сжигает себя! И я теперь понял, почему во всех хрониках говорится, что Искры по сути не жильцы. Их ведь почти всегда брали силой. Слишком красивые, слишком желанные… невозможно отказаться… А уж отказаться от дармового могущества… Ищи дураков! Но если брать Искру против воли, то происходит то же, что и с Рэниари. Они отвергают того, кто им не люб. И сжигают сами себя в огне собственного могущества. И только если Искра всей душой примет своего избранника, полюбит!.. Я ведь видел то, что случилось на карнавале… Слияние аур, силу, льющуюся через край. Они оба… понимаешь, Соро!.. оба пылали от любви! Да, ты мне рассказал, что там произошло. Но каким же надо было быть дураком или трусом, чтобы отвергнуть, испугавшись, столь чистое чувство?! Самому разорвать уже готовое Слияние! Предать собственную любовь! Но я все равно помогал твоему сыну заполучить мужа, так как помнил сияние единой ауры. Надеялся, что все наладится! Но Эдмир… он все делает для того, чтобы оттолкнуть от себя Рэниари все больше и больше.

И маг рассказал нахмурившемуся королю о том, что произошло в горном замке.

— А теперь подумай, — закончил он свой рассказ. — Просто представь, что нас всех ожидает. Рэниари угасает. Твой зять удивительный человек. Очень сильный духовно. Он любит жизнь яростно, самозабвенно. Он обожает ребенка, которого ему навязали силой. Он несет на себе долг перед людьми своего владения. Он был бы идеальной парой для будущего короля. Но ничего этого не будет. По той простой причине, что как бы он ни стремился жить, свою природу ему не дано переделать. Если ничего в их отношениях не изменится, Рэни сгорит. Он сгорел бы уже этой ночью, но Эд отдал ему всю свою силу, удержав на краю. Но если ЭТО снова повторится?.. Да мальчика едва хватит еще на пять-шесть лет. Ты сможешь получить от него еще пару внуков, но не больше. Каждая новая беременность будет все быстрее убивать мальчишку. Я даже не уверен, что он сможет выносить третьего ребенка. И что будет с твоим сыном? Эдмир… он еще плохо осознает свои чувства, но он никого не видит, кроме мужа. Сможет ли он пережить его смерть? Сможет ли перекинуть, как некогда ты, свою больную любовь на маленького сына, которого вряд ли будет любить, потому как рождение малыша скорее всего причинит боль его обожаемому Рэни? А я уже теперь предвижу тяжелые роды. Или ты успеешь воспитать нового наследника, Соро? Мы оба с тобой знаем, что твоя жизнь подходит к концу. Если бы не мои усилия, Эду намного раньше пришлось бы надеть корону. Что будет со страной, когда принц уйдет следом за любимым? А он уйдет: пусть Рэни и отвергает их связь, но Эдмир неосознанно тянется к мужу. Его аура оплетает ауру Рэниари, хотя и не может с ней соединиться. И я не знаю… и не знаю, как избежать катастрофы…

Осунувшийся маг замолчал, опустив голову.

— Я все-таки надеюсь, что Эд сумеет вернуть любовь Рэниари, — ответил враз постаревший король после долгого молчания. — Он сделает для этого все возможное. Уверен, сын осознал свою ошибку…

— Ну, да, — саркастически отозвался брат. — Особенно после недавнего инцидента! Это надо же было додуматься — довести своей ревностью супруга едва не до смерти! Пытаться его сломать!.. Сидит теперь рядом с ним, едва не подвывая от отчаяния! Или до сих пор не разобрался, с кем живет? Может, с кем другим, более слабым, это бы и прошло. Но не с Рэниари. Твой сын ничего от него не добился, мальчишка зубами скрипел, предпочтя терпеть боль, но ни о чем не просил. И знаешь, что страшнее всего? Рэниари даже не ненавидит Эда! Ненависть — оборотная сторона любви, и ее вполне можно было бы повернуть вспять. Но что делать с тем, кто испытывает всего лишь брезгливое равнодушие? А после выходки Эда щиты, отрезающие Рэниари от мира, стали еще крепче. Что будем делать, брат?

— Не знаю, — безнадежно отозвался старый король. — Не знаю…

…Летняя ночь стрекотала цикадами, пряно пахла травами и тихо журчала фонтанами в парке дворца Деззионов. Где-то тонко высвистывал соловей, пробуя голос перед главной трелью. Свет сразу двух лун — голубой Анатели и нежно-розовой Нерители — причудливым мерцанием заливал пустой сад перед домом, почти не оставляя места тени. Даже мышь не проскользнет мимо бдительных часовых, что легко просматривают все пространство до особняка!

Если только у мыши не будет при себе амулета-ключа, настроенного на здешнюю охранную сеть…

Валиэль Коразз тихонько прокрался по песчаной дорожке почти под окна возлюбленного. Хотя амулет и хранил барона от стражи, но скрип песка под невидимыми ногами вполне мог его выдать.

Миновав одуряюще пахнувший златоцвет под самыми окнами, Валиэль ловко взобрался по резным украшениям стены до второго этажа. И уже по карнизу спокойно прошел к нужному окну.

Но тут отчаянного барона ждал полный облом.

— Не понял!.. — протянул себе под нос Вал, с изумлением рассматривая тонкой работы решетку сразу на всех окнах Карлаэля. — Я что-то пропустил?!

Впрочем, ажурная преграда не слишком задержала бравого любовника. Тот, кто возводил это недоразумение, просто не представлял, сколько решеток на пути к удовольствию в свое время вскрыл Валиэль. А так же не знал, что все Кораззы обладали врожденной способностью справляться с любыми запорами!

Так что, похмыкав, Вал достал очередной амулет, под действием которого фигурные прутья искривились как в страшном сне. Ненадолго, но молодой человек успел воспользоваться представленной возможностью, ловко проскользнув в спальню. Благо само окно оказалось открытым…

Очутившись внутри, Валиэль позволил себе на миг самодовольную усмешку, блеснув в полумраке комнаты жемчужной полоской зубов. Вот так-то! А иначе как бы он смог так долго

не попадаться во время своих многочисленных похождений!

Но стоит узнать, с чего вдруг такие предосторожности, словно он в спальне девственной жрицы богини (те еще жадные до ласк дамы!).

Спустившись с подоконника на пушистый ковер, устилающий пол во всей спальне, барон тихонько подошел к темнеющей громаде постели. Полог балдахина был высоко подобран, открывая взгляду смутно белеющее тело спящего Карлаэля, прикрытого одеялом по пояс.

Облегченно вздохнув, Коразз присел на слегка прогнувшийся под его весом матрас, стараясь не разбудить маркиза раньше времени, и прихватил край одеяла пальцами. Предвкушающее облизнувшись, Валиэль потянул мягкую преграду на себя, обнажая вожделенное тело. Карлаэль всегда предпочитал спать голым, что барон только приветствовал.

Маркиз забавно причмокнул губами во сне и перевернулся на спину, закинув мускулистую руку за голову, а вторую положил себе на пах. Нервно облизав губы, Валиэль склонился к лицу любимого и легким движением поочередно коснулся его век губами. Карлаэль судорожно втянул воздух, чуть вскидывая голову и подставляясь под поцелуи. Его рука, до того безмятежно лежавшая под головой, тут же оказалась на затылке барона и сжала волосы Валиэля в горсть.

Барон восторженно ахнул, увидев взгляд любимых глаз, даже в полумраке сверкнувших изумрудной искрой, и тут же впился в сочные губы Кара жгучим поцелуем, сжимая его в сильных объятиях. Маркиз выгибался под ним, стараясь сделать телесный контакт как можно плотней. Руками обвивал барона за твердые плечи, притягивая и укладывая его на себя…

Вал тоже чуть с ума не сошел от близости желанного тела.

Они целовались яростно, молча, самозабвенно в полной тишине!

Одной рукой барон удерживал Кари за затылок, не позволяя опустить голову на подушки, а ладонь другой жадно скользнула по изгибу напряженной шеи, очертила мускулистую грудь, по пути задевая вмиг напрягшийся сосок, и медленно, но неотвратимо поползла вниз.

— Валь!.. любимый!.. — выдохнул Карлаэль, в перерыве между поцелуями. Маркиз млел от тяжести желанного тела на себе. Так хотелось закинуть ноги на сильную поясницу любовника и отдаться ему на всю оставшуюся жизнь. Вот только проклятое одеяло мешало почувствовать всю прелесть контакта! — Как же я скучал!.. Ты полностью здоров?..

— А то ты не чувствуешь!.. — шкодливо хихикнул Коразз, поерзав бугром в паху по своему любовнику.

— Я тоже скучал, мой Кариииии… — томно шепнул он, склоняясь к лицу маркиза и сдувая пушистую прядку с его виска. — Может, хватит играть, милый?! Хочу от тебя ребенка!.. Тогда никто не посмеет нам мешать!

— Вал, — даже в полумраке спальни было видно, насколько густо покраснел маркиз. Тяжело вздохнув, младший Деззион затеребил край одеяла и вдруг произнес: — Кажется, мой отец что-то подозревает.

— С чего ты взял? — Удивился барон, отодвигаясь от любимого. — Что он тебе сказал?!

— Не сказал… сделал! Сам посмотри, — стеснительно буркнул маркиз, откидывая в сторону

одеяло. Валиэлю оставалось лишь охнуть и потрясенно воззриться на мерцающий в темноте широкий пояс из туманной ленты, что опоясывала чресла молодого мужчины.

Рука барона непроизвольно потянулась к дымной полосе, самыми кончиками пальцев касаясь ее, чтобы в следующий миг отдернуть их с проклятием в сторону.

— Что за?!.. Да твой папаша совсем из ума выжил! — Возмущенно выдал Валиэль, когда проругался. Немного успокоившись, он вновь наклонился к любовнику и нежно припал губами к его губам, выпивая не только дыхание любимого, но смакуя вкус его губ.

— Мы найдем выход из этой дурнины. — Прошептал он, разрывая головокружительный поцелуй. — Боги! Кари, любимый, как же я хочу тебя!

— Вали, дорогой, я тоже, — в голосе маркиза отчетливо звучали нотки горечи. А руки уже без участия головы обвили мускулистую шею барона, привлекая того как можно ближе. Спустя пару минут они таки умудрились оторваться друг от друга, и Коразз приподнялся на руках, рассматривая раскрасневшегося любовника. Ладони Деззиона медленно скользили по широкой груди Валиэля, лаская и надавливая, дразня соски сквозь тонкую ткань полурасстегнутой рубашки.

— Помоги мне избавиться от этого идиотизма в штанах.

— Конечно, помогу, мой зеленоглазый котенок, — Валиэль склонил голову и поочередно коснулся уголков рта маркиза самым кончиком языка. А затем лизнул по контуру чуть выпяченную нижнюю губу Кари.

Перекатившись через него, Валиэль встал на колени и принялся решительно стаскивать с широких плеч тонкую рубашку. А Карлаэль, закинув за голову могучие руки опытного мечника, с неприкрытым интересом рассматривал этот стриптиз, призывно облизываясь и любуясь, как играют мышцы на сильном теле Коразза… как скользит пепельное серебро волос по широким плечам любимого… как поджимается впалый живот, весь в кубиках пресса. По такому ударишь, так сам руку отобьешь!

Не выдержав, маркиз одной рукой принялся играться с собственными сосками. А потом плавно заскользил ладонью вниз… обвел средним пальцем впадинку пупка, замирая на лобке, прикрытым тонкой простыней. И оставляя без внимания внушительную горку под тканью в районе паха.

— Сейчас, мой хороший!.. — Запутавшийся в рубашке ушами, Коразз нетерпеливо дернул, разрывая ворот, и вернулся к любовнику, тут же нависая над ним всем своим жарким телом. Губами обхватил темную горошину соска и чуть прикусил ее, вызвав сладкий стон нетерпения. Ухмыльнувшись такому ответу, Вал лизнул пострадавшее место и тихонько подул, вызвав очередной всхлип маркиза. И перешел к другому соску, ладонями поглаживая напряженные бока любимого. Нетерпеливые пальцы Деззиона тем временем вовсю ласкали его напряженный ствол сквозь ткань покрывала, медленно и неторопливо скользя по нему вверх и вниз, время от времени сжимая головку члена. На тонком шелке уже выступало влажное пятно от выделявшейся смазки. Нетерпеливо постанывая, Кар запрокинул голову назад, демонстрируя подрагивающий кадык на открытой для поцелуев шее.

Валиэль же, изласкав грудь, бока и живот любимого, нетерпеливо потянул последнюю преграду между их телами, обнажая туманную полосу ненавистного пояса, сквозь которую завлекательно мерцал полностью расправленный ствол Кара. Шершавые от оружейных мозолей ладони барона осторожно легли на твердые от напряжения бедра Деззиона, аккуратно

раздвигая их… открывая доступ… А потом Вал вновь очень осторожно приблизил пальцы к магической штучке.

Ответ был мгновенным!

Взвывший от неожиданной и крайне болезненной молнии барон отлетел на противоположный край постели. И растянулся на спине, высоко задрав голые ноги. Мягкие перины смягчили удар, но все равно приятного было мало.

Выматерившись во весь голос, перепуганный за любовника маркиз подскочил из положения лежа и кинулся к упавшему Валиэлю. Но тот уже расслаблено лежал на спине, бурно дыша, а вокруг запястий широко раскинутых рук поблескивали угасающие серовато-голубые молнии остаточной магии.

— Кари, любовь моя! — Чуть шепелявя от ненароком прикушенной губы, выдал барон, когда свел глаза в кучку. — Твой отец точно спятил! Клянусь, что избавлю нас с тобой от этой проблемы!!! И случится это прямо сейчас!!

— Вал… — попытался было остановить разозленного любовника перепуганный за него Деззион, но барон уже решительно поднялся и толкнул растерявшегося Карлаэля обратно на подушки.

— Просто лежи спокойно, — заявил он. — И получай удовольствие.

— Что ты задумал? — Спросил Деззион, опасливо наблюдая за любимым. Он, конечно, Валиэлю доверял, но ведь пояс то на нем… и член свой собственный… не чей-то. А вдруг что не так пойдет?!

Но предвкушающе оскалившись, Коразз уже более решительно возложил руки на бедра любимого, входя в новый контакт с поясом. Его ладони весьма вольно расположились на крепких полукружиях ягодиц Кара. Пояс тут же отреагировал на столь вопиющую наглость, огрызнувшись целым каскадом молний, одна из которых даже слабо ужалила Карлаэля в открытую головку, заставив приглушенно взвыть от нахлынувшего враз возбуждения. В то время как сам барон опять очутился на спине с танцующими звездами перед глазами. Причем он тоже был нехило возбужден. Тело до сих пор слегка подергивалось от пробегавших по нему слабых разрядов.

— Б****, да что же это такое?!!!! — Взорвался барон, когда смог хоть немного соображать. Слетев с постели, он заметался по комнате, что-то нетерпеливо разыскивая. Нарезав пару кругов на глазах у недоумевающего маркиза, Валиэль подлетел к сброшенной на пол куртке, подхватил ее и стал сосредоточенно рыться в карманах. — Вот оно, наше спасение!!!!!

— Ты о чем? — С опаской поинтересовался маркиз: неудовлетворенный член ныл и требовал к себе внимания, категорически отказываясь подчиняться ласкающей руке несчастного хозяина.

— Если один амулет лишил тебя свободы, то другой эту самую свободу вернет! — С сияющими глазами выдал Валиэль, забираясь обратно на постель и счастливо целуя удивленного партнера.

Они оба были возбуждены до предела под действием разрядов пояса. Совершенно неожиданный результат, учитывая, что эта магическая штучка обязана была защищать своего хозяина от чужаков. Как будто это могло остановить влюбленного до безумия Валя с его авантюрной жилкой!

Радостно продемонстрировав Карлаэлю темный с фиолетовыми бликами камень, барон приложил его к мерцающей полосе. Вот только никто не ожидал, что два конкурирующих артефакта немедленно пойдут вразнос. Туманный пояс, злобно сверкнув, разом впитал в себя всю энергию «открывашки» и тут же выпустил в обе стороны рассеянную, но очень мощную волну магии, накрывшую два тела на кровати приливной волной. Обоим любовникам показалось, что по ним протопало невидимое стадо слонов, от души поваляв незадачливых взломщиков по всей постели. Хорошо хоть перины были достаточно мягкими — частично погасили навалившуюся на людей тяжесть.

А когда Карлаэль с Валем немного очухались, то вновь дружно закопались обратно в перины, подальше от лениво кружившей по комнате маленькой, но яркой шаровой молнии. Колючий шарик, слабо потрескивая, перемещался в опасной близости от прижавшихся к кровати дворян, что следили за «гостем» одним движением зрачков. Причем комичности всей ситуации в целом прибавляли стоящие колом члены у обоих, заставлявшие любовников все больше и больше отклячивать задницы вверх: вредные нижние части не желали сгибаться, и с силой упирались в перину, грозясь набухнуть еще больше, если ими немедленно не займутся. Но световой шарик продолжал задумчиво колыхаться, медленно перемещаясь в сторону столь заманчиво блестевших из-под одеял голых поп. Парни только зубы сжимали, чувствуя, как намокают от пота волосы на затылке — одно дело сражаться на поле боя против реального противника, а другое — ждать невесть чего, не зная, как поступить в конкретно этой ситуации.

И Вал, И Карлаэль уже едва терпели, стараясь незаметно потереться зудящими частями об шелк простыней, когда (о, наконец-то!) шар соприкоснулся с магическим ночником. И погас, ехидно фыркнув напоследок искрами.

Карлаэль тут же облегченно перевернулся на спину, освобождая свой гордо стоявший орган, и слушая столь же счастливый стон поблизости. Скосив глаз на растекшегося от облегчения любовника, маркиз с трудом просипел:

— Ну, Вал!.. Дай только отдышаться, экспериментатор хренов!

Но барон лишь блаженно жмурился, отходя от пережитого. Даже временно не замечал свой набухший член, весьма болезненно поднывавший.

— …был уверен… что справлюсь… — Валиэль с трудом привалился к теплому боку любовника, откидывая голову на его плечо. — Твой папочка от души постарался! Никак приказал магу специальное заклинание наложить!.. Не получилось снять полностью…

— Что значит полностью? — Устало уточнил Карлаэль, уже смирившись с неудачей. Но тут Коразз вдруг оказался сидящим верхом на его бедрах. Так, чтобы член маркиза упирался аккурат в горячую ложбинку между ягодиц Валиэля.

— А вот так! — Лукаво усмехнулся барон, наклоняясь над возлюбленным и кладя его руку на свой упруго качнувшийся ствол. — Я действительно не могу взять тебя в этом поясе. Но ты… ты можешь войти в меня!

— Вали!.. — ахнул потрясенный маркиз, от неожиданности приподнимаясь на локтях: он знал, насколько барон ненавидел быть снизу. Но Коразз лишь рассмеялся.

— Какая разница, кто сверху, а кто снизу, если любишь, — отозвался он, изгибаясь в пояснице и пропихивая в себя головку Карлаэля. — К тому же… есть амулеты… — он невольно скривился, медленно садясь на тугой стеожень. — …что облегчают проникновение… Ох!.. Да и что я за мужчина… если испугаюсь …боли!..

Карлаэлю только и оставалось помогать ему руками, контролируя сам процесс. Неизвестно, про какие амулеты говорил барон, но проникновение все равно шло туго. Валиэль морщился, но терпел, упорно опускаясь вниз. Пока, наконец, его напряженные ягодицы не соприкоснулись с не менее напряженными бедрами маркиза. И Карлаэль не откинулся на подушки в полном восторге, ощущая, как сжимаются вокруг него тугие, неразработанные мышцы. И что характерно — несмотря на боль у Валиэля продолжало стоять, гордо покачивая рубиновой головкой перед глазами Деззиона.

Оба замерли, вслушиваясь в свои тела…

Для Коразза это был довольно редкий опыт младшего. А маркиз всегда выбирал нижнюю позицию, предпочитая подчиняться. И вот теперь новизна впечатлений, подстегнутая долгим сражением с поясом, завлекла обоих в коварную ловушку. Не успев толком устроить скачку, Вал вдруг содрогнулся и бурно выплеснулся на живот Деззиону, с трудом удержав крик высвобождения. Ну, а бедняга Кари, когда его изо всех сил сжали ТАМ, тоже недолго продержался, тут же сорвавшись вниз и взлетая до небес!

Экстаз накрыл их одновременно…

Глава 23

Просыпаться от того, что чьи-то мягкие губы медленно и жарко ласкают тебя внизу… сосут, облизывают, словно большую конфету, кружат самым кончиком языка вокруг чувствительной головки, вылизывают нижний шовчик, слегка оттягивая нежную кожицу и ласково нежа яички в ладонях… что может быть приятнее!

Вот только почему-то во всем теле противная слабость. Такая, что сил нет оторвать голову от нагревшейся подушки… перекатить ее на более прохладное место…

Рэниари с трудом приподнял тяжелые веки и скосил взгляд вниз. Где-то далеко-далеко… по ощущениям юноши!.. над его пахом склонилась взлохмаченная голова Эдмира, то и дело наклоняясь, старательно делая мужу минет.

Слабый после пережитого консорт даже не удивился увиденному. Как ни странно, но Рэни помнил все, что с ним приключилось до того, как потерял сознание. Но ему было как-то все равно. Даже нехотя накатывающее удовольствие воспринималось отстраненно… словно и не с ним сейчас творили все эти вещи…

…Утро для Эдмира началось с птичьего гвалта за окном. Пернатые придурки орали как резанные, тренируя глотки перед началом дня. И зачем только его с мужем перенесли именно в эту гостевую спальню? Здесь же окно выходит в сад!

Принц-наследник четко помнил все, что случилось накануне. И в душе не было ничего, кроме тихой радости, что они оба живы, а в его руках теплое и податливое тело супруга!

Рэниари спал, смешно посапывая в подмышку Эда. И от этого было так хорошо, что просто словами не описать!

Лениво приоткрыв глаза, Эдмир расплылся в довольной улыбке, медленно передвигая широкую ладонь вниз по узкой спине мужа. Поглаживая между острыми лопатками… обласкав пальцами каждый выступающий позвонок, качнувшись вместе с нежным изгибом поясницы…

mir-knigi.org

чуть сжал упругое полушарие ягодицы. Чтобы сразу же огладить золотистое бедро закинутой на него ноги.

Рэни что-то тихо пробурчал во сне, забавно причмокнув губами. И уткнулся носом в грудь старшего супруга, теплым дыханием обдавая мгновенно затвердевший сосок мужчины. Тело того требовало привычной утренней разрядки. Сладкая тяжесть скапливалась внизу живота, порхала стайкой непоседливых бабочек где-то пониже пупка. Член недвусмысленно приподнимал тонкое покрывало, пространно намекая на продолжение…

Непривычно — но пах Рэниари был расслабленно мягким…

Эдмир очень хорошо это ощущал своим бедром. Впрочем, и так было приятно лежать, лелея в объятиях хрупкое тело… просто наслаждаться тонким ароматом бархатистой кожи, вдыхать травяную свежесть волос. Вот только на грани обоняния тревожной ноткой дрожал неясный запах крови. Или это всего лишь эхо пережитой боли?..

Эдмир открыл глаза и с непривычным ему умилением принялся рассматривать свою Искорку. Только едва не потеряв, он понял, насколько дорог ему этот мальчик. Воистину — имея, не ценим, а потерявши — плачем!

— Чудо мое… Солнышко!.. — шептал наследник, умудряясь тихонько целовать высокие скулы юноши, уголки его пухлых после сна губ, прикусывать мочку аккуратного ушка, что выглядывало из спутанных золотистых прядей. — Как же я хочу тебя…

Рэниари недовольно заворочался в его руках, интуитивно уворачиваясь от настырных ласк супруга. И Эдмир разомкнул руки, позволив юноше перекатиться на спину, разметавшись по постели. Полураспустившаяся коса Искры словно собрала в себе солнечные лучи восходящего солнца — так ярко дрожали золотые блики, мерцая в изгибах прихотливых локонов.

— Красивый!.. Какой же ты красивый!.. — протяжно выдохнул принц, нависая над младшим и благоговейно касаясь его. От вчерашней слабости не осталось и следа, тело непрерывным потоком омывалось вспышками магии. Слабенькой по сравнению с прежним богатством, но постоянной. Магически истощенное тело принца-наследника жадно впитывало капающую в него силу. А ведь раньше, избалованный заполнявшими его во время близости потоками, Эдмир даже не замечал, что может и так подпитываться от мужа.

Наклонившись, мужчина вновь припал пересохшим от страсти ртом к губам спящего, невесомо обведя языком контур верхней. — Люблю…

Рэниари заворочался под супругом, всем телом вытягиваясь под нависавшей над ним теплой грелкой. Эх, как же Эду хотелось войти в тугой жар этого тело! Но принц мужественно держался, помня о запрете целителей.

С тяжелым вздохом Эдмир переместился ниже, скользя голодным взглядом по желанному супругу. Член уже не просто стоял, он распух, набух и жил самостоятельной жизнью, требуя немедленного удовлетворения. Так что пришлось лечь на бок и самостоятельно довести себя до разрядки руками. Еще и не сразу получилось: Эдмир себе все губы искусал, прежде чем с облегчением выплеснулся на шелк простыней. И с усталым стоном обмяк, привалившись лбом к спящему мужу, унимая суматошное дыхание.

Дааа, Рэниари слишком сильно вчера досталось, раз он не среагировал на шебуршание у себя под боком. Юноша устал и вымотался настолько, что уже не хотел ничего, кроме как спать. И спал.

Отдышавшись, Эдмир обхватил Искру рукой поперек живота, тихонько щекоча языком межреберные впадинки супруга. Рэни смешно фыркнул во сне и попытался отстраниться. Но принц-наследник уже вошел во вкус и решительно наклонился над мужем, слегка приподнимая и сгибая в коленях его ноги.

Прикоснувшись губами к внутренней стороне бедра, Эдмир чуть прикусил тонкую кожицу и сильно втянул ее в рот, ставя яркую метку. Пальцем очертил получившийся четкий контур и поочередно поцеловал гладкие яички, нежа в ладони слегка набухший, теплый член юноши. Рэни был в этот миг столь беззащитно-ранимым, что у Эдмира слезы на глазах навернулись от щемящей нежности к своему мужу. И он порывисто припал губами к все еще мягкому естеству Искры, жарко лаская и вылизывая его.

Рэни тут же дернул бедрами, немного подаваясь вверх, и тихо застонал во сне. Его ствол заметно напрягся, реагируя на ласку, на головке выступила прозрачная капелька смегмы. Голова юноши перекатилась по подушке, золото волос волнами потекло по светло-лиловому шелку.

…Чуть вверх, коснувшись влажным поцелуем лобка, смачно засосав столь чувствительную кожу… прикусить ее зубами и тут же подуть на золотистый пушок тонкой дорожки, вызывая непроизвольные судороги…

Сладкий!.. Сладкий!..

Как жаль, любовь моя, что ты так слаб для наших с тобой прежних игр! Я бы заласкал тебя всего с ног до головы, перецеловал бы каждый дюйм сияющего тела… а потом вошел бы… медленно, но неудержимо, как прибой! И как прибой, то наступал, то освобождал тебя, мучая долгой негой! Сводя с ума желанием… и сам теряя разум от невозможности, как можно дольше владеть тобой…

Эдмир чмокнул напрягшийся член мужа в самую вершину, обвел языком головку по кругу, чуть вбирая в рот… помогая себе рукой, перекатывая на ладони потяжелевшие яички. И поднял взгляд на лицо давно уже беспокойно метавшегося по постели мальчишки.

Рэни тихонько, но непрерывно стонал, подаваясь бедрами навстречу горячему рту мужа, и тяжело выдирая себя из глубокого сна. Наконец, он вскинулся, потянувшись. Вытянулся, чуть подрагивая напряженными бедрами. Узкими ладошками потер заспанные глаза. И Эд затаил дыхание, ожидая реакции проснувшегося юноши.

Мужчина наблюдал, как в свете раннего утра Рэни приподнимается на локте, непонимающе оглядываясь. А затем взгляд аквамариновых глаз скользит к расположившемуся между его ног старшему супругу. А сердце так и стучит!.. вырваться готово… улететь прочь от чувства вины перед тем, кого сам едва не довел до порога. И ты все готов сделать, только бы этот солнечный мальчик забыл про твои ошибки.

И понимаешь, что время упущено…

Аквамариновые глаза смотрят с терпеливым равнодушием…

А тело…

Оно всего лишь вяло отвечает на жаркие ласки в силу своей природы, но не душевного порыва.

mir-knigi.org

И ты все равно продолжаешь настойчиво ласкать супруга руками и губами, надеясь все вернуть… все исправить…

Протяжный стон над головой и ощутимая дрожь под губами оторвали принца-наследника от его занятия. Эдмир перехватил тянущиеся к паху прохладные руки Рэни и перецеловал каждый пальчик, чуть прикусывая и посылая по телу юноши тягучие волны страсти.

Рэниари прогнулся в спине, поджав маленькие, округлые ягодицы и потираясь отвердевшим членом о ладонь мужа. Эд тут же чуть настойчивее сжал пальцы, скользя по всей длине вверх-вниз, надавливая то сильнее, то ослабляя хватку, одновременно массируя языком мошонку, прикусывая бархатистую кожицу, оттягивая и вновь отпуская. Потом обвел по кругу, смачно всосал, словно любимой лакомство, чуть ли не причмокивая… кольцом из пальцев вторя темпу языка. И Рэнири едва не зашелся в хриплом крике, сильно выгибаясь и раскрываясь по максимуму.

Но Эдмир зря рассчитывал на долгую игру. В пылу страсти мужчина забыл, насколько ослаб принц-консорт… и потому удариший в горло горячий поток застал его врасплох, заставив хрипло раскашляться, задыхаясь и часто сглатывая солоноватую сперму.

Но, отдышавшись, Эд тут же наклонился и накрыл рот мужа в благодарном поцелуе. Рэниари попытался было вытолкнуть наглого вторженца, но его единственная попытка к сопротивлению провалилась, так и не начавшись. А язык принца-наследника хозяйничал во рту юноши, вызывая томление по всему телу. И Рэни просто сдался, ответил… чтобы вот так, без остатка, отдаться желанному… своему ненавистному возлюбленному.

Слабость накатила неожиданно и неприятно, вызывая непреодолимое желание вытянуться и заснуть, наплевав на продолжающийся дискомфорт в паху. Анус, привыкший к иным ласкам, неудовлетворенно пульсировал, требуя продолжения. Но спать хотелось больше…

— Прости меня, солнышко! — Покаянно шепнул Эдмир, нежно целуя полусонного мужа в уголок твердо сжатых губ. — Прости!..

— Когда вы представите мне вашего официального фаворита? — Спросил вдруг Рэниари совсем не сонным голосом. Но принц-наследник только печально улыбнулся, продолжая укачивать его в своих объятиях.

— Никогда!.. — шепнул он, чуть шевеля горячими губами у виска супруга. — Я виноват перед тобой… ты увидел меня с другим. Между нами ничего не было. Я люблю только тебя. Прости меня за ревность. Но это выше моих сил! Я постараюсь исправиться.

Рэниари только головой покачал недоверчиво. Он больше не верил словам мужа. Впрочем, он не верил им и раньше. Но теперь… теперь в нем словно что-то надломилось. И ранее столь красочный мир в одночасье выцвел, враз утеряв всю палитру красок. Юноша искренне недоумевал, почему ТАК бурно отреагировал на измену своего старшего. Он ведь давно принял свое подчиненное положение… смирился с тем, что для мужа всего лишь ценная в своей полезности вещь. Подумаешь, любовник! Да все старшие гуляют направо и налево. Это было и это всегда будет. А уж для тех, кто стоит на самой вершине власти, непреложный закон — иметь не просто любовников, а официальных фаворитов. И Рэни знал, что когда-нибудь ему придется принять фаворита Эдмира. Да не просто принять в приватной обстановке, а подтвердить его статус в присутствии всего двора. А потом жить с ним в одном дворце, встречаться за обеденным столом, сидеть рядом во время торжественных приемов…

Делить Эдмира…

Рэниари все это знал и смирился с собственным выбором. Так было надо. Так было лучше для всех. Прежде он был уверен, что справится. Но тогда юноша даже не подозревал, что в нем все еще живет любовь к тому, кто когда-то разбил его сердце. Больная, надломленная, но все еще живая…

А вот с этим знанием смириться оказалось невозможно.

Треснул ледяной панцирь на душе, обнажая замороженные было чувства. И теперь сочился кровью… капля за каплей. Было так больно любить и при этом знать, что твоей любовью всего лишь пользуются.

Именно осознание собственных чувств и сломало Рэниари. А не то, что он увидел в той спальне.

…Как-то незаметно пролетела еще одна неделя. Целители позволили юному консорту ненадолго покидать постель лишь на третий день после случившегося. Но слабость и апатия оставались с ним еще долго. Кстати, Рэниари так да конца и не понял, что же с ним произошло. Да и не интересовался как-то. Он вообще перестал многим интересоваться, напоминая тень себя прежнего.

Нет, для окружающих второй принц представал в облике спокойного и достойного спутника наследника престола. На красивых губах супруга Эдмира всегда нежно мерцала вежливая улыбка, взгляд прекрасных глаз был участив и внимателен к собеседнику. Но… Рэни как будто погас. Он больше не спорил, не смеялся, не хмурился. Его ровное поведение до жути пугало Эдмира, но тот молчал, лишний раз боясь потревожить мужа. Только не выпускал его из объятий. Спал с ним в одной постели, обнимая как самое дорогое, без каких-либо поползновений в плане близости. Максимум ласкал руками и губами, но не делал попытки войти. Рэни и не протестовал, быстро засыпая в кольце сильных рук Эдмира, чтобы на следующее утро вновь проснуться от нежного минета или порхающих по всему телу поцелуев.

Только изредка у юноши еще проскальзывало неясное удивление — отчего всегда столь страстный супруг довольствуется лишь невинными ласками? Но тут же пропадало. Не лезет с супружеским долгом, и ладно. Наверное, удовлетворяется на стороне. И от этого становилось еще горше. Но даже тогда Рэниари молчал. А толку-то спорить — все равно муж сделает так, как посчитает нужным.

Ничего не изменишь…

Целыми днями они гуляли по саду. Только вдвоем. И опять Эдмир держал его за руку, ни на миг не отпуская. А Рэни молчал. Он действительно погас, надломился. Юноша, что бродил по горному замку, более ничем не напоминал того яростного мальчишку, что совсем недавно сражался за Цитадель… того, кто с гордо поднятой головой шел под тысячными взглядами к алтарю Отца-Неба, только что пережив нападение… того, кто мог ответить ударом на удар в словесном поединке с ненавидевшей его принцессой.

Рэниари вновь разбился. Уже в который раз… если считать первым встречу с Эдмиром, ставшей для Искры переломным моментом. Теперь же его мир опять лежал в руинах. Но в этот раз собрать себя воедино было почти невозможно. Не было рядом отца, что мог понять и помочь пережить первое в жизни предательство. Не было Барра и преданных жителей

Цитадели, что не дали ему сломаться во второй раз. Был только тот, по кому до сих пор истекало кровью сердце. И кто в очередной раз указал на место юноши в этой жизни.

Нет, Рэниари был благодарен Эду за его тепло. Пусть даже тот и дарил его лишь потому, что боялся потерять ценную Искру. Юноша более не желал сражаться за свои чувства. Достаточно и простой близости. Нового потрясения он не переживет. И так приходится бороться с противной слабостью во всем теле и буквально выдирать себя из трясины собственного равнодушия.

Желая избежать ненужных волнений, Рэниари сам отгородился от окружающего мира непроницаемой стеной. За эту прозрачную, невидимую, но очень крепкую стену никому хода не было. Особенно Эдмиру, как бы тот не рвался проникнуть во внутреннее пространство мужа. Рэни спокойно общался со старшим супругом. Решал хозяйственные вопросы, позволял присутствовать при своем общении с управляющими Цитадели. Охотно гулял, наслаждаясь красотой и покоем горного поместья, что целительным бальзамом вливался в уставшую душу. Засыпал в объятиях Эдмира… попроси его супруг о близости, и Рэниари не отказал бы. Но… ближе не подпускал.

Более не надеясь ни на что и ни на кого, Рэни вновь… медленно, так медленно!.. по крупицам, по крошечным песчинкам начал заново выстраивать свой собственный мир. Мир, где были только он и будущий ребенок, теплым комочком пульсирующий внутри юноши. К счастью, то, что юноша побывал на грани смерти, не сказалось на малыше. И (нет худа без добра!), резко ослабнув, Рэниари смог, наконец, ощутить свою связь с коконом малыша.

…А Эдмир захлебывался в нахлынувших на него чувствах. Он уже успел познать огненную страсть, бешеную жажду обладания, едкую словно кипящая кислота ревность… Теперь же он задыхался в накрывших его вдруг с головой чувстве вины, раскаяния, бесконечной нежности, желании защитить, укрыть от всего на свете, боли потери…

То, что его золотая Искорка едва не исчезла из мира, перевернуло мужчине душу, враз заставив осознать, что без Рэниари ему не жить. С циничного, подчас жестокого и эгоистичного принца словно сползла шелуха избалованного вседозволенностью всесильного наследника престола. Вот только произошло это слишком поздно. Тот, кто стал Эдмиру дороже жизни, уже разуверился в нем, спрятавшись внутри непроницаемой для любых чувств сферы.

Эдмир не знал, что ему делать, как вернуть Рэниари радость жизни. Окружающие твердили о времени и терпении. Но какое терпение, если ты изо дня в день находишься рядом с тем, кого желаешь неистово, как желает измученный жаждой путник драгоценный глоток воды. Когда большее, что тебе позволено, это сжимать тонкое тело супруга в объятиях, зацеловывая нежные губы и золотистую кожу! Когда нельзя войти… нельзя утолить бесконечную жажду! И остаются лишь прикосновение, ласки, возможность пить ЕГО дыхание в поцелуях, скользить руками по слабо реагирующему на тебя телу… А потом бежать в ванную комнату, чтобы удовлетворить себя руками!

Ни к кому из своих многочисленных любовников не испытывал жестокий и резкий Эдмир столь сильных чувств. Никто из них не вызвал ревности, бешенства, страха потерять, боли от невозможности и неумения любить. Его Искра… Его Рэни был настоящим.

Необыкновенным, единственным.

Не похожим ни на кого. И таким теплым!

Он словно дополнял собой Эдмира, делая его цельным.

Вот только осознание этого пришло к принцу-наследнику слишком поздно. Его муж перестал ему отвечать…

В королевский дворец молодые вернулись еще более чужими, чем уезжали. Причем Эдмир готов был на все, только бы разбить на осколки стену, за которой скрылся его муж. А Рэни… он полностью сосредоточился на себе, будущем ребенке и управлении дворцовым хозяйством, что решил постепенно прибрать к рукам. Во-первых, это хороший способ быть в курсе всех событий двора, контролируя его нужды. А, во-вторых, иначе деятельный от природы юноша просто сошел бы с ума от безделья. Привычные придворным развлечения его не привлекали, быстро приедаясь. К тому же Рэниари с самого детства воспитывали как управителя богатого владения. Да и не собирался он пускать все на самотек, сидя за спиной старшего мужа. Если уж довелось быть на вершине власти, то не стоит ждать, когда тебя с нее скинут. Самому надо о себе беспокоиться.

И как-то незаметно его задумка удалась. Вспомнив науку, некогда преподанную ему Асином, Рэни начал с устройства семейных завтраков, обедов и ужинов. И незаметно для окружающих перекинулся на поставки продуктов, денежные траты слугам, ремесленникам, торговцам. К счастью, из Цитадели прибыли преданные лично ему слуги, занявшие вроде бы незаметные (чтобы старожилы не взревновали!) должности, но весьма полезные в плане информации. Так что к концу второго месяца жизни при дворе юный консорт не сказать, чтобы забрал в свои руки все бразды правления огромным хозяйством, но был к тому близок.

С родственниками мужа отношения тоже наладились. Король души не чаял в юном зяте, что носил его внука, заваливал драгоценными подарками и всячески демонстрировал свое расположение к Рэниари. Его сестры тоже вели себя вполне достойно. Даже ее высочество Лаурэ несколько притихла, хотя и продолжала излучать неприязнь в сторону новоявленного родича. Однако язык не распускала, и Рэниари тоже подчеркнуто ее игнорировал. Эта принцесса ему была непонятна. Слишком скрытная, слишком язвительная. Причины той давней вспышки, закончившейся неприкрытым оскорблением, так и остались для юноши тайной за семью печатями. Сероглазая хохотушка Эстель оказалась незлопамятный, хотя на сближение шла неохотно, недоверчиво принимая чужака. И только с самой младшей теткой мужа и его кузеном Рэниари нашел общий язык. Исса и Айрэ сразу и безоговорочно приняли юношу. Рэни отдыхал душой в их компании, несмотря на существенную разницу в возрасте: Айрэ скоро должно было исполниться тридцать — полное совершеннолетие. А Исса давно уже перешагнула этот рубеж. Но, будучи потомком эльфов, находилась в самом расцвете молодости и красоты. Эти двое не просто приняли юношу, они стали его преданными сторонниками, активно помогая разбираться с делами. Только благодаря им Рэниари избежал множества неприятных казусов, что здорово бы омрачили его вхождение в королевскую семью. Жаль только, что Айрэ вскоре грозил брак и неизбежный отъезд из дома на чужбину.

Придворные же буквально молились на красивого консорта, окатывая его волнами любви, восторга и плохо скрытой страсти. Но слишком близко подходить не рисковали, успев уяснить, что Бешеный принц встречает каждую такую попытку угрожающим оскалом. Связываться со злопамятным наследником престола было себе дороже. Так что Рэниари перешел в разряд неприкасаемых. Дескать, смотреть — смотри, а руками не трогай. К счастью, неистовая сила Искры, отныне завязанная на одного человека, более не выбрасывалась бесконтрольно в мир, всего лишь мягко истекая. И Рэни не грозила опасность быть изнасилованным обезумевшей от похоти толпой, а с восхищением и тайным желанием окружающих вполне можно было справляться.

Даже с Эдмиром отношения вроде как выровнялись. Принц-наследник стал чуть спокойнее,

ровнее относиться к младшему мужу. И уже не демонстрировал столь яркую ревность, как в самом начале их брака. Хотя Рэниари не раз замечал, что вспыльчивому принцу с трудом удается удерживаться на самой грани приличий, особенно во время неизбежных приемов, когда принц-консорт вынужден был принимать восторги будущих подданных. Ладно, хоть сцены ревности не устраивал, и на том спасибо!

Волей-неволей, но молодожены постепенно притирались друг к другу. Вот только старшего принца не устраивала ровность их отношений. Эдмир желал страсти, желал видеть рядом свою яркую Искру. Был даже согласен на прежние споры и конфликты. Но, увы! Рэни просто смирился со своим браком, а в муже видел того, кто им пользуется, отказываясь верить в искренность демонстрируемых чувств. И Эдмир не знал, как ему доказать свою любовь, злился и мрачнел все больше. Но пока терпел, помня, что ни к чему хорошему очередная вспышка его не приведет.

А вот в плане близости все было не просто хорошо, а отлично!

Развивающийся кокон стимулировал жажду близости. И подчас Рэниари первым начинал любовную игру, к вящей радости Эдмира, что неизбежно приходил ночевать в постель своего младшего. Их ночи были наполнены страстью, негой и долгой близостью. Сам воздух, казалось, искрил, когда тела супругов сплетались в извечном танце жизни. В эти моменты сила неудержимым потоком вливалась в Эдмира, вновь и вновь порождая чувственную волну, заставлявшую владеть гибким телом мужа… сгорать в любовном огне. Но как только все заканчивалось, Рэниари вновь надевал на себя маску вежливого равнодушия, отстраняясь от супруга. Эд только молча бесился, но все равно продолжать засыпать, сжимая в объятиях желанное тело любимого. Прежние сны ему больше не снились. А вот Рэниари, наоборот, все чаще и чаще начинал видеть во сне странные места, какие-то лица, какие-то смазанные события… частенько просыпаясь посреди ночи от дико колотящегося сердца, пережив очередной кошмар. И всегда при пробуждении у него сильно ныло левое запястье, аккурат под брачным браслетом. Словно что-то тонким ножом резало кожу, выводя неведомые знаки. Но крови, да и внешних повреждений не наблюдалось. И со временем Рэниари перестал обращать на это внимание.

Шел третий месяц его беременности. Никакого дискомфорта, столь свойственного женщинам в этот период, юноша не испытывал. Только иногда наваливалась дикая усталость, сменяясь столь же дикой активностью, да рельеф живота сгладился, потеряв красивый рисунок кубиков пресса. Впрочем, он у него и не был никогда перекаченным, у младших это не приветствовалось — иначе возникали трудности и растяжки по мере роста кокона. Целителей состояние консорта несколько тревожило, но сам юноша был спокоен, интуитивно чувствуя, что с ребенком все в порядке. Эд же с ума сходил, боясь неизвестно чего: то ли потерять мужа, то ли ребенка, то ли всех сразу.

…В начале осени король приказал устроить праздник, чтобы продемонстрировать всему королевству будущих правителей до того, как положение Рэниари помешает юноше появляться при дворе — по закону младших супругов на последних сроках беременности запирали во внутренних покоях, чтобы плоду ничего не повредило. И Рэни пришлось заняться подготовкой к собственному празднику, раз уж он взвалил на себя груз ответственности за жизнь дворца. Благо добровольных помощников хватало…

…Бал должен был состояться во второй половине дня. Но еще затемно прислуга занялась облачением своих господ — перед праздником планировался большой прием и представление послам дружественных и не очень королевств.

Слуги безмолвными тенями сновали по обширной спальне, помогая принцам облачаться в церемониальные одежды. Эд, окопавшись в гардеробной мужа, удовлетворенно кивнул, когда ему представили праздничные наряды Рэниари. Мужчина собственническим и весьма голодным взглядом скользил по полуобнаженной фигурке младшего, что равнодушно принимал помощь молчаливых лакеев и не обращал внимания на принца-наследника, как будто не он полночи стонал под сильным телом мужа. Самого же Эдмира буквально заводило белоснежное кружево на золотистых бедрах юноши. Хоть в чем-то милашка Дориан сумел угодить принцу, некогда продемонстрировав тому более чем развратное белье вместо привычных подштанников. И Эд, заполучив долгожданную Искру, лично озаботился интимным гардеробом мужа, несмотря на неожиданную дороговизну воздушных тряпочек. Но оно того стоило! И каждый раз лаская Рэни под провокационным кружевом/шелком, Эд прямо-таки плавился от неистового желания обладать таким совершенством как можно полнее и дольше.

Сам Рэни достаточно спокойно воспринимал то, что на него было одето внизу. Когда первый шок от увиденного прошел, юноша лишь философски вздохнул: главное, что все это безобразие прикрыто одеждой, и никто посторонний не видит подобной провокации.

Вот и теперь, он сидел в пол оборота к старшему супругу, изящно выгнув спину и позволяя слугам колдовать над своей прической. Сложного плетения коса уже была почти закончена, и парикмахер колдовал, выпуская тонкие спиральки локонов на висках юноши.

Эдмир, уже облаченный в легкий бархат цвета спелой вишни, решил оставить на время молчаливого супруга. К тому же, видя на гладкой коже Искры свежие следы ночной страсти, мужчина не становился спокойнее. Хотелось перецеловать каждую любовную метку, а еще лучше — наделать новых!

Чувствуя, что еще немного, и он просто опозорится, Эд выскочил в крохотную галерею, в конце которой виднелись его личные покои. Как на крыльях пролетев коридорчик, принц-наследник с облегчением захлопнул за собой дверь и с облегчением прислонился затылком к прохладному дереву, пережидая накатившее возбуждение. Хотелось послать всех далеко и надолго с этим балом, и завалиться с супругом в постель. Ведь только там его малыш вновь оживал, становясь настоящим!

Немного придя в себя, Эд прошел анфиладу пустых в столь ранний час комнат и отодвинул в сторону потайную дверку в своем кабинете. Там, в неглубокой нише, прятавшейся за портретом покойной королевы, стоял тяжелый бронзовый ларец. Его принц-наследник приказал принести накануне из сокровищницы дворца.

Откинув тяжелую крышку, Эд достал большой шагреневый футляр, в котором хранились простые на первый взгляд гребни из червленого золота. Редкая и невероятно изящная работа. Замысловатый рисунок скрывал в себе имя матери и ее рода с именем отца и его рода. Невесомые на первый взгляд завитушки прихотливо переплетались между собой, создавая рельефный узор цветущего сада. Между острыми листьями скрывались крошечные птички, выполненные из сапфиров, рубинов и нефрита. Резные цветы из аквамарина и розового кварца дополняли картину, а витые шнуры, утяжеленные кистями с алмазными наконечниками, должны были украшать височные пряди. Кроме них в футляре лежало широкое колье-воротник повторявшее рисунок гребней, только без драгоценных камней — лишь благородное золото да крупная центральная вставка-камея из малахита с шелковистым рисунком овала.

Вновь закрыв нишу портретом, принц-наследник покинул кабинет и поспешил вернуться к мужу. Рэниари стоял, уже полностью облаченный в приталенный камзол-тунику нежно-оливкового цвета. Из-под длинного подола с тонким черно-золотым орнаментом выглядывали

черные бриджи, заправленные в шелковые сапожки чуть более темного оттенка, чем туника. Тяжелая коса лежала на спине юноши, почти не сдвигаясь от его движений, а парикмахер терпеливо ждал в стороне, пока вокруг молодого господина суетились другие слуги. Увидев входившего принца-наследника, мастер низко поклонился, давая знать, что готов закончить прическу консорта: Эд заранее договорился со стариком, что принесет украшения.

— Рэни, счастье мое, — Эдмир тихонько подошел к мужу, держа в руке полураскрытый футляр.

— Я вас слушаю, ваше высочество, — как всегда благожелательно тут же отозвался юноша, чуть поворачивая голову в сторону супруга.

— Прошу, прими от меня эти украшения, — мужчина с улыбкой протянул футляр, позволив свету празднично вспыхнуть в глубине драгоценных камней и мягко скользнуть по изгибам гребней. Рэниари невольно заглянул в поданный ему футляр. Он никогда особо не интересовался драгоценностями, но столь изысканная работа не могла никого оставить равнодушным. И юноша даже против воли потянулся прикоснуться к подарку, благодарно кивнув головой.

— Они принадлежали моей матери. — Пояснил Эдмир, счастливый уже от того, что его дар не отвергли. — А теперь по праву принадлежат тебе.

— Спасибо, — консорт передал футляр подошедшему парикмахеру, который благоговейно провел пальцами по филигранному плетению, а затем осторожно вытащил гребни и умело закрепил в прическе, придав ей завершенный вид. Малая корона консорта так и осталась лежать на подушке — ее с успехом заменили высокие гребни.

— Вы прекрасны, мой господин! — С невольным восторгом выдохнул старый мастер, отступая в сторону и любуясь получившейся картиной. Рэни чуть качнул головой, проверяя качество работы, и облегченно улыбнулся — судя по всему, в гребни была заключена магия, облегчавшая тяжесть прически!

— Нам пора, — Эд поцеловал мужу тонкие пальцы, выводя его из гардеробной. Рука мужчины тут же властно оплела тонкую талию юноши, умудрившись погладить по чуть выпуклому животу. И супруги направились на торжественный завтрак в присутствии всего двора и многочисленных гостей.

…День праздника прошел достаточно быстро и спокойно, но вымотал всех капитально. Устали слуги, устали гвардейцы, устали распорядители. Не устали лишь веселящиеся гости. Но больше всех вымотался сам Рэниари. У него уже губы болели от постоянных улыбок, а язык просто отваливался!

Особенно измотали бесконечные переодевания. Как супруг наследника он обязан был менять платья перед каждым событием, будь то обед, ужин или очередной прием. Бесконечная смена камзолов, туник и рубашек вызывала головокружение. Единственное, что не менялось — это его прическа с украшениями, подаренными Эдмиром. Рэни и сам не хотел признаваться, но утренний подарок согрел ему душу, вызвав слабое чувство надежды и благодарности. Кому попало не дарят украшений, принадлежавших матери!

И юноша не позволил менять себе прическу, когда переодевался в очередной раз. Только распорядился поправить выбившиеся локоны. К тому же гребни и ожерелье великолепно подходили к бело-золотому костюму, что был на нем сейчас.

К счастью, оставался только вечерний бал, и можно было идти спать.

— Любовь моя, я покину тебя ненадолго, — наклонился к мужу Эдмир, углядев в зале кое-кого знакомого. Во время официального представления принц-наследник не мог с ним пообщаться, но сейчас, во время бала, было позволительно встретиться и поболтать за жизнь. К тому же Эду срочно нужно было успокоиться. Его до невозможности бесили окружающие дворяне и дворянки, что буквально липли к его мужу, невзирая даже на присутствие старшего супруга. Особенно в этом преуспели аристократы из отдаленных провинций, что оказались не в курсе принятых при дворе правил, да иностранные послы. Этим вообще море было по колено!

Вот и сейчас — посол Мисирана на взгляд принца-наследника непозволительно долго удерживал руку Рэниари в своей руке, засыпая юношу пошлыми банальностями. А Рэни, вместо того, чтобы послать его подальше, слушает с улыбкой этот бред!

А вот хрен тебе и твоему королю, старый ловелас, льготы по торговым договорам! Не будешь лапать чужое!

— Не скучай! — Эдмир аккуратно перенял у посла руку мужа, демонстративно поцеловал тонкое запястье. И сбежал с королевского подиума, пытаясь не выплеснуть на мисиранца внезапную ярость. Слава богам, что кроме этого наглеца к Рэни никто не посмеет подойти, пока он восседает в кресле подле короля!

С трудом загнав внутрь себя огненную ярость, Эдмир направился в сторону молодого мужчины, которого не ожидал здесь увидеть…

— Вэлианс, сколько лет, сколько зим!.. — удивление так и сквозило в голосе принца, когда он оказался рядом с очаровательным шатеном, чьи роскошные локоны, спускаясь ниже талии, выдавала в нем младшего. Золотисто-карие глаза радостно вспыхнули при виде наследника. А пухлые алые губы изогнулись в приветливой улыбке.

— Ваше высочество, вы нисколько не изменились с нашей последней встречи, — мягкий бархатистый голос шатена по-прежнему обволакивал и завораживал собеседника. И раньше, услышав его, Эд замирал от невольного восторга, предвкушая чувственное продолжение в укромном месте. Но теперь этот голос не вызывал ничего, кроме приятных воспоминаний о некогда страстных объятиях прекрасного мужчины. Та горячка давно прошла, и теперь Вэлианс был для принца только другом.

— Вэл, — Эдмир назвал гостя тем именем, с которым общался к нему лишь наедине. Шатен лучезарно улыбнулся, взглядом выслеживая кого-то в толпе. — Какими судьбами здесь? Я краем уха слышал, что вроде как ты недавно родил сына?

— Ты прав, — Вэлианс крутил в руках высокую чашу с искристым вином, поблескивая при свете магических шаров золотом брачного браслета. — Я назвал его Эдом. В честь тебя.

— Это ты решил… или твой муж? — Слишком мягко поинтересовался Эдмир, улыбаясь в ответ. Не хватало ему еще намеков на возможное отцовство. Нет, маги, конечно, сразу же исключат подобный обман, но ведь не отмыться же!

Не похоже на бывшего любовника — мстить так мелочно.

— Мой муж, — ответил Вэлианс, следя взглядом за Эдмиром, что вдруг напрягся всем телом. — Решение принимал мой муж. Он был так благодарен, когда ты оставил меня. Оказалось, он давно меня любил. И был рад предложить брак, как только я освободился. Мы сегодня вывозим

в свет дочь его покойной сестры. Вон она танцует с…

— Рад за тебя!.. — буквально прорычал Эдмир, впиваясь взглядом кое-куда. — Передавай привет мужу! И обращайся, если что!..

В следующий миг принц-наследник решительно направился прочь, не заметив удивления своего не состоявшегося собеседника. Вэлианс проследил за взглядом бывшего любовника, что с угрюмым видом шагал по коридору из кланяющихся гостей, и углядел золотой всполох неподалеку от королевского помоста. Кресло консорта рядом с троном короля предсказуемо оказалось пустым. И губы шатена сложились в понимающую улыбку.

— Ах, Эд! Неужели и ты смог влюбиться? — Прошептал Вэлианс с плохо скрытой тоской. Он до сих пор любил этого непостоянного принца, некогда от полной безысходности приняв брачное предложение другого человека. И много лет не появлялся при дворе, довольствуясь любовью обожавшего его мужа. Вот только оказалось, что старые чувства не угасли.

— Пусть тебе повезет больше, чем мне, мальчик! — Шепнул напоследок мужчина, глядя на танцующего с его племянницей Рэниари. И направился прочь из зала, навсегда уходя из жизни уже забывшего его принца-наследника.

…Рэни с некоторым недоумением проследил за тем, как супруг остановился рядом с очень красивым шатеном и ласково ему улыбнулся. Сердце опять болезненно сжалось, в очередной раз намекая, что никакого безразличия на самом деле нет.

Юноша весь вечер подспудно ожидал, что вот сейчас муж выведет кого-нибудь, кто и будет представлен всем как его фаворит. И этот ослепительный незнакомец подходил под данный титул как никто другой…

— Ваше высочество, — мурлычущий грудной голос чем-то довольной Лаурэ едва не заставил Рэни подскочить на месте. И откуда только рядом с ним возникла принцесса?! Вроде как сидела по другую сторону от короля!..

Скользнув по «тетушке» деланно равнодушным взором, Искра мягко ей улыбнулся и вновь перевел взгляд в сторону мужа, продолжая рассматривать предполагаемого фаворита. Лаурэ без труда проследила его взгляд и изящно опустилась в пустующее кресло Эдмира. — Ах, это же Вэлианс! Ну, наконец-то, появился! Как всегда великолепен. Не находишь, Рэээни?..

— Действительно, очень красив, — сдержанно согласился юноша, стараясь не выдать своего раздражения от злорадствующего тона принцессы. — Почему я его раньше не видел?

— Он совсем недавно вернулся в столицу. Они с Эдмиром знакомы еще с юности, — как само собой разумеющееся пояснила Лаурэ. И мягко улыбнулась, поглядывая на безмятежное лицо Рэниари. — Нуууу, думаю ты и сам догадался, что между ними было нечто большее, чем простая дружба. Вэлианс должен был стать фаворитом твоего мужа, милый, но исчез так неожиданно… Ах, наш Эд так страдал…так страдал!.. Оказалось, что Вэла выкрал его будущий супруг, и они тайно поженились. Эдмиру не оставалось ничего иного, как отпустить любимого. Но забыть его принц не мог очень долго. Мы все так переживали за нашего мальчика. Эд тогда пустился во все тяжкие, но сумел удержаться от настоящих безумств. — Краем глаза довольная своей пакостью принцесса уловила, как крепко сжались пальцы консорта на подлокотниках кресла, хотя лицо оставалось по-прежнему безмятежно спокойным. Только губы чуть побелели. — Уверена, что старая любовь еще живет в сердце Эдмира. Но ты не переживай! Для тебя это самый лучший выбор — Вэлианс будет идеальным фаворитом, умным

и почтительным к тебе.

— У него же муж!.. — не сдержался Рэниари, чувствуя резкую боль в груди. И на что он только надеялся, получив утром проклятые гребни?! Конечно, проще подарить готовое украшение, чем заказывать новое персонально для него! Ведь личная игрушка должна быть идеальна во всем… а о ценной вещи надо заботиться как можно лучше… баловать и следить, чтобы она не заскучала!

— А когда это мешало? — Лениво поинтересовалась принцесса, улыбаясь танцующим у подножия королевского помоста придворным. — К тому же его супругу тоже выгодна связь Вэлианса с наследником престола. Насколько мне известно, у него недавно умерла сестра, оставив на руках брата красавицу-дочь на выданье. Учитывая, что покойный отец девушки не принадлежал к богатому роду… а попросту говоря был гол как сокол… дяде нужно найти племяннице выгодную партию. И кто как не фаворит будущего короля сможет ему в этом помочь? Вон… посмотри, — кончик веера, выполненного в виде пучка экзотических перьев, указал на центр толпы. — Та юная красотка в ярко-голубом. Как раз танцует со своим дядюшкой-бароном. Красива, юна и не глупа. Но, не имея ни гроша за душой, вряд ли сможет стать чьей-то супругой. Только любовницей. Что не устраивает ни ее, ни дядю. Так что Вэлианс с радостью вернется к Эду, чтобы помочь своей семье. А может и не он, а сама девица заинтересует принца. Вот этот вариант тебе понравится меньше, малыш. В отличие от спокойного Вэлианса, красотка весьма амбициозна и цинична… не остановится ни перед чем, чтобы заполучить желаемое!

Рэниари проследил взглядом за кончиком веера и действительно увидел в толпе красивую, изящно-хрупкую девушку, длинноволосую и белокурую. На кукольном личике сияли большие фиалковые глаза, подчеркнутые густыми ресницами. Высокая грудь, упругая даже на вид, опасно выглядывала из корсажа. Тонкую талию, казалось, можно было обхватить двумя пальцами, а длинные ноги не скрывал плотный шелк юбки. Опасная смесь безудержной страсти, юной красоты и внешне беззащитной наивности. Если Эдмир обратит именно на нее внимание, то красотка вполне сможет стать его фавориткой. И не просто фавориткой, а той, кто заставит Эдмира забыть обо всем на свете. И тогда муж будет приходить в его постель только за силой, посвятив всего себя чужой женщине.

Ты же был к этому готов, слабо удивился Рэни. Ты знал… успел убедиться, что для мужа важна лишь твоя сила… так почему же опять так больно от очередного доказательства равнодушия?!

— Благодарю за разъяснение, — нашел он в себе силы улыбнуться принцессе помертвевшими губами.

— Всегда пожалуйста, — Лаурэ поднялась, собираясь отправиться в зал танцевать. Она была несколько разочарована весьма вялой реакцией консорта.

Рэни понимающе наклонил голову.

— Ну, я же знал, за кого выходил замуж, — мило пояснил он, не показывая окружающим своего состояния. И ее высочество, фыркнув, недовольно спустилась в зал. А к Рэниари приблизились Баррэт со своими супругами. Вот кого юноша был действительно рад видеть! Нарядные Лотэ и Сэриэль светились словно новенькие золотые, а сам Барр лишь устало улыбался.

— Рэни, а так рад тебя видеть! — Сэри тут же обхватил юношу за плечи, обнимая. — Как ты? Как малыш? Ты его чувствуешь?

— Сэри, ты слишком энергичен сегодня, — попытался урезонить со-мужа Лотэ, тоже обнимая племянника и касаясь губами его щеки. — Рад тебя видеть, малыш.

— Паршивцы! — Попытался было возмутиться Рэниари, но у него это плохо получилось от радости. — Какой я вам малыш!

— Ну, да! Ну, да! — Покладисто согласился Лотэ, присаживаясь на один из мягких табуретов, как раз для таких случаев стоявших на подиуме.

— Нет, чтобы просто приехать в гости, — тепло улыбнулся родственникам юноша. — Обязательно надо приглашение посылать!

— Да мы с тобой и так каждый день по магическому шару болтаем. А просто в гости приезжать времени нет. Ты же сам помимо Круглого Холма навесил на нас еще и Цитадель! — Заявил Баррэт. И согнал мужей с табуретов. — Вы же хотели на бал, вот и идите танцевать! Дайте мне с парнем поговорить.

Со-мужья только рассмеялись и утянулись в толпу танцующих.

— Устал я, — пожаловался Ворональ племяннику. — Даже не думал, что с беременными так сложно! У них же настроение меняется каждую минуту. Сэри еще ничего, а вот Лотэ… Его же не воспитывали младшим. И теперь он истерит по каждому поводу. Особенно когда видит в зеркале свою талию. И при этом дико боится за ребенка… А ты сам как? Не срываешься?

Но проследив за напряженным взглядом юноши, Баррэт нахмурился еще больше.

— Поняяятно!.. — прошипел он. — Да я ему яйца за это оторву!

— Не надо, Барр, — тут же отреагировал Рэниари. — Я сам разберусь. К тому же, если он решил завести себе связь на стороне, то почему бы и мне этого не сделать.

— Ты чего задумал?! — Всполошился Ворональ. Но Рэни уже понесло. Шало усмехнувшись, он решительно поднялся с кресла и посмотрел на опешившего графа.

— Пойду, пообщаюсь с будущей фавориткой, — пояснил он и тут же шагнул на широкие ступеньки, ведущие с подиума в зал.

Углядев опасный блеск аквамариновых глаз, Баррэт предпочел оставить все возражения при себе, молчаливой тенью последовав за племянником.

А Рэниари легко прошел сквозь расступившуюся толпу к заинтересовавшей его парочке. Танец как раз закончился, и он изящно перехватил девушку у ее партнера, пригласив красотку на следующий круг. Вот только потанцевать им так и не дали. Вдруг нарисовавшийся поблизости Эдмир с вежливыми извинениями отобрал своего супруга у недовольной таким поворотом партнерши и сам повел его танцевать. После чего весь вечер не отпускал от себя, давая всем понять, что не потерпит рядом с Рэниари чужих.

А после бала, в спальне, едва сдерживая злость, вежливо поинтересовался у напряженного мужа, что он нашел в той вульгарной девке. Разъяснение Рэни о потенциальной фаворитке повергло принца-наследника в ступор. А потом проснувшаяся ярость едва не заставила его броситься к тетке, выяснять отношения. Но Эд предпочел сдержаться. И только с неистовым жаром накинулся на обалдевшего от такой прыти Рэни, доведя его своими ласками до полного бессилия.

…Вот так и повелось с тех пор.

Несмотря на уверения мужа, Рэниари все ждал, когда же тот приведет фаворита или фаворитку. И предпочитал заниматься дворцом и Цитаделью, целыми днями разбирая бумаги и что-то обсуждая с поставщиками. Сам Эд на всех рычал (юноша так и не узнал, как досталось на следующий день Лаурэ за ее провокацию!), продолжая испытывать свое терпение. И оба не шли на прямой разговор. Рэни — потому как считал все уже выясненным, а Эд просто боялся сорваться, услышав что-нибудь для себя неприятное.

Напряжение между супругами с каждым днем копилось все больше и больше, грозясь вылиться во что-то серьезное. Вот только внешне все было пристойным и спокойным.

И только племяннице Вэлианса, невольно усугубившей конфликт между принцами, в какой-то мере повезло. Ей было выделено бесхозное поместье на самых дальних окраинах королевства, только чтобы исчезла и не отсвечивала.

…Первая осенняя охота растекалась по окрестностям эхом пронзительных рожков, азартными воплями загонщиков и звонким лаем собак, разносившихся далеко в солнечной прозрачности прохладного утра.

Всем было весело — егеря загнали знатного кабана, что забрел в предгорья со все по-летнему зеленых равнин. И кавалькада знати сорвалась с места, спеша полюбоваться опасной добычей.

Только Дориан не спешил туда, где зло и торжествующе заливались собаки. Раздраженно махнув своему сопровождению рукой, затянутой в тонкую замшу перчатки, наследник герцога пустил вышколенного гнедого спокойным шагом, просто наслаждаясь прогулкой. Молодой Ваоттиро никогда не любил охоту, но положение второго лица в герцогстве обязывало присутствовать при столь любимой знатью забаве. Сам же Дориан предпочитал любоваться живописными видами в то время, как остальные с высунутыми языками носились за очередным оленем или кабаном.

Вот и сейчас молодой человек, небрежно откинувшись в седле, просто ехал мимо тут и там разбросанных невысоких скал. Окружающим пейзажем можно было залюбоваться: свинцово-синие, тяжелые, клубящиеся у самой земли тучи… темные, почти черные стволы деревьев в вихре все еще пышной листвы самых ярких, самых праздничных оттенков — алой, золотой, оранжевой! И прихотливо-строгие серые изломы скал вокруг с проблесками льдистой слюды. И над всем — пробивающиеся сквозь тучи редкие столбы солнечного света.

Контраст на контрасте!

Под копытами коня шелестела опавшая листва кленов, постукивали камни щебенки или слегка поскрипывал песок. Было тихо — основная охота осталась далеко в стороне. Ничего не мешало молодому наследнику наслаждаться относительным (охрана!) одиночеством.

И думать.

Дориан вздохнул. Прошедшие месяцы не приглушили боль от его потери. Только сделали ее острей… ядовитее во много раз. Герцог так и не смог вырвать из сердца свою больную любовь к Эдмиру. А доходившие до Ваоттиро слухи о том, что принц с ума сходит по супругу, еще больше не добавляли радости.

Дориан осунулся, стал молчаливее, не мог толком спать. Призрак черноволосого, сероглазого

принца не покидал его ни на миг. Герцога постепенно сводила с ума невозможность обладать предметом своей страсти. Да еще и Сиорол подогревал его ревность рассказами о столице, куда регулярно уезжал. Дориан даже не знал, что способен ТАК ненавидеть! Даже сильнее, чем любить. Причем его ненависть была направлена лишь на Вориндо, посмевшего занять место законного жениха! Самого Эдмира молодой герцог продолжал боготворить. Позови его Эд сейчас — мигом бы бросил все, примчался в столицу, согласился бы даже на место простого любовника. Только бы быть рядом!

Отец хмурился все больше и уговаривал подождать, упирая на то, что время лечит. Но никакое время не способно излечить Дориана. Он любил и желал быть любимым в ответ. И ему было уже все равно, каким путями добиваться желанной цели. Его невольный союзник Сиорол прав — корень всех бед лежит в этом Рэниари. Если бы проклятый бастард не был Искрой!

Дориан в очередной раз глубоко вздохнул, остановив коня у подножия живописной группы скал. Совиный мыс… Сколько народу здесь пропало в свое время… Но до чего же красивое место!

Нет, Дориан, хотя и опирался на эмоции, понимал доводы отца. Проклятый Вориндо был слишком ценным приобретением, чтобы от него отказаться. Ну, что ж! Можно ведь и подождать. Пусть родит ребенка, которого так желает получить от него Эдмир! Пусть питает своей силой принца. Надо лишь подождать! Искры, как известно, долго не живут. И первые предпосылки, что здоровье консорта оставляет желать лучшего, уже есть. А после смерти соперника всего-то и нужно, что утешить Эдмира. И принц станет его…

— Мой лорд… — приблизившийся капитан охраны осторожно тронул наследника за локоть. — Не стоит здесь задерживаться. Егеря видели одинокого кинрока.

При этом известии глаза Дориана вспыхнули совершенно детским восторгом. И молодой герцог даже на какой-то миг забыл о своей меланхолии. Надо же! Кинрок! Перепончатые крылья, похожие на нетопыринные. Мощное тело с хвостом, увенчанной щеткой острейших шипов. Крупная лобастая голова с частоколом зубов. И мягкой, очень красивой шкурой.

Любой мальчишка в округе знал, что кинроки, если их оторвать слепыми от матери и вырастить, могли стать самыми верными и преданными охранниками для своего хозяина.

— Самка?!.. — жадно переспросил он, всем телом поворачиваясь в седле к собеседнику. От недавнего уныния не осталось и следа. Заполучить крошечного детеныша была старая и давняя мечта Дориана. Вот только даже сыну герцога не удавалось приобрести столь редкого зверя!

Капитан охраны помедлил и нехотя кивнул, всем видом давая понять, что дальше лучше не ездить.

— А ты откуда знаешь?!.. — азарт разгорался в крови жарким костерком. Солдат обреченно вздохнул и с убитым видом признался: — Слышал, как вашему отцу рассказывал о логове пришлый охотник. Лорд Аминел решил сам поймать звереныша и подарить вам… чтобы вы немного порадовались. Думаю, герцогу не понравится, если вы раньше времени узнаете о его подарке. Он потому и отвлек вас обычной охотой, а сам отправился в другую сторону.

— Я тихонечко!.. — Дориан сияющими глазами вглядывался в сумрачную щель между скал. — Ну, пожалуйста! Только посмотрю и назад. Отец и не узнает, что я его видел. Интересно же!

— Вы такой же непоседливый ребенок, как и раньше! — По-доброму вздохнул капитан, что

вырастил наследника как родного. — Ладно, только тихо!

Спешившись, капитан провел своего подопечного поближе к скалам, приказав подчиненным оставаться пока с лошадьми. Притаившись за кустами дикого златоцвета, Дориан с азартом наблюдал, как редкая цепочка охотников во главе с отцом подкрадывается к темному зеву пещеры. Судя по останкам вокруг, в ней действительно кто-то обитал.

— Посмотрели? — Тихонько спросил старый солдат. — Право слово — ничего интересного. В саму пещеру вы заглянуть не сможете. А сидеть здесь совсем неинтересно. Лучше вернитесь и сделайте вид, что…

Закончить капитан не успел. На глазах у потрясенного наследника скалы вдруг раскололись! И громыхающий вал камней накрыл всех охотников разом.

Сердце Дориана пропустило удар… Он еще не успел ничего осознать.

— Берегись! — Чье-то тяжелое тело ударило молодого человека откуда-то сбоку. И ничего не соображающий наследник кубарем покатился по земле, сбитый с ног откуда-то взявшимся Сиоролом.

— Ты цел?! — Лорд-изгой помог подняться растерянному юноше и тут же вновь уронил того на камни, когда у виска герцога просвистела неясно смазанная блестящая полоса. Ваоттиро машинально попытался встать, но ловко ударивший ему под колено сапог Сиорола опять сбил Дориана на камни, заставив болезненно зашипеть. Но внезапная боль в разбитых коленях прочистила мозги, и Дориан вдруг понял, что над его головой идет бой! Сиорол вовсю рубился сразу с двумя врагами, ловко отражая их удары — все-таки выучка боевого лорда, что с самого детства обучался войне, не была пустым звуком. Изгнанник на голову превосходил своих противников, что было ясно даже Дориану, столь неискушенному в танце с мечом. Сиорол вьюном вился, проходя сквозь сверкание вражеской стали, да еще и умудрялся не подпускать чужаков к сидевшему на земле Ваоттиро. Неподалеку капитан охраны рубился с третьим неизвестным. И вот тут положение было не ах! Все-таки старый вояка был далеко не молод, да и заметно уступал в мастерстве своему противнику.

На глазах у Дориана клинок неизвестного как-то очень нежно… слегка!.. коснулся подмышки старого солдата. И тот сложился сразу в нескольких местах, оседая на камни. Сиорол тем временем успел расправиться с одним из врагов, но этим не на много облегчил себе жизнь, так как освободившийся убийца присоединился к своему выжившему товарищу.

Только тут до Дориана дошел весь ужас ситуации!

Сорвав с пояса охотничий рожок, он яростно в него затрубил, с перепуга позабыв все нужные сигналы. Однако сорванный, отчаянно-хриплый полувизг-полувопль сам по себе оказался великолепным знаком беды!

Оставленные за скалами охранники уже изо всех сил бежали к ним, а по всему лесу тревожно заперекликались рожки остальных охотников.

Подхватившись с земли и не обращая внимания на ободранные об острые камни ладони и звон клинков за спиной, Дориан перепуганным зайцем кинулся к свежей насыпи, с вершины которой все еще, постукивая, срывались отдельные камни. Вся эта серая, неустойчивая махина продолжала лениво шевелиться, потряхиваясь время от времени во все еще не опавшем пыльном облаке.

Молодой человек невольно закашлялся, наглотавшись дерущей горло пыли, и завыл, пытаясь руками разгрести равнодушные камни.

— Ваша милость!.. Герцог!.. господин!.. — чьи-то настойчивые руки оттащили Ваоттиро от каменного холма, ставшего могильным. — Маги!.. Сейчас будут маги!..

Но прибывшие телепортом маги уже никого не смогли спасти. Под грудой щебня выживших не было…

И из Дориана вдруг словно выдернули внутренний стержень.

Тяжело поднявшись, теперь уже полновластный правитель герцогства, не обращая внимания на притихших придворных, прошел туда, где над двумя мертвыми телами все еще стоял с окровавленным мечом в руках Сиорол.

— Прости, я узнал случайно и слишком поздно… — с глубокой печалью произнес он, склоняя голову. — Ничего не успел сделать…

— Почему!.. Ну, почему ты не оставил в живых хоть одну мразь?!.. — сорвался на крик Дориан. Но Сио, выпустив из рук клинок, вдруг шагнул к нему, заключая в утешающие объятия.

— Прости… — повторил еще раз. — Но они были слишком хороши как воины… Я просто не сумел!..

— Теперь я никогда не узнаю, КТО это сделал! — Ярость затопила Дориан. И он, вырвавшись из рук друга, изо всех сил пнул один из трупов в бок.

— Это не трудно… — чуть ли не шепотом произнес лорд-изгнанник, не оборачиваясь. — На них метка… Я тебя предупреждал, что Келлиадиры мстительны. Не знаю, почему твой отец так верил королю… но он ошибся… Посмотри сам… на груди…

Словно споткнувшись, Дориан медленно опустился на колени подле убитых и откинул в сторону край взрезанной в районе сердца окровавленной туники. В глаза ударил крошечный ало-золотой грифон, магически вживленный под кожу… Медленно тускнеющий по мере того, как остывало тело.

Герб личной гвардии королей Хилдона!

Проклятый Вориндо! Ты не поверил, что я смирился?! Решил ТАК подстраховаться от соперника?!

НЕ ПРОЩУУУУУУУУ!!!!!!!!!..

Глава 24

…Ночь только-только вступила в свои права. Самое время для бурной придворной жизни.

Бал в честь тезоименитства его величества набирал обороты. Дворец на краю небольшого плато, что нависало над блистательной Аторией — столицей стремительно набирающего могущество западного королевства Мисиран — был расцвечен магическими огнями вперемешку с многочисленными горящими на пронзительном ветру факелами. Но в этой части дворца было тихо и сумрачно.

Щелкнул засов на невысокой двери в глубине комнаты и, переступив порог, в зашторенный

кабинет прошел высокий, сравнительно молодой вельможа в богатом одеянии. Явно не полукровка, судя по не слишком яркой внешности, коей отличались все потомки эльфов. Но все равно по своему красивый.

Жесткое, умное лицо чистокровного человека, привыкшего повелевать, с задумчиво прищуренными светло-карими глазами. Светло-русые волосы, довольно короткие, всего лишь до широких плеч. Мускулистое тело, выдававшее привычку к оружию. Нос с горбинкой, немного тонкие губы, густые брови вразлет…

Облик хищной птицы.

Опустившись на резной стул, человек с удовольствием вытянул длинные ноги в расшитых золотом и самоцветами сапогах, положив их на решетку давно погасшего камина. И с удовлетворенным вздохом развязал слишком тугой, жесткий от шитья ворот камзола.

— Почему так долго? — С легким неудовольствием вопросил он замершую темноту кабинета. На дальней стене шевельнулась густая тень, и в круг света от одинокой лампы выступил одетый по-дорожному Сиорол.

— Ваша любовница не слишком-то торопилась, — с легкой брезгливостью отозвался он. И низко поклонился: — Ваше величество…

Король Мисирана Анэрас II лениво скосил на гостя внимательный глаз и благодушно улыбнулся.

— Уж простим столь красивую женщину, — ответил он гостю. — Эрлесса так ярка и очаровательна… но особым умом не отличается. Ей трудно передвигаться по дворцу без помех — всякий норовит задержать своими комплиментами. А вот на вас, лорд, она немного обижена. Вы даже не соизволили сказать ей пару приятностей. Девочку задело ваше равнодушие.

— У меня мало времени флиртовать со столь красивой дамой, — сдержанно пояснил Сио, сетуя про себя, что разозлил своей сухостью фаворитку короля. Судя по всему, Анэрас ей всецело доверяет, так что не стоит держать рыжую шлюху во врагах. Он, конечно, тоже не каштановый, но его цвет волос оранжево-золотой, в отличие от алого пламени этой губастой красотки.

— Уже лучше, — усмехнулся король. — Я передам Эрли, что вы так ею восхищены, что просто потеряли дар речи.

— Буду премного благодарен, — вновь поклонился Сиорол. — Я прибыл сообщить, что старый герцог Ваоттиро мертв…

— Мне это уже известно, — лениво перебил король, потягиваясь всем телом. — Великолепно разыграно! Примите мое восхищение! Надо же было создать такую ситуацию, чтобы заманить герцога в ловушку и обрушить камни! И притом сделать вид, что спасли жизнь его наследнику, уничтожив самим же посланных по его душу убийц! Не поделитесь, как вы сумели изобразить на трупах метку личной гвардии Келлиадиров? Насколько мне известно, такой знак ставится лишь с добровольного согласия. Он магический, и до сих пор считалось, что подделать его невозможно.

— А я и не подделывал метку, — усмехнулся предатель. — Она настоящая.

Заинтригованный король живо повернулся к собеседнику.

— Да ну?! И как?..

— У каждого тайного гвардейца… лично преданного Сорондо!.. есть своя точка давления. У кого ребенок, у кого любимая… Надо только найти! К тому же, я не заставлял их причинять вред самому королю, которому они клялись в верности. Всего лишь приказал уничтожить одного из герцогов, с которым у короны в последнее время наступили не слишком благополучные времена.

— Поняяяятно!.. — протянул король. — Сильно потратились?

Сиорол улыбнулся.

— Не слишком, — ответил он. — У меня пока хватает средств на жизнь.

— Денег много не бывает, — благодушно махнул рукой Анарэс. — Там, на столе… возьмите.

Судя по шагам и приглушенному возгласу, предатель нашел кожаный кошелек.

— Сиуринские рубины, — произнес король. — Думаю, они перекроют все ваши траты.

— Это слишком много!

— Считайте остальное благодарностью. И я рассчитываю в дальнейшем на ваши услуги короне, — жестко ответил Анарэс. — Уверен, наши цели совпадают. Вам нужны отобранные у вас родовые земли. А мне нужен Хилдон и …Искра!

Он встал, разворачиваясь к бывшему лорду всем телом. Лицо Сиорола кривила судорога ненависти.

— Клянусь, что вы вернетесь в отчий дом, — вкрадчиво молвил король, — когда я завладею Меайрой и лордом Рэниари! Вы согласны?

— Вы же знаете, что да! — Сквозь зубы процедил сын Ковура. Его корежило от своего предательства, но ненависть была намного сильней. — Что мне делать?

— Пока оставайтесь подле нового герцога и не давайте его ненависти к Келлиадирам уснуть. Мне нужно, чтобы он в свой срок пропустил мои войска через свои земли.

— Лорд Дориан уже сейчас дает на это свое согласие…

— Мне нужно, чтобы он не передумал через полгода! Вам с Ваоттиро придется подождать несколько месяцев.

— Мы будем ждать, — сухо поклонился Сиорол, запахивая на себе темный плащ. — Я могу идти?

— А разве вы не желаете повеселиться на празднике? — Мягко улыбнулся своему союзнику король. — Я прикажу слугам помочь вам переодеться, найти маску… И вас никто не узнает.

— Нет… благодарю, — с некоторой заминкой ответил Сиорол, отрицательно качнув головой. — Я должен вернуться к Дориану. Он сейчас в трауре.

— Ну, что ж… Тогда до встречи!

И за покинувшим кабинет хилдонцем закрылась дверь.

Пройдя к письменному столу, король опустился в удобное кресло и достал из потайного ящика магически созданную миниатюру. Откинув крышку крупного медальона, он невольно залюбовался золотоволосым красавцем с аквамариновыми глазами и нежной улыбкой на губах.

Легендарное очарование Искры! Одолеть которое не под силу никому, у кого хоть что-то есть в штанах.

Изящная рука, блеснув унизанными кольцами на тонких пальцах, отодвинула тяжелую портьеру. И в кабинет из потайной ниши проскользнула весьма примечательная женская фигурка, затянутая в роскошное платье бронзового цвета.

Эрлесса дио Гарт. Урожденная графиня и молочная сестра короля. И его давняя любовница, чему при дворе ничуть не удивлялись. Еще бы, при столь яркой внешности и остаться невостребованной сластолюбцем Анарэсом?!

Роскошная полуэльфийка была настоящим искушением, как для женщин, так и для мужчин своей великолепной фигурой, осиной талией, высокой грудью, пышными бедрами и умопомрачительно длинными ногами.

Убранные в придворную прическу волосы даже не рыжие, а ало-золотые… богатые, тяжелые… перевиты золотыми цепочками с яркими желтыми топазами. Так и тянет запустить руки в эту огненную роскошь!

Первая красавица двора. Мечта многих и многих!

И никто не знал, что эта ветреная кокетка на самом деле очень умна и жестока. А еще она тайный советник короля, абсолютно ему преданный с самого детства.

Но даже ей было трудно конкурировать с Искрой, что излучал мягкое тепло, обещавшее неимоверное могущество своему обладателю.

Устроившись на коленях любовника, женщина склонила головку ему на плечо. И, обняв руками, молча принялась разглядывать магический портрет.

— Ты ведь понимаешь, милая, что попробовав этого мальчика, я уже не смогу смотреть ни на кого другого… — хрипло произнес, наконец, Анарэс, не отрывая взгляда от портрета. — И что я должен заполучить его всеми силами. Он нужен мне!.. ради его силы!.. ради могущественных сыновей, что унаследуют от него долголетие и магию! Будь прокляты мои предки, посчитавшие кровь эльфов в своих жилах проклятием! Благодаря этой дурости я теперь обречен прожить короткий человеческий век! Ты будешь еще совсем молодой и прекрасной, когда я превращусь в старую развалину… Пусть хотя бы мои дети избавятся от этого ужаса!

Мягкие губы женщины накрыли зло кривящийся рот короля… нежа… успокаивая…

— Я все понимаю, милый, — ласково шепнула Эрлесса, прижимаясь пышной грудью к плечу мужчины. — И я слишком тебя люблю, чтобы не помочь! Ты получишь этого мальчика, чего бы мне это ни стоило. К тому же, как меня уверили маги, близость с ним тоже продлит тебе жизнь… и намного!

— Искры долго не живут!.. — пробормотал Анарэс, зарываясь лицом в теплые полушария, выпирающие из низкого лифа платья. — Так быстро сгорают…

— Сколько бы он ни прожил, — чарующе рассмеялась женщина, отодвигаясь и с любовью вглядываясь в лицо молочного брата. — Сколько бы ни прожил… я сама буду следить, чтобы он жил как можно дольше… чтобы дал тебе как можно больше!.. Выносил и родил тебе полноценных наследников. А когда сгорит, я вернусь в твое сердце и твою постель… Примешь?

— Ты же сама знаешь, что да!..

— Ну, вот, — Эрлесса тихонько, с бесконечной нежностью гладила пальчиками лицо возлюбленного. — Это самое главное! И ты станешь таким же, как и я… тоже будешь долгожителем. И мы оба будем воспитывать твоих… нет!.. НАШИХ детей! Клянусь тебе в этом. Я уже кое-что придумала…

— И что же? — Мягко улыбнулся король, целуя маленькую ладошку возлюбленной. Если бы не эти предрассудки, то Эрлесса давно бы стала его королевой. Но, увы! Свет еще закрывал глаза на постельные отношения между молочными братом и сестрой, но сама свадьба была категорически невозможна! Пожалуй, выход, предложенный сестрицей, единственно верный. Ему нужны магически одаренные и долгоживущие дети. А она подойдет для роли их приемной матери и некоронованной королевы. Вот только, говорят, что раз вкусив силы Искры, потом невозможно смотреть на других… Глупости! Он никогда не забудет свою верную и любящую Эрли.

— Нападать сейчас на Хилдон неразумно, — поудобнее устроившись на коленях мужчины, рассудительно начала прекрасная графиня. — Это ты верно заметил. Пока рано начинать войну. Маги утверждают, что сила, полученная наследником от Искры, уничтожит всю твою армию! Но если создать ситуацию, чтобы Эдмир покинул мужа и израсходовал свою заемную магию на другое… Вот тогда можно будет действовать. Ударить в неприкрытое подбрюшье Хилдона и захватить Искру прежде, чем его муж очухается. Но тебе придется подождать, пока консорт не разродится. Захватывать его сейчас бесполезно — кокон в него не засунешь. А прерывать беременность чревато — вдруг мы навредим мальчику. А имея на руках его уже рожденного ребенка, легче заставить будущего пленника выполнять все твои требования.

— Представляю, с какими истериками мне придется иметь дело! — Невольно поморщился король, вспомнив своего покойного младшего отца, ту еще истеричку. Но графиня весело рассмеялась.

— Насколько мне известно, лорд Рэниари весьма благоразумный человек. Он великолепно обыграл совершенно на первый взгляд невыигрышную для себя ситуацию после смерти отца. И остался при своем. Так что договориться с ним возможно. Но только если мы будем иметь на него рычаги давления. Его ребенок и станет столь необходимым нам заложником. Так что, любовь моя, придется чуток подождать! А я пока все подготовлю. К тому же нужно будет еще решить вопрос с Сорондо. На мой взгляд, старик слишком зажился на свете.

— Эдмир сглупил, назвав Искру равным супругом, — хищно ухмыльнулся Анарэс, лаская покатые плечи млеющей от его внимания женщины. Пальцы короля подцепили лиф платья графини и медленно потянули его вниз, высвобождая из шелкового плена тяжелую грудь Эрлессы. — Теперь, случись что с принцем-наследником, и я на законных основаниях заберу его королевство, женившись на его овдовевшем супруге!

— Ну, конечно, милый! — Полные губы женщины сладко улыбались, пока язык короля играл с ее напряженными сосками. — Я сделаю все, чтобы так и произошло!..

…В столице Хилдона — Меайре — весть о случайной гибели старшего из герцогов Ваоттиро

как-то особо никого не взволновала. Посетовали, конечно, что лорд Аминел ушел столь нелепо, во время самим же устроенной охоты. Король и его окружение учли изменившиеся политические раскладки, но (если подумать!) — то, что особенного произошло? Ну, погиб один из властителей… Так его место занял другой. Сложившаяся на западных границах ситуация не была критичной, не смотря на довольно пристальное внимание за семьей Ваоттиро после внезапно разорванной помолвки. Покойный Аминел не держал камня за пазухой, а взошедшему на его место Дориану и подавно было не до обид: свое бы удержать! Единственное, о чем пожалел его величество Сорондо, так это о собственном решении некогда уломать Совет и признать Дориана прижизненным соправителем отца. В свое время это было сделано специально, чтобы после брака герцога с Эдмиром, никто не смог бы оспорить законность притязаний короны на столь крупное владение. И теперь Дори не требовалось представляться лордам Совета, и не было никакой возможности под благовидным предлогом лишить непонятного наследника внезапной власти. Впрочем, в ближайшие годы молодой Ваоттиро вряд ли начнет интриговать — обуза в виде герцогства никому малой не покажется.

Гораздо большее внимание аристократии Хилдона привлекало к себе здоровье короля. Уже даже самые непонятливые уяснили, что время Сорондо подходит к концу. Глава правящего рода Келлиадиров выглядел вполне бодро и все еще принимал взвешенные решения, но постоянное присутствие сразу нескольких магов-целителей говорило само за себя. Потому-то властитель Хилдона все больше и больше уступал власть сыну. Принц-наследник все чаще присутствовал на Советах, заменяя отца. И частенько рядом с ним сидел его юный муж, перенявший бразды правления хозяйственными службами дворца.

— Будь терпеливым к нему, — повторял Сорондо сыну, видя очередную размолвку Эдмира с супругом. Наследник бесился, не зная, как добиться взаимности, с трудом сдерживая природную вспыльчивость при виде блестящего хоровода кавалеров и дам, что волей неволей окружали красивого консорта при дворе. У Эда дико чесались руки — схватить мужа в охапку и закрыть/запереть в высокой башне, чтобы вынужден был смотреть только на него! Да еще и Рэниари умудрялся держать старшего супруга на расстоянии, несмотря на жаркие ночи и совместные обязанности днем.

— Он еще так юн… не умеет прощать, — учил Сорондо Эдмира. Тот лишь яростно сверкал глазами, выплескивая накопившуюся злость наедине с отцом.

— Чего ему еще не хватает?! — Ярился принц-наследник. — Я же на все для него готов!

— А, может, ему не надо все?.. — улыбался король горячности единственного сына. — Просто поговори с ним.

— Не желает он со мной разговаривать, — бурчал Эд словно обиженный ребенок. — Иногда мне кажется, что я теперь навсегда обречен любить того, кто ко мне равнодушен.

— Да нет же! — Возражал король. — Это вскоре пройдет. Невозможно оставаться чужими, делая одно дело. К тому же скоро появится ребенок! Он объединит вас еще больше. А я успею покачать на коленях внука… во всяком случае надеюсь! У меня столько не сделанных дел, что я просто не могу уйти! Еще об Айро надо позаботиться…

…Эдмир вихрем ворвался в кабинет, чуть не снеся по пути не на шутку перепуганного слугу, нервно икнувшего и торопливо смывшегося подальше от разъяренного наследника.

— Лоран! Где эти демоновы свитки?! — Эд со всей дури шибанул дверью, но тут же замер, выпучив глаза — узрев беспорядок в собственном кабинете. — Это что?!!!!!!

— Ко… котенок!.. — Бедняга герцог, вошедший следом за наследником, согнулся пополам от невольного хохота.

Картина и впрямь… была неописуемой!

Посреди обширного кабинета монументальным сооружением высился рабочий стол его высочества, заваленный важными государственными бумагами. А на них, беспардонно соорудив нечто вроде гнезда из пергамента, восседал черный комок с ушами, превосходившими по площади все разумные размеры.

Этот… так называемый котенок… представлял несуразную мозаику из тощего хвостишки, клочков темного меха вместо рахитичного тельца, четырех лап, похожих на лыжи, что используют северяне, крошечной мордочки с нахальными желто-зелеными глазами и… УШЕЙ!!!!

Оооо! Его уши это было нечто! Легендарные эльфийские прародители со своими лопухами отдыхали по сравнению с этими …ушами… гм… И как только не перевешивали остальное тельце черного нахаленыша?!

— Это КОТЕНОК?! — Обалдело переспросил Эд, не веря собственным глазам обозревая поле деятельности мелкого паршивца, невесть как оказавшегося в святая святых его высочества. И куда только секретари смотрели?! Огромный стол из цельного ствола красного дерева превратился в маленькую свалку! Пол вокруг него тоже был усеян клочками пергамента. Очумелый взгляд принца-наследника зацепился за пару фраз на драной тряпочке, в которой с трудом узнавался свиток из драгоценной шелковой бумаги с чистовиком торговой хартии!

— Млять!.. — только и сумел выдавить принц, глядя, как вшивая мерзость вылизывает заднюю лапку, сверкая неожиданно розовым очком, что виднелось среди черной шерсти тощей жопки.

Вот эта-то беспардонность и снесла мозги Эда в кучку. Тихо взрыкнув, наследник, что лично корпел над созданием клятой хартии, скрючив пальцы, решительно направился к столу.

— Нннуу, тебе не жить!.. Паршивец!.. — прошипел мужчина, примериваясь, как половчее сграбастать непрошенного «секретаря» за шею.

******! У этого недоразумения, что, еще и крылья есть?!

Эд охренел, наблюдая, как за спиной чудика развернулись …развернулось нечто, напоминающее ощипанные куриные культяпки, почему-то покрытые черно-серым пушком. И желание свернуть уродцу его ушастую головенку стало только сильнее.

Вот только котишка… от горшка два вершка!.. не желал сдавать завоеванные позиции.

Растопырив голенастые лапешки, мелюзга сделал уши козырьком… и, распушив редкую шерстку, припал к раздербаненым бумагам. Круглые глазенки сощурились, словно у взрослого и ОЧЕНЬ страшного кота!.. длинные усы встопорщились… недоглоданные крылышки затрепетали… и котенок расфырчался, шипя и плюясь на нарушителя спокойствия. Да так, что высоченный Эдмир на миг даже опешил, с некоторым научным интересом взирая на непрошеного гостя.

— Ну, ты и… — Эдмир не нашел слов, не зная, как сграбастать паршивца, чтобы не получить лишних царапин. Тоже обалдевший от увиденного Вэон был ему не помощник, благоразумно держась подальше от кусачего захватчика.

Набычившийся Эдмир едва было сам не зарычал в ответ на столь наглые поползновения. Выматерившись под нос, принц-наследник подлетел к столу и молниеносным движением руки схватил животину за шкирник, с когтями отрывая от мореной поверхности, покрывшейся глубокими бороздками с невесомыми завитками полупрозрачной стружки вокруг.

Вот только при этом принц и сам не понял, как котенок сумел-таки извернуться и всеми лапами в придачу к зубам вцепиться в кулак наследника. Да еще и крылья оказались снабжены крошечными, полупрозрачными коготочками на самых сгибах, напоминая рыболовные крючки — такие же тоненькие и очень острые!

Наблюдавший за неравным противостоянием Вэон с приглушенным гоготом, больше похожим на вой, свалился на широкую скамью для посетителей, стоявшую при входе.

— И кто кого держит?! — Утирая катящиеся от смеха слезы, вопросил он, в то время как Эдмир яростно тряс рукой, пытаясь отцепить от себя во всю работающую когтями и зубами животину.

— Ах, ты, ******! — Взревел наследник, хорошенько встряхнув котенка и умудрился перехватить его за шею. — Пришибу!

— Прошу!.. Не надо! — Звонкий от напряжения голос Рэни остудил Эдмира не хуже ушата холодной воды. Юный супруг решительно пересек кабинет и осторожно взял в сомкнутые ладони рычащий и шипящий взъерошенный комочек. — Не надо, прошу! Он же просто маленький и испуганный!..

— Он испортил важные документы! — Обвиняюще тряхнул наследник комком шерсти, но под укоризненным взором мужа утих, позволив отцепить от себя перепуганную кошатину. Расцарапанный в кровь кулак пекло не по-детски. — Интересно, кто позволил этому помоечному дворянину пробраться в мой кабинет?! И, вообще, что это за уродец? Никогда таких не видел.

— Какая разница, — мягко возразил Рэниари, тихонько укачивая в ладонях перепуганного зверька. — Ну, что ты, малыш… Уже все хорошо… не страшно… хочешь кушать?.. Черныш… Чернышка…

— Еще и кушать ему… — с невольной ревностью проворчал Эд, наблюдая, как внезапно оживший муж с сияющими глазами воркует над сжавшимся в комочек пришельцем. Картина была умилительная до невозможности — в последнее время по мере роста животика у Рэни менялся и характер. Супруг становился более мягким, мечтательным, но притом и очень скрытным, готовым умиляться над всякой всячиной.

Вот и теперь ворковал над довольно распушившимся нахалом. Как ни странно, черный царапка даже не делал попыток вцепиться в нового хозяина. Наоборот, как можно удобнее устроился на его ладонях и замурлыкал!

Рэни чуть заметно улыбнулся и вопросительно посмотрел на старшего супруга. — Вы позволите мне его забрать? Я бы хотел иметь столь боевого котенка…

— Да, милый, — только и смог сказать принц-наследник, растерянно провожая развернувшегося в сторону дверей мужа. — Конечно, оставь себе… А… зачем ты приходил? Что-то случилось? — Саму мысль, что Рэниари мог соскучиться и прийти повидать его, Эд отмел как несуразную, как бы ни хотелось потешить собственную душу. Эх, а жаль!

— Тебе должны были передать одобренные мной подряды по ремонту гостевого крыла, — через

плечо пояснил юноша, на миг притормаживая перед услужливо распахнутой Лораном дверью. — Но судя по бардаку, что устроил Черныш, они явно не уцелели. Я прикажу прислать копии.

— Я бы хотел, чтобы ты сам мне все разъяснил, — угрюмо высказался Эдмир вслед мужу.

— Как пожелаешь, — легко согласился Рэниари, умиленно любуясь своим урчащим приобретением. — Только устрою малыша и сразу же приду.

Эд только зубами заскрипел: какой-то кошак дороже супругу, чем законный муж!

Вот только обещанных проектов Эдмир так и не дождался. Скорее всего он подавил бы в себе желание потревожить чем-то занятого мужа. Но в ходе разбирательств с бумагами, что притащил Лоран, наследнику потребовались рекомендации Рэниари. И, отбросив мыслишку вызвать юношу через слугу, Эд с удовольствием воспользовался возможностью самому разыскать младшего супруга.

…Тот нашелся в своих покоях. Но нашелся не один и… в каком виде?!

Юноша чуть ли не голышом стоял посреди спальни, а незнакомый и весьма красивый мужчина, преклонив перед консортом колени, ласково гладил руками его живот!

Из одежды на Рэни были лишь свободные штаны из полупрозрачного белого шелка, сквозь который таинственно мерцало золотистое тело юноши с туманно просвечивающим небольшим членом, сейчас спокойным и расслабленным. Да на плечи накинут просторный домашний камзол из более плотного шелка с рубиновой оторочкой, сейчас распахнутый. И грудь с напряженными, чуть припухшими горошинами коричневых сосков оказалась на виду!..

И самое главное — РЭНИ УЛЫБАЛСЯ ЧУЖАКУ, что-то ему рассказывая!!!!!!!

Охреневший от увиденного Эдмир, зацепившись потемневшим взглядом за сочные комочки плоти, невольно вспомнил, как этой ночью жадно ласкал губами и языком чувствительные соски мужа, легко вызывая страстные стоны того… сам сходя с ума от жажды обладания…

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ????!!!!!.. — Бас мужчины заставил задребезжать стекла в витражах, набирая мощь от прорвавшейся ярости. И вдруг сорвался едва не на писк. — РЭЭНИИиииииии???!!!..

Но окончательно Эда добило то, что муж с самым настоящим недоумением захлопал длинными ресницам, нехотя оторвавшись от своего флирта. А мужик у его ног даже не соизволил убрать от чужого живота свои конечности! Так и продолжал лапать!!!!!..

— ВОН! — Рявкнул Эдмир, заприметив парочку слуг почти рядом с дверью. До воспаленного мозга мужчины не дошло, что невозможен адюльтер на глазах у тех, кто добровольно принял на себя клятву верности наследнику трона! Глаза застило видение чужих рук на любимом теле!..

Молчаливых лакеев как ветром сдуло!

Но коленопреклоненный ворюга и не вздумал подняться на ноги.

— Что с тобой? — Удивился Рэниари, даже не думая отстраняться от скользящих по нему

ладоней. — Это же целитель.

Но Эд уже едва сдерживался. Останавливало мужчину только одно — боязнь навредить мужу. Наверняка ведь красавчик что-то наплел Рэни! Теперь надо аккуратно выставить этого самозваного «целителя» за дверь, а там стража им займется!..

— Целитель… — сквозь зубы процедил Эдмир, сжимая кулаки до хруста: хотелось рвать и метать, громить все вокруг! — Почему я раньше не видел такого… целителя?!..

— Меня прислал лорд Итарон, — спокойно отозвался незнакомец, поднимаясь, наконец, на ноги. — И я лучший в королевстве специалист по магическим беременностям. Верховный маг просил осмотреть его высочество консорта.

— ВОН!.. — тихо, но страшно повторил Эдмир, закрывая глаза — только бы не видеть смазливую рожу молодого, белокурого и сероглазого нарушителя спокойствия. — Пошел вон… с Итароном я сам переговорю… и не смей… не то что касаться… даже приближаться к моему мужу!

— Эдмир!.. — начал было возмущенно Рэниари, запахивая на себе камзол. — Ты…

— А с тобой я поговорю отдельно, — многообещающе улыбнулся младшему принц-наследник, тяжелым взглядом провожая скрывшегося за дверью визитера. Так, надо дать знать страже, чтобы схватили этого альфонса и поговорили по-своему. Но Рэниари, уловив порыв супруга, бесстрашно заступил ему дорогу, мешая осуществить задуманное.

— Что все это значит? — Вопросил он, вскидывая голову и чуть ли не на цыпочки становясь, чтобы хоть немного сравняться в росте с Эдом. — Ты с ума сошел… на людей кидаться? Он просто меня осмотрел.

— ТЫ ЕМУ УЛЫБАЛСЯ! — Взревел совсем уже невменяемый наследник. Рэни недоуменно пожал плечами. Движение всколыхнуло белоснежный шелк, обрисовав красивый разворот плеч юноши, и Эдмир едва сдержался, чтобы не сграбастать мужа и целовать… целовать!.. дурея от дикого желания…

— Ну, да, — все еще безмятежно ответил Рэниари. — Не грубить же ему? Человек пришел, чтобы помочь…

Но принца уже переклинило на почве собственника. От бешенства и накатившей ревности в глазах потемнело!

— Че… чему помочь?!.. — прошипел Эд, стискивая пальцы на плечах мужа и сминая бесценный шелк камзола в неопрятные складки. — Чему помочь?!!!

— Эдмир, не будь дураком! — Рэниари изо всех сил старался держать себя в руках. Ему в последнее время нелегко было контролировать эмоции: самоконтроль летел к собачьим демонам. Хотелось то беспричинно плакать, а то просто забиться в темный уголок и никого не видеть. Целители успокаивали — говорили, что это естественные реакции в таком состоянии. А Рэни каждый день через силу заставлял себя улыбаться окружающим, только бы не увидели… не поняли его запредельной тоски и страха за себя и за ребенка!

Новый целитель был приятен Искре уже тем, что не сюсюкал и не лебезил перед несчастным парнем, волей судьбы обреченного занять не предназначенную ему природой нишу. Мастер Вариш ненавязчиво делал свое дело, походу давая неплохие советы и успокаивая своей

уверенной улыбкой. И Рэниари впервые за последнее время ощутил себя свободным…

— Он маг-целитель, — попытался он достучаться до взбешенного мужа. — Он ничем не может навредить ни мне, ни моему ребенку!!! Он просто осмотрел кокон…

— Твоему ребенку?!!! — Перешел на шепот наследник, впиваясь скрюченными пальцами в занывшие от боли плечи младшего и судорожно притискивая его к своему телу. — ТВОЕГО?! Теперь он только ТВОЙ?!..

— Конечно мой! — Вызверился в ответ Рэниари, терпение которого лопнуло. Он даже не пытался вырваться из объятий Эдмира, только изо всех сил уперся ему руками в грудь и дал волю скопившемуся на этого придурка раздражению. — Только МОЙ!!! С каких это пор ты вдруг примазался к его рождению?! Или это ТЫ его носишь?! Или это ТЫ никак не привыкнешь правильно ходить, чтобы не грохаться животом об пол?!.. ТЫ его чувствуешь в себе?!.. ТЫ… Да ты всего лишь получил удовольствие, трахнув меня и попутно заимев дармовую силу!

— Прекрати истерику! — Рявкнул наследник. — Не забывай, что этот ребенок и мой тоже! Не веди себя столь вульгарно! Не позволяй себя лапать другим. Ты мой! И только мой…

Жадно сжав напряженную фигурку мужа в объятиях, Эдмир взапой принялся его целовать, дурея от одного только запаха и вкуса Искры. Растопыренная пятерня мужчины бесцеремонно погрузилась в сияющие волосы Рэниари, выдергивая гребни и руша на плечи шелковистый водопад тяжелых локонов…

Запредельным усилием разъяренный Рэниари сумел-таки отскочить в сторону от мужа, но наткнулся на ступеньку помоста и стал, нелепо махая руками, заваливаться назад. Однако Эдмир сумел его поймать у самого пола, тут же бросив на кровать.

— Опять!.. — быстро глотая слова, захлебнулся в шквале эмоций Рэниари, опираясь на локти. — Опять… ты опять!.. Я не шлюха! Я не был шлюхой даже тогда, когда поверил в твою любовь и ушел вслед за тобой! Я верил тогда тебе! Я любил тебя!.. А ты!..

— А я тебя ЛЮБЛЮ до сих пор! — Заорал Эдмир в ответ: в груди у него саднило от горечи. — И мне больно, когда ты обжимаешься с другими! Или решил, что я твоя игрушка?!

— А что если и так? — Рэниари больше ничего не хотел, кроме как ударить побольнее. — Да кем ты себя возомнил? Все твои победы всего лишь от твоего титула! Это я как дурак пошел за тобой просто по любви… Тогда! Теперь же ты мне не нужен! Слышишь?! НЕ НУЖЕН! И я вполне могу без тебя обойтись. А вот ты без моей силы только и способен, что мечом махать!

Глаза жгло от незаслуженной обиды. За что он с ним ТАК?! Разве Рэниари ему в чем-то отказывал?!

— Обойдешься?!.. — вдруг прошипел Эдмир. — Ты?! Да ты же без моих ласк уже жить не можешь! Сам ко мне лезешь, чтобы кончить. А еще недотрогу разыгрываешь!..

Схватив не успевшего сообразить мужа за руки, принц-наследник ловко затянул тонкие запястья юноши бархатным кушаком, сорванным с него же. И прежде, чем Рэни принялся вырываться, споро примотал добычу к столбику кровати.

Ошарашенный консорт только и смог, скользя, упираться раскрытыми ладонями в гладкое дерево, не в силах обхватить массивный столб. Да взбрыкиваться, пытаясь перекатиться как

можно дальше от разозленного старшего. Но ноги Искры тут же оказались в плену у Эда. А дергаться сильнее Рэниари не решился из-за живота, боясь навредить ребенку.

Что задумал этот псих?!..

Паника затопила сознание юноши, заставляя задыхаться от непроизвольного ужаса. Ведь не причинит же вреда Эдмир собственному наследнику?!

Тяжелое тело мужчины придавило бедра жертвы. И Рэниари с головой ухнул в омут невольного страха, застыв под принцем, как муха в янтаре. Переполошенное сознание как-то не осознавало, что Эдмир весьма бережно с ним обращается, не желая причинить боли — хватило самого факта связывания, чтобы напридумывать себе невесть что.

— Я тебе покажу, как ты сможешь без меня обходиться!.. — трясущимися губами бормотал Эдмир, одной рукой фиксируя вырывающегося мужа, а другой споро освобождая его из вороха одежд. — Я тебе покажу!..

Губы принца-наследника властно прижались к напряженно сжатым губам Рэниари, наплевав на угрозу укуса. Язык лизнул нижнюю губу, а затем решительно толкнулся в крепко сжатые зубы, прося… требуя!.. впустить.

— Ну почему?!.. Почему ты ласков со всеми, кроме меня?! — Выстонал принц в упрямый рот возлюбленного. Почему-то вдруг возникло чувство, что когда-то нечто подобное уже было… происходило… что некогда он вот так (или похоже?!) ломал мужа, сгибая под себя.

— Когда же ты поймешь, что мне не нужен никто, кроме тебя… — продолжал бормотать принц-наследник, целуя непокорные губы юноши. — И тебе… тебе тоже никто не нужен кроме меня! Только я смогу подарить тебе немыслимое наслаждение… Сейчас сам убедишься…

Отстранившись от супруга, Эд дотянулся до шкатулки, что давно стояла на прикроватном столике с его стороны постели (благо, упали они на перины как надо!). Рэниари протестующее дернулся всем телом, но лишь сильнее затянул кушак на тонких запястьях. Аквамариновые глаза юноши яростно и непримиримо сверкали сквозь невольные слезы обиды, алые губы распухли от поцелуев, а искрящийся шелк волос переливался с края постели на пол…

И Эдмир не смог отказать себе в удовольствии вновь зарыться обеими руками в их ласковую прохладу, слегка массируя кожу головы невольного пленника.

— Пусссти! — Прошипел Рэниари, прекратив дергание. Зелено-голубые глаза юноши потемнели и метали молнии. Маленькие, изящные ступни с силой уперлись в постель, подтягивая тело в полусидячее положение. Но Эдмир уже успел вернуться и вновь за щиколотки вытянул мужа горизонтально, по ходу схлопотав пяткой в лоб. Но принц-наследник даже не обратил внимания на полученное увечье, вытряхивая из шкатулки ее содержимое на затканное золотом покрывало — вот и представился случай опробовать давние игрушки, что он никак не решался пустить в ход!

— Сейчас… сейчас… я покажу, КАК ты сможешь без меня обходиться!.. — словно в бреду шептал наследник, прижимая к постели сопротивляющегося консорта, давая почувствовать ему свой болезненно пульсирующий стояк, жар напряженного тела… губами касаясь влажного виска Рэниари, что упорно отворачивал голову. Когда и как они оба оказались раздетыми, полностью выпало из сознания наследника.

— Не надо, не сопротивляйся!.. — задыхаясь от страсти, шептал Эд, всем телом тягуче

потираясь об мужа. Это доставляло принцу-наследнику ни с чем ни сравнимое удовольствие, особенно, когда каменный член проезжался по паху юноши… ощущая в ответ, как нехотя твердеет естество этого упрямца.

И первый невольный стон Рэни сквозь зубы был мужчине наградой!

Широкая ладонь нежно погладила чуть выступавший холмик живота, щекоча кончиками пальцев чувствительную кожу рядом с напряженными горошинами сосков. Рэниари лишь сильнее стиснул зубы и отчаянно замотал головой, крепко жмуря глаза. Он умирал от всевозрастающего желания слиться с этим предателем в одно целое. Губы его задрожали, дыхание сбилось. А Эдмир вдруг сполз по его телу вниз и… звучно всосал член мужа до самого основания, попутно смяв его ягодицы сильными руками!

От неожиданности и необычайной яркости ощущений Рэниари закричал и выгнулся, невольно подставляя себя горячим губам супруга и всеми силами упираясь связанными руками в столб, ставший для юноши единственным якорем в водовороте нахлынувшей страсти. Энергия Искры незримыми плотными полотнищами выметнулась навстречу мужчине, заставив того выгнуться и… враз кончить!.. горячими струйками выплеснувшись на промежность Рэни.

— Ну, нет… — прошептал принц-наследник, растекаясь по ногам мужа и судорожно дыша. Эд сумел-таки себя собрать из одного только упрямства — надо доказать свою правоту!

Пальцы мужчины нащупали кое-что интересное в сбитых складках покрывала. И Эдмир медленно надел на восставший член Рэни особое кольцо, не дававшее кончить без помощи извне.

— Ты будешь просить меня о милости… — целуя внутреннюю, подрагивающую от напряжения часть бедра, одними губами мстительно шептал мужчина. — Будешь… а я верну тебе нашу первую ночь!.. И мы все начнем с начала…

Обезумевший от ласк юноша дугой гнулся под губами и руками наследника, стонал, всхлипывал, дергался, но ни о чем не просил! И это глупое упрямство заводило Эдмира все больше и больше. Он уже и сам не знал, чего желал в данный момент: то ли заставить упрямого мальчишку умолять, то ли подарить ему немыслимое блаженство!

Сам Рэни уже мало что соображал. Разум затуманила похоть… огненная и настырная! Кончить хотелось до безумия, но что-то мешало, заставляя возбуждение копиться внизу, пока юноша не откинул назад голову и не приготовился завыть, словно бешеный волк. Осторожное проникновение внутрь прошло как-то мимо его сознания. Но только до тех пор, пока это нечто не начало, вибрируя, расширяться, массируя внутренние стенки и стимулируя центр наслаждения.

Вот тут-то Рэни действительно взвыл, всем своим тонким телом приподнимая навалившегося на него намного более массивного мужа. Эдмир что-то ему говорил… во всяком случае губы его шевелились… но юноше было все побоку в миг сладкой непрерывной судороги, что все нарастала и нарастала, в конце концов поглотив окружающий мир… оставив после себя лишь разноцветные, сталкивающиеся на дикой скорости огненные звезды. В миг их столкновений становилось даже больно, и тело выгибало от судорог. Но затем звезды разлетались в стороны, и Рэни вновь наполнялся эйфорией… желая никогда не прекращать эту пытку… желая ее закончить…

А звезды сталкивались вновь и вновь, даря все более жуткую боль, смешанную с наслаждением…

А Эдмира сводило с ума плавящееся от страсти тело в его руках. Хотелось еще и еще! Он уже не замечал, что происходило с мужем. Непрекращающиеся стоны юноши сводили с ума, а бьющая бесконтрольно энергия была подобна наркотику, коим невозможно насытиться.

Руки и губы мужчины были везде. Вот только что он ласкал яростно пульсирующую дырочку мужа, проникая языком как можно дальше в шелковистый жар юного тела… обсасывал поджавшиеся яички, пока магическая игрушка внутри Рэниари делала свое дело, вибрируя и расширяясь… А в следующий миг просветления Эдмир ловил себя на том, что нежит поцелуями мокрое то ли от пота, то ли от слез лицо любимого. Его высокие скулы, припухшие губы, нежный бархат щек, покрытых лихорадочным румянцем… Или, перевернув Рэни на бок, сжимает его тугими ягодицами свой вновь набухший член, более всего на свете желая войти… погрузиться в это распаленное страстью желанное тело!..

И не входил, продолжая мучить супруга, упрямо не давая ему кончить…

— Скажи!.. — молил, сам уже не зная, о чем. А Рэниари вдруг крупно задрожал всем телом и закричал, отчаянно и тонко, уставившись незрячими глазами в высокий полог над ними.

И этот крик… далекий, нездешний!.. сбросил морок похоти с сознания Эдмира, заставив подскочить на постели и суматошно оглядеться.

— РЭНИ!.. Рэни!!!.. — растерянный Эдмир затряс за плечи невменяемого мужа. Глаза Рэниари закатились, лицо побагровело, юноша хватал пересохшими губами воздух, пытаясь со свистом втягивать его в себя. — Рэни! Ты!.. Я сейчас!..

Уложив на покрывало скручивающееся в судорогах тело, принц-наследник торопливо сорвал с напряженных гениталий мужа кольцо-ограничитель и припал губами к налившемуся дурной кровью члену, торопливо лаская… пытаясь довести до разрядки. Но плоть была слишком напряженной — юноша никак не мог кончить, тщетно выкручивая себе руки: Эд, перепуганный тем, что натворил, забыл его развязать!

Хлещущая бесконтрольно магия неудержимо растекалась по всему дворцу, заставляя придворных магов замирать от эйфории и восторга. А по лицу Искры ручьем текли слезы, широко распахнутые глаза ничего не видели, изо рта вырывался полувой-полуплачь — полетевший к темным богам самоконтроль не оставил ничего, кроме дикого желания кончить, иначе Рэниари ни за что бы не позволил себе потерять лицо!

Эдмир, видя состояние мужа, и сам трясся от ужаса, осознав, что вместо сладкого наказания и любовной игры подверг мужа невольной пытке.

В конце концов, несчастный болезненно выплеснулся в лицо не успевшего отстраниться принца и с мучительным криком обмяк, облегченно закрыв глаза. Лишь по вытянувшемуся телу пробегали посторгазменные судороги, резко обозначившийся кадык рвано дергался в такт с бешено пульсирующей синей жилкой на шее. Рэни, блестящий от обметавшего его холодного пота, со стоном дышал, жадно хватая воздух открытым ртом.

Эдмир, не замечая стекавшей по его щекам обильной спермы, ломая ногти, разорвал путы и притиснул юношу к груди, отчаянно целуя: — Где болит?!.. Ну, скажи!.. Рэни!.. Милый!.. Любимый!.. Не молчи!

Он сам готов был завыть от непонимания и осознания вины. Ведь уже зарекался срываться на муже!

mir-knigi.org

Ворвавшийся в спальню Итарон, наплевав на расхристанный вид парочки, сразу же кинулся к Рэниари, возложив трясущиеся руки на его подергивающийся живот.

…Лишь через час Верховный маг вместе с вдруг набежавшими целителями отстал от давно уже успокоившегося юноши. И, невзирая на слабые протесты того, уложил консорта в постель, погрузив в безмятежный сон.

Все время находившийся рядом Эдмир, кусая пальцы, наблюдал за суетой магов, наплевав даже на вновь мелькавшего среди них сероглазого блондина — пусть делает, что хочет, лишь бы помог!

В конце концов, Итарон, оставив за себя парочку целителей, молча взял за руку Эдмира, сходящего с ума от беспокойства, и открыл портал из спальни.

— Итарон! — Дернулся наследник, оказавшись в тиши личной лаборатории Верховного мага. — Зачем ты меня уволок сюда?.. Рэни… Я должен быть с ним!

— Единственное, что вы должны, ваше высочество… — негромко отозвался старый волшебник, переставляя на стеллаже керамические горшки с какой-то травой. — Единственное, что вы просто ОБЯЗАНЫ сделать, так это обеспечить вашему супругу спокойную жизнь. Без нервотрепки на подобие сегодняшней. Вот, например, вы можете объяснить мне, чем вам не угодил молодой Вариш? Он не просто хороший, а по-настоящему талантливый целитель. Чем он вас так взбесил? Своей молодостью? Красотой? Но любой умелый маг будет выглядеть привлекательно. Это как показатель статуса…

— Да плевать мне на статус! — Рявкнул мужчина, мечась по закрытой лаборатории — хрен найдешь в этой ловушке дверь! — Он посмел ЛАПАТЬ Рэни! Почему ты сам его не осмотрел?!

— Я занимаюсь этим каждый день, — так же терпеливо пояснил Итарон, все еще стоя спиной к молодому человеку. — Но мастер Вариш намного лучше меня в плане целительства. И его советы должны, как я надеюсь, помочь его высочеству. А вот вы, господин, всю нашу работу переводите в бесполезную трату времени!

Маг непозволительно медленно повернулся к опешившему от внезапной исповеди наследнику и вперился разъяренным взглядом в лицо онемевшему от неожиданности Эдмиру. Принц как-то не привык, чтобы его воспитывали. Как и не привык слышать подобное от всегда столь благосклонного к нему наставника — недавний разговор в горном замке не в счет, там он сам был виноват. И старый маг лишь озвучил его вину. Но теперь…

— Я не знал, что все так обернется, — попытался Эд оправдаться. — Я ведь хотел наказать того типа!.. А Рэни… я хотел его лишь приласкать. Я не думал…

— Вот именно, — мягко согласился Итарон с наследником. — Вся ваша беда в том, что вы НЕ ДУМАЕТЕ. Вероятно, в этом и моя вина — я слишком вас баловал в детстве, вместо того, чтобы воспитывать. Не знаю, возможно ли исправить упущенное… но попробовать всяко стоит.

— Вы забываетесь, лорд Ламител!.. — попытался было встать в позу Эдмир.

— О, нет! — Слабо усмехнулся маг. — Не думаю. Забывался я тогда, когда выпускал из виду, какой самовлюбленной сволочью вы растете!

— ЧТО… — выпучил глаза Эд, даже не находя слов для возмущения.

— Недавний случай в горном замке вы, видимо, позабыли. Иначе не довели бы мужа до подобного состояния. Кроме как пыткой вашу ласку не назовешь! А если вы ТАК обращаетесь с тем, кого …любите!.. то каково придется вашим будущим подданным? К ним-то вы не испытываете ничего, кроме чувств собственника. И даже не замечаете, как легко… походя… ломаете чужие судьбы!

Эдмир, громко взрыкнув, в пару шагов преодолел расстояние до мага и дернул того за плечи к себе, вцепившись в лицо Итарона бешеным взглядом. Но старик стоически выдержал ярость принца.

— Своим необдуманным поступком вы вновь едва не поставили под угрозу жизнь лорда Рэниари и жизнь его ребенка, — с решительной смелостью высказался Итарон, не пытаясь вывернуться из болезненной хватки могучего воина. — Что за манера — сначала довести до грани, а потом с ума сходить от тревоги за жизнь возлюбленного?!

Пальцы Эдмира вдруг разжались.

— Я хотел всего лишь показать, что ему без меня так же плохо, как и мне… — с бесконечной тоской проговорил он, опуская голову. — Я не желал причинить вред… лишь ласкал…

Тихий шелест одежд мага отвлек его от безмолвного самобичевания.

— Когда же вы, наконец, поймете, что нельзя добиваться любви силой, — с неожиданной болью выдал Итарон.

Эд поднял взгляд — старый маг стоял перед ним, помахивая каким-то пучком трав, зажатым в кулаке.

— И ведь, что странно, вы действительно любите мужа, — с горестным недоумением продолжал Итарон, непонятно глядя на принца-наследника. — Так объясните мне, как можно быть настолько жестоким с тем, кого любишь?! Неприязнь его злит?.. А что вы сделали такого, чтобы вас искренне полюбили? Уважали его мнение? Добивались любовью и лаской?!.. Нет. Вы предпочли пойти по пути наименьшего сопротивления… впрочем, как и всегда! Просто использовали силу. Пожалуй, стоит дать вам прочувствовать на СЕБЕ боль других.

Эдмир непонимающе смотрел на стоявшего перед ним довольно хрупкого старика: о чем он говорит?!

Но в следующий миг принцу стало не до удивления. Его тело… сильное, великолепно тренированное тело воина!.. сковали невидимые цепи. Попытка использовать магию Искры ни к чему не привела.

— И не старайтесь, — с легкой брезгливостью отозвался Итарон. — Вы, конечно, сильны, но вам не хватает опыта. К тому же… к вашему сведению, ваше высочество… я недаром ношу титул сильнейшего мага современности. Равного мне по силе волшебника нет ни на нашем материке, ни за морем. Уж поверьте — вам до меня как до солнца пешком. А теперь… займемся вашим воспитанием. Правило первое — относитесь к людям так, как бы хотели, чтобы относились к вам!..

Итарон взмахнул рукой с зажатым в кулаке зеленым веником, и принца словно кипятком ошпарило. Кожа тут же дико зачесалась и, казалось, пошла жгучими пузырями. Даже одежда не спасла!

Эд дернулся и невольно раскрыл рот в безмолвном крике. Принцем-наследником владело потрясение от происходящего. Такое, что он даже не мог сообразить, КАК ему реагировать!

— Прочувствовали? — Вежливо поинтересовался не хуже его кривящийся Итарон: магия клятвы наказывала старого волшебника за причинение вреда своему нанимателю, возвращая боль вдвойне.

— Что… это… за дрянь?! — Прохрипел Эдмир, когда сумел немного отдышаться. Итарон любезно сунул ему под нос лохматый пучок с характерными темно-зелеными листьями.

— КРАПИВА?!.. — от удивления у наследника едва глаза на лоб не вылезли.

— Магическая крапива, — пояснил маг, поудобнее перехватывая рукой в перчатке толстые стебли, покрытые неестественно длинными стрекательными волосками. — Специально вывел для некоторых зелий. Вот и пригодилось… Правило второе — будьте внимательнее к людям!

На этот раз Эдмир сумел сдержаться, хотя перед глазами все потемнело от жгучей боли.

— Не сссмей! — Гневно рыкнул он, безуспешно дергаясь в невидимых путах. — Да что ты творишь?!

— Сказал же — воспитываю, — огрызнулся тоже растрепанный маг, пытаясь отдышаться. Потом подумал и без рук, только с помощью магии, нагнул массивного принца, заодно содрав с его поджарой задницы штаны вместе с нижним бельем. — Чтобы впредь не смел издеваться над другими! А особенно над мужем! Он и так уже столько вытерпел от тебя… Видел только насилие, а не любовь и заботу, как ты пытаешься всем доказать. А еще невероятный, невообразимый и ничем не прикрытый эгоизм! Вот и прочувствуй на себе чужую силу… Правило третье — что посеешь, то и пожнешь!

Наследник задергался, когда его принялись без затей пороть словно бы раскаленной колючкой. Казалось — кожу с ягодиц сдирают вместе с мясом! Невольные слезы брызнул из глаз Эдмира, что крайне редко плакал даже в сопливом детстве. Гордый, надменный принц не думал о боли. Его с головой затопило унижение, заставляя на время позабыть про горящий зад, который продолжал охаживать крапивой бывший наставник, прежде столь терпеливый ко всем шалостям наследника.

— Рэниари слишком слаб физически! Искры долго не живут! Хочешь еще больше сократить ему жизнь?! — Итарон размашисто полировал давно уже багровые ягодицы Эдмира. Тот скрипел зубами, но упрямо держался. Старому магу было плохо… очень плохо. Каждый удар возвращался к нему, усиленный в несколько раз. Но лорд Ламител терпел из последних сил — это было и его наказание — за то, что потворствовал развитию столь эгоистичной личности. Эгоистичной настолько, что даже влюбившись, не способна была поставить благополучие избранника превыше собственных нужд. Если сейчас не вбить немного ума в самовлюбленную головенку племянника (через его задницу!), то в будущем этих двоих уже ничего не спасет. Эдмир должен понять чувства супруга, забыть, что Рэни не его вещь. Что он живой… и его терпение и силы не безграничны! Даже со стороны видно, насколько консорта угнетает постоянная ревность и собственническое отношение старшего мужа. Если не будет взаимного доверия, то никакое примирение не возможно в принципе. Так и будут кругами ходить вокруг да около. И, в конце концов, в своем неумеренном желании пробить броню любимого Эдмир его погубит, сам того не желая. И скорее всего сойдет с ума, потеряв смысл жизни.

А Эд, получая давно заслуженную порку, не думал ни о чем, кроме яростного желания отомстить оскорбившему его магу. Не жаловаться же отцу на Итарона? Вот уж смешно-то

будет! Ягодицы жгло огнем, лицо стало мокрым от слез, с прокушенной губы капала кровь… Эд, рычал, но терпел. Да, он виноват перед Рэни! Но… Никогда его не секли. Никогда! Даже в детстве за частые и порой жестокие шалости. Все сходило ему с рук, а ведь порой развлечения наследника были далеко не невинны! Но пороть…

**********!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Теперь его словно нашкодившего злого ребенка порол бывший столь терпеливым и любящим наставник. Порол со всей злостью, вкладываемой в каждый удар…

По окончании экзекуции оба тяжело дышали, отходя от взаимной пытки: Эд, опираясь руками о край стола, а маг, сидя в вытертом кресле. Измочаленная в лохмотья крапива валялась на каменной плитке пола.

Принц-наследник, не обращая внимания на все еще спущенные штаны, стоял, наклонив голову, и непроизвольно сжимался от полыхавших пожаром пострадавших частей тела. Его ягодицы и верхняя часть бедер багрово вспухали обширными волдырями в неярком свете магических фонарей. И, кажется, даже немного увеличились в размерах. По коже пробегали мелкие судороги от жгучего зуда.

Уставший и какой-то опустошенный Итарон отрешенно рассматривал низкий потолок комнаты. «Надо бы заклинание надежности обновить …» — лениво подумал он, краем глаза наблюдая, как Эдмир рывками натягивает на себя одежду, непроизвольно шипя от боли. Сам маг даже не пытался унять дикий зуд во всем теле — это было его искупление за некогда допущенную ошибку в воспитании.

— Не вини только себя, — много позже сказал ему Соронdo, когда младший брат пришел к старшему за советом.

Король тяжело вздохнул, выслушав убитое признание Итарона.

— Я тоже приложил к этому руку. В конце концов — Эд будущий король. Его изначально воспитывали быть сильным, гордым, властным… и жестоким. Без этого невозможно править страной, состоящей из лоскутов полунезависимых владений. Мы оба учили его быть собственником, чтобы смог не только сохранить, но и приумножить земли Хилдона. Учили не отступать ни перед чем, добиваться желаемого всеми силами! И теперь пожинаем последствия. Мы воспитали КОРОЛЯ, Лами! Так что прекращай себя мучить.

— Все так, — вздохнул Ламител, устало закрыв глаза. — Но хотелось, чтобы хотя бы со своими он так не поступал.

— Ты стал мягче с возрастом, — возразил ему брат. — Вспомни себя. Не ты ли в свое время уничтожил почти весь свой клан, чтобы предотвратить мятеж?!

— У меня не было иного выбора, — вздрогнул Верховный маг. — Отец учил меня жить интересами королевства. А семья матери… никто из них не смирился с тем, что я не желаю претендовать на корону! Они так надеялись посадить на трон молоденькую марионетку и править через нее… Если бы я не сделал этого, весь восток оказался бы залит кровью! А северные кочевники добили бы ошметки Хилдона!..

— Да, у тебя не было выбора, — грустно согласился Соронdo. — Как не было его и у меня, когда

я с помощью хитрости и предательства резал тех же кочевников, чтобы обезопасить Север. Я ведь не стеснялся бить в спину… Так что мы оба всего лишь плоть от плоти своего времени… как и Эдмир. Иначе ему не устоять и не защитить страну.

— Наверное, это старость, — угрюмо отозвался Итарон, — вспоминать прошлое. Но знаешь… повернись время вспять, и я бы поступил так же!

— Я тоже, — подытожил Сорондо. — Мне есть о чем сожалеть, но только не о том, как мы с тобой собирали страну. Эду достанется неплохой кусок. Лишь бы удержал его…

Два старика печально помолчали, погрузившись в невольные воспоминания. Слишком много в их прошлом было боли, войн и предательства. Но еще больше — спасенных жизней, построенных городов и десятилетий мирной жизни. Что из этого перевешивало их кровавые грехи? Никто не мог дать ответа.

— Во всяком случае, я теперь понимаю, отчего Эдди так ерзал за ужином, — вдруг по-мальчишески хихикнул король, подмигнув брату. — Сидел, как палку проглотив. И все пытался незаметно поерзать или потереться об спинку стула! Кстати, что за взлохмаченное недоразумение сидело на руках у Рэниари?

— Ты о котенке? — Рассмеялся Итарон. — Это отдельная история… Один из моих учеников загорелся идеей создать новый вид, скрестив кошек, кинроков, скальных драконов… и еще невесть что! Но у неудачливого мага просто сил не хватило для поддержания жизнедеятельности столь противоречивого существа. Зверушка задумывалась как идеальный телохранитель, но начала умирать из-за банальной нехватки энергии, застыв в развитии. Так что чернявому недоразумению просто повезло, когда принц-консорт им заинтересовался. Будучи полностью магическим созданием, котенок сумел легко напитаться около Искры, признав в Рэниари своего хозяина. В отличие от Эдмира, Чернышу не требуется физического контакта, чтобы получать силу. Достаточно и эмоциональной привязки. И малыш сразу выправился, перестав напоминать прежнего страшилку.

— Весьма очаровательный малыш, — не поверил король. Но его брат лишь усмехнулся.

— Не видел ты этого «очаровательного» днем! Жутенькое, скажу тебе, зрелище! И очень не любит Эдмира.

— Он ему не навредит?! — Тут же встревожился Сорондо. Но лорд Ламитель лишь головой покачал.

— Звереныш воспринимает мир через ощущения своего хозяина. А Рэниари не ненавидит Эда. Злится, ругается, обижается, но не ненавидит. И его невольный телохранитель воспринимает наследника именно с позиций консорта. То есть покусать покусает, но не до смерти. Ты хоть в курсе, что Эдмир хотел прибить мелкого? А потом отправился искать мужа… ну, и нарвался на мою трепку.

— А ведь мне так ни в чем и не признался, паршивец! — Посетовал Сорондо.

— Еще бы, — с кривой ухмылкой отозвался Итарон, вырываясь из тенет прошлого. — А ты бы признался?

— Да никогда! — Уже во весь рот улыбнулся Сорондо. — Затаил бы обиду и, подгадав момент, отомстил от души! Эд, конечно, не может расправиться с тобой напрямую, так как Верховный маг подчиняется только королю… Но ты задел его гордость, а такое наследник трона не

должен прощать никому! Так что, брат, тебе все-таки придется выйти на свет. Я расскажу сыну, кто ты на самом деле.

— Поступай, как знаешь, — недовольно скривился Итарон. — Но я в свое время специально сделал все, чтобы люди забыли о нашем родстве. Не хватало еще Эдмиру столкнуться с интригами в мою пользу.

— Лами, — вздохнул король, — я хочу, чтобы вы были вместе и после моей смерти. Ты превосходный советчик! Но это станет невозможным, если новый король обернется для тебя врагом. Однако, Эд трепетно относится к семье. Он поймет и примет тебя…

— Вижу я, как он трепетно относится… — проворчал лорд Ламител. И махнул рукой. — Ладно, говори… Пожалуй, это единственный выход — как нам с ним не стать врагами.

Глава 25

…Тишина в кабинете стояла такая, что можно было услышать каждую каплю, шуршавшую по оконному стеклу снаружи: осень властно вступала в свои права, стирая мокрой тряпкой яркую легкомысленность лета.

Уютно потрескивал невысоким огнем камин из седого гранита, украшенный изысканной кованой решеткой… струился тонкий аромат от сгоревших смолистых поленьев… мерцало золотое вино в сдвинутом на край стола, оплетенном серебром кувшине из толстого маруквийского хрусталя.

— Неожиданно. Весьма неожиданно, — очень ровно произнес Эдмир, крутя в руках тяжелый бокал с остатками вина. — Когда отец сообщил мне, КТО вы, лорд Ламител… я был потрясен.

Принц-наследник посмотрел на стоявшего перед ним внешне безмятежного Итарона.

— Поверьте, ваше высочество, я не горел желанием раскрывать свое инкогнито, — тут же отозвался Верховный маг. Наследник только головой качнул.

— Я принимаю ваши объяснения, — сквозь зубы выдал Эдмир, кивая дяде на кресло напротив. — Но хотя бы наедине вы можете не придерживаться формальностей?

— Удивительно!.. — слабо усмехнулся Итарон, опуская сухощавый зад на жесткое сидение. — Ваш отец говорил почти так же! Вот только никто не должен знать, что по крови я тоже Келлиадир. Иначе возможны…

— Я могу и сам просчитать, что возможно в этом случае! — Резко оборвал новоявленного родича его высочество и с грохотом опустил на стол так и не допитую чашу. — Но вы с отцом заигрались! Я сказал это ему, повторю и вам! Не забыли, что статус Верховного мага дает право на титул первого советника короля?! Вы можете сидеть в присутствии лиц королевской крови! И ваше счастье, что я вовремя узнал правду… а то бы мало вам не показалось, лорд! Вы хоть в курсе, что я отдал приказ вас уничтожить?!

Итарон невольно вздрогнул, рассматривая мрачного племянника.

— И вас бы не остановило, что в таком случае страна лишилась бы почти половины своего могущества? — Очень осторожно уточнил старый маг, чувствуя, что ходил по краю.

Наследник скривил губы в презрительной усмешке.

— Вы с отцом, запоздало занявшись моим воспитанием, позабыли, что я уже давно самостоятельный человек! И не просто самостоятельный… вот уже пятнадцать лет я принимаю единоличные решения и командую гвардией. И не просто командую… Вот только последние события показали, что вы оба продолжаете видеть во мне давно уже несуществующего юнца! Да! До последнего времени я в основном сражался и подавлял мятежи на окраинах королевства, оставив придворные интриги на вас с отцом. А, возвращаясь, просто отдыхал, скидывая все вопросы опять же на вас. Не удивительно, что вы видели во мне сопливого подростка. Но… Никто не смеет меня оскорблять!.. — прорычал Эдмир, внезапно приподнимаясь в кресле и с бешенством глядя на безмолвного мага. — А вы забылись, Итарон! Даже на правах моего родственника и давнего наставника вы не смели наносить мне ТАКОЕ оскорбление! И я не представляю, как отец мыслит наше дальнейшее с вами сосуществование! Почему я должен вам доверять? Только на основании близкого родства?! Ну, так ваша кровь не хуже моей! Да, знаю, что опасно убирать столь сильного мага, добровольно лишаясь силовой поддержки. Но еще опаснее оставлять в живых того, кому не доверяешь!

— Именно поэтому я в свое время и принес вам клятву мага, — тихо, но твердо ответил Итарон, не отводя взгляда от пышущих яростью глаз Эдмира. — Клятва… это страшная вещь! Для немага невозможно представить все последствия нарушенного договора. Даже вы, обладая силой Искры, не способны в полной мере оценить всю тяжесть ЭТОЙ ноши.

— Не способен, — вновь расслабленно откинулся на спинку кресла принц-наследник. — Но почувствовать отголоски могу. Впрочем, сейчас речь не о них. А о том, как нам с вами быть дальше. Отец желает, чтобы вы остались моим советником. Вот только доверия к вам после случившегося у меня нет. Вы слишком умны, Итарон, — думать, что я смогу вам доверять, как и прежде. И вы действительно очень сильный маг — вполне сможете обойти свою клятву. Хотя это и считается невозможным. С отцом вас связывает не только кровь, но и общее прошлое. А со мной?! Что будет вас связывать со мной, кроме призрачного родства и пережитого унижения? Вы ведь это понимаете?!

Итарон молчал, не отводя взора от холодного лица племянника.

— Я готов во имя общей крови забыть то, что произошло в лаборатории, — рык вновь прорезался в голосе принца. — Вот только не надейтесь, что сможете мной командовать! Мальчик давно уже вырос и привык сам решать свои проблемы!..

— Тогда почему вы, такой взрослый и самостоятельный, никак не научитесь ценить мужа? — С горечью произнес Верховный маг.

Пальцы Эдмира словно когти вцепились в подлокотники кресла, глубоко продавливая бархат обивки.

— Не… ваше дело!.. — произнес он с придыханием, пряча взбешенный взгляд за темным частоколом ресниц. Но Итарон лишь покорно склонил голову перед властью будущего короля.

— Признаю… — нехотя процедил Эдмир спустя мгновение. — Я слишком привык все и всех вокруг подчинять. Прогибать под себя… И меня злит непокорность мужа. Но в то же время я больше всего на свете желаю ему счастья. Впрочем, это… я повторяюсь!.. не ваше собачье дело! Скажите спасибо, что я забуду вам ТУ наглость!

— Вы с ним равны… — тихо уронил Итарон, словно не слыша вновь начавшего заводиться наследника. — Оба сильные… каждый по своему!.. резкие, не умеющие идти на компромисс. Впрочем, ваше высочество, вы и не пытались никогда…

Эд даже поперхнулся от такого перехода.

— И чего вы добились той безобразной сценой? — Продолжал Верховный маг, не глядя в темное от гнева лицо молодого мужчины. — Показали власть над тем, кто физически вас слабее? Вот только ваш супруг окончательно замкнулся в себе. И это, когда его психика так нестабильная под влиянием кокона. Просто удивительно, но лорду Рэниари все-таки хватило и ума и такта не позволить чужим заметить разногласия между вами. У мальчика великолепное воспитание. Поразительно! Полный двор сплетников, до сих пор пребывающих в уверенности, что между вами страстная любовь. А вы всего лишь ревнуете мужа ко всем вокруг.

— Он поступил правильно, — процедил Эдмир нехотя. — Ни к чему чужим знать о наших ссорах. Слишком легко вбить кол в самое сердце королевства. Какие бы отношения нас не связали, но мы СЕМЬЯ! И это навсегда…

— Кто бы спорил, — осмелился перебить наследника маг. — Но почему вы никак не научитесь останавливаться вовремя?!

— Не ваше дело! — Серый взгляд наследника словно ножом резанул мага. — Не лезьте в нашу жизнь! Мы сами разберемся.

— Боюсь только, будет поздно!..

— Я больше не причиню зла Рэни! Последние дни я только сплю с ним в одной постели…

— И надолго вас хватит?

Эдмир вдруг встал и, быстро подойдя к креслу попытавшегося было вскочить мага, с силой надавил ладонью на его плечо, принуждая вновь сесть.

— Надолго, — твердо заявил он. — Я действительно дурею… и глупею!.. если дело касается моего мужа. Но в состоянии понять, что дальше наше противостояние продолжаться не может. И лучше уж я сейчас отступлю, чем потеряю любимого! Да, мне мало только помощника в делах и партнера в постели. Мне нужно… хочется чего-то более объемного. Я и сам не понимаю, чего именно хочу. Но желаю, чтобы Рэниари принадлежал мне не только душой и телом, а… а дальше я и сам не знаю…

— Любви вам хочется, ваше высочество, — устало заключил старый лорд. — Любви. Вот только любить-то вы и не умеете. Только брать и требовать.

Эдмир ничего не ответил на этот выпад, лишь сильнее сжал пальцы на плече Верховного мага и тут же ослабил хватку, отходя к камину.

— Как же вы с Сорондо похожи!.. — тоскливо протянул лорд Ламитель. Спина стоявшего у огня наследника даже не дрогнула, только широкие плечи закаменели. — Столь нетерпеливы и жестоки в любви… Интересно, что вы будете делать, если принц-концорт, разочаровавшись в вас, полюбит вновь. И не вас. Запрете его в крепости? Убьете его избранника или избранницу? Или… отпустите?

— Никого не убью и не запру, — ровно отозвался Эдмир, не оборачиваясь к собеседнику. — Как бы я не возненавидел соперника, но у меня хватает ума понять, что смерть любовника только окончательно оттолкнет Рэниари от меня. А этого я не желаю. Так что, та гипотетическая сволочь будет жить и даже радоваться жизни! Желательно подальше от границ Хилдона. Но Рэни я ему не отдам!

— И не отпустите?.. — с легким интересом уточнил маг.

— И не отпущу!.. — прошипел его высочество. — Муж мне и самому нужен. Если надо, я даже пойду на шантаж — или твой избранник, или твоя лояльность ко мне!.. Но не отпущу. И не допущу трагедии моей матери! Я не могу позволить Рэни уйти. Он нужен мне, как воздух! Он моя жизнь! Мое сердце! Он для меня все! И плевать на силу Искры. Мне нужен только мой муж! И он будет моим, чего бы это ни стоило!

Повисшая после этих слов тишина расплавленным свинцом вливалась в головы собеседников.

Больше говорить было не о чем…

— Вы позволите мне удалиться, мой принц? — Не выдержал Итарон, когда молчание в кабинете стало совсем уж тягостным. Эдмир только головой нетерпеливо дернул, давая свое соизволение. И лорд Ламител, встав с кресла, устало побрел к двери. На душе у него было пасмурно и гадко, словно на заброшенной свалке. Кажется, ничего у них с Соронде не вышло…

— Я не могу вот так сразу смириться с нашим родством, — догнал старика холодный голос наследника. Эдмир по-прежнему стоял, облокотившись о каминную полку, и глядел в огонь. — Но… ради родства я готов забыть наши прежние разногласия и принять вас, лорд, своим советником. Но только советником, а не тем, кто будет совать нос в мою личную жизнь.

«И то хлеб, — с невольным облегчением закрыл за собой дверь Верховный маг. — Надо же с чего-то начинать…»

…Два прекрасных в своей ослепительной наготе тела сплетались на кушетке, стоявшей у распахнутого в сад окна. Перетекали одно в другое… скользили друг по другу, демонстрируя непрошеному свидетелю завораживающую идеальность мускулистых, великолепно тренированных тел…

Любоваться и любоваться этим совершенством, сотворенным природой…

Если бы не резкая боль в груди, что ввинчивалась раскаленной иглой прямо в сердце.

— Кажется, я не вовремя… сынок… — с трудом произнес лорд Тарлит, крепко держась рукой за приоткрытую дверь в спальне своего наследника: перед глазами медленно и пьяно танцевали окружающие маркиза предметы, а пол опасно покачивался, изгибаясь во всех направлениях.

Все-таки тот неизвестный информатор оказался прав… маг нашел в холле особняка спрятанный в углу амулет, что извещал Карлаэля о возвращении отца…

Парочка на кушетке отреагировала не сразу, продолжая с упоением целоваться — судя по напряженным чреслам, до главного у них еще не успело дойти. Темное серебро волос Валиэля все так же скользило по порозовевшей от поцелуев груди Деззиона-младшего, мешаясь с со светло-русыми прядями того.

И… НА БЕДРАХ КАРЛАЭЛЯ БОЛЕЕ НЕ БЫЛО ПОЯСА ВЕРНОСТИ!

В конце концов, до любовников дошло, что они уже не одни. И старый вельможа едва не задохнулся, встретившись взглядом со снившимися ему ночами глазами цвета темного сапфира рядом с которыми по-кошачьи жмурились ярко-зеленые зрачки Карлаэля. Какой-то миг в глазах молодых людей еще плавилась нега… но уже в следующую секунду они оба

подскочили с кушетки, с грохотом опрокинув ее на мраморную плитку пола.

— ОТЕЦ!.. — ужас этих слов едва не добил старого лорда. И Тарлиту окончательно снесло голову.

С внезапным рычанием он рванул к растерявшемуся Валиэлю, сам не зная, чего желая больше — то ли вцепиться в его волосы, оттаскивая от собственного сына, то ли прибить на месте за измену…

— НЕТ!.. — повис у него на руке перепуганный сын. — Не надо!..

— Убью!!! — Рык раненого в самое сердце маркиза достиг самых отдаленных уголков немаленького особняка, заставив перетрусивших слуг попрятаться, пока господа устраивают разборки.

Перехватив руки сына, лорд Тарлит отшвырнул того в сторону. Ударившись спиной об стену, Карлаэль на миг потерял сознание и сполз на пол, беспомощно хватая перекошенным ртом воздух. Вал тут же подхватил любимого на руки и, не обращая внимания на наступавшего с обезумевшим лицом Деззиона-старшего, попятился в сторону окна.

— Вы!.. Ненавижу!!! Да как посмели?!

На старого вельможу было страшно смотреть. И барон, наплевав на приличия, как был, голышом, выметнулся из окна, прижимая к себе все еще не очухавшегося Кара. Демоны с ними, со штанами! Жизнь дороже.

Вот только незадачливые любовники кое про что позабыли…

— АААААААААААА!!!!! — Дикий вопль снаружи подействовал на разъяренного вельможу как ведро с ледяной водой.

Очнувшись от своего безумия, лорд Тарлит рванул к окну и перевесился через подоконник, от ужаса за жизнь двух самых дорогих людей напридумывав себе невесть что. Волосы у старого вельможи стояли дыбом, а огненная игла в сердце превратилась в не менее огненный нож. Вот только вместо двух трупов под окном обнаружились вполне себе живые любовники, кверху писем возлежавшие на пышных кустах златоцвета!

Сторонний наблюдатель, присутствуй он при данной сцене, залюбовался бы роскошной картиной, когда два прекрасных мужских тела замерли в объятиях вечнозеленых листьев вперемешку с яркими золотыми соцветиями, источавшими тонкий аромат.

Вот только молодым людям, угодившим в эту флору, было не до смеха. И даже угроза расправы со стороны старшего поколения отошла на второй план, когда в спину, задницу и бедра обоих вонзились крепкие десятидюймовые шипы магического растения.

Весьма ядовитого растения…

Раздавшийся вслед за этим вопль старшего хозяина перекрыл по силе звука все предыдущие крики.

— ЦЕЛИТЕЛЯ!!!!!! — Орал Деззион-старший, перекидывая ногу через подоконник, в одночасье позабыв про наличие столь полезной вещи, как лестница. Ворвавшиеся в спальню слуги едва успели словить обезумевшего хозяина. А по садовым дорожкам к стонущим любовникам уже

бежали охранники вперемешку с садовниками. И спустя всего-то несколько ударов сердца пострадавшие были извлечены из кустов, отнесены в нижнюю гостиную и переданы в руки мага-целителя.

— УЙююю… *****! Ой! — Не сдержался Карлаэль, когда из его воспалившейся и превратившейся в подушку задницы извлекали очередную колючку: проклятый златоцвет имел отвратительную привычку оставлять в телах жертв отломанные кончики шипов. И если их не успевали извлечь вовремя, то раны от уколов с трудом заживали, оставляя после себя уродливые шрамы.

Уже обработанная спина младшего маркиза представляла собой нечто сине-багровое и вздувшееся — бедняга Карлаэль с самого детства плохо переносил сок от колючек златоцвета, некогда в результате неосторожной игры получив слишком большую дозу яда. Это научило тогда еще ребенка держаться от зловредной колючки подальше и вызвало аллергию на яд златоцвета.

Лежавший на животе рядом с любовником Валиэль переносил все намного легче. И хорошо поддавался магии целителя.

Сам лорд Тарлит карающим богом нависал над пострадавшими, хмуря брови и грозно сложив на груди руки. Но кого волновал его грозный вид, когда спины и задницы огнем горят. К тому же парочка колючек умудрилась воткнуться в самое дорогое. И опять Карлаэлю не повезло — его распухшие до состояния крупных шаров яйца не давали свести ноги. Единственное, что целитель смог сделать — это обезболить его. Но сводящий с ума зуд он убрать был не в силах.

А наблюдавшего за этими двумя старого маркиза разрывало от ревности и жалости за дорогих ему людей. Сын был для лорда Тарлита всем. Его он любил, им он гордился, для него строил будущее дома Деззионов. Из-за страха потерять Карлаэля так же, как он некогда потерял его отца, старый вельможа не позволял себе лишний раз побаловать единственного ребенка, сказать тому доброе слово, воспитывая в строгости, как и подобало будущему главе могущественного рода. Больше всего лорд Тарлит боялся, что его наследник вырастет инфантильным ничтожеством, и делал все, чтобы закалить его тело и характер.

Валиэль же был особенным… Его Тарлит желал баловать и ласкать, выполняя все капризы, столь присущие младшим супругам. И категоричные отказы будущего жениха Деззион-старший тоже воспринял как очередную блажь, не желая признавать то, что давно было ясно окружающим. Вот только действительность не стала церемониться с могущественным аристократом, в конце концов ткнув его носом в правду. Увиденная в спальне картина стала лишь довершающим ударом.

Лорд Тарлит невольно вспомнил, что и шел-то он к сыну с вестью о своем отказе от брака с Валиэлем. Буквально пару часов назад Деззион-старший вернулся со встречи с главой семьи Кораззов. Дед Валиэля оказался величественным и все еще крепким стариком, властным даже на первый взгляд, а уж на второй… достаточно было сказать, что предводитель многочисленного и обнищавшего рода не уступал в надменности одному из самых богатых вельмож королевства.

Глава Кораззов сухо и коротко извинился за невольное недоразумение с супружеством младшего внука, упирая, что давая свое согласие на брак Валиэля с Деззионом, еще не знал о нежелании младшего родственника. На пылкое возражение Тарлита, что ему известно об этом, барон ответил, что тем более им не о чем говорить. Маркиз пытался грубо напирать на то, что данный союз выгоден прежде всего самим Кораззам, прозябающим на истощенных землях

клана. А желание Валиэля… ну, так стерпится-слюбится! Во всяком случае, сам Тарлит намеревался добиться молодого супруга с помощью любви и ласки. В ответ упрямый старик выложил перед ним магическую миниатюру, на которой была изображена потрясающе красивая пара — изящная юная брюнетка с темно-синими глазами доверчиво прижималась к груди статного пепельноволосого и кареглазого полуэльфа.

— Мой младший сын влюбился в чистокровную женщину, — сухо пояснил барон опешившему маркизу. — И ему плевать было на то, что ее жизнь намного короче его. Их общие дети унаследовали красоту своих родителей. И их гордость. Когда мой сын с женой погибли, я взял мальчиков на воспитание. Я сделал все, чтобы они попали в столицу — в надежде на их удачное замужество. Но продавать любовь внука за деньги я не буду. Валиэль любит не вас. Когда вы просили моего согласие на ухаживание за моим внуком, я дал его, не зная, что мальчик уже влюблен в другого. Как бы наша семья не нуждалась в деньгах, но никто из Кораззов не продаст родную кровь! Красивые дети рождаются только по любви. А я желаю красивых правнуков. Так что выбирать будет сам Вал…

И теперь, разглядывая постанывающих парней, бок о бок возлежавших на поспешно сдвинутых скамьях, старый вельможа понимал, что все это время был просто слепым дураком.

— Валиэль, ответь мне, — присел он возле более-менее пришедшего в себя парня, старательно не прикасаясь к так и манящей обнаженной руке барона. — Зачем ты дал мне надежду на свою любовь? И действительно ли ты любишь моего сына? Или просто решил променять старика на молодого наследника?

Вал оторвал взлохмаченную голову от сгиба руки и посмотрел на лорда Тарлита воспаленными глазами.

— Я уже говорил, — немного невнятно отозвался он, с трудом ворочая распухшим от яда языком. — Говорил… простите меня, если сможете. Глупо получилось. Я с самого начала желал вашего сына, а он внимания на меня не обращал… Вот я ничего более умного и не придумал, кроме как решив заставить его ревновать… Я не думал, что вы так мной увлечетесь.

— Увлекусь… — тенью прежней язвительной усмешки повторил лорд Тарлит. Было больно и неприятно чувствовать себя использованным. И кому другому старый вельможа, переживший в своей жизни немало предательства, не простил бы. Но Валиэль… Валиэля он не мог ненавидеть. Любовь к этому синеглазому шалопаю никуда не делась, одновременно и согревая, и раня сердце старого воина.

— Если бы ты хоть раз очутился в моей постели, — тяжело проговорил он, вглядываясь в любимые глаза цвета благородного сапфира, — я бы ни за что не поверил в твою любовь к Карлаэлю…

— Что?!.. — с болезненным стоном вскинулся распухший до неузнаваемости Кар, не обращая внимание на ругань скачущего вокруг него целителя. — Ты же говорил, что спал с моим отцом?!.. А на самом деле!..

— Ну, говорил, — смущенно буркнул Валиэль, виновато пряча глаза. — Очень уж хотелось тебя расшевелить! А потом просто забыл признаться… да и ты как-то на этом не заострял внимание. Знаешь, намного более ценно то, что ты, зная о моих прошлых грехах, принял меня всем сердцем…

— Это правда, — хмуро подтвердил лорд Тарлит, тоже старательно отводя взгляд от возмущенного сына. — Я хотел… но барон только дразнил, всячески увиливая от близости.

Единственный раз, когда мне удалось распустить руки… гм!.. это было, когда ты нас случайно застал вместе. Но, судя по сегодняшнему откровению, это тоже было частью спектакля, задуманного лордом Валиэлем. Ничего, кроме вольностей с одеждой не было. Как только ты исчез из поля зрения, твой друг тут же нашел способ ускользнуть от меня. Вот потому-то я и говорю, что между нами ничего не было, как бы я этого не желал… иначе бы разговор пошел по-другому. Я никогда бы не поверил в искренность ваших чувств, очутись ты хоть раз в моей постели. И даже так я с трудом могу заставить себя принять (но не понять!) столь жестокую шутку.

Оба голопопых дворянина покраснели до бурачного цвета. Даже целитель, связанный клятвой мага, что суетился вокруг них, светил алыми ушами, но продолжал делать свою работу, всем видом демонстрируя, что его тут нет и никогда не было.

— Вы хорошо скрывались, — продолжал Деззион-старший, переламывая собственные чувства. То, что он собирался сделать, было очень тяжело для него, но… неизбежно. — Кто-то при дворе вас все-таки вычислил. Кто-то, кто ненавидит кого-то из вас. Вернее, не так… Кто-то яростно не желает, чтобы вы были вместе. Я не уловил в письмах ненависти, лишь нежелание вашей близости.

Молодые люди, приподнявшись на локтях, с напряженным ожиданием смотрели на него — раз уж их сразу не убили… но чего ждать от судьбы в дальнейшем?!

— Мне прислали несколько сообщений, — пояснил отец Карлаэля. — Я не верил… но решил принять меры. Именно потому и надел на тебя пояс верности, сын. Кстати, как вы от него избавились?

— Пришлось постараться, — смущенно буркнул Кар. — Получилось не сразу…

— Понятно, — маркиз вынужден был подняться. Все-таки, несмотря на узнанную правду, близость обнаженного Валиэля продолжала на него действовать. Запах синеглазого искушения, пробивавшийся сквозь травяные настойки целителя, будоражил, поднимая в груди старого вельможи темную волну вожделения. — Но сегодня я получил новое письмо с сообщением о спрятанном в холле амулете, настроенном на меня. Именно потому я и застал вас врасплох.

— Амулет?.. — удивился Карлаэль: безобразная опухоль стремительно спадала с его тела. Сам Валиэль уже сидел на широкой скамье, прикрыв наготу чьим-то плащом. — Но я покупал его в присутствии многих и даже пошутил, что теперь всегда буду знать, когда ты вернешься домой…

— Понааяаааатно… — протянул старший маркиз, наливая себе вина. — А, учитывая скорость, с какими разлетаются слухи при дворе, концов мы не найдем. Позже я покажу вам письма… весьма безликие за исключением дорогой бумаги… но такой пользуется большинство придворных. Может, вы что найдете.

— Мы?.. — робко подал голос Валиэль. — Значит, вы позволите нам с Каром… видеться?

Старший из Деззионов со стуком поставил на стол так и не выпитый бокал.

— Я не только позволю вам видеться, — произнес он после долгого и весьма напряженного молчания (даже целитель застыл, держа на весу серебряный тазик с какой-то магической гадостью). — Я буду настаивать на вашем скорейшем браке. Вы уже достаточно повеселили столицу своими выходками. Да еще и меня в них втянули!

— Отец! — Подорвался со скамьи Карлаэль. И наверняка бы грохнулся, не подхвати его целитель. Сам же Валиэль сидел с обалделым лицом, на котором медленно расплывалась счастливейшая улыбка идиота, с успехом вытесняя прежнюю угрюмую растерянность.

— Я должен признаться, что любовь к тебе, Валиэль, никуда не делась, — с прорвавшейся тоской признался старый вельможа. — И больше всего на свете я бы желал нашего с тобой брака. Но… не судьба! Насильно мил не будешь. Это я тоже понимаю. Вы любите друг друга. А потому я даю согласие на ваш брак.

— Но с одним условием! — Предостерегающе вскинул он руку, прерывая сошедших с ума от радости парней. — Свадьба сегодня же и здесь, в малом храме нашего особняка. Вам надо как можно скорее узаконить ваши отношения из-за неведомого «доброжелателя»… и меня. Я… Боюсь передумать. Мой маг поможет связаться с семьей Коразз, чтобы они успели на свадьбу. Уверен, твой дед, Валиэль, не будет возражать — его требование выполнено, и ты выходишь замуж по любви. Это первое условие.

— Согласны! Мы, конечно же, согласны! — Буквально проорал Валиэль, изо всех сил вцепляясь в руку не менее его счастливого Карлаэля.

— Второе, — продолжал Деззион-старший, у которого на сердце невольно потеплело от столь яркого чувства благодарности, что он увидел в глазах сына и своего несостоявшегося жениха. Несомненно, эти двое любили друг друга, и это было самым главным. А ветреность… что ж, молодость дается только раз, пусть перебесятся. Для взвешенных решений время еще придет. — Вы оба останетесь в столице. Я уеду в поместье. Мне следует держаться подальше от тебя, Валиэль…

Коразз лишь понимающе кивнул.

— Может, тогда следует уехать именно нам? — Предложил он отцу. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— Близко время, когда ты станешь главой рода Деззионов, — пояснил лорд Тарлит сыну. — Ты должен быть на глазах у королевской семьи. К тому же, перипетии вашей свадьбы уже привлекли внимание двора. Потребуется время, чтобы все успокоилось, и никто не обвинил вас в трусости перед мнением света. И третье условие… выносить кокон должен будет Валиаль.

— Но… — начал было Кар. Однако отец прервал его решительным взмахом руки. — Валиэль ВХОДИТ в наш род, так в своем не является наследником. Именно ты, Кари, будешь в глазах света старшим мужем…

— Не стоит продолжать, — быстро перебил лорда Тарлита сияющий барон. — Я согласен! Какая разница, любимый, кто из нас родит ребенка, — обратился он к все еще пытавшемуся возразить Карлиэлю. — Главное, что мы будем вместе!

— Хорошо, — сдался тот. А его отец перевел взгляд на притихшего целителя.

— Вы сможете приготовить кокон к вечернему венчанию? — Спросил строго. Маг кивнул.

— Это несложно, — подал он голос, откашлявшись. — Но… лорду Валиэлю придется пройти ряд магических манипуляций…

— Я полностью здоров! — Тут же возмутился Вал. Но маг протестующе замахал руками.

mir-knigi.org

— Конечно, здоровы! — Торопливо согласился он. — Вы крепкий, прекрасно развитый молодой человек. Великолепно тренированный… Излишне, я бы сказал, тренированный. Об ваш пресс можно руку сломать! Сначала следует расслабить мышцы живота, иначе кокон будет развиваться с осложнениями. Вы ведь не задумывались, почему будущих младших никогда не тренируют как воинов?

Судя по опешившим лицам женихов — не задумывались.

— Ладно, — усмехнулся маг. — Это дело поправимое. За неделю справимся.

— Тогда приступайте, — прервал целителя старший из Деззионов. — Приведите моего сына и его будущего мужа в норму. Я же позабочусь о самой церемонии.

И вышел, чтобы только не видеть, как эти двое с сияющими лицами потянулись друг к другу.

«По крайней мере, у меня будут красивые внуки, — подумал лорд Тарлит, давя в себе опасную, словно трясина ревность. — Рожденные во взаимной любви…»

…День выдался на редкость ясным. И не скажешь, что уже середина осени. Впрочем, здесь, на юге, лето еще продолжалось. Замок, нагретый солнцем, щедро отдавал живущим в нем людям накопленное тепло. Камины и печи в залах и комнатах были закрыты декоративными ширмами, отдыхая до первых холодов, а все окна распахнуты, наполняя старую крепость ароматами собираемых в окрестных садах яблок. В отличие от своей соседки крепость Круглого Холма изначально строилась только людьми на вершине пологого холма, давшего ей свое незамысловатое название. Построена с умом, но без тех тайн, что пронизывали стены морской Цитадели. Во всяком случае, новый маг семьи Вороналей, взломав защиту прежних хозяев, обнаружил лишь несколько вполне обычных потайных ходов и хранилищ. Документы, найденные в тайниках покойного Ковура, позволили быстрее разобраться с обширным хозяйством лордства. При этом выяснилось, что некоторые ценные свитки пропали — видимо их успел забрать с собой бежавший из замка Сиорол. Суммы там были немалые. И существенно ударили по казне новых графов, если бы не семейная доля Баррэта, полученная им от Рэни, как нынешнего главы рода Вориндо, и приданое его со-мужей…

Сэриэль, удобно устроившись на мягком стуле за конторкой, отложил последние свитки. На широком подоконнике раскрытого окна шумно дрались воробьи, потроша отданную им булочку с ягодной начинкой. Издалека доносились звонкие голоса служанок, перебиравших вещи после прачки, и чуть горьковатый запах дальних костров, где сжигали опавшие листья…

С удовольствием потянувшись, молодой человек откинулся на высокую спинку стула и счастливо зажмурился.

Дом, милый дом…

А ведь он даже не мечтал о таком счастье. С самого детства его готовили в мужья Лотэ. Готовили быть младшим и подчиненным во всем старшему мужу и его семье. И Сэри должен был жить под присмотром новых родственников Сауналей. Вряд ли лорд Хирото, отец Лотэ, позволил бы зятю хоть что-то, выходящее за рамки принятого для младших мужей. А теперь у него свой собственный замок, где никто ему не указывает, как поступать. И сразу два любящих мужа, отдавших управление обширным хозяйством в руки Сэриэля.

Аккуратно сложив деловые бумаги в ларец, Сэри не смог удержаться от довольной улыбки: поместье работало как хорошо смазанный механизм. Они втроем пришлись ко двору

крестьянам Круглого Холма. А нововведения, предложенные Рэниари, оправдали себя сторицей. Бывшие крепостные, ставшие свободными арендаторами, как с цепи сорвались, обихаживая здешние земли! Доходы сразу подскочили как минимум на порядок по сравнению с теми, что получали прежние лорды. Урожай собран в полном объеме и обещал сытую зиму и возможность торговать излишками. В отличие от Цитадели Круглый Холм был богат равнинными землями, обеспечивающими новорожденное графство зерном и шерстью тонкорунных овец. А уж сыроделье, введенное новыми хозяевами, и вообще сулило заоблачную прибыль. Круглый Холм не только наполнил собственные закрома, но и обеспечил хлебом Цитадель, взамен получив дары моря. Пожалуй, стоит посоветовать отцам и лорду Сауналю освободить собственных крепостных.

Встав со стула, Сэриэль налил себе чашу только что отжатого сока из ягод дисса и с наслаждением глотнул кисло-сладкий напиток. Барра с самого утра не было дома — ушел порталом в Цитадель, присмотреть за тамошними управителями. Но к ужину старший муж обещал вернуться. Было бы здорово сесть за стол всем вместе.

Рука молодого человека непроизвольно опустилась на уже вполне себе выпуклый живот и нежно погладила его сквозь плотную ткань свободного платья. У кого другого четвертый месяц беременности не был бы так заметен, но на фигуре тоненького блондина покатый холмик живота заметно бросался в глаза, сразу выдавая его положение. Как и мечтательная улыбка Сэриэля, обращенная внутрь себя, она то и дело возникала на пухлых губах юноши.

Распахнувшаяся с грохотом дверь прервала медитацию юного графа, а влетевший в кабинет Лотэ заставил нахмуриться.

— Барр совсем с ума сошел?! — Рвал и метал со-муж, стремительно преодолевая расстояние до окна и с размаху плюхаясь в кресло напротив Сэриэля.

— Что случилось, Ло? — Мягко поинтересовался блондин, отставляя чашу с недопитым соком. Беременность тяжело давалось бывшему барону Сауналю. Воспитанный как старший, Лотэ так до конца и не принял свое новое положение, на которое пошел ради любимого человека. А наступившая беременность просто пугала своей неизвестностью. Бедняга Ло донимал Баррэта то необоснованной ревностью, то впадал в панику, боясь всего и сразу, то вдруг замыкался в себе, уверившись, что стал безразличен мужу. Слава богам, что Сэри знал причину такого поведения, и сумел все объяснить старшему, и тот принял выверты среднего супруга со стоическим терпением.

Но иногда и терпения не хватало…

Сэриэль уже смирился с тем, что после родов Ло вернется к привычному образу жизни и станет правой рукой Барра в вопросах укрепления обороны замка и охраны границ графства от нарушителей. А вот самому Сэриэлю придется заниматься воспитанием детей. И он мог только молиться, чтобы Лотэ с первого раза родил сына — будущего графа Синих камней — и не мучился по второму кругу. Все-таки воспитание значило многое — если уж с детства тебе не поменяли психику, то сейчас уже поздно.

— Что случилось на этот раз? — С терпеливой улыбкой обратился Сэри к со-мужу.

— ОН!.. Барр запретил мне садиться в седло, — словно маленький ребенок надулся здоровенный и мускулистый Лотэ. — Сказал, что я могу навредить ребенку. А ведь я в седле с ранних лет! Как думаешь, неужели я сам не определю нужную нагрузку?!

— Ло… — начал было Сэриэль, но неугомонный блондин уже вскочил на ноги.

— Мне свобода нужна! — Возмущенно взвыл он, бегая по кабинету. — В бумагах я бездарь! Меня этому просто не учили… А тренировать солдат гарнизона мне нельзя. Нельзя даже выехать с инспекцией из замка! А теперь еще и в седло не сесть! И ладно бы в боевое… но ведь, когда я приказал оседлать спокойного мерина, чтобы просто покататься по парку, мне отказали на основании, что это граф запретил!..

— Ло, успокойся, — Сэриэль попытался угомонить со-мужа. — Или ты желаешь нарушить прямой приказ старшего?

— А вот и нарушу! — Тут же вспыхнул брюнет, упрямо притопнув ногой и всколыхнув тоже свободные одежды, как и на Сэриэле. — Я хочу кататься! Ветра хочу в лицо!..

И, невзирая на попытки его задержать, решительно направился на выход.

— Куда это ты собрался, милый? — Весело уточнил Баррэт, когда открытая им дверь едва не хлопнула по лбу взъерошенного брюнета. — Я запретил тебе садиться в седло.

— Ты не посмеешь меня задержать!.. — разъяренно прошипел в лицо старшего мужа Ло, пытаясь протиснуться мимо вставшего скалой старшего Вороналя. Но тот лишь осторожно перехватил супруга за плечи, не пропуская мимо себя. За спиной графа расплылся в улыбке Кассин — личный маг Вороналей. Молодой, смешливый блондин с серо-зелеными глазами стал своим в семье владельцев крепости. Вот и сейчас он с пониманием отнесся к выходке Лотэ, которую давно уже ожидал.

— Непослушный мальчишка!.. — жарко выдохнул Баррэт, осторожно притискивая к себе вырывающегося супруга, и из-за его головы весело подмигнул встревоженному Сэриэлю. Свежий запах Лотэ с тонкими мускусными нотками возбуждения кружил мужчине голову почище старого вина. Но недовольный брюнет сумел вывернуться из объятий.

— Это кто тут мальчишка?! — Едва не заплакал Лотэ: его и самого не радовали такие перепады настроения, но поделать с собой брюнет ничего не мог. — Я давно уже не маленький мальчик! Я — воин! И, между прочим, твой законный супруг!!! Ну, скажи ему, Кассин! Мне ведь можно кататься? Я специально приказал оседлать старого мерина…

— Я уже повторял вам неоднократно, что ТАКИЕ прогулки только в моем присутствии, — успокаивающе улыбнулся среднему хозяину Касс. И серо-голубые глаза Лотэ тут же наполнились слезами, а сам брюнет жалостливо уткнулся в дорожный камзол Баррэта, пахнувший разогретой на солнце смолой и горьковатой солью океана.

— Ну, ну, — искорки смеха скользнули в глубине глаз Баррэта, и он ласково погладил вздрагивающие от плача плечи мужа. — Воины так себя не ведут.

И бережно обнял несчастного мальчишку, выводя его из кабинета.

— Я только что приехал, милый, — шепнул он на ушко Лотэ, одновременно многозначительно подмигивая улыбающемуся до ушей Сэриэлю. Блондин был рад радешенек, что их старший появился так вовремя. Только Баррэт мог одним своим присутствием прекратить истерики Ло. А все объяснялось очень просто. Старший из Вороналей как никто другой мог понять среднего мужа. Воспитанный в кодексе воина, Барр как-то поставил себя на место Лотэ и ужаснулся. Окажись он на его месте — вел бы себя намного хуже. А ведь Ло пошел на это только ради него.

— Ты меня разлюбил… я перестал тебе нравиться с этим животом… — громко шмыгал носом

Лотэ, пока супруг вел его в спальню по коридорам замка. Довольно жмурящийся от предвкушения Сэриэль топал позади, показывая из-за спины кулак ехидно ухмылявшемуся Кассину, что упорно тащился за ними. Попадающиеся по пути многочисленные слуги замка с понимающими улыбками провожали взглядами графскую чету, почтительно кланяясь.

— Поможешь мне переодеться? — Промурлыкал Барр среднему мужу, чуть ли не на руках занося того в услужливо распахнутую дверь спальни. Сэри проскользнул следом, закрыв дверь перед носом хихикающего Касса, который, убедившись, что здоровью Ло ничего не угрожает, отправился по своим делам. Молодой маг оказался отчаянным ловеласом и просто обожал кружить головы хорошеньким служаночкам и слугам замка, не упуская возможности подразнить своей попкой и здоровенных солдат гарнизона. Вот только никому из них так и не обломилось попользоваться столь привлекательной пятой точкой, в то время, как сам Кассин путешествовал из одной служанкиной постели в другую, нигде надолго не задерживаясь.

…А в спальне раздевание-переодевание и помывка Барра плавно перетекла на кровать, где разомлевшего брюнета ласкали уже в четыре руки и два языка, доказывая свою степень любви к нему. И млеющий от нежности Лотэ отдавал всего себя любимым, забывая о надуманных страхах.

Клубок из трех тел двигался в едином ритме: недолгих месяцев совместной жизни оказалось достаточно, чтобы слиться не только телами, но и сознанием, чувствуя друг друга как продолжение себя. Или это работала пресловутая связь Истинных супругов, о которой говорил жрец в храме? Ни Баррэта, ни его мужей это более не интересовало. Какая разница, что они трое не помнят о прошлых перерождениях — главное, что здесь и сейчас они вместе, и они счастливы…

Разомлевшие от разрядки, они лежали на сбитых простынях, благодарно лаская друг друга. Осоловевший от близости со своими мальчишками Барр довольно жмурился, а к нему с двух сторон прижимались довольные мужья, упираясь тугими животиками в бока мужчины. Руки всех троих лениво скользили по взмокшим от пота телам. И Ло, и Сэри счастливо и сыто вздыхали куда-то в подмышки старшего мужа, готового вот-вот задремать от приложенных усилий.

Внезапный грохот за дверью заставил их подскочить и припомнить ночь нападения на Цитадель.

— Баааарррррэээттт! — Одновременно с диким воплем крепкая дверь пушинкой слетела с петель, и в спальню с разозленным магом на плечах ввалился Эдмир.

Запнувшись о край ковра, принц-наследник кубарем полетел на пол, в последний момент сумев извернуться кошкой и упасть на пытающегося его задержать Касса. Полураздетый маг (вернее ПОЧТИ раздетый — в одних подштанниках!) зашипел от боли в ушибленной спине, но добычу не выпустил, вцепившись в Эдмира не хуже клеща.

— Я говорил НЕ МЕШАТЬ им!.. — расслышал Баррэт, нагишом, но с клинком в руках встречая неведомую опасность. Рядом встал такой же голый Лотэ, с пузом, но с мечом наперевес… смотревшийся довольно потешно, если бы не зверское выражение лица и горящие яростью ставшие белесыми глаза. Умница Сэри спрятался за кровать, не мешая своим защитникам.

— Тьфу! — Раздосадовано сплюнул Барр, разглядев, кого принесло в гости. — Долбанул бы его молнией, Касс!

— Не могу… — пропыхтел полураздавленный маг, выползая из-под злого как собака Эдмира. — На членов королевского рода частично переходит моя клятва вам!

— А жалаааль, — заключил старший Ворональ, опуская клинок, и легким шлепком по заднице отправляя Лотэ прочь. Фыркнув, средний граф, не утруждая себя одеванием, за руку вывел из спальни целомудренно завернувшегося в простыню Сэри, предоставив родственникам возможность поговорить.

— Касси, милый, — прищурив глаза, чуть ли не пропел Баррэт, рассматривая смущенно переминающегося с ноги на ногу раздетого мага. — Ты решил нас соблазнить своим телом. Признаю, ты очаровательная милашка, но не в моем вкусе.

— Гм… хозяин… — проблеял смущенный донельзя Кассин. — Я…

— Да понял я, — благодушно махнул рукой Барр, отсылая прочь красного как вареный лангуст парня. — Советую упорядочить свои постельные связи. А то из-за тебя скоро пол замка передерется. И если это все-таки случится, то я первым надеру тебе задницу, чтобы неповадно было так себя вести.

— Надеюсь, надерете мне задницу в хорошем смысле? — Томно протянул паршивец, дефилируя к выбитой двери, куда уже заглядывали перепуганные слуги вперемешку с набежавшими солдатами.

— В самом плохом! — Рявкнул разозленный непрошеным вниманием Ворональ, раздраженно бросая на постель меч. Но Кассин лишь ухмыльнулся из-за плеча.

— Оооо… думаю, что не буду против!

Ответный рык Баррэта мигом очистил спальню от любопытных.

— Весело у тебя тут, — с непонятной интонацией высказался Эдмир. Не будь Баррэт так разозлен, то мог бы сказать, что в голосе сводного братца прозвучала откровенная зависть. Но такого просто не могло быть!

— А тебя не учили вежливо стучаться, прежде чем входить? — Рявкнул он, упирая в бока сжатые кулаки и набычившись. И плевать ему было на свою обнаженку. — Чего приперся? Или… что-то случилось с Рэни?!

— С ним все в порядке… — чуть промедлив, ответил Эд. И его брат эту заминку уловил.

— Сейчас приду, — буркнул он, поворачиваясь к принцу голым задом. Эдмир невольно задержал взгляд на шикарных свежих засосах, победно рдеющих на крепких ягодицах графа. В душе шевельнулась тоска — такого у него с Рэни никогда не было. Может, давно надо было обратиться за советом к Баррэту. Судя по всему, у него-то в семье все хорошо…

Раздавшийся из-за соседней двери шумный плеск отвлек Эдмира от раздумий. Мотнув головой, принц-наследник повернулся к появившемуся подле него слуге.

— Мне приказано проводить вас в гостиную, — поклонился прислужник. — Лорд скоро присоединится к вам.

— …Вот так и обстоят у нас с Рэни дела, — тихо закончил Эдмир, сидя за столом напротив

хмурого брата. Наследник, направляясь телепортом в замок Вороналей, ожидал чего угодно — от банальнейшей драки до тут же поднятого мятежа. Но только не того, что ему с ходу набулькают чашу крепчайшего вина без какой-либо закуски и буквально прикажут рассказывать о наболевшем. Причем сидевший напротив Барр пил наравне с ним, почти не пьянея и не прерывая долгую исповедь Эдмира. Только хмурился все сильнее да не забывал подливать. И теперь, к концу разговора, на столе между братьями сгрудилось немало опустошенных кувшинов, среди которых сиротливо затерялся поднос с какой-то позабытой закусью, что притащили слуги. Лотэ и Сэри, заглянув в гостиную и убедившись, что смертоубийства не намечается, благоразумно оставили братьев одних. Однако, после выпитого и долгого рассказа у принца все-таки стал заплетаться язык, и здорово шумело в голове, но до настоящего опьянения было еще далеко. Но он уже сомневался, что сумеет крепко встать на ноги. Впрочем, Эдмир ни о чем не жалел — после вывернувшего всю душу рассказа, мужчине здорово полегчало. Словно, переложив на чужие плечи часть груза, он освободился сам.

— Ну, ты и… придурок, — тяжело произнес Баррэт, крепко стукнув своей чашей по столу. Эдмир лишь полупьяно качнул головой и потянулся за новым кувшином.

— Сам знаю, — печально отозвался он и налил, расплескав, новую порцию выпивки. Старое, благородной выдержки вино пилось как вода, оставляя после себя привкус солнца. — Вот только понял это лишь недавно…

— Надо было тебя выпороть еще раньше, — буркнул брат, махом опрокидывая в себя вино из чаши. — И не крапивой… Авось поумнел бы скорее. Даже не знаю, что тебе сказать… Рэни… он всегда был гордым и очень упрямым… а еще невероятно скрытным.

— А еч… еш… еще он рябенок… — язык Эдмира стал заплетаться, но мысли были на удивление четкими. Баррэт кивнул.

— Дошло, наконец! — Отозвался он. — Дети… они такие упертые! Как ты ему бушь докзывать лубофф… ннеее знаюю!

Ворональ тяжело покачал перед собой указательным пальцем. Затем подумал и сменил его на средний, сунув под нос уже почти косому принцу.

— Пнял?.. — зачем-то уточнил он. — Эт ты! Прибил бы идиота, да поздно уже. Надо вам как-то учиться жить вместе. А вот как?..

Эдмир неустойчиво качнулся на стуле, а затем лег широкой грудью на стол и потянулся к Вороналю. Керамические кувшинчики из-под вина со звоном раскатились по столешнице, а забытое блюдо с закусками шумно слетело на пол.

— Но ты… ик!.. ме… мне бррррат…ик!.. — пьяно выговорил Эд, с жуткой надеждой вглядываясь в не менее пьяного Баррэта. — Рэээни… он рос с тбой… Подскажи! Все для тябя сделаю, только помоги с мужем помириться! Вишь… ви…дишь, сам к тебе пришел…

Но Баррэт только пьяно мотал головой, тихо ругаясь под нос на идиотов, что сначала доводят мужей, а потом пытаются сделать все, чтобы прежние обиды забылись.

— Баааарр, — тоскливо продолжал тянуть принц-наследник, вцепившись в воротник брата обеими руками. — У тя ж все холо…хорошо! Как ты этого добился? Ну, скажжжи!..

— Идиот! — Зло прошипел Лотэ, беззастенчиво подслушивая под дверью. — Вот, значит, что у них с Рэни происходит! Я бы никогда не простил…

— Не мешай слушать, — буркнул Кассин, уже полностью одетый.

— Впервые вижу, чтобы Барр так напивался, — выдал ошеломленный Сэриэль, сунув нос в приоткрытую щель. — Он же всегда вино водой разбавлял!

— Ну, иногда бывают ситуации, что без выпивки не разрулишь, — философски отозвался Касс.

Их шубуршания за дверью ни принц, ни Ворональ не услышали.

— Рэ…ни… — по слогам старательно произнес Эдмир, укладываясь головой на стол. — Хочу его! Как…его…растормошить?

— Я бы тебе все яйки… яйца!.. оторвал за все выкрутасы… — протянул Баррэт, сминая в огромной ладони серебряную чашу. — Даже не ухаживал за ним…

— Ухаживал! — Возмущенно поднял голову принц-наследник. — Вецвы… цветы дарил… знаю, что он любит… И, ващщще! Тттты мня увважжаешь, брррат?..

— Неа! — Тут же отозвался Ворональ. Эдмир задумался.

— Но я же прынц! — Растерянно выдал он, наконец.

— А почему тогда такой придурок? — Задал встречный вопрос Баррэт. — Ты хоть раз ему отдавался? Или всегда был только сверху и только брал? Кстати… а ты хоть любишь его?

— Кнешно! — Мотнул головой наследник и едва не слетел со стула.

— Так скажи ему об этом!

— Не верит!

— Спой!

— У меня голоса нет, а на ухо кинрок наступил.

— Попробуй!

— Хорошо, — Эдмир резко вскочил со стула, но его повело в сторону. И его высочество едва не навернулся носом в пол. — Пшли!

— Куда?

— К Рэни!

— Зачем?

— Петь.

— Кто?

— Мы, — Эд вздернул-таки Баррэта на ноги и вместе с ним завалился на пол. — М****! Ты тяжелый!

— Моим нравится…

mir-knigi.org

— А мне не очень!

— А тебя и не спрашивают!

— Еще как спрашивают!

— Понятно… Рэни просто тяжело, вот он тебя и не хочет! — Глубокомысленно выдал Ворональ, выползая из-под сводного братца. — Ой, мама!..

— Где?! — В ужасе подскочил Эд, суматошно оглядываясь. Лежавший на спине Баррэт указал куда-то вверх. И вскинувший взгляд принц-наследник узрел на подаренном им же портрете покойную королеву. С такого ракурса, казалось, что Вэролия неодобрительно и печально смотрит на своих сыновей.

— Мама, мы уже все! — Дружным хором выдали пьяные обормоты и так же дружно поползли к дверям, чтобы отыскать ближайшую спальню. Но коварный сон сморил обоих на половине дороги.

— И что нам с этими пьянчугами делать, Ло? — с долей сарказма поинтересовался Сэриэль, присаживаясь на корточки рядом с похрапывающим старшим супругом. — Фу… Хоть сам закусывай!

— Может, протрезвить? — Предложил со-муж, рассматривая композицию из двух переплетенных тел.

— Я бы этого не делал, — хмыкнул Кассин, с помощью магии расплетая руки-ноги пьянчуг и левитируя наследника короны на выход. — Его высочество внизу ждет личный телепортист. Вот пусть и отправляется с ним во дворец. Боюсь, если принц протрезвеет, все пойдет по-новому. А то и подерутся… А графа просто отнесите в спальню. Пусть выспится.

— Во всяком случае, они, наконец-то, нашли общий язык, — вздохнул Сэриэль, вызывая слуг.

— Еще бы! — Хихикнул Лотэ. — После такого-то количества выпитого. Вот ведь сволочной принц! А я так рассчитывал на продолжение…

…Низкое небо плакало редким дождем, но настоящего ливня еще не было. За окном стояла непроглядная тьма, лишь кое-где мерцали редкие огоньки магической подсветки — ни единого лунного лучика не пробивалось сквозь плотную завесу туч. И вот пошел дождь. Нудный, осенний и тоскливый…

А у брата на юге еще так тепло…

Застывший у окна Эдмир невольно поморщился, вспоминая совместную пьянку. Ровно час назад протрезвивший принца Итарон в сердцах попытался было отчитать его за неподобающее поведение, но заткнулся, едва увидев глаза наследника. Его высочество ничего не сказал дяде, но и ни о чем не жалел. Он хотя бы начал воспринимать брата спокойно, без прежней ненависти. А ведь направлялся к нему Эдмир от полной безысходности. Их отношения с мужем окончательно зашли в тупик. И хотя целители все-таки разрешили супругам снова спать в одной постели, мужчина уже боялся лишний раз прикоснуться к молчаливому юноше, опасаясь навредить. Вот только желание-то никуда не делось. Иногда просто волком выть хотелось от полного неудовлетворения. Причем, в голову даже не закрадывалась мысль найти мужу хотя бы временную замену. Эдмир просто знал, что никто не сумеет ему заменить в

постели Рэни.

— Гроза будет… — прошептал в пустоту Эд. А затем прислонился лбом к холодному стеклу, выдыхая на него и вырисовывая на запотевшем участке замысловатый рисунок с инициалами своего мальчика. Нужно подарить ему то чудесное зеркало, что принц купил у ювелира.

Взмахом руки погасив магические светильники, Эдмир решительно покинул кабинет, неспешно направляясь в сторону их с Рэни покоев. Сейчас он тихонечко войдет в тихую спальню. Сам разденется, не вызывая слуг, чтобы не разбудить уже давно спящего мужа. Присядет на край постели, вглядываясь сквозь темноту, чтобы разглядеть очертание желанного тела… а потом так же молча уйдет в пустоту личной спальни, чтобы не тревожить любимого.

Порой заслужить прощение так сложно…

За окном начиналась последняя в этом году гроза…

…Напряженный, можно сказать — испуганный — Рэниари непонимающе смотрелся в призрачные глубины огромного зеркала.

Он отражался в стекле…

Но отражался неправильно!

Опять этот сон…

Его облик словно выцвел — золото волос обернулось лунным серебром, яркие зеленовато-синие глаза стали серо-голубыми. Сияющий загар исчез, сменившись на аристократическую бледность. Только черты лица остались прежними… столь же завораживающе прекрасными…

Тот, кто отражался в стекле, смотрел одновременно и обреченно и непримиримо. Гордость… неистовая, все сжигающая гордость!.. тлела в глубине загнанных глаз. Губы упрямо сжаты в тонкую нитку. А на запястьях обнаженных до самых плеч рук лениво струился, переплетаясь и меняясь, сияющий сложный узор, то пропадая, то возникая вновь, а то и прорываясь кровавыми потеками…

Руки у Рэниари горели словно в огне. И пошевелить ими он не мог… не мог прервать пытку, как ни старался.

Юноша рвался из невидимого плена, беззвучно кричал, кого-то умоляя себя спасти… и вдруг разглядел на шее отражения с сухим щелчком сомкнувшийся рабский ошейник.

Роскошное сплетение золотых и серебряных нитей, щедро украшенное топазами и бриллиантами…

Откуда он знал, что это именно ошейник раба, а не простое украшение?!

Горло сдавило как от удавки, резанув по тонкой коже, тут же украсившейся кровавой бахромой.

И Рэни закричал! Долго, отчаянно, всеми силам стремясь уйти от внезапного ужаса непонимания…

mir-knigi.org

— Тише! Тише, мой хороший!.. — чьи-то сильные руки вырвали юношу из кошмара и прижали к широкой груди. — Все уже прошло… Я рядом… не бойся! Никому тебя не отдам!

Вздрагивая всем телом, Рэни с облегчением приник к мускулистому плечу, вздыхая знакомый запах мужа.

Эдмир здесь?

Но руки принца-наследника терпеливо гладили волосы Искры, укачивали в объятиях, давая возможность забыться.

Наконец, Рэниари пришел в себя настолько, что сумел отстраниться, прямо сев среди одеял.

За окнами вовсю гремела гроза, и по разноцветным стеклам витражей катились целые потоки воды. В углу постели из своей корзинки светил желтыми глазами Черныш, даже не делая попытки напасть на сидевшего рядом с хозяином нелюбимого им принца-наследника.

— Ты боишься грозы? — Осторожно спросил Эд, с великой неохотой выпуская из объятий мужа.

— Нет, — раздосадовано буркнул Рэни. Не признаваться же, что он просто отвык спать в одиночестве. — Просто сон…

— Понятно, — отозвался супруг и все-таки притянул Искру к себе, с упоением зарываясь носом в встрепанные волосы Рэни.

— Эд… — выдохнул консорт, решившись. — Не уходи…

Эдмир замер, не веря услышанному. И осторожно отстранил от себя мужа, заглядывая в его белеющее в темноте лицо.

— Ты хочешь… чтобы я остался? — Недосказанность так и повисла в воздухе. Рэниари молчал. Он и так вновь сломал свою гордость, попросив о близости. Если Эдмир начнет по своему обыкновению пыжиться от самодовольства, то Рэни окончательно пошлет мужа по определенному адресу, навсегда забыв о своих чувствах к принцу.

Но супруг лишь молча скользнул к нему в постель, крепко обняв. То, что творилось на душе у Эда было сложно описать словами. Он так привык видеть мужа сильным, что просто забыл о его возрасте. А ведь Рэни только семнадцать. Да, Эдмиру не раз говорили о возрасте Искры… вот только сам юноша никому не давал увидеть в себе отчаянно неуверенного подростка.

— Не бросай меня… Никогда не бросай! Не уходи! — Сумасшедшее шептал Эд, жадно покрывая поцелуями лицо и плечи мужа. Зарываясь пальцами в чуть потрескивающие от свежести грозы шелковистые волны волос.

— Хочешь, возьми сам, только не бросай! И не мучай своей холодностью!.. — Обезумевшему от страсти Эдмиру было уже все равно. И он, извернувшись, встал на четвереньки, щедро предлагая мужу себя.

Рэниари в некотором ступоре смотрел на представшее перед его глазами зрелище.

Ну, что можно сказать? Красивая задница, если не заострять внимание на ее размерах. Накаченная, мускулистая и даже на вид твердая… Как ее ласкать, раздвигать две светлые

половинки, выглядевшие обкатанными булыжниками, юноша не представлял. Как-то младших не обучали такой науке.

Но чего уж скрывать — отчаянно хотелось попробовать! Каково это — быть сверху?

Юный консорт нерешительно положил ладони на замершие половинки, слегка их раскрывая и обнажая темную, глубокую щель с трогательно розовым, сморщенным колечком ануса, на который очень удачно падал свет единственного ночника. И замер, нависая над старшим супругом, не решаясь на дальнейшее.

Эдмир же горел. Впервые он не брал, а подчинялся кому-то. Нет, не кому-то — ЛЮБИМОМУ. Скрестив перед собой руки и положил на них подбородок, наследник чутко принимал трепет нерешительных ладоней мужа, его прерывистое дыхание у себя за спиной. И как-то даже забыл от вдруг накатившей нежности, что вообще-то тугую дырку принято разрабатывать и предварительно смазывать маслом. Впрочем, от Рэниари он готов был принять даже боль. Но юноша вдруг завозился и резко отстранился от него.

— Опять играешь? — Настороженно блеснул в полумраке глазами, и тревожно заглядывая в лицо старшего мужа. — Зачем тебе это?

— Хочу тебя до одури, — честно признался Эдмир, мягко улыбаясь: в паху все горело и каменело. — А навредить боюсь.

— Но целители… — начал было Рэни как-то растеряно. Но перевернувшийся на спину мужчина нежно привлек юношу к своей груди, ощущая неровный стук его сердца.

— Я слишком тебя хочу, — повторил он, целуя Рэниари в высокую скулу. — Слишком… Боюсь не сдержаться. Так что придется тебе побыть сверху. Какая разница, где быть, если любишь.

И Рэниари замер.

Стук его сердца превратился в бешеный галоп — Эдмир даже на миг испугался. Но тут юноша мягко отстранился от него и сел на колени между разведенных ног принца-наследника.

Его руки нежно легли на бедра мужа, еще больше разводя их в стороны. И Рэни наклонился, мимолетно целуя своего старшего в самый кончик качнувшегося члена, губами собирая капельки смазки. Эдмира же внезапное наслаждение заставило подкинуть вверх бедра. Он застонал и вцепился в волосы мужа, мигом поняв, что тот собирается делать.

— Нет… — прошептал он, задыхаясь. — Я очень этого хочу… Но сегодня… ВОЗЬМИ!

— Хорошо… — тихий шепот супруга как бальзам на открытые раны сердца. — Лишь бы ты потом не пожалел…

— Не пожалею! — Эд перевернулся, вновь становясь в коленно-локтевую позицию.

…Боги мои! Хорошо-то как!

Твои волосы скользят по моей коже, даря изысканную ласку! Твои руки сами знают, что им делать. А боль… Да какая это боль! Так, легкий дискомфорт, когда любимые пальцы, растянув, начинают гладить тебя изнутри, мимолетно касаясь нужного местечка! Да тут голова идет кругом от чувства ПРИНАДЛЕЖНОСТИ тому, кого так страстно желаешь!

mir-knigi.org

Боги мои, только не останавливайся!

И Эдмир, подчиняясь неконтролируемому возбуждению, сильно прогнулся в пояснице, впуская в себя горячую плоть. Разума в этот миг у принца-наследника больше не осталось. Только инстинкты…

Сам Рэниари чувствовал сильное волнение, одновременно и страшась, и отчаянно желая взять мужа. Как-то даже в голову не приходило причинить Эдмиру боль, отомстив за прежние мучения. Наоборот, сердце переполнялось нежностью пополам с тоской. А потом они исчезли, оставив одно лишь нарастающее желание, когда напряженный член юноши стал медленно погружаться в жаркую тесноту. Даже предварительная растяжка и обилие смазки с трудом помогало проникновению.

Но накатившие ощущения были непередаваемыми!

То, что юноша испытывал раньше, не шло и в сравнение с тем, что он испытал СЕЙЧАС. Даже ласки ртом и рукой не могли сравниться с туго обхватившим его пульсирующим, равномерным жаром. Внутри Эда оказалось так хорошо, что перед глазами темнело. И мгновенно потерявший над собой контроль Рэниари судорожно дернулся, желая лишь одного — резко и часто вбиваться в горячее тело под собой!.. преодолевать сопротивление мышц, сжимающих его!.. вколачиваться, сходя с ума от все нарастающих спазмов!.. чувствуя, как поджимаются яйца!.. как по спине вниз, к паху, катится огненная волна желания!.. и сама кожа горит!.. а ты кричишь, изливаясь в разработанную тобой же глубину, содрогаясь от сладких судорог вместе с тем, кого только что брал…

Рэниари распахнул глаза.

Он лежал на спине тяжело дышавшего мужа, мокрой от крупных капель пота. И сам был мокрым как выкупанная мышь. Казалась, вся спальня пропахла запахом их совместного безумия.

Ах, да… он же не задействовал амулет очистки, лениво подумал Рэниари, с трудом сползая с широкой спины супруга. Вялый член юноши выскользнул из задницы Эда, и при свете ночника жемчужно замерцала струйка спермы, показавшаяся из ануса принца-наследника. Это зрелище словно притянуло к себе завороженный взгляд Искры. И Рэни замер, а потом с какой-то нежностью осторожно погладил мужа по прогибу поясницы, кончиками пальцев очерчивая трогательные ямочки у начала ягодиц.

Мыслей не было.

Ни одной.

Только тихая благодарность и бесконечная усталость после перенесенного оргазма…

И потому юноша даже не вздрогнул, когда как-то вдруг резко извернувшийся Эдмир сграбастал его в объятия. Только молча смотрел в переполненные эмоциями серые глаза старшего мужа, сам не зная, чего ждать в ответ на свою выходку.

Но был только долгий, нежный поцелуй, после которого они так и уснули, даже забыв вымыться.

Книга 2. Один шаг к возрождению чувств

Глава 1

— …На этом все, — закончил Рэниари, отпуская из своего кабинета многочисленных дворцовых чиновников. Мужчины и женщины, вставая, почтительно кланялись консорту, за последние месяцы твердо взявшему в свои руки управление не только дворцом, но и столичным хозяйством. Самым большим достижением Рэни было добиться, чтобы все службы работали согласованно, не дергая его по мелочам. Правда сейчас новая управляющая парадными залами дворца пыталась что-то сказать, но товарка по Западному крылу ее вовремя прервала. В отличие от своей более молодой и неопытной подруги, старая мымра успела уяснить одну истину — его высочество Рэниари не терпит подле себя бездарей. Отвечаешь за свою сферу, вот и отвечай. А не лезь к тому, кто осуществляет общее руководство.

Проводив взглядом утянувшихся за двери управителей, Рэниари несколько неуклюже поднялся из покойного кресла и пересел на широкий подоконник, устланный теплыми ковриками и буквально засыпанный мягкими подушками. Сам подоконник был достаточно обширен, чтобы на нем можно было удобно вытянуть ноги, устроившись полулежа, и дать отдых высокому куполу живота.

Подходил к концу восьмой месяц беременности. Зима шла на излом, не за горами наступление весны, когда ему придет время привести в мир своего ребенка. Лотэ и Сэри уже готовились это сделать. Последние сеансы магической связи с Круглым Холмом превратились в бесконечные беседы об этом событии. Бедняга Баррэт держался из последних сил, вынося на своих плечах сразу две беременности: если вначале истерил только Ло, то под конец и Сэриэля одолели разнообразные страхи.

Рэниари очень хотел быть там, на юге, вместе со своей семьей. Но понимал, что его никто не отпустит, потому лично просил Итарона отправить Вороналям лучшего целителя королевства, напирая на то, что самому ему еще почти месяц до родов. И король, и муж, и Верховный маг были против, опасаясь за него, но под напором юноши согласились. Тем более, что последний срок Рэни носил на удивление хорошо.

Далеко позади остались тяжелые месяцы, когда настроение Рэниари менялось, словно капризная погода. Когда вкусы консорта в еде ставили в ступор дворцовых поваров и придворных. Когда сам юноша ничего не хотел, или хотел слишком многого. И Рэни был по-настоящему благодарен мужу, что терпеливо сносил все его выверты. Пожалуй, именно эти последние месяцы сделали их довольно близкими друг другу.

Рэни невольно улыбнулся, вспомнив весьма примечательный случай. Это когда он однажды ночью утащил в постель блюдо с потрясающе вкусными маринованными каракатицами: лень было есть за столом. А вот валяться на мягких перинах, наглаживая млеющего от такого внимания Черныша и таская крошечной вилочкой тающие во рту кусочки… ммм!..

В результате Рэниари так и заснул, позабыв про блюдо. И Эдмир, потихоньку прокравшийся к нему в постель, очень удачно лег как раз на холодное серебро с мокрыми каракатицами.

Уткнувшись носом в высокий купол живота, юноша тихо рассмеялся, вспоминая, насколько ошарашенным было лицо мужа, подскочившего вертикально вверх из положения лежа!

Надо отдать должное принцу-наследнику, он с юмором отнесся к происшествию… когда перестал материться и размахивать клинком, разыскивая гипотетических врагов. Правда, после этого в спальне пришлось менять балдахин, порубленный Эдмиром, но это такие мелочи по сравнению с возможностью просто посмеяться.

Недоверчивость, обида, даже в какой-то мере злость консорта на супруга никуда не делись, но… можно сказать, что почти заснули. Эд и Рэниари мало разговаривали между собой, общаясь лишь по делу. Но юный Искра уже привык засыпать в объятиях мужа, не думая ни о чем и не видя страшных снов. Близость у них случалась регулярно, и во время ее Эд был невыносимо нежен. Подчас юноше хотелось даже некоторой грубости, но муж продолжал его изводить долгими ласками и осторожным проникновением. До того, как живот стал мешать, Рэниари довольно часто сам брал Эдмира. К его так и не прошедшему изумлению (ну, не принято было, чтобы старшие ложились под младших!), супруг отдавался явно не по обязанности, всякий раз бурно кончая. Правда ревность принца-наследника никуда не делась. Но у него хватало ума прилюдно ее не демонстрировать. И, тем более, не закатывать сцен беременному мужу.

Так что жизнь потихоньку налаживалась. Можно сказать, что у Рэниари было все, о чем только можно мечтать. Даже власть: муж его ни в чем не ограничивал, засыпая подарками и не вмешиваясь в управление дворцом. Вот только юноше все больше и больше казалось, что все его достижения лишь мираж — дунь и развеется по ветру. Все чаще приходило осознание, что он упустил свое настоящее счастье. И еще… несмотря на общее внешнее благополучие, Рэни слабел. Медленно, но неотвратимо. Целители сбились с ног, пытаясь разобраться в причинах. Но ничего не менялось. При нормально развивающемся коконе, аура самого консорта постепенно истощалась. И теперь, к концу зимы, напоминала тончайшее, невероятно прихотливое кружево… уже не столь яркое, как в начале лета. Сам Рэни лишь изредка чувствовал упадок сил. Но редкие головокружения быстро проходили, не оставляя после себя каких-либо последствий. Судя по всему, это пролетали первые ласточки будущих неурядиц.

Нет, Рэниари давно знал, что его жизнь как Искры будет очень короткой.

Искры долго не живут…

Он это знал и успел смириться с неизбежным злом. Главное, что жизнь дорогих ему людей была устроена, а сам он побеспокоился о Цитадели и еще успеет подержать на руках своего ребенка, а то и двух… Нет, Рэни не был героем и боялся подступающей смерти. Немудрено — умереть в столь раннем возрасте! Кто станет желать подобного добровольно? Иногда такая тоска брала, что хоть волком вой. Но если ничего нельзя изменить, то стоит принять свою судьбу и просто жить дальше. Тем более, что лучшие маги королевства пытались ему помочь. А надежда всегда умирает последней…

И потому он первый воспротивился, когда целители стали вновь настаивать на запрете близости с Эдмиром. Вот еще глупость! Раз уж ему суждена короткая жизнь, так стоит прожит ее в свое удовольствие. К тому же в руках Эдмира он словно рождался заново, отдавая и беря по полной. Юноша и сам не знал, что чувствует к мужу. Любовь? Вряд ли. Он помнил то обжигающее чувство своей первой влюбленности — ничего подобного ей не было. Но были благодарность и тепло, смешанные с непонятной печалью… даже сожалением о несбывшемся. Ему нужна была связь с мужем, и он не собирался от нее отказываться. И так им отпущено мало времени. Да еще скоро наступит срок, когда его, как носящего кокон, запрут во внутренних покоях дворца, дабы подготовить к родам. Хотя теперь мало кто так поступал — например, Барр своих мужей не ограничивал — но в случае с Рэниари все целители встали на дыбы, требуя соблюдения буквы закона.

Единственное, чего юноша смог добиться, что его изоляция продлится только месяц, вместо принятых двух. Эдмиру же в этот период и вовсе грозил строгий целибат, что не могло слишком уж радовать старшего из принцев…

Встав с подоконника, Рэниари прошел в свою спальню. Молчаливый слуга накинул на его плечи меховой плащ и с поклоном распахнул перед консортом двери на заснеженную садовую террасу.

Вот еще одно чудо севера, к которому Рэни никак не мог привыкнуть — снег.

Не то мокрое, кратковременное недоразумение, что случалось на родном юге. А настоящая пушистая сказка, ласковая, искристая и сухая.

Рэниари словно завороженный подставил узкую ладошку под мягкие крупные хлопья, медленно опускавшиеся с низкого неба. Темные деревья и фонтанчики вокруг юноши едва проглядывали из-под роскошных сугробов: принц-консорт запретил прислуге выгребать прочь рассыпающееся богатство. Потому-то в садике расчищали только дорожки и крошечные площадки у скамей.

Город внизу, укрытый белым пологом, был таким игрушечным и чистым, что хотелось беспричинно смеяться. Солнца, скрытого светло-серыми тучами, видно не было, но все равно остроконечные крыши и высокие башни искрились от инея, даря ощущение вечного праздника. И юноша стоял, погрузившись в окружающее великолепие, на краткий миг позабыв обо всех бедах.

Ажурные снежинки лениво таяли в его горячей ладони, скапливаясь в прозрачную водную лужицу. Легкий ветерок играл с опушкой воротника, заставляя загадочно мерцать богатых соболей. Здесь, на севере, плащи шились из приятного на ощупь и почти невесомого меха — алого, темного, золотого, белого. Не то, что в родной Цитадели, где приходилось носить тяжелую зимнюю одежду из кожи, подбитой таким же тяжелым мехом морского зверя, чтобы не промокнуть.

А еще здесь не было гололеда, столь присущего югу…

Рэни неторопливо пошел по круговой аллее, наслаждаясь свежим воздухом и поскрипывающим под ногами снегом. Ему рассказывали, что в городе любимым развлечением жителей было катание на санках с многочисленных горок. Жаль, что ему такое не светит.

Взметнув снежную пыль, из-за поворота вылетел взбудораженный прогулкой Черныш, изо всех сил балансируя отросшими крыльями. Но не сумел удержаться и с коротким взмявом кубарем покатился под ноги хозяина, воткнувшись мордочкой в сугроб на обочине дорожки.

Рассмеявшись, юноша неуклюже наклонился, помогая любимцу выкарабкиваться из снега. Значительно подросший котенок более ничем не напоминал прежнего уродца. Теперь Черныш, откормленный и заласканный, сравнялся в росте с некрупной собакой. Черная, волосок к волоску шерсть блестела, на узкой мордочке топорщились роскошные белые усы, и сверкали умилительно-нахальные золотые глаза. Особой гордостью маго-кота были его крылья, по форме напоминавшие драконьи. Их мелкая плотная чешуя казались отлитой из черного серебра. Вот только летать Черныш пока что боялся, максимум планировал. Но и этого шкодливому коту хватало для его шалостей.

Отряхнув и нагладив обиженную падением животинку, Рэниари усмехнулся. Ну, не очаровашка ли? И чего его так боятся слуги и придворные? Конечно, Черныш ревнует хозяина ко всем подряд. Но котенок он воспитанный и не кидается точить когти или пробовать клыки на не понравившемся объекте. Только с Эдмиром у них не сложились отношения. Муж откровенно недолюбливал кота, а тот ему платил тем же. При любой встрече долго шипели друг на друга.

Особенно мужчину выводило из себя желание котенка спать в их общей постели. Видимо не нравилось, когда по утрам кусают за голые пальцы ног. Эдмир даже приноровился спать, закутавшись в одеяла, хотя раньше никогда их не жаловал, но Черныш все равно находил возможность выразить свою нелюбовь принцу-наследнику. В конце концов, Эд потребовал, чтобы кот больше не ночевал в их спальне. Достаточно и того, что и так ошивается целыми днями подле его мужа, пугая придворных.

Посмеиваясь, Рэниари невольно принялся вспоминать шалости любимца. В самом начале Черныш, попав в любящие руки, просто отмякал душой, не вылезая из отведенной ему корзинки. А потом стал шкодить во дворце. Особому вниманию крылатого разбойника подверглась кухня: в первый месяц жизни кот ел все, что попадалось ему на глаза. Юноша даже всерьез опасался за его желудок. Апофеозом кошачьего обжорства стал памятный семейный завтрак, когда в поданном королю блюде под серебряной крышкой вместо нежнейших перепелок обнаружился кверху пузом объевшийся до икоты Черныш. Каким образом он попал под тяжелую крышку, до сих пор оставалось загадкой. Хорошо хоть Сорондо воспринял потерю завтрака с юмором, в отличие от своих разгневанных сестер. Из них только Исса хохотала, с тех пор всякий раз норовя побаловать котенка вкусненьким. Да Айрэ улыбался. Остальные были не в восторге.

Слава богам, вскоре Черныш перебесился и успокоился. Но все равно после обожаемого хозяина особо выделял Сорондо, Иссу и Айрэ. А вот старших теток наследника, Лаурэ и Эстель, недолюбливал. Как и их племянника.

Темная, широкоплечая фигура Эдмира показалась из-за поворота.

Углядев гуляющего супруга, принц-наследник на миг замер и быстро подошел к нему, заключая в объятия. Полы плаща Эда теплым коконом сомкнулись вокруг Рэниари, отсекая от легкого морозца. А руки в меховых рукавицах нежно погладили юношу по груди.

Вздохнув, Рэни прикрыл глаза и позволил себе раствориться в незамысловатой ласке, почти веря в искренность чувств Эда.

— Не устал?.. — прошептал ему на ушко принц-наследник, сбрасывая рукавицы и пытаясь забраться руками под камзол юноши в попытках погладить обнаженный живот: эта часть тела Рэни стала настоящим фетишем для Эдмира. Супруг откровенно балдел, подолгу приникая к высокому куполу, где спал их ребенок. Во всяком случае, за своего будущего сына Рэниари был спокоен — его будут любить, когда самого юноши уже не станет.

— Застудишь… — произнес он, чуть отодвигаясь. Но ладони Эдмира были на удивление теплыми.

— Я их согрел… — шепнул муж, мимолетно целуя Рэниари в краешек губ, и вновь замер, лаская руками тугой живот младшего.

— И вот что ты там всякий раз пытаешься нащупать? — Ворчливо отозвался Рэни, вновь испытывая ставшее уже столь привычным смущение. — Я ведь не женщина, а кокон во мне… это кокон. Невозможно услышать ни дыхания, ни уловить толчков. Лучше иди к магам, они тебе покажут полную проекцию…

— Проекция это все не то… — бормотнул супруг, блаженно замирая. — А вот так касаться!..

Они постояли еще немного. Но потом Эдмир с огромной неохотой отлип от мужа и, поправив на нем плащ, взял за руку.

— Пора обедать. — Сказал он, ведя супруга к покоям. Рэни не сопротивлялся: после прогулки его аппетит разыгрался. И сейчас он с удовольствием закусил бы разносолами дворцового повара. Вот только после трапезы планировался бал… а с животом не потанцуешь. Да и без живота тоже, учитывая постоянную ревность Эдмира. Хотя муж ему более не досаждал, но до Искры доходили слухи, как именно пострадали те, кто осмеливался демонстрировать ему свое внимание. Ссылка из столицы была самым меньшим злом…

А Эдмир, идя рядом с юношей, неодобрительно косился в сторону независимо шагавшего рядом кота. Вот каким образом эта зверюга, которой не то что придворные, а даже бешеные волкодавы на псарне боятся словно мокрозадые щенки, так мило умудряется себя вести в присутствии мужа?! Рэни ведь до сих пор не подозревает, что за тварь ластится к нему, изображая очаровательную зверушку. И знай Эд правду с самого начала, ни за что бы ни позволил держать эту магическую гадость. Но когда узнал, было уже поздно — Рэниари привязался к котенку. Да и Итарон уверял, что для зверюги муж единственный свет в окошке. И запечатленный на Рэниари Черныш будет защищать юношу ценой своей жизни.

Передавая Искру прислуге, Эдмир невольно передернулся, вспоминая, как совсем недавно маго-кот очутился в служебном дворике, куда только что вернувшиеся охотники приволокли пойманную живьем серебристую виверну. Умная и обреченная на смерть тварь каким-то чудом вырвалась из пут и решила дорого продать свою жизнь. Когда вызванный Лораном принц-наследник появился на галерее дворика, виверна стояла за истекающей кровью баррикадой из тел элитных волкодавов, защищавших ее от стрел и копий. А парочка не слишком удачливых охотников стонала неподалеку, зажимая окровавленные животы, куда угодил шипованый хвост твари.

Эдмир только-только собирался приказать тащить щиты и крючья, как на верху стены появился прогуливающийся Черныш. С минуту котенок с интересом рассматривал суматоху в дворике. А потом… никто ничего так и не понял. Все свидетели увидели лишь черно-серебряный вихрь, и в следующий миг Черныш спокойно восседал на безнадежно дохлой виверне, безмятежно вылизывая заднюю лапку и демонстрируя прибалдевшему Эдмиру уже знакомое розовое очко под своим хвостом.

Ладно, пусть будет с мужем, вздохнул про себя принц-наследник, наблюдая, как гордо помахивая крыльями, Черныш направляется вслед за Рэниари в ванную комнату. Вот и еще одна ненормальность — какая кошка в здравом уме добровольно полезет в воду?! Это же недоразумение не просто любило купаться, а обожало до самозабвения!

Оставив любимого, принц-наследник поспешил в свои покои, чтобы тоже переодеться. Сегодня вечером бал в ознаменование начала весны — хотя по погоде и не скажешь. Как стоял бодрящий морозец, так и не думает никуда уходить. Но традиция есть традиция.

Эдмир уже предвкушал, как просидит весь вечер рядом с Рэниари, держа того за руку и млея от окутывающей тело нежной энергии Искры. Хорошо, что поздний срок мешает юноше танцевать — можно будет не волноваться, что какая-нибудь похотливая сволочь прижмется к нему слишком близко!..

Ожидая, когда слуги закончат вокруг свое мельтешение, Эдмир вспоминал недавний разговор с отцом. Надо отметить — весьма неприятный разговор. Сорондо впервые так прямо говорил о своей близкой смерти. Наследнику это не нравилось, злило, но в то же время он понимал, что от правды никуда не денешься. Как-то вдруг стало до жути страшно очутиться в огромном мире без отца… без его поддержки, любви и совета.

Сам король лишь посмеивался и не мог нарадоваться на примирившихся детей. Старика грело даже такое, временное, улучшение ситуации, давая надежду на полное примирение в будущем. А еще Сорондо радовало сближение сына со сводным братом. Не сказать, что Эд с Баррэтом стали очень уж закадычными друзьями, но хотя бы могли разговаривать не сквозь зубы: все-таки совместная попойка сближает. И притом принц-наследник твердо знал, что с этого направления ему не ударят в спину. Пару раз Баррэт даже отсиживался у них с Рэниари, когда беременные мужья начинали ревновать его ко всему, что движется. А еще брат был одним из немногих, кому Эд мог доверить свое сокровище, не сгорая от ревности, что мужа кто-то уведет.

Рэни…

Его прекрасная, яркая Искра!

За месяцы совместной жизни Эдмир сумел достаточно узнать супруга, чтобы не только восхищаться его красотой и стойкостью, но и начать по-настоящему уважать, как своего соправителя. Рэниари стал не только достойным супругом будущего короля. Он стал продолжением мужчины, его правой рукой… и частью его сердца… души… самой жизни!

Но иногда наследнику становилось так тяжело…

Вроде внешне все хорошо — наконец-то муж улыбается, не хмурит брови, а в постели отдается так, что самому небу жарко!

Так почему же иногда ночами накатывало такое, что просто выть хотелось от беспричинной тоски и безысходности?! Может, от того, что Рэниари все еще находился где-то там… далеко… за прозрачной хрустальной стеной, куда не было хода мужчине.

И стена эта не торопилась рушиться. Хорошо хоть дала первую, едва заметную трещину.

Да еще отец со своими разговорами…

— …Ваше высочество… — слуги склонились в глубоких поклонах. И принц-наследник очнулся, мельком взглянув на себя в зеркало.

Он был полностью готов и как всегда великолепен.

Все-таки они с Рэни прекрасная пара.

Отмахнувшись от лакеев, Эд взял по мышку поданный ему ларец и направился к мужу. Но натолкнулся в гостиной на полулежавшего в мягком кресле Лорана. Герцог почти дремал, лишь недавно вернувшись с инспекцией из казарм: стосковавшийся по походам наследник никому не давал почивать на лаврах, гоняя своих армейцев в хвост и гриву. Последней разгромной ревизии подверглись гвардейцы столичного гарнизона. И Вэон должен был проследить — все ли огрехи исправлены.

— Вот на кой я тебе на этом балу? — Пробормотал герцог, сладко потягиваясь. — Отчет по ревизии на твоем столе…

— Не ной, — благодушно отозвался Эд. — Может, наконец, встретишь девушку своей мечты.

— А если я больше по парням?.. — невнятно поинтересовался Лоран, едва не вывихивая

челюсть в смачном зевке. Принц лишь понимающе хмыкнул.

— Ну, или по парням, — согласился он. — Пора и тебе остепениться. Вон, Кар с Валиэлем уже давно живут дружной семьей. Вал даже пузо себе отрастил. Только вы с Эльмараном все холостяками бегаете.

— Ну, и побегаем еще, — фыркнул Лоран, вытягивая длинные ноги, выгодно подчеркнутые обтянувшими их узкими лосинами, входившими при дворе в моду. — Что это у тебя там?..

— А ты как думаешь? — Буркнул Эдмир, поудобнее перехватывая ларец под мышкой.

— Нууу… судя по тому, что ты его даже слугам не доверил… подарок супругу? — Мягко поинтересовался Лоран, разглядывая наследника внимательными карими глазами. — Мысль, что ты завел себе фаворита, из раздела нереальных!

Теперь настал черед фыркать Эдмиру.

Демонстративно повернувшись передом к нужным дверям… а к Лорану, соответственно, задом… его высочество решительно пошел на штурм любимой твердыни.

— Ну, наконец-то начал думать мозгами, — одобрительно прокомментировал действия наследника Вэон. — Нет, чтобы именно с этого начать! Но… лучше поздно, чем никогда!

— Просто он влюбился, — тихо ответил незаметно появившийся в гостиной Валиэль, отныне и навсегда третий маркиз Деззион. Герцогу до сих пор было непривычно видеть шалопаистого приятеля в платье младшего супруга, с роскошной прической и с кучей шпилек вместо тугой косы воина, и с приличным животом, которого не мог скрыть свободный камзол из мягкой, струящейся ткани цвета лунного серебра. Шестой месяц беременности не лишил молодого человека природной грации, но невольно перевел прежнюю порывистость в тягучую плавность движений. Сам же Валиэль стал заметно сдержаннее и спокойней, хотя природной язвительности не потерял. Теперь он входил в личную свиту принца-консорта и пользовался полным доверием его супруга.

Лоран вспомнил, каким шоком для двора было узнать, когда один из братьев Коразз не только женился, но и добровольно принял на себя обязанности младшего мужа. Кому другому это бы не сошло с рук: слишком много завистливых соперников и разбитых сердец тянулось за синеглазым красавцем. Но Валиэль и тут сумел переиграть ситуацию под себя. И вместо намечавшейся травли стал символом истинного влюбленного. И не только символом — менестрели по всей столице и за ее пределами распевали восторженные баллады о настоящей любви, которой все равно, как, где и… главное!.. под кем быть!

— Опять лыбишься? — Улыбнулся Вал, осторожно садясь рядом.

— Все никак не привыкну, — честно отозвался герцог, невольно задерживаясь взглядом на выдающемся животе друга.

— Да ладно тебе! — Фыркнул маркиз. — Ты то должен помнить, что мне всегда было плевать на свой статус, лишь бы остаться с Каром.

Лоран только плечами пожал.

— Что на этот раз? — Спросил он уже по-деловому. Вал покачал головой.

— Принц-консорт просил тебе передать… что-то неладно на западе. — Ответил он. Вэон только хмыкнул.

— И вот зачем Рэниари эта головная боль? — Уныло вопросил он украшенный драгоценной смальтой высокий потолок. — Как будто ему дворца мало… Зачем лезть в эти шпионские игры? А про запад мы и так все знаем.

— Мы знаем только, что Мисиран затаился, — недовольно отозвался Валиэль, собираясь уходить. — И знаем, что внешне там все благополучно. Но Рэни сказал, что в Атории пропало несколько его людей. Они под видом купцов пытались копнуть глубже. Причем, пропали бесследно, словно их никогда и не было. Последнее, что они успели сообщить, что мисиранцы что-то мутят в северо-восточных провинциях. А там народ не слишком-то лоялен к королевской власти, учитывая какой кровью пол века назад присоединил их к Хилдону Соронду. Огонь мятежа никогда не потухал в полунищих замках восточников.

— Да уж, — проворчал Лоран, машинально потирая лоб. — Гонору им не занимать… все никак не забудут свою независимость. Последний мятеж подавлял уже Эдмир прошлой весной… Кажется, главой мятежников был барон Литир со своими сыновьями.

— Вот именно, что был! — Ядовито отозвался Валиэль: в отличие от Вэона он сопровождал наследника в той кампании и хорошо помнил коварство старого мятежника. Барон задумал было воспользоваться перемирием, чтобы перебить беспечных, как он считал, врагов, предварительно подсунув под Эда младшего сына. Дескать, расслабились и забылись.

Где теперь тот барон и его красавцы-сыновья…

— Но зачем мисиранцам тянуть руки в те провинции? — Продолжал рассуждать Лоран. — Слишком далеко от запада… считай — другой конец материка. У них там не должно быть интересов. Если только не пытаются отвлечь наше внимание новым мятежом.

— Рэниари тоже так считает, — вдумчиво кивнул Вал. — Но у нас мало сведений.

— Опять я между ними буфером… — уныло констатировал Лоран. — Ведь консорту довольно и самому сказать об этом Эду. Никак до конца не помирятся.

— А ты бы так легко помирился? — Вопросил маркиз друга, выходя из гостиной. Лоран только сморщился. — Вот видишь! Ладно, хоть жить вместе пытаются.

…Рэниари золотой статуэткой восседал на низком табурете перед огромным зеркалом во всю стену. Такие зеркала строили целое состояние, и мало кто даже из высшей аристократии мог себе позволить подобные траты. Но Эдмир ничего не жалел для мужа.

Фигурная рама из благородной бронзы, щедро позолоченная, была изукрашена радужными турмалинами. Крупные, прихотливо ограненные камни среди переплетения искусно отлитых ветвей, листьев и цветов создавали эффект воздушности и праздника. Два вставших на дыбы единорога, вырезанных из белого и черного опалов, переливались всеми оттенками алого, зеленого, синего и золотого. Мифические животные эльфов как бы поддерживали чистейшее стекло с боков, завершая картину.

Воистину, чудесный подарок!

Не просто дорогой, а сделанный от души. Один из самых первых, что подарил Эдмир своему

мужу. Как бы Рэни не был в то время раздосадованным на мужчину, но и он не смог сдержаться, когда мастера, установившие это чудо в спальне, сдернули ткань, открывая взгляду юноши всю красоту дара.

С тех пор Рэниари не раз надолго замирал подле зеркала, рассматривая тонкую работу и наблюдая за единорогами. Игра огней в глубинах опала делала их по-настоящему живыми: никогда невозможно было угадать, в какую позу в следующий раз перельются благородные животные. Паршивец мастер (явно по наущению наследника!) весьма реалистично вырезал ВСЕ подробности анатомии жеребцов, что, впрочем, не сразу бросалось в глаза. Но намек был вполне прозрачен — светлое и темное начало.

Он и Эдмир…

Тогда Рэни сам поцеловал мужа, благодаря за подарок. И суровый, подчас жестокий мужчина засиял не хуже магического светильника, глядя на него щенячьими глазами.

Рэниари тяжело вздохнул, наблюдая через зеркало, как ловко руки мастера сооружают у него на голове сложную прическу из косичек и тугих локонов.

Сегодня последний день, когда он сможет появиться при дворе до родов…

Рядом на туалетном столике сидел Черныш, заинтересованно мерцая глазами, и как бы ненароком подгребал под себя очередную безделушку. Кошак оказался той еще сорокой, обожая все блестящее. К счастью, шкодил он только на половине хозяина, словно понимал, что воровать в других местах нельзя. При этом все стащенное Рэни всегда обнаруживал в кошачьей корзинке, после чего Черныш ходил за юношей с унылой мордой и выпрашивал «подарок» обратно.

— Любовь моя, ты уже готов? — Улыбнулся, входя в покои, Эдмир.

Младший супруг действительно был готов, облитый бело-золотым светом парчи. Любоваться и любоваться!

— Как всегда бесподобен… — прошептал наследник и наклонился, с упоением вдыхая пьянящий аромат Искры, после которого осталось лишь одно желание — плюнуть на бал и заняться кое-чем интересным. Все равно сегодня их последняя ночь. Будь Рэниари женщиной, и изоляция бы не потребовалась. Но при мужской беременности выбора не было: будущему отцу следовало накопить энергию для отторжения кокона, иначе роды обещали быть трудными.

— Хочу тебя до умопомрачения!.. — не удержавшись, шепнул Эд в чуть порозовевшее ушко любимого. И распрямился, чувствуя, что еще чуть-чуть и весь его самоконтроль полетит к темным богам. И так лосины стали неприлично тесными, врезаясь в самые нежные места.

— Это тебе…

Из принесенного ларца мужчина извлек роскошный воротник-ожерелье и осторожно застегнул его на своем младшем. Тончайшее плетение из золотых нитей задрожало, тут же вспыхивая ослепительными радугами над множеством бесценных брильянтов чистейшей воды, обрамлявших крупные бериллы, как раз чуть темнее глаз консорта.

— Хочу, чтобы ты всех в зале свел с ума, — заключил Эдмир, не в силах налюбоваться на своего

мальчика.

А Рэни почему-то стало грустно. Он вдруг вспомнил другие подарки, к которым почти не прикасался последние пол года: подаренный отцом арбалет, с которым охотился на виверн… ножи, и совместные тренировки с Барром. Вспомнил своего Ветерка, резвого гнедого, тоже отцовский подарок. Не в силах смотреть на тоскующего по скачке коня, юноша приказал отправить его в Круглый Холм к дяде. Там гнедому будет где разгуляться…

Теперь уделом консорта были иные дары, более присущие его новому статусу. И любой другой младший на месте Рэниари прыгал бы от радости, видя такое внимание мужа. А юноше стало грустно.

— Спасибо, — выдавил он вежливую улыбку, касаясь кончиками пальцев прохладных камней, что переливались живой водой. — Очень красиво…

— Я заказывал их специально для тебя, — тут же похвастался Эдмир, помогая Искре подняться. — Идем?

И они рука об руку покинули покои, чтобы окунуться в водоворот начавшегося праздника.

…Зима в столице оказалась веселой, шумной и снежной. Сиорол впервые жил в Меайре так долго и впервые видел северную зиму во всем ее великолепии.

Увернувшись от летающих друг за дружкой снежков и перескочив ледяную дорожку, по которой с визгом каталась уличная ребятня, лорд-изгнанник подошел к знакомому двухэтажному домику в череде почти таких же на окраинной улочке столицы.

Судя по всему, Галчонка дома не было.

Опять вызвали к больному, подумал Сиорол, нашаривая на притолоке магический ключ, настроенный на его ауру. Мориэль так навсегда и остался для него синеглазым Галчонком, нескладным, встрепанным и любимым…

Бывший наследник Круглого Холма бывал в Меайре довольно часто, готовя почву для собственной мести. И всегда приходил к любовнику, незаметно ставшему любимым. Мориэль больше никогда и ни о чем его не расспрашивал и не пытался как-то повлиять на непонятные для юного целителя поступки наемного убийцы, за которого продолжал принимать Сиорола. Он просто любил, не требуя ничего в ответ, и щедро делясь с обозленным изгнанником своим светом.

Сам же Сио давно для себя решил, что именно Галчонок станет его мужем и младшим лордом крепости, когда мужчина вернется в родовое гнездо. Связывать себя узами брака сейчас сын Ковура боялся: одно дело, когда его возьмут просто у любовника, а другое — если будут охотиться за уже законными супругами и врагами короны. А то, что его усиленно ищут, Сио и не сомневался. Его информаторы из уголовного мира столицы докладывали об этом всякий раз, как он их навещал. Причем проверки были тотальными. Слава светлым богам, что молодой человек был предупрежден: магически замаскировал ауру и сменил внешность, вновь перекрасив волосы и превратившись в блондина. Конечно, глубокой проверки его облик не выдержит, но вот так, просто передвигаться по столице вполне было можно. Сиорол даже самому себе не желал признаться, что эта каждодневная игра в прятки со смертью заводила его почище близости. Пройтись по самому краю, обвести вокруг пальца могущественных врагов… что может быть лучше!

mir-knigi.org

Разве что кончать в трепещущее тело любимого Галчонка.

…Так и есть, юного лекаря дома не оказалось.

Несколько разочарованно хмыкнув, Сио зажег магические светильники — в крошечном домике, с двух сторон зажатым такими же стесненными соседями, почти не было окон. Да и раскрывать ставни мужчина опасался. И стал потрошить свою сумку, куда засунул свертки с их обедом, купленным в ближайшей харчевне.

В доме привычно пахло чистотой и травами. На выскобленном до белизны столе стоял кувшин парного молока под слабеньким заклятием сохранности и лежал на блюде кусок ноздреватого сыра. И Сио невольно с нежностью улыбнулся, глядя на столь немудреные дары. С тех пор, как он появился в жизни Мориэля, тот всегда оставлял для него еду.

И от этого становилось тепло на душе.

Внезапный шорох заставил Сиорола насторожиться. Позади был чужой!

Развернувшись, мужчина резким движением кисти метнул в нарушителя сразу несколько игл, смазанных парализующим ядом. Но стальные колючки со звоном осыпались на деревянные половицы, соскользнув по радужной пленке магической защиты.

— Хорошая реакция, — несколько лениво произнес высокий незнакомец, стоя у приоткрытой двери во внутреннюю часть дома. — Но против меня не сработает. Поговорим?

Настороженно следящий за пришельцем Сиорол ничего не ответил. То, что перед ним маг, он уже понял. Вот только этот самодовольный тип не понимает, с кем связался. У мужчины в заначке найдется и кое-что против магов. Другое дело, что после применения «последнего довода» у Мориэля больше не будет дома… так что стоит сначала выслушать.

— Поговорим, — настороженно отозвался он, не делая попыток напасть.

Пришелец одобрительно хмыкнул и прошел к столу. И только теперь, когда свет лампы упал на его лицо, Сиорол задохнулся, увидев глаза нежданного визитера.

Огромные, яркие, неповторимые глаза цвета индиго!

- ********! — Невольно вырвалось у него, и лорд-изгнанник припечатал задницей крякнувший под ним табурет.

— Догадался, значит, — холодно улыбнулся старый маг. А то, что старый, выдавали усталые и много повидавшие глаза на моложавом лице, так не похожем на лицо его сына. — Или ты думал, что я не просчитаю, кто именно побывал летом в моем доме… аккурат, когда погибли сразу двое моих детей? Я уже давно тебя поджидаю. Да вот все не удавалось встретиться: то тебя в столице не было, то я был занят. Впрочем, оно и к лучшему. Я хотя бы заинтересовался тобой, а не банально ликвидировал, просто убрав из жизни Мориэля. На твое счастье, у меня хватило времени, чтобы понять, что мой сын тебя любит. А вот что от него хочешь ты? Зачем влез в его жизнь?

— С какой стати я должен отвечать тому, кто вышвырнул Мори из семьи?! — Непримиримо оскалился Сиорол: гордость многих поколений всевластных лордов взыграла в нем в этот миг. — И не сссмейте вновь вмешиваться в его сссудьбу! Маг вы или не маг, но я не позволю поломать ему жизнь, как вы это сделали с другими детьми! И я не убивал тех двоих. Хотя и

желал прикончить ту тварь, что натравила на Мориэля убийц! Жаль, что меня опередили!..

— А ведь ты его любишь… — с непонятной интонацией отозвался волшебник, безбоязненно проходя мимо напряженного мужчины и тоже усаживаясь на скрипучий табурет.

— Боги, какое убожество!.. — брезгливо протянул он, осматриваясь вокруг. — И здесь живет мой сын!

— Вы сами обрекли его на это, — зло отозвался Сиорол, уже и не зная, как реагировать на присутствие старика в доме. То, что тому явно от него что-то нужно, было понятно с первого взгляда, иначе давно бы уже принялся применять магию. Но вот что именно — предстояло выяснить.

— Не говори о том, чего не знаешь, — отмахнулся от него маг. — Сейчас речь о другом. Я достаточно легко узнал про тебя все, бывший лорд Юга, — Сиорол невольно вздрогнул и притих. — И не касайся твоя судьба Мори, или сам бы тебя уничтожил, или позволил это сделать ищейкам короля. Но, как я и говорил, Мориэль тебя любит. А в твоей любви я убедился только что. Ты хоть знаешь, что ваши ауры пылают? Ни обмануть, ни подделать этот свет невозможно. Ваши судьбы сплетаются, тянутся друг к другу… Вы Истинная пара. И ради твоих чувств к Мори я прошу тебя отказаться от своих планов. Поверь, мне наплевать на судьбу этого королевства — оно долгие годы использовало меня как бездушную вещь, выжимая как тряпку. И теперь, освободившись, мне безразлично, кто займет эти земли — Мисиран или Хилдон. Но ради сына я пойду на все.

— Тогда почему… — не сдержался Сиорол, пропуская мимо ушей прозрачные намеки на предательство короны. Но маг устало взмахнул тонкокостной рукой, прерывая его.

— Просто выслушай меня, — неожиданно тихо попросил он. — Мори тебе наверняка рассказывал о своей семье…

Мужчина напряженно кивнул, ожидая продолжения.

— У меня много детей… незаконных, но моих. Обычная практика для магов, связанных контрактом. У нас нет времени на создание собственной семьи. А когда появляется… мы заводим или временный брак ради ребенка, или усыновляем своих бастардов. Я так и поступил, когда стал свободен. Видишь ли, мальчик… было в моей далекой молодости одно очень неприглядное дельце. Если без подробностей, то я в результате получил огромное богатство. Но за предательство… за удар в спину попал под посмертное проклятие. Отсроченное проклятие. Это значит, что пострадаю не я сам, а мои наследники. Я обречен смотреть, как еще при моей жизни мои же дети будут делить нажитые кровью богатства… обречен наблюдать, как они убивают сами себя за груды золота! Тогда я только посмеялся, услышав такое. Я был молод, силен и самонадеянно глуп. Впереди лежала долгая жизнь. Какие дети?! Я не думал тогда о семье, щедро сея свое семя направо и налево. И лишь когда жизнь подошла к концу, узнал, что за мной тянется шлейф из смертей. Мои подросшие детишки убивали не только себя, но и всех близких мне, расчищая место главного наследника. Я узнал это совершенно случайно, когда один такой обезумевший от жадности «ребеночек» отравил женщину, которую я любил. И заодно убил нашего новорожденного ребенка. Я тогда только-только освободился от своей клятвы и строил радужные планы на дальнейшую жизнь с любимой…

Маг не договорил — внезапным броском Сиорол сшиб его на пол и придавил горло кухонным ножом.

— Ты… мразь старая!.. — прошипел он в лицо полузадохнувшегося старика, стараясь не смотреть в столь знакомые синие глаза. — Это ты во всем виноват! Обрек ЕГО на проклятие!

— Ты не дослушал, мальчик!.. — прохрипел тот, не обращая внимания на располосовавший кожу нож. — Мориэлю ничего не грозит!

— У тебя пять минут, чтобы объясниться!.. — непримиримо рявкнул Сио, продолжая вжимать нож в горло волшебника. Старик кивнул.

— Я решил собрать всех оставшихся в живых детей в своем доме. Раз уж проклятие действует, пусть хотя бы убивают друг дружку… или меня… — тихо проговорил маг: с каждым словом кожа дергавшегося кадыка ранилась еще сильнее, истекая уже не каплями, а струйками крови. И Сиорол, отняв нож от чужого горла, рывком поднял волшебника с пола, бесцеремонно толкнув на табурет.

— Спасибо, — тихо поблагодарил маг, мимолетно проведя пальцами по горлу и словно стирая кровь вместе с раной. — Любое проклятие должно иметь хотя бы минимальное ограничение, иначе не подействует. У моего было условие, что если хоть кто-то из моих наследников добровольно откажется от неправедного наследства, то он больше не будет подпадать под действие проклятия. Но вот выжить он сможет лишь тогда, когда навсегда уйдет из моего рода… Понимаешь теперь, почему я ТАК поступил?! Я наблюдал за ними… годами смотрел, как они уничтожают друг дружку! Поверь, в первое время я всеми силами пытался прекратить эту мерзость! Но становилось только хуже. За две сотни лет жизни я наплодил многих, но на сегодняшний день выжило только пятеро, не считая Мори! Из всех своих детей по-настоящему я любил лишь троих. Отравленного сына от своей любимой, Мориэля и его младшего брата. Последний обещал вырасти в великого мага. И именно его смерть подвигла Мори на уход из дома. Я так обрадовался, слыша, как мальчик при всех отрекается от нас… кричит, что ничего ему не нужно. Я сам… лично!.. засвидетельствовал его уход из семьи, навсегда отсекая столь чистую душу от нашей гнилой крови!..

— От меня-то ты чего хочешь? — Зло уточнил Сиорол: исповедь отца Галчонка здорово задела его, вызывая чувство отторжения пополам с жалостью. — Мориэль более к вам не относится. У него своя жизнь и своя судьба. И я не дам каким-то ублюдкам их исковеркать. Убью и даже не поморщусь!

— Этого я от тебя и хочу, — с непередаваемым облегчением выдохнул старый волшебник, глядя на разъяренного мужчину просиявшими от надежды глазами. — И еще… прошу! Забери его, и вдвоем уезжайте из страны. Мир огромен, вы найдете свое счастье и помимо Хилдона!

— Вот, — он протянул брезгливо отшатнувшемуся Сиоролу тяжелый сверток. — Я не могу дать ему даже малую частицу своего богатства, чтобы проклятие вновь не проснулось. Но эта вещь принадлежала моей покойной жене. Единственная реликвия ее семьи. И я не хочу, чтобы она досталась кому-то другому, а не Мори. Сохрани это для него. Или продай, если вам потребуются деньги. И не говори мальчику обо мне. Пусть по-прежнему считает меня подонком, так только целее будет.

— Не скажу, — через силу отозвался Сиорол, не находя желания смотреть на наказанного самой судьбой старика. — Уходите.

— Прощай… — прошелестел ветер, занеся внутрь домика горсть крупных снежинок.

Мужчина долго сидел у стола, раздумывая над услышанным.

Они оба правы — Галчонку не стоит знать о прошлом. Пусть живет настоящим. Он теперь отрезанный от своей семьи ломоть. А его будущее рядом с Сиоролом.

Не удержавшись, мужчина осторожно потянул за кончик узорной тесьмы, перевязывающей бархатный лоскут. Из развернувшегося свертка лениво выползла нить крупных, кроваво-красных камней.

Сиорол внимательно присмотрелся и невольно присвистнул, оценив внезапный дар. Длинное ожерелье тлело затаенными углями рубинов на чистой бедности деревянного стола, маслянисто блестя золотом тяжелой оправы при свете лампы…

— Я дома! — Раздался звонкий голос от входных дверей. — Так и знал, Сио, что ты сегодня придешь! Ты поел? Если нет, то сейчас перекусим.

Невольная улыбка нежности и тепла наползла на жесткие губы Сиорола. И он повернулся к своему любимому мальчику, борясь с желанием тут же сграбастать того в объятия.

Но сияющий от счастья Галчонок уже сам обнял лорда-изгнанника, целуя холодными с мороза губами.

— Что это? — Удивился он, заметив камни. — Сио, я же просил!..

— Ну что ты, малыш! — Прошептал мужчина, с упоением зарываясь носом в его волосы. — Я не беру работу на дом. Это семейное достояние. Сохранишь его для меня?

— Конечно, — успел еще ответить Мориэль, прежде чем его вовлекли в головокружительно-жадный поцелуй…

…Веселье набирало обороты.

Порой Лаурэ казалось, что при дворе никогда столько не танцевали, как в эти последние месяцы. То брат, а то и сам племянник по поводу и без затевали очередной праздник, только бы порадовать крошку консорта. А уж что творилось по всей столице, когда Рэниари исполнилось восемнадцать лет!.. День рождения мальчишки вся страна праздновала как национальный праздник. Или будет праздновать… судя по тому, что придурки-менестрели объявили этот день днем всех влюбленных. А людям только дай повод, мигом подхватят, лишь бы напиться…

Принцесса и сама осознавала, что вся ее неприязнь происходит от самого первого столкновения. Смолчи тогда Рэниари, опусти глаза, как подобает младшему, и ее высочество, сцедив яд на безответном младшем, давно бы о нем забыла. А то бы и снисходительно одаривала своим вниманием. Но надменный щенок посмел ответить ударом на удар!

А вот этого принцесса не привыкла прощать.

Прикрыв лицо веером в виде листа кувшинки, Лаурэ кинула быстрый взгляд в другой конец зала. Туда, где на высоком подиуме под роскошным балдахином из сливового бархата, затканного золотом, рядом с королем восседали Эд с мужем. Племянник нежно держал за руку своего мальчишку и даже глаз не опускал на танцующих. Впрочем, придворные уже успели уяснить, что принц-наследник глубоко увлечен только консортом, и оставили попытки пролезть в фавориты.

Сам же Сорондо откровенно млел, глядя на наследников, а под помостом крутился водоворот хилдонской аристократии и гостей столицы: всем было известно, что со следующего дня принц Рэниари уходит в свое заточение. И дамы с кавалерами торопились урвать по полной развлечений, ибо следующие праздники ожидались лишь после рождения наследника престола.

Фыркнув, принцесса зло скривилась за своим веером.

В конце концов, она была права — бастард Вориндо оказался той еще штучкой, жадной до власти. И уже влез во многие дела королевства. Распоряжается дворцом, как своей вотчиной! То ли дело, если б консортом стал Дориан. Ваоттиро занимался бы только собой и развлечениями, ни во что не вмешиваясь…

Игриво отмахнувшись веером от машущих ей от дальних колонн сестер, Лаурэ непринужденно заскользила по залу, выискивая нужного ей человека. Толпы придворных почтительно расступались перед сестрой короля, облегчая ей поиск. Сама же принцесса упорно старалась не коситься в сторону королевского семейства, но ее взгляд то и дело туда возвращался. Туда, где на средней ступени на правах наперсника консорта сидел Валиэль…

Вот была истинная причина не проходящего уже почти пол года бешенства принцессы. Чего только она не делала, чтобы отомстить раздавившей ее душу парочке. Но тех словно сами боги хранили, благоволя во всех начинаниях. Даже двор, жестокий в своих суждениях, обошел чету Деззионов стороной. Но сегодня у ее высочества появился шанс отыграться за все и сразу!

С трудом отведя взгляд от улыбающегося Валиэля (это я… Я!.. должна была носить от тебя ребенка, а не ты ходить с вульгарным брюхом от другого!), Лаурэ призывно улыбнулась нужному человеку. Ну, Валиэль! Раз уж ты не желаешь думать о своем прилюдном позоре (такой воин… и под кем-то!), то я сама отомщу за тебя. И заодно раскрою глаза на твоего разлюбезного Деззиона.

— Рада вновь видеть вас при дворе, граф Инсиэнар, — принцесса словно приливная волна скользнула к высокому, мускулистому красавцу, яркому и надменному, как и все потомки эльфов. На смазливой, словно у какого-то младшего, мордашке пренебрежительно щурились светло-карие глаза, обрамленные густыми ресницами, отчего их миндалевидный разрез казался совсем уж нереально большим и удлиненным. Роскошные волосы цвета спелой вишни едва сдерживала лента черного бархата, а нарочито выпущенные из прически отдельные локоны ниспадали на широкие плечи мужчины, лениво скользя по тяжелому шелку камзола, богато украшенного золотом и рубинами.

— И я рад с вами увидеться, моя повелительница! — С придыханием промурлыкал красавец, жестом опытного сердцееда забирая изящную ладошку Лаурэ в свою руку, и припадая поцелуем к белоснежному запястью принцессы.

Только многолетняя придворная практика позволила молодой женщине сдержать дрожь омерзения, когда влажные, горячие губы мужчины присосались к ее руке. А граф еще и умудрился полизать кожу запястья, прежде чем распрямился.

— Листар… я для тебя так и осталась всего лишь Лаурэ… — томно шепнула принцесса, борясь с желанием вытереть обслюнявленную руку об платье. И наклонилась к красавчику совсем близко… на самой грани приличий… чтобы окутать его запахом своих духов и разгоряченного танцами тела.

Тонкие, красиво вырезанные ноздри графа затрепетали, улавливая манящие ароматы. И Лаурэ

едва не фыркнула — как был похотливым козлом, так им и остался!

А время тебя не пощадило, удовлетворенно подумала принцесса, замечая морщинки вокруг красивых глаз. Да и наружные уголки уныло опустились. Но все еще хорош! И сойдет для ее целей.

А ведь когда-то он был ее самой первой любовью.

Предавшей ее любовью…

— Забываешь старых друзей? — Промурлыкала Лаурэ, присаживаясь на садовую скамейку в глубине садового лабиринта — сюда звуки дворцового праздника почти не долетали. А искрящийся при свете голубовато-розовых лун снег добавлял уюта укромному гроту. Легкий же морозец был гарантией, что их никто не подслушает — вряд ли кто из придворных захочет одеваться, чтобы прогуляться среди снегов.

— Только друзей? — В тон ответил граф, пытаясь руками пробраться под несколько слоев ее юбок.

С трудом сдерживая желание залепить наглецу по роже, принцесса нарочито игриво оттолкнула загребущие ручонки брюнета. А ведь когда-то она, наивная дурочка, по-настоящему млела от таких же ласк, принимая их за нетерпеливую страсть до безумия влюбленного в нее мужчины.

— Ты еще не забыла, как нам хорошо было вместе?

— Ах, Лисси, — нежно пропела Лаурэ, все-таки ускользая подальше от графа: она специально привела этого типа в парк, чтобы не было желания заниматься подобным на морозе. Но, видимо, Инсиэнару было все равно где и с кем. Как кролик, право слово!

— Как же я могу забыть тебя и твоего «дружка»!.. — безмятежно улыбнулась она, делая мечтательное лицо. Граф только самодовольно усмехнулся. И почему она так поздно заметила глупость этого человека? Вот уж воистину — любовь зла… полюбишь и козла.

А ведь когда-то юная и неопытная принцесса откровенно млела от пристального внимания признанного красавца двора. Она мечтала ночами о карих глазах мужчины и его нежных руках. Так мечтала, что готова была броситься в ноги брату, только бы тот позволил ей союз с любимым человеком. Благо Инсиэнар в те годы правил независимым от Хилдона графством.

Вот только действительность оказалась весьма неприглядной. Листар… он играл чувствами юной девушки, добиваясь ее высочества из охотничьего азарта. А когда добился, тут же потерял интерес, переключившись на новую жертву. У него даже не хватило ума скрыть правду от раздавленной и униженной принцессы, с которой переспал. Каких мук тогда стоило Лаурэ не показать окружающим свою боль, знала лишь одна она. Но самым большим разочарованием было узнать, что граф просто решил погулять перед свадьбой, приехав за развлечением в соседний со своими владениями Хилдон. А в родовом замке его ждала сговоренная еще его родителями невеста.

Тогда Лаурэ не стала устраивать скандала. Всего лишь сделала вид, что легко и по-дружески расстается с очаровательным графом, преподавшим ей тонкую науку любви. И Листар даже не понял, что оставил за спиной обозленную и возненавидевшую его женщину.

И пары лет не прошло, как графство, благодаря стараниям принцессы, потеряло свою

независимость. И вынужденно было войти в состав королевства. Но этого брошенной любовнице оказалось мало. Она планировала дойти до конца и закончить все смертью коварного соблазнителя. Но узнала про его жену… и успокоилась. Судьба сама наказала графа. Он вынужден был жениться на представительнице конкурирующего клана. И графиня превратила его жизнь в ад, мощно придавив мужа каблуком. Лишь время от времени Инсиэнар умудрялся вырваться из-под плотной опеки и развеяться за пределами графства, вознаграждая себя за пытки семейной жизнью. И при этом продолжать искренне считать Лаурэ своим близким другом. Сама принцесса не разубеждала недалекого ухажера, искренне забавляясь попытками Листара вновь и вновь затащить ее в постель. Но после того, как влюбилась в Валиэля, Лаурэ не испытывала к графу ничего кроме отвращения.

— Гм… милый друг!.. А как поживает ваша жена? — Мило улыбнулась принцесса враз сдувшемуся Листару. Тот тяжело вздохнул и поднял на нее печальные глаза.

— Не вспоминайте об этой мегере хотя бы сейчас, — простонал граф, едва не заламывая руки. — Эта **** живет лучше всех! Представляете, она даже детей умудрилась против меня настроить! Моего собственного наследника!..

— Ах, Лиси, я знаю, как тебе развеяться! — Нарочито весело начала принцесса, благоразумно отодвигаясь от вновь проявившего активность Инсиэнара. — Видел молодого красавца подле консорта?

— Ах!.. КОНСОРТ! — Глаза графа затянуло мечтательной поволокой. И разозленная Лаурэ вынуждена была пощелкать пальцами перед его лицом.

— Даже не вздумай! — Резко отозвалась она. — Рэниари охраняют так, что и муха не пролетит! Я говорила о… ну, да боги с ним. Я уже поняла, что кроме Эдмирова мальчишки ты никого не видел. Дело в другом… Тот, о ком я тебе говорила, ждет ребенка. А его муж-красавец порядком заскучал. Хотя еще держится, не пускаясь во все тяжкие. Но вот-вот сорвется. Не желаешь ли развлечься, загоняя столь привлекательную добычу.

— Это будет интересно, — тут же сделал охотничью стойку Инсиэнар. — Не расскажешь подробности?

…Спустя пол часа тщательно проинструктированный граф полетел на крыльях любви завоевывать Карлаэля Деззиона. А ее высочество, глядя вслед бывшему любовнику, невольно подумала, что родители Листара оказали ему большую услугу, женив наследника на волевой, хотя и довольно жестокой женщине. Только благодаря графине владения Инсиэнара еще держались на плаву, хотя и потеряли независимость.

Что ж, даже если и свернет себе шею в этой авантюре, никто по нему плакать не будет. И она в первую очередь. А может статься, что Лаурэ повезет, и они с Карлаэлем оба свернут себе шеи. И тогда Валиэль будет свободным.

…Проводив взглядом неспешно удаляющуюся по заснеженной аллее меховую накидку принцессы, из-за беседки вышел Эльмаран Коразз.

И чего Лаурэ себя так ведет, раздосадовано подумал барон. Эльмаран всегда, еще со времен сопливого детства был дружен только с Иссой. Он воспитывался с младшей принцессой, будучи ее наперсником как в играх, так и в учебе. Более старшая Лаурэ держалась от них в стороне, быстро потеряв интерес к детским шалостям. Зачем таскать из кухни засахаренные вишни, если можно ворваться во взрослую жизнь, очаровывая и покоряя!

И пускай они никогда не были друзьями, но зачем старшей принцессе умышлять против семьи Валиэля? Или она это сказала, чтобы отделаться от докучливого кавалера?

Как бы то ни было, а Эльмаран никому не позволит разрушить счастье брата. И тем более не позволит волновать его в нынешнем состоянии.

…Оттанцевав положенное, Лоран смылся с праздника, едва представилась такая возможность. Мужчина слишком устал, чтобы беззаботным козлом скакать ночь напролет. И потому с радостью поспешил скрыться с глаз многочисленных придворных.

Его личные покои встретили хозяина гулкой тишиной и отсутствием света. Только где-то в глубине комнат слабо тлел позабытый прислугой магический светильник.

Облегченно вздохнув, Лоран устало потянул за витой шнурок, развязывая воротник церемониальной накидки. Слуг звать совсем не хотелось… И тут герцог всей кожей ощутил чье-то присутствие.

— Кто здесь?! — Резко вопросил он, положив руку на рукоять далеко не церемониального клинка, что оттягивал его пояс.

На дальней стене слабо качнулся старинный гобелен, что отгораживал гостиную от спальни. И перед Воэном с опущенной головой предстал Айрэ.

— Что… зачем ты?.. — с прорвавшейся болью едва ли не простонал Лоран. Что этот мальчишка делает?! Совсем ума лишился? Неужели не понимает, как воину тяжело удержать свою рвущуюся к желанному телу страсть?!

Но Айрэ внезапно приник к груди замершего от неожиданности мужчины.

— Не могу без тебя!.. — пробормотал он чуть слышно. — Знаю, что нельзя… но не могу! В конце весны свадьба… сегодня мой будущий муж прислал традиционные дары!.. А мне тошно смотреть на эти богатства! Хочу, чтобы именно ТЫ был моим первым!

И небо рухнуло под ноги Вэона…

— Что же ты делаешь, несносный мальчишка!.. — простонал он, до хруста сжимая в объятиях черноглазого юношу.

Ааа!!!..

Будь, что будет… а потом хоть трава не расти!

Глава 2

Айрэ беззвучно плавился в сильных руках Лорана. Молодому человеку было уже все равно… даже если в комнату вошли бы слуги… плевать на все и на всех, кроме этих нежных, больших рук любимого!

Потянувшись вперед, маркиз решительно сдернул ленту, удерживающую волосы Вэона. И тяжелые, даже в темноте отсвечивающие бронзой пряди с шорохом рассыпалась, заскользив по обнаженным плечам герцога.

Когда и как они разделись, Айрэ не помнил. Как и не помнил, каким образом очутился в

mir-knigi.org

спальне Лорана. Он лежал, всей кожей спины ощущая чуть колкий, густой ворс ковра. Было ясно лишь одно — до постели они добраться не сумеют.

Невольно рассмеявшись, Ай с неведомой ему прежде нежностью потянулся к склонившемуся над ним мужчине… тяжело дышавшему, явно пытавшемуся из последних сил взять свои чувства под контроль. Глупый! Зачем сдерживаться, если любишь. А то, что Лоран любит, видно невооруженным глазом. А еще чувствуется всем бедром, куда упруго упирается доказательство страсти герцога, елозя влажной головкой по гладкой коже паха.

— Не надо… — прошептал Айрэ, чуть касаясь твердо сжатых и таких любимых губ. — Не сдерживайся… Дай мне помнить тебя… и любить всегда!..

Горячий язык Лорана тут же скользнул по губам юноши и погрузился в его рот, вылизывая, нежа, сплетаясь с его языком, яростно толкаясь в глубину. И обезумевший герцог застонал, всем своим горящим от желания телом потираясь об прижавшегося к нему племянника короля.

…Обширную комнату заполняла прозрачная от лунного света мгла. И двое на ковре, сплетаясь телами, танцевали под ее ласковым пологом извечный танец страсти…

— Тебе будет больно… — шепнул Лоран, уткнувшись носом в изгиб плеча юноши. — Я слишком большой… а ты такой узкий…

— С тобой никогда!.. — отозвался Айрэ, подставляясь под ищущие пальцы любимого. Но тот вдруг соскользнул вниз и, устроившись между ног маркиза, принялся гладить его член и мошонку, целуя, облизывая и сжимая в ладонях. Айрэ и сам не понял, когда принялся стонать в голос и извиваться, особенно когда Лоран поочередно втягивал в горячий рот яички, как-то по-особенному лаская чувствительное местечко за ними. Переживая столь непривычные для себя эмоции, юноша и сам не заметил, когда и как в нем оказался длинный палец герцога, осторожно растягивая узкое отверстие. Юноша был занят, увлеченно пытаясь перецеловать все, до чего мог дотянуться — лоб… такой высокий и чистый!.. правильный, с легкой горбинкой нос!.. резкие скулы, что только добавляли очарования облику мужчины. Язык Лорана, тем временем, отвлекая, очерчивал то ключицы Айрэ, то кружил вокруг сжавшихся сосков, время от времени сменяясь зубами, что нежно прикусывали чувствительные комочки плоти. Отчего маркиза выгибало от резких уколов возбуждения. Он и сам не заметил, как начал подаваться навстречу пальцам Лорана, что нежно, круговыми движениями гладили его изнутри, время от времени задевая определенную точку, отчего содрогалось все тело…

Айрэ немного очухался, когда внутрь него протиснулись уже ТРИ пальца мужчины. И то не от боли, а от осознания, что волнуясь и переживая перед своим первым свиданием, не успел провести элементарную подготовку! К щекам невольно прилила жаркая волна смущения. Но тут юноша увидел характерный блеск очистительного амулета и успокоился — более опытный партнер успел уже обо всем побеспокоиться. И в то же время стало чуточку больно: такие амулеты носили все дамы и кавалеры при дворе, чтобы всегда быть готовыми к близости. Но тогда получается, Лоран и не хранил ему верность, в то время как он сам…

Но все мысли вылетели из встрепанной черноволосой головы маркиза, когда Вэон вдруг наклонился и взял в рот его достоинство. То, что вытворял своими языком и губами герцог, ни в какое сравнение не шло с личными ласками, к которым привык Айрэ!

— Тихо!.. тише… — шептал Лоран, прижимая к ковру скручиваемое сладкими судорогами тело юноши. Неопытный в таких утехах Айрэ стонал, тщетно сражаясь с накатываемым

возбуждением. Его пах горел и пульсировал, по животу словно волны шли, вызывая невольное подергивание. Но Лоран решительно пережал член любовника у основания, не давая ему кончить.

— Дааай!.. — только и сумел прохрипеть пересохшим ртом Айрэ, дергаясь под сильной рукой. Но Лоран лишь нежно поцеловал его, продолжая удерживать от срыва.

— Доверься мне… — шепнул он в покрасневшее ушко юноши, когда тот смог более или менее соображать. Пальцы герцога, сжавшиеся в кольцо, продолжали контролировать возбуждение партнера. — Просто доверься. Хочу, чтобы тебе было хорошо… А если кончишь, входить в тебя будет затруднительно.

— По…почему?.. — с трудом задал вопрос маркиз, широко распахнув темные глаза. Лоран то ли хохотнул, то ли всхлипнул.

— Б****! — С придыханием выругался он. — Только лекций я в такой момент еще не читал! ***! Малыш, ты будешь очень чувствительным… любое прикосновение вызовет не наслаждение, а боль! А теперь просто помолчи, а то я сорвусь!

Боль?..

Но спросить Айрэ ничего не успел. Лоран, закинув себе на плечи его ноги, стал медленно… по чуть-чуть!.. входить. Не сказать, что это было больно, скорее неприятно. Наверное, все дело в том, что от любимого ты готов принять, что угодно. И Айрэ расслаблялся, как мог, чувствуя, как погружается в него немалое орудие герцога… как его внутренние мышцы туго обхватывают член, медленно раздвигающий тугие стенки входа. Айрэ чувствовал Лораниа, как никогда раньше никого не чувствовал… до каждой капельки пота, срывающейся с длинных, намокших от напряжения ресниц… до закушенных, побелевших даже во тьме губ… чувствовал каждую венку на орудии Вэона, что неотвратимо скользило в глубину тела юноши…

— Ты… в порядке?.. — просипел Лоран, замирая. — Я… в тебе…

Судя по придыханию, говорить герцогу было трудно.

Айрэ прислушался к себе. Чувство распирания, легкий саднящий зуд никуда не делись… но все было терпимо…

— Можно? — Умоляюще шепнул Лоран, вглядываясь в несколько отрешенное лицо юноши. И Айрэ кивнул: его возбуждение и не думало спадать… так, слегка увяло, но не до конца.

Герцог очень медленно, придерживая любовника за напряженные ноги, чуть вышел. И, как-то по особенному крутя бедрами, осторожно ударил внутрь.

Айрэ невольно ойкнул.

— Больно?!

— Ннет… — неуверенно произнес юноша, вслушиваясь в себя. — Продолжай…

И герцог продолжил.

С каждым новым толчком его движения становились все более размашистыми, протяжными, сильными. Пока, наконец, Лоран сосредоточенно не заработал бедрами, до звонких шлепков

впечатывая себя в светлые ягодицы юноши.

Айрэ, изо всех сил вцепился руками во вздувшиеся от мышечных бугров предплечья любовника и запрокинул голову, еще сильнее сминая затылком густой ворс ковра. И отдался завораживающему ритму внутри себя. Тепло, вызванное быстрым трением скользившего в нем члена, стремительно перерастало в колючий жар, что скапливался внизу живота. Ай с ума сходил от полноты того, что переживал… стонал, плакал, двигался, насаживаясь все больше и больше, о чем-то просил, бессвязно лепеча… Лорану приходилось сдерживать нетерпеливого мальчишку, чтобы тот не сорвался на рваный ритм и не причинил себе боли. Чего это стоило герцогу, знал лишь он один — тут крышу срывало от жара девственного тела, а приходилось выискивать силы, чтобы контролировать и себя и неопытного любовника!

Но Лоран все равно умирал от нежности к этому мальчику, что столь решительно подарил ему всего себя без остатка. Айрэ гнулся под ним подобно тугой тетиве, ладонями скользя по мощным, мокрым от пота, грудным мышцам партнера, то и дело задевая потемневшие от прилива крови соски мужчины. Или принимаясь самому себе дрочить, суматошно дергая член и сладко постанывая. Пока, наконец, Лоран, не выдержав такого издевательства, не перехватил руку мальчишки, своей ладонью направляя и задавая нужный ритм. Возбуждение накатывало на герцога стремительно и неудержимо — слишком хорошо Лорану было в этот момент. И герцог не стал сдерживаться, с гортанным криком обильно кончив внутри горячего тела. И в следующий миг, чуть отойдя от разрядки, принялся ласкать напряженный член юноши, чувствуя, как сжимаются вокруг него пульсирующие внутренние мышцы Айрэ, а на кулак выплескивается его семя.

Лорана еще хватило на то, чтобы, выполняя древний ритуал принадлежности, размазать жемчужные потеки на подергивающемся животе Айрэ… и герцог обмяк, наполовину придавив тело юноши под собой.

…Так они и лежали довольно долго, не в силах отдышаться. Потом рука Айрэ нерешительно легла на спину любимого, благодарно поглаживая влажную от пота кожу.

— Не думал, что ЭТО будет настолько хорошо… — прошептал он в ухо Вэону. — Знаешь, я успел подумать, что я ведь не первый у тебя…

Лоран вздрогнул, приподнимаясь на локтях и заглядывая в задумчивое лицо юноши. Герцог чувствовал невольную вину перед этим замкнутым мальчиком. Он любил Айрэ… по-настоящему любил… но хранить ему верность не собирался. Другое дело, если бы их соединил алтарь. Вот тогда Вэон не посмотрел бы ни на кого другого. Но Ай предназначен для иной судьбы, чем стать супругом полунищего герцога. Лоран никогда не забудет его и никогда не разлюбит. Но настанет время, когда Вэону придется думать о продолжении рода. А юноша в конце этой весны вынужден будет принять в себя кокон от чужого мужчины.

А другие… они всего лишь разрядка… пустышки, приносящие временное облегчение. Это не объятия того, кого ты любишь.

— Прости… — прошептал Лоран, нежно целуя печально улыбающиеся губы. Но Айрэ только погладил его ладонью по щеке.

— За что? — Негромко рассмеялся он. — Ты ничего и никогда мне не обещал. А я не настолько жесток, чтобы ограничивать тебя хоть в чем-то. Я ведь не могу быть с тобой вечность… хотя и хочу. И я благодарен им… тем, у кого ты научился ТАК обращаться с девственниками. Спасибо! Действительно, спасибо. Мне было хорошо, Лори.

mir-knigi.org

— Меня так называла только мама, — Лоран прижался щекой к щеке юноши. — Я для тебя всегда останусь Лори. И когда бы ты ни позвал меня… не попросил о помощи!.. я всегда приду к тебе. Брошу все и поспешу по первому зову!

— А я никогда не позову тебя, — шепнул в ответ Айрэ, целуя искусанные губы любимого. — Я бы все отдал, только бы быть с тобой! Но не судьба. И я не разрушу твою жизнь, заставив любить того, кто не может дать тебе ничего, кроме этой ночи. Зато ее я буду помнить до самого конца. Ты был прав, любовь моя, когда предостерегал меня… расстаться после случившегося очень больно! Но я ни о чем не жалею!

— У нас еще есть пара месяцев!.. — простонал Лоран, притискивая к себе желанное тело. Но Ай внезапно отстранился.

— Есть, — грустно согласился он. — Но будущий супруг князь-герцога Лиссаэроу… властителя восточного приграничья!.. должен быть безупречен. Слишком многие желали бы разрушить намечающийся союз. Слишком много глаз при дворе. Если хоть тень падет на меня, этому браку не бывать! А сейчас не то время, чтобы Хилдон мог позволить себе потерять приграничье. Дядя приложил слишком много усилий, подводя Лиссаэроу этому союзу.

— Я знаю, малыш, — тяжело вздохнул Лоран, целуя покатое плечо юноши. — Знаю… Эти восточники до сих пор не признают браков между мужчиной и женщиной, только между мужчинами. Сорондо пытался переломить их упертость, предложив князь-герцогу одну из принцесс, но… ничего не вышло. А ты молодец, умело выбрал время, когда никто не обратит внимания на твое отсутствие. Но позволь дальше действовать мне. Я сумею сделать так, что никто ни о чем не догадается, а у нас будут эти месяцы.

— Хорошо, — Айрэ доверчиво приник к мужчине. — Я верю тебе. И буду ждать. А теперь… как бы мне ни хотелось остаться… но пора идти. Бал уже заканчивается, и в коридорах скоро будет полно людей.

С сожалением разомкнув объятия, Айрэ поднялся, невольно покривившись при внезапном дискомфорте в пятой точке. Лоран тоже встал, помогая юноше одеться — никто не должен был заподозрить, где и чем юный маркиз занимался.

— Ах, да! — Спохватился Вэон, когда уже полностью одетый Айрэ собрался уходить. — Я даже не поздравил тебя с титулом маркиза.

— А какая разница?.. — грустно улыбнулся недавний граф. — Все равно этот титул ничего не значит. Просто дядя посчитал, что моему будущему мужу будет не столь зазорно жениться на маркизе из рода Келлиадиров, чем заключать союз с сыном бывшего солдата, заслужившего графский титул своим клинком…

Айрэ уже давно ушел, а Вэон все так же продолжал стоять у окна в полной темноте. Накинутый на голое тело какой-то случайно подвернувшийся плащ почти не спасал от холода. Но мужчине все еще было жарко от недавно пережитого. По телу лениво гулял жар вожделения. Но как бы Лоран не желал возлюбленного, но для первого раза Ай и так получил максимальную нагрузку. У них еще будет время насладиться друг другом.

Очень короткое время.

Мужчина грустно усмехнулся, наблюдая, как за расписанным морозом окном внизу, во дворе, разъезжаются кареты гостей. И ведь сам еще летом предостерегал Айрэ от кратковременной

связи. Сам убеждал не начинать! Знал, что тяжело будет расстаться…

И сам сорвался…

Как же я люблю тебя, мой черноглазый, упрямый мальчик! Люблю как никогда и никого не любил! Ты — мое сердце, мой воздух, моя судьба… Ты навечно в моей душе… моя частичка… нет!.. ты моя жизнь… Как я буду жить без тебя дальше? Как существовать? А ведь вынужден буду…

Мы оба связаны обязательствами перед своими семьями. Уничтожить их так легко — всего лишь плюнуть на все и бежать. Мир огромен. И мы затеряемся на его просторах. Но тогда разрушатся мирные договоренности… пострадают другие. И если меня еще можно заменить, то ты, малыш, единственный Келлиадир, способный обеспечить союз такого рода. Ты слишком хорошо это понимаешь. И откажешься даже рассматривать вариант побега, слишком уж въелось в тебя воспитание, когда долг перед семьей превыше всего.

Будь проклято себялюбие короля!

В свое время, потеряв родителей, Сорондо очень уж трясся над своими сестрами, не желая выдавать их за мелких властителей, чьи владения и так легко присоединялись мечом или хитростью. Потом не желал усиливать мятежных и без того могущественных Лордов окраин, давая им пусть призрачную, но надежду на еще большую власть. Принцесс берегли, как разменную монету, ожидая все более высокого барыша. А его все не было и не было… Теперь же из тех, кто действительно оказался нужен Хилдону, остался один Лиссаэроу. И тамошний властитель возжелал тебя, мой милый Айрэ. В свое время Жеориз Лиссаэроу пошел на поводу своих чувств, влюбившись и даже женившись на женщине. Но его жена умерла, так и не сумев родить наследника. Старейшины приграничья решили, что это гнев богов, наказавших властителя за отступничество перед традициями. И потребовали от князь-герцога взять мужа, а не жену. А других достойных крови Келлиадиров союзов в ближайшем обозрении не предвидится. Вот и возникла ситуация, когда живут при дворе три созревшие для замужества дамы, а достойных то женихов для них и нет. А за всех отдувается мой мальчик.

Боги мои!

Я же не смогу увидеть тебя с другим… Не смогу представить, как ты кому-то отвечаешь… А уж знать, что чужие пальцы погрузят в твое тело кокон!..

Как же я хочу, чтобы твой будущий ребенок был моим! Хочу принять его на руки, хочу знать, что это частица твоя и моя!

Я слишком многого хочу…

Жаль, что этого никогда не будет…

…А бал во дворце продолжался.

Веселый, искристый. Бурный и такой беззаботный. Он выхлестывал из дворцовых врат на улицы столицы, захватывал в свой водоворот горожан. Рушил чопорность посольских особняков. И во дворец устремлялись целые потоки все новых и новых гостей, желающих урвать свой кусок дармового счастья. Правда, чувствовался в этом празднике какой-то совсем незаметный надлом… что-то непонятное, но достаточно тревожное. Люди веселились словно перед концом света… словно завтра мировой потоп… и сами не замечали неестественности

mir-knigi.org

своего веселья.

…Диорин из рода Тимиаров спешил по коридору прочь от праздника, бурлящего в парадных залах дворца. Юноше не хотелось уходить, но приказ его учителя и воспитателя по совместительству, лорда Итарона, не оставлял молодому человеку возможности уклониться. Следовало закончить работу по магическому плетению вокруг покоев принца-консорта. Основная работа была сделана уже давно, но сама настройка проводилась только сейчас.

Молодой человек печально вздохнул. Слабый магический дар не позволял ему самому творить волшебство подобного уровня. И не являйся он внуком давно погибшего друга лорда Ламитела, уделом такого как он была бы задрипанная деревушка на дальних границах, а не блестящий королевский двор. А так Диорин считался воспитанником Верховного мага и выполнял роль его секретаря. Весьма выгодная должность для юноши без выдающихся данных. Но иногда она вынуждала идти на определенные ограничения… как сейчас.

Пробегая очередной галереей, молодой Тимиар бросил тоскующий взгляд на разноцветный водоворот танцующих внизу, видневшихся сквозь частые резные арки. И не заметил, как налетел на внезапно вывернувшую из-за угла даму.

Молодую и ОЧЕНЬ красивую!

Ахнув, незнакомка покачнулась и осела на пол в золотом облаке кружевных юбок.

— Леди!.. — всполошился юноша, наклоняясь над пострадавшей от его неуклюжести леди.

И утонул в ярких светло-светло-карих глазах… почти золотых!.. уткнулся взглядом в выпирающие из корсета две упругие округлости, ослепляющие идеальной белизной кожи… окутался тонким запахом прекрасной и здоровой юной женщины!

Тяжелая грудь красавицы высоко вздымалась от испуга, гибкую талию, казалось, можно было обхватить двумя пальцами… а точеные плечи, созданные для поцелуев, укрыли рассыпавшиеся из прически волосы, даже не рыжие, а ало-золотые… такие праздничные, такие нарядные, что хотелось ласкать их руками и губами, не думая ни о чем!

И эта неземная красавица смотрела на него, Диорина из рода Тимиаров, так беспомощно и так нежно, что хотелось немедленно схватить ее на руки и закрыть, защитить от всего мира разом!

— Ах!.. Моя нога… — мелодично пролепетала незнакомка. И ее прекрасные глаза наполнились сверкающими слезинками, розовые губки припухли еще больше от едва сдерживаемых рыданий. И молодой человек, чувствуя себя последней тварью, наклонился, чтобы оказать первую помощь. К его огромному сожалению, он никогда не был силен в целительстве, так что самостоятельно вылечить прекрасную леди не мог. Но мог хотя бы отнести ее туда, где эту помощь окажут. Что с удовольствием и проделал, подхватив на руки невеликую тяжесть, укутанную в воздушный шелк.

— Тысячи извинений! — Пролепетал Диорин, дурея от близости жаркого тела под чисто символическим платьем. — Я все!.. Все для вас сделаю! Только не плачьте!

— Я не плачу, — мило шепнула дама, кладя головку на широкое плечо своего добровольного помощника. — И не думаю, что там что-то серьезное. Просто каблук сломался. Жаль… я так хотела посмотреть на праздник! Так долго упрашивала посла отпустить меня одну во дворец.

— Посла… — тупо переспросил молодой человек, неся женщину по почему-то совсем пустой галерее, хотя обычно здесь не протолкнуться было от придворных.

Наверное, все внизу… веселятся на празднике…

— Ну, да, — подняла головку с его плеча незнакомка и оставляя чувство странной неудовлетворенности от этого. — Я упросила отца отпустить меня в Хилдон вместе с посольством от нашего короля. Сама я из Мисирана. Папа был против, но в конце концов согласился и попросил своего старого друга за мной присмотреть. Тому совсем не улыбалось приглядывать за «взбалмошной девчонкой», как он выразился. У него, как у посла, и своих дел полно. Но папе он не смог отказать…

Как-то совсем незаметно они разговорились. Диорин откровенно млел от осознания того, что ТАКАЯ женщина принимает его за ровню. Видно ведь, что она принадлежит к высшей аристократии. Но Эрли, как представилась леди, оказалась очень непосредственной, смешливой и так восхищалась широкими плечами своего спасителя, что Тимиар невольно расправлял их еще больше, заодно непроизвольно выпячивая вперед грудь, которую непринужденно поглаживали тонкие пальчики, унизанные золотыми кольцами, пока их хозяйка весело щебетала обо всем на свете.

— Вот вы где, леди!.. — этот вопль раздался, казалось, над самым ухом молодого человека, заставив непроизвольно вздрогнуть вместе со своей ставшей уже родной ношей. — Я вас предупреждал, что еще одна такая выходка, и вы отправитесь под крыло к папочке, юная леди!

Повернувшись, Диорин узрел раскрасневшееся от ярости лицо мисиранца, что возглавлял посольство западных соседей. Мозги молодого человека все еще были затянуты розовым туманом, а в груди разгоралось пламя нешуточной влюбленности. И Диорин не сразу понял, кто тут орет на всю галерею. А когда понял, то опоздал с ответом — Эрли и сама успешно начала отгавкиваться, от полноты чувств подпрыгивая на руках своего спасителя.

— Мало мне своих основных обязанностей! — Продолжал высказываться мисиранец, пытаясь забрать красотку из рук ее одурманенного носильщика. — Мы немедленно возвращаемся в посольство. А потом вы порталом отправляетесь домой!

— Лорд!.. — попытался было успокоить разъяренного мужчину Диорин. — Ничего же страшного не произошло. Всего лишь каблук сломался. С любым…

— Я не любой! — Оборвал его посол, вытирая концом своего шарфа капли пота с лысины. — Эта вертихвостка дочь моего старого друга. И как я буду ему в глаза смотреть, если с ней что-то случится?! Пусть лучше отца упрашивает сопровождать ее в таких авантюрах! Ведь на миг только одну оставил, чтобы переговорить с канцлером! И вот результат. Я сейчас вызову своих охранников, и они сами донесут леди до кареты. Нечего ей у вас на руках ездить… еще на шею переберется… тогда не отвертитесь.

— Я не против, — жарко покраснел молодой человек, влюбленными глазами смотря на так же заалевшую леди. — Я сам ее отнесу… хоть на край света!

Посол только хмыкнул и пошел впереди, демонстративно не замечая возобновившееся воркование у себя за спиной.

А Диорин млел. Весь путь до посольской кареты он проделал совсем незаметно для себя. И усаживая Эрли на мягкие подушки, успел урвать короткий поцелуй, принятый благосклонно.

— Я найду вас, мой милый друг!.. — страстно шепнула леди, в темноте кареты приникая пышной грудью к руке молодого человека. — Это будет нескоро. Мне нужно будет найти возможность вернуться… но я вернусь! Только не забывай меня, мой Дио!

— Не забуду!.. — Тимиар так и прыгнул бы к огненной красавице в объятия, но мимо, пыхтя, уже протискивался посол. И молодой человек вынужден был отступить, только взглядом провожая удаляющуюся по дворцовой аллее карету.

О том, куда он шел и зачем, вспомнить удалось не сразу…

— …Получилось? — Деловито и так не похоже на прежние шумливые высказывания поинтересовался посол, сидя напротив рыжеволосой красотки.

Та удовлетворенно кивнула, подбирая рассыпавшиеся волосы в небрежный узел. Глупо-восторженное выражение словно мокрой тряпкой стерлось с красивого личика, обнажив под собой облик умной и решительной женщины.

— Он у меня на крючке, — негромко произнесла графиня Эрлесса дио Гарт, молочная сестра и по совместительству любовница короля Мисирана. Та, кому Анарэс II доверял безоговорочно.

— Вы были великолепны, госпожа! — Посол не мог скрыть восхищения. — Не знай я, что вы задумали, и сам бы обманулся, посчитав вас безумно влюбленной в этого щенка. Мальчишка явно все принял за чистую правду!

— Так и нужно… — рассеяно отозвалась графиня. — Теперь только поддерживать интерес… несколько сопливо-розовых записочек, которые вы будете, ворча на безответственную молодежь, передавать ему в руки… парочка безделушек от влюбленной дурочки. Мальчик весьма симпатичный. В такого, действительно, можно влюбиться. Так что никто ничего не заподозрит.

Посол понимающе кивнул.

Вот только сама графиня не была так спокойна, как желала показать. Заноза жгучей ревности вонзилась в самое сердце. При одном только взгляде на Искру женщина обреченно поняла, что раз и навсегда потеряет молочного брата, стоит лишь тому наяву увидеть будущего мужа. Даже ее красота не сможет конкурировать с магическим очарованием Искры. И это теперь, когда принц-консорт завязан на Эдмира! А что будет, когда наследника не станет, и сила Рэниари бесконтрольно прорвется в мир? Да все вокруг обезумеют, желая обладать таким сокровищем.

И даже не помогала мысль, что Искры долго не живут… что после смерти супруга Анарэс все равно вернется в ее постель.

Какая радость — быть всего лишь чьей-то заменой…

— …Сволочь! — Прошипел Валиэль, от всей души пнув графа под пятую точку. — Придушил бы гада!

— Вали, успокойся, — тяжелая ладонь одного из его шестерых дядей легла на плечо молодому человеку, удерживая от избиения бессознательного графа. — Тебе нельзя волноваться, малыш.

— Этот козел горный посмел протянуть свои ручонки к моему мужу! — Продолжал раззоряться Валиэль, правда, не делая больше попыток вырваться из крепкой хватки старшего родича. — Я ему яйца оторву! И нафарширую!..

— Ну, все… все, Вали, — мягко проговорил черноволосый крепыш, поигрывая внушительной мускулатурой под нарядным камзолом капитана дворцовых гвардейцев. — Мы сами с ним разберемся.

— Как это сами?! Без меня?! — Валиэля едва не трясло. Он все-таки попытался дотянуться до графской тушки и дать ей смачного пенделя. Но брат не пустил.

— Прекрати, — оттащил Эльмаран младшего. — Иди к себе! Или я пожалею, что поставил тебя в известность.

— Эль!.. — возмущенно вскинулся Валиэль, но сник, когда старший брат осторожно его обнял и аккуратно подтолкнул в сторону выхода. — Ладно… Вы уж тут повеселитесь от души!

И Деззион из рода Кораззов гордо покинул одну из многочисленных гостевых комнат Западного крыла. Его дядюшки лишь одобрительно похмыкали. Графеныш и сам не знал, на кого поднял лапку — Кораззы, не отличаясь состоятельностью (скорее нищетой!), притом были невероятно гордым и многочисленным кланом, державшимся за родную кровь превыше всего на свете. А супружество одного из них с могущественными Деззионами позволило обширному семейству получить шанс на выживание. Карлаэль ради любимого мужа готов был переселить всех новоявленных соклановцев на собственные земли, но Кораззы не приняли такой помощи, предпочтя устроиться в гвардию, во флот, но только не сидеть на шее у богатой родни. Вот и получилось, что чуть ли не большая часть рода перекочевала в столицу, благо жалование гвардейцев позволяло выбраться из бедности. Так что подорвавшемуся после подслушанного разговора Эльмарану не составило труда набрать команду гнева для мести одному слишком уж зарвавшемуся титулованному придурку, что чуть ли не в припрыжку поскакал устраивал романтический ужин в дальней части дворца. Даже записочку с пажом послал объекту охоты, якобы от беременного мужа!

И мигом организовал роскошный стол и все иже с ним. Вот только вместо восхитительного Карлаэля за открытой дверью смущенно столпились целых шестеро здоровяков-гвардейцев со своими племянниками. И обалдевший от неожиданности граф Листар Инсиэнар вместо поцелуя с ходу получил кулаком в лоб и изящно прилег на ковер отдохнуть.

— Эй, он так и будет валяться тряпочкой?! — Возмущенно встряхнул аристократической тушкой Сакирр, средний из дядюшек Валиэля и Эльмарана. Инсиэнар даже не охнул, все еще пребывая в блаженном беспамятстве. — Я так не согласен! Лит, ты ему засветил, ты его и приводи в ЧУЙСТВА!

— Да, ладно!.. — пофигистически отозвался самый младший из дядьев — бравый гвардеец старшего звена Северной сторожевой башни. — Делов то!

Сграбастав с нарядно сервированного стола кувшин из драгоценного маруквийского стекла, полный золотого игристого, Лит преспокойно вылили выдержанную влагу на лицо героя-любовника. Инсиэнар тут же зафыркал и активно зашевелился на ковре.

— Ооо, очнулся, голубок, — удовлетворенно констатировал Эльмаран. — Ладно, не буду мешать!

— Постоишь на стреме? — Спросил кто-то из родичей. Но добрый племянник только плечами

пожал.

— А зачем? — Поинтересовался он, ласково улыбаясь ничего не понимающему графу. — Даже если кто и зайдет — к вам-то какие претензии? Вас сей лорд сам пригласил… даже нужную обстановку с романтическим ужином организовал. Ведь так, граф?

— Вам это с рук не сойдет!.. — попытался было вякнуть граф Инсиэнар, вытирая мокрое лицо любезно поданной кем-то из Кораззов салфеткой.

— Да кто тебе поверит? — С презрением отозвался Лит. — Всем при дворе известно, что ты, приезжая, всякий раз ищешь приключения на свой ***! Решат, что ты решил попробовать всемером. Даже повосхищаются такой смелостью. Ну, а мы обеспечим нужный настрой. Так, ребята?

Дюжие «ребята» охотно заулыбались и обступили занервничавшего графа. Лорд Листар все еще не мог поверить, что на него кто-то посмеет поднять руку. Привыкнув к вседозволенности, он как-то не сообразил, что другим может не понравиться его настойчивость.

— Даже цветы подарим, — заухмылялся старший из братьев, Виритор, выгребая букет полураспустившихся роз из одной из многочисленных ваз, расставленных по всей комнате. Скептически встряхнул его, отчего несчастные цветы приобрели несколько растрепанный вид. И, припав на одно колено, с трепетом во взоре преподнес получившийся веник налившемуся дурной кровью Инсиэнару. Тот, не долго думая, попытался выхватить злосчастный букет и хлестнуть им по коленопреклоненному кавалеру. Но сразу двое братьев — Итизир и Фэррон — заломили лорду руки за спину.

— Вы же дворяне!.. — пыхтел выворачивающийся изо всех сил граф. — Так аристократы не поступают!

— Да мы же исполняем твою же мечту о хорошем трахе?! — Делано удивился Зорэт, самый средний из братьев. — Ты же хотел…

— Я хотел не вас! — Все-таки взвыл Инсиэнар, когда его потащили к дивану. — Не вас!..

— Правильно, — благодушно согласился Сакирр, приспуская штаны и надрачивая собственный весьма крупный орган. — А какая тебе разница — нас или не нас? Мы все одна семья, и привыкли делиться как невзгодами, так и радостью… и хорошим трахом. Позовешь одного — будь готов, что придут и другие! И поверь, мы оценили, что ты желал осчастливить одного из нас, и пришли тебя отблагодарить. И скажи спасибо, что не позвали еще и кузенов! А так даже и не порвем… и даже потом полечим… Фэрр, амулет при тебе?

— А то как же! — Хохотнул Фэррон, демонстрируя лечебный амулет.

— Раскладывайте его, парни, — распорядился Виритор. — А то задница больно аппетитная… у меня уже встало.

— НЕТ! — О графе можно было сказать всякое, но вот трусом он никогда не был. Конечно, в воинских умениях он уступал прирожденным бретерам, но основы боевых навыков не растерял за годы беззаботного существования. Он бился не на жизнь, а на смерть. Но врагов было больше.

Даже не напрягаясь, братья Коразз легко стреножили свою добычу. Растрепанный и полураздетый граф действительно напоминал жертву страсти. И теперь, даже если кто чужой

и зашел бы в комнату, все равно бы не поверил крикам Инсиэнара об изнасиловании. Тем более, что распаленные, расхристанные здоровяки вокруг изящного красавца выглядели вполне себе завлекательно, ласково поглаживая филейные части графа. И невольная жертва интриги ее высочества прекрасно это понимала, судя по сжавшимся губам — Инсиэнар молча вырывался, но вот кричать не пытался.

— Оппа, парни! Что я нашел! — Потряс идиотски розовым флаконом Зорэт. — Возбуждающее зелье!

— Давай сюда, — протянул руку Итизир и повернулся к племяннику. — А ты иди… иди… Мал еще на такое смотреть!

— Развлекайтесь… старички, — ехидно ухмыльнулся Эльмаран и закрыл за собой дверь в комнату. Оглядев пустой коридор в малопосещаемой части дворца, Эль, насвистывая, направился к Иссе. Стоило посоветоваться с любимой, как реагировать на такую подставу Лаурэ.

— Паршивец, — беззлобно отреагировал на подколку племянника Виритор, глядя, как Лит, зажав графский нос, вливает в вырывающегося пленника содержимое флакона. Фэррон помог брату, заставив Инсиэнара проглотить волшебное зелье. Варево явно оказалось качественным — лосины в паху Листара практически сразу расперло, обрисовав все достоинства мужчины. Ткань слишком узких, новомодных штанов врезалась куда надо и куда не надо. И бедняга застонал, выгибаясь всем телом — держать его больше не было смысла. Граф уже сам был готов наброситься на первого встречного, лишь бы получить разрядку.

— Ничего себе! — Возмущенно присвистнул Сакирр. — Вот это концентрация зелья! И этой дрянью он хотел напоить нашего родича?! Вот ведь гад!

Сердобольный Лит сумел таки разорвать штаны Инсиэнара, высвобождая его налитый член, тут же вставший задорным торчком. А уж от остальной одежды граф избавился лично, сгорая от нетерпения. Он и сам не знал — проклинать ему свое невезение или благословлять. Но здесь и сейчас он дико, до рези в паху и горящего зада хотел… желал!.. этих мужчин… их сильных рук и крепких членов.

— Ночка будет длинной, — удовлетворенно констатировал Виритор, по праву старшего первым подходя к постанывающему лорду и разворачивая его к себе аппетитным задом. — Смазку дайте.

И смачно припечатал ладонью по бедру невольного любовника, другой властно разминая его тугие ягодицы, дразня пальцами яростно пульсирующую розовую дырочку. И, щедро смазав вход, от души вставил Инсиэнару!

Тот только радостно взвыл, почувствовав себя заполненным до предела.

Скачка началась!

…Когда спустя долгое время… почти под утро!.. братья покинули «приют любви», то хорошо оттраханый и полностью удовлетворенный владетельный лорд Листар Инсиэнар спал со счастливой улыбкой на губах, распухших от поцелуев и минетов. А шестеро Кораззов с сытыми мордами сонно тащились в казармы. Все-таки эликсир они в отличие от своего партнера не пили, и едва справились с повышенными требованиями распаленного магией графа. Так что еще неизвестно, кто кого поимел.

Полечив напоследок амулетом уснувшего любовника, что всю ночь скакал на них, Кораззы доели и допили то, что еще оставалось на столе с закусками. И исчезли, оставив графа на попечение проснувшихся слуг…

…Утро вползало в покои серыми сумерками и запахом травяного отвара, что готовили слуги для своих господ. Хозяйственные службы дворца только-только просыпались, зевая и потягиваясь… раскочегаривая кухонные печи и камины. Сам же дворец еще сонно вздыхал, уткнувшись носом в подушки — бал закончился незадолго до рассвета. Лишь уборщики бесшумно скользили по дворцовым покоям, убирая праздничный бардак.

И никто не видел, что в личных покоях ее высочества принцессы Иссы до самого утра горел малозаметный огонек. Младшая сестра короля благоразумно отослала служанок на праздник, чтобы остаться одной.

Сама принцесса сидела на постели в чем мать родила, млея под ласками любовника. Эльмаран, уютно расположившись между длинных ног молодой женщины, удовлетворенно целовал ее бедра, отдыхая от вспышек страсти. Долгая ночь подходила к концу, наполняя тела томной негой и отголосками сладких судорог.

Растрепавшиеся белые волосы принцессы превратились в золотисто-розовые под светом утренних лун. Серые днем глаза теперь сияли словно звезды, когда тонкие руки молодой девушки ласкали мускулистые плечи возлюбленного.

— Ах, Эль!.. — прошептала Исса, подставляясь под страстные губы мужчины. — Ну почему мы не можем быть вместе?!..

Эльмаран лишь глубоко вздохнул, не отрываясь от своего занятия — ласкать набухшую плоть принцессы. Ноги женщины невольно задрожали, когда горячий язык барона проник в ее пульсирующее нутро. И Исса, запрокинув голову… так, что шелковистая копна волос с тихим шорохом упала на подушку… протяжно застонала, опять задрожав всем телом.

— Эль… что же ты со мной делаешь?!.. — прошептала она, когда оба, чуть отдохнув, лежали, обнявшись, и ладонь барона медленно скользила, очерчивая все изгибы роскошного тела партнерши: ее высочество была по-настоящему красивой женщиной. Длинноногой, с тонкой талией, широкими бедрами и высокой упругой грудью, дерзко смотрящей вверх острыми кончиками аппетитных сосков.

Не удержавшись от соблазна, Эльмаран нежно сжал упругий холмик, щекоча ладонь напряженной вершинкой соска.

— С ума по тебе схожу… — прошептал он, приникая губами к исцелованным устам возлюбленной.

— Если бы можно было начать жизнь с чистого листа, — печально вымолвила Исса, вытягиваясь на постели и вороша изящной рукой влажные волосы на затылке Эльмарана. — И придворные дурочки еще мечтают оказаться на моем месте! Ни я, ни Лаурэ, ни Эстель… никто из нас не счастлив! Какой смысл быть принцессой, если ты всего лишь разменная монета для торгов за власть!

— Не говори так про себя!.. — запротестовал Эльмаран, подтягиваясь на руках и целуя возлюбленную в высокие скулы. — Ты никогда не будешь вещью!..

Но тонкий пальчик Иссы скользнул на губы возлюбленного.

— Но это так, — печально отозвалась она. — Сорондо нас любит. Он исполнит любую нашу прихоть… только не позволит выйти замуж по любви. Слишком большими козырями являются три незамужние принцессы династии Келлиадир. Мэлмэ… пусть боги хранят ее в своих чертогах!.. еще повезло. Она любила и была любимой. Но ее Фаторан оказал слишком большую услугу королевству, чтобы оставить его мужество без награды. А вот нас можно выдать лишь за независимых властителей… за тех, кто может принести пользу королевству. А таких женихов в обозримом окружении не наблюдается. Единственный претендент — король Мисирана. Но ему не нужен брак с нами.

— А отдавать вас кому-то из лордов, значит не думать о будущем… — закончил Эльмаран, прижимаясь щекой к нежному животу принцессы. Та вздохнула.

— Это так… — согласилась Исса. — Сорондо не может позволить себе не думать, что произойдет, если он слишком приблизит кого-нибудь из лордов. Вот и возникла ситуация, когда три одинокие девы пускаются во все тяжкие. Эстель не вылезает из развлечений. Лаурэ строит всем козни. Слава богам, у меня есть ты, любимый! А то бы не знала, на какую стенку и я бы влезла. Так что — прости сестру, Эль. Я уверена, что она сделала это не со зла. Просто… Ну, как бы тебе объяснить! Ладно… скажу, как есть… Граф Инсиэнар был первым мужчиной Лаурэ. Тебя тогда при дворе не было — ты ушел в свой первый поход с Эдмиром — и не знаешь, как сестра буквально летала… Она такая радостная была! Такая красивая… Ни до, ни после я никогда больше не видела Лаурэ настолько счастливой и открытой. Она прибегала то ко мне, то к Эсти, чтобы рассказать, какой ее возлюбленный добрый, красивый, нежный! И не замечала глупости и наглости своего избранника. Но Сорондо готов был дать свое согласие на их свадьбу: и ради сестры, и ради того, чтобы присоединить само графство. Он не сомневался, что править будет Лаурэ. И она будет счастлива. Только ради этого брат готов был закрыть глаза на самого Инсиэнара. А сестра… Она просто любила и мечтала, что станет женой Листара, родит ему наследников… А оказалось, что Инсиэнар всего лишь развлекался.

- ****! — Невольно вырвалось у Эльмарана. Он даже привстал от возмущения. — Он совсем спятил? Проделать такое с принцессой крови! И как только король стерпел это оскорбление?!

— Да какое там оскорбление? — Грустно улыбнулась Исса. — Лаурэ сама свела все к простому недопониманию. Да и время тогда было… такое. Нам не нужна была война, даже маленькая. И так границы полыхали, не переставая: то кочевники, то пустынники, то пираты… Вспомни, мы с тобой в те годы почти и не виделись. Если бы еще и графство присоединилось к нашим врагам, совсем бы худо стало. Так что я на месте сестры тоже перевела бы все в неуклюжую шутку… а потом отомстила! Что, собственно, Лаурэ и проделала чуть позже, когда причина ее с графом разрыва позабылась.

— Ха! — Озарило барона. — Так инициатором Ильсийского договора была Лаурэ?!

— Вот именно, — улыбнулась принцесса. — До сих пор ни я, ни Эстель так и не знаем, КАК она все провернула — Лаурэ молчит, а брат сказал, чтобы мы не забивали свои хорошенькие головки ненужными сведениями. Но Инсиэнарское графство вошло в королевство на правах прямого вассалитета. И этот придурок Листар даже не понял, кто и почему это с ним проделал. Представляешь, он, всякий раз приезжая в Меайру, пытался наладить с брошенной любовницей дружескую связь?! Ну, не идиот ли?! Он даже не понимал, насколько неприятен сестре. А я все гадала, что она задумала, почему не уничтожит этого предателя? А, оказывается, она просто ждала момента, чтобы расправиться с ним чужими руками!

— Вот только при этом едва не подставила Валиэля, — отозвался Эльмаран. — Нет, здесь что-то другое. К Валю она всегда хорошо относилась… Неужели твоя сестра имеет что-то против Деззиона? Но Карлаэль ничем не мог ее обидеть…

— Мне кажется… — медленно начала Исса, закидывая руки за голову и потягиваясь, явно провоцирую возлюбленного на более интересные действия, чем какие-то разговоры. — Мне кажется, что Лаурэ в кого-то влюбилась. Но, пережив первое предательство, держит все в себе, боясь вновь разочароваться. Вот и бесится, срываясь на окружающих.

— Ну и темные боги с ней, с твоей сестрой!.. — пробормотал барон, жадно накрывая собой тело женщины, с готовностью его принявшее. — Люблю тебя!

Тихий, довольный смех был ему наградой…

…Эдмир отослал молчаливых слуг и сам… лично!.. вытащил из неглубокого бассейна расслабленного теплой водой мужа.

Рэниари, уставший и почти засыпающий, не протестовал. Он уже привык, что его то и дело таскают на руках. Хотя в первое время это здорово раздражало и смущало. Хотя Рэни и объясняли, что подобное для него, как для младшего, должно стать привычным, юноша все равно всякий раз сжимался, когда сильные руки мужа возносили его над землей.

Но сейчас, после бала, было приятно ощутить на себе чужую заботу. Хотя принц-консорт и не танцевал, но сидеть с улыбкой на глазах огромного зала или вести бесконечные беседы, полные завуалированных намеков, было еще той работенкой, после которой хотелось лечь и расслабиться. Но ЭТОЙ ночью отдых ему не светил. Да и сама ночь уже заканчивалась. А на утро ему придется принять свое заточение на целый месяц. Так что Эдмир явно не даст ему поспать. Хотя и сам Рэниари не был против: тело, уже привыкшее к ласкам, требовало свое… в паху медленно и верно разгорался пожар. И не было никакого шанса скрыть собственное возбуждение… впрочем, юноша и не пытался.

И он позволял себя вытирать и расчесывать, не делая попыток перехватить инициативу — слишком лениво было. К тому же Эдмир даже сушку волос полотенцами превратил в изысканную ласку, сам заводясь от того, что делал.

— Хочу тебя!.. — шептал он страстно, осторожно укладывая мужа на разобранную слугами постель. — Хочу так, что с ума схожу!

Рэни тоже хотел, но признаваться в этом считал лишним — и так все видно.

— Хочу быть рядом с тобой… — мужчина, голодно блестя глазами, скользнул к нему, руками осторожно разминая уставшие плечи Искры. — Хочу ласкать тебя… Хочу…

Широкие ладони принца-наследника вкрадчиво легли на грудь Рэниари, поглаживая, лаская, самыми кончиками пальцев задевая уже твердые соски, чуть пощипывая их и выкручивая. Эд был очень осторожен, зная о повысившейся чувствительности маленьких кусочков плоти. Но даже такой незамысловатой ласки хватило, чтобы юноша тут же со стоном нетерпения выгнулся ему навстречу, вцепившись пальцами в атласное одеяло.

А руки принца-наследника уже тягуче-медленно гладили высокий живот Рэниари, то скользя на бока, мимоходом лаская ребра, то вновь возвращаясь к соскам, пока губы Эда целовали колыбель их ребенка, упорно обходя вниманием восставший член юноши, уже истекающий

смазкой. Сам консорт не мог дотянуться до паха, чем и пользовался его старший, стараясь как можно сильнее завести мужа.

Наигравшись с животом, Эд вновь вернулся к так понравившимся ему соскам, теребя темные комочки. А потом вдруг, резко подтянувшись, дотянулся губами до шеи юноши, вылизывая ее и ставя многочисленные метки на дрожащем от стонов горле. Дико хотелось лечь на желанное тело младшего, но Эдмир крепился, боясь навредить малышу: прошли те времена, когда он мог вытворять в постели, что душе угодно. Теперь же приходилось думать не только о себе. И это оказалась так непривычно… так волнующе… и так прекрасно!

Жестокого, безжалостного принца наедине с супругом затапливала удивительная нежность. Хотелось любить весь мир в лице одного столь желанного и столь прекрасного существа, как его младший. Хотелось делать все, чтобы тому было хорошо…

И, застонав, принц-наследник, раздвинув колени Рэниари в стороны, начал потихоньку… изводя самого себя ожиданием… скользить руками по длинным ногам, по внутренней стороне бедер… коснулся с нежностью налитого члена Искры. И юноша затрепетал. На щеках появился темный румянец. Даже бедра явственно зарозовели — сколько бы они не спали вместе, для Рэни подобная открытость все еще была непривычной.

— Ну, давай, милый… хороший мой!.. расслабься… — Эд продолжал нежно гладить супруга, с удовольствием наблюдая, как прозрачные капли смазки срываются с налитой головки его мальчика, как он все сильнее прогибается в спине и мелко-мелко дрожит. Рэни прикусил губу, когда пальцы мужа нашли вход в его тело и проникли внутрь, заставляя замереть в предвкушении. Но Эдмир только чуть вошел в шелковистую глубину, самыми кончиками пальцев лаская упругие стенки, тут же отозвавшиеся неконтролируемой горячей волной. И замер… чтобы мгновением позже войти еще чуть… отступить… проникнуть еще на фалангу, щекоча партнера изнутри.

Внутри Рэниари все сжималось, но муж внезапно убрал пальцы. И, прежде, чем юноша успел возмущенно вскинуться, приник губами к пульсирующей звездочке входа. И Рэни едва не задохнулся, почувствовав горячий, влажный язык мужчины, что ласкал, вылизывай, его ТАМ. Руки принца-наследника тут же скользнули ему под бедра, сжимая… фиксируя маленькие, крепкие ягодицы, еще больше разводя их в стороны… приподнимая, чтобы дать больший доступ к вожделенной звездочке.

На миг оторвавшись от своего занятия, Эд, уткнувшись носом в пах мужа, громко втянул в себя аромат его тела, хищно облизываясь. И в следующий миг прошелся языком по всей длине напряженного ствола, слизывая с дрогнувшей головки жемчужную капельку смазки.

Самого же Рэни уже колотило от каждой ласки. Бедра юноши непроизвольно двигались навстречу старшему, приподнимая тугой холм живота. Потемневший от прилива крови член буквально прилип к нему. Юноша уже в голос стонал, периодически срываясь на тонкий вскрик.

— Маленький мой… ласковый… хороший… — шептал Эдмир, то покрывая короткими, быстрыми поцелуями напряженные бедра супруга, то лаская вход в трепещущее тело. — Люблю тебя… обожаю!.. Жить без тебя не могу!

Но вряд ли муж в таком состоянии слышал его шепот. Руки Рэниари вцепились в бугристые от мышц плечи супруга, ногтями царапая его гладкую кожу, мокрую от пота. Затем, ухватившись пальцами за волосы мужчины, консорт потянул голову Эдмира вверх, заставляя оторваться от

себя. И впился в его удивленный такой активностью рот яростным поцелуем, прикусывая губы и вылизывая внутреннюю полость горячим языком. Судя по полубезумным глазам, юноша уже мало что соображал, извиваясь всем телом… потираясь им об Эдмира. А тому больше всего на свете хотелось в этот миг плюнуть на все и со всей дури ворваться в распаленное им самим тело!

Но по опыту прежних проникновений Эд уже успел уяснить, что мужу будет в лучшем случае неприятно, а то и больно. Беременность сорвала все ограничения со спящей до поры до времени чувствительности Рэниари. Но она же и ограничила их близость в постели. Особенно в последнее время, когда распаленный ласками муж начинать стонать от боли, едва Эдмир пытался войти в него не пальцами и языком, а кое-чем более существенным. Рэниари никогда не отказывал ему в близости, но Эд и сам прекратил ее, когда понял, что делает любимому плохо. Как объяснял наследнику Итарон, подобное было обычным при мужской беременности. Когда младшие, вынашивая на последнем месяце кокон, на фоне повышенного желания теряли возможность получать удовольствие от глубокого проникновения… в отличие от женщин, что могли дарить себя мужьям почти до конца срока.

Эдмиру было конечно жаль утерянной до времени близости. Но он готов был терпеть, лишь бы его мальчику было хорошо. Да и не особенно он страдал, видя какое удовольствие приносят мужу его ласки. А вот самому Рэниари даже такая близость между ними была важна, даря чувство защищенности и покоя.

— Тише… милый, тише!.. — ласкающе шептал наследник, приподнимаясь на руках, чтобы не задеть высокого живота мужа. — Я сейчас!

Губы наследника сладко ныли от яростных поцелуев Искры. В крови словно пузырьки воздуха танцевали, наполняя воина эйфорией. Сила текла сквозь него сплошным потоком, даря ощущение всесильности и сопричастности ко всем тайнам мира разом…

И Эдмир вновь, как к огромной конфете приник к пульсирующему члену своего мальчика, тут же вознагражденный за понятливость дернувшимися вверх бедрами консорта и раздавшимся над головой низким стоном, от которого с ума можно было сойти, столько в нем было страсти и желания!

Он вновь прошелся языком сверху вниз и обратно, обласкав каждую выступающую венку и покружив вокруг открытой головки.

Как же ты хочешь меня, мой золотой мальчик!

Я же вижу, как ты меня хочешь. И пусть ты сам в этом пока не признаешься, но твое тело не умеет лгать! Оно, тело, хочет… желает меня! А я желаю не только твое тело — я отчаянно, до душевной боли желаю именно тебя!

А получаю только твое тело…

Как же это больно.

И остается только дарить тебе всего себя, ласкать до звона в ушах, до разноцветных бабочек перед глазами!.. Упиваться твоими стонами… мягко и нежно… жестко и сильно… но всегда именно так, чтобы ТЕБЕ было хорошо!

Не выдержав столь изысканной ласки, Рэни с криком кончил, содрогаясь всем телом. Эдмир не дал ему отстраниться — принял все до капли, высосал насухо быстро опадающий член

любимого. И блаженно припал щекой ко все еще подергивающемуся бедру мужа, наплевав на собственное возбуждение.

Счастливый уже от того, что сумел доставить Рэниари удовольствие.

Но муж, отдышавшись, сумел таки сесть. И заставил Эдмира перевернуться на спину, в свою очередь нависая над его пахом, где красовался стоявший колом большой член наследника. Теперь настала пора Эда сладко замирать и толкаться бедрами в жаркий рот — Рэни все еще не очень умел делать минет. Но старался. И хотя мужчина знал, что так супруг всего лишь благодарит его за разрядку, но все равно было приятно, когда юркий язычок скользил по его органу, кружил вокруг головки, даря неземное блаженство.

А у Рэниари вдруг закружилась голова. И он уткнулся носом в пах супруга, пережидая. Почему-то на миг показалась, что светлая кожа Эдмира неожиданно потемнела, став чуть ли не черной…

Что за бред?!

Но странное чувство дежа вю едва не сбило весь настрой. Почему-то пришло на ум, что подобная ситуация уже когда-то была, сводя с ума чужими звуками, незнакомыми ароматами, призрачными видениями.

Опять сильно заболела рука. Юноша даже не посмотрел на нее, и так зная, что ничего не увидит. Не впервые эта боль. Но в этот раз сильно резануло сердце. Да так, что Рэниари пришлось приложить все усилия, чтобы муж ничего не заметил. И консорт вновь припал губами к подрагивающему члену Эдмира, выплескивая внезапные боль и тоску в этой отчаянной ласке.

А в глазах от наслаждения темнело у обоих…

…Захлестнувшие дворец магические волны вздыбились яростным цунами, с беззвучным грохотом обрушиваясь на безмятежно спавшую столицу. И Верховный маг, только-только раздевшийся для сна, подскочил словно укушенный.

Неужели?..

Вокруг него невидимые, не ощущаемые никем кроме магов потоки силы неудержимо струились по дворцу… растекались по городу… и с сожалением иссякали, так и не достигнув Храма.

Единение по-прежнему оставалось неполным, грозя смертельным наказанием не принявшим его.

Все еще не принявшим…

Огромный, пустынный в этот час Тронный зал внезапно полыхнул яркой вспышкой. И вознесенный на огромную высоту расписной потолок изменился. Неуловимо перетекая то ли красками, то ли лунным светом, от роскошной росписи, сохранившейся со времен эльфов, отделились два белоснежных эдэльрима.

Два снежных феникса — древняя легенда ушедших эльфов!

mir-knigi.org

Символ затерявшейся в веках императорской династии. Герб, на который имели право лишь Императоры-Искры.

Или их ничего не знающий о своем наследии потомок…

Взмахи огромных серебристо-белых, призрачных крыльев оставляли после себя медленно тающую в воздухе сияющую пыль. Роскошные хвостовые перья развевались на незримом ветру, искрились, переливались, сплетались беззвучными протуберанцами. Мах крыльев перекрывал все огромное пространство зала над пустующим королевским троном… таким жалким на фоне жуткого великолепия призрачного танца!

Ни шороха, ни звука не доносилось из-под высокого купола, где мерцали снежные фениксы. И только издалека… на самой грани слуха!.. как будто слышался торжествующий клекот гигантских птиц.

Эдэльримы танцевали, как и многие тысячелетия назад, приветствуя приход в мир очередного Императора. Того, чьими бессменными и нерукотворными стражами они являлись. Смертоносно-прекрасный дар богов Хранителю на заре сотворения мира, про которые все давно забыли.

Магия питала их, позволяя эдэльримам жить и служить своему повелителю. Магия струилась сквозь них. Магия давала им силы сражаться. Без нее они засыпали, терпеливо ожидая пробуждения очередного Императора.

Вот и сейчас силы оказалось слишком мало… всего лишь кратковременная вспышка… крошечная искорка по сравнению с лесным пожаром… и птицы угасали, вновь незаметно сливаясь с древней росписью потолка.

И Верховный маг, торопливо вбежавший в зал во главе целой толпы магов, уже ничего не увидел… кроме необъяснимого, слишком яркого для обычных лун света, что угасал под куполом зала.

Печально вздохнув, магия вновь заснула…

Глава 3

— …****!!!!

Отшвырнув нагревшуюся подушку, Эдмир раздраженно сел на обширном и бесконечно пустом ложе. Вот уже четыре недели он спал один. И так и не смог привыкнуть к вернувшемуся одиночеству. Никто больше не согревал его бок, прижимаясь во сне в поисках тепла. Никто не сопел умиротворенно, уткнувшись носом в плечо!

******!!! Да даже никто не молчал зло, не согласный с каким-либо решением старшего мужа!

А ведь когда-то Бешеный принц безжалостно выставлял использованных любовников из постели, не терпя, чтобы кто-то лежал рядом с ним после близости. Думал ли Эд когда-нибудь, что будет ТАК тосковать по докучливому, как он считал ранее, чужому присутствию в своей жизни?! Даже о предполагаемом супруге тогда думал, что им достаточно будет раздельных покоев: насладились друг другом — и разбежались!

И вот теперь четыре долгие недели пытки одиночеством!

Эд честно держался первые две, не отвлекаясь на возобновившиеся авансы придворных, стремящихся скрасить ожидание будущему королю. Изнурял себя на плацу и на отцовских советах. Даже пытался охотиться в заповеднике, где держали специально выведенную дичь: в середине весны в обычных лесах уже не поохотишься — грязь, да еще отощавшее за долгую зиму зверье вызывало откровенную жалость, а не желание прибить ради линялой шкуры.

Но даже ежедневные разговоры с Рэниари мало спасали: юный супруг, тоже изнывая от безделья, пытался продолжать управлять дворцом. Но мужчина упрямо держался… крепился!.. надрачивая самому себе и кончая от одной только мысли о страстном теле мужа.

Но все разом полетело к пьяным демонам, когда однажды днем к Эдмиру бесцеремонно ввалился сводный братец, совершенно невменяемый и непривычно поглупевший от радости — его супруги родили один за другим!

При этом бедняга Баррэт выглядел так, словно сам рожал, да не по разу! Настолько потрепанным и безумным был его вид. Доставивший графа личный маг Вороналей — смешливый блондин с серо-зелеными глазами — весело пояснил удивленному принцу, что роды у лордов Лотэ и Сэриэля прошли на редкость удачно. Дети здоровы, как и их родители. А в крепости Круглого Холма полно родственников младших со-мужей. И Баррэт, не выдержавший начавшейся суматохи и грандиозных приготовлений к празднованию, просто-напросто сбежал к племяннику, спеша поделиться с ним своей радостью. Причем, судя по словам мага Кассина, гулять собиралась не только Крепость, но и соседняя Цитадель. А учитывая, что под Сауналями и Ротаолями ходили Центральные провинции, то вся эта радость стремительно, но верно перетекала в грандиозную пьянку, грозившую вывести из строя всю южную и центральную часть королевства!

Особенно был счастлив Лотэ, родивший сына на радость их с Сэри родителям. Теперь отмучившийся и выполнивший свой долг сразу перед двумя семьями брюнет буквально летал, отказываясь выпускать из рук сына, избавившего его от нового кокона. Саунали и Ротаоли тоже были довольны, тетешкая будущего графа Синих Камней и пытаясь отобрать его у родителя.

Сэриэлю не так повезло — у него родилась дочь. Но младший супруг ничуть не переживал по этому поводу. Воспитанный младшим, он был только рад вновь выносить и родить ребенка. И не мог нарадоваться на спокойную, в отличие от своего брата девочку. Леди Вениа и лорд Вэндинк уже боготворили внучку, в то время как главы их семейств восторгались бутузом Ло. Сэри с лету назвал девочку Равилиссой — в честь своей умершей давно сестры-близнеца. И успокоился. В то время как Лотэ все никак не мог определиться с именем сына, измучив Баррэта и остальную родню.

Так что старший Ворональ, плюнув на свои обязанности графа, сбежал прямым телепортом в столицу в тайной надежде, что сумеет успокоиться и переварить свалившуюся на него радость. Счастье и проснувшаяся гордость за детей захлестывали сводного брата с головой. Баррэт готов был любить весь мир и его же облагодетельствовать. И Эдмир, пообщавшись с братом, невольно от него заразился радостным настроением.

Словом, оба мужчины быстро оказались в кабинете принца-наследника, где как-то незаметно усидели несколько кувшинов вина, не особо налегая на закуску. Как и когда в их компанию затесался маг Кассин и вернувшийся с ним целитель Вариш, не знал никто. К счастью для последнего он пришел, когда под влиянием южной лозы Эдмир помягчел и забыл, что именно из-за этого белокурого и сероглазого целителя в свое время получил по заднице от Итарона. Впрочем, какие-то ассоциации в пьяной голове наследника еще остались, и он невольно

почесал пятую точку, силясь что-то вспомнить, пока Баррэт взахлеб рассказывал, какие красивые и умные у него дети. Каким образом граф сумел просчитать уровень сообразительности новорожденных наследников, никто так и не понял. Но все дружно согласились, что дети и впрямь и умные, и красивые.

Потом маги куда-то исчезли, а вместо них появились Лоран, Айрэ и Карлаэль. А потом в кабинете возникли абсолютно трезвые Лотэ и Сэриэль, сгребли уснувшего мужа и куда-то исчезли с помощью Кассина. Но оставшимся было уже настолько хорошо, что исчезновение главного виновника торжества никто и не приметил. Даже скромный и сдержанный Айрэ пил наравне со всеми, правда, потихонечку прикладывался к флакону с протрезвляющим зельем. Но это заметил только один Валиэль, заглянувший в кабинет в поисках мужа. Но младший маркиз лишь понимающе хмыкнул и отправился с докладом (сиречь — с ябедой!) на половину консорта, которому служил чем-то вроде доверенного секретаря.

А Эдмиру вдруг приспичило пойти проведать мужа. Оставив веселую компанию продолжать дегустировать вина и сравнивать их качество, принц-наследник решительно отправился к Рэниари. Эд еще помнил, что напрямую к супругу его никто не пустит. И двинулся на штурм покоев возлюбленного через балкон сразу четвертого этажа, на котором располагались комнаты прислуги. Но был отловлен на дальних подступах Итароном, протрезвлен и отправлен в кровать.

Тогда Эдмир только посмеялся, когда очутился в тишине своих покоев — никогда еще в его жизни не было, чтобы он лазил через окна, пытаясь добраться до предмета своего обожания. Принц-наследник еще успел с умилением выслушать по магическому зеркалу сердитую проповедь Рэниари, которому приключения мужа не дали спокойно пообщаться с южными родственниками и выслушать все новости из дома. И завалился спать в предвкушении близившегося появления собственного ребенка.

Но на утро на окончательно протрезвевшего мужчину неподъемной глыбой навалилась дикая тоска. Чужая радость словно сорвала с души Эдмира все ограничения. И он сгорал от желания прикоснуться, вдохнуть родной запах, поговорить не через бездушную магическую пленку, а вот так… держась за руку. И с каждым днем наследнику становилось лишь хуже. Эдмир зубами скрипел, с трудом удерживаясь, чтобы не уничтожить все преграды и не схватить в охапку того, кто был ему так нужен. И если бы дело было только в силе Искры!.. Но магические резервы Эда были полнехоньки! Нет, принцу-наследнику был нужен сам Рэниари.

Но что хуже всего — это то, что вновь вернулись ТЕ сны…

Странные… нереально-реальные… изматывающие настолько, что хотелось волком выть. И в то же время щемяще-пронзительные… наполненные светом и бесконечной нежностью. В этих снах было ожидание чуда…

Почему-то один сон повторялся чаще других.

…Воистину королевское великолепие нарядного зала…

Ажурные своды, парящие над изысканной мозаикой пола.

Радужные переливы высоких, неестественно узких витражей…

Солнечные зайчики радостно скачут по белоснежным стенам и нарядной толпе, заполняющей обширное пространство среди величественных колонн… высверки драгоценностей,

маслянистые блики золотых украшений…

Лица и фигуры сливаются в неразличимое, колышущееся пятно… почему-то весьма темное пятно… несмотря на разноцветные кляксы платьев и камзолов…

Но Эдмиру все равно… все безразлично. Взгляд принца-наследника ищет в толпе лишь одного… единственного… желанного настолько, что без него невозможно жить.

И с облегчением находит…

ОН скользит сквозь безликую толпу, окруженный музыкой словно императорской мантией. И неожиданно плотные перья тумана опускаются-поднимаются-разлетаются по залу. И не понять — то ли это туман, то ли снег, то ли тоска от собственного одиночества… что вот ОН, твой желанный… не рядом с тобой. Слишком далеко, чтобы обнять… прижать к груди…

ОН скользит-танцует, даже не поднимая взгляда от зеркального пола… не смотрит на тебя! И ты зря пытаешься увидеть его глаза. И почему тебе казалось, что его волосы белые? Вот же — они золотые! Такие сверкающие… мягко переливаются в прихотливых изгибах локонов, собранных в тяжелую прическу, что заставляет гордо вскидывать голову…

ЕГО золотая корона.

И зачем такой красоте другие украшения? Но они есть. И ты заворожено сглатываешь, наблюдая, как скользит вдоль светлой щеки одинокая прядь волос, перевитая золотыми нитями с вкраплением каких-то голубых камней…

Легкое, слегка нетерпеливое движение головы… и все это богатство обрушивается водопадом на узкую спину, заставляя тебя замереть от щемящего предвкушения.

А золото волос буквально обжигает, еще больше наливаясь светом… впитывая в себя само солнце!

Боги мои! Как же ты прекрасен!

Невесомые, полупрозрачные ткани окружают твое гибкое тело, даря облику недосказанность… лишь намек — все видно и не видно ничего… Все оттенки белого, голубого, синего, с легким просверком серебра и золота…

Твой танец…

Твой взгляд…

Холодный…

Обжигающий…

Яростный…

Нежный…

Гордый…

Далекий…

mir-knigi.org

Столько оттенков в нем, что голова кругом!

Ты одновременно принадлежишь и мне и всем вокруг. И от этого так больно… больно, что ты не мой. И страшно…

Почему я уверен, что увижу в родных глаза лишь безразличие в противовес моей отчаянной любви к тебе?! И я молюсь, чтобы увидеть хотя бы это, а не брезгливое презрение.

Красивый…

Мой ледяной… солнечный король…

Обычно на этом месте принц-наследник просыпался с дикой тоской в груди и с сухими рыданиями в терпеливую подушку.

Чтобы вновь заснуть и увидеть…

…знакомый зал. Только пустой и гулкий. И темный…

Лишь одинокая, неестественно крупная и идеально ровная луна заглядывает в словно выцветшие витражи.

И в этом зале под дикую… неслышную… чудом угадываемую мелодию ТЫ бьешься в танце словно в агонии!

Сжатые в тонкую нитку любимые губы, что так упоительно целовать, скользя языком за белоснежный барьер зубов… трагичный излом идеальных бровей… яростный взмах длинных ресниц… тело, что изгибается в немыслимых позах!

Ты танцуешь свою тоску, боль, отчаяние… разочарование… во мне?..

Как больно.

Печальный зал пуст… и этот танец меж лунных теней на полу…

Да!

Кружись… кружись яростно!.. самозабвенно!..

Все ближе и ближе ко мне.

Так близко ко мне!

Поймать в объятия и прижать к своей груди, слушая бешеный стук твоего сердца… впиться в твои разомкнувшиеся наконец-то губы, выпивая мед твоего дыхания!

ТЫ беззвучно то ли плачешь, то ли проклинаешь меня… бьешься пойманной птицей… и прижимаешься так тесно…

Твое тело такое горячее… такое отзывчивое в моих руках…

И такое возбужденное!

mir-knigi.org

…Зло распинав скрутившиеся одеяла, Эдмир практически враскоряку добрался до ванной комнаты и шагнул босыми ногами на подогретый магией пол. Света из частых стрельчатых окон вполне хватало, чтобы видеть все внутри обширной залы, уставленной полупрозрачными ширмами и скамьями из душистого дерева. Центральный бассейн тихонько плескал от постоянно циркулирующей в нем воды, слегка подсвеченной розово-золотыми бликами лунного света. Так что, решив обойтись без дополнительного освещения, принц-наследник пошлепал к мраморной чаше и со вздохом облегчения погрузился в теплую воду.

******! И еще раз *******!

Проворочался, почитай, всю ночь без сна… тело тянуло во всех членах. И почему-то от непроизвольных судорог дергался живот. Судя по лунному свету — ночь заканчивается. А ведь завтра его ждет отец, чтобы разобраться с налогами по северным провинциям. Да он же и двух слов не сможет связать от проклятой бессонницы!

Постоянное напряжение в чреслах уже измучило своей настырностью. А ведь когда-то он по-идиотски мечтал, чтобы у него как можно дольше стояло!

Вот уж, действительно, бойтесь своих желаний…

Руки мужчины привычно огладили широкую грудь с великолепной прорисовкой мышечных пластин, цепляя затвердевшие соски, скользнули ниже… Ничуть не помягчевшие от воды воинские мозоли на ладонях слегка царапнули подтянутый живот, рельефный от плотных кубиков пресса… и пальцы живо обхватили налитую плоть, сразу взяв в кольцо и начиная ласку.

То натягивая тонкую кожицу на головку, то вновь ее оттягивая, принц-наследник пару раз прошелся по всей длине собственного органа. И, неудовлетворенно откинув голову на низкий бортик, без затей, торопливо окунув ладонь в первую попавшуюся чашу с душистым мылом, сжал кулак, формируя, "тоннель". И принялся с нажимом проталкивать член через него. И тихонько застонал, полузакрыв от наслаждения глаза. Перед внутренним взором как живой предстал Рэни… обнаженный… такой теплый!.. по золотистой нежной коже провокационно струились длинные пряди распущенных волос… скользя… очерчивая… подчеркивая!

Перехватив эстафету другой ладонью и кружа хорошо смазанной рукой вокруг налившейся головки, а второй подрачивать член у основания, Эд непроизвольно начал поддавать напряженными бедрами вверх, выгибаясь всем телом.

Разрядка как всегда ударила резко и неожиданно: почему-то, вспоминая мужа, невозможно было себя контролировать. Обмякнув от накатившего облегчения, Эдмир погрузился по подбородок в ласковую воду, отрешенно наблюдая, как тают в быстро очищающейся глубине опалесцирующие струйки его семени. И только тогда почувствовал, что, наконец-то, засыпает…

И потому проигнорировал, как почти беззвучно разошлась вода у противоположного бортика. И темное тело проскользнуло к нему у самого дна. Только на самой грани сна мужчина почувствовал, как его приятно расслабленного тела что-то нежно коснулось, даря уют и покой.

— Рээээниииии… — чуть слышно выдохнул Эдмир сквозь полусон: ему так живо представилось, что супруг с загадочной улыбкой на изогнутых луком губах приник к нему, чуть заметно лаская нежными пальчиками ноги наследника. — Помириться пришееееел… солнышкооо…

И повернулся, оттопыривая зад, чтобы мужу легче было добраться сразу до двух

стратегических позиций. По спине тут же осторожно погладили, скользнув на ставшие чувствительными ягодицы.

— Даааа… возьми меня… сильнее…

И Рэниари вцепился в филейную часть изо всех сил!.. даже, кажется, зубы присоединил, чтоб действительно было сильнее!

— АААААААААААААААААААААА!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Эдмир… и откуда только силы взялись?!.. бешеным файерболом вылетел из взметнувшейся фонтаном воды и заскакал по ванной, судорожно соображая, кто же сейчас висит на его заднице?!

То, что это не любимый муж, было понятно. НО КТО????!!!!!!

— Мать твоюююююююююю! — Взвыл принц, начав уже более-менее соображать. Пятая точка болезненно пульсировала, но уже не настолько, чтобы взъярившийся Эдмир не начал прикидывать, как ему избавиться от лишнего груза — большое зеркало на стене отразило задумчиво висевшего на филее наследника Черныша, отслеживающего все размахивания руками своей жертвы.

Обширное помещение ванной комнаты залил резкий свет враз вспыхнувших магических светильников. И появившийся в дверях Итарон весьма неодобрительно посмотрел на колоритную парочку среди перевернутых скамеек и ширм. Эдмир в этот миг, глухо матерясь, пытался отодрать от своей попы маго-кота. Но Черныш отрываться не желал, не реагируя даже на свой накрученный на кулак мужчины мокрый хвост.

- ******! Удавить ****** мелкую!..

Обалдевший от увиденного маг сделал было движение помочь племяннику, но Черныш прижал к голове уши и предостерегающе зашипел сквозь наполненную «мясом» пасть.

— Б****!.. Итарон,**** ***** не подходи! Эта сволочь еще прочнее цепляется! — Зарычал принц, еще больше заводя руки за спину и пытаясь половчее вцепиться хоть куда-нибудь, лишь бы отодрать приставучую зверюгу.

Но старый волшебник, сделав самое серьезное лицо, укоризненно посмотрел на Черныша. — Вот как тебе не стыдно!

Кот внимательно скосил глаз на лорда и помотал головой — дескать, ничуть…

— Рэниари это не понравится, — продолжал увещевать Итарон. Кот задумался. — Плюнь бяку!

— ЧТОООО?! — Взвыл Эдмир. — Итарон, ты кого тут спасаешь?!

— Обоих, — невозмутимо ответил старик, наблюдая, как Черныш, сведя глаза к носу, внимательно рассматривает «бяку». Какое-то время кот явственно колебался, но потом брезгливо «плюнул». И, ловко увернувшись от рук злого как все демоны подземелий принца, отскочил в сторону, невозмутимо принявшись вылизывать мокрую шерсть.

— УБЪЮ ГАДА!.. — маньячно выдохнул Эдмир и медленно пошел на кота, оскалившись в кровожадной улыбке. Но замер, неловко вывернув голову и разглядывая в зеркале свой

пострадавший зад.

— А?!.. Ээээ… — на гладкой коже не было и следа укусов, лишь два красных полукружия на левой ягодице, словно от сильного щипка. — Аааа…

— Ваше высочество, — менторским тоном пояснил Итарон, пряча под мантией подрагивающие от сдерживаемого смеха руки. — Я, кажется, упоминал, что Черныш полностью магическое сознание. И никогда не причинит серьезного зла тому, кого воспринимает как принадлежность своего хозяина.

— Тогда какого ****** он сюда приперся!.. — все еще зло буркнул Эдмир, косясь на невозмутимого кота и потирая ноющую ягодицу.

— Видимо он просто решил вам сообщить, что роды начались, — скрывая улыбку, поведал Итарон.

Матерящийся Эдмир мгновенно заткнулся, тут же подобравшись.

…Каким образом он сумел одеться в таком раздрае чувств, Эд и сам не помнил. Но по коридорам спящего дворца мужчина несся уже в сапогах, штанах и рубашке, правда, без камзола. Бедняга Итарон едва поспевал за длинноногим племянником.

Покои, в которых его муж провел в одиночестве целый месяц, встретили принца-наследника спокойной, деловитой суетой магов-целителей. Сам Рэниари в одной тонкой рубашке лежал на специальной широкой кушетке, и выглядел вполне себе спокойным. Судя по высокому холму живота, самое главное все еще было впереди.

— Как ты?! — Сразу же бросился к юноше Эд, схватившись за его расслабленные плечи. Муж неуверенно ему улыбнулся, прислушиваясь к себе. — Тебе не больно?! Боги, как же я по тебе скучал!..

И с ногами (только сапоги сбросил!..) забрался на кушетку, опираясь на ее изголовье и привалив к себе спиной мужа.

— Все в порядке… — удивленно отозвался Рэниари. — Только странно как-то… Не больно… а… просто странно.

Принц-наследник с упоением зарылся носом в пушистые волосы супруга, нежно целуя его макушку.

— Итарон разрешил мне быть с тобой… — невнятно проговорил он, полузакрыв глаза от наслаждения. — Скоро все закончится.

— Ваши высочества, — серьезно произнес один из целителей. — Мы начинаем.

Оба принца сосредоточенно кивнули. Они прекрасно знали, что сейчас должно произойти — с ними обоими не раз беседовали маги. В данный момент развившийся кокон с ребенком находился внутри Рэниари в материальном виде. Но при своем извлечении переводился на иной план бытия, бестелесным фантомом проникая сквозь ткани. И вновь материализовался уже вне тела юноши. И только потом начиналась кропотливая работа магов по разделении аур отца и новорожденного.

mir-knigi.org

Рэни, положив голову на плечо державшего его мужа, заворожено наблюдал, как из него выплывает нестерпимо сияющее маленькое солнышко. И зависает над опавшим животом, тут же превращаясь в плотный шар.

— Ну, вот и все, — удовлетворенно отозвался Итарон. — Ничего страшного. Ни боли, ни крови… только кожа растянулась. Но это исправимо. Сейчас ауры разделят, и можете быть свободны. Только рекомендую воздержаться от близости ближайшие дни. Вариш, ограничители не забыли?

Знакомый Эдмиру белобрысый маг молча продемонстрировал шкатулку, где туманно мерцали ленты магических амулетов.

— Отлично, — улыбнулся Итарон. — Как только ребенок появится — сразу надевайте ограничители. Уже сейчас видно, что будет сильным магом…

И тут Рэни неожиданно выгнулся, пронзительно закричав от боли.

— Что… — Эдмир непонимающе заглянул в любимое лицо, почти до неузнаваемости искаженное страданием. — Да что, ********, происходит?!!!!.. Вы же говорили, что никаких трудностей!

- *******! **********!!!!!!!!!!!!!!!!! — Тоже рявкнул Итарон на целителей, в одной длинной фразе высказав все, что думал. — Вариш!

— Я держу! — Тоже непонятно отозвался светловолосый маг, почти серый от напряжения. — Не получается!..

А Рэни продолжал протяжно кричать, неосознанно вырываясь из рук вцепившегося в него мужа. Тело юноши скручивали бесконечные судороги, до хруста выкручивая суставы и заставляя биться затылком об грудь прижимавшего его к себе Эдмира. Сам мужчина не обращал внимания на боль, занятый тем, чтобы удержать консорта… не дать ему себя искалечить…

— ДА СДЕЛАЙТЕ ЖЕ ЧТО-НИБУДЬ! — Едва не плача, заорал Эдмир, не в силах смотреть на страдания любимого человека: Рэни, явно ничего не соображая, пытался вывернуться из его хватки!

— Все! — Крикнул Вариш. И безумный вопль Искры оборвался так внезапно, что от наступившей тишины зазвенело в ушах. — Аура… она не разъединяется…

— НЕ МОЖЕТ БЫТЬ?! — Ломанулся к кушетке Верховный маг, напрочь забывший о достоинстве.

— Рэни!.. Милый, любимый… Ты как?! Очнись!.. — перепуганный Эдмир, не обращая внимание на яростно пульсирующий кокон, держал в своих объятиях потерявшего сознание мужа, вокруг которого суетились целители. Мужчину трясло от страха за мужа… от внезапного понимания, что Рэни не бессмертен… и что сейчас он каким-то образом подвергся чудовищной пытке — иначе сдержанный и очень терпеливый консорт ни за что не позволил бы другим увидеть проявление столь недостойных его чувств.

— УБЬЮЮЮЮ!!!!!!!!!! — Взревел наследник, крепко прижимая к груди обмякшего супруга. Глаза Бешеного принца светились столь угрожающе, что перепуганные маги невольно попятились… все, кроме Итарона с Варишем, занятых приведением в чувство Искры. — КАК?!..

КАК ЭТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ?! ВЫ УВЕРЯЛИ, ЧТО ВСЕ БЕЗОПАСНО?!!!!!!

— Эдмир! Прекрати! — Раздался вдруг напряженный голос Сорондо. И никем не замеченный король вошел в родильную залу. — Надо разобраться.

Эд перевел на отца налитые кровью глаза, все еще баюкая слабо зашевелившегося мужа. И какое-то время непонимающе пытался сообразить, кто это смеет ему приказывать. Наследником в этот миг владело лишь одно чувство — уничтожить то, что принесло боль его обожаемому Рэни.

Но потом разум все-таки победил, и Эдмир, как-то растерянно мигнув, беспомощно осел на кушетке, все еще удерживая мужа.

— Ламител, — тихо произнес Сорондо, глядя на брата. — Объясни, что произошло.

Верховный маг, оторвавшись от пришедшего в себя и судорожно вздрагивающего после пережитого консорта, хмуро посмотрел на злорадно сияющий кокон.

— Ничего не понятно, — ответил он. — Но, похоже, что аура ребенка слишком тесно переплелась с аурой отца. И разъединяя их, мы, считай, буквально режем по живому. Отчего это произошло, не понятно. Но если все оставить без изменений, то ничего хорошего не выйдет. Кокон выпьет из отца не только силы, но и саму жизнь.

— Что нужно делать? — Слишком уж спокойно уточнил король, властно кладя руку на плечо взвившемуся было сыну.

— Если продолжать разъединять ауры, чтобы спасти обоих — и отца и сына — то боль будет… словом, она будет, — скомкано ответил Итарон, переглядываясь с молчаливым Варишем. — Рэниари уже успел почувствовать на себе все прелести такого разъединения. И приглушить боль нет никакой возможности. Слишком кропотливая предстоит работа по расплетению всех нитей ауры — нужно будет отслеживать реакции как отца, так и ребенка.

— Еще какие варианты? — Угрюмо поинтересовался Эдмир, немного успокаиваясь — его сокровище доверчиво лежало в его объятиях и тихо слушало рассуждение магов.

Итарон замялся было, но потом вздохнул и нехотя произнес:

— Можно не спасать ребенка… Просто отсечь ауру отца… заблокировать ее. Тогда принц-консорт не будет мучиться. Но сам ребенок не выживет…

— К ******** этот проклятый кокон! — сразу же яростно выпалил Эдмир, не в силах перенести, что любимый будет страдать. — Спасите мне мужа! А потом разбирайтесь, почему так произошло.

Стоявшие вокруг ложа целители понимающе склонили головы. Но тут внезапно подал голос Рэниари.

— Нет, — произнес он одно-единственное слово, ни на кого не глядя.

— Малыш… — растерянно заглянул ему в лицо Эдмир. — Ты же…

— Я вынесу, — твердо прозвучало в ответ. — Я выдержу. Просто я оказался не готов к такой боли. Но теперь я выдержу. Расплетайте ауру.

— Милорд, — нерешительно высказался кто-то из врачей. — Пожалуйста… вам будет не просто больно, а ОЧЕНЬ больно! К тому же эта пытка на несколько часов…

— Рэни… любовь моя!.. не надо! — Произнес и Эдмир, убаюкивая мужа в кольце своих рук. — Пусть они разберутся, почему так произошло… а у нас с тобой еще будут дети… не мучайся. Я уже ненавижу этого ребенка…

— А я окончательно возненавижу тебя! — Резко отозвался Рэниари и… откуда только силы взялись!.. приподнялся на кушетке. — Никогда не прощу, если дашь убить нашего сына! Если ты от него отказываешься, то Я не откажусь! Это МОЙ ребенок! И он будет жить!

— Я не дам тебе пережить это снова! Уничтожайте кокон! — Яростный рык одновременно разозленного и перепуганного наследника не произвел никакого впечатления на его супруга.

Коротко кивнув Итарону с его магами, Рэниари откинулся на грудь сердито ругающегося Эдмира. И решительно кивнул.

— Я готов! — Заметно побледневшее лицо консорта приобрело отрешенное выражение. Он больше не обращал внимания на пытавшегося до него достучаться мужа.

Итарон задумчиво посмотрел на брата. Верховному магу как никому другому было известно, КАК Сорондо желал этого внука. Но и позволить потерять сыну любовь всей его жизни король не хотел.

— Что скажешь?.. — одними губами произнес старший брат, пока Эд, едва не плача от собственного бессилия, пытался переубедить собственного мужа.

— Хороший мой… любимый… дорогой… единственный!.. — через вздох шептал Эдмир, суматошно целуя Рэни куда придется. — Ну, пожалуйста! Не мучай себя! Мне не нужен этот ребенок… Давай выясним причину… потом родишь еще… не надо… И даже если у нас не будет детей, я все равно буду тебя любить… Мне нужен только ты…

И вдруг замолк, поймав бешеный взгляд Искры.

— Как же ты легко отказываешься от собственной плоти и крови, — чуть слышно прошептал Рэни. — От того, кого сам… НАСИЛЬНО!.. сделал мне! А вот я так не могу. Я носил этого ребенка девять месяцев… я чувствовал тепло растущего во мне кокона!.. Я не откажусь от сына, даже если ты от него уже отказался.

— Хорошо! — Решился вдруг Итарон, пресекая начинающуюся ссору. — Я поставлю часть целителей на поддержание вашего организма, Рэниари. Иначе может остановиться сердце… Вариш, ты занимаешься аурами. Остальные на подхвате! Начали!

…Эту ночь и последующее за ней утро Эдмир старался потом забыть всеми силами. Его разум милосердно отказался сохранять картины чудовищной и притом добровольной пытки, на которую обрек себя Рэниари. Все, что принц-наследник помнил — это бесконечные часы, когда он вглядывался в запрокинутое то серое, то белое лицо любимого… да собственные почерневшие запястья, в которые до крови из-под ногтей впивались пальцы Рэни… его закрытые глаза с мокрыми, слипшимися то ли от пота, то ли от слез стрелками ресниц… его стоны боли сквозь прокушенные до крови губы… его крики, когда боль стала нестерпимой…

В какой-то миг Итарон приказал наследнику делиться с юношей собственной, накопленной

магией. И лично контролировал процесс, направляя энергию тонкой струйкой, придерживая усталого от напряжения Эдмира… удерживая от того, чтобы он враз не выплеснул весь запас, как это некогда случилось в горном замке.

Магия сплошным потоком перетекала из мужчины, насыщая измученное тело Искры… помогая Рэни… освобождая из кокона уже сейчас ненавистного для наследника ребенка, что принес столько страданий его единственному… его любимому.

Если бы он мог, то забрал бы себе всю боль мужа… всю!.. без остатка. Но Эдмир был бессилен. И оставалось лишь зубами скрипеть от жгучей ненависти и изо всех сил стараться, чтобы сила текла непрерывной струйкой, возвращаясь к тому, от кого ее извлекли.

И Эдмиру плевать было на все другое… Плевать на всех, если его солнце погаснет! Пусть что угодно творится в этом мире… В этом королевстве… Ему будет все равно. Он и так слишком много потерял времени, пытаясь помириться с мужем. Но Рэни все еще не верит в его любовь… для мужа дороже всего на свете этот проклятый ребенок! Он даже не думает, что будет с самим Эдмиром, если у магов ничего не получится, и не удастся спасти консорта!

Эд всей душой, всем сердцем ненавидел рождающегося сейчас ребенка… Нет! Не так. ОН ЕГО НЕНАВИДЕЛ! Искренне, самозабвенно. Ненавидел наследника за боль, причиненную любимому человеку. И знал, что эта ненависть останется с ним навсегда. Рэни… его солнечный Рэни!..

Лишь бы не умер!

Лишь бы не умер!

Лишь бы не умер!

Только и оставалось, что повторять эти слова как бесконечную молитву к богам… умоляя… прося… требуя… проклиная!..

Занятый перекачкой силы, Эд как-то упустил миг, когда искаженное судорогой лицо Искры вдруг разгладилось, помягчело. И пространство разорвал яростно-возмущенный крик новорожденного. Одновременно с ним по стенам комнаты пошли многочисленные трещины, а с потолка посыпалась лепнина.

Сморгнув капли пота с ресниц, наследник, все еще не веря, разглядывал ставшее таким умиротворенным лицо любимого… потом судорожно, со всхлипом вздохнул и огляделся.

Комнату заливало яркое солнце — за окнами сверкал частой капелью звонкий весенний день. А на руках у Вариша самозабвенно орал сморщенный комок плоти. Ребенок… на дергающихся ручках и ножках которого уставший и как-то враз постаревший Итарон защелкивал полупризрачные ограничители. Довольный король-дед стоял рядом и любовался долгожданным внуком.

— Совершенно здоровый мальчик! — Радостно возвестил Итарон, поднося ребенка к Эдмиру. Рэни тем временем пребывал в глубоком обмороке, что усилиями магов переходил в такой же глубокий и целительный сон. — Сейчас кормилице передадим. И… ваше высочество! Немедленно отпустите мужа. Им должны заняться целители. Все прошло достаточно благополучно. Слава богам, ваш супруг здоровый и крепкий молодой человек.

mir-knigi.org

— Благополучно… — чуть слышно просипел Эдмир, с трудом расцепляя объятия и недоверчиво передавая мужа магам. — На похоронном костре я видал ваше «благополучно»… Убил бы!.. да некого…

Все еще обеспокоенный взгляд принца-наследника ни на миг не отрывался от Рэни, вокруг которого хлопотали целители. Мужчина даже взгляда не бросил на новорожденного сына.

— Эд, так нельзя!.. — попытался воззвать к разуму наследника Сорондо, умиленно любуясь внуком. Но Эдмир и головы не повернул.

— Лучше бы этот ублюдок сразу сдох! — Резко бросил он, поднимаясь на дрожавшие ноги. От огромного запаса силы остались какие-то крохи, а в душе все ширилась и ширилась болезненная пустота. — Тогда бы его отцу не пришлось так мучиться!

Проковыляв на покалывающих сотнями иголочек ногах к уснувшему мужу, мужчина только глухо бросил через плечо, игнорируя отчаянно орущий сверток:

— Унесите его!

И вновь переключил внимание на словно бы истончившегося от перенесенных страданий любимого, которого успели переложить на простое ложе в глубине комнаты. Сразу четверо магов стояли вокруг кровати, следя за состоянием Искры. Бесцеремонный же Черныш с совершенно довольной моськой расположился рядом со спящим хозяином, обняв его лапами и крыльями, и тихо замурчал, делясь своим теплом.

Качнувшись было к кровати, Эдмир внезапно почувствовал потребность вымыться. От него разило как от загнанной лошади. Рубашка, штаны были мокрыми от пота… хоть выжимай. Приближаться в таком виде к ослабевшему мужу было кощунством. И Эд решительно направился в ванную, приказав слугам принести чистую одежду.

С невыразимым удовольствием выкупавшись, он поднялся из бассейна по пологой лесенке и замер, разглядывая себя в настенном зеркале.

Что-то было не так.

Не правильно…

Вдруг закружилась голова… в глазах потемнело. И привиделось, что в глубине стекла стоит кто-то другой — с фигурой и лицом самого Эдмира… но кожа у этого… существа?.. была слишком темной для простого загара, а уши длинными…

А слева на виске в густоту вороных волос уходила совершенно белая, нешироkая прядь.

Несколько растерянный Эдмир моргнул… и все вернулось на круги своя — светлая кожа, нормальные уши. И только белая прядь так и осталась, да виски словно частой солью присыпало. Седина?..

На удивление вяло отреагировав на увиденное, мужчина натянул на себя свободную рубашку со штанами и отправился под бочок к мужу, наплевав на присутствие целителей и недовольного Черныша.

Дальнейшие события прошли мимо четы принцев…

Ажиотаж во дворце, возникший, едва король торжественно объявил о рождении долгожданного внука. Стремительное имянаречение крошечного Келлиадира, принявшего имя Эрэндис… пока что крон-герцога, пока его отцы не вступят на престол.

Шум, гам, поздравления, подготовка к череде праздников, что взяли на себя мигом оживившиеся сестры короля, ставшие двоюродными бабушками для осваивавшего детскую мелкого родича!..

Все это было за пределами покоев, где спали уставшие от пережитого супруги.

…Эдмир проснулся уже глубокой ночью. И продолжал лежать, млея от одного лишь ощущения прижавшегося к нему теплого мужа. Рэниари, доверчиво вытянувшись вдоль массивного тела супруга, уютно устроился в его объятиях… льнул к наследнику, не обращая внимания на по-хозяйски закинутую ногу Эда на его бедро.

В спальне было темно и пусто — маги, убедившись, что молодому отцу более ничего не угрожает, оставили царственную чету в покое. А наследник, проснувшись, просто любовался лицом любимого человека, отмечая, как его Рэни повзрослел. Они виделись каждый день невольной разлуки… говорили по магическому зеркалу, спорили, обсуждали какие-то вопросы. Но только сейчас Эдмир заметил, что прежний мальчик… юноша… превратился в очаровательного мужчину. Или это перенесенные страдания заставили Искру повзрослеть раньше времени?

Взгляд наследника жадно скользил по идеальной красоте лица, цеплялся за изысканный рисунок ключиц, видневшихся в вороте рубашки… Отчаянно хотелось прочертить… обрисовать!.. их губами и языком. В паху словно пожар полыхал. Тонкая ткань легких штанов сильно оттопыривал почти полностью вставший член. На кремовом шелке все больше ширилось влажное пятно от истекавшей смазки. Рука мужчины почти самостоятельно поползла вниз, властно ложась на крепенькую ягодицу мужа. И замерла — Эдмир знал, что если начнет, то не сумеет остановиться. А целители предупреждали о недопустимости близких отношений в ближайшие дни.

Оставалось лишь самыми кончиками пальцев поглаживать… ласкать… невесомо скользить ребром ладони, проминая полупрозрачный шелк в щель между ягодиц.

И мужчина пропустил миг, когда золотые ресницы затрепетали. И его супруг проснулся.

Какое-то мгновение Рэниари бессмысленно вглядывался в нависшего над ним мужа. А потом робко улыбнулся. И сердце наследника ухнуло вниз от немыслимой надежды. Особенно когда Эд понял, что Рэниари желает его так же, как и он сам желает вернувшегося, наконец, мужа!

Не долго думая, принц-наследник рывком сдернул спальные штаны с супруга, освобождая его восставший член, и запечатал губы Искры страстным поцелуем. Свой собственный фаллос словно бы самостоятельно впрыгнул в широкую ладонь мужчины, обхватившего оба члена: Эдмир не собирался нарушать рекомендации целителей, но кто им может помешать получить немного взаимного удовольствия после долгой разлуки?!

В этот миг у наследника даже из головы вылетело, что без смазки будет весьма неприятно надрачивать оба члена. К счастью они оба обильно истекали спермой, исходя от желания. Да и не получилось долгих ласк — супруги слишком соскучились, чтобы наслаждаться, растягивая прелюдию. Так что оргазм… сокрушительный, обжигающий, до полуобморочного состояния!.. накрыл их одновременно почти сразу, заставив вжаться друг в друга со стонами облегчения!..

— Как там малыш? — Услышал Эдмир вместо слов приветствия и благодарности, едва им удалось отдышаться. И мир вновь померк — опять на первом месте для любимого не он, а тот, кто едва не убил собственного отца!

— Ну, почему?! — Невольно вырвалось у принца-наследника. — Почему для тебя этот ублюдок так важен?!

Взгляд мужа мгновенно заледенел, и он вывернулся из-под руки Эдмира, перекатываясь на другую половину кровати.

— Могу ли я предположить, — холодно уточнил он, — что ты даже не поинтересовался — как там собственный наследник? И не смей называть мальчика ублюдком. Он этого не заслужил.

— Да плевать мне на него! — Тут же взорвался Эдмир, не помня себя от обиды и какой-то совсем детской ревности. И тут же решительно потянул мужа к себе, вновь заключая его в кольцо своих рук. — Я едва не потерял из-за него ТЕБЯ!!!!

— Смею напомнить, что его рождения добивался именно ты!.. — пока еще сдержанно отозвался супруг, заметно каменея в страстных объятиях своего старшего. — Именно ты желал получить сильного наследника-мага…

— И именно из-за него ты едва не погиб… — прошептал Эдмир, невесомо целуя, высокий лоб Искры, жадно пропуская сквозь пальцы шелк его волос. — Ненавижу его!..

И тут же получил кулаком в живот!

— Ты!.. — едва не задохнулся Рэни, вновь выворачиваясь из его рук и садясь на постели. — У меня слов нет!..

— И не надо, — отозвался Эдмир, тоже решительно садясь. — Я люблю тебя. И для меня именно ТЫ всегда будешь на первом месте.

— Ты как всегда путаешь чувство собственничества и любовь, — с нарождающейся злостью отпарировал Рэни. — В чем несчастный ребенок то виноват?! И прекрати твердить мне о своей любви. Это не любовь! Да ты никогда меня и не любил. Всего лишь желал мою силу… мое тело… Ценил мою полезность как будущего соправителя. — Рэниари и сам не понимал, с чего его вдруг понесло. Видимо сказались последние недели напряжения. — Ты даже не знаешь меня настоящего!

— Я люблю тебя таким, какой ты есть, — Эдмир тоже вскинулся на постели. — Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! Что в этом непонятного?! И да — я ненавижу этого щенка! Потому что он крадет тебя у меня, не успев родиться… причинив тебе боль! Неужели так трудно меня понять и простить?! Я ведь осознал свою ошибку! Почему ты так зациклен на прошлой обиде?! Я все это время упорно пытаюсь тебе доказать свои чувства, а ты!..

— Разве предательство так легко прощается? — Тихо уточнил муж, не глядя на кипящего возмущением принца-наследника. — Разве можно простить ненависть к собственной плоти и крови? Ты так говоришь о своем же сыне… О том, кто рос и развивался во мне… кого я никогда и ни на кого не променяю, даже несмотря на перенесенную боль! Эрэндис всегда будет для меня очень важным существом. Он мой сын. Тот, кого я люблю всем сердцем.

— Ты что… меня не понимаешь?!!! — Эдмир обхватил супруга за плечи и притиснул к своей груди, жадно вдыхая аромат его кожи. — Ну почему… почему ты не умеешь прощать?! Почему

какой-то ублюдок для тебя важнее, чем я!!!

— Ты сам все перечеркнул… — тихо ответил Рэниари, даже головы не поворачивая. — У меня такое чувство, что из меня извлекли весь мой свет! Я словно опустел… И началось все после нашей первой ночи.

— Любовь моя… — попытался до него достучаться Эдмир, но получил в ответ лишь нетерпеливый рывок золотоволосой головы.

— Ты сам начал этот разговор, — решительно перебил его муж. — Боги видят… я старался. Как же я старался, пытаясь хоть как-то наладить нашу жизнь! Или ты забыл, как я в самом начале шел тебе навстречу, пытался подладиться под тебя? Даже ломал себя в надежде наладить совместное существование… самому себе доказывая, что нужно принять… простить… хотя бы ради совместных детей.

Эдмир не знал, что делать… интуитивно чувствовал, что стоит промолчать, дать мужу выговориться. И в то же время рвался как можно быстрее разбить стену непонимания между ними.

— Ты хоть знаешь, как мне было больно переломить собственную гордость?!.. — вдруг развернулся Рэниари к супругу. — Забыть то, что я пережил по твоей вине?!.. Ты твердишь мне о своей любви… об ошибке… о том, что почти сразу осознал ее!.. А ты хоть раз задумался, что мне пришлось пережить? Ты тогда не просто растоптал мои чувства… ты бросил в одиночестве того, кто тебе доверился!

— Я оставил тебя в своем домике… — попытался возразить Эдмир, не зная, что и сказать в ответ: все слова юноши были правдой от начала и до конца.

И получил закономерный… весьма язвительный смешок.

— Ты оставил меня одного в окружении слуг, презирающих использованного любовника! — Припечатал его муж. — НЕ ПОНРАВИВШЕГОСЯ ХОЗЯИНУ ЛЮБОВНИКА! Которого можно унизить, ранить пренебрежительной насмешкой… Ты даже забыл, что приехали мы туда на одной лошади. И умчался столь торопливо, что не побеспокоился, а КАК я буду возвращаться?!

— Я думал… Постой, на конюшне было достаточно лошадей! Я специально держал их для таких случаев, — удивленно произнес Эд. — Я потом узнавал… мне сообщили, что оседлали тебе коня…

И Рэни невольно расхохотался.

— Спустись на землю! — Всхлипывая от смеха, уткнулся он в грудь начинающего понимать наследника. — Мне сообщили, что я ни на что не имею права в том доме. В ТОМ ПРОКЛЯТОМ ДОМЕ!.. Не удивлюсь, что твои лакеи имели неплохой доход, приторговывая якобы оседланными для «гостей» лошадьми и не накрытыми завтраками. Кто из оскорбленных любовников станет жаловаться на такое отношение? Да лучше промолчать и побыстрее забыть о перенесенном унижении… Вот и я ушел оттуда пешком… даже без камзола, разорванного тобой! В одних нелепых, разукрашенных кружевами и перьями штанах, рубашке без половины пуговиц и тоненьких бальных сапожках! Даже без декоративного ножичка на поясе, которым хотя бы мог насмешить разбойников, если бы те на меня напали … Ушел без всего, куда глаза глядят. В том состоянии я мало что соображал. Просто бежал прочь… подальше от того ПРОКЛЯТОГО дома! Бежал по незнакомому лесу…

— Прости!.. прости… — отчаянно-яростно шептал Эдмир, целуя зло кривящиеся губы любимого, его точеные скулы… яростные глаза с колкими стрелками ресниц, прижимая к себе крепко-крепко… чтобы не сумел вырваться, как ни пытался. Но Рэни и не пытался.

Прижавшись к груди мужа и ощущая щекой бешеный стук его сердца, он глухо и обреченно проговорил:

— Ты ведь даже не сразу вспомнил обо мне… Только через сутки поехал искать. Интересно, в каком овраге ты бы нашел мое тело, если бы не мой отец?..

Опять вывернувшись из виноватых объятий супруга, нечитаемо на него взглянул.

— И все равно я пытался тебя понять и простить, — решительно произнес он. — Честно пытался… Но каждый раз натыкался на твое себялюбие. Ты всякий раз стремился не просто согнуть меня под себя, а именно что сломать. Но… видишь ли!.. я готов всеми силами притираться к тебе… готов уважать как старшего мужа и будущего короля. Но вот любить… Не проси меня об этом — я не знаю, смогу ли я полюбить тебя вновь хоть когда-то. И не знаю, смогу ли я тебя простить. Во всяком случае, простить твою ненависть к сыну я не смогу никогда. Эрэндис не виноват в том, что родился именно так. Ты… только ты сделал все, чтобы он появился как можно скорее. Ты даже забыл, что мне только восемнадцать. И мое тело полуэльфа созревает намного дольше, чем тело чистокровного человека. Так какое ты имеешь право обвинять невиновного малыша в моих муках?

— Ты из-за него едва не погиб, — непримиримо мотнул головой Эд, исподлобья смотря на мужа. — С себя я вины не снимаю…

— Значит, и себя так же ненавидишь? — Прищурился Рэни. Но супруг лишь со вздохом прижал его к себе.

— Ненавижу… — признался он обреченно. — И люблю… Безумно люблю. И не знаю, как все исправить…

— Просто смирись, — прошептал в ответ Рэниари, осторожно гладя ладонью твердые плечи мужчины. — И цени то, что мы хотя бы можем спокойно существовать рядом друг с другом, уважая чужое мнение. Другие семьи и того не имеют…

— Мне этого мало, малыш, — печально сказал Эдмир, убаюкивая свое горькое счастье. — Мне этого ОЧЕНЬ мало. Я ведь помню, каким ты можешь быть…

— Мне этого тоже мало, — прозвучало в ответ. — Но что же делать? Остается надеяться, что время расставит все на свои места. И мы сможем простить друг друга. Хотя бы простить…

Молодой герцог Ваоттиро стремительным шагом вошел в кабинет своего отца. Теперь уже его кабинет…

Вот только Дориан за все эти месяцы так и не смог привыкнуть, что занял отцовское место. Он никогда не хотел править. Никогда этого не желал, видя свое будущее рядом с любимым человеком, который займется всеми делами. А он, Дориан, будет скрашивать его жизнь своим присутствием. Вот только эта же проклятая жизнь распорядилась по-своему.

Сиорол, сидевший в кресле у закрытого частой решеткой разожженного камина, отсалютовал другу полным бокалом.

mir-knigi.org

— Быстро ты, — проворчал Дори, усаживаясь напротив лорда-изгнанника и тоже хватаясь за вино. В последнее время он начал много пить. Не то, чтобы Дориан напивался до поросячьего визга, но молодой человек сам себя ловил на том, что бокал или чаша всегда рядом с ним.

— Я приехал сообщить, что все готово, — отозвался Сиорол, нежась в ровном тепле, идущем от каминной решетки. Лорд изгнанник за прошедшие месяцы как-то незаметно возмужал и заматерел. Исчезла злая порывистость избалованного ребенка. Лицо обветрело и очерствело, губы кривила саркастическая злая усмешка. Не скрытые более мороком волосы пламенели подобно факелу, фигура приобрела полную завершенность великолепного бойца. И на яркого мужчину стали заглядываться многие. Во всяком случае, Дориан знал парочку своих советников, что были бы не прочь повести рыжего красавца к алтарю или отправить с ним своих наследников, невзирая даже на сомнительный статус Сиорола. И никто из них, даже Дориан, не знал, что изгнанник каждую ночь видит во сне песчаные пляжи Круглого Холма, омываемые ласковым южным морем… зеленые пастбища и обширные виноградники потерянной родины… видит высокие башни грозной крепости, куда должен вернуться и привести своего Галчонка, как полноправного супруга и амии своих детей, тем самым навсегда уничтожив саму память проклятых Вориндо-Вороналей!..

— Не передумал? — Встретившись с пронзительным взглядом изумрудных глаз, сияющих поверх края старинной серебряной чаши с вином, Дориан непроизвольно поежился.

— Нет… — тихо отозвался герцог, опустив голову. Сиорол мягко поставил на столик чашу, так и не отпив из нее ни глотка.

— Что тебя тревожит? — Осторожно уточнил он, боясь, что Ваоттиро передумает в последний миг. Но Дориан внезапно со свистом втянул в себя воздух. Губы молодого герцога совсем по-детски задрожали, словно он вот-вот расплачется.

— Я… я не знаю, чего я хочу!.. — с отчаянием произнес он. — Меня никогда не учили править! И пусть советники отца преданы мне… пусть они настойчиво требуют мстить за смерть папы!.. Но… я все еще люблю Эдмира! Понимаешь, Сио! Я люблю его!

— Понимаю, — ровно отозвался Сиорол, не делая попыток успокоить очередную истерику. Сколько их было за эти месяцы, и не сосчитать. Главное было выждать и не дать погаснуть боли, ревности и ярости Дориана.

И в то же время бывший лорд действительно понимал молодого герцога. Но вот уважать его не мог, как ни пытался. Красавчик Дори не вызывал в нем ничего, кроме брезгливого недоумения. И чего ему неймется?! Считай, родился с золотой ложкой во рту. Все у него было с самого рождения. Все, начиная от любви отца до титула с богатством. И профукать это ради того, кому ты ненавистен? Да на фоне размазни-герцога проклятый «кузен» выглядит образцом настоящего мужчины! Во всяком случае, Рэниари привык всего добиваться сам. И не опускает разнежено лапки при малейшем намеке на трудность. Этот же дурачок даже не понимает, что его используют все, начиная от самого Сиорола, короля Мисирана, и кончая его разлюбезными советниками, что спят и видят окрутить молодого властителя со своими наследниками. И тем самым получить полную власть в немаленьком герцогстве. Прав был покойный Аминел, когда пытался найти сыну сильного мужа. Дори не в состоянии править, зато им легко можно манипулировать. Чем и занимался Сиорол, мечтая вернуться в потерянное владение. И вернуться не одному…

Вот только молодой изгнанник в свете последних событий больше не знал, будет ли он нужен королю Мисирана. У Анэраса и своих прихлебателей хватает, чтобы возвращать чужаку

богатое владение, да еще и на стратегически важном юге. Нет, крепость ему, конечно, скорее всего вернут, но вот дальше… дальше повернут все так, что он сам сбежит. Да еще и рад будет, если жив останется. В последнее время Сиорол все больше и больше сомневался, правильно ли он сделал, когда вмешал в свою месть чужаков. У молодого человека больше не было уверенности ни в чем. Но жажду его мести это ничуть не притушило.

Единственное, что Сио сделал, так это побеспокоился о том, чтобы можно было в любой миг рвать когти от слишком пристального внимания союзников. Про Галчонка никто из его заклятых «друзей» не знал — в этом Сиорол был уверен. Уж слишком берег он своего мальчика, всякий раз скрывая свои визиты к нему. Но вот захваченные во время бегства из Крепости деньги осторожно забрал у доверенных купцов и перевел в драгоценные камни, что не занимали много места, а стоили немало в золотом эквиваленте. И теперь неприметное кольцо на среднем пальце левой руки служило магическим ключом к тайнику в Меайре. Хотелось, конечно, надеяться, что он все-таки вернется на юг полновластным хозяином, но…

Уж лучше перебдеть…

И притом отступать от задуманного Сиорол не намеревался.

— Успокойся, — мягко произнес он. Дориан едва не плакал, сидя в кресле напротив, и выглядел при этом совсем ребенком, хотя по возрасту был старше Сиорола. Злым, жестоким, себялюбивым и избалованным до крайности, но все-таки ребенком.

— Ты же знаешь, что никому твой Эдмир не нужен, — продолжал бывший лорд, задавив в душе краткое чувство сострадания. — Мисиран не сумеет проглотить Хилдон. Пупок развяжется заглотить такое королевство. Анэрасу II нужна только Искра. А без силы мужа Эдмир ни на что не годится. Его армию сильно потрепают, мятежи не дадут думать ни о чем, кроме как о сохранности разваливающегося королевства. Да и одним из условий перемирия будет твой брак с ним.

— А я тебе не раз говорил, что этот брак невозможен! — Тут же яростно вскинулся Дориан, вмиг позабыв про свои слезы. — Пока жив проклятый мальчишка — наш с Эдди брак просто невозможен. Он будет незаконным при живом муже!

— Ты меня не дослушал, — лениво отозвался Сио, вновь берясь за чашу с вином и лениво щурясь на отблески пламени на каминной решетке. — Жрецы Мисирана предложили вариант, когда Рэниари отпоют во всех храмах, как умершего.

— Что?.. — растерялся Ваоттиро, непонимающе хлопая длинными ресницами. — Его убьют?..

— С ума сошел?! — Разозлился Сиорол. — Я не меньше твоего желаю смерти бастарду, но его жизнь и здоровье выставлены ценой нашему дальнейшему успеху! Нет, просто принц-консорт Рэниари Келлиадир-Вориндо для всего света умрет раз и навсегда. А появившийся вместо него никому неизвестный Лэари станет законным супругом и консортом короля Мисирана. Вряд ли бастард долго протянет, когда его запрут за золотыми решетками королевского дворца. Анэрас не Эдмир. Прыгать зайчиком перед Искрой не будет. Он использует мальчишку по полной, выжав досуха. Будет пить его силу и трахать до посинения, засовывая в него один кокон за другим и получая столь нужных ему сильных наследников! Как думаешь, надолго хватить твоего соперника при такой-то жизни?

— Самое то для этого выскочки, — красивые губы Дориана искривились в жестокой насмешке. Сузившиеся от злости голубые глаза непримиримо сверкнули. — А ведь я предлагал Эдмиру оставить эту шлюшонку фаворитом… получал бы свою силу в его постели, я бы не возражал!

— Дурак! — Не выдержал Сиорол. — До сих пор не понял, что тебе не дали бы жить?! Или твои ОБЫЧНЫЕ дети смогли бы конкурировать с детьми Искры?! Да тебе бы шею свернули как цыпленку, и все дела! До сих пор не понимаю Соронду, что отпустил твоего отца. На месте короля, я бы поимел герцогство через твою свадьбу с его сыном. А потом сделал Эдмира вдовцом, освободив для более перспективного супружества!

— А… — только и сказал Дориан, неприлично раскрыв красивый ротик. Выглядел при этом герцог, как пыльным мешком ушибленный. И Сиорол невольно смягчился, сжалившись над этим болваном.

И все-таки ему стало жаль этого вечного ребенка, не привыкшего заботиться о самом себе.

Бедный, глупый, растерянный мальчишка, угодивший в жернова противоборствующих стихий! Он даже не понимает, что никому не нужен, кроме своих оставшихся от отца советников. Да и тем до тех пор, пока не выберут новоявленному герцогу мужа из своей среды. Того, кто станет править реально, отодвинув Дориана на задворки политической жизни. И это будет для голубоглазого красавца самым лучшим вариантом. В противном случае мисиранец его просто выбросит, предварительно использовав по полной.

Но тогда сам Сиорол не получит желаемого…

Ему нужен Дориан мстящий… тот, кто согласится с любым предложением короля Мисирана.

— Зато теперь твой брак с принцем вполне состоится, — сообщил он, слегка покривив душой — вряд ли Бешеный Эдмир согласится стать мужем Дориана. Скорее удавится от злости или удавит эту голубоглазую блондинку. Впрочем, оставлять жизнь принцу-наследнику никто и не собирался. Вот только Дориану об этом знать не обязательно, а то сыграет назад в самый последний момент.

— Не переживай, — продолжал Сиорол, рассматривая поникшего красавца напротив себя, — ты действительно поступаешь правильно. Да и за смерть отомстишь. А Эдмир… никуда он от тебя не денется. Из того угла, куда его загоняют, выхода нет… кроме как в твою постель.

— Ты так думаешь? — Как-то даже жалобно уточнил Дориан.

— Я в этом уверен, — мягко качнул головой Сиорол. Недалекому блондину не стоит задумываться над проблемой. А то еще поймет, что наследник Хилдона скорее его удавит на брачном ложе, чем станет послушной игрушкой в красивых пальчиках Ваоттиро.

Эрлесса дио Гарт удовлетворенно рассматривала выстроившихся перед ней знаменитых мисиранских Призраков. Элитные убийцы Анарэса II молчаливо застыли перед легкомысленно одетой рыжеволосой красавицей, готовые к любым приказам. И никто из Призраков не обольщался внешним видом графини. Именно Эрлесса была тайной главой королевской службы, совмещающей в себе как разведку, так и контрразведку Мисирана. И заслужила это место рыжая мегера отнюдь не своими выкрутасами в постели короля.

Одетые в обычные одежды дворцовых служителей, мужчины и женщины все как один являлись магами. Слабенькими по сравнению с волшебниками Хилдона, по праву считающимися сильнейшими в мире. В Мисиране в противовес восточному соседу не было столь жесткого отбора в магическую Гильдию. Под одну гребенку гребли всех, кто имел хоть каплю дара. Вот уж действительно — голь на выдумку хитра! Не имея возможности сравниться с хилдонцами в силе, более слабые маги Мисирана превосходили их в количестве и изворотливости, усиливая

свой талант разнообразными амулетами и силовыми накопителями.

И теперь пришла пора проверить — сумеет ли количество превозмочь качество!

— Действуйте! — Приказала графиня, ударяя рукояткой декоративной трости по стенке кареты. Молоденькой искательнице приключений на собственный передок пришла пора возвращаться в посольство под крылышко брюзжащего друга отца, что едва выносил эскапады отданной на его попечение красотки. Именно такую версию усиленно проводил в жизнь посол, жалуясь всем направо и налево о подкинутой старым другом обузе. Так что аристократы Меайры втихоря посмеивались над мисиранцем, искренне сочувствуя юной красавице, что с их помощью частенько укрывалась от докучливого пригляда старого посла в дворцовых покоях.

Покачиваясь в своей карете на мягких подушках, Эрлесса весело фыркнула. Сейчас она возвращалась со свидания с Тимиаром, воспользовавшись снисходительностью гвардейской охраны к двум влюбленным. Вот уж, действительно, удача на их с братом стороне! Симпатичный мальчик, которого она едва не прокляла тогда за сломанный не вовремя каблук, помешавший ее планам в ночь бала, оказался личным учеником самого Итарона. Его воспитанником, пользующимся безграничным доверием учителя. И если в самом начале она его зацепила совершенно случайно, привыкнув не отвергать с ходу подвернувшиеся вещи. То, разобравшись, кто перед ней, сделала все, чтобы вскружить мальчишке голову, с прицелом на отдаленное будущее.

…Неприметная карета уносила довольную женщину все дальше и дальше от дворца, к которому неторопливо шел после потрясающего свидания сияющий словно новенький золотой Диоран из рода Тимиаров… и скользили по коридорам прошедшие порталом Призраки, безликие в огромной массе обычной лакеев. Бегали, суетились, перетаскивали с места на место какие-то вещи, имитируя бурную деятельность прислуги, на которую никто не обращает внимания, лишь бы под ногами не путалась у сильных мира сего. И постепенно сужали круги вокруг нужных им покоев, ориентируясь на крошечные, на краткий миг активированные маячки, что оставляла лично графиня в свои частые визиты во дворец.

Операция должна была стать стремительной и неотвратимой…

Боль…

Бесконечная, накатывающая волнами… все выше и выше… пока, наконец, не скрыла собой весь мир, полностью отключив слух и зрение. И схватившийся за грудь Сорондо упал на спину, задыхаясь от нехватки воздуха. Он хрипел и хрипел, пытаясь протолкнуть в горло хоть глоток… хоть каплю восхитительного, такого душистого воздуха… бессильно скреб ногтями по плотному шелку камзола в попытках разорвать себе грудь и впустить в скукожившиеся легкие воздух…

А боль неумолимо ползла все дальше, отдавая в левое плечо, руку, лопатку… вот онемела нижняя челюсть, а там и вся грудь… и не позвать на помощь… хотя какая тут помощь — неужели маги не замечают, что с ним происходит?!

Сорондо уже не видел, как вокруг него разноцветными кучками лежали погибшие от точечной магической атаки целители. А проклятая боль продолжала нарастать, гулким колоколом отзываясь в голове. Она крутила, жгла, выкручивала тело, то сжимала, то отпускала превращенное в тряпку сердце, чтобы в следующий миг вновь опалить его огненной волной.

И заключенный в темницу слепоты, лишенный слуха и зрения старик бессильно бился, с обреченным ужасом понимая, что это все… это конец. И как бы ты ни готовился к приходу

Серой Госпожи, но принять ее невозможно в принципе. И даже на самом краю жизни жить хочется отчаянно, до бешеной ненависти к собственному беспомощному состоянию!

Серая Госпожа, почему у тебя глаза моей Вэро? Затягивающие в прозрачную фиолетовую дымку… такие печальные… усталые… всепрощающие…

Ворвавшийся в злополучный коридор перепуганный Итарон бросился на колени перед распростертым на спине братом. Лорд не обращал внимания на пронзенные болью ушибленные колени, суматошно пытаясь просканировать Соронго. Какой-то миг назад старый маг что-то почувствовал… что-то неясное…

И по своей обычной привычке просто решил проверить. Вот только было поздно.

Сердце старого короля остановилось…

Глава 4

Почти три месяца…

Три долгих месяца после смерти прежнего короля.

Три месяца для осознания, что он, по сути, только большой ребенок… внезапно ставший взрослым. И вся его прежняя самостоятельность всего лишь миф… мираж. Дунь и развеется.

Он ушел… оставил его…

Так же, как когда-то давно ушла мама, защищая новорожденного Баррэта.

И теперь нужно быть сильным…

Сильным вдвойне… втройне!.. чтобы защитить не только свалившуюся на его плечи страну, но и свою любовь. Свои чувства и чувства Рэни, что приходят в лад так медленно… со скрипом. Прав был Итарон, в стократ прав — сердце, раненое предательством, заживает с трудом. Рэни вновь учится ему доверять… неумело, болезненно, но все-таки учится.

Как же мне не хватает твоего совета, мама! Ты умела любить, как никто другой. Даже отец лишь ученик по сравнению с тобой. Ты саму жизнь бросила под ноги своей любви! Почему я так не умею? И отец… хотя он принял всем сердцем чужого ребенка… ребенка от соперника! Того, ради кого умерла Веро. А я собственного сына не могу принять, не в силах забыть причиненную им боль.

Мама…

Как же я скучаю по твоей улыбке!

Отец ушел к тебе. Он долго держался… ради меня… ради страны. Но все-таки ушел. Пожалуйста, прими его. И будь счастлива с двумя мужчинами, что так любили тебя!

Я похож на отца… как отображение в темном зеркале. Тоже не могу отпустить того, кого люблю всей душой… всем телом.

Мы связаны с ним незримой, но такой прочной нитью. И судя по всему — связаны не в одном воплощении.

mir-knigi.org

Мама… отец… Рэни…

Как же я скучаю по обычным отношениям, когда нет места недосказанности!

Почему я раньше многого не осознавал?!..

Никогда прежде Эдмир не понимал, каким монолитом за его плечами высился отец. Не просто поддержка, а… АВТОРИТЕТ. И как бы он не показывал себя, не правил, не отдавал приказы… всегда!.. во всем он подспудно оглядывался на отца. И пусть для других Соронддо III был Великим королем и пусть бывшим, но Завоевателем. То для Эдмира он всегда оставался лишь отцом… тем, кто всегда выслушает, объяснит, пожурит, пожалеет, поможет…

Остаться одному было страшно. Словно весь мир опустел. Единственным утешением стала помощь и поддержка мужа. Пусть молчаливая (Рэни и раньше не отличался разговорчивостью…), но она была такой теплой и искренней, что слезы наворачивались на глаза. Эд и сам не заметил, когда, в какой момент стал все больше и больше опираться на мужа. Просто как-то так случилось, что Рэниари легко и естественно принял на себя часть обязанностей правящего короля… подставил плечо… всегда был рядом… крепко обнимал в постели… обволакивал молчаливым одобрением на переговорах с лордами Совета… или парой негромких фраз помогал разрешить очередной конфликт…

Муж сам пришел к нему, едва прежний король пеплом с погребального костра ушел к Отцу-Небо, как некогда вышел из лона Матери-Земли.

Эд хорошо помнил, как он сидел после похоронной церемонии, закрывшись в своих покоях… выгнав всех слуг и даже Итарона, что пытался ему что-то объяснить, утешить.

Рэниари тихо вошел со стороны собственных комнат — Эд запоздало вспомнил, что в той стороне двери никогда не закрывались. Он и не думал, что супруг хоть когда-то придет к нему, вот и не перекрыл проход, желая одиночества. Но Рэни пришел… так тихо и неожиданно, что вначале Эдмир даже попытался сморгнуть его образ, приняв за мучительный фантом. Однако юноша лишь сел к нему на колени и крепко обнял, прильнув всем телом и положив голову мужчине на плечо. Почему он ТАК сделал, Эдмир даже не интересовался. Может вспомнил своего отца, погибшего год назад… может ощутил родство с потерявшимся от одиночества наследником? А, может, просто пожалел? Какая разница! Главное, что он пришел и впервые в жизни сам остался в постели Эдмира, не спрашивая ни о чем, и ни о чем не говоря.

В ту ночь они оба любили друг друга неистово, долго, нежно, выматывая невесомыми ласками и тягучими движениями. Вплавлялись друг в друга с хриплыми стонами и тяжелым дыханием, не желая разъединяться. Им обоим это было нужно. И эта ночь что-то изменила между ними… наверное, в лучшую сторону. Потому что Эдмир никогда прежде так тесно… так близко не ощущал мужа. Словно их души начали постепенно сливаться.

Единственное, что мешало окончательному примирению супругов — было присутствие в их жизни теперь уже наследного принца Эрэндиса. Эд честно пытался смириться с ребенком, хотя бы ради Рэниари, который обожал сына. И не мог. Единственное, на что он был способен — так это никому не показать отвращение при виде здорового и жизнерадостного младенца, требовательно орущего на руках дебелой кормилицы. Мужчина старался скрывать свое отношение к ребенку, слишком хорошо умея владеть собой. Но если окружающих ему и удавалось обмануть, то мужа… Рэни слишком хорошо научился его чувствовать, чтобы обольщаться широчайшей улыбкой счастливого идиота, которую всем вокруг демонстрировал Эдмир, не спуская наследника с рук.

По обоюдному молчаливому согласию супруги договорились не трепать друг другу нервы по поводу сына. Но Рэни так и не простил мужу его отношения к Эрэндису.

А сам Эдмир…

На него навалилось слишком многое. А еще большее грозило навалиться и выбивало из привычной манеры поведения. Одно лишь то, КАК окружающие смотрели на ЕГО мужа, выводило из себя молодого короля настолько, что мужчина сам не знал, как умудрялся сдержаться. Эдмир практически читал похотливые мысли и желания придворных… Это бесило правителя до кровавой пелены в глазах. И не добавляло ему спокойствия в делах и поступках. Он готов был растерзать каждого, кто только посмеет приблизиться к Рэниари, всячески опекал и ограждал юношу, всеми силами стремясь успокоить собственную ревность. К счастью, придворные, наученные горьким опытом, не приближались более допустимого этикетом. Но и не могли не желать консорта. Не в их это было силах. И эти взгляды, эти улыбки, эти намеки — они стали проклятием Эдмира! Его не проходящей головной болью.

Он боялся демонстрировать Рэни свое к нему собственническое отношение, боялся оттолкнуть своей ревностью… и безмолвно умирал, не зная, как исправить прошлое. Молодой король даже не поленился съездить в тот злополучный домик и выяснить подноготную их первого свидания. И узнанное не добавило Эдмиру радости — слова мужа подтвердились полностью! Одна только мысль, что неопытный мальчик был вынужден выбираться из леса самостоятельно, привела мужчину в неописуемую ярость. Тем более горькую, что он сам подспудно допускал мысль о поведении собственных слуг. Только поэтому лакеи остались в живых, а не распрощались с головами.

Вернувшись во дворец, Эд сделал все, чтобы окружить супруга еще большей нежностью и заботой. Подчас его внимание было даже гипертрофированным.

А вот Рэниари впервые в эти дни почувствовал, что его по-настоящему любят. Что любят именно его, восемнадцатилетнего мальчишку, бывшего бастарда Вориндо, а не драгоценную Искру. То, как вспыльчивый, до болезненности ревнивый Эдмир отдавал ему во время родов собранную по крупицам силу… как отдавался потом сам в постели, не допуская даже мысли, чтобы быть сверху и страшась навредить… даже его скрытая, болезненная ревность и явный страх потерять!.. все это не могло оставить юношу равнодушным.

Он вдруг осознал, что является для мужа не просто красивым и полезным дополнением к власти… что не редкая кукла, которой следует осторожно любоваться… что он личность! Тот, кого обожествляют, ради кого пойдут на все. С Эдмиром Рэни вдруг ощутил себя желанным. Принадлежащим кому-то в самом лучшем значении этого слова. Это осознание не заставило в душе Искры вновь вспыхнуть чуть тлеющие угли былой любви, но хотя бы согрели замерзшую душу прежнего мальчика. Он впервые взглянул на место своего обитания не как на золотую клетку, а как на дом, где его любят и ждут. И Рэни был по настоящему благодарен мужу, что тот, ревнуя его к каждой дворцовой колонне, не устраивает ему прежних скандалов. Эдмир предпочитал мучиться ревностью наедине, или срываться на шарахающихся от него придворных.

И тем больнее юноше было осознавать, что муж ненавидит их общего ребенка. Ненавидит яростно, исступленно за ту муку, что принесло рождение малыша Искре. Сын, который должен был сплотить супругов, стал камнем преткновения между ними. И хотя Эдмир не отказывался от мальчика, но Рэниари ясно видел, что между отцом и сыном никогда не будет теплоты, одна лишь неприязнь. И этого он мужу простить не мог. Те муки, что пришлось Рэниари пережить, приводя в мир своего ребенка, только усилили болезненную любовь консорта к тому, кого ему

по сути навязали, заставив силой принять кокон.

Но было еще кое-что, что не давало Эдмиру существовать спокойно.

Смерть отца…

И пусть всей стране было объявлено о кончине Сорондо после долгой болезни, с которой не справились маги. Но и Эдмир, и его дядя знали, что причиной стало убийство.

Тщательно продуманное, оборвавшее все нити к виновникам трагедии, но убийство.

Итарон сумел разобраться во всем… как, когда и почему произошла атака?.. но не сумел найти ни одной зацепки — КТО это сделал. Подозревать можно было многих, но без доказательств…

И потому оставалось лишь скрежетать зубами от бессильной злости да рыть землю носом в попытке выяснить — Фейринель?.. Мисиран?.. или еще целый десяток мелких владений, чьи лорды имели немаленький зуб на покойного короля.

…Совместная коронация новых властителей Хилдона прошла празднично и очень торжественно. К удивлению многих аристократов, особенно прибывших из отдаленных провинций, Рэниари короновали одновременно с Эдмиром. Нет, люди конечно знали, что брак супругов равный. Но как-то никто не предполагал, что надменный Келлиадир добровольно разделит власть с мужем. Вот только надменным и резким Эд мог быть с кем угодно, только не с Рэниари. Юноша был единственным, кому удавалось выбить супруга из привычной колеи и сделать очень ранимым…

Последующий пир и бал по случаю нового воцарения прошли как-то мимо Эдмира I. Сначала он был слишком занят, принимая вассальные присяги от лордов провинций, потом набежали советники с неотложными делами (Рэни, занятый общением с родней, которую давно не видел, временно бросил мужа на растерзание канцлеру и Итарону). А потом стало не до чего, потому что его величество младший король Рэниари I внезапно потерял сознание.

Благо случилось это не на глазах у многочисленных гостей, а в детской Эрэндиса, куда Рэни удалился с Баррэтом и его мужьями.

…Эдмиру сообщили о случившемся, когда он уже попрощался с мисиранским послом, а то бы все дипломатические переговоры полетели к собачьим демонам.

Перепуганный мужчина буквально ворвался в покои, отведенные наследнику. Почему-то Эду вдруг ударило в голову, что повторяется ситуация с горным замком… как тогда, в самом начале их брака!

И первое, что попытался найти заполошенный взор мужчины — это пятна крови на праздничной одежде мужа. Но их не было. Рэниари полулежал, опираясь на сидевшего за ним Баррэта, и дышал часто, словно пил мелкими глотками прохладный воздух детской: все окна были распахнуты навстречу свежему ветру, наполненному ароматом цветущих яблонь. Растерянный Лотэ замер посреди комнаты с орущим в голос Эрэндисом на руках, наспех укутанным в атласное одеяло. В то время как Сэриэль, кормилица и служанки хлопотали вокруг младшего короля, пытаясь то сунуть ему под нос нюхательные соли, то напоить водой. При этом галдеж в комнате стоял невыносимый, такой, что голова вбежавшего Эдмира мгновенно начала раскалываться.

mir-knigi.org

Убедившись, что супруг жив и не окровавлен, Эд набрал полную грудь воздуха и гаркнул… да так, что в бронзовой люстре зазвенели подвески из разноцветного стекла.

— ТИИИХХХООО!

И все в комнате замерли. Одна из перепуганных служанок так и застыла с занесенной ногой, не успев ее опустить.

Поддерживающий племянника, серый от переживаний Баррэт с благодарностью посмотрел на сводного брата.

— Дай сюда, я сказал!.. — один лишь Сэриэль плевать хотел на чьи-то там приказы. Вырвав из рук служанки платок с полурастаявшей ледяной крошкой, он деловито приложил влажный узелок ко лбу Рэниари. Тот слабо мотнул головой, подставляя благословенной прохладе пылающий висок, и блаженно замер, все еще на грани между небытием и явью.

— Рэни!.. Солнышко!.. Что случилось?! — Эдмир упал на колени подле мужа, забирая его у Баррэта. От резкого рывка юноша глухо застонал, сморщившись. И мужчина неловко замер, боясь лишний раз шевельнуться, и с тревогой вглядываясь в побелевшее лицо любимого. Губы Рэни заметно отливали синевой и были приоткрыты, когда юноша пытался побыстрее втянуть в себя воздух. Черты идеального лица заострились, крылья тонкого носа с силой раздувались…

— Мы просто разговаривали… — невпопад начал Лотэ, пытаясь укачать орущего ребенка: почему-то никому в голову не пришло забрать младенца из рук явно боящегося его мужчины. — Смотрели, как Эри спит… А потом…

— А потом Рэни стал падать, — продолжил Баррэт, устало проводя по лицу руками, словно стирая с кожи невидимую паутину. — Вот как стоял… говорил… улыбался… и вдруг повалился на меня! Я едва успел его подхватить…

- **********! — Грубо выругался Эд, осторожно перехватывая мужа под коленками и плавно вставая с ковра. — Спасибо, Барр! Побудете с ребенком?

— Не вопрос, — кивнул сводный брат. — Но я хотел бы знать, что происходит.

— Простое перенапряжение, — отозвался входящий в детскую Итарон. — Его величество Рэниари слишком устал… похороны, суета, связанная с восхождением на престол, сама коронация… Ему надо отдохнуть. Несите супруга в его покои, ваше величество.

И маг открыл прямой портал из детской в спальню Рэниари.

Уложив мужа поверх роскошного покрывала на постели, Эдмир лично, не допуская слуг, расстегнул на Рэни все застежки, облегчая дыхание. Полностью раздеть юношу он не рискнул, боясь помешать непонятным манипуляциям, проводимым над младшим королем Итароном и невесть как здесь оказавшимся Верховным жрецом Бога-Отца.

Сам Рэниари впал в сон, явно под воздействием двух старых магов. Но хотя бы его лицо приобрело естественный цвет, перестав пугать Эдмира мертвенной бледностью.

— Пожалуй, этого достаточно, — проговорил едва не басом жрец, с кряхтением распрямляя согнутую спину. — Сон пойдет его величеству на пользу. Но советую ограничивать в дальнейшем физическую нагрузку и эмоциональную… Последнюю особенно.

— Нам нужно поговорить, — подал голос Итарон. — Здесь все в порядке, но возникли кое-какие вопросы.

Эдмир лишь нетерпеливо головой мотнул, направляясь в сторону собственного кабинета.

— Ну, что я могу сказать, ваше величество… — пожевал губами Верховный жрец, когда все трое расположились в креслах подле холодного камина. — Ваш супруг полностью здоров… телесно.

— Вы что же имеете в виду, — тут же взъярился Эдмир, не обращая внимания на предостерегающий жест Итарона. — Что мой муж болен душевно?!

— Скорее я бы сказал, что сердечно, — с мрачным юмором отпарировал жрец. Священнослужители были отдельной, закрытой и очень могущественной кастой. И хотя они полностью контролировались королем, но без особой надобности жрецов старались не задевать. Так что служители богов могли себе позволить некую вольность. — Я не сомневаюсь в ваших чувствах к супругу. Вы всему королевству продемонстрировали, насколько лорд Рэниари вам дорог. Но вот со стороны вашего супруга…

Эдмир насторожился.

— Скажите, государь… — чуть помолчав, спросил старый жрец. — Не было ли в вашем недавнем прошлом… чтобы у вас с мужем сильно болели запястья?

— У меня было, — с невольным удивлением ответил Эдмир, вспоминая неприятные моменты, когда у него болезненно ныли руки. — Как будто тупым ножом режут по живому… Я говорил Верховному магу, — Итарон наклонил голову, соглашаясь. — Но все оказалось в порядке. Целители ничего не обнаружили. А у Рэниари… он как-то проговорился, что и у него такое было.

— И не раз, — произнес жрец. — Причем в отличие от вас, у его величества Рэниари такое происходило и до сих пор происходит довольно часто.

— И что это значит? — Насторожился Эдмир.

— Вы не обращали внимания на руки вашего родича графа Вороналя и его мужей? — Вопросом на вопрос ответил старик. Эдмир припомнил прихотливую татуировку, что оплетала жилистые запястья сводного брата. Кажется, такая же вилась и на руках его со-мужей.

— Видел, — хмуро отозвался молодой король.

— Это знак Истинного супружества, — веско заявил жрец. Глаза Итарона расширились, став по форме едва не идеальными кругами. — Что?!..

— Вот именно! — Припечатал Верховный жрец, устало рассматривая своих высокопоставленных собеседников. — Это значит, что в их прошлых воплощениях они знали и любили друг друга настолько, что навсегда связали свои души! И мы подозреваем, что вы, ваше величество, с вашим супругом тоже являетесь Истинной парой. Вот только что-то в вашем прошлом или настоящем случилось такое… что мешает принять вам эту связь окончательно. Во всяком случае лорд Рэниари не может этого сделать… За что и платится.

— Что вы желаете этим сказать? — Очень медленно и страшно спросил Эдмир, обмирая от

нехороших предчувствий.

— Только то, что те, кто отвергают подобную связь, наказываются самой судьбой, — печально вздохнул жрец. — Они умирают от истощения собственной ауры. Что и происходит сейчас с вашим мужем и нашим вторым королем.

Эдмир почувствовал, что словно проваливается в незримую яму. В глазах короля потемнело, а в висках с шумом запульсировала кровь.

— Не… не может быть!.. — прошептал он онемевшими враз губами. — Нет… только не это! Сделайте же что-нибудь! Он не должен умереть!

— Простите, государь, — покаянно опустил голову Верховный жрец. — Мы не знаем, почему так происходит. Да к тому же это лишь догадки. Может, слабость вашего мужа вызвана другими причинами. Мы слишком мало знаем о природе Искр… Но давайте уж будем честными сами с собой — ведь не зря традиционно считается, что Искры долго не живут… Сгорают в пламени собственного дара. Вы, ваше величество, не видите аур, хотя и стали весьма сильным боевым магом. Но я вам могу рассказать. Наши ауры… они переплетаются, воздействуют друг на друга, резонируют с остальным миром. А вот аура вашего супруга… она пылает словно солнце! Но… отдельно от других. Выбрасывает обжигающие протуберанцы, пытаясь вплестись в ткань мироздания… и не может. Она как будто оборвана. И сжигает саму себя, не в силах выплеснуть в мир излишки силы. И мы не можем найти причину этого.

— Ищите! — Резко вскочив на ноги, Эдмир символом отчаяния навис над отшатнувшимся от неожиданности жрецом. Итарон тут же подскочил со своего кресла, пытаясь успокоить невменяемого племянника.

— Эдмир! — Маг надавил на плечи короля, усадив того обратно в кресло. — Мы и так пытаемся разобраться во всем!.. Но слишком мало данных по Искрам.

— Ищите… — прохрипел Эдмир, рванув слишком плотный ворот камзола. — Что хотите!.. Любые средства… любые возможности… но найдите, КАК можно спасти Рэни!

— Мы приложим все усилия, чтобы найти способ и избежать самого страшного, — торопливо произнес жрец, откровенно напуганный вспышкой короля. — Но, на мой взгляд, самым лучшим способом будет каким-либо образом заставить лорда Рэниари признать свою связь с вами. Никогда прежде не было, чтобы Истинная связь не могла сформироваться так долго… Может, мы и ошибаемся. Но… нужно сказать честно… как только вы обрели Искру, в королевстве стали происходить удивительные вещи!

— Да плевать мне на ваши домыслы! — Окончательно взъерепенился Эд. — Что такого может происходить, чтобы я забыл о ваших словах! Мой муж УМИРАЕТ!

— Магия… — тихо обронил жрец. — Она просыпается… Изредка, не до конца… такое чувство, что ей что-то не дает пробудиться окончательно. И мы подозреваем, что именно присутствие младшего короля влияет на нее. До вашей свадьбы мы не придавали большого значения слабым всплескам священного пламени. Мало кто знает, что эльфы создавали алтарь храма Отца-Бога не только как символ великого неба, а как естественный проводник магии. А так же как артефакт для ее определения. И с постепенным угасанием магического фона, священное пламя тоже угасало. И мы со страхом и обреченностью ждали того часа, когда магия иссякнет, и своды Великого храма обрушатся вниз, лишенные ее поддержки. Но прошлой весной все изменилось! В день вашей свадьбы произошел мощнейший выброс. Тогда ЭТО почувствовали маги не только в столице, но и во всем мире. Мне уже пришли запросы из самых дальних

уголков континента и даже с заокеанских островов. Потом были еще случаи в течение года… Но сегодня, во время коронации… произошел такой же выброс, как и в день вашей свадьбы! Мы ожидали его и заметили, что пламя ТАК реагирует на младшего короля. Каким-то образом ваш супруг влияет на уровень магического фона… Но вот как? Мы не знаем. Так что храмы окажут вам любую помощь… приложат все мыслимые и немыслимые усилия, только бы спасти его величество Рэниари. Да мы на него молиться готовы, лишь бы магия вернулась! Потому как если она угаснет окончательно, привычному нам миру конец. Мы все превратимся в обычных людей и забудем про волшебство. И только кровь людей не позволит нам вымереть окончательно. Именно поэтому из нашего мира некогда в страхе бежали эльфы, не способные существовать без магии…

— Делайте, что хотите!.. — яростно сверкнул глазами Эдмир.

— А вы, ваше величество, приложите все усилия, чтобы ваш супруг принял вашу связь, — отпарировал жрец, поднимаясь.

И низко поклонился молодому королю.

— С вашего позволения, я вас покину, — сказал он. — Дела храма призывают меня. Мы будем искать способ помочь…

— Как… Как я смогу уговорить Рэни признать меня… мою любовь к нему?!.. — бессильно прошептал Эдмир, пряча в ладонях пылающее лицо. — Если я опять начну твердить ему о своей любви, он опять не поверит. Иногда он может быть таким упрямым…

— Не знаю, государь, — задумчиво отозвался Итарон. — Я бы сказал, что нужно время и терпение. Но если последнее у вас, наконец, и появилось… то первого как раз и не хватает.

…Не в силах забыть слова магов, Эдмир прошел в спальню мужа. Плотные занавеси на окнах были задернуты, чтобы не мешать спящему. И лишь кое-где мерцали разноцветные огоньки крошечных светильничков, напоминая колючие звезды во мраке внезапно подступившей ночи.

Где-то далеко, в парадных залах дворца все еще гремел праздник. Там веселились гости, восседали на королевском подиуме их с Рэниари двойники, сотворенные Итароном: негоже, чтобы повелители отсутствовали на собственном торжестве.

А здесь было тихо, и слабо пахло подснежниками — чуть горьковато и свежо.

Поднявшийся от постели Баррэт молча уступил ему свое место подле спящего Рэни. Эдмир только благодарно кивнул, занятый лишь мужем. Но Ворональ внезапно выбросил вперед руку и скрутил в кулаке ворот камзола сводного брата.

— Это ты его довел до такого?!.. — прошипел он чуть слышно в лицо короля.

Эдмир молчал, смотря, не отрываясь, в ставшие бешеными глаза брата. И впервые понимал, как они с Баррэтом похожи: черноглазый и пепельноволосый Ворональ. И он, черноволосый и сероглазый. Словно две стороны одной монеты, как утро и вечер. Вот только Барр никогда бы не повел себя так со своими любимыми…

— Не знаю как, но ты должен все исправить, — рука графа разжалась. И, грузно ступая, Ворональ ушел, тихо прикрыв за собой резные двери. А король буквально осел на постель рядом со спящим мужем.

mir-knigi.org

Бездумно поправил распустившуюся по подушке золотую прядь. И вдруг уткнулся лицом в грудь Рэни.

…Ты ведь скрыт, отрезан от меня хрустальной стеной своего неверия! И не достучаться, не доказать тебе ни словом, ни делом свою любовь.

Сам… сам виноват! Некого винить! Если всякий раз кричать «волки!», развлекаясь, то когда придут настоящие звери — тебе никто не поверит.

Эдмир помнил, какими были глаза любимого, когда он разбил, растоптал его душу после первой же ночи… ни ненависти, ни презрения, ни обиды…

Непонимание… и нарастающее удивление.

«Скажи, что ты пошутил…»

И как сейчас исправить последствия собственной трусости?! Жизни не хватит — доказать свою любовь!

А времени заканчивается, как вода в клепсидре…

— Не уходи… — шептал мужчина, всем лицом вжимаясь в ткань парадной туники мужа. — Никогда не оставляй меня одного!..

И как благословение небес — невесомые касания родной ладони на гудящей от горя и тоски голове…

…В ту ночь они так и уснули, не сказав друг другу ни слова. Лишь целовались исступленно, до боли в губах… дарили друг другу ласки руками и ртами, изливаясь с хриплыми стонами, похожими на крик!

И так и уснули, не разжимая объятий.

И обоим снился великий город на холмистой равнине.

Город дворцов, немыслимо стройных башен, широких проспектов и прихотливо-извилистых улочек в белой метели из лепестков цветущих яблонь…

Город, наполненный солнечным ветром и счастьем.

Эззирада…

Великий город Великой империи черных эльфов…

Ты помнишь о нас?..

…Исса вольготно раскинулась на своем любимом диванчике в оконном алькове. В последнее время подобная мебель все больше и больше входила в обиход хилдонской аристократии. Ревнители умеренности не слишком-то приветствовали появление таких вещиц. Но принцессе всегда нравился комфорт. Так что диванчик быстро стал ее любимым лежбищем, в противовес привычным, широким лавкам, застланным коврами и подушками.

mir-knigi.org

Тело ее высочества, наполненное сытой негой, словно бы покачивалось на волнах довольства. Только что ее опочивальню покинул Эльмаран. Исчез торопливо, слишком рано, даже не одевшись, используя портальный амулет. Но что поделать, если к ней внезапно пожаловала Эстель? Исса еще могла бы предположить появление Лаурэ, но только не сероглазой хохотушки Эсти, занятой лишь собой и придворными развлечениями. Бедняга Эль едва успел штаны подхватить, чтобы нырнуть в телепорт, сверкнув напоследок подтянутыми ягодицами!

Тем более визит сестры был непонятен — коронные торжества продолжались уже неделю, радуя жителей столицы и ее гостей целой чередой праздников. И чтобы Эсти добровольно отказалась от танцев?!

— Сестренка, ты одна? — В спальню заглянула самая беззаботная из сестер Келлиадир.

— А то ты не видишь! — Не удержалась от подколки Исса, поднимаясь с диванчика и запахивая на себе свободную домашнюю тунику из мягкой ткани. Слава Богине, они с Элем позаботились о хороших амулетах очистки.

— Вижу, — грустно хмыкнула Эстель, проходя в спальню и усаживаясь на низкий пуфик. — Эльмаран уже ушел?

— Ты!.. — Исса едва не упала. — Как ты?!..

— Да ладно тебе! — Как-то вяло отмахнулась средняя из сестер Келлиадир. — Я не ханжа Лаурэ. Читать лекции о морали не стану. Ты сама решаешь, что делать и как. И, кстати, прими мое восхищение — скрываетесь вы с Кораззом просто виртуозно. Я лишь случайно увидела вас пару месяцев назад. Готова поклясться, что даже твоя прислуга ни о чем не подозревает.

— Мирта наверняка догадывается, — буркнула красная как бурак младшая принцесса. — Она мою постель меняет…

— Ну, догадываться одно, — опять вздохнула Эстель, тоскливо глядя в окно, где распускались магические цветы фейерверков, — а знать — это другое… Мирта тебя не выдаст. В конце концов, она с тобой с самого детства… А вот мне впору тебе завидовать. Ты свое счастье нашла, а я…

И Эсти замолчала, машинально теребя кружевную оторочку на рукаве платья. Исса тоже молчала. А что тут скажешь? Спасибо и на том, что сестра не выдала их с Элем тайну.

— Празднуют… — невпопад обронила вдруг Эстель. — А ведь лишь недавно умер Соро …

Исса подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу.

— Такова жизнь, — тихо ответила она. Сорондо для трех сестер был всем на свете, в свое время заменив рано ушедших родителей. Казалось, что он будет всегда… И вдруг его не стало.

— Король умер, да здравствует король.

— И теперь королем стал Эдмир, которым вертит этот мальчишка! — С внезапно прорвавшейся злостью выдала Эстель. Исса вскинула удивленный взгляд на сестру.

— Что с тобой случилось? — Спросила она. — Ты же всегда ровно относилась к Рэниари. Я думала, что только Лаурэ почему-то точит на него зуб.

— Ты не знаешь… — как-то враз сникла Эсти. — Сегодня я получила известие, что моей руки просил вождь кочевников. Это те, что пришли пару десятилетий назад из степей и осели на наших восточных границах. Соро принял их под свою руку и обязал охранять караванные тропы. И теперь их главарь вошел в брачный возраст и желает скрепить союз с новым королем семейными узами. Если бы Эд не был женат, то брак предложили бы ему. Но так как у него уже есть муж, то требуется женщина или мужчина из нашей семьи. Айрэ просватан. А из нас троих выбор дикаря пал на меня!

— Князь Ассариш-То-Риг неплохой выбор, — возразила Исса, присаживаясь рядом с сестрой и обнимая ее за плечи. Как-то непривычно было видеть обычную хохотушку Эсти такой упавшей. — И ты ему нравишься. Вспомни, он всегда оказывал тебе знаки внимания, когда приезжал ко двору. И он далеко не дикарь. Прошли времена, когда его народ жил в палатках. Теперь они строят города и дворцы…

— Да я же старше его! — Взъярилась Эсти. Но сестра успокаивающе погладила ее по руке.

— Когда это мешало договорным бракам? — Грустно спросила она. — К тому же ты полуэльфийка, а он чистокровный человек. Так что ты даже выходишь младше его… Да и пора уже подумать о браке, милая. Во всяком случае, ты хотя бы не влюблена, как я. Твое сердце свободно от привязанности и еще сможет полюбить.

— Не сможет, — мокрые дорожки слез прочертили побледневшие щеки Эстель. — В том-то и дело, что не сможет! Ты не понимаешь, Исси! Я любила его погибшую сестру! Его старшую сестру — княжну Каллизу Ассариш-То-Риг. Она… она так нелепо погибла, спасая младшего брата, что помчался охотиться на песчаных варанов! Погибла, спасая жизнь тому, кто спустя годы осмелился просить моей руки, позабыв обо всем!

И Эстель зарыдала, спрятав лицо на груди у младшей сестры. Иссе лишь оставалось гладить вздрагивающие плечи сестры, да в душе молить Мать-Богиню о милости к ним с Эльмараном. Спасибо, что дала им возможность любить друг друга! Хоть миг, но вместе! И пусть она сама будет потом несчастна с чужим ей человеком, но ее Элю повезет.

Хоть в чем-нибудь повезет!

Но в данный миг ее возлюбленному везло не слишком.

Бедняга Эль весьма «удачно» вывалился вместо собственной спальни посреди какой-то то ли залы, то ли спальни. Скорее всего последней, судя по великолепной кровати под золотисто-зеленым пологом.

— Млять!.. — только и смог выдохнуть бедняга, хлопая длинными ресницами. Абсолютно голый Эль судорожно прижимал к животу ком из своей одежды. Судя по смутно знакомой обстановке, его занесло в спальню самого консорта!

Барон молча, но весьма цветисто проклял про себя мага, смастерившего проклятый амулет перемещения. Контрабандная игрушка каким-то образом умудрилась забросить его туда, куда не следует! И ведь, *********, раньше такого не вытворяла!

Как жаль, что невозможно было обратиться к легальным магам. Встал бы вопрос, куда и зачем настраивается аура амулета?!

Треск горящего полена в камине неподалеку заставил барона вздрогнуть и вернуться на грешную землю.

Судорожно икнув, Эль шустро натянул на себя брюки, выронив остальное тряпье — объясняться с Бешенным Эдмиром было себе дороже. Как и доказывать, каким образом он очутился на закрытой для всех территории, да еще и в таком виде!

Как на зло, за дверями послышались приглушенные голоса. И перепуганный барон юркнул за плотные зимние шпалеры, частично прикрывавшие витражи, выходившие на террасный сад лорда Рэниари.

— Вот уж подфартило!.. — сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. И мужчина замер, сжавшись, между тяжелой тканью и холодным переплетом окна с частыми цветными стеклышками… стараясь даже лишний раз не дышать. — Вот уж повезло! Не сносить мне головы…

Стук распахнувшихся дверей, шорох ног прислуги, обутой в войлочные туфли, тихий голос Рэниари, отдающего приказ приготовить ванну… шелест опадающих одежд…

Эльмаран был по-настоящему влюблен в Иссу. Но даже он не смог удержаться и не посмотреть одним глазом на раздевающегося консорта.

Тело Рэни, постепенно обнажавшегося в одиночестве спальни (не считая слуг!) едва не заставило барона себя выдать. Одно дело видеть второго короля в мантии и при всех регалиях, а другое… узреть этот идеальный изгиб спины с цепочкой выступающих позвонков!.. Увидеть мягкое сияние золотистой кожи, к которой хотелось прикоснуться… провести языком, лаская и дразня… эти тяжелые локоны цвета самого солнца, небрежно заколотые парой длинных спиц, с качающимися нитями крупного жемчуга на прихотливо изогнутых кончиках. Увидеть крепкие, маленькие ягодицы, тугие даже на вид!.. с очаровательными ямочками… такими трогательными… такими милыми… припасть бы губами и целовать их с диким упоением, оставляя алые отметины на бархатистой коже!

И как смутный намек — мелькнувший недосказанностью самый кончик мягкого члена в щели между переступивших длинных ног!

Только миг — дальше слуга набросил на точеные плечи короля тяжелый бархат накидки — но и этого хватило, чтобы бедолага барон с задавленным стоном вжался лицом в толстое стекло, пытаясь себя удержать! В паху все горело и дергалось, и даже недавняя близость с Иссой не помогала: Эльмарану пришлось зажать свой член у основания, чтобы хоть как-то контролировать либидо. Кто бы знал, каких сил герою-любовнику потребовалось просто замереть и ничем не выдать своего присутствия.

«Убью… — с бессильной ненавистью подумал барон по адресу проклятого мага. — Точно убью!»

Спокойствие не добавило даже то, что Рэниари в конце концов все-таки покинул спальню — Эльмаран волком готов был выть, сражаясь с собственным фаллосом. А уж подумать, КАК ему отсюда выбираться, мужчина и вовсе был не в состоянии.

Наконец, более или менее отдышавшись, Эльмаран попытался нашарить проклятый амулет, чтобы тут же в панике убедиться, что злополучная игрушка куда-то подевалась: вроде как выпала из рук при вздевании штанов, сейчас тихонько ползущих вниз, потому как были не подвязаны.

Судорожно дернув на себя шпалеру, Эльмаран буквально вывалился под ноги опешившего от подобной наглости Эдмира.

Ступор короля можно было понять — прийти в уединенные, защищенные покои супруга и натолкнуться на полуголого мужчину, оказавшегося при близком знакомстве твоим другом!

Эль и сообразить ничего не успел, как очутился схваченным за шею твердой рукой разъяренного властителя!

Убойный коктейль из дикого возбуждения и внезапного удушья… да еще проклятые штаны окончательно сползли до середины бедер!.. и стоявший колом член барона разрядился тугой струей едва ли не на грудь Эдмира.

«Убьет… — даже как-то философски подумал Эльмаран, глядя, как стремительно меняется застывшее было в ступоре лицо старшего короля. — Я бы за такое убил …»

— ТЫЫЫЫ?!!!.. — на одном длинном выдохе выдал Эдмир, медленно сжимая руку на шее незадачливого друга. Эльмаран никогда не был юношей бледным со взором горящим, но даже его могучая, тренированная шея воина подалась под напором стальной ладони властителя, находящегося в неконтролируемом бешенстве.

И что бы случилось — не понятно… но в спальню вернулся Рэниари, отдающий какие-то распоряжения вьющимся вокруг него слугам. Оба мужчины едва успели юркнуть за шпалеры, вжавшись друг в друга боками в тесном пространстве. Но едва младший король покинул спальню, как Эдмир, скрутив барона, стремительно выволок его из покоев. И, протащив короткой анфиладой, бросил на ковер в комнате на своей половине.

Зашипев сквозь зубы, Эль сумел извернуться и поднялся на ноги, все еще прижимая к груди скомканный ворох одежды. И только предательские штаны продолжали медленно ползти по напряженным бедрам мужчины, открывая чужому взору то, что должно быть целомудренно скрыто. Но Эльмаран, находясь в прострации, даже и не подумал прикрыться.

— ОБЪЯСНИСЬ… — очень тихо прошептал Эдмир, брезгливо вытирая чужую сперму кресельной накидкой. И прозвучало это настолько страшно, что у Эльмарана даже в голове не щелкнуло воспользоваться их прежними дружескими отношениями.

— Эээ… ваше величество! — С трудом переводя дух после выплеска (ноги все еще дрожали — с такой силой он кончил!) произнес Эльмаран. — Это чудовищная ошибка! Я был у дамы… амулет… он сработал неправильно!..

— Настолько, что даже пробил защиту, наложенную самим Итароном, — вмешался король: его зрачки пульсировали, напоминая жуткие кляксы на стылых лужицах серебра. — Кому ты ******* лепишь?! Ты же кончал на моего мужа!

— Ваше Величество… — сопротивляться бешеному напору Эдмира было бесполезно. В какой-то миг Эльмаран оказался припечатан затылком к стене. В глазах у барона потемнело, руки плетьми повисли вдоль тела — когда именно он выронил свою одежду Эльмаран не помнил. — Я случайно…

— Умолкни! — Прошипел повелитель. — Все улики против тебя! Хотел мне мужа соблазнить?!

— Вот еще! — Возмутился Эльмаран, чувствуя, что ходит по краю: о ревнивом нраве первого короля даже анекдотов не сочиняли (так боялись), но все знали, что Эдмиру лучше не переходить дорогу. — Клянусь, я другую люблю! А к вам попал случайно! Амулет засбоил!..

— Эль… — неожиданно спокойно произнес король, внезапно отпуская своего невольного

пленника и отходя к письменному столу. — Мне плевать, где ты был и как очутился в покоях моего мужа. Для меня главное, что ты ДРОЧИЛ на МОЕГО Рэни!

— Да на него и дрочить не надо, — неосмотрительно брякнул барон: видимо напряжение негативно сказалось на его мозгах. — Само встает…

Лицо Эдмира тут же приобрело черты посмертной маски. И мужчина изо всех сил вцепился в край стола, борясь с желанием тут же… на месте!.. придушить этого придурка.

— Так… — тихо и веско произнес Эд, не поднимая глаз на голого барона. — Быстро оделся и ПОШЕЛ ВОН ИЗ СТОЛИЦЫ!!!! Пока я не свернул тебе шею!

Эльмаран даже не спорил. В этой ситуации покинуть общество разъяренного короля было лучшим вариантом. И то хлеб, что его просто изгоняют, а не тащат в темницу или на плаху.

— Вы же не думаете предъявлять что-то супругу… — все-таки вякнул Эль, судорожно натягивая на себя смятые шмотки.

— У меня и в мыслях нет в чем-то подозревать мужа, — с трудом проговорил король, убедившись, что нарушитель спокойствия уже одет. — Рэни всегда был со мной честен. Чтобы солгать хоть в чем-то, ему нужно сломать собственную гордость. Но вот ты… В твоих мотивах я разбираться не желаю! Как и в том, откуда ты здесь появился. Просто уезжай… я и так едва сдерживаюсь, чтобы не свернуть тебе шею!

Кулак короля с размаху опустился на горизонтальный гонг, стоявший на краю стола.

— Гвардейцы помогут тебе выбраться за стены Меайры, — глухо закончил Эдмир, когда на густой звук в кабинет вбежали солдаты. — Просто исчезни… дай мне успокоиться. А то я забуду про нашу прежнюю дружбу.

Низко поклонившись, Эльмаран торопливо вышел, чувствуя себя отчего-то виноватым.

…Выслушав слугу, Карлаэль нахмурился и прошел в затемненную спальню. Обширное супружеское ложе было разобрано ко сну, но сам Валиэль обнаружился восседающим на широком подоконнике, укутанный, не смотря на начавшуюся жару, в пушистое покрывало из шкурок полярных лис. В последнее время второй маркиз практически не слезал с этого места, бездумно пялясь в сад за окном, что не могло не тревожить его мужа.

— Любимый мой, — ласково позвал Карлаэль, подходя к подоконнику. Наклонившись, он заглянул в лицо супруга. Так и есть — опять плакал.

— Ну, что ты?.. — прошептал старший Деззион, осторожно обнимая мужа. — Я тебя чем-то обидел?

— Все хорошо, — чуть слышно, с легкой хрипотцой в голосе отозвался Вал, упрямо пряча покрасневшие от слез глаза. — И я не просил тебя приходить ко мне в спальню.

— Но это наша спальня, — осторожно, словно ребенку напомнил ему маркиз, поглаживая бывшего барона по нахохлившейся голове… нежно перебирая пальцами шелковые пряди волос, чуть массируя затылок, что всегда нравилось Валиэлю. — Ну, милый, что случилось? Кто тебя обидел?

mir-knigi.org

— Я же сказал, что все нормально! — Тут же резко взвился Вал, соскакивая с подоконника. Но тяжелый живот подвел прежде ловкого мужчину, и он едва не навернулся носом в пол: Карлаэль едва успел его подхватить.

Замерев в родных объятиях, Валиэль невольно все-таки зашмыгал носом, едва сдерживая слезы. — Тебе не зачем беспокоиться! Я ведь тебе не мешаю развлекаться!!

Незаметно вздохнув, Карлаэль подхватил свое беременное счастье на руки и понес к кровати. Молодой Деззион по-настоящему ценил то, на что ради него пошел Валиэль, согласившись выносить кокон. Старшему супругу до сих пор не верилось, что прежний дебошир, гулена и лидер во всем, начиная от походов по чужим спальням и заканчивая хорошей дракой, Вал принял ТАКОЕ. Сам воспитанный старшим, Деззион мог в полной мере оценить поступок мужа. И потому Кар готов был мириться со всеми его капризами, безумно любя свое синеглазое счастье. Правда, надо отдать должное — Вал до последнего времени хорошо носил свой далеко не маленький живот. Вот только ближе к родам характер шатена стал стремительно портиться, но Кар этого уже давно ждал и терпеливо сносил все выверты последних недель срока.

— Вали, ну что ты? — Как можно более ласково произнес Карлаэль, укладывая свое невозможное счастье на перины и пытаясь скрыть теплую улыбку. Вновь Валиэль ревнует его к каждому столбу. Как же он мил в такие моменты! — Какие развлечения без тебя, моя радость? Я никогда не дам тебе повода для сомнений.

— Неправда! — Внезапно воскликнул Валиэль, прижимаясь к мужу. — Я ведь тебе надоел!! Зачем тебе такой толстый и неповоротливый супруг!!! Вокруг хватает молодых красавцев…

— Я люблю тебя, дурачок, — Карлаэль опустился на колени подле кровати, бережно погладив супруга сперва по судорожно сжатым кулакам, а потом и по тугому животу… непроизвольно скользнув рукой к паху, на миг сжав полувозбужденное достоинство Валиэля. — Мне не нужен никто другой. Ну, потерпи еще немного… скоро роды. И ты станешь прежним.

— Да ты же мне больше никогда не дашь быть сверху! Во вкус вошел?!.. — ни с того, ни с сего взъярился Вал, откатываясь от своего старшего в сторону и утыкаясь лицом в подушку. — И я видел, как ты говорил с тем красивым магом!!!! Видел, КАК вы смотрели друг на друга!!!! Видел, КАКИЕ взгляды он бросал на тебя!!!!

Карлаэль едва не заржал от облегчения.

— Ну, что за глупости! Мы разговаривали о тебе, — Деззион пересел на постель и все-таки притянул к себе сопротивляющегося Валиэля. — Не дуйся! К тому же этот маг не в моем вкусе. Я просил, чтобы он начал твою подготовку к родам как можно раньше. Не желаю, чтобы с тобой случилось то же самое, что и с консортом.

— И ты не спишь с ним? — Ревниво уточнил Вал, пытливо заглядывая в смеющиеся глаза мужа. Карлаэль не удержался, чтобы не поцеловать младшего в уголок губ, провокационно лизнув их самым кончиком языка.

— А должен? — Улыбнулся чуть лукаво. И тут же получил подушкой по голове.

— Только посмей! — Вызверился Вал. И супруг, засмеявшись, тут же завалил его на постель.

— Да не нужен мне никто, кроме тебя! — Пыхтел Карлаэль, пытаясь поймать в поцелуе все время уворачивающиеся губы супруга.

Уже во всю улыбающиеся губы…

Какой-то невнятный шум из-под кровати заставить их отпрянуть друг от друга и насторожиться. Карлаэль, схватившись за пояс, где прятался тонкий клинок, едва не зафыркал от смеха, увидев, как беременный муж с кровожадным оскалом тянет из-под подушки немаленький тесак: то-то ему прошлой ночью все ухо отдавило!

В следующую минуту, перекатившись, Кар заглянул под широченную супружескую кровать на довольно высоких, резных ножках. И челюсть маркиза звучно повстречалась с полом!

Под кроватью, рядком, вполне себе уютно устроившись на утащенных подушках и покрывалах, рядков возлежали все шесть его новоявленных дядек!

Виритор… Сакирр… Лит… Зорэт… Итизир… Фэррон…

Аккуратно сложенные гвардейские мундиры стопочной возвышались тут же вместе с колюще-режущей амуницией королевских гвардейцев. А сами господа гвардейцы красовались в одних лишь разноцветных подштанниках… во всяком случае лунный свет как раз переливался на вышитых ромашках Лита.

— Ну, скоро вы там угомонитесь? — Недовольно вопросил Зорэт, запрокинув назад голову и глядя на обалдевшего Карлаэля. Блондин только неприлично пискнул и выронил свою зубочистку, с кровожадным интересом разглядывая мускулистые торсы родни. И получил в ответ на грохот уже шесть пар возмущенно блестевших глаз.

— Господа, совесть надо иметь! Ночь на дворе… — смачно зевнул Фэррон и повернулся на бок, утягивая на себя покрывало с брата. За что тут же получил пинок под зад от оголенного Итизира.

— И вообще, мужа надо лучше трахать, чтобы голову дуростью не забивал, — выдал Сакирр, взбивая подушку с подозрительно знакомыми кружевами по краям — такие лежали на постели Валиэля и Кара!

— Всем заткнуться и спать дальше! — По-командирски рявкнул Виритор на правах самого старшего. — Вал, тебя это тоже касается! На месте твоего мужа я бы давно тебя поставил раком и отымел до полной невменяемости! Кончай дурью маяться!

— Вообще-то, это наша спальня и наша постель! — Прорезался у Карлаэля голос. — Какого ***** вы, **********! Делаете здесь! Да еще и под кроватью, **********!

— Кар! — Подал голос муж, свесив голову рядом с Деззионом. — Они наши подушки сперли! И покрывало, что нам на свадьбу подарили!

— Да ладно тебе, жмот, — буркнул кто-то из дядьев. — А то мы не знаем, что это покрывало тебе презентовала сама Верховная жрица Матери-Земли на радостях, что перестал наконец-то ее послушниц трахать.

— Да кто бы ни подарил! — Взъерепенился Вал, норовя заползти под кровать с целью подраться, но муж не пустил, словив в последний миг. — ЭТО НАШЕ ПОКРЫВАЛО И НАША СПАЛЬНЯ! Валите к себе в казарму! Или хотя бы в гостевые комнаты! Что их мало, что ли, у нас?! Я, может, супружеский долг решил выполнить, *********!

— А, и правда! — Вмешался Карлаэль, уложив брыкающегося от возмущения любимого супруга обратно на постель. — Что вы потеряли ПОД НАШЕЙ кроватью?

— Долг он выполнять собрался, — проворчал Виритор, выползая на свет божий. — Чего мы там не видели. Сосунки вы еще — новым позам учить нас…

Со смаком зевнул и развалился уже поверх постели, потягиваясь словно большой кот.

— Не дали выспаться, — беззлобно ругнулся он. А Карлаэль невольно залюбовался великолепной игрой мускулов на теле мужчины — все-таки все Кораззы были по-настоящему красивы. Но Валиэль вобрал в себя все самое лучшее от родни.

— Может, объяснитесь, — уже вполне себе мирно предложил маркиз, прижимая к постели все еще злобно пыхтящего мужа. Как-то не верилось, что все шестеро враз сошли с ума и перепутали гостевые спальни с подкроватным пространством.

— Я его убью! — Взвился выползший наружу Лит, обрушивая удар пудового кулака на пол. И старший Деззион невольно подскочил. Ему вдруг послышался треск мраморной плитки. — За**** уже таскаться за нами!!!!

— А я и не мечтал, что мужика так торкнет после первого же раза с нами, — закатил глаза Сакирр, наполовину высунувшись из-под кровати. — И как он теперь успокоится?

— Все очень просто, племяш, — подал голос из-под кровати Зорэт. И в двух словах поведал родичу всю авантюру с графом Инсиэнаром. И, пока охреневший от услышанного Кар молча переваривал полученные сведения, добавил: — Представляешь, покоя от этого озабоченного не стало. Ведь хвостиком за нами бегал! Парни в казармах уже смеяться начали.

— Особенно когда он принялся петь серенады под окнами казармы. — Сообщил Фэррон, усаживаясь на постель рядом с племянниками. — И не сверкай глазами на Вала. Он правильно сделал, что позвал нас. Много бы ты насопротивлялся, если б в тебя влили то зелье!

— Да нет, спасибо, что защищали меня, — пробормотал Карлаэль, целуя враз разомлевшего супруга. — Но под кроватью-то почему прятались?

— Так мы же и говорим — понравилось графенышу очень! Проходу нам не давал. А еще у него какой-то амулет нарисовался — позволял проходить любую защиту. Этот тип едва не застукал нас у тебя в особняке! Играючи прошел и слуг и охрану! Пришлось прятаться под кроватью. Сюда он только заглянул…

— И все? — Подозрительно прищурился Вал, рассматривая смущенных дядюшек. — А то я вас не знаю, проныры! Колитесь, давайте, чего натворили?!

— Да жену мы его позвали, — обреченно отозвался Сакирр, пунцовея ушами. — Думали, хоть она его приструнит. А оказалось, что графиня еще та баба!

— Леди Инсиэнар из рода знаменитых воителей, — подал голос из-под кровати Зорэт. — У нее в семье принято воспитывать девочек наравне с мальчиками. Так что леди не уступит ни нам в росте, ни умении махать мечом. Во всяком случае, сковородкой она орудовала знатно! И где только достала во дворце?!..

— Да еще орала, что порвет нас в клочья за приставания к собственному мужу, — грустно поделился Фэррон. — Даже слушать ничего не стала.

И машинально потрогал сильно заплывший глаз.

— Но какая женщина! — Восторженно выдохнул Виритор, закидывая за голову могучие руки. — Как она нас!.. Жаль, что этому сморчку досталась. Хотя задница у него тугая…

Остальные братья задумчиво-восторженно покивали, с мечтательными мордами пялясь куда-то вдаль.

— А кровать?.. — упорно гнул свою линию Кар, отказываясь понимать, почему их с Валом спальня занята. Тем более, что граф Инсиэнар явно утащен женой в графство: о нравах, царивших внутри семьи лорда, ходили анекдоты.

— Так она тот амулет у мужа забрала и пообещала нами заняться!.. — удивленно захлопали глазами все Кораззы.

Не выдержав более этой комедии, Карлаэль с диким гоготом повалился на спину, утягивая за собой хрюкающего от переизбытка чувств мужа.

— Да ну вас! — Тут же обиделся на парочку Виритор. И в сопровождении братьев полез обратно под кровать. — Вот и старайся для этих неблагодарных!

Но ответом ему был лишь не прекращающийся смех супругов: представить себе бравых гвардейцев, удирающих от дамы со сковородкой, было выше их сил!

…Герцог Вэон замер на пороге.

Знакомый кабинет. Сколько раз он входил сюда с докладами… когда еще был жив Соронdo.

Но сейчас в кресле у стены восседал Эдмир. Его муж Рэниари просматривал какие-то бумаги, сидя рядом со старшим королем.

— Входи, Лоран, — на краткий миг оторвавшись от свитков, его величество Эдмир мельком глянул на герцога и тут же с любовью перевел взгляд на супруга.

Лоран лишь вздохнул. Хотелось бы и ему не скрывать своих чувств к Айрэ. Их последние месяцы стали для обоих чудом… к сожалению, печальным и слишком коротким. Прибытие в Меайру посольства Лиссаэроу не стало неожиданностью для любовников. И последнюю неделю Ай не позволял проникающей близости, зная о близком браке с князь-герцогом Приграничья. К тому же от юноши ни на шаг не отходили послы его мужа, опекая и контролируя во всем. Вот уж когда проклянешь предусмотрительность покойного Соронdo — не будь договор о браке подписан заранее, и семейный траур позволил бы юноше остаться дома на целый год, отдавая дань памяти воспитавшему его дяде. Но подписание контракта на замужество автоматически перевело Айрэ в другую семью. И сейчас он должен был отправиться к мужу, который закончил траур по умершей жене, покинувшей его ДО нового договора о браке.

А еще Лоран даже не подозревал, а знал, кому именно предстоит сопровождать маркиза к мужу. Это явно станет его ношей. Эдмиру необходимо возглавить войска — северо-восточные провинции все-таки полыхнули яростным мятежом. Король Рэниари должен оставаться в столице. А Айрэ и его супруг не могли ждать окончания северо-восточной кампании.

— Ты ведь догадываешься, Лоран, для чего я тебя вызвал? — Внезапно остро взглянул на

герцога старший король, непроизвольно переплетая пальцы левой руки с пальцами мужа. Лоран только вздохнул, скрывая собственную боль — его удел не ласкать, а собственными руками отдать любимого в чужую семью!

— Догадываюсь, — невесело отозвался Вэон. — Через неделю ваш кузен уезжает к мужу.

— Вот именно, — кивнул Эдмир. — Ты будешь представителем Хилдона, который передаст новобрачного принимающей стороне. И ты обязан будешь подтвердить консумацию брака.

— А я могу не соглашаться? — Лишь на миг голос Вэона дрогнул, выдавая истинные чувства влюбленного мужчины. — Можно ведь передать мои полномочия любому другому придворному.

— Почему? — Откровенно не понял Эдмир, отрываясь от подписания каких-то свитков, что разворачивал перед ним секретарь. — Ты же всегда хорошо относился к моему кузену?..

— Прошу меня простить, — опустил Вэон голову под слишком пронзительным взглядом молчавшего Рэниари. Какой же он дурак… зачем отказывается?! Уж лучше убедиться, что любимый устроен. И плевать, что при этом он сам рвет себе и душу и сердце напополам, продлевая агонию.

— Я принимаю ваше поручение. Ваш родич будет доставлен целым и невредимым в Лиссаэроу к мужу.

— Вот и славно, — облегченно вздохнул первый король. Эдмир не понимал заминки Вэона, но был рад, что тот согласился — Аю нужен сопровождающий согласно его статусу члена семьи Келлиадир. — Бумаги для князь-герцога завтра передаст тебе канцлер.

Вот и все…

Мечты рухнули… развалились словно домик из деревянных палочек.

Айрэ… мой страстный… смелый мальчик… нас больше нет. Отныне и навсегда будущее существует для каждого из нас раздельно.

Как же больно отдавать тебя другому!

Увезти, украсть бы тебя! Но ведь ты сам не поедешь, осознавая свой долг перед семьей и страной!

И будешь изо дня в день всходить на ложе нелюбимого мужа.

И будешь помнить меня… до конца жизни.

Я уверен в твоей памяти и твоей любви… так же, как уверен в своей смертельной тоске по твоим объятиям.

Так больно. И так мало трех месяцев счастья!

Так мало…

И так много.

mir-knigi.org

Моя вечная, горькая любовь…

…Мажордом велеречиво объявил о визите младшего короля в покои маркиза Келлиадира.

Не обращая внимания на выпевающего его титулы лакея, Рэниари стремительно вошел в большую гостиную кузена, едва не запнувшись о какой-то сундучок.

— Вурин, прекрати, — с некоторой усталостью проговорил Айрэ, появляясь из дверей спальни. — И уберите, наконец, весь этот бардак! Я уже все выбрал для дороги и свадьбы. Все остальное перешлете мне потом.

— Но, господин!.. — обиженно заикнулся было мажордом, которому не дали блеснуть правилами этикета. Кузен Эдмира лишь тепло улыбнулся старику.

— Я ценю, что вы все так обо мне беспокоитесь, — вымолвил он с ясной улыбкой, — но сейчас оставьте меня наедине с его величеством.

Многочисленные слуги порскнули в разные стороны. И Рэниари невольно поежился — на половине Ая не было магически зачарованной прислуги. И юноша всем телом ощущал жадные взгляды людей, что не могли не смотреть на него с вожделением.

— Ты как? — Неловко спросил он, глядя на своего одного из немногих друзей во дворце. Лицо Айрэ осветилось какой-то прозрачной, светлой печалью.

И решимостью.

— Все хорошо, — улыбнулся маркиз, предлагая гостю вино и фрукты. — Не переживай за меня. Порталы ведь никто не отменял. Буду еще к вам в гости захаживать.

Но оба знали, что вряд ли сумеют увидеться даже в отдаленном будущем — путешествия младших супругов не приветствовались. Даже Эдмир, до самозабвения обожающий мужа, не позволял ему покидать дворца.

— А ты!.. — решился наконец Рэни, судорожно вздохнув. — Ты так спокоен! А… Вэон? Неужели я ошибся, и у вас с ним ничего нет?

— Ты не ошибся, — Айрэ отставил в сторону серебряное блюдо, на котором бездумно раскладывал фруктовый натюрморт. — Я люблю Лорана, а он любит меня. Но так сложилась судьба… И ты как никто другой должен меня понимать… Иногда мы не имеем выбора.

— Выбор есть всегда, — упрямо отозвался Рэниари, сжимая кулаки в бессильной ярости.

— Этот выбор ведет к худшему из вариантов, — укоризненно покачал головой Айрэ. — К варианту, в результате которого пострадают другие… а, значит, для меня он не приемлем. Или ты бы поступил иначе?

— Так же… — тихо признался король, не глядя на друга. И Айрэ печально усмехнулся.

— Все-таки ты еще такой ребенок… — произнес он. — Так хочешь верить в сказку со счастливым концом… Вот только для нас с Вэоном она изначально была печальной. И мы это знали. А вот для вас с Эдом все еще может измениться. Вы же оба любите друг друга, — Рэниари возмущенно вскинул подбородок. — Не отрицай! Вы оба любите… и оба… два упертых придурка!.. никак не разберетесь между собой.

— Ты же знаешь, что он сделал!.. — едва не задохнулся от проснувшейся боли Рэни. Но маркиз прервал его взмахом руки.

— Не отрицай свою любовь к нему! — Повысил он голос, глядя в ошарашенные глаза цвета аквамарина. — Если бы ты был к нему равнодушен, как пытаешься показать, то не мучился бы наравне с Эдом. Да, кузен виноват перед тобой. Но он не просто пожалел о своей дурости… он пытается измениться ради тебя! Я не прошу срочно его прощать и тут же падать в его объятия! Но хотя бы попытайтесь примириться друг с другом. И… если уж на то пошло… ты в этой ситуации ведешь себя… как ребенок.

Рэниари едва не задохнулся от обиды. Глаза тут же защипало от непрошеных слез.

— Значит, по-твоему!.. — начал он, с трудом сдерживаясь. — Я должен после всего, что было, принять его хлипкое «прости!»?

— Я понимаю, что такое трудно простить, — примиряющее улыбнулся Айрэ. — Но хотя бы постарайся понять… вновь сделай шаг навстречу… ради будущего. Не бойся — теперь Эдмир безумно боится тебе навредить! Да и… если любишь, то простишь все, что угодно. А ты его все еще любишь, не отрицай! Сделай ЭТО, Рэни.

Порывисто шагнув вперед, Айрэ крепко обнял замершего Рэниари.

— Ты справишься!.. Ты очень сильный, — прошептал он в аккуратное ушко младшего короля. — Порой мне даже кажется, что слишком сильный! И тебе не мешало бы стать чуточку послабее… Мы с тобой оба лишены выбора… воспитаны младшими! Но если я выбирал сам — дядя мечтал воспитать из меня замену моему знаменитому отцу — то ты… Ты, Рэни, с самого детства был принудительно лишен права выбора! Почему-то мне кажется, что сложись все иначе, и ты был бы великим правителем!.. сильным, властным, самостоятельным! Но тебя сделали младшим и обрекли лишь на ОДНУ дорогу. И ты, вроде бы смирившись, сам того не замечая, ломаешь себя под того мальчика, каким тебя мечтали воспитать. Потому-то ты и не можешь смириться с Эдмиром — он едва не сломал тебя окончательно…

Задохнувшись от неожиданности, Рэниари замер в кольце рук Айрэ. Он никогда не рассматривал ситуацию с такой стороны, давным-давно приняв свою судьбу и смирившись с ней. А ведь и верно! Он всегда обожал вертеться среди солдат, обожал фехтовать, лазить с мальчишками по скалам, плавать наперегонки!.. А его запирали в Цитадели, пичкая знаниями, нужными для будущего младшего мужа, читали нотации, запрещая загорать голышом на прибрежных камнях («…ты и так смуглый!..») или самостоятельно чистить лошадь после прогулки: — «На что похожи твои руки!.. От тебя пахнет навозом… Отец-Небо!.. На ладонях мозоли! Немедленно принесите крема и передайте Баррэту, что я запрещаю заниматься фехтованием с мальчиком!..»

Нет, Рэниари прекрасно понимал, что у него не было иного выбора. Тот же Асин, который его воспитывал, ни за что бы не позволил пасынку стать помехой собственному сыну и наследнику Цитадели. И отец одобрил ТАКОЕ будущее для своего младшего и любимого ребенка. А ведь некогда в такой же ситуации Баррэту позволили жить своей жизнью. Не ломая его под принятые стереотипы. И теперь Айрэ впервые озвучил то, что юноша понимал сердцем, но не разумом — сложись его судьба иначе, и он не разрывался бы между навязанной судьбой и личным выбором.

— Ты понял… — печально констатировал Айрэ, отстраняясь и виновато заглядывая в лихорадочно блестящие глаза юного короля. — Прости меня… Но я должен был сказать это.

Вы с Эдмиром одного поля ягоды. Оба слишком сильные, чтобы уступить друг другу… чтобы смириться с проигрышем.

— Я!.. — вскинулся было Рэниари, но палец Айрэ предостерегающе прижался к его губам.

— Я знаю, — тихо улыбнулся он. — Ты пытался. И не раз… Но в том-то и дело, что тебя …именно тебя, Рэни!.. учили сгибаться перед силой будущего мужа. А Эдмира этому никто не учил. Но он старается. Ради тебя старается. И пусть у него не получается… порой он слишком груб, напорист, но твой муж тоже пытается поменяться ради другого человека, хотя и неуклюже. Он любит тебя, Рэни! Очень любит… постарайся его простить.

— Тогда почему он не может принять нашего сына?! — Сорвался Рэниари на крик. — Почему?!..

— Именно потому, что любит тебя, — ответил Ай. — И боится тебя потерять… Такой вот парадокс. Сломайся сам, Рэни! Нет, не сломайся — согнись. Согнись ради того, кто тебя до безумия любит! И кто не умеет гнуться, в отличие от тебя. Его этому никто не учил. Умерь свою гордость. Иначе ваше существование станет бессмысленным!

Вырвавшись из рук Айрэ, Рэниари бросился вон из его покоев. Он бежал по коридорам, ничего не видя из-за слез, заливающих лицо. Благо, покои маркиза были на семейной половине, и никто чужой не мог увидеть неподобающего поведения второго короля. А преданные слуги не посмели бы комментировать увиденное, как и заступать дорогу коронованной особе.

И потому Рэни, захлебываясь от болезненных рыданий, даже не ожидал, что кто-то прервет его бег. Но когда это все-таки случилось, не стал вырываться, как-то вдруг сразу поняв, чьи руки прижали его к твердой груди, обтянутой вышитым бархатом камзола.

— Ну что ты?! Что… — перепуганный Эдмир подхватил на руки мужа и едва не бегом понес его к себе: как-то даже трудно было представить, что могло вызвать подобную истерику всегда сдержанного юноши.

Но Рэни только отчаянно мотал головой, цепляясь за мигом промокший камзол Эда, да шмыгал носом, икая от судорожных рыданий. Лишь спустя час Эдмиру удалось его хоть немного успокоить. Все это время первый король не выпускал из рук свою Искру, целуя и убаюкивая. Рэниари так и не сказал ему причину своей истерики… в конце концов, уснув в объятиях старшего мужчины, чувствуя, как с прорвавшимися слезами из него вытекает напряжение последнего года, вся боль, разочарование и тоска… оставляя место чему?.. надежде?..

И остается только одна заноза, что мешает полностью принять и простить мужа…

Эрэндис.

Их сын и наследник.

Глава 5

Закутавшись в меховой плащ, Айрэ смотрел на огромный замок из невыразительного серо-черного гранита. Порывы ветра с близкого ледника пробирались даже под плотный мех полярных волков — здесь, на самой границе вечного льда и камня наступившее в долинах лето совсем не ощущалось.

Орлиное гнездо.

Родовой замок князь-герцогов Лиссаэроу.

Дом его мужа. Отныне и навсегда ЕГО дом.

Юноша восседал в седле, украшенном кованым серебром, на непривычно высоком и злом жеребце — подарке князь-герцога своему младшему супругу. Позади Айрэ располагалась многочисленная свита из хилдонцев и присоединившихся к ним лордов Приграничья. Шумная и обычно говорливая толпа сейчас была странно молчаливой. Лишь изредка перестукивали мелкие камешки под копытами чьей-то нетерпеливой лошади, негромко звякала сбруя, да тонко посвистывал ветер со стороны темного ледника.

Все ждали окончательного восхода солнца — по древней горской традиции младшего супруга в дом старшего мужа вводили на рассвете, чтобы вместе с молодым вошло и семейное счастье на солнечном луче. Именно поэтому Айрэ, проведший в дороге более двух недель, вынужден был заночевать на постоялом дворе, дабы не нарушать традиции. А теперь ждал оговоренного старейшинами времени. Но золотисто-розовый рассвет сползал вниз по горному склону слишком уж неторопливо, все еще не достигнув ворот замка.

Уткнув нос в колкий мех воротника, Айрэ попытался отрешиться от чувства присутствия Лорана за правым плечом. Герцог сидел в седле безмолвной статуей, и его боевой конь, вышколенный хозяином, замер словно неживой. Но Айрэ всей кожей, всем своим существом чувствовал тяжелый взгляд любимого и сам сжимался в дикой тоске от невозможности обернуться… прикоснуться.

Две недели пути от Меайры не оставили им ни минуты личного времени. Как глава его свиты Лоран каждый миг обязан был присутствовать рядом со своим подопечным, решая множество вопросов: от бытовых до торговых. Все время на виду, на людях, сдерживаясь изо всех сил…

Пытка невозможностью любить… угрозой выдать себя.

Но они оба и этому были рады. Пили каждый миг, каждый час, оставшийся им… пусть и без близости, но хотя бы рядом…

Две такие долгие… и такие короткие недели пути.

Каскадные порталы ускорили движение каравана младшего князь-герцога. Но едва Айрэ с сопровождающими вступил на территорию Приграничья, как каждый вассал его мужа счел своим долгом поприветствовать хилдонца и проявить знаменитое горское гостеприимство. Айрэ пришлось приложить немало дипломатического такта, чтобы и не обидеть будущих подданных и не застрять в пути. Он покинул Меайру одновременно с войсками, что возглавил лично Эдмир, уводя армию на северо-восток. Но в отличие от юноши, король ушел в мятежную провинцию стремительным марш-броском, используя энергоемкие прямые порталы. И, судя по последним данным, уже вовсю громил заговорщиков. Кажется, для восточников магия короля стала неприятной неожиданностью!

…Басовитый, какой-то даже утробный звук витого турьего рога, внезапно раздавшегося за спиной Айрэ, заставил его вздрогнуть и крепче сжать повод взбрыкнувшего коня — рассвет достиг замковых врат. И толпы всадников с диким визгом, от которого резало уши, вдруг сорвались из-за спины юноши и покатились лохматой волной к Орлиному гнезду, размахивая папахами и башлыками. Как Айрэ успели объяснить — никто на свадьбе не мог потрясать оружием. Это воспринималось как оскорбление и сразу же вело к вооруженному конфликту.

Так что, как бы горцы ни молились на свои родовые клинки, ни один из них не смел обнажать их в присутствии молодоженов.

Смуглая, заскорузлая от оружия и старости рука лорда Роззиза Ли-Са-Рэ перехватила повод коня юноши. Горец был одним из старейшин клана князь-герцога и встречал его мужа от лица владыки. С другой стороны за узду взялась знакомая до мельчайшего шрамика рука Вэона. И Айрэ замер, холодея от осознания непоправимости вершившегося сейчас… что это все!.. конец всем тайным надеждам…

Старейшина и герцог торжественно свели его коня к уже совсем близким воротам замка, куда, словно в пасть неведомого зверя, втягивалась толпа добровольных охранников. Бедняга Айрэ заставил себя через силу улыбаться окружающим, откинув за спину капюшон нарядного плаща… подставив разгоряченную голову ледяному ветру с вершин.

Сам замок наплывал на юношу громадой массивных башен и сразу несколькими линиями стен, высившимися друг над дружкой словно ступени огромной лестницы. Воистину Орлиное гнездо!

На стенах, среди зубцов башен, из бойниц машикулей… везде!.. скакали, махали руками и платками, просто высовывались и что-то кричали многочисленные зеваки в разноцветных плащах и платьях… орали, свистели, дудели в какие-то рожки…

Прямо на глазах въезжавшего в воротную арку Айрэ кто-то попытался вывесить из бойницы пестрый ковер и едва не упустил тяжелый рулон, приземлившийся на крышу нижней галереи. К счастью, там успели с хохотом словить ковер и торжественно развернули, а то бы несчастный образчик ковроткачества очутился в замковом рве.

Наблюдая весь этот праздничный бардак, Айрэ и сам не заметил, как и когда принялся искренне улыбаться, невольно заражаясь всеобщим весельем. Вот только заноза под названием любовь так никуда и не делась…

И все время, пока его вели залами и коридорами крепости, юноша чувствовал скрытую тоску Лорана.

Перед высокими резными дверями в Большой зал Вэон решительно взял его за руку и лично повел сквозь толпу нарядно одетых гостей, исполняя роль представителя Келлиадиров. И никто не заметил, как пальцы мужчины сжались чуть сильнее положенного на запястье юноши. Сам Айрэ шел, не поднимая глаз, как и полагалось младшему. И потому не заметил, как… когда его руку выдернули из руки Лорана, а самого вдруг подхватили и бесцеремонно завертели из стороны в сторону, рассматривая: до помоста, где стояло кресло верховного лорда, и где согласно протоколу его должны были передать мужу, оставалось еще пара десятков шагов. Однако князь-герцог проявил то ли нетерпение, то ли неучтивость… но Жеориз Лиссаэроу не пожелал ждать, когда мужа ему подведут. Сбежал с помоста сам, перехватив юношу на полдороге.

Растерявшись, Айрэ вскинул на супруга изумленный взгляд и едва не задохнулся от страха — князь-герцог поражал воображение с первого взгляда! И хотя Айрэ уже видел магические портреты первого лорда Приграничья, но даже он испуганно застыл, очутившись в руках настоящего гиганта. Юноша и сам был далеко не маленького роста. Тот же Рэниари дышал ему в подмышку. Но Жеориз… Айрэ почувствовал себя невероятно хрупким рядом с этим очень мощным… очень высоким человеком.

Смуглый, беловолосый и светлоглазый, он был почти на голову выше Лорана и намного шире его в плечах, напоминая гигантского медведя, вставшего на задние лапы… двигающегося с

такой же, несколько тяжеловесной и неотвратимой грацией. В то время как Вэон походил на поджарого, стремительного и очень злого леопарда.

Лиссаэроу прошелся оценивающим взглядом по фигуре юноши… словно лошадь выбирал!.. и снисходительно улыбнулся, продемонстрировав великолепные зубы.

— У вас там все такие тощие? — Поинтересовался благодушно. Зал встретил слова властителя громким смехом… почему-то совсем необидным. И Айрэ невольно покраснел. Он уже отметил, что младшие супруги и женщины-наложницы отличались всеобщей дородностью: как было известно хилдонцам — в горах ценилась физическая мощь. Спутники жизни должны были не только вынашивать здоровых и сильных детей, но и в случае войны сражаться плечом к плечу со своими старшими. А тут какая-то смазливая глиста из столицы. Да что она может?!

Айрэ знал, что его худощавое телосложение вызывает недоверие у будущих вассалов — а сможет ли он выносить наследника владения? Или скончается как прежняя супруга князь-герцога?

Но старший муж не дал ему времени на раздумье, внезапно впившись в губы властным и очень глубоким поцелуем. Юноша едва не задохнулся, пытаясь вытолкнуть чужой язык, хозяйничающий у него во рту. Невольная дрожь прошила тело, когда Жеориз, не обращая внимания на пытающегося отстраниться мужа, принялся щекотать его небо самым кончиком языка, толкаясь все глубже и глубже: судя по всему князь-герцога неимоверно заводил поцелуй.

Напоследок смачно всосав нижнюю губу Айрэ, Жеориз отпустил полузадохнувшегося мужа, небрежно придержав его за плечо.

— Ха! — Громко возвестил на весь немаленький зал властитель. — А он ничего! Мне нравится!..

Раздавшаяся после этих слов какофония всевозможных пожеланий могла вогнать в ступор даже пьяного до усрачки матроса. Но Айрэ держался — все это с древних времен являлось обычным ритуалом подобных праздников. И потому даже скабрезные шутки воспринимались совсем не обидно. Но, тем не менее, в краску они вгоняли будь здоров!..

— Приветствуйте моего мужа! — Взревел князь-герцог, подхватывая Айрэ и усаживая его на свое плечо. Юноша словно на широкую, жесткую скамью уселся — настолько твердым показались ему мышцы под всеми слоями ткани!

— Сегодня вечером пир! — Продемонстрировав супруга присутствующим в зале, Жеориз спустил не знающего куда деваться от смущения Айрэ на пол и наклонился к нему, глядя пытливо и холодно. — Отдохни до вечера. И хорошенько приготовься. Ты слишком тонкий и явно узкий для меня. Но придется потерпеть — наш брак должен быть подтвержден по всем правилам.

Айрэ почувствовал, как у него похолодели руки — судя по всему, слова мужа имели под собой смысл. Князь-герцог был ОЧЕНЬ крупным мужчиной во всех отношениях.

— Как пожелает мой супруг, — нашел в себе силы ровно ответить юноша, твердо глядя в слишком светлые глаза мужа. Тот внезапно одобрительно улыбнулся.

— Не тряпка, — констатировал он, распрямляясь. — И то хорошо! Мне не нужен нытик в постели. И пусть ты не воин, как мне говорили, но, думается, сумеешь достойно воспитать наших детей. А сейчас тебя проводят в покои. До вечера свободен!

И бесцеремонно шлепнув опешившего Айрэ по пятой точке, тут же повернулся к Лорану, как к главе хилдонского посольства.

— Ну, что там с договорами?.. — дальнейшее юноша не слушал, шагая вслед за слугами по коридору меж расступающимися придворными.

…Новое место жительство Айрэ понравилось. Его комнаты, светлые и просторные, занимали одну из малых башен, что находилась в стороне от оживленных переходов замка. Загодя прибывшие из Меайры личные слуги бывшего маркиза позаботились о комфорте своего хозяина. Даже умудрились частично расставить привычные для юноши вещи.

Перезнакомившись со своим новым окружением, Айрэ на полдня застрял, принимая делегацию младших супругов княжества, пока его муж пировал со старшими мужьями. Традиция чисто мужских браков соблюдалась в горах неукоснительно. И нарушивший ее Жеориз Лиссаэроу, взявший в жены любимую женщину, не встретил одобрения ни у кого из своих подданных. Женщины у горцев были достаточно уважаемы, но при этом считались слабыми и не достойными править наравне с мужчинами.

Вассалы настолько обрадовались, что Верховный лорд вновь вернулся к традициям, что даже не возмутились факту, что младшим князь-герцогом был выбран чужак. Впрочем, пришедшие вслед за младшими мужьями старейшины слегка разъяснили подобную радость — Айрэ стал компромиссной фигурой, которая всех устроила и никому не дала в руки ни толики дополнительной власти.

Выслушав кучу напутствий — от свода законов до совета КАК себя вести в постели — покрасневший как вареный рак Айрэ наконец-то оказался предоставлен сам себе: по горским законам свадебный пир проходил без главного виновника торжества. И юноша спустился в сад у подножия теперь уже его башни.

Здесь, в крепости, каждая пядь земли была на вес золота. И сад ничем не напоминал привычные Айрэ просторные сады и парки далекой родины. На небольшом пяточке внутреннего двора теснились, наползали одна на другую множество крошечных террас, частенько нависавших друг над дружкой, связанных целой системой мостиков, уступов, арок и декоративных башенок. Смотрелось все это очаровательное безобразие крайне запутанно, но весьма органично. И юноша невольно отметил, что прогулка по ВСЕМУ саду наверняка отнимет у него много времени. Так что, более не заморачиваясь, Айрэ уселся на ближайшем балкончике, в углу которого весело переливался через край маленький декоративный водопадик, без затей обложенный разноцветной галькой. Новоявленному младшему князь-герцогу было о чем подумать.

Слуги, занятые праздником, носились где-то в стороне. Далеко внизу был виден краешек нижнего двора, заполненного праздничной толпой. Оттуда доносились отдаленные рваные ритмы непривычной музыки, долетали запахи жареного мяса со специями… А на балконе было тихо и непривычно пусто. Лишь в керамическом горшке в нише стены, защищенные от ветра цвели неожиданно яркие на фоне серого камня алые розы, некрупные, но запашистые. И этот тягучий, жаркий аромат странно контрастировал с холодным ветром с гор, напоминая Айрэ о его запретной.

Губы юноши, выросшего при дворе, продолжали улыбаться. И никто бы не догадался, как истекает кровью его сердце, обреченное на вечную тоску по любимому.

Запретный плод так сладок… и так горек…

И болит душа…

Как больно прощаться.

Но еще больнее под взглядом любимого войти в спальню с другим и принять его телом. И знать, что тот, кого так любишь, сам умирает под дверью, слушая твои стоны…

Лучше бы Лоран уехал, было бы легче!

Совершенно бездумно Айрэ оборвал с колючего куста один бутон, сминая в кулаке пышный цветок. Пальцы сразу же запахли сладостью и кровью от выступивших из крошечных ранок капелек крови. Но стало полегче.

Лори… он выдержит… так же, как выдержит и он сам. А потом они расстанутся… чтобы больше никогда не коснуться друг друга.

Скоро придут слуги, чтобы увести его в купальни…

…Ночь упала на замок внезапно, словно плотное покрывало, расцвеченное многочисленными праздничными огнями. С наступлением темноты праздник не утих, а вспыхнул с новой силой. Жители Приграничья от мала до велика окунулись в безудержное веселье, готовясь пировать всю ночь напролет. Лишь молодым пришла пора отправляться в постель.

Лоран лично вел Айрэ за руку, следуя за надутым от осознания момента старейшиной. Герцогу тяжело давался его торжественно-безмятежный вид, но он справлялся. Но еще тяжелее приходилось Айрэ, которого вели в одной тонкой, полупрозрачной и неприлично короткой рубашке… ладно, хоть плащ разрешили набросить. Нет, юноша ничуть не стеснялся своего тела. Но эти представления горцев о красоте!.. Но их взгляд — на теле младшего супруга обязано быть больше дурного мяса! Местные ценили дородность и основательность.

Впрочем, Айрэ плевать хотел с высокой башни на все долетавшие до него рассуждения о слишком субтильном хилдонце. Он преспокойно вышагивал рядом со своим любимым, словно на нем была не полупрозрачная рубашка, а полное облачение князь-герцога.

И готов был идти так сколь угодно долго, лишь бы рядом с Лораном. Вот только дверь в спальню приблизилась как-то слишком быстро.

— Лоран… — не удержался от шепота враз побледневший Айрэ, узрев перед собой темные створки, расписанные золотом. Почему-то накатила дурнота, и лишь запредельным усилием воли юноша не дал ей перелиться во что-то большее.

Пальцы Вэона до боли сжались на его запястье. И вскинув на герцога затравленный взгляд, Ай понял, что натворил. Они оба держались всю дорогу от Меайры, но ему под конец выдержка изменила. И юноша позволил любимому увидеть свой страх.

Еще немного, и Лоран сорвется… выхватит оружие, чтобы прорубить себе дорогу из замка, увозя возлюбленного далеко-далеко…

Глубоко вздохнув и загнав подальше проснувшуюся не вовремя панику, Айрэ осторожно высвободил руку из сведенных судорогой пальцев герцога.

И решительно шагнул за услужливо распахнутую перед ним дверь.

…Спальня встретила его ровным теплом от гудевшего мощным пламенем камина, запахом подогретого вина и уютным полумраком.

Мягко захлопнувшаяся за спиной дверь отсекла юношу от криков и поздравлений гостей. Ладони тут же вспотели, а горло пересохло.

— Иди сюда, — муж, совершенно обнаженный, стоял у невысокого стола рядом с камином, наливая в кубок пряное вино. Легкий дымок вился над серебряным, узкогорлым кувшином старинной ковки, указывая, что напиток только что сняли с огня. — Ты неплохо держался. Молодец. А теперь выпей и расслабься — ты слишком напряжен.

— Спасибо… супруг мой, — чуть слышно прошептал Айрэ, делая неуверенно шаги в сторону мужчины… зная, что не сможет и глотка сделать от волнения. И невольно вздрогнул, рассмотрев, наконец, все подсвеченное огнем великолепие князь-герцога.

Жеориз Лиссаэроу действительно оказался ОЧЕНЬ крупным мужчиной. И Айрэ побелел едва ли не до судорог, только представив, как ЭТО очутится в нем!

— Расслабься! — Хмыкнул старший муж, неторопливо смакуя глинтвейн. — Я и сам в курсе своих размеров. Поверь, я знаю, как обращаться с такими, как ты. Моя жена была еще меньше тебя, а принимала меня как миленькая. Да еще и удовольствие получала. Вот только мой ребенок оказался слишком крупным для ее тела… Надеюсь, что с тобой такого не будет.

— Маги уверяют, что при мужской беременности такие осложнения невозможны, — очень ровно отозвался Айрэ, не отходя от дверей. Его почему-то покоробило настолько равнодушное отношение мужа к погибшей женщине, которую, как все вокруг уверяли, он безумно любил.

— Не ершись, малыш, — тут же отозвался Жеориз, правильно понимая отстраненность молодого супруга. — У нас в горах иное отношение к смерти. Мы с самого рождения ходим по краю пропасти… Диирила была для меня всем. Но теперь ее нет, а жизнь продолжается. Мне нужно думать о насущном. Не знаю, смогу ли я вновь полюбить, но хотя бы попытаюсь привыкнуть к тебе.

И Айрэ внезапно почувствовал благодарность за правду… и облегчение.

Пересилив себя, юноша медленно подошел к супругу, не отрывая завороженного взора от слишком монументальной фигуры перед собой… даже не с шарами, а с валунами и толстенными канатами мышц по всему телу! Гладкая, частично загорелая кожа блестела, как маслом намазанная. При малейшем движении по телу словно волны катились, завораживая и пугая до дрожи в коленках. Полностью эрегированный член, перевитый выбухающими венами, оказался слегка изогнут вверх и вызывающе торчал из густой белой поросли паха. Тяжелая мошонка с крупными яйцами отвисала под ним, покачиваясь меж чуть расставленных мощных ног с жуткой прорисовкой мышц излишне тренированного тела.

Не человек — бронзовая отливка…

Стук чаши о поверхность стола вырвал Айрэ из его оторопи, с коей он рассматривал мужа. Взгляд невольно метнулся к пустому сосуду… и задержался, зацепившись за знакомую шкатулку, которую Лоран вез от самой Меайры. Насколько юноша помнил — там находился кокон, сотворенный лично Итароном.

— Да ладно, — усмехнулся гигант, перехватив обреченный взгляд супруга на шкатулку. — Нам с тобой сегодня нужно лишь подтвердить брак. А о детях потом подумаем… когда мясо на

костях нарастишь. Снимай рубашку и, давай, нагнись!

Айрэ неуверенно потянул тонкую ткань вверх. Как бы ни была прозрачна надетая на него рубашка, но она давала хоть какую-то иллюзию защиты. Но светлые глаза Жеориза не отрывались от новоявленного мужа. И юноша, путаясь в завязках, сумел-таки стащить свою символическую одежку, тут же выпустив ее из рук.

Легкий шелк холодной лужицей расплескался на полу у его ног, и Айрэ, невольно поежившись, переступил босыми ступнями, не решаясь опустить взгляд ниже пояса Лиссаэроу. И все равно краем глаза видел, как упруго покачивается огромный член мужа.

— Давай-давай! — Поторопил его Жеориз, деловито массируя свой орган, умащивая его густым маслом, скользким даже на вид. — Быстрее начнем, быстрее кончим!

Член самого Айрэ полувстал скорее от волнения, чем от возбуждения.

— Красив. Ты действительно красив, малыш!.. — одобрительно протянул князь-герцог, неспешно обходя замершего статуей юношу. Широкая ладонь Жеориза ласково легла на спину младшего меж сведенных лопаток… и многозначительно заскользила вниз, остановившись на напрягшихся ягодицах. Средний палец князь-герцога бесцеремонно проник в скользкую от масла щель, сразу безошибочно находя хорошо разработанное отверстие, теперь заткнутое анальной пробкой — местный маг-целитель долго готовил анус юноши под размеры старшего мужа. Жаль, что отказался давать возбуждающее зелье, невнятно ссылаясь на какой-то закон.

И теперь Лиссаэроу лишь одобрительно хмыкнул, когда его палец легко погрузился в тело мужа.

— Давай… — влажное дыхание обожгло шею юноши, заставив поежиться. И его тут же мягко толкнули на постель. Не сопротивляясь, Айрэ послушно принял нужную позу, мимоходом оценив предусмотрительность целителя, что, несмотря на его отчаянное смущение, провел всю необходимую подготовку. Вплоть до того, что заставил хилдонца полдня проходить с костяным дилдо в заднице, постепенно увеличивая объем совавшейся в него игрушки. Но те искусственные размеры и близко не напоминали размеры Лиссаэроу. Видно сделано это было специально, чтобы новобрачный оставался достаточно узким для своего старшего.

Но сейчас Айрэ мысленно сказал спасибо, когда сразу три пальца князь-герцога легко скользнули в него, ощупывая изнутри разогретые и хорошо смазанные стенки… нащупывая в глубине орешек простаты. Невольно выгнувшись и прошипев нечто нечленораздельное от прошившего его колючего удовольствия, Ай заподозрил, что ему все-таки что-то дали в питье. Иначе как можно было объяснить расходившиеся от пальцев мужа волны возбуждения?

Хмыкнув, Жеориз без особых разговоров придвинулся ближе к выпяченному задку юноши и, властно смяв в ладонях его ягодицы, раздвинул их как можно больше, сразу же надавливая членом на розовое колечко входа. Бедняга Айрэ изо всех сил вцепился в простыню, задыхаясь от нарастающей, растягивающей его боли — супруг не озаботился никакой прелюдией, сразу же приступив к исполнению супружеского долга!

- *******! — Невнятно выдохнул Лиссаэроу, наконец, протолкнув в юношу головку своего члена. Айрэ тем временем рвано дышал, пытаясь расслабиться как можно сильнее. — Узкий… Потерпи, сейчас будет больно… но так надо.

И резко качнулся вперед, входя сразу наполовину!

Не ожидавший такой подлянки Айрэ не удержал крика. Он знал, что будет… знал, что должно произойти дальше, но не думал, что это НАСТОЛЬКО больно!

В зад словно раскаленный кол воткнули… повернули, да еще и перцем присыпали!

Зашипев, Айрэ расставил ноги пошире, чувствуя, как по бедрам быстро ползут горячие ручейки.

*******! ******! С вывертом и ******* традиции этих варваров, когда для консумации брака одной близости мало! Обязательно должна быть кровь!

И почувствовал, как его аккуратно укладывают на бок, прижимая к горячему телу.

— Прости… — покаянный шепот.

Айрэ только выдохнул сквозь зубы. Он прекрасно понимал, почему Жеориз решил твердо придерживаться ВСЕХ местных обычаев. После того, как пошел им наперекор в первом браке, Лиссаэроу просто не желал рисковать вторым союзом… как и поддержкой подданных.

— Готов? — Тихий вопрос гулким шепотом, когда Айрэ сумел-таки немного отдышаться. На бедра юноши легло нарядное покрывало, прикрыв его по пояс — одна из двух уступок, которые сумели выбить дипломаты Хилдона, когда обговаривали этот брак.

— Да… — сумел ответить он ровно.

И двери распахнулись!

Вот только вместо взбудораженной толпы в спальню вошли Лоран и уже знакомый Айрэ старейшина Роззиз Ли-Са-Рэ — вторая уступка горцев. Обычно при ТАКОМ присутствовали все, кого только могли позвать.

Лицо Лорана было непроницаемым и спокойным. Слишком спокойным… таким, что Айрэ захотелось провалиться куда подальше, только бы не видеть темную жуть любимых глаз. Но он даже не позволил себе спрятаться за опущенными ресницами… лишь щеки похолодели, видимо кровь отлила…

— Брак свершен! — Торжественно провозгласил старейшина, ловко выдергивая из-под новобрачных окровавленную простыню. Айрэ едва губу не прикусил, пытаясь сдержать стон боли: от резкого движения, с которым его приподнял муж, помогая вытаскивать шелковую тряпку, в попе снова запекло. И он уже ничего не видел — ни как из спальни исчезли Лоран с Роззизом. Ни как в нее проскользнул уже знакомый маг-целитель.

Очнулся Айрэ от внезапно наступившего облегчения — боли больше не было!

Он даже не сразу сообразил, что лежит обнаженным на боку… что горячий и тугой член мужа все еще в нем… а сосредоточенный маг, не обращая внимания на представшую перед его глазами композицию, сосредоточенно водит руками вблизи изболевшей задницы младшего князь-герцога. Но Айрэ было в этот миг так хорошо, что он наплевал на свидетеля собственного положения!

Уткнувшись носом в подушку, юноша наслаждался отсутствием боли. И не сразу отреагировал на осторожное поглаживание собственного паха. Ладонь мужа нежно ласкала увядшее достоинство Айрэ, теребя яички.

— Все… уже все! — Прошептал Жеориз Лиссаэроу, не двигаясь. Хотя ему отчаянно хотелось вбиваться в столь узкое и горячее тело младшего. — Ты молодец… выдержал! Ну, что поделать — такие у нас обычаи… Но больше боли не будет, обещаю!

— Тебе еще в меня входить до конца!.. — с невольным отчаянием простонал Айрэ, напрягаясь …и замер!

— Понял, да? — Раздавшийся смешок за спиной заставил юношу недоверчиво пошевелиться. Боли действительно не было! И более того — ягодицы Ая упирались в пах горца!

— Позволь мне показать, каким я могу быть!.. — страстно прошептал князь-герцог и чуть прикусил порозовевшее ушко супруга, делая первый… такой тягуче-сладкий!.. пробный толчок.

…Лоран смотрел на дверь, отсекшую его от любимого…

Смотрел неотрывно уже много часов. Вначале этот фарс, когда юношу королевской крови чуть ли не голышом провели по всему замку на потеху как местной аристократии, так и черни из прислуги.

Затем короткий срыв Айрэ у входа в спальню… Вот честное слово, если бы юноша не решился переступить порог проклятой комнаты, Вэон лично бы утащил его оттуда, и гори все синим пламенем!

Но самым большим испытанием для герцога стал поход в спальню для консумации брака!

**********!!!!!!!!!!!!!!!!!! **********!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Лучше бы кто другой вошел!

Одно дело ЗНАТЬ, а другое — ВИДЕТЬ!

А уж это унижение с окровавленной простыней! Как только он сумел сдержаться и не лишить коронованного борова его причиндалов?! И это притом, что их с Айрэ честно предупреждали об этой стороне брака…

Вот только смотреть, как эти дикари режут злосчастный шелк на амулеты!.. Боги, да на равнинах давно такой дикости нет!

А теперь он вынужден стоять перед проклятой дверью… якобы карауля покой новобрачных!.. и сходить с ума от ревности, зная, что ТАМ чужие руки ласкают его Айрэ!

А тем временем Айрэ пытался встать… честно пытался.

Вот только руки и ноги у него упорно подгибались. И, вообще, было такое чувство, что из тела словно все кости вынули — настолько оно напоминало медузу…

Муж воспользовался им по полной.

Жеориз не отказал себе ни в чем. И пару раз в спальню приходилось звать целителя. Не сказать, что юноша не получил удовольствие… получил. И не по разу! Но когда удовольствия много, оно превращается в пытку наслаждением…

mir-knigi.org

У Айрэ было такое впечатление, что его попа больше никогда не закроется. Бедра липли от спермы — муж кончал много и обильно. В последний раз юноша даже потерял сознание от полноты оргазма. А когда очнулся, то сразу и не понял, что происходит в спальне… лишь спустя пару минут сообразил, что подле кровати идет бой.

Встряхнув головой, словно пытаясь проснуться от невольного кошмара, Айрэ неуклюже перевернулся на спину и приподнялся, опираясь на локти. Он даже не сразу отреагировал, когда какой-то человек с темной повязкой на лице перелетел над ним, приземляясь за спиной Жеориза. Голый князь-герцог Лиссаэроу, наплевав на собственную наготу, лихо размахивал двумя тяжелыми клинками, не подпуская к себе нападавших, выбравшихся из потайного хода в углу спальни — судя по зияющей там темной дыре, полуприкрытой сорванным гобеленом.

Грохот распахнувшихся входных дверей немного встряхнул Айрэ, заставив очнуться и подскочить на колени среди смятых простыней, судорожно натягивая на себя одеяло. А ворвавшийся в комнату Лоран одним махом снес с плеч голову ближайшего незнакомца. За спиной герцога, в коридоре, тоже шла безумная схватка — горцы резались с горцами!

Отпихнув ногой труп напавшего, Вэон с клинком наперевес встал перед постелью, защищая растерявшегося юношу. Парочка особо дурных наглецов, попытавшихся кинуться на него, живо распрощалась с жизнью под свистнувшим мечом герцога. В то время как Лиссаэроу с маньячной улыбкой крушил врагов в центре спальни, благо размеры ее позволяли.

— ЙЙЙИииииЙооо!!!! — Заорал вдруг Жеориз, сдергивая темный платок с лица главаря напавших. — Тирзан! С******! Да как посмел?!

- **********! — Одной короткой матерной фразой ответил главарь. — Я говорил, что не прощу тебе Диирилу! Она должна была стать моей наложницей. И теперь бы жила! А ты угробил ее своим *****! Я лично отдам тебя своим воинам, чтобы затрахали тебя, как последнюю шлюшку!

— Как бы я тебя сам не поимел, — тут же оскалился Жеориз. Его тело, покрытое потом и кровью, ярко блестело при свете магических светильников. Как ни странно, супруг по-прежнему был возбужден. И его кривоватый толстый ствол гордо покачивался внизу живота. Вот только это на удивление не выглядело комичным… скорее угрожающим.

— Ты уже проиграл, — неожиданно спокойно отозвался главарь. — Твоя крепость и твой новоявленный муж теперь мои. Думаю, твой мальчик только спасибо мне скажет, когда я избавлю его от твоего х***. Или избавлюсь от вас двоих разом, если мой маг скажет, что ты уже успел засунуть в него кокон.

— Ничего не поделаешь, малыш, — обаятельно улыбнулся мерзавец, бросив короткий взгляд в сторону сжавшегося на постели Айрэ. — Мне не нужны ублюдки Лиссаэроу.

— Ты слишком самонадеян, — холодно прокомментировал Вэон, стоя перед Тирзаном. Вдруг Айрэ вскрикнул — занятый разговором, он как-то упустил миг, когда его муж с коротким стоном опрокинулся на затоптанный ковер — подобравшийся со спины убийца разрубил князь-герцогу позвоночник. Удар был настолько силен, что Лиссаэроу не спасли даже наслоения мышечных пластин на спине.

— Вот и все, — удовлетворенно произнес главарь, благодушно опуская меч. — Отойди, хилдонец. Мой маг должен осмотреть твоего подопечного. И если он чист от кокона, то станет моим мужем. Мне не помешает супруг королевской крови…

- ******* в******* на ******** и *********, ********! — Выдерживая все падежи и ни разу не сбившись, пояснил свою точку зрения Лоран, покачиваясь на носках и держа меч горизонтально полу. Ответная улыбка главаря еще не увяла, когда убийцы сорвались с мест, стремясь задавить Вэона массой. Но против лучшего клинка Хилдона это оказалось бесполезным. И пусть Лоран уступал тому же Жеоризу в силе, но вот в скорости реакций превосходил и намного. Напавшие на него разлетелись подобно игральным костям, причем многие из них так и не смогли встать.

— Чего ты добиваешься, чужак? — Улыбка медленно угасала на красивых губах Тирзана. — Я ведь сказал, что уже все кончено! Тебе, да и твоему господину ничего не грозит — я уже вижу, что кокон не использован, — он кивнул на пресловутую шкатулку на каминном столике. — Этот мальчик теперь станет моим мужем, а ты вернешься в Меайру, выполнив свое задание — какая разница твоему королю, кто станет его союзником!

— МНЕ не все равно, — процедил Вэон, медленно наступая на неподвижного главаря. — Право чести и крови!

Что-то такое Айрэ уже доводилось слышать… что-то смутное…

Ах, да! Здесь, в горах, равный мог бросить вызов на поединок равному. И забрать в случае выигрыша все, что принадлежало проигравшему. Удивительно, что при таком отношении к жизни, местные владения тем не менее крайне редко переходили из рук в руки — горцы ценили силу превыше всего. И род, удерживающий родовые земли на протяжении многих поколений, считался наиболее знатным и достойным.

— Ха! — Оскалился Тирзан. — Неужели на равнинах еще не забыли древних обычаев? Но стоит ли твоя кровь моего внимания? Назовись, чужак!

— Я Лоран герцог Вэон, — ответил Лоран, увидев внезапно расширившиеся зрачки противника: его имя хорошо знали, как друзья, так и враги. — А твое имя достойно ли меня?

Коротко выдохнув, главарь медленно поклонился.

— Я Тирзан, лорд-властитель Логова Барса, Ассиарэу, — серьезно ответил он. — И я принимаю твой вызов. Все или ничего!

— Все или ничего, — горным эхом отозвался Вэон, не отрывая взгляда от сощурившихся глаз противника — Ассиарэу был западным соседом Лиссаэроу и его традиционным противником во всем. Насколько Айрэ помнил политическую раскладку по этим землям — два этих владения издревле враждовали. Очень похоже на то, что рассказывал Рэниари о своей семье и семье своего отчима.

— Постойте… — попытался было вмешаться юноша, все еще кутаясь в одеяло. Но Тирзан даже не глянул в его сторону.

— Позовите к князь-герцогу целителя, — приказал он своим людям, не отводя взгляда от Вэона. — Пусть приведет господина в порядок. Он должен быть готов принять своего нового старшего!

Сопротивляющегося Айрэ поволокли в сторону ванной. Вэон даже не дрогнул, не позволив себе посмотреть на любимого — все существо герцога было отныне подчинено лишь одной цели — выиграть. И тем самым спасти Айрэ от участи стать всего лишь подстилкой равнодушного к нему бандита!

Как Айрэ ни сопротивлялся, но его запихали в успевшую остыть воду и по-быстрому вымыли. Причем вместе с солдатами этого Тирзана вокруг юноши суетились его прежние слуги — видимо поединок чести и крови чтился очень высоко. Как и то, что победитель получал все. Кажется, это даже не оспаривалось.

Плюнув на молчание слуг, юноша позволил осмотреть себя уже знакомому целителю, а затем сам оделся в поданную одежду — судя по всему, траура по прежнему властителю предусмотрено не было, и его рассматривали, как переходящий приз вместе с завоеванным замком. В душе юноши стремительно нарастала злость на тех, кто смеет считать его куклой. Вот только скандалить и чего-либо требовать сейчас было последним делом… если не сказать хуже. А потому оставалось отгородиться от всех холодной стеной отчужденного молчания.

В конце концов, Айрэ вывели на обширный балкон, что нависал над главным двором замка. Там, внизу, на серых плитах, освещенных мятущимися бликами огня от многочисленных факелов, стремительно кружили двое. Юноша еще успел заметить просверки клинков, как один из противников разом получил в живот целый фунт стали. И медленно завалился лицом вперед под единый вздох огромной площади, переполненной на диво молчаливым народом — такие поединки у горцев чтились наравне с богами.

На долгий миг сердце Айрэ замерло… потом болезненно дернулось — юноша отчего-то решил, что упал Лоран. Но потом он понял свою ошибку… и едва не расплакался от облегчения!

Вперед выступил старейшина Роззиз Ли-Са-Рэ. Ветер трепал белоснежные волосы старика, распущенные из-за траура по погибшему внучатому племяннику, коим являлся князь-герцог Лиссаэроу.

— Поединок завершен, — звучно провозгласил он. — Барсам Ассиарэу немедленно покинуть крепость и земли княжества! Иначе смерть настигнет вас сразу же после рассвета.

Не издав ни звука, воины в темном горделиво проходили сквозь так же молча расступавшихся перед ними нарядных горцев. Никто из жителей и гостей Орлиного гнезда не обнажил оружия, хотя все смотрели весьма недобро. И Айрэ не сомневался, что обычаи кровной мести в горах не забыты тоже.

Внезапно Ли-Са-Рэ выбросил вперед руку, указывая на весьма примечательного мужчину — красивого настолько яркой красотой, что не заметить его было невозможно.

— Схватить! — Приказал старейшина. И не успел красавец выхватить оружие, как сразу четверо горцев скрутили его.

— Шагайте куда шагали, — резко приказал старик заворчавшим было врагам. — Мы чтим обычаи, и вы уйдете невредимыми. Но этот человек не вашей крови, а нашей. И он предал свою землю, впустив врага в собственный дом. Ведь так, Дирил? Это ведь ты провел Тирзана в крепость! Никак не мог простить смерти сестры? Диирила выбрала Жеориза, в то время как ты сам желал союза с Ассиарэу. И ты заплатишь за свое предательство. Увести его!

Сверху, с балкона Айрэ с какой-то даже оторопью наблюдал, как рычащего от ярости красавца поволокли в сторону ближайшей башни. Юношей владело чувство, что он спит и все никак не проснется. Но реальность давала о себе знать злыми укусами холодного ветра… они пронизывали разгоряченное тело даже сквозь мех плаща… отголосками боли в хорошо полеченной заднице и запахом сгоревшего масла в чадящем факеле на стене.

Чужие руки… чужие лица… чужие слова…

Айрэ больше не видел никого, кроме горделиво замершего внизу полуобнаженного Вэона.

Любимый был жив, и все остальное стало неважным.

Вдруг наклонившись, Лоран поднял клинок погибшего и вскинул его вверх, что-то прокричав. Горцы по периметру площади и на стенах ответили дружным ревом и сорвались с места, враз отчего-то забегав. Юноша уже ничего не понимал. Подчиняясь направляющим рукам слуг, юный князь-герцог прошел в огромную залу и сел на жесткий стул-трон во главе длинного стола, за которым принялись рассаживаться лорды его покойного мужа. Последними в зал прошли Лоран и Роззиз Ли-Са-Рэ, усевшись справа и слева от Айрэ. Более высокое и массивное кресло рядом с юношей пустовало. Подошедший слуга с непроницаемым видом набросил на спинку кроваво-красный плат, символизирующий траур.

Первым взял слово Ли-Са-Рэ.

— Мой родич и глава клана Лиссаэроу мертв, — старик говорил размеренно и безэмоционально. И Айрэ невольно подумал, что, наверное, никогда не сможет принять ТАКОЙ отстраненности этого народа. — А то, что мы успели узнать у Дирила — не радует…

— Всегда был против этой семейки, — даже не понижая голоса, высказался один из лордов где-то в середине стола. — Диирила крутила хвостом перед каждым, кто обладал хоть какой-то властью… стравливала между собой сходивших от ее красоты мужиков, чтобы выбрать сильнейшего. И в результате сумела таки охомутать князь-герцога. И ведь титула наложницы ей показалось мало! Твоя вина, Роззиз, что не сумел остановить владыку!..

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — Не хуже волка оскалился на говорливого лорда Ли-Са-Рэ. — Кто из нас смел указывать Жеоризу?! Не смеши мое седло!

— Эээ… — вмешался еще один лорд, пока остальные угрюмо зыркали друг на дружку из-под насупленных бровей: — …Думаю, это мнение о покойной разделяют все присутствующие. И ее братец тот еще интриган. Но, может, мне объяснят, что происходит? И чего нам бояться, если поединок крови и чести нами выигран?

— Братья покойного Тирзана отказались соблюдать обычай и уводить своих людей, — пояснил Ли-Са-Рэ. — Они окружили крепость со всех сторон, объявив месть за погибшего главу рода. Проклятый Дирил признался, что целью было не просто убийство, а полный захват наших земель. Именно поэтому Тирзан привел не только своих людей, но и множество нанятых за немалое золото наемников. И где только такие деньги взял, сволочь?!..

— Мы не можем послать за помощью в свои замки! — Выкрикнул кто-то из лордов с дальнего конца стола. — Все дороги перерезаны, а маги не в силах пробить незримый купол, которым нас накрыли! А ведь Ассиарэу никогда не славилось своими магами…

— Зато хорошо дружили с мисиранцами, — зло оскалился какой-то лорд неподалеку от Айрэ. — А те в последнее время что-то осмелели. Всюду свой нос суют. Вот у них-то и есть какие-то амулеты для усиления магии.

— Плевать на мисиранцев! — Крикнул кто-то с другого конца стола. — Мы задружились с хилдонцами, вот пусть они нам и помогут!

— Как только, так сразу! — Не остался в долгу Лоран, сильно наклоняясь вперед. — Дайте нам хотя бы сообщить в Хилдон о случившемся!

— Мы сделаем все, чтобы сообщить королю Эдмиру о том, что здесь происходит, — кивнул головой лорд Роззиз. — Но пока нам нужно пережить волну штурмов. И… самое главное!.. выбрать себе нового предводителя.

Поднявшийся после этих слов в зале гвалт невозможно было описать!

Все орали, спорили, что-то доказывали, припоминали какие-то обиды. Лишь трое сидели тихо — Айрэ, все еще в стопоре от столь стремительных событий, Лоран и старейшина Ли-Са-Рэ.

— ТИИИИХХХО! — Внезапно подскочил Роззиз. И грохнул по столу сорванным с себя поясом, изукрашенным кованными золотыми накладками. — Заткнуться всем!

Тишина, упавшая после этого на зал, была полной и всеобъемлющей.

Тяжело обведя взглядом из-под кустистых бровей примолкших лордов, Роззиз Ли-Са-Рэ посмотрел на Айрэ.

— У нас уже есть младший князь-герцог, — сказал он. — Вы все подтвердили свершившийся брак моего внучатого племянника с кузеном хилдонского короля! Жаль, что Жеориз не успел использовать кокон и тем самым не оставил после себя наследника… Но супруга он оставить успел! И новый властитель Лиссаэроу должен взять юного вдовца в младшие мужья, тем самым закрепляя преемственность власти, несмотря на траур! И кто же из вас сделает это?! Половина из присутствующих уже женаты, а другая передерется между собой, прежде, чем ваши глотки будут перерезаны ублюдками из Ассиарэу!

Горные лорды виновато опускали взгляды в стол, стараясь не смотреть на старика.

— И с чего вы решили, что достойны? — Язвительность так и хлестала из старейшины. — Или это вы уложили на плиты Тирзана, тем самым отомстив за своего погибшего господина?! Нет, это сделал герцог Вэон! Именно он бросил вызов чести и крови! И именно он достоин встать во главе наших земель, женившись на овдовевшем младшем князь-герцоге…

Гулкий удар заработавшего тарана невозможно было спутать ни с чем. А следом во двор крепости что-то с треском рухнуло.

— Все на стены, — просто приказал Лоран, поднимаясь на ноги. — Спорить будем потом. А сейчас я бы хотел увидеть, кто из вас чего достоин!

Никто бы ничего не сумел прочитать по лицу Вэона, но если ради того, чтобы остаться с любимым человеком, необходимо пересчитать отрубленные головы врагов, то он готов был это сделать… так же, как и согнуть в бараний рог горскую вольницу.

Бросив нечитаемый взгляд на Айрэ, герцог покинул зал вслед за толпой разъяренных лордов, стремящихся к своим отрядам.

— Он будет хорошим властителем, — одобрительно проговорил Роззиз Ли-Са-Рэ, наклоняясь к замершему в кресле юноше. — Сильным и властным. Таким, каким никогда бы не стал Жеориз. Моему родичу никогда не хватало гибкости править, в отличие от силы…

— Почему вы так поступили? — Спросил Айрэ, неотрывно глядя в светлые глаза старика… такие же, как и у погибшего старшего мужа. — Какой вам смысл ставить во главе клана чужака?

— Такой, что в клане остались только женщины и дети… причем дети по боковым линиям, не имеющим права на корону властителя, — жестко отозвался старик, решительно распрямляясь в своем кресле. — Будь у меня другой кандидат и, поверь, я бы не допустил свары. Выдал бы тебя за него! Но чего нет, того нет. Вэон… он будет хорошим правителем. И, главное, компромиссным во всем… он нейтрален. Против него никто не скажет ни слова! А вот если мы будет выбирать из своих — неизбежны свары и конфликты. Ни к чему хорошему это не приведет. Да и ты, мальчик, уверен, больше обрадуешься своему герцогу, чем какому-либо горцу с замашками моего внучатого племянника.

Айрэ невольно покраснел: старик был весьма наблюдателен, заметив то, что они с Вэоном скрывали.

— А пока нам нужно продержаться в череде непрерывных штурмов, на которые наши противники большие мастера … заодно это даст время твоему герцогу доказать, чего он стоит. А нам — возможность пробить магическую блокаду и позвать на помощь! Займись пока замком и припасами. Уверен, тебя хорошо учили, как управлять большим хозяйством.

С этими словами старик вышел из зала, оставив Айрэ приходить в себя.

Запредельным усилием воли юноша сумел собрать мысли в кучку, приказав вызвать старших над прислугой.

Вэон…

Кажется, им выпал шанс быть вместе… призрачный… что еще скажут остальные лорды?.. но шанс.

А за такой приз стоит побороться!

…Место для пикника было выбрано идеально — очаровательная лужайка в самом центре дворцового парка, на пологом берегу декоративного озера. На виду и в то же время в стороне от гуляющих придворных.

Рэниари оценил и больше не ворчал на неугомонную Иссу, вытащившую его на пикник. Кажется, ему действительно надо было развеяться и оторваться от хозяйственных свитков и споров с канцлером о новых налогах. Слишком уж юный король погряз в делах, пытаясь забыться…

Но… без Эдмира было… пусто.

И неуютно.

Оказывается, Рэни успел привыкнуть к постоянному присутствию мужа в своей жизни… к его порой даже навязчивым объятиям… поцелуям… к его слишком плотной опеке.

Привыкнуть к его такой собственнической, неистовой любви. Любви всепоглощающей, безграничной!

Будучи от рождения весьма сдержанным в проявлении чувств, Рэниари не сразу принял чужое горение… но принял. Признал, наконец, что является для мужа чем-то большим, чем полезная во всех отношениях игрушка. И порой юношу нет-нет, но покалывало сожаление, что он не может переломить себя… не может вновь решиться и признаться мужу в своих чувствах. Но

mir-knigi.org

что-то мешало… какие-то затруднения, что не позволяли до конца раскрыть сердце.

И одно из таких затруднений весело агукало на руках ее высочества Лаурэ.

Эрэндис.

Новорожденный сын и наследник Эдмира. Тот, кому супруг никак не мог простить его рождения. А вот тетки первого короля были просто без ума от маленького принца. Все как одна, даже надменная красотка Лаурэ, что терпеть не могла мужа племянника.

Вот и сейчас все три принцессы склонились над ребенком, предоставив его отцу время на отдых. Кормилица со служанками что-то выкладывали на широкое покрывало из корзинки с припасами. А молодой мужчина просто полулежал на уютной кушетке, приготовленной специально для него. Тело заполняла тягучая усталость — Рэниари, пользуясь отсутствием мужа, запретившего ему браться за оружие, вновь возобновил тренировки с ножами, стремясь вернуть себе прежнюю форму, потерянную во время беременности. Телу это не нравилось, тело ныло и болело, но Рэни упорно выбивал из себя накопившуюся лень.

Неожиданно молодой король подумал, что этот пикник, пожалуй, первый в его жизни. Нет, он и раньше не раз ел в походных условиях, но всегда то в дороге, то на охоте… А вот так, просто выбравшись на прогулку, никогда! Асин не был сторонником праздного времяпрепровождения, а отец тоже предпочитал проводить время с пользой.

— Рэни! Ну, разве он не чудо?! — Воскликнула Исса, прижимая крошечного Эрэндиса к пышной груди, затянутой в бледно-лиловый шелк платья.

— Какой очаровательный малыш, — даже Лаурэ сменила гнев на милость, млея над младенцем. — И весь в Эдмира!

— Да, Эрен вырастит красивым юношей, — осторожно ответил Рэниари, невольно нахмурившись. Может, и это тоже влияет на отношение мужа к сыну? Магическая проекция показала, что маленький принц ничего не унаследовал из внешности второго отца. Эрэндис обещал стать полной копией Эдмира — черноволосой и сероглазой. И порой Рэни казалось, что если бы малыш хоть что-то взял от него, то первому королю было бы легче принять своего наследника.

— Он еще не одно сердце разобьет, — невольная грусть прозвучала в словах Рэниари, принимающего из рук служанки кубок с освежающим питьем и тарелку с деликатесами. Как бы и в самом деле Эри не унаследовал пренебрежительную надменность своего старшего отца, не зная отбоя от любовников и любовниц.

— Вам с Эдмиром нужно подумать об еще одном ребенке! — Чуть ли не приказным тоном выдала Лаурэ, нехотя позволяя Иссе забрать у себя заснувшего принца.

— Конечно, — ровно согласился Рэниари, не обращая внимания на тон принцессы: Лаурэ проще было убить, чем переделать. — Как только маги разрешат, так мы сразу же используем кокон. Надо же мне родить наследника для Цитадели!

С трудом удержав на лице маску полного довольства жизнью, Рэни про себя едва не застонал. Время, отпущенное ему, стремительно утекало сквозь пальцы. Молодой король с каждым днем все больше и больше чувствовал, как медленно, но неотвратимо слабеет. Силы покидали его тело… И он уже успел смириться со своим скорым концом. Вот только как смириться с невозможностью увидеть, как растет твой ребенок?! С невозможностью любить… и быть

любимым.

— Очень бы хотелось маленькую принцессу, — мечтательно вздохнула Эстель, отщипывая сочную виноградинку от пышной грозди. Этот виноград усилиями магов круглогодично выращивали в королевских оранжереях, так же как и множество других фруктов.

На поляну из кустов выдрался Черныш. Весь всклокоченный, усыпанный репьями, с довольным видом протопал к импровизированному столу, всем своим видом показывая, что хочет есть. Рэни невольно улыбнулся шкодливому любимцу и скормил ему кусочек мясного рулета со своей тарелки. Радостно взмахнув перепончатыми крыльями, чернявый обжора в один присест проглотил подачку и всем видом продемонстрировал, что ему мало. Убедившись, что все женщины собрались вокруг проснувшегося ребенка, которого кормилица собралась покормить, Рэниари сунул под нос счастливому маго-коту всю тарелку с вкусностям — есть не хотелось совершенно. Черныш тут же умилительно зачавкал, сложив за спиной черно-серебряные крылья и непроизвольно топорща крепкие когти на их сгибах. При этом кот косился в сторону воркующих женщин, словно боялся, что еду у него отберут.

Целый рой крошечных, перламутровых бабочек, вырвавшихся из-за кустов, заставил женщин восторженно завизжать. И даже Рэниари отвлекся от почесывания кота за ушками, залюбовавшись танцем невесомых кокеток — видно кто-то из магов решил порадовать коронованных особ, сотворив такое чудо.

Одна из перламутровых красавиц присела на самый кончик хвоста Черныша, увенчанный пушистой кисточкой. Азартно мявкнув, кошак не стерпел такого издевательства, крутанувшись на месте в тщетной попытке схватить маленькую негодницу. Но та сидела на хвосте как приклеенная. А Черныш, прыгающий на месте в тщетной попытке словить бабочку, вдруг почему-то рухнул на землю, уткнувшись носом в подстриженную траву лужайки… и более не шевелился.

Чувство опасности сработало у Рэниари быстрее, чем он сумел осознать эту самую опасность. Словно он вновь бежал по стене осажденной Цитадели…

— Берегитесь!.. — Закричал он, наконец-то обратив внимание на то, что ни одна бабочка не села на него и женщин — видимо магические насекомые не сумели преодолеть барьер защитных амулетов. — Бегите во дворец!..

Но закончить ему не дали сразу множество фигур в темном, враз окружившие поляну. Принцессы, подскочив, сгрудились рядом с покрывалом для пикника, растерянные и недоумевающие — как-то не учили их реагировать на подобные неожиданности. Служанки пронзительно завизжали, разбегаясь кто куда. С другого берега пруда, в обход, бежали гвардейцы и придворные. Кое-кто даже бросился в воду, пытаясь добраться вплавь. Но Рэни четко видел, что помощь не успевает. И что против неизвестных врагов только он и кучка беспомощных женщин с ребенком на руках!

— Да бегите же во дворец, клуши! — Заорал, выходя из себя, молодой король. В руки ему привычной тяжестью скользнули из рукавов наручные ножи. И он затанцевал, не подпуская противника к себе. Как жаль, что у него не длинные ножи морских разбойников, но на безрыбье и рак за рыбу сойдет!

Опомнившиеся принцессы, высоко подобрав юбки, сорвались в сторону неблизких башен дворца. Слава богам, хоть сообразили убраться! Эстель и Лаурэ страховали Иссу, что несла на руках плачущего младенца. Дебелая кормилица, ловко запустив винной бутылкой в голову

ближайшего врага, подхватила выпавший из рук ругающегося мужчины тяжелый меч и принялась отмахиваться им словно оглоблей. Вот только на бешеную бабу почти не обратили внимания, плотно окружив крутившегося волчком Рэниари — у нападавших явно был приказ не навредить будущему пленнику. Часть врагов рванула вслед за женщинами, и молодой король никак не мог им помочь. Он медленно отступал к пруду, крестя перед собой воздух клинками, и надеясь… отчаянно надеясь!.. что помощь подоспеет раньше, чем его достанут!

Звучный хлопок на краю поляны невольно отвлек Рэниари от схватки, и он пропустил выпад тупым концом копья, проехавшегося по его ребрам. Зашипев от боли, юноша невольно согнулся, выронив из левой руки нож, и прижал ладонь к онемевшему боку. Теперь у него оставался лишь один клинок — слабая защита против многочисленных врагов.

Бросив взгляд за спины нападавших, Рэниари с отчаянием заметил труп полузнакомого мага, повисшего на кустах — видимо место нападения накрывал какой-то купол, не позволяя пробиться порталам. Но вдалеке уже показались всадники в цветах гвардии, мчавшиеся во весь опор со стороны казарм…

Тем временем, бежавшие изо всех сил принцессы даже не оглядывались. Не до того было. Исса, задыхаясь и путаясь в юбках, неслась со всех ног вперед, не думая ни о чем и крепко прижимая к себе орущего благим матом Эрэндиса. Спотыкаясь и запинаясь, она думала лишь об одном — как бы ни упасть!

Почему-то плачущая Эстель поддерживала сестру, а Луаурэ бежала молча рядом, прижав ладонь к колющему боку. Куда подевались остальные было безразлично. Особенно когда за ними неумолимыми тенями скользили враги, все больше наступая на пятки.

Показавшихся навстречу конных гвардейцев все трое восприняли как благословение божье.

- *******! — Тут же послышался злой рык из-за спины, полный разочарования. И плечо девушки почему-то мимолетно обожгло. В запале этой гонки Исса не сразу поняла, что случилось. И почему на нее так сильно навалилась Эстель, сбивая с ног. Единственной мыслью девушки стала мысль, как бы, падая, ни придавить Эрэндиса!

Ей это удалось — она сумела мягко упасть на спину, прижимая малыша к груди, а ноги ей придавила окровавленная и плачущая от боли в пронзенной спине Эстель — средняя из сестер Келлиадир сумела защитить младшую от брошенных в запале метательных ножей. Неподалеку от них ничком, прильнув щекой к мрамору дорожки, лежала Лаурэ. А гвардейцы, стоптав нападавших, понеслись к проклятому пруду, где в кольце врагов остался Рэниари.

Вот он не мог уже ни-че-го!

Сил не оставалось даже просто держаться на ногах. Его обрабатывали по болевым точкам тупыми концами копий, явно стремясь взять живым. Рэниари уже видел неприкрытое торжество в глазах врагов. Ему только и оставалось, что отступать все дальше и дальше в сторону пруда, заходя по щиколотку в мелкую воду с прихотливо выложенным разноцветной галькой дном… Когда вдруг прозрачная вода вокруг него взметнулась фонтаном, утягивая в невесть откуда появившийся телепорт.

Последнее, что успел увидеть Рэниари перед тем, как непроницаемая тьма его накрыла — было неприкрытое изумление в выпученных глазах нападающих на него незнакомцев.

А последняя связная мысль — «…я влип!..»

Глава 6

Лорд Ламител без сил опустился на табурет в своей личной лаборатории. Впервые в жизни Итарон оказался вдруг один одинешенек. Никогда раньше такого не случалось — старший и все знающий брат всегда прикрывал его спину. А Ламител был исполнителем… хорошим, способным принимать личные решения, но исполнителем. Так уж его воспитали, старательно исключая малейшую конкуренцию с законным наследником престола. И вот теперь это рикошетом ударило по старику.

Верховный маг Хилдона едва сдерживался, не зная, что ему предпринять. Напавшие на Рэниари дружно покончили с собой, едва младший король исчез во вспышке портала. Никого из них не удалось взять живым. И теперь никто не знал, куда делся Рэни. То, что нападавшим он не достался, было понятно с первого взгляда — портал, куда загоняли младшего короля, оказался перекрыт другим порталом, сработанным столь мастерски, что заметить его было почти невозможно. К тому же его срабатывание вызвало спонтанное схлопывание и второго портала, перемешав магические нити в такую мешанину, что разобраться в этих обрывках не представлялось никакой возможности.

И к довершению ко всему, в дворцовом храме Отца-Небо лежало тело его младшей сестры, красавицы Лаурэ. Метательный нож, смазанный какой-то гадостью, угодил принцессе в затылок. Тяжело раненная Эстель боролась за жизнь, окруженная целителями — магическая пакость на клинке не давала закрыться ране, вызывая непрерывное кровотечение. Слава богам, хоть малышка Исси с ребенком выжили. Видимо, сначала их хотели взять живыми, но, убедившись в невозможности пленения, решили убить.

Итарон со стоном уронил гудящую голову на сложенные руки — как… КАК сообщить о случившемся племяннику?! И что будет после…

Неслышно вошедший в лабораторию Диорин заставил старика торопливо распрямиться и принять более подобающий главному магу вид. Мальчик, сын старого и давно погибшего друга Итарона, превосходно справлялся со своими обязанностями личного помощника Верховного мага и не потревожил бы господина без особой нужды. Как жаль, что малыш обладает столь слабыми способностями к магии! Было бы здорово воспитать из него будущего преемника, передать все знания, весь накопленный опыт… но не судьба. И до рождения Эрендиса лорд Ламител был уверен, что так и останется в гордом одиночестве, не найдя равного себе, а не то и превосходящего по силе. К счастью, новорожденный принц обещал вырасти в могучего волшебника, и молодой дворянин из рода Тимиаров стал просто другом и верным помощником старого магистра.

— В тронном зале собрались лорды Совета, — тихо сообщил Диорин, с сочувствием глядя на своего учителя. — Они так спорят…

— И чего спорить, — довольно резко отозвался Итарон, решительно поднимаясь. — Старший король жив. Жив и его наследник. А остальное со временем решится. Идем!

…Рэниари вошел как-то робко… словно и не в свою спальню… удивленно разглядывая окружающую иллюзию, что превратила знакомую комнату в нечто эфемерное. Привычные стены скрылись под полупрозрачным зеленовато белым нефритом. Панорамные окна во всю стену заменили яркие витражи, за которыми неясно мерцал такой знакомый и в то же время незнакомый город — высокие шпили, парящие купола, праздничные радуги над призрачными башнями.

Город из снов, что сотворил по просьбе его старшего величества Итарон, взяв проекцию из воспоминаний Эдмира.

Город, что все чаще и чаще снился обоим супругам.

Тихая музыка мерцающей дымкой плыла по комнате, струилась, смешиваясь с ароматом цветом в высоких вазах. Разноцветные огоньки магических светильников слабо мигали, разбросанные тут и там.

Странный, но притягательный мир, где путались миф и реальность.

— Эд… — нерешительно позвал Рэниари, оглядываясь по сторонам. Мужа почему-то не было видно. — Эдмир!

Пара шагов в сторону слабо потрескивающего огнем камина, возле которого примостился накрытый столик для двоих… и вот уже знакомые руки подхватили, закружили в танце.

От неожиданности Рэни дернулся было в сторону, но почувствовал знакомый запах и… расслабился.

— Нравится? — Мурлычущий голос обласкал Рэниари словно темный бархат. — Знаешь, я вдруг подумал, что никогда не устраивал для тебя романтического ужина… Дарил подарки, гулял, коротал с тобой вечера, сидел за одним столом… но без какой-либо романтики… — широкие ладони Эдмира поглаживали сквозь плотную ткань домашней туники живот младшего мужа, провокационно спускаясь на пах. И Рэни, блаженно вздохнув, чуть откинулся назад, упираясь затылком в твердое плечо супруга. Сильные руки Эда обняли его крепко-крепко, и старший король медленно повел юношу к столику с блюдами, влажно целуя по пути.

Лишь у самого камина Эдмир отпустил задыхающегося от нехватки воздуха и нахлынувших чувств мужа, помогая усесться на мягкий стул.

— Оказывается, я никогда за тобой не ухаживал, любовь моя, — немного виновато произнес мужчина, берясь за высокий тонкогорлый кувшин из радужного стекла, оплетенный узорной золотой сеткой. Густое вино темнее ночи, распространяя аромат южной лозы, ударило в серебро бокала, слегка пенясь. — Позволишь мне исправиться? Уж лучше поздно, чем никогда…

Рэниари словно завороженный смотрел на непривычно мягкий профиль старшего мужа. Эдмир сам на себя не был похож… с какой-то запредельной нежностью подавая ему бокал с вином и придвигая блюдо с нарезанными фруктами.

— Красиво… — только и смог произнести Рэниари, коснувшись губами пряной сладости в своем бокале. — И так все знакомо… словно во сне…

— Все для тебя, любимый!.. — жарко выдохнул король, перехватывая свободную руку мужа и целуя тонкие пальцы Искры. Великолепно вышколенные слуги незаметно скользили вокруг, не мешая уединению и проворно меняя блюда. Сам Рэниари находился словно в полусне… тягучем, странном… таком сладком… позволял кормить себя с рук кусочками мяса, слизывая душистую подливку с пальцев Эдмира, возбуждаясь и возбуждая.

Было так странно чувствовать себя каким-то хрупким, невесомым, беспомощным… тем, за кого решают, кого берегут… кого любят.

— Хочу все исправить, — произнес вдруг Эдмир, мерцая глазами в полумраке комнаты. — Хочу, чтобы эта ночь запомнилась нам обоим надолго.

— Ты так говоришь… ты прощаешься? Но ты ведь вернешься? — У Рэниари неожиданно дрогнул голос. Молодой человек нерешительно коснулся руки своего старшего. Словно пересиливая самого себя.

— Это война, милый, — просто ответил Эдмир, переплетая их пальцы и слегка поглаживая большим пальцем ладонь мужа. — Я могу погибнуть. Но твое беспокойство согрело мою душу. Даю слово, что не заставлю тебя тревожиться еще больше.

— Ты не можешь умереть, — вскинулся Рэни, упрямо наклонив голову: качнулись украшения на кончиках длинных шпилек в его прическе. — Ты обязан жить ради страны… ради сына…

— А ради тебя? — Моментально отозвался старший король, не позволяя младшему высвободить руку и отстраниться. — Можно ли мне жить ради тебя? Скажи… ТЫ будешь ждать меня?

Рэниари вскинул на мужа заблестевшие глаза. У него вдруг заныло сердце.

— Буду! — Решительно кивнул он. — Вернись, чтобы мы могли начать все сначала.

Эти слова внезапно отозвались странным томлением в груди: «…просто вернись, чтобы мы могли хотя бы спокойно поговорить. И все выяснить. И начать все по-новому. Во всяком случае, я очень этого хочу…»

Когда-то давно… не в этой жизни… он уже говорил нечто подобное!

…Как они оба лишились одежды и как очутились в постели, никто из них так и не понял. Просто в один миг мир вокруг внезапно поменялся, слуги понятливо исчезли, а сами они утонули в страсти, яростно целуя и лаская, вжимаясь и ощущая неистовое возбуждение друг друга.

Эдмир лежал на спине, усадив мужа на свои бедра, а его член недвусмысленно упирался прямо в ягодицы Рэниари. Кажется, у них даже была какая-то прелюдия… взаимные ласки… плевать! Сейчас оба жаждали иной близости… до стонов, до нетерпеливой дрожи, до боли проникновения!

И Рэни выгнулся, с радостью встречая невольный дискомфорт… пережидая и приветствуя его!

И неуверенно покачнулся на старшем, упираясь ладонями в его широченные плечи… и протяжно застонал, запрокинув голову. Золотое тело… сильное, такое красивое!.. призывно светилось во мраке спальни, слегка бликуя от редких светильников. Золото рассыпавшихся волос буквально обжигало, чтобы тут же утешить шелковистой прохладой, мазнув изысканной лаской по ногам старшего короля!

…Когда… когда нежную кожу горла и груди успели испятнать мои метки-укусы?! Как личные печати… знаки принадлежности ему, Эдмиру.

Не позволю!

Никому не позволю коснуться ЕГО!

mir-knigi.org

ОН мой!!! Мой! Всегда был и будет только моим!!!

Никому не отдам…

Не выдержав сладкой пытки, Эдмир резко качнул бедрами, еще больше погружаясь в узкий жар тела над собой… сам задыхаясь от огненной волны страсти. Наклонившись вперед, Рэниари нетерпеливо потянулся за глубоким поцелуем. И Эдмир застонал ему в губы, безвозвратно потерявшись в ощущениях. И перевернулся, подминая под себя младшего… складывая его чуть ли не пополам и зацеловывая практически до невменяемости. Наполнил прекрасное тело собой, своей горячей плотью. Такой жадной и неутомимой. И сморгнул невольные слезы, вдруг намочившие густые ресницы…

Зачем эти слезы?.. Почему?

Словно предчувствие боли, что терзало душу последние месяцы.

Ты должен быть сильным ради НЕГО…

Должен держаться…

Стать каменной стеной, что закроет любимого от всего мира… такого хрупкого… такого юного, но упрямо пытающегося быть взрослым и сильным.

Рэниари сводил его с ума своими стонами, что срывались с искусанных, распухших от поцелуев губ… зацелованных, выпитых тобой! Его ногти в невольном порыве страсти царапали твою спину, даря сладкую боль, такую незаметную на фоне бешеного возбуждения.

Боги мои! Да погружаться в тебя все равно, что погружаться в вечно меняющееся море! Такое ласковое, такое яростное, сонное, бушующее!.. Никаких слов не хватит, чтобы описать это счастье! Тонуть, захлебываться в силе, хлещущей через край… пытаться не брать… не красть… закрываться от этих потоков магии… только бы не укорачивать драгоценные мгновения твоей жизни!

И проигрывать эту битву.

И ласкать дальше, всего себя отдавая взамен.

Спасибо, что начинаешь принимать меня в сердце, моя золотая Искорка!..

…Потом, утомленные ласками, они просто лежали, обнимая друг друга.

— Эд… — тихонько позвал вдруг Рэниари.

— Ммм?.. — отозвался тот, не открывая глаз и бездумно улыбаясь.

— Пожалуйста, — молодой человек приподнялся, просительно заглядывая в лицо старшего мужа. — Обещай, что не оставишь Эрена…

Глаза Эдмира тут же широко распахнулись.

— С чего это ты вдруг заговорил о ребенке? — Настороженно спросил он. И наткнулся на какую-то щемяще-обреченную улыбку мужа.

mir-knigi.org

— Я просто чувствую… мое время истекает, — пояснил Рэниари, скользя ладонью по влажной от пота груди старшего короля. — И я должен быть уверен…

— Не смей! — Тут же подорвался король, хватая Искру за плечи и опрокидывая на смятую их играми постель. — Даже не заикайся об ЭТОМ! Слышишь???!!! Не смей такое говорить!!! Ты будешь жить!!! Мы найдем способ тебя спасти!!!! — Рэни лишь склонил голову на плечо, смаргивая невольные слезы: в последнее время он все чаще и чаще плакал, быстро уставая… и ему все труднее удавалось скрывать собственное состояние от окружающих… особенно от вездесущих слуг. Было стыдно вести себя таким образом. Хотя для младшего супруга слезы не считались чем-то предосудительным. Но Рэни не мог и не желал демонстрировать свои слабости. А вот тут не сдержался.

— Пожалуйста, Эд, — тихо попросил он, запуская пальцы в растрепавшиеся волосы Эдмира. Больше всего хотелось шмыгать носом от незаслуженной обиды, что не увидит, как его ребенок растет, взрослеет… не узнает, кого он выберет в спутники жизни… ничего не увидит! Даже сейчас, после столь жаркой страсти, Рэни дико устал и чувствовал слабость, накатывающую медленно, но неотвратимо. — Я люблю Эри. Очень люблю. Пожалуйста, хотя бы ради меня не бросай его. Поклянись, что не откажешься от собственного сына. Я не требую от тебя его любить. Уже не требую… Просто помни, что он ни в чем не виноват! Не бросай его хотя бы ради меня…

Сильная ладонь мужа властно легла на губы Рэниари, прерывая путаную речь.

— Любовь моя… даже не смей! — Ярость короля обжигала словно пламя. — Я никому тебя не отдам! Даже смерти. Всегда помни об этом.

И оставался лишь один способ прекратить эти речи.

И Эдмир целовал… пил сладость нежных губ, глубоко погружая язык в горячий рот Рэниари, лаская и вылизывая… всем телом впечатываясь в принимающее его тело любимого человека…

…Проснувшись, король еще какое-то время бездумно наблюдал за солнечными зайчиками на полотняных стенках походного шатра — видимо, оруженосцы неплотно прикрыли входной клапан. И лучи солнца пробрались внутрь вместе с утренней прохладой — начало лета на северо-востоке страны выдалось довольно прохладным.

Снаружи донесся гулкий звук работающего тарана. Этот замок, к неприятной досаде Эдмира, строили еще эльфы. И защитная магия оказалась вплетена в сами стены. Так что, по прикидкам войсковых магов, древние стены проще было разбить механически, чем тратить на них драгоценное волшебство.

Потянувшись, король поднялся и, как был обнаженным, вышел из палатки. А кого ему тут стесняться — мятежников? Ну, так они недолго полюбуются, а свои солдаты и не такое видали… в тесном-то лагере. Подскочившие к повелителю оруженосцы притащили ведра с речной водой и помогли своему господину принять утренний душ.

Умываясь, а затем и одеваясь, Эд лениво поглядывал в сторону осажденного замка, размышляя над приснившимся. Короля тревожила обреченная покорность супруга перед смертью. Словно Рэни принял как должное свою предполагаемую кончину… даже завел ТОТ разговор. Нет, определенно, надо быстрее кончать с идиотским мятежом и спешить домой. Спешить к любимому мужу, чтобы жаркой страстью изгнать из его головы всякие мысли о смерти. И вот за это мятежники ему тоже ответят! Вместо того, чтобы быть рядом с Рэниари, Эд вынужден

валандаться в этих холмах, воюя с кусачими блохами. Благо, накопленной магии достаточно, чтобы раскатать любое сопротивление в кровавый блин. Но в том-то и дело, что мятежники тоже это понимают. И одной крупной битвы, напрочь проигранной местными баронами, хватило, чтобы понять — против Хилдона ТАК воевать бессмысленно! И теперь его величеству приходилось брать каждый замок отдельным штурмом, огрызаясь на многочисленные укусы местных бандитов.

Раздраженно отбросив ненужный плащ, король отправился на встречу с военачальниками, собравшимися в шатре совета. Большая часть местных владений уже была завоевана. И пришла пора решать судьбу этой земли. Во всяком случае, оставлять на границе прежний гнойник Эдмир не собирался. И его люди помогут ему в решении этой проблемы. Ах, какими глазами они на него смотрели, когда Эдмир говорил о своих планах!

Волки войны… голодные, поджарые и преданные ему до пепла погребальных костров!

Те, кому он бросил мятежные замки северо-восточных баронов словно жирную кость.

— Эта земля ваша, — со злой улыбкой сказал Эдмир ветеранам. — Возьмите ее и владейте до скончания времен.

— ДАААА! — Единым восторженным ревом ответили своему королю те, кто, выйдя из полунищих дворянских родов или заслужив титул собственным клинком, не имели за душой ни пяди личной земли. Да ради того, чтобы основать свой собственный клан, они готовы были на все! Тем более, что многим вскоре грозила мизерная пенсия да чисто символический клок земли, не способный прокормить одного, не то что целую семью. А тут перед глазами обширные пространства пусть и каменистой, но богатой на лес и руды земли. Совсем бесхозной… нужно лишь скрутить гордые шеи засевших в многочисленных замках мятежников!

И, глядя на своих ликующих соратников, Эдмир ненавидяще улыбался. Эти мятежные твари были виноваты уже в том, что отвлекли его от мужа… от его золотого мальчика! И они кровью заплатят за то время, что он вынужден был потратить на их с***** мятеж, вместо того, чтобы быть рядом с Рэни!

И он сметал надменные крепости мятежных баронов, огнем, мечом и магией торопясь расправиться с докучливым восстанием. Он шел по провинции, оставляя в захваченных владениях преданных ему солдат, которым дарил эту землю, требуя лишь полного вассалитета на веки вечные! И мятежникам ничто не могло помочь — ни засады, ни наемники, ни личная доблесть. Лишь один единственный раз удача попыталась улыбнуться баронам… это когда они с помощью наемных магов рискнули бросить вызов разъяренному королю, собравшись на обширной равнине в самом центре провинции. И пока Эдмир отбивал непрерывные атаки, щедро используя собственную магию, ему в спину ударило отчаявшееся воинство баронов. И все бы у них получилось — вряд ли Эд смог сражаться сразу на несколько фронтов — но баронов перехватил пришедший на помощь королю князь Ассариш-То-Риг. Тот, над которым ехидно посмеивалось высшее общество в Меайре, на все лады муссируя самозваный титул сына бывшего степного разбойника. Впрочем, насмешки были ОЧЕНЬ осторожными и за глаза — кем бы ни являлся по рождению смуглый и черноволосый степняк, с глазами, пронзительными словно у хищной птицы, но князь Киммар был слишком могущественен, чтобы безбоязненно насмехаться над ним и над его народом, осевшим на восточных границах Хилдона. Бывшие кочевники были грубы и подчас необразованны. Но одного у них было не отнять — их воистину запредельной гордости и ярости, с которой они бросались на врагов. Для молодого королевства это племя оказалось великолепным приобретением. А уж Киммар, выросший не у степного костра, и вовсе не походил на вонючего кочевника, за исключением узкоглазого лица.

Он ударил в спины уже празднующим победу баронам.

Стремительно, молча и неудержимо. Легкая конница княжеской дружины буквально смела ничего неожидавших врагов. Тонконогие, поджарые степные скакуны, выдрессированные по специальной методике, сами по себе являлись грозным оружием, кусаясь и лягаясь на все перед собой и под собой. А тяжелые, чуть изогнутые акинаки всадников разваливали самые лучшие пластинчатые доспехи словно капусту, сразу прорубаясь до костей. И пока взбешенный Эдмир громил наемные отряды, загнав их в холмы, Ассариш-То-Риг подчистую вырезал дезориентированные дружины баронов, продемонстрировав им, чем истинные степняки отличаются от оседлых воинов. Король не успел закончить со своими противниками, а князь Киммар уже устраивал лагерь неподалеку от поля, заваленного трупами мятежников, собираясь всласть порыться в трофеях.

— …Рад вас приветствовать, ваше величество, — поклонился князь Ассариш-То-Риг, первым встречая короля у палатки совета. Эдмир благосклонно кивнул — степняк ему нравился. Это был настоящий воин и настоящий мужчина, хотя и чистокровный человек. Молодой, дерзкий, амбициозный, но способный на личную преданность и знакомый с правилами чести.

— И я рад вас видеть, князь, — тем самым король дал всем понять, что признает данный титул за молодым степняком. Во всяком случае — это было самым малым, чем Эд мог отблагодарить этого красивого парня, волей судьбы ставшего во главе воинственного клана. Насколько Эдмиру было известно, бывшие кочевники являлись едва ли не единственным народом, у кого женщины обладали равными правами с мужчинами. Например, власть в княжестве должна была унаследовать старшая сестра Киммара, леди Каллизу Ассариш-То-Риг. Король помнил прекрасную воительницу, в свое время произведшую фурор при дворе. Вот только Каллиза совершенно неожиданно погибла во время охоты. Говорят, что она спасала младшего брата. Во всяком случае, бывший княжич унаследовал всю полноту власти после смерти сестры и отца. Кажется, Каллиза была очень дружна с Эстель…

Окинув одобрительным взглядом высокую и мощную фигуру степняка, Эдмир прошел в шатер, где его ждали командиры отрядов. Киммар молча последовал за своим повелителем. В свое время еще король Сорондо заключил мирный договор со Степными волками, которые в обмен на приличный кусок плодородной равнины обязались верой и правдой служить Келлиадирам, дав клятву прийти на помощь при любом намеке на опасность. И вот эта клятва выполнена. Эдмир не звал бывших степняков в поход, но те пришли сами. И тем самым спасли короля.

…Совет продолжался недолго. Ни король, ни его военачальники не любили переливать из пустого в порожнее. Дело должно быть сделано и точка!

Главным на повестке дня был вопрос размещенных гарнизонов. Король не мог оставлять большие отряды на захваченных землях, тем самым ослабляя свое войско. И в полуразрушенных крепостях и фортах оставались лишь выслужившие свое ветераны, слишком малочисленные, чтобы удержать эту землю с озлобленным, проигравшим населением. Пока еще из Центральных провинций королевства придут лояльные к Келлиадирам поселенцы…

Решение неожиданно предложил Ассариш-То-Риг. Князь обязался охранять и защищать эти земли, пока новые хозяева твердо не встанут на ноги. Затем прибежали оруженосцы с известием, что замок наконец-то пал. Его владелец захвачен живым, и он молит короля о пощаде. Эдмир едва сдержался — только год назад местный лорд оказался замешан в прежнем мятеже. Тогда его пощадили, казнив лишь основных заговорщиков. Теперь же Эд не собирался

повторять прежней ошибки.

Вдруг накатило…

…Эльфийские леса горели вот уже целую неделю.

То затихая, то вновь вспыхивая неудержимым лесным палом, что не могли остановить усилия всех светлоэльфийских магов.

Он, закаменевший в своей ненависти, во главе войск следовал по пятам разожженного им пожара…

…Несмотря на численное преимущество дроу эльфы сражались отчаянно, ведь на кону стояло само их существование. И, тем не менее, проигрывали, откатываясь в сторону Великого хребта и своих малочисленных горных крепостей…

И вот теперь он, Эдмир, стоял у стен одной из немногих уцелевших в бойне горных твердынь эльфов. А по узкой и очень крутой тропе от ворот крепости осторожно спускался вымазанный в саже эльф.

Дошагав до него, эльф молча опустился на колени. Вблизи было видно, что он еще крайне молод и невероятно вымотан как физически, так и морально. Неприкрытые шлемом, коротко обрезанные в знак траура золотистые некогда волосы слиплись и потемнели от крови и пота. Лицо с тонкими чертами словно присыпало серой пылью, карие глаза ввалились. Но на лице не было страха. Только бесконечная усталость.

— Я Эрданэлл, — недрогнувшим голосом произнес эльф, поднимая на Эдмира обреченные глаза. — Последний из королевской семьи… Я молю о пощаде для остатков своего народа. Там, в крепости, только женщины и дети… Мужчин почти нет… Нам не удержать стен, пойди вы на штурм. Я знаю, что вы ненавидите мою семью. Есть за что… Но прошу вас пощадить невиновных. Возьмите мою жизнь! Ведь я той же крови, что и те, кто замыслил предательство. Но пощадите мой народ!.. — в голосе последнего принца эльфов зазвучало отчаяние. — Они ни в чем не виноваты!..

Видения исчезли так же стремительно, как и появились. Эдмир не успел даже испугаться. Лишь сморгнул… смахнул ресницами тонкий, измученный лик отчаявшегося эльфа.

Ну, вот!

Опять!

Командиры, занятые обсуждением тактики наступления, не заметили легкой заминки короля. А Эдмир, уже привыкший к подобным видениям, успел взять себя в руки. Хорошо, что Итарон в свое время объяснил племяннику, что это связано с его прошлыми воплощениями, а то так и с ума сойти недолго.

— Барона и его семью казнить, — слова жестокого, но необходимого приказа слетели с губ короля легко и свободно. Год назад Эдмир уже проявил милосердие, и к чему оно привело?

— Все свободны, — произнес его величество, грузно откидываясь на спинку походного стула. — Князь Ассариш-То-Риг, останьтесь.

— Помоги мне защитить эту землю, Киммар, — произнес король, когда остальные покинули шатер. — Помоги защитить и проси все, что пожелаешь.

— О, я могу пожелать многое, — в неожиданной улыбке сверкнул белоснежными зубами бывший кочевник. — Но дашь ли ты мне это, король?

— А ты рискни попросить, — в ответной и весьма хищной улыбке показал свои зубы Эдмир. Князь весело рассмеялся, возбужденно блестя яркими белками очень темных глаз.

— Дай мне в жены прекрасную леди Эстель, — произнес он серьезно, едва ли не моляще. — Я увидел ее еще ребенком и навсегда потерял покой. Я стал мужчиной, а покой не вернулся. Я брал многих женщин и мужчин на ложе, но покоя не нашел. Мне нужна лишь роза Келлиадиров. Ради нее я строил свою столицу, возводил высокий дворец, наполнял его сокровищами караванных путей. Ради нее я буду хранить эту землю и прикрывать твою спину. Отдай мне Эстель в жены!

Вошедший в этот миг в шатер оруженосец склонился перед королем.

— Ваше величество, — почтительно произнес он. — Вас вызывает Верховный маг.

— Сейчас буду, — мельком взглянул на мальчишку король. И снова посмотрел на князя. — Ты просишь очень многого.

— Я знаю, — с упрямой улыбкой склонил голову Киммар. — Дикий кочевник не пара леди королевских кровей.

— Не кокетничай, — оборвал его Эдмир. — Твой народ давно уже не сборище дикарей. А за твою помощь я тебе многое должен. Но если тебе так нравится Эстель, то попробуй добиться ее сам. Во всяком случае, я не буду вам мешать. Моя тетушка удивительная женщина…

— Я знаю! — Вновь пылко перебил короля князь. Но Эдмир лишь рыкнул, недовольный таким вмешательством. И продолжил:

— Я бы мог приказать, и она бы послушалась. Долг перед кланом в крови любого Келлиадира. Но я желаю счастья вам обоим. А счастья по принуждению не бывает! Попытайся добиться ее сам, и тогда вы оба будете счастливы.

Ассариш-То-Риг долго молчал. Сам Эдмир его не торопил, рассматривая карту восточных провинций. Это решение Киммар должен был принять один.

— Хорошо, — с заметным усилием ответил, наконец, князь. — Я буду говорить с леди сам. Но дай слово, что не помешаешь нам. А когда я завоюю свою леди, не выскажешься против нашего союза! И тогда Степные волки всегда будут преданы королевскому дому Келлиадиров!

— Я даю такое слово, — просто отозвался Эдмир. С некоторых пор он не переносил принуждения в личных делах, сам обжегшийся на этом.

Известия, что сообщил ему Итарон, ввели Эдмира в ступор.

А потом начался ад…

В мгновение ока весь лагерь оказался поставлен на ноги всего лишь несколькими приказами короля. Лорду Ламителу с трудом удалось достучаться до племянника.

mir-knigi.org

— Куда ты сейчас помчишься?! — С яростной тоской бросил Верховный маг в лицо беснующемуся королю. — Ну, куда?! Я не меньше тебя переживаю за Рэниари! Не забывай, что вы — единственное, что у меня осталось от моей семьи. Лаурэ погибла. Эстель тяжело ранена. Даже магия не в силах немедленно залечить ее раны, нанесенные отравленным оружием. А мы так и не узнали, КТО напал на твоего мужа! Эти твари… они все покончили с собой! Ни одного не смогли захватить живым. Так что некуда пока мчаться! Дай мне сначала найти похитителя. А сам займись мятежниками.

— Да плевать мне на них! — Продолжал бушевать невменяемый Эдмир, не в силах успокоиться. — Пропади все пропадом!..

— Мальчишка!.. — не сдержался Итарон. — Если ты профукаешь королевство… позволишь ему развалиться в мятежах и войнах, то куда ты привезешь своего мужа? В родовую крепость?! Долго ли она протянет, когда на Искру будут охотиться все власть предержащие?!!!! Твоя единственная надежда на личное счастье — сильное государство, где Рэниари сможет спокойно жить, не боясь за свою свободу.

— Ты прав… — произнес внезапно успокоившийся Эдмир: старый маг даже поежился — настолько резким оказался переход от ярости к ледяному спокойствию.

…Ветер завывал на стенах Орлиного гнезда вместе с откатывающимися вниз врагами.

Очередная атака отбита…

Третий день осады.

Третий день бешеных, непрекращающихся штурмов. Слава богам, людей, приехавших на свадьбу с минимумом вооружения, удалось обеспечить всем необходимым благодаря запасам крепости. И слава богам, что все они были воинами не из худших. И проклятие им же — из-за магической блокады невозможно было послать призыв о помощи в союзные замки. Нет, весть о нападение на Верховного лорда Лиссаэроу разнеслась по окрестностям довольно быстро. Но много ли смогут сделать подошедшие к огромному вражескому стану малые дружины вассальных лордов?! Только сегодня в полдень на Первой стене в голос плакал старый горец-лорд, глядя, как с гиканьем и хохотом рассаживают на кольях его верных соратников, прорвавшихся ему на помощь сквозь блокаду. К сожалению, в Орлином гнезде не знали о подмоге и промедлили. А вот враги не дремали, мигом смяв немногочисленных сторонников покойного князь-герцога Лиссаэроу.

Айрэ, осторожно неся перед собой корзину, наполненную горячим, только что из печи хлебом, пробирался по внешней стене крепости, опасливо поглядывая вниз через зубцы и переступая через вытянутые ноги усталых защитников. Люди попадали там же, где и стояли — настолько велика была их усталость. Враги могли меняться, атакуя то силами наемников, то силами клана Ассиарэу. Но жителям и гостям крепости такая смена была недоступна. Айрэ не знал, как… каким образом Лоран сумел организовать настолько качественный отпор, но пока защитникам крепости удавалось отстаивать свои позиции, несмотря на все увеличивающийся поток раненых. А вот на плечи Айрэ и руководимых им слуг легла основная тяжесть по перевязке раненых, их кормлению, уборке разрушенного и заготовке припасов. Юноша с ног сбился, пытаясь наладить в незнакомой крепости нормальное питание и снабжение. Хорошо хоть, домоправители у покойного мужа оказались толковыми — могли подсказать и помочь.

Вот сейчас удалось испечь хлеб, выделив из неприкосновенных запасов толику каменного угля для розжига печей. И Айрэ пришлось лично взять в руки корзину, вместо того, чтобы

осуществлять общее руководство, так как большая часть слуг оказалась занята на пожаре в одной из башен замка — враги применили какую-то горючую пакость. Не воинов же посылать заливать огонь. Им еще новый штурм предстоит — вон, уже наемники подтягиваются.

Идущего по стене Лорана, Ай заметил еще издали. Но не прекратил раздачу хлеба. Алая накидки младшего князь-герцога не оставляла юноше шанса остаться неузнанным. Традиции требовали носить ее во время осады, чтобы враги издалека видели, КТО идет по стене осажденной твердыни. С одной стороны это оберегало Айрэ от случайной стрелы, а с другой — каждый враг считал своим долгом захватить его в плен. И Вэон ничего не мог поделать с очередной идиотской традицией горцев… не мог приказать любимому уйти со стены в случае штурма.

— Надо поговорить, — вместе с Лораном к Айрэ подошел и лорд Роззиз. Ли-Са-Рэ выглядел очень постаревшим. — Государь, вам следует узнать новости первым…

Передав корзинку с остатками хлеба уважительно поклонившемуся слуге, Ай устало размял плечи и повел всех в сторону ближайшей башни. Там, в какой-то совершенно пустой комнате они и уселись втроем на пол за неимением вынесенных прочь скамеек.

— Думаю, мне следует начать с сообщения, что ваш будущий союз более не обсуждается, — начал старейшина. — Вы оба слишком хорошо проявили себя во время этой осады. И лорды Лиссаэроу согласны, чтобы герцог Вэон стал следующим князь-герцогом Приграничья, женившись на лорде Айрэ.

Юноша едва удержал в себе так и рвущуюся наружу радостную улыбку. Наверное, ему помогла усталость, настолько его лицо сделалось малоподвижным. В глазах Вэона тоже ничего не мелькнуло, лишь губы на миг сжались в тонкую линию. Но Айрэ знал, что любимый в глубине души ликует наравне с ним.

— Вот только вам двоим необходимо заключить немедленный брак, — продолжал старейшина. — И использовать кокон. А это уже чревато. В случае захвата замка лорда Айрэ тут же казнят, как будущего отца ненужного Ассиарэу наследника. Сейчас же его защищает статус вдовца и родича хилдонского короля. Завидная добыча для того, кто займет место погибшего Тирзана. Именно потому лорд Айрэ и носит свою алую накидку, показывая всем, что чист и свободен. Но как только цвет накидки сменится на белый…

— НЕТ! — Сразу и решительно отозвался Вэон. — Я отказываюсь! ОН будет жить!

— Я согласен, — тихий голос юноши перебил весь запал Лорана. — Или ты думаешь, что я смогу лечь в постель с тем, кто убьет тебя? — Айрэ поднял на возлюбленного безмятежные глаза. — Да мне проще горло себе перерезать или кинуться со стены вниз. Я лучше буду с тобой до конца. Я согласен.

— Но… — начал было Лоран. Но его перебил старейшина.

— Соглашайся, — произнес он, напряженно глядя на Вэона. — Я сделал все, чтобы дать клану сильного вождя. Дать независимого лорда! Если бы я мог сам надеть корону властителя, я бы сделал это не колеблясь! Но слишком многие не согласятся с моим правлением. А отдавать корону кому-то из наших горцев… Ни один из тех, кто метит на место моего покойного племянника, не достоин титула князь-герцога. А потому я специально подвел всех к мысли, что именно чужак будет лучшим выбором. И эта проклятая осада вольно или невольно мне помогла. А лорд Айрэ… за эти дни он тоже сумел завоевать уважение своим спокойным мужеством и умелым руководством. Все в крепости сумели оценить, насколько он хорош как

младший супруг. И, поверьте, как только осада закончится, тут же начнется драка за место в его постели. Вы этого хотите? Но тогда вас, лорд Вэон, никто не подпустит к красивому вдовцу. И мое влияние не поможет. Вашего возлюбленного просто разыграют на поединке, предварительно выставив из замка всех чужаков… или отравив, если будете возмущаться. А если Орлиное гнездо все-таки захватят братья Тирзана… а к этому все идет — если нам не удается пробить магический барьер и позвать Хилдон на помощь… то будет еще хуже.

— Лоран… — Айрэ поднял на любимого совершенно больные глаза. — Прошу, соглашайся. Вместе до смерти.

— Вместе до смерти… — эхом, словно завороженный отозвался Лоран, неотрывно глядя на возлюбленного.

Их свадьба была торопливой и скомканной. И такой короткой… Не сравнить с той пышной церемонией, что гремела в этих стенах еще три дня назад.

Айрэ наспех искупали и облачили в простую, чистую тунику, наподобие той, что носили младшие супруги в здешних горах. Его первый муж погиб так недавно, что юноша не имел права на нарядные вещи. Исключением стала широкая накидка из плотного, белоснежного шелка, густо расшитого золотом и солнечными камнями — знак супружества.

Ай заметно нервничал, стоя в главном зале крепости рука об руку с Лораном, в то время как на стенах разъяренные защитники Орлиного гнезда отбивали очередной штурм. А здесь, в зале, в присутствии немногочисленных свидетелей Ли-Са-Рэ перед богами и людьми объявлял их супругами, вручая Вэону корону княжества.

Так просто и обыденно…

И так трагично.

Айрэ даже толком не запомнил всю церемонию, неотрывно глядя в лицо своего теперь уже мужа. Думал ли он, что судьба подарит ему право назвать Лорана супругом? Их брак был невозможен и нереален. И Айрэ благодарил богов лишь за то, что невозможное свершилось. И какая разница, если им обоим предстоит короткий жизненный путь. Главное, они теперь вместе…

Под громкие и одобрительные выкрики свидетелей Лоран решительно подхватил свое сокровище на руки и понес в сторону ближайшей комнаты, стараниями слуг превращенной в спальню. Прах прежнего князь-герцога уже развеялся над вечным ледником, но его комнаты стояли пустые и закрытые — туда никто не войдет еще как минимум год, чтобы не потревожить духа погибшего. А остальные спальни оказались заняты многочисленными гостями и ранеными. Так что новобрачным пришлось довольствоваться одной из малых гостиных, украшенных к их брачной ночи… вернее дню, так как на дворе время едва перевалило к обеду.

Единственное, что Лоран потребовал безоговорочно — это чтобы никто не совался к ним и не требовал окровавленной простыни. Но что лорд Роззиз лишь покивал головой, соглашаясь, что сейчас не время придерживаться ВСЕХ обычаев. Главное — активировать кокон. А это сможет подтвердить любой маг.

Закрыв за собой двери «спальни», Лоран осторожно опустил напряженное тело любимого на прохладные простыни огромной кровати, явно принесенной сюда откуда-то извне — настолько это резное чудовище не сочеталось с выдержанной обстановкой комнаты. Младший муж даже

не вздрогнул, глядя на новоявленного князь-герцога из-под длинных стрелок ресниц. Ну, надо же! Они был друг с другом неоднократно, а теперь оба испытывали смущение, свойственное любым новобрачным.

Супруг!..

Не удержавшись, Лоран наклонился и нежно… так глубоко и жарко!.. поцеловал своего мальчика, гладя руками широкие плечи любимого — и когда успел вытянуться?! Вроде недавно был совсем юным и нескладным подростком…

Айрэ смущенно улыбнулся, даже не скрывая своего желания. И плевать ему было в этот миг, что за стеной идет бой. Главное, он наконец-то может законно отдаться своему избраннику, принять в себя его семя и кокон с ИХ общим ребенком.

Торопливо раздевшись, Лоран открыл шкатулку, что стояла на столике рядом с постелью. И достал золотистый, чуть пульсирующий шарик, тут же повернувшись к тоже успевшему раздеться мужу.

— Люблю тебя, малыш, — серьезно произнес Вэон. — И благодарен судьбе за все.

— Я тоже… — почему-то отчаянно смущаясь, прошептал Айрэ, ложась на спину и призывно сгибая колени. Его уже разработанная и смазанная дырочка заблестела в солнечном луче, тут же воспламеняя Лорана неистовой страстью. Старший князь-герцог тяжело задышал, узрев открывшийся перед ним вид, и сжал в руке кокон, активируя его.

— С ума я с тобой сойду!.. — простонал он, погружая тут же выскользнувший из пальцев теплый шарик внутрь Айрэ. Юноша дернул бедрами, еще шире разводя их в стороны. Его член стоял в полной боевой готовности, чуть покачиваясь над безволосым пахом.

— Да возьми же ты меня, наконец!.. — с тягучим стоном выдохнул он. — Сил моих больше нет — терпеть эту пытку… Хочу тебя немедленно!

И Вэон взял. Да так взял, что гибкое тело в его руках со стоном выгнулось, принимая в себя немалую плоть мужчины… а потом обоим стало не до разговоров и не до клятв. Зачем они, если и так известно, что будут вместе до смерти… что принадлежат друг другу безвозвратно и неотторжимо!

Вэон подхватил ноги Айрэ под коленями и закинул их себе на плечи, сразу же начиная яростно работать бедрами — с проклятой осадой было не до прелюдий и долгих ласк. Оба должны быть на стенах, особенно он, чтобы руководить обороной. Все будет потом, если они выиграют… КОГДА они выиграют!

Айрэ податливо гнулся под мужем, содрогаясь от его толчков. Сам подставлялся, призывно сжимая ноги на его широких плечах. Насаживался на твердый член князь-герцога. Боги, как это было не похоже на его брачную ночь три дня назад! Больно не было… был лишь бесконечный восторг принадлежности любимому человеку, что заполнял его собой до предела, заставляя гореть и плавиться в сильных руках! Это было так приятно… так естественно… так просто принимать его. И пусть в этой близости почти не было ласк, одно лишь яростное движение навстречу друг другу, но Айрэ верил, что все это у них еще будет впереди.

Надо лишь выжить.

Приподнявшись на руках, Вэон потянулся губами к раскрасневшемуся лицу мужа, принимаясь

целоваться. Его руки то сминали напряженные бедра Айрэ, то принимались сильно разминать его спину. А потом одна ладонь легла на затылок юноша, не позволяя разорвать поцелуй. В то время как другая протиснулась меж их вспотевших тел, принимаясь в такт толчкам жестко ласкать стоявший колом член юноши, заставив младшего жарко застонать в сминающие его рот губы Лорана и дернуться навстречу, еще больше насаживаясь на достоинство старшего мужа.

Не выдержав, Лоран первым излился, содрогаясь от наполнившего его жара, что щедро изливался в тело бьющегося под ним мальчика.

…Зная, что их неистовая близость порождает новую жизнь, ради которой стоит выжить во всех передрягах.

Ведь судьба не может быть настолько жестока — дать, чтобы потом отобрать столь бесценный дар!

Они должны выжить, чтобы увидеть, как откроются глаза их ребенка.

Услышать его первые слова…

Протяжный крик страсти разорвал тишину обширной комнаты, знаменуя начало новой вехи. Тонкое тело юноши яростно выгнулось под более массивным телом мужчины, обхватывая длинными ногами его крепкие ягодицы… подгоняя… благословляя… направляя…

Через час оба новых властителя Лиссаэроу, как и положено супругам, стояли на внешней стене крепости. И белоснежная накидка Айрэ вспыхивала золотом в лучах неяркого солнца. А Лоран отбивал щитом стрелу, нацеленную в самое сердце его теперь уже законного мужа.

Вместе до смерти…

…Голова очередного незадачливого Призрака с глухим стуком скатилась с плеч теперь уже трупа.

Отпихнув ногой в нарядном сапоге упавшее тело, Анэрас II хищно развернулся к растрепанной и заплаканной молочной сестре.

— …Как?! КАК!.. Как это могло случиться?! — Заорал в неконтролируемом бешенстве король Мисирана. — Ты уверяла, что у тебя все схвачено!

Шмыгая некрасиво распухшим носом, всесильная графиня дио Гарт заломила прекрасные руки, стыдясь посмотреть на молочного брата и любовника.

— Не знаю, Анэ!.. — пролепетала она, борясь с желанием броситься к любимому… обнять… утешить… — Я ничего не знаю, кроме того, что мальчишку загоняли в заранее приготовленный телепорт!.. Его специально установили ночью в воде, едва стало известно о пикнике… Специально, чтобы ни одна бродячая сволочь из придворных не влезла куда не надо! Но он не дошел до нашей ловушки …кто-то положил рамку еще одного телепорта на полдороги к нашему!

— КТО-ТО?! — Анэрас отбросил зазвеневший меч и вцепился в горло захрипевшей женщины, борясь с желанием свернуть ей шею. — КТО-ТО?!

mir-knigi.org

Но Эрлесса преданно и виновато смотрела в побелевшие глаза любимого человека, даже не стремясь защититься от его гнева.

— Судя по всему… это… Фейринель… — произнесла она, с трудом проталкивая воздух сквозь пережатое горло.

Пальцы короля нехотя разжались на горле любовницы. И Анэрас отошел к столу, тяжело дыша от накатывающей на него волнами ярости.

— Ты рисковала, Эрли… лично принеся мне эту новость, — глухо произнес король, опираясь на край стола и склоняя голову. — Я не люблю проигрывать…

— Ты не проиграешь! Никогда не проиграешь, милый! — Нежные руки любовницы обняли его за талию. И жаркая плоть женщины прижалась со спины. — Послушай… все, что ни делается — к лучшему! Клянусь, я выясню, кто забрал твоего мужа… И тогда!.. Эдмир оказался слишком силен магически — он раскатал баронов, играючи!.. пусть сцепится с новым противником. Пусть обессилит себя и армию. А мы тем временем захватим столицу и сына Рэниари. Он сам к нам прибежит, едва его ребенок очутится в наших руках. И тогда ты сможешь диктовать условия…

— Да… это выход, — пробормотал король, распрямляясь. — Но если и в этот раз ты меня подведешь… пеняй на себя!

…Миг перехода Рэниари почти не уловил.

Вот только сейчас он отступал под ударами неизвестных противников, а сейчас вдруг очутился в незнакомой, совершенно круглой комнате, выложенной диким камнем!

Голова все еще кружилась от перехода, из носа капало… кажется кровь… левая рука висела плетью. Но в правой все еще был верный нож, подаренной некогда Баррэтом.

Глубоко вздохнув, Рэниари огляделся, тут же натыкаясь на торжествующую улыбку Эккуара Фейринеля. Высокий, смуглый и мускулистый князь, стоя у дальней стены, жадно рассматривал коронованного пленника. Роскошные темно-русые волосы южного лорда были забраны в высокий хвост, светло-карие глаза искрились неподдельной радостью. Рядом, словно тетива от лука, напрягся полузнакомый маг… тот самый, что походил на хищную птицу… с носом, загнутым как клюв. Темно-каштановые волосы и светло-голубые глаза волшебника словно вылиняли… на всем облике лежала печать усталости.

Так… кажется, за аркой прохода толпятся солдаты…

— Мне давно следовало взять все под личный контроль, — выдохнул Фейринель, рассматривая Рэни словно величайшую драгоценность. — Не следовало пускать все на самотек. Но тогда приходит на ум — а зачем же мне ты, Сарол Эзд Ралод?!

Поименованный маг лишь виновато склонил голову.

Сам Рэниари молчал. А какой смысл возмущаться? Если уж глава независимого государства похищает повелителя соседней страны, то бесполезно взывать к его чувству справедливости. На такое идут, все обдумав — слишком уж предсказуемы последствия!

— Я не буду читать вам лекции о том, что было и что будет, — с легкой хрипотцой отозвался

Рэниари, настороженно рассматривая комнату: по периферии стояло еще несколько мужчин, судя по одежде — магов. — Спрошу лишь одно… Вы, лорд Эккуар, все ли хорошо обдумали?

— А я тебе отвечу, что да, — тут же безмятежно отозвался Фейринел, переводя взгляд почти золотых глаз на своего пленника. — Ты хоть в курсе, что напали на тебя мисиранцы? И все решат, что ты ИХ пленник. Нам стоило больших трудов все рассчитать так, чтобы перехватить тебя под носом у Анэраса. Зато теперь никто не сможет узнать, в чьих ты руках, моя драгоценная Искра!

— Понятно… — с кривоватой улыбкой отозвался Рэнирари, переводя дыхание. Дальнейшую свою судьбу он просчитал на раз. — Теперь ясно, зачем ты приезжал в Цитадель. А я то все гадал, отчего вдруг самовластный князь решил предложить семейный союз бастарду графа…

— Ты лишь отчасти прав, — все так же безмятежно согласился Фейринель. — Но многого, к сожалению, не знаешь. Одно я могу тебе сказать точно — теперь ты принадлежишь мне. И душой и телом. Никто и никогда не найдет тебя в Фейринеле! И если вначале я собирался предложить тебе равный брак и сделать отцом своих наследников… то теперь ты станешь всего лишь моим наложником — не нужно, чтобы все на континенте узнали, где тебя прячут. А детей ты мне и так родишь… никуда не денешься. Так что, милый, советую не сопротивляться. Ножик то брось! Порежешься еще.

— Пошел ты ******* и в **********! — С нежной улыбкой ответил Рэни. Его уже несло на волне совершенно неконтролируемой ярости. Как раз, когда любое море по колено. И на все плевать, в том числе и на собственную жизнь. Становиться чьей-то подстилкой он не собирался. — Попробуй, возьми!

— Возьму, милый, возьму… даже не сомневайся! — С маньячной улыбкой ответил Фейринель, принимая вызов.

Привычный кинжал согревал ладонь словно привет из далекого дома. А в душе пузырилось ненормальное… совершенно пьяное бешенство! Как же вы меня все достали, думал Рэни, уклоняясь от клинка князя. Прямо медом вам намазано! Силу Искры подавай!.. А не пойти ли вам скопом… далеко и надолго!

Сил после предыдущего, весьма изматывающего боя оставалось немного, но молодой король плевать хотел с высокой башни на дрожащие от слабости руки — возможности броситься на нож у него никто не отнимал! Это южный князюшко может осторожничать, чтобы не поранить ценного пленника, а Рэниари ничего не сдерживает.

Ярость смыла накатившую слабость, даря Искре безбашенное сумасшествие. Он сходил с ума и знал это… и приветствовал накатившее вдруг безумие, не желая становиться беспомощной жертвой. И танцевал с ножом в руках, смеясь и ускользая… и тоже сводя князя с ума невозможностью прикоснуться к прекрасному пленнику!

Фейринел выматерился вполголоса, завороженный солнечным миражом, что танцевал перед ним, упорно не даваясь в руки.

Опасным миражем!

Эккуар сам не понял, как пропустил неуловимый выпад, но его камзол на груди невесомо распался на лоскутки под нежным касанием стремительного клинка.

Восторг, ярость и восхищение — вот, что владели могущественным князем в этой короткой схватке. Выбора не было… и Фейринел принялся отвечать на каждый выпад противника. Впервые князь пожалел, что не взял с собой длинный клинок, против которого кинжал мальчишки был бы бесполезной зубочисткой.

Метнувшись вперед, Эккуар выкинул руку с клинком вперед, пытаясь схватить короля за плечо и потянуть на себя. Но Рэниари ловко увернулся и отскочил в сторону, умудрившись отбить коварный выпад. Левая рука мальчишки висела плетью, видимо схватка с гвардейцами мисиранского короля не прошла даром. Но правой рукой король действовал так, что обзавидуешься!

И Фейринель в восхищении отступил. Всю свою жизнь он искал того, кто сможет встать с ним плечом к плечу против всего мира. И теперь видел перед собой воплощенную мечту.

Принадлежавшую другому…

Легкое движение головы, и охрана замерла подле стен, не смея нарушить безмолвный приказ князя. Эккуар желал лично скрутить строптивого пленника, без помощи солдат. Взять на нож драгоценную добычу… и ломать… ломать!.. пока Рэниари не признает его своим господином!

— Ты будешь МОЙ! — С диким восторгом выдохнул Эккуар, бросаясь наперерез Рэниари, что попытался обойти его по периметру башни. — Возьму тебя, как наши предки брали себе в бою супругов! Хочешь схватки — получишь ее!..

Князь сходил с ума и прекрасно осознавал это. У него стояло так, что было больно. И эта боль подстегивала его как можно быстрее завалить вожделенную добычу и трахнуть!

— Ну же!.. — едва ли не пропел он. — Иди ко мне, милый!.. Иди к своему хозяину!

Рэниари просто зарычал от бешенства, услышав подобное, и расплатился с князем великолепным ударом с бедра, единым взмахом распоров мужчине щеку и заставив Фейринеля окончательно озвереть от сопротивления жертвы.

Растянув губы в хищной улыбке, мужчина прекратил играть, хищно двинувшись на пригнувшегося к полу Рэниари. Их клинки столкнулись с протяжным звоном, выбив сноп искр и болезненно завибрировав. И Рэни неловко отлетел в сторону — он совсем забыл, что всегда брал не силой, а ловкостью!

— ДАААА, детка! — Оскал князя мог напугать кого угодно, только не Рэниари. Встряхнув головой с перекособоченной, некогда изысканной прической младший король пошел по кругу, ступая легко и осторожно. Эккуар, стоя на месте, следил за ним одними глазами, восторженно улыбаясь. Вот это была жизнь! Взять будущего спутника жизни на нож… сразу показать, кто в семье главный!

— Не дамся! — Непримиримо выдохнул Рэниари, бросаясь под выпад князя.

Фейринель лишь в последний миг успел отдернуть лезвие. И вместо сердца распорол лишь камзол с рубашкой… и нежную кожу под ней.

Игры кончились.

Тяжело дыша, Эккуар с трудом оторвал взгляд от быстро намокающего кровью камзола на груди юноши. И перевел взгляд на неземное лицо Искры. С таким лицом уходят из жизни, а не

защищают ее.

Так вот что ты задумал, мальчик!

Покончить с собой моими руками…

Ну, нет! Я слишком долго добивался тебя, чтобы отказаться от приза в одном лишь шаге от победы. И я не дам тебе умереть. Ты мне слишком нужен.

— Взять его! — Приказал своим воинам Фейринель, опуская кинжал. — Только не навредите мальчишке.

Лицо Рэниари стало осмысленным. Кажется, он тоже понял, что его план не удался. И тут же рука Искры взлетела вверх, целя ножом уже в свою шею!

— Эзд, сделай что-нибудь! — Крикнул Фейринель, умудрившись с трудом выбить клинок из рук невменяемого мальчишки. Подоспевшим солдатам это мало помогло — король явно владел приемами корайры — древнего искусства борьбы без оружия. И взять его можно было только на болевой захват, закончившийся неизбежной травмой для бешеной Искры. Причем тяжелой травмой, подчас несовместимой с жизнью…

…Проклятие! Он потерял форму, вынашивая Эрэндиса!

Пригнувшись, словно загнанный зверь, Рэниари стоял в круге врагов, отслеживая все их движения. И ведь прекрасно понимал, что его все равно скрутят, но сдаться превосходящему противнику было выше его сил!

Всегда есть надежда на случайную смерть…

Клинок больше не согревал руку неловкой тяжестью… а ведь раньше порхал подобно бабочке. Нет, надо был наплевать еще раньше на запреты Эда и тренироваться более усиленно…

— Государь!.. — закричал Эзд Ралод, делая руками какие-то пассы. Остальные маги сгрудились рядом с ним, что-то бубня речитативом. — Не могу… На нем какой-то амулет — невозможно наложить чары! Нужен физический контакт!

— Ну, так обеспечьте его! — Огрызнулся Фейринель, встревожено наблюдая за бешеной каруселью, устроенной его солдатам юным пленником. Надо же — а Искорка то оказалась с норовом! И это невероятно заводило разгоряченного схваткой владыку. Он хотел этого растрепанного, непримиримо сверкающего глазами мальчишку! Так хотел, что, казалось, сейчас штаны лопнут от напряжения в паху!

Выступающий из старой кладки камень подвернулся под ногу совершенно некстати…

Споткнувшись, Рэниари на миг сбился с отточенного ритма. И это позволило солдатам прорвать его оборону. Навалившись скопом, они повалили сопротивляющегося короля на плиты башни, пытаясь скрутить пленника. Но даже тогда Рэни сопротивлялся до последнего, убивая без раздумий. Это его пытались взять живым, а вот его ничего не сдерживало!

Кинувшийся в самую кучу малу Эзд Ралод умудрился прижать к лицу пленника тряпку, щедро смоченную сонным зельем. Но Рэниари запредельным усилием сумел-таки вывернуться и, разбросав навалившихся на него солдат, поднялся, сильно шатаясь — видимо все-таки глотнул

магической гадости с тряпки…

Встревоженный Фейринель успел метнуться вперед, подхватывая пошатнувшегося, дезориентированного юношу. Рэни упрямо тряс головой, пытаясь избавиться от дурмана, и не обращал внимания на чужие руки, схватившие его за плечи. Подоспевший маг вновь сунул свою тряпку в лицо вяло отмахивающегося пленника. И Эккуар, осторожно придерживая, опустил юношу на плиты пола, пока маг что-то торопливо шептал, срывая с него какие-то амулеты.

…Чужие руки прижимали к лицу душную тряпку. Он пытался ее сбросить, но ее прижимали вновь и вновь… все сильнее и сильнее!

Чьи-то руки перехватили его тело, погасив слабое сопротивление — дурман все больше ослаблял молодого человека. Нет, он продолжал сопротивляться …бешено, неудержимо — как казалось ему самому. А на самом деле — слабое трепыхание жертвы не мешало похитителям связывать своего пленника.

Последнее, что четко помнил Рэниари — это сильные руки, поднявшие его вверх. И золотые глаза на смуглом лице, горевшие злым торжеством…

…Айрэ был в саду, на самой верхней террасе, когда в крепости началась… какофония… иначе и не скажешь.

Перегнувшись через ограждение, юноша увидел на нижней террасе дерущихся между собой горцев.

Бросившись в ближайшую башню, ничего не понимающий Айрэ столкнулся с выбегающими оттуда перепуганными слугами. Что… как… почему?! Никто, ничего не мог понять и объяснить. Штурм был отбит менее получаса назад, враги уползли в лагерь зализывать раны… и вот такое!

С непривычки Айрэ потерялся в круговороте внезапно вспыхнувшей схватки. Вокруг него орали, визжали и яростно дрались все со всеми! Враги хлынули из внутреннего садика, словно зерна проса из распоротого мешка. Слуга, бежавший впереди юноши, упал с перерезанным горлом. Самого Айрэ спасло замешательство противника. Отшвырнув труп челядинца, наемник явно не ожидал увидеть князь-герцога. И Айрэ удалось отпрянуть от второго выпада. Вот только третий явно бы окончился его смертью, если бы не Роззиз.

Перерубив длинным клинком врагу позвоночник, старейшина больно схватил Айрэ за руку и буквально потащил спотыкавшегося лорда прочь.

— Это Дирил!.. — на бегу крикнул Ли-Са-Рэ. — Он бежал из-под стражи… Похоже, у него в крепости были сторонники… Он разбросал маяки для магов Ассиарэу!

Все точно так и было, с какой-то неземной отрешенностью думал на бегу Айрэ. Видимо, это и задумывалось с самого начала. Весь расчет противника строился на том, что Дирила не выпустят из крепости… иначе бы зачем брату покойной супруги Жеориза сюда приходить? Ведь на него не распространялись правила поединка чести — предатель он и есть предатель. Шурин покойного князь-герцога вполне мог бежать после удавшегося покушения на родича, но он остался и дал себя захватить. Видно с самого начала собирался кого-то перетянуть на свою сторону и провернуть план с маяками.

За следующим поворотом они столкнулись с Лораном, который с непроницаемым выражением лица преспокойно выдернул меч из груди поверженного противника. Айрэ тут же кинулся к любимому, крепко обнимая за талию и вжимаясь лицом в плотную ткань мужниного камзола, вдыхая родной аромат, смешанный с резким запахом чужой крови. А Вэон посмотрел на старейшину поверх головы юноши, ласково поглаживая волосы супруга и невесомо целуя в макушку. И лишь Ли-Са-Рэ видел боль в глазах старшего князь-герцога.

— Мы проиграли… — одними губами прошептал Лоран, мягко отстраняя младшего. — Они везде. Нужно прорываться в казармы. Там еще будет шанс…

Но прорваться не удалось. Их узнали.

И планомерно гнали через весь замок, не давая пробиться к своим. Айрэ, абсолютно беспомощный в своей золотисто-белой накидке младшего лорда мог только не путаться под ногами у своих защитников, когда Лоран с Роззизом защищали его от нападавших со всех сторон врагов. Вот когда он проклял свое нежелание учиться бою на мечах. А ведь в свое время его отец Фаторан сумел клинком завоевать личное счастье и высокое положение в подлунном мире! А сын предпочел заниматься мирным хозяйством и цветочками…

Беспомощное… бесполезное создание!

И оставалось лишь вжиматься в стену, изо всех сил сдерживая внутреннюю дрожь, когда другие спасали его жизнь! Да тот же Рэниари мог постоять за себя с ножом в руках, а он, намного старше юного родича, и того не умеет!

…Как они очутились на самой вершине Главной башни, Айрэ так и не понял. Но над головой был лишь шатер навеса, да в узкие бойницах яростно врывался ледяной ветер с близкого ледника. Кажется, здесь тоже были враги… и, кажется, они испортили катапульту, стоявшую на площадке башни… во всяком случае, Лоран зарубил двух каких-то типов, стаскивавших к стене тела защитников крепости.

И лишь после этого Айрэ пришел в себя, вновь начав воспринимать действительность. Оказывается, он как будто выпал из мира, ощущая происходившее словно во сне. А вот теперь реальность резанула по восприятию молодого человека пронзительными красками, звуками, запахами дерьма и крови…

И пониманием неизбежности.

— Все! — С какой-то злой обреченностью выдохнул Роззиз, заклинивая дверь собственным мечом. Старик был изранен, но все еще держался на ногах. Из них троих лишь Айрэ не пострадал, потеряв где-то на пол дороге к башне свою нарядную накидку.

Лоран по-быстрому перевязал распоротую до кости левую руку и тут же обнял прижавшегося к нему супруга.

— Северная и Восточная башня еще держатся, — невнятно проговорил он, уткнувшись лицом в растрепанные волосы младшего. Айрэ лишь крепче прижался к любимому. На душе у него было удивительно тепло и совсем не страшно. Лишь ноткой горечи проскальзывало сожаление о так и не родившемся ребенке.

— Как и донжон с казармами, — горько отозвался Ли-Са-Рэ. — А толку-то… Надо было сразу скрутить головенку этой красивой мрази, а не дожидаться суда чести.

Но Айрэ уже не слушал старика.

Потянувшись к губам Лорана, юноша исступленно принялся их целовать. Вэон, не обращая внимания на тактично отвернувшегося от них старейшину, отвечал.

— Вместе до смерти… — оторвавшись от любимого, решительно произнес Айрэ, обнимая мужа за шею. — Я приму от тебя дар легкой смерти.

Лучше уж клинок Лорана, чем надругательства, пытки и все равно неизбежная смерть от торжествующих врагов.

— Я дарую ее тебе, возлюбленный мой… — так же шепотом ответил Вэон и медленно потянул из ножен окровавленный меч.

…Черный кот с несуразными, не складывающимися крыльями с трудом протиснулся внутрь старой башни, что угрюмо торчала посреди леса, довольно далеко от столицы. Остаток древних оборонительных сооружений, она не нужна была даже местным разбойникам.

Раздраженно мявкнув, Черныш дернулся, освобождая застрявший в трухлявой раме коготь на сгибе правого крыла и неожиданно ввалился внутрь башни.

Угроза разбить чувствительный нос о плиты далекого пола заставила кота отчаянно замахать крыльями… и взлететь!

Впервые в жизни магическое недоразумение пьяного мага сумело подняться в воздух, а не только планировать, растопырив неловкие культяпки.

Восторженно вопя во весь голос, Черныш заложил лихой вираж, с непривычки едва не влетев в стену. И приземлился, растопырив лапы, на камни пола. Как раз рядом с искрящимися золотым огнем длинными прядями. Запах пропавшего хозяина ударил по чувствительному носу маго-кота, и он жалобно замяукал, зовя Теплого и Ласкового. Того, кто когда-то спас и накормил. Кто всегда дарил ласку и защиту. И кого пришла пора защищать подросшему зверенышу.

Осторожно потрогав лапкой шелковистую прядь, Черныш решительно схватил в пасть один из локонов и вновь взлетел к далекому окну, протискиваясь наружу.

Кое-кому здорово не поздоровится… дайте только найти виновника. Того, кто причинил вред обожаемому хозяину!

Глава 7

Запыхавшийся от яростной схватки Фейринел держал в объятиях потерявшего сознание пленника. У князя не получалось расцепить руки и передать юношу кому-то иному, как он планировал с самого начала. Голова Рэниари, отягощенная растрепанной, разваливающейся прической, клонилась назад, открывая совершенно беззащитную линию шеи. И Эккуар не выдержал, приник в жадном поцелуе к золотистой коже, смакуя ее вкус и окончательно дурея от запаха Искры.

Сила тонким ручейком тут же потекла в тело князя, приятно покалывая кончики пальцев. И Фейринель с удовольствием позволил рукам погрузиться в прохладное богатство волос, окончательно разрушая сложное переплетение косичек и прядей. Драгоценные шпильки со

mir-knigi.org

звоном посыпались на каменные плиты пола, когда князь одним движением ножа перехватил золотую роскошь у самого затылка Рэниари. Жалко, конечно, но так лучше — меньше мороки в дальнейшем. Потом он прикажет вновь отрастить локоны своему наложнику… покорному наложнику. А пока стоит подумать, как сломать мальчишку.

Жадно разглядывая идеальное в своей красоте лицо с густым частоколом длинных ресниц, скрывших потрясающего цвета глаза, Эккуар вновь почувствовал, как теряет голову. И в следующее мгновение обнаружил себя яростно целующим нежные губы пленника. Так сила текла еще полнее, окончательно сводя с ума. И рука Фейринеля все быстрее поползла под камзол юноши, слепо нашаривая его пах сквозь плотный шелк… сжимая в горсти мягкий член… ощущая тяжесть аккуратных яичек.

— Мой лорд!.. — прикосновение мага ударило подобно молнии. И вырванный из своих грез Фейринел яростно зарычал, не хуже гиены скалясь на Эзд Ралода и продолжая крепко прижимать к себе уснувшую Искру. Маг в испуге отшатнулся, но не прекратил увещеваний. — Государь! ЭТО лучше делать в другом месте!

Очнувшийся от своего наваждения Эккуар одной рукой перехватил потяжелевшее тело Рэниари и другой провел по лицу, словно стирая липкую паутину.

— Ты прав, — согласился он нехотя. И поднялся, все так же прижимая к себе безвольное тело Рэни — передать свою добычу кому-либо другому было выше сил Фейринеля.

Он так и шагнул с Рэниари на руках в открывшееся марево портала, оставляя за спиной совершенно безликую комнату и разбросанные шпильки рядом с золотым богатством отрезанных волос…

…Бросившись внезапно на Вэона, старик заставил князь-герцога отшатнуться и выпустить на миг уже отрешенного от этого мира мужа. Айрэ, которого более не поддерживал старший мужчина, широко распахнув удивленные глаза, едва не осел на холодные плиты пола.

— Лорд Ли-Са-Рэ!.. — удивленным выдохом сорвалось с побелевших губ того, кто почти распрощался с жизнью.

— Нет! — Старейшина повис на руке Лорана, не давая тому поднять меч. — Успеете еще умереть! Можно попробовать пробраться на этаж ниже… там есть выход на галерею!

— В башне враги!.. — прорычал Вэон, но клинок все-таки опустил. — Мы попадем прямо им в руки.

— Надо рисковать… — хрипло прошептал Роззиз, косясь на содрогающуюся дверь — сделанная из дубового массива, оббитая сталью, она простоит еще немало времени, но все равно не выдержит подобной долбежки. — Если уж предстоит умирать, то почему бы не попробовать смертельно рискнуть — авось повезет!

— Ты прав, старик!.. — яростно улыбнулся Вэон. В груди у мужчины словно снежный ком скатали — пусть так… всяко лучше, чем собственной рукой убивать любимого. И чтобы потом бесславно перерезать горло самому себе!

…Ремни от катапульты, связанные между собой, послужили неплохой веревкой. Первым спускался Лоран. За ним Айрэ. Юноша потом до конца жизни помнил леденящий ужас, охвативший его… неуклюжую тяжесть тела, ставшего вдруг неповоротливым, неловким…

mir-knigi.org

пронзительное восприятие таких близких и равнодушных гор со сверкающими шапками ледников… посвист ветра, прижимающего тебя к шершавым камням… собственное осознание своей ничтожности… и саднящую боль в обожженных самодельной веревкой ладонях.

Вряд ли бы он сам сумел расцепить сведенные судорогой пальцы и самостоятельно влезть в узкую бойницу на лестничной площадке… но его втащил Лоран. Лорд Роззиз соскользнул следом за ним, ловко и стремительно, несмотря на годы.

И пока старшие что-то тихо решали между собой, Айрэ, прислонившись к стене, изо всех сил сжимал зубы, пытаясь удержать колотившую его изнутри дрожи. Изнеженный аристократ, никогда прежде не рисковавший жизнью, Ай и подумать не мог, что когда-нибудь сподвигнется на подобное. Вот уж, поистине — захочешь жить, еще и не так извернешься!

Парой этажей выше, столпившиеся у запертой двери, враги с матами пытались ее выбить. И беглецы, ведомые старым лордом, знавшим замок как свои пять пальцев, успели спуститься до нужного поворота и укрыться за ним прежде, чем мимо промчалась вражеская подмога.

После чего пробраться мимо рыскающих по крепости противников уже как-то не представляло большой трудности. Во всяком случае, на Айрэ накатила беспричинная эйфория… ему хотелось хихикать всю дорогу. Юноше все казалось смешным. И при том у него никак не прекращалась внутренняя дрожь, доходя едва не до озноба.

— Это ничего, — со знанием дела прошептал лорд Роззиз, пока они пробирались какими-то пыльными ходами прямо внутри стены. — Главное, что ты хоть и боишься, но идешь. Это и есть настоящее мужество…

Как они добрались до казарм с забаррикадировавшимися в них защитниками крепости, Айрэ не помнил. Романтичный идиот! А он еще завидовал приключениям Рэниари, воображая на его месте себя. Легко мечтать о героических поступках, завернувшись в меховую накидку и сидя у теплого камина, пока преданные слуги подсовывают под руку вкусненькое.

И, к довершению ко всему, на выходе из потайного хода они чуть не лишились голов, когда собственные солдаты, решив, что это нападение, едва не снесли им головы, углядев, как кто-то лезет из потайного хода…

— Контратаковать не получится, — говорил Лоран час спустя на спонтанном совете мрачным словно вестники смерти горским командирам. — Нас слишком мало, и у нас много раненых. Но выбора нет. Или мы сумеем выбить врагов… или они закрепятся и возьмут нас измором.

Вэон прекрасно осознавал то, о чем говорил угрюмым от бешенства людям. Пока в крепости вспыхивают очаги сопротивления, у них еще есть шанс… призрачный, но шанс. Судя по тому, что врата все еще закрыты, горцы Ассиарэу не сумели захватить надвратных укреплений, проникая внутрь Орлиного гнезда порталами или банально перелезая через стены.

К своему великому стыду Айрэ, вымотанный переживаниями и пережитым, банально вырубился, уснув в углу казармы, пока муж что-то решал со своими командирами. И проснулся несколько часов спустя, когда бой за Орлиное гнездо почти завершился. Уж какими усилиями горцам Лиссаэроу удалось выгнать врагов за стены, он так и не понял. Но когда младший князь-герцог все-таки появился на стенах, снаружи бесновалась толпа наемников и воинов Ассиарэу, а солдаты крепости прочесывали с помощью выживших магов внутренний сад, выискивая и уничтожая разбросанные магические маяки, лишая врага возможности выстроить новые порталы. Одновременно, подбежавший лорд Роззиз сообщил, что сбежавший было из темницы Дирил вновь захвачен. Лоран не стал его останавливать. Ему и самому была

интересна подоплека последних событий. Слишком уж много непонятного оказалось накручено вокруг этой осады.

У самого Айрэ голова шла кругом, отказывая адекватно воспринимать реальность. Но молодой человек все-таки заставил себя организовать слуг для уборки крепости и подготовки ужина для усталых защитников. И даже носился по замку всю ночь напролет, пока солдаты во главе с Вэоном отбивали один штурм за другим.

Уж как он не свалился от усталости, Айрэ и сам не знал. Но в какой-то миг мир превратился в сплошную серую пелену, сквозь которую он продирался на одном упорстве. И юноша не сразу сообразил, отчего враги вдруг прекратили кидаться на стены, торопливо откатываясь назад.

— Белый Волк и Виверна!.. — радостно орали вокруг. И юноша вместе с остальными высунулся наружу, наблюдая, как к воротам дружно мчится весьма немаленький отряд под объединенными знаменами графства Наррита и маркизата Арн-Гит-Доро.

Ажиотаж, начавшийся в лагере противника, позволил защитникам Орлиного гнезда открыть ворота и впустить союзников в крепость. А затем вновь захлопнуть створки прямо перед носом разъяренных врагов. Горцы Ассиарэу, видимо ожидая более крупных сил, промедлили и тем самым позволили подмоге проскочить в заблаговременно открытые ворота крепости.

— Лоран! — В полный голос возопил маркиз Арн-Гит-Доро, соскакивая с седла посреди обширного двора крепости, заполоненного воинами и вооруженными слугами. Стащив помятый в схватке шлем, Суом с размаху облапил Вэона за плечи, заключая в крепкие объятия. Зеленая геральдическая виверна маркизата ехидно щурилась с белоснежного плаща северянина. — Ну, знаешь ли!.. Мы с Нарритой направлялись на свадьбу, а угодили в самый центр заварухи! Что у тебя тут происходит? И где Лиссаэроу?!

— Я тоже желал бы это знать, — степенно проговорил Вил эр Корр. Прозванный за личный герб и цвет волос Белым Волком, владыка северо-восточного графства в отличие от Суома был более сдержан. — У нас слишком мало людей для полноценной войны.

— Я все объясню, — ответил Вэон, пока горцы Лиссаэроу суетились вокруг, принимая и размещая гостей. — Но сначала скажу спасибо за то, что спасли нас.

— Спасибо ты нам скажешь, когда нальешь вина и все-таки позовешь Жеориза, — ответил грубоватый и прямолинейный как все северяне Арн-Гит-Доро. — Пусть объяснит, что тут за пляски!

Плюнув на законы гостеприимства, усталый как свора пьяных демонов Айрэ, отделавшись формальным приветствием перед гостями, отправился в лазарет, надеясь хоть немного покемарить, пока старший супруг будет ставить союзников в ступор фактом второй свадьбы.

…В следующий раз он увидел вновь прибывших уже на стенах, где они вперемешку с горцами Лиссаэроу отбивали безумные атаки противника.

— Твою ********! — Грязно выругался маркиз, вытирая кровавую юшку под носом — прилетевший подарок от вражеского пращника не остановил даже нарядный шлем Арн-Гит-Доро. — И где только этот ублюдок Тирзан столько золота взял, чтобы набрать наемников… да еще в таких количествах!

Пронзительный, высоко-переливчатый звук боевого горна… столь не похожий на утробные

басовитые рога горцев… этот звук перекрыл шум от боя и отозвался долгим эхом в горах.

От неожиданности все замерли: и те, кто нападал и кто оборонялся.

— Не может быть! — Вэон, ошеломленный и обрадованный, перегнулся через парапет, наплевав на опасность шальной стрелы. — Эдмир!

Прямо на противоположном склоне горы открылся гигантский портал. И оттуда сплошным потоком хлынули всадники под знакомыми ало-золотыми штандартами с изображением коронованного грифона.

Их приход оказался неожиданным для противника… судя по тому, как забегали наемники, спешно откатываясь от Орлиного Гнезда и пытаясь завернуть фланг навстречу новой опасности. Но они опаздывали!

Удар панцирных сотен был страшен и неотвратим! А впереди них стремительно катилась вполне осязаемая волна магии… удушливо жуткая, как ярость разозленного до полной невменяемости Эдмира. Попавшие под нее сминались словно бумажные фигурки, так и оставаясь лежать неопрятными кучками на склоне горы. Те же, кто умудрился избежать магической атаки — тем не повезло угодить под копыта королевской конницы, вмявшей в камни остатки горного клана Ассиарэу вперемешку с их невезучими союзниками.

То, что воины трех владений пытались сотворить совместными усилиями, легко… можно сказать играючи!.. сделали когорты хилдонского короля.

Распахнув глаза от изумления, Айрэ, прижавшись к матерящемуся от полноты чувств мужу, смотрел, как втаптываются в каменистую землю не успевшие спастись враги. Как удирают, нахлестывая коней, немногие уцелевшие. Смотрел и не знал, ликовать ему вместе с остальными или плакать от полноты чувств. Его жизнь так стремительно поменялась всего за несколько дней… Айрэ просто не успел ни то что принять эти перемены, а даже осознать их…

…Пошатываясь от перенапряжения, спустившийся во двор Лоран преклонил колено перед своим королем, тем самым подтверждая личный вассалитет. За спиной мужа замер Айрэ, не отрывая взгляда от словно бы враз повзрослевшего двоюродного брата. Они не виделись чуть больше двух недель, а казалось, прошла целая вечность. И теперь перед супругами стоял зрелый мужчина с глубокой морщиной между бровями и пронзительным взглядом холодных серых глаз.

— Как я понимаю, прежний князь-герцог погиб? — Уточнил Эдмир, разглядывая их. — Хотел бы услышать подробности.

— Как пожелаете, государь, — ответил Лоран, поднимаясь на ноги. — Но прежде, позвольте вам показать место, где вы сможете отдохнуть. О ваших воинах позаботятся.

— Не сомневаюсь, — жестко хмыкнул Эдмир. И Айрэ вздрогнул: что же случилось такого, что кузен ТАК изменился?! — Даю вам час, чтобы все устроить. А потом желал бы говорить с обоими.

И повернулся, отдавая распоряжения своим людям.

— Эд! — Не выдержав, окликнул родича Айрэ. — Эд, что случилось? Что-то… с Рэни?!

Молодому человеку ничего иного не пришло на ум. Только Рэниари мог настолько выбить

самовластного супруга из его образа ледяного повелителя. И, судя по тому, как вздрогнула широкая спина брата, юноша оказался прав.

— Потом… все потом, — глухо отозвался Эд, даже не поворачиваясь. — Нам всем есть, что рассказать.

И Лоран поторопился увести возлюбленного во внутренние покои крепости…

За плотно закрытыми дверями их временной спальни Айрэ уткнулся носом в грудь мужа и перестал себя контролировать. Он давился судорожными рыданиями… болезненными, сухими, но все же приносившими кратковременное облегчение.

— Ну, что ты… что… — тихонько укачивал своего любимого мальчика Вэон, сам отходя от шока внезапного спасения. Причем старший князь-герцог боялся не за себя — он боялся за мужа. А тот отчаянно дрожал, не в силах подавить всхлипывания.

— Я сейчас… — Айрэ с трудом разогнулся, но вот расцепить пальцы на камзоле супруга оказалось выше его сил. — Я успокоюсь…

Все-таки заставив себя встать, Ай торопливо намочил холодной водой из кувшина какой-то шарф и вытер лицо.

— Останься в комнате, — предложил Лоран, умирая от жалости к любимому мужу. — Я справлюсь сам.

— Нет, — невнятно вымолвил Айрэ, распахивая окно и подставляя пылающее лицо холодному ветру. — Я буду рядом с тобой. Люди должны видеть нас обоих…

И он справился.

И спустя ровно час сидел подле законного супруга, тихо радуясь тому, что им пусть и с чужой помощью, но удалось одержать победу. И выжить.

— …Вот так все и происходило, — закончил свой рассказ Эдмир, сидя в кресле напротив родственников. К удивлению последних, король спокойно воспринял весть об их свадьбе и коронации Лорана короной нового князь-герцога. — Я оставил на завоеванных землях своих ветеранов… Им все равно скоро светила полная отставка. А тут выпал шанс получить свои владения. Да за такой куш каждый из них будет землю грызть! А Ассариш-То-Риг поможет поселенцам, пока там все не успокоится. Князь Киммар кровно заинтересован исполнить свою клятву и защитить провинцию. Он просил у меня руки Эстель… И я дал ему свое разрешение ухаживать за тетушкой.

— Хорошее решение, — одобрил Лоран. — Действительно, иного выхода не было. Кроме как уничтожить заразу мятежа.

— Кстати, кузен, я так вас и не поздравил, — тепло усмехнулся Эдмир, поглядывая поочередно то на своего бывшего наставника, то на краснеющего родственника. — Надеюсь, ваш брак будет счастливым…

И Эд невольно помрачнел, вспомнив, что его брак счастливым не назовешь. Особенно в свете последних событий.

Рэни, где же ты?!..

mir-knigi.org

Айрэ лишь смущенно кивнул, интуитивно положив ладонь на свой живот — они с Лораном уже сообщили королю об ожидающемся прибавлении в семействе.

— Рад за вас, — Эд пытался говорил радостно, от всей души, но Вэон уловил в его голосе ничем не прикрытую горечь.

— Все будет хорошо, — попытался ободрить он своего короля. — Тот, кто украл лорда Рэниари, не сможет долго прятать ТАКУЮ добычу. Итарон найдет его…

— Только на это и вся надежда, — хмуро произнес Эдмир. — Только бы он был жив!

— Конечно, жив! — Встрепенулся Айрэ, не зная, как утешить двоюродного брата.

Они помолчали.

Разговор как-то сам увял на корню. С одной стороны было так много не сказано, а с другой… наверное, все слишком устали, чтобы долго разговаривать.

Со стороны открытого окна во двор донеслись радостные выкрики: воины крепости совместно с союзниками из Арн-Гит-Доро и Нарриты потрошили брошенный лагерь противника. Видимо доставили очередную партию трофеев… Старейшина Роззиз занимался отвоеванной крепостью и ранеными. А в гостиной сидели лишь они трое. И перед своими родичами Эдмир не собирался таиться.

— Значит, Рэниари Искра… — медленно произнес, наконец, Лоран. — Вот это новость… Теперь все непонятки, что я раньше замечал за вами, сходятся. Знать бы еще, кто его украл. Тут интерес у многих…

— Итарон обещал разобраться, — угрюмо кивнул король, невольно закусив губу от бессильной ярости. Внутри пылал… ярился бешеный огонь, сжигая своего хозяина. И пытка эта длилась с тех самых пор, как король узнал об исчезновении Рэни. Эдмир едва сдерживался, чтобы не сорваться на окружающих. Не дело, если собственные сторонники боятся тебя почище врагов. Он не повторит давнюю ошибку, когда после смерти матери посмел выместить личную боль на своих солдатах. Затем десятилетиями пришлось восстанавливать уважение армейцев.

Но боль, смешанная с тоской, разъедала душу. И сдерживать ее было невыносимо. Так что незадачливые мятежники на собственной шкуре выяснили, почему Эдмира в свое время прозвали Бешеным принцем.

— Знаешь, — внезапно подал голос Айрэ, осторожно поглядывая на родича. — Тот тип… Дирил… что впустил врагов в крепость. Он рассказал немало интересного. По его словам выходит, что нападение Ассиарэу было спланировано не просто так. К Тирзану прибыли люди, предложившие деньги и магические амулеты для захвата Лиссаэроу. Судя по всем, это был отвлекающий маневр для тебя, Эд! Так же, как и мятеж в восточных землях. Ты же сам рассказывал, что восточников тоже подтолкнули. Вот только кто? Жаль, что Дирил не знает, что это были за типы и откуда приходили к Тирзану. Его братья погибли, а захваченные пленные ничего не знают.

— Кто-то старательно спровоцировал все эти заварухи, чтобы ослабить тебя магически и отвлечь от столицы. Скорее всего, это и был тот, кто похитил Рэниари, — тихо дополнил Лоран. Он до сих пор сожалел, что из предателя удалось вытащить так мало. Но замковые маги подтвердили, что шурин покойного князь-герцога больше ничего не знает. Да и кто бы стал посвящать исполнителя в такие тонкости?

— Мисиран?! — Тут же вскинулся Эдмир. Но Лоран покачал головой.

— Слишком мало данных, — произнес он. — Много указывает на Мисиран. Но… не может ли статься, что нас специально наводят на Анэраса? А настоящий виновник совсем иной.

— Я не идиот — кидаться из стороны в сторону и бездарно тратить магию, — сквозь зубы ответил Эдмир. — Тем более, что ее у меня осталось с гулькин нос. Сначала надо узнать, где Рэни. Я уже всю разведку и всех магов на уши поставил! Но кое на что мне магии не жалко. Пожалуй, потрачусь, чтобы в этих краях более не думали о предательстве!

…Крепость Снежных Барсов была прекрасна.

Нет, не так… Она была величественна и великолепна.

Простые, строгие очертания. Все продумано до мелочей: мощные башни, высокий овал стен, донжон, стерегущий подходы к воротам, выступающие машикули и глубокий ров, обрывавшийся в пропасть…

Ассиарэу прилепился на самом краю скалы, прямо над бездной, куда срывался поток воды изо рва. Вернее, некогда замок был построен на маленьком плато на самом краю обрыва, а лишь потом его принудительно отделили от мира рвом.

Задумчиво прищурившись, Эдмир оглядел представшую перед ним картину. Он разглядел даже рвавшийся по ветру черный флаг с распластавшемся в прыжке серебряным барсом.

Символ клана Ассиарэу, второго по старшинству и силе клана этих гор. Того самого, что всегда оспаривал первенство у правящих этим доменом Лиссаэроу.

Отличная крепость.

Укрывшиеся в ней последние мятежники прекрасно понимали, зачем к их стенам подошли многочисленные войска Хилдона с дружинами сразу трех крупных лордов. Понимали, но о пощаде не просили. Лишь угрюмо смотрели со стен на врагов.

А Эдмир был зол.

Вместо того, чтобы спасать пропавшего мужа, он вынужден был тратить время и силы на усмирение непокорных вассалов. Больше всего хотелось немедленно подхватиться и мчаться куда глаза глядят. Вот только при всей своей необузданной ярости король слишком хорошо понимал, что ни к чему хорошему его метания не приведут. Сначала надо найти, где держат Рэни, а потом уж лететь на выручку. Итарон, что связывался с племянником каждый день да не по разу, до сих пор ничего не мог сказать, кроме одного — на Рэниари напали мисиранцы. Но вот КТО у них перехватил добычу, было неизвестно. Впрочем, одного факта нападения и убийства члена королевской семьи хватало бы на десять поводов для войны. Но пока что Эдмир скрипел зубами от злости, но сдерживался. Развязывать СЕЙЧАС войну с хитрожопым Анарэсом было не с руки. Да и сил, полученных от супруга-Искры, оставалось слишком мало. И вся она может понадобиться, чтобы спасти мужа. А вот потом можно будет и о мести подумать…

Предвкушающе улыбнувшись, Эдмир поднял руку… и до того ясное небо потемнело, расколовшись ветвистой, лиловой молнией, что ударила прямо в башни Ассиарэу. Трескучие разряды вмиг оплели высокие стены вражеской крепости, накрыв их пронзительно

сверкающей сеткой. Взметнулись в воздух выдранные с корнями кустарники. Ледяные порывы магического ветра ударили по невольно пригнувшимся людям вперемешку с комьями земли и мелким гравием…

…и земля раскололась в ответ, утягивая в свои недра до того неприступное Логово Барсов.

Окружающие горы ответили гулом враз сошедших лавин.

И все.

Тишина…

В которой особенно резко прозвучал властный голос короля Хилдона.

— Я дарую эту землю Лиссаэроу, Арн-Гит-Доро и Наррите как компенсацию за понесенные потери в результате коварного нападения ныне несуществующего клана Ассиарэу. Поделите ее честно между собой и правьте твердо. Взамен я требую вечной преданности ваших родов правящей семье Келлиадиров. И требую покоя для этого края! Отныне вы трое оберегаете и защищаете эти земли. И отвечаете передо мной за их сохранность.

— Да, государь! — Склонились лорды, демонстрируя покорность перед своим владыкой.

…В следующий раз Рэниари очнулся в совершенно иной комнате… роскошно-безликой и огромной. Скорее зала, а не привычная спальня. Со стенами, скрытыми яркими гобеленами из толстых шерстяных ниток, скрученных с блестящим шелком… с пушистыми коврами поверх гладких мраморных плит.

И с окнами где-то далеко под резным сводом потолка…

Сквозь частый переплет можно было рассмотреть кусочки вечереющего неба… и больше ничего.

Сам король оказался полностью раздет и возлежал (иначе и не скажешь!) на обширном и мягком ложе. От шеи и запястий тянулись полупрозрачные магические нити, ограничивающие движения ценного пленника. Нечто подобное некогда надел на него Эдмир, когда держал в Старой крепости.

Приподнявшись на локтях, Рэниари огляделся. Кровать была большой, квадратной и без балдахина. От него осталась лишь массивная рама и четыре витых столбика по углам ложа. Зачем убрали сам балдахин, Рэни так и не понял, но его не было.

Неподалеку стоял небольшой столик из черного дерева на прихотливо изогнутой ножке. Возле него два кресла. Вдалеке виднелся высоченный мраморный камин. Его зев был прикрыт алебастровым экраном. И все… если не обращать внимания на плавающие прямо в воздухе неяркие магические лампы, ровным светом озарявшие просторное, полупустое помещение.

— Наконец-то я смогу насладиться тобой, мой драгоценный, — раздался со спины низкий голос Фейринеля, и молодой король невольно дернулся, запрокидывая голову назад.

Князь… полностью обнаженный… стоял у изголовья постели, глядя жадно… неотрывно.

Заметив, что пленнику трудно на него смотреть, не выворачивая шею, Эккуар неторопливо обошел ложе и встал как раз перед глазами юноши. И Рэниари невольно уставился на весьма

выдающуюся деталь княжеского тела… стоявшую колом, блестящим от масла.

— А я было решил, что в меня УЖЕ засунули кокон и трахнули, — довольно грубо отозвался Рэниари, и не думая смущаться. С самого начала было ясно, для чего его похитили. Вот только мириться со своей новой судьбой он не собирался. Хотя было страшно — неужели в нем действительно уже живет новый ребенок?

Молодой человек невольно прислушался к себе… вроде бы все без изменений.

— Как вульгарно, — понимающе усмехнулся Фейриннль, вальяжно развалившись на постели, правда, подальше от возможного удара длинных и красивых ног пленника. Глаза князя были неестественно расширены, дыхание прерывалось и частило, высокий лоб обметало бисеринками пота. Видно было, что мужчина едва справляется с собственным возбуждением. — Сожалею, милый, но с коконом придется потерпеть — мои маги в один голос твердят, что сейчас его в тебя засунуть смерти подобно. Разлюбезный Эдмир слишком щедро пил из источника Искры. И как только ты на ногах еще держишься? Во всяком случае, новую беременность ты явно не переживешь. Поправься сначала.

— Ну, надо же! Какая забота! — Не смог удержаться язва Рэниари, измеряя взглядом расстояние до мускулистого бедра князя.

Впечатать бы пяткой, но по всему выходило, что не достанет…

— Конечно, — серьезно согласился Эккуар. — Ты мне нужен живым и здоровым. А мне нужна твоя сила. И я собираюсь ее получить… Немедленно!

Рэниари упустил миг, когда тело мужчины распрямилось словно тугая пружина и накрыло его, придавив к постели.

— Вот так-то, миииилый!.. — издевательски прошептал Эккуар, упираясь влажным стояком в бедро пленника. — Поиграем?!

Лишь миг молодой король лежал опешив. А затем принялся бешено сопротивляться.

- ******! Да Эдмир сотрет с лица земли твое ******* княжество! — Прорычал он, даже не пытаясь сдерживаться. Да только за сына, оставленного в Меайре в одиночестве, можно было порвать на тряпочки эту самодовольную сволочь! — Ты ********! Помешал мне защитить моего ребенка!..

— Да жив твой пащенок! — Пропыхтел Фейринель, пытаясь удержать выворачивающегося из его захвата пленника. — А Эдмир пусть сначала узнает, где ты находишься! Теперь, надеюсь, ты заткнешься и дашь себя трахнуть?!..

Если руки и плечи еще можно было зафиксировать, то ноги перехватить оказалось невозможным. Рэниари пинался и лягался, не давая себя взять. И Эккуар мимолетно пожалел, что не послушал своего мага, предлагавшего полностью закрепить в магических путах спящего юношу. Но уж больно не хотелось князю лишать красивые ноги пленника подвижности. Они чудо бы как смотрелись, обнимая его смуглые бедра!

И вот теперь, получив крепко по многострадальному бедру, владыка зарычал, с трудом переворачивая строптивца на живот и сильно… едва не до хруста!.. придавливая его поясницу одной рукой. Так пинаться было затруднительно, но Рэни все равно умудрялся это делать. И Фейринель едва не взвыл! Он и так едва себя контролировал, а эта постельная борьба

mir-knigi.org

окончательно заставила князя потерять голову. Наклонившись вперед, он с силой ввоткнул в Рэниари сразу два пальца, преодолевая тугое сопротивление неразработанной плоти.

И Рэни, широко распахнув ошеломленные глаза, едва не сорвался на крик, пронзенный резкой болью в деликатном месте. Эдмир никогда не брал его так грубо! Даже в самом начале их знакомства принуждая к близости, старший супруг делал это очень осторожно… нежно. И теперь ощутить контраст между мужем и насильником оказалось пытке подобно!

А Фейринель шуровал в его заднице, пытаясь протолкнуть уже три пальца…

Бешено выворачиваясь, Рэни тем не менее прекрасно понимал, что насилие неизбежно. Что раз уж он оказался в такой позиции, то стоит хотя бы лечь и расслабиться… и, пусть и не получить удовольствие, но хотя бы облегчить неприятные ощущения.

И ничего не мог с собой поделать.

Поруганная гордость заставляла юношу яростно изгибаться под своим насильником, пока горячая и твердая плоть князя проталкивалась в его тело. А Фейринель уже ничего не осознавал. Весь его мир сузился вокруг собственного члена, вокруг которого пульсирующе сжимался восхитительно тугой жар! И князь толкался в тело пленника яростно, быстро… рывками!.. причиняя этим боль и ему и себе. Пока вдруг в Рэни что-то словно бы не порвалось, и Эккуар с рыком не проник в него до конца. Пронзительный крик пленника стал музыкой для опьяненного хлынувшей силой князя.

Что было дальше, Фейринель не помнил…

…Очнулся князь, когда в окнах роскошной тюрьмы окончательно погас последний блик солнца, и магические светильники разгорелись еще сильнее с приходом темноты.

Он лежал на боку, прижимая к себе ни на что не реагирующего Рэниари. Юноша был без сознания, и смуглая рука лорда по-хозяйски обнимала его поперек груди, лежа как раз поверх твердых сосков.

Приподнявшись, Эккуар как можно аккуратнее выскользнул из тела пленника, отметив пятна крови на его бедрах. Но в целом повреждения оказались не столь велики, как он было испугался. По настоящему расстроило мужчину другое — судя по всему, Рэниари так и не кончил под ним. А ведь Фейринель хорошо помнил, как его пальцы скользили по характерному бугорку внутри юноши. Да и членом он бил в нужном направлении.

Упрямая Искра его не желала!..

Встав с постели и пошатываясь, мужчина, потащился к скрытой магией двери. Тело было сытым и переполненным силой, и не желало двигаться. Лишь упражнения по самоконтролю, которые ему преподавали с самой юности, позволили Эккуару не опьянеть окончательно.

Сарол Эзд Ралод со своими целителями оказался там же, где ему и приказали ждать.

— Осмотрите его, — устало распорядился князь, придерживаясь за притолоку. Ему было абсолютно наплевать на обнаженный вид и свой все еще стоявшим колом окровавленный член.

Молчаливые маги неприметными мышами порскнули в залу.

— Государь, — взгляд Эзд Ралод упорно не спускался ниже линии темных сосков владыки. —

Прошу вас быть осторожнее… если вы не хотите раньше времени потерять Искру.

— Я не сдержался, — раздосадовано буркнул Фейринель, вновь поворачиваясь к кровати. — Его борьба завела меня не на шутку…

— Мы же предполагали подобное, — осторожно ответил маг. — Именно поэтому я и предложил вам использовать зелье.

— Но я не думал, что он будет ТАК сопротивляться! — Невольно вскричал князь, машинально потирая все-таки ушибленное бедро — синяк там расцветал просто великолепный. Чуть выше — и о детях можно было бы забыть до полного магического исцеления. — Не хочу использовать зелье… не хочу брать одурманенную куклу… А сопротивление… подумаешь, сопротивление! Младшим и положено рыдать и ломаться, и подчиняться более сильному старшему. Но не сражаться подобно дикому зверенышу! Такого я не ожидал. Но все равно не желаю его опаивать!

— Желаете и дальше его насиловать? — Упрямо возразил маг, наблюдая, как его подчиненные наполняют выемку в полу магической субстанцией, куда осторожно помещают все еще бессознательного пленника. — Я бы рекомендовал и вам, господин, тоже принять магическую ванну. Это поможет стабилизировать полученную от Искры силу.

Нетерпеливо рыкнув, Фейринель одним прыжком очутился рядом с Рэни, чувствуя, как прохладные воды омывают его тело, на время притушив даже дикое желание, что раздирало княжеские чресла. Осторожно обняв бессознательного юношу, мужчина положил подбородок на его макушку и едва не замурлыкал от наслаждения, ощущая, как вновь становится цельным… наполненным светом и силой…

Знаменитый магнетизм Искры…

Рэниари приходил в себя очень медленно и неохотно.

На удивление, тело не болело, а было легким и ленивым.

И очень слабым. Таким слабым, что даже ресницы с трудом приподнимались, а уж головой пошевелить…

И притом телу было тепло и уютно в чужих объятиях.

Как ни странно, но молодой человек хорошо помнил, что с ним произошло. Вот только все случившееся почему-то не вызывало никаких эмоций, кроме острого сожаления.

Вот уж, действительно — все познается в сравнении!

Пока он был с Эдмиром, то даже не задумывался, на какой пьедестал возвел его муж. Он капризничал, дулся на супруга за его давние поступки, не желая замечать, что Эда едва не сломала та годовалой давности ошибка. Отказывался замечать, как муж меняется ради него, пытаясь всеми силами искупить причиненную некогда боль. Упивался своей несгибаемой, по-детски злой гордостью, не желая признавать собственные чувства к обидевшему его мужчине.

…И только сейчас понял, что могло быть много хуже, если бы Эдмир не любил, а только использовал его силу Искры.

mir-knigi.org

Эд, где же ты?

Спаси меня…

— Ты станешь моим наложником, — прошептал Эккуар ему на ухо, медленно лаская грудь Рэниари… теребя соски в надежде добиться хоть какого-то ответа на свои действия. Но юноше было безразлично то, что с ним сейчас делали: общая слабость сводила на нет все усилия по его возбуждению. Впрочем, у князя все равно ничего бы не вышло.

Усмехнувшись в душе, юноша припомнил, что так и не кончил к вящей досаде своего тюремщика.

— А ведь мог быть мужем… — ностальгически вздохнул князь, мягко поглаживая молодого человека по рукам, но почему-то не спускаясь ниже. — Впрочем, мне безразличен супружеский союз. В нашем роду браки почти и не заключали. Частенько верховный лорд выбирал среди своих бастардов самого достойного и признавал наследником. Так, например, поступил мой дед. А вот тебе я намеревался предложить полноценный союз. Жаль, что не получилось. — Фейринель с упоением вдохнул свежий запах Искры. Его вновь заметно повело.

— Не дергайся! — Предупредил он Рэни сдавленным голосом. — Я едва сдерживаюсь, чтобы не завалить тебя по новой! Но пока рано… еще одного оргазма ты не выдержишь… хотя я и постарался бы на сей раз сдержаться. Твоя сила мне нужна… Так что остается говорить, чтобы хоть как-то отвлечься… ты такой желанный, Рэни… мальчик!.. Ах, да! О чем это я?.. Знаешь, откуда возник этот обычай с бастардами? Что, вообще, ты знаешь о нашей истории? Скорее всего общеизвестные факты. Когда-то была великая империя, прозванная Золотой. И в мире жили эльфы, и было целое море магии… Золотой век, по которому все так вздыхают. А знаешь, откуда была магия? Ее творили Императоры древности. Великие Хранители, самими богами поставленные править нашим миром. Через них текла сила… потоки силы!.. Целый океан! Да, ты правильно дернулся! Правители древности все как один были Искрами! И они правили миром. Древний род, позабытым осколком которого являешься ты. И эта башня, в которой ты находишься, некогда была прибежищем последней императрицы великой империи. Как, впрочем, и весь Фейринель. Когда-то это было потаенное поместье, созданное для неги и любви… огражденное горами и морскими рифами, чтобы никто не нарушил уединение хозяев. Прекрасный сад… чудесный дворец… куда я хотел привести тебя полноправным мужем, а привел пленником!

На миг замолчав, Эккуар принялся невесомо целовать расслабленную шею молчаливого невольника. Рэни не сопротивлялся: сил не было, да и сама история захватила.

— Нет… надо остановиться… — невнятно вымолвил князь, с трудом прерывая свое занятие. — Слушай дальше… Однажды императорский род постигло несчастье. Из-за грани в наш мир прорвалась некая сущность. Что уж это была за тварь, я не знаю. Но сразив ее, погибли Император со своим супругом, оставив эльфам двух малолетних детей-Искр. Старшего мальчика и младшую девочку. И пока наследники писали в пеленки, миром правил Регентский Совет. Может, правили они хорошо — не знаю. Но когда юные принц и принцесса подросли, великомудрым эльфам не захотелось отдавать власть, к которой они приохотились. А время шло, и вскоре от власти нужно было отказываться в пользу выросших наследников. Именно что наследников. Видишь ли, на трон всходила та Искра, что первой находила свою истинную пару… пару в любви. Лишь воссоединившись со своей половинкой, Искра становилась проводником магии и питала наш мир. Именно потому-то правили только Искры. А вот их любимые могли быть выходцами из самых разных слоев общества. И являлись консортами. Могущественными консортами, ибо близость с влюбленной в своего избранника Искрой дарила

им запредельное могущество, которое и не снилось твоему Эдмиру, что просто трахал тебя да пил излишки силы! Кстати, детей всегда вынашивали только императоры. Ибо только в любви могли загореться новые Искры. Это правило было непреложным. Если Искру брали силой, без любви, то рождался маг, но никогда новая Искра.

— Лорды-Регенты хорошо знали это правило, — тихонько вздохнув, продолжал рассказ Эккуар, поудобнее перекладывая в своих объятиях безвольное тело Рэни и заглядывая в морскую зелень внимательных глаз. — Но смириться с тем, что кто-то из драгоценных наследников полюбит не их самих или их детей, а какого-нибудь… рыбака!.. было выше сил этих гордецов. И тогда они решили, что сами выберут из своей среды тех, кто сможет претендовать на сердца наследников и, соответственно на власть в Империи. И разгорелась нешуточная борьба! Эльфийские лорды сражались друг с дружкой, постепенно погружая мир в хаос. Юные же наследники ничего не могли поделать. Пока они не обрели свои половинки, они не обладали и властью… и во всем подчинялись Совету. Это было законом… И они бессильно смотрели, как удаляют прочь, а то и убивают неугодных советниками эльфов, из-за опасения, что в прежнем окружении найдутся избранники юных Искр. Так был убит тот, кого полюбил принц. Убит, ибо принадлежал к слишком незначительному клану, не способному отстоять право на власть. А сам принц попал в руки его убийцам. И тогда принцесса бежала с Центрального материка… бежала в дикую глушь, бросив блистательную столицу… как все считали. На самом деле девушка спасала свою любовь, на примере брата убедившись, что ждет ее любимого, который был простым человеком… даже не эльфом… Она укрылась в Фейринеле… на самом краю нашего Северного материка, практически не заселенного в те времена. Кому нужны были эти суровые леса, горы и равнины, если на другой стороне мира лежали роскошные земли, в которых никогда не заканчивалось лето!

Не удержавшись, князь сладострастно провел пальцами по лицу юноши, лаская высокие скулы Рэниари. И, наклонившись, самым кончиком языка очертил идеальный изгиб искусанных губ… надавливая… проникая в рот пленника и поглаживая его небо…

— Ох!.. — затуманенным взором Фейринель посмотрел на своего пленника. И Рэниари с проснувшейся злостью подумал, что, кажется, время очередного помешательства его тюремщика все ближе!

— Словом… принцесса наслаждалась жизнью с любимым человеком, окруженная преданными слугами тоже из числа смертных, — с трудом сфокусировав взгляд, продолжил Фейринель, все сильнее сжимая Искру в объятиях. Юноша хорошо чувствовал полуэрегированный член князя, что с каждым мигом наливался все больше и больше. — А за океаном шла драка за ее оставшегося брата. Новый император все-таки был принудительно связан браком с главой самого сильного клана, что прорвался во власть. Юношу заперли в его покоях, а страной правил его муж. Но у императорского рода еще хватало сторонников… да и недовольных немало нашлось… и разразилась война. Что уж там случилось, никто теперь не знает. Но огромный материк… благословенная земля!.. в один страшный миг ушел под воду. Катастрофа была воистину ужасающей! Ты это наверняка читал воспоминания выживших. Эльфам пришлось бежать, бросив все сотворенное за тысячелетия расцвета. И… самое главное!.. они все-таки потеряли своего драгоценного императора. И тогда вспомнили о его пропавшей сестре.

Пошевелившись, Рэниари медленно выпутался из навязчивых объятий князя и сел, опираясь на сбитые подушки. К его вялому удивлению, Фейринель его выпустил, правда, не отодвинулся.

— Они нашли ее на этой земле, — неотрывно глядя на губы юноши, продолжил Эккуар. — Нашли… И повторилась трагедия с ее братом. Выживших не устроила связь столь знатной

эльфийки с презренным смертным. Человек был убит, а сама она захвачена в плен. Верные слуги каким-то чудом сумели спасти их маленького сына, спрятав его среди смертных. А вот самих эльфов жизнь ничему не научила! Главарь тех, кто высадился на этой земле, силой женился на последней императрице, заперев ее в башне… в этих самых покоях, где мы с тобой сейчас находимся. Он сошел с ума, насилуя супругу… потерял разум от ее силы, не предназначенной для него…

— Как сходишь теперь с ума ты, — тихим и хриплым голосом перебил Фейринеля молодой человек. — Ничего не напоминает эта история?!..

Губы Эккуара раздвинулись в медленной, шальной улыбке.

— Нет, мой драгоценный, — промурлыкал он, обеими руками оглаживая плечи юноши и часто дыша. Его зрачки расширялись все больше. — Со мной такого не произойдет. Видишь ли, я искал тебя очень долго… с самого детства мечтал найти Искру. И меня тренировали принимать твою силу.

— То-то и видать, как ты тренировался, — устало отпарировал Рэниари, брезгливо сбрасывая чужие руки со своих плеч.

— Я не справился с потоком, — признался князь. — Но теперь все будет иначе. Не желаешь дослушать? Или займемся другим… приятным?

— Иди сам с собой займись, — огрызнулся Рэниари: слабость слишком медленно уходила из его тела, чтобы думать о полноценном сопротивлении. Но все равно — сдаваться просто так он не собирался.

— Ну-ну, — с каким-то даже одобрением хмыкнул князь. — Ладно… отдохни еще, а я пока закончу рассказ… Словом… однажды несчастная эльфийка, тоскуя по убитому возлюбленному и потерянному ребенку, покончила с собой, хотя за ней хорошо следили. Ее самозваный супруг не сумел перебороть пагубную зависимость от «жены» и тоже ушел за грань. Его старший сын, оставшись на руках с новорожденным сводным братом от последней номинальной владычицы эльфов, сам чуть не чокнулся, разыскивая новую Искру, так как его брат родился сильным магом, но никак не Искрой. Было известно, что первый ребенок императрицы от любимого человека где-то скрыт. Но вот где… эльфы так и не узнали. Вот тут-то до всех и дошел ужас положения! Искр больше не было, и магия начала умирать. Ох, как же все эльфы забегали! Первое, что они сделали — это вырезали весь клан насильника за исключением ребенка последней императрицы… в надежде, что он сумеет породить новых Искр. Но ничего не вышло. Кстати, если тебе интересно — именно правнучку того ребенка-мага и захватил пять веков назад предок твоего Эдмира, когда основывал свое королевство. Именно она стала первой королевой Хилдона и родоначальницей рода Келлиадиров. Именно потому в королевском семействе время от времени рождаются столь сильные маги как Итарон. Но это уже к делу не относится…

— А что относится? — Тихо уточнил Рэни, полуприкрыв глаза. Фейринель придвинулся еще ближе, но ни сил, ни возможностей избежать его домогательств у юноши не было.

— То, что у меня есть шанс, — с придыханием шепнул князь. — Ты так и не родил новую Искру. И не впустил в мир магию. А значит — так и не полюбил своего мужа…

«Не правильный вывод, — с дикой тоской и злостью на самого себя подумал Рэниари. — Просто не смог простить до конца…»

— Странный способ добиваться любви, — буркнул он, собираясь с силами для новой схватки.

— Ничуть, — живо возразил Фейринель. — Видишь ли… мой край гибнет. Созданный искусственно, он медленно, но неотвратимо уходит под воду. И нам, его жителям, некуда уходить. Вся земля за пределами княжества уже поделена. Никому там не нужны независимые беглецы, сколь богатыми они бы ни были.

Вот это известие заставило Рэниари широко распахнуть глаза. Он даже не подозревал, что Фейринель гибнет. А ведь и верно — иначе бы фейринельцы не строили свою бесконечную дамбу, огораживаясь от наступающего океана. Даже их единственный порт располагался на внешней стороне дамбы.

Ну и ну!

— Ты понял, — произнес князь, отследив эмоции на лице пленника. — Нам осталось или уходить… бежать с этой земли! Или надежда на чудо! И я бредил этим чудом с самого детства. Так бредил, что сумел не только отыскать, но и прочесть дневник плененной императрицы! Если желаешь, я тебе его потом покажу. Сам почитаешь… правда, написан он на архаичном языке. Но, уверен, ты им хоть немного, но владеешь. Все равно больше в этой башне заняться тебе будет нечем… кроме постели. Я не выпущу тебя, Рэни. Никогда не выпущу! Ты нужен мне и моей земле. Если бы ты знал, как я тебя искал… как надеялся найти первым. И как я ненавижу Эдмира, посмевшего перебежать мне дорогу! А ведь именно я вычислил, куда могли скрыть первого ребенка императрицы. Верные слуги спрятали его здесь же, на побережье. И надо же было так случиться, что твой отец влюбился с девушку из рода Золотых императоров! Хотя… может, и ты когда-нибудь меня полюбишь. И тогда в мире вновь вспыхнет Искра! А теперь, как я вижу, ты уже отдохнул. Так что займемся кое-чем поинтереснее разговоров!

И попытался схватить Рэни за руки.

— Жаль, что сейчас я не могу использовать кокон!.. — разозлено прорычал князь, когда юноша смазано, но сильно приласкал его кулаком по красивому лицу. Буквально прыгнув вперед, Эккуар прижал строптивого пленника к постели. — Почему ты все еще сопротивляешься?! Все равно я тебя возьму! Не принуждай причинять тебе боль!

— Никогда… Не… Буду… Прогибаться!.. — просипел придавленный более тяжелым князем Рэниари. — ПОШЕЛ ТЫ!!

— Так не годится. — Внезапно Фейринель отпустил своего пленника. И от неожиданности Рэниари провалился в собственный удар. — Сарол, ты мне нужен!

Юноша не успел сообразить, как его руки и шею мягко, но неотвратимо прижало к постели.

— Давай свое зелье!

И как Рэниари ни сопротивлялся — в рот ему все же полилось что-то тягучее словно сироп, в чьем вкусе смешалось столько оттенков, что просто голова шла кругом. И приторная сладость, и нотки горечи, и обжигающий лед, смешанный с огнем.

— Так-то будет лучше… — еще успел услышать он, стремительно уплывая в иллюзорную глубину.

…Легконогая Эрли, едва касаясь крутых ступенек лестницы, летела ему навстречу. Глаза

девушки сияли от счастья.

Яркая, любящая, красивая словно богиня!..

Рассмеявшись, Диорин подхватил возлюбленную на руки. И закружил в вихре взметнувшихся шелковых юбок.

— Эрли!.. Эрли… ты пришла… — с упоением шептал молодой маг, суматошно целуя раскрасневшуюся девушку. Та, уткнувшись хорошеньким носиком куда-то в ухо молодого человека, тихо смеялась. И ее тяжелая, часто вздымавшаяся от быстрого бега грудь жарко прижималась к плечу мужчины.

— Конечно, пришла… — девушка нежно гладила любимого по широким плечам. — Нет! Даже сбежала! Сбежала к тебе.

— О чем ты? — Диорин с тревогой заглянул ей в лицо. Молодому магу до сих пор не верилось, что именно ему выпало такое счастье. И ведь ни разу не было меж ними телесной близости. Воспитанная в излишней строгости, Эрли берегла себя для будущего мужа. И это постоянство умиляло мага едва не до слез, хотя ему всегда хотелось большего. Но так даже лучше — во всяком случае, он сможет положиться на будущую супругу в плане верности.

— Ты говорила с отцом? — Нетерпеливо выдохнул он, прервав страстный поцелуй. Эрлесса тяжело вздохнула, медленно разгладив складочку на его камзоле. И, прижимаясь всем телом к напряженному мужчине, соскользнула на землю, наплевав на задравшиеся едва не до пояса юбки.

— Говорила… — призналась грустно. — Но он против моего брака с хилдонцем…

— Тогда… — черное отчаяние затопило влюбленного юношу.

— Тогда я собрала самое необходимое и просто сбежала, — тихо, но решительно ответила девушка, пряча блестящие от слез глаз. — Отныне я не наследница графского рода! Я просто Эрли… твоя Эрли! И я пришла к тебе. Возьмешь? — Видя, как маг медлит, она пошатнулась от разочарования. — Ты… ты любил знатную графиню?! Не меня! И теперь тебе не нужна нищая беглянка?!..

Но молодой человек притянул расплакавшуюся девушку обратно в свои объятия.

— Боги, о какой глупости ты говоришь! — Повысил он голос. — Да плевать мне на твой титул! Это я боялся, что ты не посмотришь в мою сторону. А вот ты… ты мне любая нужна! И пусть я не богат, но ты никогда не узнаешь нужды! Так что прими мою душу и сердце. Я так тебя люблю!

— Ты действительно любишь меня! — Восторженно прижалась Эрли к молодому человеку. — Милый… хороший мой! Как же я тебя люблю! Но тогда нам нужно срочно заключить союз, а то мой отец вправе забрать меня обратно. Он уже ведет переговоры о моем браке с одним из наших вельмож.

— Тогда бежим в храм! — Тут же подорвался Диорин: он едва не сошел с ума от радости, получив доказательства любви Эрли. А иначе не стала бы столь знатная и богатая девица бросать все ради столь неперспективного мага, как он.

Но девушка притормозила его, схватив за руку.

— Постой! — Она обняла любимого, тут же положив голову ему на плечо. — Жрецы как обычно будут тянуть время. А нам нужно торопиться.

— И что же делать? — Растерялся Диорин.

Девушка смущенно улыбнулась, ластясь к нему словно котенок.

— Будет лучше, если твой учитель свяжет брак магически. Против Верховного мага Хилдона мой отец ничего не сможет поделать.

— Но лорда Ламитела сейчас нет во дворце… — растерялся маг. Но Эрлесса вдруг весело хихикнула.

— А мы его подождем, — она просительно заглянула в лицо молодому человеку. — Я так хочу увидеть лабораторию великого мага! Ну, Диори! Ты ведь мне ее покажешь?

И Диорин не устоял перед светом просящих глаз.

— …Хочу тебя!.. — горячечно, словно в бреду, шептал он, покрывая поцелуями открытую часть груди своей красавицы. Усадив ее на стол в святая святых — в лаборатории своего учителя — молодой маг как будто одурел от близости желанного тела. Проникнуть в закрытую часть дворца ему, имеющему все магические слепки ключей, было легче легкого. Да и что такого в невинном желании неискушенной девушки посмотреть на волшебные приборы? Лорд Итарон всегда относился к нему как к сыну. И старый учитель только порадуется за нашедшего свое счастье ученика.

Неприкрытый восторг юной красавицы пролился бальзамом на влюбленное сердце молодого мага. А его присутствие помешало Эрли случайно влезть в магические ловушки лаборатории. А уж понимание того, что они нарушают сразу кучу всевозможных запретов, и вовсе подействовало на молодых людей подобно афродизиаку.

И вот теперь, сминая ладонями тонкий шелк юбок, Диорин обнажал все больше и больше желанного тела, спеша насладиться им по полной. — Эрли! Моя Эрли!.. Ну, давай… мы же все равно женимся… Позволь мне…

— Дааа! Да, любимый! Возьми меня… — томно выгибалась в нетерпеливых руках мага Эрлесса, обвивая длинными ногами его бедра и потираясь о внушительный бугор в штанах Диорина. Это оказалось так сладко, что Тимиар застонал, уткнувшись лицом в пышные полушария своей прелестной совратительницы.

Его пальцы торопливо проникли под нижнее белье девушки, с трепетом погружаясь в ее лоно. Страсть кружила голову почище крепкого вина. И Диорин, обуреваемый сразу множеством противоречивых чувств, даже не понял, что такое странное легким холодком вошло ему в затылок, мгновенно погрузив в темноту…

…Отпихнув от себя обмякшее и вмиг потяжелевшее тело, графиня дио Гарт соскочила со стола и брезгливо отряхнула смятые юбки. Проклятие! Между ног все-таки стало влажно от ласк этого похотливого идиота. Все время знакомства ей удавалось удерживать мальчишку на расстоянии, но именно сейчас не было лучшего способа отвлечь мага от ее действий. Не то, чтобы она не смогла бы с ним переспать… да запросто! И ее возлюбленный Анарэс никогда бы не упрекнул ее за неверность. Раз это требуется для дела, то пожалуйста. Но так полуэльфийке было проще поддерживать интерес к ней Диорина. А то, что этот дурак в нее влюбился… так

именно это и задумывалось.

И все-таки легкая неудовлетворенность между ног осталась, тревожа и раздражая.

Яростно фыркнув, графиня наклонилась над упавшим магом и внимательно осмотрела спицу из магически сработанного металла, под определенным углом вошедшую в затылок мужчины. Эта внешне изящная и женская безделушка по своей сути являлась мощнейшим амулетом, питающимся за счет силы жертвы. Так что, не смотря на то, что торчала спица из затылочной ямки Диорина, сам маг был еще жив… только принудительно отрезан от всех чувств и собственной невеликой силы.

А дальше женщина с ножом в руке с величайшим тщанием воспроизвела те действий, которым ее обучили маги Мисирана.

И порталом исчезла из лаборатории, оставив на полу живой полутруп, превращенный в энергетический накопитель для смертельной магической ловушки…

…В маленькой дворцовой часовенке взахлеб плакала ее высочество Исса Келлиадир.

Девушка рыдала, забыв, что в любой миг в часовню может кто-то войти и застать ее в столь неприглядном виде.

Принцессе было на все наплевать.

Рэниари исчез.

Эдмир далеко…

Эстель на грани жизни и смерти…

И осталась она одна с крошечным ребенком на руках.

Впервые одна…

Исса была слишком мала, когда во время заговора погибли прежний король с супругой. Тогда старший брат со своим личным магом заменили ей родителей. И теперь с трудом, но пережив смерть Сорондо, принцесса все-таки сорвалась, когда с дымом погребального костра ушла к предкам Лаурэ.

Да еще и Эльмаран пропал.

Просто уехал, передав невразумительную записку, что должен исчезнуть по делам семьи. Такое и раньше случалось, но в свете последних событий ударило особенно больно. Только сейчас Исса поняла, что прежде никогда по настоящему и не была одна: всегда в семье, всегда окруженная любящей родней… рядом с любимым. Но теперь, потеряв часть близких, девушка твердо решила, что не желает терять и своего единственного мужчину. А это неизбежно произойдет, если она так и останется в статусе принцессы.

— Ну, уж нет! — Решила она, порывисто вытирая шарфом зареванное словно у деревенской девчонки лицо. — Не бывать этому! И если ради того, чтобы быть рядом с Элем надо отказаться от титула… то я откажусь. Но не потеряю того, кого люблю всей душой!

mir-knigi.org

…Вернувшийся с очередного Совета Итарон долго сидел в кабинете покойного брата.

Просто сидел…

После споров и откровенной истерики Лордов-советников старому магу уже ничего не хотелось, но нужно было идти разбираться в очередных донесениях. Самое страшное, что по-настоящему угнетало старого мага — была невозможность отыскать Рэниари. Юноша как сквозь землю провалился!

Тяжело вздохнув, Верховный маг надел привычную всем маску спокойного величия и направился в свою лабораторию, раздумывая по пути, где носит его секретаря Диорина. Тот еще утром отпросился, собираясь с кем-то встретиться… как подозревал Итарон — с девушкой… и до сих пор не вернулся.

Отдав необходимые распоряжения сменным секретарям, старый маг открыл дверь в лабораторию и шагнул за порог.

…Ловушка, созданная злыми гениями Мисирана, развернулась со скоростью напавшей змеи.

Стремительно, хлестко и неотвратимо.

Используя тело несчастного юноши как силовой накопитель, магическая гадость слепо атаковало первого, кто преступил порог комнаты. А так как внутрь мог зайти только хозяин, то и ожидалось, что пострадает именно он.

Пострадает до смерти.

И никто из врагов (и прежде всего сама Эрлесса!) не ожидали, что преданный ею мальчик, не являясь сильным магом, был тем не менее прекрасным теоретиком. И, брошенный в темноту собственного Я… запертый в собственном сознании… Диорин сумел чуть-чуть… совсем немного сбить начальные настройки ловушки.

Прежде, чем начавшая действовать магия окончательно уничтожила его тело.

И это в свою очередь позволило Итарону не умереть, попав под внезапный удар в самом сердце личной защиты.

Всего лишь впасть в кому…

Глава 8

Леди дио Гарт стояла на балконе купленного через подставных лиц дома. Особняк располагался на самой окраине Меайры посреди недавно возникшего квартала маленьких поместий. Городская стена виднелась неподалеку. Место было тихим и спокойным. Здесь в аккуратных особнячках со своими земельными участками предпочитали селиться люди среднего достатка, служилое дворянство и младшие чиновники двора. Все-таки Хилдон был ОЧЕНЬ богатым королевством — в Мисиране такое поместье, да еще в черте города, было бы показателем высокого статуса владельца, а здесь — всего лишь признаком обеспеченности.

Поджав губы, Эрлесса со злорадством посмотрела на видневшийся вдалеке королевский дворец. Недолго вам наслаждаться покоем!..

— Леди, — тихий голос мага, склонившегося за спиной рыжеволосой красавицы, вырвал ее из

грез, вернув на грешную землю. — Все готово.

— Начинайте! — Приказала графиня. Шуршание ткани за спиной показало, что маг удалился. Самой же Эрлессе не нужно было спускаться в подвал, чтобы ЗНАТЬ, что там происходит.

Полгода лжи, унижений и притворства. Полгода она изображала из себя красивую дуру, подбираясь к Итарону и руководя своими Призраками. К сожалению, Эрлессе уже стало известно, что Верховный маг всего лишь в коме. А, значит, вполне может очнуться. Конечно, лучше бы позже, чем раньше. Жаль, что старика не удалось убить, но и просто вывести из строя столь сильного мага тоже немало.

Полгода кропотливой работы. Когда они размещали в стратегических точках столицы не активированные артефакты… полгода копошения под самым носом хилдонских магов… слишком надменных, презирающих муравьиную суету слабеньких мисиранских коллег.

Но сила есть сила. И как ее получать — безразлично! Главное — результат. И выстроенная с помощью артефактов гигантская пентаграмма… пока что спящая… накрыла большую часть Меайры. Хотелось бы всю, но… мечтать не вредно! К сожалению, полная изоляция огромной столицы от внешнего воздействия, потребует массы времени и артефактов. Но и так хорошо — захватили основные позиции. И сейчас в подвале мисиранские маги вливали в активные точки просто бездну силы, банально перерезая глотки многочисленным жертвам и направляя жизненную энергию в силовые линии. Вот тоже была морока — собрать по городу все это быдло, чтобы никто не заметил пропажи будущих жертв…

— Открыть порталы! — Приказала Эрлесса, вцепившись руками в резные перила балкона. На ее глазах огромная астральная сетка накрыла центральную часть города, разом лишая вражеских магов способности к сопротивлению! Жаль, что королевский дворец можно лишь изолировать, а не захватить с налету — слишком большая там концентрация итаронских выкормышей! Самого Верховного мага удалось временно устранить, но его ученики тоже не сапогом кашу едят.

— Да, мой Анэ, — красивые губы полуэльфийки изогнулись в печальной улыбке. — Жизнь положу, но выполню все твои задумки, милый! Ты будешь жить долго, любимый… даже если ради твоего счастья мне придется тебя потерять! Проклятая Искра!..

Эрлесса знала, что любовник сам от нее откажется, лишь раз испробовав силы младшего короля Хилдона. Знала, что даже если и будет после смерти Искры согревать постель молочного брата, то навсегда останется лишь заменой.

Знала и все равно намеревалась подарить любимому вожделенную Искру. Что лучше — остаться с возлюбленным и смотреть, как он медленно, но неизбежно стареет? Или потерять Анэраса как любовника, но видеть, как исполняются ВСЕ его мечты? И как он живет долго, переполненный силой… живет счастливо, окруженный столь же могущественными детьми… Эрлесса выбрала второй вариант. Она намеревалась сделать все, чтобы захватить сына Рэниари и его самого, хотя заранее люто ненавидела своего соперника.

— Все будет так, как ты пожелаешь, возлюбленный мой, — прошептала графиня, наблюдая, как Призраки волокут через двор очередную партию «мяса» для жертвоприношения: особняк был накрыт магическим куполом, что не пропускал наружу крики и вопли обреченных для заклания людей. — Я ДАРЮ ТЕБЕ ЭТОТ ГОРОД, ЛЮБИМЫЙ!

…Заранее расположенные в стратегических местах порталы враз активировались, выпуская в

ничего не подозревающую Меайру регулярные войска Мисирана. Сетка взрывов накрыла огромный город, когда сработали артефакты, нацеленные на уничтожение. Первыми пострадали казармы городской стражи. Выстроенные на века каменные здания в единый миг оказались разрушенными слаженной атакой магии и панцирников Анэраса II. Казармам королевской гвардии повезло больше — защищенные магически, они выдержали первое нападение, но вот вторую волну отразили лишь частично.

Не ожидавшие нападения хилдонцы вынуждены были отступать в сторону королевского дворца, куда враги не смогли прорваться с первого раза. В самом же городе стремительно нарастала паника: жители Меайры метались по улицам, куда-то бежали, тащили орущих детей, волокли скарб… Немногочисленные лорды Совета, оставшиеся в столице, не смогли сразу отреагировать на изменившуюся ситуацию… и упустили время.

Но мгновенный захват столицы мисиранцам все-таки не удался — их соседи были весьма воинственным народом. Впрочем, на такой подарок судьбы Эрлесса и командиры Анэраса не рассчитывали, слишком хорошо зная возможности Хилдона. Весь план атаки был рассчитан на внезапность и возникший хаос. И хотя очаги сопротивления вспыхивали то тут то там, затрудняя продвижения вражеской пехоты, они были слишком хаотичными, не имея центрального руководства. Эрлессе, что устроила весь этот ужас, было нужно одно — продержаться до прибытия основной армии Мисирана во главе с Анэрасом II. И потому графиня с приданными ей Призраками искусно сеяла панику, поддерживая в Меайре напряжение и полностью изолируя королевский дворец, в котором находился ребенок Искры.

Сам же Анэрас в это время стремительно вторгся в западные пределы Хилдона. И, связав длительными боями пограничные части хилдонцев, через владения открывшего свои границы и присоединившегося к нему Ваоттиро каскадными порталами поспешил к Меайре, торопясь оказаться в столице, пока его не перехватил Эдмир.

…Жители полузахваченной Меайры сражались отчаянно. Но их сопротивление с самого начала было обречено на провал. Мисиранцы УЖЕ были в черте города, прорвав магические укрепления стен. И общая битва, не успев начаться, распалась на множество единичных схваток, где каждый бился сам за себя. В результате часть города оказалась захваченной. И прибывший в Меайру Анэрас сделал своей ставкой Старый замок на окраине столицы. В королевском же дворце стремительно нарастала паника — защищавшие его гвардейцы и маги растерялись. Верховный маг все еще был без сознания. Послать весть Эдмиру оказалось невозможно — мисиранцы в первую очередь магически блокировали дворец. Младший король похищен. Старший невесть где. Правда, новорожденный принц спасен и в относительной безопасности… Но одна тетка короля убита, другая тяжело ранена. И во главе сопротивления встала принцесса Исса, сумевшая с помощью ветеранов гвардии организовать отпор нападавшим…

«…Эд…мир…»

Голос… такой призрачный, родной, любимый…

Рывком пробудившись, Эдмир сел в кресле. Оказывается, он успел задремать, разбирая трофейные бумаги. Даже до постели не добрался.

Голос Рэниари о чем-то невнятно просил, куда-то звал…

Куда-то на юг. Направление ощущалось очень хорошо, словно стрелка компаса.

Его мужу было плохо… больно… грустно и страшно…

Не выдержав, король вызвал дежурного мага и приказал связаться с дворцом в Меайре. К его удивлению ничего не получилось. Лишь под утро усилиями практически всех магов армии связь установили. И первое, что король увидел в магическом зеркале — было резко постаревшее лицо совершенно седого Итарона. Верховный маг смотрел на племянника глубоко запавшими глазами, скорбно поджав губы. Кожа лица, прежде гладкая и чистая, сейчас пошла неопрятными пергаментными складками в каких-то пигментных пятнах.

— Что у вас еще произошло?! — Не выдержав, сорвался на крик Эдмир. Не дай-то Боги что-то с ребенком. Да, он не любил сына, только терпел, не в силах простить обстоятельств его рождения. Но если со щенком что-то случится, Рэни никогда ему не простит!

— На нас напали… — незнакомо прохрипел лорд Ламител. — Пытались убить и меня, но не преуспели… только силы лишили.

Астральная проекция событий, сброшенная им, заставила Эдмира посереть от бешенства. Вот значит как?! Анэрас заплатит за свое коварство — ведь только-только подписали мирные договора!

— Я немедленно возвращаюсь! — Категорично заявил Эдмир, повелительно кивая прибежавшим Лорану с Айрэ. — Я…

— НЕТ… — голос старого мага напоминал воронье карканье, а вид был — краше на костер кладут! Но властности не убавилось.

— Эдмир, нет! — Закашлявшись, Итарон вытер ладонью струйку крови на подбородке. — Я разобрался, куда могли деть твоего мужа… Это Фейринель…

— Юг… — невольно пробормотал король. — Эккуар!

Итарон угрюмо кивнул.

— Судя по всему, именно он перехватил добычу у мисиранца.

— Я слышал голос Рэни… — заворожено протянул Эдмир, вспоминая свой сон. — Что же делать?!

Все молчали.

— Я возвращаюсь в столицу, — тяжело обронил Эдмир после мучительной паузы. — Там люди, которых я поклялся защищать.

— А Рэни?.. — тихо спросил Айрэ, кутаясь в плащ поверх ночной рубахи. Эд вскинул на кузена совершенно больные глаза.

— Я король!.. — выдохнул он с дикой тоской. — Что значит счастье одного по сравнению с горем тысяч?! Я спасу мужа после того, как разорву очко Анэрасу. Мразь! Он посмел ударить в спину, хотя сам просил о мире!

— Неправильный ответ, — очень спокойно отозвался Лоран, прерывая начавшего было что-то говорить Итарона. — Просто подумай хорошенько! Рэни Искра… и ты прекрасно понимаешь, для ЧЕГО его похитили (Эдмир заскрежетал зубами)… Если Фейринель сумеет наполниться

mir-knigi.org

ворованной силой, ты ничего с ним не сделаешь. И никогда не спасешь мужа, только потеряешь собственную страну и людей, которых желаешь сейчас спасти. Даже расправившись с Анэрасом, ты станешь уязвим перед лицом новой опасности… когда против тебя выступит князь-маг, переполненный дармовой силой. Много ли у тебя осталось личной магии?

— Мизер!.. — прорычал бледный от ненависти Эдмир. — Хватит открыть один портал для армии. Или провести одну полноценную битву.

— Значит, отправляйся к Фейринелю, — подытожил Итарон. Было видно, что старый маг с трудом сидит прямо. — Обещаю, что мы УДЕРЖИМ столицу. Главное, спаси мужа и возвращайся со своей Искрой к нам на помощь.

— Я дам барки, — подорвался с места Лоран. — В Орлином гнезде их много. Лиссаэроу активно торгует с югом… Айрэ, — обернулся князь-герцог к младшему мужу. И тот понятливо кивнул, мигом исчезая из комнаты, чтобы отдать нужные распоряжения.

— Восточный приток Лазурной выведет тебя к Синему озеру. А там и до Фейринеля недалеко, — Лоран торопливо расстилал карты, что по его требованию принес слуга из книжного хранилища замка. — И магию на портал тратить не придется. За Север королевства не беспокойся. Я, Арн-Гит-Доро и эр Корр прикроем тебя здесь. А на Востоке защитит Ассариш-То-Риг. Раз уж он положил глаз на леди Эстель, то из шкуры вывернется… а то я не знаю этого степняка!

— Да… — прохрипел из магического зеркала Итарон. — Это выход, малыш…

Эдмир вздрогнул: так старый учитель не называл его со времен далекого детства. И, глядя в измученное лицо мага, медленно кивнул, принимая свой нелегкий выбор.

— Я сделаю это, — твердо произнес он, расправляя плечи. — Постарайтесь вызвать ополчение из Центральных провинций.

— Не получается, — прервал его Итарон. — Я и до тебя-то едва пробился. И то лишь потому, что использовал кровную связь… Постараюсь послать обычного гонца. А про запад мне известно только, что там идут бои — твои командиры связали врагам руки. И Анэрас не сможет получить подкреплений. Но и того, что он сумел перебросить в Меайру, достаточно для катастрофы, учитывая, что с ним еще и Ваоттиро.

На Эдмира в этот миг было страшно смотреть. Лоран едва не передернул плечами, припомнив милашку Дориана. Вот и аукнулся Хилдону разорванный брачный договор с белокурым красавцем. А до юга не докричаться — слишком далеко. И Баррэт Ворональ не успеет с помощью. А против могущественного Фейринеля у родственника короля просто не хватит сил.

— Эдмир, ты сможешь по пути поднять на помощь Центральные провинции… — начал было Лоран, но король лишь мотнул отрицательно головой.

— Нет! — Эдмир решительно поднялся на ноги. — Если принять во внимание, что восточный мятеж, нападение на Лиссаэроу и похищение моего мужа — звенья одной цепи… то нужно ждать еще и нашествия из княжеств Восходных пустынь. Ассариш-То-Риг в одиночку не справится с этой напастью. А наши восточные земли почти вымерли после недавнего мятежа. Мне придется поднять Центральные провинции на их защиту. Но тогда они вряд ли сумеют послать много людей к Меайре.

И Верховный маг, и Лоран склонили головы, признавая правоту своего правителя. Восток всегда был неспокойным со своими богатыми караванными путями и массой мелких полуразбойных владений, легких на грабеж.

— Я спасу мужа. И мы оба вернемся в Меайру. — Тяжело… едва ли не через силу… проговорил Эдмир. Обычно серые глаза короля превратились в тускло-стальные, обжигающие собеседников холодом. — Выживите до нашего возвращения!

И лорд Ламител Итарон Келлиадир склонился перед незримой силой владыки Хилдона…

…Фейринель проснулся внезапно и тут же резко сел в постели.

Был тот призрачный час, когда все три луны на краткий миг собирались на небесах… посплетничать и разбежаться.

Огромную комнату заливали разноцветные потоки света …золотого, розового, голубого.

И в этом праздничном светопаде, облитый им, сидел на постели Рэниари. Сидел словно ребенок, поджав под себя длинные ноги и вытянувшись навстречу безмолвной музыке сфер, лившейся из далеких окон.

Белоснежная рубашка, слишком просторная для изящного тела Искры, сползала, обнажив точеное плечо… лицо в обрамлении трогательно коротких золотых прядей запрокинуто… искусанные губы, слегка потерявшие от жадных поцелуев форму, едва уловимо улыбаются. Глаза закрыты… и только стрелки длинных ресниц трепещут.

Взрослый ребенок, лишенный памяти.

Его прекрасный возлюбленный…

— Ты опять не спишь? — Ласково шепнул Эккуар, нежно обнимая драгоценного пленника. И больше всего боясь, что его глаза откроются… пустые… далекие… Но Рэни лишь с коротким вздохом прижался к нему, крепко обнимая и скользя губами по шее князя… что-то ласково забормотал. И Фейринель в который раз беззвучно проклял себя — одурманенный зельем, юноша стал невероятно страстным и покорным. Теперь он уже сам подставлялся, даже напрашивался на ласки. Но князь слишком хорошо знал, что пленник видит вместо него иного человека. Фейринель крал нежность у того, кто в эти мгновения был рядом с Искрой в том, ином, иллюзорном мире!

Вот и сейчас, тихо смеясь и целуясь, Рэниари с нежной властностью толкнул князя на спину, лаская губами и языком пах мужчины. И Эккуар едва не задохнулся — начиная эту авантюру, он был уверен, что сможет противостоять магии Искры. Увы! Он сходил с ума от близости с Рэниари, желая его все больше и больше! И (самое главное!) сходил с ума от ревности… от понимания, что будь юноша при памяти, и он бы с брезгливой ненавистью отшатнулся от чужака, обманом забравшегося в его постель.

Но здесь и сейчас Эккуар не мог оторваться от того, что ему столь щедро предлагали…

Словно против воли руки князя медленно поднялись и сжали голову Рэниари, погружая пальцы в шелковистые волосы, направляя и контролируя. Ах! Никто и никогда не дарил владыке Фейринеля подобного блаженства! Ни один любовник не мог вызвать в его теле и сотой доли того наслаждения, что захлестывало мужчину здесь и сейчас!

Он улетал!.. парил в небесах и когда его ласкали… и когда ласкал он сам, погружаясь в горячее, жаждущее его тело… пил золотой мед чужой страсти…

Эккуар сходил с ума, видя с какой готовностью опоенный Рэниари отдается ему. Сила текла широкой рекой, пропитывая каждую частичку его существа. Но единственным отрицательным моментом было имя того, о ком Рэни мечтал.

Искра звал во сне супруга.

Ему он отдавался всем существом, всей душой. Для него он истекал любовными соками, для него гнулся дугой и принимал чужака до самого основания. И сколько раз Фейринель взапой пил дыхание юноши, так страстно сплетался с его языком в бешеном танце страсти… столько же раз он сгорал потом в костре дикой ревности к тому, у кого сам же и украл это сокровище…

Вымотанный ласками и долгой близостью Эккуар, с трудом переводя сбитое дыхание, вытянувшись, лежал на постели, прижимая к себе столь же расслабленную Искру. Узкая ладошка Рэниари лениво скользила по груди мужчины, то и дело теребя все еще чувствительные соски.

Фейринелю было тепло и лениво. Голова юноши покоилась на его плече, вызывая привычное томление своей невеликой тяжестью. Тело приятно холодил быстро остывающий любовный пот, а в чреслах привычно копился томительный жар, обещая скорое продолжение. И только какие-то странные… покашливающие звуки заставили князя пошевелиться и нехотя приподнять голову.

Рэни все так же нежно улыбался в пустоту, прижимаясь к своему тюремщику.

А по его подбородку обильно текла темная при свете лун кровь…

Как и что было дальше, Фейринель помнил плохо.

Какой-то вихрь, калейдоскоп событий/действий!

Но следующее, что Эккуар осознал — это комната Эзд Ралода, и он сам с закутанным в одеяло Рэниари на руках.

— Я предупреждал вас, господин, — тихо и невыразительно говорил маг, не отрывая взгляда от пола. — Вы и сами читали дневники последней императрицы и ее насильника мужа… Искры быстро сгорают, когда начинают применять отрезающее их от действительности зелье…

— П-плевать!.. — Губы плохо слушались Фейринеля. Он сидел, удерживая в трясущихся руках все такого же отрешенного Рэни. Слабого, бледного и безучастного. Слава богам, хотя бы кровь удалось остановить.

Князь знал все, что говорил ему маг. И даже больше. И заранее, начиная эту авантюру, был готов потерять ценного пленника… но лишь до того момента, пока не испробовал тела и силы юноши.

После он был ими отравлен. И одна лишь мысль, что Искра вскоре угаснет, вызывала у Эккуара дикий ужас. Мальчик стал для него наркотиком, перебороть который было невозможно.

— Делай, что хочешь, но только спаси его! — Выдохнул Фейринель, зарываясь лицом в

короткие, пышные волосы Рэни.

— Тогда вам придется отказаться от одурманивающего зелья, — нехотя произнес Сарол: ему не нравилась вся ситуация в целом, но другого выхода не было. — И продолжать брать его силой, ломая сопротивление. Только так будет хоть какой-то шанс, что лорд Рэниари проживет чуть дольше.

— Хорошо, — согласился Эккуар после долгого молчания. — Пробуди его. Я постараюсь не брать его силой.

— Не получится, — тут же отозвался Эзд Ралод. — Он слишком сильный, чтобы смириться.

Фейринель поморщился, заглядывая в безмятежное лицо спящего пленника.

— И все же я попытаюсь…

А Рэниари был счастлив.

Здесь и сейчас он не помнил своего прошлого, а жил одним настоящим.

Странный мир… яркий, ласковый и такой праздничный!

Сны, следующие друг за дружкой прихотливой цепочкой… карусель из лиц-масок, звуков и вкусов. Это было… так радостно! Так незабываемо! И так хорошо…

В этих снах Рэни был вместе с тем, кого любил всей душой. И кто любил его.

Так страстно… так сладко было отдаваться ЕМУ! И брать взамен все нежность и страсть, на которую мог быть способен лишь любимый человек. И было так смешно — почему-то у этого знакомого-незнакомца менялся цвет кожи: от светлого до резко темного.

Как только не шутит с нами воображение в наших снах!

Вот только иногда яркие сновидения сменялись кошмарами, в которых его тело жгуче целовал кнут, а любимый человек надменно взирал на наказанного любовника с высокого трона… Или когда вжимал лицом в диванную обивку, разрывая неподготовленное тело… яростно вбиваясь в него… причиняя боль как душе, так и телу…

И он не мог шевелиться.

Тело его, слабое, недостойное, осквернённое тело, отказывалось повиноваться. И молодой человек лишь смотрел со стороны, как насилуют хрупкого беловолосого красавца с его лицом… и уходят прочь, бросив в быстро увеличивающейся луже крови…

Ему не нравились эти сны. Хорошо, что их было мало, и все затмевал вновь кружащийся калейдоскоп праздничных сновидений.

Лица… действия… нежность… ненависть… страсть… любовь… тоска…

Вокруг Рэниари все кружилось, мешая осознать действительность. Пока, наконец, не исчезло, оставив только нежность и тягучую страсть.

И он сам погружался в нее с головой, лаская своего возлюбленного… такого сильного… такого

mir-knigi.org

нежного… горячего… любимого… единственного…

…Утро встретило Рэниари неожиданно свободными руками и прострелившей его пятую точку резкой болью. Юноша замер, опасаясь шевелиться. Лишь смотрел напряженно в потолок сквозь рамку снятого балдахина.

Сил двигаться не было. С трудом приподняв руки, Рэни поразился — насколько они исхудали. То-то ему кажется, что прошло немало дней. Интересно — сколько?

В памяти осталась ТА принудительная страсть. Вызванная возбудителем, она лишила его не только способности сопротивляться, но и адекватно воспринимать действительность. И тут же молодого человека согнуло от приступа внезапной рвоты и отвращения к самому себе — судя по всему, он САМ отдавался своему насильнику, приняв его за любимого человека! То, что в навязанном сне он любил, Рэни даже не сомневался. Чувство нежности и всепоглощающей любви — это все, что осталось ему от того сна. Все остальное смылось… смешалось… забылось.

Согнувшись в позе зародыша, молодой король содрогался от сухих рвотных спазмов. Было плохо не только физически, но и морально.

Боги! В кого он превратился! Разменная монета для сильных мира сего! Коронованная шлюха, которого трахают все, кому не лень, чтобы пополнить собственный запас могущества!

Б****!

— Прекрати! — Чужие сильные руки подхватили молодого пленника, не позволяя скатиться с края постели. — Ты еще слишком слаб!

И Рэни узнал эти руки, это тело, к которому его прижимали!..

Эккуар Фейринель.

Тот самый, которого он САМ ласкал, приняв за другого. К которому лип как последняя *****!

И плевать, что во всем виноваты возбудители. Эдмир никогда его больше не простит и не полюбит! Рэниари навсегда останется для него всего лишь ценной проституткой, которой все едино с кем и когда спать!

Голова несчастного юноши кружилась, к горлу вновь подступил комок желчи, глаза болезненно слезились. Грязь!.. он чувствовал себя словно в грязи вываленным. Нужно было срочно вымыться, но сил встать не было.

С огромным трудом приподнявшись на руках, Рэниари, не обращая внимания на суетящегося вокруг него князя, попытался сползти с кровати. Из заднего прохода тут же что-то потекло. Кто бы сомневался — что?!

Теперь он не может вернуться обратно. Эдмир не простит… Да он сам себя не простит! А уж говорить о лордах Совета… Рэниари никогда не сможет позволить, чтобы его сына назвали ребенком шлюхи. Достаточно и того, что детство самого Рэни отравило осознание своей незаконнорожденности. Эрэндис это не заслужил. Малыш и так живет с неприязненным отношением собственного старшего отца.

Вновь прижатый к широкой груди Эккуара, Рэни замер, полуприкрыв глаза. А ведь он был

счастлив в навеянном зельем мире… в мире, где Эдмир-из-сна просто любил его. ТАМ Эд нежно целовал его, ласкал, искренне радовался их новорожденному сыну. ТАМ Эдмир его просто любил. По-настоящему любил.

…Игнорируя слабое сопротивление пробудившегося юноши, Эккуар долго и страстно целовал его, упиваясь своей властью и беспомощностью Рэниари.

— Ну, почему… — шептал он между звучными поцелуями, — …почему ты все еще сопротивляешься?! Это всего лишь твое сознание — делать выбор между мной и Эдмиром. А твоему телу все равно кого любить! Так сдайся мне, Рэээни! Я все сделаю для тебя! Слышишь? ВСЕ!

Но Искра лежал в объятиях князя с равнодушной покорностью, вновь безучастный к жарким ласкам мужчины.

— Сейчас ты увидишь разницу между нами! — С этими словами Фейринель согнул ноги юноши в коленях, устраиваясь между ними и сжимая в ладони гладкую мошонку пленника. — Я сделаю все, чтобы ты забыл Эдмира!

Нежность плоти Искры… ее бархатистая теплота сводили Фейринеля с ума, обещая немыслимое блаженство! И плевать, что Эзд Ралод рекомендовал на время оставить молодого человека в покое. Плевать! Главное доказать упрямцу, что Эдмир ему не пара.

Рэниари не стал спорить со своим пленителем. Лишь отвернулся от него, покорно расслабляясь и пережидая миг подготовки. Так больно было осознавать тот факт, что тобой пользуются, как последней шлюхой. Даже с Эдмиром такого не было. А здесь!.. Словно ты неодушевленный предмет, бездушная кукла для удовлетворения необходимых потребностей. Трофей, переходящий от одного хозяина к другому и не имеющий права голоса.

Ароматное масло тонкой струйкой полилась на промежность, еще больше оттеняя золотистую кожу Искры, и длинные пальцы князя коснулись непроизвольно сжавшегося входа. И даже слабая боль проникновения не вызвала эмоций на безупречном лице юного короля. Рэниари больше не желал признавать осквернённое тело своим — пусть делают с ним, что хотят. Главное запереть душу от чужих вмешательств.

А Фейринель яростно двигался в нехотя принявшем его теле, вновь потеряв над собой всякий контроль. И плевать ему было, что партнер лежит под ним бревном, явно ожидая конца соития. Главное, что тело князя полнилось не просто силой, а самой настоящей похотью, принося своему хозяину немыслимое наслаждение.

Остатки не впитанной Фейринелем силы растекались по Белой Башне, одурманивая даровым могуществом княжеских магов. Только Сарол Эзд Ралод еще держался, в отличие от своих подчиненных, что пьяными тараканами расползлись по территории дворца…

— …И что ты мне доказал? — Равнодушно разомкнул губы Рэниари, когда сыто отвалившийся от него князь судорожно дышал рядом, отходя от оглушительного оргазма.

Молодой пленник все так же лежал навзничь, глядя в высокий потолок своей темницы — кажется, скоро эта лепка будет ему сниться в кошмарах. Жаль, что нет балдахина, и молодой человек открыт всей комнате. Но теперь Рэни знал, для чего такая кровать. Резные столбики и длинные шелковые шнуры позволяли как угодно фиксировать пленника, ставя его в разные позы. Вот только самому Рэни все эти ухищрения не слишком-то помогли: он так и не кончил.

Только заработал неприятную боль и слабость во всем теле.

— Я и не сомневается, что ты в любой момент можешь меня взять… — он слегка повернул голову, рассматривая бешенные в своей неудовлетворенности светло-карие глаза князя. — Право сильного и все такое… Но тело… это всего лишь оболочка. А вот душа и сердце уже заняты. Моим сыном… моим мужем… Но не тобой.

Дышать было почему-то трудно, перед глазами все двоилось, но Рэниари держался. Гордость — единственное, что у него осталось.

— Ты безумен. Так же безумен, как и тот, о ком ты мне говорил. Века прошли, а ничего не изменилось. Вы все так же жаждете силы. И тебе никогда не понять меня. Так же, как никогда не получить моей любви. Только силу… так что пользуйся, пока можешь. И будь проклят. Наслаждайся жизнью, пока мой муж не отомстил тебе.

Сев на постели, Эккуар ласкающим движением руки погладил распростертое перед ним золотистое тело Искры. Проклятие! Мальчишка опять не возбужден. Лежал, терпел весь процесс… даже не сопротивлялся. Лишь равнодушно кривил губы. И это еще больше заводило князя… бесполезная попытка возбудить, доказать!..

И сейчас больше всего хотелось ударить по этому красивому лицу… разбить его в кровь, чтобы увидеть хоть что-то кроме брезгливого равнодушия… хоть ошеломление… хоть боль! Только бы не это неземное спокойствие и холод в сияющих глазах.

Боги, какой контраст!

Зарычав от бессилия что-то доказать желанному человеку, Фейринель схватил его в объятия, яростно целуя и опять не получил ответа. Ни-ка-ко-го! Лишь терпеливое смирение и усталость в прекрасных глазах.

— Ну, нет! — Не выдержал князь, не выпуская из рук упрямого мальчишку. — Пока мне достаточно и силы! А Эдмир… А что Эдмир? Ничего он не сможет мне сделать, пока в моих руках ты! И я еще посмотрю, КАК ты себя поведешь, когда я захвачу Меайру и твоего разлюбезного сына. Вот тогда и решим, насколько ты равнодушен! И не согласишься ли отдать и сердце и душу взамен жизни сына!

Но глаза Рэниари уже закрылись. Уставший от напряжения и насилия пленник погрузился в спасительный для него сон. И князь вынужден был замолчать, осторожно опуская Искру на перины. А потом долго смотрел на закрывшего глаза юношу… на золотые пряди его волос, рассыпавшихся по подушке… и ему больше не хотелось ни о чем говорить. Все было сказано и так… и уже не изменится между ними. Во всяком случае, вряд ли между ними вспыхнет внезапная любовь.

А жаль… Жаль, что ровно год назад он опоздал… что согласился с поездкой мальчишки в столицу…

Что ж, видимо, они только что все решили. В сердце у Эккуара просыпалась ярость и понимание, что он уже не может разорвать связь, возникшую между ними. Да, он знал о знаменитом магнетизме Искр. Но… Неужели он, властительный князь богатого Фейринеля, все-таки попался в силки этого мальчишки?!

…Как же хорошо было оказаться дома!

Сиорол даже вспомнить не мог, как давно этот ветхий домишка стал ему столь дорог. Дом, где его любят и ждут. И какая разница, что ветхое строеньице вот-вот развалится! Все равно скоро все закончится, и они с любимым уедут на юг в величественный родовой замок на берегу теплого моря.

Его милый, очаровательный, ершистый Галчонок. Его Мориэль. Его синеокое чудо. Жестокий, надменный, беспощадный к врагам лорд-изгнанник только сейчас начал понимать, насколько дорог ему этот угловатый мальчишка. Такой верный… такой любящий! Никому и никогда он не отдаст своего Галчонка. Мори только его и ничей больше! Главное сейчас дожить до того времени, когда все успокоиться, чтобы привести в мир их общих с Мориэлем детей. Боги, какие же у них красивые будут дети!

Радостно улыбаясь, Сиорол постоял еще немного на углу на удивление тихой улочки, разглядывая ряд притихших домишек, среди которых выделялся свежевыкрашенными ставнями дом его любимого мальчика. Ну, надо же! Как будто и не идет бой в паре кварталов отсюда.

Открыв, наконец, своим ключом дверь дома, лорд-изгнанник осторожно прошел в небольшую комнатку. Света из единственного окошка было достаточно, чтобы разглядеть внутреннюю обстановку. Все было как всегда чисто и на месте.

Сердце Сио неприятно екнуло — неужели Мори ушел к больному? В такое время?!

И где его сейчас искать?!

Развернувшегося было бежать мужчину остановил невнятный возглас в глубине дома, и раздавшийся вслед за этим грохот. Торопливо распахнув дверь во внутренние помещения домика, Сиорол с непередаваемым облегчением увидел поднимающегося с пола Галчонка, что потирал ушибленную пятую точку.

— Сио! — Синие глаза юноши просияли таким счастьем, что лорд-изгнанник едва не растекся лужицей от счастья. — Ты пришел! А я так волновался! Все соседи уже ушли, а я тебя ждал.

— Все хорошо! — Прошептал Сиорол, крепко обнимая своего возлюбленного. — Теперь все хорошо… Тебя никто не тронет.

— О чем ты говоришь? — Удивился Мориэль, прижимаясь к сильному телу мужчины. — Ты что, не знаешь, что в городе творится?! Надо уходить!

— Тебе не надо, — твердо сказал Сиорол, отстраняясь на миг и заглядывая в синие глаза своего счастья. — Тебя никто из мисиранцев не тронет.

И с облегчением зарылся носом в пушистую черную макушку, вдыхая теплый аромат летних трав. Именно таким настоем Галчонок и мыл свои волосы, придавая им пышность и сияющую шелковистость.

Запах дома и любимого человека…

— Сио, — Мориэль враз насторожился, напрягаясь в объятиях мужчины. Сиорол лишь еще крепче обнял его, наслаждаясь последними спокойными минутами их близости. Вот и пришла пора все рассказать мальчику. Примет ли он его после этого?

Сиорол боялся правды. Но и оттягивать признание было все более опасно. Насколько он успел

узнать любимого, Мори слишком честен и благороден, чтобы простить предательство. А иначе, как предательством то, что он совершил, не назовешь, как ни отговаривайся правом на месть. Но он обязан рассказать правду. Между ними более не должно остаться недомолвок, иначе потом ложь ударит намного больнее… вплоть до полного разрыва.

— Любимый? — Мориэль смотрел встревожено. — Что?..

Но лорд-изгнанник молчал, неотрывно глядя в синие глаза юноши. И Мориэль занервничал, не зная, как объяснить тяжелое молчание.

— Сио, не пугая меня! — Ухватив мужчину за плечи, Мориэль заставил его наклониться к себе. Глаза цвета индиго с тревогой и болью смотрели на рыжеволосого красавца. — Скажи… Я тебе надоел? Ты… пришел попрощаться?..

— Мори, ты чего?! — От неожиданности Сиорол даже опешил. — Я же люблю тебя! Как ты мне можешь надоесть?! Откуда такие мысли?

— Прости! — Мориэль уткнулся лицом в камзол Сио, обнимая его. — Прости… Я ведь понимаю, какое счастье мне досталось. До сих пор не могу поверить, что такой красавец посмотрел на меня! И что ты во мне нашел?

— Мори, глупыш!.. — от облегчения Сиорол даже рассмеялся. — С чего такое самоунижение? Ты никогда раньше мне не говорил, что тебя тревожит.

— Просто в этот раз тебя не было так долго… — прошептал юноша, не отрывая лица от груди обнявшего его мужчины. — Думал… ты меня бросил… Я ведь не красивый.

— И кто тебе такую глупость сказал? — Невольно улыбнулся Сиорол, гладя любимого по спине. Нежность, что затопила в этот миг мужчину, согрела обоих. — Ты самый красивый на свете… Просто ты себя не видел моими глазами.

— Тогда почему ты так долго не приходил? — Оторвал от его груди голову Галчонок. И требовательный взгляд индиговых глаз заставил Сиорола невольно поежиться. — И почему меня никто не тронет?

…И Сиорол все рассказал.

— Я бы хотел, чтобы ты стал моим законным супругом. — Спустя почти час медленно произнес мужчина, не глядя на своего молчаливого слушателя.

Сиорол рассказал ВСЕ. Ничего не скрывая, не утаивая и не приукрашивая. Он никого не оправдывал и не оправдывался сам. Говорил только правду.

— Теперь ты знаешь все, — закончил он трудный рассказ. — Я бы хотел быть с тобой до конца жизни… дать тебе свое имя, которое у меня отняли.

— Бедный мой… — произнес неожиданно Мориэль. И Сио вскинул на него потрясенный взгляд — он ожидал всего, но только не жалости. — Что же ты сотворил со своей жизнью!

— Я всего лишь пытался отомстить…

Но Галчонок упрямо вскинулся, схватив мужчину за руки.

— О чем ты говоришь? О какой мести? Столь не любимые тобой Вориндо ничего не были тебе

должны! Это ТВОЙ отец напал на них. ТВОЙ отец стал убийцей… ТВОЙ отец разрушил мирный договор между вашими семьями, а они всего лишь защищались! Ты говоришь, что презирал их за происхождение. Ха! Бастарды! Да у меня совсем нет семьи, и мой собственный отец вышвырнул меня на улицу, как ненужную тряпку! МЕНЯ ты тоже презираешь?!..

— Нет! — Сиорол схватил в охапку разгневанного мальчишку, целуя уворачивающиеся, гневно сжатые губы того. — НЕТ! Никогда! Мори!..

— А в чем разница между мной и Рэниари? — Все-таки вырвался из его рук Галчонок. — Ради чего ты предал собственную страну, Сио?! Ты ведь вместе с Ваоттиро привел в собственный дом врагов!

— Ты ненавидишь меня? — С болезненной безнадежностью опустил руки Сиорол. Он всегда подозревал о неприглядности своих поступков, но упорно гнал прочь саму мысль о предательстве, успокаивая себя правом на призрачную месть. Но услышать полный расклад собственных поступков от любимого человека было… было по-настоящему больно.

— Нет… — юный целитель словно сник. — Какая ненависть… Я люблю тебя. Люблю со всеми твоими недостатками. И готов простить любое твое действие… Но это не значит, что твои поступки не причиняют мне боли.

Сио вновь дотянулся до поникшего мальчишки, обнимая его. Он не может… не может потерять любимого!

— Я все исправлю… — горячечно зашептал он на ушко Мориэля. — Я сделаю так, что Дориан разорвет свой договор с мисиранцами. Он тоже мучается союзом с Мисираном. А без поддержки Ваоттиро многое ли сможет Анэрас? Его основные части на западной границе… ведут бои с нашими войсками.

— Ты, правда, сделаешь это? — Недоверчиво заглянул в зеленые глаза мужчины Мориэль.

— Ради тебя… — вздохнул Сио, чувствуя, что ради любимого человека пойдет на все. Галчонок вдруг прижался к нему тесно-тесно.

— Прости меня, — глухо сказал он, обнимая лорда-изгнанника. — Мне нужно было еще раньше вызвать тебя на откровенность. Тогда бы ты не натворил дел. Но я так боялся тебя потревожить расспросами! Решил, что ты сам все расскажешь…

Сиорол только вздохнул. А он-то, дурак, так ценил молчаливую деликатность любимого. А надо было еще раньше во всем признаться. Может, и не было бы этой проклятой войны и нарастающего чувства вины.

— Сио, уедем!.. — горячечно зашептал вдруг Мориэль, поднимая к любовнику молящий взгляд синих глаз. — Просто уедем! Там, за океаном, на островах всегда найдется работа для лекаря и воина. И не нужен мне никакой замок! Мне нужен только ты!

— Хорошо, — покорно вздохнул лорд-изгнанник: наверное, так действительно будет лучше. — Ты дашь мне время все устроить? Если уж уходить, то хотя бы уходить с чистой совестью. Мне нужно повидаться с Дорианом и попытаться его убедить порвать с мисиранцами. На это потребуется пара дней, вряд ли больше. Подождешь меня здесь?

— Конечно! — Просиял счастливой улыбкой Галчонок. И Сиорол невольно улыбнулся ему в ответ.

— Тогда соберись пока, — сказал он, целуя обветренные губы своего будущего мужа. — Много вещей не бери… только самое необходимое. У меня довольно денег, так что купим все нужное. Продукты в доме есть?

— Да, — послушно кивнул Мориэль, — я успел запастись.

— Значит, никуда не выходи, — предупредил его Сиорол, решительно направляясь к дверям. — Сюда вряд ли заглянут мародеры — слишком бедный квартал. Но лучше не рисковать.

— Сио! — Звонко окликнул мужчину Галчонок. Голос его срывался от волнения. — Я буду ждать тебя здесь, чего бы ни случилось. Я люблю тебя. Помни об этом!

От волнения не найдя, что сказать, Сиорол только кивнул — говорить мешал комок в горле. И аккуратно закрыл за собой дверь, торопясь разделаться с докучливыми обязательствами.

…Первое, что он сделал, это заглянул в свой тайник и повесил через плечо неприметную магическую сумку со своими сбережениями. Вот и пригодилась заначка. Теперь им с Галчонком не придется нуждаться до конца жизни, еще и их правнукам останется.

И только потом направился в сторону Старой башни, досадуя, что Дориан согласился с предложением Анэраса проживать в его личной ставке, а не среди собственных войск. Нет, поступок мисиранца Сио прекрасно понимал — лучше, если ненадежный союзник будет под личным присмотром. Но ведь Дори колебался — принимать ему предложение короля или нет. Что тогда стоило настоять на отказе, не пришлось бы сейчас тащиться в эту каменную ловушку.

…Этот сад, искусственно созданный на самом верху Северной башни, был так привычен и прекрасен. Цветущие невысокие деревья в расписных фаянсовых кадках радовали глаз, но на Дориана вся эта красота почему-то действовала угнетающе. Наверное, потому что будила в молодом герцоге ненужные и болезненные воспоминания о времени, когда еще был жив отец. А сам он еще ребенком весело играл среди этих деревьев вместе с наследным принцем Эдмиром. В детстве, приезжая в Меайру, Ваоттиро частенько останавливались в Сторожевой крепости, пока герцог Аминел не решил приобрести особняк поближе к королевскому дворцу. Так что Дориану как никому другому были знакомы коридоры и казематы крепости. Это потом она стала использоваться как тюрьма для знатных особ, а во времена его детства это был всего лишь старый замок, уютный и завлекательный для ребенка.

Ваоттиро невольно вздохнул, проведя рукой в замшевой перчатке по фигурной решетке, что ограждала сад.

В те года с ним рядом всегда был Эдмир. Веселый и добрый к маленькому мальчику с окраинного герцогства. И Дориан был твердо уверен, что когда-нибудь красивый принц станет его старшим мужем. Когда, в какой момент все полетело в бездну? Теперь молодой правитель Ваоттиро понимал, что это произошло задолго до появления в его жизни ненавистной Искры.

Папа, папа! Как же мне не хватает твоих советов. Только заняв твое место, я понял, что совсем не гожусь для короны герцога. Мне суждено было стать младшим… тем, о ком заботятся, за кого все решают. А я бы только украшал собой жизнь старшего мужа, занимался домом и детьми…

И почему я тогда поверил, что отца убили Келлиадиры? Ни Сорондо, ни Эдмир, ни тем более

проклятый Рэниари этого сделать не могли. У первых двух не было причин — отец даже после разрыва помолвки остался верен Хилдону. А у третьего не было возможности распоряжаться королевской гвардией. Но тогда откуда те знаки на телах убийц?

Вопросы… одни вопросы, на которые ему никто не желал дать полных ответов. Одни увертки.

Теперь, по прошествии времени, чуть успокоившись, Дориан мог рассуждать более здраво. И что бы ему ни твердил Сиорол, но Ваоттиро все больше казалось, что из этой истории торчат уши Мисирана. Вот только почему его собственные советники не оспорили версию убийства прежнего герцога хилдонцами? Или им была выгодна эта война и союз с Мисираном? Опять вопросы. И доверять больше некому — Сиорол ушел в город и не скоро вернется. Впрочем, и ему доверять нельзя. Он слишком ненавидит Келлиадиров и своего кузена Рениари.

Нужно что-то делать… но что? Он слаб, слишком слаб для короны герцога. Быстрее бы прибыл Эдмир и начались переговоры. Потеряв Искру, Эд вынужден будет заключить политический брак с ним, чтобы уберечь западные границы… Так говорят советники. Так говорит Анэрас. Так говорит Сиорол.

Но почему-то все больше и больше кажется, что это ложь. И что Эдмиру не позволят остаться в живых. Но ведь это невозможно! Мисиран слишком слаб, чтобы диктовать условия более могущественному соседу. Вот если бы они захватили Искру, тогда да… А так… только пощипать ослабленного соседа… принудить его к нужным соглашениям. И ничего они не сделают Эдди! Кишка тонка.

Или сделают?..

Более не колеблясь, Дориан коснулся резной панели в только ему одному известной последовательности. Теперь молодой человек уже благословлял свое решение остаться в крепости, вместо того, чтобы поселиться со своими людьми. Насколько ему было известно — потайной ход вел прямо на галерею Центральной башни, где располагались главные покои… в обход всех постов на нижних этажах крепости.

Единственный ход, который когда-то показал ему старый смотритель башен. И сколько Дориан потом не искал другие, ничего не находил.

Бесшумно спустившись по винтовой лестнице, он оказался в галерее, из которой можно было попасть с любые комнаты замка, минуя основные залы, где толпились мисиранцы. Вот и скрытая дверь в уютную библиотеку, в которой он когда-то впервые поцеловался с Эдмиром. И там же он впервые позволил себя взять совсем еще юному принцу. Ах, как сладко оказалось принадлежать этим сильным, уверенным рукам!..

Дориан глубоко вдохнул в себя чуть застоялый воздух давно не проветриваемого помещения и мягко толкнул хорошо смазанную в петлях тяжелую дверь.

— …не лучше ли устроить показательную казнь Эдмира? — Знакомый женский голос рыжей шлюхи Анэраса заставил Ваоттиро замереть на месте. Как хорошо, что он зашел не с центрального входа, и его не видно за стеллажами. — Чтобы тебя никто не обвинял потом в убийстве.

— Меня наши потомки потом благословлять будут, — ленивый, насмешливый голос короля Мисирана не спутаешь ни с каким другим! — Нельзя оставлять в живых такого противника как хилдонец. Это только наш дурачок Дориан может верить в лучшее. Пусть скажет спасибо, что я избавлю его от этого брака, что неизбежно закончился бы его смертью в первую же брачную

ночь! Потом я сам найду ему удобного для меня мужа.

— Сиорола?..

— Нет, с этим тоже пора кончать. Слишком умен и опасен. Но пока нужен… Так что пусть живет. Но постарайся его мягко отодвинуть от Ваоттиро. Не нужно, чтобы он как-то повлиял на нашего герцога.

Вот и все.

Вот тебе и вся твоя правда.

Оказывается, подслушивать иногда крайне полезно.

Но, папа, как же ты был прав, пытаясь оградить меня замужеством от правления! Х****** из меня вышел правитель. Которого так просто обмануть.

Эдмир, прости меня… если сможешь!

Попятившись, Дорин попытался как можно незаметнее выскользнуть из библиотеки. Если опять подняться в сад, а потом спуститься в свои покои привычным путем, то его не заметят. И есть шанс добраться до своих. А там он просто уйдет в Ваоттиро, и Анэрас не посмеет его остановить…

…Но его выдал порыв свежего воздуха…

Двое в библиотеке замерли.

— Ну, надо же, — протянул Анэрас, даже не делая попытки подняться с кресла, где сидел с бокалом вина — зеркало напротив короля отразило промелькнувшую в глубине комнаты фигуру Ваоттиро. Пока герцог не двигался, его не было заметно. Но предательское стекло тут же отразило стремление Дориана скрыться. — А блондинчик-то у нас, оказывается, любопытен. Избавься от него. Но только так, чтобы все подумали на месть разгневанных хилдонцев. Мне не нужно, чтобы его люди меня бросили. Пусть остаются и мстят за смерть своего господина.

— Как прикажешь, дорогой, — Эрлесса тут же активировала сигнальный артефакт, посылая за ненужным уже союзником своих Призраков.

…Запыхавшись, Дориан захлопнул за собой дверь в сад на вершине башни и суматошно огляделся.

Слава Отцу-Небо, он был один!

Пространство сада хорошо просматривалось в свете только что взошедшей Анатэли. Голубой и довольно яркий лик Первой луны сделал мир вокруг резко контрастным. И темно-синие тени от деревьев лежали на дорожках, деля площадку башни на отдельные островки тьмы и света.

Торопливо оправив на себе сбившуюся от бега одежду, Дориан направился к выходу из башни. Теперь, главное, покинуть Сторожевой замок, а там его люди не выдадут своего герцога. Дурак он был, когда согласился стать добровольным заложником Анэраса — теперь-то понятна подоплека этого приглашения поселиться рядом с мисиранцем! А он-то решил, что это простая

любезность… идиот!

Нарядный плащ предательски зацепился за какую-то ветку, задержав своего владельцы на драгоценные секунды. И Дориан проворонил миг, когда сильный удар по затылку швырнул его на колени. И тут же крепкая удавка захлестнула шею над воротником камзола, перекручиваясь сзади в болезненный узел.

Не ожидавший столь быстрого ответа от врагов, Ваоттиро захрипел, брыкнувшись словно жеребец …и внезапно освободился. Судя по сдавленному мату, его противник был пока что один. Но не факт, что на подходе не было других. И Дориан, судорожно содрав с шеи удавку, не разбирая дороги, бросился прочь от своей смерти… куда угодно… лишь бы подальше!

Паника затопила герцога, заставив мчаться, куда глаза глядят. Однако метнувшаяся наперерез очередная тень заставила его прийти в себя и оглядеться уже осмысленным взором.

Напротив молодого герцога безмолвными тенями встали Призраки. И Дориан с какой-то пронзительной ясностью понял, что для него все кончено…

Не было ни ужаса, ни потрясения. Одно лишь бесконечное изумление…

Как же так… ведь он еще молод… еще только начал жить… смерть может случиться с кем угодно, только не с ним!

Кажется, его противники откровенно наслаждались беспомощностью жертвы, не торопясь ее прикончить. И эта безмолвная насмешка внезапно пробудила внутри Дориана бешеную ярость.

Внезапный пинок герцога стал неприятной неожиданностью для его врагов. Удар подкованного сапога пришелся аккурат промеж ног ближайшего Призрака, заставив того с приглушенным криком согнуться. Но это оказалась единственная удача Ваоттиро. И той он не успел порадоваться — чьи-то холодные пальцы со смертельной жесткостью взяли его сзади за горло, вминая вовнутрь кадык. И Дориан захрипел, беспомощно хватаясь за чужие руки, скользя ногтями по плотному и такому гладкому шелку высоких перчаток.

Удар под дых вытолкнул последние капли воздуха из сжавшихся легких, и юноша упал на колени…

Перед глазами плавно расходились радужные круги, медленно выцветая…

Все было кончено.

Перебросив тело через решетку сада, Призраки столь же безмолвно удалились, не обращая внимания на далекий глухой удар и крики сбежавшейся охраны замка.

И никто так и не узнал, что в последний миг жизни несчастный блондин видел того, кого так любил.

Своего Эдди, что ему улыбался.

Весело и солнечно, как в далеком детстве…

Охнув, Сиорл отступил в тень донжона, подальше от ярко освещенных ворот, где уже суетились и перекрикивались солдаты Мисирана, встревоженные разбившимся в кровавую лепешку телом. Только по геральдическому плащу, что еще в воздухе слетел со своего погибшего

mir-knigi.org

хозяина и приземлился у ног лорда-изгнанника, Сио признал Дориана.

Онемев от потрясения, мужчина безмолвно смотрел на нарядную тряпку, что раскинулась на камнях мостовой. Как бы он ни относился к капризному и недалекому красавчику, как бы ни использовал его в своих интересах, но ТАКОЙ смерти он ему не желал!

Вряд ли молодой Ваоттиро покончил с собой от неразделенной любви. А, значит, Анэрас уже принялся избавляться от нежеланных союзников. Вот только почему Дориан? Ваоттирцы ему еще нужны… Скорее всего Дори просто или что-то ляпнул королю, по своему обыкновению не подумав, или увидел-услышал что-то, не предназначенное для его ушей. И скорее всего его устранение повесят на мстителей из Меайры, чтобы его люди еще больше обозлились на хилдонцев. А это значит, что сам Сиорол уже не нужен своим бывшим союзникам.

Отступив еще дальше в тень, мужчина стал медленно пятиться прочь, стараясь не привлекать к себе внимания резкими движениями. Слава богам, что он все выяснил с Галчонком и предупредил его, что возможно будет отсутствовать несколько дней! Главное сейчас не привести к Мориэлю врагов. А то что рыжая Эрлесса пустит за ним своих Призраков, Сиорл даже не сомневался. Как-то так случилось, что они с графиней с самого первого дня недолюбливали друг друга. А уж когда мужчина узнал о настоящей роли красотки при дворе ее любовника, эта неприязнь превратилась в скрытую ненависть.

Так что на несколько дней лучше залечь на дно, благо есть где… а потом забирать Мори и бежать на юг. А уж там подойдет любой корабль, отправляющийся за океан. Прав был Мориэль — месть до добра не доводит! А он… дурак!.. заигрался, посчитав себя всесильным.

…Ему удалось скрыться с площади прежде, чем Эрлесса спустила своих псов, отправив их за головой ненавистного южанина…

…Карлаэль упрямо подталкивал супруга к выходу из особняка.

— Милый, не упрямься, — чуть ли не умолял старший маркиз супруга, не желавшего уходить. — Подумай о сыне! Поместье слишком близко к местам сражений. Прошу, уйди за реку! Ну, на кого я еще могу переложить заботу о нашем ребенке, Вал?! А несчастные служанки?.. Среди них тоже есть матери с новорожденными детьми.

— Карлаэль! — Едва не рявкнул его муж. — В конце концов, я воин!..

— Ну, какой ты воин, любовь моя?!.. — потерял терпение старший Деззион. — Ты всего неделю, как родил! И все еще не вернул былую форму. Зато как командир ты хорош! И сможешь доставить всю эту компанию в безопасное место. Я ведь не прошу тебя оставаться на том берегу! Спаси нашего сына и женщин… И можешь возвращаться ко мне. Мы пока будем сдерживать врага, чтобы дать вам время уйти, — Карлаэль безбожно врал, выталкивая мужа из особняка — старший маркиз уже отдал приказ, чтобы его любимый муж не вернулся к нему… любой ценой. Даже если его придется связать. Главное, чтобы выжил!

— Ты мне ответишь за это, любовь моя!.. — прошипел разозленный Валиэль, и сам прекрасно понимая, что сейчас из него аховый воин. Да и не сможет он ничем помочь любимому… разве только бездарно умереть, чего бы не хотелось.

Второй день боев за столицу не оставил жителям Меайры и шанса на победу. Тут, главное, продержаться до подхода помощи, а не врага разгромить. Так что нужно послушно уходить в безопасное место, а не устраивать старшему мужу бездарный скандал.

Сделав отмашку своим людям, Валиэль стремительным шагом направился прочь от особняка Деззионов, держа в руке обнаженный клинок… так, на всякий случай. Рядом торопливо семенила молоденькая кормилица с его новорожденным сыном. И, причитая, бежала женская часть прислуги, утягивая на руках маленьких детей. Немногочисленные слуги мужского пола шли следом, все время оглядываясь на остающихся в доме воинов во главе со старшим маркизом. Поместье Деззионов занимало стратегическое положение на половине пути от Старой крепости к королевскому дворцу. И лорд Карлаэль намеревался приложить все усилия, чтобы как можно дольше задержать продвижение мисиранцев к центру города.

— Боги, как же я сильно вас люблю!.. — едва не простонал Карлаэль, когда муж с их сыном Марэтом скрылись за поворотом улицы. — Главное, чтобы вы оба выжили!

И повернулся уйти в дом, спешно превращающийся в неприступную крепость.

…Валиэль решительно подгонял в сторону реки ревущих в голос куриц-служанок. Времени оставалось все меньше и меньше. Солдаты столичного гарнизона успели обрушить мосты через реку, так что надежда была только на лодочную переправу.

Младший маркиз здорово намучился с этой толпой штатских. Все-таки он привык командовать на поле боя теми, кто способен исполнить приказ командира. И в такой ситуации оказался впервые. Только сейчас Валиэль осознал, КАК его баловали в доме мужа. Оказывается, за него все и всегда решал Карлаэль, а он всего лишь вечно что-то желал или капризничал. И любимый супруг с готовностью кидался выполнять пожелания Валиэля. Его в особняке Деззионов все баловали и все любили. И вот теперь приходилось вспоминать полузабытые навыки командира. А тут еще эти ревущие на все голоса бабы! Ладно хоть слуги-мужчины не вопят, а молча шагают рядом.

Но к лодочной переправе он свою толпу пригнал в целостности и сохранности, никого не потеряв по дороге. Только вспотел так, словно целый день клинком промахал — все-таки силы после родов еще не восстановились.

К счастью, свободные лодки нашлись сразу: кто-то умный из столичного гарнизона сумел организовать здесь четкий порядок. И Валиэль загнал большую часть своей «команды» в лодки. Сам же с кормилицей и немногими слугами запрыгнул на готовый отчалить паром.

— Подождите! Ради Богини-Матери подождите! — К переправе стремительно бежала красивая девушка в богатом платье. Следом за ней спешило еще несколько женщин в одеяниях прислужниц.

— Успела! — Юная красавица ловко перепрыгнула на доски парома. К сожалению, канат, связывающий два берега широкой реки, был уже обрублен, и паромщики собирались править с помощью весел и самодельного паруса. Да и удержать такую махину на стремительном течении Лазурной было большой проблемой. И если ловкая девчушка сумела сама перепрыгнуть на оттаскиваемый течением паром, то ее более грузных сопровождающих пришлось втягивать на борт прямо из воды, куда они с горестным воем попадали, не допрыгнув до палубы.

— Спасена! — С безумной радостью прокричала девушка, не обращая внимания на стонущих у своих ног дам сопровождения. Судя по расшитому золотом платью и куче драгоценных побрякушек, юная красавица принадлежала к самому высшему обществу. Видимо застряла на захваченном берегу, посещая храм Матери-Земли.

— Ах! — Чуть успокоившись, леди прижала тонкие пальчики к раскрасневшимся щекам. Красивая девочка, очень красивая. И знающая себе цену. Валиэль не мог не признать, что в прежние времена, еще до знакомства с Карлаэлем, сделал бы все, чтобы затащить ее в постель.

— Я так неучтива, — девица изысканно поклонилась, намеренно игнорируя окружающих ее людей… всех, кроме Валиэля. Остальные были всего лишь слугами, а значит и не достойны внимания столь знатной особы как она. — Я Зоратта, внучка и единственная наследница барона Эссэрила!

Валиэль невольно дернул бровью. Ну, надо же! Кажется, эту красотку некогда сватал Карлаэлю тесть, желая понянчить внуков и объединить огромные владения Деззионов и Эссерилов. Странно, что за прошедшее время столь завидная невеста не нашла себе мужа. Впрочем, не его это дело.

— Я Валиэль Карлаэль Коразз Деззион, — мягко проговаривая объединенные имена, указывающие на его статус младшего, представился мужчина. Рядом на руках кормилицы недовольно заплакал проснувшийся от наведенного сна маленький Марэт.

— Ой, это ваш с лордом Карлаэлем сын! — Захлопала в ладоши леди Зоратта, пытаясь заглянуть в пеленки. Маленький Деззион, которого кормилица распеленала, чтобы осмотреть, покряхтел и выдал крутую струю на шикарное платье придворной дамы. Слуги и служанки вокруг ахнули и засуетились, баронесса Эссэрил встала ошарашенным сусликом, а Валиэлю почему-то стало смешно. Он не помнил эту красивую девочку — она появилась при дворе, когда все его помыслы уже были заняты будущим мужем. И теперь он чувствовал себя совсем старым по сравнению с этим обидчивым ребенком.

— Прошу простить моего сына, — Вал галантно подал руку даме, чье платье уже привели в порядок с помощью амулетов. — Пока что Марэт может только так выразить свои симпатии понравившейся леди. Но он еще научится быть …более галантным! И дарить кое-что другое.

Леди все-таки фыркнула, не сдержав кривой усмешки: надменную красавицу сильно напрягали слуги, старательно прячущие веселые ухмылки — людям, измученным бегством и переживаниями, нужно было хоть такое развлечение, чтобы немного отвлечься от горя и тревоги за оставленных близких. Но раздосадованной красавице со свойственным юности хрупкой гордостью и максимализмом было неприятно и оскорбительно видеть эти улыбки. Будь Зоратта постарше, она бы сумела поддержать мягкую шутку Валиэля и посмеялась наравне со всеми. Но единственное, на что хватило юную баронессу — это не устраивать скандал посреди реки. Тем более она сама была виновата — слишком близко подошла к сыну того, кого дед прочил ей в мужья.

…Очень медленно и неуклюже паром приближался к противоположному берегу. Валиэль в числе остальных мужчин присоединился к усталым паромщикам, ворочая запасными веслами и борясь со стремительным течением Лазурной. Более легкие лодки уже успели пристать к берегу, пока их неповоротливая хамазина только-только пересекла стремнину.

Слава богам, женщин и детей удалось успокоить, и Вал вместе с какими-то мужиками ворочал веслом, выбиваясь из сил. Дааа, это, оказывается, не мечом махать!

Так что откуда и главное КАК прилетел этот проклятый файербол, никто так и не понял. Бои с мисиранцами остались на покинутом берегу. А приближающийся берег был пока что не захвачен.

Но эта огненная дура со всего маху рухнула сверху, к счастью задев паром лишь по касательной, так что никто не погиб. И — к несчастью — разметала доски настила ближе к краю палубы и разбила плоское днище неказистого плавучего средства.

Чудом увернувшись от тяжелого весла, что, крутанувшись в уключине, разбросало добровольных «моряков» по сторонам, Валиэль успел словить за подол едва не рухнувшую за борт кормилицу с верещащим на ее руках сыном. Оттолкнув ошалевшую от неожиданности женщину в центр парома, маркиз кинулся к речникам, что пытались столкнуть в воду спасательный челнок — слишком маленький, чтобы в него поместились все.

— Заткнуться! — Рев молодого мужчины ему самому напомнил незабываемые времена, когда он командовал отрядом на поле боя.

— Ты и ты! — Он ткнул пальцем в двух дюжих речников. — Быстро на весла. Остальные посадите детей в лодку и добирайтесь вплавь до берега… тут недалеко! БЫСТРО! Пока паром не затонул!.. А то утянет на глубину!

Что уж заставило людей ему подчиняться — его титул или командирский голос — неизвестно, но все прошло как по маслу. В единый миг челнок спустили на воду, и два паромщика мигом сели на весла, пока остальные передавали им плачущих детей. Кормилицу с маленьким маркизом сунули в самый центр этой кучи, и челнок отчалил, живо почапав к берегу.

— Остальные прыгайте за борт, — приказал Валиэль, решительно скидывая с себя перевязь и сапоги. — Женщинам советую скинуть юбки. В воде вас никто не увидит, а плыть в них невозможно. На берегу снова оденете, — уже более спокойно сказал он, первым соскальзывая в воду с полузатопленого парома. Рядом шумно прыгали в волны остальные. Валиэль был уверен, что плавать умеют все, но все равно кружил вокруг, наблюдая за своими подопечными. Но люди шустро устремились в сторону берега, лишь баронесса со своими дамами тупо барахталась на месте, бледным личиком сигнализируя, что вот-вот потопнет. Юная красотка так и не сняла юбку, и теперь расшитое золотом одеяние благополучно тянуло ее на дно. Прислужницы как могли держали девушку на плаву, но та уже захлебывалась, судорожно цепляясь за своих спасительниц.

— Дура малолетняя!.. — прорычал Валиэль, подплывая к барахтавшейся Зоратте. — Я же сказал снять юбки!

— Это платье!.. — жалко пискнула баронесса, когда сильная рука маркиза выдернула ее из воды. — Не могу же я… — отплевываясь от речной воды, лепетала девушка, — …не могу же… голой!..

— Значит, жить не хочешь! — Жестко припечатал Вал, закидывая руки девчонки себе на шею. — Держись крепче и не болтыхайся — плыть мешаешь!

Леди послушно повисла на его шее. И Валиэль решительно погреб к берегу. Платье девчонки, отяжелев в воде, ощутимо тянуло его на дно, но мужчина, сцепив зубы, яростно греб вперед — возиться с проклятой тряпкой не было ни сил, ни возможностей. Ладно, доплывет и так…

— Валите отсюда, дамы! — Единственное, что он позволил себе сделать, это шугануть все еще квохчущих над своей подопечной прислужниц. Хватит им круги вокруг нарезать — устанут, еще и их тащить придется. Нет, слава всем богам и демонам, послушались. А ничего, шустро плывут, сразу видно, что выросли на берегу реки.

— Скоро будем… — с трудом просипел он, цепляясь, чтобы передохнуть, за какое-то бревно.

Мокрое, все в взлохмаченной коре, оно упрямо выскальзывало из рук, но Валиэль продолжал висеть на нем, покачиваясь на волнах. К счастью, лодки, достигнув берега и высадив пассажиров, уже летели к ним. Так что можно просто отдохнуть и подождать. Вот только плывущий по реке мусор мешал продвижению спасателей: какие-то доски, бревна…

— Я то буду, — нежно шепнула ему на ухо Зоратта. И Валиэль замер, чувствуя, как в его напряженное тело входит неожиданно горячее лезвие дамского стилета. — Это тебе за то, что забрал моего мужа! Мразь! Обещаю, что утешу Кара!

Вал слишком устал, чтобы вовремя отреагировать на предательский удар. Да и не верил он, что та, кого он спасал от смерти, сделает нечто подобное…

Руки маркиза разжались сами по себе, и тонкая пленка прозрачной от солнечных лучей воды тут же закрыла его лицо. Но с каждым мигом эта пленка становилась все толще и толще… пока не обернулась высокой пещерой, на дно которой он медленно опускался… все ниже и ниже… среди холодных столбов света и снующих рыбешек… отмечая свой путь насыщено-коричневым облачком клубящейся дымки… алой у самой поверхности… быстро размывающейся течением…

Так тяжело…

Еще какое-то время сквозь воду белело нереально красивое лицо ее соперника с ярко-синими, распахнутыми в удивлении глазами. А потом волны окончательно сомкнулись над маркизом Валиэлем Карлаэлем Кораззом Деззионом. И подоспевшая лодка вытащила из воды лишь рыдавшую в голос перепуганную девушку, потрясенную гибелью своего спасителя.

Глава 9

Спрятанный среди скал мелкий заливчик был таким уютным… таким спокойным. На разноцветную гальку игриво набегали прозрачные волны. Кое-где в галечный пляж вклинивались полосы крупно-зернистого песка. На взгорке росли сосны.

Остро пахло солнцем и солью.

Крупный черный кот сидел у самой кромки прибоя и заворожено щурился на яркие блики на водной ряби. Рядом, прижатая камешком, трепыхалась на теплом ветру золотая прядь волос. Обмусляканая, но выполосканная в океане, она сейчас сушилась, пока чернуля соображал, чем же перекусить на пустынном берегу. Долгий путь маго-кота был окончен. Несколько дней он отчаянно махал крыльями, стремясь туда, куда звало его сердце. Черныш даже сам не понимал, что в полете использовал точечные проколы, похожие на маленькие порталы в воздухе. Ему это было безразлично — котишка мыслил образами, а не понятиями. И главным для него был результат. А его результат лежал неподалеку. Всего-то на той стороне залива, возвышаясь грозными серыми башнями могучей крепости. И хотя любимый хозяин находился где-то за спиной, маленький кот отдавал себе отчет, что самостоятельно ему Рэниари не спасти.

Вот только, чтобы добраться до подмоги, нужно было подкрепиться — есть хотелось просто зверски. Кажется, раньше, рядом с Хозяином Черныш так не голодал. Сейчас же он готов был сожрать с потрохами первого встречного!

Черныш не знал, что был магическим животным, и для нормальной жизнедеятельности ему требовалась не только земная еда. Раньше Рэниари неосознанно питал его силой Искры. Теперь же магической подпитки не было. И котенок пытался восполнить ее обычной едой, воруя ее где только можно.

Придушенно взмякнув, Черныш поднялся в воздух, зацепив когтем драгоценную прядь Хозяина. Он хорошо чувствовал старшего супруга Рэниари. Но, в том-то и дело, что маго-кот не воспринимал Эдмира хозяйским продолжением, чувствуя какое-то несоответствие. Хозяин не полностью впустил мужа в сердце. А значит, нужно было искать подмогу в другом месте.

Спикировав в рощицу красных южных сосен, Черныш изловил пару мышей. Фиговый перекус… Кот ностальгически вспомнил шикарную дворцовую кухню, которую так весело было обворовывать. Ммм! А какие там были перепелки!..

Тяжело вздохнув, маго-кот бесшумно пошел по пружинящему ковру из моха и опавшей хвои. Чувствительный нос ловил обилие разнообразных ароматов, что упорно перебивал запах Океана и рыбы. Рот наполнился слюной предвкушения. А на песчаной косе деловито бегали довольно крупные крабы, растаскивая водоросли после недавнего шторма.

Тихонько подкравшись, Черныш, азартно блестя глазами, припал к песку, наблюдая за пахучей добычей. Вновь прижав золотой локон Хозяина камнем, кот всем своим существом отдался древнему инстинкту охоты. Прозрачные волны в мелких барашках пены едва не касались его лап. Но котишка терпел — очень уж кушать хотелось.

Ленивые песчаные рыбы выползали на берег: погреться в лучах южного солнца. Юркие крабы сновали вокруг, очищая чешую серебристых красавиц от водорослей и ракушек. Но стоило только тени промелькнуть на солнце, как «обед», лихо махнув хвостом, уходил в волну, сразу скрываясь на глубине. Так что Черныш не желал рисковать, распугав добычу раньше времени.

Вот неподалеку, лениво шевеля плавниками, на золотистый песок выползла толстая… сочная!.. аппетитная рыба, надменно шевеля выпученными глазами. И Черныш подобрался всем телом, превратившись в символ азарта.

Бросок!..

И живой слиток серебра хлещет хвостом по морде, пока более счастливые товарки удирают с пляжа в Океан, а взрыхленный когтями и плавниками песок оседает в шипящую волну.

Водоросли из кучи, что протаранил Черныш, ловя свой обед, потешно повисли на ушах и холке кота. Но тому было все равно — главное, можно было перекусить. Черная шерсть звереныша стояла дыбом, с крыльев тоже свисали водоросли, кончик носа флегматично прищемил крошечный крабик, повиснув на ноздре и вызывая неудержимое чихание.

Возмущенный Черныш, отбросив рыбу подальше от воды, скосил глаза на незваного гостя. Но тому был пофиг яростный взгляд маго-кота. Бедный кот попытался стряхнуть нахального краба, но тот вместо того, чтобы отпустить злосчастную ноздрю, уцепился уже всей клешней за чувствительный кончик носа бедолаги!

Отчаянный мяв котенка заставил с воплями подняться ворон с ближайших деревьев. Мотнув головой, Черныш с облегчением почувствовал, как с его многострадального носа слетает зловредный краб, чтобы еще в полете уцепиться за мохнатое ухо кота, повиснув на нем прихотливой сережкой!

Сев от неожиданности на попу, Черныш опасливо скосил глаз на задумчиво покачивающегося краба, тоже выпучившего на него темные шарики глаз на гибких стебельках. Золотые глаза маго-кота тут же опасно сощурились, и черная лапка потянулась к мелкому засранцу.

Краб занервничал.

mir-knigi.org

И, отцепившись, упал на песок, торопливо засеменив боком к воде. Но мохнатая лапа мстительно придавила ходячий деликатес. И, подцепив когтями, потянула к пасти с острыми зубами.

Похрустев закуской и оценив вкус, Черныш с вспыхнувшим воодушевлением в глазах кинулся на порскнувших от него перепуганных крабов…

…Спустя час, наевшийся до безобразия кот, подхватив в пасть высохший на ветру золотой локон, тяжело поднялся в воздух. И часто махая крыльями, полетел в сторону серых башен крепости…

Аррид Голубая Жемчужина, проклиная несговорчивость главного управляющего Цитадели, не желавшего давать денег на покупку новых якорей, шел по берегу бухты, в раздражении пиная пустые раковины жемчужниц. Нет, они смогут обойтись и старыми якорями. Но купец притаранил какие-то крайне заковыристые, которые очень уж хотелось испробовать!

Занятый мысленной перепалкой, старый моряк подскочил как укушенный, когда мимо него, подобрав до голых задниц юбки, резво проскакали прачки, что собирались полоскать белье на впадающем в море ручье. Впереди всех, выпучив глаза, летела дородная вдова Вэрта, на которую Аррид давно заглядывался. Восхищенно присвистнув и оценив продемонстрированные ему телеса и могучие ягодицы красотки, моряк повернулся, пытаясь понять, что же так напугало женщин.

На него летел КОТ.

С крыльями, лапами и хвостом…

Довольно крупный для кота, но притом невинно-очаровательный…

Но разве кошаки летают?!..

А еще у него в пасти развевалась прядь волос подозрительно знакомого цвета…

…Утро началось уже привычно — с принудительной близости.

Нет, Рэниари брали очень нежно, даже осторожно. Но тут же связывали, если молодой человек начинать сопротивляться.

Вот и в этот раз, не дождавшись ответа на свои домогательства, Эккуар зафиксировал его с помощью шелковых шнуров и отымел.

— Когда же тебе надоест сопротивляться? — Даже с каким-то интересом вопросил князь, когда они оба много позже лежали без сил на проклятой постели.

— Ты все равно сдашься мне… рано или поздно, но сдашься, — с этими словами князь встал, стараясь держаться подальше от вожделенного тела. Даже сейчас, уставшее от сопротивления и принудительной страсти, оно неудержимо манило его.

Пленник не отвечал, лежа ничком и пряча лицо в сгибе локтя.

Тяжело вздохнув, Фейринель накинул на себя халат и положил на столик толстую книжку, что вытащил из кармана: он собирался ее отдать еще с вечера, но забыл, одурманенный телом

mir-knigi.org

Искры.

— Это дневник последней императрицы, — произнес он осторожно. — Я обещал тебе его принести… Написано, правда, на неудобоваримом и очень архаичном языке… но все тебе заделье, чтобы не скучать. Последние страницы писал второй муж эльфийки. Тот, что держал ее в плену.

Рэни все так же лежал, не отвечая и не шевелясь… раскинув в стороны длинные ноги и выставив на обозрение маленькие ягодицы все в пятнах ночных засосов. Князь невольно ощутил, как его член вновь встал по стойке смирно. Словно и не проработал всю ночь. Но Искра… Искра вызывала у него безудержное желание!

И, со стоном качнувшись, Фейринель вновь накрыл собой желанное тело, сходя с ума от наведенной страсти…

Рэни, что же ты со мной делаешь?!..

— Ну, почему?! Почему?!.. — час спустя, не добившись ответа от пленника, Эккуар тряс упрямого мальчишку за плечи, опять борясь с желанием бешено целовать твердо сжатые губы и эти закрытые глаза. — Ты даже смотреть на меня не хочешь! Почему, Рэни?! Чем Эдмир, ТАК поступивший с тобой, лучше меня? Почему ты именно ЕМУ хранишь верность? Ты же не хочешь мне сказать, что ЛЮБИШЬ его?!!!

— Не знаю, — впервые за долгое время ответил Рэниари, открывая свои яркие глаза. — Я уже ничего не знаю… Кроме одного — ТЫ мне не нужен!

— Зато ты нужен МНЕ! — В ярости прошипел Фейринель, отпуская своего несопротивляющегося пленника. — На что ты надеешься, Рэни?! На возвращение к Эдмиру? Нужен ты ему будешь как муж!.. Только как Искра, которую можно запереть в темнице и трахать, чтобы не позорить себя связью со шлюхой… не позорить таким отцом наследника престола!

Заметив, как непроизвольно вздрогнул юноша, Эккуар с радостью продолжал ранить словами.

— Неужели, ты думаешь, что сумеешь вернуться к прежнему образу жизни? — Раздосадованного князя вело желание ударить побольнее. И он заставлял себя бросаться резкими словами. Снова и снова. Раз уж ему ТАК плохо, то пусть и мальчишке будет не лучше. Пусть потеряет всякую надежду на возвращение к своему муженьку — может, хоть тогда станет помягче к влюбившемуся в него мужчине. — Ну, на что?!.. На что ты надеешься?! Ну, хоть на миг представь себе, ЧТО будет, если ты вернешься к «любимому» мужу! Презрение… море презрения!.. и брезгливость! Будь ты обычным человеком, тебя бы или убили, чтобы не позорил честь Келлиадиров… или заперли в горном монастыре Отца-Неба с самым строгим уставом… та же тюрьма… где бы ты сдох спустя месяц, не выдержав порядков. А твоего сына или отравили или просто лишили права наследования, как ребенка с гнилой кровью! Но ты Искра, и любимый супруг предпочтет запереть тебя где-нибудь поблизости, чтобы трахать и получать силу. И он станет каждый день попрекать тебя твоим «грехопадением»… твоей не сдержанной супружеской клятвой! Ты этого хочешь?! — Яростно тряс князь широко распахнувшего глаза Рэни. Чтобы тут же нежно прижать к своей груди задыхающегося от беззвучных рыданий пленника. — Но я… Я никогда!.. ни в чем тебя не упрекну… только останься со мной! Останься добровольно.

— Смотри! — Князь вытянул вперед левую руку, другой все еще прижимая к себе Искру. —

Смотри, что я для тебя придумал… — из раскрытой ладони Эккуара с тихим шорохом крыльев вылетел целый рой золотых бабочек. Это действительно было красиво, но Рэни с усталым вздохом отвернулся от порхающей вокруг красоты.

Как для маленькой девочки, право слово…

— Я не откажусь от тебя, Рэни, — князь с настойчивой лаской повернул к себе его лицо, снова начиная целовать высокие скулы юноши. — И если в самом начале ты был нужен мне только как Искра, то сейчас… Сейчас я хочу тебя, как мужчина желает любимого мужчину. Подумай над моими словами, мальчик. Твое будущее возможно лишь рядом со мной. Как и будущее твоего сына.

Все-таки не выдержав напряжения в чреслах, Фейринель вновь навалился на тонкое тело пленника, сразу входя в разработанный еще ночью проход. И раздавшийся в ответ на это тягуче-приглушенный стон… такой низкий… такой!.. сводящий с ума скрытой страстью!.. заставил князя окончательно потерять голову, лаская даже сейчас сопротивляющееся тело!

Горячая плоть все глубже проникла в Рэниари, не принося наслаждения. Сильные руки Фейринеля смыкались на его боках. Пальцы, до того слегка пощипывающие чувствительные соски, как бы в отместку за невнимание больно впились в истерзанную плоть, вызвав невольный стон юного короля, заставив изогнуться, в тщетной попытке уйти от неприятной боли. Все нарастающие движения в его теле… силы, стремительно покидающие его…

Голова юноши кружилась все быстрее, все неприятнее… не спасало даже то, что он лежал ничком, согнутый едва не пополам, пока между его ног яростно двигался Фейринель, все убыстряя фрикции.

В какой-то миг он почти полностью вышел из тела пленника, чтобы в следующий миг ударить внутрь со всей дури, достав, наконец, до нужной точки. И Рэниари захлебнулся невольным криком, прошитый своим первым в плену удовольствием!

Торжествующий смех тюремщика, раздавшийся сразу после этого, принес Рэни физическое страдание. И если раньше он еще мог отговариваться тем, что не чувствует возбуждения… что берут лишь его тело… то теперь оно само предало своего хозяина!

— Дааа… малыш!.. Тебе хоороошооо!.. — простонал на нем Фейринель, выгибаясь назад от пронзивших его сладких судорог. — ДАААААА!!!..

Руки князя нежно очертили линию сведенных в судороге бедер юноши. И затем Эккуар задергался на нем, с утробным воем выплескиваясь глубоко в тело пленника.

И обмяк…

Только спустя час после ухода князя Рэниари сумел встать на ноги.

Напившись дармовой силы, Фейринель уходил от него, покачиваясь словно пьяный и с шальной улыбкой на полных губах. Набежавшие затем маги оставили Рэни совершенно равнодушным — он уже успел привыкнуть, что с ним обращаются как с дорогой вещью.

Вот и в этот раз его безвольное тело выкупали, вылечили и уложили на уже перестеленную постель, заодно уставив стол изысканными блюдами с княжеской кухни. Но юноша продолжал лежать, не делая попытки встать — уже был научен горьким опытом. Поначалу стоило

подняться, и он тут же терял сознание от слабости. Уж лучше полежать и подождать, чтобы вернулись хотя бы крохи сил.

На душе было мерзко и пусто. Слова Эккуара ударили по больному. Рэни и раньше не слишком-то верил в любовь мужа, а уж в свете последних событий и вовсе засомневался. А ведь он, несмотря ни на что, все еще любил Эдмира. Любил болезненной, раненой любовью, разуверившейся во взаимности. Его вера начала было оживать в последнее время… Но после того, что случилось — нужна ли будет мужу шлюха на троне? Или его действительно запрут, чтобы качать силу?

Или же он навсегда останется пленником этой проклятой башни?..

Осторожно пошевелившись, Рэниари осторожно сел. На лицо тут же упали выращенные по приказу князя пряди волос. К счастью, сейчас они достигали не задницы, а только лопаток. Так что не слишком мешались.

Приноровившись, Рэни все-таки встал на ноги. Нда… шатало его знатно. Тело отказывалось подчиняться своему хозяину. Ноги дрожали, словно желе, а пониже спины все онемело. И это несмотря на усилия магов-целителей!

Закашлявшись, молодой король сплюнул на пушистый ковер кровяной сгусток. Совсем дело плохо. Этак он тут и загнется, еще до того, как его затрахает Фейринель.

— Ну и ну!.. — просипел он, с брезгливостью рассматривая свои почти прозрачные руки.

Действительно, плохо. Долго он так не протянет…

А зачем ему жить?

Рэниари поднял голову, по-новому рассматривая свою роскошную темницу.

Никогда он не понимал… даже презирал!.. самоубийц. Проще простого решить все свои проблемы, покончив счеты с жизнью. И пускай остальные разгребают оставшееся после тебя дерьмо. Не просто трусость несусветная, а самая настоящая подлость!

Легко умереть, но вот жить трудно.

А теперь, оказалось, бывают моменты, когда уйти из жизни — это единственный выход.

Присев на край постели, Рэни задумался, перебирая шелковый шнур, которым так любил его связывать князь.

Что он потеряет со своей смертью?

Самого себя…

Ему только восемнадцать лет. Даже для чистокровных людей это самое начало жизни. А уж для полуэльфа даже не молодость, а самый конец детства!

Он потеряет того, кому когда-то отдал свое сердце… кто его предал… и кто, наверное, все-таки любит его… Не увидит больше Барра и его шебутных супругов… Цитадель… не окунется в искрящийся солнцем Океан… не увидит, как растет его ребенок… не защитит Эрэна от опасностей мира… не познакомится со своими маленькими кузенами…

mir-knigi.org

Многое потеряет.

А что приобретет?

Ни Совет Лордов, ни Эдмир никогда не простят второму королю, что он оказался в постели врага. И пусть это произошло не по вине юноши, но всю жизнь слышать за спиной сальные шепотки… намеки о своей нечистоте… знать, что его ребенка попрекают отцом-шлюхой…

И это в том случае, ЕСЛИ его освободят из плена.

Рэниари невольно зажмурился, представив себе, КАК Эдмир выводит бывшего пленника из башни… в одной полупрозрачной рубашке, что ему разрешалось носить! Как брезгливо кривятся лица воинов, рассматривающих его засосы…

НЕТ!

Только не это!

Юноша яростно замотал головой. Супруг Верховного короля должен быть безупречен. И даже тень позора не должна пасть на наследного принца! Его сын не виноват, что его отцу досталась ноша Искры. К тому же, если Фейринель продолжит наливаться дармовой силой, ни к чему хорошему это не приведет. Будут только новые войны… новые жертвы…

Тогда уж смерть! Всяко лучше, чем сдохнуть среди этих ковров от внутреннего кровотечения и слабости, выпитый до дна.

Сейчас бы к сыну, обнять его, прошептать что-нибудь ласковое. В последний раз подарить частичку тепла, своей любви… Вновь увидеть Эдмира, посмотреть ему в глаза, прошептать «люблю». Между ними было много плохого, но хорошего было все-таки много больше.

Слез не было… лишь пустота и отчаянная решимость довести все до конца.

Простите меня… если сможете. Эд… Эрэндис… Барр… Лотэ… Сэри… простите все. Так надо. Я не смогу вернуться, не смогу посмотреть в ваши глаза. Хочу верить, что вы меня не осудите… ведь иногда жалость страшнее презрения.

Эдмир.

Я не смогу быть рядом с тобой. Вот ты-то меня никогда не простишь. Всегда будешь помнить, что мое тело осквернено чужими руками.

Наверно, я не умею любить… или слишком сильно люблю тебя, мой сероглазый король.

Прости…

Удерживаясь за резной столбик кровати, Рэниари выпрямился. Длинный шнур, забытый слугами, шелковой змеей проскользнул сквозь пальцы. Чем не веревка — прочная, достаточно длинная и скользкая, как всякий шелк. И мыла не надо…

Лучше поторопиться, пока никого не принесло проверять слишком ценного пленника.

Он чувствовал себя на удивление спокойно… даже как-то отстраненно. Ни страха, ни слез, ни истерики. Всего лишь исполнение докучливого дела. Наверное, он сошел с ума, но в душе не

mir-knigi.org

осталось ничего, кроме пустоты и решительности оборвать слишком опасную жизнь.

Так будет лучше и для него, и для дорогих ему людей…

Только сердце почему-то гулко-гулко билось об ребра, как будто желало вырваться на свободу.

Потерпи… скоро все закончится…

Перебросить через планку балдахина шнур и соорудить на его конце скользящую петлю было делом нескольких минут. Руки сами, без участия разума, делали нужное. Вот только почему-то слегка подрагивали.

Продев голову в петлю, Рэни зажмурился… и, не давая себе задуматься даже на миг, шагнул с кровати в пустоту…

…Площадка на вершине Главной башни давала великолепный обзор. Вся Меайра лежала как на ладони!

Было видно, как слегка искрит магический купол мисиранцев, которым они накрыли дворец, блокируя магов противника. Как на дальнем берегу Лазурной суетятся совсем крошечные человечки, пытаясь выбить прорвавшихся на ту сторону врагов. Как горят отдельные кварталы столицы — некому тушить пожары. И как безмятежно-спокойны другие части города, почему-то не тронутые нашествием.

Ее высочество Исса Келлиадир поправила вздыбившийся от ветра воротник камзола. Надо было еще раньше надеть мужской костюм — в нем намного удобнее бегать по лестницам, чем даже в амазонке. И почему она раньше никогда… даже на охоту… не надевала камзол и штаны? Наверное, потому что Сорондо не одобрял на сестрах подобную одежду…

Далеко внизу в плиты дворцовой площади с треском врезался немаленький файербол, взметнув высоко в воздух камни вперемешку с землей. Хорошо хоть людей поблизости не было.

Они держались уже три дня…

Парадные и жилые покои дворцового комплекса оказались переполненными беженцами из близлежащих кварталов, ранеными гвардейцами и городскими стражниками, что уцелели после взрывов в казармах. Хорошо хоть Итарон очнулся и сумел связаться с Эдмиром. Но вот способ связи ввел принцессу в шок. Исса получила достаточно разностороннее образование, чтобы знать, ЧТО требуется для прорыва магической блокады такого уровня.

Кровная связь…

Итарон ее брат.

Старый маг вынужден был признаться, когда она потребовала прямого ответа.

Исса до сих пор не могла принять это родство. Для нее старший брат всегда был один — Соро. А, оказывается, был еще один… сводный.

Правда, была еще одна хорошая новость посреди всей этой жути — Эстель наконец-то пришла в себя! И целители уверяли, что раненая сестра выживет. Даже шрамов от отравленного клинка не останется.

mir-knigi.org

Как жаль, что Лаурэ ушла на следующее перерождение.

Исса тяжело вздохнула, подбирая под головную ленту выбившуюся из косы прядь волос. Пора было идти на Совет. Вот еще докука! Из всех советников самыми адекватными были лишь Итарон, Верховный жрец главного храма Отца-Неба да старый маркиз эр Эрдо, каким-то чудом задержавшийся в Меайре. Остальные… даром, что молоды!.. только панически метались по периметру блокады. И, как принцесса подозревала, если бы у лордов была гарантия, что Анэрас их пощадит — давно бы потребовали от нее сдаться на милость победителя. К счастью, часть из них или успела поцапаться в свое время с Ваоттиро, ставшим союзником Мисирана. Или имели владения на западе и невольно не раз соприкасались с подданными короля Анэраса II в яростных схватках.

Вот жрецы оказались во дворце не случайно. Их вызвали, когда искали след похищенного Рэниари и когда пытались спасти тяжело раненую Эстель. И только благодаря Верховному и его подчиненным удалось отбить первые, самые опасные атаки мисиранцев!

Зайдя перед Советом в комнату наследного принца, Исса с бесконечной нежностью склонилась над спящим младенцем.

— Какой же ты красивый, — тихонько вздохнула девушка, присаживаясь на мягкую скамью у колыбельки. Стоявшая рядом кормилица молча поклонилась высокородной леди и бесшумно вышла. — Боги!.. Если бы ты только знал, Эри, какие приключения выпали на твою долю, едва ты родился! И кто бы мне сказал, милый, где сейчас твой ами. Слава Отцу-Небо, хоть до старшего отца удалось докричаться…

Маленький наследник престола безмятежно спал, выпростав из пеленки ручки с крепко сжатыми розовыми кулачками.

Так не хотелось уходить из этого места покоя и сонной неги. Но ее присутствие было необходимо на Совете.

Тяжело вздохнув, Исса поднялась со скамьи и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

…На удивление Совет начался довольно спокойно. Видимо прошло первое потрясение от случившегося, и Лорды-советники наконец-то вспомнили, что они не только избалованные вельможи, но и воины. Так что вопросы, что поднимались на совете, решались быстро и без лишних криков.

Порадовало, что после подсчетов кастеляна, припасов во дворце было более чем достаточно. Спасибо Рэниари. Ведь именно он занимался всей хозяйственной жизнью двора. К тому же сам дворец некогда возник на месте крепости. И изначально подразумевалось, что в нем можно удерживать оборону.

Но вот остальные новости были не столь радостными.

Во-первых, оставшиеся в храме Отца-Небо жрецы впали в необъяснимый транс, и достучаться до них было невозможно. Видимо очередная пакость мисиранцев. Ладно хоть не прирезали беспомощных людей, лежавших вповалку на всей территории храма. Этой участи избежали только те, кто пришел с Верховным во дворец. Жаль, но, кажется, Итарон очень рассчитывал на поддержку служителей в прорыве магического барьера.

Во-вторых, сам Верховный маг все еще был бессилен после перенесенной магической атаки,

стоившей жизни его ученику, что по глупости впустил в потайную лабораторию шпионку Мисирана — это показали немногие выжившие после нападения стражники. И теперь прежде самый могучий из ныне живущих волшебников был больше похож на дряхлого старика без единой капли магии. К счастью на его властность и ум потеря сил не повлияла, а то бы Исса не знала, как бы справилась со всей этой дворцовой вольницей. И как с ней справлялся Рэниари. Ведь до сих пор, несмотря на его исчезновение, все дворцовые службы работали как самые точные клепсидры! У супруга Эдмира было чему поучиться. Исса была намного старше второго короля, и ее с самого детства учили править огромными владениями семьи. Но принцесса не была уверена, что сумела бы справиться лучше Рэни.

В-третьих, всех советников потрясла новость о гибели молодого герцога Ваоттиро… якобы от рук разгневанных хилдонцев. Именно так донесли чудом вернувшиеся из города разведчики. Попытки выйти на командиров покойного Дориана и отколоть их от Мисирана, ни к чему не привели. Ваоттирцы были в ярости и собирались мстить до последнего — разведчики едва ноги унесли из их лагеря.

В-четвертых, магия внутри дворца из-за проклятых мисиранцев действовала абы как. Работали только самые простые заклинания, давным-давно встроенные в стены: свет, тепло, очистка, легкий стазис для продуктов. С одной стороны — неплохо, а с другой… Хуже всего приходилось целителям. Раненых было слишком много. И маги, разом лишившиеся привычных методов лечения, сбивались с ног, пытаясь помочь страдающим людям. К счастью, пока помогали силовые накопители, что хранились в арсенале специально для случаев магической блокады. И самых тяжелых раненых удалось спасти. Но накопители не бесконечны, а зарядить их вновь вряд ли получится, пока магия блокирована.

И, в-пятых… и эта новость расстроила Иссу едва не до слез… во дворец прорвался молодой маркиз Деззион с немногими уцелевшими людьми. Прорвался, рассчитывая найти здесь младшего мужа. Но нашел только прибывшего чуть раньше отца и заплаканную баронессу Эссэрил с его сыном на руках.

Валиэль… брат ее любимого Эльмарана… погиб, спасая эту никчемную девицу!

Леди Зоратта появилась при дворе сравнительно недавно. Но, несмотря на богатства своего деда, чьей единственной наследницей являлась, не слишком преуспела в поисках мужа. Сама Исса постаралась как можно мягче отказать девице в месте своей фрейлины — слишком уж Зоратта была капризной, высокомерной и избалованной донельзя своим дедом, которого, кстати, при дворе уважали за благородство и смелость.

И брат ее Эла погиб, спасая это ничтожество!

На глаза вновь навернулись слезы, едва лишь Исса вспомнила, как несчастный Карлаэль с мертвым лицом выслушивал весть о смерти любимого. Его отец, тоже влюбленный в Валиэля, и то держался крепче — видимо в силу жизненного опыта. Ведь он уже пережил смерть первого супруга. А может из-за крошечного внука, что, не успев родиться, уже потерял своего второго отца. Хотя, как бы старший Деззион ни крепился, но смерть Вала ударила по нему очень сильно. Несчастный лорд Тарлит постарел прямо на глазах. Но он все-таки не позволял себе стать слабым. Ему было ради кого жить. И ради внука, и ради обезумевшего от потери сына, которого старый лорд лично вытаскивал из самой гущи боя, куда тот сунулся без доспехов, с одним только мечом. Но видимо безумцев сами боги хранят — Карлаэль не только выжил, но и напугал своим видом даже врагов. Мисиранцы шарахнулись от невменяемого лорда как от чумного. Правда, лишь на миг, но и его хватило, чтобы отец сумел выдернуть наследника в безопасное место. После чего приказал своим людям напоить молодого хозяина до

беспамятства — о чем-либо говорить, увещевать или взывать к разуму молодого человека было в тот миг бесполезно.

Вот и сейчас Деззион-старший сидел на Совете с совершенно непроницаемым лицом, делая скупые, но очень точные замечания. Исса знала, что Карлаэль до сих пор лежит пьяный под присмотром верных слуг, у которых был приказ не допускать трезвого состояния наследника. Может, и правильно, но вино тоже не выход. Нельзя же пить до бесконечности!

…Сильный удар в стену дворца ознаменовал конец Совета и начало нового штурма. Анэрас явно торопился, буквально швыряя своих солдат в самое пекло схватки. Король Мисирана явно чего-то добивался. Но чего? Эдмир сейчас спешит на юг. Подмога из Центральных провинций вряд ли придет — там отбивают атаки кочевников. До юга слишком далеко. Запад скован войной, а северу и востоку самим бы удержаться после недавнего мятежа. Но мисиранец словно чего-то опасался или пытался перехватить нечто очень ценное. Но вот что?

Поднявшись со стула в опустевшем зале Совета, принцесса подошла к высокому окну, игнорируя опасность магического обстрела.

Что же пытается захватить Анэрас? Если бы здесь был Рэни, нетерпение врага было бы понятно. Исса была осведомлена, КТО муж ее племянника — Итарон поделился тайной. Но Искры в Меайре не было…

Эрэндис…

Наверное, мисиранец пытается захватить сына Искры. Сделать из него заложника для его отца.

Да нет же, бред какой! Как будто младенец сумеет притянуть к себе пропавшего ами. Рэни наверняка держат в плену. И если уж он не сумел сбежать, то вряд ли освободится, узнав о похищении сына. Да и как об этом можно узнать?

Внимание ее высочества привлекли почему-то радостные крики снаружи.

Выглянув за окно, Исса вдруг сама радостно взвизгнула и бросилась вон, стремясь оказаться как можно быстрее на дворцовой площади.

…Шесть бравых гвардейцев из семьи Коразз стояли у ступеней боковой лестницы.

Окровавленные, даже обожженные, в порубленных доспехах, они, как ни странно, были живы. Все шестеро.

Расплывшись в счастливой улыбке, Эльмаран соскочил с измученного коня и пошел навстречу своей семье. Если уж эти забияки живы, то и Валиэль с Каром явно в безопасности. Уж знатным то маркизам не приходится кидаться в самую гущу битвы, как солдатам королевской гвардии. А в том, что брат с мужем во дворце, барон даже не сомневался — больше им некуда было идти. Не из города же пробиваться в неизвестность?!

— Жив, мелкий!.. — с непередаваемым облегчением выдохнул Виритор, сграбастывая племянника в медвежьи объятия. — Как же я рад!

— Где ты был? — С укором спросил Лит. — Только не надо байки рассказывать, что отбыл по делам семьи. А то мы не знаем, что дед тебя не вызывал. И в поместье ты не появлялся.

mir-knigi.org

— Вот-вот! — Вмешались остальные, столпившись вокруг.

— Колись, давай, — пробасил Фэррон и тут же осекся, заметив бегущую к ним со всех ног принцессу крови. У обалдевшего гвардейца даже весть о гибели Валиэля вылетела из головы. Особенно, когда на глазах у многочисленных зевак — как придворных, так и слуг с многочисленными беженцами и солдат гарнизона — ее высочество Исса как по воздуху пролетела несколько пролетов довольно крутой лестницы и повисла на шее скромного барона, наплевав на мнение окружающих!

— Вот это даааа!.. — беззвучно выдохнул Сакирр Коразз, глядя, как любимый племяш взасос целуется с принцессой на глазах у всего честного народа, что стоит вокруг с раскрытыми ртами.

— А мне плевать! — Тут же с великолепным презрением отозвалась Исса, на миг отрываясь от возлюбленного. — Я уже потеряла половину семьи. И не желаю терять того, кого люблю всем сердцем!

— ИССА! — Эльмаран расцвел так, что даже солнце затмил своей улыбкой. — ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

— И я тоже! — Решительно отозвалась девушка, все еще обнимая своего мужчину за шею — хорошо хоть барон успел шлем отдать оруженосцу, а то бы ее высочество и холодный металл не остановил. — И если для личного счастья придется отказаться от титула, чтобы выйти за тебя замуж, я это сделаю! Возьмешь будущую бесприданницу? Вряд ли мой племянник будет в восторге от моего морганатического брака…

— Ты еще спрашиваешь?! — О счастливую рожу Эльмарана можно было факелы зажигать.

- ******! — Дружно выдали дядья в полный голос, не обращая внимания на присутствующих при сем событии великосветских дам. — НУ, ВЫ ДАЕТЕ!

— Да плевать мне на твое приданое, — столь же решительно выдал молодой Коразз, нежно целуя запрокинутое лицо любимой женщины. — Мне твой титул только мешал. А приданое… мне ТЫ нужна, а не твое приданное. Выходи за меня! Может, тогда Эдмир прекратит меня ревновать к своему супругу… А то ведь до абсурда доходит!

— Ты это о чем? — Не поняла Исса, нахмурившись. Барон только грустно усмехнулся.

— Я тебе все расскажу, милая, — пообещал он. — Дай только немного отдохнуть. У меня было слишком мало времени, чтобы собрать достойный отряд. И так спешил как только мог, едва узнал о нападении. Но я послал весть в Центральные провинции. Им там тоже нелегко, но может что и наскребут. Так что нужно лишь продержаться…

— Не хочется нарушать ваше …гм… УЕДИНЕНИЕ! Но дальнейшую судьбу ее высочества может решить лишь ее семья, — облик появившегося Итарона поразил Коразза в самое сердце. Он помнил мага моложавым и очень красивым мужчиной в самом расцвете сил и возможностей. А теперь перед ним стоял глубокий старик с трясущимся подбородком!

— Да что тут произошло?! — Неприлично вылупился на Верховного мага Эльмаран. — Вы!..

— Я! И я желал бы услышать от вас, молодой человек, полный отчет о том, что вы видели по пути сюда! — Отрезал маг. — И отпустите ее высочество. Я рад за то, что вы нашли друг друга. Но даже отказ от титула принцессы должен быть подтвержден Советом Лордов. А пока этого не произошло, прошу вас относиться к ее высочеству с должным почтением.

— Да я всегда к ней с почтением относился и буду относиться… — недовольно проворчал Эль, но все-таки выпустил девушку из объятий. Но сама Исса почему-то вцепилась в него как в свое последнее спасение, вдруг отчаянно заплакав.

— Что?!.. — испугался Эльмаран, не обращая внимания на помрачневшие лица дядюшек. Главным для него здесь и сейчас были слезы его любимой женщины.

— Эль!.. — чуть ли не в голос плакала Исса. — Эль! Ты… Валиэль погиб…

И вжалась лицом в грубую ткань плаща поверх жесткой кирасы барона. Что угодно!.. Только бы не видеть, КАК изменяется лицо любимого при вести о гибели единственного брата…

— … Вот так это и произошло… — леди Зоратта вытерла совершенно мокрым платком зареванное лицо. Прежде красивые глаза баронессы теперь опухли от слез и покраснели. — Я не могу… как вспомню!.. Бедный малыш! Так рано лишиться ами…

Девушка бросила короткий взгляд на безмятежно спящего на руках кормилицы крошечного Марэта.

— Леди, успокойтесь, — через силу произнес Эльмаран, чувствуя в душе опустошение. Ну, не верил он!.. не верил, что его близнец погиб. Веселый и безбашенный весельчак Валиэль не мог так бездарно уйти из жизни!

Рядом со всхлипом втянул в себя воздух лорд Тарлит. Старик совсем сдал: все-таки и для него синеглазый красавец бы светом в окошке.

— Вы ни в чем не виноваты, — тихо проговорил Коразз. — Мой брат поступил так, как должен. Видимо он был ранен во время взрыва, иначе бы выплыл. Спасибо, что позаботились о моем племяннике.

— Это самое мало, что я могу! — В голос зарыдала девушка, уткнувшись в свой повисшей мокрой тряпочкой платок. — Бедный малыш! Хоть его у меня не забирайте… Если уж он потерял ами, так хотя бы я о нем позабочусь… пока лорд Карлаэль не придет в себя!

— Я бы не хотел расставаться с внуком, — тоже всхлипнул лорд Деззирон. Но баронесса лишь головой покачала, не отнимая лица от платка. — Мои покои достаточно обширны и удобны. Я буду только рада видеть здесь вас с вашим сыном.

— Не стоит, — вежливо отказался Эльмаран. Наверное, на него повлияла неприязнь Иссы к девушке, но барон хотел бы забрать ребенка брата у этой особы. Но куда? Не место младенцу рядом с пьяным отцом, да еще и в окружении грубых солдат. Ладно, пусть пока остается на женской половине. Но как только подвернется возможность, он немедленно заберет Марэта в семью.

Вал, ну почему!.. почему ты погиб! Демоны бы тебя драли, братец! Я не верю… НЕ ХОЧУ верить в твою смерть… и НЕ БУДУ! Чтобы такой проныра как ты и так бездарно ушел из жизни?!

Да никогда!

Вот только сердцу все равно больно…

mir-knigi.org

— Спасибо, что помогли нам, — тихо поблагодарил Эль рыдающую девушку и поднялся. От чужих слез уже тошнило.

Лорд Тарлит тоже встал и, отвесив короткий поклон, вышел вслед за родичем.

…Леди Зоратта с раздражением отбросила в сторону мокрющий кусок ткани, называемый платком. Глаза немилосердно жгло от закапанного в них сока аралии. Но на что только не пойдешь, добиваясь желаемого! И ведь даже не умоешься — вдруг еще кого принесет. Люди должны видеть, как она горюет о смерти своего спасителя.

Слава богам, этого орущего и ссущего щенка удалось оставить себе. Зоратта ненавидела мальчишку всей душой. Ей свои дети нужны, а не чужие пащенки. Но пока этот гаденыш необходим, чтобы приманить Карлаэля. А потом, когда она станет его мачехой, времени будет достаточно, чтобы решить эту проблему по имени Марэт Деззион раз и навсегда. Земли маркизата должны унаследовать ее дети, а не этот ребенок.

И чтобы добиться этой цели, она будет портить зрение жгучими снадобьями, прилюдно рыдать и укачивать на руках чужого щенка, постоянно твердя, что очаровательному малютке нужна заботливая мать вместо погибшего ами. И что она готова выплатить долг жизни, став женой безутешного вдовца и трепетно заботясь о сыне своего спасителя.

В конце концов, титул маркизы Деззион многого стоит…

…Сильный удар швырнул Рэниари вперед, вышибив из него воздух прежде, чем на шее затянулась петля.

Больно ударившись коленями об пол (не спас даже толстый ковер!), молодой человек непонимающе затряс головой — перед глазами почему-то болтался ровно обрезанный шнур. И в следующее мгновение пленник был подхвачен чьими-то сильными руками и брошен в марево портала.

Последнее, что Рэни успел заметить — это вбегавших в уже покинутую темницу магов Фейринеля. А затем он очутился на стремительно несущейся по реке узкой, длинной лодке. Мимо на бешеной скорости пролетали скалистые берега, поросшие соснами и буйно цветущим кустарником. Ладони и колени юноши упирались в мокрые доски вертлявой лодчонки. Шелк рубашки на спине быстро намок от брызг, а сам Рэниари все еще находился в каком-то отупении — слишком быстро произошел возврат от добровольной смерти к уже позабытой жизни…

Не обращая внимания на раздающиеся злые голоса над головой, молодой король погладил ладонями лодочный борт, наслаждаясь влажной шершавостью крепко сбитых досок и пачкая руки темной смолой.

Сон… но какой реальный!

К правому боку прижалось что-то теплое и пушистое… утробно замурчало, согревая и успокаивая. Скосив взгляд, Рэни узнал Черныша. Кот умильно заглядывал ему в лицо, возбужденно блестя золотыми глазами.

Но ведь Черныш погиб… там, на поляне. Значит… точно сон…

Но додумать ему опять не дали. Опять сильные руки бесцеремонно вздернули его вверх, заставив тошноту подкатиться к горлу. Небо поменялось с землей местами, и он очутился висящим вниз головой на твердом плече мужчины. Затем толчок!.. и перед глазами мелькнула речная гладь, чтобы тут же смениться каменистой площадкой, покрытой опавшей хвоей и кое-где прорвавшимися сквозь нее кустиками зеленой травы. Лодка, вновь вернувшаяся на стремнину, стремительно уносилась прочь, хлопая серым парусом.

Треск сработавшего телепорта заставил Рэниари вздрогнуть и рывком вернуться в реальный мир. В панике он попытался вывернуться из державших его рук, разглядев, как в реку с матами прямо из воздуха сыпятся печально знакомые маги Эккуара.

— Тихо… тихо, малыш… — яростно зашептали ему на ухо. — Они нас не видят. Все их внимание на лодку, где стоит маячок!

Вывернув шею, Рэни в ошеломлении уставился в бешеные глаза Баррэта.

— ТЫЫЫ?!!.. — просипел он. — А?!..

— Потом! — Хорошенько его тряхануул любимый дядюшка. — Все потом! И ты, паршивец, мне еще ответишь за то, что задумал в башне! Касс!..

— Я прикрываю, — прохрипел повисший на плече Лотэ маг. — Но лучше уходить. Они быстро разберутся, что лодка пустышка…

Баррэт вновь подхватил племянника на руки и ломанулся сквозь кусты.

— Черныш! — Крикнул он коту. — Ищи!

А Рэни закрыл глаза, все еще не в силах поверить в свое спасение.

Но спасение напомнило о себе само, когда юношу довольно бесцеремонно сбросили на землю. С трудом приподнявшись на дрожавших руках, Рэниари огляделся. На краю маленькой полянки пофыркивали оседланные кони. И среди них его Ветерок, что должен был находиться в Цитадели. За кустами виднелись сапоги вытянувшегося ничком Кассина… Ло подходит к нему… На голых ногах лежит зябкая тень от разлапистых папоротников… по щиколотке ползет муравей… солнце припекает макушку сквозь кроны деревьев… Так знакомо пахнет лесом и солью близкого Океана…

Поежившись, Рэни медленно сел, чтобы тут же кубарем покатиться по траве от налетевшего на него Черныша.

— «ХОЗЯЯЯИИИН!!!!!» — Ментальный вопль кота оглушил юношу. Черныш всеми лапами прыгал на нем, заставляя невольно крякать от тяжести далеко не маленькой тушки. Образы, выплеснутые маго-котом, заставили юного короля на миг потеряться: и как Маленький, Пушистый и Беззащитный очнулся, а любимого Хозяина нет… и как одинокий котенок его искал!.. и как его обижали — не давали есть… и пришлось обижать в ответ… а в Серых камнях (образ Цитадели) его сначала дружно все ловили, а потом дали много вкусного и помогла спасти Хозяина…

— Ты что творишь, паршивец! — Баррэт шипел не хуже Черныша, когда тот злился. Схватив племянника за плечи, Ворональ принялся немилосердно его трясти. — Мы чуть с ума не сошли, когда поняли, что ты в плену у Фейринеля! Все мозги себе вывернули, придумывая, КАК тебя вытащить! И что я вижу в этой ******** башне?! Мелкий засранец решил покончить

счеты с жизнью?!

— Так было надо… — непослушными от пережитого потрясения губами выговорил Рэниари, чувствуя, как на лицо наползает безудержная улыбка — он ЖИВ!

ЖИВ!!!!!

— Кому надо? — Неодобрительно отозвался подошедший Лотэ. Молодой человек вернул себе прежнюю форму и уже ничем не напоминал раздутый шарик, каким Рэни его помнил. — Кстати, шикарная рубашечка! Надо будет Сэриэлю намекнуть, чтобы заказал такие же.

Рэниари тут же болезненно обхватил себя руками, вспоминая, в каком он виде. И что кроме драгоценного паутинного шелка, золотистого и полупрозрачного, на нем ничего нет. Свободная рубашка едва доходила до колен и мягкой дымкой окутывала его тело, ничего не скрывая.

— Прекрати, — оборвал его терзания Баррэт, вновь крепко обнимая. — Теперь ты в безопасности. И мы все возвращаемся в Меайру.

— Кому я там нужен… — тихо и безнадежно произнес Рэни, не поднимая горевшего от стыда лица. — Шлюха Фейринеля…

Тяжелая пощечина заставила его голову мотнуться, а сам юноша ошеломленно заморгал.

— Это тебе Фейринель сказал? — Уточнил Баррэт, катая желваки от ярости. — Знаешь, малыш, пытки бывают разными. Считай случившееся очередной разновидностью пытки!

И тут же опять обнял замершего племянника.

— Глупыш, зачем?! Возвращайся к нам…

— Нет. Нет!! Я не могу вернуться обратно!!! После всего… — Рэниари затрясло, и он попытался оттолкнуть от себя руки Баррэта, но тот перехватил его и только крепче прижал к себе, удерживая на месте. Но юноша вновь погрузился в какую-то безысходность. — Я не желаю слышать, как меня будут попрекать пленом… как будут попрекать моего сына…

— Истерика, — со знанием дела прокомментировал из-за кустов невидимый маг. И эти слова лучше всякой пощечины отрезвили Рэни. Боги, в кого он превратился?! В какую тряпку! Никогда прежде он не позволял себе подобного.

— Простите, — произнес он, решительно растирая ладонями пылающее лицо. — Эдмир никогда мне этого не забудет. Как муж я ему уже не нужен. Только как Искра. Вы ведь видели…

— Да?!.. А чем лучше было то, что увидел ТОГДА ты?! — Заорал вдруг выведенный из себя Баррэт. — Тогда, когда я оказался в руках этого психа Ковура! Мне тоже нужно было кончать счеты с жизнью?! Не нужен он, видите ли, мужу! Ты НАМ нужен, придурок малолетний! Нам и своему сыну! Решил легко отделаться?!..

— Прости… — повторил Рэниари, словно просыпаясь от дурного сна. — Я действительно считал, что так будет лучше для всех.

— А сейчас… Сейчас не считаешь? — Заглянул ему в глаза Барр. Юноша помотал головой.

— Нет, — тихо, но твердо отозвался он. — Ты прав. Даже если Эдмиру я уже не нужен как муж,

то МНЕ есть ради кого жить. И кого спасать.

Не выдержав, Ворональ сильно встряхнул Рэниари, с трудом сдерживая счастливую улыбку.

— Ты прав, малыш, — с облегчением произнес он. — А теперь марш одеваться! Мы и так уже слишком задержались здесь.

— Не правильное сравнение, — тихонько уточнил Лотэ, когда Рэни пошел к лошадям за одеждой. — Ты пережил лишь одно насилие. А он… он отсутствовал много дней. Вряд ли с ним вели беседы о погоде.

— Знаю, — прошептал в ответ старший муж, тяжело поднимаясь с земли. — Но мне нужно было его встряхнуть… показать, что жизнь не кончается. И любое насилие можно пережить. Кассин, кончай подслушивать и вылезай из кустов!

— Я не специально, — слабым голосом отозвался маг, с достоинством выползая на поляну. — Просто сил нет… стоять не могу. Все-таки пробить такой барьер это не хухры-мухры!

…Знакомая ткань ласкала руки. Серая, вбирающая в себя все оттенки окружающего мира, теплая… не толще шелка.

Выделанная шкура виверны, что лишь год назад он добыл вместе с отцом.

Надо же… всего год прошел. А, кажется, что десятилетия минули с тех пор, как он повстречал Эдмира. Аррид все-таки сшил для него охотничий костюм. Вот он сейчас и пригодился.

— И все-таки, как вы меня нашли? — Спросил Рэниари, когда они вчетвером покачивались в седлах, следуя извилистой лесной тропинкой. Кони мягко ступали по усыпанной сухой хвоей земле. Черныш хрустел валежником где-то в стороне. А люди, наконец, расслабились, не опасаясь погони.

— Твой кот подсказал, — тут же отозвался дядя. — Переполошил всю Цитадель. Как мы поняли — он взял ее образ из твоей памяти. Аррид немедленно вызвал меня. А уж дальнейшее полностью на счету Кассина и Мирана, цитадельского мага.

— Ваш кот, ваше величество, — вмешался едущий позади всех маг, — очень умное создание. Просто чудесный экземпляр. Хотелось бы мне познакомиться с его создателем.

— Не получится, — не удержался от слабой улыбки Рэниари. — Его создатель был пьян. И до сих пор пытается понять, что и в какой пропорции намешал.

— Жаааль! — С искренним сожалением вздохнул Кассин. — Как я понимаю, препарировать своего любимца вы, выше величество, не дадите? ЭЙ! Не трожь мою задницу — я пошутил! Мне еще ехать на ней!

Шум и возня позади закончились торжествующим взмявом Черныша. И маго-кот гордо приземлился на холку Ветерка, держа в зубах клок из штанов мага. Судя по отсутствию следов крови на ткани, кошак тоже понимал шутки. Но за грубость проучить не отказался.

— Вот ведь вредина шерстяная, — бурчал себе под нос Кассин, магически восстанавливая пострадавшие штаны. — Но симпатичная… Словом, Черныш с амулетом-маяком проник в башню. Он умеет проходить сквозь стены… А дальнейшее было делом техники. Лодка была

нужна, чтобы нас не засекли раньше времени. На текучей воде проследить за побегом намного сложнее, чем на тверди. Да и телепортироваться на крошечное суденышко слишком опасно. Но у нас не было иного выхода. Слишком уж силы неравны — схватись мы со всеми фейринельцами. Кстати, я там в башне странную книжечку прихватил, — обернувшемуся Рэниари продемонстрировали уже знакомый дневник. — Язык староэльфийский. Судя по всему — редкость страшная!

— Это дневник последней императрицы эльфов, — отозвался Рэни. — Надо будет ее Итарону отдать. И спасибо вам всем, — серьезно произнес юноша, поглаживая за ушком откровенно млеющего Черныша. — Спасибо за все.

Действительно, а что тут еще скажешь…

…Князь Эккуар Фейринель медленно растворил настежь тяжелые двери на самой вершине Белой башни и ступил на разноцветные плиты обзорной площадки. Высокие резные арки, частоколом обрамлявшие обширное пространство, не скрывали от властителя княжества великолепный вид на его владения.

Фейринель!

Земля солнца, край радости…

Благословенная самими богами укромная долина, скрытая от мира высокими горами. Замкнутый мир, куда можно было попасть лишь на корабле через Эрекссийский пролив, на другом берегу которого высились грозные башни Морской Цитадели. На корабле да по узким горным тропкам, пройти по которым рисковал не каждый купец. Именно эта естественная преграда хранила княжество от орд захватчиков да ограждала от холодных северных ветров.

Край, где никогда не было зимы. Где снимали по три урожая в год.

Земля, не знавшая войн, болезней и нищеты. Место, где люди всегда улыбались друг другу, а в домах никогда не запирались двери.

Земля, которой вот уже много лет правил он, Эккуар, кровь от крови своего народа…

Дворец, стоявший на невысоком, пологом холме, не слишком возвышался над долиной. Но Белая башня главенствовала над всем княжеством, чуть ли не вровень с горными вершинами. Все-таки умели эльфы строить…

Подойдя к самому краю площадки и придерживаясь рукой за витую колонну арки, князь осторожно заглянул вниз. С высоты птичьего полета мир казался таким маленьким и компактным.

Ветер тут же взметнул полы княжеских одежд и потянул за собой, понукая раскинуть руки и лечь всей грудью на плотный воздушный поток, чтобы на краткий миг полета ощутить себя птицей. Сразу невольно закружилась голова. И Эккуар отвернулся, спрятав лицо в сгибе руки, чтобы переждать чувство невесомости, возникшее в груди. Ажурные решетки, огораживающие бездну за площадкой, казались такими ненадежными здесь, на этой высоте. И практически не давали чувство защиты от падения.

Пустота за аркой звала… пела… манила… тянула к себе…

— Государь… — тихий сквозь посвист ветра голос Эзд Ралода заставил князя распрямиться и отшатнуться от слишком опасного края. Преданный маг обнаружился позади, преклонив колено и низко склонив голову. Ветер бойко трепал темно-каштановые волосы Сарола, превратив их в неопрятный конский хвост.

— Войска Хилдона подошли к горам…

— И?.. — с каким-то даже равнодушием поинтересовался Фейринель, рассматривая главную плотину. Уровень воды опять опасно повысился, и мелкие волны все больше и больше захлестывали вершину дамбы, где копошились крошечные точки строителей, сутками напролет укрепляя единственное спасение княжества от всевластной стихии океана. В этом-то и была единственная проблема живущих в Фейринеле людей — земли плодородной долины медленно, но верно уходили под воду. Спасением от надвигающейся катастрофы служила только старая дамба. А уходить с этой земли было некуда — мир за горами давно поделили между собой более крупные и сильные королевства, которым маленькое княжество на один укус. Да и куда идти от родной земли, где ты родился и вырос, в которой похоронены твои предки? Уехать в другие страны? А кому ты там будешь нужен? И если для отдельного человека это еще реально, то что делать целому народу — идти в кабалу к соседу, добровольно принять на себя рабское ярмо? Ибо никто не позволит существовать на своих землях большой, независимой общине со своими традициями и со своим правителем. Вот и строили люди княжества дамбу, укрепляя ее из года в год. Вот и привыкли жить под постоянным крылом Серой госпожи, сражаясь за каждый дюйм пространства с наступающим океаном. Ибо если падет дамба, то все княжество скроется под водой, образовав новый залив в обширной береговой линии материка.

— Маги отметили возмущение магического фона со стороны хилдонцев, — сообщил Сарол, все так же не поднимая головы. — Судя по всему, у короля Эдмира еще остались сила Искры. И он планирует пробить в горах проход, чтобы захватить княжество.

— Скорее всего, — равнодушно согласился Эккуар.

Ах, Рэни, Рэни!

Не вовремя ты сбежал. Сил, полученных от тебя, хватит лишь на одно свершение. Или на уничтожение врагов, не допустив захват княжества… Или на спасение этой земли. Всего-то и надо поднять скальное основание материка в этом месте. Все давным-давно просчитано и выверено. Даже учтено то, куда пойдет откат — если в одном месте материковая плита должна подняться, то в другом она опустится. И даже известно где — на далеком севере, где среди снегов и ледовых торосов никто не живет, кроме диких йетти.

Если бы ты оставался моим пленником, мой золотой мальчик! Я бы сумел сделать сразу оба дела. А потом по праву победителя короновался бы в Меайре, взяв тебя младшим мужем после гибели Эдмира. И даже твой сын не помешал бы мне стать королем Хилдона. Эрэндис прекрасно подошел бы на роль драгоценного заложника. А с другой стороны… судя по увиденному в башне, ты пытался покончить с собой. Не надо, малыш, лучше живи и будь счастлив.

И прости меня, если сможешь…

Но что же выбрать?

Уничтожить Эдмира?.. Или спасти Фейринель и сидеть в осаде, зная, что король Хилдона никогда не простить похищенного мужа?..

— Государь, — маг за спиной прерывисто вздохнул. — По нашим подсчетам у вас не хватит сил осуществить тектонический сдвиг…

— Что?! — Фейринел резко повернулся. За его спиной обнаружились все его маги.

Они молчаливо преклонили колени, как и их глава Эзд Ралод.

— Как это не хватит?! — А в душе разливается предательская радость. Вот и все! Все само за него решилось. Не надо надрываться, гадая, выдержит он такое напряжение или умрет, отдав магии всего себя. Теперь можно со спокойной душой уничтожить хилдонцев и жить дальше: стояла же эта дамба несколько веков, простоит и еще. А там, глядишь, появится новая Искра. И если не ему, то его наследникам вполне возможно повезет исполнить задуманное.

— У ВАС не хватит, — пояснил Сарол, поднимая на князя посветлевшие от непонятной решимости глаза. — Но если мы все… разом… выплеснем свои силы!.. То все получится. Мы готовы, государь!

Маги один за другим поднимали головы, гладя на Эккуара сверкающими от неистовой надежды глазами. Среди них не было никого из-за пределов княжества. Они все родились фейринельцами и слишком хорошо знали, что такое — жить под нависшим над головой мечом.

И Эккуар на миг отвернулся, делая вид, что рассматривает дамбу.

Сжечь себя, зная, что этим спасаешь других…

Никогда он не был альтруистом. Но и обречь на гибель эту землю не мог…

— Началось! — Выдохнул Сарол. И князь вздрогнул, всем телом, всей своей новообретенной силой ощутив, КАК вздрогнули древние горы, когда по ним ударили извне.

На глазах всех, кто был на башне, горную гряду словно разрезал незримый нож, сформировав узкий издалека проход. С площадки щель в стене казалась тонкой ниточкой, но Эккуар знал, что там отныне пролегла широкая дорога, соединившая доселе изолированное княжество с остальным миром.

Теперь или никогда!

И Эккуар Фейринель принял решение, чувствуя, как в холодной обреченности замирает в груди сердце, чтобы в следующий миг сорваться в болезненный галоп.

— Пошлите гонца к королю Хилдона, — внешне спокойно распорядился он, отрезая себе последние пути к отступлению. — Пусть сообщит, что тот, кто нанес его величеству оскорбление, уже мертв. И передаст мою просьбу — быть снисходительным к невиновным жителям Фейринеля. Я вручаю эту землю королю Эдмиру!

Тяжелый перстень с фамильным гербом владык княжества с трудом, до боли в выкрученном пальце, сдирался с руки. Но Эккуар сумел-таки сдернуть золотой ободок, опуская его в ладонь Сарола. Эзд Ралод сжал пальцы и что-то пошептал. А когда встряхнул рукой, то перстня уже не было.

— Готово, повелитель, — серо-голубые глаза мага смотрели на князя с немым обожанием. — Мы пойдем за вами до конца!

mir-knigi.org

— Тогда начнем! — Эккуар решительно прошел в центр площадки, оставляя за спиной далекий столб пыли на месте вновь сформированного пролома и долетевший, наконец, до них гул горного обвала. Эзд Ралоду предстояло направлять силовые потоки, а князю с остальными магами — послужить накопительными амулетами, выкачивая из себя силы для необходимого действия.

«Рэни!.. Непокорный мой… — думал Эккуар, чувствуя, как вместе с силой из него стремительно вытекает сама жизнь. — Простишь ли ты меня?.. Будь счастлив…»

И последним связным воспоминанием иссыхающего на глазах мужчины было тонкое золотое тело на белоснежных простынях, смятых любовными играми.

Тело Искры, что так жарко изгибалось в его объятиях…

Катаклизм отозвался тягучим гулом и стремительной волной, прошедшей под землей. Крошечные с высоты белоснежные домики и сам дворец тряслись и подскакивали, колеблясь всеми стенами. Но, как ни странно, не разрушались. Земля прямо на глазах вспучивалась пологим горбом, медленно поднимаясь все выше и выше. Каменные валуны сыпались из дамбы, ее стены рушились прямо на глазах. Крошечные фигурки строителей метались по ее верху, стремясь уйти от надвигающейся катастрофы: все началось очень уж неожиданно, и никто не успел предупредить людей о задуманном. Сама же дамба была слишком протяженной, чтобы сумели спастись все. В ее разломы стремительно врывался океан, блестящими на солнце крыльями разрезая докучливую преграду на крупные куски, зло разрушая их и смывая со своего пути. Но упрямая суша продолжала стремительно убегать от мести волн, поднимаясь все выше и выше. Пока, наконец, не замерла там, куда раздосадованная вода не могла добраться.

Потемневшие от грязи волны бросались на вновь сформированный берег, и только в самом центре залива крутилась, успокаиваясь, гигантская воронка на месте погибшей дамбы, ставшей братской могилой для не успевших спастись людей.

Гул искусственного землетрясения постепенно затихал…Почва долины все еще неустойчиво шевелилась, потряхиваясь словно большая собака… вздыхала, укладываясь на своем новом ложе… засыпала… давая шанс живущим на ней людям начать все с начала.

…Тонкий пепел тех, кого больше не было на вершине башни, длинным сверкающим шлейфом струился над спасенным городом, выдуваемый ветром с опустевшей площадки…

Далеко на западе Рэниари остановил Ветерка.

Лесная дорога была тиха и пустынна. Даже птицы затихли.

— Рэни, что случилось? — Встревожено начал Баррэт. Вороной под ним зло выгнул шею и всхрапнул. Кони Лотэ и Кассина тонко заржали. Из придорожных кустов с треском выдрался встрепанный Черныш, судорожно заглатывая какую-то тварюшку.

— Не знаю… — растерянно отозвался юноша, вслушиваясь в себя.

— Уже приехали, — сказал Касс, рукой отодвигая еловую лапу: в просвете ярко блеснул простор Лазурной. На широкой песчаной полосе муравьями копошились солдаты в цветах Цитадели и Круглого Холма. А у берега покачивались многочисленные хищные силуэты

полупиратских шнек. — Ветер попутный, домчимся — оглянуться не успеешь!

И в этот миг словно волна прошла по земле. Кони вставали на дыбы, едва не сбрасывая всадников, со стороны реки донеслись встревоженные крики.

И все замерло…

Только дико орущие птицы сплошной пеленой кружили над лесом.

— И что это было? — Поинтересовался Лотэ, успокаивая своего коня. Умница Ветерок уже стоял спокойно, настороженно косясь лиловым глазом по сторонам.

— Не знаю… — так же растерянно ответил маг. — Волна со стороны Фейринеля… какое-то мощное волшебство…

— Они хотели поднять уровень берега, — отрешенно произнес Рэниари. В груди словно струна оборвалась, принеся боль освобождения. Знакомая призрачно-золотая бабочка затрепетала резными крыльями перед глазами юноши. И Рэниари как завороженный протянул невесомому фантому ладонь.

— Пора, — поторопил всех Баррэт, первым двигаясь к берегу. А бабочка, коснувшись пальцев Искры, рассыпалась быстро тающей пыльцой, тонко зазвеневшей на ветру.

«…Прости…»

Глава 10

Эдмир тяжело смотрел на преклонивших перед ним колени старейшин Фейринеля.

Проклятое, ******** княжество! ******* князь!

Эккуар обманул его. Теперь, после случившегося, эта тварь стала героем для своих подданных! Тот, кто спас их от смерти… кто дал надежду на дальнейшее существование.

Королю Хилдона безумно хотелось выпустить собственную ярость и не оставить в княжестве и камня на камне. Судя по тому, что рассказали перепуганные слуги Башни, Рэниари потерял всякую надежду на спасение. Иначе бы не полез в петлю! Видимо совсем разуверился, что его спасут. Глубочайшая благодарность тому, кто выдернул любимого мужа из шелковой петли. Во всяком случае, новый похититель умрет легко и сравнительно быстро.

Но Рэни?!..

Неужели ты так не веришь в меня, любимый, что решил умереть?! Неужели думал, что я буду тебя хоть в чем-то попрекать?! Мой золотой малыш, я люблю тебя… и всю свою жизнь проклинал бы только СЕБЯ за то, что не уберег… не защитил… не успел…

Ладно, с этой ******** землей потом разберемся. Можно отдать в личное владение наследному принцу — все-таки красивый край. И если бы не муж, которого здесь держали пленником, Эдмир и сам бы не отказался иметь такой загородный дворец. Впрочем, сейчас нужно спешить в Меайру. Спасти столицу, а там Итарон выяснит, кто снова украл Рэниари. А еще нужно послать гонца к брату. Пусть поспешит на север…

— Отныне Фейринель часть Хилдона, — кривя губы в жестокой улыбке, произнес король, глядя на белых от страха старейшин — руки так и чесались размазать эту мразь в кровавую кашу.

Эккуар, ты еще легко отделался! Я бы жег тебя годами… — Я не буду мстить за то, что сотворил ваш БЫВШИЙ князь. Но если вы… — он посмотрел на знатных фейринельцев. — Если вы дадите мне повод… — это прозвучало с ТАКИМ предвкушением, что старейшины содрогнулись, — я смешаю ваш клочок земли с грязью. И в мире забудут, что некогда существовал Фейринель!

Теперь нужно спешить назад. Как будто и не было недельной гонки по восточному притоку Лазурной до Синего озера и стремительного пешего перехода до Горной стены, которую оказалось так легко пробить проходом. Зато теперь изоляции Фейринеля пришел конец. Хорошее приобретение для королевства, если бы еще и любимый муж был рядом.

…Карлаэль Деззион был на самом острие атаки.

Разглядев зятя, Эльмаран похолодел и бросил свой отряд на помощь обезумевшему родичу.

— Ты что творишь, ******! Б****! — Заорал перепуганный Коразз, раскроив череп очередному мисиранцу. По наплечникам доспехов ответно скользнул чей-то клинок, в бок нацелилось жало копья — хорошо хоть проворный оруженосец успел прикрыть своего лорда тяжелым щитом. — Уведите этого безумца из боя!

Каким-то чудом маркиза удалось оттащить за линию королевских гвардейцев. Но последовать за Карлаэлем барон не смог — мисиранцы ломились вперед словно обожравшиеся мухоморов северные шаманы. Кажется, зять что-то яростно кричал и даже пытался брыкаться, но Эльмаран за грохотом схватки ничего не слышал. Только и смог заметить, как раскрывается в протестующем крике рот Деззиона, прежде чем его утащили в тыл дюжие гвардейцы.

…Он нашел зятя сразу после боя, когда солдаты Мисирана с разочарованной руганью вновь откатились за пределы дворцового парка.

Карлаэль стоял перед своим отцом такой потерянный, без шлема, в окровавленных и порядком изрубленных доспехах. Взгляд беспомощного ребенка… И Элю стало безумно жалко того, кто потерял смысл жизни. Но если его сейчас пожалеть, то станет только хуже. Чего явно не понимал старший маркиз, пытаясь хоть как-то образумить сына.

В груди барона вновь защемило, и он, едва не взвыв от тоски по брату, порывисто шагнул вперед, тут же впечатав окольчуженное предплечье в горло зятя, не защищенное бувигером. Лорд Тарлит дернулся было спасти захрипевшего от удушья наследника, но тут же застыл, поймав бешеный взгляд карих глаз барона, столь не похожих на синие очи его младшего брата.

— Ты что творишь придурок!.. — зашипел на зятя Эльмаран. — Если жить надоело, то скатертью дорога! Но ты о Марэте подумал?! Он ведь не только твой сын, но и сын Валиэля! Думаешь, ему будет легко потерять ОБОИХ родителей! Не знал, что ты такой трус и боишься жить дальше!

— Моего Валя больше нет… — прошептал искусанными губами Карлаэль, поднимая на Коразза глаза, полные слез. Эль убрал руку от его горла и рывком притянул к себе. От молодого маркиза невыносимо разило перегаром, но в остальном он был трезв. Видимо, выпивка не слишком-то помогла залить горе.

— Кар, не дури! — Суматошно зашептал зятю Эльмаран, встряхивая его на каждом слове. — Неужели думаешь, что моему брату понравилось бы, что ты гробишь и себя и вашего сына.

Малыш не выживет без твоей поддержки. А твой отец слишком стар — сможет ли он поднять ребенка в одиночку?!

Не выдержав, Карлаэль глухо зарыдал прямо в бронированное плечо барона, не обращая внимания, что до крови царапает лицо: изрубленная кожаная туника не сильно-то спасала от колец брони.

— Вернись во дворец… — шептал Эль, давая ему выплакаться. — Пожалуйста… Хватить пить и искать смерти. Нас слишком мало. Если мисиранцы прорвутся… тех, кто внутри, ничто не спасет! Погибнут все. И малыш Марэт… Вал никогда не простит тебе… Пожалуйста, возьми себя в руки.

Отстранив от себя вроде бы чуток успокоившегося Карлаэля, барон пытливо заглянул в потускневшие глаза цвета весенней листвы.

— Я могу надеяться, что наши спины будут прикрыты? — Тихо спросил он. Бедняга Карлаэль… он никогда не хотел быть старшим. Да и не умел, хотя его учили. Слишком хрупкий, слишком уязвимый. Он с радостью отдавал Валиэлю роль ведущего, принимая на себя обязательства ведомого. Судьба и титул потребовали от него стать главным в браке, но насколько Коразз знал, Валиэль всегда и во всем руководил мужем. И сейчас, потеряв свой стержень, Кар надломился, не зная, за что цепляться. И Эльмаран мягко толкал зятя к тому, что таким стержнем для него должен стать его наследник.

— Иди во дворец, — мягко напомнил он Кару. Элю самому бы завыть, оплакивая своего близнеца, а приходилось успокаивать других. — Организуй оборону.

— Да… — Кар вытер лицо ладонью, растирая по щекам кровь и копоть вперемешку со слезами. — Не беспокойтесь обо мне. Я все сделаю. В конце концов, у меня есть Марэт. Только, отец… отзови своих людей. Мне не нужно больше вино… от него становится лишь больнее…

И тяжело пошел в сторону дворца. А его отец с глубочайшей благодарностью посмотрел на Эльмарана.

— Спасибо, — с чувством произнес он. Губы старика заметно подрагивали, и барон запоздало вспомнил, что Тарлит тоже был влюблен в его брата. — Я уже и не знал, что делать!

— Всегда пожалуйста, — пробормотал Эльмаран и побрел к своему отряду. Заместители дело, конечно, хорошее, но лучше самому все предусмотреть, прежде чем отправиться в покои Иссы, чтобы хоть немного побыть вместе до следующего штурма.

Надо бы дядюшек организовать присматривать за Карлаэлем…

И правильно сделал, что отправил неугомонную шестерку на помощь Деззиону. Следующий штурм начался практически сразу, как только войска Мисирана перегруппировались. Эль только и успел поцеловать свою ненаглядную принцессу, как вновь заработали вражеские катапульты. И десятки керамических шаров полетело в сторону дворца — маги Хилдона держали защиту от магического проникновения, но вот грубое физическое вмешательство нейтрализовать не успевали. Чем и пользовались мисиранцы, чуть ли не круглосуточно обстреливая Королевский холм шарами, начиненными не активными до момента удара файерболами. Но когда такие «подарки» разлетались на куски, то маленькие, неуправляемые шаровые молнии начинали хаотично летать вокруг, взрываясь от малейшего касания.

Сам Эльмаран вместе с остальными гвардейцами защищал периметр малого парка, держа

ворота, стены и сторожевые башенки. А вот Карлаэлю, видимо, чтобы не забивал себе голову тоскливыми мыслями о погибшем муже, досталось самое веселое. Из хилдонцев никто и не сомневался, что враги попытаются всеми правдами и неправдами проникнуть во дворец. Тем более, что в парадных залах королевской резиденции не раз бывали гости из Мисирана. Маги, конечно, заблокировали все лишние ходы и выходы. Но родовое гнездо Келлиадиров не банальный замок герцога или барона — слишком уж большой комплекс зданий. Они, конечно, удобны для обороны, но охватить все сразу довольно трудно.

Вот и сумели враги пробраться во дворец со стороны гостевых покоев. К счастью, Карлаэль смог взять себя в руки и организовал неплохую встречу воинам западного королевства. Но, к сожалению, сил для полного отпора у маркиза не хватило. И, несмотря на помощь раненых, которые, наплевав на собственные раны, присоединились к защитникам дворца, быть бы им разбитыми, если бы не подоспевшие родные дядюшки Коразза во главе своих отрядов.

Совместными усилиями мисиранцев удалось загнать к боковой галерее, что выходила прямо на дворцовую площадь. Но вот тут солдаты Анэраса словно с ума сошли, отказываясь покидать замок. Их приходилось буквально выдавливать с каждой лестницы, из каждой залы. Хилдонцы не знали, что тому, кто сумеет принести ему сына Искры, Анэрас лично обещал титул графа и богатые владения. Жирный куш, учитывая, что среди солдат не было ни одного дворянина. Так что сторонникам королевского дома Хилдона пришлось немалой кровью умыться, прежде чем вышвырнуть врагов наружу.

В какой-то миг один из Кораззов, Итизир, пропустил удар булавой и впечатался всей спиной во входную дверь холла. Лишь хороший доспех спас гвардейца от смерти, хотя бедная дверь не выдержала такого напора и с треском вылетела наружу.

Не успевший даже охнуть Итизир в позе морской звезды распластался на резных створках. И вместе с ними заскакал вниз по крутой лестнице террасы.

— Б****!!!!.. яТь!.. яТь!.. яТь!.. — только и смог выдать младший Коразз, клацая зубами и боясь прищемить себе язык. — Стоя-ять-ять-ять!..

Но дверь как взбесилась, со свистом пронесясь по всей лестнице, и приземлилась далеко внизу, попутно разметав кучу малу из дерущихся мисиранцев и хилдонцев. Ударившись об гранитные плиты дворцовой площади, дубовые доски разлетелись мелкой щепой, оставив лежать у подножия лестницы обалдевшего и заикающегося бравого гвардейца.

— ЭЙ! Итиз! Ты как?!.. — остальные братья неслись следом, перепрыгивая через три ступеньки за раз. — Жив?!

Младший братишка тем временем безуспешно пытался подняться, но отбитая задница заставила непроизвольно взвыть, голова кружилась, а руки-ноги разъезжались в разные стороны.

— Итизир! Демонову мать! — Заорал Лит, первым подскакивая к поверженному брату. — Вставай!

Опомнившиеся мисиранцы вновь пошли в атаку, и стало не до сантиментов.

— АААААААА!.. **********! — Крайне эмоционально выдал очухавшийся таки Итизир, с размаху опуская подвернувшуюся мореную доску на чью-то не убранную вовремя голову. — ******!!!!!!!

— Нда, — глубокомысленно заметил Виритор, как старший из братьев и по совместительству гвардейский командир, наблюдая за тем, как младшенький гвоздил в хвост и в гриву разбегающихся от него мисиранцев. — Были б мозги — было бы сотрясение… Господа, вы, кажется, забыли, что являетесь пусть и младшими, но командирами? БЫСТРО ПРИВЕЛИ СЕБЯ В ПОРЯДОК И ОРГАНИЗОВАЛИ ГРАМОТНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ!!!!

Но ГРАМОТНОЕ сопротивление организовать не удалось.

Почувствовав слабину уставших противников, мисиранцы встали как вкопанные. И вновь оттеснили хилдонцев в сторону только что освобожденных залов. В тылу своих солдат появился торжествующий Анэрас, одетый столь роскошно, что защитники Королевского холма лишь зубами заскрипели от ярости. Владыка Мисирана даже не удосужился надеть доспехи, полностью уверенный в своей безопасности.

На какой-то миг битва замерла, пока мисиранцы отходили назад, чтобы перегруппироваться и выдвинуть вперед свежие части наемников. И Эльмаран, стоя в первой линии защитников, вместе с остальными наблюдал, как неторопливо, словно смакуя собственную уже неизбежную победу, перестраиваются шеренги врагов. Из-за спины слышались приглушенные расстоянием и стенами крики перепуганных женщин, звон клинков и стоны раненых, что, если могли, самостоятельно уползали с дороги будущей атаки. А если не могли — то просто молили всех богов и демонов их уберечь. Рядом с бароном вполголоса изощренно матерился какой-то пехотинец, торопливо затягивая зубами узел на импровизированной повязке поверх раненой руки. Остро пахло потом, кровью, гарью и вонью из распоротых кишок. Из-за некогда роскошных, а сейчас опаленных огнем колонных арок террасы доносился отдаленный шум боя — там тоже шла схватка. Как, впрочем, по всему периметру дворца. А здесь и сейчас готовилась главная атака.

Все-таки Анэрас явный позер, подумал Эльмаран, перехватывая левой рукой скользкую от пота и крови рукоять меча. Ведь мог войти во внутрь с другой стороны, а не пробиваться сквозь главный вход, лучше всех остальных укрепленный. Ан, нет, желает прошествовать дорогой королей.

Но почему они медлят?

Коразз не верил своим глазам — вместо того, чтобы наступать, мисиранцы вдруг стали торопливо откатываться куда-то в сторону.

— Что?.. — непонимающе смотрел на эту картину барон. Со стороны дворца к нему пробился гонец от Итарона.

— М-млорд!.. — торопливо, проглатывая от нетерпения слова, выпалил он. — Со стороны р…ки в спину м-сранцам кто-то ударил! Плохо видно… но это явно наши!

— Тогда в атаку! — На свой страх и риск решил Коразз, бросая своих солдат вперед.

Последующую сумасшедшую рубку Эльмаран почти и не запомнил. На довольно просторной дворцовой площади стало тесно от такого количества орущих и машущих всевозможными железками людей. Все, что молодой военачальник мог сделать — это уцелеть сам и проредить как можно больше оказавшихся напротив него врагов. Ни о каком построении и речи не шло — две стороны банально шли стенка на стенку, окончательно озверев от крови и ненависти схватки.

В какой-то миг центр мисиранцев словно разорвался, и на дворцовой террасе оказался

невысокий юноша в сером охотничьем костюме без доспехов. Его голову прикрывал простой конусообразный шлем, даже без бармицы. И выбивающиеся из-под него довольно короткие волосы имели неповторимый золотисто-солнечный оттенок, присущий лишь одному человеку во всем королевстве.

— Король Рэниари! — Грянул над площадью торжествующий голос Анэраса. — Сам!.. Сам пришел! ВЗЯТЬ ЕГО! ВСЕ ЗОЛОТО МИРА ЗА ЭТОГО ПАРНЯ!

И вроде бы только что колебавшиеся мисиранские солдаты (то ли наступать, то ли отступать?..), разом взревев, устремились к вожделенному сокровищу, смяв ошеломленных защитников короля.

— Нет! — Тоже заорал Эльмаран, изо всех сил пробиваясь к повелителю. Видимо раньше враги не знали, КТО перед ними, пока им не указали на главную добычу.

Около Рэниари, выхватившего из ножен длинные ножи, сражалось лишь несколько защитников. Остальные увязли в мешанине боя. Коразз узнал дядю короля — графа Вороналя… рядом был, кажется, один из его мужей. Остальные оказались незнакомы.

Проклятье! Младшего короля не учили носить доспехи и сражаться в настоящей схватке — то-то он даже без щита! А его зубочистки ничто против закованных в полную броню солдат Анэраса!

И Эльмаран вместе с остальными хилдонцами отчаянно рвался вперед, пытаясь пробиться к своему королю… защитить… спасти… укрыть за дворцовыми стенами. Позор им на их головы, если младший супруг Верховного владыки и отец его наследника попадет в плен!

Но они не успевали… катастрофически не успевали!

И слезы бессилия брызнули из глаз хилдонцев, рвущихся к упавшему королю… как вдруг порыв ледяного ветра ударил из дворца, закрутив на площади яростную метель из колючего снега и острого льда.

Огромные, призрачные птицы, вырвавшись из-под свода Тронного зала, раскидали ошеломленных мисиранцев, разом освободив пространство вокруг потомка древних владык. Размах белоснежных крыльев был просто чудовищен, заставив всех на площади в ужасе замереть. Это случилось так страшно и неожиданно, что гвардейцы Анэраса невольно хлынули назад, испугавшись оглушающего клекота снежных фениксов и их разящих ударов. Даже мимолетный взмах крыльев обжигал холодом. А уж полное касание превращало солдат в ледяные статуи — осколки тех, кому не повезло, валялись по всей обширной террасе.

Люди заметались по площади, прячась за колоннами и арками портиков — и свои, и чужие! И только второй король не почувствовал ничего, кроме ласкового тепла, недоумевая, отчего все так торопливо разбегаются… и лишь потом увидел сверкающие глыбы льда на месте бывших врагов.

Тяжело дыша, Рэни с трудом приподнялся, опираясь на дрожавшие руки. Если бы птицы полностью вошли в силу, от его противников не осталось бы и брызг. Но Рэни ничего не знал о своем наследии. И не знал, КАК питать своих невольных защитников. И потому, разбросав нападающих, снежные фениксы истаяли призрачной дымкой, оставив потомка императоров совершенно беззащитным перед быстро опомнившимся врагом.

— Схватить мальчишку! — Во весь голос заорал Анэрас, взмахом руки вновь посылая своих

гвардейцев в сторону сидевшего на ступенях Рэниари. Быстрей!.. Еще быстрее! Пока хилдонцы не опомнились!

Защитники второго короля ничем не могли ему помочь… просто не успевали! И сердце коронованного мисиранца уже полнилось предвкушением, когда на плиты дворцовой площади мягкой тяжестью опустилась черная лапа, выбив из камней сноп искр крепкими как сама сталь когтями. И низкий… почти беззвучный… рык, сводя души ужасом, потряс как союзников, так и противников.

Над сжавшимся в комок юношей клоком непроглядной тьмы встал невиданный прежде зверь!

Тело кота… да, какого ***** кота! Целая лошадь, а не кот!.. гибкое тело пантеры, с перекатывающимися под гладкой шерстью буграми просто жутких мускулов… широко распахнутые крылья дракона. Каждая серебристо-черная чешуйка крыльев была крепче и острее самых лучших клинков, разом отразив многочисленные дротики растерявшихся мисиранцев! Белоснежные клыки оскалились, демонстрируя готовность разорвать любого, кто покусится на любимого Хозяина. И внезапно выросший Черныш с треском взмахнул смертельными крыльями, закрывая сжавшегося у его лап Рэниари.

— Малыш… ты ли это?.. — чуть слышно вопросил юноша, с трудом поднимая голову. Сил не оставалось совсем. И только гордость заставляла еще шевелиться. — Как же ты вырос… красивый какой!

Почему-то совсем не было страшно. А чего бояться — это же тот очаровательный и одновременно нескладный котенок, которого он когда-то спас! Шершавый язык тут же радостно облизал запрокинутое лицо второго короля, обещая любовь и защиту.

— Фу! Мелкий!.. — Невольно улыбнувшись, Рэни оттолкнул радостно скачущего вокруг него Черныша. И если раньше в исполнении небольшого кота это смотрелось умилительно, то теперь…

— Ты же ростом с лошадь! Паразит ты этакий! — Не выдержав, закричал Рэниари на прыгающую животину, что клацала по камням огромными когтями и небрежно отмахивалась крыльями от летевших со всех сторон стрел и дротиков. Хвост кошака мимоходом смахнул какого-то подобравшегося сзади чересчур наглого мисиранца. Несчастного, в раздавленных всмятку доспехах откинуло на лестницу, откуда он и скатился благополучно вниз. Собственные союзники тоже пребывали в ступоре, не зная, как реагировать на внезапно выросшую игрушку повелителя. — Ну, успокойся, малыш!

Послушавшись, Черныш лег, заключив в кольцо мощных лап ослабевшего хозяина, и тут же заурчал от радости, что сумел помочь и спасти. А Рэниари принялся шарфом оттирать окровавленную морду откровенно млеющего кота.

— Посмотри, как измазался! — Сердито приговаривал юноша, вытирая мокрую шерсть Черныша. — Драко-лошадь ты, а не кошак! Лучше помоги добраться до сына… совсем сил нет…

Пригнувшись, маго-кот позволил себя оседлать и горделиво понес припавшего к его холке Хозяина внутрь дворца, прикрывая крыльями от всевозможных опасностей.

Этот демарш тем более удался, что в спину бесящемуся от ускользающей добычи Анэрасу ударил весьма крупный и слаженный отряд — судя по особенностям доспехов — с далекого Севера.

И Рэниари невольно остановил Черныша, с высоты его спины ошеломленно наблюдая, как воины в накидках из шкур полярных волков деловито вырезают целый отряд элитных гвардейцев Мисирана. Рядом с племянником встал тяжело дышавший Баррэт, обеими руками опираясь на рукоять фламберга — путь от причала ко дворцу нелегко дался старшему Вороналю — треть его отряда как корова языком слизнула. По другую сторону Рэни на вздернутом крыле маго-кота беззастенчиво повис такой же усталый Лотэ. Черныш скептически покосился на довесок, но решил не стряхивать такое приобретение, видимо впечатлившись землисто-серым лицом парня.

— Кассин, займись моим мужем, — негромко приказал Баррэт, не отводя взгляда от внезапных союзников. — Говорил же дома оставаться…

— Плевать… — невнятно пробормотал Ло, все еще вися на Черныше. — Я Сэри обещал…

— Лорд, лучше помогите мне устроить раненых, — дипломатично вмешался маг, прерывая перепалку супругов.

— Не может быть… — потрясенно прошептал вдруг Рэниари, уставившись на высоченного, ростом с Баррэта, воина, полностью закованного в броню синеватой стали. Забрала на его шлеме не было. И открытое по обычаю северян лицо буквально притянуло к себе взгляд Искры.

— Барр, мне это снится?! — Беззвучно выдохнул младший король, поворачиваясь к столь же обалдевшему дяде. Рядом замер недоумевающий Лотэ — для него пробивающийся во главе своих людей северный лорд был незнаком. — Это же Ольвин!

— Ага… — выдал Ворональ, сам некрасиво уронив челюсть. — И судя по своим замашкам, он все-таки стал лордом…

Они встретили главаря северян в полуразгромленном Тронном зале дворца. От великолепных витражей остались лишь фигурные решетки, в которых некогда крепились разноцветные стеклышки. Сами стекла повылетали от взрывов файерболов, да и бронза решеток тоже кое-где оплавилась.

Но в остальном зал пострадал несильно. Все так же возвышались на Королевском помосте два трона (у одного, правда, спинка треснула…). И все так же среди росписи потолка замерли два эдэльрима, как будто и не они только что вылетали на помощь вернувшемуся домой властителю. Вот только Рэниари казалось, что огромные птицы словно бы ожили, и темно-синие бусины их глаз слегка поблескивают, наблюдая за ним. Ан, нет!.. точно, наблюдают… и крыло слегка шевельнулось. Что бы это значило?! Ладно, пусть маги разбираются в этих непонятках. Вон, Итарон так и замер, не отрывая взгляда от снежных фениксов.

А все внимание Рэниари приковал к себе подошедший к помосту северный лорд. Сам король желал бы встретить гостя стоя, но сил не было совсем. Он только и смог, что переползти со спины Черныша на свой трон. Хорошо хоть внезапно выросший кот никуда не ушел, а улегся рядом, оберегая и согревая своим телом ослабевшего Хозяина. Рядом встали Итарон, Лотэ и Баррэт. Остальные советники столпились на помосте чуть ниже трона. И лица у всех такие, что не поймешь — то ли радуются, то ли разочарованы, что король вернулся. Только старый маркиз эд Эрдо смотрел доброжелательно. А у остальных рожи были, как будто лимоном закусили.

— Хей, парни! — Громогласно возвестил гость, подходя к помосту и скидывая с пропотевшей

головы тяжелый шлем. Судя по отбитым рогам, новоявленному лорду здорово досталось, но он продолжал улыбаться, разглядывая Рэниари. — Ого, мелкий, а похорошел то как!

И он лихо подмигнул ухмыляющемуся Баррэту.

— Что вы себе позволяете?! — Подскочил к ним какой-то придворный, надуваясь от возмущения как бойцовый петух. — Вы находитесь в присутствии его величества второго короля Хилдона!

— Ша, пустобрех!.. — лениво отозвался Ольвин, а его дружина дружно загоготала за спиной своего предводителя. — Без тебя разберемся. И, кстати, к сведению всех присутствующих — мои владения не являются частью Хилдона. Если я и пришел на выручку, то исключительно из глубочайшей симпатии к моим старым друзьям.

Рэниари с улыбкой смотрел на этого смуглого здоровяка, кряжистого и крепкого как скалы Цитадели. Ольвин… Оль… Старший сын кормилицы юноши. Именно его младшая, рано умершая сестра стала молочной сестрой Рэниари. Именно поэтому Ольвин всегда относился к маленькому бастарду как к родному братишке. Он был третьим в их с Барром компании, пока не вырос и не осознал, что если у знатных бастардов еще что-то и светит в жизни, то ему выше сотника или капитана пиратской каракки не подняться. Для умного и знающего себе цену парня это было как нож в горло. Угораздило же его родиться прирожденным лидером в семье простого рыбака. И потому в двадцать пять лет он ушел из дома в надежде на лучшую долю.

И теперь перед королем и его дядей стоял высокий, статный воин с широкими плечами и гордой посадкой головы настоящего лорда. Темно-серые волосы с белыми височными прядями отброшены назад, глаза тоже темно-серые, почти черные. Ольвин был красив дикой, первобытной красотой. И от него так и несло силой и властью. Не удивительно, что его люди готовы были пойти за ним хоть к демонам в гости.

— Я теперь Ольвин дио Нориэль, — отозвался бывший беглец из Цитадели. — Я тогда ушел на север, собрал личную дружину из таких же оторв, как и сам. И отправился продавать клинки всем, кто мог заплатить за нашу кровь полновесной монетой. За эти годы где только не побывал! Но в основном мы сражались на севере, в ничейных землях. И вот пару лет назад я встретил девушку своей мечты. Рисса дочь и внучка северных лордов. Спокойная, прекрасная и сильная, как самый драгоценный шелк. Но ей не повезло потерять родню и очутиться во власти жадного до ее тела опекуна. Я повстречал ее, когда девчонка драпала со всех ног из захваченного врагами собственного замка. Сначала принял за беглую рабыню и решил взять на ложе. Ох, и приласкала она меня моей же дубиной!

Баррэт, не выдержал и захохотал в голос, глядя на мечтательную морду друга. И даже уставший как собака Рэни не выдержал и улыбнулся.

— Словом, я помог ей освободить ее владения. А потом два года ухаживал как не знаю кто. Но наконец-то уломал на брак. Свадьба через месяц. А пока что я решил прогуляться и наведаться к старым друзьям. И не зря. Что у вас тут творится, парни?

— Позволь, я расскажу все чуть позже, — отозвался Рэниари, замечая недобрые взгляды королевских советников. — Тебе и твоим людям нужно отдохнуть. Да и я вымотался до предела.

Ольвин понимающе покосился на каменные лица аристократов и кивнул головой.

— Пожалуй, займусь ранеными, — отозвался он, поворачиваясь к стоявшему неподалеку

Эльмарану, в котором легко опознал военачальника. — Покажете мне место, где бы я мог отдохнуть и устроить свой отряд?

Коразз с уважением поклонился негаданному союзнику и поманил его за собой. Но прежде, чем новоявленный лорд покинул Тронный зал, Рэниари вновь окликнул его со своего места:

— Лорд дио Нориэль! — С удовольствием произнес он титул названного брата, замечая, как передергиваются лица многих вельмож — при дворе не любили выходцев из низов, чувствуя в них сильных конкурентов. — Я благодарен вам и вашим людям за помощь! Мы еще встретимся, чтобы поговорить и вспомнить былое.

— Всегда готов, малыш! — Широкая улыбка словно осветила обветренное лицо Оля. И он понимающе прищурился.

— О каком это прошлом вы говорили, ваше величество? — Не выдержал кто-то из вельмож, когда за северянином закрылись резные двери. — И, вообще, какое прошлое может связывать супруга короля с бывшим холопом?

— А не забываетесь ли вы, лорды?.. — очень тихо начал взбешенный Рэниари, наплевав на собственную слабость. Да что эти типы себе позволяют?! Ему бы сейчас к сыну… переговорить о делах, выяснить, что здесь случилось… отдохнуть хоть немного… послушать рассказы Оля о его приключениях — они так давно не виделись. А приходится разбираться с этими снобами!

— Кто вы такие, чтобы читать мне мораль? Этот человек помог нам всем. Так какое вы право имеете говорить о его происхождении? Вам достаточно знать, что он из Цитадели и рос вместе со мной и моим дядей!

Сила Искры, подхлестнутая вспыхнувшими эмоциями, бесконтрольно хлынула во все стороны, заставив присутствующих в зале волшебников жадно качнуться к помосту, впитывая в себя дармовую магию. Итарон почувствовал, как медленно, но верно начал заполняться его опустевший резерв. Вот оно! Эмоции! Вот что заставляло вспыхивать Искру. Эмоции… самыми сильными из которых были пытки и секс. Но от первых драгоценные пленники быстро умирали. Именно поэтому Искр предпочитали принуждать к близости. Но сейчас и речи не могло быть о последней.

— Ваше величество, вы не так поняли… — попытался было перехватить инициативу другой советник. — Мы всего лишь волнуемся о вашей репутации. Вы так долго отсутствовали… Позвольте узнать, куда вы тогда делись из парка? Вас так искали…

Не выдержав сочившегося от Хозяина напряжения, грозно взрыкнул Черныш, начиная медленно приподниматься. Но тонкие пальцы Рэниари слегка сжались на холке зверя, и тот чуть успокоился, продолжая зыркать на заметно присмиревших лордов.

— Достаточно, господа! — Вмешался Итарон, к которому молча присоединился Верховный жрец храма Отца-Неба. С другой стороны трона многообещающе улыбались Баррэт с Лотэ, поглаживая рукояти своих клинков. Под таким давлением лорды-советники стушевались еще больше. К тому же уважаемый в свете старый эр Эрдо демонстративно качал головой, показывая свое неодобрение.

— Вам достаточно знать, что я был в плену у Фейринеля, — ровно отозвался Рэниари, ничем не показывая, насколько взбешен. — Об остальном первым должен узнать мой супруг. И лишь потом решить, что сообщать вам, а что оставить в семье. А теперь, не смею вас удерживать. Мне нужно отдохнуть и разобраться с делами. Жду всех на закате с полными отчетами о

случившемся.

…Спустя несколько часов, вымывшись на скорую руку, чуть отдохнув и слегка перекусив, Рэниари сидел в своем кабинете со спящим сыном на руках и смотрел на его крепко зажмуренную мордашку. Эрэндис сладко посапывал на руках отца и пах молоком и уютом. Отдавать малыша было жалко, но дела требовали внимания второго короля.

С сожалением передав кроху кормилице, Рэни тяжело вздохнул, поворачиваясь к тем, кого счел достойным ближнего круга: Барр и Лотэ, Итарон и Исса (Эстель все еще не поднималась с постели). Он был бы рад видеть и Ольвина вместе с Эльмараном Кораззом, но их присутствие требовалось на поле боя, так же, как и присутствие обоих Деззионов. Приглашали остаться Верховного жреца, но у Безымянного было много дел в лазарете. И он ушел, заранее пообещав всяческую поддержку начинаниям короля.

Кабинет только что дружной толпой покинули лорды-советники. Горло молодого короля все еще болело от бесконечной говорильни — приходилось убалтывать и уговаривать. К счастью, прямых обвинений в неверности так и не прозвучало. Но и намеков хватило, чтобы чинно начавшийся Совет закончился банальным ором. И почему во дворце из всего Совета (за исключением старого эр Эрдо) остались именно те, с кем у молодого короля изначально не сложились отношения? Советники так и не смогли простить Рэниари его происхождения. И того, что в свое время он перебежал дорогу детям многих из них, став супругом наследного принца. Как-то вдруг ими позабылось, что до Рэниари женихом Эдмира считался Дориан. Или на Цитадель рты разевали?.. Как бы то ни было, но юноша подозревал, что только осада помешала надменным вельможам поднять вопрос о супружеской неверности младшего короля, заключив его под стражу до прибытия старшего мужа. Разводов в Хилдоне не было, и уличенного в неверности супруга или казнили, или ссылали на вечное покаяние в горные монастыри, страшные своими жестокими уставами. А там или шелковая петля, или недолгая жизнь в жутких условиях. В любом случае, место второго короля было бы свободно. Лишенный титула наследный принц никому бы не помешал. И для интриганов из Совета открылся бы простор для их махинаций. Но война помешала им провернуть аферу с бывшим бастардом. Война и знание того, насколько безумно Верховный король любит младшего мужа. Еще неизвестно, КАК он отреагирует на заключение Рэниари под стражу. И чьи головы полетят в итоге. Лучше пусть сами разбираются. Но крови своими намеками советники попили немало, прежде чем покинули кабинет. Слава всем богам, маркиз эр Эрдо, всегда лояльно относившийся к молодому королю, шепнул ему на ухо, что присмотрит за ворчавшими советниками.

Увидев, наконец, закрытые двери, Рэниари с облегчением откинулся на спинку кресла.

Пусть бесятся. Все равно, пока он на троне, будут выполнять приказы, как миленькие. А его дело — уберечь сына от участи быть ребенком осужденного супруга. Ведь при всей своей лояльности и снисходительности к незамужним девушкам и юношам, закон был невероятно жесток к тем, кто состоял в браке. Считалось, что молодежь должна перебеситься до свадьбы, чтобы потом резко остепениться.

— Ваше величество, — начал Итарон, серьезно глядя на замершего в кресле напротив Рэниари. Юноша выглядел таким измученным… уставшим… и таким красивым, что сердце старика невольно защемило от боли и несбывшихся надежд.

Красота срезанного цветка…

Верховный маг все еще не забыл своих чувств к мужу племянника, но давно уже смирился, что Рэниари никогда не будет принадлежать ему. У старого волшебника и раньше то не было надежды, а уж теперь, после магического истощения, когда он превратился в настоящую развалину, и подавно.

— Прекратите, Итарон, — отозвался король. — Уж вам-то не следует обращаться ко мне столь официально.

Исса серьезно кивнула, соглашаясь со словами юноши. Баррэт и Лотэ просто молчали, все еще отходя от ора в кабинете.

— Вы… знаете… — осторожно уточнил старый маг.

— О вашей причастности к роду моего мужа? — Невесело спросил Рэни, растирая гудящие от проблем виски. — Конечно. Эдмир просветил.

— Хорошо, — согласился волшебник. — Я хотел поговорить о будущем… Хочу надеяться, что ваш супруг вернется. Очень хочу надеяться… Но жизнь такова, что надо готовиться к худшему…

— О чем вы говорите! — Возмущению Иссы не было предела. — Эд вернется!

— Я тоже на это надеюсь, — кинул короткий взгляд на принцессу Рэниари. — Очень надеюсь. Но он прав, лучше учитывать все варианты.

— И я к тому же, — медленно, но очень веско проговорил Итарон. — Просто задумайтесь… если первого короля… не станет… Мой лорд, вам… именно вам придется возглавить страну. Вы не просто супруг Эдмира, вы его соправитель. Наследник престола слишком мал, чтобы править. Регентом при нем вы быть не можете, так как коронованы…

— Я это знаю, — устало перебил мага Рэниари. — Но в том-то все и дело, Итарон… я не удержу власть. Эта страна принадлежит Келлиадирам. Они ее создавали, собирая по крупицам. Они усмиряли мятежи, отражали набеги и вырезали недовольных под корень. Именно они развивали ремесла и торговлю, строили города. Хилдон и его лорды привыкли чувствовать над собой жесткую, а то и жестокую руку Келлиадиров. А я Келлиадир лишь по браку. Мой сын слишком мал, чтобы подхватить бразды правления после своего отца, как это случилось с Эдмиром. А для Совета и аристократии провинций я не авторитет. Для них я так и остался красивым мальчиком с далекого юга. Какой бы жесткой рукой я ни правил, как бы справедливы не были мои решения, наше дворянство со временем все равно задумается — а если смог этот чужак, почему не смогу я? А уж если узнают, что я Искра… Долго ли я проживу на свободе? Да меня порвут в клочья, пытаясь завладеть дармовой силой! И что тогда будет с моим сыном и всеми, кто встанет на мою сторону? Нет, Итарон, лучше бы Эдмиру возвратиться, чтобы удержать страну от краха… удержать от гражданской войны… когда все начнут воевать против всех, желая захапать побольше добычи. И у меня не будет возможности прекратить это безобразие. Ибо если Эд не вернется, то вместе с ним не вернется и его личная гвардия, что держала в ежовых рукавицах весь этот клубок змей, не давая им перекусать друг друга.

— Все так и будет, — вынужден был согласиться Итарон. — Но…

— Но если Эд все-таки не вернется, — тут же отозвался Рэниари, устало откидывая голову на изголовье кресла, — тогда я буду крутиться как только можно, чтобы отдалить самое ужасное. Но… конец Хилдона как сильного государства будет неизбежен.

— Рэни, пожалуйста, прости ЕГО… — вдруг без какого-либо перехода произнес Итарон, глядя в сторону. Юноша замер и медленно перевел взгляд на Верховного мага. — Ты… до сих пор ненавидишь его?

— За что мне его ненавидеть? — Тихо спросил Рэниари. Ло, Барр и Исса замерли, боясь даже пошевелиться. — Наоборот… я любил… люблю его. И давно простил за все, что он мне причинил. Почему ты завел этот разговор?

— Ты все еще не принял его… — поколебавшись, ответил Итарон. И, по-стариковски вздохнув, поклонился и вышел из кабинета. Следом безмолвно выскользнула Исса. У принцессы на глазах почему-то были слезы.

— Да, ты любишь его, — констатировал Баррэт, печально глядя на племянника. — Малыш, зачем ТАК усложнять себе жизнь? Я даже не думал раньше, что можно одновременно и безумно любить, и не доверять любимому человеку.

— Все так, Барр, — отозвался Рэни. — Все так… Ладно, дайте мне хоть немного поспать, а то я свалюсь в самый ответственный момент.

Следующее утро для второго короля началось с первыми лучами солнца и довольно неожиданно — его величество король Мисирана Анэрас II объявил о коротком перемирии и просил о встрече с его величеством королем Хилдона Рэниари.

И Итарон, и все советники просто настаивали на этой встрече. Рэни и сам понимал все выгоды от личного общения. Но… душа не лежала.

И предчувствия не обманули Искру.

— Нам стоит всем успокоиться и поговорить в иной обстановке, — вкрадчиво высказался Анэрас, когда высокие делегации встретились на нейтральной территории — у все еще разбитых главных дворцовых ворот. Обоих королей сопровождали многочисленные советники, правда, без гвардейцев.

Владыка Мисирана впервые увидел Искру не на портрете, а вживую. И сила юноши ударила по оголенным нервам короля, опьяняя и сводя с ума обещанием немыслимого могущества. Анэрас вынужден был прервать заготовленную речь, борясь с желанием рвануть вперед и сграбастать мальчишку, наплевав на перемирие. Золотоволосая волшебная палочка стояла так близко… только руку протяни!

Но вокруг толпилось слишком много непрошеных защитников. И приходилось ждать, разыгрывая из себя дипломата.

— Не слишком ли вы все упрощаете, ваше величество?! — Возмущенно вмешался кто-то из Лордов-советников, что стояли за спиной второго короля. И Анэрас скривил в пренебрежительной усмешке тонкие губы.

— Ну, надо же! — Едва не пропел он. — А Хилдон, оказывается, населяют сущие дикари — говорить вперед своего монарха…

— Говорить наравне со вторым королем право любого советника. Будь здесь мой старший супруг, никто из нас не посмел бы вмешаться в вашу беседу, — ровно отозвался Рэниари, не замечая, как от его голоса вздрогнул мисиранец. Да Анэрас кончить был готов, едва услышав

глубокий голос Искры! Счастье, что под кольчужной юбкой не видно возбуждения, а то так и опозориться не долго.

— Но младший супруг правящего монарха, даже если и состоит в равном браке, всего лишь старший над его советниками, так что вмешательство в наш разговор не является нарушением этикета. Удивительно, как вы об этом забыли… или не знали?.. ваше величество. А ведь наши страны соседи, и многие обычаи переплетаются. В том числе и этот.

Уел!

Анэрас почувствовал, как в душе шевельнулось предвкушение и азарт схватки. И ему еще больше захотелось сломать… подчинить себе Искру. Мисиранец невольно облизнул вдруг пересохшие губы, только представив, КАК бы он добивался подчинения.

— И все же, ваше величество, я желал бы разговора без свидетелей, — мягко надавил он, в то время как хотелось просто и без затей забрать добычу себе.

— О чем нам с вами разговаривать, ваше величество? — Рэниари ответил столь же мягкой улыбкой. — Между нашими королевствами был мир, а сейчас война. Причем вы напали первыми. И переговоры о возмещении материального и морального ущерба вам придется вести с моим мужем. Я могу лишь предварительно обсчитать контрибуции.

— И все же я хотел бы вам кое-что предложить, — Анарэс невольно восхитился наглостью мальчишки. И разозлился: как смеет эта ВЕЩЬ рассуждать о чем-то подобном?! Ее дело красивые ножки по первому требованию раздвигать, питая своего господина силой и страстью, да вынашивать могущественных наследников! Слишком много воли дал Эдмир своему муженьку. Ладно, как только окажется в Атории, сразу будет заперт в особых покоях!

И в то же время голова кружилась, мешая здраво рассуждать — аквамариновые глаза хилдонца манили… затягивали… Анэрас впервые познал смысл фразы «утонуть в чьих-то глазах…» До этой встречи подобное казалось откровенной глупостью… придумкой поэта-идиота. А вот, поди ж ты!.. сам испытал на себе.

Как-то незаметно из мира исчезло все, кроме неправдоподобно красивого юноши, облитого утренним светом с головы до пят. Или так струилась его личная сила?

Магия Искры притягивала подобно магниту, заставляла всего себя отдать этому прозрачному и такому теплому сиянию. Анарэсу, уж на что он был несгибаемым человеком с сильной волей, но даже ему трудно было что-либо противопоставить силе мальчишки. И как только собственные придворные не изнасиловали своего же короля? Ах, да… Эрлесса же говорила, что хилдонцы предпочитают носить защитные амулеты. Да и сама Искра в большей степени завязана на старшем супруге. Видимо теперь, в отсутствии Верховного короля, Рэниари было довольно трудно сдерживаться. То-то маги вокруг него так столпились — явно подпитываются от мальчишки, убирая излишки силы. И все равно она из парня так и хлещет. Ну, до чего яркая Искра!

— И все же, ваше величество, — вновь обворожительно улыбнулся мисиранец. — Мне есть, что сказать. Неужели вы так боитесь остаться со мной наедине?

Советники мальчишки недовольно зароптали, но в этот раз не посмели вмешаться в разговор.

— Выбирайте место, удобное для вас, — продолжал настаивать Анэрас. Ему необходимо было достучаться до мальчишки.

— Хорошо, — качнулась в согласии золотоволосая голова, и мисиранец невольно сглотнул, только представив себе, как качалась бы эта головка над его членом… вверх… вниз… вверх… вниз… — Сейчас. Золотой павильон в дворцовом парке. Надеюсь, он не разрушен? — Повернулся Рэниари к советникам.

— Немного, — отозвался по-стариковски скрипучим голосом маркиз эр Эрдо. — Но сидеть можно. И вас будет хорошо видно, хотя мы и не услышим разговора.

Павильон действительно был золотым. Ажурные, переплетающиеся арки из редкого эльфийского дуба, что при особой обработке выглядел как настоящее золото, сохраняя при этом древесный, очень красивый рисунок. Анэрас даже пожалел, что часть воздушного строения разрушена и опалена файерболом. Успокаивало лишь одно — такие вещи умели со временем восстанавливаться, будучи по сути живыми деревьями, которым изначально задали определенную форму для роста. Все-таки эльфы были большими затейниками по этой части…

— О чем нам еще говорить? — Негромко уточнил Рэниари, сидя на удобной скамье напротив мисиранца. — Мое единственное требование — немедленно вывести ваши войска из столицы, а затем и из Хилдона. Об остальном с вами будет разговаривать мой муж.

— А вот мне есть что тебе сказать, мальчик, — хищная улыбка Анэраса буквально расцветала на его губах. И Рэниари непроизвольно расширил в удивлении глаза: вот уже год к нему относились с крайним почтением как к супругу и соправителю Эдмира. И юноша как-то отвык, чтобы чужаки ТАК с ним разговаривали. Да еще таким тоном.

Анэрас, удовлетворенный увиденным, вальяжно развалился на своем сидении, раскинув руки на спинке скамьи. — Я могу предложить просто замечательный выход из нашей ситуации.

— Я вас слушаю, — Рэниари тоже откинулся на удобную спинку: почему-то мисиранец невероятно раздражал Искру своим снисходительно-напористым тоном. И он еще обвинял Эдмира в собственническом к себе отношении. Да муж никогда ТАК на него не смотрел! Вот уж, все познается в сравнении. Что Фейринель, что Мисиран… два сапога пара…

— Во-первых, я бы желал предложить вам, король Рэниари, руку и сердце, — Анарэс прошелся жарким взглядом по напряженному телу юноши. И Рэни невольно ощутил себя голым под оценивающими его глазами. Была бы возможность, так бы и заехал кулаком… по-простонародному!.. в эту морду лица!

— Я не могу принять вашего предложения, — отозвался он ровно. Действительно, еще один Фейринель на его голову!

— А вот я думаю, вам будет лучше все-таки согласиться. — Живо отреагировал Анэрас, чуть наклоняясь вперед. — И помнить, что от вашего согласия зависит жизнь вашего сына.

— Нет! — Перебил он открывшего было рот Рэниари. — Просто выслушайте. Я знаю, кто вы. И не собираюсь отказываться от такой добычи. И от того, КАК ты сейчас себя поведешь, будет зависеть твоя дальнейшая судьба… твоя и твоих близких. Фейринель умудрился перехватить тебя у меня из-под носа. Но больше я таких промахов не допущу. К твоим сведениям — Мисиран напал на Хилдон не с горячей головы. Подготовку к войне начал еще мой отец. В мире не может быть ДВУХ столь сильных королевств. Одно неизбежно сожрет другое — слишком уж много у нас общих интересов и общих границ, чтобы существовать мирно. И мой отец это понимал как никто другой. Пока Сорондо воевал на севере и востоке, запад затаился, обеспечив себе мирную жизнь с помощью всевозможных договоров. Отец, а затем и я, собирал

армию, оружие, тренировал магов!.. Мы спешили, как только могли. Спешили успеть к тому времени, когда Хилдон потеряет интерес к другим направлением и займется нами. А уж твое появление просто подстегнуло эту гонку на выживание! И сейчас… именно здесь и сейчас!.. решается, кто будет править в будущем. Кто создаст свою Империю, возродив Золотой век ушедших эльфов. И я сделаю все, чтобы это был Мисиран. И ты, мальчик, мне в этом поможешь!

— Все это, конечно, интересно, — Рэни ни на йоту не изменил своей позы. — Но я не желаю возвышения Мисирана. Я родился и вырос в Хилдоне. И почему бы новой империи не вырасти из моего королевства. Почему я должен принять ваши планы, король, позабыв о своих?!

— Потому что я сильнее, мальчик, — тихо прошипел Анэрас, гневно раздувая тонкие ноздри, словно буйный жеребец, готовый сорваться в бешеную драку. — И я все равно захвачу тебя! Захвачу прежде, чем успеет вернуться этот тупица, твой муж. Поверь мне, Эдмиру теперь бы с Фейринелем разобраться. Он увязнет с этим княжеством надолго! Недаром мои люди сделали все, чтобы лишить Верховного короля твоей силы. Знал бы ты, во сколько мешков золота обошлась мне организация всех этих нашествий и мятежей у вас на границах и в провинциях!

— Так это ТЫ?! — Задохнулся от ярости Рэниари, невольно сжимая кулаки. Анэрас зло рассмеялся.

— Вот это взгляд! Каким же пылким любовником ты будешь! — Восхитился он, вновь откидываясь на спинку скамьи. — Конечно, я! Именно я желал свести свои потери к минимуму. Именно я делал все, что ослабить магически твоего так называемого мужа. Именно я, не сумев украсть тебя в тот раз, сделал все, чтобы связать руки двум своим самым сильным моих противников, удалив их от Искры как можно дальше. И именно я теперь сижу здесь и делаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

— Ты так уверен в этом? — Разозлился Рэниари. Юноша с трудом сдерживал собственную ярость.

— Конечно, — самодовольно отозвался Анэрас, любуясь ожившим парнем. — Только не говори мне, что влюблен в мужа. Не поверю. Учитывая, КАК Эдмир добился брака с тобой… Так какая тебе разница, если ты поменяешь одного супруга на другого? И не говори мне о своем сыне. Хилдон все равно падет под натиском моих легионов. Да, сейчас у нас с тобой сложился паритет. Но от границы уже идут мои войска. У меня достаточно сил, чтобы связать боями западные гарнизоны Хилдона и одновременно провести войска к Меайре. Счет идет на дни. И я все равно захвачу тебя. У тебя же теперь два варианта. Первый — ты сдаешься добровольно. И тогда все близкие тебе люди остаются на своих постах и в своих владениях. Я не трону никого из них. В конце концов, лишние заложники не помешают. И твой сын тоже остается живым. Конечно, наследным принцем ему не быть. Но в нем кровь Искры, и он станет крон-герцогом со всеми привилегиями этого статуса. Ты ведь понимаешь, что я рассчитываю передать корону собственным детям, которых мне родишь ты и никто иной. Кстати, сделать твоего сына младшим супругом моего дальнего родственника — тоже выход из положения. А потом поженить наших внуков, объединив две ветви власти. И все претензии по наследованию отпадут сами собой. И второй вариант — ты продолжаешь сопротивляться, тщетно ожидая подмоги в лице Эдмира, который сейчас далеко на юге. У него нет магии пробить прямой портал до столицы. Тогда я все равно захватываю Меайру. Но в этом случае, уж извини, твой сын как символ возможного мятежа мне не нужен. Хватит и твоего дяди с его развеселой семейкой. А я буду убивать, вычищая будущее поле деятельности. Буду убирать всех, кто только сможет мне помешать в будущем. А ты вместо моего супруга станешь всего лишь наложником без каких-либо прав. Судя по всему, законы ты знаешь неплохо, так что

вспоминай… в Мисиране, как и в Фейринеле, если отец признает своих наследников, никому нет дела, кем были их мать или второй отец — законными супругами или бесправными рабами. Хочешь такой судьбы?!

— Не нужно лгать, — тихо отозвался Рэниари, внезапно успокаиваясь. — Для меня не существует первого варианта, только второй. Лишь полный идиот оставит в живых сына своего врага и его близкое окружение. А ты идиотом не выглядишь. Вот только непонятно, почему держишь МЕНЯ за идиота? Неужели уверен, что я соглашусь стать предателем?

— А разве в глазах вашего Совета ты уже не предатель? — Вкрадчиво задал встречный вопрос Анэрас, зло сощурившись. — Разве они тебя еще не спросили о том, что ты делал в гостях у Фейринеля? Для них ты навсегда останешься шлюхой и предателем. Как и для мужа. Уж бешеный нрав Эдмира я знаю оооочень хорошо!

— А вот это я буду решать со своим мужем и со своим Советом! — Решительно высказался Рэниари, поднимаясь со скамьи. — Но никак не с тобой.

В груди завязывался тугой узел из ненависти, страха и обиды. Но эту тянущую боль можно было терпеть. Рэниари уже проходил через подобное, когда лез в петлю в башне Эккуара. Больше он не поведется на чужие подначки. Ему есть ради кого жить и ради кого бороться, пусть даже весь мир отвернется от него, посчитав шлюхой.

— Переговоры окончены, — отрезал он, выходя из павильона.

— Очень жаль, — лениво протянул Анэрас, не торопясь покинуть нагретое сидение. — Значит, не хочешь быть законным супругом… Тогда быть тебе подстилкой! Я прикажу заранее приготовить золотые кандалы, мой милый. Они будут смотреться изысканными украшениями, но сразу укажут твой новый статус. И нужно не забыть заказать прозрачную одежду наложника, которую ты наденешь, когда я триумфальным шествием пройдусь по своей столице, предварительно захватив и разрушив Меайру!

Но Рэниари даже не обернулся, не дал понять, что слышит злобный шепот себе вослед.

— Попрощайся с сыном, моя драгоценная Искорка. — Пробормотал Анэрас, тоже выходя из павильона. — Вскоре ты потеряешь его навсегда!

…Дверь домика оказалась распахнутой настежь.

Почему-то на вымершей улочке это смотрелось крайне зловеще. И хотя все вокруг было тихо, Сиорол непроизвольно ускорил шаги, передвинув за спину дорожную сумку. Проклятие! Он задержался дольше, чем планировал. Но мисиранские Призраки гоняли его по всему городу — к Галчонку, не стряхнув погоню с хвоста, идти было нельзя. Зато сейчас самое подходящее время покинуть город — пока все замерло в шатком равновесии.

Открытая дверь домика не давала ему покоя…

Внутри все оказалось перевернутым вверх дном, но ни крови, ни тел не было. И замирая от ужаса, бывший лорд рванул в сторону задней двери дома.

…Он нашел их в крошечном внутреннем дворике, любовно выложенным простенькой мозаикой из речных камешков.

mir-knigi.org

Трое здоровяков-мисиранцев в характерной черно-золотой форме, отчего в народе их прозвали осами…

Все трое, склонившись над чем-то в углу двора, не видели и не слышали почти бесшумных шагов Сиорола.

Галчонок обнаружился у их ног.

Свернувшись в позу зародыша, Мориэль не двигался. Никак не реагируя на тихую ругать и пинки солдат. Взгляд мужчины как-то неверяще-удивленно зацепился за прядь вороных волос, что елозя по любовно вымытым камешкам, оставляли за собой размыто-алую дорожку. И в следующий миг один из мародеров распрямился, с торжествующим возгласом потрясая зажатым в руке знакомым ожерельем.

Рубины ярко блеснули на солнце. И в глазах Сиорола потемнело.

…Свист рассекаемого воздух клинка заставил мисиранцев отпрыгнуть от своей добычи и схватиться за оружие. Но было поздно. Сила удара была такова, что наткнувшийся на алые камни клинок буквально вбил злополучное ожерелье в грудь грабителя, разорвав его сердце. И возвратным движением рассек горло второго мародера.

Третий, вместо того, чтобы сражаться, вдруг тонко завизжал и попытался выбежать на улицу через незакрытую калитку. И Сиорол с непередаваемым удовольствием глубоко располосовал ему спину, оставив булькать кровью на грязной мостовой.

И повернулся к безмолвному Галчонку.

Шаг…

Другой.

И мужчина с утробным воем рухнул на колени подле любимого, в дикой надежде хватая его на руки.

К его непередаваемому счастью, Мори еще дышал. Слабо, с трудом… но дышал! Грудь юноши была вся в ранах: большей частью поверхностных, но встретилась и парочка глубоких. Висок разбит, но кости черепа к счастью целы. И судя по тому, что крови на одежде было слишком мало, имело место внутреннее кровотечение.

Сио, осторожно уложив раненого, заметался по дому в поисках бинтов. Не раз бывая здесь, он напрочь позабыл, где что лежит, с трудом обнаружив искомое. Кое-как перевязав Галчонка, закутал его в сорванный с одного из мародеров кожаный плащ и подхватил на руки свою невеликую ношу.

Нужен был маг. Причем срочно. И более не думая ни о чем, мужчина выбежал на улицу, на миг зацепившись взглядом за рубины ожерелья, все еще торчавшие из развороченной груди мертвого мисиранца.

И ******** маг еще что-то говорил, что эти камни не прокляты!

К счастью, за калиткой обнаружились лошади мародеров, и Сиорол подхватил одну из них под уздцы. Как ему с Мори на руках удалось вскарабкаться в седло, Сиорол ни тогда, ни потом так и не смог понять. Но уже вскоре он мчался вверх по улице, бережно придерживая перед собой

так и норовившего сползти на бок обмякающего Галчонка. У мужчины волосы на голове шевелились от ужаса, когда он чувствовал, как постепенно в его руках тяжелеет тело любимого… как становится все тише и тише и так неглубокое дыхание. И он мчался, нахлестывая несчастную лошадь, не обращая внимания на то, что творилось вокруг.

А город горел. Город сражался. Взрывался яростными криками отчаянно сопротивляющихся горожан. Мисиранцы опять прорывались в самый центр, ко дворцу. Но повсеместно встречали бешеное сопротивление. Вражеские маги не слишком-то могли помочь своим войскам, блокируя хилдонских магов во дворце. И солдатам с боями приходилось брать каждую улочку, каждый дом огромного города. Впрочем, Анэрас и не ставил перед своими частями задачу полного захвата вражеской столицы. У коварного мисиранца были свои планы. И ему нужен был лишь дворец со всеми его жителями, так что в Меайре возникла парадоксальная ситуация, когда часть городских кварталов была тиха и спокойна, а в других шла бойня.

Но ближе к Королевскому холму все больше и больше было сражающихся. Многие особняки горели, оглашая окрестности воплями погибающих в пламени людей. Порой противники дружно драпали с какой-нибудь улочки, охваченной пламенем, чтобы затем вновь разделиться и вцепиться друг другу в горло. Но Сиорол слишком быстро пролетал мимо всех этих схваток, и на него не успевали отреагировать. Бывшему лорду было сейчас на все плевать, в том числе и на себя. Важно было спасти Галчонка!

И он молил всех богов и демонов преисподней, чтобы был жив тот, к кому он так спешил!

Старый маг… отец Мориэля.

Слетев с седла на землю возле знакомой ограды, Сио подхватил умирающего мальчишку на руки и бросился по дорожке к дому, не обращая внимания на скрученную, скомканную сеть магической охранки. Плевать на все! Быстрее! Еще быстрее!

И, вылетев из-за поворота, мужчина едва не споткнулся об труп красивого мальчика… обнаженного, с широко распяленными ногами и окровавленным пахом…

Синие как и Галчонка глаза мертво смотрели в затянутое дымом близких пожарищ небо.

И только потом Сиорол увидел подсвеченные изнутри яростным огнем стены роскошного особняка, чем-то напоминающие полупрозрачную шкатулку, наполненную почти бесшумным пламенем. Только звонко лопались, осыпаясь вниз раскаленными брызгами, стекла некогда великолепных витражей… да от жара скручивались в темные трубочки листья слишком близких деревьев.

Не веря… не желая верить увиденному, Сиорол застыл и медленно попятился за поворот, едва не взвыв от тоски и разочарования!

Ну, почему?! Почему?! Когда он так нужен, этот старый ******* сдох?! Почему он позволил сработать проклятию именно тогда, когда так нужен?!

На глазах у почти потерявшего разум мужчины стены особняка вдруг вздрогнули и лениво… даже как-то аккуратно сложились во внутрь. И в небо с победным ревом устремилось яростно-рыжий столб пламени.

Все-таки коротко взвыв, Сио развернулся и, загребая ногами гальку на садовой дорожке, побрел к выходу. По измазанным гарью щекам бывшего лорда неудержимо катились частые слезы, а в груди не было ничего… одна пустота. На руках мужчины умирал его любимый

человек, и больше помощи не было. Где в этом хаосе искать целителя?..

Запаленная скачкой лошадь, часто поводя боками от шумного дыхания, широко расставив дрожавшие ноги и низко опустив голову, стояла там же, где ее и бросили. Взяв несчастное животное за узду, Сиорол вдруг застыл, подняв взгляд полубезумных глаз на Королевский холм, увенчанный дворцом.

Там были маги…

Там была столь нужная… необходимая!.. помощь для Мори.

И Сиорол, кое-как устроив Галчонка в седле, решительно потянул жалобно ржавшую лошадь за повод.

…Путь через передовую потом вспоминался как какое-то бесконечное проклятие.

Он не знал, как… каким образом сумел преодолеть все препоны. Вся дорога превратилась для него в кусочки страшной и очень яркой мозаики.

Кусочек первый…

Лошадь стала на дыбы, и он едва успел подхватить соскользнувшего с седла бессознательного Мори. И потратил драгоценные мгновения на то, чтобы избить бессловесное, перепуганное едва не до сердечного приступа животное — впереди горел дом, но пройти можно было только через него. В соседних переулках кипела кровавая бойня. Но проклятый конь, отмахиваясь всеми копытами и рвя из рук узду, не желал идти в огонь. Прекратив зло выкручивать ухо хрипящей и роняющей на мостовую клочья пены животины, Сио подхватил Мори на руки и повернулся к пылающему особняку. Он смутно помнил, что когда-то давно уже был в этом доме. В те времена, когда старшие Вориндо и его отец были еще живы. И, кажется, дядюшка Асин угощал его сладостями в одной из комнат погибающего теперь в огне особняка. Но Сиорола больше не трогало прошлое. Нужно было пройти через огонь здесь и сейчас.

И магические линии послушно сплелись вокруг своего хозяина, формируя защитный кокон. Как это у него получилось, мужчина потом так и не смог понять — до сих пор он мог лишь видеть магию, но не повелевать ей. Но защита позволила пройти ему сквозь пылающий дом, где в комнатах, залах и коридорах вставали сплошные столбы яростно ревущего пламени, закручиваясь бешеными протуберанцами так низко над головой.

Кажется, там совсем невозможно было дышать…

Сио не помнил. Только он сумел каким-то образом вывалиться на соседнюю улицу, откуда совсем было близко до осажденного дворца. И, кашляя, зигзагами помчался прочь от рушащегося за спиной особняка…

Кусочек второй…

Какие-то люди сражались с наступающими мисиранцами, а он отрешенно шел между ними, ступая твердо и осторожно. Шел, укачивая в своих руках заснувшего Галчонка… Так было проще — думать, что его Мори просто спит, а не обвисает на руках мертвой тяжестью.

И Сио просто шел, укрывая своего мальчика плащом от ужасов войны. Он шел, не обращая внимания на звон мечей и грохот рушащихся зданий вокруг себя…

Кусочек третий…

Какой-то солдат (мисиранец?.. хилдонец?..) замахнулся на него мечом. Но, заглянув в глаза Сиорола, с диким визгом убежал.

Равнодушно пожав плечами, мужчина продолжил свой путь. И только проходя сквозь очередной полуразрушенный дом, заметил мелькнувшую в боковом проходе жуткую фигуру.

Замерев, Сио задрожал, как можно крепче прижав к себе Мори. И в ту же секунду понял, что видит собственное отражение в чудом уцелевшем зеркале.

У него были спокойные глаза абсолютно безумного демона…

Кусочек четвертый…

Кусочек пятый…

…шестой…

Сколько таких кусочков?

Сиорол уже и не помнил.

Мозаика, безумный калейдоскоп красок… чьи-то перекошенные лица, оскаленные зубы… крик, что воспринимается как тишина… кровь… огонь…

И теплая… пока еще!.. теплая тяжесть Мори на дрожащих от напряжения руках.

Действительность он осознал в тот самый миг, когда его обступили размытые фигуры в знакомой ало-золотой форме гвардейцев Хилдона.

— Пожалуйста!.. Целителя… — сумел еще прохрипеть Сиорол обожженным ртом, обмякая в руках подхвативших его солдат.

Кто-то попытался бережно забрать у него Мориэля, но бывший лорд изо всех сил вцепился в своего любимого, больше всего на свете страшась с ним расстаться. Их так и потащили вместе во дворец. А Сиорол блаженно плакал, закрыв глаза, счастливый от того, что дошел… донес… спас…

На себя ему было наплевать.

Пришел он в себя в какой-то комнате, когда притащившие их с Галчонком гвардейцы, встряхнув, поставили бывшего лорда перед группой людей вокруг стола с ворохом карт.

— ТЫ?!!.. — знакомые аквамариновые глаза «кузена» заставили бывшего лорда осознать действительность.

— Прошу!.. Спаси его!.. — прохрипел Сиорол, с трудом опускаясь на колени. Тело, обожженное и покрытое многочисленными волдырями, горело. Мужчину заметно трясло, кажется, начинался жар. Но он как на самих богов смотрел на затянутого в серебристый охотничий костюм Рэниари, и на вставшего рядом с ним хмурого Баррэта. — Что хотите сделаю, только спасите его!

По знаку Рэниари пара подбежавших целителей забрала у мужчины его Мори. Пальцы,

сведенные судорогой, не желали разжиматься, но Сиорол заставил себя отдать магам драгоценный груз, лишь глазами провожая уносимого юношу, так и не пришедшего в себя.

— Ты ведь хотел меня убить?.. — с неизбывным удивлением вымолвил Рэниари, вглядываясь в почерневшее, полубезумное лицо бывшего родича. — Зачем же тогда пришел?

— Я хотел уничтожить вас всех… — честно ответил Сиорол, все еще стоя на коленях. Позади раздался гневный ропот тут же придвинувшихся гвардейцев, а близость Искры сводила с ума. И кто бы мог подумать, что прежний нескладный, ершистый мальчишка станет столь ослепительным!

В глазах темнело от желания прикоснуться к этому чистому свету… обладать… присвоить… И только любовь к Мори спасала мужчину от того, чтобы растянуться у ног неземного существа, вымаливая себе прощение.

— Я желал отомстить за отца… — упрямо хрипел Сиорол, с трудом держась, чтобы не рухнуть от напряжения. — Хотел вернуть себе Крепость… Я пошел на сделку с Мисираном… стрелял в тебя… Можешь делать со мной все, что пожелаешь! Но спаси Мориэля!

— Кто он для тебя? — Уточнил Рэниари, не обращая внимание на поджавшего губы Баррэта.

И Сиорол вскинул на короля сияющие неземным светом ярко-зеленые глаза, что смотрелись так странно на его чумазом, вздувшемся волдырями обожженном лице.

— Я люблю его, — сказал он на удивление спокойно. — И если ради его жизни вам нужна моя смерть — возьмите ее. Но спасите Мори! Он ни в чем перед вами не провинился.

— Надо же… сам пришел?! — Даже с какой-то растерянностью произнес Ворональ.

— Я люблю его, — повторил Сиорол словно клятву. И рухнул лицом вперед, исчерпав все свои силы.

…В следующий раз он очнулся поздней ночью, лежа тут же на диване. За полуприкрытым гобеленовой портьерой окном что-то слабо громыхало и вспыхивало — враги явно проверяли защитников дворца на вшивость.

— Мори!.. — испуганно вскинулся Сиорол, сбрасывая на пол чей-то плащ. И тут же замер — у него ничего не болело.

Поднеся к глазам пострадавшие руки, лорд-изгнанник не увидел ожогов. Вместо них розовела тонкая кожица и сильно шелушилась старая.

— Целители излечили тебя, — раздался знакомый голос сбоку. Медленно повернув голову, Сио увидел в слабом свете ночной лампы сидевшего в глубоком кресле короля. Именно что короля, не мелкого пацаненка, которым его помнил Сиорол, не бастарда дяди, а истинного властителя огромного королевства.

— Почему? — Спросил он, вглядываясь в знакомую тень позади кресла Рэниари. — Почему ты меня не убил?

Баррэт тихо вышел из своего убежища за креслом племянника и присел неподалеку на мягкий табурет.

mir-knigi.org

— А просто так, — безмятежно отозвался Рэниари. — Мы все столько натворили! Некому мстить… Все виноваты. Ты — ненавидя, презирая и зная о намерениях своего отца и Руина. Мы — убившие Ковура и захватившие замок. Знаешь, я так устал от ненависти! Попадись ты мне раньше — прибил бы, не задумываясь. Но сейчас… По хорошему бы тебя казнить за измену Хилдона… Но… я никогда не думал, что ты, Рыжая Ледышка, сможешь ТАК любить, чтобы пройти сквозь горящий, осажденный город… прийти к своему врагу, наплевав на себя! Мало кто на такое способен. И за это нельзя казнить. Поэтому ты заберешь своего любимого и просто навсегда исчезнешь из страны. Мир огромен, вы найдете, где бросить якорь.

— К тому же, — Баррэт слегка пнул носком сапога выглядывающую из-под кресла племянника знакомую сумку. — Я тут успел кое-куда заглянуть… Голодать вы явно не будете. Как я понимаю, там то, что ты успел хапнуть при бегстве из крепости? Пусть тебе и останется. Так что проваливай. Не до тебя сейчас.

— Твоего Мориэля подлечили, — добавил Рэниари, с наслаждением потягиваясь. — К сожалению, не до конца — магии у нас мало. Целители оттаскивают раненых от порога, а дальше они сами… Но парень вне опасности. И недели ему должно хватить, чтобы окончательно поправиться. Сейчас слуги проводят вас в гостевые комнаты. Там уже готова ванна и чистая одежда. В дворцовом храме ждет жрец — провести между вами обряд. А после отправляйтесь на причалы. Ближние свободны от мисиранцев, и оттуда отходят суда с беженцами. Я выпишу вам разрешение подняться на борт.

Помолчав, Сиорол вдруг соскользнул коленями на пол и принялся говорить. Он не щадил себя, рассказывая всю правду, все, что знал и что натворил. Бывшие родичи слушали молча, лишь, Баррэт время от времени морщился, узнавая особенно неприглядные моменты жизни прежнего наследника Крепости Круглого Холма.

— Ну, ты и!.. — начал было бывший Вориндо-рив, но тут же махнул рукой. — Ааа… что сейчас говорить!

— Позвольте мне хоть что-то исправить, — глухо проговорил Сиорол, машинально разглядывая мраморные узоры на полу. На душе после исповеди было пусто … и легко.

…Он ушел сразу после брачного обряда, только поцеловал напоследок своего Галчонка, смотревшего на него сияющими глазами. Да шепнул теперь уже мужу, что скоро вернется.

Пробраться в расположение ваоттирцев для того, кто весь последний год досконально изучал самое дно столицы, не составило труда. Сиорол поймал себя на том, что уже и не ощущает себя вельможей, наследником независимого владения. Он так часто лгал, убивал и таился, что сам не заметил, как превратился в тень прежнего надменного аристократа. Но вот что невозможно было выбить из него, так это непомерную гордость умелого воина. Именно она заставляла его держать голову высоко, пока бывший лорд шел по улице квартала, занятого войсками герцогства.

Его встретили на удивление хорошо. Сио даже удивился, узнав, какую тревогу вызвало его исчезновение. Гвардейцы Ваоттиро решили, что его тоже убили за компанию с несчастным Дорианом. Тело юного герцога (вернее то, что от него осталось) уже разлетелось пеплом с погребального костра. И осиротевшим герцогством номинально правил Совет лордов. Решено было выборы нового главы домена отложить до возвращения на родину. А пока ваоттирцы решили отомстить за смерть сюзерена.

Известие о том, что Дориана убили не хилдонцы, а мисиранцы, безмерно потрясло командиров

герцогства. К счастью, все они весьма лояльно относились к Сиоролу и согласились выслушать его. Еще бы! Большая часть тех, кто заседал сейчас под крышей городской ратуши, в свое время оказывали опальному лорду недвусмысленные знаки внимания, намекая, что не прочь увидеть его или своим супругом, или зятем своих наследников.

Единственное, что сделал Сиорол, так это аккуратно обошел личное участие в произошедших событиях. Он рассказал лордам весьма отредактированную версию того, что было. Иначе о возвращении к любимому мужу можно было забыть — как ваоттирцы умеют мстить, Сио знал не понаслышке.

Потому пришлось рассказать, как он по своим каналам узнал, что отца Дориана убил именно Анэрас, который шантажом вынудил хилдонских гвардейцев убить старого герцога. И тогда Дориан в ярости выступил на стороне Мисирана. По большему счету все так и было, за исключением того, что сам Сиорол сыграл не последнюю роль в разработке и осуществлении этого плана.

Он говорил долго, сидя за длинным столом в ратуше. Говорил, не отрывая взгляда от темного узора столешницы, сделанной из мореного дуба. Рассказывал, как пришел в замок к Дориану. Как узнал правду о смерти его отца (вот тут пришлось покрутиться, но все обошлось!). Как видел, что именно мисиранские Призраки выбросили с вершины башни пытавшегося бежать герцога. Как сам скрывался от погони (вот здесь была правда от начала и до конца!).

— Вот и все… — закончил он рассказ, сглатывая густую слюну. И решительно посмотрел на молчаливых военачальников Ваоттиро. — Ваше дело верить мне или нет. Но оставаться после такого на стороне Мисирана я не желаю. Если Анэрас поступил ТАК с главой герцогства, то уж меня он сметет как пушинку. Я и так сильно рискую, придя сюда. Но должен был предупредить вас. Дориан… я бы мог назвать его своим другом. Он приютил меня в трудные дни моей жизни. Дал кров и защиту… Но что делать дальше — решать только вам. А я ухожу.

— Но Мисирану невыгодна смерть герцога… — растерянно произнес кто-то из лордов. Тишина в зале ратуши стояла такая, что было слышно, как бьется в оконное стекло заблудившаяся пчела, разбуженная светом ламп. — Без нас они не смогут продержаться…

— Вот поэтому они и сделали так, чтобы вы думали на хилдонцев, — устало ответил Сиорол. — Им невыгоден ваш отход. А так вы оставались, одержимые местью. Потому-то и за мной гонялись, желая убить, только чтобы не допустить утечки правды. Я только сейчас сумел пробраться к вам. И то пришлось сымитировать собственную смерть, иначе бы не отстали.

— Хорошо… — ответил старший над лордами барон Лартиз. — Мы обдумаем твой рассказ. Останешься?..

Барон был одним из тех, кто предлагал ему брак. Причем, в отличие от остальных, обещал равные отношения. И Сиорол как-то по-новому взглянул на этого далеко еще не старого человека. Лартиз смотрел понимающе и печально. Кажется, он уже догадывался, что рыжеволосый красавец больше никогда не вернется в Ваоттиро.

— Простите, но я постараюсь покинуть страну как можно быстрее, — решительно сообщил Сиорол, поднимаясь со своего места.

Он тихо закрыл за собой двери в ратушу и ушел в ночь.

Его никто не стал задерживать.

mir-knigi.org

…Во дворец Сиорол вернулся так же легко, как его покинул. Благо, что его ждали у заранее оговоренного входа.

Рэниари все еще был в своем кабинете — или совсем не ложился, или только что встал. Кажется, бывший родич совсем не верил в успех его прогулки, но ничего не сказал. Лишь молча протянул уже подписанный приказ и отвернулся, не сказав на прощание ни слова.

А потом был путь к причалам…

И он до последнего ждал от судьбы какой-то подлости. Но все прошло спокойно. Молчаливые гвардейцы проводили их с Мориэлем до пристани. Галчонок был еще слаб и не мог самостоятельно передвигаться на длительные расстояния. Сиорол с удовольствием подхватил теперь уже мужа на руки — как говорится — своя ноша не тянет.

На барку их пропустили легко, лишь глянув на бумагу с королевской печатью.

— Все хорошо… — шептал Сиорол, прижимаясь небритой щекой к спутанным волосам Галчонка. Супружеские браслеты окольцевали их левые запястья, когда дворцовые маги провели быстрый ритуал. — Теперь все будет хорошо!

Мори, не раскрывая глаз, нашарил под плащом руку своего старшего и слабо ее сжал. Они устроились у самого борта на палубе. Барка была переполнена беженцами — многие стремились покинуть сражающуюся столицу. Сиорол прислонил к себе еще слабого после ранения Галчонка, усадив на колени, и закутал обоих в широкий плащ, уберегая от речной сырости. За спиной оставалась горящая Меайра. Но новобрачным было плевать на тающий в утреннем тумане город — впереди лежала целая жизнь вдалеке от здешних смут и потрясений.

Они молоды, богаты и относительно здоровы. Чего еще желать?

— Мы начнем все заново… — шептал Сиорол, невесомо целуя свое спасенное счастье. — И я никогда больше не позволю тебе страдать.

И чувствовал ответную улыбку Мориэля, что прижимался к его груди…

…Красивая девушка в скромном платье горожанки с ужасом бежала через площадь, прижимая к себе окровавленный сверток с дико орущим младенцем. Тонко взвизгивая и уворачиваясь от сражавшихся повсеместно мужчин, она металась зигзагами, пытаясь пробиться во дворец, под защиту стен. Пока, наконец, сразу несколько хилдонских гвардейцев не прикрыли несчастную щитами, проталкивая за линию обороны.

Рыдающую да икоты перепуганную девчонку живо увели во внутренние покои женщины, взявшие на себя обязанности лекарских помощниц. Раненого младенца тут же передали целителям, а беглянку попытались отпоить успокоительным. Но та только ревела в голос, размазывая по хорошенькой мордашке крупные слезы, да закрывала голову руками, нещадно дергая себя за выбившиеся из-под головного платка алые пряди волос.

В конце концов, сердобольные женщины решили оставить несчастную в покое, рассудив, что со временем та сама успокоится, а тревога о ребенке приведет ее к нему. К тому же и без этой истерики у них было много дел — раненые все продолжали и продолжали поступать.

Оставшись в одиночестве, Эрлесса дио Гарт удовлетворенно улыбнулась. Наконец-то, ей удалось то, на что не сподобился ни один из ее Призраков! Правда, пришлось поискать в

вымершем городе младенца. Ну, да это было всего лишь вопросом времени.

Теперь нужно как-то проникнуть в покои Искры и позаботиться, чтобы драгоценный мальчишка не покончил с собой, когда войска Мисирана войдут во дворец. Или захватить его сына…

Разношерстная флотилия, подгоняемая магическим ветром, как-то враз вынеслась из-за поворота реки… только что многочисленные ладьи, кнорры и шнеки крошечными точками виднелись вдалеке, и вдруг заполонили всю береговую линию вдоль столичных пирсов. Судна помельче и полегче приставали прямо к пологому берегу. Суда покрупнее швартовались у всевозможных причалов. И сразу же, не дожидаясь сходней, воины в полной броне прыгали на сушу… шагали разом на камни мостовой или брели по грудь в воде, увязая подкованными сапогами в илистом песке. Малочисленные стражники столичного гарнизона, охраняющие подступы к реке, в ужасе попятились было перед незнакомой армадой. Но тут же с облегчением вздохнули, а потом и завопили от радости, углядев тяжело развернувшееся на ветру знакомое знамя Хилдона — алый грифон на золоте.

Король прибыл в свою столицу!

Грузно прошагав по прогибающимся от его доспехов доскам купеческого причала, Эдмир вышел на небольшую площадь и огляделся. Та Меайра, которую он оставлял, и эта — были словно двумя разными столицами. И жестокая улыбка предвкушения заиграла на бледных от ненависти губах короля.

Кое-кто ему за это ответит!

Повелительный взмах рукой в латной рукавице, и лавина закованных в броню гвардейцев молча пошла вперед. Поднятые по дороге и присоединившиеся к властителю лорды провинций повели свои личные дружины по окраинам, отсекая возможные нападения с флангов. А личная гвардия короля сплотилась вокруг своего монарха, который не отвлекаясь на клубившиеся вокруг заполошные схватки целенаправленно шел ко дворцу — именно над Королевским холмом гуще всего дымило и гремело. Именно там сражались защитники столицы. Именно туда яростно рвался Анэрас. Именно там был муж Эдмира… его Рэни…

Разведчики сообщили, что второй король каким-то образом опередил армию спасения и прибыл в город чуть раньше. Видимо стоит при встрече сказать спасибо Баррэту, что смог вытащить племянника из рук Фейринеля.

При воспоминании о муже на душе чуть-чуть потеплело.

Золотой мой малыш! Как ты там без меня? Я иду! Я скоро буду. Продержись еще чуток. И все, кто посмел тебя обидеть… так или иначе причинить боль… сдохнут в жутких мучениях!

…Рэниари, невзирая на протесты советников, был среди своих гвардейцев. Рядом сражались, прикрывая его, цитадельцы и воины Ольвина. Юноша хорошо понимал тревогу советников. И по большему счету они были правы. Но когда решается судьба королевства — не время прятаться за спинами других. Люди должны видеть своего предводителя. К тому же до конца явно недалеко — мисиранцы все-таки прорвались на территорию дворца. Чудо еще, что, судя по всему, попытки Сиорола как-то воздействовать на сторонников покойного Ваоттиро увенчались успехом. Нет, солдаты герцогства не загорелись желанием тут же присоединиться к хилдонцам. Но хватило и того, что они покинули свои позиции, отойдя на окраины, и принялись резать гвардейцев Анэраса. Тому было недосуг разбираться с бывшими союзниками, но заметку на память коронованный мисиранец себе оставил. А вот на Королевском холме

невольно вздохнули с облегчением — им удалось выиграть еще пару дней в обороне столицы.

Но сегодня везение хилдонцев закончилось подчистую — первый из новых легионов Мисирана вошел в Меайру. И Анэрас лично повел его на штурм ненавистного дворца.

— Я же говорил тебе, мальчишка, что ты будешь моим! Вот только был уверен, что придется тебя ловить внутри. — Торжествующий голос мисиранского короля Рэниари не спутал бы ни с каким другим. — И теперь ты мой!

Но раздавшийся со стороны выбитых ворот низкий, рычащий голос заставил замереть всех на дворцовой площади.

— Анэрас! Твою ***** мать! Я тебя к себе не приглашал. — Эдмир встал на краю террасы, с жестокой усмешкой смотря на замершего от неожиданности короля Мисирана. — И ты мне заплатишь кровью за то, что посмел… — он отпихнул ногой чей-то пробитый щит: — …намусорить в моем доме! И убери лапы от моего мужа!

Вздрогнув от неожиданности, Анэрас не веря глазам уставился на своего соперника. Как?!.. Когда?!.. По всем подсчетам Келлиадир должен был застрять в Фейринеле. Ну, на крайний случай — до сих пор преодолевать бурное течение Лазурной. А вот, поди ж ты!

Мазнув недовольным взглядом по замершей в тени колоннады Эрлессе, мисиранец невольно оглянулся на Рэниари. Эдмир тоже, не отрываясь, смотрел на мужа, лаская каждую черточку его лица.

«Будь, что будет!..» — как-то обреченно подумал Анэрас, дергая в свою сторону не ожидавшего такого поворота Рэни. Выкрутить мальчишке его чересчур резвые ручонки и прижать тонкое тело к себе, было делом одного мгновения. Никто даже не успел ничего понять — как-то не принято было лиц такого ранга брать в заложники. И тем более постыдным считалось прикрываться младшим, как заведомо более слабым противником. Но Анэрасу больше нечего было терять. Он не успел… и оставалась лишь одна попытка вырваться из ловушки. А то и обернуть все в свою пользу.

Тонкое марево силы, окружавшее тело застывшего в его объятиях Рэниари, дурманило голову, мешая думать. Хотелось бросить все и просто целовать эту склоненную шею, дурея от собственного всемогущества…

— Твой муж уже у меня, — пересиливая наваждение, сообщил Анэрас звереющему прямо на глазах сопернику. И мисиранцы и хилдонцы дружно отпрянули к колоннадам, предоставив остальную террасу королям. — Так что не тебе ставить мне какие-то условия.

И тут же взвыл, невольно выпуская добычу из рук и едва не подскакивая от боли — подкованный каблук Рэниари с силой опустился мисиранцу на ногу, обутую лишь в щегольские сапожки из мягкой кожи! Как-то владыка Мисирана не планировал сражаться и лишь частично облачился в доспех, защитив только голени поножами.

Отскочивший в сторону Рэниари зло сверкнул глазами на своего врага.

— Я свой собственный! — Резко заявил он, пятясь в сторону мужа.

— Стой, где стоишь, мальчик! — Ослепительно улыбнулся Анэрас, неотрывно глядя на вновь ускользающую добычу. У мисиранца еще были неплохие шансы повернуть все в свою пользу. — Стреляйте в мальчишку — если он еще раз двинется… бить по ногам.

Он отдал этот приказ совершенно спокойно. И лишь в душе слегка шевельнулось сожаление о несбывшихся надеждах. Анэрас не хотел… не желал!.. убивать Искру, уже успев отравиться ее незримым сладким ядом. Но если Рэниари вновь попадет в руки Эдмира, то всем надеждам Мисирана на создание новой Империи конец!

И пусть тогда Искра не достанется никому, но не попадет в руки врагов Мисирана.

Краем глаза Анэрас видел, как пятилась вглубь входной арки сестра. Эрли недаром ошивалась при дворе Меайры и скакала по здешним балам — сестрица досконально изучила местную архитектуру. И сейчас явно что-то задумала. На красивую девушку в простом платье горожанки никто не обращал внимания, а значит, нужно тянуть время, дожидаясь действий безжалостной главы Призраков. Благо, графиня благоразумно себя не светила, и никто из хилдонцев так и не понял, кто она такая.

— Рэни, стой на месте… не двигайся! — Напряжение так и сквозило в мощной фигуре Келлиадира. — Я все решу сам.

И Рэниари послушно застыл, чувствуя нацеленные на него арбалеты.

— Анэрас, ты совсем совесть потерял?! — Рявкнул король Хилдона, убедившись, что любимый супруг выполнил приказ и соляным столбиком застыл на краю террасы. — Тебе ведь я нужен!

— Ошиибаешшшься, Эдди! — Не хуже кобры прошипел мисиранец. — Ты мне не нужен. Мне твой муж нужен! Твоя Искра!

Вся площадь дружно ахнула при этом известии. Как-то раньше люди не задумывались, кем является супруг короля Эдмира, и почему из-за него идут такие баталии.

Анэрас криво ухмыльнулся.

— И если я его сейчас не получу, то лучше ему умереть, чем продолжать подпитывать тебя!

Тем временем Эрлесса выбралась на среднюю, пустующую сейчас галерею дворца. И скользнула к арке, откуда просматривался весь двор. И хилдонцы и мисиранцы были заняты разговором двух королей — даже схватки прекратились. Дрались лишь за стенами дворца. А во дворе все внимание людей было направленно на три фигуры, застывшие в углах невидимого треугольника.

Предвкушающе улыбнувшись, графиня дио Гарт активировала амулет и достала из магического «кармана» полностью снаряженный лук. Изящная вещичка в виде золотого браслета досталась ей от предков-эльфов. Никто и внимания не обращал на сравнительно простенький браслет — на придворной красавице хватало и более изысканных украшений. На самом же деле драгоценность являлась всего лишь маячком… привязкой к иному измерению, куда можно было засунуть, а затем достать весьма полезные вещи. Жаль только, что «кармашек» был мал, и много в него не помещалось.

Плавно, с неженской силой оттянув тетиву до уха, Эрлесса замерла на миг, щекоча скулу белым оперением горной цапли. Графиня не любила новомодные арбалеты, хотя и признавала их эффективность. И всегда держала при себе мощный композитный лук с хорошим запасом стрел. И сейчас, делая поправку на ветер, она цепко удерживала стрелу всего тремя пальцами, без труда фиксируя тяжелый лук другой рукой.

mir-knigi.org

Раз… чуть прищуренными глазами женщина видела закованную в доспехи фигуру хилдонского короля. Ха! Да от ее стрелы никакая сталь не спасет!

Два… короткий вдох, и стрела срывается в полет…

Три… откуда на траектории выстрела взялся этот мелкий паршивец?! Он же в стороне стоял!

Четыре… стрела туго вошла между лопаток повисшего на муже Рэниари — второй король закрыл своим телом супруга.

А в следующий миг сильный удар отбросил женщину к стене. А горло разорвали чьи-то когти…

Больно не было.

Было спокойно… и так тяжело дышать.

Он не думал… ни о чем не думал, когда взгляд словно магнитом притянула средняя галерея дворца, блеск каленого наконечника (и как только разглядел?!)…

Ни о чем не думал, когда повис на плечах не успевшего удивиться мужа. Все было сказано и передумано много раньше: в тяжелых разговорах с Итароном и Баррэтом… с самим собой… с уехавшим на север Айрэ…

Кажется, в ноги ему тоже что-то впилось — видимо мисиранцы успели выстрелить, выполняя приказ своего короля. Но все это было так мелко… далеко… ненужно…

Сейчас Рэни мыслил не понятиями, а чувствами. И эти чувства просто вопили, что должен жить тот, кто в данный миг растерянно подхватывал на руки его сползающее от слабости тело, укладывая на плиты площади… убаюкивая в объятиях… что-то шептал. Только почему-то враз пропали все звуки — Рэни силился что-то сказать… может, улыбнуться в ответ…

И не мог.

Перед глазами развернулась странная картина — море солнца, яростный блеск разноцветных витражей… и размытая в этом свете далекая фигурка, вдруг качнувшаяся… падающая, раскинув руки, в самый центр буйного великолепия красок. И тяжесть обмякшего любимого на твоих руках… и его же кровь, заливающая расшитые золотом рукава твоего одеяния…

Куда-то стремительно потянуло… далеко… прочь из этого израненного, уставшего тела.

И напоследок грянуло в безмолвной тишине гулким набатом:

— ДОЛГ УПЛАЧЕН!

Глава 11

Стрелы, выпущенные вдогонку Рэниари, бессильно выбили искры из каменных плит террасы — лучники-мисиранцы целили в ноги, как им и приказали. И это дало второму королю необходимую фору — жалящая метель хлестнула, не достигнув своей жертвы.

Сам Эдмир вначале не понял, почему вдруг любимый муж повис на нем. Зачем, вообще, прыгнул вперед?! Ведь ему же говорили стоять на месте… а упрямый мальчишка уже вцепился в кожаную накидку поверх кольчуги Верховного короля! Да Эдмир едва не поседел, когда

mir-knigi.org

супруг кинулся прямо под выстрелы! К счастью, здоровенная зверюга… это что, ЧЕРНЫШ?!.. бронированными крыльями закрыла своего сумасшедшего хозяина от смерти. И Эд поймал в охапку свое любимое горе, невольно отступив назад под напором ударившего в него тела.

И заглянул в ставшие просто огромными глаза… прижал к себе крепко-крепко… не сразу поняв, отчего Рэниари сползает вниз, прекратив цепляться за его тунику.

— Рэни… ты чего?.. — непонимающе спросил он, глядя, как запрокидывается назад золотоволосая голова… как расслабляются сурово сжатые губы, а из уголков рта вдруг появляются тоненькие красные нити… кровь?.. — Рэни?.. Ты…

А, пытаясь поудобнее перехватить безмолвного мужа, натолкнулся рукой на древко стрелы в спине юноши. И замер, чувствуя, что сам умирает… уходит вместе с тем, кого любил так безмерно. Он сотни раз видел самые тяжелые раны… сотни раз перевязывал их… и вот теперь, когда в его объятиях был смысл его жизни — просто растерялся. Руки тряслись от ужаса и непонимания происходящего.

— Нет… — прошептал он, медленно опускаясь вместе с мужем на каменные плиты террасы. — Не надо… как же так… ты не можешь… не уходи…

Он сидел на холодных плитах посреди расползающейся тишины, неловко пытаясь хоть как-то устроить потяжелевшее тело любимого… все перехватывал его одной рукой, а другой — гладил чистое, такое безмятежное лицо юноши… ласкал огрубевшими от оружия пальцами идеальные линии скул, подбородка, бровей… боясь прикоснуться к губам — только бы не смазать все тянущиеся и тянущиеся ниточки крови. Рэни… Рэниари… а как же я?.. без тебя…

Шелковистый водопад волос проливался по его рукам, касаясь грязных, окровавленных плит террасы… Как же так… Такого просто не может быть!

Но длинные… такие длинные!.. ресницы недвижимы …и тень от них на побледневших щеках такая глубокая…

Рядом бухнулся на колени такой же растерянный Баррэт, замер с нелепо растопыренными руками… кажется, подбежал Лотэ… Эльмаран (этот-то откуда взялся?)… какой-то незнакомый воин, судя по одежде — северянин. И как удар — удивленный взгляд Анэраса, в котором вдруг вспыхивает бешенство пополам с дикой тоской.

— ДА ЧТО ЖЕ ВЫ ДЕЛАЕТЕ?!! ЗАЧЕМ?!!!! — Отчаянно закричала бегущая от дворца Исса. Она летела, высоко подобрав юбки, наплевав на возможные выстрелы со стороны врагов. — Его-то за чтоооо?!!!! За что он должен страдать?! Что же вы все его делите!

Кто-то пытался забрать Рэни… кажется, Итарон… но короля оглушило понимание, что мужа нужно отдать… Ему казалось — стоит выпустить любимого из рук и… того не станет! И он цеплялся… цеплялся изо всех сил, только бы не выпустить… удержать всеми правдами и неправдами!

Кажется, Барр что-то ему кричал — Эд ничего не слышал и не понимал, словно оказался вдруг накрыт незримым куполом, отсекшим его от действительности. Как-то отстраненно воспринимал суету магов… откуда они взялись? Видел, как непривычно огромный Черныш неестественно медленно приседает на задние лапы и, сильно оттолкнувшись, взмывает куда-то вверх, хлопая сверкающими от брони крыльями.

А потом тишина звонко лопнула, и время вновь понеслось вскачь.

Натолкнувшись взглядом на Итарона, который, наплевав на замерших в полном ошеломлении противников, руководил целой когортой целителей, Эдмир требовательно потянул старого волшебника за рукав мантии:

— Что… ЧТО С НИМ?!

Лорд Ламител нетерпеливо качнул головой.

— Пока сложно сказать… рану мы закрыли. Будем надеяться, что его величество выживет.

И это неопределенное «…выживет» тупым ножом резануло Эдмира по сердцу. Он все-таки заставил себя встать, провожая взглядом уносимого во дворец Рэни — за целой толпой доброхотов юношу даже не было видно… И только идущий во главе процессии Баррэт помешал Верховному королю рвануть следом — брат не оставит Искру.

Развернувшись к мисиранцам, Эдмир увидел бесновавшегося неподалеку Анэраса. Соперник в ярости пинал какую-то изломанную палку, судя по порванной тетиве — боевой лук.

— ДУРА! БЕСПОЛЕЗНАЯ ДУРА! — Не сдержавшись, вдруг рявкнул Анэрас, с ненавистью глядя, как здоровенный котяра треплет окровавленную тряпку, только что бывшую первой красавицей Атории. — Даже пристрелить не смогла!

— Ну, ты и ******!.. — потрясенно выдохнул Эдмир. Душу обжигало, выворачивало от ненависти пополам с болью.

- ********! — Никак не мог успокоиться Анэрас, вновь и вновь переживая тот миг, когда стрела молочной сестрицы впилась в спину вожделенной Искры. — Даже такое простое дело умудрилась завалить! Да я бы ее сам четвертовал за это. Б**** рыжая!!! Все планы мне порушила! ЭТО ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ СДОХНУТЬ! ТЫ!!! А НЕ ОН!!!! Он нужен мне как воздух! А теперь его нет. НЕТ! Не верю… Он не мог сдохнуть так просто! Не тогда, когда я все поставил на кон! Он выживет… ВЫЖИВЕТ И БУДЕТ МОИМ! А ты… сделай милость — умри от моей руки! Бой до смерти!

И отведя в сторону длинный меч, бросился на такого же безумного от ярости и горя Эдмира.

Сторонники обоих повелителей разом отхлынули к краям площади. В разные стороны помчались добровольные гонцы, и бои в городе постепенно затихли. Все — и горожане, и гвардейцы, и мисиранцы — в ожидании финала подтягивались к Королевскому холму: если уж сходились поединщики такого ранга, то сами боги говорили их клинками. И победитель получал все!

Анэрас, обезумевший от сорванных планов, дрался так, словно сама смерть стояла за его плечами. Даже сейчас он отчаянно прорывался во дворец, куда унесли Искру. Мисиранскому королю казалось, что если он победит, то все повернется вспять — Рэни выживет и будет до скончания времен принадлежать только ему. А вот Эдмиру было наплевать на все, кроме смерти противника.

Зрелище схватки заворожило всех, кто волей или неволей оказался на главной террасе дворца… кто проталкивался вперед или взбирался на колоннады и галереи в надежде увидеть все своими глазами и рассказать будущим внукам. Люди замерли, жадно впиваясь взглядами в каждый выпад, в каждое касание кружащих в жутком танце клинков. В самом центре огромной площади сошлись в вихре ударов два сильнейших воина этого мира. Два лучших меча континента. Два повелителя противоборствующих королевств.

Чистокровный человек и потомок эльфов.

Анэрас был хорош… действительно хорош!.. но его опыт по всем статьям проигрывал полувековому опыту Келлиадира. И все же ярость и жажда обладания позволяли ему держаться против Верховного короля почти на равных. До тех пор, пока сверкающая полоса стали в руке Эдмира не вытянулась и нежно-нежно… словно крыло бабочки… не коснулась груди мисиранца, буквально разрезав наискось прочнейшие доспехи.

Звенья кольчуги и стальные пластины накладок со звоном посыпались на мостовую. Часть из них беспомощно повисла, едва прикрытая разрубленным бархатом камзола. Темный цвет ткани стал еще темнее и влажно заблестел на солнце от свободно хлынувшей крови. И Анэрас, попятившись, широко раскрытыми глазами не веря посмотрел на своего противника. Затем рука мисиранца разжалась, и его клинок зазвенел на каменных плитах. Сам же король, немного постояв, вдруг резко качнулся вперед и упал на одно колено. А затем медленно завалился на бок все с таким же удивленным выражением лица.

Эдмир же, видя у своих ног поверженного врага, не чувствовал ничего, кроме опустошения. Какая радость… зачем?.. всего лишь докучливое препятствие… надо спешить во дворец, а он вынужден возиться с этой жадной мразью.

…В полной тишине король Хилдона медленно вложил клинок в ножны и повернулся спиной к ошеломленным мисиранцам, раздавленным поражением своего властителя. Эду было наплевать на этих неудачников — его командиры займутся проигравшими. А ему нужно к Рэни…

Лотэ, прислонившись плечом к колонне из мохового агата, одной из многих, что составляли колоннаду дворцовой площади, как-то замедленно проводил взглядом удалившегося в полном одиночестве Эдмира.

Барр тоже ушел… вместе с теми, кто унес Рэниари. А, значит, именно ему придется заниматься делами дружины.

Но двинуться молодому человеку не дали. Массивная фигура в знакомых доспехах вдруг выступила наперерез и обняла, крепко прижав, к бронированной груди.

— Отец!.. — выдохнул средний граф, увидев постаревшую копию самого себя.

— Ло! — Барон Сауналь всхлипнул. И его сын невольно выпучил глаза — столь непривычным было поведение несгибаемого лорда Хирото. — Мы так за вас переживали!

— Как там Сэри? — Жадно спросил подошедший барон Ротаоль. — Почему ты здесь?

— С Сэриэлем все хорошо, — успокоил Лотэ лорда Ластона. — Надо же было кому-то остаться с детьми и заниматься Крепостью. А я… все-таки меня воспитывали воином. И я должен был помочь Барру освободить племянника…

— Ты жалеешь о своем замужестве? — Отец пытливо заглянул ему в глаза. Но Лотэ отрицательно качнул головой:

— Ничуть, — абсолютно честно ответил он. — Я счастлив, что люблю и любим. Просто… дети — это не мое. Мне достаточно и того, что я рядом с Баррэтом и Сэриэлем. Я обожаю сына, но

вряд ли отважусь повторить подвиг по вынашиванию второго ребенка. Простите, отец, лорд Ластон, но я должен позаботиться о наших людях, раз уж мой муж занят во дворце.

И Лотэ самым позорным образом сбежал от своей семьи, только бы не обсуждать… не вспоминать, как стрела вошла под лопатку Рэни. Лучше загрузить себя работой, только бы думать — выживет племянник или нет…

…В спальню мужа Эдмира не пустили целители.

— Прошу нам не мешать, — заявил Итарон коронованному родичу. И Эд поступил, как Лотэ — занялся делами, чтобы не сходить с ума, не зная, что творится за закрытыми дверями на половине мужа.

Он решал текущие вопросы стремительно и жестко, даже жестоко, не церемонясь ни с кем и ни с чем. Советники, командиры, представители угрюмых от своего поражения мисиранцев — все они хороводом крутились вокруг Верховного короля, не оставляя в душе мужчины ничего, кроме яростного нетерпения. Но слуги, что чуть ли не ежеминутно бегали в покои раненого, лишь испуганно разводили руками.

В конце концов, не выдержав, Эдмир просто приказал советникам дальше обходиться без него. А сам поспешил к супругу.

…В комнатах Рэни его встретила напряженная тишина, и испуганное шушуканье целителей. Итарон нахохлившейся вороной сидел у постели второго короля и думал о чем-то своем. Рядом с недовольным лицом стоял Верховный жрец Отца-Небо. Его подчиненные в светло-лиловых мантиях мешались с магами Итарона. Сам юноша, полураздетый, лежал на самом краю постели и казался безмятежно спящим.

Неожиданно робко приблизившись к обширному ложу, на котором он совсем недавно ласкал своего мальчика, Эдмир нежно прикоснулся к гладкому плечу Искры, не прикрытому простыней. Кожа под ладонью Верховного короля оказалась неожиданно холодной и неестественно сухой.

— Да вы сдурели! — Тут же громким шепотом рявкнул Эд, торопливо закутывая супруга в теплое покрывало. — Ему же холодно!

Судя по тому, что на теле Рэниари не обнаружилось повреждений, маги справились со своей задачей. Тогда почему они так угрюмы?

— Его величеству сейчас все равно, — как-то отстраненно отозвался Итарон, рассматривая свои пальцы, исхудавшие и покрытые пигментными пятнами. — Он ничего не чувствует.

— Так не бывает! — Убежденно заявил Эдмир, с Рэни на руках присаживаясь на разворошенную постель. Тело любимого безвольно привалилось к широкой груди Верховного короля. — Он просто спит.

— Он НЕ спит, — тяжело вздохнул маг, прекратив отвлекаться на руки. — Он… просто он не хочет возвращаться.

— Тело вашего мужа полностью здорово, ваше величество, — вмешался Верховный жрец, со скрытым неодобрением глядя на Итарона. — А вот душа… душа, судя по всему, устала и… она

уходит. Уходит все дальше и дальше… еще немного, и она войдет в новый круг перерождений.

— …нет… — отчаянно прошептал Эдмир, как-то судорожно прижимая к себе безмолвного мужа. — Да нет же! Как он может не хотеть вернуться, если здесь те, кого он любит?! Позовите Баррэта, Лотэ, Иссу! Принесите нашего сына! Где Черныш?! Они все ждут его. Я тоже жду… и люблю! Он ДОЛЖЕН вернуться!

— Черныш по ту сторону постели, — хмуро ответил лорд Ламител. — Остальные ждут в соседних покоях. Но вряд ли это поможет. Он устал, Эдмир. Просто устал. Не забывай про его возраст. По сути — он всего лишь растерянный ребенок, вынужденный слишком рано стать взрослым…

Скосив взгляд, король увидел за кроватью не полностью сложенные крылья маго-кота. Услышав свое имя, Черныш поднял голову, и Эда пробрало ознобом до самых печенок — смертельно опасная зверюга плакала! Слезы текли по дорожкам из намокшей шерсти, золотые глаза потускнели и смотрели с такой тоской, что мужчина невольно сильнее прижал к себе мужа, только бы не отдать… кому?.. смерти?..

— Я не верю! — Упрямо прошептал он, требовательно глядя на дядю и молчаливого жреца. — Должен быть способ ЕГО вернуть.

— Такой способ есть, — тут же отозвался Безымянный. А Итарон недовольно покосился на жреца: судя по всему, между этими двумя возник какой-то спор. — И я собирался уже посылать за вами, но вы сами пришли… Вот только даже он не даст гарантии возврата души.

— Говори! — Сквозь зубы приказал Эдмир, бездумно укачивая мужа в объятиях.

— Кто-то должен послать свою душу вдогонку за душой Рэниари, — взгляд Итарона стал по-настоящему жутким. — Кто-то, у кого будет хотя бы призрачный шанс вернуть ушедшего. И это не лорды Воронали, ни я, ни кто-либо другой. Будь ваш сын старше, у него был бы шанс. Но…

— Я пойду! — Тут же отозвался Эдмир.

— Дослушай сначала, — тяжело вздохнул Итарон. — Ты прав — лишь у тебя есть надежда вернуть ЕГО. Несмотря на то, что ваш брак сложно назвать удачным, какая-то связь между вами существует. Непонятная, глубинная, но очень тесная. На это мне давным-давно указывал еще лорд Безымянный.

— Я говорил об этом не раз, — опять вмешался жрец. — Ваши души словно притянуло друг к другу!

— Не будем терять время в спорах, — перебил его Итарон. — Сейчас нужно решить другое. Словом, вам, ваше величество, придется рискнуть — нырнуть в круг перерождений. Нужно выяснить, что за связь между вами… воспользоваться ею и вернуть лорда Рэниари.

— Короче! — Не сдержавшись, рявкнул Эдмир, очень аккуратно укладывая супруга на постель, словно мог разбудить глубоко спящего неловкими движениями. Поправил покрывало на золотистых плечах… погладил рассыпавшиеся по подушке короткие волосы.

И решительно распрямился.

— Что нужно делать? — Повернулся он к дяде. Тот как-то непонятно на него смотрел.

mir-knigi.org

— Эд… — начал было старый маг и сбился. — Эдмир… пойми!.. ты можешь не вернуться. И что тогда будет со страной? Ваш сын так мал, чтобы править! Может, не стоит рисковать? Он сам не желает возвращаться…

И, углядев ставшие бешеными глаза племянника, примиряюще вскинул ладони.

— Я очень хочу, чтобы вы оба были счастливы. Но это выбор Рэниари. Тяжело быть Искрой. Тем, кого все вожделеют. Бедный мальчик так и не нашел свою любовь… Вернее считал, что нашел… Демоны! — Окончательно сбился с мысли Итарон. — Вот уж не думал, что на старость лет разучусь внятно разъясняться!

— Плевать мне на твои разъяснения, — устало отозвался Эдмир. — И плевать на то, что тут начнется! Я хочу вернуть мужа. И я его верну!

— Но разъяснения будут, — Итарон устало потер ладонями лицо. — Я все-таки прочитал дневник последней императрицы… и многое понял. Искра не нашла своего избранника…

— А я говорил и буду говорить, что без Искры нашему миру не выжить! — Опять вмешался жрец, не обращая внимания на предупреждающий взгляд старого мага. — Лорд Итарон, я все понимаю! Понимаю и ваши мотивы, и желания Верховного короля. И то, что лорд Рэниари САМ решился уйти… НО! У любого из нас есть долг перед миром, в котором мы живем! Если бы храмы знали раньше о роли Искр, никто бы не посмел протянуть руки к вашему мужу, ваше величество. И мы сделаем все, чтобы лорд Рэниари был счастлив! Мы сумеем защитить его. Поверьте, у нас хватит для этого как магов, так и воинов. Только верните в наш мир Искру! Без нее нам не выжить!..

— У нас больше нет шансов, — тихо прервал Итарон жреца. Но что-то в его голосе было такое, что Безымянный враз замолчал. — Лучше отпустить мальчика на новый жизненный круг. Может, он сумеет стать счастливым, найдя свою судьбу. И заодно не рисковать жизнью Верховного короля. Не то сейчас время, чтобы обезглавить страну…

— Ты расскажешь мне все позже, — преувеличенно ласково отозвался Эдмир, устав от этих бесполезных споров. — Тогда, когда я верну Рэниари. А сейчас говори, что делать.

Глаза жреца торжествующе блеснули, но он благоразумно промолчал.

— Это опасно, — нехотя разжал губы Верховный маг, не смотря на племянника. — Ты переживешь… вновь переживешь все, что было в твоем… в вашем прошлом. Выдержишь ли? Это будет больно.

— Плевать! — Повторил король. — Я верну его, чего бы мне это ни стоило!

— Хорошо, — все-таки кивнул лорд Ламитель. — Садись в кресло.

Кинув встревоженный взгляд на смятую постель, где лежал неподвижный супруг, Верховный король решительно опустил крепкий зад на мягкое сидение.

— Что нужно делать? — Спросил он, сжимая кулаки, словно для драки.

Старый маг слабо улыбнулся.

— Только догнать своего любимого и уговорить вернуться, — ответил он, сухой ладонью касаясь лица Эдмира.

mir-knigi.org

И наступила темнота…

И ОН стал кем-то другим… не полукровкой-эльфом, а…

ДРОУ?!

У него оказалась темная кожа и длинные, заостренные на концах уши…

Он был Натаниэлем, всесильным императором Великой империи темных эльфов. И картины прошлой жизни мерцали перед ним туманными зеркалами, пока он шел вглубь призрачного мира вослед за душой Рэниари.

А Рэни… нет, Рауль!.. тоже стал другим… властителем своей страны и народа вампиров.

Они оба оказались связаны.

Связаны аурами, судьбами, самими душами!..

Он видел, как впервые встретил прекрасного принца чужой расы… вновь чувствовал, как тело скручивают судороги неистового желания… как исчезают надежды на равный брак из-за отказа отца Рауля/Рэниари. Как, обезумев от желания и ненависти за несуществующее предательство, он САМ рушит малейшую надежду на счастье, пойдя войной на королевство, которым правил его любимый вампир.

Он вновь переживал дикую радость, узнав, что Рауль оказался у него в руках… как ломал его, насилуя и унижая, почему-то решив, что силой можно добиться любви!

И как натолкнулся на спокойную стойкость того, кого желал больше всех на свете. Как знакомо!..

Одна картина за другой… зеркало за зеркалом… лица, чувства, эмоции…

Вкус крови на губах. И горечь от мимолетных побед над беззащитным пленником.

…Вот он, обнаженный, смотрит на своего вампира.

Натаниэль только что жестоко изнасиловал его. Порвал так, что целители не давали гарантии на полное выздоровление юноши. И теперь нужно все как-то исправить.

Легкий полог кровати подобран с двух сторон, не скрывая тонкое тело на постели, чуть прикрытое светлым шелком. Рауль… Рэни… МОЙ ЛЮБИМЫЙ!.. невесомый… такой желанный! Чуть припухшие губы… чуть учащенное дыхание… и совершенно расфокусированный взгляд из-под приопущенных ресниц. Один лишь взгляд, и он едва не взвыл от бешеного желания. Член буквально взмыл вверх, прижавшись к животу. Никогда и ни с кем прежде император не испытывал настолько полного возбуждения. Хотелось вонзить пальцы в эти едва прикрытые шелком бедра, рывком раздвинуть длинные ноги и брать… брать яростно, неистово, погружаясь в вожделенное тело как в море… тонуть в нем! Но нельзя! Надо держаться!

Мягко ступая, он приблизился к постели. Возбуждение накатывало волнами… да от одного только вида одурманенного афродизиаками Рауля можно было кончить!

mir-knigi.org

Осторожно присев на край постели, император склонился над лежащим вампиром, невесомо очерчивая ладонью безупречный овал лица. Рауль отстраненно следил за ним глазами из-за полуопущенных ресниц, не высказывая ни страха, ни паники. Только задышал чаще, да розовый кончик языка пробежал по нижней губе, увлажнив ее.

Медленно потянув покрывало, Эдмир позволил светлому шелку стечь лужицей на пол, совершенно обнажив юношу. Не сдерживаемый более тканью ровный член Рэниари распрямился во всей своей красе. На обнажившейся головке блеснула капелька смермы. И король со стоном вжался лицом в пах драгоценного пленника, вдыхая его неповторимый аромат — нотка чуть грозовой свежести, пробивающаяся сквозь запах лекарственных трав и отголосков боли. Гладкие бедра Рэни едва заметно дрогнули под напором императора, и Эдмир медленно заскользил языком по напряженному стволу вампира. Над головой раздался чуть слышный стон, и бедра вампира качнулись сильнее навстречу ласке…

Тогда ему удалось все исправить. Но были и другие картины, когда сделав шаг вперед, он возвращался на два, а то и на три шага назад.

Совсем, как в привычной действительности…

…Вот они вдвоем в роскошном кабинете. И он только что шантажом вырвал у любимого право быть рядом с ним. Право на его нежность.

— Ну, же!.. погладь меня… — шептал он, перехватывая руку Рэниари, чтобы в следующий миг положить его ладонь на свой пах и прикрыть своей ладонью, переплетая пальцы. — Давай… я не кусаюсь…

Рэни ничего не ответил на его слова, лишь тонкие пальцы чуть дрогнули в скрытом нежелании выполнять приказ. Горячий пах мужчины опалял его ладонь, сильная рука императора охватывала плечи. Натаниэль дышал коротко и часто, неотрывно глядя на довольно скованного в своих действиях вампира.

Прекрасного, пытающегося быть отрешенным… Светловолосого и светлоглазого… но сквозь ледяной облик пробивался иной — солнечный, теплый… облик ЕГО золотой Искры.

Идет торг. И вопрос лишь в цене…

И Рэниари отпускает себя, чтобы спасти плененных друзей!

Эдмиру горько… он победил…

И остается только пошлить.

— Ну, милый, не хочешь поиметь своего врага? — С кривоватой улыбкой говорит он ничего не понимающему вампиру, одновременно в пару движений освобождаясь от остатков одежды.

И отдается… так отдается! Чтобы хоть на миг забыться в любимых объятиях!

Боги! И тогда и сейчас он сходил с ума по любимому. И тогда и сейчас помимо страсти дарил ему боль… как телесную, так и душевную…

Как разорвать ставший порочным круг?!

mir-knigi.org

…А вот прекрасная женщина, так похожая на Рэни-из-сна. Императрица Магасра, его мать и тетка Рауля в той жизни.

— Мама, я схожу с ума? — Печально спрашивает он, как в детстве прижимаясь к родным коленям. — Я не могу себя перебороть. И ведь понимаю, что делаю все не так… не правильно… но что-то в глубине меня требует заставить его желать меня так же, как желаю я.

— Просто ты влюблен, малыш, — теплые руки матери обнимают… успокаивают. — Каждый любит по-своему…

Еще одна зеркальная картина…

…Осторожно уложив Рэни на постель, он опускается на колени между покорно раздвинутых ног юноши и медленно скользит руками вверх, собирая складками и сдвигая тонкое ночное одеяние… обнажая белоснежную гладкость ног и невозбужденный пах любовника.

Склонившись, император короткими, мимолетными поцелуями скользит по внутренней поверхности бедер, ладонями разминая напряженные ягодицы.

Вот обдал горячим дыханием плоский живот. Рауль дернулся было вверх, но крепкие руки дроу осторожно удержали его на месте, а горячий язык прочертил влажную дорожку от пупка к мягкому члену юноши. Затем нежные губы мужчины слегка прихватили поджавшиеся от неожиданности яички… перешли на член, начиная посасывать его словно конфету…

Рауль опять непроизвольно дернулся, чувствуя, как кровь приливает к паху, а член начинает просыпаться…

Сколько таких ночей и дней у них было! Сколько принудительной близости, когда тело пленника отвечало, а душа плакала!

И чем это отличалось от того, что он делал с мужем в этой реальности?..

…Он пришел к любимому поздней ночью. Одетый в роскошные, расшитые золотом и рубинами парадные одеяния. Пахнущий дождем и чужим праздником.

Непривычно тихий и виноватый. Обнял со спины, привычно уткнувшись носом в пушистую макушку вампира.

— …прости… — чуть ли не беззвучно прошелестел он — у его любимого будет ребенок от него. Надо же, в той реальности возможно и такое!..

Рауль даже не вздрогнул, когда сильные руки императора осторожно заскользили по его груди и животу, сминая тонкий шелк одеяния.

— Почему ты это допустил? — Голос вампира звучит неожиданно жестко и холодно. И в следующий миг яростно-отторгающее: — НЕНАВИЖУ!

И тело умирающего возлюбленного на его трясущихся от ужаса руках. Но хуже всего — осознание, что именно ТЫ довел своего единственного да такого состояния.

И тяжелый кубок с кровью… и чужой речитатив сплетающегося заклинания, на веки вечные связывающего две души-судьбы! И обвивающая запястья вязь магической татуировки…

mir-knigi.org

широкий браслет, свитый из тончайших серебристо-голубых и черно-золотых линий. Крошечные искорки магии снуют по линиям, стремительно завершая рисунок…

— На все воплощения! — Гремит вокруг набатом. — Да соединятся двое в веках!

И безумное счастье, что теперь любимый никуда не денется. Что он выживет и останется с ним.

Вот оно как было…

И вот почему так сильно болела рука — прорывалась и не могла прорваться магическая татуировка… знак Истинного супружества. Неужели Рэниари действительно его разлюбил?! Раз знак их связи так и не проявился…

Ошеломленный увиденным, король на миг потерял путеводную нить, застыв у быстро мутнеющего зеркала памяти, за которым один целовал другого. Но уже слепила очередная вспышка, притягивая к новому отражению.

Лица, чувства, эмоции. Вихрь, в котором так легко захлебнуться. Страх… нет, даже ужас!.. когда Рэни вышвырнули за стену! Тогда они потеряли своего первого ребенка… и даже сейчас в груди болит так, что криком кричать хочется!

Арки… АркаэльЗдекирр Каэ Ларуг. Вот мы и встретились вновь, Баррэт. И в этой жизни ты мой родич. Тогда был кузеном, всемогущим имперским герцогом. А теперь, пусть сводный, но брат, всего добившийся самостоятельно. И те смешные котята, которых я подарил тебе… вы и в этой жизни нашли друг друга. И сейчас вам всем повезло. Так будьте же счастливы и дальше! Я все сделаю, чтобы вы не узнали разлуки, как в том воплощении.

Мама, сестры, Ханастас, малыш Крисс… Иллиана… Боги мои! Как же я виноват перед тобой, кузина!

Надеюсь, что в новых мирах вы нашли свое счастье. Помолитесь за нас, если вспомните…

Еще одно зеркало…

…Меж высоченных охранников протиснулся очень красивый, невысокий, тонкий в кости эльф. Роскошная грива цвета летнего меда, небрежно подхваченная золотой лентой, спускается ниже талии. Сквозь пышные пряди проглядывают кончики заостренных ушей чистокровного эльфа. Восхитительная фигурка затянута в светло-коричневый охотничий костюм, расшитый золотом и янтарем. Идеальные черты лица и яркие золотые глаза, опушенные длинными черными ресницами.

— Наконец-то ты мне попался! — Скалится Эйрамиэль. — Я столько ждал тебя… любимый. Впрочем, ожидание того стоило…

И долгие сутки сексуальных измывательств… бесконечные часы ломок…

И нежный шепот, отдающийся болью в окровавленной голове:

— Я ждал… долго… так долго… Теперь ты мой раб… и только мой! Для всех император Натаниэль мертв… Для всех, кроме меня. И отныне ты будешь принадлежать только мне! Так сладко ломать того, кто когда-то правил целой империей! Посмотрим, долго ли ты выдержишь,

прежде чем превратишься в бессловесного раба, выполняющего все мои пожелания. И тогда я тебя убью… чтобы возродить в новой личности, которая не будет помнить ничего из своего прошлого. И которая поверит во все, что я ей скажу.

И ненавистные руки, неожиданно бережно перебирающие твои пряди волос. Кажется, этот псих их даже целовал!

— Красивый… — шептал безумный эльф, прижимаясь к распятому Эдмиру, не обращая внимания на пот и кровь, покрывающие тело пленника вперемешку со спермой. — Мой… И всегда будешь моим. Всего-то и надо, чтобы ты потерял память… потерял себя… Не хочу применять магию, не хочу получить лишь куклу. Так что придется тебе потерпеть, любимый. Только так можно уничтожить твою брачную татуировку… когда уничтожится сама личность ее носителя. Я читал об этом в древних фолиантах. А потом мы свяжем друг друга таким же обрядом. И всегда… во все времена будем вместе! Боги, как же я буду любить тебя!..

Итарон был прав — он заново переживал все… боль, предательство, насилие, тоску, страсть, любовь, ненависть…

Он шел меж зеркал, заглядывая в каждое из них, и чужая жизнь разворачивалась перед глазами бесконечным полотном.

Рэни!.. Рэни!.. Мой Рэни!

В каком бы ты не был обличии, но теперь я ни за что не спутаю тебя с другими! И не повторю старой ошибки, когда искал тебя, не замечая рядом с собой потерянной драгоценности.

Боги, какая же долгая у нас с тобой была ТА жизнь! И сколько в ней оказалось намешано. И ведь за все тысячелетия мы даже не устали друг от друга. Так и продолжали жить, любить и дышать в унисон…

Теперь я помню все. Я помню горе и боль. Все наши ошибки и свершения… дни и ночи… радости и беды… страсть обладания…помню наших детей, что мы привели в ту жизнь!

Боги! А я то думал, что схожу с ума, когда видел сны о несуществующем мире! А это всего лишь просыпалась моя память о тебе… искала… звала… тосковала. И то проклятое заклятие… самое первое, смытое кровью дракона. И другое, уже окончательно связавшее нас на все воплощения.

Голова кружится от увиденного и пережитого. Картины прошлого и настоящего мешаются, разрывая сознание неистовой болью. Боги и демоны, да когда же все это закончится?!

ГДЕ ТЫ, РЭНИ?!!!

И резкий обрыв воспоминаний!

Он стоял в когда-то давным-давно виденном саду… там, среди искрящихся под одинокой луной сугробов, в небольшой ротонде на мраморной скамье сидел озябший и потерянный Рэниари.

В прошлый раз Эдмир не сумел пробиться сквозь незримый барьер, но теперь, поскрипывая снегом под подошвами сапог, беспрепятственно прошел в беседку и опустился на колени пред ни на что не реагирующим мужем.

Взял в ладони его холодные руки.

— Заблудился, малыш? — Тихо спросил, согревая дыханием полупрозрачные пальцы Рэни-из-сна. Тот как-то замедленно перевел на старшего короля взгляд непривычно потемневших глаз, но промолчал. И Эдмир решительно скинул с себя плащ, укутывая юношу теплым мехом полярных песцов.

— Пожалуйста, вернись! — Шепнул он, прижимая к себе не сопротивляющегося супруга. Тот как-то нерешительно покачал головой.

— Зачем? — Спросил неэмоционально, словно заново вспоминая слова. — Здесь мне не больно… так пусто и спокойно…

— Ты нужен мне, — отозвался Эдмир, поднимая на руки легкое тело любимого. И услышал в ответ:

— Как Искра?

— Как тот, кого я люблю, — упрямо ответил Эд, выходя из беседки. Но в душе кольнуло от боли потери. Если бы только вспомнить чуть раньше — он бы не допустил повторения прежней ошибки!

— Всем нужна только Искра, — равнодушно произнес Рэни, запрокидывая к одинокой луне бледное лицо с кристалликами льда на заиндевевших ресницах.

— Не всем, — заглянул в незрячие глаза юноши Эд. — Не всем… Если ты не веришь мне, то поверь… вернись хотя бы ради сына! Ради Баррэта, ради Черныша, что плачет у твоей постели! Разве у тебя нет, ради кого возвращаться?!

И Рэниари соскользнул с его рук, становясь на оттаивающие плиты сада…

…В действительность Эдмир вернулся довольно болезненным рывком… как-то враз… дернулся и сел в кресле.

Оказывается, он на половину сполз на пол. И сейчас тело ломило от неудобной позы.

— Как вы, ваше величество? — Тихонько вопросил Итарон, наклоняясь над племянником. У короля сложилось впечатление, что родной дядюшка до сих пор не может определиться со своим к нему отношением: то ли все-таки родня, то ли полный вассалитет.

— Со мной все хорошо, — нетерпеливо отмахнулся Эд, жадно вытягивая шею в сторону постели. Но там творилось нечто несусветное — слышались взвизги, плач, жалобное мяуканье. Вокруг суматошно мельтешили жрецы, маги и целители. Заполошно метались слуги с одуревшими от счастья лицами. Кто-то что-то ронял и тут же торопливо кидался собирать осколки.

— Вы справились, государь, — с неизбывным облегчением отозвался Итарон. И Эдмир с удивлением заметил слезы на глазах старого волшебника. Но вспомнил он о них лишь много часов спустя — сейчас все его внимание привлекал слабый голос Рэниари, едва слышимый за общим шумом в спальне.

И Эд, бессильно распластавшись на своем кресле, сам едва не заплакал.

mir-knigi.org

Он действительно справился!

— Государь, — тихонько обратился Верховный жрец к повелителю. Оказывается, он стоял тут же. — Вы расскажете супругу правду?

— Вы… — вскинулся король, глядя пытливо на двух стариков. Те, чуть помедлив, дружно кивнули.

— Мы видели не все, — пояснил Итарон, пряча глаза. — Но основное уловили.

— Нет, — тут же нахмурился Эдмир, прекратив улыбаться. — Это только моя ноша. И мне ее нести. И только мне исправлять старые ошибки. Я не хочу, чтобы Рэниари помнил о прошлом. Ему хватает и своего горя.

— Как пожелаете, государь, — поклонился Верховный жрец, пока Итарон молча смотрел на племянника. — Но знайте, что отныне храмы стоят на страже интересов вашего супруга. Пожалуйста, сделайте его счастливым. Вы с ним действительно связаны.

И тихонько вышел. За своим Верховным гуськом потянулись и остальные жрецы. А Эдмир, более не отвлекаясь ни на что, поднялся на ноги и, шагнув к постели, рывком вырвал из объятий Баррэта любимого мужа. Чтобы просто и без затей прижать к груди и зацеловать до беспамятства…

…Рэниари проснулся глубокой ночью.

Просто выплыл из освежившего его сна посреди темноты собственной спальни. Было тихо и очень спокойно. Юноша лежал на знакомой постели, до пояса прикрытый шелковым покрывалом, а в открытые окна заглядывала золотая Товитель — третья, предрассветная луна легко и лениво плыла в высоком небе среди быстрых светлых облаков.

Тогда, после своего исцеления, Рэниари недолго пребывал в сознании. Усталость и нервное истощение взяли свое, и он незаметно уснул, чтобы очнуться только сейчас.

— Проснулся? — Низкий, знакомый до последней нотки голос мужа обласкал Рэни до сладких мурашек по телу. — Как ты?

Медленно повернув голову, юноша разглядел лежавшего на постели Эдмира. Супруг был полностью обнажен. И только чресла прикрывал край светлой простыни.

— Хорошо… — Рэни невольно сглотнул: пить хотелось просто зверски. Но второй король сильно сомневался, что сумеет встать или хотя бы дотянуться до колокольчика, вызывая слуг — тело полнилось слабостью. Но старший муж вдруг легко поднялся с постели и, белея накаченными ягодицами, прошлепал босыми ногами к столику, на котором зазывно мерцал стеклянный кувшин с освежающим питьем.

— Вот… — сильная рука мужчины осторожно приподняла голову Рэниари. В губы юноши легко ткнулся край серебряной чаши, а в иссушенное жаждой горло полилась восхитительно прохладная и чуть кисловатая от сока жидкость.

Боги! Какое же это блаженство — просто пить!..

Рэни судорожно глотал, слыша над собой тихий смех Эдмира, что осторожно поил его, не давая

захлебнуться от нетерпения.

— Не пугай меня так больше, — шепнул Верховный король, когда супруг, напившись, откинулся на смятые подушки, переводя дух. И медленно слизнул с любимых губ задержавшуюся там капельку питья.

Ощутив знакомый аромат мужа, Рэни сам едва не задрожал от нетерпения — оказывается, он так соскучился по объятиям этого человека. Но нужен ли он ему еще как супруг? Или только как Искра?

— Ну что ты там напридумывал себе, малыш мой!.. — охрипшим от страсти голосом произнес Эдмир, слегка отодвигаясь от желанного тела мужа. Мужчину предупредили, что стоит воздержаться от близости хотя бы в первое время.

— Эд… ты… — Рэни был откровенно растерян. Несомненно, им обоим стоит поговорить. Но как начать столь тягостный разговор… как рассказать старшему мужу о том, что с ним делали в Фейринеле? Рэни не знал. А допускать недоговоренность чревато последствиями.

— Прекрати себя накручивать, — отозвался Эдмир. Такое впечатление, что он просто прочитал мучительные мысли супруга. — Я по-прежнему тебя люблю.

И это лишь усилило тягостное недоумение Рэниари. Ну, не может столь бешеный собственник, каким он помнил мужа, враз позабыть, что его собственность имели во все дыры! Значит, это еще аукнется в будущем.

— Хочу тебя! — Тихо шепнул Эдмир, глядя на него с тяжелой страстью. Да такой, что юноша невольно поежился. — Жаль, что ты ослаб… Ну, да ничего…

Ладонь мужчины легла на его собственное тело, пройдясь в чувственной ласке по выразительному рельефу выпуклой груди. Пальцы потеребили-сжали один сосок, затем другой… И Рэниари невольно почувствовал, что краснеет — вид того, как супруг сам себя ласкает, завораживал и дарил ни с чем не сравнимое томление. Член юноши заинтересованно дрогнул под покрывалом. Вот только шевелиться все еще было трудно — слишком сильная слабость сковывала тело второго короля.

А тем временем Эдмир чувственно и неторопливо потянулся, демонстрируя мужу прекрасную и столь великолепно вылепленную фигуру, одновременно стройную и сильную, с рельефной мускулатурой, которой можно было только позавидовать.

— Нравится? — С придыханием прошептал Эд, совершенно развратно облизывая потемневшие и припухшие губы. И Рэниари чуть слышно застонал от прошившей его страсти. А супруг тем временем неторопливо достал из-под подушки граненый флакон с душистым маслом и небрежно откинул в сторону притертую пробку. Тягучая, слегка опалесцирующая струйка как-то лениво протянулась из узкого горлышка к пальцам мужчины и обволокла их, распространяя приятный травяной аромат. И рука Эдмира тут же скользнула под шелк простыни, обрисовывавшей крупный член Верховного короля в полной боевой готовности. Чуть качнув бедрами, Эд позволил мерцающей в полумраке ткани соскользнуть на постель. И предстал перед горящим взором Рэни полностью обнаженным с блестящей от масла рукой на своем набухшем естестве.

Сильные пальцы мужчины, сжатые в кулак, то быстро, то медленно заскользили по восставшей плоти, лаская каждую венку, каждый дюйм немаленького органа… то натягивая на головку, то оттягивая бархатистую кожицу и демонстрируя замершему юноше все великолепие

невысказанной страсти. Бедра Эда напряженно двигались в беззвучном танце, имитируя половой акт. И Рэни словно прикипел взглядом к этому действу, словно бы сам ласкал и нежил прекрасное тело напротив. Будь у него силы, юноша бы не удержался, сорвавшись навстречу мужу. А так приходилось лишь смотреть, тихим стоном встречая каждое возвратно-поступательное движение. Он не мог даже к себе прикоснуться — настолько слабыми сейчас были его руки… руки, ноги, тело… все, кроме напряженного ствола и отяжелевших от желания яичек. Да он с ума сходил от невозможности припасть губами к телу напротив, довести его до пика своими ласками… от того, что приходилось всего лишь наблюдать в полном бездействии!

И когда Эд выстрелил, наконец, тугой струей, Рэни вместе с ним забился в мучительных спазмах, не в силах кончить. Он готов был заплакать, когда супруг вдруг жадно приник к нему ртом и рукой, всего за пару движений доведя до разрядки. И тут же выпил до дна, не упустив ни капли.

Обессиленный, Рэниари выгнулся на постели и тут же вновь опал на нее, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось как сумасшедшее. Так он себя чувствовал только после долгой, изматывающей близости.

Постель рядом мягко прогнулась, когда муж перекатился поближе к нему, обнимая и убаюкивая.

— Спи… — шепнул Эдмир прямо ему в губы. Не удержался и чуть лизнул верхнюю, слегка приподнимая ее, чтобы тут же скользнуть самым кончиком языка по влажной полоске зубов, даря их смешанный вкус с легкой ноткой горечи. И едва ли не со стоном отпрянул — нельзя! Его мальчик еще так слаб. Все позже… потом…

И Рэниари, ослабленный ранением и переживаниями, послушно прикрыл глаза, чтобы тут же провалиться в глубокий сон, оставив старшего мужа мучиться неудовлетворенностью.

Одной руки Эдмиру было мало. Но приходилось терпеть…

…Столица постепенно приходила в себя. В свои дома возвращались бежавшие из них жители. Стучали молотками каменщики, восстанавливая разрушенное. Работали плотники и черепичники. Даже вопрос с пленными мисиранцами решился к обоюдному согласию. Всех бывших сторонников Анэраса решено было переселить в полупустые после недавнего мятежа восточные провинции. Земли там были суровые, поднимать их было нужно с пустого места, попутно отражая набеги кочевников. Так что у бывших противников не будет возможности думать о мести, только как выжить в столь негостеприимных условиях. Да еще и ветераны-хилдонцы не дадут новым жильцам бунтовать.

Словом, жизнь налаживалась. Люди все чаще смеялись и пели, празднуя победу. И только Эдмир решительно не чувствовал себя счастливым. Неопределенность их с Рэниари отношений выводила мужчину из себя. Причем он сам делал все, чтобы эта неопределенность продолжалась как можно дольше. Муж неоднократно делал все возможное, чтобы вызвать Эдмира на откровенный разговор. Но тот всякий раз использовал всевозможные уловки, чтобы ускользнуть от правды.

Эд просто боялся. Боялся услышать, что Рэни его не любит. Что просит отпустить. После того, как Верховный король узнал правду об их общем прошлом, у него не поднялась бы рука удерживать подле себя любимого, захоти тот уйти. И потому Эдмир совсем по-детски тянул время в наивной попытке отсрочить неизбежное.

А еще на него из зеркала сквозь привычный облик теперь частенько смотрел Натаниэль. Иногда Эдмиру даже казалось, что его привычные серые глаза темнеют до непроницаемой черноты глаз дроу. Но стоило сморгнуть, и все возвращалось на круги своя. Вот только память невозможно было столь легко изменить. И теперь ему до конца жизни придется нести на себе груз прожитой жизни. И не поделишь эту ношу ни с кем. Не взваливать же такую тяжесть на плечи мужа? Ему и своих забот хватает.

Было и еще кое-что, что тревожило Эдмира до глубины души. Ольвин дио Нориэль. Северный лорд, прежний беглец из южной Цитадели. Нет, мужчина все понимал. Да и Баррэт подробно просветил сводного брата о том, кто такой этот пепельноволосый гигант, красивый сдержанной, воистину мужской красотой. Эдмир знал, что Ольвин сын кормилицы мужа. Старший брат давно умершей молочной сестры Рэни. Понимал умом, что для юноши новоявленный лорд что-то вроде еще одного родственника. Все он понимал… но не мог не ревновать.

Дико, бешено, до зубовного скрежета и темноты перед глазами.

Ревновал, видя, как весело, непосредственно смеется Рэниари, слушая забавные рассказы о приключениях Ольвина. Как смотрит на него, как позволяет до себя дотрагиваться… невзначай, но так, как позволено лишь близким людям.

Случись это чуть раньше, Эдмир в землю бы вбил соперника. Но теперь молчал. Просто боялся потерять то немногое, чем еще обладал. Да и слишком мало было тех, кто мог расшевелить все больше и больше уходившего в себя младшего мужа. Кто мог вызвать его интерес к жизни. Заставить смеяться, шутить, взахлеб что-то рассказывать, позабыв про свой титул. И Эдмир терпел, только бы любимый улыбался. Терпел и всеми силами оттягивал миг объяснений между ними.

Что угодно, только не обрекающий на пронзительную ясность разговор…

Вот и в этот раз он предложил Рэниари присутствовать на заседании Совета, в надежде удалить его от дио Нириэля, пришедшего навестить болеющего «родича». Юноша все еще был слаб, восстанавливаясь слишком медленно. Но Эдмир решил, что ему будет интересно вновь появиться в свете. А если устанет, всегда можно отослать любимого в постель.

Услышав предложение, Рэни явственно заколебался. И Эдмир запоздало вспомнил доклад Итарона, что, мол, советники намекали на супружескую неверность его мужа. Верховный король открыл было рот отменить предложение, но супруг уже согласился с таким решительным выражением лица, что у Эдмира просто язык не повернулся с ним спорить.

На удивление, лорды Совета весьма благосклонно восприняли появление второго короля. Что этому послужило причиной — что Рэниари Искра, что он закрыл старшего мужа от смерти, или молчаливые телохранители в лиловых жреческих мантиях, повсюду сопровождавшие второго короля — неизвестно. Но Эдмир не уловил ни одного косого взгляда. Что даже его немного разочаровало — в тот день Верховный король прямо-таки горел желанием порвать хоть кому-нибудь глотку: с самого утра любимая тетушка огорошила его заявлением о своем решении покинуть род Келлиадиров, чтобы выйти замуж за любимого человека. Любимым человеком оказался барон Эльмаран Коразз, что не могло не радовать Эдмира по целому ряду причин. К сожалению, Лорды-Советники весьма неодобрительно восприняли эту новость и явно собирались сделать все, чтобы помешать будущему браку принцессы.

Усадив мужа в его кресло, Эд сел рядом, заметив, КАК любимый супруг посмотрел в сторону

нарушителей спокойствия. Для Верховного короля не было секретом, что Рэниари симпатизирует Иссе. Да и к Эльмарану юноша тоже относился весьма благосклонно, что не могло не вызывать в Эде вспышек ревности. Мужчина уже понял, насколько просчитался в тот раз, когда застал барона в спальне мужа. Но все равно не мог не ревновать. И это притом, что был благодарен другу за его стремительный поход к осажденной столице, в пику приказа и близко к ней не подходить. Не ослушайся Эльмаран, и Меайра пала бы под натиском мисиранцев. Только за это Эд был глубоко благодарен барону, но выдать за него любимую тетку… просто не представлял, как это сделать. У Эдмира и так почти не осталось родни, чтобы и дальше разбрасываться родственными связями. Айрэ был далеко. Лаурэ погибла. Эстель, почитай, тоже почти отрезанный ломоть. Итарона король так и не научился воспринимать как родного дядю. По сути, у Верховного короля был только его Рэни. Да еще Баррэт потихоньку протаптывал тропинку к сердцу сводного брата. Ах, да! Оставался еще кроха-сын. Но Эдмир до сих пор не мог простить наследнику обстоятельств его появления на свет.

…Исса повела себя весьма решительно, с ходу огорошив Совет своим заявлением. Для лордов это не стало неожиданностью. Но бесцеремонность ее высочества, столь свойственная всем Келлиадирам, вызвала растерянное раздражение. Тем более сильное, что многие советники питали беспочвенные надежды на брак незамужней принцессы с кем-нибудь из их кланов.

— Вот как? — Хмуро уточнил Эдмир, гладя на любимую тетушку в объятиях своего друга. — Так, значит, вы все решили? А не слишком ли вы, леди, разбрасываетесь титулами?! Кровь Келлиадиров — не водица!

— Я не желаю из-за титула терять любимого человека! — Решительно отозвалась Исса, опережая открывшего было рот Эльмарана. — И не желаю быть разменной монетой для твоих политических игрищ!

— Моих игрищ?! — Прошипел Эдмир, легко впадая в бешенство. — Хорошо же! Вот вам мое решение… Выбирайте! Или вы сейчас же оба… навсегда!.. покинете дворец и страну! — Лорды-советники в один голос ахнули: никогда не бывало, чтобы принцесса отказывалась от своего титула. — Или барон Коразз отвоюет себе герцогство Ваоттиро, куда и привезет будущую супругу королевской крови!

Исса попыталась было уцепиться за вышедшего вперед жениха. Но Эльмаран мягко отодвинул женщину и опустился на одно колено перед разгневанным королем.

— Как прикажешь, государь! — Произнес он решительно. Лорды вновь дружно ахнули. И если они с самого начала были против этого союза, то выставленные условия заставили всех задуматься. Принцесса Исса была лакомым кусочком для любой аристократической семьи, и ее решимость выйти замуж именно за этого барона не могла нравиться вельможам. Но связаться с бешенными ваоттирцами…

И только Рэниари, сидя в своем кресле, прикрыл лицо ладонью, невольно скрывая улыбку — то, что предложил влюбленным Эдмир, было, пожалуй, единственным выходом из создавшейся ситуации. К тому же, благодаря вмешательству кузена Сиорола, ваоттирцы сейчас нейтральны. И для них присоединение к Кораззу — единственная возможность заслужить прощение хилдонского короля и сохранить свои титулы и владения. Тем более, что главного виновника их предательства — Дориана — больше не было на этом свете. А воевать с Эдмиром стал бы только сумасшедший. Тем более, что теперь все знали, КТО у него в мужьях. Так что у Эльмарана был вполне реальный шанс стать герцогом и жениться на любимой женщине.

— Если ты сумеешь взять под свою руку западную вольницу, — прошептал, склоняясь к барону Эдмир, — то считай, что я все простил.

— Гад ты все-таки, Эд! — Так же беззвучно ответил Эльмаран, сияющими глазами глядя на своего короля. И тут же в полный голос повторил. — Я сделаю это, государь!

Как уж Рэниари удалось удержаться от смеха, он и сам не понимал. Еще бы! Ему как никому другому было известно, что молодой Коразз давно водит дружбу со многими командирами покойного Дориана. И юноша был уверен, что ваоттирцы предпочтут назвать Эльмарана своим следующим герцогом, чем потерять все свои привилегии. Так что с этой стороны Кораззу ничего не грозило. Единственная неприятность была в неизбежной войне с мисиранцами, что вряд ли признают проигрыш своего короля. По последним сведениям их легионы спешно откатывались на свою территорию, преследуемые западными гарнизонами Хилдона. И помощь нового герцога придет в самый раз. Но никто и не сомневался, что новая война будет на редкость жестокой, ибо речь пойдет о выживании целого королевства. Но если Эльмаран своего добьется, то выгоды от создания нового герцогства Коразз будут несомненны. И это понимали даже Лорды-Советники. Потому-то Эльмарана пусть нехотя, но благословили на новый поход, одобрив на этих условиях будущий союз ее высочества принцессы Иссы с будущим герцогом Кораззом.

…Эстель сидела в своей гостиной в полном одиночестве. Она выгнала даже преданных ей служанок. Просто никого не желала видеть.

Принцесса знала, что была война, осада столицы, бой племянника с мисиранцем. Знала, что нашелся Рэниари. Но знала это как-то отстраненно. Для нее все эти события прошли стороной. Последнее, что она помнила — это как, задыхаясь, бежала от погони… потом резкий удар в спину. И бесконечные дни и ночи агонии, когда хотелось скулить от непреходящей боли. Не помогало ничего — ни маги, ни примочки. И теперь, когда измучившая ее рана вроде как закрылась, и целители давали полную гарантию выздоровления, Эстель все еще боялась шевелиться — слишком уж яркими были воспоминания о пережитых мучениях.

Какое-то движение привлекло внимание принцессы. И она слегка скосила взгляд в сторону. В зеркале над камином отражалась сильно исхудавшая девушка. Совсем незнакомая. Где же та веселая подвижная хохотушка, обожавшая шутки и проказы, какой она себя помнила? Яркие каштановые волосы потускнели, серые глаза тоже выцвели, лицо утеряло аристократичную бледность, став каким-то неприятно белесым. Губы скорбно поджаты.

Она осталась одна…

Лаурэ погибла. Эдмир занят делами и своим обожаемым мужем. Исса, конечно, забегает, но у нее своих проблем полон рот. Вот и получается, что вся их прежде дружная семья как-то незаметно развалилась на кусочки. И кому она теперь нужна?

Букет пышных степных маков совершенно неожиданно опустился на колени вздрогнувшей от неожиданности девушке.

— Я не стал просить аудиенции, моя прекрасная леди, — раздался у нее за плечом чувственный полузнакомый голос. Послышался шелест плаща, и перед ее высочеством на одно колено опустился князь Киммар Ассариш-То-Риг. — У вас был открыт балкон. И я воспользовался им как запасным входом.

— Вы!.. — начала было возмущенная Эстель. Этот мальчишка совсем зарвался. — Да как вы

смеете! Входить таким образом к особе королевской крови! Я понимаю, что наш брак уже обговорен, но всему есть предел!..

— Эсти, прекрати, — неожиданно серьезно прервал ее князь, беря расслабленные ладони девушки в свои сильные руки. Принцессе очень хотелось схватить букет и отхлестать наглеца по его самодовольной роже. Но она всегда обожала степные маки. — Перестань. Ты же не такая. Чтобы ты заперлась от мира… спряталась от всех проблем… да когда такое было! И где та девушка, которую так любила моя сестра?!

Эстель невольно дернулась, с возмущением воззрившись на смуглого, черноглазого и черноволосого степняка. Это был запрещенный прием!

Но мальчишка так похож на ее любимую Каллизу!

— И о каком уроне собственной чести ты тут толкуешь? — Ехидно подмигнул ей Киммар. — Эдмир уже дал свое согласие на то, чтобы я за тобой ухаживал. Я и примчался так быстро, как только смог. Словом, выходи за меня замуж. И поехали домой. Там сейчас так красиво… маки цветут… все барханы покрыты цветами! Представляешь?!

Не выдержав, Эстель расхохоталась.

— Это ты так ухаживаешь? — Отсмеявшись, спросила она этого обаятельного нахала. — Ну и ну!..

— Ну, не умею я быть таким же галантным, как ваши придворные, — раздосадовано буркнул князь. — Вот если кому голову за тебя скрутить, это завсегда. Или стихи почитать… это тоже могу. Или цветы подарить… А лучше украсть тебя и увезти в свой дворец как долгожданную жену. Ну, правда, Эстель! Поехали. Я ведь люблю тебя с самого детства.

И принцесса задумалась. Она помнила худого, нескладного подростка, что вечно увязывался за ними с Каллизой и провожал ее жаркими глазами. Помнила незамысловатые подарки, что находила время от времени в своей комнате, когда Ассариш-То-Риги гостили в Меайре. Помнила неприкрытое восхищение этого мальчика…

— Киммар… — начала было Эстель. Но князь вдруг неожиданно властно притянул ее к себе и поцеловал… крепко, совершенно по-мужски, глубоко проникая языком в ее рот, сминая вмиг припухшие губы и напрочь лишая сознания. А когда отстранился, Эстель тяжело дышала, пытаясь восстановить дыхание и упираясь руками в литые плечи названного жениха.

— Вот так-то, милая, — негромко произнес Ассариш-То-Риг, глядя на ошарашенную женщину узкими глазами. — Не держи меня за прежнего мальчишку. Я давно уже вырос. И пусть ты полуэльфийка, а я человек, но теперь наш возраст сравнялся. И сейчас мы просто мужчина и женщина. Я не отступлюсь от тебя, Эсти! Я любил и буду тебя любить. Люблю твою душу, твою силу, твой свет! Будь моей женой и матерью наших детей. Чего тебе ждать в этом душном дворце? А в степи свобода и ветер! Поехали со мной.

Медленно, как завороженная, Эстель подняла с пола упавший букет ярких маков и вдохнула полной грудью сладковато-горький аромат мелких цветов.

— Хорошо… — тихо сказала она. И в ту же секунду едва не взвизгнула, оказавшись в воздухе, на руках у Киммара. — Ты что делаешь?!

— Как что? — Невозмутимо отозвался тот. — Увожу тебя к себе. Ты же согласилась, так чего

время тянуть?

— А как же?.. — растерялась Эсти, даже не делая попыток вырваться. Неожиданно оказалось так приятно, когда кто-то решал за тебя.

— Да ну эти ваши церемонии, — с великолепным презрением отозвался князь, ловко соскакивая на землю с балкона. — Только время потеряем. Потом сама напишешь Эдмиру, что вышла замуж. А платья и прочее барахло я тебе обеспечу. Я там целый дворец выстроил, и он совсем пустой. Сама будешь его украшать. А еще там целая куча детских. Так что на ближайшем привале займемся вопросом наследника.

Не выдержав целого водопада планов на ближайшее будущее, Эстель опять засмеялась, вжимаясь лицом в крепкое плечо своего мужчины. И почувствовала, как исчезают, растворяются в этом смехе ее тоска и боль. Ну, надо же, оказывается, ей надо так мало — всего лишь, чтобы рядом был любимый человек…

…То, что рассказал Итарон, потрясло Эдмира до глубины души.

А они-то считали, что Искры всего лишь что-то вроде могучих амулетов-накопителей, из которых можно качать силу.

Как же они все ошибались!

Именно Искры были Императорами. Истинными правителями этого мира. Хранителями, коих сами боги поставили надзирать за магией и самой жизнью. Сокровище сокровищ!

И он упустил свое сокровище.

Искра может пылать лишь, когда любит и любима…

И если в своих чувствах Эд не сомневался, то любовь юноши к нему угасла давным-давно. Угасла по вине самого Эдмира. Может, еще оставалась благодарность… привычка… привязанность… Но той любви, с которой наивный мальчик смотрел на великолепного принца в ночь карнавала, больше не было. И некого в этом винить, кроме самого себя. Та связь, что связала их на все времена и на все воплощения, не гарантировала взаимной любви. Лишь то, что двоих неизбежно притянет друг к другу…

…Прислонившись лбом к нагретому солнцем стеклу, Верховный король смотрел, как в садовой беседке непривычно веселый Рэниари разговаривает с Ольвином дио Нориэлем.

Разговаривает… смеется… жестикулирует.

Как смотрит… как сияет лишь для него одного.

Так живо. Так непосредственно. Так тепло.

Как никогда с Эдмиром…

И пусть Баррэт уверяет, что этих двоих ничто кроме дружбы не связывает… что дио Нориэль всегда относился и относится к Рэниари, как к младшему братишке… и что у северянина, кажется, есть какая-то там невеста…

Невозможно ТАК смотреть на названного брата. И Рэни… даже издалека видно, что ему нравится Ольвин, что у них масса общих разговоров и общих интересов. Да и сам бывший цитаделец даже на самый предвзятый взгляд весьма хорош как мужчина. И явно не ровно дышит к Искре.

Скрывшись за портьерой из морского шелка хитрого плетения (изнутри все видно, а снаружи — непроницаемая завеса), Верховный король взглядом ласкал любимого. Надо же! Вроде немного времени прошло, а такое впечатление, что Рэниари подрос. И теперь заметно, как красивый мальчик незаметно превращается в не менее красивого молодого мужчину. Стали чуть шире плечи, обозначился кадык… даже, кажется, немного вытянулся. Нет, никогда возлюбленному не стать столь высоким и мощным как Эдмир, так и останется по жизни хрупким и тонким. Но детские черты уже совсем исчезли из облика Рэни, заменившись яркой завершенностью молодости.

Как же ты прекрасен, любимый мой! Не удивительно, что люди тянутся к твоему свету и теплу.

Но вот некоторые слишком уж злоупотребляют оказанным доверием!

Король нахмурился, увидев, как Ольвин взъерошил волосы Искры, рассыпав ничем не скрепленные локоны по плечам юноши. Утреннее солнце тут же радостно полыхнуло чистым золотом в шелковистых прядях. А Рэни, смеясь, лишь небрежно отмахнулся, что-то взахлеб рассказывая заинтересованному дио Нориэлю. И где только Баррэт шляется? Почему не приструнит своего «друга»?! Ах, да… брат же отбыл в Круглый Холм — там пираты стали шалить, пользуясь отсутствием в доме хозяев…

Но дио Нориэль остался, хотя вроде бы его ничего больше не держало в Меайре. Раньше Эд приказал бы убить соперника. Или нет — вышвырнул бы из страны, чтобы не тревожил покой его мужа. Но теперь…

Раз он не в силах дать любимому личного счастья, так, может, стоит его отпустить с тем, кто ему дорог?

Отодрать с кровью, вырвать из собственной души, располосовать сердце в клочья. Но отпустить. И утешаться тем, что возлюбленный счастлив. Нельзя повторять прошлое. Нельзя делать любимых несчастными.

Боги мои милосердные, как же мне больно!

Глава 12

Карлаэль Деззион медленно шел по залам родового особняка. Разграбленного, с выбитыми окнами, но уцелевшего в пожаре войны. Во многих комнатах и залах мебель была перевернута, разбита, а то и порублена — здесь они выдержали непростой бой, прикрывая уходивших на тот берег беженцев.

Вокруг деловито суетились слуги, все отмывая и восстанавливая.

Карлаэль помнил этот дом с самого детства. Все эти комнаты, садики, коридоры, потаенные уголки, где он так любил играть ребенком. И которые показал своему Валиэлю.

Вал… мой любимый, мой синеглазый муж! Без тебя в этом огромном доме так холодно и пусто. Постоянно плачет в детской наш сын. Марэт тоже тебя потерял. Отец совсем поседел. Он, конечно, крепится, но все равно не может тебя забыть. Даже слуги прячут слезы — тебя все-

таки здесь любили, мой строгий, но справедливый супруг. Как же дальше жить без тебя?

Зайдя в уже восстановленную малую гостиную, Карлаэль увидел сидевшую в кресле грустную леди Зоратту. Девушка надломленной веткой склонялась над недовольно сопевшим на ее коленях Маром. Кормилица, сложив руки на тугом животе, чинно возвышалась рядом. Тут же о чем-то негромко переговаривались лорд Тарлит и дед Зоратты — барон Эссерил. Карлаэль поймал себя на мысли, что все чаще и чаще видит Эссерилов в своем доме. Раньше он как-то не замечал их, но когда первое горе утихло — был благодарен молодой леди за ее внимание к сыну. Вот только не хотел даже рассматривать саму возможность повторного брака, на что намекал ее дед. Валиэля ему никто не заменит.

…А Зоратта Эссерил едва сдерживала так и норовящую выплеснуться ярость!

Все эти дни она из кожи вон лезла, пытаясь всем вокруг, и Карлаэлю в частности, доказать, насколько хорошей матерью она будет этому блюющему после каждого кормления щенку! И что?!

А ничего!

Карлаэль ее совершенно не замечает! И даже лорд Тарлит, одобряя ее сближение с сыном, ясно дал понять, что решение примет только сам Карлаэль. Но когда он на это сподобится?! Время неумолимо утекало сквозь пальцы — если сейчас, в первую неделю после смерти Валиэля, по законам военного времени она еще могла выйти за Кара, то уже через пару дней придется ждать год, когда закончится официальный срок траура. А за это время мало ли кто сумеет перебежать ей дорогу — все-таки молодой Деззион слишком лакомый кусочек, чтобы великосветские хищники сумели от него отказаться!

Вот и приходилось Зоратте изо дня в день высиживать в этом доме, в который она бы с удовольствием вселилась полновластной хозяйкой. Или таскаться за дурой-кормилицей, изображая участие в жизни все время орущего младенца. Чудо еще, что он хоть сейчас заткнулся — видимо окончательно надорвал голос… еще бы, так базлать!

— Маркиз, — увидев объект своей страсти, Зоратта оторвалась от сюсюканья и нежно посмотрела на безучастного Карлаэля. Проклятие, да обрати же на меня внимание! — Маркиз, вы позволите мне и дальше видеться с вашим малышом? Я так к нему привязалась… больше всего на свете я бы хотела, чтобы Марэт действительно стал моим сыном. Я люблю его всей душой, всем сердцем!

И она прижала кряхтящего мальчишку к груди, стараясь не морщиться от специфического молочного запаха ребенка. …

— Разве я могу вам это запретить, леди? — Тихо отозвался Кар, рассматривая ковер под ногами. В этой гостиной они с Ваалем спорили. Именно здесь он так настойчиво уговаривал мужа покинуть дом и уйти за реку. Знать бы тогда, чем все закончится… Но Кар действительно считал, что будет только лучше. Ведь самому ему пришлось с боями прорываться во дворец.

— Я чувствую себя членом вашей семьи, — тяжело вздохнула Зоратта, не выпуская ребенка из рук. Слава богам, кормилица, покормив, дала щенку срыгнуть. А то опять бы все платье было в блевотине. — Вы и ваш сын — это все, что у меня осталось от вашего дорогого мужа.

Не выдержав, Карлаэль как-то странно дернулся, но остался сидеть, не в силах просто подняться и уйти. На миг показалось, что его, Зоратту и Валиэля связывает тонкая, но очень

крепкая нить. И если он сейчас уйдет, то она оборвется, и надежды не останется совсем.

— В самом деле, Карлаэль, — подал голос по-солдатски прямой барон. — Может, хотя бы подумаешь о союзе с моей внучкой? Понимаю, что лезу не в свое дело, но…

А молодая леди тихо плакала, орошая горючими слезами сморщившееся личико ребенка.

Кар с тоской посмотрел на задумавшегося отца. Ну, как сказать этим проявляющим такое участие людям, что ему никто не нужен, кроме погибшего мужа. И лучше он останется один, чем с чужим ему человеком. Даже если этот человек привязался и к нему и к малышу. Как донести все это до доброй, пылкой и столь преданной девушки, что плачет вместе с ним над синеглазым Валиэлем?!

— Кар… — прекрасные глаза леди были переполнены слезами. — Не отвергайте меня! Прошу вас… Я не буду претендовать ни на что. Позвольте всего лишь заменить вашему сыну мать! Он так нуждается в этом! Я и сама этого хочу. Хочу воспитывать вашего сына. Стать вам опорой во всем… помочь пережить этот ужас… — и все более сильный румянец ложится на нежные щеки девушки, а глаза смущенно опускаются из-за невольно вырвавшегося признания: — Ведь я полюбила вас…

И никто не знает, что этот румянец следствие нетерпения и страха, что рыбка сорвется с крючка.

— Зоратта… — Карлаэль потрясенно выдохнул. — Что вы говорите?! Вы молоды, красивы, богаты! Да любой с радостью назовет вас женой. Зачем вам несчастный вдовец с чужим ребенком на руках?

— Может, чтобы сделать его счастливым? И не смейте называть малыша чужим мне! — Зоратта смотрела так ласково… так трепетно… так нежно… баюкая на руках его сына. Старшие не вмешивались в разговор. Кормилица тоже, казалось, не дышала. — Вы никогда не станете мне чужими.

— Просто не хочу ломать вам жизнь, — вздохнул Карлаэль, вновь отворачиваясь. — Я любил и продолжаю любить Валиэля. А вам я ничего не могу предложить, кроме благодарности за ваше участие. Вы еще встретите того, кто сделает вас счастливой.

— Я уже встретила такого… — чуть слышно отозвалась баронесса, бережно передавая малыша кормилице. И слава богам, а то руки чесались разбить пащенку голову — так хотелось беситься от собственного неумения удержать желанного мужчину!

— Вот и хорошо, что вернула ребенка, — раздался от дверей негромкий и очень напряженный голос. — А теперь замри на месте, кошка драная, а то выстрелю без предупреждения.

Не ожидавшие появления нового лица, гости и хозяева особняка замерли, а затем дружно развернулись на этот полузнакомый, охрипший голос. И лишь один Карлаэль с протяжным стоном качнулся ему навстречу, не в силах идти — ноги отказали…

В дверях стоял Валиэль собственной персоной.

Но в каком виде?!

Никто при дворе не узнал бы прежнего щеголя и беззаботного красавца. Резко истончившееся лицо с глубокими складками у уголков рта… какие-то потрепанные обноски, больше похожие

на разбойничий наряд, чем на одеяние знатного вельможи. И знакомая пронзительная синева очень серьезных глаз. И эта улыбка… такая родная, искренняя, сияющая!.. направленная лишь на тебя!

Все-таки встав на нетвердые ноги, Карлаэль, пошатываясь, медленно пошел к дверям, все еще не веря… боясь поверить… Но Вал вот он… рядом!

И маркиз сжал в объятиях родные плечи исхудавшего мужа, не обращая внимания на поднявшийся за спиной радостный переполох: кажется, в гостиную сбежались слуги и охранники со всего особняка!

— Люблю… люблю… вернулся… люблю!.. — только и мог шептать Карлаэль, шмыгая носом и не стыдясь катящихся градом слез. — Ты вернулся!

— Конечно, вернулся, — дрожавшим голосом ответил Валиэль, уткнувшись носом ему в плечо. — Как я могу не вернуться, если ты меня любишь и ждешь.

И тут же без перерыва: — Сидеть, леди! Второй ошибки я не допущу! Пасси, отнеси ребенка в детскую и не отходи от него!

И такой при этом у него был голос, что кормилица послушалась без вопросов, буквально выбежав из комнаты, прижав к пышной груди заплакавшего малыша.

— Лорд Валиэль, — попытался было вмешаться удивленный барон. — Мы все так рады вашему возвращению! Но прошу вас быть более мягким с моей внучкой. Я признаю, что она невольно спровоцировала несчастье с вами. Но девочку никто не учил плавать. И только благодаря вам она спаслась. Я в неоплатном долгу перед вами!..

— Вы даже не знаете, в каком, — неприятно улыбаясь, тут же ответил Валиэль, осторожно отстраняя все еще плачущих мужа и тестя. — Господа, полегче! Рана еще не закрылась.

— Отец-Небо! — Тут же всполошился лорд Тарлит, ощупывая зятя на предмет повреждений. — Да что же ты стоишь! Сядь. ЛЕКАРЯ! НЕМЕДЛЕННО!

Поднятые ревом старшего Деззиона слуги заметались по огромному особняку, из уст в уста передавая радостную весть. И сразу несколько гонцов помчались в разные концы города, чтобы предупредить остальных Кораззов о возвращении их блудного родича.

— Немедленно садись! — Суетился лорд Тарлит. — Или тебя в постель?..

— Сойдет и скамья, — отозвался Валиэль, с видимым облегчением усаживаясь на широкую поверхность, устланную мягким ковром. — Я сказал, СИДЕТЬ! Или думаешь, что не смогу убить тебя, *****?

Все замерли от неожиданности, только сейчас обратив внимание на левую руку вернувшегося мужчины, что сжимала крошечный, но вполне себе убойный арбалет, направленный на замершую в кресле девушку.

— Что?!.. — вскинулся было барон, но Валиэль прервал его.

— Вы на ее лицо посмотрите, — негромко произнес он, брезгливо разглядывая леди Эссерил. И присутствующие застыли, разглядывая лицо красавицы, сейчас искаженное уродливой

гримасой ненависти. Зоратта пыталась справиться с собственной мимикой, но выдержка раз за разом подводила ее. И лицо леди… истинное!.. медленно проступало сквозь маску невинной красоты.

— Вал!.. — ворвался в гостиную Эльмаран во главе со всеми дядьками. И тут же замер, мигом оценив увиденное. — Что случилось?!!

— Привет, Эль! — Улыбнулся ему вернувшийся с того света близнец. — Да ничего не случилось… за исключением того, что эта вот дамочка пыталась меня убить, пока я тащил ее через реку.

— ЧТО?!.. — разом выдохнули все присутствующие, включая слуг.

— О чем вы говорите, лорд Деззион?! — Гордо выпрямилась в кресле леди Зоратта. — Вы все еще бредите? Наверное, рана воспалилась…

— Правильно, девочка, — умилился Валиэль, все еще не выпуская арбалета из рук. — Никогда нельзя сразу соглашаться с обвинением… а нападение — лучший способ защиты! Но ты… сс!.. хотя бы сообразила, что твою ложь любой маг определит! Или решила выиграть время, чтобы сбежать? Так можешь не стараться — я с женщинами не воюю. Даже с такими, как ты. Живи и дальше. Вот только репутацию ты себе подпортила качественно. И хотя я не буду выдвигать никаких обвинений, но уж позабочусь, чтобы все вокруг узнали о тебе правду. И сдохни тогда на своем богатстве — никому ты не будешь нужна даже как шлюха!

— Вал! — Отмер ошарашенный Карлаэль, хватая мужа обеими руками за предплечья. — Она, что?!.. Но за что… ПОЧЕМУ?!

— Этой красотке не терпелось стать маркизой Деззион, — ответил супруг. — Так не терпелось, что она решила расчистить дорожку, отправив меня в чертоги богов. К ее несчастью, собираясь на ту прогулку, я надел на себя прежнюю амуницию, которой пользовался еще до свадьбы. Там был один оооочень интересный амулет. С ним можно было дышать под водой. Эта безделица не раз выручала меня прежде. Вот и в тот раз я не задохнулся. Течение отнесло меня далеко в сторону. Хотя я вполне мог умереть от кровопотери — рана не позволяла выбраться на берег. Но, к счастью, меня подобрали контрабандисты. А у них оказался неплохой маг-целитель. Что, впрочем, не удивительно при их-то образе жизни. И пусть мне понадобилось время, чтобы добраться до дома, но оно того стоило — ведь эта… тискала моего сына! Долго ли Марэт прожил, добейся она своего и стань твоей женой?!

— Все это лишь ваши догадки, — холодно отозвалась Зоратта, резко вставая. — Мои сочувствия вашему мужу, к которому вернулся явный безумец. Прощайте. И спасибо за спасение!

Никем не удерживаемая, баронесса вышла из комнаты. Ее дед, ни на кого не глядя, поспешил следом.

— М*****! — Выругался несдержанный Фэррон Коразз. — Вы эту ***** так и отпустите?!

— Не кипяшись, — отозвался кто-то из остальных братьев. — Мы ее достанем.

— Видно ведь, что врет, — поддержал Эльмаран. — Любой магический суд…

— Ничего он не докажет, — устало отозвался лорд Тарлит, с умилением глядя, как Валиэль откидывается на руки счастливого Карлаэля. — Насколько я помню — это родовое умение клана Эссерил. Именно поэтому среди них так много дипломатов — ни один маг не может

пробить их щитов. Но недооценивайте старого Эссерила, — добавил он, когда все Кораззы дружно выматерились. — Для членов рода щиты не препятствие. Он ведь все понял…

— Вот пусть сам и разбирается со своей внучкой, — пробормотал Валиэль, засыпая. — Кар… отнеси меня в постель…

Подхватив ослабевшего мужа на руки, Карлаэль унесся в их спальню, чтобы больше никогда не отпускать свое вернувшееся счастье!

— …И все-таки я ее прибью! — Кровожадно пробормотал Лит, когда все они, покинув дом Деззионов, отправились в ближайший кабак праздновать.

— Сначала выпьем, а потом прибьем! — Твердо заявил Виритор, поглаживая оголовье своего тяжелого меча.

…Носилки леди Эссерил остановились во дворе роскошного особняка ее деда. Всю дорогу от Деззионов баронесса в ярости кусала губы или принималась ломать драгоценный веер, искусно выполненный в виде листа земляники.

Как… КАК она могла ТАК промахнуться!

Еще бы немного, и Карлаэль оказался в ее руках! И лишь возвращение его муженька поломало ее планы!

Почувствовав, что носилки остановились, Зоратта разъяренной фурией выскочила наружу, чтобы тут же влететь в руки дюжих охранников деда.

— Да как вы смеете?! — Взвилась доведенная до невменяемости баронесса.

— Это я им приказал, — раздался слишком уж спокойный голос деда. Глава рода смотрел на единственную внучку со скорбью и обреченной тоской. — Почему, Зори? Почему ты так поступила! Почему настолько опозорила свой род? Видимо, это я виноват в случившемся — слишком баловал тебя… потакал всем желаниям.

— Я виновата лишь в том, что не дорезала этого Валиэля!.. — прошипела Зоратта, даже не делая попыток вырваться. — Теперь никто ничего бы не узнал!

— Ты так ничего и не поняла, — покачал головой ее дед. — Боги!.. И где же та маленькая, добрая девочка, что плакала над больным котенком?

— Ты бы еще птичку вспомнил, — скривила губы леди. — Ничего они не смогут доказать. Мое слово против слова этого сумасшедшего!

— Они да… — отозвался барон. — Но мне ничего доказывать не надо. — И кивнул своим людям. — Заприте ее в подвале!

— Что… — не сразу поняла Зоратта, когда ее поволокли в сторону темниц. — Ты не можешь… Я же твоя единственная наследница!

— К сожалению, — сурово отозвался дед. — Но лучше нашему роду угаснуть, чем нести на себе пятно ТАКОГО позора. Ты слишком наивна, если думаешь, что свет не примет на веру рассказ лорда Валиэля. Глупая девчонка, ты погубила самое дорогое, что существует в этом мире — ты погубила собственную ЧЕСТЬ! И за это расплатишься.

mir-knigi.org

— Ты решил отказаться от наследников?! — Завопила Зоратта, все-таки начиная вырываться. До нее, наконец, дошла вся серьезность ситуации. И леди пронзительно завизжала, не в силах понять… принять!.. как это ее смеют наказывать!

— Нет, — решительно произнес барон. — Я не откажусь от внуков. Вот только сначала нужно исправить то, что натворила их будущая мать, чтобы никто и никогда не посмел попрекать их тобой. А потому ты будешь помещена в горный монастырь на пожизненное покаяние. Заперта в нем навсегда. Но перед этим выносишь кокон с моим новым наследником. И отцом ребенка станет тот, кого я сам выберу. В мире хватает безземельных ветеранов… Я бы предложил это кого-нибудь из Кораззов… ребенок стал бы твоим искуплением перед их родом!.. но, боюсь, никто из них не пожелает к тебе прикоснуться. А жаль! Их кровь была бы великолепным дополнением к нашей. А потому придется тебе терпеть прикосновения другого мужчины.

— НЕЕЕЕЕТ!!!!! — Каким-то чудом леди удалось вывернуться из рук не ожидавших такой прыти гвардейцев.

Бросившись в сторону лестницы, Зоратта попыталась скрыться в глубине дома. Но навстречу уже выскакивали слуги. Молодую хозяйку никто не любил за надменность и жестокость. И теперь почти все с тайным удовольствием кинулись ее ловить, чтобы услужить главе клана.

Лишенная выхода, баронесса заметалась в сужающемся кольце преследователей. Горные монастыри были жутенькими страшилками для всех, живущих на материке. И гнить заживо во цвете лет Зоратта не собиралась.

Перемахнув от безысходности через балюстраду, леди завизжала от боли, упав прямо на короткие пики декоративной ограды.

— Дура, — с сожалением наклонился над внучкой старый барон. — На что ты надеялась? На легкую смерть? Нет, милая. Я не убью свою кровь. Ты будешь жить… жить и искупать свои грехи.

— Позовите мага, — приказал он, распрямляясь и отводя взгляд от скулящего на одной ноте тела: Зоратте не повезло пропороть левое бедро. Кровь буквально хлестала из развороченной раны. Но целитель должен был все исправить.

…Известие о дальнейшей судьбе бывшей блестящей леди все Деззионы и Кораззы восприняли с легким неудовольствием. Конечно, не дело мужчин опускаться до мести женщине. Но в семье Кораззов хватало и своих весьма боевых дам, чтобы решить вопрос о будущей мести. Во всяком случае, спускать подобное оскорбление два клана не собирались. Вот только больше мстить было некому — старый барон сообщил, что использовал магический кокон. И теперь Зоратта уже носит его правнука от малоизвестного ветерана, ставшего отцом ребенка. Причем, до рождения наследника, бывшей баронессе предстоит находиться во внешнем монастыре в более мягких условиях содержания. А после рождения — навсегда исчезнуть в темноте скальных келий внутреннего монастыря.

— Ну, и демоны с ней! — Брезгливо сплюнул Сакирр Коразз. У братьев хватало и своих проблем. Чего только стоила новость о назначении Караэля с Валем наместниками в бывший Фейринель. Эдмир так и не простил княжеству того, что сотворил Эккуар. Захваченные земли навсегда потеряли статус коронного владения, превратившись в обычную провинцию Хилдона. Да к тому же там нужно было многое восстанавливать, особенно порушенное магическим землетрясением. И это не считая того, что приходилось буквально из ничего возводить новый порт. А еще приказом Верховного короля большая часть фейринельской знати должна была

mir-knigi.org

навсегда покинуть родину, лишиться титулов и отправиться в изгнание в разные части королевства. По словам очевидцев — в бывшем Фейринеле, а ныне Эльтигере — земле эльфов — плач стоял до небес. Но люди не рисковали вызвать еще больший гнев Верховного короля, обреченно готовясь к переселению.

Но дядюшек это мало волновало. Гораздо больше их занимало совсем другое известие.

— Хватит ржать, — дружно оскорбились старшие Кораззы на своего бесцеремонного племянника. Эльмаран заскочил к ним ненадолго. Уже завтра молодому барону нужно было уходить во главе присоединившихся к нему ваоттирцев — освобождать свое будущее герцогство от не признавших поражение мисиранцев. Это только те, кто оказался с Анэрасом в Меайре, смирились с проигрышем. Их сородичи на западе отказались сдаваться, мигом выбрав нового короля из клана, близкого к королевскому. Так что война продолжалась.

— Ой, не могу! — Закатывался Эльмаран. — Вал… знает?!..

— Еще его гогота нам не хватало! — Раздосадовано буркнул Фэррон. — Сам расскажешь.

— На себя бы посмотрел, — выдал вдогонку Виритор. — Взбаламутил все королевство женитьбой на принцессе, а над нами ржет!

— Эээ, нет, дорогая родня! — Лукаво прищурился Эльмаран, покачав у себя перед носом указательным пальцем. — Ваша новость, если ее свет узнает, переплюнет мою! Нет, ну, надо же! Сама леди Араэлла графиня Инсиэнар!.. — выдохнул он восторженно. — Только она вроде как замужем? Неужто решила изменить муженьку? А почему с вами? Или это не она вас сковородкой била за шашни со своим мужем?

— Нуууу, она уже как бы вдовой стала, — Лит неуверенно качнул головой в сторону Виритора — мол, сам рассказывай.

— Эээ… — начал Вир, судорожно сглатывая комок, вставший поперек горла и мешавший говорить. — Неделю назад она стала вдовой. Если бы не война, свет давно бы уже был в курсе.

— Да вы что?! — Неподдельно восхитился Эльмаран. — Это каким же образом прекрасная леди овдовела? Или вы поспособствовали?

— Да очень просто, — буркнул Зорэт Коразз. — Просто ее гуляка муж выбрал объектом страсти молоденькую супругу своего вассала. А так как дамочка оказалась весьма горячей, то просто заездила своего любовника до смерти. Или тот переборщил с возбуждающим зельем, чтобы не опозориться перед молоденькой. Словом, граф бурно кончился на своей любовнице к вящей радости собственных вассалов, которых уже достало его внимание к их женам и мужьям. А уж как рада была графиня, и говорить не стоит! Леди Араэлла терпеть не могла супруга, за которого ее выдали из-за политических мотивов. И тут же связалась с нами, сделав это предложение.

— Да ладно! — Фыркнул Эльмаран, шумно отхлебнув из своего кубка. — Колитесь уж до конца! Я бы еще понял, если бы она опять со сковородкой за вами бегала, но предложить стать ее личными гвардейцами!.. Это уж слишком.

Шкодливые дядюшки дружно повесили носы.

— Ладно, — раскололся Виритор. — Она уже давно присматривалась к нам. Особенно после того, как ее муженек стал бегать за нами. Словом, предложила нам жить с ней и помогать с

воспитанием сыновей. Дескать, мальчишками нужна крепкая мужская рука. А она женщина слабая, — в этом месте Эль опять загнулся от хохота, да и остальные дядьки зафыркали. — Ну, мы не против, если рядом будет ТАААААКАЯ женщина! Леди Араэлла чудо как хороша. Не женщина, а огонь в юбке! А уж что в постели творит!..

— Ну, вы даете! Что, все шестеро будете ее ублажать? — Отсмеявшись, выговорил Эльмаран, утирая рукавом камзола выступившие слезы. — Прям мужья-неделька. А на седьмой день, как я понимаю, она от вас отдыхать будет. Или вы от нее?

Родственнички помялись. А потом решительно махнули руками.

— Ладно… все равно ты должен знать! — Сильно наклонившись через стол, прошептал Виритор. — Видишь ли, я встречался с графиней чуть ли не сразу после ее свадьбы с Листаром. Ее старший сын от меня.

— ЧТООО?! — Вытянулось лицо у племянника. — Но маги!..

— Маги могли определить отцовство ребенка, если бы не один старый амулет, что я нашел когда-то давно на развалинах эльфийского замка. Он скрывает ауру, придавая ей нужные очертания. Наследник графа носит его постоянно.

— А… остальные дети… — растерялся Эль. — Их, кажется, еще двое? И девочка есть…

Старший дядя помялся.

— Ну… этот амулет можно было разделить на четыре части, а Лит, Итизир и Фэррон тоже хотели с ней пообщаться, — смущенно признался Виритор, пряча глаза от обалдевшего племянника. — Ни один ребенок леди не несет кровь ее мужа. Это наши дети и твои кузены. Именно поэтому Араэлла и взъярилась тогда, когда увидела нас со своим муженьком. А так плевать бы она хотела на его похождения.

— Ну, вы даете! — Никак не мог прийти в себя Эльмаран. — А я то все удивлялся!..

— А ты не удивляйся, — буркнул Сакирр, цапая со стола кружку с вином. — Не зачем всем вокруг знать правду и позорить столь славную леди. А так мы будем рядом со своими детьми… и с женщиной, что нам всем по нраву.

— А если еще дети будут? — Поинтересовался Эльмаран. Но дядька покачал головой.

— А это уж как судьба даст, — отозвался он. — Но нам бы тех бандитов воспитать. Так что, наверное, придется воздержаться от дополнительной малышни.

— Ну, тогда за новых Кораззов! — Эльмаран выплеснул в рот остатки вина и встал. — Кем бы они ни были, чье бы имя не носили, но они Кораззы. Так что удачи вам в трудах праведных. Воспитайте их достойными нашего рода. А я пошел. Надо еще с Иссой попрощаться.

— Удачи! — Все шестеро дядюшек дружно поднялись проводить племянника. — Зови, если что.

— К Иссе-то?! — Не удержался от подколки барон. — Ну, уж нет! Я и сам справлюсь. Без вас!

И, коротко хохотнув, вскочил в седло своей лошади. Впереди ждало целое герцогство, которое нужно было срочно взять на меч ради счастья любимой женщины.

…Слуга с поклоном принял от второго короля кипу подписанных бумаг. Целители все еще запрещали Рэниари заниматься делами, но тот всеми правдами и неправдами постарался вернуть утерянные из-за болезни полномочия. В очередной раз наведавшийся в гости Ольвин лишь посмеялся, видя такое рвение.

— Да не торопись ты так, — лениво посоветовал дио Нориэль, кидая в рот раннюю черешню: блюдо со спелыми ягодами стояло на столе, рядом с лордом. Они с Рэниари сидели в личном саду второго короля — в нижний парк, разрушенный во время боев, юношу не выпускали без усиленной охраны. Но встречаться с Ольвином в присутствии целой толпы гвардейцев, магов и жрецов Рэни не пожелал бы и врагу. К сожалению, теперь, куда бы он ни шел, за ним тащилась целая толпа народа. К тому же в последнее время среди дворянства пошла мода на звание личного телохранителя Искры. Рыцарство никак не могло себе простить, что их второго повелителя в наглую украли из собственного дворца. И Рэниари завалили просьбами организовать личную гвардию, что охраняла бы его от всевозможных покушений наравне с магами и жрецами. Причем (и это было удивительнее всего!) надменные дворяне безропотно соглашались пройти магическую обработку на верность, которой подвергались все личные слуги Рэни, только бы остаться в свите короля-Искры!

— Дай себе восстановиться, — повторил Ольвин, с неодобрением глядя, как слуга подал Рэни очередную бумагу на подпись.

— Не могу, — ответил тот, быстро просматривая написанное. Затем перечеркнул пару строк, что-то дописал и отдал бумагу с приказом немедленно передать канцлеру. — Не хочу упустить штурвал. Кстати, к тебе это тоже относится — ты же лорд.

— Но не король, — резонно возразил дио Нориэль, производя опустошение на блюде с черешней. — И, глядя на тебя, не горю желанием им становиться.

— Резонно… — пробормотал юноша, отодвигая от себя сделанную на сегодня работу. Слуги ненавязчиво убрали все лишнее со стола беседки, поставили поближе к собеседникам поднос с напитками и удалились, чтобы не мешать беседе. — Но тебе все равно придется возиться с бумагами. Не скинешь же ты все на будущую жену.

— Рисса чудесная девушка, — задумчиво сообщил Ольвин. — Ее, как и тебя, учили управлять большим хозяйством… Знаешь, малыш, а ведь я в свое время ушел из Цитадели еще и из-за тебя. Надоело смотреть, как тебя ломают.

— О чем ты говоришь?! — Вскинулся Рэниари. — Мое происхождение…

— Я знаю о твоем происхождении не хуже тебя, — перебил его дио Нориэль. — Просто… Ну, как бы тебе объяснить! Вот ведь демоны — два года провел при храме в учениках, а до сих пор иногда в словах путаюсь… Знаешь, КАК со стороны смотрелось твое воспитание? Тебя тщательно ломали… загоняли в общепринятые рамки. И так и не смогли загнать. Лорд Асин воспитывал из тебя будущего младшего, старательно уничтожая малейшую мысль о конкуренции с его собственным сыном. Он сделал все, чтобы ты не соперничал с Руином. Чтобы не оспаривал его первенство за Цитадель. И ты очень хорошо знаешь, что должен и что обязан делать. Но породу не скрыть. Сила и власть у тебя в крови. Тогда мне казалось, что сложись все иначе… родись ты в законном браке… и ты бы правил твердой рукой, ни на кого не оглядываясь. А со временем стал бы главой могущественного рода и ни перед кем не склонял голову! Ты прирожденный вождь, Рэни. А тебя пытались научить подчинению. Чтобы шею гнул, да не роптал. Потому-то тебе так трудно по жизни. Куда как проще согнуться и плыть по течению, как другие младшие, за которых все и всегда решают их старшие. И жить легче… да

и приятнее. И так расслабляет — за тебя и подумают, тебя защитят, оберегут как дорогую игрушку. Вот только ты так и не научился угодничать и терпеть. Даже будучи младшим, ты пытаешься все делать по-своему. Ты слишком сильный, малыш.

— Мне это уже говорили, — пробормотал Рэни, невольно вспоминая давний разговор с Айрэ. Кузен Эдмира тогда говорил почти то же самое. — Но я такой, какой есть…

— И это правильно, — серьезно заключил Ольвин, как в далеком детстве погладив его по голове. — Всегда оставайся самим собой. Достаточно и того, что тебя так долго пытались согнуть. Вот этого-то я Асину с твоим отцом и не мог простить. Чудо, что ты сумел распрямиться после их воспитания. Оставайся прежним, малыш. И чудо, что тебе в мужья достался Эдмир. Он любит тебя настолько, что готов даже мириться с твоей самостоятельностью.

Подкравшийся к скамье Черныш попытался поиграть с обожаемым хозяином, ловя мягкими лапами ногу Рэниари. В исполнении огромного, ростом с лошадь, кота это смотрелось до невозможности комично. Бедняга все еще не мог принять собственные габариты. И порой вел себя как прежний котенок.

Притянув к себе лобастую голову зверюги, Рэни принялся обеими руками почесывать маго-кота за ушами. На мурчание Черныша сбежалась бы вся стража замка, не знай гвардейцы о том, что тот со своим хозяином.

— Ни у отца, ни у Асина не было выбора, — печально ответил юноша, не глядя на Ольвина. — Ты же знаешь, что в то время наследником был объявлен Руин.

— Да все я помню и знаю, — с досадой перебил его дио Нориэль. — И все понимаю. Вот только их воспитание мешает тебя сейчас с мужем. Видишь ли, Рэни, тебя так и не смогли сломать до конца. Ты так и не понял, что значит подчиняться. Вернее ты знаешь это умом, но не умеешь применять в деле. Хотя и умеешь идти навстречу…

— Да кто тебе это сказал?! — Тут же взвился обиженный Рэниари. — Да я только и делаю, что склоняю голову!..

— Не буду спорить, — мягко согласился с ним Ольвин. — Просто пойми — Эдмир тоже сильная личность. А еще избалованная, эгоистичная и самоуверенная до крайности. Он в отличие от тебя вообще не привык ни перед кем склонять голову. Что называется, встретились две гордости, если не гордыни. Ох, и трудно же вам придется, парни! Вы же даже поговорить толком не в состоянии. Вот можешь ты мне сказать, что СЕЙЧАС тебе мешает пообщаться с мужем? Гордость, давняя обида или издержки твоего воспитания?

— Да я бы с удовольствием… поговорил, — раздосадовано буркнул Рэни. — Вот только супруг мой драгоценный все никак не соберется. Даже ночевать приходит уже тогда, когда я сплю. И уходит еще до моего пробуждения.

— Нда… — глубокомысленно выдал Ольвин, отодвигая в сторону пустой поднос из-под черешни и тянясь за миской с клубникой. — Даже не знаю, что и сказать. Не мне же идти к нему говорить об этом. Баррэт, вон, попытался… так ему заявили, чтобы не лез не в свое дело.

— Спасибо вам с Барром, — отозвался Рэниари, слегка дергая Черныша за стоявшие торчком уши. — Хотя… не лезьте, а то действительно нарветесь. Эд в некоторых вопросах абсолютно нетерпим. Лучше скажи, ты в Цитадель не собираешься заглянуть? Наши там все упадут, когда узнают, что ты все-таки стал лордом.

— Неа… — лениво отозвался Ольвин, подъедая сочную ягоду. — Хотел бы, да дел по горло. Мои парни неплохо поживились в лагере мисиранцев. Если честно, то хапнули часть казны Анэраса. Так что появились средства заказать новую сталь для дружины. Сейчас сразу дюжина оружейников работает только на меня. Да и для Риссы кое-что выбрать надо. Отправлюсь на Север, когда все будет готово. А там и свадьбу играть пора.

— Рад за тебя, — улыбнулся Рэни. — Передай от меня наилучшие пожелания своей невесте. Я тоже приготовил ей подарок. Завтра пошлю слуг в твой лагерь. Там ковры, шелка и драгоценности для твоей будущей леди. Надеюсь, вы приедете в гости уже вдвоем.

— Не знаааю, не знаааю, — тоже заулыбался дио Нориэль. — На мой взгляд, лучше мне не дразнить твоего мужа. Он на меня не то что волком — целой драконьей стаей смотрит! Хотя… если я приеду с женой, уверен — он успокоится.

— Ну, какие глупости ты говоришь, Оль, — досадливо поморщился Рэни. — И я, и Баррэт не раз объясняли Эдмиру, кто ты для нас. У него нет причин ревновать.

— Не скажи, — буркнул дио Нориэль, косясь в сторону непроницаемых окон. — Он, правда, молчит… но в тихом омуте каких только демонов не водится…

— Вот я и выясню сегодня, какие такие демоны завелись в нашем омуте, — огрызнулся Рэниари, прямо таки горя желанием как можно быстрее припереть любимого мужа к стенке. Тем более, что от хронического недотраха на эту самую стенку не то что лезть, уже бросаться хотелось…

Как ни странно, но возможность поговорить предоставилась довольно быстро — уже ближайшим вечером.

— Эдмир! — Застывший на пороге семейной гостиной Рэниари смотрел удивленно и даже как-то робко. Эд его понимал: увидеть привычную комнату украшенную цветами и в неярких огоньках разноцветных ламп, было не совсем привычно. Да еще и накрытый столик с закусками у камина.

— По какому поводу праздник? — Как-то недоверчиво поинтересовался юноша, рассматривая начищенное столовое серебро приборов. Он был готов, что супруг опять попытается увильнуть от разговора, и придется искать его по всему дворцу. А тут такое…

— Разве я не могу посидеть наедине со своим любимым мужем? — Нежно ответил Верховный король, приобнимая супруга за талию и ведя к стулу с высокой гобеленовой спинкой. — Ведь я обожаю тебя до безумия.

— Эд, не нужно таких слов, — даже как-то смущенно отозвался Рэни, не привыкший открыто проявлять свои чувства. Но руку мужа со своей талии не убрал. Теплая тяжесть мужской ладони оказалась неожиданно приятной. Как и мягкая властность супруга… знать, что ты кому-то нужен. Вот только, к сожалению, это всего лишь иллюзия. Слишком много недоговоренного… недопонятого, чтобы безоглядно верить во все эти нежности. И нежелание Эдмира поговорить только укрепляет стену между ними. Но, может, хоть сегодня муж согласится на прямой разговор. Рэниари уже стала напрягать ситуация с упорным молчанием. Тяжело жить и мучиться, не зная своего будущего.

— Хочешь чего-нибудь? Здесь твои любимые устрицы?.. — спросил Эдмир. Усадив супруга, сам мужчина остался стоять рядом с ним, снимая с подносов толстостенные крышки литого

серебра. Разнообразные закуски, как горячие, так и холодные, радовали обоняние и взгляд. Но юноша лишь отрицательно мотнул головой.

— Нет, — сказал он, тщетно пытаясь поймать все ускользающий взгляд старшего мужа. — Я сыт. Но с удовольствием с тобой выпью.

— Хорошо, — как-то даже покорно отозвался Эд, обреченно тянясь за узкогорлым кувшином с золотым вином, именно с тем, что так нравилось Рэни, обычно равнодушного к выпивке.

Наполнив кубок, украшенный самоцветами, Эд подал его супругу.

— Я люблю тебя, — начал было он. И тут же прервал вскинувшегося было юношу. — Подожди! Просто выслушай. Я очень люблю тебя, Рэни. Я совершил немало ошибок и, в конце концов, потерял право на твою любовь. Но я сделаю все, чтобы ты был счастлив. За нас!

Подняв свой кубок, Эдмир махом опрокинул его содержимое в рот. Крепленая влага обожгла пищевод, заставив невольно сморщиться. Давно уже он так не пил столь выдержанное вино. Но сегодня было не до смакования напитка.

Недовольный и озадаченный услышанным, Рэни тоже пригубил свое вино. Он уже привык, что муж кидается из крайности в крайность. Но это было слишком даже для Эдмира. Впрочем, у них впереди целая ночь, чтобы во всем разобраться.

Вот только почему так кружится голова, а перед глазами все темнеет?..

Тяжелый кубок мягко выскользнул из ослабевшей руки юноши и покатился по ковру, выплескивая на плотный ворс недопитое содержимое. А сам Рэни, покачнувшись, стал соскальзывать со стула, мгновенно провалившись в глубокий сон.

— Спи, мое счастье, — бесконечно печально проговорил мужчина, осторожно подхватывая мужа на руки.

— Ну, чего смотришь, морда? — Окрысился он на заглянувшего в окно Черныша. Маго-кот только дернул ухом и осуждающе зашипел, продемонстрировав Верховному королю внушающий уважение оскал. Но Эдмир, не обращая внимания на зверя, шагнул в сотворенный с помощью амулета портал и исчез из комнаты.

Не дождавшись реакции на свой демарш, Черныш интуитивно создал прокол, чутьем уловив направление магического вектора. И миг спустя мягко ступил на плиты перед лесным домиком далеко от столицы. Мужчина, не оглядываясь, нес его спящего хозяина в сторону открытого входа.

Подумав, кот вздохнул и лег неподалеку от дверей, сложив крылья шалашиком.

Надвигалась гроза…

…Матерящегося даже сквозь кляп дио Нориэля втолкнули в небольшую комнату, предварительно сдернув мешок с головы. Лорд умудрялся сопротивляться, даже несмотря на то, что в его крови вовсю гуляло одуряющее зелье. Но гвардейцы, притащившие Ольвина по приказу Верховного короля, не обращали внимания на его пинки и силком усадили пленника на стул, а затем молча вышли, плотно прикрыв за собой дверь и напоследок освободив

мужчину от магических пут. Кляп дио Нориэль вырвал уже сам.

— Да ты оборзел вконец! — Ощерился он на сидевшего в глубоком кресле Эдмира. — Я не твой вассал. Север вообще неподвластен Хилдону! Или ты забыл про мою дружину? Так мои парни устроят тебе веселую жизнь!

— Твоих парней слишком мало по сравнению с моей гвардией, — глухо ответил король, не меняя положения тела и не глядя на собеседника. Ольвин грозно распрямился, хотя все еще покачивался от зелья.

— Да сколько бы ни было! У тебя еще не все мисиранцы столицу покинули, — заявил он. — Хочешь получит еще один геморрой в задницу?!

— ЗАТКНИСЬ! — Вдруг страшным шепотом рявкнул Эдмир, преувеличенно аккуратно поднимаясь из кресла. Но Ольвину, что называется, море было по колено.

— А то что?! — Хмыкнул он, за неимением иного оружия сдергивая с себя пояс в чеканных бронзовых бляхах. Но Эдмир вдруг как-то устало поднял руки, показывая, что не собирается драться.

— Просто послушай, — сказал он, не делая попытки взяться за меч. — Твои люди уже предупреждены и скоро доберутся сюда. Не так уж мы и далеко от столицы… А ты… я хотел поговорить…

— О чем? — Настороженно отозвался дио Нориэль, немного расслабляясь. Эдмир поднял на него тяжелый взгляд.

— Если бы ты только знал, КАК я тебя ненавижу, — тихо, но очень жутко прошептал он. Да так, что северянина продрало до печенок. Ольвин не раз водил свою дружину в бой, дрался в самой страшной сече, брал на рогатину полярных йетти, подыхал от голода среди торосов или тонул на горящем драккаре, но… стоя сейчас в этом уютном домике напротив властителя Хилдона, лорд ловил себя на мысли, что готов попятиться, только бы оказаться подальше от этого человека с совершенно мертвыми глазами.

— Ты забрал ЕГО у меня, — чуть шевеля губами, говорил тем временем Эдмир, не делая попыток приблизиться к своему сопернику. — И если бы мог, я бы убил тебя всеми самыми жуткими способами… сам бы прибил, даже палачу не доверил! Но Рэни любит тебя. Именно тебя, не меня… Я так и не смог сделать его счастливым.

— Ты сошел с ума… — даже как-то растерялся дио Нориэль. Но Верховный король властно вскинул открытую ладонь.

— Молчи и слушай! — Лицо Эдмира кривилось в жуткой гримасе. — Мне и так нелегко решиться… не усложняй ситуацию еще больше.

— Ты что, пьян?! — Не выдержав, заорал Ольвин, пытаясь понять, что здесь происходит. Но высверк чужого клинка заставил его умолкнуть, интуитивно уклоняясь. Тело среагировало само, несмотря на дурман.

Закаленная бронза звонко ударила о синеватую сталь меча, с сыпавшимися искрами проехавшись по обоюдоострому клинку. И перехлестнулась черед него, дернув вниз и вбок. Но Эдмир и не думал нападать, хотя в таком положении мог легко перерезать бычью кожу ремня, попавшим в зазор между бляшками лезвием.

Верховный король просто смотрел на напряженного Ольвина… смотрел, не предпринимая никаких попыток для его уничтожения.

— У меня нет никого ближе Рэни… — тихо сказал он вдруг. — Но я потерял право на его любовь. А он Искра. И как Искра должен любить и быть любимым. Иначе не выживет.

— Ну, так люби его! — Опять не сдержался Ольвин, ослабляя петлю пояса и давая ему соскользнуть с клинка. — Люби и будь счастлив.

И в этот раз король не вспылил.

— Я его люблю, — повторил он, подходя к невысокой постели в глубине комнаты. — Он меня нет.

И осторожно отогнул плащ с лица спящего.

— Рэни?!.. — охнул Ольвин, углядев солнечный блик волос в полумраке комнаты.

— Он спит, — негромко сообщил король, нежно-нежно, самыми кончиками пальцев лаская лицо юноши. — Там, на столе специальное питье… чтобы прервать магический сон. Напоишь его, когда я уйду.

— Да что же ***** ты, ******, делаешь?! — Чуть ли не в голос взвыл лорд. — С чего ты решил, что он тебя не любит?!

— Я знаю, — очень печально отозвался Эдмир. И прервал готового было взорваться Ольвина: — Все! Больше ни слова! Просто забери его и уходи на свой Север. К сожалению, на юге, как и в других обжитых местах, ему появляться нельзя. Но там… с тобой он будет в безопасности и счастлив. Я знаю — ты сумеешь сделать его счастливым. Единственное условие — постарайтесь затаиться. Никому не следует знать, что мой супруг живет с другим. Совету я найду что сказать. Например, что мой муж трагически погиб… И передай Рэни, чтобы не волновался за сына. Я постараюсь его полюбить. В конце концов, он моя плоть и кровь. И единственное, что у меня останется от любимого человека. Тебе чужой ребенок не нужен — потом своих заведешь, а мне все память о любимом будет. Только не используй кокон в ближайшие пару лет, дай ему окрепнуть…

— Остановись, придурок… — чуть ли не шепотом начал дио Нориэль. — Ты что творишь? Зачем решаешь за него!

Но Эдмир уже открыл магический портал.

— Я должен отпустить его, — сказал он через плечо. — Не хочу, чтобы он продолжал со мной мучиться. Лучше пусть живет с тем, кого любит. Забирай его и уходи! Уходи, пока я не передумал. Пока не оставил себе то, что ПО ПРАВУ принадлежит МНЕ! И будьте счастливы!..

Проморгавшись от угасшей вспышки портала, дио Нориэль, с трудом переставляя слабые после проклятого зелья ноги, побрел в сторону стола. Вот ведь ******! А ловко они его подловили в кабаке! Он даже не понял, как оказался одурманен и связан.

Нашарив фиал с лекарством, Ольвин дотащился до постели и буквально рухнул на нее, расплескав чуть ли не треть жидкости. Напоить безмятежно спящего Рэниари оказалось довольно трудно — голова юноши все время так и норовила улечься обратно на подушку, а вот

руки лорда словно бы потеряли свою силу и не могли толком удержать столь невеликую ношу. Но мужчина справился. И в конце концов Рэни тихо застонал, пытаясь сесть.

— Что произошло? — Спросил он, как только зелье подействовало. — Где я? Где Эд?

Ругаясь через два слова на третье, дио Нориэль торопливо рассказал ему о поступке мужа.

— Ему совсем мозги отказывают, когда дело касается тебя. — Закончил свой рассказ Ольвин. — А так вроде не дурак.

— Что он сделал?.. — глаза юноши приняли идеально круглую форму. — Отдал меня тебе?!

Дио Нориэль кивнул и вдруг заржал.

— Нет, твой муж все-таки придурок, — убежденно заявил он. Подумал немного и уточнил: — Но — любящий тебя придурок. Только по-настоящему влюбленный человек может поступить так, как поступил он.

— И это ты называешь настоящей влюбленностью? — Обиделся Рэни, сползая с постели. Но Ольвин лишь хлопнул его по плечу.

— Конечно, — ответил он. — Да ты сам подумай! Он ведь отказался от тебя, потому что считал, что не может дать тебе счастья. ОТКАЗАЛСЯ ОТ ИСКРЫ!!!! Ради твоего счастья! Как он его понимает.

— Нет, я его все-таки прибью!.. — прошипел Рэниари. — Даже не спросил, что думаю я! Даже не поговорил толком! А Эрэндис? Да как он только посмел забрать у меня сына?! Вот гад!..

Юноша был не просто рассержен, он был РАЗЪЯРЕН. Взбешен до крайности. Его муж вновь все решил за него. Даже поговорить не удосужился.

— Хоть бы раз в жизни подумал головой!!

— Ну, этому ему тоже придется научиться, — хохотнул Ольвин, бесцеремонно развалившись на кровати. — Да, ладно! Научится. Научился же он думать о тебе. Теперь твоя очередь!

— Ну, знаешь ли!.. — обиделся Рэниари, мечась по крошечному домику. — Я то научусь!.. И его научу!.. Так научу, что мало не покажется! Все боги бездны! Как мне отсюда выбраться?!!! И где мы, вообще?!!!

— Да, ладно, не мельтеши, — отозвался Ольвин с постели. — Судя по словам твоего муженька, скоро прибудут мои парни. И я лично отвезу тебя в Меайру. А потом отправлюсь домой. Все же я был прав — ревность до добра не доводит… Ох, а как же мой заказ у оружейников?! А, ладно, оставлю доверенных людей, а сам свалю подальше от Хилдона. Все-таки у Белого океана дышать легче, пока там нет королей и герцогов.

— Ну, гад! — Никак не мог успокоиться Рэни, распахнув тяжелую дверь и разглядывая темные деревья, окружавшие небольшую поляну, на которой стоял дом. — Сына он себе оставит…

— Так ты ради сына к нему возвращаешься? — Неодобрительно уточнил Ольвин. — Если это так, то лучше поехали со мной. Ночей любви я тебе не обещаю… братьев (даже названных) не трахаю!.. но защиту и покой ты у меня найдешь.

— Я возвращаюсь к нему ради него самого! — Рявкнул на друга Рэниари, тяжело дыша от

переполнявших его эмоций. — Ради него и себя! Ради своих собственных чувств! И чувств этого придурка!

— Ааа… тогда ладно, — потянулся на постели дио Нориэль. — Тогда ждем моих людей и едем в столицу.

Требовательный взмявк торчавшего напротив двери Черныша прервал беготню Рэниари. На миг застыв, юноша уставился в блестевшие золотом глаза кота.

— Ты… уверен? — Нерешительно уточнил он миг спустя. Маго-кот весело ухмыльнулся во все клыки и демонстративно похлопал крыльями.

— Эээ… парни, вы чего задумали?! — Подскочил с постели Ольвин. Но Рэниари уже взобрался на широкую спину своей зверушки.

— Расслабься! — Немного безумно рассмеялся он. — Ты же сам мне песни пел… Мол, теперь моя очередь и все такое! Ну, так я полетел!

И с оглушительным хлопаньем крыльев Черныш мощно взметнулся в темное небо, пахнувшее грозовой свежестью.

Чтобы в следующий миг исчезнуть в воздушном портале…

…Гроза за распахнутым окном все никак не могла разродиться дождем. Частые, короткие, но очень яркие вспышки резко высвечивали деревья в парке, что едва не ломались от сильного ветра. Но потом наступавшая темнота становилась особенно непроницаемой. Со стороны незакрытого окна пронзительно-сладко пахло какими-то ночными цветами. И этот тяжелый, удушливый аромат, накладываясь на грозовую свежесть ветра, будил в душе мужчины нечто дикое… первобытное… что невозможно было описать словами, а только почувствовать.

Лишь один магический светильник освещал кабинет. Его довольно тусклое мерцание с трудом разгоняло мрак в большой комнате. Эд и эту бы лампу загасил, но недавно побывавший у короля Верховный маг настоял на разговоре при свете. А потом стало лень закрывать колпак лампы.

Эдмир и так превосходно знал то, что пытался донести до него разъяренный Итарон. Ничего нового дядя не сказал. И что нельзя было отпускать Рэни… нельзя отдавать такое оружие как Искра в чужие руки… и что со временем все бы стерпелось-полюбилось… и что они связаны самими аурами…

Король все это знал. И молчал, позволив Итарону выплеснуть свое возмущение. Лишь под конец ответил:

— Я больше не буду его неволить, — губы слушались плохо, словно онемели. — Я ведь рассказал тебе, что было… да ты и сам кое-кто увидел. Не зная о нашем прошлом, я повторил ту же ошибку, что и тогда. Пусть не столь явно, на новом витке развития, но повторил. То же принуждение… тот же шантаж… та же боль для того, за кого жизнь отдать готов! Хорошо хоть физического насилия не было. Но моральное ничем не лучше, пусть шрамы от него и не видны.

— Но ведь ОН любит тебя!.. — попытался возразить Итарон, отчаявшись достучаться до разума племянника.

— Он ЛЮБИЛ меня, — уточнил Эдмир, крутя в руках пустую чашу: на столе стояло сразу несколько полных кувшинов с вином, но мужчина не мог сделать и глотка — настолько тошнило от выпивки. — Я сам все разрушил. И так и не смог вернуть его любовь. И не говори мне о жрецах. Храмы не будут вмешиваться, если Искра обретет свое счастье. Им бы лишь магия проснулась. Она и проснется… А я буду спокоен — с дополнительной защитой со стороны храмов Рэни можно ничего не бояться…

Как и когда покинул его кабинет Верховный маг, король не помнил, сосредоточившись на собственных переживаниях. Эдмир так и не смог понять, чего больше намешалось в его в душе — злости, усталости, ревности или любви — никто не смог бы разобраться. И он в первую очередь. Рэниари не желал ему подчиняться, не желал признавать их связь. Не отказывая мужу в близости, второй король не впускал его ни в душу, ни в сердце, предпочитая не верить в любовь Эдмира. Нет, старший король давно признал и проклял тот факт, что именно он спровоцировал всю ситуацию в целом. Но ведь после произошло столько… такого, что связало супругов крепче любых уз. Но Рэни упрямо не признавал, что его тоже тянет к мужу, объясняя это притяжение только желанием тела.

Одно время Эдмиру казалось, что муж все еще любит его, несмотря на обиды. Но даже если так и было, то Рэниари старательно душил в себе недостойное, как он считал, чувство к тому, кто им всего лишь пользовался. И теперь Эдмир понимал подоплеку всех этих событий. Понимал, отчего их двоих буквально искрило от близости, почему невидимые цепи приковали двух незнакомых вроде бы людей с первого взгляда, с первой встречи.

Он сам в прошлой жизни соединил их ауры, желая спасти и не желая терять того, по кому сходил с ума от страсти. Сходил так, что невольно бросил возлюбленного в пучину боли, отчаяния и унижений! И оставалось лишь благодарить богов, что в этой жизни он хотя бы избежал большей части тех мерзостей, что творил по отношению к Раулю/Рэниари тогда. И в то же время в душе оседала горечь осознания, что и в новом воплощении не сумел до конца защитить любимого от самого себя.

А еще он устал бороться за любовь мужа. Устал доказывать ему, что не может быть без него. И в то же время Эдмир отчаянно желал, чтобы Рэни САМ приложил хоть какие-то усилия к их сближению. Ему было больно от того, что только он один из кожи вон лезет, чтобы пробить чужую недоверчивость. Неужели так трудно поступиться собственными принципами, если любишь по-настоящему?!

И тут же понимал, что лжет самому себе… Даже на пике обиды, в самом начале их столь неудачного замужества Рэни не раз предпринимал шаги к их сближению, которые он просто не замечал, продолжая вести себя как самовлюбленный идиот.

И чувства юноши незаметно угасли, сменившись всего лишь привычкой. Что и неудивительно — это ведь Эд всегда и везде его добивался, ревниво забирая любую инициативу у возлюбленного. Это было и ТОГДА, это случилось ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. Надо признаться — он болен Рэниари… болен так же, как Натаниэль был болен Раулем. Это он, во всех воплощениях изначально добивался мужа, ставил его в такие условия, что тому некуда было деться. Лишал малейшего выбора, упорно отсекая любимого от других претендентов. Это он изо всех сил рвался за любимым, это он добивался его любыми способами, подчас подлостью и жестокостью. А Рэни… он всегда только отвечал на его чувства, часто после долгих колебаний и сражений. И вот теперь наступила расплата. Связанные воедино ауры и судьбы не предполагали возможности влюбиться раз и навсегда. Всего лишь то, что двое неизбежно встретятся в новых воплощениях. У Эдмира был шанс получить любовь своего единственного. Он его упустил, а вот другой не растерялся, подхватил упавшее сокровище и, кажется, сделал

Рэни по-настоящему счастливым. Это раньше Бешеный король разорвал бы соперника в клочья, а мужа запер в башне, ревниво не подпуская к нему никого. Но теперь…

Теперь Эдмир лишь молча сидел, сгорая от болезненной ревности, но не стремился крушить все вокруг. Рэни… Его золотой мальчик… Если он любит этого типа, то как Эд может уничтожить его сердце, зная, что смерть разлучника ударит по любимому. Выслать того типа прочь из страны?.. И жить, видя, как страдает твой единственный… как его душа рвется на части… как умирает тело, деля ложе с НЕ любимым?!

Эдмир больше не мог обречь юношу на такое. Пусть уж только его сердце разорвется от тоски и боли… пусть он останется с нелюбимым ребенком на руках — все равно мальчишка частичка ЕГО мужа… Но зато Рэниари будет счастлив!

И только ради его спокойствия и его счастливой улыбки, обращенной на чужака, стоит отпустить свою золотую птицу на свободу.

Как режет сердце…

Близкая вспышка молнии на миг ослепила короля, залив комнату болезненно ярким светом. Эдмир невольно зажмурился, пытаясь сморгнуть плавающие перед глазами цветные круги. А когда проморгался, то увидел прямо перед собой разъяренного Рэниари.

— Ты мне теперь всегда будешь мерещиться?.. — тускло пробормотал король, все-таки потянувшись за вином. И тут же ослеп по-настоящему, получив крепким кулаком по лицу!

— Ну ты и, гаааад! — Не хуже змеи прошипел любимый муж, выбивая из руки Эдмира серебряную чашу. — А меня спросить слабо было?! Я-то как идиот обрадовался — думал, ты, наконец, надумал поговорить со мной по душам! А ты!.. Опять все сам решаешь?!

А Эдмир лишь смотрел на него, как на божество, даже не делая попытки уклониться. И у Рэниари невольно опустились руки. Ему очень не понравился взгляд старшего супруга — с таким взглядом восходят на погребальный костер — когда впереди ничего не светит, когда бороться уже нет ни сил, ни желания. Страшный!.. пустой, безумно-обречённый взгляд того, кто потерял в жизни самое дорогое.

А ведь я хочу его, понял юноша, невольно задрожав от нахлынувших вдруг эмоций. Рядом с ним я узнал, что такое любовь. И как это больно — любить.

А Эдмир, не дождавшись ответа, вдруг со стоном вжался лицом в живот опешившего от неожиданности мужа.

— Ты вернулся!.. Неужели все-таки любишь?! Прости меня! — И Рэни замер, не зная, как реагировать на такое. Он мчался сквозь ночь, накручивая себя от ярости и обиды, готовился к грандиозному скандалу, к обвинениям в чем угодно: от неверности до холодности в постели. А нарвался на супруга, тоскующего из-за своего решения отпустить его со своим соперником!

— Пообещай, что больше никогда не будешь решать за меня! — Вырвалось у юноши прежде, чем он понял, что это за странное чувство разливается у него в груди. — Эд, пообещай мне! Слышишь?!

— Что угодно, драгоценный мой! — Глаза короля сияли неподдельной страстью и все стремительнее разгорающейся радостью. — Что угодно! Только не покидай меня…

И, увидев этот обреченный, полный звериной тоски взгляд, Рэни обвинил только себя: свою неблагодарность, неумение прощать… свою бесчувственность и подчас жестокую гордыню.

А навстречу взгляд побитого щенка… робкий, неуверенный «Простишь?!.. Примешь?!..»

И он нерешительно коснулся ладонью небритой щеки… чтобы тут же оказаться в вихре объятий!

Эдмир ласкал его, не пропуская ни одного дюйма кожи, наслаждаясь тихими стонами и движениями тела своего младшего. Одновременно хотелось и яростно обладать, и быть нежным, трепетно встречая каждый взгляд, каждый столь желанный стон. Смотрел на Рэни, как в первый раз, губами, руками и языком узнавая его заново!

Хрупкий… такой хрупкий после плена!.. и все равно мускулы перекатываются под словно бы истончившейся кожей… тело не воина, а танцора. Тонкая талия, узкие бедра, длинные ноги… Гибкая спина под шелком рубашки… и такие нежные руки… и пальцы, что зарываются в твои волосы, лаская вспотевший от волнения затылок. И уже напряженный член, сдавленный слишком плотной тканью штанов — ты все-таки меня хочешь, малыш!

Рэни успел только сдавленно охнуть, как его губы накрыл жадный до ласк рот Эдмира. Воздух удалось глотнуть лишь однажды, когда муж на миг оторвался от него, чтобы нетерпеливо сорвать мешавшую рубашку, наплевав на разлетевшиеся по комнате жемчужные пуговицы. Его ладони метались по юноше, как будто не могли выбрать, где им лучше… КАК им лучше сжать податливое тело Искры. А губы, не отрываясь, пили до донышка его дыхание, до глухого бессильного мычания!.. выцеловывая линию шеи, терзая напряженные соски. Свежий запах Рэни, смешанный с нотками общей страсти, сводил их обоих с ума. Юноша пытался оттолкнуть мощный торс мужа, еще желая о чем-то поговорить… что-то выяснить… И не замечал, что при этом САМ всё крепче и крепче вжимается в него, сдаваясь бешеному напору истосковавшегося по нему Верховного короля. И снова поцелуй на грани беспамятства… оголодавший, глубокий! И все исчезло… растворилось… то, что так напрягало, мешало им жить… ревность, тревоги, сомнения. И лишь одно осталось в голове у старшего — не порвать, не навредить!

И руки… такие жаркие, сильные, нежные… такие родные!.. что скользили по всему телу, перемежаясь с губами и языком.

И когда это мы оказались полураздетыми на ковре?.. Ты сжался, мой драгоценный?.. Ты боишься впустить меня?..

Но опасения Эдмира не сбылись, младший с такой готовностью принял его, с таким жаром опрокинул на себя тяжелое тело старшего короля… скрестив у него за спиной ноги!.. что в голове осталось лишь одно — отдать всего себя, чтобы их более ничто не разделяло!

Сдерживаться становилось все труднее и труднее: собственное тело рвало напрочь любой самоконтроль. И Эдмир со стоном оторвался от исцелованных губ почти обезумевшего от близости мужа. Юноша бился под ним так яростно, так самозабвенно… пытаясь насадиться все глубже и плотней… что мужчина просто боялся опозориться! Но уже в следующий миг стало не до каких-то страхов — это когда его член до конца вошел в узкое тело Искры. Так клинок входит в тугие и столь привычные ему ножны. И Рэни застонал протяжно… низко… выгибаясь в спине и вжимаясь округлыми пятками в напряженные ягодицы Эда. Словно окончательно впечатывая мужа в себя!

На какой-то миг они оба замерли, тяжело дыша, залитые потом и глядя друг на друга безумно расширившимися зрачками…

— …красивый!.. — шепнул, переполненный чувствами Эдмир. — Любимый!.. Мой… единственный!..

— Люблю тебя… — ответил вдруг Рэни, на миг очнувшись от дурмана страсти. Выговорить эти слова оказалось неимоверно трудно: язык заплетался, мысли путались, а тело требовало своего. Но он все-таки произнес:

— ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

…И круг замкнулся.

Ключ и Врата стали, наконец, единым целым.

Хранитель мира обрел своего истинного Защитника.

И магия, более не сдерживаемая никакими границами, хлынула в мир сквозь тело своего носителя-Искры. Она растекалась стремительным, неудержимым потоком врывалась в почти умерший мир, обновляя и оживая его… заставляя всех магов и даже не магов ощутить… нет, даже не реку!.. океан!.. цунами!.. тайфун!..

…Сорвавшиеся с купола Тронного зала снежные фениксы… наконец-то!.. заняли изначально полагавшиеся им места стражей — на спинке трона Императора. Отныне и навсегда эдэльримы облеклись изменчивой плотью, чтобы хранить и защищать Искру, ради которой и были созданы в незапамятные времена…

…А в другом конце огромного дворца ошеломленно замер Итарон. Верховный маг, всегда гордящийся тем, что его запас силы весьма велик, впервые понял, каким слепым и глухим калекой существовал до сих пор. Окунувшись в буйствовавший незримый поток магии, старик все пил и не мог напиться… словно наполнял бездонный колодец, на дне которого вдруг забил быстрый родник.

И, глядя на исчезающие прямо на глазах старческие морщины и пигментные пятна на руках, лорд Ламител вдруг заплакал. Брат… Соро… ну, почему ты не смог дожить до этого дня?! Теперь бы я сумел тебя вылечить…

…Лиловое пламя алтаря в единственном чудом уцелевшем изначальном храме Отца-Небо внезапно, до криков ужаса напугав рядовых жрецов, взметнулось вверх и соткалось в древний символ императорской власти.

Император вернулся!

Стены храма мелко дрожали, перепуганные жрецы боялись оторвать головы от холодных мраморных плит, не зная — то ли лежать, то ли молиться, то ли бежать прочь, ожидая, что вот-вот с запредельно высоких сводов посыплются каменные обломки. Гул стоял по всему храму — высокие арки-стены словно встряхивались, исчезала паутина трещин, наложенная временем, новыми красками вспыхивали великолепные витражи…

И только Безымянный молча стоял посреди всего этого безумия, не делая попыток куда-то бежать и не выказывая страха. Верховный жрец был один из многих, кто понимал, ЧТО происходит. Что всего лишь вернулся тот, кто самими богами был изначально поставлен

mir-knigi.org

хранить этот мир и тварей, в нем живущих.

Узкие, длинные языки алтарного пламени словно в танце скользили по огромному храму, касаясь каждого из жрецов. Кто-то из людей вскрикивал от боли, кто-то молча садился на полу, а кто-то вдруг начинал радостно улыбаться, получив знак служителя Неба.

Один из лиловых лепестком мимолетно коснулся и лба Верховного. Старик ожидал чего угодно, но почувствовал только ласковое тепло. Отчего-то он знал, что над его переносицей теперь сияет лилово-золотой трилистник — знак Верховного жреца Отца-Небо. Боги одобрили его служение…

И только двоим в полутемной комнате ни до чего не было дела.

Сплетаясь в объятиях, они творили свою магию, только для них двоих. И впервые Рэни не только отдавал, но и брал полной мерой то, что столь щедро предлагал ему счастливый Эдмир.

Они оба просто любили друг друга… впервые так полно… так всеобъемлюще. Наплевав на то, что было в их прошлом. Нет, они ничего не забыли, ибо нельзя забывать такое, чтобы вновь не повторить старых ошибок. Но сумели понять и простить друг друга.

И даже не замечали, как чистым золотом горят на их запястьях проявившиеся татуировки — Знаки Истинных Супругов.

Наконец-то проявившиеся…

В тот миг их занимало иное. И рык Эдмира, что, выгибаясь …вдавливаясь… входил на полную длину, чтобы кончить так глубоко и бурно! И неконтролируемые ответные судороги Рэни. И тонкие пальцы Искры, что с силой впивались в словно бы закаменевшие плечи мужа… а потом юношу еще больше выгнуло всем телом. И его вымученный вскрик… судорожные спазмы вокруг тугой плоти Эдмира… и перламутровая струйка на поджавшемся животе Рэниари…

…Они оба упали на несчастный ковер, тяжело дыша и вжимаясь друг в друга как в последний раз. Ни говорить, ни думать они не могли, не в силах расцепить объятия. Все это придет чуть позже, когда схлынет сумасшествие обжигающей близости. Вот тогда они сумеют наконец-то окончательно все решить. Хотя что решать?..

Ведь главное уже решено.

Им еще предстояло многому научиться и многое понять… ко многому приспособиться и научиться прощать, уступая… Предстояло с дикой болью, до кровавых ран ломать собственную гордость и смирять гордыню…

Но все это лишь предстояло.

А сейчас двое влюбленных до безумия людей просто с упоением целовались, вжимаясь друг в друга влажными от пота и любовных соков телами.

Эпилог

Двадцать восемь лет спустя…

mir-knigi.org

…Смех раздался совершенно неожиданно.

Летний полдень наплывал на столицу сонной, жаркой ленью, но в кабинете было на удивление свежо и приятно глазу от легкого полумрака. Снаружи полупрозрачная тень от вьющегося хмеля, что густо заплел входную арку атриума, зыбко дрожала на нагретых солнцем мраморных плитах садовой террасы. И служила дополнительной защитой от слишком яркого света для хозяина уединенного кабинета.

«Просыпайся, любовь моя…я скоро буду…»

Тихий шепот Эда прокрался в сновидение, вырывая спящего из сладких грез.

Рэниари, вздрогнул, окончательно просыпаясь. Оказывается, его сморило прямо посреди активного просматривания писем. Он выпрямился в кресле, не обращая внимания на свиток, скатившийся на новомодный паркет. Прихотливые узоры из разноцветных кусочков дерева, которыми был выложен пол, радовали и взгляд и ноги. Да и само дерево оказалось намного теплее, чем прежние каменные плиты.

Подняв письмо, второй король сладко потянулся, сверкнув брачной татуировкой на запястье — все-таки не нужно было засиживаться допоздна с канцлером над новыми торговыми льготами. Как результат — опять не выспался.

Снова раздался смех и азартные выкрики молодежи.

Заинтересовавшись, Рэниари вышел из кабинета. Сквозь невысокую арку хорошо просматривался довольно большой и глубокий бассейн, выложенный разноцветной плиткой. По сути, это был целый каскад фонтанов, бассейнов и искусственных прудов, что, как и ставшие уже знаменитыми висячие сады Меайры, Эдмир специально устроил для любимого мужа. Большая часть этого богатства примыкала к личным покоям Рэниари. И попасть в них не мог ни один чужак. Только члены семьи и немногие приближенные.

Весело фыркнув, Рэни попытался разглядеть, что происходит за аркой, не особо высовываясь из-за плетей цветущего хмеля.

Снаружи, наплевав на жару, младшие теснили старшего к бассейну. Эрэндис отбрыкивался руками и ногами, но коварные близняшки не давали ему ни шанса ускользнуть. Вэролия висела на спине своего троюродного племянника, обхватив того руками и ногами, а Гвиур усиленно спихивал его в воду. Причем остальные активно помогали, прямо-таки горя желанием прополоскать наследника престола в прозрачной воде.

Рэниари невольно улыбнулся, щурясь от слишком яркого солнца. Ему нравилось наблюдать за играми младшего поколения. Сам слишком рано повзрослевший и лишенный многих радостей детства, Рэни делал все, что его сыновья, как и дети его родственников и друзей не пережили того, что в свое время пришлось пережить ему.

Долгое время лишенный права на второго ребенка (муж, напуганный его здоровьем, не позволял использовать кокон), Рэниари занимался воспитанием Эрэндиса. И только десять лет назад Эдмир решился-таки на второго ребенка, хотя сам Рэниари не раз уверял, что в состоянии его выносить. К счастью, вторые роды прошли на удивление удачно. И родившегося Ирэдина супруг безмерно обожал… готов был на руках таскать, в отличие от своего старшего ребенка. Нет, отношения между Верховным королем и его наследником со временем сгладились. Они оба уважали друг друга и поддерживали во всех начинаниях. Но если Эрэндис из кожи вон лез, чтобы стать для отца самым лучшим, самым достойным сыном, то сам Эдмир

так и не смог простить первенцу той боли, что он причинил своим рождением второму отцу. Что бы ни делал Рэниари, но эта трещина так навсегда и осталась между двумя дорогими для него людьми. Со временем она сгладилась, почти исчезла, но… все равно была.

Эдмир признавал таланты старшего сына, его ум и магическую силу, но относился довольно ровно. Хотя никогда не отказывал наследнику в помощи и совете. Эри рос умным мальчиком и быстро во всем разобрался. И в конце концов Рэниари вынужден был рассказать старшему сыну, почему у его первого отца несколько иное к нему отношение. Тем более, что разница стала особенно заметна, когда родился Ирэ. Младший был плодом настоящей любви. И, как и предсказывал Итарон, второй принц являлся полноценной Искрой.

…За аркой снова звонко засмеялись, раздался плеск и притворно возмущенный вопль Эрэндиса — он все-таки полетел в воду, подняв тучу брызг, впрочем, утянув за собой и Гвиура. Хитрая Вэро в последний миг успела отскочить и теперь бешеной белкой радостно скакала на бортике, не замечая, как оба юноши целеустремленно гребут к ней.

А Рэни невольно задумался.

Надо же! Опять этот сон… Что-то часто он стал ему сниться. До старости вроде как далеко — сорок шесть лет — самое начало молодости для полуэльфа. Только недавно совершеннолетие отпраздновал. А уж благодаря вернувшейся магии, им с Эдмиром пара тысячелетий вполне обеспечена.

Но двадцать восемь лет как один вздох…

Все-таки выглянув за арку, Рэниари увидел почти всю их дружную семейку, за исключением старших супругов, еще с утра утянувшихся в Совет. Зато в уголке дворика сидели Исса, Айрэ, Валиэль, Эстель и Сэри (Ло как всегда сопровождал Баррэта). Поглощая легкие закуски, они вполголоса болтали, изредка поглядывая на резвящуюся молодежь. Сегодня ожидалось возвращение из похода Верховного короля — потому-то вся семья и собралась в столичном дворце. Уже было получено сообщение, что армия на подходе. Эдмир возвращался, присоединив земли на далеком западе, занятые бесчисленным множеством полуразбойничьих княжеств, за территорией бывшего Мисирана. И возвращался по сложившейся традиции не телепортом, а пешим маршем, чтобы триумфально пройти по Дороге Королей к собственному дворцу, где его ждала семья.

Тогда, двадцать восемь лет назад клан погибшего Анэраса отказался признать проигрыш своего главы. И разразилась кровавая война. Тем более тяжелая, что Эдмиру пришлось на время отложить поход на запад, чтобы разобраться во внутренних делах Хилдона и обезопасить восточные границы от набегов кочевников. Слава пресветлым богам, что Эльмаран, воодушевленный надеждой на свадьбу с Иссой, сумел подчинить себе осиротевших ваоттирцев. И с их помощью, а так же силами многочисленного клана Коразз выстоял против словно бы обезумевших мисиранцев, что попытались вновь вторгнуться на чужую территорию.

Он выполнил условие Эдмира. И повел свою любимую к алтарному камню, основав новое герцогство Коразз, куда вошли территории бывшего Ваоттиро и часть приграничных земель Мисирана. Вон, будущий герцог Коразз-младший носится, пытаясь не выпустить Эрэндиса из бассейна, пока остальные вытаскивают Гвиура. Соро так похож на свою мать, бывшую принцессу, а ныне великую герцогиню Иссу Келлиадир-Коразз.

Те огненные годы Рэни помнил очень хорошо. Ему приходилось довольно часто оставаться в одиночестве, пока Эдмир мотался по приграничью. Даже вернувшаяся магия не могла с лету

решить всех проблем. Сначала следовало научиться правильно ее использовать, а не изображать из себя дикарей с дубинами там, где достаточно изящного взмаха веером. Вот уж поистине — сила есть, ума не надо… Правда силы этой оказалось не меряно. И Эдмир довольно быстро сумел доказать агрессивным соседям свое главенство во всех вопросах. Порой достаточно было простой демонстрации мощи Верховного короля. Но вот на Мисиране они споткнулись.

Горная страна, она имела множество возможностей для сопротивления. Даже уничтожение столицы буйного королевства — Атории — не заставило смириться тех, кто намеревался самолично править миром. Эдмир тогда выгнал всех жителей на равнину за крепостной стеной, разрешив взять лишь самое необходимое. И на их глазах превратил далеко не маленький город в озеро с кипящей лавой, уничтожив саму память о Анэрасе и его имперских амбициях.

Расчет был на то, что в преддверии надвигающейся зимы, выброшенные из домов горожане займутся личным выживанием, а не бунтами. Тем более, что всем им предложили переселиться в малонаселенные области Хилдона. В какой-то мере эта политика сработала. Вот только не с соратниками бывшего королевского клана. Именно они не пожелали смириться с потерей власти. Дело даже дошло до попытки нового похищения Рэниари. Но в этот раз она провалилась еще изначально. А разъяренный Эдмир буквально раскатал по камешку оставшиеся замки мятежником, тем самым подавив последние очаги сопротивления.

…Так, кажется, Эри решил поддаться для пущего веселья — уж с его-то воинской подготовкой раскидать всю эту мелюзгу — раз плюнуть. Слава богам, наследник не отличается той жестокой надменностью, какая была у его старшего отца. Люди уважают Первого принца…

Улыбнувшись, Рэни принялся разглядывать тех, кто сейчас веселился снаружи.

Вот Равилисса — старшая дочь Сэри. Платиновая блондинка с серьезными, темными как сама ночь бархатными глазами. И хотя девушке еще несколько лет до совершеннолетия, но ее уже осаждают кавалеры с предложениями руки и сердца. Ее младшая сестра Вэролия совсем не похожа на нее по характеру. Такой же сорванец, как и ее брат-близнец Гвиур.

Колизан Ротаоль-Сауналь — будущий граф Синих Камней и сын Лотэ — сидел вместе с Равилиссой и снисходительно посматривал на бесящихся младших. Но когда семнадцатилетний Гвиур попытался помешать вылезавшему из бассейна Эрэндису, то Колизан ловко перехватил младшего братишку, дав наследнику удрать от докучливых подростков. Рэниари всегда поражался готовности сына поддаваться этой шумной мелочи. Он даже Ирэдина вечно таскал на руках, пока тот был маленьким, несмотря на то, что малыш отнял у него внимание старшего отца, которого Эри всегда добивался.

Скрытый плетями хмеля, Рэниари смотрел, как его старший сын скрывается в противоположной арке.

Вот на площадку перед бассейном чинно вышел Марэт, утаскивая к отцу возмущенно ноющего младшего брата. Пятнадцатилетний Оссин не хотел идти к взрослым, но брат его все-таки увел. У четы Деззионов получились очень красивые дети — яркие и умные. Но в отличие от своих безбашенных отцов Марэт был слишком уж спокойным и обстоятельным парнем. Насколько Рэниари знал — у юного маркиза был только один любовник, которого он не собирался менять в ближайшем будущем. И этим любовником являлся сын Айрэ и Лорана — медноволосый и черноглазый красавец Фоторан Вэон-Лиссаэроу. Красивая будет пара со временем. Пока что по

молодости лет им рано думать о свадьбе.

А вон бежит старший сын Эстель и князя Ассариш-То-Рига. Младших детей тетушка на сей раз в княжестве, чему Рэниари был безмерно рад. Ибо целая толпа сорванцов всякий раз принималась так лихо громить далеко не маленький королевский дворец, что становилось страшно за его сохранность. Хотя их первенец Каллиз неплохой парень… хороший будет правитель после отца.

…Вернувшись в кабинет и аккуратно сложив бумаги, Рэниари вновь присел в кресло, невольно задумавшись. До церемонии встречи еще немало времени — будет возможность и переодеться, и перекусить.

Дааа… время неумолимо.

Сам не заметил, как дети подросли. Сколько же всего произошло… Он помнил все до мельчайших подробностей. Наивный, доверчивый мальчишка, он только чудом выжил, когда судьба и боги швырнули его в самый водоворот событий.

Эдмир…

Сколько раз они с ним ссорились, ругались, но все как-то несерьезно. И все их ссоры заканчивались бурным примирением в постели. И что самое интересное — старший муж всегда и во всем первым уступал ему. Сначала Рэниари безмерно бесило такое отношение. Пока он, повзрослев, вдруг не понял, что Эд просто безумно боится ему навредить… потерять… обидеть. И успокоился. Со временем они оба научились уступать друг другу. И как-то притерлись, окончательно слившись телами, душами и сердцами.

…Молодежь, наконец, угомонилась и отправилась переодеваться. Взрослые тоже покинули дворик. А в кабинет, тихо ступая, вошел Эрэндис и словно в детстве сел у ног второго отца, положив черноволосую голову ему на колени.

— Ами… мы думали, ты спишь. Опять с канцлером сидел допоздна?

Рэниари взъерошил прическу сына — его мальчик уже совсем большой…

— Ну, ты же знаешь — слишком много новых земель… Нужны новые законы, новые пошлины, новые налоги.

— Значит, я выбрал правильно, — вздохнул Эри, поднимая взлохмаченную голову с колен ами. — Папа… через год мое совершеннолетие… И я решил официально отказаться от титула наследного принца. Я читал дневник последней императрицы. Во главе государства должны стоять Искры. Именно они Хранители мира, дарованные нам самими богами. А я… Я сильный маг, неплохой воин, но не Искра. Ирэдин будет лучшим наследником, чем я. А я буду его охранять. К тому же… мне никогда не нравилась вся эту бумажная волокита. Я всегда старался изо всех сил соответствовать титулу наследника, но…

— Эри… это из-за отца? — Рэниари встревожено заглянул в лицо сына. — Он любит тебя…

— Не сомневаюсь. Но больше всего на свете он любит тебя и Ирэ, — перебил его Эрэндис. — Пап, ну что ты в самом-то деле? Я не просто уважаю отца — я преклоняюсь перед ним! И всегда буду любить его, но править я не хочу. Да и не смогу. Ты сам понимаешь — если Искра

mir-knigi.org

не взойдет на трон и не продолжить наш род, то уйдет в другой клан, как это некогда и случилось с эльфами. И тогда новый правитель, напоенный магическим могуществом, свергнет Келлиадиров. Нет, ами, я поклянусь в верности своему брату и полностью откажусь от всех прав на корону! К тому же… мне нравится Оссин. А если я останусь Первым принцем, то Совет может не одобрить наш с ним брак — ведь он не принесет никакой выгоды.

— Вот оно как? — Задумчиво проговорил Рэниари, глядя на сына. Нет, что Эри нравится младший сын Деззионов, он знал давно. Но не думал, что наследник добровольно откажется от власти. Но, видимо, так и в самом деле лучше.

— Ами, ты ведь отдашь мне Цитадель? — Спросил Эрэндис, поднимаясь на ноги. Он смотрел сверху вниз, высокий, сильный, такой же широкоплечий, как и его старший отец. И такой же сероглазый.

— Конечно, — серьезно кивнул Рэни. — Графство твое… вернее герцогство. Твой отец присоединил к Цитадели большой кус плодородной земли, и у тебя будет титул крон-герцога.

Эрэндис наклонился и осторожно поцеловал его в щеку.

— Спасибо, папа, — прошептал он, выпрямляясь с улыбкой на лице. — Ты у меня самый лучший ами на свете! Передай отцу, что я не поменяю своего решения. Наследным принцем будет Ирэдин.

И вышел.

А Рэниари почувствовал, как ему на глаза наворачиваются слезы. Его маленький мальчик действительно вырос. И теперь принял первое самостоятельное решение.

— Ваше величество, — вошедший слуга почтительно склонился перед королем. — Пора.

И Рэниари встал, направляясь в семейные покои.

…Через пару часов, одетый в церемониальное облачение властителя Хилдона, он стоял на ступенях дворца, ожидая возвращения супруга. Толпы людей что-то радостно кричали, махали руками, даже, кажется, плясали на Дворцовой площади и вдоль всей дороги Королей, на пути следования триумфальной армии. Но Рэниари традиционно окружало пустое пространство, за периметром гвардейцев и магов охраны. Много лет назад и Эдмир и Совет приняли решение, что Искру должны охранять особые телохранители, обработанные магически, чтобы не поддаваться очарованию второго короля. До этого такой обработке подвергались только личные слуги Рэниари. Но с того дня все окружение Искры защитили магически.

Второй король воспринял было в штыки решение Совета, лишавшее служивших ему силы воли. Но к его удивлению, люди толпами повалили во дворец, горя желанием послужить второму королю! Благодаря Итарону стала известна тайна Искр. И потому единственную Искру готовы были носить на руках, успев оценить все прелести вернувшейся магии. И теперь Рэниари повсюду сопровождала магическая охрана, преданная ему до глубины души. Сам молодой человек давно с этим смирился, не желая повторения прежних войн за его тело.

…Не обращая внимания на бесновавшийся вокруг народ, Рэниари, не отводил глаз от широкого проспекта, что виднелся сквозь широко открытые дворцовые врата. Войска уже появились вдалеке. Еще немного, и можно будет увидеть мужа. Сердце сладко заныло в предчувствии

того, кому было отдано раз и навсегда.

В небе танцевали эдэльримы, сплетаясь крыльями и хохолками. Но за всеобщим шумом курлыканья снежных фениксов не было слышно. Крылатые стражи теперь всегда и везде неусыпно сопровождали своего Хозяина, прикрывая его со всех сторон.

На широкой террасе, чуть ниже стоявшего на возвышении Рэниари, гордо восседал Черныш. У его лап взбудоражено крутились три черно-белых котенка ростом с крошечных пони и с несуразными, полностью не закрывающимися драконьими крылышками. Вот уж чего Рэни не ожидал от своего любимица, так это способности выносить и родить очаровательное хвостатое потомство. Но год назад маго-кот вдруг исчез, а потом неожиданно приземлился во дворцовом саду, неся в лапах великолепного снежного барса. Самца. Ошарашенный перелетом горный кот долго приходил в себя. А когда очухался, то мало не показалось никому. Но теперь барс жил в зверинце на особом положении, а Черныш совсем не по-кошачьи через шесть месяцев родил трех крупненьких котят — пятнистую девочку с серебристыми крыльями и двух черных мальчиков с крыльями белыми как первый снег. Как сообщил обалдевшему хозяину роженика Итарон — все три котенка способны принести потомство, как и их отец. И тоже являются магическими животными, полностью унаследовав природу Черныша. Так что теперь Рэниари был хозяином трех очаровательных полукотят-полудракошек, способных со временем вырасти в грозную силу.

…Гром литавров вырвал второго короля от созерцания пытавшихся выскочить в центр площади непоседливых котят. Несмотря на свой очаровательно-плюшевый вид, маго-коты были достаточно жуткими существами. И люди лишний раз старались не приближаться к Чернышу и его семейству. Лишь Эрэндис с Ирэдином сумели приструнить взбудораженных зрелищем зверят. А третьего сцапал за шиворот сам замученный сорванцами Черныш. Слава богам, сыновья для котят были непререкаемым авторитетом. Рэни был только рад — значит, у его мальчиков со временем будут такие же преданные друзья, как и у него самого.

…Котят, наконец-то, оттащили в сторону, а на дворцовую площадь вступил Эдмир во главе отборных войск. И тут же сияющие неподдельным счастьем глаза Верховного короля нашли яркую фигуру любимого мужа. Суровый, можно сказать даже жестокий правитель, Эдмир во всем, что касалось его второй половины, проявлял мягкость, нежность и терпение. Он обожал супруга до самозабвения и готов был сделать все, только бы Рэниари был счастлив.

Вот и сейчас Верховный король направил своего коня прямо к ступеням террасы, где и соскочил, бросив поводья подбежавшим оруженосцам. А потом под оглушающий рев толпы подхватил Рэниари на руки, закружив вокруг себя. Эд слишком хорошо знал, что супруг не любит подобной демонстрации на людях, но не смог удержаться — очень уж хотелось прикоснуться… окунуться в родной запах!..

— Люблю тебя! — Сказал он с самое ухо невольно покрасневшего Рэниари. Впрочем, таким же образом Эд мог орать в полный голос — все равно за общим шумом ничего не было слышно. Но муж понял… прочитал по губам. И с благодарностью прижался к нему, принимая жаркий поцелуй и даря в ответ свой.

— Я тоже… — пробормотал он. — Я тоже. Хорошо, что ты вернулся, любимый. Наконец-то война закончилась. И ты дома.

— Я дома, — Эдмир заглядывал в сияющие счастьем глаза Искры. — Ты прав — я дома! И я останусь здесь… рядом… чтобы создать, наконец, нашу с тобой Империю!